

Ответственный редактор
В. И. Малышев

*ВАРВАРЕ ПАВЛОВНЕ АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ
ПОСВЯЩАЮТ АВТОРЫ ЭТОТ ТОМ*

Глубокоуважаемая и дорогая Варвара Павловна!

История русской филологической науки за последние полвека неразрывно связана с Вашим именем и Вашими трудами. Сначала это были первые научные шаги талантливой студентки Киевского университета, затем статьи начинающего ученого и очень скоро — выдающиеся труды одного из крупнейших исследователей древнерусской литературы, русской и украинской демократической литературы XVII в., русского фольклора. Тематика и содержание Ваших многочисленных работ отличается научной целеустремленностью и внутренним единством. Вас более всего привлекала народная литература, стоящая на грани между письменностью и устным преданием. Идеология, культура и поэтическое наследие демократических слоев русского общества были и остаются основой Ваших научных интересов.

Особенно оригинальны и значительны Ваши многолетние исследования русской сатирической литературы XVII в., впервые объединившие весь круг этих литературных памятников, связавшие их с мировоззрением и классовым протестом городских низов против гнета церковных и светских феодалов. Большой вклад был сделан Вами в изучение поэтических стилей древней Руси, многовековых связей древнерусской литературы и фольклора. Среди этих работ выделяются новые по своему методу наблюдения над народно-поэтическими образами «Слова о полку Игореве» и «Задонщины», а также изучение литературных соотношений этих произведений.

Какие бы оригинальные или переводные литературные памятники древней Руси не попадали в круг Ваших научных интересов, будь то «Житие Алексея человека божия» или «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, древние апокрифические легенды или публицистические послания XVI—XVII вв., Вы всегда умеете ярко осветить их социальное значение и национальные особенности.

Свойственный Вашим исследованиям тонкий филологический анализ, скрупулезность обработки материала, изящество изложения и высокая эдиционная техника — все это отличает Вас, блестящего мастера своего дела, унаследовавшего и развившего лучшие традиции и навыки русского академического литературоведения.

В кратком приветствии, конечно, нет никакой возможности достаточно полно охарактеризовать Ваши научные труды. Нам хотелось

бы сейчас засвидетельствовать Вам свое глубокое уважение не только как выдающемуся исследователю древнерусской литературы, но в такой же мере как энтузиасту научного труда, ученому-патриоту.

Велики Ваши заслуги как организатора научной работы. Заведую в течение многих лет Сектором древнерусской литературы, Вы сумели воспитать немало талантливых молодых исследователей, возобновить и методологически перестроить издание «Трудов Отдела древнерусской литературы», собрав вокруг него большой коллектив ученых. Особенно большую роль играет Ваша неутомимая и самоотверженная редакционная работа, широко проявившаяся не только при издании «Трудов», но и при подготовке таких обширных коллективных начинаний, как посвященные древнерусской литературе томы «Истории русской литературы», выпуски серии «Литературные памятники», юбилейный сборник «Слово о полку Игореве», «Русское народное поэтическое творчество» и целого ряда других изданий.

Сердечно поздравляя Вас в день Вашего семидесятилетия и пятидесятилетия научной деятельности, желая Вам доброго здоровья и долгих лет такого же высокого творческого горения, мы просим Вас принять этот сборник наших работ как знак нашего неизменного уважения и искренней к Вам любви.

Участники сборника.

Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР
В. П. Адриановой-Перетц¹

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ²

- ЕВ — Етнографічний вісник. Друк. АН УРСР, Київ.
ЗІФВ — Записки Історично-філологічного відділу. Українська (или Всеукраїнська) Академія наук, Київ.
Україна — Україна. Науковий трьохмісячник (или двохмісячник) українознавства. Видав Українське наукове товариство в Києві, Київ.

1907

1. Приемы изучения переводных памятников. Пособие к лекциям по введению в изучение русской литературы. Киев, 1907, стр. 74—92. (Литогр.).
2. Филология, ее задачи и методы по Раулю и Воеск'ю. Пособие к лекциям по введению в изучение русской литературы. Киев, 1907, стр. 1—13. (Литогр.).

1908

3. Київський уривок псалтиру XIV віку. — Записки Українського наукового товариства в Києві. Київ, 1908, кн. II, стр. 95—104 и отд. оттиск.

1909

4. Евангелие Фомы в старинной украинской литературе. Из филологического семинария проф. В. Н. Перетц. — ИОРЯС. СПБ., т. XIV, 1909, кн. 2, стр. 1—47 и отд. оттиск.
5. К литературной истории Палеи. — Труды Киевской духовной академии. Киев, 1909, июль—август, стр. 377—415; сентябрь, стр. 134—157; 1910, февраль, стр. 254—267 и отд. оттиск.

1910

6. [Заметки к истории сборника «Звезда Пресветлая» и др.]. — В кн.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Полтаву и Екатеринослав 1—9 июня 1910 г. Киев, 1910, стр. 16—21, 70—71, 80—99.

¹ Список составлен Н. Ф. Дробленковой. Рецензии на труды В. П. Адриановой-Перетц помещены не полностью.

² Помимо сокращений, перечень которых приложен в конце тома.

1911

7. [Два сборника слов и поучений украинского письма, из собрания Волынского древлехранилища и другие материалы]. — В кн.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир 21—26 октября 1910 г. Киев, 1911, стр. 99—110.
8. К истории текста «Аристотелевых врат». Из филологического семинария проф. В. Н. Перетца. — Русский филологический вестник. Варшава, 1911, т. LXVI, № 3—4, стр. 1—14 и отд. оттиск.

1912

9. [«Аристотелевы врата» в списке Археографической комиссии]. — В кн.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 13—28 февраля 1911 года. Киев, 1912, стр. 51—52.
10. Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв. [СПб.], 1912, IV (ПДПИ, т. CLXXVIII). 162 стр.

Рец.:

Перетц В. Н. — ЖМНП. СПб., 1912, июнь, ч. XXXIX, стр. 342—356.

1913

- 11 [Неизданные списки «Хождений» в Палестину. Учительные евангелия собрания Титова]. — В кн.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 23 февраля—3 марта 1913. Киев, 1913, стр. 45—50.

1914

12. Матеріяли Архива імператорського Російського географічного товариства з українознавства. — Україна, 1914, кн. четверта, стр. 70—78.
13. Хождение Арсения Селунского. Из филологического семинария проф. В. Н. Перетца. — ИОРЯС. СПб., т. XVIII (за 1913), 1914, кн. 3, стр. 195—224 и отд. оттиск.

Рец.:

Перетц В. Н. — Украина, 1914, кн. друга, стр. 92—93.

Шляпкин И. А. Хождение Арсения Селунского. (Заметки к статье В. П. Адриановой). — ИОРЯС. СПб., т. XIX, 1914, кн. 1, стр. 1—6 и отд. оттиск.

14. [«Хождение» Даниила в украинской литературе. «Хождение» Варлаама Леницкого. Вирши из пиитики 1735 г.]. — В кн.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Нежин 18—20 февраля 1914 года. Киев, 1914, стр. 8—9, 49—52.

1915

15. К истории легенды о странствующем жиде в старинной русской литературе. — ИОРЯС. Пгр., т. XX, 1915, кн. 3, стр. 217—232 и отд. оттиск.
16. Научные издания Высших женских курсов. — ЖМНП. Пгр., 1915, сентябрь, ч. LIX, стр. 1—41 (Современная летопись).
17. [Реферат доклада «К истории легенды об Агасфере в старинной русской литературе». Переделка XVII в. «Хождения» Даниила. Рассказ инока Софрония 1547 г.]. — В кн.: В. Н. Перетц. Отчет об

экскурсии семинария русской филологии в Петроград 30 января—7 февраля 1915 года. Киев, 1915, стр. 3—4, 19—23.

18. *Рец.*: Пелгримация Ипполита Вишенского в новом издании Православного Палестинского общества. (Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707—1709 гг.). Издано под ред. С. П. Розанова.—Православный Палестинский сборник. СПб., 1914, в. 61, стр. LIV—190). — ЖМНП. Пгр., 1915, май, ч. LVII, стр. 179—210 (Критика и библиография) и отд. оттиск.

1916

19. Библиотека Киево-Выдубицкого монастыря. — В кн.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая—10 июня 1915 года. Киев, 1916, стр. 182—221.

Описание рукописей и старопечатных книг, совместно с членами семинария русской филологии. Рукописи №№ 7, 10, 17—18. Старопечатные книги №№ 3, 9, 10, 14, 16, 26, 31, 35, 45, 50, 51, 53—55, 57, 65, 68—72, 74, 78, 81, 84, 89, 91, 92, 95—97, 99—106, 108—111, 116, 117, 119—121, 124, 125, 131, 135—137, 142, 144, 147, 149, 151, 153—155.

1917

20. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пгр., 1917. VII, 518 стр., 1 табл.

Рец.:

Перетц В. Н. — ИОРЯС. Пгр., т. XXVI (1921), 1923, стр. 251—270.
Петров Д. К. — ИОРЯС. Пгр., т. XXIV (1919), 1922, кн. 1, стр. 307—320.
Петровский Н. М. — ИОРЯС. Пгр., т. XXIII (1918), 1921, кн. 2, стр. 251—268.

1922

21. Из истории русской агнографии XVI века. — Сб. «Sertum Bibliologium» в честь президента Русского библиологического общества А. И. Малеина. Госиздат, Пб., 1922, стр. 146—154.

1923

22. Заметка по поводу рецензии Н. М. Петровского. — ИОРЯС. Пгр., т. XXIV (1919), 1923, кн. 2, стр. 359—361.
23. Из истории театра в Твери в XVIII в. — В кн.: Старинный театр в России XVII—XVIII вв. Сборник статей под ред. В. Н. Перетца. Труды Российского института истории искусств. Изд. «Academia», Пб., 1923, стр. 93—142.
24. Из начального периода русского стихосложения. (По поводу статьи Н. П. Попова «К вопросу о первоначальном появлении вирш в северо-русской письменности». — ИОРЯС, 1917, кн. 2). — ИОРЯС. Пгр., т. XXVI (1921), 1923, стр. 271—276 и отд. оттиск.

1924

25. Хожение в Иерусалим и Египет Василия Гагары. — Сборник Российской Публичной библиотеки, т. II. Материалы и исследования. Изд. Брокгауз и Ефрон, Пгр., 1924, в. 1, стр. 230—247.

1925

26. Сцена та костюм в українському театрі XVII—XVIII вв. — Україна, 1925, кн. 3, стр. 88—107.

1926

27. Данило Корсунський — паломник XVI-го віку. — ЗІФВ, 1926, кн. IX, стр. 60—77.
 28. Полтавські прислів'я в записах 1850-х років. — ЕВ, 1926, кн. 3, стр. 148—153.

1927

29. З діяльності єзуїтів на Україні і Білорусі на прикінці XVI ст. за новими документами. — Україна, 1927, кн. 3, стр. 3—9.

1928

30. Библиография русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв. — В кн.: Старинный спектакль в России. Сборник статей. Под ред. В. Н. Всеволодского-Гернгросс. Изд. «Academia», Л., 1928 (Русский театр. Непериодическая серия. Гос. институт истории искусств), стр. 184—197.
 31. До історії пародії на Україні в XVIII віці («Служба пиворѣзамъ» 1740 року). — ЗІФВ, 1928, кн. XVIII, стр. 35—49.
 32. Стара українська етимологія слова «горілка». — Ювілейний збірник на пошану академіка Михайла Сергієвича Грушевського. Частина історично-літературна. V. Філологія. Київ, 1928 (Українська АН), стр. 689—693.
 33. Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII ст. — В кн.: Старинный спектакль в России. Сборник статей. Под ред. В. Н. Всеволодского-Гернгросс. Изд. «Academia», Л., 1928 (Русский театр. Непериодическая серия. Гос. институт истории искусств), стр. 7—63.
 34. Юмористические лечебники. — В кн.: СОРЯС. Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Изд. АН СССР, Л., 1928, т. CI, № 3, стр. 1—4 и отд. оттиск.

1929

35. Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века. — ИОРЯС. Изд. АН СССР, Л., 1929, т. II, кн. 2, стр. 377—400.

1932

36. Казки про лисицю-сповідницю. — ЕВ, 1932, кн. 10, стр. 27—45.
 37. Рец.: Издания «Комісії Українського письменства доби феудалізму» Всеукраїнської Академії наук. — Труды Института славяноведения АН СССР. Изд. АН СССР, Л., 1932, т. 1, стр. 502—507.

Разбор книг: 1) С. Бугославський. Україно-Руські пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса и Гліба. — Пам'ятки мови та письменства давньої України, т. I. Київ, 1928. XXXIII, 206 стр.; 2) Н. Кистяківська.

Твори Івана Некрашевича, українського письменника XVIII в. Розвідка і тексти. — Пам'ятки мови та письменства давньої України, т. II. Сатиричне та побутове письменство XVIII в., вип. I. Київ, 1929. XXXIV, 35 стр.; 3) С. Гаєвський. «Александрія» в давній українській літературі. Вступ і тексти. — Пам'ятки мови та письменства давньої України, т. III. Давня українська повість, частина I. Київ, 1929. XIV, 233 стр.; 4) Д. Абрамович. Київ і Печерський патерик. — Пам'ятки мови та письменства давньої України, т. IV. Київ, 1931. XXVI, 235 стр.; 5) Т. П. Сушицький. Західно-руські літописи як пам'ятки літератури. — Праці Комісії Українського письменства даби феодалізму, т. I, 1929. IX, 136, 137, 404 стр.

1934

38. Die Veröffentlichungen der «Kommission für altes Schrifttum» an der Ukrainischen Akademie der Wissenschaften in Kiev. — Zeitschrift für Slavische Philologie. Leipzig. 1934, Band XI, H. 1/2, стр. 172—176.
39. К истории русской пословицы. — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Изд. АН СССР, Л., 1934 (АН СССР, ИРЛИ), стр. 59—65.
40. «Праздник кабацких ярыжек». Пародия-сатира второй половины XVII века. — ТОДРА, т. I. Л., 1934, стр. 171—247 и отд. оттиск, 77 стр.

1935

41. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. — ТОДРА, т. II. М.—Л., 1935, стр. 215—282.
I. Повесть о куре и лисице. II. Повесть о попе Савве.

1936

42. М. В. Ломоносов. — Резец. Л., 1936, № 22 (ноябрь), стр. 23—24.
43. Образцы общественно-политической пародии XVIII—начала XIX в. — ТОДРА, т. III. М.—Л., стр. 335—366.
44. Очерки из истории русской сатирической литературы XVII в. — ТОДРА, т. III. М.—Л., 1936, стр. 153—193.
III. Азбука о голом и небогатом человеке. IV. «Калязинская челобитная».
45. «Праздник кабацких ярыжек». Пародия-сатира второй половины XVII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936. 84 стр.

1937

46. Древняя сатирическая литература. — Книжные новости, Когиз, 1937, № 4 (28 февраля), стр. 44—45.
47. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937 (АН СССР, ИРЛИ, ТОДРА). 261 стр.
Рец.:
Гудзий Н. К. — Литературное обозрение, 1937, № 22 (25 ноября), стр. 52—53.
Отзыв:
Бакланова Н. А. О датировке «Повести о Ерше-Ершовиче». — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 310—314, 322—325.

1938

48. Жемчужина русской поэзии. — Советское искусство, 1938, № 68 (26 мая), стр. 2.
О «Слове о полку Игореве».

1940

49. Древнерусская повесть, в. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940 (Библиография истории древнерусской литературы. АН СССР. ИРЛИ). 326 стр.

В соавторстве с В. Ф. Покровской.

Рец.:

Гудзий Н. К. — Литературное обозрение, 1941, № 7 (10 апреля), стр. 62—65.

Отзыв:

Назаревский А. А. О библиографии древнерусской повести. — В кн.: Библиография древнерусской повести. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 6—19.

50. Из сатирической литературы XVIII в. Сатира на Феодосия Яновского. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 199—206.

51. Новые материалы по истории русского школьного театра XVIII в. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 207—222.

I. Троицкий диалог. II. К истории школьного театра в Астрахани.

52. «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940 (Библиография истории древнерусской литературы. АН СССР. ИРЛИ). 110 стр.

Рец.:

Гудзий Н. К. — Литературное обозрение, 1941, № 7 (10 апреля), стр. 61—62.

1941

53. История русской литературы, том. I. Литература XI—начала XIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941 (АН СССР. ИРЛИ). 404 стр.

Переводная литература XI—начала XIII в.: библейские сказания, апокрифы, сборники морально-философских изречений, христианская гимнография (стр. 60—86, 170—182). Русская литература XI—начала XIII в.: Повесть временных лет (стр. 257—258, 261—267, 270—279, 284—288); Областные летописные своды XI—начала XIII в. (стр. 301—314); Жития (стр. 337—338); Путешествия (стр. 365—374).

54. История русской литературы. Учебник для вузов. Под ред. В. А. Десницкого (гл. ред.), Б. С. Мейлаха, Л. А. Плоткина. Т. I, ч. 1. Русская литература XI—XVII вв. Под ред. акад. А. С. Орлова и проф. В. П. Адриановой-Перетц. Учпедгиз, М., 1941. 319 стр.

Введение (стр. 7—13); Переводная литература Киевского государства (стр. 14—30); Русская литература XI—первой четверти XIII в. (стр. 31—81); Литература периода первой крестьянской войны и борьбы с польско-шведской интервенцией (стр. 225—242); Литература второй половины XVII в. (стр. 253—264, 289—307, 313—315).

55. *Ред.:* История русской литературы. Том I. Литература XI—начала XIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941 (АН СССР. ИРЛИ). 404 стр.

Совместно с акад. А. С. Орловым и проф. Н. К. Гудзием.

Рец.:

Горнунг Б. Великое наследство. История русской литературы. — Октябрь, 1941, № 9—10, стр. 191—192.

56. *Ред.*: История русской литературы. Учебник для вузов. Под ред. проф. В. А. Десницкого (гл. ред.), Б. С. Мейлаха, Л. А. Плоткина. Т. I, ч. 1. Русская литература XI—XVII вв. М., Учпедгиз, 1941. 319 стр.
Совместно с акад. А. С. Орловым.

1945

57. История русской литературы. Т. II, ч. 1. Литература 1220—1580-х годов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945 (АН СССР. ИРЛИ). 531 стр.

Областные литературы периода феодальной раздробленности: Литература Пскова XIII—XIV вв. (стр. 128—132, 134—142); Переводная литература северо-восточной Руси XIII—XIV вв.: апокрифы (стр. 148—152). Литературы времени объединения северо-восточной Руси: Литература Московского княжества конца XIV и XV вв. (Путешествия XIV—XV вв.; стр. 225—234). Литература времени образования национального Русского государства: Переводная литература конца XV—начала XVI в.: «Аристотелевы врата», Луцидариус, «летучие листки», «Прение живота и смерти», «Троянская история» (стр. 286—290, 292—298); Московская публицистика конца XV—первой половины XVI в. (стр. 322—325); Литература Пскова второй половины XV—первой половины XVI в. (стр. 390—411). Литература времени образования многонационального Русского государства: Московское летописание XVI в. (стр. 447—459); Публицистика XVI в. (стр. 494—496); Путешествия XVI в. (стр. 511—515); Литература Пскова второй половины XVI в. (Летопись и жития; стр. 521—522).

58. Литературоведение русского средневековья. — ИЮЛЯ. М., 1945, т. IV, в. 6, стр. 245—250.

Совместно с А. С. Орловым.

59. Член-корреспондент Академии наук СССР С. Д. Балухатый. (Некролог). — ИЮЛЯ. М., 1945, т. IV, в. 5, стр. 206—208.

60. *Ред.*: История русской литературы. Т. II, ч. 1. Литература 1220—1580-х годов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945 (АН СССР. ИРЛИ). 531 стр.

Совместно с акад. А. С. Орловым и действ. чл. АН УССР Н. К. Гудзием.

Рец.:

Кузьмина В. Д. — Советская книга, 1947, № 2, стр. 108.

Отзыв:

Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 год. М.—Л., Изд. АН СССР, 1945 (ОЛЯ). 32 стр.

На стр. 8—9 реферат кн.: История русской литературы. Т. II, ч. 1. Литература 1220—1580-х годов. Под ред. акад. А. С. Орлова, чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, действ. чл. АН УССР Н. К. Гудзием.

1946

61. Академик Александр Сергеевич Орлов. (К 75-летию со дня рождения). — Вестник АН СССР, 1946, № 4, стр. 51—55.

62. *Рец.*: [А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». 2-е доп. изд. М.—Л., Изд. АН СССР, 1946. 213 стр.]. — Вестник АН СССР, 1946, № 7, стр. 115—117.

63. *Рец.*: [Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 3, перераб., Учпедгиз, М., 1945. 512 стр.]. — Советская книга, 1946, № 8—9, стр. 129—132.

1947

64. Академик А. С. Орлов. (Некролог). — ИЮЛЯ. М., 1947, т. VI, в. 3, стр. 247—251.

65. «Задонщина». (К вопросу о реконструкции авторского текста). — ИЮЛЯ. М., 1947, т. VI, в. 2, стр. 95—100.
66. «Задонщина». Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 194—224.

Рец.:

Путилов Б. Н. — Советская книга, 1949, № 9, стр. 101—102.
Mazon André. La campagne d'outre—Don de 1380. — Journal des savants. Paris, 1948, janvier—juin, стр. 23—25.

67. Очерки поэтического стиля древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947 (Научно-популярная серия). 188 стр.

Рец.:

Кусков В. В. — Советская книга, 1948, № 7, стр. 91—93.

68. «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского». — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 73—96.

Рец.:

Путилов Б. Н. — Советская книга, 1949, № 9, стр. 104—105.

69. «Слово о полку Ігоревім» і «Задонщина». — Радянське літературознавство. Інститут української літератури ім. Т. Г. Шевченка. Вид. АН УРСР, Київ, 1947, № 7—8, стр. 135—186.

70. Старообрядческая литература XVIII века. — В кн.: История русской литературы. Т. IV. Литература XVIII века, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947 (АН СССР. ИРЛИ), стр. 85—99.

71. *Рец.:* [А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов. Под ред. акад. С. П. Обнорского. — Труды Комиссии по истории АН СССР, в. 3. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947]. — Вестник АН СССР, 1947, № 8, стр. 147—150.

72. [А. С. Орлов. Владимир Мономах. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946. 190 стр.]. — Вестник АН СССР, 1947, № 4, стр. 115—117.

73. [Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947]. — Звезда. Л., 1947, № 12, стр. 209—211.

74. *Ред.:* ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, 309 стр.

1948

75. Академик Александр Сергеевич Орлов (1871—1947). — В кн.: Академик А. С. Орлов. Язык русских писателей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948 (Научно-популярная серия), стр. 5—34.

76. «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 201—255 и отд. оттиск.

Рец.:

Путилов Б. Н. — Советская книга, 1949, № 9, стр. 101—102.

77. Основные задачи изучения древнерусской литературы в исследованиях 1917—1947 гг. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 5—14.

Рец.:

Путилов Б. Н. — Советская книга, 1949, № 9, стр. 107.

78. История русской литературы. Т. II, ч. 2. Литература 1590—1690-х годов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948 (АН СССР. ИРЛИ). 440 стр.

Литература 1590—1630-х годов: Введение (стр. 7—11, 14—21); «Смутное время» в изображении литературных памятников 1612—1630 гг. (стр. 65—68); Русские обработки западных и восточных повестей и переводы (стр. 109—112), Путешествия первой половины XVII в. (стр. 118—

126). Литература кануна реформы (1640—1690 гг.): Введение (стр. 129—145, 150—157); Сатирическая литература (стр. 187—206); Исторические повести и песни второй половины XVII в. (стр. 282—286); Старообрядческая литература (стр. 333—335); Переводные западные повести (стр. 374—414); Переводы с новогреческого языка (стр. 415—427); Заключение (стр. 428—439).

79. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948 (сер. «Литературные памятники»). 229 стр.

Афанасий Никитин — путешественник-писатель (стр. 107—130); После-
словие (совместно с Б. Д. Грековым; стр. 77—79).

Рец.:

- Андреев А. И. — Вестник АН СССР, 1949, № 6, стр. 150—151.
Гольдберг Н. М., А. Н. Мальцев, А. М. Осипов. — Советская книга, 1949, № 3, стр. 66—70.
Зимин А. А. — Вопросы истории, 1949, № 7, стр. 140, 143.
Мурзаев Э. — Известия Всесоюзного географического общества. Изд. АН СССР, 1949, т. 81, в. 2. (март—апрель), стр. 263—265.
Нульман А. Замечательный русский путешественник. — Уральский рабочий, 1949, № 218 (15 сентября), стр. 3.
Тихомиров М. Н. Памятник русской культуры. — Новый мир, М., 1949, № 5, стр. 300.

80. Юмористические куранты. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, Кафедра русской литературы, т. 67. Л., 1948, стр. 48—56.

81. *Ред.:* История русской литературы. Т. II, ч. 2. Литература 1590—1690-х годов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948 (АН СССР. ИРЛИ). 440 стр.

Совместно с акад. А. С. Орловым и действ. чл. АН УССР
Н. К. Гудзием.

Отзывы:

Рефераты научно-исследовательских работ за 1946 г. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947 (ОЛЯ), стр. 17—18.

82. *Ред.:* ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, 415 стр.

Совместно с проф. И. П. Ереминым.

83. *Ред.:* «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948 (сер. «Литературные памятники»). 229 стр.

Совместно с акад. Б. Д. Грековым.

84. *Ред.:* Академик А. С. Орлов. Язык русских писателей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948 (Научно-популярная серия). 191 стр.

1949

85. Воинские повести древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949 (сер. «Литературные памятники»). 358 стр.

Послесловие (стр. 115—118).

86. Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы). — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 5—16.

Рец.:

Державина О. А. — Советская книга, 1950, № 6, стр. 112, 114—117.

87. Слово о Куликовской битве Софония рязанца («Задонщина»). — В кн.: Воинские повести древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949 (сер.

«Литературные памятники»), стр. 33—41, 143—165, 255—258, 269—272, 296—305.

Исследование, текст, комментарии (археографический, географический, исторический).

Рец.:

Базилевич К. Древние повести о воинской славе. — Новый мир, 1950, № 5, стр. 261—262.

Гудзий Н. К. — Советская книга, 1950, № 3, стр. 109—112.

88. *Ред.:* Воинские повести древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949 (сер. «Литературные памятники»). 358 стр.
89. *Ред.:* «Слово о полку Игореве», изд. 2. Изд. «Советский писатель», Л., 1949 (Библиотека поэта. Малая серия). 208 стр.
90. *Ред.:* ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949. 487 стр.

1950

91. «Слово о полку Игореве» и русская народная поэзия. — ИЮЛЯ. М.—Л., 1950, т. IX, в. 6, стр. 409—418.
92. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»), стр. 291—319.

Рец.:

Будовниц И. У. — Вопросы истории, 1951, № 5, стр. 112.

Головенченко Ф. М. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный и библиографический очерк. Изд. Моск. гос. пед. инст. им. В. И. Ленина, 1955 (Ученые записки, т. LXXXII, Кафедра русской литературы, в. 6), стр. 419.

Гудзий Н. К. Юбилейное издание «Слова о полку Игореве». — Советская книга, 1950, № 12, стр. 101—102.

Кузьмина В. Д. — ИЮЛЯ. М.—Л., 1950, т. IX, в. 6, стр. 500—501.

Моисеева Г. Величайший памятник русской поэзии. — Вечерний Ленинград, 1951, № 5 (8 января), стр. 3.

93. «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (АН СССР. ИРЛИ). 479 стр.

Предисловие (стр. 3—4).

Рец.:

Будовниц И. У. — Вопросы истории, 1951, № 5, стр. 111.

Робинсон А. Н. — Советская книга, 1951, № 7, стр. 105.

94. *Рец.:* [А. А. Кайев. Русская литература. Учебник для учительских институтов. Часть 1. Фольклор. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Учпедгиз, М., 1949. 504 стр.]. — Советская книга, 1950, № 9, стр. 100—104.
95. *Ред.:* Былины. Изд. второе. Изд. «Советский писатель», Л., 1950 (Библиотека поэта. Малая серия). 320 стр.
96. *Ред.:* Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (Научно-популярная серия). 164 стр.
97. *Ред.:* Повесть временных лет. Часть 1. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»). 405 стр.
98. *Ред.:* Повесть временных лет. Часть 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»). 554 стр.

Рец.:

Попов А. И. «Повесть временных лет» в новом издании Академии Наук СССР (1950 г.). — Вестник Ленинградского университета, Л., 1951, № 5, стр. 129, 137.

99. *Ред.:* «Слово о полку Игореве». Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»). VIII, 46, 483 стр.

100. *Ред.:* «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (АН СССР. ИРЛИ). 479 стр.

Рец.:

Робинсон А. Н. — Советская книга, 1951, № 7, стр. 110.

1951

101. Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и комментарий О. А. Державиной. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (сер. «Литературные памятники»). 512 стр.

Послесловие (стр. 349—350).

102. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 95—137.

103. *Рец.:* История культуры древней Руси [История культуры древней Руси. Домонгольский период. Т. I—II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951]. — Литературная газета, 1951, № 125 (20 октября), стр. 2.

104. *Рец.:* У истоков русской литературы. [Д. С. Лихачев. Литература. — В кн.: История культуры древней Руси. Домонгольский период. Т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 163—215]. — Вечерний Ленинград, 1952, № 65 (17 марта), стр. 3.

105. *Ред.:* Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и комментарий О. А. Державиной. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (сер. «Литературные памятники»). 512 стр.

106. *Ред.:* Былины Севера, т. 2. Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. М.—Л., Изд. АН СССР, 1951 (Материалы рукописного хранилища Сектора фольклора. АН СССР. ИРЛИ). 847 стр.

107. *Ред.:* Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарий Я. С. Лурье. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (сер. «Литературные памятники»). 715 стр.

108. *Ред.:* ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951. 434 стр.

1952

109. *Ред.:* Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952 (АН СССР. ИРЛИ). 240 стр.

1953

110. Исторические повести XVII века и устное народное творчество. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 67—96.

111. Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953 (АН СССР. ИРЛИ). 540 стр.

Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII в. (стр. 348—359, 416—477); Заключение (стр. 529—538).

Рец.:

Чичеров В. И. — ИЮЛЯ. М., 1954, т. XIII, в. 3, стр. 293—294 (294, 296).

112. *Ред.*: Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953 (АН СССР. ИРЛИ). 540 стр.
113. *Ред.*: «Слово о полку Игореве», изд. 3. Изд. «Советский писатель», Л., 1953 (Библиотека поэта. Малая серия). 279 стр.
114. *Ред.*: ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953. 480 стр.

1954

115. Вопросы изучения древнерусской литературы. (Совещание в Институте русской литературы Академии наук СССР). — Вестник АН СССР, 1954, № 8, стр. 99—101.
116. Крестьянская тема в литературе XVI века. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 200—211.
117. Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статьи и комментарии члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954 (сер. «Литературные памятники»). 292 стр.
118. У истоков русской сатиры. — ИЮЛЯ. М., 1954, т. XIII, в. 1, стр. 37—47.
119. *Ред.*: Казанская история. Подготовка текстов, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954 (АН СССР. ИРЛИ). 194 стр.
120. *Ред.*: ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954. 507 стр.

1955

121. Древняя русская литература (11—17 вв.). — В кн.: Большая советская энциклопедия, 2-е изд., 1955, т. 37, стр. 156—157.
122. *Ред.*: Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. Изд. 2, доп. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955 (Научно-популярная серия). 152 стр.
123. *Ред.*: Русская сатирическая сказка в записях середины XIX—начала XX века. Подготовка текстов, статья и комментарии Д. М. Молдавского. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955 (сер. «Литературные памятники»). 286 стр.
124. *Ред.*: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955. 543 стр.

Член главной редакции.

1956

125. Древнерусская литература. — В кн.: 50 лет Пушкинского Дома (1905—1955). Изд. АН СССР, М.—Л., 1956 (АН СССР. ИРЛИ), стр. 79—100.
126. К вопросу о начальном периоде формирования национальной русской литературы. — Сборник статей. Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Изд. АН СССР, М., 1956 (АН СССР. ОЛЯ), стр. 19—24.

127. *Рец.*: Искусство древней Москвы. [История русского искусства. Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева. Т. III. Изд. АН СССР, М., 1955. 746 стр.]. — Советская культура, 1956, № 87 (26 июля), стр. 3.

Совместно с Д. С. Лихачевым.

128. *Рец.*: [К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955]. — ИЮЛЯ, М., 1956, т. XV, в. 3, стр. 265—268.
129. *Ред.*: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. XVIII век. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956 (АН СССР, Библиотека). 484 стр.

Авторы: М. Н. Мурзанова, Е. И. Боброва и В. А. Петров.

130. *Ред.*: В. И. Малышев. Повесть о Сухане. (Из истории русской повести XVII в.). Изд. АН СССР, М.—Л., 1956. 223 стр.
131. *Ред.*: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2. Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX—начала XX века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956. 515 стр.

Член главной редакции.

1957

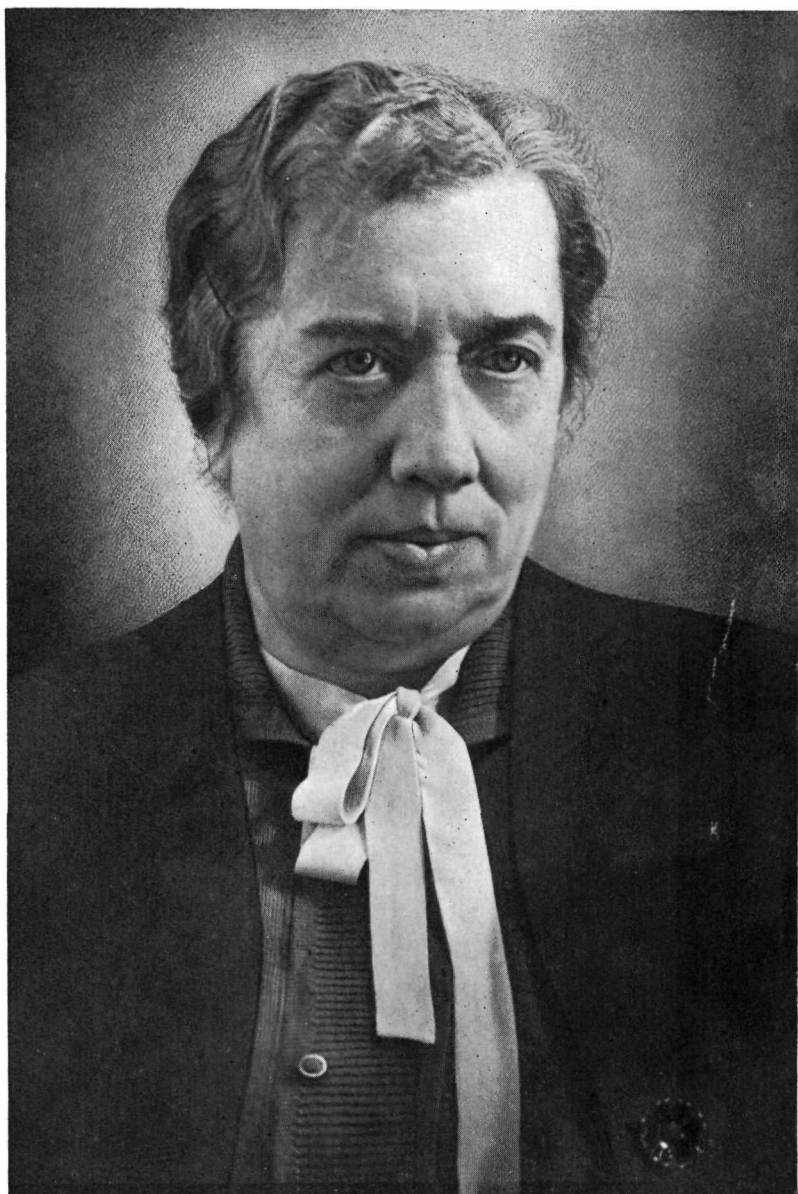
132. Афанасий Никитин — путешественник-писатель. — В кн. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Изд. АН СССР (сер. «Литературные памятники»). (Печатается).
133. Из истории текста антиклерикальных сатир. («Сказание о бражнике» и «Сказание о попе Саве»). — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 497—500.
134. Из истории сатирико-юмористической рукописной украинской литературы XVII—XVIII вв. — Радянське літературознавство. Київ. 1957, № 4, стр. 81—83 (на укр. яз.).
135. Изображение «внутреннего человека» в дидактической литературе XI—начала XIV вв. — Сборник, посвященный чл.-корр. АН СССР Н. К. Пиксанову к 80-летию со дня рождения. (Печатается).
136. Изучение древнерусской литературы. (Совещание в Институте русской литературы). — Вестник АН СССР, 1957, № 7, стр. 110—112.
137. История русской литературы в 3 томах, т. I. Изд. АН СССР. (Печатается).

Литература в годы крестьянской войны и борьбы русского народа за национальную независимость (1580—1610-е годы); Литература периода ликвидации последствий интервенции и укрепления государственной власти (1620—1640-е годы); Демократическая литература второй половины XVII в.

138. Пословицы и поговорки. — В кн.: Избранные пословицы и поговорки русского народа. Составители: Н. П. Колпакова, М. Я. Мельц, Г. Г. Шаповалова. М., Гослитиздат, 1957, стр. 5—23 (ИРЛ).
139. Фольклорные сюжеты в стихотворных жартах XVIII в. — Сборник, посвященный проф. В. А. Десницкому к 80-летию со дня рождения. (Печатается).
140. *Ред.*: Исторический очерк и обзор фондов БАН, в. 2. XVIII в.
141. *Ред.*: И. М. Кудрявцев. «Артаксерксово действо». Изд. АН СССР, М.—Л., 1957. 343 стр.
142. *Ред.*: «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957 (сер. «Литературные памятники»). (Печатается).

Литература о научной деятельности В. П. Адриановой-Перетц

1. Берков П. Н. Крупнейший знаток литературы. Юбилей В. П. Адриановой-Перетц.— Вечерний Ленинград, 1948, № 110 (12 мая), стр. 3.
 2. Лихачев Д. Юбилей члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц.— ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 407—409.
 3. Чествование члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц.— ИЮЛЯ. 1948, т. VII, в. 4, стр. 359—360.
-

Чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц.

И. П. ЕРЕМИН

Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР

В. П. Адриановой-Перетц

Осенью 1907 г. в Киеве по инициативе профессора В. Н. Перетца возник на правах неофициального научного общества кружок лиц, интересующихся изучением древнерусской литературы, — Семинарий русской филологии. В состав этого вольного объединения филологов входили не только студенты и лица, оставленные при университете для подготовки к научной деятельности, но и некоторые университетские профессора и доценты. В 1914 г. профессор В. Н. Перетц был избран ординарным академиком Академии наук по Отделению русского языка и словесности и переехал в Петербург.

Семинарий русской филологии, однако, не прекратил своей работы; с некоторыми перерывами он просуществовал вплоть до 30-х годов на базе Петербургского—Ленинградского университета.

Значение в истории нашей науки этого семинария трудно переоценить. В нем под руководством акад. В. Н. Перетца серьезную филологическую школу получили многие специалисты по русской литературе, древней и новой; некоторые из них позже завоевали себе почетное место в советской науке (С. Д. Балухатый, С. А. Бугославский, Н. К. Гудзий, С. И. Маслов, С. А. Щеглова и др.).

Научная деятельность В. П. Адриановой-Перетц в течение ряда лет была тесно связана с Семинарием русской филологии. Она активно сотрудничала в нем с момента его основания; ее докладом на тему «Филология и ее методы» Семинарий (10 октября 1907 г.) и начал свою работу.

Первой научной проблемой, систематическому изучению которой В. П. Адрианова-Перетц отдала немало сил, была проблема так называемой «литературной истории» памятников литературы древней Руси.

Текст древнерусских литературных произведений, как известно, не знал устойчивости, находился в процессе непрерывного движения; он постоянно обновлялся, нередко в корне перерабатывался. Процесс этот и раньше привлекал внимание специалистов, но обычно попутно, не становясь центральной темой исследования. На примере своих работ В. П. Адрианова-Перетц подчеркнула принципиальную важность разысканий в этом направлении для построения истории древнерусской литературы. Изучая тот или иной памятник, она обычно привлекала к исследованию все его рукописные копии, даже самые поздние по времени, на первый взгляд мало интересные; обращалась и к лубочной литературе, и к фольклорным записям, не пренебрегая ничем. В результате В. П. Адриановой-Перетц удалось наглядно показать, какая подчас сложная судьба выпадала на долю некоторых литературных произведений древней Руси в течение их многовековой истории, в частности в XVIII в., когда они в новой исторической обстановке

новке стали перерабатываться в соответствии с новыми общественно-литературными запросами.

Не лишены интереса уже ранние работы В. П. Адриановой-Перетц, посвященные этой теме.

В 1909 г. вышла в свет ее статья «Евангелие Фомы в старинной украинской литературе». Апокрифическое Евангелие Фомы было переведено с греческого на славянский язык давно; древнейшие списки его относятся к XIV в. Памятник этот, как показала В. П. Адрианова-Перетц, к XVIII в. успел под пером писцов превратиться в типичную «народную книгу» и по языку и даже в какой-то степени по содержанию: в него попали две легенды местного, фольклорного происхождения, и сам он, в свою очередь, послужил источником для ряда устных сказаний.

В другой статье, напечатанной годом позже, — «К литературной истории Толковой Палеи» — В. П. Адрианова-Перетц установила, что этот древний, относящийся еще в XIII в. антииудейский полемический трактат, в состав которого вошла серия ветхозаветных апокрифов, на Украине во второй половине XVII в. вызвал к себе большой интерес; в несколько переделанном виде его охотно переписывали и даже, по обычаю украинских литераторов той эпохи, снабдили ссылками на источники. В. П. Адрианова-Перетц выяснила и причины этой несколько неожиданной популярности Толковой Палеи в XVII в.: это были годы, когда многие и на Украине и на Западе были взбудоражены слухами о появлении на Востоке некоего Саббатая Цви, выдававшего себя за мессию.

В конце XV—начале XVI в. был переведен с еврейского на белорусский книжный язык написанный не известным по имени арабским автором X—XI вв. трактат о том, как управлять государством, — «Аристотелевы врата» (так называли его московские книжники). Трактат — он написан в форме наставлений Аристотеля Александру Македонскому — в свое время приобрел мировую известность на Востоке и на Западе (здесь он в переводе на латинский язык получил название «Secretum secretorum»). В. П. Адрианова-Перетц в статье «К истории текста Аристотелевых врат» (1911) установила, что трактат этот, в центральной своей части посвященный характеристике идеального монарха, пользовался на Руси популярностью и в XVI—XVII вв. и даже, в рукописной традиции, в XVIII в. Его не только усердно читали, но и немало потрудились над приспособлением белорусского текста к пониманию русского читателя — «удобнейшего ради познания» или переводили отдельные словосочетания на русский язык, или снабжали текст пояснительными глоссами. Статья выразительно иллюстрирует одно характерное явление нашей старой литературы: в процессе переписки, постепенно, из текста переводного произведения выветриваются все непонятные слова и словосочетания — до полного уничтожения всяких следов иноязычного оригинала.

Указанные работы В. П. Адриановой-Перетц проложили путь ее обширному исследованию (магистерская диссертация), вышедшему в свет отдельной книгой в 1917 г. — «Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности». Центральная проблема здесь та же («литературная история»), но в несколько ином повороте. Предметом исследования является не одно какое-либо произведение, как это имело место в предшествующих работах В. П. Адриановой-Перетц, а группа произведений и литературного, и фольклорного происхождения, объединенных единством сюжета. В отрывке житие Алексея в славянском переводе известно уже по списку XII в. Свое исследование В. П. Адрианова-Перетц и начала с анализа этой, древнейшей на Руси, версии жития;

проанализировала и все другие версии, в том числе появившиеся в XV—XVII вв. в переводе с чешского языка и польского. Много внимания уделила разным обработкам того же сюжета: в школьной драме, в ораторской прозе XVII—XVIII вв. (Симеон Полоцкий, Лазарь Баранович, Стефан Яворский), в виршевой поэзии XVIII в., в древнерусской живописи и, наконец, в русском, украинском и белорусском фольклоре, где сюжет этот был обработан в форме духовного стиха. Широкая популярность духовного стиха об Алексее человеке божьем побудила В. П. Адрианову-Перетц подробно остановиться на его изучении. Анализ всех вариантов стиха (в распоряжении Адриановой-Перетц было 74 варианта) развернулся в обширное изыскание, основные выводы которого могут быть сведены к следующим положениям: все варианты воспроизводят один и тот же стих, первооригинал которого можно отнести к XVII в.; в основу стиха легло древнее славянское житие Алексея; в процессе устной передачи, от певца к певцу, стих испытал воздействие и сказок народных, и былевого эпоса, и других духовных стихов; на Украине стих исполнялся преимущественно лириками и приобрел характер лирической песни, в значительной степени утратив свою эпическую основу; в Белоруссии стих в процессе устной передачи столкнулся с аналогичной польской песней на тот же сюжет и через ее посредство вступил в общение с целой группой западноевропейских обработок легенды об Алексее.

К этой всегда занимавшей ее теме («литературная история») В. П. Адрианова-Перетц не раз возвращалась и позже. Заслуживают внимания в этой связи две ее статьи 1926 г.: «Данило Корсунский — паломник XVI-го вѣку» и «Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века».

Предметом первой статьи является неизученный памятник конца XVI в. — «Хождение» Данила Корсунского. В 1590 г. некто Даниил, житель «Белой России», отправился с благочестивой целью в Палестину. Вернувшись в 1594 г. домой, он задумал описать это путешествие. В предисловии к «Хождению» он обещает читателю рассказать подробно, что видел; не раз повторяет, что все ниже описанное он действительно видел «очима своима грешными», что описал свое «хождение» «вся по истинне, ничто же солгах». В действительности же, как убедительно показала В. П. Адрианова-Перетц, и эти его слова, и текст в целом, в центральной своей части во всяком случае, целиком списаны у игумена Даниила — писателя-путешественника XII в. Даниил Корсунский не потрудился даже устранить из своего изложения явные анахронизмы: если верить его словам, он видел в Палестине рыцарей-крестоносцев и даже «князя Балдуина!». «Хождение» корсунского паломника тем не менее усердно переписывалось на юго-западе Руси вплоть до XVII в., а в XVIII в. было переведено на русский язык. В статье установлен факт, интересный и сам по себе и как материал для характеристики судьбы одного из выдающихся памятников литературы Киевской Руси.

Во второй статье В. П. Адрианова-Перетц показала, что переделке, а иногда и коренной переработке подвергались не только памятники древнерусской литературы, но и литературная продукция новой формации — те или иные печатные литературные произведения XVIII в. В ряде рукописных сборников второй половины XVIII в. В. П. Адрианова-Перетц обнаружила серию коротеньких новелл, изложенных характерной для лубочной литературы рифмованной прозой. Анализ выяснил, что эти юмористические «жарты» — «забавные», «фигурные» и «увеселительные», как называются они в сборниках, — не что иное, как переделка в лубочном стиле очень популярного, не раз переиздававшегося в XVIII в. сборника

басен Эзопа в редакции и с примечаниями Летранжа (в переводе с немецкого языка Сергея Волчкова).

Весь этот материал, собранный В. П. Адриановой-Перетц и изученный ею в указанных работах, еще раз подтвердил факт, уже установленный ее предшественниками, но до сих пор не обращавший на себя должного внимания, что в XVII—XVIII вв. многие произведения древнерусской литературы, иногда глубокой старины, в особенности охотно переписывались и переделывались в демократических слоях населения: в XVII в., судя по пометам на полях рукописей, — в среде преимущественно городского посада, в XVIII в. — в среде мещан, купцов, канцеляристов, низшего духовенства, грамотного крестьянства.

В начале 30-х годов В. П. Адрианова-Перетц от «литературной истории» перешла к систематическому изучению демократической литературы XVII—XVIII вв. Одна проблема в научном творчестве В. П. Адриановой-Перетц сменялась другой, сама постановка которой уже была ценным вкладом в советское литературоведение.

Объем демократической литературы XVII—XVIII вв., ее общественно-литературное содержание, ее художественные особенности — вот вопросы, которые отныне надолго овладевают вниманием В. П. Адриановой-Перетц. Ответ на эти вопросы требовал предвзятых разысканий. На этот путь В. П. Адрианова-Перетц и вступила.

Результаты своих разысканий и наблюдений В. П. Адрианова-Перетц изложила сперва в статьях, а затем и в книге «Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1937).

Посвящена книга следующим произведениям демократической литературы XVII в., частью уже известным, но неизученным, частью впервые обнаруженным: «Азбука о голом и небогатом человеке», «Праздник кабацких ярыжек» («Служба кабаку»), «Калязинская челобитная», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о куре и лисице», «Повесть о попе Савве», «Лечебник, как лечить иноземцев». Книга распадается на ряд самостоятельных этюдов, но объединенных единством замысла: показать место и значение этой группы произведений в литературном движении XVII в.

Книга эта — она вписала новую главу в историю древнерусской литературы и уже давно стала достоянием учебников — замечательна прежде всего тем, что она в корне ломает то представление о демократической литературе XVII—XVIII вв., какое у нас сложилось раньше и какое отчасти вселила в нас сама В. П. Адрианова-Перетц своими предшествующими работами. Опубликованная здесь серия исследований и материалов свидетельствует о том, что деятели демократической литературы занимались не только переписыванием старых произведений — допетровской Руси и их переделкой, но умели создавать и новые произведения, злободневные по содержанию и часто очень оригинальные по форме. Демократическая литература XVII—XVIII вв. теперь, впервые в нашей науке, предстала перед нами как уже вполне сложившаяся, полноценная творческая литература, у которой уже был и свой новый автор и свой новый читатель, у которой были свои особые задачи, не совпадавшие с задачами «большой» литературы господствующих верхов общества.

В. П. Адрианова-Перетц установила, что подлинным содержанием этой литературы была прежде всего антифеодалная по своей направленности критика многих устоев существующего общественного строя, злая порою сатира на корыстное духовенство, на формальное благочестие, на господствующую церковь и ее институты, на государственную организацию по-вального в стране пьянства, на «царев кабак», с помощью которого эта

организация осуществлялась, на политику правительства, покровительственную по отношению к иностранцам в ущерб интересам национальной торговли и промышленности, на взяточничество и крючкотворство представителей административной власти, на суд и его организацию и еще на многое другое. Выяснила В. П. Адрианова-Перетц и основной художественный принцип этой литературы. Принципом этим была пародия. Почти все рассмотренные в книге произведения, «Праздник кабацких ярыжек», «Калязинская челобитная» в частности, написаны в форме пародии на те или иные литературные и внелитературные жанры официозного происхождения.

В ряде статей — одни из них были напечатаны еще до появления в свет ее «Очерков», другие позже — В. П. Адрианова-Перетц показала, что то же направление, тот же характер, в основном пародийно-сатирический, рукописная демократическая литература сохраняла и в XVIII в., притом не только в России, но и на Украине.

Интересный в этом отношении факт сообщила В. П. Адрианова-Перетц еще в 1924 г. в статье «До історії пародії на Україні в XVIII віці». Предметом исследования здесь является написанная кем-то в 1740 г. на Украине «Служба пиворѣзам», или «Правило, увѣщательное пьяницам», как она еще иначе называется в рукописях. Анализ этого шуточного произведения, высмеивающего бездомных, всегда голодных, но неизменно жизнерадостных украинских бурсаков — «пиворізів», убедил В. П. Адрианову-Перетц в том, что это типичная, в стиле XVII в., литературная травестия, пародирующая популярные церковные песнопения.

Аналогичные факты, мелкие, но не менее показательные, сообщила В. П. Адрианова-Перетц и в статьях «Юмористические лечебники» (1928), «Из сатирической литературы XVIII в.» (1940), «Юмористические куранты» (1948).

Известно, что в XVIII в. сатира иногда принимала форму медицинского рецепта; Н. И. Новиков, например, в «Трутне» часто пользовался рецептом, чтобы заклеить те или иные пороки современного ему общества. В. П. Адрианова-Перетц установила, что традиция эта восходит еще к самому началу XVIII в.: в рукописях сохранились рецепты, которые при ближайшем рассмотрении оказываются пародией на иноземные лечебники, которые были широко распространены у нас в XVII—XVIII вв. Рецепты написаны по всем правилам тогдашней фармацевтики, но содержат советы и предписания самые невозможные. В одном рукописном сборнике первой половины XVIII в. В. П. Адрианова-Перетц обнаружила стихотворную сатиру на одного из церковных вельмож Петровской эпохи — Феодосия Яновского; текст свидетельствует о том, что в рукописной демократической литературе XVIII в. сатира иногда принимала и форму «пунктов», пародирующих принятую с 1723 г. форму судебного обвинительного заключения. Обнаружила В. П. Адрианова-Перетц в рукописях и шуточные «авизии» из разных иноземных городов и стран, пародирующие форму заметок и сообщений «курантов» — предшественников русских газет.

В 1936 г. в статье «Образцы общественно-политической пародии XVIII—начала XIX вв.» В. П. Адрианова-Перетц показала, что в конце XVIII в. русская сатира-пародия столкнулась со встречным движением — с Запада: в конце XVIII в. широкое распространение получила, разумеется в рукописном виде по цензурным условиям, политическая сатира в переводе с немецкого, французского и польского языков в форме пародии на молитвы («отче наш» и др.), на десять заповедей, на символ веры и пр.

Значительным событием в нашей науке было появление в 1954 г. в серии «Литературные памятники» Академии наук СССР книги В. П. Адриановой-Перетц «Русская демократическая сатира XVII века». Здесь опубликовано 16 текстов (все известные пока памятники этого вида литературы) с обширным текстологическим, историко-литературным и реальным комментарием. Издание сопровождается статьей «У истоков русской сатиры», обобщающей все многолетние разыскания В. П. Адриановой-Перетц в данной области.

«Массовая», демократическая литература XVII—XVIII вв. — тема, которой В. П. Адрианова-Перетц в работах своих уделила в особенности много внимания. Но одной этой темой круг ее научных интересов не замкнулся. Свой вклад внесла она в изучение и других явлений той же, столь хорошо знакомой ей эпохи.

В истории русской культуры первой половины XVIII в. большую роль сыграл так называемый школьный театр. Театр этот пользовался и при Петре, и при его ближайших преемниках активной поддержкой правительства. И не случайно. Петр I ждал от театра откликов на современность, рассчитывал, что театр будет содействовать осуществлению его преобразований.

Идя навстречу этим пожеланиям, деятели школьного театра сделали максимум того, что могли сделать, исходя из возможностей своего театрального и драматургического опыта. На сцене школьного театра, московского и провинциального, уже с начала XVIII в. стали появляться пьесы — триумфальные, панегирические. Они вызвали живейший интерес у современников; написанные обычно по свежим следам последних политических событий, они прочно утвердили в русском театре XVIII в. «гражданскую» тему.

Школьный театр привлек внимание В. П. Адриановой-Перетц еще в начале ее научной деятельности. Посвятив немало места исследованию старейшей пьесы киевского школьного театра — драмы об Алексее человеке божьем — в своей магистерской диссертации, она в 1923 г. к той же теме, школьному театру, вернулась в статье «Из истории театра в Твери в XVIII в.». Здесь В. П. Адрианова-Перетц опубликовала текст не известной до сих пор панегирической пьесы об Александре Македонском; пьеса написана в честь императрицы Елизаветы Петровны, но по содержанию своему представляет собой скорее панегирик Петру I, чем его дочери или внуку — наследнику престола Петру Федоровичу. В. П. Адриановой-Перетц удалось установить и время написания этой пьесы, и ее автора: пьеса написана и поставлена в Твери в 1746—1748 гг.; автором был преподаватель пиитики Тверской семинарии Иван Лятошевич, родом украинец. В 1927 г. та же пьеса, но по другому списку была напечатана сербо-хорватским ученым И. Бадаличем; тот же исследователь опубликовал и еще одну пьесу тверского школьного театра — «Синописис, или Краткое видение декламации высочайшему дню рождения ея императорского величества» (см.: Јосип Бадалић. Споменници руске школске драме јелисаветинскога времена. У Београду, 1927). До сих пор историкам было известно о существовании школьного театра в Москве, Ростове (Ярославском), Новгороде, Троицкой лавре, Тобольске и Иркутске. Материалы, сообщенные В. П. Адриановой-Перетц и И. Бадаличем, удостоверяют существование школьного театра также в Твери. В 1940 г. в статье «Новые материалы по истории русского школьного театра XVIII в.» В. П. Адрианова-Перетц установила факт существования школьного театра и в Астрахани; в одной рукописи второй половины XVIII в. ей удалось обнаружить незаконченную копию «рождественской» школьной

драмы, поставленной, судя по ряду признаков, именно там, при местной «латинской» школе.

Следует, наконец, указать, что В. П. Адриановой-Перетц принадлежит первый и пока единственный в нашей науке опыт изучения сценической истории старинного школьного театра. Историки школьной драмы этой стороне дела обычно не уделяли должного внимания. Пробел этот и восполнила В. П. Адрианова-Перетц в 1928 г. статьей «Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII вв.». За полным отсутствием какого-либо документального материала В. П. Адриановой-Перетц здесь, решая эту проблему, пришлось обратиться прежде всего к сопровождающим пьесы ремаркам и произвести весьма сложное и кропотливое исследование: на основании ремарок попытаться восстановить казалось бы невозможное — рядовой школьный спектакль в его наглядном сценическом воплощении. Режиссеры («хореги») школьного театра и у нас и на Западе, ставя ту или иную пьесу, опирались не только на опыт свой собственный и своих предшественников, но руководствовались также некоторыми пособиями, специально для них составленными; учитывая это обстоятельство, В. П. Адрианова-Перетц привлекла к исследованию и эти пособия: известный трактат Я. Масена «*Speculum imaginum veritatis occultae*» (1650), трактат Ф. Ланга «*Dissertatio de actione scenica*» (1727). В результате ей удалось, систематически проверяя данные ремарок этими латинскими руководствами, установить не только единство театрального стиля русского и западноевропейского школьного театра, но и то новое, что внесли в свои постановки русские «хореги». В статье находим подробную характеристику всех тех элементов, из которых складывался школьный спектакль: и устройства сцены, и декораций, и бутафории, и ряда характерных сценических эффектов — грома и молнии, живых картин, теневых изображений, и даже костюма, в котором выступали как реальные персонажи, так и разные *personae fictae* — античные боги и столь излюбленные школьным театром аллегорические фигуры.

Говоря о работах В. П. Адриановой-Перетц, посвященных старинному театру, нельзя не упомянуть и об одной ее небольшой статье, темой которой явилась другая новинка русской культуры — стихотворство. В заметке «Из начального периода русского стихосложения» (1921) она привела факт, чрезвычайно интересный для характеристики того момента, когда в русской литературе еще только зачиналось искусство «пиитического рифмотворения». Речь идет о конце XVI — самом начале XVII в. Материал, приведенный В. П. Адриановой-Перетц, свидетельствует о том, что уже в это время, лет за двадцать до появления первых известных нам образцов русского виршевого стихотворства, некоторые писатели, даже те, подозревать которых в пристрастии к такому занятию, как сочинение стихов, было бы по меньшей мере странно, например первый всероссийский патриарх Иов, вдруг стали писать так: «**Воинства храброе ополчение, и невозвратное устремление. . . Супротивники наши побежаются, и брани повсюду разсыпаютца. . . Невернии языци победишася, и отеческия грады паки к нему возвратишася. . .**». Это еще, конечно, не стихи, а типичная рифмованная проза, которой автор время от времени пересыпал свое изложение. Но факт тем не менее остается фактом: строки эти говорят о том, что уже на рубеже XVI—XVII вв. (В. П. Адрианова-Перетц привела наиболее ранний по времени пример) появился интерес к рифме, к «двострочному согласию», предвещающий появление стихотворства.

Привлекала внимание В. П. Адриановой-Перетц и переводная литература XVII в. В статье «К истории легенды о странствующем жиде в ста-

ринной русской литературе» (1915) ею установлен факт перевода в 60-х годах XVII в с немецкого языка на русский одного из вариантов широко распространенной на Востоке и Западе легенды об Агасфере.

Из числа работ В. П. Адриановой-Перетц, посвященных другим явлениям древнерусской литературы, притом не только XVII в., следует прежде всего отметить цикл ее статей о древнерусских «хождениях», или «хожениях», — рассказах о путешествиях в разные страны. Интерес к этому жанру возник у В. П. Адриановой-Перетц еще в первые годы ее научной деятельности, но ослабевал он и позже. В. П. Адрианова-Перетц занималась изучением ряда «хождений»: Арсения Селунского, паломника XVI в. Даниила Корсунского, казанского купца Василия Гагары, в 1634 г. путешествовавшего в Грузию, Палестину и Египет, украинского паломника начала XVIII в. Ипполита Вишенского — автора «Пелgrimации» в Иерусалим, на Синай и Афон; собирала материалы для критического издания древнейшего памятника этого вида литературы — «Хождения» игумена Даниила XII в. В 1948 г. в серии «Литературные памятники» Академии наук СССР вышло в свет новое издание «Хожения» в Индию в 1466—1472 гг. тверского купца Афанасия Никитина. В. П. Адрианова-Перетц приняла в нем участие и как редактор (совместно с акад. Б. Д. Грековым), и как автор содержательной статьи «Афанасий Никитин — путешественник-писатель».

Начиная с 1947 г. появляется в печати серия работ В. П. Адриановой-Перетц, посвященных одному из интереснейших произведений русской литературы конца XIV в. — «Задонщине». Все они в центральной своей части объединяются задачей восстановить на основе дошедших до нас дефектных списков «Задонщины» и цитат из нее в разных редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» первоначальный (авторский) текст памятника. Решая эту сложную текстологическую задачу, В. П. Адрианова-Перетц пошла значительно дальше своих предшественников (И. И. Срезневского и С. К. Шамбинаго) и во многом иными путями: привлекла к исследованию новые списки; дала текстологическое обоснование своей реконструкции первоначального текста, тщательно оговаривая все правки и дополнения, вносимые в список, положенный в основу реконструкции; попыталась — и это должно быть особо отмечено — найти объективный критерий отбора первоначальных чтений (в тех случаях, где «Задонщина» воспроизводит поэтический план и стиль «Слова о полку Игореве», В. П. Адрианова-Перетц первоначальными не без оснований считает чтения, наиболее близкие к тексту «Слова»). Результаты своего исследования В. П. Адрианова-Перетц опубликовала в форме трех вариантов приблизительно восстановленного ею «авторского» текста «Задонщины»; последний, окончательный вариант был напечатан в книге «Воинские повести древней Руси» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1949). Каждый вариант отражает определенный этап работы над реконструкцией текста; работа в целом заслуживает всяческого внимания как один из опытов такого рода текстологических разысканий.

В. П. Адриановой-Перетц мы обязаны и первым в нашей науке критическим изданием той редакции «Задонщины», которую мы знаем по сохранившимся спискам. Издание (см.: ТОДРА, т. V) сопровождается характеристикой всех списков «Задонщины» и обстоятельными примечаниями к отдельным местам текста, в том числе параллелями из «Слова о полку Игореве» и «Сказания о Мамаевом побоище».

Тщательное сопоставление «Задонщины» и «Слова о полку Игореве», к которому В. П. Адрианова-Перетц не раз возвращалась в своих работах о «Задонщине», дало ей возможность сделать несколько интересных на-

блюдений, касающихся и текста «Слова о полку Игореве»; она убедительно показала, что с помощью «Задонщины» могут быть оправданы некоторые поправки исследователей к первому изданию «Слова», и, в частности, гипотеза А. И. Соболевского о перестановке в начале его текста.

В связи с работами В. П. Адриановой-Перетц о «Задонщине» необходимо отметить и ее опубликованную в 1947 г. статью, посвященную мало изученному в нашей науке «Слову о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руськаго». Здесь выяснены источники этого произведения, время его написания (первая половина XV в.), его литературная судьба (установлена широкая популярность в литературе XVI—XVII вв. одного эпизода из «Слова» — вдовьего плача княгини Евдокии). Статья не лишена интереса и в методическом отношении как опыт датировки произведения по стилистическим признакам.

Ценный вклад в изучение древнерусской литературы в целом внесла В. П. Адрианова-Перетц в том же 1947 г. своей книгой «Очерки поэтического стиля древней Руси». Книга распадается на две части. В первой рассматриваются наиболее распространенные в древнерусской литературе метафоры-символы («солнце», «облако», «туча», «буря», «корабль», «колос», «сокол», «волк» и пр.) и их разновидности: метафорические сравнения и эпитеты; во второй — встречающиеся в некоторых произведениях ораторской и повествовательной прозы лиро-эпические «плачи», в XVI—XVII вв. иногда выделявшиеся в самостоятельный лиро-эпический жанр. И те и другие в процессе исторического развития древнерусской литературы приобретали подчас характер устойчивых поэтических формул и схем, с некоторыми вариациями кочующих из одного произведения в другое. Большое место в книге занимает анализ происхождения каждой из этих формул и схем: одни восходят к устнопоэтической поэзии и образности живого русского языка, другие — к библейско-византийской системе изобразительных средств. В итоговых разделах книги В. П. Адрианова-Перетц высказала ряд интересных суждений о природе изученных ею метафор и плачей, о причинах их многовековой устойчивости, об их художественном назначении в разных жанрах, о борьбе в них устной и книжной стихии. Книга очень богата фактическими данными и уже по одному этому еще не раз послужит полезным руководством для всех интересующихся вопросами изучения художественного мастерства древнерусских авторов.

В 1949 г. В. П. Адрианова-Перетц опубликовала статью методологического содержания — «Древнерусская литература и фольклор», где указала на необходимость коренного пересмотра традиционного решения этой проблемы. Сопоставление сюжетов, мотивов, художественных приемов, фразеологических сочетаний и даже отдельных слов, которым до последнего времени преимущественно занимались исследователи, явно недостаточно: такое сопоставление часто игнорирует самое основное — содержание произведений. Проблема взаимоотношения в древней Руси литературы и фольклора — это прежде всего «проблема соотнесения двух мировоззрений и двух художественных методов, то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей принципиальной непримиримости». Предметом сравнительного изучения литературы и фольклора должно стать в первую очередь не внешнее, а внутреннее сходство, если оно налицо: «свойственное писателю и народному поэту отношение к исторической действительности», «задачи художественного отражения жизни в слове и методы, которыми эти задачи осуществляются».

Опытом реализации этих общих положений на практике и явился цикл статей В. П. Адриановой-Перетц 1950—1953 гг.: «Слово о полку Игореве

и устная народная поэзия», «Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия», «Исторические повести XVII века и устное народное творчество». На ряде конкретных примеров В. П. Адрианова-Перетц здесь наглядно показала, что родство многих литературных памятников древней Руси с народной поэзией в ее лучших образцах отнюдь не исчерпывается одним сходством элементов художественной формы, но является гораздо более глубоким: родство это коренится в общности идей, трактовки событий, миропонимания в целом.

Содержательный экскурс в историю общественной мысли древней Руси находим в статье В. П. Адриановой-Перетц «Крестьянская тема в литературе XVI века». Здесь показано, что в литературе и публицистике XVI в. впервые с большой остротой был поднят вопрос о крестьянстве и его положении в стране. Участие в обсуждении вопроса приняли писатели разных общественно-политических позиций. Даже писатели — ярые сторонники закрепощения крестьянства по разным мотивам подчас не жалели мрачных красок для описания «мирских слез» во владениях светских и в особенности духовных феодалов. Суждения этих писателей и нарисованная ими картина бесправия крестьянских масс интересно прокомментирована в статье при помощи обширного актового материала.

Несколько особое место в ряду историко-литературных исследований и публикаций В. П. Адриановой-Перетц занимает ее ранняя работа, опубликованная еще в 1912 г., — «Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв.». В основу работы легли изредка встречающиеся в рукописях пометы об их стоимости, извлеченные В. П. Адриановой-Перетц из существующих описаний рукописей; пометы эти перепечатаны в приложении к исследованию. В предпосланном изданию помет предисловии В. П. Адрианова-Перетц на основе собранного ею материала (514 записей) показала, как влияло содержание книги на ее цену, каково было соотношение между стоимостью книг различного содержания в ту или иную эпоху, какие события вызывали резкое колебание в цене книг и пр. Сведения, сообщенные здесь, интересны, и мимо них не пройдет, конечно, ни один историк культуры древней Руси, ни один палеограф и книговед.

Обзор научных работ В. П. Адриановой-Перетц следует дополнить указанием и на ряд ее библиографических пособий. Мы обязаны ей полной (до 1928 г.) библиографией старинного школьного театра, русского и украинского, «Слова о полку Игореве» (до 1938 г.), древнерусской повести, оригинальной и переводной (последняя работа была составлена совместно с В. Ф. Покровской).

Высокая филологическая культура — качество, которое прежде всего хочется отметить, говоря о работах В. П. Адриановой-Перетц. Культура эта — печать ее лежит на всех учениках старшего поколения покойного академика В. Н. Перетца — сказывается во всем: и в широкой эрудиции, и в точности анализа, и в строгой доказательности отдельных положений, и даже в самой манере изложения мыслей, всегда отчетливой и выразительной. Должна быть отмечена и еще одна в высшей степени привлекательная особенность научного творчества В. П. Адриановой-Перетц — решительность, с какой она всегда, даже в начальные годы своей научной деятельности, бралась за наиболее трудные, наименее разработанные в науке вопросы.

За последние двадцать с лишним лет научная биография В. П. Адриановой-Перетц была тесно связана с деятельностью Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР. Когда в 1933 г. по инициативе академиков А. С. Орлова, В. Н. Перетца и

Н. К. Никольского в стенах Пушкинского Дома возник на правах официального научно-исследовательского объединения Отдел (позже — Сектор) древнерусской литературы, В. П. Адрианова-Перетц активно включилась в его работу — сперва в качестве ученого секретаря Отдела, а с 1947 по 1954 г. в качестве его научного руководителя. Если Сектор древнерусской литературы стал крупнейшим в нашей стране научно-исследовательским центром изучения литературы и общественной мысли древней Руси, то этим он в значительной степени обязан энергии и научно-организационной инициативе В. П. Адриановой-Перетц.

Последние качества в особенности наглядно проявились, когда Отделу древнерусской литературы, равно как и Отделу новой русской литературы, в 1937 г. было поручено приступить к подготовке десятитомной академической «Истории русской литературы». В работу эту В. П. Адрианова-Перетц вошла одна из первых — деятельно и щедро и как автор ряда глав и как редактор двух первых томов «Истории», посвященных литературе древней Руси. Весь свой большой опыт и обширные познания она отдала этому важному и ответственному изданию, и не напрасно. Работа по подготовке первых двух томов «Истории русской литературы», объединившая усилия едва ли не всех специалистов нашей страны, явилась заметным этапом в развитии нашей науки: она подвела итоги изучению древнерусской литературы за весь предшествующий период и наметила перспективы дальнейшего изучения. При всех своих недочетах (многие из них отражают уровень советского литературоведения 30—начала 40-х годов) оба тома (том второй вышел в двух книгах) и по сегодняшний день являются наиболее полным по материалу и обстоятельным обзором исторических судеб древнерусской литературы.

Самое деятельное участие принимала В. П. Адрианова-Перетц и в ряде других коллективных начинаний Пушкинского Дома: в составлении краткого очерка истории литературы древней Руси в составе первого тома «Истории русской литературы» под общей редакцией проф. В. А. Десницкого (Учпедгиз, 1941); в подготовке большого недавно завершенного труда «Русское народное поэтическое творчество», первый том которого под редакцией В. П. Адриановой-Перетц вышел в 1953 г. (здесь ей принадлежат заключительная глава и написанная совместно с Б. Н. Путиловым глава «Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII века»); в последние годы в подготовке первого тома трехтомной «Истории русской литературы», предпринятой совместно двумя литературными институтами Академии наук СССР.

Наконец, необходимо отметить и большую работу, которую с 1948 г. ведет В. П. Адрианова-Перетц как редактор, а подчас и как соавтор, над подготовкой к печати ряда ценных изданий в серии «Литературные памятники» Академии наук СССР («Воинские повести древней Руси», «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Послания Ивана Грозного», «Временник Ивана Тимофеева», «Русская сатирическая сказка в записях середины XIX—начала XX века»), а также ряда изданий Пушкинского Дома: юбилейного сборника исследований и статей «Слово о полку Игореве» (1950), второго тома «Былин Севера» А. М. Астаховой (1951), «Казанской истории» Г. Н. Моисеевой (1954), «Повести о Сухане» В. И. Малышева (1956), «Артаксерксова действия» И. М. Кудрявцева (1957). В течение ряда лет В. П. Адрианова-Перетц редактировала также «Труды» Отдела древнерусской литературы, активно привлекая к участию в этом издании специалистов не только Ленинграда и Москвы, но и других городов.

Уже один этот далеко не полный перечень книг и изданий, вышедших в свет при том или ином участии В. П. Адриановой-Перетц, при ее неизменной дружеской поддержке, свидетельствует о том, какую почетную роль в советском литературоведении играет она как неутомимый организатор разного рода научно-исследовательских работ по изучению не только литературного наследия древней Руси, но — в последние годы — и русского народного творчества.

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

К лексике «Слова о полку Игореве»

1

«...нѣ своя вещиа прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами князем славу рокотаху».

Перевод последнего слова никогда не вызывал затруднений — его передавали созвучным русским «рокотали».¹ Точен ли этот перевод — в этом, однако, можно сомневаться. Вот несколько замечаний или, скорее, вопросов, относящихся к этому слову. Вне восточнославянских языков слово «рокот» или производные от него, вообще говоря, не известны. В самом русском литературном языке и «рокот», и «рокотать» — книжны; «рокотать» в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова имеет еще помету «поэт». Параллельные этим словам звукоподражательные есть в сербском, но с наименее подходящими для поэтического текста значениями: «рокот» — «хрюканье», «рокати» — «хрюкать».

Из древнерусского языка И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» «рокотати» приводит только для текста из «Слова о полку Игореве». Кажется, ни этот глагол, ни имя существительное, от которого он произведен, до сих пор не обнаружены в других памятниках, ни в русских, ни в церковнославянских. В русском литературном языке позднейшего времени «рокотать», по-видимому, тоже не было обычным; по крайней мере «Словарь церковнославянского и русского языка» (изд. 2-е, Акад. наук, III, СПб., 1867) сопровождает и «рокотать», и «рокот» замечанием «стар.» и при первом дает ссылку только на «Слово о полку Игореве». Все это создает впечатление исторической уединенности данной этимологической группы. И вместе с тем, думаю, что если учесть особенную подвижность семантики звукоподражательных слов, есть основания видеть в ней действительное наследие древности, может быть даже не только одной восточнославянской. Основа слов «рокот», «рокотать», судя по В. И. Далю, известна русским (великорусским) говорам не только в таком виде, но и в виде «рокт» (вят. «кипеть»), «бить ключом»: «вода рокчет»; «ворчать», «брюзжать»), т. е. с огласовкой, сходной с сербской, хотя и с другим значением.² В украинско-русском словаре под ред. Гринченко «рокотати», «рокотіти» — «гремять»,

¹ Т. е., согласно толкованиям наших наиболее авторитетных словарей, значением «грохотать», «гремять», «звично перекаtywаясь, звучать» (В. И. Даль); «издавать или производить рокот, мелодичный и однообразный воркующий звук; сходный с этим звуком гул или шум» (словарь под ред. Д. Н. Ушакова); «издавать рокот — однообразный раскатистый звук, приглушенный гул, грохот» (С. И. Ожегов).

² О древних вариациях -ot(ь), -yt(ь) см.: W. Vondrák, Slav. vergleich. Gramm., I (изд. 1924 г.), § 553.

«рокотать» сопровождаются ссылкой на Г. Ф. Квитку-Основьяненко — «Грім так и рокотить»; в белорусском — «рокат» — «рокот», «ракатаць» — «рокотать». Древность образований в обоих последних языках может, однако, быть подвергнута сомнению, и вопрос о них требует обследования в говорах. Не из русского ли литературного языка XIX в. это слово проникло в тот и другой, как, по-видимому, к русскому влиянию восходит и чешск. *rokotati*?

Изменение «рокотать» на укр. «рокотати» могло быть делом словесной работы самого Квитки. В памятниках украинского языка, насколько знаю, это слово не встречается. В картотеке Института языковедения им. А. А. Потебни Академии наук УССР, правда, есть «XVII: 1606 „Рокоть великій подъ Вислицю былъ противъ королеви“, — Літ. лъв. 236/264», но «рокоть» в этом тексте походит на «ропот», контаминированное с *рокoш* «возмущение» (ср. пол. *gokosz* в последнем значении).

Итак, никаких надежных исторических свидетельств в пользу древнерусского «рокотати» с одним из возможных «поэтических» значений, помимо «Слова о полку Игореве», пока, кажется, нет. Это, впрочем, и не должно особенно удивлять, поскольку такое значение не могло достаточно часто заявлять о себе в подавляющем большинстве дошедших до нас текстов. Но нельзя также в «рокотаху» «Слова» видеть что-либо «подозрительнсе», хотя бы уже потому, что основа «роко́т» известна и вне «Слова о полку Игореве», а различие значений у звукоподражательного слова не представляется редкостью.

2

«Уже соколома крыльца припешали поганых саблями, а самую опустоша в путины железны».

Слово «путины» в этом тексте не представляет трудности для понимания, и уже первые переводчики передали его близко к тому, как его следует понимать: «и сами они попались в опутины железные». Неверно передано в этом переводе было только слово «опустоша», явно представлявшее искажение первоначального «опуташа», т. е. «опутали». Судя по «Материалам» И. И. Срезневского, вне «Слова о полку Игореве» слово «путина» как будто не засвидетельствовано.

Дело, однако, не в самом этом слове, этимологически совершенно прозрачном и восходящем к обычному слову *путо*. Мне кажется, что форма, употребленная в «Слове о полку Игореве», проливает свет на один трудный вопрос истории русского языка — замену звуком *т* фонетического согласного *ч* в слове «паутина». Я не разделяю мнения А. И. Соболевского, высказанного им уже очень давно и неоднократно повторенного другими, будто «паутина» вместо старого «паучина» возникло под влиянием областного слова «паут» — «овод», слова, конечно, областного и далекого от него по значению, хотя в очень узкой диалектной области, и вытеснившего прежде — *паук*.

Неясно мне замечание В. В. Виноградова,³ будто и «паук» (ср. «паутина») является по своему происхождению областным словом: «паук» — одно из бесспорно древнейших славянских слов, определенно известных всем восточнославянским языкам и русскому языку почти в целом (хотя диалектно и встречаются замены его другими — вроде «тенетник»); иное дело — огласовка «паутина» вместо, а иногда параллельно со старой — *паучина*. Этой огласовкой, против старой, фонетической *паучина* (в па-

³ В. В. Виноградов. Великий русский язык, 1945, стр. 78.

мятников — только так), в настоящее время охвачены, кроме русского языка, еще и белорусский язык («паўціна» — из *«паўтіна»), и украинский («павутина» с вариантами «павутиння», «паутина» и диалектно со старым «павучіна»); таким образом, соответствующая замена старого согласного ч в этом слове, возможно, произошла уже давно (предположить позднюю передачу такого новообразования из одной области восточнославянского языка широкого распространения к другим трудно).

Отклонение в слове «паутина», по всей вероятности, вызвано воздействием на старое «паучина» какого-то слова, близкого к нему по смыслу. Какого именно? Много лет назад в заметке «О слове „паутина“», опираясь на аналогию из словенского языка, я высказал догадку о возможности влияния в данном случае слова «тина».⁴ В настоящее время мне представляется более вероятным допустить воздействие слова, по смыслу более близкого к «паутина», — старого (общерусского?) слова «путина», свидетельствуемого в XII в. «Словом о полку Игоре».

Два замечания об акцентных моментах. Принимая во внимание ударение глагола «путь», серб. «пўто» и подобные указания других славянских языков, с наибольшим вероятием можно было бы думать об ударении «*пўтина».⁵ На «паучіна» слово с таким ударением вряд ли могло бы влиять. Можно, однако, думать, что старое «паучина» еще произносилось, в соответствии с показаниями других славянских языков, с ударением в начальном слоге; ср. серб. «пўчина», словен. pājčina и др. Нынешнее восточнославянское ударение — «паўтіна» и т. д. — со сравнительно-исторической точки зрения является новообразованием, вероятно, обязанным влиянию в свою очередь сместившихся (под влиянием суффикса «-ук», род. п. «-укá» и т. д.) названий паука: русск. «пáук», род. п. «пáукá», укр. и белорусск. «павúк», род. п. павука́ (ср. древнее место ударения в серб. «пáук», словен. pājek).

3

«Един же Изяслав сын Васильков позвони своими острыми мечи о шеломи Литовския; притрепа славу деду своему Всеславу, а сам подь черлеными щиты на кроваве траве притрепан Литовскими мечи. И схотию на кровать, и рек!: дружину твою, княже, птицъ крылы приоде, а звери кровь полизаша».

К этой части текста «Слова», как известно, существует много толкований, ряд которых очень остроумен и безусловно заслуживает внимания. Я уже имел повод высказываться о них⁶ и сейчас не предполагаю возвращаться к этому отрезку текста в целом. Полезно, как мне кажется, теперь добавить по поводу слова «притрепати». Думаю, что моя попытка понять слово в духе того, как его, видимо, понимал автор «Задонщины», была неудачна, и от нее надо отказаться. Традиционное понимание в его основе (ср. «разбить», «сразить» в «Материалах» И. И. Срезневского) ближе к сути дела, и для него можно дать довольно вероятное обоснование. Ко-

⁴ Л. А. Булаховский. Russ. паутина, ukr. павутина. «Spinngewebe» und «Verwandtes» — Zeitschr. f. slav. Phil., VIII, 1—2, 1931, стр. 108—110.

⁵ К типу см. в статье автора «Очерки восточнославянского ударения» (Филологический сборник Киевского гос. университета, № 8, стр. 40—43).

⁶ См. «Слово о полку Игоре»е. Сборник исследований и статей под редакцией чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР. 1950, стр. 152—153, а также: Л. А. Булаховский. 1) О первоначальном тексте «Слова о полку Игоре»е. — Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., XI, в. 5, 1952, стр. 445; 2) Заметки к спорным местам «Слова о полку Игоре»е. — Радянське літературознавство, 18, 1955, стр. 50—51.

рень «треп-» в значениях «бить» и «убивать» абсолютно надежно свидетельствуется современным болгарским языком: «трéпя» — «убиваю». Это слово употребляется также в родопских говорах. Родственные слова в других славянских языках существуют,⁷ но по своим значениям далеки от обоих этих значений в болгарском и от тех, которые можно принять для соответствующего отрезка «Слова». Последние лучше всего объединяются в общем «губить». В качестве параллели сравни значения древнерусского «истеряти».

Вероятно, этот болгарский глагол в прошлом относился к классу -je- (3-му) и, таким образом, принципиально совпадал в настоящем времени изъявительного наклонения с нынешними русскими формами «треплешь», «треплет» и т. д., по отношению к которым в системе инфинитива должно было выступать именно -а-: «трепати».

Что касается префикса «при-», он, конечно, не очень подходит по смыслу к словам, в которых мы его имеем здесь в «Слове о полку Игореве»; но вполне вероятно, что по крайней мере в «притрепанъ Литовскими мечи» мы имеем дело с соответственной заменой на «при-» старого «прѣ-» с результиративным или близким к этому значением.

Впрочем, принимая во внимание хотя бы русское народное «прибить», близкое к значениям «губить» и «убить», можно не очень настаивать на необходимости этого допущения. Важно во всяком случае, что значения группы «убивать» не «выдуманы», а действительно существуют в одном из славянских языков и, таким образом, без всякого серьезного риска могут быть приписаны и русской книжной старине XII в.

⁷ См., например: F. Miklosich, *Etymol. Wörterbuch der slav. Spr.*, 1886, стр. 261.

Ю. М. ЛОТМАН

О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве»

Среди неясных мест текста «Слова о полку Игореве» единого толкования до сих пор не получило обращение к князьям Роману и Мстиславу: «Суть бо у ваю железныи папорзи под шеломаы латынскимиы». Первые публикаторы «Слова» перевели его: «У вас латы железные под шлемами латынскими».¹ В дальнейшем, исходя из этого толкования, Ф. И. Буслаев попытался искусственно образовать слово «паперси». Более убедительным кажется указание акад. В. Н. Перетца на встречающееся в памятниках слово «поперсьци» в значении «панцырь». Это чтение принято в издании «Слова» в Большой серии «Библиотеки поэта», где к тексту перевода акад. А. С. Орлова делается поправка: «Ведь у вас железные панцыри (защитники) под шлемами латынскими».² А. Югов, не объясняя причины, меняет «нагрудный панцырь» акад. В. Н. Перетца на «оплечья железные».³

Акад. А. С. Орлов в книге «Слово о полку Игореве» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1946) предложил другое толкование: слово «папорзи» он заменил через «паропци» или «паробци» и перевел как «железные молодцы под шлемами латынскими». Это толкование принято Д. С. Лихачевым.⁴

Таким образом, налицо две наиболее признанные конъектуры: «папорзи» объясняется как «поперсьци» и как «паропци». Однако принятие каждого из них сопряжено с известными затруднениями как формального, так и смыслового характера.

Содержащееся в обоих известных нам текстах «Слова» (издание 1800 г. и екатерининская копия) слово «папорзи» — явная ошибка переписчика. Следовательно, любая конъектура должна быть не только удовлетворительной в смысловом отношении, но и объяснимой палеографически.

В первом случае следует предположить, что переписчик, заменив «поперсьци» словом «папорзи», не только спутал начертания «а» — «о», «о» — «е», но и заменил по непонятным причинам сочетание «сьцъ» буквой «зъ». Во втором случае эта сторона дела обстоит благополучнее: своеобразная графическая метатеза, замена «роп» через «пор», представляет вполне

¹ Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. 31—32.

² Слово о полку Игореве. Л., 1952 (Библиотека поэта, Большая серия), стр. 73.

³ Слово о полку Игореве. Перевод и комментарии А. Югова. Изд. «Советский писатель», 1945, стр. 83.

⁴ См.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»), стр. 67 и 93, обоснование — стр. 446; Слово о полку Игореве. Л., Изд. «Советский писатель», 1949 (Библиотека поэта, Малая серия, второе издание), стр. 103 и 194.

возможную ошибку переписчика. Значительно труднее объяснить путаницу начертаний знаков «з» и «ц», весьма далеких в графическом отношении в период, которым предположительно датируется утраченная рукопись «Слова».

Известные возражения вызывает и смысловая сторона дела. Из двух различных толкований первое более соответствует характеру образной системы «Слова», одна из специфических черт которой состоит в том, что употребление того или иного слова в качестве поэтического символа не снимает также конкретности и точности употребления его в прямом значении. Этот устойчивый прием приводит к тому, что большинство развернутых метафор «Слова», выражая то или иное отвлеченное понятие, одновременно дает в своем первичном значении весьма точную картину быта: военного, охотничьего и т. д. В данном случае, если принять первое толкование, одно слово, в первичном значении обозначая деталь вооружения («шлем»), соотносится с равнозначным по смысловому ряду термином («панцырь») (такое чтение хорошо объясняется и эпитетом «железный»), — а оба они вместе выступают во вторичном значении как символическое выражение мужества князей.

Однако подобное чтение встречает и затруднения. При характерной для автора «Слова» профессиональной точности в описании деталей воинского снаряжения остается непонятной натянутая формула «панцыри под шлемами». Это психологически объясняет не оправданное никакими иными соображениями стремление А. Югова ввести в текст «оплечья железные».

Второе чтение представляет еще большие трудности, поскольку выражение «железные паробци под шеломи латиньскими» дает смешение метафорического («железные паробци») и прямого («латиньские шеломи») словоупотребления и не создает выдержанного образа.

Указанные трудности, как нам кажется, отпадут, если принять другое чтение спорного слова. В памятниках встречается слово «павороза», объясняемое И. И. Срезневским как «привязка, петля для привязывания предмета к руке»: «Бе бо у него топор с паворозоу в руце» (Сузд. л. 6724 — по Академическому списку).⁵ И. И. Срезневский дает также и неполногласную форму — «павраз», поясняя, что она «жива и доселе в западнославянских наречиях, не только северных, но и южных: в хорутанском со значением „веревка“, в хорватском со значением „веревочной или проволоочной рукоятки у сосуда“». В значении «веревка», «завязка» это слово известно в польском языке (rowiódz). С этим, вероятно, связана встречающаяся в памятниках форма «поворуза».⁶

Однако памятники дают и другое, весьма интересное для нас значение этого слова — «тесемка при головном уборе»: «Пропало у него Сенки три нашивки женских красных да паворозы от головодца».⁷ Если вспомнить начертание квадратного «В» в полуставе, то факт случайной замены его буквой «п» не вызовет никакого удивления. Получившееся таким образом начертание «паворозы» утратило смысл, и пропуск в дальнейшем одного «о» в непонятном слове представляется возможным.

⁵ Срезневский, Материалы, т II, стлб 856

⁶ Там же, стлб. 1003.

⁷ Кунгурские акты XVII в Изд А Г Кузнецова. СПб., 1888, стр. 10. Пример заимствован из картотеки словаря древнерусского языка Института языкознания АН СССР.

Вполне вероятно и другое объяснение. А. И. Соболевский, указывая, что «великорусские говоры вообще склонны к опущению в середине слов неударных гласных»,⁸ приводит примеры исчезновения в неударном положении одного из гласных компонентов полногласного сочетания: «скорлупа» (из «скоролупа») и «горностай», кстати, встречающийся в тексте «Слова». Возможно, что этим и следует объяснить превращение «паворозы» в «паворзы». Последнее тем более вероятно, что мы располагаем фактом аналогичного пропуска другого «о» в том же слове. Памятник XVII в., не учтенный в древнерусских словарях (в том числе и в картотеке словаря древнерусского языка Института языкознания АН СССР), упоминает «паворзы тканые золота серебром».⁹

Таким образом, палеографический анализ и факты из истории языка подкрепляют вероятность предлагаемой нами конъектуры. В таком употреблении слово «паворозы» должно означать чешуйчатый ремешок, прикрепляющий шлем к подбородку. Это хорошо объясняет, почему «железные паворозы» (или «паворзы») оказались под «шеломами латинскими». Подобное, весьма точное, описание снаряжения воина XII в. имело и другой обобщенно-символический смысл. Памятники дают нам упоминание разных паворозов. «А принес к ней паворозы шелковые»;¹⁰ «Да приданного дает за нею... ошивка низанная жемчугом... сетка золото с серебром, паворозы алой шолк с серебром... сетка золото с серебром с паворозы».¹¹

«Железные паворозы» — это одновременно и логическое определение, характеризующее материал, из которого изготовлен предмет вооружения, и художественный эпитет, входящий в образную характеристику Романа и Мстислава.

Именно к этому обобщенному образу князей-воинов относится фраза: «Теми тресну земля и многы страны — хинова, литва, ятвязи, деремела и половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша под тьи мечи харалужныи».

Предполагаемое толкование подкрепляется данными из истории русского и европейского оружия. «Шелом» русских воинов XII в. крепился на голове следующим образом: сбоку и сзади к нижнему краю шлема прикреплялась сетка из железных колец. Застегиваясь специальными крючками под подбородком, она защищала шею и часть лица воина и в какой-то степени удерживала шлем от падения при ударах. Последнее было особенно важно и требовало дополнительных мер. Шлем русских воинов имел с внутренней стороны матерчатый «подбой», к которому и крепились паворозы. «Чтобы шишак труднее было сбить с головы, с внутренней стороны прикреплялись завязки, обычно шелковые, завязывавшиеся под подбородком».¹² Западноевропейские, «латинские» шлемы XII в. имели в этом отношении отличия. В XII в. в Западной Европе еще не вошел в употребление распространившийся через сто лет цилиндрический шлем, закрывающий лицо, — употреблялись так называемые нормандские шлемы конической формы. «Они одевались сверх капюшона (samail) и прикреплялись при помощи ремешка под подбородком».¹³ Поскольку «samail» —

⁸ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4. М., 1907, стр. 98.

⁹ Черты нравов из русского быта XVII века. Сообщ. А. И. Соколов. Прилож. IV к в. 83 ПДПИ, стр. 22.

¹⁰ Кунгурские акты XVII в., стр. 11.

¹¹ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, в. XXI, Прилож., стр. 71.

¹² М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX веков. М., 1953, стр. 54.

¹³ Viollet-le-Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français. Paris, 1874, vol. V, стр. 266.

капюшон из кожи или кольчатой железной сетки с отверстием для лица — одевался под шлем, тесемка, закрепляющая последний, оказывалась не под кольчужной защитой, как это было у русских воинов, а снаружи. Оказываясь легко уязвимой, она уже не могла изготовляться из легкой шелковой ткани, к чему привыкли на Руси: латинские паворозы были ременными и часто укреплялись железными пластинками. Это и привлекло внимание автора «Слова», как всегда использовавшего для символического образа точную систему реальных.

Н. В. ШАРЛЕМАНЬ

Заметка к тексту «Растѣкается мыслію по древу» в «Слове
о полку Игореве»

Неудачной попыткой применения природоведческого анализа в толковании «Слова» мы считаем новое объяснение слова «мысль», предложенное Н. М. Егоровым.¹ Предположив, что все три образа во фразе: «растѣкается мыслію по древу, сѣрым вѣлком по земли, шизым орлом под облакы» взяты из природы, автор считает, что «мыслію» значит «мышью», а так как летяга и белка, предлагавшиеся некоторыми авторами в объяснение слова «мышь», по мнению Егорова, неприемлемы, как зверьки якобы северных лесов, то он предлагает новое толкование: «мысль» — мышь, более точно — лесная мышь (*Dugomys nitedula*). Прежде всего вносим поправку. *Dugomys nitedula* вовсе не мышь, а совершенно другой вид, мало известный ночной зверек — лесная соня, к которой глагол «растекаться» неприменим: она не бегаёт, а довольно медленно лазит по коре и ветвям деревьев. Соня, как и ранее предложенные белка и летяга, — неудачные конъектуры. Ещё А. С. Пушкин² правильно понял смысл фразы «растѣкается мыслію по древу». Это место он считал «примером того, каким образом слагали песни в старину».

В сочетании с «древом» «мысль» в «Слове» является метафорой. Её удачно раскрыл ещё в конце прошлого века М. Халанский.³ «„Мысленно древо“ или просто древо в приведенной фразе, — пишет он, — синоним гуслей. В англо-саксонской поэзии арфа, под аккомпанемент которой певцы сказывали свои песни, называлась деревом веселия». Далее М. Халанский отмечает, что в памятниках письменности в фольклоре слово «мысль» порою служит синонимом названия «гусли». В б. Курской губернии он записал песню, напев которой звучал:

Поиграйте гусли-мысли,
А я вам песенку скажу.

Правильность предложенного объяснения можно доказать рядом примеров. В «Толковом словаре» В. Даля, в материалах к слову «гусли», читаем: «Гусли — мысли мои, песня — думка моя!». По-видимому, этот заповедь был широко распространён среди гусяров. По свидетельству Н. Телешова,⁴ поэт Скиталец (С. Г. Петров), сын певца-гусяра и сам певший под аккомпанемент гуслей, начинал свои песни словами: «Эй вы гусли-мысли!».

¹ Н. М. Егоров. Мышью или мыслью? — ТОДРА, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 13.

² А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. 12, Изд. АН СССР, 1949, стр. 149.

³ М. Халанский. Южнославянские сказания о Кравеиче Марке в связи с произведениями русского бытового эпоса. Варшава, 1894, ч. 2, стр. 216.

⁴ Н. Телешов. Записки писателя. М., 1952, стр. 41.

«Растекаться мыслью по древу, — пишет М. Халанский, — значит разбегаться мыслью по гуслям, по струнам, соображая слова песни и мелодию, и беря первые аккорды, как поют теперешние бандуристы. „Скача, славлю, по мысленну древу“ характеризует самую игру на гуслях нашего певца-соловья сравнением быстроты и ясности переборов по струнам с пляской вещих перстов на гуслях: скача, т. е. пляша, соловей, по гуслям».⁵

Что слово «древо», или дерево, и даже доска служили порою метафорой струнного музыкального инструмента, легко убедиться по давнему русскому фольклору, в котором гусли иногда называются «доскою гусельною». Например:

Поднеси-тко мне-ка платье скоморошкино,
Принеси-тко мне доску гусельную!

или

Ты свет государыня моя матушка!
А дай-ко мне доску гусельную.⁶

Гусли на немецком языке носят название «Hackbrett».

Несмотря на убедительный материал в пользу гуслей, мы склонны под «мысленным древом» «Слова» понимать не гусли, а южную лютию. Название этого струнного щипкового музыкального инструмента в переводе с арабского языка буквально значит «дерево».⁷ Лютия из древнего Египта попала в Финикию, Малую Азию, Иран, Аравию, в арабские страны, на Кавказ, к славянским народам Балканского полуострова и в места, прилегающие к Черному морю.⁸ Если вспомнить, что на стенописи южной башни Софии Киевской изображен музыкант, играющий на лютиноподобном инструменте, который Н. П. Кондаков⁹ считал бандурой, то можно предположить, что «мысленно древо», на «живая струны» которого «вскладала своя вѣщія прѣсты» Боян, была лютия, впоследствии превратившаяся в бандуру или кобзу (греческая «пандура», турецкая «кобуц»).

Смущающие Н. М. Егорова образы «сѣрого волка» и «шизого орла» — попросту уподобления песнотворчества в древности. Как известно, эти образы были эмблемами Аполлона-кифареда (Аполлона-Люция греков и Аполлона-Сорануса римлян). Эти метафоры, конечно, были известны высокообразованному автору «Слова».

Толкования слов «древо» и «мысль», предложенные М. Халанским, тем правдоподобнее, если вспомнить, что в «Слове» неоднократно показан процесс пения и игры Бояна на струнном инструменте, но сам инструмент прямо не назван.

Предложенную М. Халанским аналогию игры на струнном инструменте древности с игрой на бандуре мы считаем очень удачной. Кто наблюдал начало игры на бандуре одиночных бандуристов или кобзарей и лирников на лире, тот мог убедиться, что они перед началом пения несколько мгновений сосредоточенно смотрят на свой инструмент, а слепые музыканты поднимают свое лицо к небу, затем начинают перебирать струны («скача, славлю, по мысленну древу») и тогда лишь начинают петь.

⁵ М. Халанский. Южнославянские сказания о Кралевиче Марке, стр. 216.

⁶ А. С. Фамицын. Гусли — русский народный инструмент. СПб., 1890, стр. 17.

⁷ БСЭ, изд. 2, 1954, т. 25, стр. 569.

⁸ Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, т. 1. Л., 1928, стр. 58.

⁹ Русские древности, вып. IV.

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве»

Исследование лексики «Слова» было предпринято автором настоящей заметки несколько лет назад, и результаты его частично опубликованы.¹ В статье сообщено несколько наблюдений над семантикой отдельных лексем из «Игоревой повести». Теперь мы постараемся дополнить и уточнить ранее приведенные нами данные и в некоторой степени расширить используемый материал.

1. О значении термина «слово» в качестве заглавия эпического произведения. В статье 1956 г. нами даны примеры из древнерусских письменных памятников, подтверждающие, что термином «слово» или «слово о» могло обозначаться эпическое сказание в соответствии с греческим τὸ ἔπος или ὁ λόγος.² В дополнение к напечатанному там следует сослаться на употребление термина «Слово» в том же значении в памятниках старославянской переводной письменности в самую начальную эпоху развития старославянского литературного языка. Так, в переводе Евангелия (от Иоанна, гл. 21, ст. 23) при греческом: Ἐξήλθεν οὖν αὐτοῦ λόγος εἰς τοὺς ἀδελφούς, ὅτι ὁ μαθητῆς ἐκείνος οὐκ ἀποθνῆσκει, мы читаем: Изде же слово се въ брашна, яко оученика гга не оумрастѣ.³ И в этом случае старославянское «слово» соответствует греческому ὁ λόγος со значением «предание», «легенда». Таким образом, автор «Слова о полку Игореве», озаглавливая этим термином свое произведение, опирался на устойчивую и давнюю традицию и указывал тем самым на повествовательный, преимущественно эпический характер памятника.

2. Значение прилагательного «бебрынь» — «шелковый». Как уже показано в нашей статье, ряд древнерусских переводных произведений, датированных временем не позднее начала XI в., дают основания полагать, что этому прилагательному в ту эпоху было свойственно значение «шелковый» или близкое к нему. Равным образом и существительное «бобр—бѣбр», от которого данное прилагательное образовано, очевидно в соответствии с хазарским «хаз», могло являться одновременно названием как драгоценного меха, так и тонкой шелковой материи.⁴

Сошлемся еще на ряд примеров, подтверждающих наше предположение. Глава XXXII первой книги «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия

¹ Н. А. Мещерский. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки ЛГУ, № 198, сер. филологических наук, в. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике, 1956, стр. 3—9.

² Там же, стр. 4.

³ Остромирово евангелие (по рукописи), л. 54, строки 14—16.

⁴ Н. А. Мещерский. 1) К толкованию лексики... стр. 5—7; 2) Отрывок из книги «Иосифон» в «Повести временных лет». — Палестинский сборник, в. II (64—65). Изд. АН СССР, Л., 1956, стр. 67.

в древнерусском переводе, восходящем к XI в., рассказывает о погребении Ирода, царя Иудеи. При этом в описании его погребального ложа на месте греческого *άλουργίς* — «драгоценный шелк», «атлас» в древнерусском тексте стоит выражение «акы си кастер разноличьн». Так читаем в Виленском и Архивском списках так называемой хронографической редакции.⁵ В. М. Истрин, основываясь на чтении Волоколамского и других списков так называемой «отдельной» редакции, объяснял это сочетание как «акси-кастеръ», т. е. как передачу существовавшего, по его мнению, в разговорном греческом языке в византийскую эпоху слова *ὄξυκάστηρ*, представлявшего собой сложное слово, вторая часть которого обозначает «бровый мех», а первая могла бы иметь значение «острый», «драгоценный».⁶ Даже если не соглашаться с чтением В. М. Истрина и принимать чтение Виленского и Архивского списков — «кастеръ» (*κάστηρ*), то и в этом случае за ним остается та же семантика, что и у греческого слова *κάστηρ* в соответствии с латинским «castor» и древнерусским «бобръ». Таким образом, мы снова находим то же смысловое совпадение: «бобръ» — «шелк». Этот же смысл слова «бобр» может быть подтвержден, наряду с текстом книги «Есфирь» (I, 6), и другим древнерусским переводным памятником литературы — «Повестью об Акире». Это произведение было переведено на Руси не позднее XI в. и, по-видимому, с сирийского оригинала.⁷

В. Н. Перетц в своем комментарии к «Слову о полку Игореве» еще в 1926 г. обратил внимание на то, что ни в письменных памятниках, ни в устной поэтической традиции прилагательное «бебрянь» именно в данном морфологическом оформлении не употребляется: всегда и повсюду находим только «бровый». Этот же исследователь привел в качестве параллели к «Слову» одно место из «Повести об Акире», однако при этом никак не комментировал смыслового значения существительного «бъбр» в контексте «объвша ѿ бьбромь».⁸

В действительности текст «Повести об Акире» содержит два раза слово «бъбр» в значении «шелк», «виссон», «тонкое полотно». В первом случае в древнерусском тексте «Повести» мы находим «и одѣх ѿ бобром и брачином». Параллельные тексты «Повести» на других языках следующие: «и одевал его в тонкое полотно и пурпур» (сирийский текст); «одевал его в шелк и пурпур» (арабский); «я одел его в виссон и пурпур» (армянский).⁹

Во втором случае древнерусскому «одѣвша ѿ в бебер и брачину» мы находим соответствие в арабском тексте: «одевшихся в шелк и в пурпур».¹⁰

Таким образом, для нас не остается сомнения в том, что в древнерусском языке существительным «бъбр» могло обозначаться не только известное пушное животное, но и какая-то драгоценная, виссонная или тонкая полотняная ткань.

⁵ Рукопись Виленского хронографа. Библ. АН Литовской ССР, № 109—147, л. 562 об.; то же в рукописи Архивского хронографа б. Архива Министерства иностранных дел (ЦГАДА), № 279—658, л. 380 об.

⁶ Архив АН СССР, ф. 332, оп. 1, № 12. Черновая запись к неопубликованному исследованию В. М. Истрина о древнерусском переводе «Истории Иосифа Флавия». Исследование предполагалось опубликовать в Париже в издании Institut des études slaves в качестве третьего тома его книги «La prise de Jérusalem» (t. I, Paris, 1934; t. II, Paris, 1938).

⁷ А. Д. Григорьев, Повесть об Акире. М., 1913; Н. Н. Дурново, Материалы и исследование по старинной литературе, ч. 1. М., 1915. (В дальнейшем соответственно: Григорьев; Дурново).

⁸ В. Н. Перетц, Слово о полку Игореве. У Київ, 1926, стр. 307.

⁹ Григорьев, стр. 23; Дурново, стр. 20.

¹⁰ Григорьев, стр. 137. В вышеупомянутой работе В. Н. Перетца место приведено не вполне точно.

3. Глагол «похытити» — «поддержать». Во фразе «преднюю славу сами похитим, а заднюю я сами подѣлим»¹¹ глагол «похитим», вероятно, мог обозначать не «насильственно завладеем», как его обычно понимают в современном значении, а «поддержим», «подхватим».¹²

Если для значения «насильственно завладеть чем-либо» И. И. Срезневский приводит в качестве примера только указанное место «Слова»,¹³ то для значения «поддержать», «подхватить» мы имеем возможность, кроме текста древнерусского «Иосиппона», о котором шла речь в статье, процитировать также и параллельное место в переводе «Истории» Иосифа Флавия (Кн. VI, гл. III, 2). Там мы находим рассказ о двух римских воинах, один из которых остался на кровле подоженной иудеями храмовой башни. Обращаясь к своему другу, стоявшему внизу, прежде чем соскочить с кровли, этот воин говорит ему: «Тебе оставлю наследника моему стяжанию, аще приступль ухытиши мя» («Тебя оставлю наследником всему моему состоянию, если, подойдя, поддержишь меня»)¹⁴.

Другие списки вместо «ухытиши» дают лексические варианты этого глагола: «похытиши» находим мы в самом старом по времени списке (Румянцевском, восходящем на основании палеографических данных к первой трети XV в.); «ухватиши» — таково чтение Барсовского списка (XVI в.). Лексические варианты в параллельном месте «Иосиппона» совпадают с этими же значениями.¹⁵

4. «Ниче» («наниче») — «оборот», «изнанка». Для подтверждения такого значения мы приводили мнение А. С. Орлова, в свою очередь ссылавшегося на Н. С. Тихонравова, который подтверждал свое толкование церковнославянской цитатой: «наничь одежду одѣвати» (без указания на источник).¹⁶

Как удалось установить, источником данной цитаты нужно признать известный «Лексикон трехязычный» Феодора Поликарпова — знаменитого русского лексикографа конца XVII—начала XVIII в.¹⁷

Мы имеем полную возможность, таким образом, подкрепить наше толкование ссылкой на столь авторитетный и близкий к древнерусской эпохе источник, как труд одного из первых наших лексикографов.

5. Выражение «мысленное древо» («растѣкашется мыслію по древу») как обозначение музыкального инструмента, игрою на котором сопровождал свое пение Боян. Как известно, выражение «растѣкашется мыслію по древу», характеризующее в «Слове о полку Игореве» творческую манеру древнего певца Бояна, толкуется учеными по-разному. Одни из исследователей вслед за Карелкиным, Гербелем, В. И. Далем, Орестом Миллером, Всеволодом Миллером, Барсовым и В. Н. Перетцем полагают, что здесь речь идет о каком-то звере, и поэтому предлагают читать «мысию», а не «мыслію», как читается в мусин-пушкинском издании и в Екатерининской копии. Под «мысию» при этом разумеется название белки, мыши, лесной мыши и т. п.¹⁸

¹¹ См. наиболее убедительное разъяснение смысла этого места в статье Д. С. Лихачева «Из наблюдений над лексикой „Слова о полку Игореве“» (ИЮЛЯ, т. VIII, 1948, вып. 6, стр. 551—554).

¹² Н. А. Мещерский. К толкованию лексики..., стр. 7.

¹³ Срезневский, Материалы, т. II, стр. 1328.

¹⁴ Виленский хронограф, рукопись № 109—147, л. 691.

¹⁵ Н. А. Мещерский. К толкованию лексики..., стр. 7.

¹⁶ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, изд. II. М., 1946, стр. 83, 122, 123.

¹⁷ Ф. Поликарпов. Лексикон трехязычный. М., 1704, л. 83; Б. А. Ларин. Очерки по фразеологии. — Ученые записки ЛГУ, № 198, сер. филологических наук, в. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике, 1956, стр. 205.

¹⁸ Последнее по времени выступление в защиту этого мнения находим в заметке Н. М. Егорова «Мышью или мыслью?» (ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 13).

Исследователи, придерживающиеся противоположного мнения, как В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев и др., не находят необходимым подвергать исправлению текст, считая его и без того вполне понятным. При этом, во-первых, совершенно правильно не признают возможным отрывать сочетание «раствъкшется мыслию по древу» от стоящего несколькими строками ниже сочетания «скача... по мыслену древу». ¹⁹ Во-вторых, чтение «мыслию» поддерживается параллельным текстом в «Задонщине». ²⁰

Считаем нужным присоединиться к последнему мнению и в свою очередь высказать предположение о том, нельзя ли под сочетанием «мысленное древо» (дерево мысли) понимать поэтическое обозначение того музыкального инструмента, на котором играл Боян, т. е. гуслей. ²¹

В средневековой поэзии многих народов встречается обозначение словом «дерево» в сочетании в разнообразных текстах понятия «музыкальный инструмент», «арфа», игрою на которой сопровождается пение певца-поэта. Так, в древнем англо-саксонском эпосе в качестве синонима к слову «hearp» (арфа) часто находим выражение «glêo-beam» или «gamen-wudu» («дерево веселия», «дерево радости»). ²² Если древний англо-саксонский поэт мог называть свой музыкальный инструмент «деревом радости», то не представится для нас странным и то, что его русский современник, автор «Слова о полку Игореве», характеризуя «замышления Бояна», именует музыкальный инструмент, игрой на котором сопровождается его вдохновенное, но и полное глубоких мыслей пение, «древом мысли».

6. Выражение «лук напряжень» — «лучи (луца) съпряже». В «Слове о полку Игореве» обычны термины, обозначающие многообразные предметы вооружения древнерусских воинов. Точное употребление (в прямом смысле) этих терминов неопровержимо доказывает, что автор «Слова» был искусным воином, глубоким знатоком военного дела, по-видимому, одним из членов старшей дружины князя Игоря, сопровождавшим его в походе и принимавшим активное участие в сражениях с половцами. ²³

Однако эти военные термины используются автором не только в прямом их значении, но и обычно служат для построения поэтического образа. Они входят в ряд привычных, устойчивых словосочетаний, имеющих образно-символический смысл. Так, слова «мечь», «копье» и «стяг» встречаются многократно в тексте поэмы как в конкретном, прямом, так и в переносном значении, связанном с идеологией русского феодального общества XI—XII вв. ²⁴

Без сомнения, в подобном же двойном употреблении мы находим в «Слове о полку Игореве» и такие термины, как «лук» и «тул» (колчан для стрел).

В начальной части поэмы автор изображает сборы в поход воинов Игоря и его брата Всеволода, характеризует умелых воинов этого последнего, курян «свѣдомых къметей», о которых говорит: «луци у них напряжени,

¹⁹ «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»), стр. 377—378 и др. (В дальнейшем: Лихачев).

²⁰ В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1948, стр. 223—224.

²¹ Д. В. Айналов. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве». На каком инструменте играл Боян? — ТОДРА, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 155—158.

²² Б. И ль и ш. История английского языка. Учпедгиз, Л., 1939, стр. 87.

²³ Г. В. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла? Изд. «Молодая гвардия», 1956, стр. 15—128. Позволим себе высказать согласие с названным исследователем в отношении его характеристики автора «Слова» во всем, кроме попытки отождествить этого последнего с известным по летописям Рагуилом — тысяцким Черниговского княжества.

²⁴ Лихачев, стр. 272—276.

тули отворени». Этими выражениями автор «Слова» передает состояние полной боевой готовности воинов, которые в состоянии «отразить внезапное нападение половцев, как и сами быстро напасть на них».²⁵

Вторично эти же названия предметов стрелкового вооружения и в столь же близком сочетании друг с другом мы видим в «Плаче Ярославны». Обращаясь к солнцу, она припоминает тяжелое положение Игоревой рати в заключительный момент его битвы с половцами. Воины страдали от жажды и потеряли свою боеспособность: «в поле безводнѣ жаждею им лучи съпряже, тугою им тули затче».

До сих пор как будто исследователи проходят мимо несомненного параллелизма в приведенных местах «Слова». Если в качестве символа бодрости и боеспособности воинов мы находим выражение «лучи напряжени», то сведенные или искривленные от жары луки («лучи съпряже») — символ бессилия. Если «тули отворени» — символ готовности воинов принять бой, то замкнутые тугою (печалью) колчаны («тули затче») — естественный символ противоположного значения.

К словосочетанию «лучи напряжени» приводились многочисленные фразеологические соответствия из старославянских переводных текстов. Наиболее близкие из них: «Яко се грѣшници напрягоша лукъ уготоваша стрѣлы в тулъ» (Симоновская псалтырь, 1, 1952);²⁶ «роженицы (луки) их напряжени» (Исайи, V, 28).²⁷

Кроме того, Е. В. Барсов, а вслед за ним В. Н. Перетц и др. обычно приводят в качестве параллели место из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «мы немощни и слаби есмы противитися римляном, яко же и лукъ напряжень».²⁸ Как Е. В. Барсов, так и В. Н. Перетц, ссылаясь на процитированные слова, исходили из текста так называемой «отдельной» редакции перевода по Волоколамскому, Барсовскому и другим спискам. В них текст явно испорчен позднейшими переписчиками. В данном случае приводимая речь представляет собой отрывок из вставки, принадлежащей древнерусскому переводчику и отсутствующей в греческом оригинале соответствующей книги «Истории». Смысл этой речи в том, что иудейские первосвященники заявляют о своей невозможности оказать сопротивление римлянам; поэтому образ напряженного лука в этом контексте не вяжется с содержанием всего высказывания. На эту смысловую несообразность не обращали обычно внимания ни исследователи, занимавшиеся древнерусским переводом «Истории», ни комментаторы «Слова о полку Игореве».

Между тем более древняя и полная редакция перевода «Истории», содержащаяся в списках Виленского и Архивского хронографов, дает в данном случае верный и единственно правильный смысл: «яко мы немощни и слаби есмы противитися римляном, яко же и лукъ съпряжен».²⁹

В этом случае символом немощи в точном соответствии со смыслом контекста выступает именно сочетание «лукъ съпряжен», и не «лукъ напряжен», как ошибочно дается этот текст в списках «отдельной» редакции. Характерно, что переписчик Виленского хронографа вставляет от себя пояснение к словам «лукъ съпряжен» и пишет на полях: «или скривлян». Таким обра-

²⁵ Лихачев, стр. 393.

²⁶ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім, стр. 157.

²⁷ В. Н. Перетц. «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг. — ИОРЯС, т. III, 1930, стр. 299.

²⁸ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III. М., 1889, стр. 446; В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім, стр. 156.

²⁹ Виленский хронограф, л. 576 об.; Архивский хронограф, л. 389 об.

зом, не остается сомнения в том, что в тексте перевода «Истории» мы находим точную и яркую параллель к «Слову о полку Игореве», но не к тому месту, к которому она обычно приводится комментаторами, а к «Плачу Ярославны».

Подводя итог произведенным сопоставлениям, мы должны, во-первых, еще раз указать на то, что они свидетельствуют не об юго-западном, галицком, а скорее об юго-восточном происхождении первоначального текста «Слова о полку Игореве», сложенного, по всей видимости, в Северной земле, в княжении самого Игоря.³⁰ Во-вторых, сделанные филологические наблюдения подтверждают близость лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» ко все большему числу как ранее известных, так и вновь включаемых в научный оборот памятников древнерусской письменности.³¹ Несомненная их близость между собой с неопровержимостью доказывает подлинность и исконную древность этого важнейшего и совершеннейшего произведения русского героического эпоса. Чем глубже мы вчитываемся в содержание старинных памятников письменности, чем пристальнее изучаем их слог, тем больше мы находим в них совпадений с лексикой и фразеологией «Слова о полку Игореве», тем отчетливее мы разбираемся в содержании «Слова», тем яснее понимаем его язык.

³⁰ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 196. Это предположение подтверждается также анализом редкой диалектной лексики в тексте «Слова».

³¹ С. И. Котков. Из курско-орловских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Орловского педагогического института, т. IX, Орел, 1954, стр. 3—23; Н. А. Мещерский. К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики. — Ученые записки Карельского педагогического института, сер. историко-филологических наук, т. III, в. 1. Петрозаводск, 1956, стр. 64—88.

К. В. КУДРЯШОВ

Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь

Выяснение пути, по которому Игорь Северский совершил свой поход на половцев в 1185 г., продолжает привлекать внимание исследователей до настоящего дня. За последнее время в печати высказано несколько возражений против предложенного мной варианта пути Игоря.¹ Это побуждает меня вновь пересмотреть свой вариант, дать ответ моим оппонентам и изложить некоторые новые дополнительные доводы.

Как известно, Н. М. Карамзин место столкновения Игоря с половцами относил к бассейну нижнего Дона. Однако ряд исследователей, начиная с В. Н. Татищева, считают, что события похода Игоря разыгрались в районе среднего течения Северского Донца, а не нижнего Дона. К этому выводу пришли еще современники Н. М. Карамзина — академик П. Бутков и Н. Арцыбашев, а вслед за ними Д. Дубенский, Н. П. Барсов, Н. Я. Аристов, Д. И. Багалей, П. В. Голубовский, А. В. Лонгинов, В. Г. Ляскоронский, академик Б. Д. Греков, М. Д. Приселков, К. В. Кудряшов, В. А. Афанасьев, Н. В. Сибилев, В. Г. Федоров. Однако недавно появилась статья В. М. Глухова, который, в сущности, пытается возродить (с некоторыми поправками) давно отвергнутый наукой вариант Н. М. Карамзина.²

Ссылаясь на поэтическое выражение в «Слове», где говорится, что «два сокола слетеста с отня стола злата поискати града Тьмуторокани»,³ В. М. Глухов целью похода Игоря считает овладение Тмутараканью, а принимая во внимание громадное расстояние, которое предстояло пройти до нее северским полкам, полагает, что: 1) все войско Игоря было конным; 2) из Новгород-Северска Игорь направился к верховьям Мжа и Коломака, переправился через Донец на Савинском перевозе и 2 мая подошел к Осколу; соединившись со Всеволодом, Игорь переправился будто бы 4 мая через Оскол (?), и, двигаясь по левой стороне Донца, северские князья достигли самого нижнего Дона.

С этими утверждениями В. М. Глухова никак нельзя согласиться. Прежде всего, фраза, извлеченная из поэтического произведения, — это еще не историческое свидетельство. Мысль о том, что будто бы Игорь намеревался овладеть Тмутараканью, требует обоснования в исторических источниках. Летописи ничего подобного не подтверждают. Ни Лаврентьевская, ни Ипатьевская летописи при описании похода Игоря о Тмутаракани даже не упоминают. Ипатьевская летопись о причинах похода и вовсе

¹ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. Очерки исторической географии. Географизм, М., 1948, (в дальнейшем: Кудряшов), стр. 42—90 («Слово о полку Игореве»).

² В. М. Глухов. К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955 (в дальнейшем: Глухов), стр. 38.

³ Глухов, стр. 22.

молчит, отмечая только, что северские князья начали свой поход, «утаившись» от князя Святослава.⁴ Лаврентьевская летопись, относящаяся отрицательно к военным действиям Игоря и Всеволода, говорит более откровенно, что, завидуя удачным походам Святослава, северские князья задумали сами пойти на половцев, заявляя: «Мы есмы ци не князи же? Пойдем такоже себе хвалы добудем».⁵ Следовательно, цель похода — не отдаленная, недоступная Тмутаракань, а гораздо более близкие степные районы и реальные для южнорусских князей политические цели.

В. Г. Федоров не без основания обратил внимание на слова В. Н. Татищева о том, что «Игорь, завидуя чести, полученной Святославом, уже возвратясь в Новгород, не долго медля, собрал войско»;⁶ но дело было не в одной «зависти». Следует здесь вспомнить, что, по хорошо обоснованному мнению М. Д. Приселкова, поход Игоря в 1185 г. был связан с политикой Византии, призывавшей Русь отвлечь обратно в степь половецкие силы, посланные на помощь болгарам, восставшим против Византии в 1185 г.⁷

Неубедительны также соображения В. М. Глухова в пользу того, что якобы все войско Игоря было конным.

С. М. Соловьев, внимательно изучивший вопрос о численности и составе войска русских феодальных князей XII в., пишет, что «если борьба шла между князьями... например между Черниговским и Северским, то мы не можем предположить, чтобы каждый из них мог вывести в поле больше пяти тысяч войска».⁸ Но указанное С. М. Соловьевым число включало и конных и пеших воинов. Если даже допустить, что у Игоря было 2000 конных воинов, то с одной только конницей, столь малочисленной, Игорю предстояло бы пройти от Оскола до нижнего Дона за шесть дней (по подсчетам самого В. М. Глухова) огромное расстояние, около 400 км, делая каждый день переход по 65 км в среднем.⁹ Мыслимо ли допустить, что с такими незначительными силами Игорь рискнул предпринять столь далекий «конный рейд» через обширную Половецкую степь, где слабому русскому отряду угрожала бы постоянная опасность со всех сторон от многочисленных кочевников, из которых каждый взрослый был конным воином? Подобное допущение было бы невероятным.

Против него говорят и другие данные.

Еще в 1170 г. на совещании русских князей было открыто заявлено, что половцы «у нас и Греческий путь отнимают и Соляный и Залозный».¹⁰ Значит, южнорусские князья даже общими объединенными силами не могли уже удержать в своих руках пути, соединявшие Русь с Причерноморьем. В степи половцы господствовали. При таких условиях Игорю невозможно было и мечтать о том, чтобы с одними своими силами отважиться на поход для овладения далекой Тмутараканью.

Стараясь доказать, что все войско Игоря Северского в походе 1185 г. было конным, В. М. Глухов приводит целый ряд цитат в подтверждение

⁴ Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871 (в дальнейшем: Ипат. лет.), стр. 435.

⁵ Лаврентьевская летопись. Л., 1926 (в дальнейшем: Лавр лет.), стр. 398.

⁶ В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла? Изд. «Молодая гвардия», 1956 (в дальнейшем: Федоров), стр. 24.

⁷ М. Д. Приселков. «Слово о полку Игореве» как исторический источник. — Историк-марксист, 1938, № 6, стр. 128—131. (В дальнейшем: Приселков); История Болгарии, т. I, 1905, стр. 121—122.

⁸ С. М. Соловьев. История России, т. I. Изд. «Общественная польза» (в дальнейшем: Соловьев), стр. 690; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949 (в дальнейшем: Греков), стр. 328—329.

⁹ Глухов, стр. 36.

¹⁰ Ипат. лет., стр. 368.

общеизвестного факта, что русские феодальные князья XII в. владели конскими табунами. Он считает, будто бы русские князья «могли в случае похода сажать на коня городское ополчение и своих смердов». ¹¹ Однако историки, изучавшие этот вопрос (С. М. Соловьев, Б. Д. Греков и др.), приходят к другим выводам. В специальной главе, посвященной «воям», Б. Д. Греков указывает, что в состав воев набираются как сельчане (главную массу которых составляют смерды), так и горожане, причем «сельчане-смерды всегда изображаются в войске пехотинцами. На конях сражаются князья и дружина, возможно, что и часть горожан». По поводу походов 1109 и 1111 гг. тот же исследователь пишет, что «конница была тогда немногочисленна», а «кони нужны были главным образом для обоза». ¹² Ссылаясь на летописное описание похода 1111 г. и на «Поучение» Владимира Мономаха, Н. М. Карамзин указывает, что русские «воины не носили тяжелых лат в походе, когда неприятель был еще далеко... Они и самое оружие посылали на возах вперед к сборному месту». ¹³ С. М. Соловьев к этому добавляет, что в походе не только оружие везли на возах, но на них же ехали и сами вои. ¹⁴

Хотя В. М. Глухов и признает участие пехоты в походе 1103 г., но, ссылаясь на возросшее в XII в. значение конницы в военном деле, считает, что начиная с похода 1111 г. князья якобы «имеют только конное войско». ¹⁵ Но подобное утверждение противоречит летописи, которая рассказывает, что русские князья, дойдя до р. Голтвы, остановились и «ту пождаша и вои», ¹⁶ иными словами, ушедшая вперед конница вынуждена была поджидать на Голтве подхода пехоты; и, значит, пешее войско, вопреки утверждению В. М. Глухова, участвовало в походе 1111 г.

Не следует также забывать, что в XII и XIII вв. в военном деле на Руси пешее войско по-прежнему продолжало играть важную роль. Участие пехоты в русском походе 1111 г. в глубь половецких степей было обычным явлением. Характеризуя военное дело на Руси в период феодальной раздробленности, Б. А. Рыбаков справедливо замечает, что «пешее войско заходило даже глубоко в степь (при походах на половцев); без пехоты князья иногда не решались даже вступать в бой, а в столкновениях с конницей пехота нередко одерживала победу». ¹⁷

Обычный боевой порядок русских войск состоял из центра («чело») и флангов («крылья»). В центре ставилась пехота, а на флангах — конница. В XII в. перед центром стали выдвигать еще одну линию. ¹⁸ Именно такое построение наблюдается в походе Игоря Северского в 1185 г. перед боем на р. Сяурлий.

Северские князья, видя, что они окружены со всех сторон половцами, рассуждали так: «оже побегнем, утечем сами, а черныя люди оставим, то от бога ны будет грех: сих выдавше, пойдем; но — или умрем, или живы будем, — все на едином месте». ¹⁹ Эти слова летописца с несомненностью удостоверяют, что в походе Игоря участвовали и пешие воины — «черные люди». К этому выводу пришел целый ряд исследователей. Б. Д. Греков, например, пишет, что «в походе на половцев в 1185 году князья сошли

¹¹ Глухов, стр. 24.

¹² Греков, стр. 333, 328, 322.

¹³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II, прим. 205; Ипат. лет., стр. 192; Повесть временных лет, ч. I. М., 1950, стр. 361.

¹⁴ Соловьев, стр. 687.

¹⁵ Глухов, стр. 25.

¹⁶ Ипат. лет., стр. 192.

¹⁷ История культуры древней Руси, т. I. М., 1948, стр. 405.

¹⁸ История военного искусства. Сборник материалов, в. I. М., 1951, стр. 184.

¹⁹ Ипат. лет., стр. 432—433.

с коней и начали биться в пешем строю, чтобы в случае отступления не оставить на поле битвы пешую часть войска — „черных людей“». ²⁰ Д. С. Лихачев также признает, что войско Игоря включало «конную княжескую дружину и пешее ополчение из крестьян». ²¹

Полагаем, что вопрос об участии пехоты в походе Игоря не нуждается в дальнейшем разьяснении. Добавим к этому, что если бы даже все войско Игоря действительно состояло из конницы, то и в этом случае надо было бы признать, что столкновение северских войск с половцами разыгралось в районе между Изюмом и Тором, т. е. в Донецком бассейне. К такому выводу неумолимо принуждает неоспоримое указание в Книге Большому Чертежу на местонахождение реки Сальницы около Изюма.

По утверждению В. М. Глухова, поход Игоря был совершен не на Донец, а на Дон, в подтверждение чего делается ссылка на Ипатьевскую летопись, которая будто бы называет именно реку Дон. ²² Однако в действительности в Ипатьевской летописи в описании похода Игоря ни разу не упоминается о Доне, но зато трижды называется Донец, а именно: при описании похода северских войск к этой реке, при переправе через нее и, наконец, при отступлении к ней после ночлега в степи.

Вопреки ошибочному мнению В. М. Глухова, Северский Донец иногда в древних источниках действительно называется Доном. Это правильно подметил еще 200 лет тому назад В. Н. Татищев, который по поводу летописного описания похода 1111 г. говорит: «Здесь хотя во всех манускриптах написано — на реке Дону, но обстоятельства доказывают, что это Донец Северский, который Доном на многих местах именован, что и река Салница, сказанная здесь, утверждает, ибо она течет в Донец с правой стороны, ниже Изюма, как в Большом Чертеже показано. Сия же ошибка, что Донец Доном называется, есть древняя». ²³ С этим мнением В. Н. Татищева согласились и позднейшие исследователи, как Н. Барсов, Голубовский, Д. Багалеи, К. В. Кудряшов, Б. А. Рыбаков, В. Г. Федоров и др. ²⁴

Для географического определения места столкновения войск Игоря с половцами важнее всего указание Ипатьевской летописи на реку Сальницу, где высланные вперед русские «сторожа» — разведчики встретились с подошедшими войсками Игоря. Согласно Книге Большому Чертежу, Сальница впадает в Северский Донец с правой стороны, между реками Изюмом и Изюмцом, вблизи нынешнего города Изюма.

В. М. Глухов отказывается верить показанию Книги Большому Чертежу относительно Сальницы на том основании, что в 37 рукописных списках Книги Большому Чертежу о Сальнице не упоминается и будто бы только в печатных изданиях (1792 г.) этого источника Сальница показана впадающей в Северский Донец около Изюма. ²⁵ Но приведенное возражение В. М. Глухова ничего еще не доказывает. То обстоятельство, что в одних списках Сальница упоминается, а в других ее нет, свидетельствует лишь о том, что были разные редакции Книги Большому Чертежу, — и только, не более. А что рукописные экземпляры с упоминанием о Сальнице дей-

²⁰ Б. Д. Греков. Политический строй феодальной Руси XI—XII века. — В кн.: Очерки истории СССР IX—XIII вв., I. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 161.

²¹ Слово о полку Игореве. Л., изд. «Советский писатель», 1953 (Библиотека поэта, Малая серия, изд. 3), стр. 13.

²² Глухов, стр. 28.

²³ В. Н. Татищев. История Российская, кн. 2. М., 1773, стр. 457, прим. 352.

²⁴ Н. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 149, 303; Кудряшов, стр. 116, 117; Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. — КСИИМК, т. 43, стр. 20; Федоров, стр. 47—48; Лавр. лет., стр. 250.

²⁵ Глухов, стр. 27—30.

ствительно были, это подтверждается тем, что еще в 1740-х годах, т. е. задолго до опубликования (1792 г.) Книги Большому Чертежу, В. Н. Татищев имел ее рукописный экземпляр, где Сальница упоминалась. Н. С. Арцыбашев в 1820-х годах писал, что Сальница «впадает с правой стороны в Донец не только выше Оскола, но даже и Изюмца (см. Книгу Большому Чертежу; мы имеем ее рукописную)». ²⁶ Значит, и в XVIII и в XIX в. имелись рукописные экземпляры с упоминанием о Сальнице. Если бы даже до нашего времени и не сохранилось ни одного такого списка, это все же не давало бы права отрицать их существование в прошлом. Троицкая летопись, например, до нашего времени не сохранилась, но кто же из историков на этом основании станет сомневаться в том, что она существовала? Единственный известный список «Слова о полку Игореве» был уничтожен пожаром в 1812 г., и остались только две копии «Слова». Однако никто из исследователей (в том числе и сам В. М. Глухов) не отрицает существования списка «Слова» в прошлом.

Не забудем также, что 11 списков Книги Большому Чертежу остались еще неразысканными, ²⁷ и среди них вполне могут быть списки с упоминанием о Сальнице. К этому добавим, что ни один историк, начиная с современников Н. М. Карамзина (П. Бутков, Н. С. Арцыбашев и др.), не отрицает показаний Книги Большому Чертежу относительно Сальницы. Автор самой новейшей работы о «Слове», В. Г. Федоров, также опирается на свидетельство Книги Большому Чертежу о Сальнице, которую правильно помещает в бассейне Северского Донца, около Изюма.

Указанное местоположение Сальницы подтверждается и наличием возле нее Изюмского кургана («Кременная гора», «шеломья»), за который выступила в степь Русь, о чем «Слово» восклицает: «О, Русская земля! Уже за шеломьянем еси!». ²⁸

Из летописного описания похода Игоря Северского видно, что Каяла находилась в районе между реками Сальницей и Сюрлий, от которой русские отступали к северу «хотяхуть бо быющесе дойти реки Донця». ²⁹ Таким образом, неоспоримое свидетельство Книги Большому Чертежу о местонахождении Сальницы в районе Изюма, вблизи Изюмского кургана, подтвержденное пребыванием Игоря в плену именно на реке Тор, недалеко от Сальницы, — все это, вместе взятое, делает невероятным всякое предположение о местоположении реки Каялы в бассейне нижнего Дона.

Тщетны поэтому все попытки В. М. Глухова предложить на выбор сразу три Каялы, а именно: 1) Кагальник, правый приток Дона, впадающий несколько выше устья Северского Донца; 2) реку Маныч и 3) Кагальник, впадающий в Азовское море ниже устья Дона. Ни одна из этих мифических «Каял» не может удовлетворять требованиям научной достоверности. Они свидетельствуют лишь о большой авторской изобретательности В. М. Глухова и опровержения не требуют. Впрочем и сам В. М. Глухов, видимо, не очень доверяет своим домыслам о «Каялах» и готов согласиться с теми исследователями, которые слово «Каяла» понимают в символическом значении, в переносном смысле. ³⁰

²⁶ Н. С. Арцыбашев. Игорь или война половецкая. — Вестник Европы, 1826. № 11, стр. 193, прим. 32.

²⁷ Книга Большому Чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной. Изд. АН СССР, 1950, стр. 7, прим. 1.

²⁸ «Слово о полку Игореве». Изд. АН СССР, 1950, стр. 41.

²⁹ Ипат. лет., стр. 432.

³⁰ Глухов, стр. 37.

Прежде чем перейти к вопросу о местонахождении Сюурля и Каялы, исследователю необходимо определить среднюю величину дневного перехода русских войск в XII в., так как оба эти вопроса неразрывно связаны между собой. Для суждения о величине суточного перехода русских войск в XII в. летописи дают материала недостаточно. Во время похода 1103 г. русских пеших воинов везли по Днепру до самой Хортицы на ладьях, а конница шла по берегу. Соединившись, русские войска за 4 дня прошли от Хортицы до реки Сутени (Молочная) около 100 верст,³¹ следовательно делали переход в среднем около 25 верст в день. Во время похода 1111 г. русские войска, выйдя 26 февраля из Переяславля, в пятницу 3 марта дошли до реки Сулы и, таким образом, за 6 дней прошли немногим более 120 верст, делая в среднем переход в 20 верст. Продвигаясь далее, русские достигли реки Ворсклы во вторник 7 марта, т. е. за 4 дня прошли еще около 130—135 верст, делая в среднем переход около 33 верст. Все же расстояние от Переяславля до Ворсклы, составляющее, по Аристову, около 260 верст, было пройдено в 10 дней, и, значит, в среднем однодневный переход равнялся 26 верстам (хотя в отдельных случаях величина однодневного перехода колебалась в пределах 20—38 верст). Вслед за Н. Аристовым к тому же выводу пришли Н. Барсов, А. В. Лонгинов и др.³² Наши собственные изыскания также подтверждают указанный вывод. Летописные данные о походе 1170 г.³³ и зимнем походе 1187 г.,³⁴ не содержат необходимых сведений для определения размера однодневного перехода. Здесь возможны лишь более или менее вероятные догадки, но они не могут служить опорой для надежного вывода.

Стремясь расширить материал для суждения по затронутому вопросу, В. Г. Федоров ссылается на учебник Е. Разина по истории военного искусства, где говорится, что во время похода Ивана Грозного на Казань в 1552 г. правая колонна русской армии на пути от Коломны «до реки Суры (около 700 км)... сделала 24 перехода со средней величиной суточного перехода около 30 км». От реки Суры (где объединились обе колонны) до Свияжска (около 200 км) русская армия дошла в 8 дней с одной дневкой, что «составляло ту же среднюю величину суточного перехода (28—30 км)».³⁵ Однако это исчисление сделано неточно. Нельзя определять среднюю величину перехода, не учитывая дневок, когда войска отдыхали, оставаясь на месте. Известно, что в данном походе русская армия вышла из Коломны 3 июля и пришла к Свияжску 13 августа, т. е. находилась в пути 42 дня. На основании этих данных И. А. Коротков делает более правильный подсчет, по которому русская армия проходила в среднем 20 км в день.³⁶ С этим выводом нельзя не согласиться. В качестве примера большого однодневного перехода приводится иногда указание на то, что в 1245 г. русские войска в один день прошли от Холма до Люблина около 65 км.³⁷ Но случаи подобных форси-

³¹ Ипат. лет., стр. 183; Кудряшов, стр. 92, 94.

³² Н. Аристов. О земле половецкой. Киев, 1877, стр. 7—9; Н. Барсов. Очерки..., стр. 302—304; А. В. Лонгинов. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году, Одесса, 1892, стр. 212.

³³ Ипат. лет., стр. 369.

³⁴ Ипат. лет., стр. 440.

³⁵ Федоров, стр. 38.

³⁶ И. А. Коротков. Иван Грозный. Военная деятельность. М., 1952, стр. 31; ПСРА, т. XIII, 1-я половина, стр. 192, 199—201.

³⁷ Б. А. Рыбаков. Рецензия на «Половецкую степь» К. В. Кудряшова. — Советская книга, 1949, № 11 (в дальнейшем: Рыбаков), стр. 34; Ипат. лет., стр. 529.

рованных переходов не могут служить основой для определения средней величины перехода русской пехоты при многодневном дальнем маршруте. Не разъясняет вопроса и ссылка на то, что «Татищев называет 25 верст „полднищем“, т. е. половиной дневного перехода».³⁸ Ведь В. Н. Татищев рассказывает о том, что во время возвращения Игоря в свой Новгород, «не доехав (меньше полуднища) верст за 20, споткнулся конь под Игорем и ногу ему повредил».³⁹ Здесь говорится о переходе конного воина, а не пешего. Б. А. Рыбаков напоминает летописные данные о том, что в 1236 г. русские войска от Галича до Холма прошли 235 км в 3 дня, «делая по 78 км в сутки», а в 1248 г. князь Василько преследуя ятвягов, прошел от Владимира Волынского до Дрогычина за 3 дня около 205 км, делая суточный переход в 68 км. Но приведя эти факты, Б. А. Рыбаков тут же поясняет, что «быстрота передвижения часто достигалась тем, что скакали „о дву конь“, попеременно пересаживаясь с уставшего коня на свежего и имея при себе „сумного“ коня, несшего необходимый минимум запасов».⁴⁰ Иными словами, здесь идет речь о суточном переходе конницы. Нас же интересует величина перехода не конницы, а древнерусской пехоты. Таким образом, эти примеры не помогают выяснению интересующего нас вопроса.

Согласно утверждению В. Г. Федорова, «при длительных многодневных переходах современные войска проходят по 20—25 верст в сутки, отдыхая 2 дня в неделю. Малые привалы, по 15 мин., делаются через каждый час, а большой привал — продолжительностью от часу до четырех часов — после того, как войско преодолевает половину дневного пути; при обыкновенных переходах движение походным порядком продолжается около 10 часов, и не менее 14 часов отводится на отдых».⁴¹ Тем не менее, в прямом противоречии с только что им же указанными данными, В. Г. Федоров полагает, что будто бы древнерусская рать в походе «как правило», совершала переходы «по 40 верст в день».⁴² Для обоснования этого неожиданного мнения не приведено ни одной ссылки на летопись, что и неудивительно, так как летопись не подтверждает такого предположения.

Итак, все сказанное нами выше по данному вопросу позволяет сделать вывод, что величина суточного перехода древнерусской пехоты в длительном многодневном маршруте в среднем составляет около 25—30 верст с небольшими колебаниями в ту и другую сторону. В частности, войска Игоря по принятому нами маршруту могли проходить в день около 30 верст и несколько более. Объясняется это тем, что, по утверждению специалиста, изучившего развитие русских путей до конца XVII в., «Изюмский шлях представлял из себя очень удобную дорогу для татарских вторжений — не было ни одного, даже незначительного перевоза на всем его протяжении (от самого Изюмского перевоза до соединения шляхов Изюмского с Муравским), ни одной реки».⁴³ Выясняя направление, по которому Игорь совершал свой поход в степь, надо вспомнить высказанное еще П. Бутковым предположение о том, что Игорь через Суджу и Корочу вышел на «древний Изюмский шлях».⁴⁴

³⁸ Рыбаков, стр. 34.

³⁹ В. Н. Татищев. История Российская, кн. 3. М., 1774, стр. 271.

⁴⁰ Рыбаков, стр. 35.

⁴¹ Федоров, стр. 35.

⁴² Федоров, стр. 41.

⁴³ Краткий исторический очерк развития водных и сухопутных сообщений и торговых портов в России. СПб., 1900, стр. 65.

⁴⁴ П. Бутков. Нечто к слову о полку Игоря. — Вестник Европы, 1821, ноябрь, стр. 51.

Догадку об Изюмской сакме следует признать правильной, но для выхода на упомянутую сакму не было надобности проходить через Суджу и Корочу, как будет пояснено дальше.

Нами было уже подробно обосновано, что обычный для северских князей путь пролегал по водоразделу между Сеймом и Пслем, по Бакаевой дороге, ведущей от Рыльска к верховьям Донца и Сейма. Перейдя здесь Северский Донец, Игорь вышел на Изюмскую сакму, по которой и двинулся вместе со Всеволодом на юг к реке Сальнице. Принято думать, что из Новгород-Северска Игорь вышел на Бакаеву дорогу через Путивль. Но обоснованием для такого мнения не может служить поэтический рефрен: «Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыеве; трубы трубятъ в Новеграде; стоять стязи в Путивль». Нам представляется более вероятным, что Игорь из Новгорода направился на Бакаеву дорогу кратчайшим путем через Рыльск; тем более что князья собрались под «стязи» Игоря не в Путивле, а «сняшася у Переяславля»,⁴⁵ т. е. у Переяславской границы. Все варианты, допускающие движение Игоря через Переяславское княжество, кажутся неправдоподобными не только потому, что это значительно удлиняло бы путь, но и потому, что Игорь, желавший уйти в поход, «утаившася» от Святослава Всеволодовича, вынужден был не проходить через владения переяславского князя, который, будучи постоянным участником походов Святослава в степь и притом враждебно настроенным к Игорю, быстро известил бы Святослава о выступлении северских князей.⁴⁶ В 1183 г., поссорившись с Игорем, переяславский князь напал на северские города и пограбил их.⁴⁷ При создавшихся условиях трудно даже допустить, чтобы Владимир Глебович разрешил Игорю с его войском пройти через территорию Переяславского княжества.

Согласно летописи, от Сальницы русские шли всю ночь и на следующий день, в пятницу 10 мая, «в обеднее время», увидели половецкие полки, стоявшие на другой стороне реки «Сюурлия».⁴⁸ Реку Сюурлий, таким образом, надо искать на расстоянии полуторадневного перехода от Сальницы. В прямом расхождении с Ипатьевской летописью во второй редакции (изданной в 1774 г., часть 3) в «Истории Российской» В. Н. Татищева говорится, что русские встретили половцев на реке Суугли, а о Сюурлии вообще не упоминается. Сопоставляя наименование «Суугли» с русским названием «Угол», «Угла» для реки Орели, Аристов отождествил Орель и ее приток Орельку с рекой Сюурлий. В. Г. Федоров, поддерживая мнение Аристова, утверждает, что конные и пешие войска Игоря «могли» будто бы «пройти за сутки форсированным маршем расстояние от Сальницы до Орели—Суугли, равное 70 верстам».⁴⁹ Мы считаем невероятным такой громадный переход для пеших воинов древнерусской рати, уже утомленной 17-дневным походом и к тому же вынужденной бегать свои силы к предстоящему бою. Ряд других доводов также говорит против демарша от Сальницы к Орели. В самом деле, если Игорь двинулся в поход с целью напасть на половецкие вежи у Орели, то зачем было бы тогда выбирать такой длинный обходной путь — через Изюмскую сакму, выведившую совсем в другую сторону, к Торским по-

⁴⁵ Лавр. лет., стр. 397.

⁴⁶ Приселков, стр. 115, со ссылкой на летописец Владимира Глебовича князя Переяславского.

⁴⁷ Ипат. лет., стр. 424—425.

⁴⁸ Ипат. лет., стр. 431.

⁴⁹ Федоров, стр. 69.

ловецким вежам, вдали от Орели. Несравненно проще и скорее можно было дойти до Орели Муравским шляхом, тем самым путем, которым Игорь ходил неоднократно: и в 1174 г. «в поле за Ворсклу», и в 1184 г.,

Маршрут похода Игоря 1185 г. (Вариант К. В. Кудряшова).

когда встретил половцев «за Мерлом» (приток Ворсклы).⁵⁰ Очевидно, в 1185 г. Игорь хотел напасть на половцев торских, а не орельских.

Ссылаясь на А. А. Шахматова, В. Г. Федоров пишет, что в неопубликованной первой редакции «Истории» В. Н. Татищева в соответственном месте текста (и в полном согласии с Ипатьевской летописью) стояло

⁵⁰ Ипат. лет., стр. 387 и 427.

наименование «Сюурлий». В изданной же, второй редакции вместо «Сюурлий» поставлено «Суугли». По мнению В. Г. Федорова, это название «Суугли» заимствовано Татищевым из какой-то, не дошедшей до нас летописи.⁵¹ С этим, однако, трудно согласиться. «Су» — слово тюркское (в значении «вода», «река»), а «Угол» — русское название. Значит, словосочетание «Суугли» — не тюркское и не русское, и в такой естественной форме, по нашему мнению, оно не могло появиться в русской летописи. Надо признать, что такое искусственное словообразование или, по выражению Шахматова, «изобретено» В. Н. Татищевым, или же, что более вероятно, в авторском оригинале второй редакции также стояло «Суурли», превратившееся в «Суугли» вследствие ошибки переписчика или корректора, быть может, из-за неразборчивости рукописного текста.

Вновь подтверждая и уточняя наше прежнее положение, высказанное в «Половецкой степи», относительно реки Сюурлий, мы считаем, что русская рать в течение ночи и утра следующего дня могла пройти от Сальницы до Сюурлия около 40—45 верст, едва ли более. Это соответствует расстоянию между Изюмом и местом слияния Голой Долины, Сухого и Казенного Торца. Название «суярлы» (в значении «развилка рек», «разлив воды») вполне применимо к указанному слиянию рек, в особенности к впадению разветвленного устья Голой Долины в Сухой Торец.⁵² Косвенно такое местоположение реки Сюурлий подтверждается сообщением В. Н. Татищева о том, что от этой реки половцы отступили «за гору». Действительно, в углу, образуемом Сухим и Казенным Торцом, к югу от Сухого Торца расположена гора Карачун.⁵³

По месторасположению реки Каялы имеется ряд гипотез. Еще П. Бутков первый отождествил Каялу с Кальмиусом, что нашло поддержку у Аристова и др. Гипотеза эта сначала показалась правдоподобной и мне, но внимательное изучение источника убедило, что после победы на реке Сюурлий русские двинулись не на юг (к Кальмиусу), а на север (по направлению к Донцу), и, значит, принимать Кальмиус за Каялу было нельзя. Предстояло искать Каялу, руководствуясь указаниями, 1) что она имеет быстрое течение, согласно указанию «Слова», и 2) что тюркское слово «каялы» обозначает «каменистая». В 1943 г. Н. В. Сибилев первый высказал предположение, что Каялой надо считать речку Макатиху, которая имеет быстрое течение и крутые высокие берега. Это предположение казалось весьма вероятным и давало мне основание написать: «Возможно, что Макатиха и есть река Каяла, как полагал местный украинский археолог Н. В. Сибилев, специально обследовавший этот район».⁵⁴ Гипотеза Н. В. Сибилева подвинула поиски Каялы вперед, но известное сомнение в окончательном решении вопроса все же оставалось. Недавнее гидрологическое исследование интересующего нас района выявило, что речка Макатиха — это небольшой ручей. Долина Макатихи представляет собой «заболоченный намытый чернозем», сток воды имеет «крутое падение», но далеко не совершенен. «Это приводит, с одной стороны, к заболачиванию, с другой — к образованию ступенек с небольшими водопадами».

⁵¹ Федоров, стр. 146, 147.

⁵² Кудряшов, стр. 68, 69.

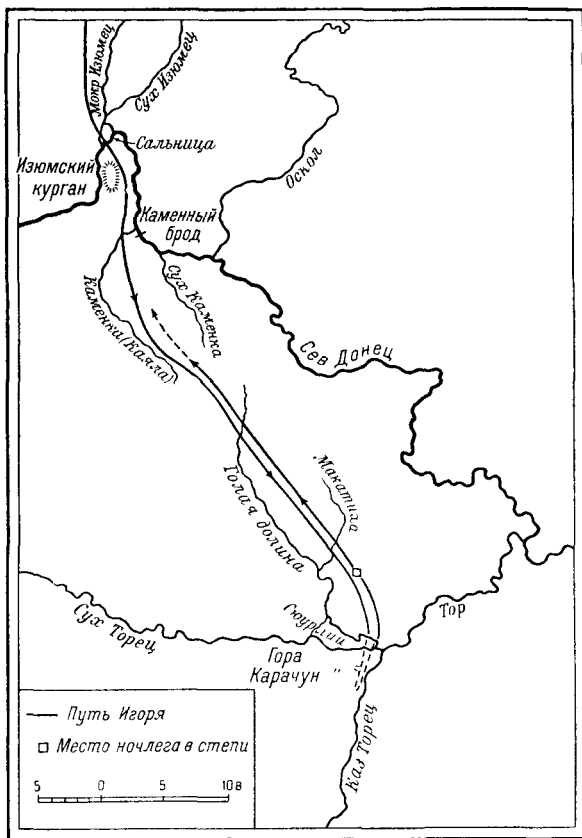
⁵³ Сведения о горе Карачун, а также (см. ниже) о реке Макатихе сообщены мне С. В. Грум-Гржимайло, которому выражаю здесь искреннюю признательность.

⁵⁴ Обследовав на месте район между Изюмом и Славянском, Н. В. Сибилев собрал ценный материал и сделал интересные выводы. См. ссылки на Н. В. Сибилева в моей книге «Половецкая степь» (стр. 73, 89, 122).

Приведенная характеристика Макашихи означает, что это — не «каменистая» река и, значит, ее нельзя считать Каялой.

Где же притаилась настоящая Каяла?

Путь Игоря, отходившего от реки Сюрзлий к Северскому Донцу, неизбежно должен был пересечь реку Каменку, протекающую в 4 верстах от Изюмского кургана и впадающую в Северский Донец между Изюмом и Осколом.⁵⁵ Окруженные на рассвете в субботу (11 мая) половцами,

Сальница, Сюрзлий и Каяла (Вариант К. В. Кудряшова).

русские, отбиваясь от врагов, непрерывно продвигались к Северскому Донцу в течение всего дня, наступившей затем ночи и утра 12 мая, пока не потерпели поражения на Каяле. В этих условиях продвижение северских войск происходило хотя и медленнее, чем во время их наступ-

⁵⁵ С названием Каменки вполне согласуется то, что в обе стороны от нее тянется по правому берегу Северского Донца широкая полоса с выходами пород юрской и меловой системы (известняки, мел, песчаники). В Книге Большому Чертежу эта река носит название Ерек Каменной. Имелись в этом районе и озера (см.: Подробная карта Российской империи, составленная при Александре I под руководством П. К. Сухтелена и К. И. Опшермана, часть XIV; специальная карта Европейской России (десятиверстка), л. 61; Книга, глаголемая Большой Чертеж, изд. Спасским. М., 1846, стр. 38; сб. «Россия», под ред. П. П. Семенова-Тяньшанского, т. VII, стр. 16 (геологическая карта)).

ления к югу, но в указанный срок дойти до места ночлега в степи до реки Каменки они могли.

Указанную реку Каменку мы и считаем настоящей Каялой ввиду полного соответствия названия Каменки с наименованием «Каялы» в значении «каменистая».

Чтобы установить точно, где именно произошло поражение русских на Каяле, необходимо археологическое обследование изучаемого района на месте.

К сказанному можно добавить, что с тем направлением, по которому должен был отступать Игорь, близко совпадает дорога от Славянска на Изюм, показанная на картах конца XVIII и начала XIX в.⁵⁶

⁵⁶ За недостатком места в настоящей статье мы не могли подвергнуть более подробной критике ряд других гипотез В. М. Глухова и затронули только наиболее важные вопросы.

В. В. МАВРОДИН

Одно замечание по поводу «мыси» или «мысли» в «Слове о полку Игореве»

Литература вопроса о смысле выражения автора «Слова о полку Игореве» «растекашется мыслию по древу» очень обширна.

Сторонников трактовки этого места «Слова о полку Игореве», по аналогии с другим выражением «по мыслену древу» считающих, что речь идет именно о человеческой мысли, столько же, сколько и их противников, полагающих, что вместо «мыслию» следует читать «мысию», т. е. каким-то зверьком, быстро избегающим по стволу дерева или спускающимся с него, ибо такое чтение больше соответствует последующему тексту, в котором говорится о сером волке и сизом орле. Если среди первых можно назвать Ф. Е. Корша, А. Майкова, А. А. Потемню, А. Н. Веселовского, И. Н. Жданова, В. Ф. Ржигу, Д. В. Айналова, Д. С. Лихачева, Н. В. Шарлеманя и др., то среди вторых мы встречаем О. Миллера, В. Миллера, Е. В. Барсова, А. И. Соболевского, В. Н. Перетца и др. Несмотря на то, что в комментарий к последнему изданию «Слова о полку Игореве» чтение «мысью» вместо «мыслию» отвергнуто, тем не менее вряд ли можно посчитать сброшенной со счетов в научном споре и точку зрения противников подобного рода трактовки одного из загадочных мест замечательного памятника древнерусской литературы.¹ Нельзя не обратить внимания на некоторые материалы, заставляющие нас еще раз вернуться к решенным казалось бы вопросам.

Слово «мысь» в обозначении белки встречалось в речи населения Опочецкого уезда Псковской губ. (ныне Опочецкий район Великолукской области).² Между тем псковское происхождение автора, писца или редактора «Слова» вызывает сомнение.³ Но, видимо, во времена Киевской Руси слово «мысь» в значении белки имело более широкое распространение. Этот пушной зверек, в лесах Восточной Европы встречающийся повсеместно, был одним из наиболее распространенных объектов охотничьего промысла и тогда, когда создавалось «Слово о полку Игореве», и гораздо позднее, да и теперь, в наши времена. Вполне естественно поэтому, что в разных местах он мог называться по-разному, и больше того,

¹ «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 35, 377—378. Об этом говорит постановка данного вопроса в статьях Н. М. Егорова «Мысью или мыслию» (ГОДРЛ, XI. М.—Л., 1955) и Готфрида Кирхнера «Мыслию, und trotzdem мышию» (Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich Schiller Universität. Jena. Gesellschafts und Sprachwissenschaftliche Reihe, Heft 4/5, 1955—1956, стр. 621—622).

² В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, стр. 365; В. Ф. Ржига. «Мысленное древо» в «Слове о полку Игореве». — Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 103.

³ Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — Сб. «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 377.

население одних и тех же мест могло пользоваться синонимами, обозначающими белку.

Примеры подобного рода хорошо известны. Например, «конь» и «лошадь» (хотя, конечно, в данном случае имеют место известные смысловые нюансы), «бель», «веверица», «векша» и т. п. Характерно, что в «Повести временных лет» слова «бель» и «веверица» встречаются рядом, хотя и то и другое обозначает белку.⁴ Свидетельством огромного промыслового значения этого пушного зверька, шкурками которого платили дань во времена Киевской Руси, выступают некоторые слова профессиональной речи охотников-промышленников Сибири. В языке охотников и сибирской тайги и европейского Севера широко распространен термин «белкованье», «белковать». Он иногда встречается наряду с термином «соболеванье», «соболевать» и тогда выступает в качестве обозначения охоты собственно на белку. Чаще же всего охотник-сибиряк, отправляясь по осени в тайгу промысливать пушного зверя вообще, а по пути и сохотого, и медведя, говорил, что он уходит «белковать», «на белкованье». В таком случае термин «белковагь», «белкованье» обозначал охоту вообще и, по преимуществу, именно за пушным зверем, хотя объектом охоты были отнюдь не одни белки, но и куницы, и соболи, и горностаи, и прочий зверь, дававший ценный мех, ту самую «мягкую рухлядь», за которой устремлялись деды и прадеды сибиряков-промышленников казачьи-землепроходцы XVII в. Такого рода терминология была в ходу в Сибири и в середине XIX в., и в конце века, и в начале следующего, XX столетия.⁵ Интересно отметить, что выпущенная Тульским оружейным заводом последняя модель двухствольного ружья, типа бокбюкс-флинта (один ствол, гладкий, 28 или 32 калибра, другой, нарезной, калибра 5,6 мм), специально предназначенного для охотников-промышленников Сибири, носит название «МЦ-БЕЛКА», хотя, конечно, предназначена отнюдь не для стрельбы только по одним белкам.

Кстати, следует напомнить давно уже обратившие на себя внимание исследователей легкость и стремительность белки, которая, взлетая или спускаясь с дерева, действительно как бы течет, растекается по нему. В пользу трактовки «мышь» — «белка» можно привести также следующие соображения. «Мышь» стоит рядом с орлом и волком, т. е. все три образа взяты из животного мира. Такой логике образов соответствует и пространственная логика: орел парит в поднебесье, мышь несется (растекается) по дереву, волк скачет по земле. Что касается попытки усмотреть в «мыси» соню, то вряд ли таковую можно посчитать состоятельной.⁶ Все соня (соня-полчок, лесная соня, садовая соня) ведут ноч-

⁴ Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, стр. 18. Некоторые исследователи текста «Слова о полку Игореве» считают возможным, что в данном случае речь идет о «белой веверице», т. е. о выкуневшей белке, о зимнем, голубоватом беличьем мехе. Но цвет зимнего беличьего меха не белый, а сизый. Этот термин для обозначения определенного цвета был знаком автору «Слова».

⁵ А. А. Черкасов. Записки охотника Восточной Сибири. Иркутск, 1950; Н. И. Яблонский. По тайге, тт. I и II. М., 1904; В. К. Арсеньев. 1) В делях Уссурийского края. М., 1947; 2) Сквозь тайгу. М., 1947. Не является ли украинское (как, впрочем, и чешское *myslivec* — «охотник», польское *mysliwiec* — «охотник») «мисливство» — «охота», «охотничий промысел», «мисливець» — «охотник», «мисливський» — «охотничий» и т. п. языковым явлением, аналогичным «белкованию»? Только в языке украинского охотника память о той далекой поре, когда охота на пушного зверя была охотой в первую очередь на «мышь», т. е. на белку (уже хотя бы потому, что дань платили в первую очередь беличьим мехом), отразилась в виде одного названия древнерусской «веверицы» — «мышь», а в языке сибирского охотника в виде другого — «белка».

⁶ Н. М. Егоров. Мышью или мышью, стр. 13.

ной образ жизни, спят 8—9 месяцев в году, и вряд ли южной темной летней ночью можно было проследить даже зоркому глазу, как соня носится, «растекается по дереву». Объектом охотничьего промысла на Руси сони никогда не были. Нельзя не обратить внимание также и на то обстоятельство, что автор «Слова о полку Игореве» вводит в действие образы только широко распространенных и хорошо известных русским людям зверей и птиц (волк, орел, гоголь, лисица и др.). В этой связи трудно себе представить появление в «Слове» рядом с хорошо известными волком и орлом сони-полчка, лесной или садовой сони, основной областью распространения которых и теперь, и в те времена были края, далекие от тех, где писалось «Слово о полку Игореве». Малочисленные, ведущие ночной образ жизни сони вряд ли могли быть упомянуты автором «Слова» в одном ряду с орлом и волком. На глаза человеку сони попадают не часто, и нередко об их присутствии тихой ночью в саду говорит лишь стук падающих на землю фруктов.⁷

⁷ Брэм. Жизнь животных, т. I, СПб., 1904, стр. 445—447; Е. Спангенберг. Из жизни натуралиста. М., 1955, стр. 156—157; Атлас охотничьих и промысловых птиц и зверей СССР, т. II, М., 1953, стр. 87—88.

Д. Н. АЛЬШИЦ

Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве»

1

Поход Игоря Святославича на половцев в 1185 г. относится к числу тех военно-исторических событий, громкая слава о которых создана не мечом, а пером. Таких походов перечислено в русских летописях не одна сотня. «Частный факт военной неудачи» — вот что такое, по справедливому выражению Н. К. Гудзия, поход Игоря в степь.¹ И тем не менее в истории древней Руси немного таких военных событий, к которым в течение веков было бы приковано столько пытливого внимания, сколько к незначительному походу Игоря. Такова сила художественного слова, «свивающего славу».

При изучении реальной исторической обстановки, в которой происходили события, необходимо строго различать действительные исторические фигуры от героев художественного произведения, действительные взаимоотношения и связи от исторических обобщений автора. Между тем в литературе о «Слове» распространено смешение художественных образов и реальной действительности, особенно в связи со знаменитым обращением «Слова» к русским князьям. Оно выражается прежде всего в том, что обращение к князьям в «Слове» воспринимается как практический призыв «по коням!».²

Такое понимание представляется мне неправильным.

Призыв «Слова» раздался не потому, что Игорь потерпел поражение, а лишь по поводу этого факта, потому что автор видел и понимал положение Русской земли в целом, видел и понимал гибельность неутихающих княжеских «крамол» перед лицом окружения страны воинственными соседями.

Автор «Слова» был первым, кто в описании данных событий поднялся до понимания общерусских задач и интересов. Он, и только он, пожелал именно в этой небольшой капле, какой являлся в море событий поход Игоря, отразить существо и перспективы политической ситуации Руси в целом.

¹ Н. К. Гудзий. «Слово о полку Игореве». М., 1938, стр. 6. В «Слове» «изображено событие ничтожное само по себе» (В. Г. Белинский, Сочинения, т. VI, СПб., 1903, стр. 375), «один из эпизодов полуторавековой борьбы Руси с половецкой степью, неудачный поход Игоря в 1185 г.» (М. Д. Приселков. «Слово о полку Игореве» как исторический источник. — Историк-марксист. М., 1938, № 6, стр. 112).

² «Смысл „Слова“ — организовать немедленную помощь». — пишет, например, В. В. Каллаш (Несколько догадок и соображений по поводу «Слова о полку Игореве». — Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, стр. 346).

Специфика художественного произведения обусловила показ общерусских дел и провозглашение идеи объединения через конкретный факт, через конкретных героев, через конкретные обращения к ним.

С того момента, как поход Игоря был избран автором предметом повествования и в качестве такового поставлен в фокус истории Руси того времени, — только с этого момента и в рамках данного произведения поход Игоря становится фактом общерусского исторического значения.

Для дальнейшего изложения важно подчеркнуть, что придание походу Игоря значения центрального события русской жизни и установление связи между этим походом и именами таких русских князей, как Всеволод Суздальский, Роман Волынский или Ярослав Осмомысл, являются результатом индивидуального творческого акта художника — автора «Слова о полку Игореве», существуют только в рамках этого произведения и только для тех, кто его читал. Других источников, независимо от «Слова» трактующих данные события именно таким образом, нет.

2

В источнике XVI в. есть рассказ о том, как Всеволод Суздальский организовал накануне похода князя Игоря большой победоносный поход на половцев (в действительности он не имел к этому походу ни малейшего отношения), как Ольговичи во главе с Игорем, позабывав успеху этого похода, сами двинулись в степь, где были разбиты, и как Всеволод Суздальский и Роман Волынский (опять сплошная выдумка), узнав об этом, двинулись выручать и выручили несчастных пленников. Как видим, созданная автором «Слова» версия о бездействии некоторых князей в момент, когда им будто бы надлежало действовать, показалась почему-то неподходящей писателю XVI в. И вот спустя сотни лет он выступает с опровержением автора «Слова о полку Игореве» в отношении Всеволода и Романа, создавая заведомо ложный рассказ об их выступлении на помощь князю Игорю.

Речь идет о Шестой степени Степенной книги, которая посвящена «преславному великому князю Всеволоду Георгиевичу».

Для создателей Степенной книги составление Шестой степени доставляло особенно много хлопот и беспокойств. Шестая степень должна была показать прямой и естественный переход от самодержавия Киевского, через Владимиро-Суздальское, к Московскому. Между тем для обоснования непрерывности русского самодержавия именно здесь было самое тонкое и непрочное место.

Историческая действительность того времени, отлично известная составителям Степенной книги по древним летописям, являла собой картину, как раз обратную той, какую они должны были изобразить. Им важно было показать плавный переход единой общерусской великокняжеской власти рода Мономаховичей из Киева во Владимир; на самом же деле такого перехода не наблюдалось. Киевское государство, как известно, распалось на отдельные феодальные образования, и Владимиро-Суздальское княжество было всего лишь одним из них. Более того, само Киевское государство долгое время раздиралось внутренней войной Ростова и Суздаля против Владимира, а также вело непрерывную борьбу со своими же «подручниками» — рязанскими князьями. В тяжелой и упорной борьбе вырос авторитет Всеволода, не приведший, однако, даже к концу его жизни к какому бы то ни было действительному единому самодержавию.

Ввиду этого при написании Шестой степени своего грандиозного труда составители Степенной книги должны были проявить много изобретатель-

ности для приведения рассказа в соответствие с поставленной задачей. Они вынуждены были пойти и пошли на перекраивание и перекомпановку лежащих перед ними древних памятников, на умалчивание одних фактов и подчеркивание других, на создание новых версий о событиях и на опровержение старых.

В качестве основного материала для создания легенды о Всеволоде служил Владимир-Суздальский свод, составленный в его честь. В своде до предела возвеличивается Всеволод. Однако летописцы не могли произвольно сочинять или перетасовывать факты, хорошо известные современникам, и отражали действительность более или менее правдиво. Поэтому даже владими́ро-суздальский вариант истории Руси того времени не устраивал составителей рассказа Шестой степени и подвергся ими полной переработке.³

Повествование о Всеволоде открывается в Степенной книге торжественным предисловием,⁴ которое составители сделали в основном дословно из некролога, помещенного по поводу смерти Всеволода в Лаврентьевской летописи.⁵ Затем идут различные статьи о времени Всеволода, которые по содержанию могут быть сведены к трем сюжетам: 1) дела церковные и всевозможные чудеса тех времен; 2) внутренняя борьба с суздальцами, ростовчанами и подручными рязанскими князьями и 3) в качестве главного сюжета, характеризующего Всеволода, — история, связанная с походом Игоря на половцев.

Постановка событий 1184—1185 гг., в действительности не связанных с деятельностью Всеволода, в центр повествования о нем не может не вызвать законного вопроса — в чем же здесь дело? Этот вопрос встанет еще острее, когда выяснится, что рассказ о мнимом участии Всеволода в борьбе с половцами в 1184—1185 гг. занимает столь большое место за счет умолчания о многих важнейших действительных его походах и победах.

Назовем важнейшие факты, которым была предпочтена выдумка о походах на половцев в 1184—1185 гг. Всем этим фактам посвящены большие рассказы в Лаврентьевской летописи, отброшенные составителями Степенной книги: 1178 г. — взятие Торжка,⁶ 1184 г. — второй поход на Торжок,⁷ 1184—1186 гг. — два знаменитых, доставивших Всеволоду огромную славу, похода на болгар⁸ (в Степенной книге жалкое, в полторы строчки, упоминание о походе 1186 г.),⁹ 1195 г. — поход на Киев,¹⁰ 1197 г. — поход на Ольговичей,¹¹ и т. д. и т. д.

Но самое интересное в другом. Если составителям легенды нужно было отметить победоносные походы Всеволода на половцев, то в его биографии такие походы были на самом деле. В 1199 и 1205 гг. он совершает свои знаменитые походы на половцев, подробно описанные в летописи.

Почему же составителям Степенной книги потребовалось все это опустить, почему им «не подошли» рассказы о подлинных победах над половцами и почему надо было связать имя Всеволода именно с походами 1184—1185 гг., к которым он не имел отношения? Заметим при этом, что на

³ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. СПб., 1908, стр. 221—250; Лаврентьевская летопись за годы 1177—1212. — ПСРЛ, т. I, в. 2. Л., 1927, стлб. 379—437.

⁴ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 221.

⁵ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 436—437.

⁶ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 386.

⁷ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 388.

⁸ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 389 и 400.

⁹ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 226.

¹⁰ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 412.

¹¹ Там же.

всем протяжении Степенной книги не встречается ни одного второго случая вымышленного похода на половцев.

Если бы «Слово о полку Игореве» не дошло до нас, мы никогда не смогли бы объяснить, чем руководствовались составители Степенной книги, поступая таким удивительным образом.

3

Составители Степенной книги очень ясно показали, в какой связи им понадобился вымышленный рассказ об участии Всеволода в походах 1184—1185 гг. Этот рассказ составляет целую главу, содержание которой выражено в ее названии: «О добродетелях самодержьца и о знамени на небеси, и о победе на Половьцы и о зависти Ольговичев и о милости Всеволожи». Как видим, интересующий нас сюжет понадобился как решающая иллюстрация добродетелей Всеволода.

Дальше идет главная во всем повествовании о Всеволоде характеристика его деятельности: «Богохранимый же великий князь Всеволод Юрьевич, благоденственно пребывая во граде Владимире и правя скипетро Руського царствия... и всему множеству Владимировых сродников своим старейшинствуя, идеже кождо их господствуя. Аще же некогда нецвы от сродник его завистию побежахуся и бранию к нему прилежахуся, он же противу их вооружашеся и междуусобному кроволитию быти не даваше, но своим благосердным долготерпением и медленным пожданием брань утолше и братолюбие составляше, и ему же он хотяще даруя во одержание киевское господоначалие и прочая грады Русския и всех праведно управляя. И все послушаху его и покоряхуся ему».¹²

С точки зрения того, что здесь сказано, «Слово о полку Игореве» является произведением абсолютно еретическим. «Слово» с огромной силой рисовало совершенно обратное тому, что нужно было утвердить. В самом деле: в «Слове» Всеволод вовсе не общерусский самодержец, а один из многих князей. Но, что еще хуже, в «Слове» первым по значению среди русских князей провозглашается (к тому же преувеличено) «великий, грозный» Святослав Киевский. В «Слове» Всеволоду брошен прямой упрек: «не мыслию ти прилетети издалеча отня злата стола поблюсти!», упрек в равнодушии к киевским делам, в частности к борьбе южнорусских князей с половцами.

Все это как нельзя больше противоречит создаваемой Степенной книгой легенде о Всеволоде — общерусском самодержце, о Всеволоде, дарующем «во одержание киевское господоначалие», о Всеволоде, возглавлявшем борьбу с половцами. Все это требует ответа и опровержения в официальном памятнике, который должен отныне на века покончить с прежними заблуждениями и утвердить единственно «правильную» версию истории Руси.

Прежде всего надо было развенчать Святослава Киевского, вознесенного «Словом» на действительно незаслуженную высоту. И развенчать не вообще, а развенчать именно в той роли, в какой его превознесло «Слово». И мы действительно читаем в Степенной книге удивительный рассказ о знаменитом победоносном походе князей на половцев накануне похода Игоря; организатором похода был, оказывается, вовсе не Святослав Киевский, а Всеволод Суздальский.¹³ В походе участвует князь, по имени Святослав Всеволодович, но вовсе не тот, что на самом деле, а сын Всево-

¹² Степенная книга. — ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 225.

¹³ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 225—226. Здесь поход датирован 1186 г.

лода, посланный своим великим отцом. Зато в отношении Владимира Глебовича, являвшегося родичем и подручным Всеволода, сохранен правдивый летописный рассказ вместе с описанием его геройских дел. В летописи по именам перечислены еще шесть князей, пошедших вместе со Святославом Киевским. В Степенной книге все эти имена скрыты за формулой «и иных князей шесть». Это сделано для того, чтобы скрыть южнорусский состав участников похода и создать впечатление, что поход и по составу участников был владимиристо-суздальский. Дальше идет довольно точный пересказ летописного описания похода, повторяющий даже явно ошибочную цифру летописи о 417 половецких князьях, захваченных в плен. Заканчивается рассказ следующими словами: «Сие преславно победу паче надежда даруяй бог православным, на поганья враги ходящих по повелению старшего им самодержателя, богохранимого Всеволода».

Так, официальные книжники XVI в. зачеркнули гениальные строки «Слова»: «... отец их — Святослав грозный, великий, киевский — грозою бяшет притрепал своими сильными плъки и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хльмы и яругы, взмути реки и болота. . . А поганого Кобяка из луку моря от железных великих полков половецких яко вихрь, выторже. . . Ту немцы и венецици, ту греки и морава поют славу Святославу».¹⁴

Степенная книга «славу Святославу» переписала на «самодержца» Всеволода Суздальского.

Теперь предстояло «притоптать» другой, недопустимый с точки зрения составителей Степенной книги момент «Слова» — содержащийся в нем прямой упрек Всеволоду в равнодушии и бездействии по поводу поражения князя Игоря, к факту самому по себе незначительному, но вознесенному в «Слове» на огромную высоту.

И вот, вслед за описанием победы князей, «ходящих по повелению. . . Всеволода», идет такой рассказ: «О зависти Ольговичев и о милости Всеволожи».¹⁵ «Егда же сему позавидеша Ольгови внуцы, и кроме Всеволожа повеления, уповающе собою, идоша на половцы и многу сотвориша победу и за Дон устремишася в самыя луки моря, хотяще до коньца победити их, забывше божие строение, яко же негде пишет: «никто же уповая собою спасетсся» и в Лукоморие словохотием приидоша и сами от половець победишася и без вести быша, дондеже гостие неццы возвестиша сия на Руси, благосердый же самодержецъ Всеволод умилосердися о них и, Богом подвижаем, сам подвижеся на половець, всячески тыщася освободити плененных своих. Половцы же и с вежами своими бежа к морю».¹⁶

Вот, оказывается, как было дело. Автор «Слова» лукавил, когда писал о Всеволоде: «не мыслю ти прилетети издалеча отня злата стола поблюсти». Всеволод тотчас пошел выручать Ольговичей, т. е. Игоря и его родичей; «егда. . . позавидеша» Всеволоду и «кроме его веления», они пошли на половецев. Связь между именем Всеволода и походом Игоря, родившаяся в сознании автора «Слова» — «не мыслю ти прилетети издалеча. . .» — нашла, как видим, в XVI в. отклик в виде решительного опровержения. Интересно, что слова «половцы же и с вежами своими бежа к морю», заключающие вымышленный рассказ о походе Всеволода на помощь Игорю, сами по себе не вымышленны. Они взяты составителями Степенной Книги из рассказа Лаврентьевской летописи о походе Всеволода на

¹⁴ «Слово о полку Игореве». Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М — Л, 1950, стр. 18.

¹⁵ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 226.

¹⁶ Там же.

половцев в 1199 г.¹⁷ Это ясно указывает, насколько сознательно, с какой тонкостью в стремлении создать впечатление правдоподобия проводили составители Степенной книги подмену подлинных фактов желательной для них версией.

Если после всего сказанного у кого-нибудь еще могут оставаться сомнения в том, что рассказ Степенной книги непосредственно отвечает на «Слово о полку Игореве», то дальнейший текст уже не оставляет никакой возможности для того, чтобы сколько-нибудь разумно в этом сомневаться.

Писатели XVI в. решили защитить от обвинений в бездействии, выдвинутых в «Слове», еще одного князя, который, так же как и Всеволод, в действительности не имел к этому событию никакого отношения и только по воле автора «Слова» оказался вместе со Всеволодом в числе князей, упомянутых в «Слове о полку Игореве».

Цитированный выше рассказ о том, как Всеволод ходил выручать Ольговичей, продолжен таким образом: «... князь же Романь Мстиславичь Галичский, внук Изяславль, правнук Мстислава Владимерича Манамаша, взя вежи Половецкия и множеству плена христианского возврати».¹⁸

На вопрос: почему из трех «больших» князей, к которым обращался автор «Слова», в Степенной книге дано отпущение «греха» только Роману и Всеволоду, а Ярослав Осмомысл не упомянут, — ответ дан в самом тексте: Роман — потомок Мономаха, к тому же родственник Всеволода по жене. Материал для этого рассказа взят в Лаврентьевской летописи под 1202 г., где описан поход Романа на половцев,¹⁹ и искусственно привязан к событиям, относящимся к походу Игоря.²⁰

4

Отношение между «Словом о полку Игореве» и легендой о Всеволоде такое же, как между голосом и эхом. Второе не может возникнуть само по себе — оно отголосок первого, но отголосок искаженный.

Официальные книжники XVI в. признали силу «Слова о полку Игореве», так как в выборе материала для своего построения пошли не за действительностью и документами, а за автором «Слова», избравшим поход Игоря основой своего повествования. Не считая для себя возможным пройти мимо «Слова» они пустились в прямую полемику против изображения автором «Слова о полку Игореве» трех его весьма значительных героев. Если он гиперболизировал роль Святослава Киевского в происшедших событиях, то они ее вовсе зачеркнули. Если он с укоризной в бездействии обращался к Всеволоду и Роману, то они сочинили версию об их решающем участии в событиях.

«Слово о полку Игореве» не только в этих пунктах, но и в целом должно было приттись не по душе составителям Степенной книги. «Слово» наиболее ярко из всех памятников древности запечатлело картину разобщения и междоусобиц, которую сочинители Степенной книги старались скрыть и заменить картиной единой державы. «Слово» возмущало их своим

¹⁷ ПСРЛ, т. I, в. 2, стр. 414.

¹⁸ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 226.

¹⁹ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 418; т. XXI, ч. 1, стр. 226.

²⁰ Составители Степенной книги постоянно пользуются произведениями древней русской литературы как материалами для компиляции нужных им текстов. Ср., например, два плача княгини Ольги об Игоре, сделанные составителями Степенной книги из плача Евдокии — «Слово о житии... великого князя Дмитрия Ивановича...». «Этот пример указала В. П. Адрианова-Перетц в статье о данном житии, помещенной в т. V ТОДРА (М.—Л., 1947, стр. 93).

пренебрежительным отношением к Владимиру Мономаху, родоначальнику царствующего над ними дома. Наконец, составителям Степенной книги — митрополиту Афанасию и его духовным сподвижникам — должны были претить языческие элементы, щедро рассыпанные в «Слове».

Сказанное позволяет сделать вывод: появление в официальном памятнике XVI в. вымышленного рассказа об исторических событиях XII в., являющегося прямой контрверсией «Слову о полку Игореве», рассказа совершенно непонятого и немыслимого независимо от этого памятника, доказывает, что «Слово о полку Игореве» было хорошо известно составителям Степенной книги.

Этим еще раз доказана несостоятельность точки зрения о том, что «Слово» — искусная подделка XVIII в.

В 1953 г. была опубликована статья А. В. Соловьева «Новые следы повести об Игоре в древнерусской литературе». В этой статье А. В. Соловьев указывает на следы «Слова», содержащиеся в житии Ярослава Всеволодовича, помещенном в Степенной книге. Следы эти А. В. Соловьев, на мой взгляд справедливо, видит в словах «Славная река Днепр» и «Славные куряне».

Интересные наблюдения А. В. Соловьева, к сожалению, не могут считаться подтверждением моего вывода о знакомстве составителей Степенной книги со «Словом». Указанные им заимствования из «Слова» попали в Степенную книгу не прямо из этого памятника, а в составе отрывка жития Ярослава Всеволодовича, составленного, как пишет А. В. Соловьев, в XIII в.²¹

²¹ A. V Soloviev New traces of the Igor Tale in Old Russian literature — Harvold slavic Studies Cambridge, Massachusetts, New York, 1953, vol. I, стр. 73—80.

М. В. ЩЕЛКИНА

К вопросу о разночтениях Екатерининской копии и первого издания «Слова о полку Игореве»

Уже давно отмечено, что Екатерининская копия является одной из ранних стадий работы А. И. Мусина-Пушкина над «Словом», и потому передача оригинала в ней непосредственнее и произвольнее, тогда как первое издание представляет окончательный вариант — выверенный и систематический список, проредактированный А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантышем-Каменским.

Разночтения обоих списков позволяют установить в ряде случаев подлинное написание самого оригинала.

Мы остановимся на некоторых словах текста, стоявших в подлинной рукописи, по-видимому, в сокращении.

Разночтения эти давно известны, но причины их возникновения окончательно не установлены.

Мы имеем в виду следующие написания:

V. Екатерининская копия	Первое издание
I средѣ	срѣдъ
II пѣснь	пѣсь
III пѣкъ	пѣткъ
IV тѣ/той	тѣи
V Роси	Рсии
VI рѣчь	речъ

Надо напомнить при этом, что древнерусский язык памятника А. И. Мусин-Пушкин, как и его современники, смешивал с церковно-славянским, который был хорошо знаком людям XVIII в. и по церковной службе, и по церковным книгам.¹

I. Екатерининская копия

Печаль жирна утече
 средѣ земли рускыя.

Первое издание (стр. 20)

Печаль жирна
 тече средѣ земли рускыя.

Разночтение «утече»/«тече» объясняется особенностями начертаний самой рукописи: предполагают, что оригинал давал здесь непреднамеренную лигатуру, а именно, что наклонный штамп буквы «а» в нижней своей точке соприкасался с длинной, спускающейся за строку мачтой буквы «т». Это

¹ Как установлено Д. С. Лихачевым, А. И. Мусин-Пушкин, передавая другие древнерусские памятники в печати славянским шрифтом, отнюдь не считался с особенностями письма издаваемых рукописей, а следовал правилам поздней церковнославянской грамматики (ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 68—89).

вполне допустимо. Однако здесь можно предположить и другой вид написания: в беглом полууставе XV в. встречается буква «а» с длинной ножкой, спускающейся вниз за линию строки; поставленное близко вслед за таким «а» обычное «т» в три палочки давало также подобие лигатуры а + у + т. Недоразумение это было устранено в первом издании А. Ф. Машиновским.

Екатерининская копия: «средѣ», первое издание: «средь». Усеченная форма «средь» заставляет предполагать, что наречие это стояло в оригинале в сокращении, с выносом конечной согласной — «сре(д)».

А. Ф. Малиновский, по раз принятому правилу, ставит «д» в строку и прибавляет конечный «ь». Между тем наречие это еще раз встречено в поэме, причем в обоих списках в одинаковой форме «среди» (Екатерининская копия, л. 30; первое издание, стр. 17): «среди земли половецкыи». Ту же форму можно было ожидать и в данном случае, хотя бы в Екатерининской копии. Откуда же А. И. Мусин-Пушкин взял «срѣдѣ»? Образец для этого он имел в церковно-славянском; ср., например: «посредѣ тернія» (Ев. Луки, VIII, 7) или: «посредѣ горь пройдути воды» (Псалт. 103, 10). Самое сокращение «срѣд» и «сред» часто встречается в книгах богослужебного содержания как рукописных, так и печатных при указании чтений на дни недели: «ко(ц) срѣд» = «конец срѣдѣ». Правда, здесь подразумевается существительное «середа»,² но датальный падеж его совпадает с церковно-славянским наречием «средѣ».³ Это как бы подтверждало правильность раскрытия А. И. Мусина-Пушкина.

II. Екатерининская копия

1. тѣ пѣсни
2. пѣснѣ творити
3. пѣснѣ поаше
4. пѣти было пѣснѣ
5. веселыми пѣсньми
6. пѣснотворца
7. пѣвше пѣснь

Первое издание

- тѣи пѣсни (стр. 1)
 пѣснѣ (стр. 2)
 пѣсь (стр. 3)
 пѣсь (стр. 6)
 пѣсьми (стр. 43)
 пѣснотворца (стр. 44)
 пѣснь (стр. 46)

В Екатерининской копии перевод дает лишь описательный пересказ: 1. «воспеть похвалу. 3. запевал в честь. 4. Мог воспеть».⁴

Если исходить из показаний первого издания, то надо считать, что в случаях 1, 2 и 7 слова «пѣсни» и «пѣснь» (дважды) стояли полностью в тексте, причем случаи 1 и 7 совпадают с передачей Екатерининской копии.

Остальные написания первого издания — «пѣсь», «пѣсьми» и «пѣснотворца» (№№ 3—6) — указывают на то, что в оригинале слова эти стояли в сокращении и имели выносное «с» под титлом: пѣ(с), пѣ(с)ми, пѣ(с) творца; А. Ф. Малиновский поставил выносное «с» в строку и добавил «ь», где он был необходим как знак мягкости. А. И. Мусин-Пушкин раскрывает эти сокращения, причем в одних случаях правильно — как «пѣсьми» (№ 5) и пѣснотворца (№ 6), в других (№№ 3 и 4) необычным образом — «пѣснѣ»; причем он настолько уверен в правильности этой формы, что даже слово «пѣснь» (№ 2), полностью стоявшее

² Ср.: рукопись ГИМ, Чуд. 28, Евангелие XV в., лл. 105, 172 и др.; а также печатные евангелия и апостолы вплоть до XX в.

³ См.: Ф. Миклошич. Словарь старославянского языка: наречие «срѣдѣ», «посрѣдѣ»; русское «среди», «средь».

⁴ См.: П. П. Карский. «Слово о полку Игореве» по списку, найденному между бумагами имп. Екатерины II. СПб., 1864.

в тексте, он произвольно подравнивает под два других случая и ставит «пѣснѣ». Такая форма возможна в древнерусском языке для именительного и винительного множественного числа; церковно-славянская грамматика дает здесь форму «пѣсни». Откуда мог А. И. Мусин-Пушкин взять свою необычную форму «пѣснѣ»? Может быть, существование подобной формы было подсказано Мусину-Пушкину кем-либо из его ученых друзей, а самое раскрытие сокращения «пѣ(с)» было им произведено, может быть, по аналогии с раскрытием сокращения «сре(д)», давшего «средѣ». А. Ф. Малиновский и здесь выдержал свою систему оставлять без изменения и добавления написания оригинала, что дало ему возможность избежать неправильной и необоснованной формы «пѣснѣ», возникшей благодаря странному домыслу владельца рукописи.

Иначе обстоит дело с различием «бы» (Екатерининская копия, л. 33), «бьсь» (первое издание, стр. 34).

Транскрипция А. Ф. Малиновского показывает, что в рукописи имелось обычное сокращение слова «бьсть» — «бы(с)» с выносным «с» под титлом.

Как мы уже имели случай указывать, вынос этот писался в виде точки или запятой под чертой титла. Вынос этот легче, чем какой-либо иной, мог утратиться с течением времени — выцвести или стереться. Однако, судя по тому, что он восстановлен в первом издании, надо полагать, что А. И. Мусин-Пушкин в первоначальной стадии работы не придавал значения ряду выносных букв, принимая их за надстрочные знаки, смысл которых, возможно, был ему вообще не ясен. Слово «бьсть» в таком написании встречено всего один раз в поэме, что легко объясняет недосмотр А. И. Мусина-Пушкина.⁵

Такой же пропуск выносного «с» надо видеть в написании «Плѣньскъ» Екатерининской копии. А. Ф. Малиновский восстанавливает выносную согласную и дает «Плѣсьнскъ».

III. Екатерининская копия «пякъ», первое издание (стр. 10) «пяткъ», т. е. в пятницу. Следовательно, и владелец рукописи, и редактор издания вполне понимали смысл этого слова, стоявшего в сокращении в оригинале. Сокращение это часто встречается как в рукописных, так и в печатных евангелиях при обозначении чтений на пятницу. Приемы сокращения этого слова разнообразны: «пяк» под титлом;⁶ «пя(к)» с выносом «к» под титлом; «пя(т)к» с выносным «т» без титла; «пятк» под титлом — последний случай встречается реже.⁷

Так как А. Ф. Малиновский дает написание «пяткъ», то надо полагать, что в оригинале стояло в данном случае «пя(т)к» с выносным «т». Если выносное «с» могло пройти незамеченным, то относительно буквы «т» этого нельзя предположить. В XV и XVI вв. оно выносится уже без титла; начертания его различны: 1) или это обычное «т» геометрического рисунка, в три палочки или в одну, в случае выноса — в уменьшенном виде и с сильно укороченными ножками; 2) или же оно имеет вид волнистой линии с одной укороченной ножкой посредине.⁸ И в том и в другом

⁵ Любопытно, что в издании Никоновской летописи (ПСРЛ, т. XIII, СПб., 1904) написание «бы(с)» передается в печати почти как у А. Ф. Малиновского: «бьсь» (стр. 238). Пропуск А. И. Мусиным-Пушкиным выносного «с» в случаях «бьсть» и «Плѣсьнскъ» указан И. И. Козловским (см.: Древности, т. XIII, в. 2, стр. 13).

⁶ Буква «я» передает во всех приведенных примерах юс малый.

⁷ Ср. рукопись ГИМ, Чуд. 28, XV в.

⁸ И. И. Козловский (Древности, т. XIII, в. 2) полагал, что в рукописи стояло «пя(т)къ» с титлованным «т» и конечным «ъ». Здесь требуется уточнение: 1) буква «т» в XV в. выносится без титла и 2) подобные сокращения лишутся без конечного «ъ» — он поставлен в обоих списках согласно орфографии конца XVIII в.

случае такое выносное «т» можно было принять за титло. Так, по-видимому, и понял его А. И. Мусин-Пушкин и дал написание «пякъ», тогда как более опытный А. Ф. Малиновский уследил в данном случае букву «т» и поставил ее в строку.

Правда, возможно еще другое предположение: не считаясь с написанием рукописи, А. И. Мусин-Пушкин поставил «пякъ» как наиболее часто встречающееся сокращение этого слова в церковных печатных книгах.

IV. Екатерининская копия

1. ть пѣсни
2. той бо Олегъ
3. ть клюками

Первое издание

- тъи пѣсни (стр. 1)
Тъи бо Олегъ (стр. 15)
тъи клюками (стр. 35)

Ближе всего оба списка сходятся во втором случае — «той» = «тъи». Если считать, что в рукописи здесь стояло полностью в строке «тъи», то написание «той» надо рассматривать как подновление, допущенное А. И. Мусиным-Пушкиным. Что же касается двух случаев «тъ» = «тъи», то уже давно принято считать, что в оригинале стояло «тъ(и)» с выносным конечным «и». Оно писалось в конце XV и в XVI вв. в выносах в виде двух параллельных косых черточек. А. И. Мусин-Пушкин, по-видимому, принял их за надстрочные знаки, в которые он не вникал. Надо полагать, что ко времени издания он убедился, что здесь в двух случаях имеется выносная гласная «и», поэтому в печатном тексте 1800 г. даны три одинаковых написания. Екатерининская копия дает нам возможность проследить, какое из них стояло в оригинале полностью и какие — в сокращении.

Здесь уместно привести еще один случай с таким же выносным «и».

V. Екатерининская копия: «По Роси, по Сули», первое издание (стр. 32): «По Рсиі, по Сули». В переводе первого издания стоит: «по Роси и по Сулъ».

И владелец рукописи, и издатель понимали, что здесь дано название двух рек Киевской области. Написание первого издания «Рсиі» указывает, что слово это в оригинале имело форму «Рси». Как в Лаврентьевской, так и в Ипатьевской летописях мы находим как раз эту форму в косвенных падежах от названия «Ръсь», «Рось».⁹

Откуда же появилось написание «Рсиі»? Как мы уже указывали, і десятиричное с двумя точками передает в первом издании Слова «и» восьмеричное оригинала. Следовательно, надо думать, что в рукописи стояло «Рсии». Но два «и» восьмеричных вряд ли могли стоять подряд; русские писцы XV—XVI вв. обычно избегают двух рядом стоящих одинаковых начертаний: они утомительны для глаза и могут повлечь ошибки при списывании. В таких случаях две одинаковые буквы или получают различное начертание, или одна из них выносится над строкой. Следовательно, раз транскрипция А. Ф. Малиновского показывает, что в рукописи стояло два «и» восьмеричных, то надо предположить, что одно из них было выносным и стояло над словом «Рси». В силу этого А. Ф. Малиновский и присоединил его именно к этому слову. А. И. Мусин-Пушкин, как и в случае с «тъи», оставил этот вынос без внимания. Но и издатель допустил в данном случае ошибку, так как выносное «и» означало союз, соединяющий название двух рек — Роси и Сулы, а не окончание первого из них. Возможно, А. Ф. Малиновский предполагал, что

⁹ См.: Указатель к тт. I—VIII ПСРЛ. То же находим и в т. XXV ПСРЛ по рукописи Уварова № 1366 (XV в.).

название реки могло звучать и как «Рось» и как «Росия», тем более что подобная форма легко связывалась с названием самой страны — Россия.

Мы остановимся еще на слове «рече», которое в первом издании встречается 12 раз.

Особенно любопытен первый случай:

VI. Екатерининская копия	Первое издание (стр. 3)
помняшь бо рѣчь	Помняшь бо речь
первых времянь усобицѣ	първыхъ времянь усобицѣ.

Перевод Екатерининской копии дает следующее: «Мы помним, что в древности, когда хотели какое сражение описать...».¹⁰ Перевод первого издания: «Памятно нам по древним преданиям, что, поведая о каком-либо сражении...».

Установлено, что в оригинале здесь стояло сокращенное написание 3-го лица единственного числа прошедшего «рече» — «ре(ч)» в смысле позднейшей безличной формы «говорят». Между тем и А. И. Мусин-Пушкин, а судя по переводу, и А. Ф. Малиновский предполагали, что здесь стоит существительное «рѣчь», хотя и не вполне разбирались в смысле фразы. Но тогда как А. И. Мусин-Пушкин, осмыслив это слово как существительное, соответственно «исправил» его правописание и дал «рѣчь» с буквой «ѣ», А. Ф. Малиновский оставил подлинное написание без изменения (если не считать добавления мягкого знака) — «рече». А это позволило впоследствии выяснить подлинное значение сокращения «ре(ч)» как «рече».

В остальных 11 случаях в первом издании стоит полностью «рече». И если доверять транскрипции А. Ф. Малиновского, то надо полагать, что во всех этих случаях передано подлинное написание оригинала. Это тем более вероятно, что только в первом случае мы имеем безличную форму глагола, а в дальнейшем «рече» всюду имеет подлежащее.

- 1) и рече Игорь (стр. 5)
- 2) хошу бо рече (Игорь; стр. 6)
- 3) и рече ему Буй Турь Всеволодь (стр. 17)
- 4) Одѣвахте мя, рече (Святослав; стр. 23)
- 5) Изрони злато слово... и рече (Святослав; стр. 26)
- 6) Припѣвку смысленный рече (Боян; стр. 37)
- 7) Полечю рече зегзицею (Ярославна; стр. 38)
- 8) Донецъ рече (стр. 41)
- 9) Не тако ли рече (Игорь) река Стугна (стр. 42)
- 10) Рече Кончакъ ко Гзѣ (стр. 43)
- 11) И рече Гзакъ къ Кончакови (стр. 43).

Екатерининская копия передает слово «рече» так же, за исключением двух случаев: «Речь ему Буй Турь Всеволодь»¹¹ и «И рекъ Гзакъ къ Кончакови».

В последнем случае надо видеть просто «стилистическую» поправку А. И. Мусина-Пушкина, который хотел избежать «однообразия» оригинала: «рече Гзакъ», «рече Кончакъ», а первое отступление от оригинала можно рассматривать как опisku писца, который вместо такого же написания «рекъ», стоявшего в копии графа, дал «речь».

¹⁰ П. Пекарский. «Слово о полку Игореве» по списку, найденному между бумагами имп. Екатерины II, стр. 22.

¹¹ Перевод первого издания и Екатерининской копии одинаков: «Всеволодь вѣщаетъ ему».

Приведенные варианты обоих списков «Слова» достаточно характеризуют транскрипции А. И. Мусина-Пушкина и А. Ф. Малиновского.

Первый местами дает правильное раскрытие сокращений рукописи, местами же не вполне точно передает написание оригинала или даже вносит свои неправильные домыслы.

Транскрипция же А. Ф. Малиновского свидетельствует об опыте издателя в работе над древними рукописями и об очень осторожной и точной передаче рукописи «Слова», а это заставляет нас и в дальнейшем держаться показаний первого издания.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Факсимильные издания «Слова о полку Игореве»

Никто не станет отрицать ценность и большое научное значение факсимильных изданий. Факсимильное издание позволяет ознакомиться с наиболее точным, даже в чисто внешних признаках, воспроизведением того или иного документа. В целом ряде случаев только по факсимильному изданию мы имеем возможность наглядно представить внешний вид интересующего нас рукописного или печатного памятника. Однако факсимильное издание нельзя считать точной заменой оригинала. В одной из своих статей Д. С. Лихачев, рассматривая различного рода издания памятников древнерусской письменности, останавливается и на вопросе о факсимильных изданиях. «Факсимильные издания, — пишет он, — далеко не всегда абсолютно точно воспроизводят текст и не могут заменить рукописи. Прежде всего факсимильные воспроизведения не дают представления о материале, на котором написана рукопись, о филигранях на бумаге, о выделке пергамента и т. д. Во-вторых, в большей или меньшей степени факсимильные издания искажают внешний вид рукописи: при гравировке на меди или литографировании текст воспроизводится художником, при фотомеханических воспроизведениях текст может оказаться отретушированным или подсвеченным белилами, в результате чего могут исчезнуть некоторые важные детали. Кроме того, могут иметь недостатки и сами фотографии и типографское воспроизведение этих фотографий».¹ Искажения во внешнем виде рукописи, появляющиеся в факсимильном воспроизведении рукописи, о которых говорит Д. С. Лихачев, в том случае если издатель текста не обратит на них самого серьезного внимания, могут привести к текстуальным искажениям. Такого рода факсимильное издание не только не даст точного представления об издаваемом документе, но может ввести исследователя в заблуждение и привести его к ошибочным выводам, так как текст факсимильного издания не будет соответствовать тексту оригинала. Факсимильные издания «Слова о полку Игореве» весьма наглядно иллюстрируют это положение.

Ни одна из книг не переиздавалась факсимильно так много раз, как первое издание «Слова о полку Игореве». Помимо неоднократных воспроизведений первого издания «Слова», мы располагаем в настоящее время полным факсимильным изданием Екатерининской копии «Слова о полку Игореве», вышедшим в 1954 г. под редакцией Н. В. Водовозова.² Однако, как мы увидим ниже, ни одно из этих факсимильных изданий не является

¹ Д. С. Лихачев По поводу статьи В. А. Черных о развитии методов передачи текста исторических источников. — Исторический архив, № 3, М., 1956, стр. 191.

² Слово о полку Игоревѣ Игоря сына Святъслава внука Ольгова. Гос. изд. художеств. лит., М., 1954.

точной копией подлинника — все они дают искаженный текст оригинала.

Прежде чем говорить о факсимильных переизданиях первого издания «Слова о полку Игореве», рассмотрим факсимильное издание Екатерининской копии «Слова о полку Игореве».

В результате небрежного фотографирования некоторые листы подлинника оказались сфотографированными не полностью, и в факсимильном издании Екатерининской копии «Слова» отдельные страницы получились со срезанным правым краем, поэтому в целом ряде строк конечные буквы пропали:

Л. 8 фотокопии (л. 30 об. подлинника), 2-я строка сверху, в слове «далече» нет конечного «е»; 6-я строка сверху, в слове «мычючи» нет конечного «и». Л. 10 фотокопии (л. 31 об. подлинника), 3-я строка сверху, в слове «Оле҃гъ» — нет конечного «ъ»; 8-я строка сверху, в слове «подасть» нет конечного «ь»; 10-я строка сверху, в слове «врѣжеса» нет конечного «а»; 11-я строка сверху, в слове «красныя» нет конечного «я»; 13-я строка сверху, в слове «время» нет конечного «я»; 9-я строка снизу, в конце строки не получилась запятая.

Но, помимо ошибок, возникших при фотографировании текста, в рассматриваемом издании немало искажений, которые появились в результате типографского воспроизведения фотокопии. Подобного рода ошибки обнаружить значительно труднее, и утверждать, что такие ошибки являются именно ошибками, а не особенностями рукописи, можно только после сверки издания непосредственно с рукописью.

По всей видимости, в результате ретушировки начертания некоторых букв в факсимильном издании отличаются от начертаний соответствующих букв в подлиннике. Так, в издании очень часто встречается буква «с» иного начертания, чем в рукописи. В рукописи встречаются два вида начертаний буквы «с» — преимущественно «с» с закруглением снизу и сверху, с точкой в конце верхнего закругления, но иногда «с» без точки и без закругления наверху. В издании же и во втором случае «с» воспроизводится с закруглением и точкой наверху: л. 1 копии (л. 27 подлинника), строка 12 снизу, в слове «Мстиславу» в фотокопии первое «с» совершенно иное по начертанию, чем в рукописи.

То же самое можно сказать и о букве «е». В рукописи эта буква встречается в двух начертаниях — «е» и «ѣ», в издании же «ѣ» передается как «е»: л. 1 издания, 9-я строка снизу, в отрицании «не» буква «е» по начертанию передана иначе, чем в рукописи: в рукописи «ѣ», а в издании получилось «е»; л. 14 издания (л. 33 об. подлинника), 2-я строка снизу, в слове «веселіе» — то же самое со вторым «е».

Подобного рода замечания могут быть сделаны и по ряду других букв. В этих случаях текст от изменения начертания букв не меняется и для текстологической работы такие искажения значения не имеют. Но иногда даже незначительное изменение в начертании буквы может совершенно изменить эту букву. В первой строке сверху на л. 7 издания мы читаем такую фразу: «въ полѣ незнаемъ». Однако если мы посмотрим соответствующий л. 7 издания л. 30 подлинника, то увидим, что в подлиннике читается не «незнаемъ», а «незнаемѣ», т. е. в конце слова стоит «ѣ», а не «ъ». Эту ошибку, так же как и ошибку на л. 16 издания, где в первой строке сверху во фразе «стрежаше е гоголемъ» вместо «е» получилось «с»: «стрежаше с гоголемъ», довольно легко объяснить тем, что начертания «ъ» и «ѣ» и «с» и «е» в Екатерининской копии «Слова» сходны друг с другом. Поэтому малейший неверный штрих при ретушировке или же дефект, возникший на первой стадии подготовки текста — при его фотографировании, могли исказить букву. Но на примере этого издания мы убе-

ждаемся и в том, что либо ретушировка, либо дефекты фотографирования могут так изменить букву, что объяснить это изменение особенностями начертаний букв в оригинале просто невозможно. Во фразе «буй турь Всеволодъ (л. 3, 3-я строка сверху в издании) вместо слова «буй» получилась «бой». И если в первых случаях на основании существующих нефахсимильных изданий Екатерининской копии «Слова»³ можно было догадаться, что в факсимильном издании перед нами искаженное воспроизведение букв из-за схожести начертаний в рукописи («ъ» и «ѣ», «е» и «с»), то последний пример настолько вводит в заблуждение, что решить вопрос о том, где более верное чтение — в факсимильном или в нефахсимильных изданиях, можно было только путем непосредственной сверки с рукописью.

Помимо рассмотренных искажений и ошибок, в факсимильном издании Екатерининской копии «Слова о полку Игореве» есть ряд других: над і очень часто не получилась точка; вместо вопросительного знака в 9-й строке снизу на 2-м листе издания получилась точка, и т. д. Здесь рассмотрены далеко не все ошибки и искажения этого издания, но и сказанного вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что факсимильное издание Екатерининской копии «Слова о полку Игореве» никак не может заменить самой рукописи и при текстологической работе пользоваться им можно только после внесения исправлений в него по рукописи.

В настоящее время мы располагаем пятью факсимильными переизданиями первого издания «Слова о полку Игореве»: 1) Слово о полку Игореве. Изд. А. Суворина, СПб., 1904; 2) Слово о полку Игореве. Снимок с первого издания 1800 г. гр. А. И. Мусина-Пушкина под ред. А. Ф. Малиновского. С приложением статьи проф. М. Н. Сперанского и факсимиле рукописи А. Ф. Малиновского. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1920; 3) Слово о полку Игореве. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), факсимильное воспроизведение первого Издания между стр. 32—33; 4) Слово о полку Игореве. Фотокопія видання 1800 р. Переклад проф. М. К. Груньського. Переклад у віршах дійсного члена АН УРСР М. Т. Рильського. Стаття і коментар чл.-кор. АН УРСР С. І. Маслова. Державне видавництво художньої літератури, Київ, 1952; 5) Слово о полку Игореве. Изд. «Советский писатель», Л., 1952 (Библиотека поэта. Большая серия), факсимильное воспроизведение первого издания между стр. 52—53. Однако украинское издание, как показало тщательное сопоставление этого издания с остальными факсимильными изданиями «Слова», сделано не непосредственно по первому изданию, а по сабашниковскому изданию, издание же в большой серии «Библиотеки поэта», подготовлявшееся к печати автором настоящей статьи, является воспроизведением суворинского факсимильного издания. Таким образом, непосредственными воспроизведениями различных экземпляров первого издания «Слова о полку Игореве» являются суворинское, сабашниковское и академическое факсимильные издания. Поэтому мы рассмотрим только эти три факсимильных воспроизведения первого издания «Слова о полку Игореве».

Как известно, в издании «Слова о полку Игореве» 1800 г. имеется лист «погрешностей», в котором перечисляются опечатки в книге. Однако

³ П. С и м о н и. Текст «Слова о полку Игореве» по списку, хранящемуся в бумагах имп. Екатерины II. — В кн.: И. И. К о з л о в с к и й. Палеографические особенности погибшей рукописи «Слова о полку Игореве». М., 1890, стр. 34—46; «Слова о полку Игореве». Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»), стр. 35—49.

в книге имеется ряд опечаток, не оговоренных в листе погрешностей, которые встречаются во всех экземплярах первого издания «Слова о полку Игореве». Перечислим эти опечатки: IV стр. вступительной статьи, 5-я строка снизу (не считая подстрочного примечания), в слове «богатствами» вм. второго «т» — «ш»: «богатшвами»; стр. VII вступительной статьи, 6-я строка сверху в примечании, в слове «рекше» вм. конечного «е» — «в»: «рекшв»; там же, 8-я строка сверху, в слове «сотвореніи», вм. «в» — «е»: «сотеореніи»; стр. 6, слева, 5-я строка сверху, в слове «великаго» вм. «е» — «в»: «ввликаго»; стр. 10, в примечании, 2-я строка сверху, в слове «неминуемой» пропущено второе «е»: «неминуой»; стр. 26, слева, 4-я строка сверху, в слове «Святславъ» вм. последнего «в» — «е»: «Святслаеъ»; стр. 28, в примечании, 1-я строка снизу, в слове «векошей» вм. «ш» — «т»: «векотей»; стр. 29, в примечании, 1-я строка сверху, в слове «воинскій» вм. «с» — «е»: «воинекій»; стр. 36, справа, 5-я строка сверху, в предлоге «отъ» вм. «ъ» — «ѣ»: «отѣ»; там же, слева, 11-я строка сверху, в слове «княземъ» вм. «е» — «в»: «князвмъ»; стр. 45, в примечании, 1-я строка сверху, в слове «городъ» вм. «ъ» — «ь»: «городъ».

Однако если мы обратимся ко всем трем факсимильным изданиям «Слова о полку Игореве», то увидим в них гораздо большее количество опечаток, чем было перечислено выше. При этом, в различных факсимильных изданиях встречаются различные ошибки. Рассмотрим те из них, которые встречаются в древнерусском тексте «Слова о полку Игореве».

Суворинское издание: стр. 17, 11—12 строки сверху, во фразе «... и въ ты плькы» вм. предлога «въ» — «съ»; стр. 26, 8-я строка сверху, вм. слова «еста» — «вста»; стр. 30, 3-я строка снизу, вм. слова «Ющяя» — «Ющся»; стр. 34, 3-я строка снизу, вм. слова «свои» — «овои»; стр. 41, 7-я строка снизу, вм. слова «претрбгоста» — «претрбгоста».

Сабашниковское издание: стр. 3, 1-я строка сверху, вм. слова «хотяше» — «хотяще»; стр. 6, 6-я строка снизу, вм. слова «свивая» — «сеивая»; стр. 25, 5-я строка снизу, во фразе «се бо Готскія...» вм. «се» — «св.»; стр. 27, 1-я строка сверху, вм. слова «Ярослава» — «Ярослаеа»; стр. 30, 8-я строка снизу, вм. слова «Кіеву» — «Кіееу»; стр. 33, 11-я строка сверху, вм. слова «сребреными» — «срвбреными»; стр. 35, 9-я строка сверху, вм. слова «дѣвицю» — «дѣеицю»; стр. 36, 7-я строка сверху, вм. слова «бологомъ» — «вологомъ»; стр. 38, 12-я строка сверху, во фразе «на своею не трудною» между словами «своею» и «не» поставлен дефис: «своею-не».⁴

Академическое издание (издание 1950 г.): стр. 2, 3-я строка сверху, вм. «вѣщій» — «сѣщій»; стр. 5, 8-я строка внизу, вм. слова «видѣ» — «сидѣ»; стр. 7, 6-5-я строки снизу, вм. слова «светлый» — «светлыи»; стр. 24, 5-я строка сверху, вм. слова «слѣтѣста» — «слѣтѣета»; стр. 30, 2-я строка сверху, вм. слова «Игоревы» — «Игорееы»; стр. 37, 1-я строка сверху, во фразе, «въ друзѣ тѣлѣ» вм. предлога «въ» — «съ»; стр. 39, 1-я строка сверху, вм. слова «словутицю» — «вловутицю»; стр. 42, 3-я строка снизу, вм. слова «березѣ» — «бврезѣ»; стр. 44, 5-я строка сверху, вм. слова «наю» — «наго».

Нетрудно заметить, что большинство перечисленных ошибок могут быть сгруппированы: вм. «в» в факсимильном издании получается «с»

⁴ Последняя ошибка была в свое время отмечена в рецензии на сабашниковское издание Н. Кашиным — «Книга и революция», 1921, № 10—11, стр. 40. В этой рецензии были перечислены многочисленные ошибки в настоящем издании: случаи, когда не отпечатались точки над «і», не вышли знаки препинания или вместо одних знаков получились другие; указан один случай, когда в тексте перевода не оттиснулся предлог «о», но ошибки, перечисленные мной, не отмечены.

или же наоборот — вм. «с» — «в». То же самое происходит и с такими парами букв, как «е» и «в», «е» и «с». Это объясняется тем, что в древнерусском тексте «Слова о полку Игореве» в первом издании, набранном курсивом, очень близки по начертанию все перечисленные буквы. Достаточно самой незначительной нечеткости в фотокопии или ошибки ретушера, чтобы в факсимильном издании начертание буквы получилось искаженным. В некоторых случаях можно обнаружить причину искаженного воспроизведения той или иной буквы в факсимильном издании. Так, в суворинском издании в слове «претръгоста» вместо «ъ» получилось «б». Это легко объяснимо: в оригинале верхняя часть «ъ» в этом слове не отпечатались, а нижняя часть буквы полностью соответствует букве «б», и ретушер, заметив дефект в оттиске буквы, исправил ее по аналогии с ближайшей сходной с ней буквой, а такой буквой была именно буква «б»: «Претръгоста бо...». В двух других факсимильных изданиях эта буква подправлена верно: дорисована верхняя часть буквы — «ъ». В сабашниковском издании также, очевидно, творчеству ретушера мы обязаны появлением буквы «щ» вм. «ш» в слове «хотяше» и появлением дефиса во фразе «своею-не трудною».

Но может быть перечисленные ошибки факсимильных изданий — не ошибки этих изданий, а ошибки в наборе тех экземпляров, с которых делались эти факсимиле? Такое предположение тем более возможно допустить, что, как это стало известно в результате работ Н. Н. Зарубина⁵ и Р. О. Якобсона,⁶ отдельные листы первого издания «Слова о полку Игореве» заново перепечатывались уже в ходе работы над первым изданием «Слова». Именно к такому рода заключению, правда на материале только одного листа книги, приходит в упомянутой работе Р. О. Якобсон. Рассматривая различные типы листа со стр. 37—38 (этот лист в книге перепечатывался заново), он пишет: «Сначала были заменены листы 37—38 и, по-видимому, заменены в спешке, с несколькими грубыми опечатками. Эти опечатки были замечены издателями, когда был напечатан ряд экземпляров, и они исправлялись в процессе печатания. Так, экземпляр, сфотографированный Сперанским, имеет шпигей на стр. 37 справа, строка 7, и своею-не трудною на стр. 38 слева, строка 12, тогда как экземпляры Kilgour'a и Библиотеки конгресса, как и экземпляры, с которых сделана фотокопия Сувориным и Адриановой-Перетц, имеют правильное написание — птицей и своею не трудною».⁷

Все перечисленные выше ошибки в факсимильных изданиях, в том числе и отмеченные Р. Якобсоном, действительно ошибки только изданий, а не тех экземпляров, с которых эти издания были сделаны. У нас есть точные сведения о том, с каких экземпляров первого издания делались все эти факсимиле. Сабашниковское издание переснималось с экземпляра, принадлежавшего М. Н. Сперанскому;⁸ экземпляр этот находится сейчас в Рукописном отделе Государственного исторического музея. Академическое издание делалось по экземпляру из собрания В. П. Адриановой-Перетц. Тщательная сверка, буква в букву, обоих изданий с их оригиналами показала, что кроме общих для всех экземпляров первого издания «Слова о полку Иго-

⁵ Н. Н. Зарубин. К вопросу о первом издании (1800 г.) Слова о полку Игореве. — Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 523—527.

⁶ Roman Jakobson. The Archetype of the First Edition of the Igor Tale. Offprint from Harvard library bulletin, vol. VI, Number 1. Winter, 1952.

⁷ Там же, стр. 13.

⁸ А. В. Позднеев. Экземпляры первого издания «Слова о полку Игореве» в некоторых московских государственных книгохранилищах и частных собраниях. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 246.

реве» опечаток, тех опечаток, которые мы встречаем в факсимильных изданиях, в подлиннике этих факсимиле нет. Фототипическое издание А. С. Суворина не было сверено с подлинником этого издания.⁹ Однако характер ошибок в этом издании тождественен ошибкам в двух других изданиях, и поэтому совершенно ясно, что и в суворинском издании имеющиеся ошибки — это ошибки издания, а не подлинника.

После рассмотрения факсимильных переизданий первого издания «Слова о полку Игореве» мы, к сожалению, должны прийти к заключению, что ни одно из существующих факсимильных переизданий первого издания «Слова о полку Игореве» не является точным воспроизведением оригинала. Поэтому, несмотря на то что мы располагаем в настоящее время пятью такими изданиями, совершенно очевидна необходимость нового факсимильного воспроизведения первого издания «Слова о полку Игореве», но такого, которое было бы абсолютно точной копией того экземпляра, с которого это факсимиле будет сделано. То же самое следует сказать и о факсимильном издании Екатерининской копии «Слова о полку Игореве».

Пример с факсимильными изданиями «Слова о полку Игореве» свидетельствует о том, что издатель такого издания должен проводить самую тщательную сверку факсимиле с оригиналом. В том случае, если ошибки в факсимильном издании невозможно исправить, необходимо оговорить их в списке опечаток. В целях лучшего воспроизведения оригинала при подготовке факсимильных изданий по фотокопии целесообразнее к ретушировке не прибегать. Во всяком случае делать подретушировку и подбелку фотокопии при подготовке ее к изданию следует только в самых необходимых случаях. В факсимильных изданиях необходимо указывать, с какого конкретно экземпляра сделано факсимиле, и сообщать о том, что факсимильное воспроизведение было сверено издателем с оригиналом. Только в этом случае читатель сможет с полным доверием отнестись к факсимильному изданию и делать на основе его ответственные выводы и заключения. На примере издания Екатерининской копии «Слова» видно, что при факсимильном издании рукописи целесообразно сопровождать факсимильное издание изданием текста в прочтении его издателем.

⁹ Как указывает А. В. Позднеев в статье «Экземпляры первого издания „Слова о полку Игореве“ в ленинградских хранилищах и частных собраниях» (ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 372), суворинское издание было сделано с экземпляра, принадлежащего в настоящее время В. А. Десницкому.

М. П. АЛЕКСЕЕВ

Вальтер Скотт и «Слово о полку Игореве»

В «Предисловии» к своей известной монографии «„Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (т. I, М., 1887) Е. В. Барсов, напоминая о судьбе первого издания этого произведения и ранних работах по его истолкованию, сделал между прочим следующее указание: «Вальтер Скотт, прочитав этот памятник, в одном из писем к графу Орлову выражал удивление, что русские так мало умеют понимать и ценить свои лучшие произведения» (стр. VII—VIII).

Приводя этот отзыв знаменитого шотландского романиста, Е. В. Барсов не сопроводил его никакими пояснениями. Действительно ли «Слово о полку Игореве» было известно В. Скотту? В каком издании и переводе познакомился он с его текстом? По какому поводу высказался он о его литературных достоинствах? Ни на один из этих вопросов еще не было дано ответа, несмотря на то что со времени выхода в свет монографии Е. В. Барсова прошло уже более семидесяти лет, а литература о «Слове», в частности о тех оценках, которые даны были ему выдающимися писателями разных стран, выросла необычайно. Очевидно, что либо свидетельство это забылось вовсе, либо ответить на все указанные недоуменные вопросы представлялось затруднительным. Вернее всего и то и другое одновременно: Отзыв В. Скотта, сообщенный Е. В. Барсовым, никогда более не упоминался в литературе о «Слове», так как он не был подтвержден какими-либо документальными данными; в конце концов, он перестал обращать на себя внимание, затерявшись на вступительных страницах к некогда широко известному, но затем отодвинутому в прошлое исследовательскому труду. Между тем у Е. В. Барсова были действительные основания утверждать, что В. Скотту было известно «Слово» и что он несомненно читал «Слово», притом в английском рукописном переводе.

«Граф Орлов», на которого ссылается Е. В. Барсов, — это граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов (1809—1882), сын Петра Львовича Давыдова и дочери вельможи екатерининских времен и директора Петербургской Академии наук графа В. Г. Орлова, Наталии Владимировны; принять фамильное имя, графский титул деда и «потомственно именоваться графом Орловым-Давыдовым» Владимиру Петровичу разрешено было Государственным Советом лишь в 1856 г.,¹ до тех же пор он именовался просто Давыдовым и под этим именем известен несколько из биографии В. Скотта.

Детство В. П. Давыдова прошло в Италии, а юность — в Шотландии, куда он отправлен был в шестнадцатилетнем возрасте в сопровождении гувернера-шотландца для поступления в Эдинбургский университет.

¹ Кн. П. Долгоруков. Российская родословная книга, IV. СПб., 1857, стр. 428, 435; Старина и новизна, кн. 2. СПб., 1898, стр. 262—263.

В Эдинбурге В. П. Давыдов учился с 1825 по 1828 г. Здесь он представлен был В. Скотту, посещал его в его прославленном поместье — Абботсфорде, состоял с ним в переписке и несколько раз в весьма сочувственных тонах упоминается в дневнике В. Скотта за эти годы.² В. П. Давыдов окончил курс в Эдинбургском университете в 1828 г., а его последнее, прощальное свидание с В. Скоттом состоялось 25 марта этого года.

Знакомство и дружба со знаменитым писателем всегда были предметом особой гордости В. П. Давыдова, и он любил вспоминать об этом по различным поводам. Довольно подробный рассказ о встречах и беседах своих с В. Скоттом он включил, например, в составленную и изданную им в конце жизни биографию своего деда.³ Впоследствии стали известны и другие подробности о посещениях им Абботсфорда, о той роли, какую сыграл он в обмене письмами его родного дяди, поэта Дениса Давыдова, и некоторых других русских писателей 20-х годов с В. Скоттом. Недавно опубликовано было, наконец, и несколько писем В. П. Давыдова к В. Скотту (1826—1828 гг.), подлинники которых хранятся в настоящее время в Национальной библиотеке Шотландии в Эдинбурге.⁴

Интерес В. Скотта к этому юному «москвиту», или «молодому графу», как он иногда называл Давыдова в своих дневниковых записях, отзываясь о нем, впрочем, как о юноше смышленном, способном, подающем надежды (и, кстати сказать, владевшим английским языком как своим родным), был, однако, не вполне бескорыстным. В. Скотт усиленно работал тогда над тем томом своей «Истории Наполеона», в котором речь шла о русском походе французской армии и о войне 1812 г. Поэтому знакомство с молодым русским аристократом пришлось В. Скотту весьма кстати; он очень нуждался в пополнении своего труда русскими историческими материалами. В. П. Давыдов сам рассказал в биографии своего деда, что по просьбе В. Скотта он выписал тогда из России в Эдинбург различные исторические источники и документальные данные, например об истинных виновниках сожжения Москвы в 1812 г., чем особенно интересовался В. Скотт, и что некоторые из этих материалов (в переводе В. П. Давыдова) были в значительной своей части включены затем в текст «Истории Наполеона». Дневники В. Скотта свидетельствуют о том, что его встречи с В. П. Давыдовым были особенно частыми в 1826—1827 гг. В это время Давыдов в особенности старался быть полезным писателю, перед которым благоговел; он наводил для него различные исторические справки, разрешал недоумения относительно произношения и транскрипции русских слов, имен и фамилий, всячески занимал его своими рассказами о России, одаривал сувенирами, вроде, например, стальной табакерки тульской работы, с искусно изображенными на ней видами Петербурга и его окрестностей. Но В. Скотт все же, по-видимому, чаще всего возвращался тогда к особенно занимавшей его теме — к пожару Москвы и событиям 1812 г., о чем юноша Давыдов, к сожалению, мог рассказать только с чужих слов. Тогда-то, очевидно, и возникла в их беседах особая тема — о «Слове о полку Игореве», о национальной героической эпопее, единственная рукопись которой погибла в московском пожаре в 1812 г.

² The Journal of Sir Walter Scott from the Original Manuscript at Abbotsford. Edinburgh, 1890, vol. I, стр. 15, 63, 220—221; vol. II, стр. 23, 29, 68, 76, 85, 298.

³ Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова, 2 тома. Составлен внуком его гр. Орловым-Давыдовым, СПб., 1878; переиздан: Русский архив, 1908, в. 7—12. (Давыдов рассказывает о себе в третьем лице).

⁴ G. Struve. Russian Friends and Correspondents of Sir Walter Scott. — Comparative Literature, II, 1950, стр. 307—326. Последнее из сохранившихся среди бумаг В. Скотта писем к нему В. П. Давыдова написано из Лондона и датировано 20 мая 1828 г.

Мы догадываемся об этом, листая письма В. П. Давыдова к отцу, писанные из Эдинбурга в эти годы. После 1917 г. эти письма хранились некоторое время в архиве Серпуховского краевого музея; отсюда они поступили в Государственный литературный музей в Москве (ныне Центральный государственный архив литературы и искусства). Все они до сих пор не изданы. В одном из этих писем, относящемся к 1827 г. (точная дата, к сожалению, отсутствует), В. П. Давыдов сообщал отцу: «Я только что окончил перевод на английский язык „Слова о полку Игорева“, которое сир Вальтер Скотт выразил желание видеть».⁵ К сожалению, письмо это не сообщает более никаких подробностей об этом выполненном и несомненно переданном В. Скотту переводе, однако свидетельство это все же представляет безусловный интерес. Трудно сказать, насколько удачно могла быть выполнена Давыдовым эта нелегкая работа: она требовала не только переводческого опыта, но и филологической сноровки и специальных исторических знаний, какими он, естественно, не мог обладать, особенно в молодые годы. К тому же в 20-е годы на Западе «Слово» не было еще достаточно известно; английского перевода «Слова» не существовало, как, впрочем, и каких-либо упоминаний о нем в английской печати; переводы немецкие и французские были малочисленны, крайне неудовлетворительны и трудно находимы. Пользоваться какими-либо иноязычными переводами «Слова» для воспроизведения его текста на английском языке В. П. Давыдов, вероятно, не мог. Не только В. Скотт, по-видимому, впервые услышавший о «Слове» от своего юного собеседника,⁶ но и сам Давыдов едва ли могли знать, что к этому времени существовало уже несколько немецких переводов «Слова» (Рихтера, 1803, Мюллера, 1811, В. Ганки, 1821, Зедерхольма, 1825), а также французских, впрочем еще более низких по своему качеству (вольный перевод Бланшара, сделанный с русского стихотворного пересказа Левитского; анонимный прозаический перевод, включенный в статью «О древней русской национальной поэзии» в журнале бар. д'Экштейна «Le Catholique» 1827 г.) и т. д. Следует также помнить, что В. П. Давыдов жил в это время и трудился над своим переводом за границей и едва ли поэтому мог пользоваться изысканиями первых русских комментаторов «Слова», накопившимися в литературе к концу 20-х годов (К. Ф. Калайдовича, Пожарского, А. С. Шишкова, Цертелева, Н. Ф. Грамматина и др.). Таким образом, английский перевод «Слова», сделанный В. П. Давыдовым в 1827 г., был, вероятно, достаточно вольным переложением подлинника, несовершенной, дилетантской, хотя и неприятельской попыткой, имевшей, однако, вполне конкретную цель — заинтересовать этим памятником любимого им шотландского писателя. Эта цель несомненно была достигнута. Даже в такой приблизительной и ослабленной передаче «Слово» не могло не увлечь В. Скотта, питавшего, как известно, особое пристрастие не только к родной шотландской старине, но и к древним памятникам словесности других народов. Превосходный знаток шотландских и английских баллад, В. Скотт всегда интересовался также старофранцузскими *chansons de geste* и романсами старой Испании; в древних эпических песнях Западной Европы он любил следить за разверты-

⁵ ЦГАЛИ, 9758/5024-36.

⁶ Не исключена, впрочем, возможность, что В. Скотт мог узнать о «Слове» и из сочинений Н. М. Карамзина, которыми он интересовался. Как известно, Н. М. Карамзин не только первым сообщил Западной Европе о «Слове» еще до его издания, но впоследствии уделил ему внимание и в «Истории государства Российского» (т. I, 1816, гл. 7), вскоре вышедшей в просмотренном самим автором французском переводе (Thomas et Jauffret, 1819). Н. М. Карамзин называет здесь «Слово» «особенно древней повестью, украшенной цветами воображения и языком стихотворства».

вавшейся здесь героикой национальной борьбы и умел угадывать подлинно человеческие черты в застывших словесных формулах песенного предания. В более молодые годы В. Скотт увлечен был также и югославянской поэзией, раскрывшейся ему в немецкой романтической передаче; он и сам, как известно, сделал стихотворный перевод знаменитой сербской эпической песни о жене Асан-Аги, следуя, по всей вероятности, немецкому переводу В. Гете.⁷ Поэтому В. Скотт лучше многих других современных ему западных писателей мог оценить по достоинству поэтические красоты и действительное историческое значение «Слова о полку Игореве».

К сожалению, в бумагах, оставшихся после смерти В. Скотта (1832 г.), рукопись перевода «Слова», присланная ему В. П. Давыдовым, не была обнаружена; не отыскалось пока и следов работы над этим переводом в доступных нам бумагах В. П. Давыдова. Не найдено было также каких-либо отзвуков внимания и любопытства к «Слову» в писаниях В. Скотта последних лет его жизни; впрочем, после 1827 г. он писал мало, а предсмертные годы жил большей частью за границей, во Франции и Италии.

Нас может более удивить то обстоятельство, что В. П. Давыдов, рассказывая о своем знакомстве с В. Скоттом в 1878 г. в биографии своего деда, ни словом не упомянул об этом переводе, хотя и уделил достаточное внимание второстепенным подробностям и малозначительным анекдотам из трехлетней истории их личных сношений и переписки. В состоянии ли был сам Давыдов оценить значение этого маленького, но, с нашей точки зрения, весьма примечательного эпизода в истории его дружбы с «шотландским чародеем», или отсутствие упоминания «Слова» в его рассказах объясняется простой забывчивостью? Частичный ответ на этот вопрос дает, как нам кажется, приведенное выше свидетельство Е. В. Барсова: он несомненно писал со слов Давыдова, в то время уже графа Орлова-Давыдова.

Свидетельство Е. В. Барсова существенно потому, что оно дает недостающее звено к той цепи, началом которой служит признание самого В. П. Давыдова в его письме к отцу 1827 г.; узнав о том, что английский перевод «Слова» был выполнен и вручен В. Скотту, мы узнаем также, что он сказал по этому поводу. Но, по свидетельству Е. В. Барсова, приведенное им суждение В. Скотта высказано было в письме его к В. П. Давыдову; следовательно, либо это письмо не дошло до нас (хотя другие письма к нему В. Скотта сохранились), либо то, что Е. В. Барсов узнал непосредственно от корреспондента В. Скотта, было воспроизведено им не точно, в свободной передаче.

Для того чтобы устранить все эти затруднения, нам необходимо представить себе в общих чертах, когда и при каких обстоятельствах Е. В. Барсов мог узнать мнение В. Скотта о «Слове» и почему В. П. Орлов-Давыдов пожелал сообщить ему об этом. Думается, что мы в состоянии ответить на это со значительной степенью вероятности.

В. П. Давыдов еще до приобретения им графского титула получил в наследство родовое дедовское поместье, неподалеку от Москвы, с его известными драгоценными архивами, собранием древностей и замечательной библиотекой. Здесь, в Отраде, хранились, в частности, и все реликвии, связанные со знакомством В. П. Давыдова с В. Скоттом, рукописи, письма, альбомы; в Отраде в 70-е годы подолгу жил и сам хозяин, занятый разборкой архива и составлением большой двухтомной биографии своего деда.

⁷ Подробнее об этом см. в моей статье «Байрон и фольклор» (Советский фольклор, 1941, № 7, стр. 193).

Уже эта работа заставила его обращаться неоднократно к помощи ученых-историков Москвы. Будучи и сам большим любителем старины, В. П. Орлов-Давыдов делал крупные пожертвования разным библиотекам и музеям и между прочим обогатил отрадинскую библиотеку известным собранием старопечатных книг, приобретенных им у наследников И. Н. Царского. Эта покупка вовлекла его в еще более частые сношения и переписку с московскими учеными и исследователями старой русской культуры.⁸ В это самое время Елпидифор Васильевич Барсов (1836—1917) развернул в Москве широкую литературную и научно-организационную деятельность. С 1870 г. Е. В. Барсов состоял на службе в Московском Румянцевском музее (в Отделении древних рукописей и старопечатных книг) и сделался ревностным деятелем ученых обществ;⁹ всего теснее он связан был с Обществом истории и древностей российских, которое в 1881 г. избрало его своим секретарем и редактором издававшихся от имени Общества «Чтений».¹⁰ Очень вероятно, что в конце 70-х годов по делам этого Общества или по другим поводам Е. В. Барсов встречался с В. П. Орловым-Давыдовым или находился с ним в переписке.

В это же время начались и усиленные работы Е. В. Барсова над «Словом о полку Игореве». В 1876 г. он напечатал «Критический очерк литературы о „Слове о полку Игореве“» (ЖМНП, №№ 9 и 10), а через два года и другую статью — «Критические заметки об историческом и художественном значении „Слова о полку Игореве“» («Вестник Европы», 1878, №№ 9 и 10), которая, как писал впоследствии И. Анненский, была «по достоинству оценена, как плод тщательного и любовного изучения предмета». Эти работы Е. В. Барсова, по словам того же И. Анненского, обратили на себя внимание читателей: «оригинальные приемы исследования, большой подбор новых данных, ясность основного положения, — все приятно выделяло их из массы работ о „Слове“».¹¹ Отметим, что имя В. Скотта в этих статьях еще не упоминается; однако в первой из них, исчисляя «те иностранные издания и переводы, при посредстве которых этот памятник имеет за собою европейскую известность», Е. В. Барсов, между прочим, указал: «Из великих европейских держав одна Англия не имеет его в переводе на родном языке».¹² Нам представляется, что именно эти слова обратили на себя внимание В. П. Орлова-Давыдова и оказались поводом для устного или письменного сообщения Е. В. Барсову, что такой именно перевод сделан был уже пятьдесят лет тому назад и что рукопись его направлена была В. Скотту. Чтение статьи Е. В. Барсова напомнило переводчику этот забытый им эпизод его юности, забытый, может быть, потому, что письма В. Скотта с отзывом о «Слове» в отрадинском архиве уже не было. Не исключена, впрочем, возможность, что оно и вовсе не существовало и что мнение о замечательном памятнике русской старины было высказано В. Скоттом его первому английскому переводчику устно: ведь встречи их именно в 1827 г. были довольно частыми.

⁸ Характеристику этой библиотеки см. в кн.: В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 2. Киев, 1892, стр. 1099—1100.

⁹ Имп. Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914), т. II. М., 1915, стр. 27.

¹⁰ Дм. Цветаев. Записка об ученых трудах Е. В. Барсова. М., 1887; С. А. Венгерова. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. II. СПб., 1891, стр. 163—174; из записной книжки А. П. Бахрушина. Прим. М. Цявловского, изд. Э. А. Бухгейма. М., 1916, стр. 20, 103—104; Исторический вестник, 1917, июль—август, стр. 287—288 (некролог); ср.: Московские ведомости, 1917, № 91.

¹¹ ЖМНП, 1888, № 4, стр. 501.

¹² ЖМНП, 1876, № 10, стр. 128.

В. П. Орлов-Давыдов умер 24 апреля 1882 г. в Петербурге,¹³ а в первой книге «Чтений Общества истории и древностей российских» за следующий, 1883 г., Е. В. Барсов начал печатать свою монографию о «Слове»,¹⁴ в начальные части которой вошли в переработанном виде указанные выше его обзорные статьи. В первой книге «Чтений» за 1883 г. свидетельство о В. Скотте приведено на стр. VII—VIII «Предисловия», вся же рукопись монографии была сдана в печать уже в конце 1882 г., как это явствует из «Посвящения» книги, датированного 2 ноября этого года. Следовательно, Е. В. Барсов вписал это свидетельство в свой труд уже после смерти В. П. Орлова-Давыдова, получил же от него это сообщение, по-видимому, не ранее 1878 г. Отсюда становится понятным, почему это сообщение осталось в тексте труда Е. В. Барсова лишенным подробностей, пояснений и более точных данных, чем оно заслуживало: к началу печатания своей монографии Е. В. Барсов ими не располагал, и ему уже не от кого было их получить.

Таким образом, хотя свидетельство Е. В. Барсова не подтверждено пока каким-либо документом и может еще вызвать сомнение в полной текстуальной точности воспроизведенных здесь слов В. Скотта, но они представляются правдоподобными по существу и едва ли могли быть искажены даже при двойной их передаче. В. Скотт отнес «Слово» к «лучшим произведениям» национальной русской литературы и выразил лишь удивление по поводу того, что оно так мало изучается и ценится читателями. Для конца 20-х годов такое суждение, к тому же подсказанное В. Скотту его русским собеседником, было и вполне естественным, и достаточно справедливым. Важнее то, что угадывается за этой нехитрой словесной формулой: виднейший шотландский писатель не только первым на своей родине прочел «Слово о полку Игореве», но и ранее многих других в состоянии был оценить художественную силу одного из драгоценнейших памятников древнерусской эстетической культуры.

¹³ Русский биографический словарь, том «Обезьянинов»—«Очкин». СПб., 1905, стр. 366; Д. Языков. Русские писатели и писательницы, умершие в 1882 году.—Русский архив, 1915, № 5, стр. 62.

¹⁴ ЧОИДР, 1883, кн. 1 (январь—март), отд. IV, стр. 1—212. По непонятным для нас причинам эта публикация систематически выпадала из библиографий «Слова о полку Игореве».

Ф. Я. ПРИЙМА

Р. Ф. Тимковский как исследователь «Слова о полку Игореве»

Во многих работах, посвященных «Слову о полку Игореве», в числе первых исследователей знаменитого памятника нередко упоминается имя профессора Московского университета Романа Федоровича Тимковского (1785—1820). И. П. Сахаров называет Р. Ф. Тимковского в числе «самовидцев» рукописи «Слова».¹ Это указание Сахарова не было нигде подтверждено документально, но тем не менее нет никаких оснований и для того, чтобы с ним не считаться вовсе. Интерес к древней поэме об Игоре-вом походе возник у Р. Ф. Тимковского до 1812 г. В самом начале 1811 г. Общество истории и древностей российских поручило Р. Ф. Тимковскому как наиболее выдающемуся филологу и палеографу работу по изданию Лаврентьевской летописи, первоначальным владельцем которой был А. И. Мусин-Пушкин. Наличие близких взаимоотношений между Р. Ф. Тимковским и А. И. Мусиным-Пушкиным несомненно. Очень вероятным становится поэтому и знакомство Р. Ф. Тимковского с рукописью «Слова о полку Игореве», в изучение которого молодой ученый вложил так много сил и энтузиазма.

Очень ценные сведения о занятиях Р. Ф. Тимковского древней поэмой об Игоре-вом походе в обстановке еще продолжавшейся Отечественной войны оставил ученик Тимковского по Московскому университету К. Ф. Калайдович в своих дневниковых записях того же времени.²

Р. Ф. Тимковский скончался в 1820 г., на 35-м году жизни. В посвященной умершему ученому заметке К. Ф. Калайдович писал о его трудах следующей: «Много осталось в рукописях начатого и неоконченного. К важнейшим принадлежат объяснения известного „Слова о полку Игореве“. Почтенный сочинитель, неоднократно показывая мне оные, надеялся принести важную пользу древней нашей словесности. И действительно, удачные поправки прежних толкователей и многие, истинно ученые замечания подают возможность к объяснению сего редкого произведения XII века. Профессор Тимковский находил только восемь слов, не весьма для него понятных в сей единственной поэме.³ Другой, также недоконченный труд его состоял в примечаниях на исповедание и сказание о побойще великого князя Димитрия Ивановича Донского, драгоценном сочинении, найденном г. Тимковским в рукописи XVII века ... Некоторые места сей

¹ И. П. Сахаров. Песни русского народа. М., 1839, стр. 172.

² См.: Летописи русской литературы и древности, изд. Тихонравовым. 1859—1860, т. 3. М., б. г., стр. 81—116.

³ Известный исследователь «Слова о полку Игореве» М. А. Максимович сообщал впоследствии, что в древней поэме «только три места остались для него (Тимковского, — Ф. П.) неясными» (см.: Молва, 1833, № 23—24, а также: ЖМНП, 1836, № X, стр. 9).

героической песни имеют сходство с „Словом о полку Игоря“, из коего, по-видимому, оные заимствованы».⁴

Работа Р. Ф. Тимковского о «Слове» осталась незавершенной только вследствие слишком высоких требований, которые предъявлял к себе ее автор. Несмотря, однако, на то, что капитальный труд о «Слове» Тимковским не был издан, заслуги последнего в изучении древнейшего памятника русского художественного слова не должны быть забыты.

На протяжении почти целого десятилетия (1811—1820) Р. Ф. Тимковский был наиболее эрудированным исследователем древнерусской литературы в стенах Московского университета. Под руководством Тимковского сформировались такие видные исследователи русской литературы, как К. Ф. Калайдович, М. А. Максимович, И. М. Снегирев. Первое научное издание Лаврентьевской летописи возникло по инициативе Р. Ф. Тимковского.⁵ С его именем, как следует полагать, был связан также и объявленный в 1819 г. Московским университетом конкурс на лучшее исследование о «Слове о полку Игореве».⁶ Осуществлению как этого, так и многих других научных начинаний Тимковского помешала преждевременная его смерть.

Молва о профессоре Тимковском как выдающемся истолкователе древней поэмы об Игоревом походе продолжала расти и после смерти ученого. Молва эта распространялась и печатным способом, и в изустной передаче. Желających разыскать оставшиеся от Тимковского рукописи находилось немало, но стремления этих любителей на протяжении почти двух десятилетий ни к чему не привели.

В 1839 г. Н. А. Полевому удалось наконец раздобыть от Василия Федоровича Тимковского кое-какие бумаги его покойного брата. Названные бумаги были опубликованы Полевым под названием «Любопытные замечания к „Слову о полку Игоревом“».⁷ В примечании к этой публикации Н. А. Полевой сообщал следующее: «Все, что касается единственного, драгоценного памятника нашей древней словесности, должно быть для нас драгоценно. Вот почему не смею оставить в неизвестности заметок, сообщенных мне незабвенным Вас. Фед. Тимковским из бумаг брата его, Романа Федоровича, когда я собирался писать о „Слове о полку Игоревом“». Не знаю, выдам ли когда-нибудь множество написанных уже мною исследований и замечаний, но до сих пор не оставляю своего намерения. Кстати здесь заметить, что Роман Федорович весьма много занимался „Словом о полку Игоревом“, но где его записки об нем — неизвестно. У Василия Федоровича их не было. Остальные бумаги Романа Федоровича погибли в петербургском наводнении, вместе с драгоценными бумагами самого почтенного В. Ф. Тимковского. Н. П.».

Что же представляли собой напечатанные Н. А. Полевым бумаги Р. Ф. Тимковского?

Публикация Н. А. Полевого состояла из трех частей. Оригиналом для первой части публикации служило переписанное рукой Тимковского письмо А. И. Мусина-Пушкина к К. Ф. Калайдовичу от 31 декабря 1813 г. с объяснениями относительно рукописи «Слова». Письмо это было опублико-

⁴ К. К а л а й д о в и ч. О трудах проф. Тимковского по части русской истории. — Вестник Европы. М., 1820, ч. 110, стр. 131—132.

⁵ См.: Летопись Несторова по древнему списку мниха Лаврентия. Издание профессора Тимковского, прерывающееся 1019 годом. Напечатано при Обществе истории и древностей российских. М., 1824.

⁶ См.: Краткая история Московского университета с 6 VII 1817 г. по 4 VII 1819 г. В Университетской типографии, М., 1819, стр. 11—12.

⁷ Сын отечества, 1839, т. VIII, отд. VI, стр. 15—20.

вано Калайдовичем еще в 1824 г. в «Биографических сведениях о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей гр. А. И. Мусина-Пушкина».⁸

Во второй части публикации Н. А. Полевого был напечатан отрывок из письма К. Ф. Калайдовича к Р. Ф. Тимковскому с разъяснениями нескольких трудных мест «Слова» (усобица, убуди, лукоморие, трудная повесть и др.) и записью отдельных мнений о «Слове» Н. М. Карамзина, Евг. Болховитинова и С. П. Румянцева.

Оригинал третьей части публикации Н. А. Полевого — это записанные Р. Ф. Тимковским от К. Ф. Калайдовича несколько мнений о «Слове» Н. М. Карамзина.

Таким образом, публикация Н. А. Полевым никаких материалов о собственной комментаторской работе Р. Ф. Тимковского над древней поэмой об Игореvem походе не сообщала.

Именно поэтому разгадка вопроса о том, где же находится написанный Р. Ф. Тимковским комментарий к древней поэме, еще многие годы продолжала возбуждать внимание специалистов. Это хорошо иллюстрируется одним небольшим документом, хранящимся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки в Ленинграде. Это отдельный оттиск одной из статей книги IX «Русского вестника» на 1820 г. Статья называется: «Письмо об истории словесности российской». Под статьей подпись: «Татьяна Тмквская». На лицевой стороне обложки этого оттиска рукой М. П. Погодина сделана карандашом следующая надпись: «Н. В. Тимковский Роман Федорович скончался в 1820 году. Он перед кончиною сам говорил многим о приготовленном им для печати объяснении „Слова о полку Игореve“. Это объяснение при разборе бумаг пропало. Вероятно, некоторые объяснения скрываются здесь. М. Погодин. 1854 г., ноября 7».⁹

Почему М. П. Погодин считал возможным найти принадлежавшие Р. Ф. Тимковскому объяснения отдельных мест поэмы именно в названном «Письме об истории словесности российской», догадаться нетрудно. Автор статьи Татьяна Тимковская (в журнале — «Татьяна Тмквская»), как можно предполагать, была одной из родственниц и близких к Р. Ф. Тимковскому лиц. Вполне естественно поэтому было рассчитывать на то, что в названной статье могли быть использованы какие-либо рукописные работы Р. Ф. Тимковского, относящиеся к древнерусской литературе. Заметим кстати, что в «Письме об истории словесности российской» имя Р. Ф. Тимковского, вероятно, не случайно упоминается дважды.

К сожалению, в статье Татьяны Тимковской «Слову о полку Игореve» уделено только два небольших абзаца. Вот один из них: «В XII веке является у нас свой Оссиан. Его „Песнь о полку Игоря“ по слогу и языку есть в своем роде произведение единственное, исполненное оригинальных красот самородной поэзии; но, вероятно, песнь сия не первая появилась на Руси и пингический язык ее не вновь родился, но имел уже начало свое до ее появления. Вдохновенный певец, современник Игореv, упоминает о соловье старого времени Бояне, который, судя по историческим лицам, жил или в исходе XI, или в начале XII столетия и, судя по выражению самого певца, сочинил не одну песнь; ибо кому вещей Боян хотел песнь творить, то растекался мыслию по древам, серым волком по земли, сизым орлом под облаками».¹⁰

⁸ Записки и труды Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1824, ч. II.

⁹ ГПБ, Отдельные поступления, Тимковская Т., «Письмо об истории словесности российской».

¹⁰ Русский вестник на 1820 г., кн. IX, стр. 66—68.

Нельзя не признать довольно оригинальным предложенное в статье Татьяны Тимковской объяснение приведенной ею цитаты из «Слова». Согласно комментарию Тимковской, автор «Слова» стремился подчеркнуть находчивость Бояна, умевшего его учитывать своеобразно меняющейся обстановки; в зависимости от этого менялся и сам характер его песнопений; то как орел в воздухе, то как волк на земле и т. д. Боян чувствовал себя всегда в своей стихии.

Итак, напечатанная в «Русском вестнике» на 1820 г. статья Т. Тимковской интересна тем, что в ней могли отразиться и, вероятно, отразились результаты научной деятельности Р. Ф. Тимковского.

«Письмо об истории словесности российской» любопытно еще и тем, что в издании его, а возможно и в написании, принимало участие и второе лицо, подписавшееся инициалами «И. С.». Еще в VIII книжке «Русского вестника» на 1820 г. «И. С.» обещал доставить в журнал письмо некоей «сочинительницы», содержащее «обзрение истории нашей словесности».¹¹ Видимо, состоявший в числе сотрудников «Русского вестника» «И. С.» также изучал древнюю поэму об Игоре в походе, проявляя особенный интерес именно к той теме, на которую был объявлен конкурс в Отчете Московского университета за 1819 г., а именно, когда было написано «Слово о полку Игореве». Об этом мы можем судить по следующему примечанию, которым снабдил «И. С.» процитированный нами отрывок из статьи Татьяны Тимковской в IX книге журнала: «Что ж касается до определения времени, когда писана „Песнь о походе Игоря“, то должно в особенности обратить внимание на следующие слова: „Сего бо (Владимира Мономаха) ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии Давыдовы“. Владимир Мономах сперва княжил в Смоленске, потом в Чернигове, а наконец с 1113 года в Киеве. Ежели вышеприведенные слова означают то же, что власть и княжение Владимирово перешло в руки Рюрика и Давида Ростиславичей: то и выйдет время сочинения оной Песни между 1195 и 1198 годами; ибо Рюрик Ростиславич по смерти Святослава Всеволодовича начал княжить в Киеве с 1195 по 1205; а брат его Давид, князь Смоленский, умер уже в 1198 году. Сочинитель же, по всему вероятно, должен быть из Чернигова; потому что везде старается выставить Ольговичей и обнаруживает негодование свое против Рюрика и Давида, как похитителей достоинства князей черниговских. И. С.»¹²

Инициалы «И. С.», как следует полагать, принадлежали Ивану Михайловичу Снегиреву (1792—1868), состоявшему с 1807 г. студентом, а с 1816 г. преподавателем по Кафедре римской словесности и древностей при Московском университете. На оборотной стороне обложки отдельного оттиска статьи Т. Тимковской, о котором шла речь выше, находится следующая дарительная надпись: «Посвящается как дань признательности и дружбы истинному любителю и знатоку в отечественной истории К. Ф. Калайдовичу от искреннего его почитателя и бывшего товарища в учении Снегирева». Наличие этой надписи мы считаем вполне достаточным свидетельством в пользу того, что инициалы «И. С.» в рассматриваемом случае принадлежат И. М. Снегиреву. Воспитанник Московского университета, И. М. Снегирев был учеником Р. Ф. Тимковского. О сильном влиянии последнего на направление и характер своих филологических изысканий Снегирев сам рассказывал в письмах и воспоминаниях.¹³

В свете изложенной выше истории об утрате рукописей Р. Ф. Тимковского, а также истории о неоднократно предпринимавшихся попытках их

¹¹ Русский вестник на 1820 г., кн. VIII, стр. 45.

¹² Там же кн. IX, стр. 67—68.

¹³ См.: Дневник Ивана Михайловича Снегирева, т. II. М., 1905, стр. 279.

разыскания несомненный интерес приобретают те, хотя и небольшие по объему, но вполне достоверные и конкретные данные о Р. Ф. Тимковском как комментаторе «Слова о полку Игореве», которые можно извлечь из архива К. Ф. Калайдовича, хранящегося в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде. В числе нескольких сохранившихся листов с различными выписками и заметками К. Ф. Калайдовича по «Слову о полку Игореве» находится обособленный от других листов:

«25 февраля 1817 года. Замечания Р. Ф. Т.

Стр. 16: и на Канину зелену паполому. Канин — город, где-то близ Чернигова. Отыскать у Татищева.

Стр. 36: великому Хръсови. Хорс идол в Киеве боготворимый.

Стр. 37: хобот — значит земля, пашня. Где-то в Двинских грамотах.

Стр. 34: и схотию должно читать: хотию.

Стр. 36. Из Киева дорискаше до Кур, т. е. до куроглашения, до зари, как говорят у нас, до петухов».¹⁴

Под перечисленными выше «Замечаниями Р. Ф. Т.», записанными рукой К. Ф. Калайдовича, проведена жирная черта, под которой начинается новый перечень заметок по «Слову о полку Игореве», продолжающийся и на оборотной стороне интересующего нас листка.

Не возникает ни малейших сомнений в том, что «Замечания Р. Ф. Т.» были получены К. Ф. Калайдовичем от Р. Ф. Тимковского. Судя по тому, что в «Замечаниях» даны только общие отсылки к В. Н. Татищеву и двинским грамотам, без точных библиографических указаний, можно заключить, что эти замечания были даны Тимковским в устной форме и лишь впоследствии были записаны К. Ф. Калайдовичем.

На одном из листков из архива К. Ф. Калайдовича мы находим такую запись: «Description de la Crimée. Par M. Thounmann, профессор в Галле. Пер. с нем. в Страсбурге. 1786 (на нем. издана в 1777 г.). Тунман на 102 и 103 стр. полагает Тмутаракань на острове Тамане. У Р. Ф. Тимковского». Эта запись свидетельствует о том, что в своей работе над «Словом» К. Ф. Калайдович пользовался указаниями Р. Ф. Тимковского.

Сохранившиеся в архиве К. Ф. Калайдовича заметки к «Слову» относятся к 1817 г., периоду, когда Калайдович готовился к написанию своего ставшего широко известным «Опыта решения вопроса... на каком языке писана „Песнь о полку Игоря“», напечатанного в начале 1818 г. в «Трудах Общества любителей российской словесности» (М., 1818, ч. XI, стр. 3—32). В этой статье Калайдовича ряд общих положений и частных замечаний был подсказан автору Р. Ф. Тимковским. В частности, в духе толкований Тимковского объяснил Калайдович в своем «Опыте» слово «Хръсъ» и выражение «до кур» (см. стр. 20 и 9).

Приведенный выше перечень «Замечаний Р. Ф. Т.», как бы ни был количественно мал, дает ценный материал для суждения об этом ученом как комментаторе «Слова». Р. Ф. Тимковский делился с К. Ф. Калайдовичем своими соображениями о «Слове» в 1817 г., когда существовало всего лишь два сделанных на научной основе перевода памятника — перевод его в издании 1800 г. и перевод А. С. Шишкова.¹⁵

¹⁴ ГПБ, Архив К. Ф. Калайдовича, карт. 4, «Заметки, относящиеся к „Слову о полку Игореве“».

¹⁵ Примечания Александра Шишкова на древнее о полку Игоревом сочинение, в Москве, с переложением онога на употребительное ныне наречие, в 1800 году изданное. — В кн.: Сочинения и переводы, изд. Российской Академиею, кн. VIII, ч. 1. СПб., 1805.

Объяснения к «Слову» Р. Ф. Тимковского оригинальны. Несмотря на то что все пять объяснений Тимковского относятся к наиболее трудным местам памятника, ни в одном из пяти случаев комментатор не повторяет ни перевода в издании 1800 г., ни перевода А. С. Шишкова, не говоря уже о том, что Тимковский предложил свое объяснение слова «Хръсь», истолкование которого в двух названных выше переводах «Слова» вообще отсутствовало. О качестве примечаний к «Слову» Р. Ф. Тимковского можно судить хотя бы по тому, что из пяти приведенных нами его примечаний четыре («канина», «Хръсь», «хоть», «до кур») в той или иной мере сохраняют свое научное значение и до настоящего времени. Особенно ценным и свидетельствующим об обширных познаниях Тимковского в древнерусской литературе был принадлежащий ему перевод выражения «из Киева дорискаше до кур Тьмутороканя» как «из Киева добежал до (пения) петухов до Тмуторокани». Известно, что не только до Тимковского, но и в более поздние времена это место переводилось как «рыскал из Киева до Курска и Тмуторокани». Предложенное Р. Ф. Тимковским истолкование этого места окончательно восторжествовало в науке только во второй половине XIX в.

Говоря о Р. Ф. Тимковском как комментаторе «Слова о полку Игореве», следует обратить внимание на изданное им в 1815 г. «Получение архиепископа Луки». О предложенных Р. Ф. Тимковским в этом небольшом по объему труде истолкованиях ряда слов древнерусского языка («москолоудство» и др.) можно смело сказать, что они выдержали испытание временем. Одно примечание к этой работе Тимковского, а именно объяснение слова «кресение», имело прямое отношение и к комментированной древней поэмы об Игоре в походе. Относительное слова «кресение» Тимковский здесь писал: «Старинное слово, которое значит то же, что воскресение. Чаще встречается глагол „кресити“, „воскресити“. У Нестора по Лаврентьевскому списку на стр. 28: „оуже мне мужа своего не кресити“. В „Песне о походе Игоря“ на стр. 32: „а Игорева храброго пльку не кресити“. Малороссияне и теперь еще говорят: „кресать огонь“, „выкресать огня“ вместо „высекать огонь“, „высечь огня“, так сказать, „возродить огонь“; равным образом огниво называют они кресевом».¹⁶

Нелишне будет сказать, что именно этим истолкованием слова «кресити» воспользовался в 1818 г. К. Ф. Калайдович в своем «Опыте» (стр. 20).

Примечания к «Поучению архиепископа Луки» весьма показательны для характеристики научного метода Р. Ф. Тимковского. На шести небольших страницах своего комментария ученый пользуется самыми разнообразными рукописными и печатными источниками на русском, латинском, древнегреческом, итальянском и немецком языках. Здесь же Тимковским был поднят вопрос о неотложной необходимости создания словаря древнерусского языка.

Мы привели ряд документов и свидетельств современников, позволяющих составить хотя и далекое от полноты, но тем не менее реальное представление о Р. Ф. Тимковском как комментаторе «Слова о полку Игореве», о методе исследования этого ученого.

В своих занятиях древнерусской литературой Р. Ф. Тимковский обнаружил исключительное упорство и любовь к предмету, замечательные филологические познания и дух критицизма, сочетание строгости научного анализа с пафосом творчества. Русская филологическая наука начала

¹⁶ Русские достопамятности, изд. Обществом истории и древностей российских, ч. I М., 1815, стр. 11.

XIX в. приобрела бы много, если бы созданный Р. Ф. Тимковским комментарий к «Слову о полку Игореве» увидел свет и, наконец, если бы жизнь этого ученого не оборвалась так рано.

Но даже то, что успел сделать и опубликовать Р. Ф. Тимковский, значительно. Кратковременная научная и педагогическая деятельность Р. Ф. Тимковского во многом способствовала превращению Московского университета в самый крупный в стране центр по изучению древнерусской литературы.

А. П. МОГИЛЯНСКИЙ

Неизвестная заметка Н. Г. Устрялова о «Слове о полку Игореве»

В феврале 1833 г. в Москве вышла из печати книга: «Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского. Переведено с древнего русского языка XII столетия Александром Вельтманом». ¹ Книга содержала en regard текст «Слова» по изданию 1800 г. и опыт поэтического перевода «Слова» в прозе. К этому времени уже вполне определился своеобразный облик даровитого писателя: он и историк, и археолог, и поэт. Уже в 1828 г. вышло его «Начертание древней истории Бессарабии», выполненное по заданию военного ведомства.

Интересы А. Ф. Вельтмана (1800—1870) были направлены преимущественно на древнейший период русской истории. В своей брошюре «О господине Новгороде великом» Вельтман писал: «Вы знаете, что более всего занимает меня древность русская». ²

Значение перевода А. Ф. Вельтмана, явившегося пятым прозаическим переводом «Слова» на русский язык и первым опытом поэтического перевода в прозе, заключалось в выработке нового типа перевода, в несомненной талантливости передачи ряда мест оригинала. На интересовавший науку того времени вопрос, «на каком языке писано „Слово о полку Игореве“: на древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг священного писания, или на каком-нибудь областном наречии?», ³ Вельтман давал отчетливый ответ в самом названии своей книги. Менее отчетливо говорил Вельтман в предисловии к своему труду: «На языке, собственно певцу Игоря принадлежащем; на соединении всех наречий славянских, очищенных высоким чувством поэта; на выборе слов звучных, кратких, свойственных той гармонии, которою была исполнена его душа». Далее Вельтман сближал язык «Слова» с современным переводчику русским языком XIX в.: «Сравните „Слово о полку Игореве“ с звуками настоящего русского языка; ваш слух заметит близкое родство между ними». ⁴ В языке «Слова» Вельтман не усматривал того «ложного славянизма», который характерен, по его мнению, для позднейшего русского литературного языка вплоть до XIX в. Предшествующими переводами «Слова» Вельтман неудовлетворен, считая их непонятными: «Читая подлинник „Слова о полку Игореве“, я понимал его или мне казалось, что я понимал;

¹ Эпиграф к книге: «Кто ты, певец Игоря? ...». Книга печаталась в типографии С. И. Селивановского.

² А. В. О господине Новгороде великом. М., 1834, стр. 5.

³ Вопрос, сформулированный К. Ф. Калайдовичем 4 мая 1812 г. на заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете (см.: Труды Общества, ч. IV. М., 1812).

⁴ Песнь ополчению Игоря..., стр. IV.

ибо красоты его трогали душу мою. Читая переводы „Слова о полку Игореве“, я не понял их и не мог перенести какого-то чувства, похожего на обиду».⁵

В 1830 г., во II томе «Истории русского народа», Н. А. Полевой призвал к обсуждению тех сомнений в подлинности «Слова», которые М. Т. Каченовским и другими высказывались в устной форме.⁶ Книга Вельтмана была одним из ярких выступлений в защиту подлинности слова. Возникновение такого поэтического произведения на Руси XII в. Вельтман объяснял древностью и высоким уровнем русской культуры: «С 9 века Новгород знал уже Европу, а Европа знала Новгород».⁷ В отличие от Н. А. Полевого, относившего написание «Слова» к началу XIII в., Вельтман датирует памятник концом XII в. и пишет о его авторе так: «Что песнь Игорю писал современник его, это слишком убедительно. Несовременный певец не обратил бы внимания на ничтожный, по понятиям истории, поход Игоря на половцев. Этот восторг к подвигам его мог принадлежать только тому, кто знал Игоря лично, а не по преданиям, кто любил его».⁸

Одобрив перевод, Н. А. Полевой аргументацию Вельтмана признал недостаточно полной и доказательной: «Нам, и не нам, ибо мы готовы даже согласиться, а скептикам нашим надобны доказательства более положительные: акты, пыль летописей, сухость изысканий. Без харатейного, запачканного сборника они не поверят даже ни одному великому делу и слову предков. И они правы, хотя и доводят это до излишества!».⁹

Книга А. Ф. Вельтмана стала предметом изучения А. С. Пушкина, вызвала его замечания и ускорила принятие им решения о выполнении собственного перевода «Слова».¹⁰

А. Ф. Вельтман преподнес экземпляры своей книги министру народного просвещения князю К. А. Ливену и просил поднести его труд также императору Николаю I и членам его семьи.

Проживая в Москве, Вельтман еще не знал, что уже 18 марта 1833 г. К. А. Ливен был освобожден от обязанностей министра народного просвещения, а 21 марта на этот пост был назначен С. С. Уваров. Дальнейший ход этого дела был таков. По приказанию Уварова правитель его канцелярии П. М. Новосильский 30 марта 1833 г. обратился к попечителю Петербургского учебного округа К. М. Бороздину с письмом, в котором предлагалось рассмотрение достоинств перевода Вельтмана поручить лектору С.-Петербургского университета Н. Г. Устрялову.¹¹

Подробный отзыв Н. Г. Устрялова о труде А. Ф. Вельтмана был препровожден на имя П. М. Новосильского при письме К. М. Бороздина от 6 апреля 1833 г. Приводим текст этой неизвестной заметки академика Н. Г. Устрялова.

Замечания на книгу «Песнь ополчению Игоря Святославича», изданную Г. Вельтманом

В наше время ознакомить публику вполне с поэтическими красотами Слова о полку Игореве можно двумя способами: или верным переводом,

⁵ Там же.

⁶ Н. Полевой. История русского народа, т. II. М., 1830, стр. 161.

⁷ Песнь ополчению Игоря... стр. V.

⁸ Там же.

⁹ Московский телеграф, 1833, ч. 50, № 7, апрель, стр. 437.

¹⁰ Пушкин и его современники, в. IX—X. СПб., 1910, стр. 19—22.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 440, л. 40.

или счастливым подражанием. В первом случае издатель обязан: прежде всего восстановить текст, очистить его от ошибок, пояснить, что именно хотел сказать певец Игоря, и потом уже переложить оный в изящную прозу. Во втором случае необходимо не только основательное знакомство с подлинником, с духом века и народа, т. е. полное, живое познание древней отечественной истории, но еще требуется самобытный дар поэтический. Г[-н] Вельтман хотел быть только переводчиком (VI) вследствие мысли, что изданные доселе переводы (графа Мусина-Пушкина, А. С. Шишкова, Пожарского, Граматина) весьма неудовлетворительны. «Читая подлинник Слова о полку Игореве, — говорит он, — я понимал его, или мне казалось, что я понимал: ибо красоты его трогали душу мою. Читая переводы, я не понял их и не мог перенести какого-то чувства, похожего на обиду». Желание отомстить за честь певца Игореве побудило его напечатать свой перевод с самым текстом и немногими замечаниями филологическими.

А. Текст напечатан г[-ном] Вельтманом согласно с первым изданием оною, буква в букву. Конечно при недостатке других списков нельзя требовать значительных поправок; однако ж к чему повторять одни и те же ошибки явные? Что мешает заменить их лучшим, правильнейшим чтением?

Другое дело при издании рукописи древней в первый раз: тогда издатель, если не желает исправлять ошибок посредством вариантов, должен их оставить неприкосновенными, чтобы впоследствии напечатанный им текст мог служить оригиналом; но подлинник «Слова о полку Игоревом» печатается в пятый раз: не время ли исправить его так, как европейские ученые выправляли Горация, Вергилия? Пригом же хотя г[-н] Вельтман строго держался первого издания, однако ж попадают в его книге явные с оным противоречия, кои при всем том не объяснены. Например:

В издании Вельтмана		В первом издании	
стояже Каалы	(стр. 14)	сь тоя же Каалы	(16)
Морова	(стр. 20)	Морава	(22)
Не сошли	(стр. 22)	Не сошло	(24)
Опутоша	(стр. 22)	Опустоша	(24)
Попрузиста	(стр. 22)	Погрузиста	(25)
Времени	(стр. 28)	Бремены	

Некоторые из сих слов имеют более смысла, чем в первом издании (впрочем одно только выражение «опутоша»); но решившись однажды на поправку, следовало держаться сего правила постоянно и притом непременно означать слова оригинала.

Б. В переводе Г[-на] Вельтмана два главные недостатка: I) не выражен гений языка; и II) неправильно переданы как многие отдельные слова, так и целые фразы.

I. Первый недостаток зависит от того, что переводчик не попал на тон певца Игореве. Автор весьма разнообразен в формах выражения, которые у него всегда согласуются с порядком мыслей и живостию чувствований. От сего каждая фраза его имеет свою конструкцию и притом все слова его тесно сцеплены одни с другими, предыдущие с последующими. Не без причины начинает он одну фразу глаголом, другую наречием, иную именем прилагательным: этого требовала нить мыслей и чувствований; этого требует гений русского языка, который в сем отношении имеет драгоценное преимущество пред всеми новейшими языками. Переводчик, разорвав связь между идеями и словами, с одной стороны, затемнил основную мысль, с дру-

гой же стороны, сгладив многие истинно Русские обороты, не мог передать нежных оттенков мыслей. В подлиннике все дышит жизнью, поэзией; везде связь естественная, неразрывная; каждая мысль легко переливается в другую; нет ни лишних частиц, кои всегда обременяют наш язык стройный, величественный, ни растянутых оборотов, именно потому, что каждое слово на своем месте. В переводе конструкция единообразная, вялая, прозаическая. Примером может служить почти каждая строка. Одним словом, переводчик не исполнил своего долга главного: не передал тона; при лучшем успехе он мог бы оказать важную услугу: обогатить наш язык новыми, истинно Русскими оборотами. И мы вправе сего требовать: из всех памятников нашей древней словесности «Слово о полку Игореве» доставляет в сем случае обильнейшую жатву.

II. Не выразив тона и души оригинала, г[-н] Вельтман часто погрешает в подробностях, вопреки первым условиям перевода. Именно:

1) одну и ту же фразу при одинаковых обстоятельствах он передает совершенно разными словами. Например, слово: П л ѣ н ѣ И г о р е в ѣ в одном месте переведено: ополчение Игоря (стр. 3), в другом — подвиги Игоря (стр. 3), в третьем — р а т ь (стр. 17), в четвертом — ополчения (стр. 19).

2) Не соблюдена сила многих слов или не выражены оттенки их: «з а р ѣ з а Р е д е д ю п р е д ѣ п л кы К а с о ж с к и м и» переведено: «Редедю с р а з и л п р е д в о й с к а м и К а с о ж с к и м и» (стр. 5). «Трудныя повѣсти» перев[едено:] «высокие сказания» (1). «Игорь къ Дону вои ведеть» в перев[оде:] «Вот Игорь с дружиной близится к Дону» (8). «Лисици брешутъ на чръленья щиты» перев[едено:] «И воют лисицы, завидев цвет чермный щитов» (9). В последней фразе не соблюдена даже гармония слога

3) Делая перифразы там, где не нужно, слова устаревшие не переводит. «Възрѣ на свѣтлое солнце» (просто: взглянул) переведено: «вскинул взоры (1) на светлое солнце».

4) Многие растянуто. Поэтическое выражение «Спало Князю умъ похоти... искуситъ Дону великаго» переведено самую обыкновенною прозою: «Желанье испить из великого Дона умом овладело».

5) Многие, чего нет в подлиннике, прибавлено: «Боянъ бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслию по древу» переведено: «Бояна мысли текли в вышину, так, как соки по древу». К чему это? и могут ли соки течь по древу?

6) После сих примеров едва ли можно надеяться, чтобы г. переводчик удачно истолковал слова, действительно невразумительные. И в самом деле, чего не успели изъяснить удовлетворительно прежние Издатели, не объяснено и г[-ном] Вельтманом: догадки его неудачны. В подтверждение сего достаточно одного примера: «Дивъ (филин) кличетъ върху дерева» переведено «А чудо (?) с вершины древесной и вопит и манит»...

В заключение нельзя не заметить странной мысли г[-на] Вельтмана о языке певца Игореве: стараясь разрешить вопрос, предложенный Ученым обществом, «на каком языке писано „Слово о полку Игоревом“?» на древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг священных, или на каком-нибудь наречии областном?, г[-н] переводчик говорит (не опираясь ни на какое доказательство), что «оно писано на языке, собственно певцу Игоря принадлежащем; на соединении всех наречий славянских, очищенных высоким чувством поэта». Сию мысль следовало бы подтвердить доказательствами историческими, а не примером Ломоносова, который, напротив того, писал на одном наречии Русском,

очистив его глубоким познанием форм языка, и никогда не смешивал одного с другими Славянскими наречиями.

Вообще изданием своего перевода г[-н] Вельтман не оказал даже той услуги, которую принес на сем же поприще г-н Граматин.

Лектор С.-Петербургского университета
Н. Устрялов.

5 Апреля
1833.¹²

Значение приведенного выше труда академика Н. Г. Устрялова сводится главным образом к следующим моментам:

а) он отчетливо характеризует отношение официальной исторической науки в России к «Слову о полку Игореве» в годы выработки уваровской теории «официальной народности» (1832);

б) он ярко определяет те требования к различным типам переводов «Слова» на новый русский язык, какие выработала историческая наука в России в названную эпоху.

Как и академики А. В. Никитенко, М. П. Погодин и другие ученые того времени, Устрялов был выходцем из социальных низов. Постепенно превращаясь в приближенного к императорскому двору официального историографа, он в то же время испытывал влияние исторических идей Н. А. Полевого (с которым, однако, полемизировал) и вносил существенные поправки в «государственную» концепцию русской истории.

Взгляды предшествующей эпохи и взгляды реакционные соединялись у Н. Г. Устрялова со взглядами, имевшими несомненно прогрессивное значение в русской науке. Устрялов более других своих современников уделял внимания истории русской культуры и ее месту в общем курсе истории России.

К числу важнейших исторических источников Н. Г. Устрялов относил «памятники наук и изящной словесности», поскольку они, «нередко выражая характер времени живее самых подробных известий исторических, определяя степень образованности и вкус народа, принадлежат также к историческим материалам. Во всех письменных памятниках должно обращать внимание на язык: как орудие выражения мыслей, еще более как хранилище идей, он дает средства судить о родстве народных поколений, о степени влияния одного племени на другое, о направлении и успехах гражданственности».¹³

Внимание к культурной истории России позволило Устрялову назвать в курсе русской истории важнейшие произведения русской литературы и в том числе «Слово о полку Игореве».

Предпочтя не только перевод Н. Ф. Грамматина (1786—1827),¹⁴ но и принятое в нем толкование Дива как филина,¹⁵ Н. Г. Устрялов тем не менее

¹² ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 440, лл. 42—47 (автограф).

¹³ Н. Устрялов. Русская история, изд. пятое, испр. и доп., часть I, СПб., 1855, стр. 7.

¹⁴ Слово о полку Игоревом, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славенском языке прозою и с оной предложенная стихами древнейшего русского размера, с присовокуплением другого буквального предложения, с историческими и критическими примечаниями, критическим же рассуждением и родословною. М., 1823.

¹⁵ Это толкование впервые появилось в переводе А. Ф. Малиновского (1800 г.). Под влиянием Н. Ф. Грамматина оно было использовано также во втором (1826 г.) издании перевода А. С. Шишкова. Во втором издании своей книги А. Ф. Вельтман поместил новый перевод, в котором «Див» оставлен без какого-либо толкования. Толкование этого слова в переводе 1833 г. находилось под влиянием перевода Я. О. Пожарского (1819 г.).

предъявил к переводу «Слова о полку Игореве» требования, значительно опережавшие современные ему. Основными из этих требований являются: 1) полное сохранение внутренней связи между идейным содержанием памятника и его речевой системой; 2) сохранение разнообразия и последовательной связи в формах выражения мыслей и чувств.

Эти требования Н. Г. Устрялова и послужили основанием для суровой оценки перевода А. Ф. Вельтмана, сыгравшего тем не менее свою положительную роль в истории русской культуры.

Р. О. ЯКОБСОН

Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки¹

Тереза Альбертина Луиза, дочь харьковского профессора, немца фон Якоба, вышедшая замуж за американского богослова Э. Робинсона, более известна славистическому миру под своим литературным именем Талви. В 1834 г. она первая познакомила американских читателей со «Словом о полку Игореве»: «Это памятник национального поэтического творчества, сочетающий высшую красоту с такою же силой и изысканностью... Действительно в этот ранний период русские уровнем своей духовной культуры превосходили почти все прочие области Европы».²

Первый полный перевод «Слова» на английский язык вышел в Нью-Йорке в 1902 г. Он принадлежит основоположнику университетского славяноведения в Америке, гарвардскому слависту Лео Винеру.³ Зачинатели славянской филологии в Колумбийском университете, Дж. Принс и К. Маннинг, силились разобраться — первый в имени Трояна и Бояна и в тюркизмах «Слова»,⁴ а второй в мотиве «девы-обиды».⁵

Но начало систематической работы над «Словом» в Америке следует датировать 1943 г. При Свободном университете (Ecole Libre des Hautes Etudes), созданном в Нью-Йорке французскими и бельгийскими учеными, бежавшими от немецких оккупантов, возобновил свою деятельность Брюссельский институт славянской и восточной истории и филологии. Его неутомимый руководитель Анри Грегуар, мировой знаток византийской культуры и международно-эпической традиции, привлек к активному сотрудничеству группу американских и европейских специалистов по языкам, письменности, фольклору и истории славянского, греческого и восточного мира, и весной 1943 г. первый цикл публичных лекций был посвящен всестороннему обсуждению «Слова о полку Игореве». Эти доклады и дебаты, как сообщает отчет Института, «наглядно показали подлинность памятника, опровергнув все контраргументы» (III, стр. 491). Осенью 1943 г. началась дальнейшая стадия работ Института — трехлетний семи-

¹ Римские цифры отсылают к «Библиографии работ по Слову» (стр. 110—114), а арабские — к «стихам» (абзацам) нашего перевода «Слова о полку Игореве» на современный русский язык (стр. 114—119).

² Historical View of the Slavic Language in its Various Dialects. — The Biblical Repository, IV, Эндовер и Нью-Йорк, 1834, стр. 363. (Ср. XI).

³ The Word of Igor's Armament. The Anthology of Russian Literature, I, Нью-Йорк, 1902, стр. 80—96. Второй американский перевод был выпущен Александром и Вандой Петрункевич: The Lay of the War-ride of Igor. Poet Lore, XXX, Бостон, 1919, стр. 289—303.

⁴ Proceedings of the American Philosophical Society, LVI, 1917, стр. 152—160; LVIII, 1919, стр. 74—88.

⁵ Transactions of the American Philosophical Association, LI, 1920, стр. 44.

нартий, руководившийся тою же международной группой ученых и поставивший своей задачей систематический анализ «Слова» и родственных ему памятников. Деятельность этого семинария была затем продолжена в Колумбийском, а с 1949 г. в Гарвардском университете.

Предварительные данные о работе нью-йоркского содружества появились в печати с 1943 г. (см. I, IV, V), а подробные результаты разысканий, которые первоначально предполагалось включить в один объемистый том, легли в основу трех самостоятельных публикаций (VIII, XI и XIX), изданных с 1948 по 1951 г. и составивших в общей сложности свыше семисот страниц. Оставалось резюмировать дискуссию, отметить ее важнейшие достижения и наметить очередные задачи (см. XXI).

Послесловие к первому тому американской трилогии воспроизвело (VIII, стр. 362) в целом совпавший с ее программой призыв А. С. Орлова, которым покойный академик заключил свое последнее издание «Слова»: «Нам, русским ученым, придется сражаться с зарубежными силами, чтобы путем взаимной помощи достигнуть объективной истины... Надо безотлагательно привести в ясность и рассмотреть полную наличность данных самого памятника — прежде всего со стороны языка, в самом широком смысле... Тогда вся шелуха и корки вроде модернизмов, галлицизмов, романтизмов, романсов, песенников и т. п. ссыпятся сами собой как ничем не оправданная выдумка и кончится беспринципная, дилетантская игра».⁶

Основной задачей нашей коллективной работы над памятником была подготовка его критического издания, отвечающего современным познаниям в различных отраслях славянской филологии и методологическим требованиям герменевтики. Последний опыт языковедческой работы над изданием «Слова», труд Потебни, был семьдесятю годами старше изданной Институтом книги, и надо прибавить: не в филологической интерпретации была сила знаменитого лингвиста. Многие из конъектур и толкований, накопившихся за полтора столетия лет занятий «Словом», продолжали повторяться по привычке, но не выдерживали научной критики и требовали пересмотра. Два различных этапа в истории памятника оставались недостаточно четко размежеванными: мусин-пушкинский список XVI столетия и оригинал конца XII в. Например, в мусин-пушкинской рукописи не должно удивлять хорошо знакомое памятникам XVI в. новообразование «хоти», которому в оригинале XII в. должна была соответствовать первоначальная форма союза «хотя» или «хотя и»; таким образом стих 210 не требует никаких гадательных поправок. Критика текста должна по возможности различать уклонения от оригинала, принадлежащие либо псковскому писцу XVI в., либо его предшественникам, и, с другой стороны, ошибки редакторов конца XVIII столетия в чтении рукописи XVI в.

Подробное и систематическое сличение издания 1800 г. (П) с Екатерининской копией 1796 г. (К) позволяет вскрыть невольные подновления старинного правописания копиистами и редакторами Екатерининской эпохи. Рукопись была написана довольно ясным почерком, но «разобрать ее было весьма трудно»: в ней не было ни знаков препинания, «ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления, так что приходилось наобум расчленять непонятную речь на фразы и слова и лишь потом добираться до смысла». Значительные расхождения в разбивке текста между К и П подтверждает показание А. И. Мусина-Пушкина. За вычетом невольных подновлений орфографии, нескольких неточно раскрытых титл и надстрочных написаний и, наконец, единичных промахов, буквы в обеих копиях памятника прочитаны

⁶ А. С. Орлов Слово о полку Игореве. Л., 1946, стр. 212 и сл.

правильно, тогда как знаки препинания и словоразделы навязаны тексту А. И. Мусиным-Пушкиным и его сотрудниками и потому подлежат основательному пересмотру. Не только непонимание древнерусской лексики и грамматического строя, но и резкое различие литературных вкусов и навыков сводило с пути истинного первых издателей и их последователей.

Животные и неживые предметы выступают вестниками в средневековой поэзии: шум половецких телег возвещает наступление Игоря (30); стяги предупреждают о приближении вражеских войск (50); «несобственно прямая речь» передает зловеющий гомон галок о предстоящем пиршестве (65). Издательская замена надлежащего двоеточия точкой или запятой навязали «ирической песне» чуждую ей и ее эпохе модернистически самодовлеющую метафоричность слуховых описаний. Образ дятлов, снующих по лозию, прибрежному ивняку, и стуком указывающих Игорю в предрассветной тьме и тишине так называемый «залозный» путь от реки к реке (202), был разрушен ошибочной интерпункцией, имевшей последствием ряд излишних и искусственных конъектур.

Не зная древнерусского слова «вазьнь», К читает «утрьже вазнистри кусы» (156), а П — «утрь же возни стрикусы» с курьезным переводом «поутру же вонзив стрикусы». Этот перевод лег в основу дальнейших домыслов, и древнерусский словарь обогатился новоприобретенным «стрикусом», тогда как текст исправен и ясен и не требует никакой ретуши: «утрьже вазни с три кусы» — «урвал удачи с три клока». Чтение «подпръ ся о копии» (154) подсказывают дальнейшие слова «и дотчеся стружиемъ», т. е. древком того же самого копья, но в П и К последняя гласная в слове «копии» отделена запятой и «копи» отождествляется с графически сходным «кони».

В К и П непонятые слова подчас наделяются прописной буквой и осмысливаются как собственные имена; часть этих фикций продолжает тяготеть над интерпретацией «Слова»; «время бусово» (109) превратилось из «хмурого времени» (ср. 98) во «времена царя Бооза», а «карна и ж[e]ля» — «вопленица и плач» (81) оказались именами половецких ханов, и расстановка точек в 81—82 довершает неразбериху.

Надстрочные буквы иногда пропускаются (200 «в[с]троскоташа», 99 «дебрь[с]ки») или же неправильно прочитываются: 4 «речь» вм. «рече» (ср. 19, 205 П «рече», К «речь»), 76 «вступилъ» вм. «вступила», 94 «одъвахъте» вм. «одъвахуть», 103 «нимъ» вм. «нима», 116 «мужаймъ ся» вм. «мужаймъся», 129 «стремень» вм. «стремени», 136 «солнцю» вм. «сльньць» (= слньчь), 152 «которое» вм. «котоною», 155 «оть нихъ» вм. «отай», 161 «бѣднѣ», вм. «бѣды», 166 «розинося» вм. «розьно ся», 168 «Ярославнымъ» вм. «Ярославны ми», 168 «незнаемъ» вм. «незнаемъ», 175 «горъ» вм. «горѣ», 197 «Днѣпръ» вм. «днѣ при» и т. п. Возможно, что именно неправильное прочтение надписного окончания способствовало подстановке номинатива «ночь» взамен беспредложного локатива «ночи» (33), тогда как в «Сказании о Мамаевом побоище» соответствующий пассаж сохранил архаичную синтаксическую конструкцию: «долго нощи вечерняя заря потухла» (вар. «померкла»). В результате первоначально четкий текст стихов 33—34 «Дльго ноци мръкнетъ заря. Свѣтъ запала») был обесмыслен произвольной интерпункцией («Дльго. Ночь мръкнетъ, заря свѣтъ запала»).

Разночтения К «Зояни» и П «Трояни» (152), по всей вероятности, восходят к непонятому написанию «Зтрояни» (ср. контрастирующий образ «земли половецкыи» в том же стихе и сочетание 76 «землю трояню»). То же слово «земля», сокращенно обозначенное буквой «земля», по-видимому, выпало в 168: «зегзицею (земли) незнаемъ рано кычать», как ука-

зывает аллитерирующее слово «зегзицею» и сходное сочетание 29 «земли незнаемѣ» (см. XXII).

Рукопись, найденная А. И. Мусиным-Пушкиным, на три с лишним века моложе самого «Слова», но едва ли отделена от первоначальной версии многими промежуточными списками. Текст «Слова» в общем мало пострадал от времени. Конечно, не обошлось без языковых и графических подновлений. В частности, второе югославянское влияние наложило свою печать на язык и правописание «Слова». За такими грамматическими новшествами, как например слияние возвратного местоимения с глаголами и вообще утрата энклитических местоимений,⁷ легко обнаружить старший слой (ср. 31, 74, 103, 168, 187, 199, 197).

Случаи ошибочной подстановки предлогов (143, 181) показывают отмирание беспредложных конструкций с дательным цели и местным падежом. Сочетание 186 «Комонь въ полуночи» явно искажено, но без труда может быть восстановлено: в стихах 30 и 184 тот же местный падеж «полуночи» появляется без предлога, но поскольку беспредложный оборот вышел из живого употребления, писец легко мог принять причастие «явь» за предлог «въ».

Неизбежные в позднем списке пропуски, нарушающие смысл, восполняются без труда. За перфектом 145 «И рекъ» (из «реклъ») подлежащее опущено, но «припевка» 146, а также параллельная конструкция 209 «Рекъ Боянь» с последующей «припевкой» 210 заставляют подставить и в первом случае имя того же песнотворца. В эпилоге «Слова» формула 218 «Княземъ слава, а дружинѣ» требует заключительного «честь», подсказанного сходным лозунгом чести для дружины и славы для князя в стихах 25 и 36, а также упоминанием славы и чести в конце варианта «Задонщины»: «честь есмь собѣ добыли и славного имяни. Конецъ» (Тверская летопись, 6888 г.). Так как стиху 6 с его несомненным пропуском соответствуют сходные пассажи и в «Слове о погибели Русской земли» и в начале «Задонщины», подстановка слов «зане же болевъ княземъ о земли Руской» приобретает значительную вероятность (XXI, стр. 60 и сл.).

К известным примерам галлографии, т. е. полного или частичного пропуска сходных смежных слогов — 41 «не было [о]н[о] обидѣ» и 196 «e[го] гоголемъ» — следует прибавить 144 («падъ» подъ чрълеными щиты» и 31 «подоб[олоч]ию» с пропуском второй пары «о» и смежных согласных, ср. параллельное чтение «Задонщины»: «под оболока» (XXI, стр. 65). Писец споткнулся об архаичное причастие в одном случае и об устарелую беспредложную конструкцию в другом. В предложении 144 «Княземъ на поганя погыбе», как было отмечено уже А. А. Потемной, явно недостает подлежащего, управляющего конструкцией «на поганя» (сочетание «усобица на поганя» невозможно). По-видимому, здесь выпало одно из трех слов с одинаковым начальным слогом: «на поганя побѣда погыбе».

Из двух созвучных слов одно может быть опущено; иногда же сходство уступает место тождеству. В Бояновой припевке 163 «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду» писец, жертвуя рифмой и смыслом, нечаянно подставил повторное «горазду» — скорее всего взамен первоначального «горласту».

Конструкция 186 «князю Игорю не быть» требует, как подчеркнул Д. В. Айналов,⁸ второго дательного, превращенного писцом в аорист «кликну» под влиянием предшествующего «свисну» и дальнейшего 187

⁷ См. R Jakobson. Les enclitiques slaves. — Atti del III Congresso Intern. del Linguisti, Флоренция, 1935, стр. 387 и сл.

⁸ ТОДРА, т. IV М.—Л., Изд. АН СССР, стр. 151—158.

«стукну». Именная форма «кладнику» вполне подходит по значению, а по звукам наиболее близка к заменившему ее лясусу «кликну».

Диттографией, т. е. ошибочным повторением слога, легко объясняется чтение 157 «съ дудутокъ»: конъектура «съду токъ» подсказана фиктивностью имени «Дудutki», появлением метафорического «на тоуѣ» в том же стихе и наличием боевой формулы «дуть ток» в устной эпической традиции восточных славян.

Сравнение «темного места» с параллельными пассажами в том же памятнике позволяет исправить ошибочное чтение 47 «не шеломянемъ» на основании 32 «за шоломянемъ». В отрезке 209 «ходы на Святъслава» порча текста несомненна, но сочетание «ына Святъслава» поддается расшифровке путем сопоставления с заглавными словами «сына Святъслава»: история последующих князей до «сына Святослава» включительно была предусмотрена вещим Бояном, когда он «рекль» или «първое рече», т. е. наперед поведал свою проникновенную припевку. «Слово о полку Игореве» цитирует три трагедии, предсказанные Бояном, — Всеславу (163), Изяславу (146) и Игореву (210). Ссылка в эпилоге «Слова» на последнее из этих пророчеств связывает песнотворца старого времени с Игоревым походом и как бы оправдывает обращение к Бояну в начале повествования. Естественно читать: «Рекъ Боянь и про сына Святослава». Графическая антиципация начала Бояновой речи — 210 «хоти» — ответственна за начальный слог абракадабры «ходына».

Привязанность автора «Слова» к глаголу «лелѣяти» и производным формам (23, 109, 175, 179, 180) оправдывает чтение «полелѣя» вместо невразумительного (64) «повелѣя».

Учет подражательных тирад «Задонщины» позволяет в отдельных случаях устранить порчу текста в «Слове». Пересвета, одного из героев «Задонщины», привели на судное (или суженое) место, лететь его главе на ковылу и лежать «на зелене ковыле» за обиду великого князя; в «Слове» соответственно приведен «на Суд» Борис Вячеславич, ему постлана «на канину зелену» погребальная пелена «за обиду храбра и млада князя», и «с тоя же Каялы» повезли его на похороны. Засим следует и в «Слове», и в «Задонщине» одинаковая картина общего запустения и массового кровопролития. Несомненно испорченным разночтениям «Слова» — бессмысленной «канине» и неуместной «Каяле» — противостоит явно правильный, как отметил уже Тихонравов, чтение «Задонщины» — повторный образ «ковылы», художественно мотивированный и к тому находящий себе подтверждение в стихе 176 «Слова». Сравнение формы 14 «ущекотал» в «Слове» и «вощекоталъ» в соответствующем месте «Задонщины» по списку Ундольского ведет к заключению, что это в «Слове» один из примеров диалектального изменения «въ-» > «у-»: прототип «въщекотати» с префиксом «въс-» параллелен форме 17 «въсѣйти».

Нетрудно восстановить две традиционные формулы, искаленные при переписке, — погребальную «нести сани» и боевую «даяти раны»: графическое сходство усугубляет вероятность замены полнозначного текста 99 «сани, и несоша я» невнятицей «саню, и не сошлаю» или привычного оборота «дая раны» невразумительным сочетанием 56 «кая раны». Естественно такие недосмотры писца, как смешение приставок в 51 «отступиша» вм. «оступиша» или принятие слога «во» с недописанным «о» за приставку «вс-» («въс-», согласно орфографии писца) в 31 «въсрожать».

В немногих случаях приходится довольствоваться более или менее правдоподобной догадкой. Вместо невозможного 130 «меча времени» чешские переводчики И. Юнгман и В. Ганка предложили читать «меча бремены», но эта конъектура не находит себе опоры в семантике церковно-

славянского «бремя» и русского «беремя», тогда как «метати камены» — ходовая воинская формула: соответствующий церковно-славянский перфективный оборот — «вреди камены», и не исключена возможность, что «времены» — контаминация обоих этих слов. Фраза 112 о нечестном пролитии поганой крови как предпосылке Игорева поражения звучит загадочно вопреки потугам комментаторов. В Ипатьевской летописи Игорь объясняет свое крушение небесным возмездием за бесчестное пролитие христианской крови; если тот же мотив выступал и в «Слове», переписчик, недоумевая, какую «кровь праведную» проливал отважный противник половцев, мог заменить ее «кровью поганою».

Наряду с единичными примерами метатезы букв (98 «босуви» вм. «бусови») в рукописи замечены случаи перестановки слов (61) и словосочетаний (103—105 и может быть 4—6).

Но критика текста «Слова», конечно, не сводится к правке мусин-пушкинского издания и сгоревшей мусин-пушкинской рукописи. Словарные и фразеологические единицы памятника и все его морфологические и синтаксические формы настоятельно требовали точной интерпретации. Их традиционный перевод «на употребляемое ныне наречие» во многих случаях существенно расходится с нашими нынешними познаниями в исторической лексике и грамматике русского языка.

Словарный и морфологический состав памятника окончательно выясняется. Мнимые парахы «Слова» один за другим обнаруживаются в других документах. Так, 196 «чаица» встретила нам в нижненемецком учебнике русского языка, написанном в Пскове на пороге XVII в.: близкую параллель к употреблению императива 30 «рци», в значении «точнее говоря», «точно» дает древний азбучный акростих: «Пилату мя прѣдасте, рѣцѣта безаконикомь». Надежные сведения по древнерусской морфологии, которыми в настоящее время располагает наука, должны положить конец сомнениям и пререканиям вокруг таких исправных примеров аориста в «Слове», как 12 «съпала» и 34 «запала» от «палати», 183 «съпряже» от «съпрячи» (глагола сродного и однозначного с формой «съпряжити»), 197 «ростьре» от «ростерети», 136 «утьрпе» — первичное образование от «утьрпнути» и 6 «истягну» — вторичное образование от «истягнути». Из инвентаризации форм вытекает дальнейшая задача — настоятельная необходимость различить и определить их значения, в частности семантическую нагрузку разнообразных глагольных категорий, присущих языку этого и других литературных произведений Киевской Руси. Так, например, нередкий в «Слове» аорист глаголов несовершенного вида давал повод к недоразумениям, пока не было понято его основное значение — полное развитие действия.

Ничто не противоречит задачам герменевтики более, чем механически буквальный, дословный перевод. Для передачи грамматических средств древнерусского языка нередко приходится в современной речи прибегать к средствам лексическим. Некоторые слова памятника точнее всего переводятся словосочетаниями (12 «похоть» — «пылкое или страстное желание») и обратно — прежнему словосочетанию может в нашем языке соответствовать одно слово (99 «дебрьски сани» — «дровни»).

В интерпретации и переводе «Слова» наш семинарий особенно стремился положить конец ходовым отождествлениям древних синтаксических, морфологических и словарных единиц с современными русскими формами и словами, внешне одинаковыми, но несходными по значению. Например, сохраняя порядок слов подлинника, переводчик тем самым может исказить текст, потому что место слов в некоторых сочетаниях значительно изменило свою функцию. В современном русском языке по сравнению с языком

XII в. пропуск и наличие номинативной формы личных местоимений в предложении обменялись функциями.

Упустив из виду ретроспективный характер древнерусского перфекта и отождествив эту форму с ее отпрыском — прошедшим временем нынешней русской речи, интерпретаторы, естественно, не заметили, что в «Слове» Боян представлен воистину вещим песнотворцем, предвосхищавшим события в своих «припевках», и в результате этого пробела датировка его легендарной деятельности вызвала непреодолимые трудности, приводившие в недоумение уже первых издателей «Слова». Точно так же непонятными казались слова 152 «бѣше насиліе... на седмь вѣщѣ», поскольку забывалось, что в древнерусском языке «век» означал не столетие, а тысячелетие.

Глубокая связь «Слова» с византийской письменностью, подмеченная Всеволодом Миллером и А. Н. Веселовским, требовала новых разысканий (см. VIIIл, X, XXI). Согласно византийской эсхатологической литературе, которую на славянском востоке усердно переводили и цитировали, «седьмой век», т. е. седьмое тысячелетие с сотворения мира, воспринимался как эпоха небывалых насилий и катастроф, за которой наступит светопреставление. Особенно пугало книжников седьмое столетие седьмого тысячелетия, «седморичное седмвремя», и на его пороге — в 6600—6604 гг. (1092—1096) — «Повесть временных лет» полна эсхатологических намеков, летописец широко цитирует и парафразирует «Откровение» Мефодия Патарского и сквозь призму этих пророчеств воспринимает злостные бедствия. Поход Игоря в 6693 (1185) г., т. е. за семь лет до конца седьмого столетия, вторично вызывает реминисценции из Мефодия как в рассказе, вошедшем в Ипатьевскую летопись, так и в «Слове». Символика «Откровения» и других эсхатологических писаний воспроизведена в «Слове» и, в частности, дает ключ к его образам пустыни, покрывшей силу (75), девы Обиды и плеска лебятных крыльев, пробудившего смуту (76) и вслед за смутой победоносные набеги поганых (77—78). Как сложен литературный фон «Слова», свидетельствует, например, греческая фраза заглавного героя в одной из версий Александрии: «То, что здесь, и то, что там, все мое», повторенная почти дословно в том же пассаже «Слова» (77).⁹

Экзегеза приступа к «Слову» в свою очередь выигрывает от сопоставления с двумя прологами — одним к Хронике Манассии и другим к Троянской повести, вставленной в ту же Хронику. Наиболее тесно начальные строки «Слова» примыкают ко второму прологу: повторены все его мотивы, и место волшебного Гомера занято вещим Бояном.

Главная трудность «Слова» лежит отнюдь не в лексике и не в грамматике, а в его стилистическом многообразии. Причудливая игра на цепи сходств и контрастов, на смежности и дальности в пространстве и времени, сплетение настоящего с прошлым и будущим, историзма с предзнаменованиями, острое сочетание различных литературных жанров, приемы загадок, сжатый намек взамен повествования, заведомая разнородность языковых средств — все это роднит поэтику «Слова» с другими характерными произведениями затрудненного, сокровенного, притчно-иносказательного стиля, овладевшего на исходе XII и в начале XIII в. поэзией русской и западной, скандинавской и провансальской, кельтской и немецкой, греческой и латинской. Подобно «Молению Даниила Заточника» и «Слову о Лазаре в аду», «трудная повесть» о полку Игореве требует от интер-

⁹ H Grégoire La Geste du Prince Igor — Bulletin de la classe morale et politique de l'Académie Royale de Belgique, 1948, стр 150 и сл

претатора напряженного внимания к художественной специфике памятника и эпохи.

В этой поэзии нарочитых контрастов переплетаются иностранные и туземные корни и книжность великолепно уживается с фольклором. Комментаторы «Слова», в особенности Варвара Павловна Адрианова-Перетц, неоднократно указывали на его связь с устной поэтической традицией. Последовательно сопоставив и разобрав фрагменты легендарной истории князя-оборотня Всеслава, вошедшие в «Слово», в «Повесть временных лет» и в былинку о Волхве Всеславьевиче, мы попытались восстановить лежащий в их основе устный эпос о полоцком князе XI века и далее вскрыть его первоначальное мифологическое ядро (XIб, XVII). За полоцким эпосом и параллельным сербским циклом песен о Змее Огненном Волке, деспоте XV в., вырисовывается сказание о герое сверхъестественного происхождения, наделенном волшебной силой: поочередно и нераздельно князь и волк, победитель и беглец, чудотворный удачник и страдалец. На этом фоне «загадочные символы» и непонятные обороты рассказа про Всеслава в «Слове о полку Игореве» поддаются полной расшифровке, включая оба предикативных творительных падежа 159 «княземъ — влъкомъ» и синтетический образ волкодака: 161 «аще и вѣща душа в друзѣ телѣ, нѣ часто бѣднѣ страдаша». Прежние предположения о сильной порче текста в данном пассаже теряют основание.

Повествование о князе-оборотне вводит нас в круг мифологических образов «Слова». Контрастное сочетание христианских элементов с языческими характерно и для «Слова» и для скальдов именно той же второй половины XII в.; одновременно сказываются схожие тенденции в письменности романского мира и Византии. Как в «Слове» (Див), так и в западной литературе того же времени продолжали жить языческие демоны, а боги выступали в роли человеческих предков и небесных светил (XXI, стр. 57). В XII в. дохристианские воспоминания были достаточно свежи в народной жизни Киевской Руси, чтобы подлинные пережитки старых верований могли просочиться в символику «Слова». Начатая дискуссия о языческих элементах «Слова» будет нами использована в монографии о славянских богах и демонах, публикуемой в серии славистических трудов Американской академии искусств и наук. Экзегеза «Слова» нуждается в раскрытии мифологических намеков и в правильной интерпретации его культовых имен и терминов.

Из многослойной лексики «Слова» наиболее подробному разбору подвергнуты элементы, проникшие в древнерусскую речь из алтайских языков или по крайней мере через их посредство: подведен критический итог прежним исследованиям, и дан ряд новых убедительных этимологий (XIX). В круг этих заимствований вошли половецкие личные имена (Влур, Кза, Кобяк, Кончак, Шарокан), названия тюркских и смежных племен («Половцы» и калька «поле Половецкое», «Олберы», «Ревуги», «Татраны» (?), «Топчаки», «Шелбиры», калька «Толковины» в соответствии с тюркскими «талмач» и «тивер», далее дагестанские «Авары» и «Хинова» — имя гуннов в применении к венграм), названия рек и городов (Псловецкой земли Каяла, Сула, Корсунь, Сурож, Тмутаракань) и термины, живописующие в «Слове» половецкий быт и фон («ортма», «япончица», «тельга», «хоругвь», «чолка» (?), «сабля», «чага», «кощей», «болван», «яруга» и предположительно «ковыль»). Единичные восточные слова появляются в памятнике и вне непосредственной связи с миром кочевников — титулы (боярин, быля, каган), ювелирный термин китайского происхождения (жемчуг) и цветовой эпитет (бусов). Огненный снаряд «шерешир» скорее всего контаминирует половецкое название горючей жидкости

siř, заимствованное из персидского, с русской формой «шерешер» — удвоенным звукоподражательным корнем, альтернирующим с «хорохор». Западное происхождение и значение термина «харалуг» — «фряжская сталь» можно отныне считать окончательно установленным взамен лингвистически и археологически сомнительной гипотезы о связи этого слова с тюркским корнем «qага».¹⁰

Монография колумбийского тюрколога (XIX) наряду с работой его польского коллеги¹¹ убедительно вскрыла глубокую древность алтайского слоя в лексике «Слова». Из восточных элементов этой лексики наиболее поучительным для историко-литературной интерпретации «Слова» является имя «Боян». Знакомое средневековому обиходу восточных, западных и южных славян, оно восходит к древнему алтайскому нарицательному имени, принимавшему на себя также роль имени собственного и означавшему барда, вещуна, волшебника, оборотня (XIX). Этот облик унаследован вешим Бояном «Слова» и созвучной легендой о сыне Симеона Болгарского, маге, «способном превращаться в волка и других зверей»: запись Лиутпранда именует его Баяном, а другие источники Вениамином, и это имя традиционная библейская ассоциация связывает опять-таки с волком (ср. VIIIл и XIб).

Основным результатом разносторонней работы над интерпретацией «Слова» были критическое издание памятника (VIIIб) с обстоятельным филологическим (а, г, л) и историческим (д, к) аппаратом, попытка реконструкции первоначального текста (е), нашедшая себе продолжение в труде люблянского слависта Нахтигала,¹² и, наконец, перевод древнерусского произведения на французский, английский и современный русский языки в соответствии с новейшей экзегезой «Слова» (в, ж, з). В том же направлении участник нью-йоркского семинария поэт Юлиан Тувим радикально переработал свой прежний польский стихотворный перевод «Слова» (и). Ценный вклад Калифорнийского университета в работу над «Словом», его испанский перевод (XIV), в свою очередь примыкает к нью-йоркскому коллективному опыту, тогда как труд гарвардских славистов — критический текст с итальянским переводом в туринском издании (XXIX) — отражает дальнейший этап американских занятий «Словом». В нью-йоркском издательстве «Пантеон» готовится к печати коллективный труд — критический текст «Слова», поздний и первоначальный, с английским художественным переводом и обширными комментариями, подводщими итоги новейшим исследованиям о языке и стиле «трудной повести», о ее историческом фоне, связях с отечественной и международной письменностью, с устной традицией и древнерусским изобразительным искусством и, наконец, об отголосках «Слова» в позднейших русских литературных памятниках.¹³

Существенным подспорьем для решения таких вопросов служат две публикации, подготовленные отделом славянских языков и литературы в Гарвардском университете. В первом из этих начинаний группа гарвардских работников, идя по пути, намеченному в пытливых статьях В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева, и строго применяя приемы

¹⁰ Помимо VIIIд, л и XIX, см. уточняющие соображения В. Кипарского в «Neuphilologische Mitteilungen» (L, 1949, стр. 45—47) и археологическую аргументацию В. Арента (Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 175—189).

¹¹ А. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. — Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, A, № 34, 1949.

¹² R. Nahtigal. Staroruski ep Slovo o polku Igorevě. Любляна, 1954.

¹³ Новейшую стадию наших работ над «Словом» отражает перевод, который помещен в конце статьи (стр. 114—119).

филологической критики, шаг за шагом сравнивает все варианты и отрывки «Задонщины», определяет их преемственную связь и стремится с наибольшей точностью восстановить первоначальный текст «Слова» Софония Рязанца, включая его акцентуацию, которая нас приближает — в пределах двух с небольшим веков — к ударениям «Слова о полку Игоре»е». В связи с этим сравнительным исследованием и с пристальным разбором вступления к «Задонщине» в новом свете встают вопросы зависимости повести о победе на Непрядве от «Слова» о поражении на Каяле. Во-вторых, намечен к изданию подробный разбор лексики «Слова» с богатым сравнительным словарным материалом из «Задонщины» и прочих старорусских памятников. Любопытно, что в «Задонщине» нет архаичных словарных элементов, которых бы не было в «Слове», тогда как в «Слове» немало лексических архаизмов, которые отсутствуют в «Задонщине».

С критической работой над текстом «Слова» связаны и разыскания о подготовке издания 1800 г., в частности наблюдения над филиацией сделанных с мусин-пушкинской рукописи переводов и цитат из них (XXX), а также разбор ускользнувшей от исследователей черновой версии первого издания (XX): этот черновой вариант, приобретенный библиотекой Гарвардского университета, был подробно сличен со стандартными экземплярами первого издания, ныне принадлежащими тому же университету и библиотеке Конгресса, а также сопоставлен с промежуточной версией, описанной Н. Н. Зарубиным.¹⁴

Всесторонний анализ поэтики «Слова» — такова очередная задача, выдвинутая гарвардскими славистами. Пока только первые опыты в этом направлении увидели свет. Так, звуковые повторы в нашем памятнике еще ждут систематического обследования, но уже сделаны ценные указания на сходную аллитерационную технику «Слова о полку Игоре»е» и эпических фрагментов в «Повести временных лет» (XIд). Следует, однако, отметить, что древнерусское ударение падало на слог высокого (восходящего) тона, а при отсутствии высокотонного слога — на начальный слог слова: поскольку же склонность к начальному ударению благоприятствует развитию аллитерации, нет надобности прибегать к германскому влиянию, чтобы объяснить древнерусскую аллитерацию.

По изощренной сложности семантика и композиция «Слова» могут поспорить с его звукописью и ритмикой. Конспект трактата Георгия Херобоска о тропах и фигурах, переведенный с греческого на церковно-славянский язык, попал в XI в. из Болгарии в Киев и вошел в древнерусский литературный обиход. При всей новизне поэтических веяний на склоне XII в. все же традиционная византийско-славянская литературная учеба, видимо, дает наилучший ключ для понимания многообразной и многоплановой символики «Слова». Например, его характерные инверсии во временной последовательности событий, нередко смущавшие комментаторов, точно соответствуют учению Херобоска о фигуре «последословия». Попытка расследовать образы «Слова» в свете этой традиции (XXXV) — одна из немногих осуществленных глав будущей истории древнерусского словесного мастерства.

Под конец «на преднее возвратимся»: мы остались верны завету покойного А. С. Орлова. И невольно вспоминается заключительный кадр из старого фильма «Турксиб». С двух сторон прорубившись сквозь толщу горных пород, работники встречаются и протягивают друг другу руку.

¹⁴ Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, стр. 523—527.

**Библиография работ по «Слову о полку Игореве»
(1943—1956)¹⁵**

- I. Г. Вернадский. Слово о полку Игореве в историческом отношении. — Новоселье, № 3, Нью-Йорк, 1943, стр. 53—56.
Первоначальная версия работы VIIIк.
- II. В. G. Guerneу, The Lay of the Host of Igor, son of Svyatoslav, grandson of Oleg, — Treasury of Russian Literature, Нью-Йорк, 1943, стр. 5—33.
Стихотворный перевод «Слова» на английский язык.
- III. L'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves (Chronique), Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, Université Libre de Bruxelles, VII: 1939—1944. Нью-Йорк, 1944.
Стр. 483, 485, 490 и сл.: лекции и семинарии по «Слову».
- IV. Р. Якобсон. Слово о полку Игореве. Новоселье, № 14—15. Нью-Йорк, 1944, стр. 46—62.
Вступление и первоначальная версия перевода «Слова» на современный русский язык; ср. VIII.
- V. H. Grégoire, La Geste d'Igor. Renaissance, II—III. Нью-Йорк, 1945, стр. 83—110.
Вступление и первоначальная версия перевода «Слова» на французский язык; ср. VIIIв.
- VI. G. P. Fedotov. The Russian Religious Mind-Kievan. Christianity. Кэمبرидж, Масс., 1946, гл. XI: The Tale of Igor's Campaign, стр. 315—343.
Мифическое и магическое мирозерцание поэта, трагический пафос поэмы; христианские нотки в ее этике.
- VII. В. А. Рязановский. Обзор русской культуры, I. Нью-Йорк, 1947, стр. 112—117.
«Слово» как один из величайших памятников мировой средневековой литературы.
- VIII. La Geste du Prince Igor—épopée russe du douzième siècle (texte établi, traduit et commenté sous la direction d'H. Grégoire, R. Jakobson et M. Szeftel, assistés de J. A. Joffe). — Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, Ecole Libre des Hautes Etudes à New York, Université Libre de Bruxelles, VIII: 1945—1947. Нью-Йорк, 1948, 383 стр. с предисловием, послесловием и указателями.
- a. R. Jakobson. Quelques remarques sur l'édition critique du Slovo, sur sa traduction en langues modernes et sur la reconstruction du texte primitif.
 - б. R. J. Edition critique du Slovo.
 - в. H. Grégoire. Traduction française du Slovo.
 - г. R. J. Altérations du texte et leur corrections.
 - д. M. Szeftel. Commentaire historique au texte du Slovo.
 - е. R. J. Essai de reconstruction du Slovo dans sa langue originale.
 - ж. S. H. Gross. Traduction anglaise du Slovo.
 - з. R. J. Traduction du Slovo en russe moderne.

¹⁵ Сюда вошли книги, статьи и рецензии: а) написанные в США, где бы они ни были напечатаны, и б) опубликованные в США, где бы они ни были написаны. Аннотация опущена в тех случаях, когда содержание работы было отмечено непосредственно в нашей статье.

- и. I. Tuwim. Traduction polonaise du Slovo.
 к. G. Vernadsky. La Geste d'Igor au point de vue historique.
 л. R. J. L'authenticité du Slovo.
 м. R. J. Note supplémentaire.

Рец.:

В. Александрова. — Новое Русское Слово, Нью-Йорк, 21 марта 1948 г., стр. 8; F. J. Whitfield. — Bulletin of the American Association of Teachers of Slavic and East European Languages, V, 15 июня 1948 г., стр. 107; R. Wellek. — Modern Language Notes, 1948, стр. 502—503; M. Schlauch. — The American Slavic and East European Review, VII, 1948, стр. 289—292; P. L. Garvin. — Language, XXIV, 1948, стр. 321—323; Г. Федотов. — Новый журнал, XX, Нью-Йорк, 1949, стр. 301—304; H. Reuge. — La République Française, V, Нью-Йорк, 1949, стр. 367—369; Ю. Сазонова. — Новоселье, № 30—41, Париж—Нью-Йорк, стр. 150—163; K. Menges. — Journal of the American Oriental Society, 1949, стр. 43—45; A. von Gronicka. — Comparative Literature, I, 1949, стр. 79—82; A. B. Lord. — Journal of American Folklore, LXII, 1949, стр. 201—203; E. L. Tartak. — The Russian Review, VIII, 1949, стр. 230—233; С. Гординський — Свобода, Джерси Сити, 16 июня 1949 г., стр. 2; Д. Вергун. — Світ, Пенсильвания, 29 сентября 1949 г., стр. 4; С. Гординский. — Київ, I, Филадельфия, 1950.¹⁶

- IX. G. Vernadsky. Kievan Russia. New Haven, 1948, стр. 23, 77, 84 и сл., 221 и сл., 274 и сл.

Замечания о «Слове» как историческом источнике и поэтическом памятнике.

- X. A. Stender-Petersen. The Igor Tale. Word, IV, Нью-Йорк, 1948, стр. 143—154.

Подробный обзор дискуссии о «Слове», вызванной работами Мазона, согласно с тезисами VIII о подлинности и литературных связях «Слова» и обсуждение отдельных конъектур.

- XI. Russian Epic Studies (edited by R. Jakobson and E. J. Simmons). Memoirs of the American Folklore Society, XLII, (Филадельфия, 1949), 224 стр.

- а. E. J. Simmons. Introduction.
 б. R. Jakobson and M. Szeftel. The Vaeslav Epos.
 в. С. А. Manning. Classical Influences on the Slovo. Поиски древнегреческих параллелей к отдельным образам «Слова».
 г. Margaret Schlauch. Scandinavian Influence on the Slovo? Скучность соответствий между «Словом» и поэзией скальдов.
 д. D. Cizevsky. On Alliteration in Ancient Russian Epic Literature.
 е. H. Grégoire. Le Digénis russe.
 Текст Девгениева деяния, соседивший в мусин-пушкинском сборнике со «Словом», более архаичен, чем прочие варианты Деяния.
 ж. M. Kridl. The First Polish Translation of the Slovo. Разбор перевода К. Годабского.
 з. A. von Gronicka. Rainer Maria Rilke's Translation of the Slovo. Издание и разбор перевода «Слова» немецкой прозой, найденного среди бумаг поэта.
 и. A. Yarmolinsky. The Slovo in English. Исторический обзор и библиография литературы по «Слову» на английском языке.

Рец.:

A. Stender-Petersen. — The American Slavic and East European Review, IX, 1950, стр. 225—227.

- XII. С. Гординський. Слово о полку Ігореві — героїчний епос XII віку. Ілюстрації Я. Гніздовського. Филадельфия, 1950. 91 стр.

¹⁶ Из двадцати европейских рецензий первые тринадцать перечислены в XII, стр. 223.

Текст «Слова» и два украинских перевода — стихотворный и прозаический; отрывки «Слова» в прежних украинских стихотворных переводах; плач Ярославны в переводе на девять языков; комментарии и примечания.

- XIII. S. Hordynsky. The poetic and political aspects of «The Tale of Igor's Campaign». — The Ukrainian Quarterly, V, 1949, стр. 20—28.

Связь «Слова» с украинской устной традицией и тематикой.

- XIV. Yakov Malkiel y Maria Rosa Lida de Malkiel, El Cantar de la huesta de Igor. — Sur, № 176, Буэнос-Айрес, 1949, стр. 43—64.

Испанский перевод со сжатым вступлением и примечаниями.

- XV. N. K. Gudzy. History of Early Russian Literature. Нью-Йорк, 1949, The Tale of Igor's Expedition: стр. 149—181; Tales of the Rout of Mamay: стр. 244—253.

Вступительные замечания Г. Струве, стр. IX, XI и сл. рекомендуют занять «промежуточную точку зрения» между взглядами Гудзия и Мазона на «Слово».

- XVI. D. S. Mirsky. A History of Russian Literature, edited by F. J. Whitfield. Нью-Йорк, 1949, стр. 13—16: The campaign of Igor and its family.

Автор «Слова» — величайший представитель орнаментального, символического слога в русской поэзии, характерного для ряда русских памятников XII—XIII вв.

- XVII. R. Jakobson and G. Ružičić. The Serbian Zmaj Ognjeni Vuk and the Russian Vseslav epos. — Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, X, Брюссель, 1950, стр. 343—355.

- XVIII. Г. Голохвастов. Слово о полку Игореве. Рисунки М. Добужинского. Нью-Йорк, 1951. 78+XVI стр.

Стихотворный перевод на современный русский язык с примечаниями.

- XIX. K. H. Menges. The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos, the Igor' Tale. — Supplement to the Word, VII, Нью-Йорк, 1951. VI + 98 стр.

Предисловие Р. Якобсона; указатели

- XX. R. Jakobson. The archetype of the first edition of the Igor Tale. — Harvard Library Bulletin, VI, Кэмбридж, Масс., 1952, стр. 5—13; W. A. Jackson, Appendix (палеографическая заметка); стр. 14; 2 фотографии.

- XXI. R. Jakobson. The puzzles of the Igor' Tale in the 150th anniversary of its first edition. — Speculum, XXVII, Кэмбридж, Масс., 1952, стр. 43—66.

- XXII. I. Sevcenko. «To the unknown land»: a proposed emendation of the text of the Igor' Tale, Slavic Word, I, стр. 52—55 = Word, VIII, Нью-Йорк, 1952, стр. 356—359.

- XXIII. D. Čiževsky, рец. на книгу В. Чапленко. Мова «Слова о полку Игореві». Виннипег, 1950. — Slavic Word, I, стр. 100—101 = Word, VIII, Нью-Йорк, 1952, стр. 404—405.

Дилетантизм работы В. Чапленко.

- XXIV. D. Čiževsky. Outline of comparative Slavic literatures. — Survey of Slavic civilization, American Academy of Arts and Sciences, I, Boston, 1952, стр. 30 и сл.

Орнаментальность и символизм «Слова».

XXV. С. Гординський. Критика ювілейного видання «Слова о полку Ігореві». — Київ, III, Філадельфія, 1952, стр. 32—37.

Защита интерпретации «Слова» в XIII.

XXVI. С. Гординський. Історія одного слова — про одне темне місце «Слова о полку Ігореві». — Київ, III, 1952, стр. 111—115.

Попытка связать по значению «потрепати» в 83 с украинским «трепітка» (подвеска).

XXVII. A. Solov'ev. New Traces of the Igor Tale in Old Russian literature. — Harvard Slavic Studies, I, Кембридж, Масс., 1953, стр. 73—81.

Влияние «Слова» на эпитеты курян и Днепра в житии Ярослава III.

XXVIII. E. Stankiewicz. American responses to the Igor Tale: review of an exhibit at Harvard University, 1952. — The American Slavic and East European Review, XII, Нью-Йорк, 1953, стр. 424—426.

Описание выставки «Слово о полку Ігореве» в библиотеке Гарвардского университета: черновой и окончательный варианты первого издания; ранние заграничные отзывы о «Слове»; европейская и американская литература о «Слове»; его переводы; художественные издания русские и западные; оригинальные иллюстрации Стеллецкого, Рериха и Добужинского; опера Бородина, его автограф, американские постановки; нью-йоркский галстук «Князь Игорь».

XXIX. Cantare della gesta di Igor: introduzione, traduzione e commento di R. Poggiosi; testo critico annotato di R. Jakobson. Турин, 1954. 240 стр.
Рец.

E. Stankiewicz. Slavic Word, IV = Word, XII, 1956, стр. 638—641.

XXX. «Слово о полку Ігореве» в переводах конца восемнадцатого века. — Studies in Russian Epic Tradition published under the auspices of the Department of Slavic Languages and Literatures, Harvard University, I, Лейден, 1954. VIII + 52 стр., с тремя репродукциями:

а. А. В. Соловьев. Екатерининский список и первое издание «Слова».

б. Р. О. Якобсон. Тетрадь князя Белосельского.

XXXI. H. Paszkiewicz. The origin of Russia. New York, 1954, Appendix 2, The Tale of the raid of Igor: стр. 336—353.

Потуги доказать подложность «Слова» мнимыми отступлениями его политической идеологии от древнерусских памятников.

Рец.

G. Vernadsky. — Speculum, XXX (1955), стр. 295; R. Jakobson. — The American Historical Review, LXI, 1955, стр. 107.

XXXII. С. Тарасов. Возможный автор «Слова о полку Ігореве». — Новый журнал, XXXIX, Нью-Йорк, 1954, стр. 155—175.

Догадка о Кочкаре, советнике Святослава, как возможном авторе «Слова».

XXXIII. D. Čyževský. Lexikalisches I. — Zeitschrift für slavische Philologie, XXII, 1954, стр. 339—351.

Реликт ритуальных формул типа «изломо копие»; летописные примеры, подтверждающие значение «слава-похвальба» в 62; старочешские параллели к термину «претрѣгоста» в 191; термин «вазьн» в 156 и других древнерусских текстах; идеализация русской старины в «Слове» и прочих свидетельствах той же эпохи.

XXXIV. Ю. Сазонова. История русской литературы. Древний период. Нью-Йорк, 1955, т. I, гл. XII — «Слово о полку Игореве» стр. 346—392; т. II, гл. II. — «Сказание о Куликовской битве», стр. 32—59.

История открытия и изучения «Слова», его содержание, форма и влияние на «Задонщину».

Рец.

D. Čiževsky. — The American Slavic and East European Review, XIV, 1955, стр. 566.

XXXV. Justina Besharova. Imagery of the Igor' Tale in the light of Byzantino-Slavic poetic theory. — Studies in Russian Epic Tradition, II, Лейден, 1956. XII + 115 стр., с указателями.

Рец.

Stankiewicz, Slavic Word, IV = Word, XIII, 1956, стр. 641—644.

XXXVI. F. Dvornik. The Slavs, their early history and civilization. — Survey of Slavic Civilization, II, Бостон, 1956, стр. 237 и сл.

Окончательность доказательств подлинности «Слова».

XXXVII. D. Čiževsky. Yaroslav the Wise in East Slavic epic poetry. — Journal of American Folklore, LXIX, 1956, стр. 201—215.

Примеры из «Слова» в числе прочих поэтических отражений эпохи Ярослава.

XXXVIII. G. Vernadsky and Džabulat Dzant'y. The Ossetian Tale of Iry Dada and Mstislav. — Journal of American Folklore, LXIX, 1956, стр. 216—235.

Розыски воспоминаний о Мстиславе и Редее в осетинской эпической традиции.

XXXIX. Д. Чижевський. Історія української літератури. Нью-Йорк, 1956, стр. 181—198.

Беглый обзор стилистических особенностей «Слова».

Перевод «Слова о полку Игореве» на современный русский язык¹⁷

1. Не пристаю ли нам, братья, начать на старинный лад тяжкие рассказы про поход Игорев, Игоря Святославича?
2. Пускай же эта песня начнется вслед былям этого времени, а не по затее Бояновой.
3. Ведь Боян вещей, когда он задумывал сложить кому песню, разлетался мыслью по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками.
4. Ведь он, вспоминая — как сам поведал — распри минувших времен, пускал десять соколов на стадо лебедей, и которую из них настигнет, та первую запевала песню.
5. А по правде, братья, не десять соколов на стадо лебедей напускал Боян, но свои вещи персты возлагал он на живые струны, и те сами рокотали славу князьям — старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редеею перед Черкесскими полками, прекрасному Роману Святославичу.
6. Мы же, братья, приступим к своему рассказу, оттого что о Русской земле печаловались князья от старого Владимира и до нынешнего Игоря, который искусил ум своею крепостью и отточил свое сердце мужеством.
7. Исполнившись ратного духа, он двинул свои храбрые полки против земли Половецкой за землю Русскую.

¹⁷ Имена лиц и сверхъестественных существ, имена географические и племенные, а также образованные от них прилагательные одинаково выделены прописной буквой.

8. И вот Игорь возвел глаза к светлому солнцу и увидел все свое войско покрытым от него тьмою.
9. И сказал Игорь дружине своей:
10. «Братья и дружина! Уж лучше иссеченным быть, чем в плен достаться.
11. «Сядем же, братья, на своих борзых коней, чтобы повидать нам синий Дон!»
12. Сгорал у князя разум в пылом желании, и было ему знамение заслонено страстью отведать Дона Великого.
13. «Преломлю копьё, — сказал он, — с вами, сыны Русские, в конце поля Половецкого. Либо голову сложу, либо шлемом напысь из Дона».
14. О Боян, соловей старого времени! Кабы ты своим щекотом воспел эти полки, порхая, соловушко, по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая славы вокруг этого времени, рыская по следу Троянскому через поля на горы.
15. Это его внуку подобало петь песню во славу Игоря:
16. «То не бурей занесло соколов за поля широкие, и стаями убегают галки к Дону Великому...»
17. Или же, вещий Боян, Велесов внук, так бы запеть:
18. Кони ржут за Сулою — звенит слава в Киеве; трубы трубят в Новгороде — стоят стяги в Путивле; Игорь ждет брата милого Всеволода.
19. И сказал ему буйный тур Всеволод:
20. «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь: обы мы — Святославичи!
21. «Седлай, брат, своих борзых коней!
22. «А мой-то готовы, — под Курском наперед уже оседланы.
23. «А мой-то Куряне — именитые витязи: под трубами повиты, под шлемами укачены, с конца копья вскормлены.
24. «Дороги им ведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наточены.
25. «Сами они носят, словно серые волки в поле, — ищут себе чести, а князю славы».
26. И вот Игорь князь вступил в золотое стремя и поехал по чистому полю.
27. Солнце ему тьмою путь застиало.
28. Ночь, стонучи над ним грозой, пах пробудила, а свист звериный сгрудил их сотнями.
29. Див кличет с вершины дерев: велит прислушаться земле неведомой — Волге и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и тебе Тмутараканское идолище!
30. А Половцы нетореными дорогами побежали к Дону Великому, — кричат телеги в полуночи, словно разогнанные лебеди: Игорь к Дону бойцов ведет!
31. И уже перед его бедою пахи хоронятся под облака; грозу навивают волки по оврагам; орлы клекотом сзывают зверей на кости; лисицы брешут на алые щиты.
32. О, Русская земля, ты уже за горою!
33. Долго в ночи потухала заря.
34. Рассвет забрезжил — над полями еще стелился туман.
35. Щекот соловьев уснул, пробудив гомон галок.
36. Русские сыны перегородили широкие поля алыми щитами — ищут себе чести, а князю славы.
37. В пятницу спозаранку они смяли поганые полки Половецкие и рассыпались стрелами по полю, умыкая красных девок Половецких, а с ними золото, паволоки и дорогие атласы.
38. Бурками, епанчами и кожухами они стали мосты мостить по болотам и топям — словом, всякими уборами Половецкими.
39. Алый стяг и белая хоругвь, алая чолка и серебряная рукоять — доблестному Святославичу!
40. Дремлет в поле Олегово храброе гнездо: далеко залетело.
41. Не было оно порождено в обиду ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый Половец!
42. Газ бежит серым волком. Кончак ему след пролагает к Дону Великому.
43. На другой день ранехонько кровавые зори возвещают рассвет.
44. С моря идут черные тучи; четыре светила хотяя они прикрыть, и трепещут в них синие молнии.
45. Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дона Великого.
46. Тут копьям поизломаться, тут саблям пощербиться о шлемы Половецкие на реке Каялы, близ Дона Великого.
47. О, Русская земля, ты уже за горою!
48. Это ветры, Стрибоговы внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы.
49. Земля гудит, реки мутно текут, пыль широко покрывает поля.
50. Стяги вестят: Половцы идут от Дона и от моря!
51. И со всех сторон они обступили Русские полки.
52. Дети Бесовы гиком перегородили поля, а храбрые Русские сыны перегородили их алыми щитами.

53. Ярый тур Всеволод, ты стоишь на страже, брызжешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами Фряжской стали!
54. Где тур промчался, посвечивая своим золотым шлемом, там лежат поганые головы Половецкие.
55. Посечены саблями калеными шлемы Аварские от твоей руки, ярый тур Всеволод!
56. Пораждала он удары, дорогие братья, забыв о почестях и богатстве, о Чернигове-граде, отчем златом престоле, и о любви и ласке своей милой зазнобы — пригожей Глебовны.
57. Были сечи Троянские, миновали годы Ярославовы; были рати Олеговы, Олега Святославича.
58. Тот Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял.
59. Ступает, бывало, в золотое стремя в граде Тмутаракани.
60. (Встарину тот же самый звон слышал и внял великий Ярослав).
61. Но Всеволод сын Владимир что ни утро в Чернигове знай зажимает уши.
62. Бориса же Вячеславича слава-похвальба на Суд завела и на зелень ковьяла погребальную пелену ему постала за обиду Олегу, смелому и молодому князю.
63. С того же ковьяла, укачивая отца своего промеж Угорских иноходцев, снарядил его Святополк к Киеву, ко святой Софии.
64. Тогда при Олеге Гориславиче засевалось и цвело усобицами, гибло добро Дажбогова внука, в княжеских раздорах поубавился век людской.
65. Тогда по Русской земле редко гаркали пахари, но часто каркали вороны, деля между собою трупы, а галки по-своему гомонили: собираются, мол, лететь на поживу.
66. Так было в те бои и в те походы, но такого боя не слыхивано: с раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копыя Фряжские.
67. В поле неведомом, посреди страны Половецкой, земля, зачерневшая под копытами, была костями засеяна, а кровью полита, и взошли они горем на Русской земле.
68. Что за шум, что за звон мне слышится?
69. Нынче до рассвета кинулся Игорь воротить полки на поле: жаль ему брата милого Всеволода.
70. Бились день, бились другой, а на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
71. Тут братья разлучились на берегу быстрой Каялы.
72. Тут кровавого вина не достало.
73. Тут пир покончили храбрые Русские сыны: сватов попили, а сами полегли за землю Русскую.
74. Никнет трава от скорбей, а деревья кручиной пригнуло к земле.
75. Вот и настала, братья, невеселая пора: вот и пустыня силу покрыла.
76. Встала Обида в силах Дажбогова внука: это она вступила девою на землю Троянскую; это она заплескала лебязьими крыльями на синем море, у Дона, и плеском пробудила тлетворные времена смуты.
77. Больше нет победы князьям над погаными, оттого что брат брату сказали — «это мое, а то мое же», и стали князья про малое говорить — «вот, мол, великое» и сами на себя ковать крамолу.
78. А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.
79. О! далеко, к самому морю зашел сокол, побивая птицу!
80. А Игоревой храброй рати не воскресить.
81. Ей вслед заголосила вопленица, и плач понесся по Русской земле.
82. Взаметая жар в пламенеющем роге, Русские жены запричитали:
83. «Уж нам своих милых-ненаглядных ни в мыслях не помыслить, ни в думах не отдать, ни в глаза не увидеть, а золотом да серебром и не побренчать».
84. И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей.
85. Тоска разлилась по Русской земле; едкая печаль хлынула внутрь земли Русской.
86. А князья сами на себя крамолу ковали.
87. А поганые, сами победно вторгаясь в Русскую землю, брали дань по шкурке со двора.
88. Это оба храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, снова пробудили вражью силу, которую укротил было и держал в страхе и трепете их названный отец — Святослав грозный, великий, Киевский.
89. Со своими сильными полками и с мечами Фряжскими он напал на землю Половецкую, потоптал холмы и овраги, возмутил реки и озера, иссушил потоки и болота, а поганого Кобяка из Лукоморья, из железных полчищ Половецких будто вихрь вырвал, и рухнул Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовай.
90. Тут немцы и Венецианцы, тут Греки и Мораване поют славу Святославу, кают князя Игоря, что потопил обилие в глуби Каялы и наполнил реки Половецкие Русским золотом.
91. Тут пересел Игорь князь из седла золотого в холопье седло

92. Заглохла твердыни городов, и веселье поникло.
93. А Святославу привиделся смутный сон.
94. «В Киеве на горах в эту ночь с вечера одевали меня, — сказал он, — черным саваном на кровати тисовой.
95. «Черпали мне синее вино, смешанное с горечьюю.
96. «Сыпали мне пустыми колчанами поганых Толмачей крупный жемчуг на грудь.
97. «И покоят меня, и стропила уже без князька в моем тереме златоверхом.
98. «Всю ночь с вечера хмурые вороны поднимали грай.
99. «В подгорье у Плесенска очутились дровни, и к синему морю их понесли».
100. И сказали бояре князю.
101. «Уже, князь, горе охватило разум.
102. «Это ведь два сокола слетели с отчего златого престола не то сыскать город Тму-таракань, не то напиться шлемом из Дона: уже соколам подрезаны крылышки саблями поганых, и обоих опутали путами железными.
103. «Темно ведь было на третий день: два солнца померкли, оба багряных столпа погасли и в море затонули, а с ними два молодых месяца заволоклись тьмою.
104. «Так на реке на Каялы тьма свет покрыла.
105. «По Русской земле простерлась Половцы, будто барсово гнездо, и великое буйство пошло от него до самого Гуна.
106. «Уже хула обрушилась на хвалу.
107. «Уже неволя грянула на волю.
108. «Уже низринулс Див на землю.
109. «И вот Готские красные девы запели на берегу синего моря: звеня Русским золотом, поют они время хмурое, мерно славят месть за Шарокана.
110. «А мы уже, дружина, изголодались по веселию!»
111. Тогда великий Святослав проронил золотое слово, смешанное со слезами, и сказал:
112. «О вы, братья и сыны мои, Игорь и Всеволод! Рано вы пустились Половецкую землю мечами крушить, а себе славы искать, но без чести была ваша победа, оттого что бесчестно пролита вами кровь праведная.
113. «Ваши храбрые сердца выкованы из жесткой Фряжской стали, а закалены в неразумной удали.
114. «Так-то вы уважили мою серебряную седину?»
115. «И уже своей силы не кажет могучий, богатый, многоратный брат мой Ярослав с его Черниговскими вельможами, с воеводами и с Татранами, и с Шельбйрами, и с Топчаками, и с Ревугами, и с Олберами, а они ведь без щитов, с одними сапожными ножами, гиком побеждают полки, бряцаю славою прадедов.
116. «Но оба вы сказали: помужествуем сами, прежнюю славу себе присвоим и новым меж собою поделимся.
117. «Да разве диво, братья, старому помолодеть?»
118. «Если сокол перелинял, он высоко взбивает птицу: не даст гнезда своего в обиду.
119. «Но вот зло — князью мне не в помощь!»
120. Худо обернулись времена.
121. Чу! Римовичи кричат под саблями Половецкими, и падают удары на Володимира
122. Горе и скорбь сыну Глебову!
123. Великий князь Всеволод! Не по душе тебе прилететь издалеца на щиту отчего златого престола?
124. Ты же можешь Волгу веслами раскропить, а Дон шлемами вычерпать.
125. Окажись ты тут, была бы полонянка по ногате, а невольник по резане.
126. Ты же можешь и посуху живыми огненными стрелами шаракать — удалыми сыновьями Глебовыми.
127. Ты, буйный Рюрик с Давидом! Не ваши ли под золочеными шлемами понаплавали на крови?
128. Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными в поле неведомом?
129. Вступите, государи, в златые стремна за нынешнюю обиду, за землю Русскую, за раны Игоря, буйного Святославича!
130. Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко ты сидишь на своем златокованом престоле, подперев гою Угорские своими железными полками, загородив путь королю, затворив ворота Дуная, меча каменя поверх облаков, суды рядя до самого Дуная.
131. Грозы твои по землям несутся; ты отворяешь ворота Киеву; ты стреляешь с отчего златого престола по султанам чужеземным.
132. Стреляй же, государи, Кончака, поганого холопа, за землю Русскую, за раны Игоря, буйного Святославича!
133. А ты, буйный Роман с Мстиславом! Отважная мысль влечет ваш ум на подвиг.
134. В удалстве высоко ты возносишься на подвиг, как сокол парит над ветрами и яростно рвется осилить птицу.

135. Ну и железных панцырей у вас под шлемами латинскими! — от них загремела земля, и многие народы — Гуны, Литва, Ятвяги, Прусы и Половцы — копыя свои побросали и головы свои склонили под ваши Фряжские мечи.
136. Но для Игоря, князь, уже помертвел солнечный свет, и деревья неладно листву обронили.
137. Расхищены города по Роси и по Суле, а Игоревой храброй рати не воскресить.
138. Князь! Дон тебя кличет и сзывает князей на победу.
139. Ольговичи, храбрые князья, уже готовы к бою.
140. Ингварь и Всеволод и все трое Мстиславичей, не худого гнезда шестокрылые ястребы! По жребию побед вы снискали себе вотчины.
141. Где же ваши золотые шлемы и копыя Ляшские и щиты?
142. Загородите степям ворота своими острыми стрелами ради Русской земли, ради ран Игоря, буйного Святославича!
143. Ведь больше Сула не струится серебром на радость Переяславу-граду, и Двина у Полочан, прославивших грозными, ныне под калки поганых тиною течет.
144. Один лишь Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о Литовские шлемы, побил славу деда своего Всеслава, когда сам он побит мечами Литовскими, пал под алыми щитами на окровавленную траву — не то с милою на постель.
145. И было уже прежде поведано Бояном:
146. «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали».
147. Не было тут ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода: одиноко изронил ты жемужную душу из храброго тела сквозь золотое ожерелье.
148. Заглохла голоса, поникло веселье, и трубят одни лишь Городецкие трубы.
149. Ярослав и все внуки Всеславы! Пришла вам пора опустить свои стяги, вложить в ножны свои мечи иззубренные.
150. Ведь вы уже отбились от дедовской славы.
151. Ведь вы своими крамолами стали наводить поганых на землю Русскую, на добро Всеславова.
152. Ведь это из-за смуты пошло насилие от земли Половецкой земле Троянской в седьмом тысячелетии.
153. Кинул Всеслав жребий о девице желанной.
154. Уловкой опершись о копые, он прынул к Киеву-граду и задел было древком Киевский золотой престол.
155. Лютым зверем прынул он из Белгорода в полночь, таясь под покровом синей мглы.
156. Знать трижды ему удалось урвать по кусу удачи — отворил было он врата Новгороду, перешиб славу Ярославу.
157. Волком прынул он до Немиги и ток утоптал: на Немиге стелют снопы голова в голову и молотят цепами из Фряжской стали; на току кладут жизнь, вывевают душу из тела.
158. У Немиги окровавленные берега неладно были засеяны — засеяны костями Русских сынов.
159. Князь Всеслав людей судил, князем он города рядил, а в ночь сам же волком рыскал: из Киева к Тмутаракани добежал до петухов и волком великому Хорсу путь пересекал.
160. Ему с утра в колокола позвонили у святой Софии в Полоцке, а он в Киеве звон заутрени дослушал.
161. Хоть и вещая душа в двояком теле, но часто он люто страдал.
162. Про него вещей Боян уж загода присловье, премудрый, поведал:
163. «Ни искуснику, ни хитрецу, ни щebetливому птенцу Суда Божьего не миновать».
164. О, стонать Русской земле, помянув первоначальное время и первых князей!
165. Того старого Владимира нельзя было втеснить в горы Киевские.
166. А ныне стяги его одни за Рюриком, другие за Давидом, и бунчуки их развеваются врозь.
167. На самом на Дунае копыя поют.
168. Мне не слышится голос Ярославны: поутру к земле неведомой она кукушкою кукует.
169. «Полечу я кукушкою, — молвила, — вниз по Дунаю.
170. «Омочу я бобровый рукав в Каялы-реке.
171. «Утру я князю его кровавые раны на крепком его теле».
172. Ярославна плачет поутру в Путивле на стене кремлевской, приговаривая:
173. «О ветер-ветрило! Зачем ты, государь, сурово дуешь?»
174. «Зачем на своих беспечных крыльях ты Гунские стрелы взметаешь на воинов милого моего?»
175. «Или не вдоволь было тебе веять в вышине под облаками и качать корабли на синем море?»
176. «Зачем ты, государь, мое веселье по ковылям развеял?»
177. Ярославна плачет поутру в Путивле-городе на стене кремлевской, приговаривая:

178. «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую!
179. «Колыхая, ты нес на себе челны Святослава до полчища Кобякова.
180. «Колыхая, ты вспять понеси, государь, милого моего ко мне, чтоб не слать мне слез поутру к нему на море!»
181. Ярославна плачет поутру в Путивле на стене кремлевской, приговаривая:
182. «Светлое, трижды светлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно.
183. «Зачем, государь, ты простиер свой знойный луч на воинв милого моего и в поле безводном иссушил им жаждою луки, кручиной сомкнул им колчаны?»
184. Взабушевало море в полуночи, смерчи идут: сквозь туманы Игорю князю Бог путь кажет из земли Половецкой в землю Русскую, к отчему золотому престолу.
185. Зори вечера погасли: Игорь спит, Игорь бдит, Игорь в мыслях мерит поля от Дона Великого до Малого Донца.
186. Влур, похитив коня, в полночь свистнул за рекой — князю знак подает: не быть князю Игорю колодником!
187. Застучала земля, зашумела трава, зашевелились кибитки Половецкие.
188. А Игорь князь понесся горностаем к камышам, белым гоголем в воду.
189. Он взметнулся на борзого коня, а соскочил с него белоногим волком.
190. И помчался к лугам Донца и соколом полетел под туманами, избивая гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину.
191. Лишь полетел Игорь соколом, тут волком Влур побежал, осыпая студеную росу: уже надорвали оба борзых своих коней.
192. Донец промолвил:
193. «Князь Игорь! Тебе немало торжества, Кончаку злобы, а Русской земле веселья!»
194. Игорь промолвил:
195. «О Донец! Немало торжества тебе, колыхавшему князя на волнах, расстилавшему для него траву зеленую на своих серебристых берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленеющих деревьев.
196. «Ты стерег его гоголем на воде, чайкою поверх струй, уткой-чернетью поверх ветров!»
197. Нет, таких тебе речей не вела река Стugna: худа своею струею, поглотив чужие ручьи и потоки, затерла в двух кустах юношу князя Ростислава, затворила в омуте близ темного берега.
198. Плачется Ростиславова мать по юному князю Ростиславу.
199. Заглохли цветы от скорби, и деревья кручиной пригнуло к земле.
200. То не сороки застрекотали — по Игоревым следам блуждает Гза с Кончаком.
201. Тогда вороны не каркали, галки приумолкли, сороки не стали стрекотать.
202. Только дятлы сновали по ивам — стуком путь к реке кажут, но уже соловьи веселыми песнями возвещают рассвет.
203. Говорит Гза Кончаку:
204. «Ежели сокол к гнезду летит, мы с тобою расстреляем соколенка своими золотыми стрелами».
205. Кончак сказал Гзе:
206. «Ежели сокол к гнезду летит, то мы с тобою опутаем соколика красною девицей».
207. И сказал Кончаку Гза:
208. «Если мы его опутаем красною девицей, не будет нам с тобой ни соколика, ни нам красною девицы, и станут бить наших птиц на поле Половецком».
209. Уже и про сына Святослава было поведано Бояном, песнотворцем старого времени — Ярослава, Олегова, первокняжеского:
210. «Кои тяжко тебе, голове, без плеч, худо тебе, телу, без головы» — Русской земле без Игоря.
211. Солнце светит на небе: князь Игорь в Русской земле.
212. На самом на Дунае девицы поют, вьются голоса через море до Киева.
213. Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей.
214. Страны рады, города веселы.
215. Прежде старых князей величали, настал черед молодым.
216. Слава, Игорь Святославич, буйный тур Всеволод, Владимир Игоревич!
217. Будьте здравы, князья и дружина, ратующие за христиан с погаными полками.
218. Князьям слава, а дружине честь.

Е. И. БОБРОВА

Первые итальянские переводы «Слова о полку Игореве»

Начало более или менее планомерного ознакомления Италии с русской литературой относится ко второму десятилетию XIX в. Оно было связано с патриотическим подъемом, охватившим Италию после падения Наполеона, когда передовая часть итальянского общества на какое-то время признала Александра I освободителем от французского владычества и связала с Россией надежды на помощь в своей борьбе за независимость, когда многие итальянские патриоты-литераторы писали оды Александру I и познакомила итальянских читателей с поэзией М. В. Ломоносова и сочинениями Н. М. Карамзина.

Дальнейшее знакомство Италии с русской литературой было обусловлено в такой же мере славой победы над Наполеоном, давшей тему многим поэмам о России, как и развитием дипломатических, торговых и культурных связей России с Италией. Постоянные посещения России итальянцами, начиная с крупных политических деятелей, дипломатов и представителей духовенства и кончая артистами, художниками, музыкантами и просто коммерсантами, создали широкую сеть взаимных знакомств и отношений с русским обществом. В то же время в пропаганде нашей литературы в Италии принимали большое участие русские, подолгу там жившие, завязавшие прочные личные отношения с итальянским обществом, но не порвавшие и с Россией. Люди, лично знавшие Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, служили живыми источниками знакомства с русской литературой. Таким образом, к половине XIX в. итальянское общество могло знакомиться на своем языке как с историей России, так и с главнейшими произведениями русской литературы.

Главная роль в установлении итало-русских литературных связей в конце 60-х и в 70-х годах XIX в. принадлежит Анджело де Губернатису (1840—1913). Деятельность его необычайна по своей разносторонности. Ориенталист, фольклорист, критик и историк, он был в то же время переводчиком и неутомимым библиографом современных ему писателей. Большое значение в ознакомлении Италии с современной русской литературой, особенно с творчеством И. С. Тургенева и А. К. Толстого, имел издававшийся де Губернатисом во Флоренции на итальянском языке с 1869 до 1876 г. журнал «Rivista Europea» («Европейское обозрение»).

Знакомство Италии с творчеством Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского относится к 80-м и 90-м годам и связано в значительной степени с деятельностью Доменико Чамполи (1855—1929).

Библиотекарь и преподаватель в Риме, романист, критик и поэт, Чамполи знал славянские языки, написал историю славянских литератур,

изданную в Милане в 1891 г., и много занимался переводами. Начиная с 80-х годов он вместе с де Губернатисом выступал в некоторых изданиях с переводами русских классиков и статьями о русской литературе, главным образом о Л. Н. Толстом, И. С. Тургеневе, Ф. М. Достоевском, Н. Г. Чернышевском. Чамполи приезжал в Петербург и был лично знаком с Д. В. Григоровичем. Возможно, именно потому, что Чамполи принадлежал к реалистической школе итальянских прозаиков и в своих рассказах много внимания уделил изображению жизни и нравов простых людей провинции Абруццо, он воспринимал и русскую литературу, как литературу прежде всего реалистическую. В 90-х годах Чамполи стал сотрудничать в газете «Il pensiero Slavo» (Славянская мысль), выходявшей на итальянском языке в Триесте под редакцией И. Ягича. Газета эта, ранее называвшаяся «Кроатское право», существовала под названием «Пенсиеро славо» с 1888 по 1897 г., после чего стала издаваться на французском языке. Здесь печатался самый разнообразный материал о России, многочисленные переводы произведений русской литературы, и большой интерес был проявлен к русскому народному творчеству. В 1895 г. в этой газете был напечатан первый перевод на итальянский язык «Слова о полку Игореве» под заглавием: «Сказание о битве Игоря» (по тексту А. И. Мусина-Пушкина).¹ В этом же году этот перевод был издан в Триесте отдельно. Хотя переводчик не указан, нам удалось установить, что им является Доменико Чамполи, поскольку текст этого перевода совпадает с тем, который был напечатан Чамполи в 1911 г. среди былин и исторических песен под своим именем в книге «Poesia russa» (Русская поэзия).²

Именно в этом последнем издании перевод Чамполи и стал известен специалистам, в том числе и крупнейшему современному исследователю русской литературы в Италии профессору Этторе Ло Гатто. Ло Гатто впервые в Италии дал подробную характеристику «Слова о полку Игореве» в первом томе своей обширной «Истории русской литературы», вышедшем в Риме в 1928 г. (в первой серии публикаций «Института Восточной Европы»)³ «Слову о полку Игореве» посвящена вся пятая глава второй книги (Литература киевского периода). После небольшого введения Ло Гатто рассматривает памятник в следующих разделах: 1) История текста. 2) Историческое содержание «Слова о полку Игореве». 3) Построение «Слова». 4) «Слово о полку Игореве» как литературный памятник. В последнем, однотипном издании «Истории русской литературы», вышедшем в Турине в 1956 г.,⁴ Ло Гатто также говорит о «Слове о полку Игореве» и приводит библиографию. В переводе Доменико Чамполи Ло Гатто отметил неточности, которые, как он полагает, произошли от того, что Чамполи не был знаком с текстом подлинника. Но, как мы видели, в 1895 г. Чамполи указал, что перевод сделан им с текста А. Мусина-Пушкина. Неточности могли быть допущены в переводе Чамполи и по другим причинам. В некоторых местах прямое искажение текста, что может быть объяснено трудностью языка «Слова о полку Игореве». Таким образом, хотя перевод Чамполи ни в коем случае не может считаться образцовым, за ним

¹ Il detto della battaglia D'Igor. (Secondo il testo di A. Mussin-Puskin). Versione in prosa. Pensiero Slavo, Trieste, 1895, № 6, стр. 1—3.

² Poesia russa: Byline, Canti storici, Canto d'Igor. . . trad. e prefaz. Domenico Ciampoli. Lanciano. Carabba ed., 1911.

³ Ettore Lo Gatto. Storia della letteratura russa. Vol. I. Dalle origine a tutto il secolo XVI. Roma, 1928, стр. 210—228; Pubblicazioni dell' Istituto per l'Europa orientale. Roma, Prima serie. Letteratura—Arte—Filosofia. XIV.

⁴ Ettore Lo Gatto. Storia della letteratura russa, vol. I.

остаётся первенство в деле знакомства Италии с величайшим памятником русской литературы. Самому Ло Гатто, одному из лучших современных переводчиков произведений русской литературы на итальянский язык, принадлежит очень тщательный перевод нескольких крупных отрывков из «Слова о полку Игореве», которые он приводит в вышеупомянутом первом томе своей «Истории русской литературы».

Последний перевод «Слова о полку Игореве», сделанный Ренато Поджиоли и вышедший в Турине в 1954 г.,⁵ является подлинно научным изданием и даёт много библиографических сведений, в том числе и указание, что перевод Чамполи был последний раз переиздан в Неаполе в 1946 г. Отметим, что в рецензию А. В. Соловьева на перевод Ренато Поджиоли⁶ вкралось одно недоразумение. А. В. Соловьев пишет, что нельзя фразу «Сула не течёт... граду Переяславлю» переводить так, как перевёл Ренато Поджиоли: «non scorre... in pro della gossa di Perejaslavl», потому что «Переяславль вовсе не стоит на скале». Но слово «госса» означает в итальянском языке не только «скалу», но и «крепость, замо́к». Поэтому мы считаем, что Поджиоли в данном случае не погрешил против подлинника, если перевёл «не течёт... крепости Переяславлю». Слово «госса» соответствует слову «град» подлинника.

⁵ Cantare della gesta di Igor. Introduzione, traduzione e commento di Renato Poggioli. Testo critico annotato di Roman Jacobson. (Torino), Einaudi ed. (cop. 1954). 237 стр. (Nuova collana di poeti tradotti con testo a fronte. 4).

⁶ ТОДРЛ. т. XIII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1957, стр. 652

С. С. СОВЕТОВ

Образ древнерусского Бояна в интерпретации польских поэтов-романтиков

«Можно сказать, что каждый стих этого произведения («Слова о полку Игореве») послужил темой для поэтов... Современные польские и русские поэты, Пушкин и Залеский, постоянно используют выражения, иногда даже целые обороты, как бы заимствованные из „Слова“, — так говорил А. Мицкевич, анализируя «Слова о полку Игореве» на своих лекциях по славянским литературам в Collège de France в Париже.¹

О переводах «Слова» на польский язык и влиянии его на польскую литературу писали многие ученые, как например Генрик Улашин,² Богумил Выдра,³ Юзеф Биркенмайер⁴ и др. Ценные дополнительные наблюдения по этому вопросу даны в статье А. Л. Каплан «„Слова о полку Игореве“ и польские писатели XIX—XX вв.»⁵ Наконец, обширный материал о переводах «Слова о полку Игореве» на польский язык мы находим и в статье Антонины Обрэмбской-Яблоньской «„Слова о полку Игореве“ в польских переводах».⁶

А. Л. Каплан в своей статье упоминал о древнерусском образе Бояна, который нашел свое отражение в целом ряде поэтических произведений польских писателей. Но это было сделано скорее в форме регистрации того или иного факта. Я же со своей стороны хотел бы указать на стилистическое осмысление и своеобразную трактовку этого образа некоторыми польскими поэтами-романтиками. Следует, однако, оговорить, что в данной небольшой статье я отнюдь не собираюсь исчерпать весь имеющийся материал по этому вопросу, а только постараюсь наметить пути развития этого образа в польской поэзии, определяя тем самым одну из

¹ A. Mickiewicz. Dzieła. Spółdzielnia Wydawnicza «Czytelnik», 1955. Literatura słowiańska. Kurs pierwszy, półrocze I. Przełożył Leon Płoszewski. Wykład XV, стр. 183 и 184

² «Wpływy Słowa o pólku Jgora» w poezji polskiej. Pamiętnik Literacki, тт. XXII—XXIII. 1930, стр. 469—470.

³ «Słowo o pólku Jgorevé», jeho ohlasy a vliví v literatuři polské a české. Bratislava, 1930, IV, 4—5 и отдельный оттиск.

⁴ См. его рецензию на работу Б. Выдры: Ruch literacki, Warszawa, 1931 rok VI, № 8, стр. 249.

⁵ Научный бюллетень ЛГУ, № 11—12. Славистические заметки. Л., 1946, стр. 74—78.

⁶ Antonina Obreńska-Jabłońska. «Słowo o pólku Jgora» w przekładach polskich. Pam. Liter., Warszawa—Wrocław, 1952, rocznik XXIII, zeszyt 1—2, стр. 408—441; «Słowo o wyprawie Jgora». W opracowaniu Antoniny Obreńskiej-Jabłońskiej. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1954, стр. 64—98. См. также: В. П. Адрианова-Перетц. «Слова о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. М.—Л., 1940, стр. 27—28.

художественных форм переключки между польскими поэтами и автором древнерусского памятника.

«Не пристало ли нам, братья, начать старыми («старомодными», старинными) выражениями горестное повествование о походе Игорево, Игоря Святославича! [Нет], начать эту песнь надо, следуя за действительными событиями нашего времени, а не по [старинному] замыслению Бояна. Ибо Боян, вещий, если в честь кого хотел песнь сложить (вместо того, чтобы следовать «былинам сего времени», так и) растекался мыслью по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками... То, братья, Боян не десять соколов на стадо лебедей пускал, но свои волшебные пальцы на живые струны возлагал; они же сами собой... князьям славу рокотали».⁷

Комментируя эти слова, Д. С. Лихачев совершенно правильно раскрывает сущность этого древнерусского образа Бояна: «Он (т. е. автор «Слова», — С. С.) вспоминает старинного певца — Бояна (XI в.). Боян этот был и создателем и исполнителем своих песен. Он сопровождал свои песни игрой на гуслях. Автор „Слова“ обращается к нему не случайно; он считает его своим предшественником... Но автор „Слова“ не только сопоставляет свое произведение с песнями Бояна, он, в известной мере, и противопоставляет его этим песням. Он отказывается начать свое повествование в старых выражениях, свойственных Бояну, и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени. Чтобы сделать понятным, почему он отказывается от обычных поэтических способов изложения, автор „Слова“ наглядно характеризует искусную, но неприемлемую для него поэтическую манеру Бояна, которого он называет „вещим“, т. е. кудесником, волшебником... В этих прославлениях Боян достиг такого искусства, настолько искусил руку, что под перстами его струны как бы сами собой, без всяких усилий, в „старых словесах“ пели славу князьям».⁸

А. Мицкевич в курсе славянских литератур указывает, что «вещий поэт Боян, о котором вспоминает автор («Слова», — С. С.), нам не известен. Имя его упоминается только в этом памятнике; похвала же автора, относящаяся к Бояну, свидетельствует, что он должен был быть весьма популярным у древних славян». В другом же месте Мицкевич пишет: «... может быть, Боян, а его можно произносить и Баян, является только названием (мифического) божества, которое изображала народная славянская поэзия».⁹ Северин Гощинский отмечает, что «Боян является во всей поэме одной из лучезарных мыслей певца («Слова», — С. С.)». Он, как и Мицкевич, делает предположение, что имя Боян принадлежит не только одному певцу; этим именем обозначали вообще народного певца и одновременно воина.¹⁰

Именно в таком понимании предстает перед нами образ Бояна в стихотворении идиаллика Винченца Реклевского (1786—1812):

⁷ «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»), стр. 76—77.

⁸ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. Изд. 2-е, дополненное. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 58—59. Подобную же трактовку образа дает и Антонина Обрэмбская-Яблоньская («Słowo o wurowawie Jgoga», отдел «Объяснения», стр. 110).

⁹ A. Mickiewicz. Dzieła, стр. 172 и 177. См. комментарий к такому пониманию образа Бояна в работе: Marjan Jakóbiec. Literatura rosyjska w wykładach paryskich Mickiewicza. — Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, 1956, № 1(14), стр. 88—89.

¹⁰ Sew. Goszczyński. «Wyprawa Jgora na Połowców» Poemat słowiański wydany przez Augusta Białowskiego. Lwów. Nakładem Franciszka Pillera, 1833. Рецензия: Dzieła zbiorowe. Wydawnictwo Zygmunta Wasilewskiego, t. I. — В серии: «Biblioteka klasyków polskich» pod redakcją Tadeusza Pimego, t. IV, стр. 372.

Dziarscy bojanie! A gdzie konia macie,
Który po moim został u was bracie?

(«Halina»).

Храбрые бояне! А где же конь,
Который остался у вас после моего брата?

Этот образ вправлен в рамку идиллической картины, когда тень погибшего на войне солдата таинственно появляется на могиле своей возлюбленной. Сам Винценты Реклевский был участником двух военных кампаний (1809 и 1812 гг.).

Непосредственная связь образа Бояна в польской поэзии с образом Бояна из «Слова о полку Игореве» выражена очень ярко в следующих стихах Юзефа Богдана Залеского (1802—1886):

«Słowiku czasu starego, Bojanie!»
Wieszcz Igorowy w cześć jemu wykrzyka:
Toż ile razy wsłucham się w słowika,
Bojanowego coś grać jestem w stanie:
W jego rozdźwiękach bo — ars poetical!
To niewołące głosu spadkowanie,
Ta pełna — strojna — a roznośna nuta,
W ojcu Bojanie, na stepie przeczuta.

(«Słowik-Bojan» из сб. «Pyłki»).

«Соловей старого времени, Боян!»
В честь него восклицает певец Игоря:
Точно так же каждый раз, когда я вслушиваюсь
в соловья,

Я в состоянии играть что-либо бояновское:
В его звучании — поэтическое искусство!
Это вынужденное замирание голоса,
Эта полная, стройная, громко звучащая нота
Была слышна у отца Бояна, в степи.

Образ-сравнение «Бояна-соловья» в Слове переносится автором на соловья как реальную птицу, поющую по-бояновски, а в облике соловья поэт олицетворяет себя как певца, подражающего в своем пении старому Бояну, певцу украинских степей. Это пение Бояна поэт признает величайшим образцом искусства всех славян, а следовательно, он может подражать ему. Метафорическое сравнение искусной игры «старого Бояна» в «Слове» поэт переносит в свои стихи в более широком толковании; он говорит:

Bojan — z gęśli jak wodę —
Zwierciedłące leje dźwięki;
J roznosny śpiew — to miękki,
Pełną garszą nam rozprasza —
To jak orzeł siwy — w chmury!
To ku ziemi — jak wilk bury...

(«Kalinowy most». Na finał., IV).

Боян — с гуслей словно воду —
Льет прозрачные, как зеркало, звуки;
И громкую песнь — то нежную
Разбрасывает для нас полной горстью,
То как сизый орел — в тучи!
То к земле — словно серый волк...

Образ «водяных брызг», олицетворяющих гусельные звуки Бояна, получает новое конкретное осмысление; но чтобы подчеркнуть связь «Бояна» с «Бояном» из «Слова», поэт подкрепляет это образное сравнение метафорическим сравнением из «Слова о полку Игореве», сохраняя

в точности форму передачи этого образа: «растекался... серым волком по земле, сизым орлом под облаками». В несколько иной интерпретации Юзеф Богдан Залеский дает нам этот же образ в своем другом стихотворении:

Wieszcz nasz B o j a n sam zaklął Sen-Drzewa!
*Po niem myślami rozciekał się swemi,
 I sitym orłem bił w prawo, to w lewo,
 I starym wilkiem zrywał się od ziemi.*

(«Sen-Drzewo-Wieszcz» из сб.
 «Dumki i Szumki», 1837—1840).

Наш вещий Боян сам заколдовал Сон-Дерево!
 Он растекался по нему своими мыслями,
 И сизым орлом бил то вправо, то влево,
 И серым волком вскакивал с земли.

О происхождении этого стихотворения пишет сам Залеский: «Плохо, — сказал я (Северину Гошинскому во время одной из прогулок с ним), — что мы забыли, как наш народ называет некоторые травы; ведь он привык каждому названию придавать свое оригинальное значение. Северин увидел около дороги травку и спросил меня, знаю ли я, как она называется? Подснежник (Pierwiosnek), отвечал я, вспомнив, что это растение так называют в Польше. — Нет, сказал Северин, у нас народ называет его Сном. Действительно, мне вспомнилось это название и одновременно то, что его используют для околдования любовью. Вернувшись домой, я не мог заснуть до тех пор, пока не написал о нем и не придал ему более широкого значения» («Bohdan Zaleski na tulactwie». *Część II*, стр. 42).¹¹

В своем творческом мышлении это простое явление природы поэт возвел в символ любви, очарование песнею и сочел шум дерева с образом пения Бояна, как величайшего певца славянских народов, подкрепив свое оригинальное толкование образа поэтикой образов «Слова о полку Игореве». Строфа о Бояне является стержневой в композиции данного стихотворения. Она концентрирует основную мысль поэта.

Прославление Залеским Бояна как самого лучшего певца древних славянских народов, искусству которого должны следовать и польские поэты современности, находит свое выражение в следующих строках:

Kto pierwszy różczkę Snu-Drzewa dostanie,
 I sercem Boże cuda w niej zrozumie;
 Po królu pieśni, po wieszczym Bojanie,
 Między Słowiany zawiekuje w Dumiel —

(«Sen-Drzewo-Wieszcz» из сб. «Dumki i Szumki»,
 1837—1840).

Кто первый достанет веточку Сна-Дерева
 И сердцем распознает в ней божьи чудеса;
 После короля песней, после вещего Бояна,
 Он будет вечно жить в Песне среди славян!

Это же чувство отражено в стихотворении «Łatawicz» («Птица-голец») и «Stepowa mogiła» («Степная могила»). В последнем из них поэт называет погибшего певца «потомком вещего Бояна, в звучании которого гусли прошлых столетий, играючи, ожили для нас».

¹¹ См. также: B. Zaleski, *Wybór poezyj*. Opracował Józef Tretiak. Biblioteka Narodowa, serja 1, № 30, Kraków, стр. 197.

Образ Бояна тесно переплетается с мыслью о национальном освобождении Польши

Niewyspiwana дума ta drga w łonie
 Żywa, wiecowy dzwon moj po Wojanie
 W który ruszyłem długo ze zadzwonię
 W dzień gdy z wysyciska Polska z martwych wstanie

(B. Zaleski, Niewyspiwana z późniejszej
 dchby życia 1846—1876)

Неспетая песнь дрожит в груди
 Живая вечевои колокол мой оставшийся после Бояна,
 В который как я долго надеялся ударю
 В тот день когда воскреснет победная Польша

Или в другом месте

Niech na nogi Polska wstanie!
 Na dnu godow wielkich w chorze —
 Środ oklaskow — o! Słowianie,
 Piesn Wojana wam powtorzę

(B. Zaleski, Duch od stepu
 XVIII 1836)

Пусть встанет на ноги Польша!
 В хоре в день великих празднеств —
 Среди рукоплесканий — о! Славяне
 Я повторю для Вас песнь Бояна

В образе Бояна поэт видел прототип того народного певца, который в своих песнях сможет провозгласить национальную свободу Польши

Потомки Бояна — это певцы и вещие поэты. Об этом выразительно писал галицийский поэт Корнель Уейский в стихотворении «Черная шаль На тему Пушкина».

Trzy beczki z winnicy wytoczcie hajdacy!
 O biali spiewacy! Wojana prawnicy!
 Dlaczegoż piesn wasza z ust klątwe wystrasza?
 Ach! ona tym była, czym dla mnie piesń nasza!

(Czarny szal Na temat Puszk na» 1847)

Выкатите три бочки из винного погреба слуги!
 О светлые певцы! правнуки Бояна!
 Зачем ваша песнь испускает из уст проклятье?
 Ах! Она (те гречанка, — С С) была тем, чем для меня
 ваша песнь!

Ни образа Бояна, ни этого мотива нет в оригинале Пушкина

В творческом мышлении поэта образ Бояна является всегда символом общеславянской песни, Боян связан с игрою на гусях

Wieszczy Wojan
 Praojciec sławny w podstawie olbrzyma
 Na wszystkie kraje słowiańskie — Gęsl trzyma

(B. Zaleski, Kwnta w mej ge'li)

Вещий Боян
 Прославленный праотец в обличье великана
 Обратившись ко всем славянским странам держит гусли

Или, как пишет Люциан Семеньский (1809—1877)

Tak bywało za Lumira
 Za Wojana — teraz jeszcze

Serbska gęśla, ruska lira
Konająco zaszeleszcze.

(«Skarga wieszczka»).

Так бывало в эпоху Люмира,
В эпоху Бояна, — но еще и теперь
Сербские гусли, украинская лира
В минуту смерти зашелесят.

В поэме «Степной дух» Богдан Залеский рисует образ:

Guslar — gęślarz złotostruny —
Sam król pieśni — Bojan kroczy,
Na kolanach gęśl podaje
Na słowiańskie wszystkie kraje...

(«Duch od stepu», XVIII... 1836).

Гусляр — волшебник золотострунный —
Шествует сам король песни — Боян,
На коленях гусли обращает
Ко всем славянским странам.

Юлиуш Словацкий в поэме «Бенёвский» с глубокой проникновенностью и с большим художественным чутьем говорит о лире Бояна; не сам Боян, а его лира, заменяющая гусли, ни с чем не может сравниться, если кого-нибудь мучает тоска; здесь образ лиры, а не гуслей — поскольку речь идет об Украине — принимает на себя основное, ведущее содержание описываемого настроения; этот образ лиры выдвигается поэтом на передний план; а это в свою очередь достигается повторением четыре раза слова «лира» в его разнообразных семантических оттенках в одном четверостишии и выделением именно не какой-либо лиры вообще, а «лиры Бояна»:

.. Siadł (Wernyhora) i rzekł: Ludzie... wy lirę Bojana
Schowali w grobie. — Liry rozmaite
Brzęczą po świecie — tam gdzie żal doskwiera...
Lecz niema drugiej liry, jak ta lira...

(«Bieniowski», VI, 105—112. 1841).

Сел (Вернигора) и сказал: Людн... вы лиру Бояна
Схоронили в могиле. — Разнообразные лиры
Звучат в мире — там, где мучает тебя тоска...
Но нет другой лиры, как эта лира...

Однако поэтический образ древнерусского Бояна не только связан с лирой; он является и символом свободы и красоты человеческой песни, которая живет в степных цветах и птицах, словно ветер Украины. Отсюда возникает словесное сочетание — «степь Бояна», что дает особое представление о свободной цветущей степи. Это лучше всего дал почувствовать Юлиуш Словацкий в словах Свентыны, обращенных к Саве Чалому из поэмы «Бенёвский»:

... Ja ci ubiorę w brusznicę
Korowaj — sama pójde w step Bojana,
Gdzie mi śpiewają kwiaty i żorawie:
A spać nie będę na wproszonej ławie.

(«Bieniowski», V, 272—276).

... Я для тебя украшу брусничкой
Свадебный хлеб — сама же пойду в степь Бояна,
Где мне будут петь цветы и журавли:
Но спать на силком навязанной скамье я не буду.

Богдан Залеский, больше всего интересовавшийся образом Бояна, посвятил ему специальное стихотворение «*Wojańicz*» («Боянич»), где уподобил себя, как и в поэме «*Степной дух*», правнуку Бояна и назвал себя после вешего Бояна — Бояничем. В этом же стихотворении он поставил в один ряд русского летописца монаха Нестора и славянского певца Бояна. В свою очередь Юлиуш Словацкий, критикуя католическое мировоззрение Богдана Залеского, внес совершенно новую сатирическую интонацию в понимание образа Бояна.

Więc dziękowałem Bogu, że z pod prasy
Nie wyszło jeszcze sześć psalmów Bojana,
Boby te wszystkie katolickie kwasy
Miał na łbie, wszystkie sześć...

(«*Bieniowski*», I, 641—644).

Итак я поблагодарил бога, что из-под типографского станка
Не вышло еще шесть псалмов Бояна,
Потому что я все эти католические гримасы
Чувствовал бы на своей голове, все шесть...

Образ Бояна перефразирован иронической интонацией. Под словом Боян следует понимать поэта Богдана Залеского.

И, наконец, мы имеем факты, когда образ Бояна выступает в качестве эпитета, в форме прилагательного, определения, что являлось своего рода лексическим новообразованием для той эпохи. У Богдана Залеского, например, мы встречаем «*duma Wojanowa*», т. е. «Боянова песнь» («*Step*», «*Sen-Drzewo-Wieszczce*» и др.); или «*geśl Wojanowa*», т. е. «Бояновы гусли» («*Latawie*»), и т. п. И даже такие образования, как «*robojańska geśl*», т. е. «послебояновские гусли» (В. Zaleski. «*Duma*»), или «*Geśl przedbojańska*», т. е. «добояновские гусли» («*L. Siemiński*», «*Epilog do naszych wierszów*»).

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, насколько глубоко проникала образная и стилистическая система «Слова о полку Игореве» в поэтическую ткань польских романтических писателей. Как мы видели, интерпретация образа разнообразна. Образ Бояна для польских поэтов был чрезвычайно близким, своим, родным. Он являлся по своему идейному замыслу как бы носителем идеи объединения всех славян в одну семью. Образ Бояна, несмотря на свою шестисотлетнюю давность, ощущался польскими поэтами как живой прообраз творческого начала в искусстве, как воплощение героической песни у славянских народов. А эта тесная связь «Слова о полку Игореве» с польской поэзией не только у романтиков, но и у более поздних и даже современных представителей польской литературы говорит о нерушимой, издавна скрепленной дружбе между русским и польским народами.

Б. СТ. АНГЕЛОВ

К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей¹

Несмотря на то что по вопросу о начале русско-болгарских литературных связей написано немало, он все еще нуждается в более детальном изучении. Для этого нужно не только привлечь новые материалы, но и подвергнуть переоценке те, которые были известны до сих пор.

При наличии в этой области современных исторических данных, после большой научно-исследовательской работы многих ученых, преимущественно русских, можно ли согласиться с предположением, что болгарская литература начала проникать в Россию только в конце X в.?² В основе этого утверждения находится неправильное представление о проникновении на Русь болгарской книги только после объявления там христианства официальной религией. Действительно, этот акт, сыгравший исключительно важную роль в жизни русского народа, имел большое значение для проникновения и укрепления на Руси древнеболгарской книги как полезной предпосылки дальнейшего расцвета древнерусской литературы. Нельзя ставить под сомнение или недооценивать значение принятия христианства на Руси для развития и взаимных связей русской и болгарской литератур. Однако имеем ли мы основания рассматривать начало этих отношений только в связи с введением новой религии? Не отрицая наличия их к этому времени, нельзя не предположить, что фактически они начались раньше и таким образом до известной степени подготовили и облегчили принятие христианства. Прежде всего такая постановка вопроса хронологически расширила бы проблему о начале письменности на Руси, которую связывали до сих пор с введением христианства в 988 г. Известно, что потребность в письменности появляется не только в связи со становлением церкви и религиозными нуждами народа, но и в связи с его общим политическим и экономическим развитием. И именно потому еще до принятия христианства русские использовали для своих практических и других нужд греческое письмо, о чем свидетельствуют договоры Киевской Руси с Византией в первой половине X в.

Особую ценность представляют некоторые исторические данные, которые хотя и не говорят прямо о раннем проникновении древнеболгарской литературы в Россию, но все же дают основание для такого предположения. Приблизительно одинаковые или весьма сходные условия обще-

¹ Перевод с болгарского выполнен И. Д. Пауновским. (Ред.).

² М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — Славянский сборник, М., 1947, стр. 164—165: «Нет никакого сомнения в том, что письменность на Руси была тесно связана с очагами культуры на Балканском полуострове, хотя до сих пор не сделано сколькихнибудь полных исследований в этой области... Время проникновения южнославянской письменности на Русь восходит по крайней мере к концу X в.»

ственно-политического и экономического развития России и Болгарии в IX—X вв. порождают и приблизительно одинаковые общественные и культурные явления в их жизни. На такой основе прежде всего строятся их взаимные связи в области духовной жизни — литературы, культуры, церкви.

Какие факты говорят о проникновении болгарской книги в Россию еще до принятия христианства? Мы увидим, что они тоже связаны с христианством на Руси, но относятся к более раннему периоду — периоду неофициального (преимущественно нелегального) распространения христианской веры среди русского народа.

1. Хорошо известно, что русские предпринимают множество походов против Византии, в основном против Царьграда. При этом они часто проходят через болгарские земли, общаются с болгарским населением, а иногда прямо с представителями власти. Известны факты, что болгары, выполняя некоторые поручения Византии, ставили в известность Царьград о движении русских войск. Однако есть случаи, когда они не сообщали о движениях русских на юг.

«Русские и болгарские историки одинаково игнорируют постановку вопроса о связи южных славян с русскими в эпоху, предшествующую известным походам Святослава. В действительности же и походы Олега и Игоря на Царьград становятся понятными только в свете болгаро-русских связей IX—X вв., связей, которые неизменно шли через страну уличей и тиверцев».³ Русские заключают договоры с Византией на греческом языке. По утверждению академика С. П. Обнорского, договор Олега в 911 г. перевел болгарин, знающий язык.

В этом отношении особое место занимают походы киевского князя Святослава на Балканский полуостров, особенно в Болгарию. Имея в виду, что его мать Ольга была убежденной христианкой и ревностной распространительницей христианства на Русской земле, можно предположить, что в составе войска Святослава было немало русских христиан. Об этом свидетельствует один отрывок из Иоакимовской летописи, где рассказывается о гибели значительной части войска Святослава Киевского во время его Дунайского похода. Здесь совершенно определенно сказано, что в составе войска Святослава есть христиане и что в Киеве есть христианские храмы и пр.: «...тогда дьявол взявше сердца вельмож нечестивых: начаша клеветами на христианы, сущие в воинстве, якобы сие падение вой приключилось от прогневания лжебогов их христианами, он же толикс развирепе, яко и единого брата своего Глеба не пощаде, но, разными муками томя, убиваше. Они же с радостию на мучение идяху, а веры христовой отврещися и идолом поклонитися не хотяху; с веселием венец мучения приимаху. Он же, видя их непокорение, наипаче на пресвитеры яряся, якобы тии чарованием неким людям отвращают и в вере их утверждают: посла в Киев, повеле храмы христиан разорити и сожещи и самъ вскоре поиде, хотя вся христианы изгубити».⁴

Сообщение Иоакимовской летописи ясно свидетельствует об общении болгар с русскими, что не могло не оказать воздействия на религиозные чувства последних, тем более что первая половина X в. — время интенсивного развития церковной и культурной жизни в Болгарии. Разве возможно, чтобы эта культурная жизнь не оказала воздействия на русских воинов? Немаловажное значение имеет и тот факт, что они слушали хри-

³ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа..., стр. 136.

⁴ П. А. Лавровский. Исследование о летописи Якимовской. — Ученые записки II отделения Академии наук, кн. II. СПб., 1856, стр. 142.

стианскую проповедь на понятном языке. Такие настроения делают совершенно естественным перенесение в Россию древнеболгарских рукописных книг. И действительно, некоторые позднейшие известия говорят в пользу подобного предположения.

2. Правильная постановка вопроса о проникновении и распространении христианства в России до 988 г. облегчила бы правильное разрешение проблемы раннего проникновения болгарской книги в Россию. Нет никаких оснований думать, что царьградская патриархия и подчиненная ей болгарская церковь не стремились к распространению христианства среди русского народа. Такие стремления бесспорно были, и они отличались настойчивостью, особенно в середине X в. Они обнаруживались прежде всего в снабжении церковей священниками и богослужебными книгами. Хорошо известны факты о княгине Ольге, которая крестилась в 957 г., о ее деятельности в области распространения христианства, а также факты относительно русских христиан, посещавших киевскую церковь св. Ильи, и др. О воздействии христианства в этот период свидетельствует русская летопись: «Живущи же Ольга с сыном своим Святославом, и учаше его мати креститися, нъ небрежаше того словесе, ни в уши влагаше себе; нъ аще кто хотяще волею крестится, не възбраняху ему, нъ паче ругахуся тому... Он же (Святослав, — Б. А.) не внимаше, глаголя: „как аз хошу ин закон приняти един, а дружина смеятися начнуть и ругатися“». ⁵ Чрезвычайно ценным является известие о том, что Ольга имела «прозвутера втайне». ⁶

3. Нет никаких исторических данных, которые говорили бы о существовании греческого богослужения в России в пору принятия христианства. Среди подарков, которые Ольга получила при своем крещении в Царьграде, бесспорно имелись книги, причем болгарские. Это тем более вероятно, если принять во внимание то обстоятельство, что Ольга не знала греческого языка, — она поехала в Царьград с двумя переводчиками.

4. Великая просветительная деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии и Паннонии во многом облегчила проникновение христианства в русские земли. Так как области, в которых работали Кирилл и Мефодий, непосредственно соприкасались с западными территориями русских, в частности с Прикарпатской областью, то вполне естественно, что их дело, проникнув в эту область, коснулось местного русского населения. Заодно с христианством среди русских бесспорно распространялась и славянская книга. Этому вопросу следует уделить в научной литературе больше внимания, чем это было до сих пор. Еще И. Первольф высказал мысль о возможности распространения славянской письменности в России непосредственно из Моравии. ⁷

5. Культ Кирилла и Мефодия, существовавший в средневековой России, объясняется тем, что их дело, проникая в русские земли, непосредственно воздействовало на русских христиан. Старейшие из русских памятников отмечают существование празднования памяти Кирилла и Мефодия, что свидетельствует о популярности славянских просветителей с древнейших времен.

6. В «Повести временных лет» утверждается, что для более быстрого введения христианства князь Владимир начал строить церкви и что он собирал детей знатного происхождения, которых отдавал «на ученье книж-

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 116.

⁶ Там же, стр. 120.

⁷ Иосиф Первольф. Славяне. Их взаимные отношения и связи, т. II, Варшава, 1888, стр. 565.

ное». Дальше говорится: «Сим же раздаяном на ученье книгам събытся пророчество на Русьстей земли, глаголющее: „Во оны днии услышать глусии словеса книжная, и ясн будеть язык чугнивых“. Си бо не беша преди слышали словесе книжнаго, но по божую строю и по милости своей помилова бог, яко же рече пророк».⁸ Если бы автор летописи имел в виду греческое письмо и греческую литературу, он не мог бы сказать, что книжное слово стало уже понятным для русских. Ясно, что здесь речь идет о славянской письменности, которая распространялась среди русских, и что слова «ученье книжное» нужно понимать в смысле обучения на славянском языке, которое проводилось с помощью славянских книг. Здесь бесспорно говорится о славянских, и ни в коем случае не о греческих книгах. Значит, в самом акте крещения принимали участие болгары, с болгарскими книгами, хотя и в качестве посланцев царьградского патриарха.

Можно ли полагать, что учителя, у которых дети бояр усваивали «ученье книжное», были греками? Гораздо правильнее было бы думать, что эти учителя — славяне, пользующиеся славянскими книгами, ибо только такие учителя могли бы ясно и понятно преподнести русским христианскую религию, о чем и говорится в «Повести временных лет». Вот что говорит по этому поводу Е. Голубинский: «Выше мы начинали речь о сношениях Владимира с болгарами. Несомненно, что он имел эти сношения, хотя известные пока исторические памятники ничего и не говорят о них; он должен был иметь их, потому что славянские богослужебные книги он мог получить только от болгар и никак не от греков, о чем скажем ниже. Мы говорили, что положительные признаки, на основании которых следовало заключить, что Владимир входил в сношения с болгарами прежде греков, весьма ненадежны и что вопрос должен быть решаем исключительно в области простой вероятности. В этой последней области представляется вероятнейшим думать, что Владимир входил в сношения с болгарами прежде начала сношений с греками. Ранее или позднее он должен был приобрести от болгар славянские богослужебные книги. А если так, то естественно думать, что он позаботился о них прежде крещения народа, так чтобы к сему последнему иметь уж их готовыми. Но, приобретая от болгар книги, Владимир не мог не позаботиться о приобретении вместе с тем и священников, которые могли бы быть приготовителями его народа к христианству...».

Е. Голубинский считает, что сообщение летописца о войне Владимира в 985 г. касается не волжских болгар, как это думал Карамзин, а дунайских болгар: «Иде Володимер на болгары с Добрынею с уем своим в лодьях, а торьки берегом приведе на коних».⁹

7. В своем «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион считает лишним разъяснять проповедь пророков Христа и апостольское уче-

⁸ Повесть временных лет, ч. I. Текст и перевод. М.—Л., 1950, стр. 81.

⁹ Е. Голубинский. Обращение всей Руси в христианство Владимиром... — ЖМНП, ч. 190. СПб., 1877, стр. 144. Основываясь на вышеуказанных словах в «Повести временных лет», И. И. Срезневский пишет: «Все книги, нужные для русского христианина того времени, были уже в употреблении у других славян, между прочим и у болгар и славян византийских: от них перешли они и в Русь, как можно заключить отчасти и по языку. Из сказаний о книгах, которыми обогатили старославянскую письменность братья первоучители Кирилл и Мефодий и их ученики и последователи, а равно и другие ревнители христианства у славян в IX—X веке, можно заключать, какие именно книги могли быть перенесены на Русь в первое время введения христианства... Впрочем, вышеприведенные слова летописи напоминают только о таких книгах, которые считались в то время самыми необходимыми для учения, т. е. псалтыри, евангельских чтений и молитвенников» (И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882, стр. 10).

сывание церковных и вообще религиозных книг, бывшие уже в полном разгаре во времена Ярослава, служат новым подтверждением той же истины, что такие сношения были только продолжением прежних, начатых св. Владимиром.¹⁶

11. В 1047 г. поп Упырь Лихой из Новгорода переписал «Книгу про-роков с толкованиями». В приписке, сохранившейся в копии XV в., Упырь Лихой пишет: «Слава тебѣ, ги црю небныи, ꙗко сподобы мя написати книги си ис коуриловицѣ князю Володимеру, Новѣгородѣ княжящю, снви Ярославлю Болшему».¹⁷

Замечание о том, что книга списана «ис коуриловицѣ», указывает на существование какого-то другого алфавита, которым пользовались для написания книг. Бесспорно, переписчик хотел подчеркнуть, что его книга является переводом или списком не с греческого оригинала, а со славянской книги. Славянская книга получила уже в России большое распространение и известность, она пользовалась авторитетом. Словами «ис коуриловицѣ» переписчик старался поднять авторитет своей книги.

12. Иоакимовская летопись содержит свидетельство о помощи, которую князь Владимир получил во время принятия русским народом христианства. После известия о крещении Владимира, его сыновей и всей Руси здесь говорится: «Царь же болгарский Симеон присла иереи учены и книги доволны».¹⁸ Правда, в науке существуют серьезные возражения против автентичности этой летописи,¹⁹ но если бы даже летопись относилась к позднему времени, это известие могло все же основываться на более ранних источниках. Имя Симеон относится, как считает П. А. Лавровский, к сыну царя Петра — Роману. После смерти своего брата Бориса как законный наследник престола Роман сбежал в Царьград, чтобы бороться против царя Самуила, овладевшего болгарскими землями. В Царьграде именно Роман «и назывался, в честь своего деда, Симеоном, как свидетельствует о том Кедрин и Зонара. Таким образом, Симеон был, и притом имевший право на титул царя болгарского, и, следовательно, Якимовская летопись не может представлять в этом обстоятельстве ни малейшего анахронизма, который бы обличал ее в подлоге».²⁰ И В. В. Качановский считает, что «обстоятельство это едва ли есть основания заподозреть».²¹

13. В житии князя Владимира сообщается, что после того как по его велению была в Киеве построена церковь Богоматери, он назначил там епископа и священников и, кроме того, подарил все, что было взято из города Корсуна: «сим повелѣ во стѣи се цркви вса двѣствовати і слѣжба творити и сие бо им впаде, ꙗже бѣ взял в Коржѣни. Иконы і крсты, книги і сосѣды црковныя».²² Нельзя ли предположить, что эти книги были славянскими, что в Корсунь они были привезены южнославянскими проповедниками христианства?

14. Заслуживает внимания также известие о принятии русскими христианства в 866 г.: «Тогава Василий Македонецѣт държение скиптѣра на

¹⁶ Там же, стр. 150—151.

¹⁷ А. Х. Востоков, Филологические наблюдения, стр. 80; И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка, стр. 17.

¹⁸ П. А. Лавровский, Исследование о летописи Якимовской, стр. 147.

¹⁹ С. К. Шамбинаго, Иоакимовская летопись. — ИЗ, т. 21. [М.], 1947, стр. 254—270.

²⁰ П. А. Лавровский, Исследование о летописи Якимовской, стр. 148.

²¹ В. В. Качановский, Из истории сербской литературы. — Известия Института Безбородко, т. XVIII, стр. 4.

²² ЧОИДР. М., 1889, кн. 3, стр. 39; Е. Голубинский, История русской церкви, т. I, ч. 1. М., 1901, стр. 246—247.

роменте. Той прие с голема радост проведените от тех (русите) люде, и им изпрати един архиерей, известен с благочестие и добродетел, и с него още двама човека — Кирила и Атанасия, които също тъй бяха добродетелни, много учени и разумни, и не само че знаеха напълно божественото писание, но и мирските науки бяха хубаво изучили, за което свидетелствуват написаните от тях съчинения. Те като отидоха там, поучаваха всички, кръщаваха ги и ги наставляваха в християнско благочестие. Но като видяха варварството и съвършената простота на този народ, речението многоучени мъже не заблагодаря съдиха да го учат по елинските 24 букви, да не би да го отклонят пак от благочестието, та по тая причина му начертаха 35 писмена и потях го учеа. А названието на тия писмена е такава: аз, буки, веде... и пр. Такива са 35-те букви у русите».²³

15. Подробный филологический и палеографический анализ старших русских кирилловских рукописей доказывает, что они очень часто восходят к глаголическим оригиналам из западной Болгарии. Такому анализу, как это подчеркивает М. Н. Сперанский, надо уделить больше внимания. Выводы, которые М. Н. Сперанский делает на основании известных ему материалов, чрезвычайно интересны.

Из всего предыдущего анализа как со стороны языка, так и со стороны палеографической, связанного с общими историческими и вообще культурными переживаниями Руси X—XI вв., а также главным образом Болгарии, мы можем, кажется, построить такого рода предположение: русская письменность и литература до официального принятия христианства Русью была уже связана со славянской письменностью Болгарии, в частности западной Болгарии и Македонии, откуда шла на Русь, естественно в ограниченном количестве, древнейшие памятники церковной письменности, по всей вероятности писанные глаголицей, обычным письмом этого времени в Македонии и западной Болгарии; отсюда же идет, по-видимому, и некоторое знакомство русской письменности с глаголическим письмом, вскоре смененным кириллицею.²⁴

Из известных нам фактов можно сделать два следующих важных вывода: во-первых, что старейшие памятники русской письменности и литературы написаны кириллицею; во-вторых, что некоторые из них сохранили остатки глаголицы. А то говорит о раннем проникновении в Россию болгарской книги, сначала глаголической. Перенесение рукописей несомненно было связано с христианским учением. Еще до крещения Владимира в России проповедуют болгарские духовные лица, привезшие туда необходимые церковно-богослужбные книги. Болгары, хорошо знавшие глаголицу, впоследствии, на русской земле, переписывают книги кириллицей, бравшей верх в Болгарии в это время. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в ранних русских списках болгарские языковые элементы. Такая постановка вопроса о начале русско-болгарских литературных связей в большой степени объясняет причины быстрого развития русской литературы и русской культуры вообще в период непосредственно после принятия христианства на Руси в конце X в.

²³ Йордан Иванов. Северна Македония. Исторически издирования. София, 1906, стр. 68—69.

²⁴ М. Н. Сперанский. Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы. — Slavia, т. VII, Прага, 1928, кн. 3, стр. 535.

Н. Я. ПОВОЙ

Две ошибки древнейшего русского хрониста

Исследованиями А. А. Шахматова, С. Г. Вилинского, В. М. Истрина, Д. С. Лихачева установлено, что рассказ «Повести временных лет» о первом походе Игоря восходит к древнерусским переводам Хроники Амартола и жития Василия Нового, а также к русскому преданию об этом походе

Уже Ф. А. Терновский обратил внимание на искажение ПВЛ в двух местах древнерусского текста Жития Василия Нового о первом походе Игоря.¹ Так, если в Житии Василия Нового в одном месте говорится: «И брани межю ими бывши, побежени быша Русь и биша их грецы бежащих», а в другом месте того же описания: «и бысть видети страшное чудо, како бояшеса пламени огненаго», то в ПВЛ обидные для русского слуха слова «побежени» и «бояшеса» заменены словами «одва одолеша» и «видящи». По предположению Ф. А. Терновского, А. А. Шахматова² и Д. С. Лихачева,³ замену произвел сам автор ПВЛ, стремившийся смягчить впечатление от неудачи этого похода.

Помимо ПВЛ такое же изменение текста Жития Василия Нового имеется в Еллинском летописце второй редакции.⁴

Древнерусский
перевод Жития
Василия Нового

... Русь изидоша на греки въоружившеса, и брани межю ими бывши, побежени быша Русь, и биша их Грецы бежащихь....

И бысть видети страшное чудо, како бояшеса пламене огненаго, волею метааху себе в пучину морску...⁵

Еллинский летописец второй редакции

... И състоупишася обои, и брани бывши эле, и едва одолеша Греце...

Русь же, видяще пламень ходящъ по морю и вметахуся в море...⁶

«Повесть временных лет»

Съвещаша Русь, изидоша, въоружившеса, на греки, и брани межю ими бывши зъли, одва одолеша Гръци.

Русь же, видящи пламянь, вметахуся въ воду морскую, хотяще убрести...⁷

¹ Ф. А. Терновский. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси, в. 1. Киев, 1875, стр. 117.

² А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 71.

³ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 168.

⁴ Еллинский летописец второй редакции полностью не издан. Статьи о походах Игоря опубликованы в работе: В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. — ИОРЯС, т. XXI, 1916, кн. 2, стр. 233—235.

⁵ С. Г. Вилинский. «Житие Василия Нового» в русской литературе, ч. II. Одесса, 1911, стр. 458. (Разрядка везде моя. — Н. П.).

⁶ В. М. Истрин. Летописные повествования..., стр. 233—234.

⁷ Повесть временных лет, ч. I. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под. ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950, стр. 33.

Согласно исследованиям В. М. Истрина и А. А. Шахматова, автор ПВЛ при составлении своего рассказа о первом походе Игоря пользовался тем сказанием, которое дошло до нас только в составе Еллинского летописца второй редакции. Причем В. М. Истрин утверждал, что это сказание находилось в составе особого Хронографа по великому изложению, откуда его и взял автор ПВЛ.⁸ А. А. Шахматов полагал, что оно содержалось в какой-то хронике «типа Еллинского и Римского летописцев», которая и была использована автором Киевского Начального свода для составления рассказа о походах Игоря; Начальный же свод в свою очередь был использован автором ПВЛ, который, помимо текста Жития Василия Нового, читающегося в Киевском Начальном своде, имел перед собой и полный текст этого Жития.⁹

Если мы находим одни и те же искажения текста Жития Василия Нового в ПВЛ и в том тексте, который сохранился в Еллинском летописце второй редакции, то мы должны признать, что эти искажения впервые были сделаны не автором ПВЛ, а автором хронографически более раннего источника, которым и пользовался автор ПВЛ. Несмотря на то, что автор ПВЛ, возможно, и имел перед собой полный текст Жития Василия Нового, он все же в рассказе о походах Игоря счел нужным повторить те искажения текста Жития, которые до него были произведены или автором хронографа по великому изложению, или, если высказаться более неопределенно, автором какой-то хроники «типа Еллинского и Римского летописцев».

Войну Игоря с греками 941 г. можно разделить на два этапа. Первый протекал в Босфоре близ Константинополя и закончился сожжением русского флота у Иерона. После этого оставшаяся часть отошла в мелководье Малой Азии, и здесь, в Малой Азии, начался второй этап войны, который протекал на суше, но закончился новым морским сражением русских с греками в сентябре 941 г.

В Хронике Амартола имеется подробное описание всей этой войны вместе с двумя морскими сражениями. Житие Василия Нового со всей подробностью повествует лишь о войне греков с русскими, развернувшейся в Малой Азии, т. е. о втором этапе войны; относительно первого замечено лишь в общих словах, что царский флот не пустил русских в Константинополь. Все это нам необходимо иметь в виду при анализе русских источников о походе 941 г.

В Еллинском летописце вместо двух походов Игоря, как в ПВЛ, имеются три, причем третий поход полностью совпадает со вторым походом ПВЛ, а два первых похода есть не что иное, как части единого амартоловского повествования о походе 941 г., разорванного в том месте, где говорится о поражении русских в первом морском сражении у Иерона. В первую половину в трех местах чисто механически были вставлены отдельные куски из Жития Василия Нового, причем некоторые фразы переписывались буквально, другие же — в переложении. При этом текстом Жития Василия Нового, повествующим о втором этапе войны 941 г., была дополнена первая половина амартоловского повествования, рассказывающая о первом этапе этой войны. Из второй половины был сделан

⁸ В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, т. 26, 1921, стр. 70.

⁹ А. А. Шахматов. 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 99; 2) Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРА, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 57—75; 3) Киевский Начальный свод 1095. — В кн.: А. А. Шахматов (1864—1920). Сборник статей и материалов. М., 1947, стр. 152.

второй самостоятельный поход Игоря, предпринятый им якобы только на «третье лето» после первого похода.

В Хронике Амартола не перечислены малоазиатские области, опустошенные русскими после морского сражения у Иерона. Названа только Вифиния, куда русские однажды отправились за пищей, но были настигнуты греками и разбиты. Автор того рассказа о походах Игоря, который сохранился в Еллинском летописце, сделавший из второй половины амартоловского повествования самостоятельный второй поход Игоря, представил дело так, словно Игорь свой второй поход предпринял именно в Вифинию. Во время этого второго похода был якобы разгромлен и «Суд» (побережье Босфора). Житие Василия Нового подробно перечисляет те малоазиатские области, которые русские опустошили после сражения у Иерона. Не указана только Вифиния, но зато указана река Рива, протекающая в этой области.¹⁰

Так как автор того рассказа о походах Игоря, который сохранился в Еллинском летописце, был почему-то уверен, что Житие Василия Нового описывает первый этап войны, а не второй, то он и изобразил события таким образом, будто все эти области русские опустошили задолго до первого морского сражения у Иерона. Автор ПВЛ уничтожил второй поход Игоря, имеющийся в том рассказе, который сохранился в Еллинском летописце, прибавив «Суд» и Вифинию к перечню тех областей, которые якобы были опустошены Игорем в самом начале похода, до генерального морского сражения у Иерона.

В Житии Василия Нового описаны события в Малой Азии, происшедшие после морского поражения русских у Иерона. Понятно, что грекам тогда, вероятно, сравнительно легко было разбивать разрозненные русские отряды, блуждавшие в Малой Азии в поисках пищи. Поэтому нет оснований сомневаться в истинности слов Жития Василия Нового о том, что русские были побеждены и бежали. Но так как автор того рассказа о походах Игоря, который сохранился в Еллинском летописце, словами Жития Василия Нового о событиях в Малой Азии описывал предшествующие им события в Европе (закончившиеся морским сражением у Иерона), то он был вынужден поместить сухопутные стычки, описанные в Житии Василия Нового, до сражения у Иерона. По представлению русских, византийцы могли победить их только благодаря «греческому огню»; в обычном же сражении на суше, где это средство не применялось, русские были непобедимы, и греки лишь в редких случаях еле-еле могли их пересилить: «Эту молонью греки пуцали на нас и пожигали, оттого нам и нельзя было одолеть». «Оправдание очень любопытное, — заметил еще И. Е. Забелин, — оно намекает на существовавшее общее и всегдашнее сознание Руси, что идя в поход в какой бы то ни было борьбе, она непременно должна одолеть».¹¹ При таком положении вещей замена слов «побежени быша Русь» на «едва одолеша греце» становится вполне понятной.

До первого морского сражения 941 г. русским, по-видимому, был неизвестен «греческий огонь», вот почему они смело шли на абордаж, как сообщает об этом Лиутпранд.¹² Автор Жития Василия Нового считал чудом страх русских перед этим огнем во втором сражении. Для русских же,

¹⁰ В. Г. Васильевский. Введение в житие св. Георгия Амастридского. — Труды, т. III, СПб., 1915, стр. XXXVI. Рива от Иерона отстояла на 90 стадий (Geographi Graeci minores, v. I. Parisiis, 1855, стр. 381); она есть на карте Вифинии в работе: W. M. Ramsay. The historical Geographie of Asia Minor, London, 1890, стр. 178.

¹¹ И. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, т. II. М., 1912, стр. 147.

¹² Liudprandi episcopi Cremonensis opera omnia. Hannoverae, 1839, стр. 139.

напротив, чудом был сам «греческий огонь», который они впервые увидели в первом морском сражении у Иерона

Автор того рассказа о походе Игоря, который сохранился в Еллинском летописце, текст Жития Василия Нового отнес к первой половине похода 941 г. Но так как в первом морском сражении русские не знали о существовании «греческого огня», то они не могли и бояться его. Поэтому автор, относя рассказ Жития Василия Нового к первому морскому сражению, вынужден был изменить его текст в том месте, где говорилось, что русские боялись огня, отчего и бросались в воду до сближения с греческими хеландиями. Таким образом, прав автор Жития Василия Нового, сообщающий, что во втором сражении русские, боясь «греческого огня», бросались в воду. Но с другой стороны, прав и автор рассказа, сохранившегося в Еллинском летописце, когда он утверждает, что в первом сражении русские стали бросаться в море только после того, как увидели «греческий огонь». Лиутпранд, описывавший это сражение, также сообщает, что русские только тогда стали бросаться в воду, когда увидели огонь: «*Quod dum Rusi conspiciunt, e navibus confestim sese in mare proiciunt, eliguntque potius undis submergi, quam igne cremari*»¹³

Автор рассказа, сохранившегося в Еллинском летописце, неправ, разумеется, в том отношении, что он приурочил данные, взятые из Жития Василия Нового, не ко второму этапу похода 941 г., как следовало бы, а к первому. Но уж если эти данные были отнесены к первому этапу похода, то изменения, произведенные в самом тексте Жития, а именно «побежени быша Русь» на «одва одолеша» и «бояшеся» на «видящи», делают честь автору рассказа, сохранившегося в Еллинском летописце (равно как и автору ПВЛ, сохранившему эти искажения несмотря на то, что перед ним, вероятно, был и полный текст Жития), и свидетельствуют о его сознательном отношении к своему источнику. Это лишний раз убеждает в том, что для древнерусского летописца «цитирование византийских хроник не означает подражание им»,¹⁴ более того, означает критическую переработку этих хроник

¹³ Liudprandi episcopi Cremonensis opera omnia, стр. 140

¹⁴ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы, М—Л, 1952, стр. 167

Ю. К. БЕГУНОВ

**Возможный источник одного из мотивов «Слова о погибели
Русской земли»**

В «Слове о погибели Русской земли» в известных словах «... и жюр Мануил царегородский опас имея, поне и великыя дары посылаша к нему (к Владимиру Мономаху, — Ю. Б.), абы под ним великий князь Володимер Царягорода не взял» далеко не все представляется ясным. Ведь Владимир Мономах (1113—1125) и византийский император Мануил Комнин (1143—1180) не были современниками. Еще И. Н. Жданов¹ обнаружил этот анахронизм. При этом хронологическую ошибку он объяснял тем, что автор «Слова о погибели» пользовался краткими византийскими хрониками, помещенными после «Никифорова летописца вскоре». В дальнейшем Д. С. Лихачев² проследил, как «Никифоров летописец вскоре» отражается и в Житии Александра Невского, и в «Слове о погибели», являясь источником ошибочной хронологии. А. Д. Седельников³ объяснял упоминание даров, присылаемых Мануилом Комниным, и сопоставление грозного Мономаха с императором Византии, испугавшимся могущества Руси, «фольклорным переживанием», литературным приемом, основанным на эпической традиции о Мануиле Комнине, «не лишенной насмешливого отношения к личности византийского императора».⁴ Большинство современных исследователей, обращающихся к «Слову о погибели», принимают точку зрения И. Н. Жданова и А. Д. Седельникова. Так, например, А. В. Соловьев⁵ считает, что автор, вспоминая южную политику Владимира Мономаха, впадает в очевидный анахронизм, допуская вместо имени Иоанна Комнина имя Мануила, ставшее популярным в русских былинах («царь Этмануйло Этмануйлович»). Строкой ниже А. В. Соловьев⁶ пишет, что автор вдохновлялся устными традициями и не придавал большого значения хронологии. А. Стендер-Петерсен⁷ замечает, что Мануил I не был в недружественных отношениях с Владимиром Мономахом или с его наследниками. Приведенный отрывок, по мнению

¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 98.

² Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 41.

³ А. Д. Седельников. Эпическая традиция о Мануиле Комнине. — *Slavia*, роč. III, s. 4. Praha, 1925, стр. 606—618.

⁴ Там же, стр. 617—618.

⁵ A. V. Soloviev. *Le Dit de la Ruine de la Terre Russe*. — *Byzantion*, t. XXII (1952) Bruxelles, 1953, стр. 124.

⁶ Там же («On voit que le poète s'inspirait de traditions orales et ne faisait pas grand cas de la chronologie»).

⁷ Ad. Stender-Petersen and Congrat-Butler. *Anthology of Old Russian Literature*. New York, 1954, стр. 176.

А. Стендера-Петерсена,⁸ содержит чисто фольклорный мотив присылки даров греческим императором. В литературе укрепилось мнение, что этот фольклорный мотив в «Слове о погибели» содержит первые следы легенды о Мономаховых регалиях.⁹ Таким образом, в литературе была объяснена хронологическая ошибка «Слова о погибели» и были сделаны предположения относительно связей мотива присылки даров с эпической традицией о Мануиле Комнине и с легендой о венце и бармах Мономаха. Но обнаружение источника хронологической ошибки («Никифорова летописца вскоре») и указания на связь мотива присылки даров с фольклором еще не показывают, для каких художественных целей автору «Слова о погибели Русской земли» нужно было сопоставлять императора Византии с Владимиром Мономахом. Нам представляется необходимым выяснить, случайно ли автор использовал «Никифоров летописец вскоре» и известие летописи о присылке на Русь даров в 1164 г. или хронологическая ошибка здесь была допущена по воле автора, который строил свою художественную концепцию и использовал для гиперболического изображения Владимира Мономаха некоторые устно-поэтические и книжные источники?

Исследователи «Слова о погибели» не обращали внимания на аналогичный мотив присылки даров византийским императором Мануилом Комниным царю и пресвитеру Иоанну в «Сказании» или «Повести об Индийском царстве». В ней рассказывается о том, что Мануил, царь греческий, отправил послов к Иоанну, царю и пресвитеру индийскому, с дарами и поручением узнать о его могуществе, о чудесах и о богатствах Индийского царства. Иоанн гордо и пренебрежительно отвечает, что если Мануил хочет узнать его силу и все чудеса его земли, то пусть продаст всю греческую землю и сам придет к нему на службу. А он сделает его вторым или третьим своим слугой. А если бы Мануил и был в десять раз выше, то все равно не описать ему со всеми его книжниками на харатье богатств Индийского царства, а цены царства Мануила не хватит даже на покупку харатьи. Далее идет пространное описание богатств сказочной Индии.

Черты образа Мануила Комнина в «Повести об Индийском царстве» в русской редакции имеют много общего с чертами Мануила в «Слове о погибели Русской земли». Мануил, а с ним и все греческое царство, испытывают большое унижение, не имея возможности сравняться в богатстве, силе, могуществе и правоте с Индийской и с Русской землей. Так же как в романе об Александре, идея противоположности между гордостью и высокомерием Дария, с одной стороны, и смирением и могуществом Александра, с другой, отразилась вполне и в «Повести об Индийском царстве» на сопоставлении Иоанна пресвитера и императора Мануила, и в «Слове о погибели» на сравнении Владимира Мономаха с Мануилом. Автор «Слова о погибели» даже не называет Мануила императором, а только «жур», т. е. господин. В так называемой «светской повести» об

⁸ Ad. Stender-Petersen and Congrat-Butler. *Anthology of Old Russian Literature*. New York, 1954, стр. 176 («The following passage, however, seems to indicate a purely epic folk motif of the Greek emperors veneration for the Russian princes was drawn into the poem»).

⁹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 96—98; Н. И. Серебрянский. *Древнерусские княжеские жития*. М., 1915, стр. 210; A. V. Soloviev. *Le Dit de la Ruine de la Terre Russe*, стр. 124; A. Stender-Petersen and Congrat-Butler. *Anthology of Old Russian Literature*, стр. 176; Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, стр. 3. Однако исследователи не объясняют, каким образом литературное сопоставление Владимира Мономаха с Мануилом Комниным в памятнике XIII в. вырастает до размеров большой легенды XV—XVI вв. присылки Константином Мономахом (1042—1055) царского венца, барм, золотой цепи, чаши и креста.

Алекса́ндре Невско́м, подобно «жюру Мануилу», спешившему задобрить Владимира Мономаха дарами, «абы под ним великий князь Володимир Царьгорода не взял», Батый, по словам биографа, с особой предупредительностью зовет к себе Александра Невского, чтобы убедиться «в чести его царства». Он оказывает необычную для русских князей честь Александру и дает восторженный отзыв о его красоте и силе.¹⁰ Однако некоторые черты образа Мануила в «Повести об Индийском царстве» не вполне совпадают с чертами Мануила в «Слове о погибели». Если в «Повести» Мануил посылает дары исключительно из чувства уважения и желания узнать величие, силу и чудеса Индийского царства, то в «Слове о погибели» Мануил посылает дары не из простого любопытства, а из опасения перед тем, как бы Владимир Мономах не взял Царьград. Данные русских летописей и византийских хроник не убеждают нас в том, что Владимир Мономах воевал с Византией и угрожал Царьграду,¹¹ принимал какие-либо подарки от византийских императоров¹² и что Мануил Комнин опасался похода русских на Царьград.¹³ Можно предполагать,

¹⁰ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 206.

¹¹ Лишь однажды в 1116 г. Владимир Мономах вмешался в междоусобную войну на стороне своего зятя, царевича Леона Диогена, против Алексея Комнина. Удержать занятые болгарские города по Дунаю русским не удалось (Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 7—8; см. также: В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки. — ЖМНП, 1875, XI, стр. 303, 311—315). Неясные сведения о вторжении пришельцев из Тавроскифии, половцев или скифов, в придунайские области и во Фракию до Филиппополя сообщают греческие историки Анна Комнин (см.: Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии. Алексиада, кн. VI—VIII, XIV. СПб., 1860) и Никита Хониат (см.: там же, История Никиты Хониата. СПб., 1860, стр. 150). Эти события могли быть использованы в дальнейшем составителем Мономаховой легенды (см.: E. de Muralt. Essai de chronographie byzantine 1057—1453. St. Petersburg, 1871, стр. 114—116; А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 32—33; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 477—478).

¹² В лицевом толстовском списке Никоновской летописи под 6622 г. приведен, как можно предполагать, сокращенный текст из «Сказания о князьях Владимирских». В других списках Никоновской летописи легенды о Мономаховых регалиях не содержится. В них современником Владимиром Всеволодовичем назван Мануил Комнин (см.: Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. 143—144). В XVII в. в Густынской летописи (ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 290) и в Синописе имя Константина Мономаха было заменено именем Алексея Комнина (см.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских, стр. 55—56). Сопоставление Владимира Мономаха то с Константином Мономахом, то с Алексеем, то с Мануилом Комнинами в позднейших летописях XVI—XVII вв. может говорить о том, что летописцы не имели древних записей легенды и пользовались «Сказанием о князьях Владимирских».

¹³ Мануил Комнин посылал к киевскому князю Ростиславу Мстиславовичу своего родственника Мануила в 1165 г., «с оксамоты и паволоки и вся узорочья разноличная», с просьбой принять митрополита Иоанна на Русь и оказать военную помощь Византии против Венгрии (Ипатьевская летопись, стр. 92; Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии. История Иоанна Киннама, кн. V. СПб., 1859, стр. 257, стр. 260). О посольстве Мануила на Русь см. также следующие работы: А. А. Куник. Основание Трапезундской империи. — Ученые записки имп. Академии наук, 1854, II, стр. 709—711; E. de Muralt. Essai de chronographie byzantine 1057—1453, стр. 186; К. Я. Грот. Из истории Угрии и славянства в XII веке, Варшава, 1889, стр. 327; F. Claveland. Jean II Comnène et Manuel I Comnène, II. Paris, 1912, стр. 481, прилож. 5; С. П. Шестаков. Византийский посол на Русь Мануил Комнин. — Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913, стр. 366—381. Мануил Комнин устанавливал дипломатические связи с князьями Владимирко Володарвичем, Юрием Долгоруким, Андреем Боголюбским, Ярославом Осмомыслом, Ростиславом Мстиславовичем, Всеволодом Большое Гнездо, как можно предполагать, с целью навязать свой сюзеренитет Руси. Похода русских на Царьград ему вряд ли стоило опасаться (см.: G. Vernadsky. Relations byzantino-russes au XII siècle. — Byzantion, IV (1927—1928), Liège, 1929, стр. 272—279; A. A. Vasiliev. Was old Russia a Vassal state of Byzantium? — Speculum, vol. VII, № 3, July, 1932; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений, стр. 490 и сл.).

что автор «Слова о погибели» в мотиве присылки даров несколько отошел от точного следования историческим фактам. Так как «Повесть об Индийском царстве» явилась на Руси через посредство сербского перевода одной из латинских редакций «Послания пресвитера Иоанна» в конце XII или в начале XIII в.,¹⁴ то можно предполагать, что автор «Слова о погибели» был знаком с «Повестью об Индийском царстве» и мог использовать из нее мотив присылки даров и унижения Мануила перед легендарным Иоанном. Стремясь изобразить Мануила Комнина не только раболепствующим, но и опасующимся Мономаха, автор «Слова», как можно думать, не удовлетворился своим знакомством с книжным источником и, очевидно, был знаком еще с какими-то другими источниками, связанными с народно-поэтической традицией о Мануиле Комнине. Эпос, следы которого сохранились в былинах (например, в былинах о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче), в летописях, в «Песне о Романе», в «Повести об Индийском царстве», уподобляет Мануила то незадачливому воину или послу, то царю, не сумевшему сосчитать богатства Индийского царства.¹⁵

Итак, мы поддерживаем точку зрения А. Д. Седельникова, считавшего, что в «Слове о погибели» отразилась старшая эпическая традиция о Мануиле, проникнутая народным, слегка насмешливым отношением к личности византийского императора.¹⁶ Но А. Д. Седельников не заметил, что эта эпическая традиция имеет свою литературную историю и что «Повесть об Индийском царстве» в какой-то мере может считаться одним из источников мотива присылки даров в «Слове о погибели». Использование автором «Слова о погибели» книжного источника («Повести об Индийском царстве») и, возможно, не дошедших до нас устно-поэтических источников помогло ему гиперболизировать образ Владимира Мономаха. Место литературного сопоставления Мануила и Владимира Мономаха в раскрытии основных идей «Слова о погибели» может быть определено. После замечательной картины красот и богатств Русской земли, данной в первой части «Слова о погибели»,¹⁷ после перечисления народов, подвластных Владимиру Мономаху, во второй части заключительные слова о том, что даже Византия была вынуждена склониться перед Русской землей, звучали лебединой песней былому могуществу Киевской и Владимиро-Суздальской Руси. А далее уже следовал рассказ о ее погибели.

¹⁴ В. М. Истрин. Очерки по истории древнерусской литературы. Пгр., 1922, стр. 108; М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве. — ИОРЯС АН СССР, 1930, т. III, кн. 2, стр. 464.

¹⁵ А. Д. Седельников. Эпическая традиция о Мануиле Комнине, стр. 606—618.

¹⁶ Там же, стр. 618.

¹⁷ Мы здесь принимаем гипотезу А. В. Соловьева о трехчастном делении «Слова» (см.: А. В. Soloviev. Le Dit de la Ruine de la Terre Russe, стр. 119).

С. Н. АЗБЕЛЕВ

Светская обработка Жития Александра Невского

Сложную литературную историю Жития Александра Невского, как это отмечалось в последних работах,¹ далеко еще нельзя считать выясненной. Для будущего исследователя памятника может представить известный интерес текст, обнаруженный мною в рукописи ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1408.² Она содержит обработку этого Жития в XVI или XVII в., характеризующуюся полным отсутствием каких бы то ни было агиографических черт и не имеющую в этом отношении аналогий среди известных его редакций.³

Рукопись Погод. 1408 — последней четверти XVII в., в 4-ку, на 213 листах. Почерк — четкая скоропись второй половины XVII в.; филигрань 1673 г.⁴ Заголовки и инициалы киноарные. Нумерация тетрадей сделана буквенными обозначениями, почерком рукописи; нумерация листов произведена карандашом в XIX—XX вв. Переплет — картон в коже, с золотым тиснением на корешке, конца XVIII—начала XIX в. Рукопись в хорошем состоянии, исключая первый лист и последние десять листов, которые повреждены сыростью; некоторые из них подверглись грубой реставрации, левый нижний угол последнего листа оборван; кожа на корешке потрескалась и отстает.

По составу рукопись является исторической компиляцией, основа которой — краткий летописец (доведен до 1582 г.), в значительной своей части содержащий выборки из Никоновской летописи. В текст включено несколько памятников нелетописных жанров, представляющих самостоятельный интерес: на лл. 1 об.—4об. читается легенда об основании Киева, в которой Кий, Щек и Хорив — новгородские разбойники; на лл. 11 об.—16 — легендарный рассказ о походе Ольги на Царьград и сожжении его с помощью птиц, собранных с жителей в виде дани (восходящий к соответствующему рассказу ПВЛ о мести древлянам);⁵ на

¹ См.: Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 36; В. И. Малышев. Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в., Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге). — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 188 (в дальнейшем: Малышев).

² Далее: Погод. 1408.

³ Возникновение этой обработки следует, по-видимому, связывать с проявлениями особенно усилившегося в России XVII в. «процесса освобождения человеческой мысли от многовековой власти над ней церковной идеологии» (В. П. Адрианова-Перетц. Исторические повести XVII века и устное народное творчество — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 96). Наиболее яркие проявления этого процесса в литературе исследованы Варварой Павловной Адриановой-Перетц (см. библиографию ее трудов в настоящем томе, №№ 40, 41, 44—47, 50, 117, 118, 134 и др.).

⁴ Тромонин, № 1248.

⁵ Ср.: Ф. Гиларов. Предания русской начальной летописи. [Приложения]. М., 1878, стр. 69—70, 252—253.

лл. 52 об.—64 — неизвестная редакция Повести о разорении Рязани Батыем;⁶ на лл. 118—127 — рассказ о посольстве Э. И. Сугорского к Максимилиану II в 1576 г., имеющий отличия от опубликованных текстов «Повести о двух посольствах».⁷ Компильция заканчивается «Сказанием о Гришке Отрепьеве», текст которого в Погод. 1408 (лл. 128—231 об.) значительно пространнее, чем в изданных редакциях этого памятника.⁸

Публикуемый в Приложении текст обработки Жития Александра Невского содержится на листах 64 об.—67 об. Он имеет текстуальные совпадения с соответствующей частью Никоновской летописи. Естественное предположение о восхождении этого отрывка к указанной летописи может быть проверено сравнением со всеми остальными известными в настоящее время редакциями Жития. Начнем с нелетописных редакций. В основной («первоначальной») редакции нет точного указания места Ледового побоища, как и известий о том, что рыцари преследовались «до Соболичского берега», и о размене пленных; нет ничего о поездках Ярослава Всеволодовича к татарам и о распределении княжеских столов после его смерти; нет упоминания о Михаиле Черниговском; не говорится о пребывании Александра у «кановичей» (т. е. у великого хана в Монголии), где его отпустили, «приказав ему всю Рускую землю и Киевскую»; отсутствует известие о том, что после смерти Александра великим князем стал Ярослав Ярославич Тверской (вариант этой редакции в ПЗЛ не содержит также описания «чуда дивного» — гибели шведов в том месте, где дружина Александра не проходила).⁹ Между тем, все это есть в Погодинском тексте. «Особая» редакция Жития также имеет все перечисленные отличия от Погодинского отрывка (в том числе и отсутствие упоминания о «чуде дивном»); в ней, кроме того, нет указания на участие в Ледовом побоище князя Андрея Ярославича.¹⁰ Редакция, известная по рукописи Н. П. Лихачева, не содержит известий о размене пленных, поездках Ярослава Всеволодовича к татарам, распределении княжений после его смерти, поездке Александра в Монголию и вокняжении Ярослава Ярославича.¹¹ «Владимирская» редакция имеет те же отличия, что и основная.¹² Редакция Василия-Варлаама не содержит известий Погодинского текста о «чуде дивном», об участии Андрея Ярославича в Ледовом побоище, о преследовании немцев до Соболичского берега, поездках Ярослава Всеволодовича к татарам, распределении княжеских столов и вокняжении Ярослава

⁶ Имеет сходство с текстом первого вида основной редакции Б повестей о Николe Зараском (см.: Д. С. Лихачев. Повести о Николe Зараском. (Тексты). — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 308—319). Содержит включения из Никоновской летописи, перешедшие, очевидно, из составляющего основу всей компильции краткого летописца.

⁷ Ср.: Вымышленные статейные списки посольств Андрея Ищеина к турецкому султану Мурату (7078/1570 г.) и князя Захария Ивановича Сугорского к королю Максимилиану (7084/1576 г.). СПб., [1883], (серия ПДП), стр. 16—19; М. Д. Каган «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 249—253.

⁸ Ср.: ЧОИДР за 1846—1847 гг., № 9, М., 1847, раздел II, стр. 1—26; РИБ, т. XIII. СПб., 1909, столб. 713—754.

⁹ См. последние публикации различных видов этой редакции: В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. [СПб.], 1913 (в дальнейшем: Мансикка), [Тексты], стр. 1—10; Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). М., 1915 (в дальнейшем: Серебрянский), Тексты, стр. 110—120; ПСРЛ, г. I, в. 2. Л., 1927, столб. 477—481; Малышев, стр. 188—193; Псковские летописи. Под ред. А. Н. Насонова. В. II. М., 1955, стр. 11—16 (присутствие списков этой редакции в сборниках нелетописного содержания позволяет рассматривать ее в ряду нелетописных редакций Жития).

¹⁰ Мансикка, [Тексты], стр. 11—14; Серебрянский, Тексты, стр. 121—123.

¹¹ Мансикка, [Тексты], стр. 126—137.

¹² Мансикка, [Тексты], стр. 15—32.

Ярославича.¹³ Все эти отличия есть и в переделках редакции Василия — в Прологе¹⁴ (о Ледовом побоище здесь только краткое упоминание), редакции Тита (в ней отсутствует также рассказ о размене пленных)¹⁵ и стилистической обработке, изданной у Н. И. Серебрянского, под номером 31.¹⁶ Наиболее подробная редакция Ионы Думина также не имеет в своем составе ряда сведений, сообщенных текстом Погод. 1408: указания места Ледового побоища, известий об участии в нем Андрея Ярославича, о преследовании до Соболичского берега и размене пленных; не говорится в этой редакции и о распределении княжений между сыновьями Ярослава Всеволодовича (сказано лишь о вокняжении его брата Святослава во Владимире), как и о пребывании Александра у «кановичей».¹⁷ В двух известных переработках этой редакции все ее отличия сохраняются;¹⁸ одна из этих переработок — редакция Викентия — не содержит, кроме того, сведений об оклеветании князя Ярослава Всеволодовича Федором Яруновичем и о вокняжении Ярослава Ярославича.¹⁹

Обратимся к летописным редакциям Жития. Симеоновская, Львовская и Ермолинская летописи, Степенная книга, Московский свод конца XV в. и Тверской сборник не могли быть источниками нашего текста, так как в них не говорится о распределении княжеских столов между сыновьями Ярослава Всеволодовича и о том, что татары отпустили Александра, «приказав ему всю Рускую землю и Киевскую» (в Симеоновской и Ермолинской летописях, как и в Московском своде XV в., говорится лишь о возвращении его «на всю Рускую землю»); в Московском своде, Ермолинской и Львовской летописях нет также известия о вокняжении Ярослава Ярославича; в двух последних летописях нет ничего о «чуде дивном»; кроме того, в этих летописях, так же как в Степенной книге и Тверском сборнике, не сообщается об участии в Ледовом побоище Андрея Ярославича; в Степенной книге, помимо этого, не находим известий о преследовании немцев до Соболичского берега и о размене пленных, в Симеоновской летописи — о смерти Ярослава Всеволодовича на пути из Монголии; в Тверском сборнике не указано место погребения Александра.²⁰ В Воскресенской летописи не сообщается о получении Ярославом Всеволодовичем «старейшинства во всей Руской земли», о распределении княжений между его сыновьями и о том, что по смерти Александра Ярослав Ярославич «прият всю власть во всей Руской и Киевской земли».²¹ Двух последних известий нет также в Н4Л и Н5Л, как и в «своде 1539 г.»; в этих летописях, кроме того, не говорится о похвальбе ливонских рыцарей перед походом на Русь и об участии Андрея Всеволодовича в Ледовом побоище, нет указания места, где оно происходило, отсутствуют подробности поезда Ярослава Всеволодовича и Александра в Орду.²² В Н1Л старшего извода отсутствует все начало Погодинского отрывка,

¹³ Мансикка, [Тексты], стр. 33—48.

¹⁴ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Под ред. А. И. Пономарева. В. 2. СПб., 1896, стр. 55—58.

¹⁵ ГПБ, собр. ОЛДП, Q. СХСVIII, лл. 460 об.—483 об.

¹⁶ Серебрянский, Тексты, стр. 124—137.

¹⁷ Мансикка, [Тексты], стр. 49—124.

¹⁸ ГПБ, Q. XVII. 24, лл. 21—87; Q. I. 390, лл. 5—96 об.

¹⁹ ГПБ, Q. I. 390, лл. 5—96 об.

²⁰ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 61—72; т. XX, СПб., 1910, стр. 159—165; т. XXIII, СПб., 1910, стр. 78—86; т. XXI, ч. 1, СПб., 1908, стр. 254—255, 267—277, 281—295; т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 132—145; т. XV, СПб., 1863, столб. 376—403.

²¹ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 146—164.

²² ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 1. Пгр., 1915, стр. 223—234; ч. II, в. 1, Пгр., 1917, стр. 214—224.

предшествующее описанию Невской битвы, как и описание «чуда дивного»; нет похвалы немцев перед походом на Русь; вовсе не говорится о Ярославе Всеволодовиче, о Михаиле и Федоре Черниговских; не сообщаются подробности пребывания Александра у татар и о том, что после смерти его Ярослав Ярославич «прият всю власть во всей Руской и Киевской земли». ²³ Последнее указание отсутствует также в Н1Л младшего извода, С1Л и НЗЛ; нет в них и известий о распределении столов между сыновьями Ярослава Всеволодовича, о пребывании Александра у «кановичей», «приказавших» ему «всю Рускую землю и Киевскую»; в двух последних летописях не сообщено о получении Ярославом Всеволодовичем «старейшинства во всей Руской земли» и возвращении его из Орды; в Н1Л младшего извода нет известия об участии Андрея Всеволодовича в Ледовом побоище и подробностей второй поездки Ярослава Всеволодовича в Орду. ²⁴ В Никаноровской летописи не находим известий о первой поездке Ярослава Всеволодовича в Орду, распределении княжений после его смерти, пребывании Александра у «кановичей», о погребении Александра (как и подробностей его смерти), о том, что Ярослав Ярославич «прият всю власть во всей Руской и Киевской земли». ²⁵ Предпоследнего известия нет и в Русском временнике, где не говорится также об участии в Ледовом побоище Андрея Всеволодовича и размене пленных с немцами и нет подробностей пребывания Ярослава Всеволодовича у татар. ²⁶ Остальные летописи дают или сильно сокращенный текст Жития, в котором отсутствует большая часть Погодинского отрывка, ²⁷ или содержат лишь краткие заметки о деятельности Александра. ²⁸

Единственной редакцией Жития Александра Невского, содержащей полностью все те данные, которые находим в Погодинском отрывке, является редакция Никоновской летописи. ²⁹ К ней, очевидно, и следует возводить этот отрывок, так как восхождение его к любому другому из известных текстов Жития, как мы только что видели, исключено. При сличении обоих памятников на всем их протяжении обнаруживается текстуальная близость, во многих случаях переходящая в дословное совпадение, чего не наблюдаем при сравнении Погодинской обработки с другими редакциями — этим исключается и возможное предположение о возникновении ее в результате соединения этих редакций. ³⁰ Наш отрывок, по-видимому, содержался уже в тех извлечениях из Никоновской летописи, которые вошли в краткий летописец, составивший, как указывалось, основу всего текста Погод. 1408.

²³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1950 (в дальнейшем: Новгородская первая летопись), стр. 77—84.

²⁴ Новгородская первая летопись, стр. 289—313, 447—453; ПСРЛ, т. V (2-е изд.), в. 1. Пгр., 1925, стр. 220—239; т. V (1-е изд.), СПб., 1851, стр. 192; ГБЛ, ОИДР. 127, лл. 187—201 об.

²⁵ БАН, 16.17.1, лл. 120 об.—136 об.

²⁶ Русский временник, сиречь летописец, содержащий российскую историю, ч. 1. М., 1820, стр. 149—170.

²⁷ См., например, Рогожский летописец (ПСРЛ, т. XV, ч. 1. Пгр., 1922, стлб. 29—32), Летопись Авраамки (ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889, стлб. 51—53). Западнорусские летописи (ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стлб. 22—24, 26—27, 121—122), Типографскую летопись (ПСРЛ, т. XXIV. Пгр., 1921, стр. 95—99), Псковскую третью летопись (Псковские летописи, в. II, стр. 82).

²⁸ Для сравнения были взяты все изданные летописи и важнейшие из неизданных, но вошедших в научный оборот летописных сводов.

²⁹ ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 118—144.

³⁰ Источником погодинского отрывка служил текст самой Никоновской летописи, а не Лицевого свода, так как последний имеет в этой части значительные отличия, не отраженные в Погод. 1408.

Публикуемая обработка Жития не может быть, однако, признана простым сокращением соответствующего текста Никоновской летописи, ничем не выделяющейся частью сделанных из нее извлечений. Даже при беглом сравнении рассматриваемый текст не производит впечатления механического сокращения его источника. Приведем некоторые примеры.

Никоновская летопись

И собра силу многу: местеры, пискупы, Свею, Мурмани, и наполни корабли многи полков своих.³¹

И тако спешнее потшався прииде на них в шестый час дни, и бысть брань крепка зело и сеча зла, и одоле супостатом, и изби многое множество их, и самому королю возложи на лице печать мечем своим.³³

Видев же его царь и рече к велможам своим: «яко же сказаша ми о нем, тако есть — несть кто подобен сему князю»; и почтив его, и посла его з братом его Андреем Ярославичем к кановичем.³⁵

Того же лета прииде князь Александр Ярославич и брат его князь Андрей от кановичь; и приказаша князю Александру Киев и всю Русскую землю, а князю Андрею, брату его, даща великое княжение в Володимери.³⁷

Как видим, составитель не только сокращал, но временами и значительно видоизменял текст Никоновской летописи, вводя в него собственные стилистические обороты (выделены разрядкой). В последнем примере объединены известия различных годов, причем общее сокращение источника сопровождается авторскими добавлениями, усиливающими впечатление от того исключительного почета, которым пользовался Александр в Орде. Аналогичная цель — подчеркнуть воинскую (т. е. чисто светскую) доблесть Александра — преследовалась в первом и втором случаях: усилена характеристика военной мощи «римского короля» (разбитого Александром), акцентируется внимание на самом факте победы («и одолев Александр») и личном подвиге князя («и толь тяжко — и самому королю возложи печать мечем на лице»).

Содержание Погодинского отрывка распадается на четыре эпизода: Невская битва, Ледовое побоище, поездка Александра в Орду и смерть его. Краткому рассказу о поездке Александра к Батыю и «кановичам», по-видимому, неслучайно предпосланы несколько нарушающие стройность изложения известия о том, что Ярослав Всеволодович «многи истомления прият за землю Рускую» от татар, «преставися во иноплеменицех нужною смертию», а Михаил Черниговский «от царя Батыя венчася му-

Погод. 1408

И собра король безчисленну силу многу и великую... И собра король римский языцы многия, местеры, пискупы, Свею, Мурмани, и наполни безчисленные корабли полков своих.³²

И прииде Александр с ноугородцы скоро на римского короля, и сразишася обе страны, и лияшася кровь аки вода. И одолев Александр, изби многое множество, и толь тяжко — и самому королю возложи печать мечем на лице.³⁴

Видев же его царь, и рече велможам своим: «Яко же сказаша ми о нем, тако и есть — несть сему князю подобен никто образом». И почтив его, и отпусти к кановичем, и кановичи та тож дивишася ему. И отпустиша его с великою честью, и приказав ему всю Рускую землю и Киевскую.³⁶

³¹ ПСРЛ, т. X, стр. 120.

³² См. Приложение, стр. 150.

³³ ПСРЛ, т. X, стр. 121.

³⁴ См. Приложение, стр. 150.

³⁵ ПСРЛ, т. X, стр. 134 (1247 г.).

³⁶ См. Приложение, стр. 151.

³⁷ ПСРЛ, т. X, стр. 137 (1249 г.).

ченическим венцем». Упоминание этих как будто не имеющих прямого отношения к Александру событий позволило резко оттенить уважение, которое вынуждены были ему оказать татары. Таким образом, из обширного текста Никоновской летописи за 1240—1263 гг. (в издании — 26 страниц), содержащего также многочисленные известия, не относящиеся к деятельности Александра Невского, сделаны выборки, касающиеся только Александра и охватывающие только те эпизоды, которые особенно ярко характеризуют его как полководца и государственного деятеля. При этом оказывается полностью опущенным все, что характеризовало Александра как святого, т. е. как раз те поздние наслоения, которые постепенно нарастали в процессе эволюции памятника. В результате этого основное содержание Погодинского текста случайно оказалось сходным с одной из самых ранних редакций Жития Александра Невского — «особой» редакцией, наиболее близко передающей, по мысли Н. И. Серебрянского, предполагаемый светский источник памятника — «Повесть о мужестве»³⁸ (однако «особая» редакция все же содержит, хотя и в сравнительно небольшой степени, элементы агиографии, которые в Погодинском отрывке совершенно отсутствуют).

ПРИЛОЖЕНИЕ

- л. 64 об. В лето 6749 приидоша людие от западных стран в Новград видети князя Александра Ярославича, понеже слава о нем всюду являшеся. И возвратившеся, и реша в себе: «Проходимом многия страны и земли и не
- л. 65 видехом нигде же такового человека ни во царех царя, || ни во князех князя». Слышав же сие король римский и вознегодова, рече: «Кто убо есть сей? И аз шед пленю его и сотворю работати себе». И собра король безчисленную силу многую и великую. О римском короле. И собра король римский языцы многия, местеры, пискупы, Свею, Мурмани, и наполни безчисленные корабли полков своих. И прииде в реку Неву и ста на устье *Ижоры*,^а гордяся безумием своим, и шаташася по реке, хотя восприяти Ладугу, таж великий Новград и всю землю Рускую. И посла ко князю Александру, глаголя: «Аще можеш ми *противитися*^б — и се аз пришел на тя и хощу пленити; и будеш ми раб». Князь же Александр, слышав сие, разгоряся духом || и вниде во церковь святыя Софии, и помолися со слезами. Изшед из церкви, иде против ратных, и ноугородстии же мужие мнози не успевше совокупитися, бе бо вскоре. И прииде Александр с ноугородцы скоро на римского короля, и сразишася обе страны, и лияшася кровь аки вода. И одолев Александр, избил многое множество, и толь тяжко — и самому королю возложи печать мечем на лице. Бысть же в то время и чудо дивно: яко идеже бо напроходимо полку Александрову, и тамо множество обретошася велми избиеных супостат. Князь же Александр возвратися в Новград с великою победою, славя бога.
- л. 66 В лето 6751 приидоша немцы второе на князя Александра, ркуще себе: «Шед победим Александра и имем его руками». Слышав же Александр, яко приидоша немцы в тяжцей силе, иде скоро противу их, тако же собрав силы многи. И снисдошася на езеро Чюдское обои полцы. Александр же постави на Чюдское езеро воинство свое на узмени у Вороня камени. И наступиша на езеро много вои, бе же вои со Александром и брат его Андрей с воинством, и ступишесь обои полцы;

³⁸ Серебрянский, Тексты, стр. 200.

^а В ркп. Жерды. ^б В ркп. нет.

и бе аки гром от ломления копейного и от звуку мечного, и от щитов на-
скакания; и кровь аки вода лияшесь. И побежени быше немцы, и гнаше-
ся за ними по езеру Чудскому, секуща их, за семь верст до Соболичского
66 об. берега. И возвратися князь Александр в Новград || Великий с великою по-
бедою. И не обретеса ему противника никогда же, и прослы имя его по
всем странам от моря Варяжского до моря Понтъскаго и до страны Ти-
вирийския, и до гор Араратских, и до Рима великаго. Того же лета при-
слаша немцы ко Александру с поклоном, глаголюще: «Что есми взяли лю-
дей ваших в полон, и мы тех отпустим, а вы наших». И тако смиришась, а
полон обои отпустиша их.

Того же лета князь великий Ярослав Всеволодович иде^а во орду ко
царю Батыю. Батый же почти Ярослава и даде ему старейшинство во
всей Руской земли; и прииде с великою честью. В лето 6753 князь Яро-
слав Всеволодович со братею || своею и з братоничи, и со внучеты, и з
детми поиде во орду ко царю Батыю; и царь Батый держав их у себе, да
послав к кановичам и бе у кановичев обажен Федором Яруновичем ко ца-
рю Батыю, и многи истомления прият за землю Рускую. И отпустиша
его. И изнемогше, мало отшед от канович, и преставися во иноплеменницах
нужною семертию. И сяде в Володимери на великом княжении брат его
Святослав Всеволодович, а братаничи свои — князя Александра Невского
и Ондreja, и Константина, Данила, Михаила, Афонасия, Василия, Яослава —
посажа по градом, якоже уряди отец их. Того же лета от царя Батыя вен-
67 об. чась мученическим венцем князь великий Михайла Чернигов||ский и з бо-
лярином своим Феодором. Того ж лета иде во орду Князь Александр Нев-
ский. Видев же его царь, и рече велможам своим: «Яко же сказаша ми о
нем, тако и есть — несть сему князю подобен никто образом». И почтив
его, и отпусти к кановичем, и кановичи та тож дивишась ему. И отпустиша
его с великою честью, и праказав ему всю Рускую землю и Киевскую.

В лето 6771 преставися князь Александр Невский во иночестве и ски-
ме; положен бе в Володимери у Рожества пречистые в монастыре. По нем
сяде в Володимери брат его князь Ярослав Ярославич Тверский и прият
всю власть во всей Руской и Киевской земли.

^а В ркп. иде.

Г. Н. КАРАЕВ

Новые данные, разъясняющие указания летописи о месте Ледового побоища

Летописные сведения о месте Ледового побоища, как известно, очень скудны и сводятся к следующему: 1) битва произошла на льду Чудского озера; 2) на Узмени; 3) «у Воронья Камени»; 4) разбитых немцев гнали 7 верст до «Соболичькаго берега».¹

Ввиду того что «Вороньих камней» в районе Чудского озера очень много и географическое название «Соболичький берег» давно утрачено, а слово «Узмень» поддается разным толкованиям, предположений о месте Ледового побоища существует несколько.

Все эти гипотезы, как правило, связывают место битвы с одной или несколькими деталями описания летописи, но при этом игнорируют остальные. Например, при предположении, что битва произошла возле одного из «Вороньих камней», в избылии выявленных к нашему времени на берегу Чудского озера, не учитывается летописное указание о том, что Александр «выпятися на озеро» и битва произошла на льду. То же самое надо сказать о гипотезе, относящей место битвы к деревне Узменка (или Изменка, ныне Мехикоорм), расположенной на берегу Теплового озера. Эта гипотеза также игнорирует многократное указание летописи о том, что битва произошла «на льду», «на озере», а кроме того, неоправданно вольно обращается с выражением летописи — «на Узмени». Очевидно, что если бы под названием «Узмень» летописец имел в виду деревню, то написал бы не «На Узмени», а «У Узмени». К тому же деревня называлась не Узмень, а Узменка (или Изменка). Название это, надо полагать, происходит от места положения деревни на берегу Узмени, т. е. узкого пролива между Чудским и Псковским озерами, именуемого теперь Теплым озером.

Летом 1956 года мне довелось лично исследовать северную часть Теплового озера. В результате этого оказалось возможным установить некоторые данные, убедительно разъясняющие указания древних письменных источников о месте битвы.

Исходным соображением было то существенно важное положение, что встреча русского войска с немецким могла произойти на озере только в таком месте, к которому подводились единственные тогда в зимнее время дороги — замерзшие реки. Двигаться без дорог, по заснеженной болотистой местности ни то, ни другое войско — конница, пехота, обозы — не могли, да и не были в обычае такие передвижения. Напротив, хорошо из-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Сонова. М., 1950, стр. 285—296.

вестно, что войска в то время передвигались либо по немногочисленным шляхам, либо по берегам рек, а зимой, как правило, по льду рек.²

Рекой, по которой из Юрьева (Тарту) могло двигаться рыцарское войско, была Эма-Йыга, впадающая в Чудское озеро вблизи «Узмени». На русском берегу, несколько южнее, в озеро впадала река Желча. По Эма-Йыге и Желче и через южную часть Чудского озера проходил в то время зимний торговый путь. Между Эма-Йыгой, впадающей в Чудское озеро с запада, и Желчей, впадающей в него с востока, лежит группа островов, носящих у местного населения суммарное название Озелица. На одном из них, по более поздним данным (XV в.), находилось русское укрепление — «Новый Городец». Слово «Новый» дает основание полагать, что в более ранние времена здесь тоже был городец — «Старый».

Поиски места битвы именно в этом районе действительно увенчались успехом.

Оказалось, что один из островов указанной группы, именуемый на картах «Остров Вороний», местным населением до сих пор именуется не иначе, как «Вороний камень». И название это не случайно: всего несколько десятков лет назад между островами Вороний и Станок торчала из воды громадной величины скала бурого песчаника. Эта скала была сверху плоской и настолько велика, что, как сообщают местные жители, к ней приставало одновременно до 8 больших рыбацких лодок и рыбаки располагались на ней на отдых.

В настоящее время над сохранившимися под водой остатками этого камня поставлена «зюйдовая вежа».

Таким образом, обнаружился, наконец, «Вороний камень» не на том или ином берегу озера, а посередине озера, и, если битва происходила здесь, то летописец и должен был написать именно так, как он это сделал: «На Чудском озере, на Узмени, у Воронья Камени».

Выявилось и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: на запад от «Вороньего камня», на Теплом озере (т. е. на летописной «Узмени»), находится место, называемое населением «Сеговица». Место это характеризуется тем, что замерзает зимой позже остальной поверхности озера, а когда замерзает, покрывается более слабым льдом. Этот участок хорошо известен местному населению, которое зимой объезжает его стороной.³

Свое название «Сеговица», надо полагать, получила от наименования рыбы — сиг.⁴ В Чудском озере водится так называемый «теплолюбивый

² Подтвердил эту мысль Д. Н. Альшиц, выступивший 11 февраля 1957 г. на обсуждении моего доклада во Всесоюзном географическом обществе: не только зимой, но и летом берега рек служили основными путями движения войск. Этим и объясняется, что все известные нам битвы происходили либо под стенами городов (т. е. у цели движения), либо на берегах рек (т. е. при встрече войск в пути). Исключений из этого правила почти не было. Забота о дорогах с давних времен сопутствовала всем военным предприятиям. Собираясь из Киева идти в Новгород на Ярослава, Владимир распорядился: «Требите путь и мостите мост — хоташет бо на Ярослава идтиити» (Повесть временных лет, ч. I. М., 1950, стр. 89). Движение войска без дорог — для древнерусского писателя было равнозначным бегству после поражения или в страхе перед поражением: «А половци неготовыми дорогами побегеша к Дону великому» («Слово о полку Игореве»); «Туто поганые разлучишася розно, и побегаша неуготованными дорогами в Лукоморье» («Задонщина»). То, что зимой основные пути издавна проходили по льду рек, подтверждается тем, что именно по льду рек измерялись расстояния между городами: «По леду от Тьмуторокана до Кърчева 10 и 4 тысячи сажень» (Повесть временных лет под 1068 г.).

³ Причиной этого явления, по-видимому, служит изменение в этом месте озера конфигурации дна (глубины здесь резко возрастают), вызывающее изменения в теплообмене между различными водными слоями.

⁴ Изменение «и» на «е» в слове «сиг» не единственный случай (см. Сиг или Сегозеро, в районе Повенца).

сиг», который массами заходит в Теплое озеро для нереста.⁵ Само название «Теплое озеро» несомненно связано с особенностью его ледового режима в зимнее время года. Наличие в ледовом покрове западнее «Вороньего камня» слабого участка объясняет, почему разбитые рыцари, отступая в направлении западного берега, провалились под лед.

Находит себе разъяснение и указание летописи о том, что немцев гнали до Соболичского берега. Это географическое название ныне утрачено, однако как происхождение его, так и место, к которому оно относилось, можно восстановить. Произведенный опрос местного населения полностью подтвердил сообщение Э. К. Паклар о том, что у западного берега Чудского озера, в той его части, которая лежит против островов Озелица, Городец и Вороний, весной в изобилии ловится рыба «соболь» (типа мелкого окуня).⁶

Сообщение летописи о дальности преследования разбитых рыцарей — «семь верст», принимавшееся раньше исследователями не за реальное расстояние, а за традиционное в таких случаях употребление «священного числа» — 7, в действительности оказывается совершенно реальным, — расстояние от о. Вороний, вернее от бывшего рядом с ним «Вороньего камня», до так называемого «Соболичского берега», т. е. до участка западного берега от указанных островов — 10—11 километров, или примерно 7 верст по счету XIII в.

В свете сказанного совершенно определенный смысл приобретают некоторые сообщения Псковской летописи XV в., до сих пор не привлекавшиеся к решению вопроса о месте Ледового побоища.

ПЗЛ под 1459 г. сообщает, что князь Александр Васильевич и псковские посадники поставили на о. Озолица церковь «в имя святого архистратига Михаила».⁷ Постройка церкви на почти пустынном острове в честь покровителя воинов «архистратига Михаила» сама по себе примечательна. Однако следующее за этим сообщение летописи еще более важно для нас. Через несколько месяцев «того же лета в великой пост, они поганаа Латина изгонивше изгоною, и не вероуа в крестное целование, на то обидное место, на Озолицю, на землю святые троица, и церковь святого Михаила сожгоша, и 9 человек сожгоша».⁸

Позднее, в 1461 г., по договору о перемирии, немцы вернули иконы, захваченные ими в церкви св. Михаила на Озолице.⁹ Через год после этого, в 1462 г., псковичи «заложиша... новый Городец на обидном месте, над Великим озером... того же лета и свершиша его, и церковь поставиша в ней святого архангела Михаила и освящаша».¹⁰

Двукратное наименование летописью района островов Вороний—Станок—Городец «обидным местом», обидным для немцев, которые действительно не могли стерпеть установления церкви-памятника, достаточно убедительно подтверждает, что именно это место и было местом обиднейшего поражения немецких рыцарей, местом Ледового побоища.

В настоящее время церковь св. Михаила находится в дер. Кобылье Городище поблизости от устья р. Желчи. Согласно сохранившемуся среди местного населения преданию, она была перенесена с островов вследствие того что вода, размывая берег, подступила к месту, где стояла цер-

⁵ Промысловые рыбы в СССР. М., 1949, стр. 258.

⁶ Э. К. Паклар. Где произошло Ледовое побоище. — Изв. М., 1951, № 37, стр. 88—91.

⁷ Псковские летописи, в. 2. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955, стр. 144

⁸ Там же, стр. 144.

⁹ Там же, стр. 149.

¹⁰ Там же, стр. 150.

ковь, и стала подмывать ее основание. Это предание находит себе подтверждение в том, что остатки первоначального строения церкви св. Михаила можно видеть и в настоящее время под водой неподалеку от о. Станок.

Таковы соображения, которые убедительно доказывают, что все до последней детали летописного рассказа о Ледовом побоище имеет вполне ясный и точный характер: битва произошла на льду, на Узмени,¹¹ у Воронья камня, в 7 верстах от Соболичского (называемого населением Эстон-

Место «Ледового побоища».

ским) берега. Немцы при отступлении проваливались под лед, что объясняется его слабостью на Сеговице.

Определение места битвы возле о. Вороньего доказывает правильность замысла Александра Невского. Совершенно очевидно, что когда после поражения отряда Домаша, русское войско «воспятися на озеро», оно не могло оставаться на открытой ледяной поверхности у западного берега. Построение боевого порядка в районе островов было выгодно для русского войска во многих отношениях: а) оставляло позади войска покрытый густыми зарослями и глубоким снегом берег, в который неминуемо должна

¹¹ Летописное «на Узмени» или «на Измени» означает: в середине протока, т. е. нынешнего Теплового озера. Псковская третья летопись под 1472 г. рассказывает, например, о встрече псковичами Софьи Палеолог, ехавшей к Ивану III в Москву по Чудскому озеру: «И бывшим им там мало не седелю, и се приняше гонец от нея из Юрьева на озеро в посудах: и вы ды, есте ея соустрели на Измене. Псковичи в тыа часы 6 насад суготова великих, и въ всякой насаде посадиши псковския и бояре и гребцы с великою чстью поехаше в оосуботу в 10 день и приехаше скоро пред обедом, в неделю, 11 день на Измень. . .» (Псковские летописи, в. 2, стр. 189).

была упереться немецкая «свинья», если ей удастся пробить ряды русских воинов; б) позволяло маскировать за островами и между ними резервные силы; в) давало возможность (что и было выполнено) потеснить противника на Сеговицу — т. е. на участок хрупкого льда, что было гибельным для закованных в железо рыцарей; г) позволяло отвести войсковые обозы в безопасное место в устье р. Желчи, а также обеспечивало, в случае неудачи, возможность отступить в направлении на Новгород вверх по этой реке.

Таким образом, выбор места для битвы у Вороньего острова характеризует Александра Невского как выдающегося полководца своего времени, в то же время место это очень точно отражено в летописном тексте.

В. А. КОЛОБАНОВ

О Серапионе Владимирском как возможном авторе «Поучения к попом»

Вопрос о том, кому принадлежит «Поучение к попом» (нач.: «Слышите, ерейский преподобный съборе, к вам ми слово...»), представляется нам недостаточно выясненным. Это — поучение от имени епископа собору епархиального духовенства. В «Поучении» речь идет о значении духовенства и его обязанностях по отношению к «мирянам», с одной стороны, и к епископу — с другой. В некоторых сборниках и кормчих книгах оно надписано именем Кирилла. На этом основании А. В. Горский,¹ С. П. Шевырев,² Филарет³ и Е. Е. Голубинский⁴ относили его к XIII в. и приписывали Кириллу, епископу ростовскому, а А. Х. Востоков⁵ — митрополиту Кириллу III.

Подробное исследование «Поучения» с точки зрения принадлежности его определенному автору имеется у Макария.⁶ Он рассматривал «Поучение» как своеобразное дополнение и завершение «Правил», произнесенного митрополитом Кириллом III на Владимирском соборе в 1274 г. Но Макарий не отрицал и возможности тройкого решения вопроса об авторе «Поучения»: 1) им мог быть Кирилл III, митрополит (если «Поучение» связывать с «Правилом»); 2) это мог быть Кирилл II, епископ ростовский (если «Поучение» рассматривать отдельно от «Правил»); 3) или «и другой, живший во времена владычества монгольского над Руссиею»⁷ (также при отдельном от «Правил» рассмотрении «Поучения»). Автор «Поучения», в частности, упоминает в нем о насилиях от «поган» (татар).

В этой связи заслуживают внимания указания Е. В. Петухова и Н. К. Никольского.

Эти авторы не останавливались специально на «Поучении к попом», но их работы подвергают сомнению авторство Кирилла II, епископа ростовского. Их аргументы сводятся к следующему.

¹ Прибавления к творениям св. отец, ч. 1, 1851, сто. 425—427.

² С. П. Шевырев. История русской словесности, ч. III. М., 1858, стр. 33.

³ Филарет, митроп. Обзор русской духовной литературы, 3-е изд. СПб., 1884, стр. 58—59.

⁴ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 2-я половина тома. М., 1917, стр. 153—154.

⁵ А. Х. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 281.

⁶ Макарий, митроп. История русской церкви, т. V, кн. 2. СПб., 1886, Прилож. IV, стр. 391—417.

⁷ Там же, стр. 400.

1. Восторженный отзыв о Кирилле II в Лаврентьевской летописи «есть лишь риторическая формула, взятая из статьи Евлалия-дьякона и напечатанная по-гречески у Миллия»⁸

2. Сравнение с греческим текстом приводит к выводу, что этот источник был известен «в славянском переводе и что летописец просто воспользовался готовым переводом для характеристики учительства Кирилла II». Отсюда — «достоверность сообщения о проповедях Кирилла Ростовского не может не быть заподозрена».⁹

До сих пор, однако, не было попытки рассмотреть «Поучение» как «особое сочинение» по отношению к «Правилу» митрополита Кирилла III.

Никто из предшествующих исследователей также не пытался сопоставить это произведение со «словами» Серапиона Владимирского — современника и участника собора 1274 г. Однако такая попытка отдельного (от «Правил») рассмотрения «Поучения к попом» представляется возможной.¹⁰

Как известно, в XIII в., после татаро-монгольского нашествия, наиболее видным писателем являлся епископ Серапион Владимирский. Пять его проповедей — это одно из свидетельств об исторических фактах, имевших место во Владимирско-Суздальской Руси именно в тот период. Можно наметить некоторые моменты близости «Поучения к попом» к «словам» Серапиона в стилистическом и композиционном отношениях. Во-первых, об этом говорит сама манера обращения проповедника к слушателям:¹¹

«Поучение к
попом»

«Слова» Серапиона

Первое

Второе

Пятое

Аз бо, грешный епископ ваш, вся рехоу вам и от вас не скрх ...	Аз бо, грешный ваш пастух, повеле- ное господом ство- рих ...	Не тако скорбит мати, яко же аз, грешный отец ваш, видя вы боляща ...	Аз бо, грешный, всегда учю вы ...
---	--	--	--------------------------------------

Тот факт, что во всех пяти поучениях Серапиона не встречается обращения к слушателям от имени епископа, по нашему мнению, вполне понятен. Он адресуется в них к «мирянам». Обращение же к священникам от лица епископа требовало упоминания сана. Полагаем, однако, что в обращении от имени епископа можно усмотреть не застывшую формулу, а своеобразный литературный прием, характерный для подлинных произведений Серапиона.

⁸ Е. В. Петухов, О Кириллах — авторах в древнерусской литературе. СПб., 1887, стр. 3, прим. 7.

⁹ Н. К. Никольский. К вопросу о проповедях Кирилла II, епископа Ростовского. — Библиографическая летопись, I, 1914, стр. 124—125.

¹⁰ Что касается надписания «Поучения», то можно предположить, что более достоверным было надписание, которое встречается в древнейших списках. Для того чтобы убедиться в возможности такого предположения, нами был просмотрен 31 список «Поучения» (в Ленинграде и Новгороде — de visu, в Москве и других городах — по описаниям). Из них только восемь списков имеют в заглавии имя Кирилла, причем древнейшие, XIV в., — Кормчая книга (ГИМ, Чудовск. собр., № 4), Златая цепь (БИЛ, Троицкое собр., № 11) и др. — озаглавлены «Поучение к попом» (пять списков из этих восьми озаглавлены «Поучение к попом за Кирилом»). Однако только текстологический анализ всех списков может подвести к ответу на вопрос, кому принадлежит «Поучение к попом». Разрешение этой задачи составит предмет нашей дальнейшей работы.

¹¹ Примеры приведены по изданиям: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Под ред. А. И. Пономарева, в. III. СПб., 1897, стр. 111—114 (для «Поучения»); Е. В. Петухов. Серапион Владимирский — русский проповедник XIII в., СПб., 1888, Прилож. II, стр. 1—15 (для «слов» Серапиона).

Во-вторых, как подлинным произведениям Серапиона, так и «Поучению к попом» присуще обилие риторических вопросов:

«Поучение к попом»

«Слова» Серапиона

Второе

Третье

Четвертое

Како будете умножили данный вам дар? Како будете упасли словесное стадо христово? Како будетъ зблуди святыню вашу неосквернену? Како буде дете не соблазнили людей верных? ...

Како утешюся, видя вы от бога отлучишася? Како ли обрадуюся? Кому грядем, кому приближаемся, отходяще света сего? Чему не видим, что приде на ны в семь житии еще сущим?...

Како ны приводит к себе? Кыми ли словесы не наказает нас? Кыми ли запрещения не запрети нам? ...

От которых книг или от ких писаний се слышасте, яко волхвованиемъ жита умножаются? То аже сему веруете, то чему пожигаете я? ...

Можно полагать, что сама конструкция вопросительной фразы также является еще одним свидетельством стилистической общности «Поучения» с произведениями Серапиона.

Не менее характерным, в-третьих, представляется живое и непосредственное общение со слушателями авторов рассматриваемых произведений.

«Поучение к попом»

«Слова» Серапиона

Первое

Четвертое

Аще ли кто от вас недоумеешь — мене вспросите: аз же не ленюся вам глаголати. Аще кто ся противит правOVERю — мне повежьте: аз обличу и от цркви отжену.

Аще ли кто речеть: преже сего потрясения бша же; аще бша потрясения рку: тако есть ...

Печален емь о вашем безумстве, молю вы ... Не может бо пастух утешатися, видя овци от волка расхыщени, то како аз утешюся ...

В-четвертых, можно отметить совпадения и другого порядка. Так, например, и по содержанию и по форме почти совпадают сравнения в «Словах» Серапиона и в «Поучении»

«Поучение к попом»

Первое «слово» Серапиона

... не стыдися ставити (вопрос), а не прося, аки слеп еси ...

Мнози же не внимають себе, аки бессмертны дремлють ...

В-пятых, все поучения Серапиона в композиционном отношении близки между собой и к «Поучению к попом». Обычно в начале «слов» Серапиона в качестве своеобразного вступления дается изречение из священного писания. Такое же изречение или краткий пересказ евангельского сюжета встречается в середине и конце подлинных произведений Серапиона. Аналогичное употребление цитат из священного писания характеризует и «Поучение к попом».

Например, в начале «Поучения»: «Господь рече: лучше навязати жеренов на шию, им же охл мелет, и погрузити[ся] в мори, нежели соблазнити единого от малых сих» (Матф. XVIII, 6). Ей соответствует в первом «слове» Серапиона цитата: Луки XXI, 25; Матф. XXIV, 7; во втором — Псалм. XXXII, 7; в третьем — Псалм. II, 12; в четвертом — Псалм. I, 1. В середине «Поучения»: «Се аз и дети моя, яже ми есть дал бог» (Евр. II, 13). Этой цитате находим параллели: Малахии III, 7; Захарии I, 3 (в первом «слове»); Римл. II, 13; Ионы III, 1 и IV, 1—3 (во

втором «слове»); Псалм. XIII, 2, 3; Псалм. II, 5; Ефес. V, 2; ср.: Коринф. VI; 9—10; Исх. XXII, 23—24 (в третьем «слове»); пересказ библейского сюжета о «казнях божиих на землю от первых род» (в четвертом «слове»). В конце «Поучения»: «Или[й] убо поп без греха быв пред богомъ: за сыновняя грехы послан бысть в муку, занеже не учил на добро, сыну своему ни казнил». Этому месту соответствуют выдержки: «Иоанна XV, 22 (в первом «слове»); Псалм. XXIV, 18 (во втором «слове»); Матф. VII, 2 (в третьем «слове»).

Имеется, в-шестых, общность и еще в одном приеме построения этих произведений. Чаще всего перечисления (например, божественных кар, земных грехов и т. п.) в «словах» Серапиона вводятся библейской цитатой или заканчиваются ею. То же самое наблюдается и в «Поучении».

«Поучение к
попом»

«Слова» Серапиона

Второе (начало)

Второе (конец)

Третье

... от всех сатанин дел сблюдитесь, блюдите же и порученных вам человек; како научите; како непорочны на суде пред богом поставите, как речеши: сия аз и дети моя, яже ми есть дал бог. (Евр. II, 13).

... никакo же превенившася вижу вы: аще кто вас разбойник — разбой не останеть; аще кто крадетъ — татбы не лишиться; аще кто ненавидеть на друга имать — вражду не почиваетъ и т. д. до: обаче попрокуквсуе мятется, збираеть, не вестъ кому збираеть. (Псалм XXXVII, 7).

... се слышаше убойтеса, въстрепщите, престаните от зла; створите добро. Сам бо господь рече: обратитеса ко мне, аз обращаюся к вам. (Малахии III, 7; ср. Захарии I, 3)

Тем же не престають злая мучаше ны: завесть умножилася, злоба преможе ны, величанье възнесе ум наш и т. д. до: еже рече пророком: с небеси призири господь видети, аще есть кто разумевая или взискаая бога, вси уклонишася вкупе. (Псалм XXXI, 2,3).

Следовательно, можно говорить об общности приемов построения этих произведений. Нам представляется, что на основании всех приведенных примеров мы получаем возможность судить о близости «слов» Серапиона к «Поучению». Как известно, деятельность Серапиона Владимирского протекала после собора 1274 г. во Владимире. Логично предположить, что именно в этот период ему как новопоставленному епископу уместно было произнести такое поучение, которое явилось бы некоторым дополнением к соборным определениям. Полагаем также, что приведенные сопоставления делают вероятным следующий вывод: «Поучение к попом» могло быть произнесено Серапионом Владимирским после собора 1274 г.

Б. Н. ПУТИЛОВ

Песня об Авдотье Рязаночке

(к истории Рязанского песенного цикла)

Нашествие Батыя на Русь и разорение Рязани в 1237 г. отразилось в особом цикле песен, который можно было бы назвать — как по его содержанию, так и по месту его возникновения — Рязанским.

Следы этого песенного цикла сохранились частично в «Повести о разорении Рязани Батыем»: в драматическом эпизоде о судьбе князя Федора и жены его Евпраксеи, в рассказе о гибели князя Олега, в истории о Евпатии Коловрате.¹ Неизвестный автор «Повести» привлек и использовал те из известных ему песен, которые отвечали его идейно-художественным замыслам. Одна из важных идей, последовательно развивающаяся в «Повести», — это идея о героизме и самоотверженности рязанских князей, которые не капитулировали перед превосходящими силами врага, не унизили перед ним своего достоинства, решительно выступили на борьбу, повели за собой рязанцев и сами первые «смертную чашу испиша». Задачам героизации рязанских князей как раз и отвечали сюжеты о Федоре и Евпракsee и об Олеге. Что же касается Песни о Евпатии Коловрате, то она была обработана неизвестным автором в духе всей идеологии «Повести»; в частности, образ Евпатия оказался тесно связанным здесь с образом князя Ингваря Ингоревича.

Несомненно, что княжеская идеология «Повести» во многом определила характер и границы использования в ней фольклора. Знал или не знал ее автор весь рязанский песенный цикл, очевидно, что какие-то произведения этого цикла остались вне его внимания. В ряду таких произведений, которые по своему содержанию, по основной идейной направленности резко расходились с «Повестью», могла стоять песня об Авдотье Рязаночке.²

Кажется, ни у кого из исследователей, писавших об этой песне, не возникало сомнений в ее большой древности.³ Все были согласны в том,

¹ См. нашу статью «Песня о Евпатии Коловрате» (ГОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, там же — библиография вопроса).

² Песня известна только в трех записях: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, издание второе, под ред. А. Е. Грузинского, т. II, М., 1910, № 182; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, издание четвертое, т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, № 260; Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. Изд. Гос. лит. музея, М., 1948, № 219.

³ Песни, собранные П. В. Киреевским, в. VII. Приложения, М., 1868, стр. 185 (примечания П. Бессонова); Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учебник для вузов, М., 1938, стр. 262—263; Н. П. Андреев. Русский фольклор. Хрестоматия для вузов, изд. 2-е, М., 1938, стр. 281; А. М. Астахова. Северные исторические песни. Петрозаводск, 1947, стр. 7, 53—54; Л. С. Шептаев. Русская историческая песня. — В кн.:

что в своей основе она представляет отклик на события 1237 г., хотя, быть может, в ней отложились и более поздние исторические впечатления. В вариантах песни, дошедших до нас в поздних записях, есть анахронизмы. Так, город, подвергшийся опустошению, называется Казанью. Но Казань, вошедшая с XVI в. в состав Московского государства, вражеским нашествиям не подвергалась; по-видимому, здесь мы имеем дело с обычной для северных сказителей эпической заменой одного города другим: упоминание Казани и Рязани рядом как эпических городов обычно в былинах:

А вѣдь Казань ѣны как огнем жгали,
А вѣдь Рязань ли во полон брали;

Проехал я Туредию и Швецию,
Казань, и Рязань, и Вострахань.

Эпитеты «старая» и «подлесная», встречающиеся в песне, более соответствуют Рязани (с эпитетом «старая» Рязань упоминается также в песне «Атаман польской»: «Сборник Кирши Данилова», № 53). В имени царя Бахмета, может быть, есть отголоски имени хана Ахмета, разорившего Рязань в 1472 г. Наименование этого царя турецким и земли турецкой отражает, видимо, влияние фольклора XVII—XVIII вв. с сильно развитой в нем турецкой темой.

Анахронизмы не коснулись ни сюжета песни в целом, ни ее фабулы.

Анализ сюжета обнаруживает связь песни с событиями XIII в., но эта связь своеобразна: рядом с художественно обобщенной и по-своему достоверной картиной разгрома, которому подверглась Рязань в 1237 г., основное место в песне занимает вполне вымышленный рассказ о подвиге простой русской женщины.

Песня начинается изображением вражеского нашествия и его страшных последствий для города:

Славные старые король Бахмет турецкие,
Воевал он на землю Российскую,
Добывал он старые Казань-город подлесные.
Он-де стоял под городом
Со своей силой-армией.
Много поры этой было, времени,
Да й разорил Казань-город подлесные,
Разорил Казань-де-город напусто.
Он в Казани князей-бояр всех вырубил,
Да и княгинь-боярыней
Тех живых в полон побрал.
Полонил он народу многи тысячи,
Он повел-де в свою землю турецкую.⁴

Описание это сразу же напоминает картины татарского нашествия в былинах, но с одной существенной разницей: в былинах татарский царь грозит разорить город, уничтожить князей-бояр, увести в плен народ; но его угрозы не осуществляются: появляется богатырь, который спасает город и отбивает нашествие. Песня об Авдотье Рязаночке принципиально отличается от былины прежде всего тем, что в ней воссоздается действи-

Исторические песни, издание второе. Л., 1951 (Библиотека поэта. Малая серия), стр. 11; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Учебник для вузов, издание пятое. М., 1953, стр. 260; Русское народное поэтическое творчество. Учебное пособие для вузов. Под ред. П. Г. Богатырева. М., 1954, стр. 271 (автор главы — П. Ухов); В. И. Чичеров. Русские исторические песни. — В кн.: Исторические песни, издание третье. Л., 1956 (Библиотека поэта. Малая серия), стр. 11, 361—362.

⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. III, стр. 370.

тельный ход событий: нашествие совершилось, и город взят и опустошен. Такие картины не в духе эпоса, но они вполне в духе исторической песни.

Мне приходилось писать в другой статье, что, вероятно, аналогичное начало, но с включением мотива похвалы вражеского царя, было и в предполагаемой песне о Евпатии Коловрате.⁵ Но там сюжет дальше развивался в героико-эпическом плане, как сюжет о мщении врагам за разорение родной земли. В песне об Авдотье Рязаночке мы имеем дело с иным сюжетом — об освобождении рязанцев из плена и о восстановлении города. Этот сюжет можно рассматривать как завершение Рязанского песенного цикла.

Тема возрождения Рязанской земли развивается и в «Повести о разорении Рязани Батыем». Заключительные ее эпизоды повествуют о том, как вернувшийся домой князь Ингварь Ингоревич погребает убитых рязанцев, совершает молитвы и оплакивает мертвых, собирает всех оставшихся в живых: «И обнови землю Рязанскую, и церкви постави, и манастиры согради, и пришедцы утеши, и люди собра».⁶ Не выходящий за пределы летописной достоверности рассказ строго выдержан в духе всей идеологии памятника: город возрождается божьим промыслом и стараниями князя.

С совершенно иным комплексом представлений, реализуемых совсем в иной художественной форме, мы встречаемся в рассматриваемой песне. Она тоже заканчивается картиной возрождения города: в Рязань возвращаются освобожденные Авдотьей из плена люди; Авдотья

...построила Казань-город наново,
Да с той поры Казань стала славная,
Да с той поры стала Казань-де богатая,
Да тут ли в Казани Авдотьино имя возвеличилось...⁷

Заключительные слова песни придают ей характер большого исторического обобщения: не княжескими заботами, а героическими стараниями простых людей совершается возрождение опустошенной вражеским нашествием земли.

Авдотью песня называет «молодой жenkой». И эта характеристика, и сюжет песни говорят об одном: Авдотья — не княжеского и не боярского рода, она простая горожанка, и уже одним этим она резко выделяется в ряду женских образов русской литературы и историко-песенного фольклора XI—XIII вв. В литературе немногочисленные женские персонажи всегда принадлежат к высокому социальному кругу, хотя в них и могут выражаться народные идеалы (Ярославна). Только в XV в. будет создан обаятельный образ крестьянской девушки Февронии, но он получает право на существование лишь постольку, поскольку Феврония из дома «древодельца» попадает в княжеский дворец. Заметим, между прочим, что Феврония происходит из Рязанского княжества.

В былинах женщины действуют чаще, но обычно либо как богатырши (поленицы), либо как невесты, жены, матери богатырей (разумеется, почти всегда отрицательный образ княгини Апраксии не в счет); к тому же на их долю редко выпадает в былинах ведущая роль.

Совершенно ясно, что Авдотья приходит в песню не из эпоса и не из книжной литературы. Образ Авдотьи — новый в русском песенном фоль-

⁵ ТОДРА, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 137.

⁶ Цитировано по тексту, подготовленному к печати Д. С. Лихачевым (ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 301).

⁷ Онежские быliny, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. III, стр. 374.

клоре — полон большого художественного содержания. Подобно тому, как Евпатий воплощает непобедимую богатырскую мощь народа, так Авдотья является воплощением огромных нравственных его сил. Героев этих роднит самоотверженная устремленность помыслов; оба они служат общенародному делу, во имя которого совершают свои подвиги. Оба они не просто одерживают победу: в песнях идет речь о полном моральном торжестве над чужеземными насильниками, которые обладают временно преимуществом в физической силе, но которые в конечном счете вынуждены признать нравственное превосходство своих противников. Так, Батый высоко оценивает мужество Евпатия и воздает ему почести; так, Бахмет оказывается покоренным героизмом Авдотьи и ее мудростью и разрешает ей увести домой весь полон.

Сам художественный замысел песни исключал возможность создания сюжета, в основу которого было бы положено эмпирическое воспроизведение событий и фактов, и требовал создания вымышленной фабулы. И здесь мы видим тот же случай, что и в песне о Евпатии Коловрате. Но если сюжет последней складывался во многом на почве традиций эпоса, то в сюжете об Авдотье Рязаночке явственно ощущается воздействие сказки. В мир волшебного-героического сказки вводят нас прежде всего «три заставы великие», которые воздвигает Бахмет на пути в свое царство:

Первую заставу великую —
 Напускал реки, озера глубокие;
 Другую заставу великую —
 Чистые поля широкие,
 Становил воров-разбойников;
 А третью заставу — темны лесы
 Напустил зверьев лютых.⁸

По-сказочному же преодолеваются Авдотьей эти препятствия, и в ее облике открываются черты героини сказок, которая проходит через труднейшие испытания благодаря своей смелости, настойчивости и самоотверженности.

Преодоление трех застав — первая победа героини на пути к полному успеху. Но, как это обычно в сказке, ее ожидает еще одно испытание, не менее трудное. Теперь испытываются ее ум, ее нравственная убежденность. Авдотья Рязаночка должна, подобно сказочной «мудрой деве», решить своеобразную задачу, предложенную царем:

Говорит ей царь Бахмет турецкий:
 «Ты, Авдотья-женка Рязаночка!
 Когда ты умела пройти путем да и дорогою, —
 Так умей-ка попросить и головушки
 Из трех единых.
 А не умеешь ты попросить головушки, —
 Так я срублю тебе до плеч буйну голову».⁹

Этот момент в песне наиболее драматичен, и разработан он в манере того нарастающего драматизма, какой чаще всего встречается в русском фольклоре в балладных песнях. Авдотья по очереди отказывается выбрать в качестве «единых головушки» мужа, отца, мать, сына, дочь, зятя, сноху. Она выбирает брата, обосновывая свой выбор тем, что «не нажить-то мне... да милого-то братца любимого». В ответе Авдотьи, в ее выборе есть та своеобразная сказочная и эпическая мудрость, которая полна большой художественной правды, хотя и не всегда совпадает

⁸ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. III, стр. 370.

⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II, стр. 555.

с правдой эмпирической.¹⁰ Мудрый ответ Авдотьи является тем единственным решением загадки, которое требовалось по логике сюжета. В вариантах успех Авдотьи объясняется психологически: упоминание ею брата вызывает воспоминание у Бахмета о том, как во время нашествия на Рязань у него убили «милого братца любимого, славного пашу турецкого», и он, якобы тронутый этими воспоминаниями, отпускает с Авдотьей весь полон. Возможно, что такое психологическое объяснение не принадлежит исконной форме песни; во всяком случае оно не представляется необходимым, если учесть обязательность единственного выбора.

Историко-песенный фольклор XIII—XIV вв. знал и другие случаи обращения к опыту народной сказки, причем — что характерно — все они связаны с сюжетами, в которых главную роль играют женские персонажи. Здесь нет возможности подробно излагать материал, укажу только, что речь идет о песнях, которые занимают промежуточное положение между историческими и балладными: «Князь Роман и Марья Юрьевна»,¹¹ «Девушка спасается от татар»,¹² «Мать встречает дочь в татарском плену».¹³ Можно было бы показать, что обращение к традициям сказки в этих произведениях обусловлено в первую очередь тем, что все они, как и «Авдотья Рязаночка», являлись во многих отношениях новыми, необычными для песенного фольклора; в них открывались такие стороны действительности, ставились такие проблемы и выдвигались такие герои, которых эпос не знал. Не знала их, по существу, и сказка; но народное творчество обнаружило в сказке определенные художественные элементы, переработка которых в духе новых поэтических задач была по-своему плодотворной. Под воздействием сказки сложились в историко-песенном фольклоре (как позже в книжной литературе) обаятельные образы простых русских женщин, в которых не было ничего от эпической фантастики и гиперболы, в которых высокие черты народного характера — нравственная стойкость, самоотверженная преданность большой цели, ум и терпение — раскрывались и через поэтически вымышленные (в сказочной манере) мотивы, и через бытовые и психологические подробности.

В ряду этих фольклорных образов Авдотья Рязаночка по праву занимает первое место. Песня об Авдотье Рязаночке непосредственно соприкасается в плане идейно-тематическом с кругом песен о татарском полоне, которые были созданы, надо думать, несколько позже, уже в условиях татарского ига. При всем сюжетном разнообразии этих песен их роднит одна характерная особенность: общенародного значения тема — страдания русских людей под игом татар — раскрывается здесь через изображение судьбы одной семьи. Судьба эта всегда трагична: девушку татары увозят из родного дома; полонянка просит родителей выкупить ее из неволи; брат отбивает сестру у татар; мать, взятая в плен, находит дочь и внука... Татарское иго предстает в этих песнях как жестокая сила, которая неожиданно врывается в жизнь семьи, исторгает людей из родной среды. Свобода ассоциируется здесь с возвращением на родину. Герои песен ведут

¹⁰ Мотив выбора брата может быть рассмотрен как очень архаичный, отражающий пережитки бытовых отношений и представлений родового общества. Вопрос этот не имеет, впрочем, прямого отношения к уяснению содержания песни, но он интересен в плане изучения генезиса тех художественных традиций, которые питали старшую историческую песню.

¹¹ См., например: А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. III. СПб., 1910, № 117 (№ 421).

¹² Живая старина, 1905, в. III—IV, стр. 293—294, 336—337.

¹³ См., например: Русская баллада. Предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева. Л., 1936, №№ 67, 68; Песни, собранные П. В. Киреевским, в. VII, стр. 190—207.

борьбу за свою семью, за восстановление насильственно порванных семейных связей. Можно заметить, что на первый план в этих песнях всегда выдвигаются связи кровно-родственные (мать—дочь—внук, сестра—брат), а не супружеские, что говорит, быть может, об архаичности истоков этих мотивов.

Борьба за семью, которая ведется в песнях, это борьба за право на нормальную жизнь; в связях родственных, которые упорно подчеркиваются в сюжетах песен, воплощаются более широкие связи — с родной землей, с народом. Если в других песнях эта сторона часто только угадывается, то в «Авдотье Рязаночке» она выступает совершенно определенно. Авдотья совершает труднейшее странствие в турецкую землю, чтобы вызволить из плена кого-нибудь из своих родных. Но по логике сюжета получается, что именно ее бесконечная преданность родственным связям, ее самоотверженная привязанность к близким дают ей возможность совершить подвиг общенародный.

Если бы в песне об Авдотье Рязаночке содержание ограничивалось рамками семьи, а события общенародные служили бы лишь фоном, песню эту следовало бы безоговорочно причислить к балладам, так как именно для произведений этого жанра типично подобное ограничение. Но в песне об Авдотье Рязаночке события решительно выходят за пределы одного дома, они приобретают поистине общенародный характер и общенародное значение. Две основные темы произведения — освобождение русских людей из плена и устройство разрушенной нашествием земли — имеют совершенно определенный исторический характер. Поэтому несмотря на наличие элементов баллады песня об Авдотье Рязаночке с полным правом может быть причислена к историческим.

Перед нами — ранний образец этого жанра. В песне отражена конкретная история. Но в еще большей степени в ней выражена историческая воля народа. Сюжет песни вымышлен, так же, как, по-видимому, вымышленным является и образ героини ее. Но этот вымышленный сюжет соотнесен с конкретными историческими событиями, он развивается в рамках подлинной истории. Перед нами — совершенно тот же художественный метод, что и в песне о Евпатии Коловрате, реализация в иных формах тех же принципов отношения к действительности. Создается впечатление, что обе песни вышли из одной художественной школы, сложились в одно время; их связывает общность тематическая, общность художественная.

Но судьба этих песен оказалась различной. Песня о Евпатии Коловрате была, по-видимому, вытеснена из живой фольклорной традиции героическими былинами, с которыми она прочно связана; неизвестный писатель XIII в., еще знавший ее, переработал ее сюжет в своей «Повести о разорении Рязани Батием». Песне об Авдотье Рязаночке не могло быть места в этом произведении книжной литературы, так как она всем своим содержанием утверждала идею о том, что народ сам, без участия князей, может возродить свою землю. Самобытность сюжета, законченность и полнота центрального образа, значительность идей, совершенная художественная форма обеспечили этой песне большую жизнь.

Песня об Авдотье Рязаночке — единственная сохранившаяся в прямых фольклорных записях часть Рязанского цикла. Изучение ее позволяет сделать вывод о том, что цикл этот в целом несомненно был крупным явлением русского историко-песенного фольклора XIII в. и сыграл свою важную роль в развитии в народном творчестве новых методов художественного отражения истории.

И. У. БУДОВНИЦ

Идейная основа ранних народных сказаний о татарском иге

На протяжении всего времени татарского ига русский народ поднимал непрерывные восстания против своих поработителей и угнетателей. Если не считать новгородских волнений 1259 г., связанных с переписью, то цепь таких восстаний открывается прокатившимися в 1262 г. по городам северо-восточной Руси народными выступлениями против мусульманских откупщиков татарской дани. По описанию ростовского летописца, явно сочувствующего восстанию, волнения носили стихийный характер, будучи вызваны насилиями и злоупотреблениями сборщиков дани. «Избави бог, — отмечает летописец под 1262 г., — от лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовския земля, вложи ярость в сердце крестьяном; не терпяще насилья поганых, изволиша вещь и выгнаша из городов, из Ростова, из Володимеря, из Суждаля, из Ярославля. Окупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани и от того велику пагубу людем творяхуть, работяще резы и многы души крестьянския раздно (розно, — И. Б.) ведоша».¹ «Бесурмены» были изгнаны, иные убиты. Летописец изображает этот акт как дело, угодное богу, который вял молитве богородицы и пришел на помощь русским людям: «Видевше же человеколюбець бог, послуша моленья матерня, избави люди своя от великыя беды».²

Устюжский летописец сообщает, что волнения против откупщиков в 1262 г. происходили не только в Ростове, Суздале, Владимире и Ярославле, но и «по всем градом русским», причем в Устюг пришла грамота от великого князя Александра Невского, «что татар бити».³ Н. Серебрянский, исследовавший древнерусские княжеские жития, и в том числе жития Александра Невского, полагает, что эти слова отражают не столько реальный факт, сколько отношение народа к популярному князю. «Народ, — пишет Н. Серебрянский, — по-видимому, наивно веривший в возможность свержения татарского ига, находил вполне естественным, что любимый князь „ярость мужества“ своего проявит теперь на татарах; он вызывает Александра на бой с погаными поработителями».⁴ Напротив, А. Н. Насонов считает причастность Александра Невского к событиям вполне правдоподобной, поскольку он мог быть в курсе смут, разыгравшихся в Монголии вокруг императорского трона и положивших начало отделению Золотой Орды от империи. Момент для восстания мог показаться Александру вполне благоприятным, тем более что откупщики были присланы не из Золотой Орды, в непосредственном подчинении которой находилась Русская земля, а от императора.⁵

¹ ПСРЛ, т. I, в. 2, л., 1927, столб. 476.

² Там же.

³ Устюжский летописный свод. Под ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 47, 48.

⁴ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 207.

⁵ А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М., 1940, стр. 50—53.

При всем остроумии доводов А. Н. Насонова приходится, однако, констатировать, что кроме приведенного глухого указания устюжского летописца в памятниках не сохранилось решительно никаких данных, которые подтвердили бы причастность Александра Невского к народным волнениям 1262 г. Что же касается позднейших народных восстаний против татарских насильников, то они происходили без всякого участия и содействия со стороны князей и бояр, а подчас при их прямом противодействии. «В то время, — пишет Б. Д. Греков, — когда народная масса выражала свой протест против нового гнета, пришедшего к ней вместе с татарской властью, боярство и князья помогали татарам, не без основания надеясь сохранить и упрочить таким путем свое привилегированное положение».⁶

Что касается широких народных масс, то отношение их к татарской власти получило достаточно яркое выражение в былинном эпосе. Как известно, центральной фигурой этого эпоса является русский богатырь, прямой, честный, неподкупный герой, зорко стоящий на страже родной земли, охраняющий ее от набегов злых недругов, готовый в любую минуту умереть за родину, чуждый всякого пресмыкательства перед чужеземными насильниками, далекий от всякого компромисса с ними. Особенно много трудов приходится тратить былинным героям на борьбу с вторжениями кочевников. «Борьба со степным кочевником, — пишет В. О. Ключевский, — половчином, злым татаринном, длившаяся с VIII почти до конца XVII века, — самое тяжелое историческое воспоминание русского народа, особенно глубоко врезавшееся в его памяти и наиболее ярко выразившееся в его былевой поэзии».⁷ «Об отношении народа к татарскому игу, — добавляет Б. Д. Греков, — можно сказать сильнее, чем сказал Ключевский. Все „степные кочевники“ ступевались здесь и уступили одному образу — татарского хана и его подручных. Татарская власть запечатлелась в памяти народной настолько глубоко, что в наших былинах вместо тех или иных врагов, с какими приходилось сталкиваться русскому народу на протяжении многих веков его истории, везде называются одни „татаровья“, олицетворением которых является царь Калин, нередко выступающий под именем Батыя Батыевича, иначе Бутыги».⁸

В этой связи хочется остановиться на одной былине о Батые, где описывается приход грозного татарского хана к Киеву. Вопреки исторической достоверности, осада Батыем Киева приурочена ко времени Владимира Святославовича. Впрочем, в этом смещении эпохи есть свой смысл, ибо в представлении народа только тогда, когда Русская земля была едина, она могла давать отпор самым опасным врагам. Под Киев Батый пришел с сыном Батыем Батыевичем, с зятем Тараканником Каранниковым «и с думным дьяком вором-выдумщиком». У каждого из них было по 40 тысяч человек рати. Батый потребовал от князя Владимира супротивника-поединщика, но у Владимира все знаменитые богатыри — Илья, Самсон, Святогор, Добрыня, Алеша — оказались в разъезде. В Киеве остался один только добрый молодец Василий Игнатьевич, горький пьяница, не выходящий из кабака, промотавший все свое имение и приданое жены. Услышав о требовании Батыя, он приходит к Владимиру и просит дать ему опохмелиться. Выпив чару в полтора ведра, Василий почувствовал, что может сидеть на коне и владеть саблей. Он выехал за городские ворота и, нацелившись, тремя стрелами убил сына Батыя, его зятя и «дьяка-выдум-

⁶ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 227—228.

⁷ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. I. М., 1918, стр. 73.

⁸ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда..., стр. 256—257.

щика». Батый пришел в страшную ярость и потребовал, чтобы ему выдали стрелка. Василий отправился в стан к Батыю и хитростью избил всех татар, после чего Батый поспешно вернулся в свою землю, дав себе зарок никогда больше не воевать Киева. По другому варианту былины, князь, узнав, что в татар стрелял Василий, готов его предать и говорит ему:

Ай же ты, голь кабацкая!
Не ты ли бил силу Батыгину?
Поезжай-ко ко Батыги со ответом сам."

Вс. Миллер считает, что былина сложилась уже в XVII в. среди голи кабацкой и, кроме поэтического плача богородицы на киевской стене, она не содержит больше ни одной «крупницы старины». Конечно, такое выражение, как «дьяк-выдумщик», могло появиться в былине спустя долгое время после свержения татарского ига; позднейшими наслоениями являются, вероятно, и некоторые другие детали. Но если взять основное содержание былины, то в ней очень верно и тонко представлена вся историческая правда о борьбе народа с татарами: в то время как верхи общества совершенно теряются перед опасностью, представитель самых, казалось бы, незначущих низов принимает на себя всю тяжесть неравной борьбы, а когда он выходит победителем, то князь не прочь за его счет договориться и столковаться с недругами.

Что касается письменной литературы, то непримиримое отношение народа к татарскому игу нашло выражение в двух памятниках: в Повести о Меркурии Смоленском и в Повести о разорении Рязани Батыем.

Повесть о Меркурии Смоленском¹⁰ содержит много скорбных мест, рисующих ужасы Батыева погрома, «великое пленение от оных злых варвар». Они разоряли города, разрушали монастыри и церкви, убивали мужчин и женщин, вырывали детей из рук матерей и предавали их мучительной смерти, насиловали жен и девиц и «мнози... тогда от православных сами резаху ся и смерти приимаху, дабы не осквернитися от поганых». Оставшихся в живых варвары связывали за волосы и гнали как скот.

Но на убийц и насильников нашелся мститель. В ту самую ночь, когда Батый, имея в своем стане какого-то богатыря с сыном, тайком подошел к Смоленску, богородица приказала пономарю своей церкви, чтобы он пошел во двор к благочестивому юноше Меркурию и велел ему прийти к ней с ратным оружием («во всем... в воинском подобии»). Пономарь быстро исполнил поручение и вернулся в церковь с Меркурием. Здесь богородица велела ему тотчас выступить против Батыя и его исполнителя. Богородица, однако, предупредила Меркурия, что освобождение города будет достигнуто ценою его жизни.

Меркурий явился в расположение татарской рати, отсек голову исполниту и потом всю ночь до зари бил мечом татар. После этого он отошел к тому

⁹ Вс. Миллер. Былина о Батые. — Очерки русской народной словесности, [т. I]. М., 1897, стр. 305—327.

¹⁰ Последний исследователь вопроса, Л. Т. Белецкий, делит изученные им 37 списков Повести о Меркурии Смоленском на две основные повести. Первая, в основе которой лежит народное сказание, представлена одним только списком рукописи Московской Синодальной библиотеки 1665 г. Вторая повесть, также основанная на народном сказании, но хуже его сохранившаяся, подразделяется на четыре редакции (Л. Т. Белецкий. Литературная история повести о Меркурии Смоленском. — СОРЯС, т. 99, № 8. Пгр., 1922, стр. 48—49; см. также рецензию Л. Т. Белецкого на статью П. П. Миндалева «Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос» (последняя напечатана в «Сборнике статей в честь Д. А. Корсакова», Казань, 1913, стр. 250—280); ЖМНП, 1914, декабрь, стр. 358—359). Встречающиеся ниже цитаты приводятся по первой редакции (рукопись Соловецкого монастыря: Л. Т. Белецкий. Литературная история... стр. 58—74).

месту, где должен был принять мученический венец. Когда наступил день, варвары, несмотря на свои огромные потери, из «несытства злого» двинулись к городу. Меркурий в это время, ободренный гласом свыше, исполнился «дерзновения», опять напал на татар, нанес им большое поражение и обратил в бегство. Тут к Меркурию подбежал сын убитого им богатыря и отсек ему голову. Татары, однако, не могли оправиться от ужаса, и Батый с остатками войска бежал «посрамлен». Меркурий же встал с земли, взял свою голову и так, неся ее в руках, пришел в Смоленск, где его встретил ликующий народ, с честью похоронивший мученика в церкви богородицы.

В литературе, посвященной Повести о Меркурии Смоленском, высказывается ряд противоположных взглядов на исторические основы Повести. По мнению С. П. Писарева, Меркурий — реально существовавшее лицо, предводитель смоленской рати, выступившей против Батыя в августе 1242 г. Смольняне напали на беспечно спавших татар, убили их богатыря, и его голову нес потом в город Меркурий. На утро татары, убедившись, что смольнян мало, пустились за ними в погоню и убили Меркурия. Однако города они взять не смогли, и Смоленск остался невредим.¹¹ Построение С. П. Писарева, однако, чрезвычайно натянуто и продиктовано желанием во что бы то ни стало доказать «достоверность» легенды во всех ее деталях.

Другой крайности придерживается Арсений Кадлубовский, отрицающий за Повестью о Меркурии Смоленском какой бы то ни было исторической основы. Исследуя древнерусские жития святых, А. Кадлубовский обратил внимание на сходство Повести о Меркурии Смоленском с рассказом о подвиге Меркурия Кесарийского в житии Василия Великого. Оба героя — и кесарийский и смоленский — носят одно имя, оба — воины, оба — мученики, оба погибли в молодых летах, каждый защищал свой город от безбожных врагов и насильников (Меркурий Смоленский — от татар, Меркурий Кесарийский — от Юлиана Отступника), оба шли на подвиг по чудесному призыву богородицы, ее участие в этом деле открывается сперва третьему лицу, в обоих случаях чудесные события совершаются ночью и в глубокой тайне и т. д. А. Кадлубовский приходит к выводу, что «за устранением всего заимствованного, у нас не остается ничего, что мы могли бы считать принадлежащим именно русскому святому, в чем могли бы видеть исторический элемент и историческую основу сказания. . . В результате мы можем считать Меркурия Смоленского скорее героем литературной легенды, чем историческим лицом, достоянием не истории, а истории литературы».¹²

Объяснив Повесть о Меркурии Смоленском сплошным «заимствованием», лишенным каких бы то ни было оригинальных черт, А. Кадлубовский вынужден оригинальные сцены Повести, возникшие на почве русской действительности, объяснить позднейшими вставками книжника.¹³

Иначе подходил к вопросу Ф. И. Буслаев, посвятивший Повести о Меркурии Смоленском одно из самых вдохновенных своих исследований.¹⁴ Прежде всего Ф. И. Буслаев устанавливает существование двух редакций Повести, причем более ранняя редакция сохранила много следов своего

¹¹ Филологические записки, 1882, в. V, стр. 45—52.

¹² Арс. Кадлубовский. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, стр. 74.

¹³ Там же, стр. 94—95.

¹⁴ Ф. И. Буслаев. Смоленская легенда о святом Меркурии и ростовская о Петре, царевиче Ордынском. — Исторические очерки русской народной словесности и искусства, ч. II. СПб., 1861, стр. 155—198.

народного происхождения.¹⁵ Далее Ф. И. Буслаев очень метко и тонко определяет смысл и дух Повести. «Вымышленные рассказы о Батые и поэтический состав повествования, — пишет Ф. И. Буслаев, — дают разуметь о том, что легенда составила по прошествии очень многих лет после погромов батыевых». И тем не менее «вся легенда как она есть, принадлежит эпохе татарской. Меркурий есть победоносный герой этой эпохи. Его оружие — знамение победы над нечестивыми басурманами. Если многие другие легенды наши составлены в духе потворства и сближения с татарами, то легенда смоленская, как бы предвещающая Мамаево побоище, проникнута фанатическою враждою к неверным и геройским сознанием о возможности победы над ними».¹⁶

«Народная» редакция во многих деталях сильно отличается от книжной. Известно, что русская (да и не только русская) знать считала особой честью вести свое происхождение от иноземных родов. Желая придать больший вес Меркурию, автор книжной редакции приписывает ему происхождение из «Римской области», откуда он еще в юные годы прибыл в Смоленск, «горяй духом» к православной вере. В народном сказании о Меркурии «нет и следа о римском или немецком его происхождении».¹⁷ В том же народном сказании Меркурия убивает не сын татарского богатыря, мстивший за своего отца, а «светлый воин».¹⁸ «Символ победы над врагами, — пишет по этому поводу Ф. И. Буслаев, — по народной редакции легенды не должен был носить на себе никаких следов ослабления своего могущества, не должен был сделать никаких уступок вражеской силе».¹⁹

¹⁵ Как уже указывалось выше, Л. Т. Белецкий в результате изучения 37 списков Повести пришел к выводу о наличии не двух редакций, а двух литературных обработок (повестей) народного сказания о Меркурии Смоленском, из которых одна лучше сохранила основное народное сказание. Не совсем удачно находит терминологию Ф. И. Буслаева И. Некрасов (Зарождение национальной литературы в северной России, ч. I. Одесса, 1870, стр. 172) и вслед за ним П. П. Миндалев (Повесть о Меркурии Смоленском. . . , стр. 258), поскольку и так называемая народная редакция Повести о Меркурии Смоленском написана книжником. Тем не менее построение Ф. И. Буслаева по существу остается непоколебленным, ибо, как мы ни назовем обе группы списков — самостоятельной повестью или редакцией, из них явно выделяется один вид памятника, лучше сохранивший следы своего народного происхождения.

П. П. Миндалев в указанной статье сближает Повесть о Меркурии Смоленском с помещенным в Никоновской летописи под 1148 г. эпическим сказанием о переяславском богатыре Демьяне Куденевице и былинной о Сухмане Деметьевиче, но сопоставления П. П. Миндалева слишком искусственны и формальны.

¹⁶ Ф. И. Буслаев. Смоленская легенда о святом Меркурии. . . , стр. 196.

¹⁷ Там же, стр. 175. Любопытно, что в записанном в Смоленской области В. Н. Добровольским устным сказании о Меркурии Смоленском он выступает простым ремесленником-кожемякой, отличившимся в борьбе с Литвой (Смоленский этнографический сборник, ч. I. — Записки Русского географического общества по отделу этнографии, т. XX. СПб., 1891, стр. 379).

¹⁸ По списку Московской Синодальной библиотеки — «прекрасен воин» (Л. Т. Белецкий. Литературная история. . . , стр. 56).

¹⁹ Ф. И. Буслаев. Смоленская легенда о святом Меркурии. . . , стр. 197. Принимает версию Ф. И. Буслаева о двух редакциях Повести о Меркурии Смоленском и М. О. Скрипиль (см. его очерк «Повесть о Меркурии Смоленском» в «Истории русской литературы» (т. II, ч. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 357—361)). В то же время, отвергая «крайнее мнение» А. Кадаубовского, М. О. Скрипиль признает, что некоторые из указанных им «параллелей действительно могут быть объяснены только влиянием цикла сказаний о Меркурии Кесарийском на смоленскую легенду в момент ее образования» (там же, стр. 360). Это утверждение несколько расходится с высказанным в самом начале очерка мнением, что Повесть о Меркурии Смоленском первоначально возникла как устное народное сказание, ибо народное сказание, да еще устное, не могло основываться на литературном, мало известном в широких кругах сказании о Меркурии Кесарийском.

Есть еще одна сторона в Повести о Меркурии Смоленском, не отмеченная исследователями. А. Кадлубовский высказывает недоумение, почему Меркурий должен погибнуть, почему он, прославленный герой, исполнивший волю богородицы, не мог прожить свои дни в покое и благочестии, приняв, например, монашество?²⁰ Но в том-то и дело, что народ, одарив своего героя мужеством и бесстрашием, наградил его еще и готовностью к самопожертвованию. Трусливым князьям и боярам, готовым ради сохранения своей жизни и власти на любое унижение и раболепие перед «погаными», народ противопоставляет мученика за землю, беззаветно преданного общему делу витязя, который с радостью заведомо идет на гибель, лишь бы спасти родной город.

Еще в большей мере, чем в Повести о Меркурии Смоленском, неприимимое отношение народа к татарскому игу отразилось в знаменитой Повести о разорении Рязани Батыем.²¹ Все содержание Повести, от начала до конца, проникнуто оптимизмом, никаким гнетом не убитым, никакими ужасами не приглушенным чувством народного достоинства.

В Повести нетрудно обнаружить двоякого рода наслоения и позднейшие вставки: это мотивы религиозные и мотивы рыцарские. Перед тем как Юрий Ингоревич начал «совокупляти воинство свое», он предается «великому плачу», обращается с молитвами к богу, произносит псалмы, словом, проделывает весь ритуал, который в таких случаях духовные писатели приписывают своим героям. Воодушевляя своих дружинников, Юрий призывает их постоять «за святая божиа церквы и за веру христианскую», «смертию живота (т. е. загробную жизнь, — И. Б.) купити» и т. д. Неоднократно подчеркивается, что все беды, обрушившиеся на Русскую землю, посланы богом за грехи. В полном противоречии с общим духом Повести высказывается мысль об обреченности рязанской дружины, несмотря на все ее мужество, ибо «противу гневу божию хто постоит!» Позднейшим переписчиком²² сделана вставка, что вместе с великой княгиней Агриппиной мученически погибли епископ и «священнический чин».

С другой стороны, в Повести нашла отражение идеология «господства рязанского», «удальцов и рязанцев рязанских», т. е. рыцарские умонастроения. Только при описании осады Рязани рассказывается о мужестве и стойкости обыкновенных горожан, во всех же остальных случаях храбрость проявляет исключительно княжеская дружина. Именно к ней обращается великий князь Юрий Ингоревич, называя ее: «господня и братиа моя», «братие моя милая и дружина ласкова», «узорочье и воспитание резанское». Особенно много рыцарских мотивов в эпизоде с Евпатием Коловратом. По тексту некоторых списков он и погнался за Батыем из чисто рыцарских побуждений, «хотяше пити смертную чашу с своими

²⁰ Арс. Кадлубовский. Очерки... стр. 54.

²¹ Повесть издана Д. С. Лихачевым в публикации «Повести о Николе Зараском» (ТОДРА, т. VII М.—Л., 1949, стр. 257—406), где воспроизведены все редакции Повести о Николе Зараском (составной частью которой является «Повесть о разорении Рязани Батыем») почти по всем известным спискам. До сих пор в литературе обычно пользовались «сводным текстом» И. И. Срезневского (Сведения и заметки о малоизвестных памятниках, вып. 4. СПб., 1867, стр. 77—94), представляющим контаминацию нескольких списков и даже редакций, возникших в разное время. Приводимые ниже цитаты взяты из так называемой «Основной редакции А», являющейся, по-видимому, самой старшей (см.: В. Л. Комарович. К литературной истории Повести о Николе Зарайском — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 68). Д. С. Лихачев отмечает, что «в цикле повестей о Николе Зараском, несомненно, чувствуется древняя, весьма близкая по времени возникновения к изображаемым событиям основа» (ТОДРА, т. VII, стр. 260).

²² Так считает И. И. Срезневский (Сведения... стр. 85), ибо из летописи известно, что епископа рязанского «ублюде бог».

государьми равно». С чисто рыцарским уважением относятся татары к своим храбрым противникам, не переставая «дивиться храбрости и крепости и мужеству рязанскому господству». Из уважения к храбрости Евпатия Батый приказывает отдать его тело оставшейся Евпатиевой дружине и отпустить на волю пленных, не причинив им никакого зла.

Надо, однако, подчеркнуть, что почти все отмеченные моменты религиозного и рыцарского порядка (за исключением, пожалуй, эпизода с Евпатием Коловратом) носят характер искусственной и механической пристройки, нисколько не нарушая и не колебля общей идейной направленности этого замечательного произведения. Выше уже отмечалось, что оно пронизано чувством народного достоинства. Это чувство проявляют и князья, и дружинники, и простые граждане, и пленные. Хотя Юрий Ингорович прилагает все силы, чтобы отвратить страшную беду от Рязанской земли, и направляет послов к Батыю, он, однако, не трепещет перед ханом, не стремится договориться с ним во что бы то ни стало, хотя бы ценой унижения и пресмыкательства. Так же ведет себя в стане Батыя князь Федор Юрьевич, предпочитающий смерть позору. Когда посольство провалилось и Батый в полной мере обнаруживает свое коварство, князья рязанские не боятся вступить в бой с превосходящими силами неприятеля. Юрий Ингорович предпочитает погибнуть, чем быть «в поганой воли».

Все русские люди до конца выполняют свой долг и в плен попадают только изнемогши от «великих ран». Но и они предпочитают пытки и смерть всякому соглашению и примирению с недругом. Удальцы Евпатия, нисколько не стесняясь «сила цзя», с великолепной иронией говорят Батыю, что они посланы его «почтити и честно проводить».

По летописным данным, князь рязанский Олег Игоревич был взят Батыем в плен и вернулся в Рязань спустя 14 лет, сделавшись после Ингвара князем рязанским.²³ Но в Повести он держит себя так же безупречно, как и остальные пленные. Его зверски истязают, разрезают ножом на части, но он не предается «прелести» Батыя и высоко держит знамя своей более высокой культуры, «укоряя» Батыя и «нарекая» его безбожным царем. Так в представлении народа должны были себя держать князья...

Не в пример северо-восточным летописным сводам первых десятилетий татарского ига Повесть о разорении Рязани Батыем подчеркивает вероломство («лесь») татар и подробно описывает ужасы татарского нашествия. Как ни осложнен эпизод с Евпатием Коловратом рыцарскими мотивами, весь он дышит мстостью за опустошение земли, за разорение городов, за гибель людей. Но это не бесплодная месть, которая единственная только остается на долю отчаявшихся людей, месть, за которою следует конечная гибель. Своей гибелью Евпатий Коловрат не ослабляет сил родной земли. Напротив, его подвиг, продиктованный непримиримостью к врагу и чувством мести, наводит страх на татар и служит как бы предостережением о неиссякаемой силе Руси, где и мертвые могут воскреснуть, чтобы биться с недругом. Евпатий Коловрат и его дружинники, «честно проводив» Батыя, как бы заслоняют своими трупами Рязанскую землю и дают возможность вернуться туда князю Ингварю обновить разоренный край, собирать людей и «утешить пришельцев».

Таков смысл этой Повести, где воспевается гнев народа и его великий ратный подвиг, где в противовес пресмыкательству и угодничеству перед завоевателями провозглашается всепобеждающая сила непримиримой ненависти к врагу, не знающей никаких компромиссов.

²³ И. И. Срезневский. Сведения... , стр. 92.

Б. И. ДУБЕНЦОВ

«Повесть о Плаве» и «Летописец княжения Тверского»

«Повесть о Плаве», рассказывающая о перемирии 1406 г. на реке Плаве, — один из немногих памятников, сохранившихся от литературы Тверского княжества. «Повесть о Плаве» дошла до нас только в составе Тверского сборника, где читается под 1408 г.¹ Она не была еще темой специальной работы, и только в статье М. А. Ильина «Тверская литература XV в. как исторический источник» ей был посвящен особый раздел.²

Автор настоящей статьи ограничивает свою задачу рассмотрением вопросов: когда была создана «Повесть» и к какому летописному своду она восходит. Попытка ответить на оба вопроса была предпринята только М. А. Ильиным в указанной статье. По его мнению, «Повесть о Плаве» была составлена по заказу великого князя тверского Бориса Александровича «в первую половину его княжения», именно в 1427—1430 гг. Она восходит к летописному своду Бориса Александровича 1455 г., составляющему основу второй части Тверского сборника, т. е. к так называемому «Летописцу княжения Тверского».³

Мнение о существовании этого «Летописца» в Тверском сборнике было высказано в работах А. А. Шахматова и А. Н. Насонова прежде всего на основании указаний текста 1402 г. данного сборника, содержащего обращение составителя этого текста к Борису Александровичу и заголовок «Предисловие Летописца княжения Тверского». Текст этот был признан обоими исследователями за предисловие «Летописца», составленного по заказу Бориса, а текст, идущий после 1402 г., соответственно за сам Борисов «Летописец», т. е. был определен как текст, однородный с текстом «Предисловия», как принадлежащий руке одного и того же редактора. Отсюда вытекало, что и «Повесть о Плаве» принадлежит к тому же «Летописцу» Бориса.⁴ На этом мнении Шахматова—Насонова и основана датировка «Повести» М. А. Ильина.

В статье «К вопросу о так называемом „Летописце княжения Тверского“»⁵ мы пришли к выводу, что текст Тв. сб. 1399—1402 гг. — это особая редакция «Повести о Михаиле Александровиче». Компилятор второй части Тв. сб. взяв в свой текст из свода Бориса только эту «Повесть», поместив ее среди летописных известий какого-то другого свода, к кото-

¹ Тверской сборник. — ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, столб. 474—477. (Далее: Тв. сб.).

² Труды Историко-архивного института, т. 3, М., 1947, стр. 46—51.

³ Там же, стр. 51, 49.

⁴ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». — Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. Записки Акад. Наук по Историко-филологическому отделению, СПб., 1899, т. IV, № 2, стр. 228.

⁵ ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 118—157.

рому не имеют никакого отношения слова о заказе Бориса, имеющиеся в «Повести». Таким образом, были поставлены под сомнение существование «Летописца княжения Тверскаго» и, поскольку устанавливалось, что текст 1399—1402 г. является позднейшей вставкой, принадлежность «Повести о Плаве» к этому «Летописцу».

В этой статье, однако, не рассматривались те аргументы Шахматова—Насонова в пользу однородности текста 1402 г. с текстом 1403—1455 гг., которые основывались на сопоставлении их между собой. А. Н. Насонов приводит их два: сходство известия 1455 г. с «Предисловием Летописца» и сходство с последним известий 1408 г., т. е. «Повести о Плаве» и прилегающих к ней известий.⁶

Но эти сходства могут говорить об однородности с текстом 1402 г. только известий этих (1408 и 1455) лет, а не всего материала 1403—1455 гг. Прежде чем принять аргументы А. Н. Насонова, надо доказать, что текст 1403—1455 гг. сам по себе однороден, пронизан одними и теми же политическими тенденциями, т. е. не представляет собой позднейшей компиляции из различных летописных сводов. Между тем Я. С. Лурье показал, что это скорее компиляция. Известие 1455 г., содержащее величание Бориса, тождественное с употребляющимися в борисовской «Повести о Михаиле» — тексте 1402 г., бесспорно восходит к своду Бориса. Но указанные Я. С. Лурье известия 1446—1447 гг., противоположные по своей политической тенденции как тексту 1402 г., так и «Слову инок Фомы», враждебные Борису Александровичу, не могли восходить к его своду; не могли восходить к нему и известия 1441 г.⁷ Я. С. Лурье сделал вывод: «При создании остальных (кроме «Повести о Михаиле» Тв. сб., — Б. Д.) частей более поздней редакции летописи (т. е. более поздней, чем редакция 1455 г., — Б. Д.) в основном была использована летопись, не связанная с Борисом; летопись Бориса могла быть привлечена только в отдельных местах».⁸ Этот вывод не был настолько обоснован, чтобы можно было считать его доказанным по отношению ко всему материалу Тв. сб. 1403—1455 гг., но во всяком случае после работы Я. С. Лурье и вышеуказанные аргументы А. Н. Насонова оказались лишними силами как для доказательства однородности текста 1402 г. со всем текстом 1403—1455 гг., так и для доказательства однородности самого текста 1403—1455 гг.

Таким образом, теперь перед нами стоит вопрос только о том, является ли «Повесть о Плаве» третьей (после «Повести о Михаиле» Тв. сб. и известия 1455 г.) вставкой, сделанной компилятором из свода Бориса, или нет.

Аргумент А. А. Шахматова о сходстве выражений в текстах 1402 г. («Предисловие Летописца») и 1408 г. («Повесть о Плаве») Я. С. Лурье пытался поставить под сомнение. Действительно, о каждом из совпадающих выражений в отдельности нельзя сказать, что они «очень редки и встречаются только у одного автора».⁹ Но этот довод бессилен перед тем обстоятельством, что А. А. Шахматов и А. Н. Насонов (дополнивший перечень) указывают на целую сумму совпадений, какая может встретиться только у одного автора.

⁶ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. — Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 745—746.

⁷ Я. С. Лурье. Роль Твери в создании Русского национального государства. — Ученые записки ЛГУ, № 36, 1939, стр. 97—98 (и прим. 1 на стр. 98), 100—101.

⁸ Там же, стр. 98.

⁹ Там же, стр. 97, прим. 1.

Мы вынуждены привести эту аргументацию А. А. Шахматова.

В качестве «ясных доказательств самой тесной связи» между «Предисловием Летописца княжения Тферскаго» и самим этим «Летописцем» А. А. Шахматов приводит следующие «обращения к неизвестному читателю или заказчику, аналогичные с обращениями, встречающимися в „Предисловии“: Да зри от сих, освященная главо, како ти всегубительнаго волка сотоны проириштво...» (Тв. сб., 477, в повести о Плаве); «Довлеет же zde о сем написати, отче боголюбивый Варламе» (там же, 476, в той же повести); ср. в предисловии: «честная главо», а в предисловии к Житию, сохранившемся в Новгород. 4-й летописи. «освященнаго верха». Так, мы встречаем здесь фразы, явно обличающие общего автора или редактора повестей, касающихся Ивана Михайловича и тех отрывков, где говорится о Михаиле Александровиче; в повести о Плаве читаем: «ибо межи самими христовыми человеки неприазненныя гордостныя мрежа сокровене пропинает... да в тайных сетий его углубших от него порадоватися зело хочет, яко же и...» (Тв. сб., 477); в отрывке, восходящем к Житию Михаила: «иногда же межи теми самими христовыми человеки братоненавидство и неприаственныя мрежа пропиная, да в них углубшая от сих порадоватися хотеше (вм. хочет) зело, яко...» (Тв. сб., 468). И тут и там встречаем выражение «Тверстии сынове» (Тв. сб., 476 и 468).¹⁰

Таким образом, налицо сходство двух видов: сходные обращения и сходные фразы о злоумышлениях сатаны, «пропинающего братоненавидство и мрежи межи христианы».

Но фактически речь здесь идет о сходстве всех указанных выражений «Повести о Плаве» не с одним, а с двумя разными произведениями: с «Повестью о Михаиле» Тв. сб., заказанной Борисом, и предисловием к «Повести о Михаиле» Н4Л, заказанным епископом. С которым же из двух однороден текст «Повести о Плаве»?

Одно из сходных обращений («освященный верх» — «освященная главо»), как указывает сам А. А. Шахматов (см. первое подчеркнутое нами место в его аргументации), сходно именно с предисловием Н4Л. А что касается других, то он же говорит, что в «Предисловии Летописца» «обращения к Борису Александровичу „твое боголюбие“, „честная главо“ заимствованы из предисловия к Житию, где они относились к епископу».¹¹ Наконец, фраза о злоумышлениях сатаны, как считал опять-таки сам же А. А. Шахматов (см. второе подчеркнутое место в его аргументации), находится в «Предисловии Летописца» «в отрывке, восходящем к Житию Михаила», т. е. к житию, которое составлено, по мнению А. А. Шахматова, «в начале XV в. по распоряжению епископа Арсения» и к которому относится и предисловие, сохранившееся в Н4Л, где зашифровано имя Арсения.¹²

Сопоставление предисловия из Н4Л, которое, как прямо в нем сказано, писалось для «Повести о житии и преставлении Михаила», с предисловием борисовской «Повести о Михаиле», сделанное в упомянутой моей статье «К вопросу... о Летописце...», показало, что первое — это только

¹⁰ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 221. (Разрядка моя, — Б. Д.). М. А. Ильин (Тверская литература..., стр. 49—50) повторил эту аргументацию, в отличие от А. Н. Насонова, без ссылки на А. А. Шахматова. При этом М. А. Ильин справедливо заметил, что эти обращения не могли относиться к великому князю Ивану, так как о нем в «Повести» говорится в третьем лице, и что в то же время они могли относиться только к лицу, очень высоко стоящему. Но он упустил из виду, что соответственно самой форме обращений они могли относиться только к высоко стоящему духовному лицу.

¹¹ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 220, прим. 1.

¹² Там же, стр. 220, 219.

начало предисловия первичной арсениевской «Повести о житии и преставлении Михаила», а второе является переработкой того же первичного предисловия, сохранившей его конец и сделанной непосредственно по тексту арсениевской «Повести».¹³ В то же время сопоставление имеющихся текстов «Повести о Михаиле» показывает, что редакции «Повести о житии и преставлении Михаила» Никоновской летописи и Тв. сб., а также и пространная «Повесть о преставлении Михаила» Симеоновской—Рогожского летописца каждая в отдельности восходят к одной первичной «Повести о житии и преставлении Михаила», сделаны на ее основе, хотя борисовская «Повесть» наиболее радикально ее переработала. Текст этой первичной повести, вероятнее всего, сохранился в Лицевом своде эпохи Грозного.¹⁴

Текст «Повести о Михаиле» Лицевого свода подтверждает правильность сделанной А. А. Шахматовым в 1899 г. расшифровки тайнописи.¹⁵ Ни в каких вариантах «Повести» нет ни малейших следов упоминаний об Антонию, тогда как в вариантах «Повести» Лицевого свода эпохи Грозного и Никоновской летописи (очень близких друг к другу), а также в варианте Симеоновской—Рогожского летописца епископ Арсений едва ли не заслоняет собой и самого Михаила. Его слушается Михаил, с ним одним совещается, даже тайно от жены и сыновей; ему одному поверяет Михаил заветную мечту всей своей жизни (о пострижении), только он наряду с Михаилом произносит в «Повести» пространные речи, он объявляет завещательную волю Михаила народу, он постригает, а затем и отпускает его и т. д. Дело здесь не только в епископском сане Арсения. Обо всем этом рассказано так подробно, что в XVIII в. на основе «Повести о Михаиле» Лицевого свода было скомпилировано пространное житие Арсения (список его имеется в ГБЛ). Следовательно, была «Повесть», заказанная Арсением, но не было «Повести», заказанной Антонием.

Из трех имеющихся «Повестей о житии и преставлении Михаила» только находящаяся в Лицевом своде может быть той, для которой предназначалось предисловие, в котором зашифровано имя Арсения, ибо в «Повести» Тв. сб. роль Арсения уменьшена, а в «Повести» Никоновской летописи содержится прямое выступление против Ивана Михайловича (сообщение о завещании княжения не ему, а Василию). Последняя не могла быть заказана Арсением, так как данных о каком-либо открытом конфликте его с Иваном нет, а такое выступление могло быть заказано только тем, кто вел против Ивана вооруженную борьбу.¹⁶

Следовательно, из наблюдений А. А. Шахматова должен быть сделан вывод не о принадлежности «Повести о Плаве» к своду Бориса, а о том, что «Повесть о Плаве» была написана тем же лицом, которое написало по заказу Арсения первичную редакцию «Повести о преставлении и житии Михаила», имевшую первоначально и свое предисловие. Сходства с последним борисовской «Повести о Михаиле» — это только след того, что она восходит к арсениевской «Повести о Михаиле» как к своему источнику.

Однако возникает затруднение: в тексте арсениевской «Повести о Михаиле» (т. е. ни в Лицевом своде, ни в реконструируемом предисловии этой

¹³ ТОДРА, т. XIII, стр. 129—135.

¹⁴ В настоящей статье мы вынуждены привести только данный основной результат этого сопоставления.

¹⁵ Впоследствии А. А. Шахматов отказался от этой расшифровки и выдвинул имя Антония, преемника Арсения, в качестве заказчика жития Михаила (Общерусские летописные своды XIV и XV веков. — ЖМНП, 1900, № 9, стр. 175 и прим. 1 к ней).

¹⁶ Таким образом, арсениевская «Повесть о житии и преставлении Михаила» Александровича реконструируется из предисловия Н4Л, третьей части предисловия борисовской «Повести» и всего текста «Повести» Лицевого свода.

«Повести», ни вообще в каком-либо другом варианте «Повести о Михаиле»), вопреки предположению А. А. Шахматова, нет фразы о злоумышлениях дьявола. Как же она попала в борисовскую «Повесть о Михаиле»? Кроме того, надо еще убедиться, писал ли составитель арсениевской «Повести о Михаиле» и «Повесть о Плаве» по заказу того же Арсения или уже для другого заказчика?

Интересующая нас фраза читается в «Повести о Плаве» в следующем виде и контексте: «Да зри от сих...¹⁷ каково есть всегубительнаго волкасотоны проирство, иже не почивает, Христово стадо словесных овец сважуя и многими казнями пленяя: овогда нашествие иноплеменник наводя на ня, да пролиет кровь и порадуется; овогда же неприязненные гордостныя мрежа сокровене пропинает той вселукавый боритель межи самыми Христовыми человеки и, потонку высокоумием обуздывая, водит я. Аще господь не заступит и не откроет лукавую волю его, заступает же мысленне им очи, еже не зрети разумне, да в тайных сетех его углубших от него порадоватися зело хошет, яко же и zde от назнаменанныя вещи показася».¹⁸ Последние слова показывают, что, изъяснив, какими средствами сатана пленяет «словесных овец христовых» (либо наводит на них иноплеменников, либо обуревает их высокоумием и гордостью, сея тем раздор между ними), автор ссылается на какие-то конкретные примеры подобных действий сатаны.

Действительно, далее (уже за пределами текста «Повести о Плаве») идут примеры нашествий Литвы, а затем немцев, при которых «за грехы наша, мнози падоша пред иноплеменники».¹⁹ Тождество авторства процитированной фразы и следующего за ней текста выступает, таким образом, ясно: и по манере выражений, и по ходу мысли. Приводит автор примеры и второго рода действий сатаны, говоря сначала (еще в тексте «Повести») о высокоумии московских князей, затем (уже вне текста «Повести») приводя следующий пример: «В дни же сия князь Юрий Всеволодичь бе на Москве уже третье лето, его же извадиша злии человеци от предела его. Князь великий Иван многожды посылаше, сице рече: „И не отлучайся, брате, дому святого Спаса — своего отчества, но понди живи на предели отца своего, а злых человек не слушай; аще ли ти кая обида есть, да се о нас епископ Арсений...“. Он же внимаше, но злии человеци на горшая обратиша и, и повадиша с Москвы в Орду... Иван Михайлович, видев мира христианского злыми человеки возмущаема»²⁰ и т. д. Настойчиво проводится та же мысль интересующей нас фразы: злые люди, орудие сатаны, возбуждают высокоумие и гордость в князьях и так сеют раздор в христианском мире. Несомненно одна и та же рука писала текст «Повести о Плаве» и следующих за ней известий 1408 г., включая замечание: что «бог... милует род христианьский: человеколюбне знамение являет и прещаше, да възвратимся кождо от злобь своих»,²¹ и далее до известия о ростовском пожаре.²² Во всяком случае объяснением, как бог отвечает

¹⁷ Здесь опускаем обращение (см. прим. 26).

¹⁸ Толстовский список Тв. сб. — ГПБ, F.IV.214, л. 400 об. Ср. Тв. сб., стлб. 477.

¹⁹ Тв. сб., стлб. 477—478.

²⁰ Тв. сб., стлб. 478.

²¹ Тв. сб., стлб. 479.

²² На стлб. 480 читаем: «Сиа убо о знаменни грехом идеже поуще, пререченным последуем». Это не компиляторская связка, ибо такие возвраты назад свойственны манере данного автора (ср. стлб. 477), и возобновление рассказа о происках Юрия начинается точно с того места, на котором он кончается до эпизода о божьих знамениях. Именно здесь мы имеем окончание рассказа о том, как замысел сатаны внести раздор в семью тверских князей и высокоумие Юрия потерпели крах. Далее же в рассказе «О побойщи рязанском» (стлб. 480—481) находим продолжение другой темы «Повести

на козни сатаны, дополняется тема, начатая во фразе о злоумышлениях сатаны.²³

А. Н. Насонов продолжил шахматовский перечень сходств с текстом 1402 г. и на текст известий 1408 г., следующих за «Повестью о Плаве» (все указанные им места приходятся между окончанием текста «Повести» и словами о значении знамений божьих).²⁴ Для нас эти места — свидетельство того, что и после «Повести о Плаве» мы имеем дело в Тв. сб. с той же авторской манерой, в которой написана и она сама.

Итак, известия 1408 г. (Тв. сб., стлб. 477—481) взяты из того же свода, в котором находилась «Повесть о Плаве» до того, как она попала в Тв. сб.

В то же время мы видим, что в известиях 1408 г. выступает епископ Арсений в качестве лица, авторитетного для всех тверских князей и для самого великого князя тверского Ивана, не слушаются Арсения, оказывается, только по наущению дьявола. Для такого отношения к Арсению характерно и то, что в конце рассматриваемого эпизода, когда речь идет о возвращении Ивана из Орды, автор не забывает упомянуть, что его встречали «епископ, весь собор и людие всего града»²⁵ (формула, часто употребляющаяся в арсениевской «Повести о Михаиле»), хотя приходы великих князей из Орды отмечаются обычно без таких упоминаний (сообщается только о том, с чем князь пришел из Орды).

Теперь можно понять, откуда и как попала в борисовскую редакцию «Повести о Михаиле» фраза о злоумышлениях дьявола. Ее не было в арсениевской «Повести о Михаиле», но она была в летописном своде Арсения, именно во входившей в его состав, заказанной Арсением же «Повести о Плаве». Составитель «Повести о Михаиле», заказанной Борисом, использовал при ее составлении «Повесть о Михаиле» начала XV в., заказанную о Плаве» (связанной с темой о кознях сатаны: «старцы» — это как раз те, которые «зрят разумне»): «старцы же се не похвалиша... се бо здумаша бояри юнии» (стлб. 480; ср.: «Повесть о Плаве», стлб. 475). Отношение к татарской помощи и здесь то же, что в «Повести».

²³ Что известия 1408 г. представляют собой раскрытие тезиса, высказанного во фразе о злоумышлениях сатаны, видно и по тексту этой фразы изданного Погодинского списка Тв. сб., так как и в нем налицо те два способа действий сатаны, которые далее разъясняются. Однако эта фраза лучше сохранилась в Толстовском списке, поэтому мы и цитируем ее по нему. В Забелинском списке (ГИМ, Музейское собр., № 288-6, лл. 193 об—194; далее: Заб. сп.) и в восходящем к нему Погодинском, представляющем иной извод Тв. сб., нежели Толстовский список, эта фраза изменена и частично обесмыслена позднейшим переписчиком. Это подтверждается тем, что здесь нарушено логическое и грамматическое строение фразы и смысл ее менее соответствует остальному тексту «Повести о Плаве». Писец Забелинского списка (или его протографа по изводу) отнесся к рассматриваемой фразе не как к тезису, который далее развивается и раскрывается, а как к богословскому отступлению автора, как к самостоятельной картине действий сатаны. Он и привел фразу в соответствие со своим взглядом на ее роль: прибавил совершенно некстати в качестве еще одного возможного способа воздействия сатаны на людей «любовные сети»; добавлением слов «о несбывшейся воле его» придал, погрешив этим против первичной логичности фразы, последовательность применению сатаной его соблазнов; наконец, прибавил устрашающую наглядность всей картине: «виж лукавый тряет». Получилось, что есть три способа действий сатаны, а спасение есть только от одного (любовных сетей). Грамматическое строение фразы нарушилось и стало непоследовательным: «ово... аще ли... а ина...» вместо первичного «овогда... овогда...». Понятно поэтому, что фраза Забелинского и Погодинского списков менее соответствует и тексту известий 1408 г. Но это нужно относить за счет изменений, сделанных в ней писцом, положившим начало изводу, имеющемуся в Забелинском и Погодинском списках. Таким образом, ни различие интересующей нас фразы в списках Тв. сб., ни меньшее соответствие ее в двух списках дальнейшему тексту не могут служить поводом для сомнений в однородности текста «Повести о Плаве» с последующими известиями.

²⁴ А. Н. Насонов. Летописные памятники..., стр. 745.

²⁵ Тв. сб., стлб. 479.

Арсением, вместе с ее предисловием, переадресовав в последнем обращении к Арсению на имя Бориса.²⁶ Однако источником борисовской «Повести о Михаиле» была не отдельная арсениевская «Повесть о Михаиле», а летописный свод Арсения, в который входили и эта «Повесть о Михаиле» и «Повесть о Плаве». Наличие в «Повести», заказанной Борисом, фразы о злоумышлениях дьявола (измененной и примененной в совсем другой связи) — это результат чтения ее составителем всего свода Арсения.

Итак, «Повесть о Плаве» восходит к своду епископа Арсения, окончательное редактирование которого было сделано уже после смерти Арсения, не ранее 1409 г. и не позднее 1413 г.²⁷ Писаться же летописная «Повесть о Плаве» могла не ранее 1408 г., поскольку последние события, упоминаемые в известиях, объединенных общей мыслью с «Повестью о Плаве», приходится на январь и весну 1408 г.²⁸ и не позднее 1409 г., поскольку в «Повести» составитель обращается к Арсению как к живому: «да зри от сих» и т. п., а умер он 2 марта 1409 г.

Этот вывод подтверждает указание Я. С. Лурье о компилятивности второй части Тв. сб. Ее компилятор под 1402 г. внес «Повесть о Михаиле» из свода Бориса Александровича, известия 1408 г. он взял вместе с «Повестью о Плаве» прямо из свода Арсения. И так появилась в Тв. сб. во второй раз фраза о злоумышлениях дьявола, но уже в своем первоначальном виде и контексте. Известия 1441 г. и 1446—1447 гг., о которых шла речь у Я. С. Лурье, составитель взял из какого-то третьего тверского свода, враждебного Борису. Все эти памятники и известия брались им не через посредство «Летописца княжения Тферскаго», а непосредственно из этих сводов. Только компилятору второй части Тв. сб., работавшему, согласно выводу А. Н. Насонова, уже в самом конце XV в., могли быть безразличны те разнообразные политические тенденции, которые отличали друг от друга эти своды и которые были гораздо важнее для человека середины XV в. (например, отношение к самому Борису Александровичу).²⁹

²⁶ Имя Арсения было здесь заменено на имя заказчика новой редакции «Повести о Михаиле». Аналогичное явление наблюдаем и с «Повестью о Плаве». В изводе Тв. сб. Забелинского и Погодинского списков читаем вместо имени Арсения имя Варлаама, очевидно, заказывавшего тот список Тв. сб., при списании которого и возник этот извод. Забелинский список сохранил след обращения к Арсению больший, нежели более поздний, Погодинский список: «отне отче» (Заб. сп., л. 193). Это тот же «отче отцем» Предисловия арсениевской «Повести о Михаиле» из Н4Л. Варлаам, очевидно, не имел никакого отношения ни к «Повести о Плаве», ни к истории Тв. сб. до момента разделения его списков на два извода, так как его имени нет в Толстовском списке. Составитель того извода Тв. сб., к которому относится Толстовский список, заменил имя Арсения иначе: «Да зри от сих кождо православный христианине», а также: «ты же зри, христоименный народе» вместо «о боголюбивая главо» (Толстовский список, л. 400 об). Разнообразие замен имени Арсения при сохранении одних и тех же следов обращения именно к епископу в двух разных памятниках может только подтверждать истинную принадлежность их к одному своду Арсения.

²⁷ А. А. Шахматов считал, что свод Арсения был составлен в 1409—1410 гг. (Разбор. . . , стр. 215). А. Н. Насонов полагает, что он кончался 1409 г., но «получил окончательную редакцию после его (Арсения, — Б. Д.) смерти» (Летописные памятники. . . , стр. 762, см. также стр. 756—757, 760—762). М. Д. Приселков относил окончательное редактирование свода к 1413 г. и считал, что он кончался 1412 г. (История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 114—115, 141).

²⁸ Прибытие Юрия из Орды с требованием Кашина и 10 волостей В. С. Борзакowskiй на основании сопоставления Тв. сб. с Никоновской летописью относит к январю 1408 г. (История Тверского княжества, СПб., 1876, стр. 267). Битву пронского князя с рязанским А. Е. Пресняков на том же основании относит к июню 1408 г. (Образование Великорусского государства. Пгр., 1918, стр. 249—250).

²⁹ Остается нерассмотренным только один аргумент в пользу существования «Летописца княжения Тферскаго» из пяти выдвинутых А. Н. Насоновым (ср. ИОРЛ, т. XIII, стр. 157).

А. В. СОЛОВЬЕВ

Автор «Задонщины» и его политические идеи

В 1948 г. мы напечатали статью о политическом кругозоре автора «Слова о полку Игореве»,¹ затем Д. С. Лихачев дал более подробное исследование на ту же тему.² Недавно Л. А. Дмитриев произвел анализ политических идей «Сказания о Мамаевом побоище»,³ но не затронул связи этого «Сказания» с более ранним произведением — «Задонщиной» старца Софония, которая является соединительным звеном между «Словом о полку Игореве» и этим «Сказанием».

В. П. Адрианова-Перетц много сделала для изучения текста и значения «Задонщины»,⁴ поэтому мы с особой радостью посвящаем ей данную статью.

К сожалению, если изучение «Слова о полку Игореве» затруднено тем, что оно известно лишь по одной, давно исчезнувшей рукописи, изучение «Задонщины» еще труднее, ибо мы имеем дело с несколькими поздними рукописями, испорченными при переписке и значительно разнящимися в целом ряде эпизодов и выражений. Кроме того, фраза «аз же помяну резанца Софония» (списки И₁ — ГИМа, У — Ундольского, и С — Синодальный) ясно указывает на то, что некий редактор дополнил первоначальный текст: сам автор не мог так упомянуть себя. Поэтому встает вопрос о том, принадлежали ли вступление и заключение автору; ни С. К. Шамбинаго, ни А. А. Шахматов, ни В. Ф. Ржиги, ни В. П. Адрианова-Перетц не могли решить его с полной уверенностью.

Одно несомненно: первоначальным автором «Задонщины» был иерей Софоний Рязанец; об этом согласно говорят три заглавия ее: «Писание Софония старца Рязанца» (Б — Белозерский), «А се писание Софония Рязанца, брянского боярина» (Тверская летопись под 6888 г.), «Сказание Сафона Рязанца» (С), два указанных упоминания в тексте И₁ и У и позднейшие ссылки в текстах «Сказания», например «Сие убо списание изложение Софония иерея Рязанца» в рукописях Рум. 378 и 3123 и Увар. 492.⁵

¹ А. В. Соловьев. Политический кругозор автора Слова о полку Игореве. — ИЗ, № 25. [М.], 1948, стр. 71—103.

² Д. С. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора Слова о полку Игореве. — «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., 1950, стр. 5—52.

³ Л. А. Дмитриев. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 140—155.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. 1) «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина». — Радянське літературознавство, Київ, 1947, № 7—8, стр. 135—186 (мне недоступно); 2) Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 194—224; 3) Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 201—255.

⁵ Отметил уже С. К. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 114—115; ср.: В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания, стр. 194.

Итак, Софоний⁶ был несомненно священником, может быть иеромонахом-«старцем», жившим в Рязани. Однако прозвище «Рязанец» не указывает на его происхождение: древнейшее упоминание о нем, в Тверской летописи, ясно называет его еще «брянским боярином». Уже С. К. Шамбинаго правильно заметил: «Он мог стать священником после того, как был боярин. Родом с юга, он легко мог принести с собой в Рязань рукопись Слова о полку Игореве, а может быть и целую библиотеку, так как видно, что он был человеком книжным, а судя по его Слову — и не без таланта».⁷

В связи с этим следует напомнить роль Брянска в XIII и XIV вв. Татарское нашествие 1238—1240 гг. разорило Черниговщину, смело с лица земли города Сновск, Хоробр, Орогощь, от которых не осталось следа. Значение Брянска, очевидно уцелевшего в своей дебри, вырастает. В него переходят постепенно великие князья черниговские. Так, сын Михаила Черниговского, Роман, назван в 1262 г. «князем брянским» а в 1288 г. — «князем дебрянским». В это время и в первой половине XIV в. ничего не слышно о Чернигове, очевидно запустевшем, а упоминается лишь Брянск, ставший центром великого княжения. По соседству с ним, на верхней Оке, потомки черниговских князей создают ряд мелких «верховских» княжеств — в Карачеве и Звенигороде, в Козельске и Перемышле, в Новосили, Одоеве, Оболенске и Воротынске. Процесс переселения с юга в эти области и дальше на север не прекращается. Мы знаем, что в 1299 г. митрополит Максим окончательно покинул разоренный Киев и перенес свой стол во Владимир-на-Клязьме: киевский боярин Родион Нестерович со своим двором в 1700 человек перешел в Москву, черниговский боярин Бяконг пришел тоже в Москву и стал отцом митрополита Алексея и родоначальником Плещеевых; из Чернигова же выехал в Тверь боярин Борис Федорович Половой. В Брянске мы видим в XIV в. князей, но рядом с ними и сильное вече, народные восстания (в 1340 и 1356 гг.), что предполагает наличие крупного городского населения.⁸ Если Брянск был сравнительно безопасен от татар, ему стал угрожать с запада новый враг — языческая Литва. Еще в 1263 г. князь Роман Михайлович еле отстоял Брянск от Миндовга. При Ольгерде, в 1356 г., литовцы подходили под Брянск и Смоленск. Князь смоленский пришел из Орды с ярлыком на Брянск, но скоро умер. «Был в Брянск мятеж от лихих людей, смута великая и опустение города, после чего стал владеть Брянском великий князь литовский».⁹ Очевидно, город опустел, ибо «лучшие люди», боясь «лихих людей» и не желая служить литовцам, уехали на север. Тогда именно брянский боярин Софоний

⁶ Мы знаем, что календарное имя (3-го декабря) одного из библейских «малых пророков» — Софония. Но во всех указанных текстах имя нашего автора дается в форме мужского рода — Софоний. Мы предпочитаем держаться этой обрусевшей формы. Кроме того, в записи митрополита Феогноста о поставлении в 1330 г. епископа в Суздаль назван сарайский епископ Софоний (Σοφώνιου, род. пад. от, Σοφώνιος). Итак, и греки в это время предпочитали форму с окончанием мужского рода (В. Г. Васильевский. Записи о поставлении русских епископов при митр. Феогносте в Ватиканском греческом сборнике. — ЖМНП, 1888, № 1, стр. 452).

⁷ С. К. Шамбинаго. Повести..., стр. 133.

⁸ В Брянск переселяются и епископы из разоренного Чернигова, сохраняя титул черниговских. Так, в 1335 г. митрополит Феогност рукоположил епископа Иоанна в крепость (κάστρον) Чернигов, но в той же записи сказано, что Иоанн избран епископом города (πόλις) Брянска. Очевидно, Чернигов оставался лишь пограничным укреплением (В. Г. Васильевский. Записи..., стр. 452). В 1361 г. грамота царградского патриарха упоминает епархию Брянска, а не Чернигова (Miklosich-Müller, Acta Graeca, I, 428).

⁹ С. М. Соловьев. История России, т. III. Изд. «Общественная польза», стр. 331.

мог уехать, увезя с собой список «Слова о полку Игореве», хранивший чернигово-северскую традицию, а вероятно, и летопись киевско-черниговского извода. Как человек книжный и пожилой, он стал в Рязани священником в 1360-х годах. К 1380 г. он был уже «старцем». Тогда же покинули Брянск и другие бояре, среди них братья Пересвет и Ослябя.¹⁰ Разочаровавшись в воинской службе, они оба стали монахами у Сергея Радонежского, но в решительный час вспомнили свою доблесть и вышли на Куликово поле.

В Брянске Ольгерд посадил одного из своих сыновей, но в 1375 г. великому князю Дмитрию служат князья Брянский, Новосильский, Оболенский и Торусский.¹¹ Возможно, что этот князь Роман Михайлович Брянский — потомок Михаила Черниговского, покинувший Брянск из-за притязаний смоленского князя и перешедший на службу Москве.

В 1378 г. старший сын Ольгерда, Андрей, покинув свой удел в Полоцке, сел во Пскове и перешел тоже на службу Москве. В 1379 г. он вместе с другим литовским князем Дмитрием Боброком-Волыньским (женившимся на сестре Дмитрия Донского) взял Трубчевск и Стародуб у Литвы, и сидевший в Трубчевске брат его, Дмитрий Ольгердович, вышел из города с семьей и боярами, поехал в Москву и получил в кормление Переяславль.¹² Этот переход трех литовских православных князей на службу Москве был крупным успехом, открывал в эти годы, когда после смерти Ольгерда (в 1377 г.) в языческой Литве начались смуты, надежды на широкое «собрание Русской земли».¹³ От обороны против литовцев Москва переходила к наступлению, но ей мешала татарская опасность и опасность союза «поганых» — Литвы и татар.

Куликовская битва своим подвигом отвратила гибельную опасность союза «нечестивого» Ягайла и мусульманина Мамая. Она открыла новые возможности, надежды на присоединение Киева, Смоленска, тем более что в Литве Ягайло враждовал со своим дядей Кейстутом. Но она обескровила Русскую землю, и 26 августа 1382 г. новое нашествие Тохтамыша испепелило Москву, взятую хитростью. Наконец, крещение Ягайла в католичество, польско-литовская уния 1385 г. вдвое усилили силы Литвы, опять начавшей при могучем Витовте наступление на Смоленск, Псков, Новгород и Москву.¹⁴ Надежды на широкое «собрание Русской земли» исчезают в Москве на целый век, до Ивана III. Остается лишь обороняться от Литвы и медленно уничтожать северо-восточные уделы.

В связи с этой политической обстановкой встает вопрос о датировке «Задонщины». Этот вопрос неясен. Сложные и часто противоречивые гипотезы С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматова не могли его разрешить.¹⁵

¹⁰ Имя Пересвет южное: в XVI в. в Киевской земле известны были бояре Пересвет-Солтан, ставшие позднее польскими графами. Имя Ослябя (род. Ослябяти) загадочно.

¹¹ ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 22.

¹² ПСРЛ, т. VIII, стр. 34.

¹³ Перешел еще четвертый князь, Ольгердов внук Остей, которому в 1382 г. была поручена защита Москвы от татар (ПСРЛ, т. VIII, стр. 43).

¹⁴ Даже князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи и Дмитрий Волынский вернулись в Литву и сложили свои буйные головы в несчастной битве на Ворскле в 1399 г. на службе у Витовта.

¹⁵ С. К. Шамбинаго считал, что в основе «Задонщины» лежали два источника: 1) летописное сказание 1380—1381 гг. и 2) устные сказания (Повести..., стр. 132); А. А. Шахматов гипотетически указал три: 1) первоначальную редакцию летописного сказания, 2) официальное донесение о победе Дмитрия Ивановича и 3) некое «Слово о Мамаевом побоище» (Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». — Отчет о XII присуждении премий митр. Макария. СПб., 1910, стр. 95).

В. П. Адрианова-Перетц осторожно говорит о «конце XIV века»,¹⁶ Н. К. Гудзий тоже: «Возникновение Задонщины следует отнести к концу XIV века»,¹⁷ но в хрестоматии говорит иначе: «Повесть сложилась в конце XIV или в начале XV века на основе летописного сказания, устных преданий, произведений народного поэтического творчества и под сильнейшим воздействием «Слова о полку Игореве».¹⁸ Однако недавно М. Н. Тихомиров уточнил датировку. Упоминание в перечне городов, куда «шибла слава» о Куликовской битве, Тырнова («ко Торнову»), завоеванного турками в 1393 г., показывает, что «первоначальный текст Задонщины» составлен был не позднее этого года, а вычисленную в «Задонщине» цифру от битвы на Калке до Куликовской «160 лет» считает возможным рассматривать не как ошибку (160 лет вместо 156), а как «определенное датирующее указание на время составления памятника, относящееся к 1384 году».¹⁹

Второе соображение кажется нам шатким: во всех списках «Задонщины» ясно сказано: «от Калатъския рати до Мамаева побоища» (И, У, С, даже в неполном Б). Ясно, что автор имеет в виду время от битвы на Калке до Куликовской, а не до написания своей «похвалы». Он лишь слегка закруглил цифру, поставив 160 лет вместо 157. Но первое соображение весьма убедительно: в ряду крупных христианских городов стоят Рим, Кафа, Тырнов и Царьград. Взятый и разоренный турками Тырнов не мог быть назван после 1393 г.

Нам кажется, что «Задонщина» была написана непосредственно после Куликовской битвы, когда авторитет Дмитрия Донского особенно возрос и когда у него появились планы объединения всей Руси, даже литовской.

Следует отметить, что польский историк Матвей Стрыйковский, напечатавший в 1582 г. свою Хронику, утверждает, что после Куликовской битвы «великий князь Дмитрий Московский, вознесенны умысли такжеже под Литвою язычники Витепского, Киевского и Полоцкого доходити княжений и посла к великому князю Ольгерду Литовскому великие послы» с объявлением войны и угрозой войти в Вильну, но что Ольгерд предупредил его и дошел до Москвы.²⁰ Весь рассказ полон сказочных подробностей и неточен: Ольгерд умер за три года до Куликовской битвы. Но знаменательно то, что в литовских преданиях XV—XVI вв. сохранялось твердое убеждение в том, что Дмитрий Донской после Куликовской победы требовал от Литвы Витебского, Полоцкого и даже Киевского княжеств, а это вполне правдоподобно.

Что у Дмитрия Донского была сознательная программа объединения Русской земли, это прекрасно выяснил Л. В. Черепнин на основании анализа известных и найденных им неизвестных документов.²¹ Автор справедливо подчеркнул большое значение московско-тверской докончальной грамоты 1375 г. «Ее смысл не только в закреплении победы

¹⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Опыт реконструкции авторского текста, стр. 218.

¹⁷ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6. М., 1956, стр. 221.

¹⁸ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе, изд. 6. М., 1955, стр. 171.

¹⁹ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва (XII—XV вв.). Изд. МГУ, М., 1947, стр. 203.

²⁰ Цитируем по русскому рукописному переводу XVII в., приведенному М. М. Щербатовым в его «Истории Российской» (т. IV, ч. 1, СПб., 1781, стр. 38, примечание).

²¹ Л. В. Черепнин. Договорные и духовные грамоты Дмитрия Донского как источник для изучения политической истории великого княжества Московского. — ИЗ, № 24. [М.], 1947, стр. 225—266.

Москвы над Тверью, но и в признании московского князя руководителем общерусской политики».²² Данные доселе неизвестной описи 1626 г.²³ позволяют Л. В. Черепнину утверждать, что великий князь Дмитрий Иванович стремился использовать борьбу между сыновьями Ольгерда в конце 1370-х годов. «Сторонником подобного сближения с литовскими князьями и организации при их помощи борьбы с татарами являлся серпуховский князь Владимир Андреевич, литовские связи которого поддерживались через его жену Елену Ольгердовну». Опись 1626 г. отмечает «грамоту докончальную вел. князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, с вел. князем Ондреем Ольгердовичем да (ответную) грамоту докончальную вел. князя Ондreja Ольгердовича с вел. князем Владимиром Ондреевичем, а князь Владимир кончал за брата своего за князя Дмитрия Ивановича».²⁴ Очевидно, это была грамота о подчинении Андрея Ольгердовича великому князю всея Руси, и Владимир Андреевич при этом играет активную роль, заключая договор от имени своего сюзерена, «старшего брата». Еще значительнее следующие данные той же описи 1626 г. Во-первых, «грамота великого князя Дмитрия Ивановича и великие княгини Ульяны Ольгердовны, докончанье о женитьбе великого князя Ягайла Олгердова, жениться ему у вел. князя Дмитрия Ивановича на дочери, а вел. князю Дмитрею Ивановичю дочь свою за него дати, а ему, вел. князю Ягайлу, быти в их воле и креститися в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди» Итак, Ягайло должен был стать зятем Дмитрия и «быть в их воле», т. е. становился в подчиненное положение своему тестю.²⁵

Этот доселе неизвестный документ показывает, что у Дмитрия Донского был план осторожного, постепенного подчинения недавно только захваченных Литвой русских областей путем договоров о вассалитете. Об этом говорит и запись: «докончальная грамота в. кн. Дмитрия Ивановича и брата его, князя Володимера Ондреевича, с вел. кн. Ягайлом и з братью его, и со князем Скиргайлом и со князем Карибутом; и против того другая грамота вел. князя Ягайла и брата его Скиргайла и Карибута, как они докончали и целовали крест вел. князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Володимеру Ондреевичю и их детям лета 6992». Итак, в 1384 г. состоялся договор Дмитрия с Ягайлом, причем надо заметить, что договор этот не равноправный: ничего не сказано о том, что великий князь Дмитрий целует крест Ягайлу, между тем Ягайло и его братья целуют крест великому князю, брату его Владимиру и их детям. Эти выражения дают возможность понять, что утраченный договор говорил о вассальной наследственной зависимости литовских князей от московских великих князей. Это совпадает со словами «быть в их воле» в предыдущем договоре, вероятно заключенном в том же 1384 г. или несколько раньше.

Все эти дипломатические планы были сорваны женитьбой Ягайла на Ядвиге: честолюбивый Ягайло не постеснялся теперь подчинить Литву и Русь польской короне, ибо он сам становился польским королем.²⁶ Только

²² Там же, стр. 262.

²³ Эта опись, использованная Л. В. Черепниным, указывает, на основании ранней описи 1480-х годов, целый ряд документов, взятых и уничтоженных польскими захватчиками в 1610—1612 гг.

²⁴ Л. В. Черепнин. Договорные и духовные грамоты..., стр. 248.

²⁵ В этом сближении участвовала Ольгердова вдова, Юлиания Тверская; следует напомнить, что ее сестра Мария, вдова Симеона Гордого, жила в Москве до самой своей смерти в 1392 г., а брат ее, великий князь Михаил Тверской, с 1375 г. согласился на подчинение Москве.

²⁶ По Кревскому договору 1385 г. Ягайло обещал «*terras suas Litvaniae et Russiae sociatae regni Poloniae applicare*». Видно, что он не особенно дорожил независимостью Литвы и так же легко мог подчинить ее в 1384 г. Москве.

оппозиция Витовта и литовских панов сохранила самостоятельность Литвы, закрепленную актами уний 1400 г. в Вильне и 1413 г. в Городле. Пользуясь поддержкой польских рыцарей, Витовт опять переходит в наступление, подчиняя Смоленск в 1404 г. Слабый наследник Дмитрия, Василий I, женившись на дочери Витовта, находится под влиянием своего сильного тестя. План Дмитрия Донского об освобождении западнорусских земель и возможном подчинении себе Литвы сорван надолго, и лишь Иван III возвращается к нему, почувствовав свою силу после свержения татарского ига.

Этот исторический экскурс был нам необходим, чтобы объяснить ту атмосферу, в которой создавалась «Задонщина». По нашему мнению, она была написана еще при жизни Дмитрия, в «похвалу ему», еще до 1385 г. (когда Кревская уния укрепила могущество Ягайла), в 1380 г., до получения сведений о смерти Мамаю и до сожжения Москвы Тохтамышем. Обратим внимание на то, что «Задонщина» — поэтический ритмический эпос, похвальная песня героям. Такие похвальные песни создавались непосредственно, чтобы быть петыми на пирах перед живыми героями победы. Мы уже приводили свидетельство Длугоша о том, как Русь сложила песню Мстиславу Удалому на самом поле победы.²⁷ «Слово о полку Игореве», вероятно, сложилось еще в 1186 г., немедленно по возвращении Игоря из плена, а было дополнено в 1187 г., по счастливом возвращении его сына Владимира. Оно пелось под звуки гусель, как Бояновы песни, а Софоний предполагал, что и его «Задонщина» будет так же распеваться.²⁸ Приведем еще пример: в 1619 г. англичанин Ричард Джемс записал в Москве песню о возвращении Филарета из польского плена:

Зрадовался царство Московское
И вся земля Святурская...²⁹

Между тем точно известно, что Филарет вернулся в Москву из плена 14-го июня 1619 г., а 24-го июня был посвящен в патриархи. Следовательно, хвалебная песня была сложена в первые же недели после возвращения Филарета, чтобы распеваться на придворных пирах и на площадях.

Другое дело, летописные известия и особенно прозаические сказания: они могут создаваться постепенно, переделываться и дополняться в течение десятилетий. Но для «Задонщины» совсем не нужно предполагать пользование летописными данными, как это утверждал С. К. Шамбинаго, или гипотетическим «Словом о Мамаевом побоище», как предполагал А. А. Шахматов. «Задонщина» сложена как «похвала», соединенная с «жалостью», с плачем об убитых. Опять-таки и плачи по умершим создавались немедленно, обычно в самый день похорон. Софоний не пользовался никакими летописными данными. Ему было достаточно слухов, устных рассказов о великой победе, в самой общей форме, с довольно неточным перечислением имен нескольких убитых бояр и оплакивавших их жен. Под непосредственным впечатлением победы, что обещало Русской земле полную независимость и открывало надежды на возвращение родного Брянска, Чернигова, Киева, Софоний и написал свое хвалебное «слово»,

²⁷ А. В. Соловьев. Политический кругозор... стр. 98.

²⁸ При протяжном пении «Слово о полку Игореве» (2800 слов) можно пропеть в один час; «Задонщина» несколько короче. В тексте, изданном В. П. Адриановой-Перетц (ГОДРА, VI, стр. 223—232), она насчитывает 2227 слов; ее можно было пропеть в 45 минут.

²⁹ П. К. Симони. Великорусские песни, записанные в 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. СПб., 1907, стр. 7.

пользуясь готовым несравненным образцом — бережно вывезенной им из Брянска рукописью «Слова о полку Игореве». Надо заметить, что в картине боя нет никаких точных подробностей; он знает лишь, что погибли брянский боярин, чернец Пересвет и племянник его Яков Ослебягин. Он изображает бой в общих чертах, умело перифразируя образы «Слова». Он знает, что в половине боя русским пришлось тяжело, но что затем они все же победили. Он разделяет плач Ярославны между московскими и коломенскими боярынями, достаточно перепутав имена их и их мужей. Он не упоминает ни рязанского, ни тверского князя, чтобы не нарушать картину единодушия русских князей. Он не называет даже опасного Ягайла, может быть, потому, что рассчитывает на его подчинение «государю всея Руси», как уже подчинились его братья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи.

Он рассчитывал на то, что его «похвала» будет распеваться повсюду. И, вероятно, так и было. Она стала популярна несмотря на свой трудный стиль.

Нам кажется, что наличие вариантов «Задонщины» объясняется тем, что некоторые из них были записаны с голоса.³⁰

Надо обратить внимание на следующее. Летописные известия³¹ помещают непосредственно после подробного рассказа о Куликовской битве рассказ о том, как Мамай вернулся в Орду, собирая новую рать против Руси, но на него пришел Тохтамыш из Синей орды и победил Мамай «на Калках». Тогда его князья били челом Тохтамышу, а Мамай «с единомысленники» бежал в Кафу, избежав погони. Он вел переговоры с кафинцами об «опасе». Кафинцы наконец приняли его со множеством имения, серебра и золота, но затем, посовещавшись, убили его: «такое конец безбожному Мамаю». Тохтамыш же послал своих послов к великому князю Дмитрию Ивановичу и ко всем князьям русским. Все это рассказывается в рамках 6888 (мартовского) года. Следовательно, Мамай был убит зимой 1380/81 г., во всяком случае до 1 марта 1381 г.

Между тем рассказ «Задонщины» о бегстве Мамая не знает никаких подробностей, не упоминает даже Тохтамыша. Говорится лишь о бегстве Мамая в Кафу и о насмешках, которыми его там встретили: «А ныне ты, поганый, бежишь самдевят в лукоморье, не с кем тебе зимы зимовати в поле» и т. д. Генуэзцы предлагают ему бежать обратно: «Побежи ты, поганый Мамай, от нас». О смерти Мамая ничего не сказано. Между тем, если б иерей Софоний знал об убийстве Мамая, он непременно упомянул бы этот «суд божий» над нечестивым врагом. Мы считаем, что «Задонщина» была уже написана в начале зимы 1380 г., когда на Русь дошли первые слухи о том, что Мамай бежал в Кафу и что кафинцы не хотят принимать его (долгие переговоры). «Задонщина» была уже готова, но Софоний или даже другой редактор³² внес в нее дополнительно эпизод

³⁰ Это можно утверждать про список Б: певец внес в текст цитату из «Слова о погибели», затем такое былинное выражение, как «хоробрый Пересвет поскакивает на своем вощем свидце», и, забыв конец песни, заменил его наскоро сочиненной фразой: «Покладоша головы свои о быстрого Дону... с мужескими сыны» (ср.: В. П. Адрианова-Перетц. *Задонщина. Текст и примечания*, стр. 195—196).

³¹ Например, Воскресенская летопись (ПСРЛ, т. VIII, стр. 11).

³² В. П. Адрианова-Перетц (а до нее С. К. Шамбинаго) считает этот рассказ позднейшим добавлением и справедливо указывает на «дидактический тон всего рассказа в целом, резко отличающий его от «писания Софонии» (*Задонщина. Текст и примечания*, стр. 222). Впрочем, полная неудача (но еще не смерть) Мамая могла навести иерей Софония на благочестивые размышления. Как бы то ни было, если «нельзя утверждать, что рассказ этот был в первой редакции повести» (В. П. Адрианова-Перетц. *Задонщина. Текст и примечания*, стр. 223), то это лучшее доказательство того, что первая редакция «Задонщины» могла быть готова уже осенью 1380 г.

о бегстве Мамаю, и знаменательно, что ни один из позднейших списков не вставил в текст упоминания о смерти Мамаю.

Рассмотрим теперь политические идеи автора «Задонщины».

Недавно Д. С. Лихачев прекрасно выяснил основные идеи «Задонщины». Позволяем себе повторить его взгляд, с которым мы вполне согласны.

«Автор „Задонщины“ имел в виду не бессознательное использование художественных сокровищ величайшего произведения древней русской литературы — „Слова о полку Игореве“, не простое подражание его стилю (как это обычно считается), а вполне сознательное сопоставление событий прошлого и настоящего, событий, изображенных в „Слове“, с событиями современной ему действительности. И те и другие символически противопоставлены в „Задонщине“.

«Чтобы пояснить эту идею, автор „Задонщины“ предпослал ей предисловие, составленное в эпически-былинных тонах. На пиру у воеводы великий князь Дмитрий Иванович обращается к „братии милой“ с предложением пойти на юг, взойти на горы киевские, посмотреть на славный Днепр „и оттоле на восточную страну, жребий Симов“, от которого родились татары. От времени битвы на Калке „Русская земля сидит невесела“. Автор хочет теперь „возвеселить Русскую землю, возвергнуть печаль на восточную страну“, т. е. на татар.

«В „Слове“ грозные предзнаменования сопровождают поход русских войск... В „Задонщине“ те же зловещие знамения сопутствуют походу татарского войска.

«В „Слове“... „чёрна земля под копыты“ была посеяна костями русских, в „Задонщине“ „чёрна земля под копыты костями татарскими“ была посеяна... В „Слове“ — „тоска разлилася по Русской земли“, в „Задонщине“ — „уже по Русской земли простресе веселие и буйство“...

«Туга, разошедшаяся в „Слове“ после поражения Игоря по всей Русской земле, сходит с нее в „Задонщине“ после победы Дмитрия. То, что началось в „Слове“, кончилось в „Задонщине“.

«Итак, начало того исторического периода, с которого Русская земля „сидит невесела“, автор „Задонщины“ относит к битве на Каяле... Отсюда преднамеренное противопоставление в „Задонщине“ конца — началу, битвы на Дону — битвы на Каяле, победы — поражению и преднамеренное сопоставление Каялы с Калкой, половцев с татарами.

«Куликовская битва рассматривается, следовательно, в „Задонщине“ как реванш за поражение, понесенное войсками Игоря Святославича на реке Каяле, сознательно отождествляемой автором „Задонщины“ с рекой Калкой, поражение русских на которой явилось первым этапом завоевания Руси татарами.

«Эта идея реванша, как и самая идея обращения ко временам независимости Руси, сказавшаяся и в письменности, и в архитектуре, и в живописи, и в политике, имела глубоко народный характер. В этом убеждает русский былевой эпос, русские былины, где эти же идеи сказались в полной мере».³³

Исходя из этой точной оценки «Задонщины», постараемся еще уточнить политические идеи ее автора, его кругозор по сравнению с автором «Слова о полку Игореве».

³³ Мы значительно сократили изложение Д. С. Лихачева (Национальное самосознание древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 76—78).

Брянский боярин Софоний, так же как и автор «Слова о полку Игореве», проникнут чувством глубокой любви к родине, к «земле Русской».

Известно, что в «Слове» это выражение повторяется 20 раз. Антитеза «за землю Рускую — на землю Половецкую» является одним из основных элементов поэмы. Действие ее происходит на юге, где особенно обостряется эта антитеза; но и Полоцкая земля, подверженная набегам «поганых» литовцев, тоже для поэта «земля Русская, жизнь (достояние) Всеслава». От Карпат и Дуная до Двины и Волги обнимает певец «Слова» мысленным взором свою родину.

Этот большой географический диапазон еще сильнее в «Слове о погибели», где поэт с удивительной точностью рисует границы своей родины «светло-светлой земли Русской», опять от Карпат до Балтийского и Белого морей и до бассейна средней Волги. То же видим мы и у автора «Задонщины». Хотя западная половина Русской земли подпала под власть Литвы, Софоний подчеркивает связь Москвы с Киевом не только династическую, но и общенародную. Он вдохновенно начинает: «Взыдем на горы Киевские и посмотрим по всей земле Русской», вспоминает, как на реке Калке татары победили Русь (т. е. прежде всего южную, киевскую) и как «отолое Русская земля сидит невесела», «от Калатьские рати до Мамаева побоища лет 160».

Победа Дмитрия Донского смыла обиду земли Русской, нанесенную в 1223 г. Как и в «Слове о полку Игореве», дружины борются «за землю Русскую». Два только раза сказано по-старинному «за обиду великого князя Дмитрия Ивановича» (и «за землю Русскую»). Не так в «Слове»: там феодальный мотив личной обиды князя выражен сильнее: Борис Вячеславич погиб «за обиду Ольгову», певец все три раза призывает князей бороться «за землю Рускую, за раны Игоревы» (раз прибавлено: «за обиду сего времени»). Понятия родины и личной обиды князя в этих призывах для певца почти равносильны.³⁴

Автор «Задонщины» лишь два раза упомянул об «обиде великого князя», но семь раз говорит о борьбе «за землю Русскую и за веру христианскую».

Отметим это усиление религиозного элемента. Конечно, он не является новостью. Автор «Слова», охотно вспоминая языческих богов, все же называет половцев (а также и литовцев) «погаными», подчеркивая их язычество, а в конце «Слова» говорит даже: «Здрави князи и дружина, побора за христиан на поганые полки». Это в духе XII в. Так, великий князь Мстислав II восклицает: «нам дай бог за христиан и за землю Рускую головы сложити», а новгородцы восхваляют умершего Мстислава Храброго: «всегда бо тосняшесь умрети за Рускую землю и за христиан».³⁵ В борьбе с иноверцами усиливается чувство национальности, основанное на религиозном и языковом различии. Так, в песне о Сиде (тоже конца XII в.) все время говорится *cristianos*, слово «испанцы» вообще не упомянуто.

В «Задонщине» в связи с усилением религиозности к концу XIV в. понятие «веры христианской» неотъемлемо сплелось с понятием национальности, но не вытесняет его. Можно указать ряд выражений, где понятие «русский» стоит без вероисповедного признака.

Во-первых, имя «Русь». Известно, что в древнюю эпоху оно обозначало прежде всего народ, «язык» («в Афетове же части седит Русь, Чудь и

³⁴ Все же понятие родины преобладает: Игорь ведет свои полки «на землю Половецкую за землю Рускую», а храбрые «Русичи» «полегоша за землю Рускую».

³⁵ Ипатьевская летопись под 1170 и 1178 гг.

все языци»), но, как всякое название народа, может обозначать и его страну («в Русь, в Руси», как и «в Греки, в Ляхы, в Лясах, в Угрех»). Любопытно, что ни «Слово о полку Игореве», ни «Слово о погибели» не пользуются этим сбивчивым термином. «Задонщина» его знает:

1) во вступлении имя «Русь» обозначает по-старому русский народ, во фразе: «от Афетова сына Ноева родися Русь преславная» (Б, У); 2) в таком же значении найдем его и в конце поэмы: «Русь великая одолеша Мамая» (И₂), вариант: «Русь поганых одолеша» (С); как в древней летописи, слово «Русь» сочетается еще со множественным числом глагола; 3) однако выражение «на Русь», «в Русь» уже в Повести временных лет может обозначать и страну; в конце «Задонщины» «татары» плачут, что им «в Русь ратью не ходити» (И₂, У) или «на Русь... не хаживать» (И₁); и в этом обороте «Русь» обозначает и народ и его страну.

Во-вторых, для обозначения отдельных людей «Слово о полку Игореве» пользуется патронимической формой «Русичи» (как «Вятичи», «Радимичи»). В «Слове о погибели» нет этой формы, но имеется сходная: «Тоймичи» от собирательного «Тойма». Кроме того, «Слово о полку Игореве» пользуется известным летописи оборотом «русские сыны» и «русские жены». «Задонщина» не называет «Русичей», но использовала остальные обороты своего образца.

Уже во вступлении сказано: «Снидемся, братие и друзи, сынове рустии» (У, С — рустии, И₂). Дальше мы встретим: «наехали рустии сынове на сильную рать татарскую» (И₂), чему в списках У и С соответствует «наехали русские князи». Можно считать первое выражение первичным, ввиду того что дальше говорится: «соступалися русские сынове с погаными татары» (И₂), что сохранено и в С: «изступишася сынове руския», а в У заменено выражением «то ти ступишася русские удалцы».³⁶

В этом отношении список И₂ ближе всего к «Слову о полку Игореве». Зависимость от своего образца особенно заметна в описании последней сечи: «Погании бежать, сынове рускии поля широкая кликом огородиша» (И₂ и И₁). Этот образ восходит к «Слову», являясь контаминацией двух фраз: «дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрии Русичи преградиша чрълеными щиты». Автору «Задонщины» было ясно, что «Русичи» — это «русские сыны», тем более что в «Слове» дальше сказано: «посеяни костми руских сынов».

Наконец, в конце «Задонщины» сказано: «уже руские сынове разграбиша татарские узорочья» (И₂, У, И₁), и несколько иначе в Син.: «и погнаша руския сынове вослед поганых татар».

Перефразируя «Слово», Софоний пишет: «уже жены руския восплескаша татарским златом». Это удачная переделка двух выражений: «жены руския всплакашася» и «готския девы... звоня руским златом».

Итак, «Задонщина» пользуется, как и «Слово», выражениями «русские сыны» и «русские жены». Кроме того, она вводит и новое: «русские удалцы». Помимо указанного варианта списка Унд., надо отметить: «гремят удалцы руские золочеными доспехи и черлеными щиты» (И₂, У, С), что напоминает фразу «Слова»: «храбрые Русичи черлеными щиты».³⁷ Слово «удалцы» можно считать рязанским выражением: оно часто встречается в Повести о разорении Рязани. Оно повторяется еще в «Задон-

³⁶ Интересна амплификация в С: «изехалися удалые люди, князи богатыри литовския». Этот белорусский список XVII в. подчеркивает участие литовцев в Куликовской битве.

³⁷ В Б иначе: «гремят удалцы золочеными шеломи [и] черлеными щиты», что следует считать позднейшим неудачным изменением: можно греметь щитом и доспехами, но нельзя греметь шлемом на голове.

щине», в плаче Андреевой жены: «спадоша руские удальцы з борзых коней на судное место» (И₁), в других списках: «изседоша (выседоша) удальцы з борзых коней на судное место» (И₂, У, С).

Наконец, в И₁ сохранилась перифраза из «Слова»: «А уже Диво плачет под саблями татарскими, а тем руским богатырем под ранами». Вот новое, совсем былинное выражение — «русские богатыри», которое, может быть, попало в этот список при устной передаче «Задонщины».

Если в «Слове» упоминаются «русские полки» и «руское золото», то в «Задонщине» мы встретим выражения «поля руские» (только в У) и «мечи руские», заменившие уже непонятные «мечи харалужные» «Слова» во фразе: «уже поганыи оружие свое повергоша [а] главы своя подклониша под мечи руския» (И₂, У).

Прекрасно самостоятельное выражение Софония: «вознесся слава руская по всей земли» (И₁, И₂, У). Это выражение широкого чувства любви к родине, так же как и «звенит слава по всей земле Руской». Если в «Слове» шум полутайного похода Игоря ограничен небольшим четырехугольником: Сула—Киев—Новгород-Северский—Путивль, то в «Задонщине» фраза «звенит слава в Киеве» более развернута: «звенит слава по всей земле Руской».

Великий поход Дмитрия и его победа должны прогреметь по всей родине.

На звон славы откликаются колокола вечные в Великом Новгороде — это самостоятельный удачный образ Софония. Понятие Русской земли начинается от Киева, оно обнимает и Новгород, но центром является теперь «сильный град Москва, славный град Москва». Вообще, городов в «Задонщине» названо мало, меньше, чем в «Слове»; кроме указанных трех, лишь Коломна и Серпухов.³⁸ Из иностранных городов названы: генуэзская Кафа в Крыму, христианские столицы Рим, Тырново и Царьград.

Рек названо немного: на первом месте Дон с притоками Непрядвой и Мечей как место боя. Именно быстрый Дон связывает тесно «Задонщину» со «Словом». Любопытно, что часто упоминается Днепр: для автора-южанина Русская земля расположена по преимуществу «межи Доном и Днепром», самая битва происходит будто бы «меж Дона и Непра». Волга нигде не названа, и, вдохновившись фразой «Слава», обращенной к Всеволоду Большое Гнездо: «Ты бо можешши Волгу веслы раскропити, и Дон шеломы выльяти», Софоний делает из нее обращение Дмитрию Донскому: «Можеш ли... веслы Непра заградити, а Дон шеломы вычерпати?» Таким образом, он Волгу заменил Днепром, хотя власть Дмитрия Донского еще не простиралась на него. В этой, вероятно, бессознательной подмене особенно проявляется южное происхождение автора, прежде всего помнящего Днепр и Киев.³⁹

Связь со старой киевской традицией видна еще в том, что он татар иногда называет уже непонятным ему архаическим именем «Хинова», а их страну — «поле Половецкое», совсем как в «Слове».

В центре внимания автора «Задонщины» — великий князь Дмитрий Иванович и (двоюродный) брат его, князь Владимир Андреевич. Их тес-

³⁸ Правда, если считать, что заключение принадлежит Софоню, то тут в прилагательной форме перечислен целый ряд городов: Москва, Белозерск, Новгород, Коломна, Серпухов, Переяславль, Кострома, Володимерь, Суздаль, Муром, Рязань, Ростов, Дмитров, Можайск, Звенигород, Углич.

³⁹ Отметим, что он два раза называет Московскую область редким именем «земля Залесская». Это тоже понятно с точки зрения южанина, скорее даже черниговца, чем брянца.

ная связь напоминает отношения Игоря и Всеволода в «Слове», но роль их различна. В «Слове» Игорь занимает значительно большее место, чем Всеволод. Достаточно указать, что Игорь назван по имени 27 раз, 8 раз упоминаются «Игоревы» полки, раны, стязи, еще несколько раз он просто «князь» или «лада» (в плаче). Между тем Всеволод упомянут лишь 6 раз.

Если обратиться к «Задонщине», то в ней Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич названы вместе 14 раз. Это сочетание объясняется той ролью верного соратника и друга, которую последний играл за все время правления Дмитрия и особенно его ролью в Куликовской битве. Но все же Софоний всегда подчеркивает верховенство Дмитрия тем, что всюду дает ему титул великого князя, тогда как Владимир Андреевич просто «князь». Иерархичность московской поры строго соблюдена. Это строгое соблюдение титулатуры с обязательными отчествами действует на читателя как досадный прозаизм, но оно выражает новую эпоху.

Какая разница между этим московским этикетом и демократическим стилем «Слова о полку Игореве»! Так же как и летописи той эпохи, певец «Слова» чаще всего называет князей просто по имени, без титула и без отчества. Напомним, что своего главного героя он 18 раз называет «Игорь» и лишь 9 раз «князь Игорь» (или «Игорь князь»). Всеволод все 6 раз назван без титула и без отчества, но зато 4 раза с эмоциональными прозвищами «буй тур», «яр тур».

Значительная разница между «Словом» и «Задонщиной» и в отношении к остальным князьям. В «Слове» их очень много и каждый из них ярко обрисован, для каждого поэт находит яркие краски или, по крайней мере, яркий эпитет. Видно, что он княжеский певец, знающий все их отношения и родовые предания, он чувствует себя между ними в своей среде.

Между тем в «Задонщине» «князи руские» выступают как анонимная группа. Они все хором обращаются к Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу со словами: «Господине князь великий, уже погани татарове наступают... а мы, господине, пойдем за быструю реку Дон». Они «гремели мечи булатными о шеломы хиновские», но ни один из них не назван даже по имени. Дальше без имен сказано: «посечены князи руския и воеводы великого князя» и прибавлено: «и князи белозерский», ибо смерть двух белозерских князей — отца и сына — произвела впечатление и отмечена в летописях и сказаниях. Но автор «Задонщины» привел в перечне убитых несколько имен (если это не вставка редактора), и с трудом можно догадаться, что «Федор Семенович» — это князь Федор Романович, а его сын, Иван Федорович, вовсе не назван. Видно, что Софоний передавал по наслышке, не имея под руками точных данных и не интересуясь вовсе удельными князьями. В прощальном счете убитых так же глухо сказано: «нет у нас... 12 князей белозерских», что является крупным преувеличением.

Гораздо больше данных о московских боярах, что согласуется с данными того времени. В укреплении мощи Москвы в XIV в. первое место принадлежит боярам, а не служилым князьям, которых еще было мало. Достаточно указать, что на духовной Дмитрия Донского имеются подписи десяти бояр (все с отчествами) и нет ни одной подписи князя. И в «Задонщине» указано несколько московских бояр с отчествами: Михаил Александрович, Микула Васильевич, Тимофей Волуевич, Семен Михайлович, Ондрей Серкизович, Михайло Иванович, указаны даже имена некоторых их жен, и именно между ними, а не между женами белозерских или тарусских князей, разделен плач княгини Ярославны.

Повторим: в «Слове» князья индивидуализированы, а бояре анонимны.⁴⁰ В «Задонщине», напротив, «князи русские» анонимны, а бояре особенно выделены. Эпоха изменилась.

Софоний не упоминает даже таких значительных князей, как тверской и рязанский.

При указанном невнимании к русским князьям бросается в глаза особо выдвинутая роль литовских служилых князей. Только Андрей и Дмитрий Ольгердовичи названы по именам и обрисованы ярко, с живыми разговорами.⁴¹ Именно к ним применена взятая из «Слова» характеристика витязей-кураян, именно Андрей произносит удалые слова князя Игоря: «Сядем на борзья свои комони, посмотрим быстрого Дону», а Дмитрий Ольгердович отвечает ему: «Брате Ондрей, не пощадим живота своего за землю, за Рускую, и за веру крестьянскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича» (У, С).

Особое выдвижение роли князя Владимира Андреевича и его шурьев Ольгердовичей дало А. А. Шахматову повод предполагать, что в основе «Задонщины» лежало некое «Слово о Мамаевом побоище», написанное в Серпухове, при дворе Владимира Андреевича. Нам кажется, что такая рабочая гипотеза излишня: без всякого промежуточного «Слова» иерей Софоний мог написать в Серпухове свою «Задонщину». Пограничных застав между княжествами, вероятно, не было, и иерей из Рязани мог легко подняться по Оке через Коломну в недалекий Серпухов. Но и если оставить в стороне такое предположение, то особая роль Владимира Андреевича объясняется тем, что он действительно был первым после Дмитрия на феодальной лестнице, его верным братом и сотрудником, а в Куликовской битве был во главе засадного полка, решившего битву. Кроме того, у Софония был пример — роль брата Всеволода при Игоре.

В «Задонщине» особенно подчеркнута легитимность московской династии. В самом начале Софоний обещает «поведати иными словесы» «похвалу великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, правнуков святого великого князя Владимира Киевского» (И, У, С). Сам Дмитрий обращается к русским князьям со словами: «Гнездо есмя великого князя Владимира Киевского» (И, У, С).⁴²

⁴⁰ Единственное исключение: по прозвищам названы черниговские были — коуи: Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревуги и Ольберы. Но это прозвища крупных родов, опять группы, а не личности, пережиток родового быта кочевников. Названия эти хорошо объяснены в книге: Rásonyi. Les noms de tribus dans le «Слово». Praha, 1936, Прилож. 1, 3—9. — Seminarium Kondakovianum, t. VIII.

⁴¹ В трех списках (И, V, С) рядом с ними упомянут и «князь Дмитрий Волинский», в Б его нет. Дальше он никакой роли не играет. Мы не можем согласиться с мнением, что во второй половине битвы следует всюду заменить имя великого князя Дмитрия Ивановича именем князя Дмитрия Волинского. Вся вторая половина «Задонщины» прославляет Владимира Андреевича, вступившего в бой со свежими силами и ободившего своего брата: «Не уставай, князь великий, с своими великими полками, не потакай крамольникам». Тогда князь великий Дмитрий Иванович говорит своим боярам: «То ти ваши московские слаткие меды и великие места». Тут намек на замешательство в великом полку. Помолясь, князь великий ободрился и наступает на татар вместе с Владимиром Андреевичем. Великий князь Дмитрий назван здесь восемь раз. Если его заменить Боброком, то непонятно, как Владимир мог советовать ему не уставать, когда Боброк в засаде давал ему мудрые советы. Тот факт, что несмотря на выдвижение роли Боброка в Сказании и в летописях XV в. во всех списках «Задонщины» (XVI и XVII вв.) твердо стоит имя великого князя, доказывает, что это первоначальная редакция. Только в Иг добавлено к описанию выезда Владимира Андреевича фраза «со своим князем Волинским». Это добавление, которого нет в остальных трех списках, показывает, что «великий князь Дмитрий Иванович» в дальнейшем изложении не может быть князем Волинским.

⁴² Только в списке Б Дмитрий говорит всем князьям: «Гнездо есмя были едино князя великого Ивана Данильевича». Это позднейшая ошибка списка. Дмитрий не мог

Часто забывают, что московские государи были прямыми потомками древнейшей династии в Европе, законными наследниками великих Владимиров Киевских. Этот непрерывный ряд наследования подчеркнут еще в XIII в., в «Слове о погибели», утверждающем, что все «поганские страны» были покорены «великому князю Всеволоду», отцу его, «Юрю, князю Киевскому, деду его, Володимеру Мономаху», и тем указывающем на легитимность власти «нынешнего Ярослава». Ярослав был признан великим ханом, как «старейший всем князем в русском языке», а Юрий и Иван Калита были единственными внуками его сына, Александра Невского.⁴³ По римско-византийскому праву, начало примогенитуры (нисходящего наследования) вытесняло наследование братьев и иных боковых родственников;⁴⁴ потому московская линия Мономашичей имела больше всего прав на престол, потому ее поддерживало духовенство, начиная с митрополитов Петра и Алексея.

Любопытно, однако, что Софоний не упоминает ни Александра Невского, ни Всеволода Большое Гнездо среди предков Дмитрия. Он идет в глубь веков, он подчеркивает происхождение от великого Владимира Киевского и идет еще далее. Вспомнив Бояна, он сознательно заменяет имена Мстислава и «красного» Романа более значительными. Боян, по его мнению, пел славу «первому князю киевскому Игорю Рюриковичу, великому князю Владимиру Святославичу Киевскому и великому князю Ярославу Владимировичю». Дмитрий Донской — прямой потомок этих государей всей Русской земли, он призван возродить их традицию.⁴⁵

Потому Дмитрий Донской нигде не назван в «Задонщине» «князем московским», как его иногда называют в нашей литературе. Нет, Дмитрий все время «великий князь», как его далекие киевские предки, он даже «господин князь великий» (И₁, И₂, У), он даже «государь» (И₂, У, С), и владеет он не «московским княжеством», не Великороссией, а как будто всей «Русской землей». Эта фразеология «Задонщины» вполне в духе того времени. Вспомним, что на завещании Дмитрия висит золоченая печать с надписью: «Князя великого Дмитрия Ивановича всея Руси»⁴⁶ и что византийские патриархи в грамотах 1370 и 1380 гг. величают его Μέγας ῥήξ πάσης ῥωσίας — «великий князь (или даже «великий король») всея Руси».⁴⁷ Конечно этот титул не был придуман в Царьграде, а употреблялся самим Дмитрием в дипломатической переписке.

В этой атмосфере победы Софоний написал свою «похвалу», надеясь, что после этой победы и морального поражения Ягайла тяготение православно-литовской Литвы к Москве еще усилится и что начавшееся движение вниз по Десне приведет к возвращению Брянска, Чернигова и Киева, где литовская власть была еще некрепка. Потому он так прославляет литовских

сказать таких слов, ибо ни белозерские, ни верховские князья не были потомками Ивана Калиты, но все они были прямыми потомками великого Владимира Киевского.

⁴³ Что легенда о происхождении суздальских князей от Александра Невского не достоверна, это доказал еще Н. М. Карамзин, а недавно Н. Баумгартен (*Généalogies. Orientalia Christiana*, № 94. Roma, 1934, стр. 38).

⁴⁴ Уже Владимир Мономах передал престол не старейшему в роде, а сыну своему Мстиславу в 1125 г., и потомки последнего, Изяслав II и Мстислав II, борются за примогенитуру против отживающего славянского начала старейшинства.

⁴⁵ В Б стоит иначе: «первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю, и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимеровичю». Вероятно, белозерский певец напутал, но Святослав Ярославич — это отец Олега Гориславича, бывший великим князем в 1073—1076 гг. Мы знаем, что Боян и Ходына были «Святослави песнотворцы». Не сохранился ли тут след брянско-черниговской традиции иерея Софония, знавшего, что Боян воспевал Святослава Ярославича?

⁴⁶ СГГД, т. I, № 34

⁴⁷ Miklosich-Müller, Acta С.-г., I, стр. 516 и 525; II, стр. 12 и 15.

князей, готовых не щадить живота «за землю Рускую, за веру хрестьянскую и за обиду великого князя».

После смерти Дмитрия, когда при его наследниках эти надежды потускнели, указанное прославление начало терять свой смысл.

В заключение сравним «Задонщину» с зависящим от нее «Сказанием о Мамаевом побоище», составленным в начале XV в., как это выяснил Л. А. Дмитриев.⁴⁸

Прежде всего мы видим, что в «Сказании» гораздо сильнее церковная окраска. Дмитрий Донской изображен в агиографических чертах, как «смирennemудрый» и «кроткий». Он побеждает своими молитвами и «молитвами святых Бориса и Глеба, молением русского митрополита Петра и пособника нашего игумена Сергия и тех всех святых молитвами». Приводится ряд молитв самого Дмитрия, митрополит Петр упомянут три раза; назван даже митрополит Киприан, хотя его не было в Москве в 1380 г. Совсем иначе в «Задонщине»: здесь Дмитрий Донской — храбрый витязь, побеждающий своей доблестью, молитвы его еле упомянуты. Из святых ему помогают лишь Борис и Глеб, молясь «за сродники своя», чем опять подчеркнута династическая традиция.

Иерей Софроний не упоминает ни Сергия Радонежского, ни митрополитов. Он больше чувствует себя брянским боярином, потомком сведомых кметей князя Игоря, чем духовным лицом. Его совершенно не касается вопрос, есть ли митрополит в Москве.

Подчеркивание преемственности Москвы Киеву, обращение к русским князьям как к «гнезду Володимера Киевского» вошли в «Сказание» из «Задонщины».

Роль Владимира Андреевича рядом с Дмитрием Ивановичем почти одинакова как в «Сказании», так и в «Задонщине». Но в «Сказании» появляется ряд новых подробностей, взятых, вероятно, из боярских семейных преданий: эпизод с переодеванием Дмитрия и боярина Бренка, особенно выдвинутая роль Дмитрия Боброка Волынского в засадном полку.

Остальные князья в «Сказании», так же как и в «Задонщине», представлены как анонимная единомыслящая группа. Но особая роль уделена Олегу, этому «скудоумному», «новому Святополку». Вопреки истории введен Ольгерд как враг Дмитрия.

Подчеркивание роли братьев Ольгердовичей имело меньше смысла в эпоху Василия I, чем в 1380 г.: однако оно осталось в «Сказании» по наследству от «Задонщины».

Если главной идеей «Сказания» является, как справедливо отметил Л. А. Дмитриев, «единение всех русских князей во главе с великим князем московским, личное мужество и отвага великого князя московского», то вся эта идея заимствована из «Задонщины», служившей для него источником. Это была душевная идея Софония, и он был не одинок. Эту идею и связанную с ней идею о тесной связи с Киевской Русью и с Русью Литовской сознавали и другие лица и слои населения, особенно в год написания «Задонщины», т. е., по нашему мнению, осенью 1380 г., после трудной и славной победы.

⁴⁸ Л. А. Дмитриев. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 140—155.

В. А. ВИНОГРАДОВА

Некоторые замечания о лексике «Задонщины»

«Задонщина», как известно, принадлежит к числу таких древнерусских литературных памятников, с которыми нам пришлось знакомиться по поздним спискам. Древнейший список «Задонщины», дошедший до нас, Кирилло-Белозерский, отделен от оригинала почти целым столетием. Сохранившиеся 5 списков ее не однородны по своим размерам, содержанию, словарному составу. Так как эти списки охватывают большой промежуток времени (XV—XVII вв.) и сделаны людьми разных исторических эпох, то оригинал «Задонщины» в них (списках) не был гарантирован от позднейших вставок, модернизированных замен, уточнений и т. д. Очищение текста от позднейших наслоений переписчиков затрудняется необходимостью тщательного изучения лексического состава каждого отдельного списка. Настоящая статья представляет лишь слабую попытку подойти в этой задаче путем рассмотрения некоторых интересных лексических особенностей списков XV—XVII вв. «Задонщины». При этом неизбежно приходится вплотную подходить к вопросу о неологизмах и архаизмах в подлиннике и списках этого памятника.

На основании анализа отдельных лексических единиц «Задонщины» еще нельзя сделать каких-либо общих выводов о работе писцов над ее текстом. Однако можно с уверенностью говорить о том, что древнерусские переписчики не являлись механическими копировщиками оригинала. Каждый из них вносил в рукопись нечто свойственное своему времени. В списках «Задонщины» имеется слово «байдана». «Байдана», «бадана (бодана)» (арабск. «бадан», «бадана») — «доспех в виде рубахи, из плоских, довольно крупных колец, длиною до колен, с рукавами до локтей и ниже».¹ Байдана впервые упоминается в русской письменности в раннем списке «Задонщины» — Кирилло-Белозерском — при описании Куликовской битвы: «Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топори легкие, щиты московския, шеломы немецкие, боданы бесерменьския» (1470-е годы). Возможно, этот термин был в подлиннике «Задонщины», но там, как и в Кирилло-Белозерском списке, он звучал как редкий восточный термин. В качестве доспеха, заимствованного русскими, байдана стала применяться с XVI в. Об этом свидетельствуют археологические данные: сохранились образцы двух русских байдан XVI в. — байдана дьяка Ивана Григорьевича Выродкова, строителя Свияжской крепости на подступах к Казани и осадной башни при штурме Казани в 1552 г., и байдана Бориса Годунова (конец XVI в.).² Для писцов поздних списков

¹ П. И. Савваитов. Описание старинных русских утварей. СПб., 1896, стр. 7.

² М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие XI—XIX вв. М., 1953, стр. 60

«Задонщины» конца XVI—XVII вв.³ слово «байдана» было обычным названием кольчатого доспеха наряду с «юшманом», «бахтерцом» и другими терминами смешанных кольчато-пластиночных доспехов. Ср.: «А на стенах на все стороны повесити зброу, латы, панцыри, бахтерцы... карацыны, оплечья, рукава, ба даны».⁴

Нечто подобное можно сказать и о колонтаре — кольчато-пластинчатом доспехе без рукавов. Он вошел в употребление вместе с юшманом и бахтерцом довольно поздно, хотя применялся реже их. Тем не менее колонтарь фигурирует только в раннем списке «Задонщины» XV в.: «Кони ржут на Москве, бубны бьют на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенить слава по всей земли русьской, чудно стязи стоять у Дону великого... светяться калантыри злачены».⁵ То, что выражение со словом «колонтарь» («калантырь») не вошло ни в один из списков XVI—XVII вв., когда этот термин фигурировал в русском языке, является свидетельством отсутствия его в оригинале «Задонщины». Очевидно, поэтому В. П. Адрианова-Перетц не включила его в свою реконструкцию памятника.⁶ По-видимому, колонтари на Руси даже в XVI в. были сравнительно редким явлением. До нас не дошло ни одного образца колонтарей. По указаниям «Казанской истории», в колонтарь облакался царь Иван IV во время похода на Казань в 1552 г.: «Тако же и сам царь князь великий уготовися, и в калатырь облакся предо всеми, яко гингат, и златый шлем возложи на главу свою»;⁷ «И стояше, весь вооружен (царь Иван IV) в златая броня, в рекомый калантырь, и готов на подвиг».⁸ В «Поведание о Мамаевом побоище» этот термин попал не без влияния Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»: «Руские удалцы... доспѣхи имеютъ велми тверды, злаченые колантыри».⁹ Итак, в обоих произведениях о Куликовской битве «злаченые калантыри» — термин, не соответствующий оружию конца XIV в., навеянный поздней эпохой.

Такой же позднейшей вставкой является «кинжал» в списке Ундольского и Синодальном XVII в.: «Имѣем... на собѣ злаченые доспѣхи, а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряские».¹⁰ Термин «кинжал» как название колющего обоюдоострого оружия с коротким клинком, по письменным документам и археологическим данным, пришел на Русь с Востока не ранее XVI в.: «саблю да кинжал»;¹¹ «А у всякова кинжал за поесом. Седла турские».¹²

В списке «Задонщины» конца XVI—начала XVII в. (ГИМ, № 2060) читаем: «Имѣем... на себѣ золоченыя доспѣхи, а шеломы черкаськіе, ... а чары франьския».¹³ Очевидно, «чары»¹⁴ — это часть слова «кончары»

³ ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 238, список ГИМ, № 2060; стр. 245, список Ундольского; стр. 251, список Синодальный.

⁴ Устав ратных пушечных и других дел..., т. 2, Изд. Рубана, СПб., 1777—1781, стр. 7.

⁵ ТОДРА, т. VI, стр. 233, Кирилло-Белозерский список.

⁶ ТОДРА, т. VI, стр. 224.

⁷ Казанская история. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 125.

⁸ Там же, стр. 148.

⁹ Срезневский, Материалы, т. I, СПб., 1893, стлб. 1249.

¹⁰ ТОДРА, т. VI, стр. 246.

¹¹ Посольство кн. Звенигородского в Персию (1594—1596 гг.). — В кн.: Труды Вост. отд. Русск. археол. общ., т. 20. СПб., 1890, стр. 278.

¹² Посольство Стольниково-Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652 гг. Изд. М. Пелиевкова, Тифлис, 1926 (Международные сношения Грузии с иноземными странами, 1).

¹³ ТОДРА, т. VI, стр. 239.

¹⁴ Тюркск. «чара» — войско

(первый слог был стерт или не разобран писцом). Слово «кончар» могло быть в подлиннике «Задонщины». Кончар (монг.) — колющее прямое оружие с длинным трехгранным или четырехгранным клинком — впервые упоминается на Руси в сказаниях о Куликовской битве: «А доспѣхи вельми тверды злаченыя колонтари и булатныя банданы, и кончаны (кончары, — по Срезневскому) фряжскія».¹⁵ Однако это оружие в русском войске не получило, вероятно, широкого распространения. Оно стало часто применяться в Польше и Венгрии в XIV—XVI вв.¹⁶ Вместо кончара на Руси в большем употреблении стал с XVI—XVII вв. кинжал. Поэтому произошла замена в списках Ундольского и Синодальном «[кон]-чары» на «кинжалы».

В Синодальном списке XVII в. «Задонщины» вместо слова «шеломы», как в других списках, употребляется термин «шишаки» («обышаки» — описка): «Гремели князей русских доспехи и мечи булатныя и о бы ша ки (т. е. об шишаки, — В. В.) московския». Впервые термин «шишак» зафиксирован в духовной грамоте московского князя Ивана Ивановича в 1356 г.¹⁷ в качестве названия шлема с высоким навершьем. В XVI в. шишаки получили большое распространение в русском войске, а в XVII в. хотя форма этих шлемов изменилась на металлические наголовья западноевропейского образца,¹⁸ однако часто они продолжали сохранять старое название шишаков. Возможно, что широкое употребление термина «шишак» в XVII в. послужило причиной того, что он вошел в Синодальный список памятника; но можно предполагать, что в данном случае имеем дело с уточнением писца, поскольку в Куликовской битве уже начали применяться шлемы-шишаки. Против того, что это слово взято из оригинала «Задонщины», свидетельствует отсутствие его в остальных списках памятника.

Более поздней вставкой, вероятно, является название восточной ткани «камка» (и «насычь»?) в перечислении трофеев, захваченных русскими у татар после победы в Куликовской битве: «Уже рускыя сынове разграбиша татарская узорочя, доспехи и кони, волы и велблуды, вино, сахарь, дорогое узорочье, камкы, насычье везут женам своим».¹⁹ Камка — привозная восточная шелковая ткань, известна в русских документах с конца XV в. Наиболее ранние примеры ее употребления зафиксированы и Срезневским в «Материалах»: «Хожение» Афанасия Никитина (1466—1472 гг.) и Духовная Михаила Андреевича Верейского (около 1486 г.). Ср.: «А у Офони, у Пронина сына, у Сомяникова взяли (поляки, — В. В.) осмнатцать литр шолку цвѣтного... да пять камочек турьскихъ» (1489 г.);²⁰ «Великая государыня наша Софья твоей светлости поминается, сорокъ соболей да камка» (1490 г.).²¹

В списке конца XV—начала XVI в. «Задонщины» читаем: «Уже сынове рускыя... волы и врьблуды и вина и сахарь и все доброе узороч[ь]е к а л с и м и насыч вывѣзут женам своим».²² В русской письменности слово «калсим» не встречается. Если это испорченное «камка» (по свидетель-

¹⁵ См.: Срезневский, Материалы, т. I, со ссылкой на Н. М. Карамзина: История государства Российского, т. V, прим. 428.

¹⁶ М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие XI—XIX вв., стр. 26.

¹⁷ СГГД. М., 1813, т. 1, № 25, стр. 40.

¹⁸ М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие XI—XIX вв., стр. 56.

¹⁹ ТОРДА, т. VI, стр. 242, список ГИМ, № 2060.

²⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, тт. I—V. М. — СПб., 1882—1913.

²¹ Памятники дипломатических сношений с Римскою империею, т. I. СПб., 1851, стр. 35.

²² Список ГИМ, № 3045 (ТОДРА, т. VI, стр. 237).

ству других поздних списков), то искажение писца можно объяснить, очевидно, новизной этого термина. Но может быть, это «килим» (перс., татарск. «келим», «гилям») — домотканый ковер без ворсы? Название «насыч», кроме «Сказания о Мамаевом побоище», куда оно могло попасть под влиянием «Задонщины», в русских текстах тоже не удалось обнаружить. Слово «к а т у н а» (тюркск. «катын», «хатын» и т. п. — «женщина», «жена») татаро-монгольской иго не ввело в состав русского языка, так как в этом не ощущалось особой необходимости, данное понятие целиком соответствовало славянскому «жена», а с XV в. — «женщина».²³ В «Задонщине» и в других памятниках XV—XVI вв. «катуна» употребляется как название татарских женщин: «туто погании... а ркуче: „Уже намъ, брат[и], в земли своей не бывати, а дѣтѣй своих не видати, а катун своих не трепати“»;²⁴ «А катуней (татарских, — В. В.) посадиша в иную гюрму легчае и виднѣе, у Трупеховыхъ ворот».²⁵ В середине XVI в. завоевание казанского царства Иваном IV несколько оживило это слово (см., например, «Казанскую историю», описание этого времени в летописях и др.). Трудно сказать, было ли оно в подлиннике «Задонщины»: если было, то почему-то оно не встречается в двух списках конца XVI—XVII вв.: ГИМа (№ 2060) и Ундольского. Переписчик Синодального списка произвел замену «катуна» на общерусское «жена» («татарове... глаголюще: „Уж нам у Золотой орда не бывати, бедных жон и детей не видати“»),²⁶ по-видимому, ввиду редкости этого слова и белорусского происхождения списка (на материале белорусских памятников это слово не зарегистрировано).

Некоторый интерес представляет употребление в раннем списке «Задонщины» слова «царь». Списки «Задонщины» упоминают неоднократно о «царе Мамае», «царе Соломоне», «царе Батые». До XV в. этим титулом на Руси величали византийских и других иноземных правителей, а также татарских ханов. В XV же столетии слово «царь» со значением всемогущей державной власти начало входить в обиход русского человека (впервые в «Слове о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича, царя русьскаго»), пока наконец в 1547 г. не закрепилось Иваном Грозным в качестве официального титула «государя всея Руси». Отдавая дань своему времени, писец XV в. в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» (1470-е годы) сделал следующее добавление, ретроспективно назвав князя Владимира Киевского царем русским: «помянуше прадѣда князя Володимера киевскаго, царя русскаго».²⁷

В «Задонщине» слово «орда» употребляется в списках XVI—XVII вв.²⁸ не только в значении названия татаро-монгольского государства — Золотой Орды — или сборища кочевых племен хана Мамае, но и в значении русского войска: «И молвяше ему фрязове: чему ти, поганый Мамай, на рускую землю, то ти была орда Залѣская времена первый»²⁹ (ср.: «То ты была орда Залѣская»)³⁰. Можно предполагать, что семантика

²³ В двух списках «Русской Правды» (Троицкий IV и Археографический II) XV в. впервые встречается синоним к слову «жена» — «женщина»: «Аще ся дасть человѣк или же н щ и н а утошна времени, дерн ему не надобѣ, а поидет прочь, да дасть 3 гривнѣ, а слоужил даром» (Правда Русская, Прилож., Закон судный, стр. 316).

²⁴ Список ГИМ, № 3045 (ТОДРА, т. VI, стр. 237).

²⁵ Псковская первая летопись. — ПСРА, т. IV, стр. 300, под 1535 г.

²⁶ ТОДРА, т. VI, стр. 255.

²⁷ ТОДРА, т. VI, стр. 233.

²⁸ Списки ГИМ (№ 2060), Ундольского, Синодальный.

²⁹ ТОДРА, т. VI, стр. 242, список ГИМ, № 2060.

³⁰ ТОДРА, т. VI, стр. 248, список Ундольского: «Залѣсскою стороною называлось, вероятно, все пространство на север от полей. Ср. в Воскресенской летописи под

тюркского слова «орда» на русской почве развивалась по двум линиям: с одной стороны, от названия татарского государства — Золотой орды — пошло значение страны, государства вообще («вѣдомо всѣм совѣтником и приказным людем, что у того Онтона былъ свой собинной двор годы съ три, и что он торговал про себя ж і вываживал товары здѣшняго государства ис твоей государевы области в ыные орды, и также приваживалъ товары сюда из ыныхъ земель»);³¹ другая семантическая линия ведет начало от «орды» как сборища кочевых племен, совершающих набеги на Русь: ордой стало иногда называться войско и других народов, иногда просто толпы. Оба эти значения фиксируются словарями и Картотекой Древнерусского словаря главным образом в XVI—XVII вв. В значении «войско» слово «орда» выступает в «Материалах» И. Срезневского в примере из «Хожения» Афанасия Никитина в Индию в списке XVI в.: «И царь послал за нами всю свою орду». Однако ордой здесь названо опять-таки татарское войско. Вот более полная цитата данного места из «Хожения» Афанасия Никитина: «поѣхали есмя мимо Хазтарокань... царь нас видѣл, а Татаровѣ намъ кликали: качма, не бѣгайте. И царь послалъ за нами всю свою орду, и... нас постигли на Бугунѣ, застрѣлили у нас человѣка»³² (ср.: «Того же лѣта прииде король Литовской Стефанъ Абатуръ со многими орды 17 земель подѣ пресловущій градъ Псковъ...» (1581 г.);³³ «... начат же с собою поднимати орды немецкие на разореніе святому мѣсту и на пролитіе христіанской крови» (1613 г.).³⁴ Ни одного примера, где бы «орда» применялась для обозначения русского войска, кроме «Задонщины», не встретилось. Все это позволяет сомневаться, фигурировало ли оно в самом подлиннике «Задонщины». Может быть, это явилось более поздней допиской, заменой?

Соединение в одном тексте слова с двумя полюсными значениями сказалось в списках «Задонщины» в употреблении слова «победа»: 1) одоление врага; 2) беда, поражение. В значении «беда», «поражение» оно встречается в трех списках «Задонщины» конца XVI—XVII вв.: «Въздаю поганому Мамаю победы и великому князю Дмитрию Ивановичю похвалу».³⁵ В письменных памятниках это значение находит применение редко. И. Срезневский не указал в своих «Материалах» ни одного примера, а отметил лишь прилагательное «победный» — несчастный в «Софийском временнике» под 1535 г. Зато «победу» в качестве беды, «победный» — бедный, несчастный фиксируют областные словари конца XIX—начала XX в.³⁶ По-видимому, оно приходило в письменность из живой народной речи, но проникновение «победы» — беды, поражения в памятники тормозилось общераспространенным значением — «одоление врага». В статье «Несколько дополнительных замечаний к Слову о Задонщине»³⁷ И. Срез-

1146 г.: «повоевав Корачев и бѣжа за лѣс в Вятичи» (ПСРЛ, т. VII, стр. 37); «Орда Залѣсская — войско Московское» (И. И. Срезневский. Несколько дополнительных замечаний к Слову о Задонщине. — ИОРЯС, 2-е отд., т. 7, II, СПб., 1858, стр. 100).

³¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией, т. II, стр. 211 (1586 г.).

³² ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 331.

³³ ПСРЛ, т. IV, Псковская первая летопись, стр. 319.

³⁴ Новгородская III летопись. — Новгородские летописи. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1879, стр. 363, список XVIII в.

³⁵ ТОДРА, т. VI, стр. 237, список ГИМ, № 3045; ср. стр. 243, список Ундольского и стр. 250, список Синодальный.

³⁶ А. Подвысоцкий. Архангельский областной словарь, СПб., 1885; Г. Куликowski. Словарь областной олонецкого наречия, СПб., 1889; В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

³⁷ ИОРЯС, 2-е отд., т. 7, в. II, стр. 96.

невский приводит две иллюстрации из Н1Л, где слово «победа» используется летописцем как «поражение», «беда». Вторая цитата, взятая И. Срезневским из Академического списка XV в. Н1Л (под 1380 г.), представляет некоторую параллель к «Задонщине»: «Възнес бог десницу князя великого Дмитрея Ивановича и брата его князя Володимера Андрѣевича на побѣду иноплеменник». ³⁸ Если бы мы были уверены, что начало Кирилло-Белозерского списка (1470-е годы) совпадает с подлинником «Задонщины», то можно было бы предполагать, что фраза: «Въздаю поганому Мамаю победы. . .» (см. выше) была вставлена в список ГИМа, № 2060 (конца XVI—начала XVII в.), не без влияния Н1Л. Но если эта фраза была в оригинале, то возможно и обратное влияние. Однако как бы там ни было, употребление слова «победа» в двух противоположных значениях в поздних списках «Задонщины» оправдано вполне тем, что в XVI—XVII вв., в период становления русского национального языка, в письменность особенно сильно врывается струя живой народной речи. Ср.: «Мамаи ж, видѣвъ побѣду свою, и нача призывати боги своя: . . . и не бысть ему помощи от них ничтоже»; ³⁹ «В болезнѣх бо всяка побѣда бываетъ труды готовятся»; ⁴⁰ «Вдовья побѣда (вар.: бѣда) горчае всѣхъ»; ⁴¹ «Слышанна же сія бывшая побѣда во всѣх градах московских, яко превеликая Москва разрушенна и раскопанна, и плакашася о таковой побѣде вси людіе». ⁴²

Выражение «Задонщины»: «В поле тебя (Мамаю, — В. В.) князи руския гораздо упилися и князеи с тобою нѣтъ ни воевод» ⁴³ в Синодальном списке XVII в. получило несколько иное звучание: «Нешто гораздо чтили их руския князи твою дружину темных князей великих вланов (уланов, — В. В.), што их с тобою никого нет?». ⁴⁴ По-видимому, переписчик Синодального списка решил к названию татарских «темных» князей еще добавить термин «улань». «Улан» (тюркск. «оглан») означало у татар члена ханской семьи, лицо княжеского рода (титул). В русских документах и произведениях «улан» встречается с конца XV в. (самый ранний пример отмечен И. Срезневским в «Софійском временнике» под 1480 г.; ср. также: «И перед Костянтина Заболотцкогo очима, сам яз въ головах и всѣ которые писаны царевичи и князи и уланы и воеводы князи и мурзы. . . всѣ роту и правду учинили» (1508 г.) ⁴⁵ или «Казанцы же: молны, и сеиты. . . имамы, и азѣи, афазы, князи и уланы и мурзы. . .»). ⁴⁶ Переписчик-белорус XVII в. включил это тюркское слово в «Задонщину» либо под влиянием «Поведания о Мамаевом побоище», где фигурирует этот термин, либо по внешней аналогии с бытовавшим в Польше с XVI в. словом «улан» (ułan), которое означало воина из частей легкой конницы, вооруженной пиками.

³⁸ См. также в Комиссионном списке Н1Л (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 377).

³⁹ Сказание о Мамаевом побоище. В кн.: С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. — СОРЯС, 1906, т. XI, № 7, стр. 31—32.

⁴⁰ Житие митрополита Филиппа, конец XVI в. Рукопись б. Румянцевского музея № 361. XVII в.

⁴¹ Книга степенная царского родословия, чч. 1—2 (ПСРЛ, т. XXI. СПб., 1908—1913), 1560-е годы, список XVI—XVII вв.

⁴² Повесть кн. И. М. Катырева-Ростовского (I редакция). — РИБ, т. 13, изд. 3. Л., 1925, 1626 г., список XVII в.

⁴³ ТОДРА, т. VI, стр. 242, список ГИМ, № 2060.

⁴⁴ Синодальный список (ТОДРА, т. VI, стр. 255).

⁴⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаем и Турциею, т. II (1508—1521 гг.). — Сборник Русского исторического общества, т. 95. СПб., 1895, стр. 20.

⁴⁶ Книга степенная царского родословия, чч. 1—2, стр. 641, 1560-е годы, список XVI—XVII вв.

Вставляя от себя этот архаизм в текст памятника, писец тут же убирает из Синодального списка другой, который, вероятно, входил в оригинал, а именно «выход» в значении дани русских татарам: «а на Рус[ь] нам (татарам, — В. В.) уже рат[ь]ю не хоживати, а в выхода намъ у русских князей не прашивати». ⁴⁷ Это новое значение слова «выход» закрепилось за ним во время владычества на Руси Золотой Орды как вид особенно тяжелой дани. В письменных памятниках «выход» фиксируется с XIV в.: ⁴⁸ «А перемѣнит бог Орду, дѣти мои не имут давати в выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем удѣлѣ, то тому и есть». ⁴⁹ Предсказанию московского князя Дмитрия Ивановича суждено было совершиться в конце XV в., когда великим князем Иваном III была окончательно уничтожена зависимость русских земель от татар. После прекращения уплаты дани начинает исчезать и термин «выход». Покорение Казанского царства Иваном Грозным в середине XVI в. не надолго оживляет это слово в языке, и к XVII в. оно становится архаизмом. Таким образом, в списках «Задонщины» — ГИМа (№ 2060) и Ундольского — фраза «а в выхода нам у русских князей не прашивати» переписывается по традиции. Также архаизмами для поздних списков «Задонщины» становятся термины, связанные с древним управлением Новгорода: «Вечные (вечевые, — В. В.) колоколы» («Звонят колоколы вѣчнии в великом в Новѣгородѣ») ⁵⁰ и «посадники новгородские» («и выѣхали посадники из великого Новогорода к великому князю Дмитрию Ивановичю»). ⁵¹ Первое упоминание о вечевом колоколе, звон которого возвещал сбор веча, относится в летописи к 1055 г. в Новгороде, к 1063 г. в Киеве. С конца XII в. вследствие усиления княжеской власти, а в XIII в. и по причине монгольского завоевания в городах южной и Ростово-Суздальской Руси вечевая деятельность была сведена на нет. Только в Новгороде до XV в. существовала боярская феодальная республика с вечевым строем. ⁵² Здесь вечевой колокол был символом независимости Новгорода. Поэтому в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» термин «вѣчный колокол» отражает еще живое явление. В 1478 г. по требованию московского князя Ивана III («вечью колоколу во отчине нашей в Новогороде не быти, посаднику не быти, а государство свое нам держати») вечевой колокол в Новгороде был снят, а новгородская земля оказалась навсегда присоединенной к Москве. Поэтому в списках конца XVI—XVII в. «Задонщины» выражение о звоне вечевых колоколов в Новгороде списывается по традиции. Та же самая судьба постигла слово «посадник» в его значении представителя власти в Новгороде и Пскове, избираемого вечем.

Из изложенного ясно, насколько важно при установлении архетипного текста «Задонщины» учитывать историю отдельных слов, особенно тех из них, которые могут быть отнесены к военной, политической и юридической терминологии или являются восточными по своему происхождению.

⁴⁷ Список ГИМ, № 3045 (ТОДРЛ, т. VI, стр. 237).

⁴⁸ См.: Срезневский, Материалы, Договорная грамота князя Дмитрия Ивановича 1375 г.

⁴⁹ Духовное завещание великого князя Дмитрия Ивановича 1389 г. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1950, стр. 36.

⁵⁰ ТОДРЛ, т. VI, стр. 233, Кирилло-Белозерский список.

⁵¹ ТОДРЛ, т. VI, стр. 238, список ГИМ, № 2060.

⁵² См.: История культуры древней Руси, т. II. Изд. АН СССР. М.—Л., 1951, стр. 24—25.

О. Ф. КОНОВАЛОВА

К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в.

В конце XIV и начале XV в., в период так называемого «второго югославянского влияния», развитие литературы отмечено возникновением новых приемов художественного творчества, нового отношения к герою, к жанру и стилю произведения. Эти художественные приемы получают наиболее широкое распространение в житиях, характер которых в отличие от житийных произведений более раннего периода изменяется.

Необычный стиль житий привлекал внимание исследователей литературы только с внешней стороны. Украшенность и пышность речи, «плетение словес» не связывались с определенной литературной теорией. Стиль рассматривался просто как «риторическо-панегирический», усложненный, затрудняющий понимание содержания произведения и оценивался поэтом в литературоведении в общем отрицательно.¹

В статье «Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV в.» Д. С. Лихачев впервые объяснил своеобразие стиля житий особым отношением писателя к своему творчеству.²

Выводы Д. С. Лихачева позволяют сделать предположение, что новый стиль, развившийся в XIV—XV вв., был связан с литературной теорией, отразившейся почти во всех житиях и представлявшей собой своеобразную систему взглядов, основанную на религиозно-философских воззрениях своего времени.

Суть этой литературной теории сводится к следующему: с точки зрения автора житий, достойно описания только идеальное, святое, а значит вечное. Вечно лишь «деяние» подвижника, т. е. то, что делает его святым. О святом и писать нужно особенным образом. Обычное слово бессильно по достоинству воспеть деяние героя. Это представление о невозможности адекватного отображения святости подвижника заставляет писателя обращаться к разному рода литературным приемам и искать выход в употреблении сложных стилистических форм.

¹ И. С. Некрасов. Древнерусский литератор. — Беседы в Обществе любителей российской словесности при Московском университете. М., 1867, вып. 1, стр. 39; В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 93, 112, 161; И. Яхонтов. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882, стр. 7, 8; А. Кадлубовский. Очерки об истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, стр. 165; В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. 198—217; Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период. Юрьев, 1911, стр. 192, 199—202; А. Н. Пыпин. История русской литературы. СПб., 1911, стр. 292, 296; А. С. Орлов. Лекции по древней русской литературе. М.—Л., 1939, стр. 188, 299, 210; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1956, стр. 235—242.

² Д. С. Лихачев. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV в. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 105—115.

Писатель занимает особую позицию по отношению к своему произведению. Он всюду говорит о собственном ничтожестве, о своем неумении писать, впрочем, так же как и о бессилии человеческого слова вообще. Унижая себя, сводя на нет свою роль в написании жития, автор стремится тем самым подчеркнуть невыразимость всего того, что служит предметом его писаний и одновременно как можно больше возвысить святого.

Объявляя слово бессильным для воплощения добродетелей святого, писатель все же пытается передать свои чувства. Он действует как бы по наитию, подчиняясь какому-то внешнему внушению, «некая сила» заставляет его писать. По его представлению, «вечное» само прорывается сквозь «материальное», «земное». В результате параллельно самоуничтожению писателя необычайно возрастает значение всего того, что им написано. Отсюда и особое значение «пышности» стиля произведений, которая так же необходима для возвышенного сюжета, как необходим драгоценный оклад на особо чтимой иконе. Вот почему писатель всячески усложняет стиль, создает особые фразеологические сочетания, изобретает новые слова, нагромождает эпитеты, метафоры, сравнения, обращается к ритмике, пытается выражать свои мысли цитатами из священного писания и т. д.

В свое время эта своеобразная литературная теория сыграла прогрессивную роль. Она способствовала дальнейшему развитию, совершенствованию и обогащению литературного языка. Вместе с тем в литературе впервые с такой силой стала проявляться личность автора произведения и с такой определенностью выступили художественные задачи писателя.

Литературная теория конца XIV—начала XV в. получила наиболее законченное выражение у Епифания Премудрого. Его «теория слова» находится в тесной связи с вопросом о литературном герое произведения, с отношением писателя к собственному творчеству. Епифаний твердо знает свою основную задачу — прославить подвиг святого и делает это всеми доступными ему художественными средствами.

Пораженный величием подвига святого, писатель говорит о своем бессилии выразить его святость.³ И все же Епифаний Премудрый считает, что писать необходимо, так как пишущий «хотел бых написати мало нечто, ако от многа мало на воспоминание».⁴ В этих словах выражается представление Епифания Премудрого о назначении писателя, художника. Божественная мудрость неизреченна, можно лишь что-то очень «малое» познать и рассказать земными словами, но и крупицы божественной мудрости достаточно для того, чтобы передать читателю восторженное отношение к святому, преклонение перед его деянием.

В письме к Кириллу Белозерскому Епифаний Премудрый рассказывает о своей встрече с Феофаном Греком, которого он просил нарисовать собор святой Софии в Константинополе: «Он же мудр мудре и отвеща ми: не мощно есть, рече, того ни тебе улучити, ни мне написати; но обаче доуки твоя ради мало нечто аки от части вписую ти, и тоже не ако от части, но яко от сотыя части, аки от многа мало, да от сего маловиднаго изображеннаго пищемага нами и прочая большая имати навъцати и разумети».⁵ Эта точка зрения, изложенная Епифанием от лица Феофана Грека, совпадает со взглядами самого Епифания. Он считает ее обязательной для каждого художника, творца.

³ См.: Д. С. Лихачев. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV в., стр. 107.

⁴ Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археологической комиссии, СПб., 1897 (в дальнейшем: Житие Стефана Пермского), стр. 1.

⁵ Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Белозерскому. — Православный собеседник, 1863, ноябрь, стр. 327.

В начале жития Стефана Пермского Епифаний пишет: «бых възмога поне мало нечто написати и похвалити добляго Стефана, проповедника вере и учителя Перми». ⁶ Стефан «доблий», доблестный потому, что он «воин Христов». В сущности же, все житие в соответствии со взглядами писателя на героя произведения является как бы обширным сравнением Стефана с воином. ⁷ Обращая пермян в христианскую веру, «добрый же Стефан, мужественный добропобедник, не имый страхования, но без боязни и без ужасты и по кумирницам их хожаше, и в нощи, и во дни, и по лесу, и по полю, и без народа, и пред народом, и обухом в лоб биаше идола и сокрушаше его, и секирою съсечаше его...». ⁸ Стефан Пермский сокрушает языческих идолов так же, как воин земной побеждает земного врага. Здесь и секира, и обух, и пламень... Как воин в обычном понимании слова окружен полками, так и Стефан окружен полками ангельскими. Однако, сравнивая, писатель имеет в виду деяние вообще. Для него важно восхищение подвигом; конкретные факты, касающиеся «воина земного», не интересуют автора жития. Он пространно говорит о том, что воин «многажды воевати, и брань сотворити и победити... и всячески одолети», ⁹ но не произносит ни одного слова о том, с кем и какая была битва, каким образом воин одолевает врага.

Так же как воину, «мужествовавшему и храбровавшему за своего царя», летописец воздает хвалу, так и Епифаний воздает хвалу воину царя небесного. «Не паче ли нам подобаше хвалу к хвале приложити, ции ли не лепо есть нам похвалити сего добраго храбраго воина, иже бысть воин, не ако земному царю или князю века сего, но воин царя небесного, и воевода сын церковный, иже добре мужествовавше, подвизаеся за веру и за святую церковь свою». ¹⁰

Подвиг «добляго» Стефана сравнивается не просто с деянием воина, но с деянием «храброго», «мужественного» воина. И здесь проявляется постоянное желание писателя возвысить своего героя. Однако слова кажутся Епифанию неубедительными, сравнения недостаточно яркими. Он стремится усилить впечатление от сказанного указанием на собственное бессилие, выразить свой восторг, вызванный мужеством Стефана. Восхищение переполняет душу писателя, и слова льются неудержимо и страстно, как бы произвольно, вопреки авторскому сознанию своей беспомощности. При этом конкретные значения слов стираются, писателю важен внутренний смысл слова, для выражения мысли нужны многие слова, слова, вызывающие особые, абстрактные ассоциации, имеющие очень далекое внешнее сходство со сравниваемым предметом, но создающие впечатление тайны, которая окружает божественную мудрость и святость подвижника. ¹¹

Епифаний как бы сводит на нет свою роль в написании жития и просит бога прославить Стефана. Он, писатель, лишь орудие в руках бога. Похвалу же создает бог: «Да акож Стефан прославил есть имя твое на земли пред человеки, тако и ты, Отче, прослави его самого на небесех пред святыми ангелы твоими». ¹² Может быть, по представлению Епифания, святой в известной мере сам является творцом своего жития: святой, воин хри-

⁶ Житие Стефана Пермского, стр. 3.

⁷ Метафора святой — «воин христов» широко применялась в русской житийной литературе уже с XI в. (см.: В. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 103—109).

⁸ Житие Стефана Пермского, стр. 37.

⁹ Там же, стр. 101.

¹⁰ Там же, стр. 107.

¹¹ См.: Д. С. Лихачев. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV в., стр. 108.

¹² Житие Стефана Пермского, стр. 3.

стов, исполненный любви к богу, во имя бога совершает подвиг. Писатель же, прослышав о чуде, обязан писать. Писатель, вдохновляемый богом, пишет не по своей воле, а потому что подвиг святого вечен, величествен, идеален, пишет, дабы сохранить подвиг — «памяти ради»: «Видение бо есть вернейши слышания, уверит же многажды и слух слышащим, аще будут во истину глаголемаа, аще ли не написана будут памяти ради, то изыдет ис памяти и, в преходящаа лета и пременующим родом удобь сия забвена будут, да аще бес писания забываема бывают. То не полезно есть, еже в забыт положить житие его и аки глубине, молчанию предати толику ползу».¹³

Всеми силами стремится Епифаний Премудрый унижить себя. Он и «ако скот бых», и «осля бессловеное», земной, греховный человек с «душевными вредами», «телесными страстями». Он не знает «ни плетения риторьска, не ветийских глагол, ни Платоновых, ни Аристотелевых бесед не стяжах, ни философия, ни хитроречия не навыхох». Писатель — «недостойный, убогий инок». Речь его «зазорна, неустроена, неухыщрена», он «груб умом и словом невежа», «худ имеет разум» и «промысл вредноумен».¹⁴ Примеров можно было бы привести множество.

Похвала святого нужна земным, грешным людям. Святой чужд житейских страстей, ему следует подражать и поклоняться. Через него люди приближаются к самому богу. Поэтому-то писатель, зная, что не может по достоинству воспеть деяние святого, все же творит, пишет во имя высокой цели.

Писатель сожалеет о своем убожестве. Он снова и снова возвращается к теме самоунижения. Так же как и в начале повествования, Епифаний в заключении говорит о том, что он не в силах не писать. Слова восхваления святого и самоунижения автора жития льются как бы произвольно, неуправляемым потоком. «Но доколе не остану много глаголати, доколе не оставлю похвалению слова, доколе не престану предложенаго и продльжнаго хвалослова? Аще бо и многажды възхотел бых изьоставити беседу, но обаче любы его влечет мя на похваление и на плетение словес».¹⁵ Епифаний хочет объяснить, показать читателю, что не он сам пишет, а божественная сила заставляет его, «влечет» на писание жития. Деяние святого настолько велико, что он не может не писать, даже если бы «многажды» захотел «остановить беседу». Даже тогда, когда собственно история жития окончена, Епифаний все еще не в силах остановиться.

За этим довольно простым изложением взглядов писателя на свое произведение кроется очень сложная, логически завершенная и продуманная система. То, о чем мы уже сказали, лишь писательская позиция, необходимая ему для целей, с его точки зрения, вполне определенных и важных.

Стремление писателя унижить себя является одним из средств возвысить свое произведение, указать на его боговдохновенность и тем самым зажечь читателя или слушателя любовью к святому, призвать читателя к поклонению тому, что написано, и что само по себе свято, свято по своему происхождению. Самоуничижение писателя несомненно нарочито, но это делается настолько искусно, что создается полная иллюзия искренности писателя, и именно эта тонкая игра в искренность, в простодушие, временами переходящая в настоящее увлечение, оказывала особенно сильное воздействие на читателя.

¹³ Житие Стефана Пермского, стр. 1.

¹⁴ Там же, стр. 1—4.

¹⁵ Там же, стр. 110.

Постоянное стремление Епифания Премудрого отделить свое произведение от всего земного, «материального», возвысить его до «дела божьего» проявляется и в предисловии к Житию Сергия Радонежского. Предисловие представляет собой развернутое сравнение: житие святого — трапеза духовная («Се убо духовная трапеза предлежит»).¹⁶ Житие рассматривается как проповедь, произносимая на церковных празднествах. Проповедь предлагается как трапеза духовная, значит и житие должно восприниматься как духовная пища. Писателю очень важно отметить этот момент. Здесь корни его литературной теории. Житие, являющееся само по себе «вещественным» литературным произведением в силу своего назначения и содержания (воспевание и прославление необыкновенного деяния святого), как бы перестает быть материальным, земным, обычным, а превращается в духовное, идеальное — духовную трапезу.

С одной стороны, Епифаний возвышает самую тему своего произведения и заставляет своего читателя или слушателя проникнуться святостью совершаемого дела, с другой — автору жития в соответствии с его литературной позицией необходимо подчеркнуть, что он сам, как «земной» человек, пассивен и действует лишь благодаря воле божией.

Если учесть все это, то становится понятным и использование «причастия» в качестве художественного образа: как через евхаристию верующий соединяется с Христом и получает залог вечной жизни, так и через проповедь — духовную трапезу — человек, вкушая пищу духовную, отрешается от «земных», «греховных» дел, очищается, получает возможность познать истину («Приидете ж ако да причастимся словесы»).¹⁷ Епифаний последовательно использует образы евхаристии: «се хлебы неистоощаемя пища», «се вино душа и телеса веселящее». ¹⁸ Однако евангельский смысл евхаристии изменен. Все воспринимается как духовное, абстрактное. Вкушая духовную пищу, восхищаясь деяниями святого. Для Епифания Премудрого неважно реальное значение трапезы-проповеди. Он хочет внушить читателям, что житие как литературное произведение для него не существует. Ему важно проникнуть в самую сущность события. Используя образ евхаристии, писатель думает о ее символическом значении. Говоря о трапезе, он имеет в виду проповедь, житие. Трапеза — символ, образ проповеди, как хлеб и вино — символы христианской веры.

В отличие от жития Стефана, в данном случае Епифанию не понадобилось подробно объяснять причину написания жития, зато о трапезе писатель говорит много и с большим чувством.

Все это в целом поясняет и развивает одно из основных положений литературной теории Епифания: писание жития — дело божие, далекое от «земных», «греховных» дел.

Трапезы духовной достойны лишь немногие. На трапезу-проповедь — чтение жития — приглашаются монахи, празднолюбы, овчата духовные ¹⁹ и т. д., т. е. какие-то определенные, избранные лица, далекие от мирских дел. Тем самым как бы определяется круг читателей, на которых рассчитано литературное произведение: «Сподоби мя принести похвалы тебе, приносящаго молбы о моей худости, к Христу богу нашему. Аще бо и вси достойни. Но аз надостойн есмь влекою и жадаю, да поне крупицам трапезы избранных причастник буду. Могут бо и множество крупиц насытити алчущих душа, наипаче же духовных отец учения, и душеполезнаа слювеса не токмо телеса, но и самую душу могут укрепити и окормяти

¹⁶ Древние жития Сергия Радонежского. Изд. Н. Тихонравова. М., 1892, стр. 70.

¹⁷ Там же, стр. 71.

¹⁸ Там же, стр. 70.

¹⁹ Там же.

к духовным подвигом».²⁰ Писатель и себя считает достойным «вкусить от духовной пищи». Тем самым он как бы устраняется от писания жития и подчеркивает, что житие — создание самого святого, писатель же лишь орудие в руках бога, и, работая над житием, он сам как бы приобщается к святости.

Необходимо обратить внимание на то, что это тройное сравнение — житие—проповедь—трапеза духовная — отражает удивительное умение писателя художественно верно и тонко передать свою мысль. На трапезу не просто приглашаются, но заываются. Приглашение в начале жития представляет собой обычное зазывание, взятое из мирской жизни (опять характерное для Епифания противопоставление мирской и духовной жизни). Однако приглашаются лишь люди, богу угодные. Этим сразу отделяется зазывание на духовную трапезу от обычного «земного» зазывания. Епифаний приглашает на духовную трапезу. Зазывание же на эту трапезу идет не от самого Епифания, греховного человека, а «се бо свыше наше звание приде».²¹ Епифаний все время подчеркивает, что он пишет по воле божей, что он орудие божественной мудрости. Внутренне он, конечно, сознает свое умение говорить искусно, но хочет внушить читателю, что это не его заслуга.

В Житии Сергия уже нет большого количества ссылок на собственное ничтожество. И это неслучайно. Называя житие трапезой духовной, Епифаний Премудрый достигает своей основной цели: возвысить предмет своего творчества. Художественный вкус и тонкое мастерство никогда не изменяют писателю. Произведение создается для церковных торжеств, и говорить о себе, земном, — лишнее. Писатель как бы растворился в создании своего произведения, он проникся сам святостью того дела, в котором он принял участие. Через житие к читателю переходит истина, данная самим богом.

Епифаний пишет: «Не бо от человек наше звание, но сама святаа живоначалнаа създательнаа и человеческим умом непостижимаа Троица ликованиа воздвиже».²²

Можно сделать вывод об отношении писателя к литературе, проявившемся и в данном произведении. Логическая последовательность рассуждений писателя такова: литературное произведение — это трапеза, празднество, ликование, а значит, и отношение к литературе должно быть особым, как к чему-то свыше предложенному для спасения читателя, для его духовного насыщения. Это говорит о понимании Епифанием литературы и о сознательном возвышении ее.

Ясно, что все это необходимая литературная позиция, зависящая от религиозно-философских взглядов писателя. Писатель считает, что его долг прославить святого. Святой-подвижник близок богу, чужд житейских страстей, ему следует подражать и поклоняться. Через него возможно приближение к самому богу. И только тогда — блаженство и истина. Здесь можно увидеть отголосок учения исихастов,²³ расцвет которого приходится как раз на XIV—XV вв. Исихазм установил целую систему переходных степеней приближения к богу. Таковы и практические добродетели, главное в которых — деяние, что и имеет все время ввиду Епифаний Премудрый.

Писатель, Епифаний Премудрый, подготавливается заранее, обдумывает каждую мелочь, пользуется всеми доступными ему художественными

²⁰ Древние жития Сергия Радонежского, стр. 132.

²¹ Там же, стр. 70.

²² Там же, стр. 71.

²³ См.: П. Диневков. Стара българска литература, ч. 2. София, 1953, стр. 39—42.

средствами. Искренность заменяется искусственностью, простота изысканностью. Писатель стремится ошеломить читателя своей искусностью, образованностью, красноречием. Так, он говорит о своей «неучености», а сам приводит для сравнения до 10—15 библейских текстов или в подтверждение своих слов просит у бога «слова потребна», пишет о своем незнании «витийств словесных», а на самом деле наполняет житие различными словесными ухищрениями. У опытного, красноречивого писателя, оказывается, нет таких слов, которые могли бы «достойно воспеть деяние святого», таких слов нет вообще у земных людей, и если то, что делает писатель, лишь жалкие попытки, то как, следовательно, велико значение подвига святого. Здесь несомненно расчет на воздействие контрастов. Никто не может «достойно похвалить святого», недаром эта фраза в тех или иных вариантах присутствует почти в каждом житии.

Епифаний бессилен выразить свое восхищение святым. По существу же, он достаточно силен для того, чтобы написать действительно художественную и исключительно красноречивую похвалу святому.

В отличие от писателей более раннего времени у Епифания Премудрого на первый план поставлено новое начало — стремление к личной инициативе, внутренняя убежденность, прикрываемая божественной творческой силой. Для читателей писатель должен быть орудием этой божественной силы. «Молюся святей Троицы единосущней, неразделимей, прошу дара да ми послеть благодать свою, в помощь мою. Да ми подаст слово твердо разумно и протранно, да ми въздвигнет ум мой отягченный унынием и дебельством плотным; да ми очистит сердце мое острупленное многими струпы душевных вредов и телесных страстей».²⁴

Сам писатель уже почти перестает считать себя таковым, создавая впечатление «нерукотворенности» всего им написанного. Эта его литературная позиция, писательская хитрость, необходимая для более сильного воздействия на читателя. Однако на самом деле здесь не только вдохновение свыше, но и искусство, не только надежда на тайный голос откровения, но и сознательная работа.

Литературная теория Епифания Премудрого была прогрессивна. Ведь, говоря о святости предмета изображения, о его неизреченности, недостижимости, она на самом деле требовала от писателя все новых и новых попыток адекватного изображения описываемого. Говоря о бессилии человеческого слова, она побуждала писателя к тщательной работе над языком, к стилистическому новаторству, к словотворчеству. Говоря о ничтожестве писателя, она, по существу, высоко поднимала значение его деятельности.

В конечном счете эта теория обогатила русскую литературу новыми способами художественного мастерства и русский литературный язык новыми словами, метафорами, эпитетами, сравнениями.

²⁴ Житие Стефана Пермского, стр. 3.

Н. В. ВОДОВОЗОВ

**Былина Кириши Данилова о Волхе и древние русско-индийские
отношения**

Несмотря на большое количество исследований, посвященных изучению былины о Волхе Всеславиче, многое в ней остается еще невыясненным. Можно считать общепризнанным в науке мнение о древнем происхождении этой былины. Однако представители мифологической школы видели в образе богатыря Волха фигуру мифологическую, усматривая в факте рождения Волха от Змея намек на древний новгородский миф о происхождении реки Волхова от Змея, засевшего на месте речного пути,¹ а представители школы заимствования проводили аналогию между образом Волха и богом Индрой — покровителем охоты² или же сравнивали Волха с германским Ортнитом.³ Наконец, представители так называемой исторической школы в русской дореволюционной науке весьма искусно, но и довольно искусственно отождествляли былинного Волха с древнерусским князем Олегом вешим⁴ или даже с княгиней Ольгой,⁵ выискивая в древнейших летописных сказаниях общие черты с рассматриваемой былинной.

Образ былинного Волха привлек внимание и зарубежных исследователей. Так, в книге «Russian epic studies» (Philadelphia, American Folklore Society, 1949 (= Memoirs of the American Folklore Society, v. 42, 1947)) появилась статья двух авторов Р. Якобсона и М. Шефтеля (Roman Jakobson and Marc Szeftel) «The Vseslav epos». Путем сопоставления текста былины с текстом Повести временных лет и «Слова о полку Игореве» авторы статьи приходят к выводу, что эти источники сохранили в близкой друг другу передаче следы древнерусского эпоса о полоцком князе Всеславе, известном в качестве князя-оборотня (werewolf). Оба названных автора в своем исследовании методологически идут по пути М. Г. Халанского, утверждавшего, «что былина о Волхе Всеславьевиче совпадает в некоторых чертах с древними сказаниями о князе Всеславе Полоцком, отразившимися в „Слове о полку Игореве“». ⁶ Правда, в отличие от М. Халанского американские ученые привлекли дополнительный материал из летописи и пришли к заключению, что сохранившиеся в русской письменности XII в. и в устной народно-поэтической традиции сведения о князе-оборотне позволяют предполагать существование особого древнерусского эпоса о полоцком князе Всеславе.

¹ Ф. Буслаев. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887, стр. 32—35.

² О. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869, стр. 202.

³ А. Веселовский, ЖМНП, 1890, № 3, стр. 24—26.

⁴ М. Халанский, ЖМНП, 1902, № 8; 1903, № 11.

⁵ С. Шамбинаго, ЖМНП, 1905, № 11.

⁶ М. Халанский. Южнославянские сказания о королевиче Марке. Варшава, 1893, стр. 56.

Несколько позднее Р. Якобсон и Г. Ружишич (Сojko Ružičić) опубликовали статью «The Serbian Zmaj Ognieni Vuk and the Russian Vseslav Epos»,⁷ в которой сопоставили русскую былинную и сербскую народную песню. Статья представляет интерес тем, что в ней на фактическом материале показаны общеславянские фольклорные традиции и связи.

Мнение о том, что в былинном образе Волха отразились некоторые черты биографий древнерусских князей, поддерживается также и некоторыми советскими учеными. Например, Д. С. Лихачев пишет: «Образ Вольги, князя-кудесника, весьма древний... К таким князьям-кудесникам в сравнительно уже позднюю эпоху причислялись двое князей — Олег Вещий в X веке и Всеслав Полоцкий во второй половине XI века. Их обоих, а может быть и еще кого-нибудь третьего, и соединил в своем образе былинный Вольга».⁸

Иную точку зрения на образ Волха-Вольги высказал В. Я. Пропп в работе «Русский героический эпос». В. Я. Пропп пишет: «Рождение Волха... каким оно является в былине, сохраняет древнейшие тотемистические представления восточных славян о животных как о предках человека и о возможности рождения великого охотника и волхва непосредственно от отца-животного». Вслед за тем, подводя итог своему изучению былины о Волхе, исследователь делает следующее заключение: «древнейшая основа песни о походе Волха — песня о набеге первоначально в поисках охотничьих угодий, позднее в целях угона скота. И начальник дружины и сама дружина — охотники, питающиеся и одевающиеся охотой. Набег носит хищнический характер: все население перебивается, скот и имущество распределяется между победителями. Между ними же распределяются женщины, и победители не возвращаются, а остаются жить на занятых местах... Позднее народом была сделана попытка приурочить этот поход к позднейшим историческим интересам народа. Волх был представлен защитником Киева (теперь он мог получить имя Вольги и отчество Всеславевича), его противник приобретает либо сказочно-фантастическую окраску, превратившись в индейского царя, либо мнимоисторическую — царя Золотой Орды или туредкого султана. Однако эта попытка не была доведена до конца, осталась незавершенной, и песня о Волхе-Вольге, была почти забыта и заброшена».⁹

Приведенные выводы исследователя интересны, но, в сущности, ничем не подкреплены. Попытка объяснить рассказ былины о чудесном рождении Волха древнейшими тотемистическими представлениями восточных славян о животных как о предках человека мало чем отличается от подобных же произвольных попыток представителей мифологической школы показать связь каждого былинного сюжета с мифологическими представлениями русского народа. Нельзя согласиться с В. Я. Проппом и в том, что данная былина первоначально была песней о хищническом набеге и лишь потом приурочена народом к его позднейшим историческим интересам. Во-первых откуда взял исследователь первоначальный вид этой песни? Может быть, его никогда и не было? Нельзя же строить исследование на сконструированных самим исследователем фактах! Во-вторых, о каких позднейших исторических интересах народа можно говорить, если исследователь утверждает, что поход Волха был направлен либо против

⁷ Extrait de l'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Historie Orientales et Slaves, tome X (1950), Mélanges Henri Grégoire, II.

⁸ Русское народное поэтическое творчество, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 200—201.

⁹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 72.

сказочно-фантастического противника, либо против мнимоисторического. Не пытаюсь разобраться в этих противоречиях, В. Я. Пропп находит простейший выход, объявив рассматриваемую былинку незавершенной, неудачной, а потому почти забытой и заброшенной.

Но последнее утверждение исследователя противоречит общеизвестным фактам. Былина о походе Волха-Вольги дошла до нас в восьми полноценных записях. При этом первая запись была сделана уже в XVIII в., а последняя — в XX в. О каком же забвении былины может идти речь? Правда, лишь в двух из этих восьми записей говорится о походе Волха против индийского царя, в остальных противником Вольги является либо царь Золотой Орды, либо турецкий султан. В. Я. Пропп рассматривает все эти записи как варианты одного и того же былинного сюжета. Мне это кажется неправильным. Во всяком случае вызывает недоумение отнесение В. Я. Проппом былинного царя Золотой Орды или турецкого султана к числу «мнимоисторических образов». От Батыя до Ахмата на протяжении двухсот пятидесяти лет цари Золотой Орды задумывали и совершали грабительские походы на Русскую землю. То же следует сказать и о турецких султанах. Если в былине изображается татарский царь или турецкий султан в момент обдумывания им нападения на Русское государство, то это никак нельзя признать фактом мнимоисторическим.

Но не больше оснований признать сказочно-фантастическим и образ индийского царя в былине. Для этого лишь надо обратиться к содержанию былины о Волхе, отбросив произвольное предположение о «незавершенности», «неудачности» былины или о ее якобы первоначальном виде. Право, мы не погрешим против истины, если признаем былинку о Волхе из сборника Кирши Данилова вполне законченной, художественно целостной, единой по своему замыслу и очень значительной по своему содержанию в общей системе русского народного эпоса.

Прежде всего посмотрим, к какому историческому периоду может быть отнесен образ индийского царя, о котором говорит былина. Этот индийский царь носит отнюдь не индийское имя Салтыка Ставрुльевича, о нем сказано, что он «буйной головы Батыевич». Имя царя «Салтык» произведено от татарского слова salt — «нрав», «обычай», отчество «Ставрульевич» — от имени Хоставрула, шурина хана Батыя, известного нам по памятникам русской письменности XIII в. Чтобы сделать аналогию между царем Салтыком и Батыем еще более ясной, былина называет Салтыка Ставрульевича «буйной головой Батыевичем». Итак, былина очень хорошо знает, о каком именно индийском царе она говорит. Это татарский завоеватель, подобный Батыю (очевидно, по жестокости и по размаху завоеваний). Он хорошо памятен русскому народу. Былина знает, что он собирается из Индии «Русь воевать», и былина, исполненная высокого патриотического чувства, сурово предупреждает его, что на Руси «родился могуч богатырь, тебе царю сопротивничек».

Историческая ситуация, раскрытая в былине о Волхе, настолько ясна, что не представляет особых трудностей для отнесения ее к определенной эпохе. Вспомним, что в конце XIV столетия Русской земле угрожал один из наиболее свирепых тюрско-татарских завоевателей, известный в памятниках русской письменности под именем Темир-Аксака, а по зарубежным источникам под именем Тамерлана.

Первое столкновение русского народа с Тамерланом произошло в 1395 г. Разгромив 15 апреля этого года на реке Терекке войска золотоордынского хана Тохтамышша, Тамерлан двинулся на север, сначала к Дону, а затем далее, в пределы Руси. Восточные историки Низам-ад-дин Шами и Шереф-ад-дин Али Иезди сообщают, что Тамерлан вторгся в область

города Машкав, т. е. Москвы, совершив там огромное опустошение. Это сообщение восточных историков не совсем точно, но представляет большой интерес именно своей неточностью. На самом деле, по свидетельству русских летописей, Тамерлан вторгся в Рязанское княжество и захватил город Елец «и князя Елецкого пойма, и люди плени, а иных изби». ¹⁰ Хотя в конце XIV столетия Рязанское княжество было независимо от Москвы, но после победы Дмитрия Донского над Мамаем в 1380 г. в глазах не только русских патриотов, но всех чужестранцев Москва являлась общепризнанным центром всей Русской земли. Вот почему нападение Тамерлана на Рязанское княжество было воспринято современным арабским историком как нападение на одну из областей Москвы.

Московский великий князь Василий Дмитриевич (сын Дмитрия Донского), узнав о захвате Ельца войсками Тамерлана, немедленно выступил с большим ополчением к городу Коломне и занял все переправы через Оку, чтобы преградить путь свирепому завоевателю на север. Однако Тамерлан неожиданно уклонился от сражения и повернул назад. Возможно, полученные им сведения о разгроме русскими войсками патнадцать лет тому назад всех сил Золотой Орды на Куликовом поле послужили хорошим предостережением для Тамерлана, и он не захотел рисковать своим войском в то время, когда его смертельный враг, хан Тохтамыш, еще не был окончательно уничтожен.

Зимой 1395 г. Тамерлан предпринял новый поход. Пройдя по льду Волгу, он внезапно захватил Астрахань и, выселив из нее жителей, поджег город. После этого он двинулся к столице Золотой Орды — Сарая Берке и, взяв ее, отдал своим воинам на полное разграбление. Город был преднамеренно и обдуманно выжжен дотла и полностью уже никогда не восстанавливался. В XIX в. во время раскопок Сарая Берке русскими археологами были обнаружены следы огромного пожара, охватившего многие городские кварталы.

Русские летописи, внимательно следившие за всеми действиями Тамерлана и часто осведомленные в них лучше арабских писателей, сообщают много подробностей. Русский народ, переживший ужасы первого Тамерланова нашествия, с напряженным ожиданием следил за каждым новым шагом мирового завоевателя, готовясь к героической защите родной земли.

Лучшими осведомителями во всем, что касалось действий Тамерлана, могли быть русские купцы, проживавшие в Самарканде или приезжавшие туда по своим торговым делам. Насколько существенны могли быть сведения, передаваемые купцами, о подготавливавшихся враждебных действиях против Русской земли, можно судить по рассказу русской летописи о том, как хан Тохтамыш, готовя свое вторжение на Русь, прежде всего позаботился, чтобы никто не принес «вести на Русьскую землю о его приходе, того бо ради вси гости Руськыи поимани быша и пограблени и удержани, дабы не было вести Руси, но абаче суть неции доброхоты на пределах ординьских на то устроени поборницы суще земли Русьской». ¹¹

О наличии широко развитой русской торговли со странами Средней Азии свидетельствует кастильский посол при дворе Тамерлана Рюи Гонсалес де Клавихо, который сообщает, что в 1404 г. он встречал русских купцов на улицах и базарах Самарканда. Естественно, эти купцы, будучи «доброхотами», специально посланными для соблюдения русских интересов, должны были сообщать о завоевательном походе Тамерлана в Индию

¹⁰ ПСРЛ, т. XI СПб., 1897, стр. 159

¹¹ ПСРЛ, т. VI СПб., 1853, стр. 99

в 1398—1399 гг. От этих купцов на Руси могли узнать, что в декабре 1398 г. Тамерлан после кровопролитной битвы занял индийский город Дели, подвергнув его неслыханному разграблению. А затем, в 1399 г., войска тюркско-татарского завоевателя достигли берегов Ганга, сметая на своем пути города Индии и уничтожая население этой страны.

Узнать новые планы врага, находившегося в Индии, но готового в любое время вернуться из этой далекой страны для новых опустошений в Русскую землю, было конечно очень важно тогда для русского народа. Народное поэтическое творчество в художественной форме былины выразило патриотические чувства русских людей. Былина призывала быть готовыми к вражескому нашествию, она выражала уверенность в силах русских людей, способных справиться с любым захватчиком, она предупреждала врага о неминуемой гибели, если он осмелится пойти войной на Русскую землю.

Таков смысл превосходной русской былины о походе быгатыря Волха против Салтыка Ставрुльевича, захватническим путем ставшего индийским царем. Остановимся еще на некоторых подробностях былины. В ней, например, указывается на участие в замыслах индийского царя его жены, царицы Азвяковны. Это довольно редкий случай в русских былинах, где обычно враждебные русскому народу цари действуют без женских советов. Но вот у Низам-ад-дина Шами мы встречаем сообщение о том, что Тамерлан, отправляясь в 1391 г. в поход против Тохтамыша, отослал всех своих жен и царевен в Самарканд, а любимую жену Чулпан Мелик-агу взял с собою. Это сведение об участии жены Тамерлана в его военном предприятии, возможно, находится в какой-то связи с рассказом русской былины об участии царицы Азвяковны в обсуждении военных захватнических планов ее мужа, Салтыка Ставрульевича.

Необходимо также остановиться на заключительных стихах былины, в которых говорится, что Волх, победив индийского царя, приказывает своей дружине ходить по его царству и рубить «старого, малого», никого не оставляя «на семена». Что здесь речь идет не об индийском населении, ясно уже из того, что после исполнения его сурового приказа Волх делается сам индийским царем. Над кем же он стал бы царствовать, если все население страны было бы уничтожено его дружиной? Единственным объяснением указанного места былины может быть только одно: Волх приказывает своей дружине уничтожать всех воинов Салтыка Ставрульевича, от старого до малого, т. е. от старшего по чину до самого младшего. А это должно было отвечать также и интересам трудового индийского народа, в полной мере испытавшего тяжесть нашествия тюркско-татарских завоевателей.

Таким образом, в былине Кирши Данилова о Волхе мы имеем дело не со сказочно-фантастическими персонажами, а с отражением древних русско-индийских связей, свидетельствующих об исторической общности интересов русского и индийского народов, одинаково испытавших в конце XIV в. кровавое нашествие одного из самых жестоких мировых завоевателей.

А. И. ПОПОВ

Новгородская 1-я летопись и немецкая грамота 1331 г.

Памятники древнерусской письменности, особенно летописи, имеют немало точек соприкосновения с источниками иноземного происхождения. Явления этого рода представляют особый интерес и значение по вполне понятным причинам, так как нередко могут быть использованы для проверки и уточнения сообщений летописи о различных событиях и лицах.

Настоящая заметка посвящена примеру подобного соприкосновения Н1А с содержанием одного немецкого документа XIV в. Речь идет о донесении Немецкого двора в Новгороде Рижскому магистрату от 10 ноября 1331 г. о ссоре русских с немецкими купцами и последующих событиях, возникших в связи с убийством одного из участников ссоры. Эта грамота перепечатывалась неоднократно; ее можно найти у Бунге¹ и в других собраниях немецких грамот ливонского происхождения. В русском переводе грамота была помещена в ЧОИДР за 1893 г.² и отсюда воспроизведена в издании «Памятники истории Великого Новгорода».³

Касаясь непосредственно событий, происшедших в самом Новгороде, но не отмеченных русскими источниками, немецкая грамота 1331 г. упоминает нескольких новгородских деятелей, известных нам из летописи. В первую очередь здесь следует указать известного Матвея Козку (или Коску), имя которого неоднократно фигурирует на страницах летописи, так как это был крупный феодал — боярин и посадник, принадлежавший к одной из знатнейших новгородских семей.⁴ Матвей Козка (Coseke, Coseken) упомянут в указанном немецком донесении трижды как лицо, являвшееся главным уполномоченным новгородского веча⁵ в переговорах с Немецким двором о наказании виновных и возмещении ущерба в связи с убийством немцами одного из новгородцев.

Издатель рассматриваемого памятника С. В. Бахрушин, не узнав в Матвее Coseke немецкой грамоты известного новгородского деятеля, именует его Матвеем Козекем. Между тем совершенно очевидно, что это именно боярин Матвей Козка, который в следующем 1332 г. занял должность новгородского посадника.

Однако точки соприкосновения немецкого и русских источников сказанным не исчерпываются, так как в донесении Немецкого двора упоминаются и другие новгородцы, указываемые в летописях. В частности, Те-

¹ Liv-, Esth-und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten, Reval-Riga, 1852—1867.

² Кн. 1, отд. V, стр. 1.

³ М., 1909, изд. Н. Н. Клочкова, ред. С. В. Бахрушина.

⁴ Матвей Козка упоминается в Н1А под 1332, 1339, 1340, 1342, 1345 гг. В 1332 г. Козка получил посадничество первый раз, в 1345 г. — вторично. Отец и сын его также были посадниками.

⁵ В переводе ошибочно говорится «суд», а не «вече»; ошибка возникла из-за двойного смысла средне немецкого *dinc*.

рентий (Thurentekey) немецкой грамоты есть, по-видимому, не кто иной, как боярин Терентий Данилович, упоминаемый летописью под 1333 и 1340 гг., опять вместе с Козкой; здесь они выступают в качестве воевод в походе на Торжок (Козка вновь указан первым).⁶

Можно думать, что Сильвестр грамоты (несомненно боярин) является тем же лицом, что Селивестр Волошевич летописи под 1339 г., посол к Ивану Даниловичу Калите с выходом от Великого Новгорода. Немецкая грамота 1331 г. упоминает бояр Захария Фефилатова и Якова Симона; летопись знает бояр Фефилатовых (Михайло Фефилатов, 1348 г.), тогда как Яков Симон, по всей вероятности, не кто иной, как Яков (Семенович) Хотов (1348 г. и др.).⁷ Заметим, что сыном Захарии Фефилатова является, по-видимому, посадник новгородский Андреян Захарьинич (Ондрешко)⁸ — противник знаменитого Луки Варфоломеева и его брата, Матвея Козки.

В заключение обратим внимание на то обстоятельство, что немецкий документ совершенно случайного происхождения оказывается имеющим много точек соприкосновения с новгородской летописью в отношении знакомства с боярской верхушкой. Это является лишним доказательством того, что новгородская аристократия была крайне немногочисленна, представляя небольшую группу боярских семей. Помимо подобных выводов исторического порядка, самое наличие общих элементов в русской летописи и иноземных известиях имеет большой интерес для изучения и разъяснения древнерусских письменных памятников.

Поэтому дальнейшая работа в этом направлении представляется весьма желательной и может принести значительные результаты.⁹

⁶ Терентий Данилович также принадлежал к новгородской знати; он и его братья, Федор и Михаил (Бука), занимали должность посадника.

⁷ Яков Хотов также был посадником.

⁸ См. Н1А под 1342, 1359 гг. и другие места.

⁹ Данная заметка является выдержкой из доклада, читанного на Факультете народов Севера ЛГУ на научной сессии 1951/52 г.

Я. С. ЛУРЬЕ

**Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70-х—первой
половине 80-х годов XV в.**

I

Вопросы истории общественной мысли в период образования Русского централизованного государства во многом по-новому ставятся в современной историографии. Старая историографическая традиция, согласно которой выразителями идеологии самодержавного государства считались иосифляне, боровшиеся с представителями противоположного направления — еретиками-«жидовствующими» и нестяжателями, отвергается в настоящее время рядом историков.¹ Мы знаем, что вплоть до начала XVI в. Иосиф Волоцкий и другие «обличители ереси» выступали как резкие критики великокняжеской власти, как представители крупного церковного землевладения, враждебные «державному» и его секуляризационным планам. Но когда и как началась эта идеологическая борьба между самодержавием и духовными феодалами? Вплоть до конца 80-х годов XV в. мы не встречаем в литературе упоминаний о выступлениях «обличителей ереси»; известные нам до сих пор полемические сочинения Иосифа Волоцкого и других «обличителей» (за исключением только послания Иосифа о троице, косвенно упоминающего о еретиках) относятся к концу 80-х и к 90-м годам. Для понимания предыстории сложной идеологической борьбы последних десятилетий XV в. необходимо обратиться к истории предшествующего периода — первого периода княжения Ивана III.

История идеологической (как и политической) борьбы в этот период очень слабо отразилась в источниках. Нам известно только, что ряд крупных представителей московского боярства подвергся в 80-х годах великокняжеской опале; известен также и другой факт, весьма знаменательный, но, к сожалению, почти не освещенный в историографии: настойчивая и многолетняя борьба между великим князем и митрополитом Геронтием.

Определенный отпечаток на историю политической борьбы первой половины княжения Ивана III накладывало то обстоятельство, что феодальная раздробленность не была еще в то время полностью ликвидирована на всей русской территории и даже внутри самого Московского княжества: от времен Василия Темного сохранилось еще удельное княжество Верейское, по завещанию Василия III младшие сыновья его получили новые уделы — княжества Углицкое и Волоцкое.

¹ См. Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в. — Антирелигиозник, № 3—4, 1934; А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953. Ср. также: Я. С. Лурье. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956.

Внутренняя борьба в Русском государстве обнаружилась уже во время так называемого «стояния на Угре» в 1480 г. — последнего столкновения с ханом, знаменовавшего собой конец татарского ига на Руси. Нашествию хана предшествовало выступление братьев Ивана — удельных князей. Против борьбы с татарами выступили на Угре несколько видных приближенных Ивана III; сторонниками решительного сопротивления были московские «гражане» и ростовский архиепископ Вассиан, призывавший Ивана III в своем «послании на Угру» не слушать своих «прежних развратников» и выступить против хана. Несмотря на некоторые колебания, Иван III не пошел по пути, на который толкали его «прежние развратники», не вступил в переговоры с ханом и не послал к нему своего представителя. В годы, последовавшие за Угрой, приближенные московского князя, скомпрометировавшие себя во время нашествия хана, попали в немилость: опале подвергся Василий Тучко-Морозов, сопровождавший жену Ивана III во время ее панического бегства в 1480 г. (вызвавшего негодование сторонников решительной борьбы);² спустя несколько лет за ним последовал Иван Васильевич Ощера-Сорокоумов, один из наиболее активных противников войны с ханом.³ Едва ли необходимо считать события 1480 г. причиной этих опал; вернее предположить, что «стояние на Угре» было толчком, под влиянием которого противоречия между московским боярством и великим князем обнаружались с достаточной определенностью. В те же примерно годы в опалу попали и представители других московских боярских фамилий — Салтык Травин, Иван Руно и др.⁴

Такова была историческая обстановка, в которой развивалась борьба между главой русской церкви — митрополитом и главой государства — великим князем.

Конфликт между Иваном III и митрополитом Геронтием был важным событием в политической жизни 70—80-х годов XV в. В конфликте этом так или иначе оказались замешанными самые разнообразные политические фигуры: уже известный нам ростовский архиепископ Вассиан, удельный князь Михаил Андреевич Верейско-Белозерский и, наконец, игумен и «старцы» Кирилло-Белозерского монастыря. Кириллов монастырь — крупнейший духовный феодал северной Руси — находился в пределах ростовской епископии и одновременно во владениях белозерского князя. Вопрос о том, кто является верховным сюзереном монастыря, был спорным. Руководящая верхушка монастыря во главе с игуменом Нифонтом поддерживала дружбу с Михаилом Андреевичем — помощь удельного князя оказывалась особенно ценной во время многочисленных земельных тяжб, которые вел монастырь. Так, например, Михаил взял сторону Кириллова монастыря во время столкновения, которое тот имел с другим крупным духовным феодалом — Троице-Сергиевым монастырем. Истцом со стороны Троицкого монастыря выступал его игумен, известный Паисий Ярославов, которого историки обычно считают (без всяких, в сущности, оснований) провозвестником нестяжательства; Михаил, однако, «оправил» представителя Кириллова монастыря и «обвинил» представителя Троицы.⁵

² ПСРЛ, т. XXIII, стр. 162. Ср.: ПСРЛ, т. VI, стр. 225 и 232, а также т. XXIV, стр. 201.

³ К. Базилиевич. Новгородские помещики из послужильцев. — ИЗ, № 14, [М.], 1945, стр. 71. Ср.: ПСРЛ, т. VI, 230.

⁴ С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в северо-восточной Руси. М.—Л., 1947, стр. 227 и 289.

⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., № 467.

Уже этот спор имел, по-видимому, известное политическое значение — участникам его предстояло потом вновь принять участие в ряде политических конфликтов; но в «большую политику» монастырь оказался втянутым в связи с другим конфликтом — с архиепископом ростовским Вассианом.

Как начался этот конфликт? Летопись, сочувствующая ростовскому владыке, приписала инициативу в «брани», возникшей в 1478 г., игумену Нифонту и связанным с ним «высокоумным чернецом», по словам этой летописи, «чернеци», возглавляемые Нифонтом, «научиша князя Михаила, князь же Михайло начат митрополиту говорити о том»; митрополит «повинуся князю Михайлу и грамоту даст ему»; но в дело вмешался великий князь и указал «ведати» Кириллов монастырь «ростовскому архиепископу».⁶ Наряду с ростовской летописью о событиях 1478 г. сообщает и другой источник с диаметрально противоположной тенденцией — правая грамота митрополита Геронтия, предоставляющая «князю Михайлу Андреевичу Кириллова монастыря игумена судити по старине». Расходясь с летописным рассказом в оценке этого эпизода (согласно грамоте инициатором спора был Вассиан, «вступившийся» в «князь Михайлов в Кирилов монастырь»),⁷ грамота, однако, не дает оснований сомневаться в том, что исход спора и расстановка сил описаны летописью правильно. Сперва, как указывает и летописный рассказ, митрополит выдал «грамоту» Михайлу (очевидно, ту самую, которая до нас дошла), но затем вмешался Иван III и решил спор в пользу Вассиана.⁸ Позиции великого князя и митрополита в этом случае полностью разошлись: Иван III был на стороне ростовского архиепископа, Геронтий — на стороне монастырской верхушки и удельного князя.

Первый акт борьбы кончился в пользу великого князя и ростовского архиепископа. Но борьба на этом не прекратилась, напротив, она перешла в Москву и приняла характер прямой распри между князем и митрополитом. В 1478—1479 г. между главой церкви и государством возник теоретический спор (возобновившийся в 1482 г.) о том, как нужно совершать обряд освящения новых церквей, в большом количестве построенных в эти годы на Москве. И в этом случае архиепископ ростовский Вассиан Рыло (а после его смерти в 1481 г. преемник его, архиепископ Иоасаф) оказался на стороне Ивана III. Поддержал великого князя и архимандрит Чудова монастыря Геннадий Гонозов. Летопись, близкая к Геронтию, утверждает, что столкновение кончилось в его пользу: в 1482 г. митрополит демонстративно покинул престол, и напуганный князь «сам ехав и би ему челом, моля да возвратится на стол свой, а сам во всем виноват сотворися»; спустя некоторое время митрополит (несмотря на попытку заступничества со стороны великого князя) сумел расправиться и с архимандритом Геннадием.⁹ Можно, однако, сомневаться в том, что исход столкновения 1478—1482 гг. был так удачен для митрополита, как это изображает сочувствующий ему летописец. Выступление Ивана III против митрополита в Москве сопровождалось не менее решительным его выступлением на

⁶ ПСРА, XXIV, стр. 197. Ср.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 191—194.

⁷ Н. К. Никольский. Правая грамота митрополита Геронтия. СПб., 1895, отд. оттиск из ПДП, СХI.

⁸ Третий источник, сообщающий о борьбе Нифонта с Вассианом, — одно из посланий Иосифа Волоцкого — относит первую ссору Нифонта с Вассианом (из-за дуги, которую Нифонт отказался дать «десятинику архиепископлю») к значительно более раннему времени, когда митрополитом был Филипп I (1464—1473). (Q. XVII. 64, лл. 226 об — 227).

⁹ ПСРА, т. VI, стр. 221—222 и 233—234.

севере. В 1482 г. был переведен из Кириллова монастыря игумен Нифонт — тот самый человек, которого сторонники ростовского архиепископа считали первым виновником «брани» 1478 г.¹⁰ Одновременно с уходом Нифонта Иван III осуществил важное мероприятие, которое, по справедливому наблюдению исследователей, должно было привести к дальнейшему ограничению монастырской вотчины: «отвод» белозерских земель, точное межевание владений Кириллова монастыря и его соседей; грамоты монастыря были забраны в казну.¹¹ В те же годы принужден был отказаться от наследственных прав на свою белозерскую вотчину и удельный князь Михаил Андреевич; после смерти Михаила Белоозеро должно было перейти к великому князю, а не к сыну Михаила — Василию Михайловичу.¹²

В следующем 1483 г. противники великого князя попытались вновь изменить положение в монастыре. Преемником Нифонта в монастыре был некий Серапион; сторонников прежнего игумена, связанных с митрополитом и местным удельным князем, этот новый игумен, очевидно, не удовлетворял. В 1483 г., как сообщает неизданный краткий кирилловский летописчик, составленный постриженником Нифонта — «старцем» Гурием Тушинным, «ходили старцы болшии 15 из Кирилова, а пошли по Ильине дни, а пришли в великий пост в третью неделю в свои келии по грамоте князя Михаила Андреевича».¹³ Дополнительные подробности этого демонстративного ухода «больших старцев» (длвшегося почти полгода — с августа по март) выясняются из «Отвещения любозазорным и сказания вкратце о святых отцех» Иосифа Волоцкого, входящего в состав его «Духовной грамоты» (пространной редакции Монастырского устава). Иосиф также рассказывает здесь об уходе «старейших больших старцев» из монастыря, происшедшем «в лета Горонтия митрополита», и едва ли можно сомневаться в том, что он имеет в виду этот же эпизод 1483 г. По словам Иосифа, старцы ушли в знак протеста против деятельности нового игумена (т. е. Серапиона), не соблюдавшего «святого Кирила предания»: «дондеже слышав князь (Михаил Андреевич, — Я. Л.) отгнати того повеле от Кирилова монастыря; и паки старци они все събрашяся в монастырь святого Кирила».¹⁴

В 1483 г., таким образом, враждебные Ивану III кирилловские старцы и связанный с ними верейский князь сумели добиться некоторого успеха; но уже в следующем, 1484 г. Иван III предпринял новое наступление на своих политических противников. Сын верейского князя Василий Михайлович, за два года до этого лишившийся прав на отцовское наследство, подвергся теперь новой немилости Ивана III: богатое приданое, полученное им от тетки его жены, великой княгини Софии Палеолог, было у него конфисковано, и сам он избежал ареста, только бежав в Литву;¹⁵ новый, еще более жесткий договор с Михаилом Андреевичем лишал верейского князя каких бы то ни было наследственных владений.¹⁶ Одновременно

¹⁰ Ср.: П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1878, стр. 55, 150.

¹¹ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 104—105, прим. 3. Нам представляются вполне убедительными соображения А. И. Копанева, относящего этот отвод, в соответствии с датировкой ряда списков, к 6990 (1482) г. (ср. там же, стр. 43—44, прим. 6).

¹² Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М.—Л., 1948, стр. 165.

¹³ ГПБ, Соф. 1468, л. 178—178 об.

¹⁴ ВМЧ, сент. 1—13. СПб., 1868, стлб. 551.

¹⁵ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 202—203.

¹⁶ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, стр. 175.

Иван III вновь вступил в конфликт с митрополитом: на этот раз князь не только не упрощал Геронтия остаться на митрополичьем престоле, но даже наметил ему преемника — того самого Паисия Ярославова, который тягался с Кирилловым монастырем за несколько лет до этого.¹⁷ Геронтию удалось, правда, и в 1484 г. сохранить за собой престол, но положение его в последние годы его жизни (он умер в 1489 г.) было весьма неопределенным и двусмысленным.

Перечисленные события никак нельзя рассматривать как случайно связанную между собой цепь эпизодов. Ряд данных свидетельствует о связи между этой борьбой Ивана III с Геронтием и перечисленными выше боярскими опалами. Сын верейского князя Василий Михайлович, бежавший в 1484 г., был связан с Софией Палеолог, также попавшей в это время в немилость у своего супруга; Софья продолжала ходатайствовать за Василия Михайловича и после его бегства; о ее скандальном поведении в 1480 г. и об опале Василия сообщает один и тот же (Ростовский) летописный свод.¹⁸ Незадолго до бегства Василия Михайловича попал в опалу и Василий Тучко, сопровождавший Софию в 1480 г. Перед нами последовательно развивающаяся политическая борьба между великим князем и крупными феодалами, возглавляемая митрополитом.

Но если мы можем говорить о политической борьбе внутри Русского государства в 70—80-х годах XV в., то, естественно, встает вопрос об идеологической сущности этой борьбы, о взглядах и стремлениях враждебных сторон.

II

Своеобразие идеологической оппозиции, возглавлявшейся Геронтием, заключалось в том, что оппозиция эта, исходя от главы русской церкви, тем не менее в очень незначительной степени имела религиозный характер. Единственное столкновение митрополита с великим князем в сфере «чистой» идеологии — это спор о «хождении» при освящении новых церквей. Митрополит, совершая этот обряд, ходил против солнца; князь настаивал на хождении «посолонь». Странники Геронтия, по словам близкой к митрополиту летописи, ссылались при этом на авторитет «Святой горы» — греческих монастырей на Афоне; сторонники князя «свидетельства ни когю не приношаху, но глаголаху: „солнце праведное Христос на ада наступи и смерть связа и души свободи, и того ради, рече, исходят на Пасху, то же прообразуют на утрени“».¹⁹

Дополнением к летописному рассказу об этом споре может служить послание молдавского епископа Василия Романского Геронтию, присланное в 1484 г. с «Миханлом Яковлевичем» (Русалкой-Морозовым?), в котором автор поддерживает точку зрения митрополита, как соответствующую «греческому закону»: «А кто имет действовати по солну у Грецком закони, а тот есть прокляк (!) от перваго собора 318 богоносных отець, иже в Никеи. У нас латини тако творят, а ми мечюм того дела».²⁰

Точка зрения Геронтия в этом случае может рассматриваться как более консервативная и связанная с традициями греческой церкви; пози-

¹⁷ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 203.

¹⁸ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 202—203.

¹⁹ ПСРЛ, т. VI, стр. 221—222; т. XX, ч. 1, стр. 335.

²⁰ ГПБ, Погод. 1287, л. 156 об. Текст «Послания Василия» полностью воспроизведен А. Ф. Бычковым в книге «Описание церковнославянских и русских сборников Публичной библиотеки» (ч. II, СПб., 1882, стр. 507—508). О романской или романо-войварской епископской кафедре см.: Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской, Румынской, М., 1871, стр. 383—384.

ция сторонников князя, ссылавшихся не на «свидетельства», а на пример Христа, свидетельствует о каких-то исканиях в области культа. «Латинский» оттенок обряда «хождения посолонь» следует связать, может быть, с «латинскими» наклонностями Геннадия в последующий период, когда он из чудовских игуменов стал новгородским архиепископом. Но скольконибудь серьезное значение весь этот спор едва ли имел; недаром он не возобновлялся в последующие годы, и в обширной литературе геннадиевского кружка, как и в других церковно-полюемических сочинениях конца XV—начала XVI в., мы не встречаем о нем никаких упоминаний.

Догматический спор был, как мы можем полагать, и для великого князя и для митрополита лишь поводом для взаимных столкновений. Основным предметом борьбы были вполне светские вопросы. Вопросы эти нашли отражение в любопытном летописном памятнике, обнаруженном А. Н. Насоновым, — в своде 1488 (1489) г., вошедшем в состав другого свода — 1518 г., в свою очередь сохранившегося в виде двух летописей — Софийской II и Львовской.²¹ Близость свода 1488 г. к митрополиту Геронтию не вызывает сомнений: об этом свидетельствует и состав свода, содержащего ряд документов, явно вышедших из митрополичьей канцелярии, и подробное, проникнутое горячим сочувствием митрополиту, изложение всех перипетий его борьбы с князем (мы уже приводили эти известия выше). Но наряду с рассказом о «распрях» с митрополитом свод 1488 г. содержит непрерывный ряд известий о «распрях» великого князя с другими политическими силами и неизменно повествует об этих «распрях» в духе неодобрения великокняжеской политики. Здесь рассказывается, как Василий II послал «смертным зелием уморити» Дмитрия Шемяку;²² как погибла от «смертнаго зелия» первая жена Ивана III, «тверянка», причем виновником ее гибели был ближайший сподвижник великого князя;²³ с явным сочувствием братьям Ивана — удельным князьям повествуется о их столкновении с великим князем;²⁴ автор сочувствует «обидам», понесенным тверскими боярами от «московских детей боярских»;²⁵ он рассказывает о «пакостях», которые учинил в Киеве крымский хан Менгли-Гирей, напавший на город по прямому повелению Ивана III;²⁶ тщательно и несомненно сознательно подбирает летописец известия о всевозможных казнях и репрессиях, совершенных по приказу великого князя.²⁷

Характеризуя эту серию известий свода 1488 г., А. Н. Насонов полагает, что митрополит осуждает здесь князя за его «узко московский патриотизм»,²⁸ противопоставляя ему как бы более широкую общерусскую точку зрения. Едва ли с этим можно согласиться. Мы не находим в своде 1488 г. никаких признаков национально-объединительных тенденций. Выступая с оппозицией великокняжеской власти, связанный с митрополитом летописец берет под защиту крупных феодалов. В одном только случае свод 1488 г. критикует князя за его недостаточную решительность в борьбе с внешним врагом: в рассказе о «стоянии на Угре». Однако значительная часть рассказа об Угре в своде 1488 г. представляет собой

²¹ Ср.: А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия Акад. наук, отд. гуманитар. наук, 1930, № 10, стр. 714—719.

²² ПСРЛ, т. XX, стр. 262 (в СЗЛ этого известия нет).

²³ ПСРЛ, т. XX, стр. 277; т. VI, стр. 186.

²⁴ ПСРЛ, т. XX, стр. 336; т. VI, стр. 222. Ср.: ПСРЛ, т. XX, стр. 353; т. VI, стр. 238.

²⁵ ПСРЛ, т. XX, стр. 352; т. VI, стр. 237.

²⁶ ПСРЛ, т. XX, стр. 349; т. VI, стр. 234.

²⁷ ПСРЛ, т. XX, стр. 349, 353; т. VI, стр. 235, 238.

²⁸ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 720.

заимствование из Ростовского свода 1484 г., дошедшего до нас в Типографской летописи и непосредственно связанного с ростовским архиепископом Вассианом (в С2Л и Львовской читается также и послание Вассиана, неизвестно когда попавшее в этот текст). Включение ростовского рассказа с его патриотическим призывом к «храбрим, мужественным сыновьям Русским» в свод 1488 г. носило явно вгоричный характер; рассказ этот прямо противоречил предшествующему тексту свода, где встречалось одобрение братьям Ивана III, выступившим против великого князя.²⁹ Столь неожиданное совпадение политической линии Геронтия с политикой его злейшего врага Вассиана, с которым митрополит, как мы уже видели, вел в те же годы ожесточенную борьбу, могло объясняться только чисто тактическими соображениями. Характерно в связи с этим, что и «соборное послание» Ивану III с благословением его на войну против «поганных язык» было направлено Геронтием 13 ноября 1480 г., после окончания самого «стояния» (3 октября—11 ноября) и значительно позже «послания» Вассиана. Никакой полемики с «прежними развратниками», которую так энергично вел ростовский владыка, в послании митрополита нет: его послание носит совершенно трафаретный и бесцветный характер.³⁰

Что же представлял собой летописный свод, защищавший позиции Геронтия? Можно ли считать его официально-митрополичьей летописью, подобной сводам 1408 и 1418 гг.? Свод 1488 г., лежащий в основе С2Л и Львовской летописи, несомненно, был создан каким-то близким к митрополиту лицом, но едва ли митрополит мог выступить со столь резко враждебной князю летописью официально. Ведь это уже не был прежний «митрополит всея Руси», стоящий над несколькими великими князьями и поставленный в Константинополе. Своим поставлением на престол Геронтий был всецело обязан великокняжеской власти, и официально противопоставлять себя великому князю он не мог.³¹ Сторонник Геронтия, составивший свод 1488 г., представляется нам скорее летописцем какого-либо монастыря, нежели официальным летописцем митрополичьей кафедры.³²

Идеология Геронтия была идеологией крупных феодалов, враждебных централизованной власти, но неспособных противопоставить этой власти какую-либо положительную программу. Объединение северо-восточной Руси было совершившимся фактом; выступать против присоединения Новгорода и Твери к Москве московскому митрополиту было бы бессмысленно. Сторонники митрополита ограничивались поэтому только критикой отдельных актов великокняжеской политики и проявлений «силы» со стороны Ивана III.

Чем же объяснялась эта оппозиция и что побуждало Геронтия становиться во главе ее? Основную причину этого следует, очевидно, искать в политике Ивана III по отношению к церковному землевладению. Ко времени Геронтия относится ряд мероприятий, направленных против духовных феодалов: в 1478 и 1480 гг. великий князь конфисковал значительную часть владычных и монастырских земель в Новгороде; в 1482 г. произо-

²⁹ Ср.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 164—165.

³⁰ АИ, т. I. СПб., 1841, № 90, стр. 138.

³¹ Под 1482 г. свод 1488 г. содержит известие о сопернике Геронтия «чернецце Сотоне» (Спиридоне), поставленном в митрополиты константинопольским патриархом, но, естественно, не выражает этому митрополиту никакого сочувствия (ПСРЛ, т. VI, стр. 233; т. XX, стр. 248).

³² Ср.: М. Д. При selков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 163—164.

шел уже упомянутый выше «отвод» земель Кириллова монастыря. В те же годы происходит и наступление на митрополичье землевладение: митрополиту приходится раздавать свои земли в условное держание великокняжеским «слугам»; иммунитетные права митрополичьей кафедры сокращаются.³³ К последним годам жизни Геронтия относится, наконец, и начало сближения великокняжеской власти с еретиками — противниками церковного землевладения.

Недовольство митрополита политикой великого князя по отношению к церкви получило некоторое отражение и в своде 1488 г. Мы не можем, правда, установить, как относился близкий к митрополиту летописец к наиболее крупному секуляризационному мероприятию этого периода — конфискации церковных земель в Новгороде в 1478 г. Дошедший до нас в СЗЛ и Львовской летописи рассказ полностью совпадает с пространственным официальным рассказом великокняжеского свода; был ли этот рассказ вставлен сводчиком 1518 г. вместо известия, читавшегося в своде 1488 г., или уже свод 1488 г. воспользовался здесь официальным рассказом, но так или иначе у нас нет сведений о позиции самого митрополичьего летописца в этом вопросе.³⁴ Зато отношение этого летописца к репрессиям 1480 г., совпавшим со следующей секуляризацией, более ясно. Летописец, заимствовавший рассказ 1480 г. из Ростовского свода (Типографской летописи), опустил содержащееся в ростовском рассказе обвинение Феофила в «нелюбии» к Ивану III (из-за конфискованных земель) и изменнических замыслах,³⁵ а под 1484 г. с явным неодобрением сообщил, что в этом году «остави, в заточении себя, новгородский владыка Феофил епископство нужею великого князя».³⁶ Характерно также, что именно в своде 1488 г. (под его последним годом) содержится первое летописное известие в новгородско-московской ереси, отсутствующее в официальной великокняжеской летописи.³⁷

В целом, однако, как мы уже отметили, церковные вопросы не занимали важного места в борьбе сторонников Геронтия против великокняжеской власти. Составителя свода 1488 г. характеризует скорее обратная черта — некоторая небрежность в догматических вопросах: составитель, вовсе не склонный, по-видимому, к «латинству», включил тем не менее в состав летописи (под 1439 г.) целую серию посланий папы и униата Исидора;³⁸ под 1475 г. он поместил «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, содержащее ряд мест, явно неприемлемых с точки зрения благочестивых приверженцев православия (мусульманские молитвы, прямые выражения свободомыслия автора и т. д.).³⁹

Именно эта особенность летописного свода 1488 г. помогает нам понять своеобразие идеологической оппозиции 70-х — первой половины 80-х годов, различие между идеологией Геронтия и идеологией «обличителей ереси», воинствующих церковников конца XV в.

Между сторонниками Геронтия и будущими «обличителями» было немало точек соприкосновения. Начало деятельности Иосифа Санина относится как раз ко времени ожесточенной борьбы между митрополитом и

³³ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, стр. 194—201.

³⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 207—221; т. XX, стр. 319—335. Ср.: ПСРЛ, т. XXV, стр. 311—323.

³⁵ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 498.

³⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 235; т. XX, стр. 349—350.

³⁷ ПСРЛ, т. VI, стр. 238; т. XX, стр. 353.

³⁸ ПСРЛ, т. VI, стр. 238; т. XX, стр. 353.

³⁹ ПСРЛ, т. VI, стр. 156—169; т. XX, стр. 247—255.

великим князем, и вопреки старым историографическим представлениям мы можем в настоящее время с уверенностью утверждать, что первый важный акт этой деятельности — основание Волоколамского монастыря — был связан с прямым столкновением между Иосифом и великим князем. В послании (1479 г.) в Пафнутьев Боровский монастырь, недавно обнаруженный нами, Иосиф прямо указывает, что он оставил игуменство в Пафнутьевом монастыре из-за Ивана III: «Понеже видех есмь его на мя велми яростна, и ныне нечто на мене восполится да почнет мя волочити».⁴⁰ Иосиф перешел из Боровска, находившегося под великокняжеской властью, в Волок Ламский, принадлежавший одному из братьев Ивана, выступавшему как раз в это время против великого князя. Характерна также связь Иосифа в последующие годы с епископом Нифонтом Суздальским. Этот Нифонт — уже известное нам лицо: в 1478 г. он был игуменом Кириллова монастыря и вместе с Геронтием и князем Михаилом Андреевичем Верейским выступал против ростовского архиепископа и великого князя. В 1482 г. Нифонт стал архимандритом московского Симонова монастыря, а в 1484 г. — епископом суздальским. В качестве епископа суздальского Нифонт был одним из решительных врагов ереси, и в 1490—1494 гг., решившись обвинить в ереси преемника Геронтия — митрополита Зосиму, Иосиф Волоцкий обратился именно к Нифонту, называя его единственным защитником церкви от «скверныя и пагубныя ереси»: «Глава бо еси, и на тебе вси зримв».⁴¹ Сходной в общем была позиция и другого видного «обличителя» — архиепископа новгородского Геннадия.

Но несмотря на такие точки соприкосновения идеология «обличителей» ереси существенно отличалась от идеологии их предшественника — Геронтия. Наиболее ясное указание на это отличие мы встречаем в памятнике начала XVI в. — в «Сказании о новоявившейся ереси» Иосифа Волоцкого, служащем предисловием к его «Просветителю». Резко осуждая Геронтия за недостаточно энергичную борьбу с еретиками в начале еретического движения, Иосиф объяснял такую пассивность митрополита тем, что Геронтий был «грубостью сдържим, или не радяше о сих (христовых овцах) или бояшеса дръжавнаго».⁴² Указание на страх перед «дръжавным» очень интересно, так как оно не только свидетельствует о покровительстве великого князя еретикам, но и о том, что в этом случае злейший враг Ивана III, Геронтий, оказывался в глазах «обличителей» слишком лояльным по отношению к великокняжеской власти. Но в чем выражалась «грубость» митрополита? Речь идет, конечно, о богословской необразованности Геронтия, о его неспособности вести сложные теоретические споры с вольнодумцами. Именно здесь лежал водораздел между Геронтием и «обличителями». Иосиф Санин еще до своего ухода из Пафнутьева монастыря (т. е. до 1479 г.) выступил с «Посланием о троице», носившим богословско-полемический характер и направленным фактически против ереси. Вся дальнейшая публицистическая деятельность волоцкого игумена была ознаменована неизменным интересом к теоретическим проблемам богословия. Значение богословского образования хорошо понимал и соратник Иосифа — Геннадий. Геннадий тщательно разыскивал и рассылал своим сподвижникам книги, которыми пользовались еретики; в 1499 г. при его дворе был собран и переписан первый русский текст Библии. О необходимости создания на Руси «училищ» для широкого распространения

⁴⁰ ГИМ, Синод. 997, лл. 1535 об.—1536.

⁴¹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, Прилож., стр. 428.

⁴² Там же, стр. 471.

начального богословского обучения Геннадий специально писал в 1496—1504 гг. митрополиту Симону.⁴³

Причины этого «просветительства» достаточно ясны; о них с полной откровенностью говорили сами «обличители». Перед лицом еретической пропаганды, исходившей от широко образованных по тому времени людей, защитники официальной церкви не хотели оказаться «сдержимыми грубостью»; они должны были быть во всеоружии богословского образования. Геронтия эта опасность еще не смущала. Еретическое движение обнаружилось в последние годы его жизни; с этой формой антифеодальной оппозиции митрополиту иметь дело, в сущности, не приходилось. Единственное народное движение, которое совпало по времени с пребыванием Геронтия на митрополичьем престоле, это стихийное выступление «граждан», требовавших от Ивана III в 1480 г. более решительной борьбы с ханом. Движение это не имело сколько-нибудь определенной антифеодальной окраски, и сторонников митрополита оно не пугало: они могли даже злорадоваться по поводу такого «роптания» против великого князя.

Борьба с еретиками наложила глубокий отпечаток на идеологию «обличителей». Сопоставление этой идеологии с идеологией их прямых предшественников — «воинствующих церковников» 70-х—первой половины 80-х годов — еще раз говорит о том значительном влиянии, которое оказало на русскую общественную мысль еретическое движение конца XV в.

⁴³ АИ. т. I, № 104, стр. 147—148.

А. А. ЗИМИН

Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии

Ермолай-Еразм — один из наиболее ярких писателей-публицистов середины XVI в., в сочинениях которого крестьянская тематика занимает значительное место.¹ Уже в середине XIX в. с именем монаха Еразма связывалось создание Повести о Петре и Февронии² — замечательного по своей образности и идейной направленности произведения, в котором героиней выступала простая крестьянская девушка. Позднее В. Ф. Ржига убедительно доказал, что автором этой Повести является публицист середины XVI в. Ермолай-Еразм.³

Последующие исследователи, и в первую очередь Ю. А. Яворский⁴ и М. О. Скрипиль,⁵ подвергнув критике выводы В. Ф. Ржиги, попытались отрицать авторство Ермолая-Еразма, относя составление Повести к XV в. Однако их доводы не могут быть признаны убедительными.

Повесть о Петре и Февронии сохранилась в ряде редакций, древнейшая из которых издана М. О. Скрипилем по 12 лучшим спискам XVI—начала XVII в. Эта редакция имеет предисловие и заключение, которые содержат ряд мест, текстуально совпадающих с Большой трилогией Ермолая-Еразма. Уже это является аргументом в пользу того, что обработка Повести принадлежит данному публицисту.⁶ Мало того, лучший список, положенный в основу издания (ГИМ, собр. Хлудова, № 147), помещен в сборнике, где находятся сочинения Ермолая, Хлудовский список хотя имеет отдельные пропуски и дефектные чтения, но весьма близок к протографу произведения. Ни один из сохранившихся текстов Повести вообще не старше 60-х годов XVI в.

Характер разночтений не позволяет отнести протограф Повести ко времени, сколько-нибудь отдаленному от древнейших дошедших до нас списков. М. О. Скрипиль считает, что списки XVI в. «по составу своих

¹ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Крестьянская тема в литературе XVI в. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 202, 204, 208.

² Филарет. 1) Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859, стр. 211; 2) Русские святые, принятые всею церковью, месяц июнь. Чернигов, 1863, стр. 114.

³ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, в. XXXIII. Л., 1926 (далее: В. Ф. Ржига), стр. 112—147.

⁴ Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI в. — Slavia, го́шник, IX. Прага, 1930—1931 (далее: Ю. А. Яворский), стр. 279—298.

⁵ М. О. Скрипиль. 1) Повесть о Петре и Февронии. Тексты. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949 (далее: М. О. Скрипиль, Тексты), стр. 215, 224; 2) Повесть о Петре и Февронии муромских и ее отношение к русской сказке. — ТОДРА, т. VII, стр. 132.

⁶ См. замечание, высказанное еще А. Поповым (ЧОИДР, 1880, кн. IV, стр. VIII). При этом составитель говорит: «Помните же и мене прегрешнаго, списавшего сие елико слышах» (М. О. Скрипиль, Тексты, стр. 247). Ермолай в целом ряде сочинений называет себя «прегрешным». А в данном случае, как следует из приведенного текста, «прегрешный» является лицом, записавшим народную легенду.

чений очень сильно отличаются друг от друга».⁷ Это дает ему основание относить Повесгь не к XVI, а к XV в. Однако изучение вариантов не позволяет присоединиться к выводу М. О. Скрипиля. Подавляющая их часть содержит индивидуальные разночтения, явившиеся плодом ошибок или толкований самого автора того или иного списка. Групповые варианты также не дают текстов, хоть сколько-нибудь далеко отстоящих от протографа. В большинстве случаев это морфологические или фонетические разночтения,⁸ иногда чтения, более близкие к протографу, чем к Хлудовскому списку. Все эти разночтения легко объяснимы и при отнесении протографа памятника к концу 40-х годов XVI в.

Один из ранних списков Повести (ГБЛ, Московская духовная академия, № 224; в дальнейшем: МДА 224) имеет в заголовке прямое указание на авторство Еразма: «Творение господина смиренного мниха Иеразма».⁹ М. О. Скрипиль считает, что этот список «далеко отстоит даже от того архетипа повести, который можно воссоздать на основе сохранившихся ее списков XVI—XVII вв.», и, следовательно, «вопрос об авторстве Ермолая-Еразма отпадает сам собою».¹⁰

Прежде всего В. Ф. Ржига установил, что список МДА 224 дает не первоначальную редакцию Повести, а позднейшую.¹¹ Следовательно, индивидуальные особенности списка можно отнести за счет вторичной авторской обработки Повести.¹² Групповые варианты, связывающие список МДА с некоторыми другими, в ряде случаев дают чтения, лучшие¹³ по сравнению с Хлудовским, а прочие не могут считаться сколько-нибудь далеко отстоящими от протографа. Поэтому аргументы М. О. Скрипиля «от археографии» против авторства Ермолая-Еразма не могут быть признаны основательными.

Возражения, сделанные Ю. А. Яворским В. Ф. Ржиге, касаются как археографической, так и источниковедческой стороны вопроса. Археографические соображения этого критика крайне беспомощны в силу его субъективизма при подходе к тексту памятника, со списками которого Ю. А. Яворский вовсе не знакомился. В настоящее время после издания лучших текстов Повести М. О. Скрипилем возражения Яворского отвергнуть довольно просто. Так, например, вывод об отсутствии списков Повести ранее 60-х годов XVI в. Яворским расценивается как «случайная... быть может и с известной примесью предубеждения, хронологическая ошибка Ржиги».¹⁴ Новейшие широко проведенные текстологические разыскания М. О. Скрипиля подтвердили вывод В. Ф. Ржиги о датировке древнейших списков Повести. Следовательно, ни о какой «ошибке» тут говорить не приходится.

⁷ М. О. Скрипиль, *Тексты*, стр. 215.

⁸ Например, типа II, 31 — «ины» вместо «инья», 35 — «вопроси» вместо «въспроси» и т. д.

⁹ М. О. Скрипиль, *Тексты*, стр. 248.

¹⁰ М. О. Скрипиль, *Тексты*, стр. 224.

¹¹ В. Ф. Ржига, стр. 130.

¹² Характерно усиление церковных элементов в списке МДА (см. ссылку на Иоанна Богослова: М. О. Скрипиль, *Тексты*, стр. 250). Это усиление нужно связать со сдвигами в мировоззрении Ермолая после его пострижения в монашество.

¹³ Например, XII, 42, доб. «и язвы», как в списках ДЕР, XIV, 68, «сотворят», как ЕИЛ и др.

¹⁴ Ю. А. Яворский, стр. 279. Существование икон Петра и Февронии XV—XVII вв. говорит о распространенности их культа и бытовании устной легенды о них, но никак не доказывает наличия письменной повести о них XV в., как то полагает О. И. Подобедова («Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 291, 304).

Объявляя хорошо продуманную генеалогию списков Повести и установление соотношения сил редакций, изложенные в исследовании В. Ф. Ржиги, основанными «на формальных и более или менее несущественных признаках и фактах», Ю. А. Яворский в то же время сам совершенно произвольно объявляет древнейшей так называемую III редакцию, сохранившуюся в одном списке XVIII в.¹⁵ Однако М. О. Скрипиль установил, что выявленная В. Ф. Ржигой редакция памятника действительно является древнейшей.¹⁶ III редакция сложилась, очевидно, к началу XVIII в. Имеющийся в ней эпизод о «верном друге» Петра вельможе Евстратии, давший Ю. А. Яворскому видимое основание для утверждения о древности III редакции (вследствие компаративистской ссылки автора на сходные с этим эпизодом «легендарно-бродячие» мотивы), на самом деле является вставным. Он не только отсутствует во всех остальных редакциях и списках Повести, но и противоречит всему идейному замыслу произведения, в котором врагами Петра и Февронии выступают как раз вельможи.

Появление в списке ОИДР упоминания имени Еразма как «писателя» Повести Ю. А. Яворский объявляет ошибкой, возможно происшедшей из-за того, что предисловие этого произведения напоминало отдельные мысли книги о троице, а быть может, и из-за «авторской инерции» Ермолая, поставившего на полях произведения свое имя.¹⁷ Но первое предположение Яворского неприемлемо, ибо оно основывается на произвольном, ничем не подтверждаемом допущении специальной источниковедческой работы переписчика, сопоставлявшего книгу о Троице и Повесть о Петре и Февронии для установления автора первого из названных произведений.¹⁸ Второе предположение Ю. А. Яворского вообще лишено смысла: допустить, что к Ермолаю попал текст произведения с интерполяциями из других его сочинений и рассеянный публицист по ошибке поставил свое имя, можно только исходя из предвзятого желания отрицать авторство Ермолая для Повести о Петре и Февронии.

В той же мере, в какой неудовлетворительной является критическая часть аргументации Ю. А. Яворского, направленная против выводов В. Ф. Ржиги, неприемлемы и собственные соображения автора о непричастности Ермолая к составлению Повести о Петре и Февронии. Ю. А. Яворский отмечает прежде всего народно-поэтический склад и язык памятника, считая все это противоречащим литературной манере Ермолая.¹⁹ В данном случае Ю. А. Яворский забывает, что публицист лишь записывал и обрабатывал устную легенду, чем и объясняются особенности языка Повести о Петре и Февронии. В этой связи можно вспомнить, как меняется язык Нестора и других древнерусских писателей в зависимости от жанра их сочинений и в особенности при записи ими народных преданий и легенд. Да и языковые особенности Большой трилогии Ермолая не похожи на особенности «Правительницы», несомненно принадлежащей тому же автору.

Наконец, Ю. А. Яворский обращает внимание на отсутствие песнопений о Петре и Февронии в тропарях, обработанных Ермолаем, и говорит, что существование службы XV в. этим святым, знавшей мотив об убийении Петром змия, свидетельствует о бытовании Повести уже в то время. Авто-

¹⁵ Ю. А. Яворский, стр. 281, 286.

¹⁶ М. О. Скрипиль, Тексты, стр. 215.

¹⁷ Ю. А. Яворский, стр. 290—291.

¹⁸ Помета могла быть сделана не автором, а составителем соорника, но лишь в том случае, если у него были прямые данные для утверждения авторства Ермолая.

¹⁹ Ю. А. Яворский, стр. 293.

ром Повести Ю. А. Яворский склонен считать Пахомия Серба или Михаила — составителей служб Петру и Февронии.²⁰

Аргумент от «песнопений» не может быть принят, ибо среди тропарей и кондаков, на которые ссылается Ю. А. Яворский, вообще нет ни одного песнопения, посвященного русским святым. К тому же существование службы Петру и Февронии XV в. избавляло Ермолая от необходимости сочинять новое произведение подобного рода. Наличие этой службы, однако, ни в коей мере не доказывает бытования Повести о муромских свя-тых как законченного письменного литературного произведения, а лишь говорит о существовании фольклора, наличие которого не отрицал и В. Ф. Ржига.

Таким образом, критика Ю. А. Яворского не поколебала основных выводов В. Ф. Ржиги о Ермолае как составителе Повести о Петре и Февронии.

Анализ содержания Повести также лишь подкрепляет гипотезу В. Ф. Ржиги. Обычный заголовок произведения начинается словами «Повесть от жития новых чудотворецъ муромских». «Новыми чудотворцами» именовались в середине XVI в. канонизированные соборами 1547—1549 гг. русские святые (см., например, упоминание о «новых чудотворцах» у Ивана Пересветова и др.). Интерес к новоявленным святым у Ермолая не случаен, поскольку публицист принадлежал к окружению митрополита Макария, инициатора составления многих житий русских святых в середине XVI в. В самой Повести можно найти отголоски событий первой половины XVI в. Так, главными врагами Петра и Февронии выступают бояре. Борьба великокняжеской власти с боярством сделалась одним из важнейших моментов внутриполитической истории России только после создания в конце XV в. Русского централизованного государства. Мотив о змеборстве опять-таки связан с событиями XVI в., и, в частности, с борьбой с Казанью (ср. легенды об основании этого города в «Казанской истории»).

Таким образом, если основу сюжета Повести о Петре и Февронии составляла народная легенда, корни которой, возможно, были весьма древними,²¹ то обработку легенды в особую Повесть следует приписать перу Ермолая-Еразма. Публицист, проявлявший в ряде своих произведений живое сочувствие к народным массам, заинтересовался народной легендой, в которой героиней была простая крестьянская девушка, и обработал ее в яркую по форме и глубокую по содержанию повесть, ставшую одним из самых значительных произведений этого жанра в русской литературе XVI в.

Наконец, интересен факт связи муромской агиографии со Псковом. Так, например, в житии Константина Муромского сообщается о «явлении» муромских чудотворцев псковскому посадскому человеку Петру.²² Поэтому знакомство псковитина Ермолая с муромскими легендами не должно нас удивлять.

²⁰ Ю. А. Яворский, стр. 294—295. Автор при этом упускает из вида, что Михаил жил в середине XVI, а не в XV в. О службах Петру и Февронии см.: В. Я б л о н с к и й. Пахомий и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. 195—197.

²¹ В. Т. Пашуто и С. И. Подобедова связывают происхождение легенды с фольклором XIII в., не приводя, впрочем, развернутой аргументации в пользу этого предположения (В. Т. П а ш у т о. За марксистско-ленинскую историю литературы. — Вопросы истории. М., 1950, № 3, стр. 120; О. М. П о д о б е д о в а. «Повесть о Петре и Февронии»... стр. 291).

²² По рукописи ГИМ, собр. Хлудова, № 147 издана И. А. Шляпкиным (Ермолай прегрешный, новый писатель эпохи Грозного. — С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, стр. 563—565).

Время составления Повести следует отнести к концу 40-х годов XVI в., так как она возникла в связи с канонизационными соборами 1547 и 1549 гг., а по своему идейному содержанию близка к «Правительнице», написанной в 1549 г.²³

Ю. А. Яворский отрицает принадлежность Ермолаю Повести о Василии Рязанском («О граде Муроме») ²⁴ ввиду недоказанности принадлежности этому публицисту тесно связанной с нею Повести о Петре и Февронии». ²⁵ Однако об авторстве Ермолая говорит и наличие Повести о Василии Рязанце в сборнике рядом с сочинениями Ермолая, и близость ее к устной муромо-рязанской легенде, обнаруживающаяся и в Повести о Петре и Февронии. ²⁶ Повесть о епископе Василии посвящена переходу епископской кафедры из Мурома в Переяславль Рязанский. Она позднее была использована в житии князя Константина Муромского. ²⁷ Повесть о Василии Рязанском, очевидно, написана была Ермолаем, так же как и Повесть о Петре и Февронии, в конце 40-х годов XVI в. ²⁸

1577—1578 гг. В. Ф. Ржига датировал Послание Ермолая Софронию. Основанием для этого было упоминание о поездке Ивана Грозного во Псков, имевшей место в 1577 г. ²⁹ Поскольку Послание написано во Пскове (где Ермолай жил еще в 40-х годах XVI в.), постольку Ю. А. Яворский считал, что к нашему публицисту не может относиться летописное известие 1555 г. о дворцовом священнике Ермолае, проживавшем в Москве. ³⁰ Однако это возражение следует отвести, если Послание к Софронию датировать 1546 г., т. е. временем первой поездки Грозного во Псков. ³¹

Итак, 40-е годы XVI в. были временем расцвета публицистической деятельности Ермолая-Еразма. Именно в это время он написал Повесть о Петре и Февронии, «Благохотящим царям правительницу и землемерие», Послание Софронию и некоторые другие сочинения, проникнутые сочувствием к страданиям народа и призывавшие правительство Ивана Грозного к смягчению феодального гнета.

²³ Ю. А. Яворский, стр. 298.

²⁴ См.: В. Ф. Ржига, стр. 163.

²⁵ См. ее списки: ЦГАДА, собр. Мазурина, № 593; ГИМ, собр. Уварова, № 1868/40.

²⁶ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. — ЧОИДР, 1915, кн. III, стр. 245.

²⁷ Время написания «Правительницы» определяется в связи с тем, что 1549 год был первым приступом к реформам, проект которых составляли Ермолай-Еразм и в том же году И. С. Пересветов. Ряд предложений Ермолая-Еразма нашел отражение уже в февральских вопросах царя 1550 г. (например, об описании земель, о корчмах и др.: И. Н. Жданов, Сочинения, т. 1, СПб., 1904, стр. 179, 184).

²⁸ См. ее списки: ЦГАДА, собр. Мазурина, № 593; ГИМ, собр. Уварова, № 1868/40.

²⁹ В. Ф. Ржига, стр. 164.

³⁰ Ю. А. Яворский, стр. 61—62.

³¹ ПСРЛ, т. XIII. СПб., 1904, стр. 149.

М. И. БЕЛОВ

Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания

Древнерусские жития святых — это сложные произведения церковной литературы, где наряду с полувымышленными биографиями святых отцов, память о которых, по меткому выражению В. О. Ключевского, колебалась между историей и фантазией, уживаются сведения, почерпнутые из русских летописей, актового материала, рассказов очевидцев событий. Самой ценной является та часть житий, которая представлена так называемыми посмертными чудесами святых. В. О. Ключевский считал, что «из всех частей жития описание посмертных чудес святого наиболее надежно по своим источникам», а «по литературной форме — это большей частью близкое воспроизведение наивного рассказа самих исцеленных».¹ Конечно, используя жития святых как исторический источник, необходимо проявлять осторожность, памятуя, что эти агиобиографические сочинения служили в руках церкви мощным идеологическим воздействием на массы верующих.

Внимание привлекает довольно значительная группа житий, составленных на нашем далеком Севере и содержащих важные сведения о древнем поморском мореплавании.²

Обращение к житийной литературе как к одному из источников полярного мореплавания вызывается крайней бедностью их. Дело в том, что сейчас, в результате гибели большинства гражданских архивов Поморья, имеется небольшое количество рукописей, освещающих состояние морского дела на Севере. Хозяйственные документы Соловецкого, Антоньево-Сийского, Николо-Корельского и других северных монастырей, главным образом приходо-расходные книги, содержат редкие известия о морских походах крестьян; к тому же почти подавляющая их часть относится к более позднему времени — ко второй половине XVII в., когда русское полярное мореплавание находилось в зените своего развития и насчитывало добрых два-три столетия своей истории.³ В связи с этим большое значение приобретают сведения о более ранних этапах этого примечательного факта не только русской, но и мировой истории мореплавания.

Обращение монастырских составителей северных житий к морским сюжетам вызывалось, с нашей точки зрения, двумя обстоятельствами. Одно

¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 438.

² Соловецкое собрание житий, использованное в данной статье, хранится в Рукописном отделе ГПБ. (В дальнейшем: Сол. собр.).

³ См.: М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. — В кн.: История открытия и освоения Северного морского пути, т. I. М., 1956, стр. 53—62.

из них вытекало из географического фактора. Северные монастыри всегда были связаны с морем, а некоторые из них располагались либо на морском побережье, либо на морских островах. Таким образом, сама морская, географическая среда являлась постоянной питательной основой для житийной литературы. Другое обстоятельство объясняется тем, что, преследуя цели воздаяния на верующих, заказчики житий — монастыри стремились наполнить их актуальным материалом, понятным и убедительным в поморской среде. Помор-крестьянин мог слабо разбираться в «чудесах», совершенных где-нибудь на юге, в Киеве или Иерусалиме, зато он хорошо знал родную для него стихию — «Студеное море», со всеми его превратностями и опасностями.

Прославление «чудесных» деяний святых отцов церкви преследовало сугубо земную цель. В XVI в., когда составлялось большинство житий, монастыри, укрепившись на Севере, развернули наступление на земельные владения крестьян-общинников, тесня их с морского побережья, захватывая их угодья, распространяя свою власть на часть крестьянских промыслов. Для достижения своих корыстных целей монастыри использовали все средства, в том числе и идеологическое оружие. Например, этой цели прямо служило включенное в редакцию 1548 г. Жития Зосимы и Савватия Соловецких «чудо об юноше Анфиме», уплатившем десятину монастырю и поэтому благополучно прибывшем с моря, и о злоключениях на море его товарищей, отказавшихся внести часть своего промысла в монастырскую казну.⁴

Самым ранним из числа северных житий является упомянутое Житие Зосимы и Савватия — патროнов основанного в 1435 г. на островах Белого моря монастыря, ставшего одним из могущественных феодальных владельцев Поморья. Первая редакция этого Жития появилась в 1478—1484 гг., а вторая, дошедшая до нас, была составлена старцем Досифеем в 1503 г.⁵ Записи «чудес» Зосимы и Савватия относятся как к этому, так и к более позднему времени, во всяком случае большинство записей произведено в XVI в.

Первое «посмертное чудо» соловецких старцев на море, включенное в первые редакции Жития, т. е. появившееся не позднее первой четверти XVI в., содержит рассказ некоего монаха Муромского монастыря Митрофана, плававшего по морю. Митрофан, говорит составитель рассказа, до своего монашества «имел у себя добытки морские многие».⁶ Однажды он предпринял далекое путешествие на больших морских судах-лодьях. Это путешествие продолжалось целый месяц. Мореходы зашли так далеко, что потеряли из виду берег, находясь «в пучине моря». Митрофан указывает, что он был «в край» моря, откуда не видно «превысоких гор». Если предположить, что в данном случае под «краем» моря имеется в виду северная часть Белого моря, то это не будет соответствовать истине. Как раз северные берега Белого моря отличаются своей гористостью, особенно гористы Терский берег и берега горла этого моря. По всей вероятности, Митрофан совершил плавание в Баренцовом море, а так как известно, что он ходил на зверобойный осенний промысел, то путь его лежал либо к берегам Новой Земли и Шпицбергена, либо к осенней кромке льда, действительно расположенной на «краю» моря. В том, что помор-промышленник ходил в столь отдаленное морское путешествие, нет ничего необычного. Не случайно на европейских картах XVI в. появились русские названия

⁴ Сол. собр., № 1384/16, лл. 119 об.—122.

⁵ В. О. Ключевский. Древнерусские жития. ., стр. 270.

⁶ Сол. собр., № 1384/16, л. 36.

островов в районе Шпицбергена. Один из них носил название «Марфин остров», а целая группа островов на карте 1569 г. Г. Меркатора названа «святыми русскими».⁷

Плавание Митрофана, датируемое первой четвертью XVI в., «в край» Баренцова моря — новое свидетельство того, что намного раньше «официального» открытия Шпицбергена В. Баренцом (1596 г.) морские пути к нему были ведомы нашим отважным поморам. В следующем «чуде» Зосимы и Савватия повествуется об одном, очевидно, хорошо известном в Поморье случае зимовки двух промышленников на Шужмай (ныне — Жужмуи) — острове Онежского залива. Сюжет этого рассказа перекликается с известной повестью XVIII в. о четырех русских матросах, занесенных на необитаемый остров Шпицбергеновского архипелага, где они провели четыре года и три месяца.⁸ Необходимо отметить, что рассказ о двух робинзонах-зимовщиках, изложенный в Житии, подан в более реалистической манере, чем в повести XVIII в., где много вымышленных ситуаций. Вот что вкратце рассказано в Житии о зимовке на Шужмае.

Около этого необитаемого острова, расположенного к югу от Соловков, осенью разбило судно двух промышленников. А так как время было позднее и возвращаться на сушу было не на чем, промышленники зазимовали. Не ясно, чем питались они, так как продовольствие и все их снасти погибли во время кораблекрушения. Прошла зима, и только весной к острову прибыло судно, на котором были соловецкие монахи Савватий и Феропонт. Монахи застали на острове такую картину: «В некоем месте при Камени храмину малу, в ней же два человека нага и гладна и ногам их гниющим зело. Токмо еле живы».⁹ Завидев своих спасителей, люди «начаша кричати» от радости.

После того как робинзоны несколько привыкли к пище, которую им давали понемногу, монахи посадили их в судно и пошли назад. Путешествие на Соловецкий остров прошло не без труда: малая монастырская лодыца едва пробилась среди тяжелых льдов. Так закончилась эта первая из известных нам героическая зимовка почти у самого полярного круга двух храбрых поморов. Церковь объясняла благополучный исход ее вмешательством старцев Зосимы и Савватия, которые якобы приходили на остров зимой и оказали им помощь. Но даже из Жития видно, что не очень-то щедрой была эта «помощь», если монахи застали зимовщиков в столь плачевном состоянии. Благополучный исход зимовки — всецело заслуга самих поморов, привыкших переносить лишения и невзгоды; все же остальное — выдумка монаха-книжника.

В «чуде о брате Протасии и о страждущих человецех в седми судех» говорится, как семь поморских судов, будучи на весновальном промысле в Белом море, попали в несколько необычный ледовый плен. Монах Протасий, в прошлом промышленник-зверобой, рассказал, что в первый день пасхи «прииде на нас буря ветреная велия и трус велик в море, и подвижеса море от зельного дыхания ветренога». Случилось это во время стоянки судов у кромки льда. «И нача быти подо льдом зыбь велика, яко не мощно нам на леду стояти от нужда волн морских».¹⁰ Затем суда отнесло ото льдов и бросило в открытое море. Промышленникам угрожала смерть. Даже старые и опытные мореходы, говорит Протасий, увидевшие всякие виды, «не упомнят такова и толика труса морскаго». Спустя несколько дней суда

⁷ М. И. Белов. Арктическое мореплавание. . . , стр. 67.

⁸ Ле Руа. Приключения четырех русских матросов на Шпицбергене. Л., 1933.

⁹ Сол. собр., № 1384/16, лл. 80 об.—85.

¹⁰ Сол. собр., № 1384/16, лл. 152 об.—155 об.

прибило к Соловецкому острову. Здесь обстановка неожиданно осложнилась. С моря на суда двинулись лавины льдов. Промышленники приготовились к самому худшему исходу. Но в этот момент произошло «чудо». Обступив суда с трех сторон, движущиеся льды вдруг остановились, образовав между собой и льдами, находившимися у острова, полынью свободной воды, в которой укрылись шесть лодей; седьмое судно задержалось и было раздавлено. Семь дней продолжался ледовый плен. На восьмые сутки льды расступились, дав промышленникам возможность продолжать свой путь.

Подобные природные явления, объясненные в Житии вмешательством высшей силы, однако, не представляли ничего сверхъестественного. Вероятнее всего, двигавшиеся с моря льды своими краями уперлись в припай, полосу стоящего у берега острова льда и таким образом образовали свободный водный бассейн.

В других «чудесах» Зосимы и Савватия имеются некоторые сведения об оснащении морских судов того времени. В «чуде о человеке утопшемся с лодьи на море»,¹¹ сообщается о парусном устройстве лодьи, дававшем возможность ходить не только с попутным, но и «покосным» ветром, т. е. бейдевиндом (направление судна круче полуветра). Обычно же считается, что поморы в XVI—XVII вв. не умели пользоваться боковыми ветрами.

В «чуде о Иякове»¹² упоминается, что в оснащение лодьи входил карбас как палубное вспомогательное судно, а в «чуде о Федоре Парфеньеве»¹³ — железные якоря, употреблявшиеся во время отстоя судов.

Некоторый интерес представляет помещенное в Житии Зосимы и Савватия «Сказание о солнечном течении, како бывает в Западных странах»,¹⁴ являющееся первым в страноведческой литературе русским сочинением, автор которого задался целью определить особенности арктической природы, исходя из наивного понимания гелиоцентрической системы. С его точки зрения, наиболее отличительным признаком северных областей от южных является полярная ночь и день. В «Русской Земли в Сиверной стране, на концы вселенныя, — писал автор «Сказания», — день убо схождаше (продолжается, — М. Б.) в четыре скудны часы в зимнее время. Ночь же тако же в летнее время от солнца до солнца по книзе светло видети».¹⁵ Он наблюдал, как солнце «вкупе» с луною видимы в одно и то же время, и звезда (речь идет, очевидно, об одной из планет) «пред солнцем» идет на виду у всех.

Не менее ценными как своеобразный источник являются жития и повести о поморских святых, составленные в конце XVI и первой половине XVII в.; среди них «чудеса» Ивана и Логина Яренгских, повесть о Варлааме Керецком, житие Иринарха — игумена Соловецкого монастыря, житие Антония Сийского — основателя одноименного монастыря, житие Трифона Печенгского — основателя Печенгского монастыря, житие Елизара Анзерского — основателя скита, и др.

«Чудеса» Ивана и Логина Яренгских даны в форме распросов крестьян-поморов, произведенных в 20-х годах XVII в. по указанию патриарха Филарета среди крестьян Ненакоцкого и Лудского усолья, Мокшенги, Николо-Корельского монастыря и в других местах.

Дело о Иване и Логине Яренгских возникло в связи с тем, что в 1572 г. на Яренге, при церкви Николы, якобы явились «святые чудо-

¹¹ Сол. собр., № 1384/16, лл. 131 об.—132 об.

¹² Сол. собр., № 1384/16, л. 140—140 об.

¹³ Сол. собр., № 1384/16, лл. 107—108 об.

¹⁴ Сол. собр., № 1384/16, л. 132—132 об.

¹⁵ Там же.

творцы», которые к тому вермени и позднее совершили в Поморье ряд «чудес».

2 декабря 1626 г. Архангельского города стрелец Терентий Филиппов Тырлов под присягой сказал, что в 1606 г. в команде стрелецкого сотника Смирного-Чертовского, на лодье пятидесятника Шестого Лодыгина, вместе с 50 служилыми людьми, он был послан в Кольский острог.¹⁶ Во время морского плавания на отстое лодья попала в страшную бурю и стала тонуть. Избавление пришло от Ивана и Логина Яренгских, якобы явившихся стрельцу на корме судна.

Промышленник Княжоостровской волости Пятый Юрьев 4 декабря 1626 г. сказал, что в 1593 г. с Терской стороны на семи лодьях он вместе с промышленником Стефаном Поваровым возвращался в родные края и попал в шторм. Два дня и две ночи носило суда по морю. Штормом сломало мачту, изорвало парус, шесть лодей погибло на море («разбило и по берегу разметало»). Он спасся только благодаря «чудесному» вмешательству Ивана и Логина.

Эти свидетельства мореходов интересны тем, что рисуют картину довольно развитого в конце XVI в. поморского судоходства в Белом и Баренцовом морях.

В житии Иринарха содержатся несколько весьма метких и ярких зарисовок поморского зверобойного промысла.

В первом «чуде» Иринарха рассказывается, как «на промысел морских кож и сала» ходили с Двины «по обычаю» две ромши — промышленные артели, обычно состоящие из пяти карбасов по четыре человека в каждом. Чаще всего ромши составлялись для весновального промысла у Летнего, Терского берега Белого моря.¹⁷ Во главе артелей стояли два юровщика (управляющие ромшею промышленники), «в том промысле сведущих и скусных людей».¹⁸ А остальные промышленники, сказано в житии, «им послушны суть». По окончании промысла, «егда же с торосу на море судами спустишася», разразилась буря, суда вместе со льдом вынесло «в морскую пучину далече и носило в тех льдах многие дни». Первая артель была отнесена к зимнему берегу Белого моря, т. е. на противоположную сторону моря, другая — к Анзерскому острову.

В этом рассказе имеется одна любопытная деталь: упоминание о торосах, морских льдах, на которых производился промысел. Это упоминание — одно из самых ранних в поморской литературе. Оно свидетельствует о том, что, во-первых, в Поморье XVI и начале XVII в. уже была известна определенная классификация льдов и что, во-вторых, уровень поморского ледового мореплавания того времени был достаточно высок.

В другом «чуде» Иринарха повествуется о промысле морского зверя на самой льдине. Некая промышленная артель ходила весной в море и после долгих поисков залежек зверя обнаружила льдину, «длиною на версту или мало больше».¹⁹ Немедленно суда были втащены на льдину и приготовлены к промыслу. Настала ночь, люди легли отдохнуть, укрывшись «буиной» — грубым полотном. По обычаю, когда артель ложилась спать, кто-нибудь из промышленников оставался караулить. Усталость была так велика, что сторож задремал. Во время сна к нему якобы явился старец Иринарх и приказал, чтобы промышленники немедленно поднялись, так как на льдину пришли тюлени. Вот как описывается дальнейшая

¹⁶ Сол. собр., № 182/182, л. 138.

¹⁷ А. Подвысоцкий. Словарь Архангельского областного наречия. СПб., 1885, стр. 148.

¹⁸ Сол. собр., № 238, л. 4.

¹⁹ Сол. собр., № 238, л. 6 об.

картина действий зверобоев: «Дружина же, слышавше речения от подруга своего, открыв суда своя, начаша смотреть на лед: и се видят множество зверей многое. А быв в единых срочицах и в чулках, сходят на льдину и начинают избивать зверей оных, их же избиваше толико, колико им потребно было».

В «чудесах» жития Антония Сийского, составленных в середине XVII в.,²⁰ рассказывается об осеннем ледовом дрейфе монастырской лодьи. На лодье находилось двадцать работников под командой сына боярского Гаврилы Григорьева. От устья Двины со льдами лодья была вынесена в море. Случилось это 8 ноября. «А на мори уже льды густые, исполнено великих льдов, осенняя ради студени и многих ветров».²¹ Будучи в дрейфе, лодья претерпела ряд бед; льдами и ветром отломило «кормило правильное, им же окормляешся лодья», порвало снасти и утопило якори. Промышленники решили бросить судно и на лодейном карбасе выйти на берег. После ряда приключений они едва добрались до берега, а через несколько дней в районе «высоких гор», очевидно, к Зимнему берегу придрейфовало и их лодью, оставшуюся, несмотря на сильное сжатие льдом, целой и невредимой.

В «Повести о Варлааме Керецком»²² имеется несколько ценных наблюдений над природой арктических морей. Варлаам служил в Кольском остроге, в церкви Николы, совершил злодеяние — убил свою жену и, чтобы искупить свою вину, решил отправиться в море на карбасе. Плавание Варлаама продолжалось долгое время — несколько лет. Ходил он от Колы до Керети и обратно, «весел не опускаючи». Однажды он пришел к Святому Носу (Мурманское побережье), который славился тем, что считался у поморов непроходимым, «тому быть ради множества червей морских, иже творяху многие пакости над лодьями мореходцем».

Упомянутые «морские черви» — это морские древоточцы, морские живственные, могущие за одну навигацию вывести из строя судно. Обычно во время стоянки судна они присасываются к его деревянным частям, прогрызая в них отверстия диаметром до полсантиметра и больше. Сейчас для предупреждения порчи древоточцами деревянных частей судов применяются различного рода яды,²³ которых в XVII в. не знали.

Несколько неожиданным является сообщение Варлаама о множественности древоточцев у Святого Носа Баренцова моря. Известно, что в северных морях древоточцы почти не обитают. Благоприятная среда их размножения имеется в фауне южных и дальневосточных морей. Надо полагать, что благоприятные условия для существования древоточцев у Святого Носа создавало заходящее сюда теплое течение Гольфстрима (Гольфштрема), влияние которого на окраинные арктические моря в XVI в., видимо, было сильнее, чем сейчас.

Героическую борьбу со льдами рисуют «чудеса» Елизара Анзерского,²⁴ из них наиболее интересно «чудо об отце Исаии от потопления».²⁵

Поддержание постоянной связи между Соловецким монастырем и расположенным к северо-востоку от него Анзерским островом представляло большую трудность, в особенности в зимнее время, когда Белое море покрывалось льдом. В «чуде об отце Исаии» рассказано о зимнем плава-

²⁰ В. О. Ключевский. Древнерусские жития... стр. 300—301.

²¹ Сол. собр., № 230, л. 296.

²² Сол. собр., № 182/182, лл. 155—161. Составлено в 60-х годах XVII в. (В. Ключевский. Древнерусские жития... стр. 341).

²³ П. К. Божич. Защита дерева от морских древоточцев. М., 1939.

²⁴ Сол. собр., № 185/185, лл. 17—18, 23.

²⁵ Сол. собр., № 185/185, л. 23.

нии этого монаха от Соловков к Анзерскому скиту и обратно — факт, заслуживающий самого тщательного рассмотрения, тем более что о плавании Исаии говорится как об обыденном деле. Даже в наше время зимние плавания довольно редко осуществляются в Арктике, причем ни одно судно не решится войти в зимний лед без сопровождения ледокола. Но приведенный рассказ жития показывает, что во всяком случае монахи Соловецкого монастыря ходили по морю на своих углых лодьях в течение всей зимы. Вполне допустимо предположить, что такие плавания совершали и крестьяне Поморья, опыт которых был использован монастырем. Как объяснить то, что деревянные суда XVI в. смогли проходить в зимних льдах? Дело в том, что зимние льды Белого моря благодаря сильным приливно-отливным течениям подвержены большим разряжениям, которыми и пользовались поморы. Разумеется, пользоваться этими природными явлениями, изучение которых до сих пор составляет одну из задач гидрологической науки, можно, познав их. В XVI в. поморы знали о зимних приливно-отливных течениях Белого моря настолько, что безошибочно водили свои суда по морским разводьям. Конечно бывало и так, что природа приготавливала неожиданные трудности, как это случилось во время плавания монаха Исаии. Возвращаясь назад, к Соловкам, он «обретоша лед расточен. Та же вземше лодийцу и начасты плиты». Но Исаия не рассчитал: у берега Соловецкого острова образовался широкий припай («к берегу леду бо многу прикрепившуся»). Пришлось бросить лодейку и идти по льду пешком. В это время льдину оторвало от берега и понесло в море.

В житии Елизара Анзерского есть еще несколько эпизодов из ледовых плаваний поморов. Некоторые сведения о морских походах колян содержатся в житии Трифона Печенгского. Однако обзор и анализ всех этих и других не упомянутых здесь «чудес на море» не входит в задачу настоящей статьи.

Изложенные выше материалы дают основания уже сейчас сделать следующие выводы.

1. Севернорусские жития святых содержат красочные рассказы, единственные из сохранившихся до наших дней, о героических плаваниях поморов в Белом и Баренцовом морях в XVI—XVII вв.

2. Житийная литература рисует картину развитого судостроения и судоходства Поморья. Она подтверждает выводы тех исследователей, которые считают наших поморов пионерами, зачинателями ледового мореплавания в Северном Ледовитом океане. Внимания заслуживают сообщения, касающиеся плаваний поморов в зимний период. Этот наиболее сложный и трудный вид арктического судоходства получил широкое применение в бассейне Белого моря. При плавании в зимних льдах поморы научились учитывать приливно-отливные течения. Опытом зимнего судоходства располагала в то время и значительно позже только наша страна.

3. Уровень полярного судостроения нашего Поморья XVI в. характеризуется умением северных судостроителей создавать такие корабли-лодья, которые могли ходить не только по чистой воде, но и среди льдов. Лодья — это большое, поднимающее свыше 50 человек и большой груз судно, оснащенное парусами, могущими использовать боковые, «покосные» ветры. Лодья имела палубу, палубные вспомогательные лодки-карбасы. В число ее «судовых снастей» входили железные части, например якоря. Лодья обладала специальными ледовыми обводами в форме яйца, что давало ей возможность избегать сильного сжатия и выжиматься на поверхность льдов. Об этом, в частности, свидетельствует случай с лодьей сына боярского Гаврилы Григорьева, уцелевшей во время сильного сжатия благодаря именно этим ее качествам.

Н. А. КАЗАКОВА

Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в.

XVI век в истории русской литературы по праву считается веком публицистики. Расцвет ее был вызван той сложной идеологической борьбой, которая в связи с образованием централизованного государства разгорелась в русском обществе по вопросу о роли великокняжеской власти и месте различных классов и классовых прослоек в государстве. Среди многочисленных тем, волновавших русских публицистов XVI в., видное место занимала крестьянская тема. Как справедливо отметила В. П. Адрианова-Перетц, выдвижение этой темы было обусловлено борьбой внутри класса феодалов за землю и рабочие руки, закрепощением крестьян и нарастающим протестом с их стороны.¹

Одними из первых крестьянскую тему в русской литературе XVI в. поставили нестяжатели. Вассиан Патрикеев и вслед за ним Максим Грек и неизвестный автор «Валаамской беседы» яркими красками рисуют тяжелое положение монастырских крестьян, изнуряемых «стяжаниями» и «лихвами». Но критика феодальной эксплуатации со стороны нестяжателей была ограниченной: она велась с позиций отвлеченной христианской морали и объектом ее являлись порядки, существовавшие в монастырских вотчинах. Борясь против монастырского землевладения, нестяжатели указывали на несоответствие вотчинного быта монастырей евангельской заповеди нестяжания и любви к ближнему; вопроса же о положении феодально зависимого крестьянства в целом они не ставили. Гораздо шире крестьянский вопрос был поставлен в произведениях дворянского публициста 40-х годов XVI в. — Ермолай-Еразма. Развив стройную теорию о том, что труд крестьян составляет основу благосостояния общества, он предложил проект регламентации и уменьшения крестьянских повинностей. Но и Ермолай-Еразм, несмотря на понимание им значения крестьянского труда, не ставил вопроса о ликвидации феодально-крепостнической системы: будучи дальновидным представителем господствующего класса, он хотел лишь облегчения того гнета, который побуждал крестьян-«ратеев» к «волнениям скорбным». Выразителями интересов угнетенных масс феодально зависимого населения являлись еретики середины XVI в. — Матвей Башкин, отрицавший холопство ввиду противоречия его принципам христианства, и Феодосий Косой, выступавший с проповедью равенства всех людей. В их учении находил свое выражение протест угнетенных масс против существующего феодально-крепостнического строя. Таким образом, в публицистике XVI в. представители различных классов и общественных групп по-разному ставили и решали крестьянский вопрос.²

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Крестьянская тема в публицистике XVI века. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 204.

² Подробное освещение этой темы см. в указанной статье В. П. Адриановой-Перетц (ТОДРА, т. X, стр. 200—211).

Вопрос о положении крестьян в XVI в. выдвигался жизнью с такой настойчивостью, что его касались не только авторы публицистических произведений, специально посвященных обсуждению злободневных социально-политических вопросов. Крестьянская тема проникает и на страницы произведений, которым, казалось, она должна была быть чуждой в силу их жанра.

С интересной постановкой крестьянского вопроса мы сталкиваемся в одном памятнике житийной литературы XVI в. — «Житии преподобного Иосифа Волоцкого», составленном неизвестным. Это «Житие», которое В. О. Ключевский относил «по содержанию своему к числу лучших житий в древнерусской литературе»,³ еще недостаточно исследовано. Автор «Жития» был горячим приверженцем Иосифа Волоцкого — «единого от великих преподобных».⁴ Но в то же время он с уважением отзывался о его противниках. Рассказывая о выступлении нестяжателей против монастырского землевладения на соборе 1503 г., автор «Жития» указывает, что нестяжатели «ради бо крепкаго их жительства и добродетели множества» были «зело от самодержецъ приемлени и почитаеми».⁵ С особым пиететом он пишет о Ниле Сорском, который, «яко светило», сиял в пустыне на Белоозере.⁶ Такое отношение автора «Жития» к противникам Иосифа Волоцкого объясняется, быть может, тем, что он писал в середине XVI в.,⁷ когда споры между иосифлянами и нестяжателями в значительной степени уже потеряли свою былую остроту.

«Житие», составленное неизвестным, отличается от «Жития» Иосифа Волоцкого, написанного его учеником Саввой Крутицким, наличием ряда эпизодов, полнее освещающих и биографию Иосифа, и отдельные моменты в жизни русского общества начала XVI в. Среди этих эпизодов привлекают внимание повествование о соборе 1503 г., на котором обсуждался вопрос о секуляризации церковных земель, и рассказ о благотворном влиянии проповеди Иосифа на нравы и обычаи Волоцкой земли. Для занимающей нас темы интересен последний рассказ.

Привлекаемые необыкновенными добродетелями Иосифа многие из бояр, воевод, воинов, сановников Волоцкого княжества приходили слушать «словеса» Иосифа и под их влиянием «нравы своа дивиющася на кротость преложыше, удобришася жизнью». «Вся же тогда Волоцкая страна к доброжизню прелагашася, тишины и покоя наслаждышеся, и вси веселяшеся беша», — пишет автор «Жития». С особой тщательностью он подчеркивает те изменения, которые произошли в положении крестьян: «и поселяне же много послабление имуще от господей сел их поущением его». И далее автор излагает, в чем состояло «поущение» Иосифа Волоцкого: «Глаголаше бо господиам селом, да будут блази тяжарем своим».⁸ Необходимость быть благими по отношению к своим крестьянам-«тяжарям» подкрепляется целым рядом аргументов: кто понуждает и насилует тяжаря своего, тот вскоре его «объубожаеть»; обнищавший же «тяжарь» не сможет отдавать плоды нив и дани; вынужденный продать скот, он не сможет обрабатывать поля, а когда запустеют поля, то это губительным образом отразится на господине села. Иная участь ожидает господина, который не отягощает

³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871, стр. 292—293.

⁴ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. М., 1903, стр. 23.

⁵ Там же, стр. 37.

⁶ Там же, стр. 30.

⁷ Там же, Предисловие, стр. X.

⁸ Там же, стр. 21—22.

своего «тяжаря»: его «тяжарь» и сам «насыщен» будет, и с «добровольством» будет обогащать всегда господина села.⁹ Итак, необходимость «быть благими» по отношению к крестьянам обосновывалась не отвлеченными принципами христианской морали, а реальными практическими интересами класса феодалов, ибо разорение крестьянских хозяйств вело к разорению феодалов. Отсутствие религиозной аргументации, светский характер постановки вопроса о положении крестьян составляют отличительные черты рассматриваемого отрывка «Жития» Иосифа.

Крестьянской темы автор «Жития» касается еще раз, но уже в более широком аспекте — не с точки зрения интересов только класса феодалов, но с точки зрения интересов государства. Повествуя о смерти волоцкого князя Бориса и о переходе Волоцкой земли под управление его сына Федора, автор «Жития» сообщает о тех наставлениях, с которыми Иосиф обращался к новому князю. Иосиф призывал его быть «тихим» и «кротким» по отношению к своим подданным, так как народы, имеющие подобного князя, молят бога о даровании ему многолстнего правления и «тихости его ради купли свободное умножают, и тяжаре стоги своя на нивах учащать, и тем богатеющим умножать казну его частостию тамги и дани». В случае же если народы терпят тяготы и насилия со стороны князя, то к богу вместо молитв и благодарений они обращаются со вздохами и слезами, и это гибельным образом отражается на состоянии страны: «обнищавшем бо народом обидами и отягчением, изнеможат нивам тяжарство, умалятся плоды их, истлять же ся и купля торжищь им». Обнищание народа, разорение страны влечет за собой упадок государственных финансов: «Источания же ради народного оскудеа оскудеет казна ему. Откуда бо подтичущее имение приметь казна ему, не сущу богатству в народах?»¹⁰ Итак, в рассматриваемом отрывке, в дополнение к уже ранее высказанной мысли о том, что благосостояние класса феодалов зависит от благосостояния крестьян, высказывается вторая важная мысль о том, что процветание страны, состояние государственных финансов определяется благосостоянием народа, значительную часть которого составляют «тяжари»-крестьяне.

Эти мысли автор «Жития» приписывает Иосифу Волоцкому. Действительно ли они принадлежали игумену Волоцкому? Ответить на этот вопрос помогает анализ сочинений Иосифа Волоцкого. Вопросы о положении зависимого населения Иосиф Волоцкий касается в трех посланиях: 1) «К некоему князю о постригшемся в чернецы человеке его»,¹¹ 2) «К некоему христоробцу»,¹² 3) «К некоему вельможе о миловании рабов».¹³ Первое и второе послания едины по сюжету: они написаны к господину, препятствовавшему пострижению своего раба в чернецы, и содержат призыв милости обращаться с рабами и, в частности, не запрещать им вступать в монастыри. Свой призыв Иосиф подкрепляет авторитетом божественного

⁹ «Елма унужаяй тяжаря дела дому своего и насилуа в стяжании его, въскоре обубождает тяжаря своего. Тому же обнищавшу, како подасть самому ему плоды нив? Како же и дани отдасть? Како же и препитаеця с домом своим умиленный? Прочее нужда ему сих ради отдаений и скот продати: сему же продану, како бразды проженеть? Кто же и семена убогу въскоре подасть? Не целизны ли ему поля процветуть? Сим же запустевшим, и сам господин села не всю ли тшету прииметь, и в коялко злоба на самого простретися имать? Послабляяй же земодельнику възделаеть целизны своя, и утяжить нивы, и възпримлеть присно плоды своя. Той же тяжарь исполнен дел своих послаблением господей, и не унужен насильством, обогащает с добровольством всегда господина села, и сам насыщен сы удобно въздасть дани» (Житие преподобного Иосифа..., стр. 22).

¹⁰ Житие преподобного Иосифа..., стр. 39—40.

¹¹ ГПБ, Q. XVII. 64, л. 275.

¹² Памятники старинной русской литературы, в. IV. СПб., 1862, стр. 205—207.

¹³ ДАИ, т. I, № 213.

писания: «... божественное писание повелевает всякому человеку, любящему Христа, имети попечение о рабах, яко же о чадах, и наказывати их всегда на благая дела, на божий путь спасеный».¹⁴ Третье послание Иосифа — «К некоему велможе о миловании рабов» — не имеет той конкретной цели, как первое и третье. Оно содержит обращение к господину с просьбой милостиво обходиться со своими рабами, ибо все люди являются созданиями божими и на страшном суде будут нести ответственность за свои поступки независимо от положения, какое они занимали в земной жизни.

Мотив «милости», которым проникнуты послания Иосифа Волоцкого, не является новым. На Руси призывы к милосердию по отношению к сиротам, бедным и рабам встречаются в литературе начиная с XII—XIII вв. Для феодалов эти призывы являлись идейным оружием, при помощи которого они выдавали себя за защитников общенародных интересов, стремясь таким образом добиться укрепления существующих общественных порядков.¹⁵ Сила звучания мотива «милости» в различные исторические периоды определялась конкретными социально-экономическими условиями. В публицистике начала XVI в. этот мотив звучит с особой силой, что было обусловлено обострением классовых противоречий и стремлением наиболее дальновидных идеологов класса феодалов добиться некоторого смягчения их. В устах Иосифа Волоцкого призыв быть милосердными по отношению к рабам и, в частности, не препятствовать пострижению их в монахи имел и особый смысл: для монастырей он означал средство борьбы за рабочие руки, ибо пострижение холопов в монахи являлось одним из источников пополнения монастырских хозяйств рабочей силой. Таким образом, внимание Иосифа Волоцкого к вопросу о взаимоотношениях между господами и рабами было обусловлено особенностями исторического развития русского общества начала XVI в. Однако постановка этого вопроса в произведениях игумена волоцкого не являлась оригинальной. Призыв к милосердию по отношению к рабам обосновывается у Иосифа авторитетом божественного писания и нормами христианской морали, и в этом отношении он выступает как продолжатель традиции церковной учительной литературы. В духе этой традиции трактуется у Иосифа и тема государственной власти, которой он касается в «Послании к благоверному князю». Государи и самодержцы должны быть щедрыми и милостивыми по отношению к своим подданным, ибо «блажени милостивии, яко тии помиловани будут».¹⁶

Совершенно по-иному вопрос о взаимоотношениях между господствующим и угнетенным классами ставится в «Житии» Иосифа, составленном неизвестным. Необходимость для господ и князей быть «благими» по отношению к крестьянам и подданным аргументируется не нормами христианской морали, а реальными практическими интересами, с одной стороны, — класса феодалов, с другой — феодального государства. Оригинальность трактовки крестьянской темы в «Житии» Иосифа, составленном неизвестным, не позволяет возводить ее к Иосифу, как это делает автор «Жития». Очевидно, что та постановка крестьянского вопроса, которая имеет место в «Житии» Иосифа, принадлежала автору этого «Жития», неизвестному писателю середины XVI в., стремившемуся авторитетом Иосифа подкрепить свои рассуждения.¹⁷

¹⁴ Памятники старинной русской литературы, в. IV, стр. 205.

¹⁵ Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII веков. — ТОДРЛ, т. X, стр. 79—80.

¹⁶ Памятники старинной русской литературы, в. IV, стр. 192.

¹⁷ В литературе высказывалось мнение, что автором «Жития» является Зиновий Отенский (см.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 293; Житие преподоб-

Интересно, что из всех литературных памятников XVI в., затрагивавших вопрос о положении крестьян, больше всего точек соприкосновения с рассматриваемыми отрывками «Жития» Иосифа имеет «Правительница» Ермолая-Еразма. По сути дела, в основе рассуждений по крестьянскому вопросу Ермолая-Еразма и неизвестного автора «Жития» лежит одна и та же мысль — о том, что труд крестьян составляет основу общественного благосостояния. Только эта мысль выражена по-разному. У Ермолая-Еразма она поднята до высоты философского обобщения: «В начале же всего потребни суть ратаеве», — указывает Ермолай-Еразм. Но в то же время своим рассуждениям о значении крестьян Ермолай-Еразм стремится придать религиозно-поэтическую санкцию. Вслед за приведенной фразой «в начале же всего потребни суть ратаеве» он пишет: «от их бо трудов ест хлеб, от сего же всех благих главизна: богови в службу бесъкровная жерътва хлеб приносится и в тело Христово претворяется, потом же и вся земля от царя и до простых людей тех труды питаема».¹⁸ Таким образом, Ермолай-Еразм не только подчеркивает, что труд крестьян дает хлеб, которым питается вся земля, но указывает также, что этот хлеб в таинстве евхаристии претворяется в тело Христово. Самих же крестьян он называет «ратаями», словом, «которое уже для XVI века было обвеяно стариной и поэзией, напоминая не столько современных автору крестьян, как они назывались и в документах и в тогдашнем прозаическом языке, а скорее „ратаев“ Слова о полку Игореве и былин».¹⁹ Общие рассуждения Ермолая-Еразма о роли крестьян и религиозно-поэтическая оболочка, которую он придавал этим рассуждениям, маскировали социальный смысл предлагаемого им проекта уменьшения повинностей крестьян, целью которого являлось предотвращение крестьянских волнений. По справедливому выражению одного из исследователей творчества Ермолая-Еразма, классовые требования господствующего класса «подаются здесь в форме бессознательно лицемерной защиты интересов крестьянства, в бессознательно лицемерной идеологической оболочке».²⁰

В основе рассуждений неизвестного автора «Жития» Иосифа о взаимоотношениях между господами и крестьянами, по сути, лежит та же, что и у Ермолая-Еразма, мысль о всеобъемлющей роли крестьянского труда для процветания общества. Именно эта мысль, сознательно или бессозна-

ного Иосифа. . . Предисловие С. А. Белокурова, стр. X—XII). Последний исследователь «Жития» Иосифа С. Иванов полагает, что автором его был болгарский писатель Лев-Аникита Филолог (С. Иванов. Кто был автором анонимного жития пр. Иосифа Волоцкого. — Богословский вестник, 1915, т. III, сентябрь, стр. 173—190). В своем предположении С. Иванов опирается главным образом на факт наличия в двух списках «Жития» указаний на авторство «Филогона» (так в некоторых рукописях именуется Лев Филолог), а также на текстуальные и стилистические аналогии. Аргументация С. Иванова делает возможным предположение об авторстве Филолога, но не означает, на наш взгляд, окончательного решения вопроса: в истории средневековой литературы нередки случаи, когда писателям приписывались произведения, им не принадлежавшие; что касается стилистических аналогий, которые С. Иванов находит между «Житием» Иосифа и произведениями Филолога, то с таким же основанием В. О. Ключевский говорит о стилистической близости «Жития» Иосифа к произведению Зиновия Отенского. Не ставя своей задачей установление личности автора «Жития», мы полагаем, что он хорошо знал русскую действительность и в своих общественно-политических воззрениях исходил из ее особенностей; поэтому его взгляды с полным правом могут быть использованы для характеристики развития русской общественной мысли XVI в.

¹⁸ Ермолай-Еразм. Благохотящим царем правительница и землемерие — ЛЗАК, в. 33. Л., 1926, стр. 193.

¹⁹ В. Ф. Ржигала. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, в. 33, стр. 187.

²⁰ Т. А. Колесникова. Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 260—261.

тельно, руководила автором, когда благосостояние класса феодалов, процветание страны и обогащение государственной казны он связывал с благосостоянием народа, основную часть которого составляли «тяжари»-крестьяне. Только у автора «Жития» мысль о значении крестьянского труда не имеет того философско-религиозного выражения, как у Ермолая-Еразма. Крестьянский вопрос он трактует, руководствуясь экономическими интересами феодального класса и феодального государства и даже не пытается придать своим рассуждениям видимости защиты интересов крестьян. Для него крестьяне не «ратаи», которые «в начале всего потребны суть», а «тяжари», те, кто несет на себе тяготы работ и налогов. И чтобы они могли исправно отбывать повинности в пользу феодалов и платить налоги государству, автор «Жития» призывает быть милостивыми с ними и не отягощать их «обидами» и «насилами». Перед нами — идеолог класса феодалов, трезво и деловито, с точки зрения своего класса, рассматривающий крестьянский вопрос, почти не прибегая при этом к средствам философско-религиозной аргументации. Обнаженность тех целей, которыми руководствовался автор «Жития», ставя крестьянскую тему, светский характер этой постановки резко отличают «Житие» от других произведений XVI в., трактовавших вопрос о положении крестьян. Автор «Жития» не только агиограф, но и публицист, обладавший большой политической проницательностью и сумевший заглянуть в существо современных ему общественных порядков.

Трактовка вопроса о роли крестьян в обществе у автора «Жития» и у Ермолая-Еразма в какой-то степени перекликается с той, которая имеет место в «Слове кратком» — полемическом произведении в защиту церковных имуществ, написанном в самом конце XV в. В этом произведении, возникшем, вероятно, в кружке воинствующих церковников, группировавшихся вокруг новгородского архиепископа Геннадия,²¹ ставится вопрос и о назначении различных слоев общества: светские власти, цари и начальники, должны творить суд, правду и управление, церковные власти, пастыри, — молиться; «селянин же тружати и питати обонх» должен.²² Таким образом, труд крестьян объявляется тем источником, за счет которого живут остальные слои общества. Это, по сути, та же теоретическая посылка, из которой исходят в постановке крестьянской темы и автор «Жития», и Ермолай-Еразм. Но если автор «Слова кратка» в конце XV в. ограничивался лишь констатацией этой посылки, то спустя полстолетия автор «Жития» и Ермолай-Еразм сделали из нее вывод о необходимости смягчения участи крестьян.

Тот факт, что у двух писателей середины XVI в. — Ермолая-Еразма и неизвестного автора «Жития» — имеют место, несмотря на различие используемой ими аргументации, по существу, одинаковое признание общественного значения труда крестьян и призыв к облегчению их положения, свидетельствует о той большой роли, которую в это время крестьянский вопрос играл в жизни Русского государства. Острота, с которой этот вопрос ставился в русской публицистике середины XVI в., была обусловлена обострением классовых противоречий и нарастанием протеста со стороны крестьян.

²¹ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРА, т. IX, стр. 165—166.

²² Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. XXI: «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ. М., 1901, стр. 43.

М. Н. ТИХОМИРОВ

Новый материал об Иване Грозном

Памятники житийной литературы редко привлекаются при рассмотрении тех или иных вопросов истории России XVI—XVII вв. Это отчасти можно объяснить тем, что русская агиография, как, впрочем, и всякая агиография, отличается узостью своей тематики. Она посвящена биографиям святых и описаниям различного рода «чудес» и событий церковного характера. При этом рассказ ведется через призму церковных воззрений авторов житий, и даже действительные биографические факты облакаются в соответствующую витиеватую форму с нарочито архаическими словами. «Поприще» заменяет обычную русскую версту, воевода величается «епархом» и т. д. За такой велеречивой речью иногда трудно бывает восстановить действительность. Да и само количество биографических фактов, отбираемых агиографами, подчас очень незначительно.

Тем не менее некоторые житийные произведения имеют несомненный интерес по своим историческим подробностям. К их числу принадлежит и рассматриваемая в этой статье «Повесть о свершении большия церкви Никитского монастыря» в Переяславле Залесском, которая помещена в обширных Милютинских Четьях-Минях XVII в.¹

Нельзя сказать, чтобы «Повесть о свершении» была совершенно неизвестна в науке. На нее в свое время обратил внимание В. О. Ключевский, отметивший, что к житию Никиты Переяславского был добавлен рассказ о преобразовании и перестройке монастыря Иваном Грозным: «Эти чудеса описаны, кажется, игуменом Никитского монастыря Вассианом и дают несколько любопытных черт для истории монастырской жизни в XVI веке». В другом месте своего исследования В. О. Ключевский пишет: «Повесть с описанием этих чудес написана вскоре после 1564 г., т. е. после перестройки и преобразования Никитского монастыря, предпринятого Грозным по личному его усердию к месту подвигов столпника».²

В. О. Ключевский правильно установил и время составления «Повести», и ее автора, но в его задачу не входило подробное описание этого любопытнейшего источника по истории середины XVI в. В позднейшей литературе, кажется, никто уже не обращался к «Повести», хотя в ней мы находим такие сведения о самом Иване Грозном, которые отсутствуют в других источниках.

«Повесть о свершении большия церкви», впрочем, является только одним из произведений, связанных с Никитским монастырем. Ей предшествуют два других произведения: «Сказание о новейших чудесах» Никиты Переяславского и «чудо второе» об исцелении бесноватой жены из сло-

¹ Рукопись ГИМ, Милютинские Четьи-Миней, месяц май, лл. 1307 об.—1334 об.

² В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. Изд. К. Солдатенкова, М., 1871, стр. 283, 49 (прим. 2).

боды Братошино. Все эти произведения написаны в одном и том же стиле, видимо, одним и тем же автором на протяжении 10 лет — с 1554 по 1564 г. Так, «Сказание о новейших чудесах» начинается словами: «В последняя в нынешняя времена в шестьдесят третьем лете осмыя тысячи на наших памятех содеяшася преславная чюдеса в державу Росийскаго царьствия самодержавнаго государя благочестиваго царя и великаго князя Ивана Василиевича всеи Руси и при освященно-архиепископе Макарии митрополите всеа Руси».³

Автор жития относит «чудеса» к 1555 г., но тут же начинает первое «чудо» словами «в лето 7060 во второе», т. е. с 1554 г.

После долгого и витиеватого введения автор «Сказания» возвращается «на предреченная» и сообщает о желании царя Ивана Василиевича «по втором лете казанского взятия» (в 1554 г.) отправиться молиться к честным угодникам «о мире и о тишине, и о устроении земstem» вместе с царицею Анастасиею, царевичем Дмитрием «и со всеми князьями и з бояры». Для этой цели царь велел «мски уготовляти», т. е. приготовить ямских лошадей для путешествия. «Путное шествие» царя и царицы имело такой маршрут: из Москвы они поехали в Троице-Сергиеву лавру, а оттуда «к западным странам», в Кирилло-Белозерский монастырь.

На обратном пути «разболеся сын его благоверный царевич Дмитрий зельною болезнию и в той болезни преставися на пути». Это сообщение стоит сопоставить с известием Курбского, по которому царевич Дмитрий разболеся «не доезжаячи монастыря Кирилова, еще Шексною рекою плывучи»,⁴ тогда как, по летописи, Дмитрий умер, «назад едучи к Москве».

Возвращаясь в Москву, царь с царицей посетили Никитский монастырь. В это время «бе обитель святаго во особном жительстве пребывающе, шесть имуще братии, а седмый игумен и два священника и дякон». Царь ночевал «на своем царьском дворе», и с этого времени царица зачала. 30 марта 1555 г. она родила сына, «нареченно имя Иоанн Лествичник».

Обращает на себя внимание дата рождения Ивана Ивановича, который по летописям родился 28 марта.⁵ Ошибка была сделана автором «Сказания», зная, что новорожденный царевич получил имя Ивана во имя Ивана Лествичника, который, действительно, праздновался 30 марта. Видимо, автор «Сказания» писал по памяти, а не на основании какого-либо письменного источника. Через два месяца по рождении царевич опасно заболел. Описание этой болезни и способов ее лечения настолько красочно, что в данном случае лучше всего сделать выписку из самого источника.

«И по лете рожения своего месяца мая впаде царевич Иван в зельную болезнь. Отец же его, благоверный царь, и мати его, благоверная царица, впаде в великую скорбь и молебная о нем по вся часы творяще в ложницы его и на соборы о нем милостыню о нем посылаше и нищих милостынею доворяше, пользы же нимало обретше. И просиша у господа бога милости, чтоб сын их здрав был. Отроча же вопияше и пружащеся назад с великим воплем. И паки повеле государь в ложницы его молебны пети, един по единому, спасу и пречистой богородици и великом чудотворцем, Петру, Алексею и Ионе митрополиту и всем святым. Царевич же Иван ни мало облегчения от зельны болезни беша. И начаша же молебен пети великому чудотворцу Никите Переяславскому, и со столом в ложницы его поставленным, и со драгими фатами

³ Милютинские Четьи-Миней, л. 1307 об.

⁴ А. М. Курбский. История о великом князе Московском. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1913, стр. 58; ПСРЛ, т. XX, стр. 541.

⁵ ПСРЛ, т. XX, стр. 547.

посланы, и на них же поставлены блюда серебряные с честными мощми святых, многое множество, и воды освященные в честных сосудах, и с Никиты Переаславьскаго чудотворца вериги, и крест честный и вода освященная в сосуде мраморне, сиречь во флаге.

«Царь же и царица в велицей печали зряще отрочате своего зельне страждуще. Иоани же царевич некою болярынею носим бе на руках. Царь же и царица руже простираючи ко образу создателя бога и пречистой его матери пресвятей богородице, и к великим угодником божиим, и тепле вопиючи, и умильно молящися, и слезы испущающе, поне бы малу ослабу улучити отрочи своему от зельныя его болезни. И окрест стояще ближнии приятели государевы, мужие и жены, вси молящися и слезы испущающе, не токмо царевича видящи эле болезнуема, но и благовернаго царя и с царицею в велицей печали и скорьби, и недоумевашся, чтоб има мало что божие милосердие получитьи. Богу же больма хотяше своего угодника Никиту Переаславьскаго чудотворца ославити. И начаша пети молебен святого. Рекомая же болярыня безпрестанно около стола и честных мощей носяще царевича и тепле слезящи, на государя зрящи и на отроча. Наднесоша же отроча над мощи святого на крест чудотворцов и на освященную воду. Отроча же от зельныя болезни внезапно руку на освященную чудотворцову воду простре».⁶

Царевич выздоровел, однако «на второе лето в то же время случися паки царевичю Ивану немощь», и он вновь был исцелен освященною водою.

Это второе «чудо» описано кратко: подробнее о нем говорится в некоторых списках Казанского летописца, в статье «о царьском хождении по святых местом». Однако никакой непосредственной связи между «Сказанием» и этой статьей нет. Это разные произведения, рассказывающие об одних и тех же событиях.⁷

Согласно «Сказанию», царь и царица дали обет устроить в Никитском монастыре «общежительство» и монастырь «вотчинами наполнити». К царскому приезду в Переяславль приехали ростовские архиепископ Никандр, архимандриты Спасского и Богоявленского монастырей. Царя встретили «во граде Переяславли у чудотворца Николы на площади». Монастырь получил дорогие подарки: «трои ризы, драгие камки и стихари драгие, патрахили и улары, и поручи, и пояс служебный, и самое благоверные царици Настасии труды, и других риз потому же, и сосуда серебряные. Благоверная же царица Анастасия своима руками и боголепными своими труды вышила на плащаницы драгой камке венецицкой образ великаго чудотворца Никиты и златой каймы обложила и слова серебром круг плащаницы вышила, а подпись имя чудотворцово кругом жемчугом и драгим каменнем и бисером многоценным украсила, и на раку чудотворцову положила».

Шитая пелена с изображением Никиты Столпника, работы царицы Анастасии, действительно упоминается среди предметов, хранящихся в соборе Никитского монастыря, как и две хоругви, шитые золотом и серебром.⁸

По возвращении в Москву царь созвал совещание, которое описано таким образом: «И созывает государь вельмож своих и нача советовати со всеми вельможами, чтоб в Переяславли у чудотворца Никиты общежи-

⁶ Милютинские Четьи-Минеи, л. 1314 об.

⁷ ПСРЛ, т. XIX, стлб. 483—487. Статья в Казанском летописце составлена не раньше 1557 г., так как в ней говорится о рождении царевича Федора.

⁸ Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Составил Н. Н. Ушаков. Владимир, 1913, стр. 265.

тельство устроить и вотчинами исполнити. Реша же ему боляре его: „Добрый, государь, совет начинаеши, много лет, государь, пребысть обитель чудотворца небрегома, а ныне в твое благочестивое царство хочет бог прославить обитель великого своего угодника чудотворца Никиты“. Благоверный же царь радостен бысть ответу их благому. Яко же государь восхоте, тако и сотвори, и наказную свою царскую грамоту веле игумену дати обители тоя о строении монастырьстем, и повеле государь игумену монастырь воздвигати и келии себе ставити и царице на свой царской приезд, и прочии келии на братию, и трапезу с теплою церковью во имя пречистые богородици честнаго ея Благовещения, и с келарскою основати, и ровы копати, и на вратех церковь поставити во имя архистратига Гавриила и честнаго его собора. И старую церковь разбирати повеле, поставление отца его благовернаго великаго князя Василия Ивановича всеа Руси самодержца, и новешую церковь больши воздвигнути над гробом чудотворцовым во имя христова мученика Никиты, и предел преподобнаго чудотворца Никиты, а другий предел всех святых и службы уставляти по общежительству, и церкви святыя украшати святыми иконами и божественными книгами, и всякими лепотами церковными, и у гроба чудотворцова повеле благоверный царь свещу поставити неугасимую во веки веком. Колокол блавестной повеле государь к чудотворцу лити 36 пудов, и вотчинами наполнити своих царских подклетных сел. И около монастыря ограду камenu повеле ставити».

«Сказание» оканчивается молением о сохранении царя «от нахождения иноплемненных бесермен и от латын и междоусобных брани». Слова о «латынах» указывают на время составления сказания — после начала Ливонской войны, т. е. после 1558 г.

«Чудо второе святого», следующее тотчас за «Сказанием», представляет собой рассказ об исцелении бесноватой женщины. Главный его интерес в том, что из его окончания мы узнаем об авторе. Сказав об игумене, дававшем бесноватой жене пить воду, автор говорит: «И аще хощеши уведати имя игумену тоя обители, второе первым начальством, двоесотное сотным слагай, я и пятидесятым ером завершается». В. О. Ключевский расшифровывает эту загадку как «Васьян»: ⁹ «второе» — «в», «первое» — «а», «двоесотное» или 200 — «с», «я и пятидесятое» — «н», завершается ером — «ъ».

Вслед за «чудом вторым» следует «Повесть о свершении большия церкви», которая далее печатается целиком

Это произведение задумано было также в житийном плане, но само содержание «Повести» шире обычного агиографического упражнения в словесности. Конечно, автор «Повести» склонен пользоваться церковными оборотами и различного рода припоминаниями: то о Никейском соборе и злочестивом Арии, то о Сергии Радонежском и т. п., но рассказываемые события вышли далеко за пределы чисто церковной тематики.

«Повесть» особенно интересна тем, что в ней Иван Грозный и царица Марья Темрюковна наделены чертами живых людей. Грозный предстает перед нами еще человеком, полным силы. В момент описываемых событий ему было всего 34 года. Это совсем не тот старый озлобленный человек, рано облысевший, беззубый, каким его рисуют иностранные писатели. Он сам читает на заутрени часы, сам поет со своею «станицею» певчих.

⁹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых... стр. 283, прим. 2. Текст у В. О. Ключевского приведен несколько неточно, тайнопись показана на л. 1325, точнее надо сказать, на обороте л. 1325.

Еще более интересен образ царицы Марьи, столь туманный в наших летописях, которые упоминают о ней только в казенных сухих фразах. Монастырская братия во главе с игуменом провожает ее до царских врат, и она «во вратах монастырских» начинает упрашивать «сокрушенным сердцем», чтобы монахи молились о даровании ей ребенка, «о устроении земstem и о тишине и о мире».

Из дальнейшего изложения выявляется, что такое моление было вполне уместным в тревожной обстановке, сложившейся весной 1564 г. Из Переяслава царь отправился в Александрову слободу, из слободы в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда к Можайску, не заезжая в столицу. Это вызвано было слухами о приближении литовского войска во главе с королем Сигизмундом Августом. Однако литовское войско повернуло вспять, и царь вернулся из Можайска в Москву. «В то же время быша многи скорби християнскому народу от нахождения иноплемнных и от хлебнаго глада», — добавляет «Повесть».

Так, за описанием церковных празднований постепенно вырисовывается тревожная обстановка в связи с военными осложнениями и голодом. Вместе с тем становится ясным, что «внезапный» поворот к опричнине был далеко не внезапным. Подтверждается и участие в государственных делах царицы Марьи Темрюковны, заботившейся «о устроении земstem».

Крайне интересно сравнение «Повести» с летописным известием о поездке Ивана Грозного в Переяславль. По летописи, царь ездил в Переяславль 7 мая 1564 г. вместе с царицею Марьей, сыном Иваном и князем Владимиром Андреевичем. Из Переяслава он поехал в Троице-Сергиев монастырь и оттуда в Можайск. Однако, зачем Грозный ездил в Можайск, в летописи не объяснено, но это становится ясным из «Повести». Слухи о приближении польско-литовской армии во главе с самим королем, видимо, оказались ложными, и летописец оставил поэтому царскую поездку в Можайск без объяснения. Тем не менее возникновение таких слухов вполне понятно, так как 30 апреля к польскому королю бежал Андрей Михайлович Курбский.¹⁰ Очень интересны также сведения «Повести» о хлебном недороде и голоде. Эти сведения находят себе подтверждение в некоторых летописцах.

Крайне сложная и тревожная обстановка в Российском государстве, слухи о походе литовского войска, боязнь измены и заговоров со стороны Владимира Андреевича Старицкого, недавняя измена Курбского, хлебный голод и недород — все это в совокупности подготавливало решение Грозного о создании опричнины.

Здесь не место говорить об опричнине и ее значении, не место и ставить вопрос о личности Ивана Грозного, но следует отметить, что «Повесть» рисует Грозного и его вторую жену, царицу Марью, по живым свидетельствам современника. Правда, эти свидетельства тенденциозны. Царь Иван Васильевич выступает в нем в первую очередь как благодетель монастыря. Но зато крайне интересны отдельные определения автора, показывающие большую близость времени написания «Повести» к описываемым в ней событиям. Царица Марья Темрюковна названа в «Повести» «новопросвященною», высказывается удивление перед ее внезапным благочестием.

Митрополит Макарий назван «новопреставльшимся», тогда как митрополит Афанасий оказывается «новосвятейшим». Наконец, Александрова слобода названа «новой Александровой слободой». Этим указанием как будто разрешается спорный вопрос, вызвавший различные высказывания по поводу того, что надо понимать под «новым градом слободою», где

¹⁰ РИБ, том третий. СПб., 1876, стр. 222.

Андроник Невежа напечатал Псалтырь 1577 г. Александрова слобода названа «новой» в издаваемой «Повести», а это название, видимо, появилось еще до начала опричнины.

Время составления «Повести» В. О. Ключевский определяет 1564 г., точнее, следует сказать, в конце 1564 г. В сущности, это единственный литературный памятник, возникший накануне опричнины. Тем самым в первую очередь определяется его историческое значение. Летописные записки об этом времени подверглись позднейшей правке, как мы это видели на примере летописной записи о поездке Грозного в Переяславль.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОВЕСТЬ О СВЕРШЕНИИ БОЛЬШΙΑ ЦЕРКВИ НИКИТСКОГО МОНАСТЫРЯ

Того же преподобнаго чудотворца Никиты повесть о совершении большия церкви Христова мученика Никиты.

По времени в третее лето по основании церкви совершена бысть большая церковь святого мученика Христова Никиты в лето 7072 (т. е. 1564). И о извещении церкви тоя игумен обители тоя сам к государю ездил в преименитый град Москву извещати церковное совершение. Благочестивой же царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, слушав от игумена совершение церковное, и возвеселися о повести сей и начаша советовати со отцем своим преосвященным архиепископом Афонасием митрополитом всеа Руси, чтобы ему на освящение быти тоя святыя церкви в преименитом граде Переяславле и во обители великаго чудотворца Никиты. И по непорочней вере благочестиваго государя бысть тако, якоже реченно во святом евангелии: «по вере ваю буди вама». И приказал государь царь и великий князь игумену обители тоя ждати себе на освящение церкви и со святейшим Афонасием митрополитом и с благоверною царицею новопросвященною Мариею и с благоверным царевичем Иванном, по Пасце шестыя недели, на память святых богоносных отец и честнаго их собора перваго, иже в Никеи сошедшеся на злочестиваго Ария при благочестивом царе Константине, сына православнаго царя великаго Константина. И преди себе православный царь государь Иван Васильевич приказал со игуменом обители тоя образы послати во обитель чудотворцеву в церковь Христова мученика Никиты: деисус и праздници и пророцы и поставные иконы, все серебром обложены и златом украшены. И пред своим царьским шествием иконописцев и мастеров послал и в светлицы окончины делати наспех, в церкви устроить и паникадила, и подсвечники, и свечи поставные, и книгами, и прочими лепотами церковными наполняше; другую утварию: сосуды и судари, и пеленами, и покровы, и престолы украсити бархаты и камками златыми. И бысть яко по существу реченном во святом писании, яко невесту божию украсиша, или яко небо земное просияше светолучными зарями, от лепоты божественных икон сияюще. И освящена бысть церковь Христова мученика Никиты новосвятейшим архиепископом Афонасием митрополитом всеа Руси, месяца мая в 14 день, на память святого мученика Исидора и другого Сидора, Христа ради уродиваго, ростовскаго чудотворца. И быша же на освящении тоя церкви со святейшим Афонасием митрополитом: Никандр архиепископ ростовский и живоначальные Троицы Сергиева монастыря архимарит Меркурий, и ис преименитаго града Москвы честныя обители небеснаго воиводы архистратига Михаила и славнаго его честнаго чудеса,

еже есть в Хонех^а архимарит Левкея, и того же преименитаго града соборные церкви пречистые Богородици, честнаго ся успения протопоп Дмитрий и протодиякон Василей, и переславские архимариты, пречистые Богородици Горицкоко монастыря архимарит Димитрий, и живоначальные Троицы Данилова монастыря архимарит Кирило, и соборные церкви боголепнаго Преображения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа протопоп Павел, и инии мнози игумени и священники, соборне служиша со архиепископом святейшим Афонасием митрополитом всеа Русии, по всем престолом тоя обители, хвалу воздающе богови и угодником его, великому Христову мученику Никите и преподобному мученику Никите переславскому чудотворцу.

Благочестивый же царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии и со благоверною царицею Мариєю, и со своим сыном благородным благоверным царевичем Иваном, и з братом своим благоверным князем Владимиром Андреевичем, и со всем своим царским синклитом, князьми и бояры, всеношнаго слушав, и на заутрени первую статью сам благочестивый царь чел и божественныя литургия слушал и крестным петием с своею станицею. Сам же государь пел на заутрени и на литургии и радостию великою государь объят быв и со благочестивым сыном своим царевичем Иваном и преосвященным архиепископом Афонасием митрополитом всеа Русии и со всем освященным собором, и с князьми и боляры, хвалу богу воздающе и угодником его, великому тезоименитому в мученицех Христову стратотерпцу Никите и преподобному мученику Никите переславскому чудотворцу, и чающе божию поспешению, яко не во многая времена сидевому святильнецу воздвигшуся в честней обители великаго чудотворца Никиты в его благочестивое державство. И на свою царскую трапезу всех призываше и с велием усердием веселящися и царскими брашны питашевся и весело праздноваше день той. И обители тоя игумена з братиею государь жаловал, дал в дом чудотворцов во свою царскую богомолию два села своих подклетных, село Конюцкое з древнями и со всеми угодни, да село Фалеленво. И грамоту свою царскую жаловальную велел государь дати на те села с красною печатю, и колокол благовестной государь повеле лити пятьдесят пудов во обитель чудотворцову, и учредив братию от своея царския трапезы, и милостынею удоволив от своея царския ризницы. И после трапезы вшед государь во храм великаго Христова мученика Никиты и повеле игумену тоя обители соборне молебны пети Христову мученику Никите и преподобному мученику Никите чудотворцу, и сам государь ко образом прикладывашеся, и у гроба святого тепле слезы испущающе, и умильно молящися, и со благоверным царевичем Иваном, и покровы на гробницу чудотворцеву полагаше, и златницы ко образом прикладаше, и гробницу святого и мощи целоваше. Игумен же со священники и со всею братиею своею по подобию царьскому за врата монастырския проводиша государя благочестиваго царя и с его сыном благоверным царевичем Иваном, яко же есть лепо царьскому чину.

Благоверный же царь и великий князь Иван Васильевич и со своим благоверным царевичем Иваном от игумена обители тоя благословение восприим и мир подав игумену и братии, и со своим благоверным царевичем Иваном и со князьми и бояры и со всем своим синклитом вдася путному шествию ко граду Переаславлю. Не бе бо далече от обители чудотворцовы до града Переаславля, токмо имуще два поприща. И во град государь прииде на останочном часу дни.

^а В ркп. еваонех.

Последи же благовернаго царя Ивана Васильевича, его благоверная царица Мария тако же молебнов слушала у Христова мученика Никиты и у преподобномученика Никиты переславскаго чудотворца и милостынею братию доворяше от своея царския ризницы. Игумен же обители тоя соборне молебны пел и благоверную царицу со священницы и со клирици и со всею братиею по обычаю царскому проводиша до врат монастырских. Благоверная же царица и великая княгиня Мария во вратех монастырских учала наказывати игумену и всей братии и молебно глаголати сокрушенным сердцем, чтоб де есте молили всемилостиваго бога и пречистую его мать пречистую богородицу и великих чудотворцев русских Петра и Алексея и Ионы и преподобных чудотворцев Сергия и Никона, и Никиту переславскаго чудотворца о здравии благочестиваго царя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца да и о нашем здравии, и о благоверных царевичех Иванне и Феодоре и впредь бы есте молили бога и пречистую его мать, и великих чудотворцев русских, и преподобнаго чудотворца Никиту, чтоб нам господь бог даровал плод чреву в наследие царствия нашего, и о долголетствии нашем, и о чадах наших. И паки молили бы есте господя бога и пречистую его мать, и всех святых о устроении землем, и о тишине, и о мире всего православнаго христианства.

И по наказу своего царского обычая благословение восприим благоверная царица Мария от игумена обители тоя и мир подав игумену и всей братии. И влася благоверная царица путному шествию за благоверным царем. Игумен же и вся братия велию радостию обвеселяшеса и о наказе благоверная царицы, что в новейшем сосуде излися такова благодать Христова, новоизбранное семя благочестия, и воздаша славу богу о всем, и угодником его великим чудотворцем, и преподобному чудотворцу Никите, что в сия времена такова благочестия сподобишася своима ушима слышати и очима видети.

И на ту ночь государь во граде Переяславле на своем царском дворе обитал и со всем своим царским сигклитом. И по всем монастырем государь милостынею доворяше, и благословение восприим от святейшаго архиепископа Афонасия митрополита и от архимаритов и от игуменов. И пошел государь благоверный царь Иван ис Переяславля, и с благоверною царицею, и сыном своим благоверным царевичем Иваном, в новую Александровскую слободу. Афонасей митрополит того же дни служил у живоначальные Троицы в Данилове монастыре, да и пошел того же дни ко обители живоначальные Троицы Сергиява монастыря московскою дорогою, а архиепископа Никандра отпустил государь во свою архиепископию в Ростов. И был государь в слободе, а ис слободы пошел к живоначальной Троицы и к преподобным и богоносным отцем Сергию и ученику его Никону молитися и помощи просити от живоначальные Троицы и угодников его, милости и устройства его царскому державству великия Росия, и любезно лобзав святых иконы и мощи святого, и тепле слезы испущающе, и благословение и мир восприим от обители тоя архимарита Меркурия и от братии.

И не быв государь в преименитом своем великом граде Москве, пошел в Можаяск против божия отступника латынския веры и попирателя святых икон и разорителя христианския веры и на своего злаго недруга, окаянейшаго литовскаго короля Жигимонта, туне нарекованнаго Августа, и христолюбивое свое воинство против сверепых распустиша. И божиею помощию и пречистыя богородицы заступницы христианския, и святых его угодников русских чудотворцев, Петра и Алексея и Ионы, и новейшаго Макария митрополита, и преподобных и богоносных отец Сергия

чюдотворца и Никона, и преподобного чюдотворца Никиты переаславьскаго, и всех святых молением, окаянии полцы литовстии возвратишася вспять, и невидимую силою божиею гоними, и побежени быша, и устремишася во свояся без успеха.

В та же времена быша многи скорьби христианскому народу от нахождения иноплемненных и от хлебнаго глада, и от урону скотия:

И возвращься государь, православный царь, из Можайска в преименитый град свой зовомую Москву на свой царьский стол и вниде во храм пречистые богородици честнаго ея успения и благословение восприим от отца своего святейшаго Афонасия митрополита всеа Руси, и у образов честных прикладашеся, и у великих чюдотворцов Петра, Алексея, Ионы и у новопреставльшагося архиепископа Макария митрополита и у честных их гробов прикладашеся и образы их любезно целоваше и умильно глаголаше сокрушенным сердцем и тепле слезы испущающе из глубины бразд сердечных востенав и рече: «боже, хвалу мою тебе воздаю и пречистой твоей матери пречистой богородицы, и угодником твоим великим чюдотворцем Росийским, и древнейшаго града Переаславля великаго чюдотворца Никиту. Услыши моление раб своих и сохрани град сей и всякия грады и места, жительствующая в них всех православных христиан от огня и меча, и от нахождения иноплемненных варвар и латын, попирателей веры христианския, и разоритель божиих церквей, и от всякия нужда находящая и междуособныя брани, яко ты еси царь царьствующим и господь господствующим и тебе славу возсылаем, безначальному отцу со едиnorodным ти сыном и со пресвятым и благим и животворящим духом и ныне и присно и во веки веков. Аминь».

С. О. ШМИДТ

Заметки о языке посланий Ивана Грозного

Произведения Ивана Грозного, в особенности послания, могут быть поставлены в один ряд с крупнейшими памятниками древней русской литературы, как справедливо отмечает В. П. Адрианова-Перетц, редактор первого собрания его избранных сочинений.¹

Задача статьи — установление некоторых особенностей лексики и стилистики посланий Ивана Грозного,² а также возможных литературных и фольклорных воздействий на его сочинения. Без такого рода конкретных наблюдений немислимо обобщение данных о Грозном-писателе.

Размышляя над особенностями развития русского литературного языка, А. С. Пушкин отмечал, что «простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей». ³ Сближение это прослеживается примерно с XVI столетия. «Воссоздание языка» и «национальное пробуждение»,⁴ сопутствовавшие сплочению национальных областей в единое Российское государство, способствовали освобождению литературного языка как от областнических тенденций, так и от излишней, чуждой народу церковно-славянщины. В литературный язык постепенно все более и более внедряются элементы разговорной речи, деловой письменности и устного народного творчества. Постепенно расширяется, обмирщается и тематика литературных произведений. Все эти новые явления отразились в посланиях Ивана Грозного.

Грозный решительнее и прежде других публицистов той поры нарушал литературные каноны. Выдающийся мастер русского языка писатель-академик А. Н. Толстой в 1934 г. в докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей указывал, что в век, когда писатели пользовались еще «вымершими формами церковно-славянского языка» и «народная живая речь считалась подлой», именно «бешеный темперамент Ивана Грозного... прорывал эту окаменевшую ткань русской латыни».⁵

В письменной речи Грозного скрещиваются книжные и обиходные средства языка. С рассуждениями о государственном благе и толкова-

¹ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 449. (В дальнейшем все цитаты из посланий Ивана Грозного даются по этому изданию с указанием страницы).

² Отдельные положения статьи были кратко изложены в рецензии на «Послания Ивана Грозного»: ИОРЯС, 1952, т. XI, в. 4.

³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, в десяти томах, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 27.

⁴ В. И. Ленин. Национальный вопрос. (Тезисы по памяти). — Ленинский сборник, т. XXX, стр. 62.

⁵ А. Н. Толстой. О драматургии. Гос. изд. худож. лит., 1934, стр. 19.

ниями библейских текстов соседствуют воспоминания о мелких личных обидах и бытовые подробности и наблюдения; и, соответственно, тяжело-весная парадная церковно-славянщина смешивается с московским просторечием, формулами подьяческого делопроизводства и фольклорными эпитетами и метафорами.

Человек большого писательского дарования, Грозный столь же несдержан в своей литературной деятельности, как и на государственном поприще. Грозный полагал излишним литературное редактирование своих сочинений («занеже слово мимощественно, а не поостоятельно» (стр. 206)), а ближайшие его сотрудники не рисковали вносить в эти сочинения даже стилистические поправки. Отсюда неряшливость формы, многочисленные повторы и отступления, растянутость изложения, нагромождение плохо соединенных между собою цитат. Но отсюда же и непосредственность изложения, естественность языка, полнокровность и многообразие лексики. Все эти черты заметно отличают послания Грозного от сочинений Курбского, изящных по форме, немногословных, тщательно продуманных, «яко обычеи искусным и ученым».⁶

В посланиях Грозного преобладают еще церковно-славянские словарь и грамматические формы.⁷ Это обусловлено и характером образования Грозного⁸ и характером его общественного мировоззрения. В сочинениях Грозного широко использованы приемы церковной литературы; ссылки на дьявола как вдохновителя «злых» дел, аллегории, связанные с традиционной церковной символикой, и т. п. Иван Грозный, как было отмечено В. П. Адриановой-Перетц, блестяще владел библейским стилем.⁹

Церковнообразовая лексика занимает большое место среди книжных слов, встречающихся в сочинениях Грозного. Обращает внимание обилие существительных, в том числе синонимов,¹⁰ с суффиксами «-ние», «-ость», «-ство», имеющими значение отвлеченности. С традициями церковной литературы связаны в большей мере и синонимика тождественных понятий, и пристрастие к придуманным сложным словам, в частности к сочетаниям с «благо», «зло».¹¹

Иван Грозный неизменно цитирует «священные книги». Однако он отступает от общепринятых приемов цитирования «строками» или «стихами». У Грозного, как с негодованием и чувством превосходства отмечает Курбский, «ото многих священных словес хватано... зело паче меры преизлишно и звягливо, целыми книгами и паремьями и посланьми».¹²

Значительным было воздействие на Грозного-писателя проповеднической литературы. Он постоянно, как и его противник Курбский, упо-

⁶ Сочинения князя Курбского. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стлб. 113.

⁷ Данные такого рода обобщены в исследовании С. Д. Никифорова:

1) Из наблюдений над языком и стилем посланий Ивана Грозного. — Уч. зап. Моск. гос. пед. дефектолог. инст., т. 1, 1941, стр. 59—85; 2) Из наблюдений над значением некоторых глагольных форм в памятниках второй половины XVI в. — Уч. зап. Моск. гос. пед. инст. им. В. И. Ленина, т. XLI, 1948, стр. 19—76, а также в его учебном пособии «История русского литературного языка» (М., 1947, стр. 34—35).

⁸ Курбский особо отмечает познания Ивана IV в «священных писаниях»: «ведуше ты священного писания искусства», «ведаю ты во священных писаниях искусства» (РИБ, т. XXXI, стлб. 113, 129, 148).

⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 62.

¹⁰ О синонимике имен существительных в сочинениях Грозного см. автореферат кандидатской диссертации М. И. Помигаловой «Лексика посланий Ивана Грозного» (Л., 1954).

¹¹ См.: Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 19—24.

¹² РИБ, т. XXXI, стлб. 113.

требляя риторические вопросы, сопровождаемые восклицаниями и повторами.

В публицистическую литературу XVI в. настойчиво проникают элементы деловой письменности. В творчестве Ивана Грозного это отразилось и на словарном составе его посланий, и на их форме (последовательности изложения).

Имеются прямые указания на хорошее знакомство Грозного с документальными материалами Царского архива, являвшегося в середине XVI в. архивом Боярской думы. Грозный не раз посещал архив, причем как раз в годы написания изучаемых посланий. Некоторые документы пересылались в его личный архив, в Александровскую слободу.¹³ Грозный принимал деятельное участие в составлении многих документов внутренней и особенно внешней политики. На использовании памятников деловой письменности в значительной степени было основано и официальное летописание.¹⁴ Языковые нормы деловой письменности, ее типические обороты чутко воспринимаются и повторяются Грозным, составляя неотъемлемую черту его лексики. Именно знание приказного делопроизводства позволило Грозному с таким совершенством воспроизводить, а иногда и вышучивать форму и язык различных деловых документов. В этом отношении особенно интересна челобитная Семиону Бекбулатовичу со стандартными выражениями, вроде «памятьми ссылатися», «полные имати», «к тебе, ко государю, имяна их списки принесем», «и ты б, государь, милость показал», «государь, смилуйся, пожалуй!» (стр. 195—196). Любопытны и пародии на традиционную форму дипломатических грамот (стр. 586, прим. 8; стр. 681, прим. 5, и др.).

Встречается в сочинениях Грозного и местническая терминология: «Много же не в Тимохину версту обрящеши», — писал он в первом послании Курбскому (стр. 16); «И сами Прозоровские каковы пред нами? Ино то уж мы в ногу не судим?.. А князю Володимеру почему было быти на государстве? От четвертого удельного родился?», — возмущенно спрашивал Грозный во Втором послании Курбскому (стр. 209, 210).

Известная формула Грозного о правах русских государей, которые «вольны были подвластных жаловати и казнити» (стр. 44), близка к формулировке посольских книг. Так, в Польской посольской книге 1562—1563 гг. читаем сходные слова: «Государь наш волен своих холопей казнити и жаловати».¹⁵

Из деловой переписки и постановлений, принимаемых в ответ на челобитья, Грозный усвоил, видимо, и распространенную тогда манеру ответов на письма. В начале обычно излагалось содержание документа или части документа, на который составлялся ответ или по которому принималось решение. Изложение должно было быть кратким, по возможности близким к тексту, иногда дословно близким.

Порядок расположения материала в документе (в том числе замечаний или обвинений) определял и последовательность ответов. Именно так составлены и ответные послания Грозного. Особенно ярко прослеживаются характерная последовательность изложения и почти дословные

¹³ ААЭ, т. 1, № 289; ЦГАДА, ф. 138, Опись Архива Посольского приказа 1614 г.; А. Н. Ясинский. Московский государственный архив в XVI веке. Киев, 1889, стр. 10; С. О. Шмидт. Царский архив XVI в. и архивы правительственных учреждений. — Труды Моск. гос. историко-архивн. инст., т. VIII. М., 1957, стр. 271.

¹⁴ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 370 и сл.

¹⁵ Сборник Русского исторического общества (в дальнейшем: СРИО), т. 71, стр. 110.

повторения, цитирование текста, в пространном Первом послании Курбскому.¹⁶ Так, в ответ на обвинение Курбского: «аще и тьмами хвалишася в гордости своей»,¹⁷ Грозный, подхватив эти слова, выдвинул контр-обвинение и, варьируя, настойчиво повторял его: «гордостию дмяся хвалишися» (стр. 46), «безумием дмяся хвалишися» (стр. 47), «гордостию дмяся выше меры» (стр. 62). Во Втором послании Курбскому Грозный снова возвращается к сходной фразе: «написах... не гордяся, не дмяся» (стр. 211). Курбский в ответе на Второе послание также не преминул отпарировать удар сходными словами: «...от преизлишного надмения и гордости, мнящеся о себе мудр всеа вселенныя учитель быти».¹⁸ Подхватывает Грозный и слова Курбского о «далноконных градах» (стр. 211).¹⁹ Обычаем повторения в ответных документах отдельных слов или даже выражений адресата можно объяснять и наличие в некоторых сочинениях Грозного иностранных слов, в частности наличие полонизмов и западно-русизмов в посланиях в Польско-Литовское государство, особенно в послании Стефану Баторию. Это заметно даже в бранно-презрительной лексике посланий: «зрада» (стр. 218, 246), «зрадцы» (стр. 213, 218, 221, 246, 262), «зрадिति» (стр. 275), «зрадный» (стр. 262), «лотры» (стр. 237, 242, 264), «лотровский» (стр. 255, 264, 274), «шкода» (стр. 206, 214, 237) и др.²⁰

Такое приспособление речи к языку и пониманию адресата характерно для современных Грозному посольских документов. Оно отразилось даже в передаче царского титула. Так, в грамоте крымскому хану, отправленной в декабре 1562 г., Иван Грозный титулуется «царем и великим князем всеа Русии, Московским, Новгородским, Казанским, Астраханским, Немецким и «иных великие Орды».²¹

Употребление иностранных слов вместо тождественных русских характерно также для современных Грозному посольских документов. Русские послы в Польше, например, пользуются таким смешанным языком, рассказывая о жизни бежавших туда русских служилых людей: «А ныне его все израдою и лотром и чают на него от короля опалы не вдолге, Курбский завалчился с ляхи в межах, и ляхи его все не любят, а зовут что полская рада вся его не любит». В этом отношении интересны и тюркизмы в послании Василия Грязного Ивану IV: «кадамы», «нолны», «толмачить».²²

У Грозного, как и у Пересветова, деловая и художественная проза сливаются.²³ Элементы деловой речи, так же как и полонизмы, употреблялись Грозным для придания речи большей выразительности, расширяя художественные средства публицистической литературы.

Многосторонне представлена в посланиях Грозного обиходная разговорная речь, обнаруживаемая и в бытовом словаре, и в самом синтаксическом строе речи.²⁴

¹⁶ Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Ивана Грозного. — Послания Ивана Грозного, стр. 530.

¹⁷ РИБ, т. XXXI, стлб. 6.

¹⁸ РИБ, т. XXXI, стлб. 153.

¹⁹ РИБ, т. XXXI, стлб. 4, прим. 26.

²⁰ О польской лексике в сочинениях Ивана Грозного см. автореферат кандидатской диссертации В. И. Тамань «О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII в.» (Л., 1953).

²¹ ЦГАДА, Крымские книги, № 10, л. 12.

²² П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 533.

²³ Д. С. Лихачев. Иван Пересветов и его литературная современность. — Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 55.

²⁴ См.: С. А. Савицкая. Особенности языка посланий Ивана Грозного. Автореф. канд. дисс. Львов, 1953. — С. Д. Никифоров. Из наблюдений над языком и стилем.

«Разговорные речи» (стр. 215) сближают писателя с его корреспондентом Васюшкой Грязным. В посланиях обоих — близкие обиходные выражения, сходные грамматические обороты, мало употребительные в письменных памятниках. Те же черты свойственны и посланию в Кирилло-Белозерский монастырь²⁵ против «пагубного монастырского бесчиния» (стр. 177), и даже дипломатической переписке. Здесь Грозный-писатель выступает новатором; консерваторы-церковники утверждали, что книжные речи «народными обещещиваются».

Иван Грозный смело и непосредственно смешивает в своих сочинениях высочайший стиль с его церковно-славянизмами и книжными грамматическими конструкциями с обыденным московским просторечием.

Обмирщение публицистики выражалось в посланиях Грозного не только в области языка, но и в тематике сочинений. Грозный позволял себе в одних и тех же сочинениях писать и о важных вещах и о мелких бытовых подробностях. Это наблюдается в посланиях Курбскому, рассчитанных на зарубежного читателя. И Курбский поэтому в ответ стыдит Грозного и за вторжение мелочных воспоминаний, бытовых подробностей и ругательств в его политическую публицистику («туту же...»), и за выражение мыслей «варварским языком», языком простых людей, называя его писание «баснями неистовых баб» («еж не токмо цареви... но и простому воину сие было не достойно»)²⁶.

В «Очерках поэтического стиля древней Руси» В. П. Адриановой-Перетц показано, как широко и своеобразно использовал Иван IV в своем литературном творчестве наряду с библейскими образами устную народную поэзию и образность живого языка: характерное для фольклора уподобление жестокости, злобы и коварства качествам полусказочных зверей, метафорическое противоположение тьмы и света как отрицательных и положительных явлений, употребление слова «собака» в иносказательном смысле «изменник» и т. д.²⁷

Языку Грозного свойственны черты, сближающие его с языком Даниила Заточника: «На зайцев потребно множество псов, на враги ж множество вой» (стр. 31); «Ведь дать волю царю ино и псарю, дать слабость вельможе, ино и простому» (стр. 173).²⁸

Сохранились свидетельства об участии Ивана Грозного в народных обрядовых играх, о любви его к народным сказкам и песням, о бытовании фольклорных жанров при его дворе.

По-видимому, под «излишними играми презлых сверстников», о которых Курбскому было писать «срамно»,²⁹ можно понимать народные

²⁵ Д. С. Лихачев. Иван Грозный-писатель. — Послания Ивана Грозного, стр. 465.

²⁶ «Туту же о постелях, о телогреях, и иные бесчисленные, воистину якобы неистовых баб, басни, и так варварско, яко не токмо ученым и искусным мужем, но и простым детем со удивлением и смехом... Не достант мужем рыцарским свариться, аки рабом,— читаем в «кратком» ответе на Первое послание Грозного (РИБ, т. XXXI, стлб. 113, 116); «А еще пишеши о Курлятеве, о Прозоровскихх и о Ситцких, и не вем о яких узорочьях, и за упокой, припоминаючи и Кроновы и Афродитовы дела и стрелецких жен, аки бы нечто смеху достойно и пьяных баб басни...», «не достант нам воинном, яко рабом свариться», — отвечает Курбский во Втором послании (РИБ, т. XXXI, стлб. 134—135).

²⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 37, 92, 93.

²⁸ Быть может, не без непосредственного воздействия сочинения Даниила Заточника в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь появились слова: «Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин боярства не състрижет, а холоп холопства не избудет?» (стр. 179). (Сравнить: «... тако же и холопу: аще бо паче меры горделив был и буяв, но укору ему своего не избыти, холопья имени» — «Слово Даниила Заточника». Приготовил к печ. Н. Н. Зарубин. Л., 1932, стр. 61).

²⁹ РИБ, т. XXXI, стр. 169

игрища полуязыческого происхождения. В «Пискаревском летописце» так описываются «потехи» юноши Ивана IV, находившегося с войском близ Коломны: «И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю и з бояры, и сеял гречиху, и иные потехи: на ходулех ходил и в саван наряжался».³⁰ Тот же летописец расширяет и наши представления о «пирах частых со многими пьянствы», описанных Курбским.³¹ Опившиеся гости на таких пирах глумились «всяким глумлением: . . . овии стихи пояше, а овии песни вспевати и собаки звати, и всякие срамные слова глаголати».³²

Быть может, под воздействием народных театральных представлений и религиозных празднеств у Грозного и выработалась характерная для него склонность к театральным эффектам. Так, во время новгородского погрома архиепископа издевательски посадили на кобылу, дав ему в одну руку гусли, а в другую дурацкую палку.³³ Принимая после набега крымцев на Москву представителей крымского хана, присланных «по выход», Иван IV нарядился в сермягу, бусырь и баранью шубу и в таком одеянии отвечал послам: «Видишь де меня в чем я? Так де меня царь (т. е. крымский хан, — С. Ш.) зделал? Все де мое царьство выпленил и казну пожег, дати де мне нечево царю».³⁴ В расчете на эффект был задуман и внезапный выезд царя со двором из Москвы накануне учреждения опричнины. Иван IV и сам, видимо, (во всяком случае в молодые годы), поддавался несколько театрализованному воздействию, чем и воспользовался Сильвестр в июне 1547 г., припугнув юношу-царя «детскими страшилы».³⁵

В годы опричнины три слепца ежевечерне рассказывали Грозному перед сном «старинные истории, сказки и фантазии за одной другую».³⁶ По преданию, когда Иван Грозный хотел повеселиться, он приказывал петь песни, сложенные о завоевании Казани и Астрахани.³⁷

Таким образом, воздействие фольклора на Ивана IV было постоянным и непосредственным.

Характерные черты Грозного-писателя наглядно проявились в бранно-презрительной лексике, в которой постоянно смешение церковно-славянизмов, придуманных сложных слов, слов с суффиксами «-ние», «-ость», «-ство», имеющими значение отвлеченности, с московским просторечием. Здесь особенно ощутимы новаторство Грозного в области языкотворчества, многообразие его лексических средств, эмоциональная насыщенность его речи.

В посланиях, особенно написанных в ответ на «лай» противников, Грозный не знал удержу в гневе и не стеснялся в выражениях. «Ядовитые словесы» со «многую яростию и лютостию» как бы наслаиваются

³⁰ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец. — Материалы по истории СССР, в. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 73—74, 159.

³¹ РИБ, т. XXXI, стлб. 267.

³² О. А. Яковлева. Пискаревский летописец, стр. 85.

³³ Послание И. Таубе и Э. Крузе. Перевод М. Г. Рогинского. — Русск. истор. журн., 1922, кн. 8, стр. 49. То же писал и Гваньини (там же, стр. 20, предисловие).

³⁴ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец, стр. 80.

³⁵ Послания Ивана Грозного, стр. 57, 121; РИБ, т. XXXI, стлб. 169. Заклинания Сильвестра на фоне «зельнейшего московского пожара» в дни массового восстания «черных людей», убивших главу правительства — родного дядю царя князя Ю. В. Глинского и угрожавших самому царю, должны были произвести на юношу Ивана IV устрашающее впечатление. Менее чем через четыре года он вспоминал: «и отсего бо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя» (Стоглав, 1863 стр. 31).

³⁶ Послание И. Таубе и Э. Крузе, стр. 39—40.

³⁷ А. О л е а р и й. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. Пер. А. Ловягина. СПб., 1906, стр. 373.

одно на другое и с дополнительными эпитетами и сравнениями повторяются для придания тексту еще более «кусательного» смысла (выражения Курбского).³⁸ Показательно в этом отношении окончание Первого послания Курбскому. Оставляя по существу без ответа одно из обвинений Курбского, Грозный, распалаясь, подменяет ответ руганью: «От Кроновых де жерцех еже подобно псу лая или яд ехидны отрыгая, сие неподобно писал еси... сия убо вся злобесным своим умышлением, писал еси» (стр. 62). Следующие затем листы послания буквально испещрены «нечистыми и кусательными глаголами»: ³⁹ называя город Вольмер вотчиной короля, Курбский «свою злобесную собацкую измену до конца совершает»; государя он нашел «по своему злобесному собацкому хотению», и послание его от беса («по своему злобесному изменному собацкому хотению и умышлению, иступив ума неистовся, бесному подобясь, колебяся, писал еси»). Такое неистовство брани типично для литературного стиля Грозного, а возможно, и для его устной речи. Неслучайно подобный лексикон имел место в период жизни Грозного, который Маркс метко и правдиво назвал «периодом сумасбродств».⁴⁰

Для бранно-презрительной лексики Грозного характерны слова «бес», «зло», «собака», встречающиеся в различных сочетаниях. Слова эти часто употребляются Грозным вместе, давая сложные словообразования.

Грозный употребляет и существительное «бес», «бесы» (стр. 10, 61, 208), и глагольные формы «бесящися» (стр. 32), «возбеснев» (стр. 268, 270), и прилагательные «бесный» (стр. 16, 63), «бесов сын», (стр. 175), «бешеный», («бешеная собака» — стр. 247, 273). Часто встречается прилагательное «бесовский» (ая, ое, ие), в сочетании со словами: «держава» (стр. 30, 271), «тьма» (стр. 268), «обычай» (стр. 10, 14), «коварство» (стр. 270), «злохитрие» (стр. 62), «хотение» (стр. 43), «козни» (стр. 269), «служители» (стр. 19), «слухи» (стр. 11). Интересны и такие определения, как «бесоизвыкшие друзья» (стр. 10), «бесосоставная грамота» (стр. 270), «бесоподобная гордость» (стр. 270), «бесослужительный разум» (стр. 270).

Слово «бес» привлекается Грозным обычно для характеристики «государевых изменников». В таком же смысле оно было употребительно и в официальных дипломатических документах. Например, в «памяти» посланнику в Польшу от февраля 1569 г. указывалось, в случае если Курбский «или иной которой государев изменник» начнет разговор, отвечать: «А вы своею изменою сколько ни лукавствуйте бесовским обычаем...».⁴¹

Еще чаще встречаются в сочинениях Грозного прилагательное «злой»: «злая воля», «злые деяния», «злая ненависть», «злые советники», «злой совет» — «избранная рада» (стр. 40, 38) и т. п., а также сложные слова с существительным «зло»: «злодеяние» (стр. 15, 20), «злодейство» (стр. 11, 163, 178), «злокозньство» (стр. 176), «злосоветие» (стр. 48), «злаумис» (стр. 54), «злохитрие» (стр. 43), «злохитрство» (стр. 167), «злочестие» (стр. 15), «злодейственный» (стр. 12, 20, 22), «зловерный» (стр. 29), «злокозненный» (стр. 192), «злотукавый» (стр. 14—16, 19, 270), «злотворящие» (стр. 19), «злочестив» (стр. 38) и др. Подобные словообразования — типичная черта многих выдающихся древнерусских

³⁸ РИБ, т. XXXI, стлб. 113, 116, 129.

³⁹ РИБ, т. XXXI, стлб. 116. Курбский, особо стыдя Грозного за его «варварскую» речь, писал: «то есть неподобных людей и лотров обычай, что язык свой за укоризну обращати» (РИБ, т. XXXI, стлб. 275).

⁴⁰ К. Маркс. Хронологические выписки. — Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 165.

⁴¹ СРЮ, т. 71, стр. 593.

писателей, ощущавших потребность во внешне новом и в то же время стоявших на путях церковно-книжной традиции.⁴²

Излюбленный прием Грозного — использование сложных прилагательных, состоящих из слов «зло» и «бес»: «злобесный» в сочетании со следующими существительными: «единомышленник» (стр. 16), «измена» (стр. 62), «изменник» (стр. 59), «обычай» (стр. 17, 19, 20), «разум» (стр. 20, 29, 56, 60), «пес» (стр. 175), «востание» (стр. 18), «умышление» (стр. 11, 15, 54, 61, 63), «хотение» (стр. 62), «претыкания» (стр. 49), «злобесовный обычай» (стр. 271), «злобесовский» со словами «кознь» (стр. 272), «козни» (стр. 268, 272), «советники» (стр. 14).

Многочратно употребляются Грозным и слово «собака»,⁴³ и различные словообразования, с ним связанные. Слова эти, как правило, употреблены в переносном смысле по отношению к противникам Грозного и имеют резко отрицательную эмоциональную направленность.

«Собака» — обычное обращение Грозного к Курбскому (стр. 16, 31, 32 — «бешеная собака», 35, 36 и др.). «Собаки» и изменник князь С. Ростовский (стр. 40), и руководитель правительства «Избранной рады» А. Ф. Адашев (стр. 36, 41), гетман Гр. Хоткевич — «бешеная собака» (стр. 247, 473), «Избранная рада» — «собацкая власть» (стр. 48) и т. д.

Слово «собака» прочно связывается в сознании и языке Грозного с понятием об измене, а нередко и со словом «измена»: «собака изменник князь Семен Ростовской» (стр. 40), «измены собаки Олексея Адашева» (стр. 41); изменники это — «собацкие люди» (стр. 269, 271); уста изменника — «собацкой рот» (стр. 276). Иногда оба слова употребляются вместе: «собацкая измена» (стр. 62, 136), «собацкое изменное хотение и умышление» (стр. 63), «собацкой изменный обычай» (стр. 13, 29), но чаще Грозный ограничивается употреблением в индизмативном смысле одного лишь слова «собака» («собацкий»); «собацкий обычай» (стр. 276), «ино таких собак везде казнят» (стр. 31) и т. п.

Слово «собака» в значении «изменник» было в то время употребительно и в просторечии и в делопроизводственных документах. Так называет изменника Кудеяра Василий Грязной.⁴⁴ В этом же смысле слово «собака» встречается и в посольских наказах. На вопрос об измене Курбского русский посол должен был отвечать: «Курбской государю нашему изменил, собакою потек, собацки и пропадет».⁴⁵ Сходная формулировка и в наказе другому послу, обязанному об измене Дмитрия Вишневецкого «молвити»: «притек Вишневецкой ко государю нашему, как собака, и потек от государя нашего, как собака же».⁴⁶ Распространены были, следовательно, особые выражения: «притечь собакою», «потечь собакою». Это отразилось и на употреблении соответствующих глаголов: в посольском отчете 1571 г. об изменнике князе Михаиле Ноготкове-Оболенском написано: «а ныне вести про него нет, жив ли будет или додох».⁴⁷ Подобные выражения, очевидно, и входили в представление о «лае», когда

⁴² Л. А. Булаховский. Исторический комментарий... стр. 23—24; А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. — ИОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 4, стр. 363 и сл.

⁴³ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 93; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Учпедгиз, М., 1945, стр. 319

⁴⁴ П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины, стр. 533.

⁴⁵ СРЮ, т. 71, стр. 321—322.

⁴⁶ СРЮ, т. 71, стр. 156.

⁴⁷ СРЮ, т. 71, стр. 807.

посланнику в Польше (1569 г.) откровенно наказывалось изменнику, «излаяв, да плюнути в глаза».⁴⁸

Слово «собака» в значении «изменник» перешло в литературу из устного эпоса;⁴⁹ в словаре И. И. Срезневского оно в таком переносном смысле не отмечено, и возможно, что его распространение в литературе и делопроизводстве связано с Грозным (воздействие языка Грозного на язык посольских книг несомненно).

Значительно дальше от просторечия и фольклора слово «пес» в иносказательном смысле «дурной человек», встречающееся и в литературных памятниках предшествовавшего времени.⁵⁰ Слово это, по-видимому, не имело столь распространенного иносказательного значения и для придания желанного смысла употреблялось чаще вместе с эмоционально-бранным эпитетом. Грозный употребляет его и без эпитета в смысле злостного лжеца: «подобно псу лая» (стр. 61), «яко же псу нелепая глаголеше» (стр. 62), и с эпитетами: Курбского называет «псом смердящим злобесным изменником» (стр. 59), Василия Собакина — «злобесным псом» (стр. 175) и даже самого себя — уничижительно и покаянно «смердящим псом» (стр. 162). В таком же смысле и также с эпитетом употребляет слово «пес» и Курбский в «Истории о великом князе московском», называя крымского хана Девлет-Гирея «псом бусурманским».⁵¹

Того же Девлет-Гирея Курбский называет и «бусурманским волком».⁵² В древней русской литературе было распространено уподобление жестокости и жадности человека свойствам волка.⁵³ Этим же образом пользовался и Грозный, характеризуя Сильвестра.⁵⁴ Близость лексики Грозного и Курбского прослеживается и на употреблении обоими писателями слова «ехидна». Качествам ехидны уподобляется в их представлении жестокость, злорада, коварство. Это, по мнению Грозного, свойства враждебных ему бояр и Курбского.⁵⁵ В свою очередь Курбский называет советников царя, осудивших Адашева и Сильвестра, «лукавыми, презлыми, ехитниными отротами».⁵⁶

Близость образной лексики Грозного и Курбского заметна, однако, только при использовании литературных традиций. На стиль Курбского просторечие, устный эпос, так же как и деловая речь, оказали значительно меньшее воздействие. Курбский считал их «варварскими».

Иван Грозный отличался редким чутьем языка, и литературный стиль его и словарь во многом зависели от адресата и характера составляемого

⁴⁸ СРИО, т. 71, стр. 593.

⁴⁹ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 93. В таком переносном смысле слово «собака» дошло до наших дней: «собаке — собачья смерть» (см.: «Словарь» В. Даля, т. IV, стр. 251—252).

⁵⁰ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 93.

⁵¹ РИБ, т. XXXI, стлб. 270.

⁵² РИБ, т. XXXI, стлб. 269.

⁵³ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 95—97, 99—102. В этом же смысле употреблено слово «волки» и в Никоновской летописи, в известном Приговоре об отмене кормлений 1555 г. (ПСРА, т. XIII, стр. 267).

⁵⁴ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 101.

⁵⁵ Там же, стр. 92.

⁵⁶ РИБ, т. XXXI, стлб. 267. Воздействие сходных литературных источников сказывается, например, и на характерном употреблении слова «трость». В «Кратком ответе» на Первое послание царя Курбский писал: «удержа руку со тростию» (РИБ, т. XXXI, стлб. 115); во Втором послании Грозного Курбскому, написанном до получения этого ответа, тоже читаем сходные выражения: «сега ради трость наша наострися к тебе писати» (Послания Ивана Грозного, стр. 210).

послания: так, в первой части Послания в Кирилло-Белозерский монастырь и в краткой редакции Первого послания Курбскому особенно много церковно-славянских слов, в письме к Грязному — обилие простонародных выражений, а в посланиях в Польшу постоянно встречаются полонизмы и слова, более всего употребительные в западных областях Российского государства. Знаком приказного делопроизводства, Грозный великолепно умел подражать формам различных документов, восприняв элементы художественности, имевшиеся в деловой письменности.

Таким образом, в языке посланий Ивана Грозного наблюдается и проникновение в литературный язык, в основе еще церковно-славянский, элементов просторечия, живой разговорной речи и деловой письменности, и воздействие устного народного творчества, и иноязычные влияния, и, наконец, воздействие лучших образцов древней русской литературы, стилистическая близость с которыми несомненна.⁵⁷ Творчество Ивана Грозного имело большое значение в процессе развития русского литературного языка той поры.

⁵⁷ Грозный знал памятники древнерусской литературы. При исключительной памяти и начетнической практике обучения Грозный многое помнил наизусть и невольно, быть может, воспроизводил в своих сочинениях. Грозный хорошо знал летописи, по словам Курбского, «добре веси от летописцов Руских» (РИБ, т. XXXI, стлб. 133). Официальные летописи хранились в его личном архиве — «Государевой казне» — и в хорошо ему знакомом Царском архиве. Грозный не раз ссылался на летописные тексты: в разговоре с боярами в Александровской слободе в момент учреждения опричнины (Послание И. Таубе и Э. Крузе, стр. 33), в послании шведскому королю Иоганну III (там же, стр. 157) и т. д. Предполагается даже его участие в редактировании лицевых сводов (Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — ИЗ, т. 23. М., 1947).

В кругу приближенных молодого царя — «Избранной раде» — интересовались вопросами литературы. Непосредственно для Ивана IV предназначались некоторые публицистические сочинения; среди них особо выделяются сочинения Пересветова. По предположению М. А. Соколовой, с этой целью Сильвестром было написано особое предисловие к «Домострою» (М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Автореф. докт. дис. Л., 1952, стр. 23—24). Послание к юноше Ивану IV составил Максим Грек. Влияние текста послания чувствуется в словах Грозного о приближении А. Ф. Адашева в Первом послании Курбскому: «тако взяв его от гноища и учиних с вельможами» (там же, стр. 37). В послании Максима Грека читаем о власти бога: «от гноища возносить нища, посадить его с сильными людскими» (Максим Грек. Сочинения, т. II, Казань, 1859, стр. 348).

В. Б. КОБРИН

Новая царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой

В XII томе ТОДРА помещено сообщение Д. Н. Альшица «Неизвестные послания Ивана Грозного». Тексты посланий опубликованы по Эрмитажному списку (№ 390) разрядной книги, содержатся они и в других списках разрядных книг: ГИМ, Щук. 496,¹ Башмаковская разрядная в коллекции рукописных книг ЛОИИ, № 93. В Башмаковской разрядной нам удалось выявить еще одну неизвестную царскую грамоту, которая отсутствует в Эрмитажном и Щукинском списках. Эта грамота также посвящена борьбе с чумой и адресована тем же опричным воеводам — князю М. Ф. Гвоздеву и братьям Салтыковым.

Опубликованная в XII томе ТОДРА грамота от 4 октября 1571 г. является ответом на первую, не дошедшую до нас отписку воевод, публикуемая ныне грамота от 22 октября того же года — ответом на вторую отписку. Сами отписки до нас, к сожалению, не дошли, так как из актов, исходивших не от центральной власти, составители разрядных книг помещали в текст, да и то не всегда, лишь челобитные по местническим делам. Однако по содержанию публикуемой грамоты можно восстановить и содержание отписок: сообщая о том, что «поветрие» продолжает свирепствовать, князь М. Ф. Гвоздев и братья Салтыковы оправдывались непослушанием детей боярских, не желавших ездить на заставы. Зная темперамент Грозного царя, вспоминая хотя бы угрозы, обрушенные на головы тех же Гвоздева и Салтыковых всего за две с половиной недели до этого, мы могли бы ждать, что встретим и здесь острую вспышку царского гнева на ослушников. Однако в грамоте царь в спокойном тоне предписывает воеводам: «А которые дети боярские вас не слушают, и вы 6 про тех отписали к нам именно, и мы вам о тех указ учиним». Вероятно, царь не поверил воеводам, увидел в их отписке лишь стремление уйти от ответственности и решил как бы поймать их на слове — потребовал сообщить имена тех, кто отказывается повиноваться.

Остановимся еще на одном обстоятельстве. Грамота датирована 22 октября, а за два дня до этого, 19 октября, по сведениям разрядных книг,² тем же воеводам была отправлена грамота, предписывающая им ехать «к Москве безсрочно часа того со всею службою», поручив «сторож ведать» другому лицу. Специально указывалось, чтобы у них

¹ Эрмитажный и Щукинский списки имеют отдельные разночтения. Из них приведем два: в Эрм: «и вы 6 отписали подлинно, на борзе», в Щук: «и вы 6 отписали к нам именно, на борзе»; в Эрм. «поветрея не навести» (в публикацию Д. Н. Альшица здесь вкралась опечатка, цитируем по подлиннику), в Щук: «поветрею не нанести». Последнее разночтение особенно интересно, так как оно исправляет текст Эрм: «не нанести» явно переключается с одной из следующих фраз: «А будет... на здоровые места и анесет поветрие».

² Щук, лл 477 об — 478; Башм, л 419—419 об; Эрм, л 371—371 об

«платье... было нарядное для послов и гонцов». В заключение воевод строго предупреждали: «А не будете у нас на Москве часа того, на скоре, и вам быти от нас казненным». Единственным событием, которое могло вызвать такой наказ, была свадьба царя с Марфой Собакиной, состоявшаяся 28 октября 1571 г. Ее Разряд всюду следует прямо за текстом грамот. Но в числе гостей на свадьбе ни князя М. Ф. Гвоздева, ни Салтыковых не было. Да и из публикуемой грамоты ясно видно, что воеводы не должны были никуда уезжать из Костромы. Видимо, дело в том, что грамота от 19 октября либо вовсе не была отправлена, либо содержащийся в ней приказ был сразу отменен. Возможно, царем была получена отписка воевод о том, что «поветрие» не утихло («мало тишеет»), и он решил не отзываться воевод с важного поста. Вполне вероятно и другое объяснение: как известно, свадьба царя с Марфой Собакиной состоялась не в Москве, а в Александровской слободе, причем невеста заболела уже до свадьбы. В грамоте же Гвоздева и Салтыковых вызывают в Москву. Возможно, свадьбу первоначально предполагалось устраивать в Москве, но болезнь будущей царицы заставила отказаться от этой мысли, чтобы не подвергать Марфу опасному для здоровья и нелегкому в осеннее время переезду из Александровской слободы в Москву. Свадьба состоялась в довольно узком кругу приглашенных, и, видимо, никто специально на свадьбу из других городов не приезжал.³

Публикуемая ныне грамота от 22 октября не имеет того явного отпечатка авторского стиля Грозного, который присущ грамотам, изданным Д. Н. Альшицем. Но трактуемая о тех же сюжетах, тесно связанная по содержанию с грамотой от 4 октября, она во многом ее дополняет. Вот почему, если осуществится пожелание Д. Н. Альшица об издании сочинений Ивана Грозного, туда вместе с посланиями, опубликованными в XII томе ТОДРА, следовало бы включить и эту грамоту.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список з [г]рамоты.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси на Кострому князю Михаилу Федоровичю Гвоздеву, да Дмитрею, да Данилу Борисовичам Салтыковым.

Писали вы есте к нам, что на Костроме поветрие мало тишеет, да и в Костромском уезде поветрие есть же, а вам для береженья послать неково: дети боярские вас не слушают и к вам не едут. И вы б от поветрия берегли по первому нашему наказу, чтобы однолишно поветрия не перепустить во здоровые места. А которые дети боярские вас не слушают, и вы б про тех отписали к нам именно, и мы вам о тех указ учиним. А запертых дворов ещо б не отпирали до нашево указу. Да послали есмя на Унжю ко князю Осипу Гвоздеву, да к Ивану Писареву, да в Галеч к Василью Глебову. И вы б те грамоты розослали чеса тово.

Писано в Слободе лета 7080 году октября в 22 де[нь].

(Архив ЛОИИ, ф. К. 115, Коллекция рукописных книг, № 93, л. 419 об.).

³ По этому поводу Д. Н. Альшиц сообщил мне свое мнение: грамота от 19 октября, вызывавшая воевод в Москву, была заготовлена в Разрядном приказе, выражаясь современным языком, «механически», по списку чинов, приглашавшихся на торжества, но не была ни подписана царем, ни отправлена, так как вызывать на царскую свадьбу людей из зачумленных районов, занятых именно тем, чтобы не выпускать оттуда никого «на здоровые места», естественно, не могли.

Б. В. САПУНОВ

Первопечатник Иван Федоров как писатель

Среди послесловий книг, изданных Иваном Федоровым, особое место занимают Послесловия Апостолов, напечатанных в Москве и на Украине. Исключительное значение их обуславливается не только тем, что они являются важнейшими источниками при изучении раннего периода истории русского книгопечатного дела, но также и тем, что эти два Послесловия являются оригинальными литературными произведениями.

Тексты послесловий книг Ивана Федорова уже много лет изучаются историками, книговедами, библиотечными и типографскими работниками. Но в огромной литературе об Иване Федорове, насчитывающей в настоящее время несколько сотен названий на многих языках, нет почти ни одной работы, которая бы обращала внимание на литературную сторону многогранного таланта московского первопечатника.

Крупнейший литературовед академик А. С. Орлов, анализируя Послесловие московского Апостола 1564 г., поражался «его редкостной складностью, его литературным стилем». «Там, — писал А. С. Орлов, — все умеренно, все обладает наибольшим тактом — и цитация и само изложение — как-будто бы сделано для гравировки на монументальном памятнике. Все содержательно, строго, просто, точно и ничего лишнего».¹ Однако, рассматривая вопрос об авторе Послесловия, А. С. Орлов отвергал возможность приписать его перу Ивана Федорова. Перебирая все подходящие кандидатуры, А. С. Орлов останавливался на митрополите Макарии.² В том же сборнике, где была опубликована работа А. С. Орлова, И. В. Новосадский в статье «Возникновение печатной книги в России в XVI веке», отмечая литературные достоинства Послесловия Апостола 1564 г., считал его автором самого первопечатника. Никаких доказательств в подкрепление своего предположения И. В. Новосадский не приводил.³ Вопрос об авторе Послесловия не был окончательно решен и в последующих работах.

Послесловие московского Апостола значительно отличается от Послесловия Апостола, изданного во Львове. Официальный и сдержанный язык Послесловия московского Апостола сменяется в Послесловии львовского Апостола эмоциональным описанием событий, сделанным от первого лица. Однако, несмотря на заметные различия, между этими сочинениями имеется много общего. Общность начинается с содержания: оба произведения посвящены одной теме — истории зарождения книгопечатания в России и истории «печатного дела» Ивана Федорова. Роднит их также

¹ А. С. Орлов. К вопросу о начале печатания в Москве. — Сб. «Иван Федоров: первопечатник». Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 18.

² Там же, стр. 18.

³ Иван Федоров первопечатник, стр. 40, 47

единство внутренней структуры, единство в понимании роли и задач книгопечатного искусства, единство в оценке врагов типографского дела. Кроме того, имеют место прямые текстуальные заимствования. Так, например, в Послесловии Апостола 1564 г. имеется такой текст: «... прочие же вси растлени от преписующих ненаученых сухих и неискусных в разуме». В Послесловии львовского Апостола читаем: «Якожь обычаи есть злонаравных, и ненаученых, и неискусных в разуме человек».

Учитывая, что одно Послесловие написано в 1564 г. в Москве, а другое в 1574 г. во Львове, трудно предположить, что эти совпадения были результатом простой случайности. Естественнее думать, что оба Послесловия были написаны одним лицом. Послесловие 1574 г. носит ярко выраженный автобиографический характер. В нем встречаются такие подробности из жизни московского первопечатника, которые вряд ли были широко известны современникам.

Приведенные наблюдения позволяют утверждать, что автором этих Послесловий был Иван Федоров.

Послесловия других книг, изданных московским первопечатником, намного уступают и по объему и по значению. Написанные в разное время и в разных городах, они имеют много общего как между собой, так и с Послесловиями московского и львовского Апостолов. По-видимому, они также должны принадлежать перу московского первопечатника.

Если послесловия большинства книг, изданных Федоровым, носят вспомогательный характер и вне книг, в которых они помещены, существовать не могут, то Послесловия Апостолов 1564 и 1574 гг., являясь четкими и законченными по замыслу и композиции литературными произведениями, имеют полное право на самостоятельное существование.

С литературно-художественной стороны наибольший интерес представляет Послесловие львовского Апостола 1574 г. Трудно сказать, к какому жанру литературных произведений следует отнести это Послесловие. Несмотря на наличие определенных публицистических черт, настоящим публицистическим сочинением назвать его еще нельзя. Не является оно и автобиографией, хотя автобиографические моменты занимают в Послесловии весьма существенное место. В «Повести», как назвал автор Послесловие 1574 г., тесно переплетаются две сюжетные линии: история Львовской типографии и неразрывно связанная с ней трагическая судьба Ивана Федорова — великого русского гуманиста XVI в.

Иван Федоров чрезвычайно высоко ценил труд книгопечатника, оброчно сравнивая его с работой земледельца, от трудов которого кормятся все живущие. Он писал: «... имам убо въместо рала художество наручных дел съсуды, въместо же житных семен духовная семена по вселенней разсевати, и всем по чину раздавати духовную сию пищу». Эти слова Ивана Федорова приобретают особое значение в свете изучения недавно обнаруженного Букваря, изданного им в том же году во Львове.⁴

Необходимо учитывать обстановку, сложившуюся на Украине после заключения Люблинской унии 1569 г., чтобы понять, какое огромное общенациональное значение приобретала деятельность во Львове русской типографии, основанной московским книгопечатником. В период жесточайшей польско-католической агрессии, проводимой правящими кругами шляхетской Речи Посполитой, в период, когда на Украине закрывались русские церкви, запрещался русский язык, Букварь, изданный Федоровым,

⁴ R. Jakobson. Ivan Fedorov's Primer. — Harvard Library Bulletin, v. IX, Winter 1955, № 1, Cambridge, стр. 1—45, 12 листов таблиц; В. С. Люблинский. Выдающийся памятник русской культуры — львовский Букварь Ивана Федорова 1574 года — ИЮЛЯ, 1955, т. XIV, в. 5, сентябрь—октябрь, стр. 460—468.

превратился в острое политическое оружие, направленное на защиту родного языка, веры, национального самосознания.

Свою типографскую деятельность во Львове Иван Федоров считал естественным продолжением работы, начатой в Москве, а Львовскую типографию — преемницей Московской типографии 1564—1566 гг. Гневом дышат его строки, обличающие врагов книгопечатного дела, заставивших его покинуть родину, переселиться в далекие, незнакомые страны. В «Повести» Федоров писал: «... презелнаго ради озлобления часто случяющагося нам... от многих начальник и священно-началник и учитель, которые на нас зависти ради многия ереси умышляли, хотячи благое в зло превратити, и божие дело вконецъ погубити. Якож обычаи есть злонравных и ненаучных, и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навыкше... Такова бо есть зависть и ненависть, сама себе наветующи не разумет како ходит и о чем утверждается. Сия убо нас от земля и отечества и от рода нашего изгна, и в ины страны незнаемы пресели». «Повесть» имеет огромное значение для воссоздания далеко еще не изученной биографии Ивана Федорова. Вырисовывается благородный образ борца за народное просвещение, глубоко преданного своему делу, образ человека, для которого жизнь заключалась в работе на поприще книгопечатного искусства. «Не мните убо, — писал Иван Федоров, — яко от чрева глаголети ми, или писати. Вестъ бо всяк... како от... милости пана Григория Ходьковича всякими потребами телесными пищею и одеждою удоволен бех. Но вся сия нивочто же вменях...».

Отметим, что Федоров был не всегда объективен в своих оценках. Так, например, описывая причины прекращения деятельности Заблудовской типографии, московский первопечатник писал: «Егда же прийти ему (Г. А. Ходкевичу, — Б. С.) в глубоку старость и начасте главе его болезни одержиме бывати, повеле нам работания сего престати, и художество рук наших нивочто же положити, и в веси земледелием житие мира сего препровождати...». Закрытие типографии в Заблудове, как известно, имело более глубокие причины. После заключения Унии 1569 г. литовский гетман Г. А. Ходкевич нашел невыгодным для себя поддерживать деятельность русской типографии и, предав национальные интересы, пошел на союз с польской короной.

Для «устроения» своей типографии во Львове у Федорова не хватило средств. С болью в сердце пишет он о неудачных попытках достать необходимые деньги у знатных и богатых горожан Львова: «... многоащи богатых и благородных въ мире, помощи прося от них, и метание сътворя коленом касаяся и припадая на лица земном, сердечно каплющими слезами моими ноги их омывах, и сие не единою ни дващи, но и многоащи сътворях... не испросих умиленными гласы, ни умолих многослезным рыданием... еже не обретох милующаго ниже помогающаго».

Тогда Федоров обратился к священникам, чтобы с церковного амвона рассказать прихожанам о денежных затруднениях, которые он испытывал. С большой теплотой пишет Иван Федоров о людях, которые помогали ему основать типографию во Львове: «Мали нещыи в иерейском чину, инии же наславнии в мире обретошася, помощь подающе. Не мню бо от избытка им сия творити, но якоже оная убогая вдовица от лишения своего две лепте ввергъшия». «Две лепты убогой вдовицы» — это художественный образ большой эмоциональной силы. Федоров хорошо отражает социальное лицо тех людей, которые помогали ему основать во Львове русскую народную типографию. Эти слова раскрывают многое в деятельности Львовской типографии. Не случайно русский Букварь был напечатан Федоровым именно во Львове. Приведенные строки объясняют также

стилистические особенности Послесловия львовского Апостола 1574 г. В Московской типографии Федоров чувствовал себя государственным человеком, поэтому язык Послесловия московского Апостола деловит и даже несколько суховат. В период деятельности в Заблудове и Остроге Федоров был связан волею своих высоких покровителей — гетмана Г. А. Ходкевича и князя К. К. Острожского. Только во Львове, в типографии, построенной на народные средства, московский первопечатник мог свободно писать обо всем, что мучило и волновало его.

Следующий вопрос, на котором следует остановиться, — это вопрос о словарном запасе московского первопечатника. В западнорусских изданиях Ивана Федорова чувствуется влияние языка русского населения Литвы. Так, например, в Послесловии Апостола 1564 г. Федоров писал о «печатном дворе», о «печатании книг». В Послесловии львовского Апостола Федоров употребляет западнорусское слово «друкарня». В Заглавии и Предисловии Евангелия учительного (Заблудов, 1569) встречаются такие слова, как «пан», «панование», «властным накладом», «друковать», «варст друкарский», «рок», «место» (город) и др.; в Псалтыри с Часословцем (Заблудов, 1570) — «друковать», «место», «рок» (употребляется вместе с «лето») и т. д. К категории таких же особенностей языка Федорова в период между 1567 и 1580 гг. следует отнести изменение подписи московского первопечатника. Вместо русской формы «Иван Федоров» в заблудовском Евангелии учительном и заблудовской Псалтыри в типографском гербе львовского Апостола и в ряде других случаев он начинает употреблять более характерную для западнорусских областей форму «Иван Федорович».

Однако в изданиях Федорова количество западнорусских слов незначительно. Так, например, в острожской Библии (1580—1581) — книге, рассчитанной на распространение в Московской Руси, особенности западнорусского языка прослеживаются редко. Весьма мало западнорусских слов и в Послесловии львовского Апостола. Объясняется это, по-видимому, тем, что родным языком для Федорова, прожившего много лет за пределами России, все же остался великорусский язык.

Послесловие как своеобразная форма литературного произведения в конце XVI—начале XVII в. не получило широкого признания. В книгах, изданных Андроником Тимофеевым и его сыном Иваном, Онисимом Михайловым и другими печатниками начала XVII в., нет ни одного Послесловия, равного по литературному и историческому значению Послесловиям московского и львовского Апостолов. Однако влияние Послесловий Ивана Федорова было чрезвычайно велико. Ряд послесловий книг конца XVI—начала XVII в. находится под их заметным воздействием. Оно прослеживается и в форме и в содержании: в заимствовании отдельных выражений и фраз, в использовании федоровских мыслей.⁵

Из послесловий первой половины XVII в. наибольший исторический и художественный интерес представляют Послесловие Псалтыри, изданной в Москве в 1615 г. Ианикитой Федоровым Фофановым, и Послесловие Азбуки, напечатанной Василием Бурцовым в Москве в 1634 г.

В своих лучших образцах послесловия книг конца XVI—XVII вв. продолжали традиции Ивана Федорова — автора первого русского печатного литературного произведения.

⁵ Триодь цветная. М., 1591, Послесловие; Псалтырь учебная М., 1615, Послесловие.

Е. В. КОЛОСОВА

Новый список Повести о Федоре Ивановиче

Повесть о Федоре Ивановиче, появившаяся почти накануне крестьянской войны под руководством И. И. Болотникова, привлекает внимание исследователя как остро публицистическое произведение XVII в. (1603 г.). Кроме того, как справедливо отмечено В. П. Адриановой-Перетц, именно в Повести Иова мы должны искать начало русского стихосложения, а в ее авторе видеть предшественника писателей XVII в., использовавших рифмованную речь.¹

Повесть была опубликована с использованием трех списков П. Г. Васенко и С. Ф. Платоновым в XIV томе ПСРЛ.² Нам удалось обнаружить новый список Повести, дополняющий ранее известные тексты. Этот список в ряде мест заостряет публицистическое содержание Повести, ее агитационную направленность. Он еще раз убеждает исследователя в том, что автор Повести поддерживал политику Бориса Годунова, являющуюся продолжением дворянской, антибоярской политики Ивана IV и Федора Ивановича.

Список находится в собрании Е. Е. Егорова в ГБЛ в сборнике № 292. Сборник относится к XVII в. и состоит из повестей XVII в., описывающих события периода шведско-польской интервенции и первых лет царствования Романовых.

Егоровский список интересен привлечением новых фактов к характеристике царя Федора Ивановича и Бориса Годунова. Как известно по опубликованным текстам Повести, царь Федор перед началом войны со Швецией «изъявляет совет», т. е. советуется, с Борисом Годуновым о необходимости возвращения исконных русских городов Яма, Ивангорода и Копорья. После слов «Видев же благочестивый царь свое царское достоиние и отческое наследие многими леты от нечестивых обладаемое» в рукописи Егорова идет текст следующего содержания, отсутствующий в напечатанных списках: «...паче же разжегся божественною духа благодатию и зело от христоименитых людей жалостию снадешся и душою печаловаше и в сердце о сем скорбь немалу имеяше, молитвы же о сем непрестанно к богу простирая и в помощь всесилные его щедроты призывая и на пречистую его мать истинную богородицу и великих чудотворцев упование возлагая. Совет свой царской изрядному правителю своему прежереченному Борису Федоровичу Годунову изъявляет, еже оторженные грады царского достоинства корельского предела от неверных паки к себе возвратити и бла-

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Из начального периода русского стихосложения (по поводу статьи Н. П. Попова). — ИОРЯС, т. 26. Пгр., 1923, стр. 271—276.

² ПСРЛ, т. XIV, первая половина. СПб., 1910, стр. 1—22. Здесь повесть напечатана по Академическому, Строгановскому и Троицкому спискам Никоновской летописи

говерием их паки населити. Великий же благорассудный исправитель Борис Федорович ото уст благочестивых царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии zelo возрадовася и благоумне отвеща: о великий самодержец и крестоносный царю, довлеет тебе великому государю сих неверных стремление возразити и царское свое наследие ото многих лет неверными обладаемое к себе возвратити» (лл. 25—27 об.).

Далее, со слов «яко неких волков, губящих стадо Христово далече отогнати», оба текста опять совпадают.

Как видим из приведенного отрывка, здесь усилено изображение роли Бориса Годунова, его авторитета для царя Федора, он показан как «благорассудный правитель», дающий разумные советы самому царю («благоумне отвеща»). Особо подчеркнута мудрость Годунова как правителя и государственного советника.

Интересен этот отрывок и тем, что в нем говорится об «оторженных» от «царского достояния» «неверными» городах «корельского предела», о намерении отнять от захватчиков и «благочерием их паки населити».

Характеристика царя Федора Ивановича в этом списке дана более сжато.

Егоровский список

Текст ПСРЛ

Еще бо и от царския своя юности исполнен сы и духовныя мудрости. Но желая ото всех содетеля и промысленника вечных благих насладитися и небесного царьствия сподобитися (л. 11 об.).

Еще бо и от царския своя юности исполнен сы и духовныя мудрости. Аще бо и бесчисленными изрядными и многоценными красными века сего обимаем бе, ни о едином же их прилежне внимаю ниже о сих, когда веселя точию о памяти божией и о всех дободетелех попечение имы, и не еже бо памятовати ему житейских сил многоценных и красных и к ним вседушно пригвоздитися. Но желая ото всех содетеля и промысленника вечных благих насладитися и небесного царьствия сподобитися.³

Очевидно, переписчик или редактор нашел, что далее и без того достаточно восхваляются добродетели Федора и в словах более ярких: «... аще бо и превысочайшего Российского царьствия честный скипетр содержаща, но к богу всегда свой ум вперяше и душевное око бодренно и неусыпно храняше, и сердечную веру выну благими делы исполняше, тело же свое повсегда удручаше церковными пени и дневными правилами, и всенощными бдени, и воздержанием, и постом, душу же свою царскую умаща поучением божественных глаголов и вниманием и благих нравов удобрением украшаше прилежне» (л. 15—15 об.).

Подобная характеристика Федора, как нам кажется, связана с тем, что редактор, как уже показано выше, ставил себе целью усилить значимость роли Бориса Годунова. Характеристика же царя Федора ему казалась вполне достаточной.

Новый список «Повести о Федоре Ивановиче» дает основание сделать следующие предположения.

Повесть Иова, не дошедшая до нас в подлинном рукописном тексте самого автора, вероятно, имела в процессе своего распространения списки двух редакций.

Одна редакция была представлена списками типа Егоровского, с несколько сокращенной характеристикой царя Федора и более пространной

³ ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 3.

Годунова. Эта редакция нам кажется более ранней по происхождению и ближе стоящей к подлинному тексту Иова.

Другая редакция представлена списками, напечатанными в ПСРЛ. Она совпадает по времени возникновения с годами царствования Романовых. Известно, что Никоновская летопись, в состав которой входят списки этой редакции, была написана по указанию Филарета Никитича Романова. В списках этой редакции характеристика царя Федора по сравнению с первой редакцией более распространена, изукрашена иконописными чертами, характеристика же Бориса Годунова, напротив, дана сжато, отсутствует приводимый выше отрывок, рисующий Годунова как «благорассудного исправителя».

Различия в редакциях Повести становятся понятными, если присмотреться к тому, какие задачи ставили перед собой ее редакторы.

В Егоровской редакции явно видна цель организовать общественное мнение в пользу Годунова, и, следовательно, она теснее связана с основной задачей автора Повести — возвысить Годунова и оправдать его царские права.

Для редактора списков, вошедших в Никоновскую летопись, события, излагаемые в повести Иова, уже в достаточной степени утратили свою злободневную остроту, и он счел возможным, хотя бы частично, поступиться панегириком Борису, сократив некоторые детали из него, восхваляющие Бориса. Редакторы этих позднейших, «романовских» памятников ставили перед собой другие задачи: им необходимо было организовать общественное мнение в пользу новой царствующей фамилии.

Найденный новый список Повести из собрания Е. Е. Егорова переписан в кругу приверженцев Годунова и ценен тем, что отражает позицию дворянства и его взгляды на внутриклассовую борьбу на рубеже XVI—XVII вв.

В. Г. ГЕЙМАН

**Письмо подьячего В. И. Торокана из осажденного Смоленска
в Москву в 1609 г.**

Об осаде Смоленска поляками в начале XVII в. имеется несколько опубликованных в нашей исторической литературе документов, представляющих собой, помимо исторического, и некоторый художественно-литературный интерес.

Укажем в качестве примера две отписки из блокированного поляками Смоленска в Москву на имя царя Василия Шуйского от местного архиепископа и воеводы.¹ Кроме того, напечатаны и некоторые частные письма того же времени из Москвы под Смоленск.²

В Собрании рукописей ОЛДП, хранящемся ныне в ГПБ, находится среди актов XVI—XVII вв. неизвестное еще в печати письмо Василия Ильина Торокана, посланное им в Москву 8 октября 1609 г. из осажденного Смоленска, по-видимому нелегальным путем, на имя «государя» Василия Мироновича и его жены, Пелагеи Васильевны.³

Письмо Василия Торокана интересно не только по историческому содержанию, но и по своему языку, сближающему его в некоторых отношениях с хорошо известными в нашей научной литературе так называемыми «воинскими повестями» XVII в.⁴ Оно написано, так же как и эти повести народным языком, хотя и содержит некоторые черты книжно-литературного стиля того времени.⁵

Решаюсь предложить это интересное, по-моему, письмо вниманию историков и литературоведов.

Письмо Василия Торокана написано обычной скорописью начала XVII в. на столбце. Очевидно, из-за экономии бумаги или уменьшения

¹ Отписка смоленского архиепископа Сергия. — Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. Под ред. Ю. В. Готье. М., 1912, стр. 31—32, № 51; Отписка смоленского воеводы М. Б. Шенна. — АИ, т. II. СПб., 1841, № 266.

² Н. П. Лихачев. Письмо Смутного времени. — Русский исторический журнал. кн. 7. Пр., 1921, стр. 121—137. Говоря в этой своей статье о частных письмах XVII в., Н. П. Лихачев замечает, что некоторые из них «имеют книжно-литературный оттенок» (стр. 128).

³ Письмо описано (с ошибкой в дате — 1610 г. вместо 1609 г.) в «Кратком отчете Отдела рукописей ГПБ за 1939—1946 гг.» (Л., 1951, Приложение, стр. 143, № 245).

⁴ В «Послесловии» к книге «Воинские повести древней Руси» (Изд. АН СССР. М.—Л., 1949) редактор этого издания В. П. Адрианова-Перетц особо отмечает «выразительность живого языка», которым написаны некоторые из этих повестей (стр. 116).

⁵ Ср., например, с опубликованной в этой книге «Поэтической повестью об Азовском осадном сидении»: стр. 59 (перечисление военачальников), стр. 60 (перечисление рода артиллерии и описания различных пушек), стр. 77—78 (о попытках турок путем переписки и переговоров склонить казаков к сдаче крепости, отрицательный ответ казаков) и т. д.

размера (посылалось из блокированного врагом Смоленска) оно написано на обеих сторонах листа, т. е. на одном столбце или «сставе». На обороте письма имеется полузатертый и почти не читаемый адрес, который условно можно расшифровать так: «Дать на Москве дьяку Василию Миронову в Четверть».

Об авторе письма и его адресате могу привести следующие данные. В АИ (т. II, № 283) опубликована, с датой 1610 г. мая 1, «Роспись окладного жалованья смоленским подьячим». В этой «Росписи», между прочим, отмечен «Большого денежного стола подьячий Василий Ильин Торокан»; ему выплачивается 15 рублей «вполы его окладу». Оригинальное прозвище или фамилия «Торокан», совпадение имени и отчества — «Василий Ильин», место действия, дата и, наконец, официальный характер приведенного документа не оставляют никакого сомнения в том, что это именно и есть тот смоленский подьячий — Василий Ильин Торокан, — письмо которого дошло до нас.

Занимаемая В. И. Тороканом должность подьячего в большом и весьма важном в Русском государстве XVII в. городе обязывала его быть хорошо грамотным. Тем самым понятна возможность овладения им «литературным оттенком» эпистолярного стиля. Что же касается адресата — дьяка Василия Миронова, — то имя это тоже находит себе подтверждение в документах того времени.

С. К. Богоявленский указывает в 1606—1607 гг. дьяка Земского двора, или Земского приказа, Василия Миронова.⁶ Правда, год дьячества Василия Миронова в Земском приказе не совсем совпадает с датой приведенного выше письма В. И. Торокана, но С. К. Богоявленский как раз оговаривает пропуск в документах имен дьяков названного приказа с 1607 по 1611 г., вызванный условиями того времени. Вполне возможно, что дьяк Василий Миронов оставался еще в должности дьяка Земского приказа и в 1609 г., т. е. во время посылки ему из Смоленска письма.

Таким образом, автор и адресат интересующего нас письма могут считаться вполне точно установленными.

Ниже приводится текст письма В. И. Торокана.

«Государю Василью Мироновичю да государыне нашей Пелогее Васильевной вскормленники ваши Васька Торокан Ильин з женишкам и з детишками челом бьют!

«Буття, государи наши, здравы и богохраними на многие лета. Да пожалуйте, государи, велитя к нам писати о своем здоровьи, как вас бог милует. А пожалуете, государи наши, похотитя про нас ведать, и мы в^а своей кручине октября по 8-е число живы. А с Семеня дни^б сидим в осаде. А король с радными паны и со многими людьми стоит под^в Смоленском и часта к городу приступает и по городу, и в город по хоромом, ис пушек и ис верхевых^г огненными ядрами^д бьют безпрестаны, вселды. Да грехом моим на посаде двор выжжен, и посудья и хлеба не мало погорела, потому что начаелись на острог, чаели в остроге сиденья. И в том все мы целовали крест государю, что в городе в остроге сидеть и с литовскими людьми и с воры битись до смерти и города и острогу не здати.^е Да целовав крест и блюдаясь королевского приступу вскоре, посады все выжгли сами.

⁶ С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века. М.—Л., 1946, стр. 45.

^а В ркп. нет. ^б Т. е. с 1-го сентября. ^в В ркп. по. ^г Т. е. из мортир. ^д В ркп. нет. ^е Из упомянутых выше отписок архиепископа Сергия и воеводы М. Б. Шеина совершенно определенно явствует, что приведенный абзац письма связывается с ответом

«А жалованья государева мне на прошлой 116 (1607—1608) год не дали и я ныне з женишкам и з детишками скитаюсь меж двор и живем в котогарех.*»

«Смилуйся, государь, дай собою свет видеть, промысли чтоб государева жалованья на прошлой на 116 год дали, да и денежек бы на дворовое дело взаем дали, да из житницы хлеба бы взоем дали же.

«Смилуйся, государь, породей нам и не дай с стужи и з голоду помереть, а порука по мне в деньгах и в хлебе будет.

«А с королем под Смоленском гемон³ пан Стадницкой, да пан Жолтовской, да пан Лев Сапега и иные радные паны со многими людьми.

«А дворцовых сел приказщика Дружину Пустобоярова с перва в подъезде взяли в полон.

«Смилуйся, государь, не покинь разореного, возьми к Москве, а я вам, своим государем, з женишкам и з детишками много челом бьем до общее матери земли».

смельнян на обращение к ним польского короля с предложением о сдаче ему Смоленска. * Котогари (катагары) — это временные жилища: шалаши, лачуги, юрты и т. п.
³ Вероятно, испорченное слово «гетман».

Р. П. ДМИТРИЕВА

**К вопросу о месте «Повести некоего боголюбивого мужа»
в литературном развитии XVI—XVII вв.**

«Повесть некоего боголюбивого мужа» дошла до нас в единственном списке в составе сборника XVII в. Многие вопросы относительно ее содержания, времени написания, значения остаются открытыми. Те небольшие замечания, которые были сделаны исследователями по поводу «Повести», содержат между собой некоторые расхождения.

Текст «Повести некоего боголюбивого мужа» впервые был обнаружен М. П. Погодиным в рукописном сборнике его собрания и опубликован им.¹ Перед текстом М. П. Погодин поместил краткую заметку, где высказал соображения по поводу «Повести». Он считает, что содержание «Повести» обращено к Ивану IV, но смысл послания Грозному в «Повести» высказан в иносказательной форме. Текст, опубликованный в «Москвитянина», по сравнению с рукописным содержит незначительные ошибки в написании отдельных слов, появившиеся в связи с неточным прочтением текста рукописи.

«Повесть» из «Москвитянина» была перепечатана Ф. И. Буслаевым в его «Исторической хрестоматии...».² Вслед за текстом были помещены примечания, где Ф. И. Буслаев коротко высказал свой взгляд на «Повесть». Он, как и М. П. Погодин, на основании заглавия относит ее ко времени Ивана IV и замечает, что в ней выступают враждовавшие в царствование Ивана IV партии, но существо политической стороны содержания «Повести» он не раскрывает.

Позднее, по преимуществу в общих курсах древнерусской литературы, были высказаны некоторые мнения по поводу «Повести некоего боголюбивого мужа».

П. Н. Сакулин,³ связывая содержание «Повести» с деятельностью Ивана IV, относит ее к числу публицистических произведений с некоторым налетом житийного стиля. «Повесть», по его мнению, аллегорически изображает события времени Грозного, хотя и не указывает, какие именно.

В большинстве случаев действующих лиц «Повести» исследователи связывают с конкретными лицами эпохи Грозного. Так, И. Порфирьев впервые высказал мысль, что под чародеем, выведенным в «Повести»,

¹ Повесть о волховании, написанная для царя Ивана Васильевича Грозного. — Москвитянин, М., 1844, № 1, раздел «Материалы для истории русской словесности», стр. 246—249.

² Ф. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 877—884.

³ П. Н. Сакулин. Русская литература, ч. 1, М., 1928, стр. 159—161.

надо понимать медика Бомелия, а под царем — Ивана Грозного.⁴ Эту мысль поддерживает и В. С. Иконников.⁵ «Повесть» он прямо называет «Повестью о Бомелие некоего боголюбимаго мужа». Свой вывод о «Повести» В. С. Иконников основывает на сравнении текста «Повести» с рассказом о Бомелии (Елисее) в Псковской летописи.

В. А. Келтуяла в героях «Повести» не видит конкретных лиц времени Грозного, но появление ее связывает с дворянской средой и считает, что по идеям она во многом перекликается с произведениями Пересветова.⁶

К мнению В. А. Келтуялы близок И. У. Будовниц,⁷ но его точка зрения более обоснованна. Появление «Повести» он тоже связывает с дворянской средой и также считает, что по идеям она близка Пересветову. Главное содержание «Повести», по мнению И. У. Будовница, заключается в апологии самодержавия. Боярство заклеено в «Повести» и представлено в виде чародеев. И. У. Будовниц считает возможным под главным чародеем, выведенным в «Повести», подразумевать конкретное лицо и видеть намеки на конкретные события. Он думает, основываясь на заглавии, что содержание «Повести» передает факты, случившиеся в Русском государстве до смерти митрополита Макария. Поэтому, по мнению И. У. Будовница, в чародее нельзя видеть ни Бомелия, ни опричников: чародей — Сильвестр, и события в «Повести» надо связывать с деятельностью и падением «Избранной рады».

Таким образом, все исследователи «Повести некоего боголюбивого мужа» убеждены, что появление ее и отражение в ней исторических событий связано с эпохой Грозного. При этом некоторые исследователи видят в «Повести» отражение истории голландского врача Бомелия и, следовательно, все содержание «Повести» сводят к изображению чародейства и борьбы с ним. Большинство же исследователей видит в «Повести» отражение идеологии, защищающей интересы дворянства. И. У. Будовниц в этом отношении идет дальше всех, связывая содержание «Повести» с деятельностью и падением «Избранной рады».

На основании данных одного списка «Повести» трудно решить вопрос, кто из исследователей ближе стоит к истине и правы ли они вообще, относя это произведение к эпохе Ивана IV. Однако наблюдения над этим единственным списком все же позволили сделать ряд предположений.

Список «Повести некоего боголюбивого мужа» находится в сборнике в 4-ку ГПБ из собрания Погодина № 1570. Рукопись в хорошем состоянии. В сборнике — 247 заполненных листов и в конце 3 листа чистых. Весь сборник написан почерками XVII в., по преимуществу скорописью: с л. 1 по л. 221 об. — скорописью первой половины XVII в., на лл. 190—221 об. — несколько другие чернила, и статья, помещенная на лл. 194—201 об., написана более небрежно и крупным почерком, возможно, и другим писцом; л. 222 и до конца — другой почерк, тоже скоропись XVII в. Одна статья в этой части сборника, на лл. 235—242 об., отличается почерком, близким полууставу. И по водяным знакам видно, что сборник составлен, по крайней мере, из двух рукописей. На листах первой рукописи водяные знаки — кувшинчики несколько отличной друг от

⁴ И. Порфирьев. История русской словесности, часть 1. Древний период. Казань, 1891, стр. 601.

⁵ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1814.

⁶ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. 1, кн. 2. СПб., 1911, стр. 621—624.

⁷ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 218—221.

друга формы. На листах статьи, писанной почерком, близким полууставу, — тоже водяной знак кувшинчик. Во второй же рукописи водяной знак чаще всего — герб, только на лл. 243—247 об. — кувшинчик. Таким образом, ясно, что сборник составлен если не из трех, то из двух самостоятельных рукописей. Интересующая нас статья находится в первой рукописи.

«Повесть некоего боголюбивого мужа» занимает лл. 41 об.—46. Заголовок написан точно так же, как вся «Повесть», только начало «Повести» помещено несколько отступя от заголовка. Водяной знак — кувшинчик с одной ручкой с буквами «I B», на крышке — корона, увенчанная полумесяцем. Близкие по своим очертаниям филигранные относятся к первой половине XVII в. или к самому концу XVI в.

Часть сборника, в которой находится «Повесть некоего боголюбивого мужа», в первом, меньшем, разделе состоит из статей, посвященных сюжетам по преимуществу житийно-повествовательного характера. Во втором разделе содержатся статьи, посвященные событиям первой четверти XVII в., по преимуществу исторического содержания, и документальные материалы (грамоты). Все эти статьи составлены не позднее 1619 г., многие из них относятся ко времени Василия Шуйского. Тематический подбор статей, посвященных событиям XVII в., позволяет думать, что все они, видимо, входили в единый сборник, составленный в начале XVII в. Статьи, не относящиеся к событиям начала XVII в., преимущественно помещены или в начале рукописи, или в конце. Кроме «Повести некоего боголюбивого мужа», в этой части сборника есть еще «Послание турецкого султана Ивану Грозному» и ответное послание Грозного. Однако это не произведение эпохи Грозного, а «подложная дипломатическая переписка», сочиненная, по-видимому, в первой четверти XVII в.⁸

Первой статьей, относящейся к началу XVII в., является «Повесть о видении некоему мужу духовну». Вслед за ней помещен отрывок из Печерского патерика и «Странник Иерусалимский». Затем следует «Повесть некоего боголюбивого мужа», после которой помещен ряд статей, рассказывающих о событиях начала XVII в. и занимающих большую часть рукописи.

Такой состав рукописи и расположение статей в ней заставляет задуматься над вопросом: не следует ли и «Повесть некоего боголюбивого мужа» включить в число произведений, созданных или бытовавших в начале XVII в.?

Основываясь на данных, имеющихся в названии «Повести», ее как будто бы следует относить ко времени Ивана Грозного и митрополита Макария, что и делалось всеми исследователями. Содержание «Повести» с ее основным выводом о характере царской власти, ее публицистическая направленность — все это близко эпохе Ивана Грозного и, в частности, во многом перекликается с Посланиями Ивана Пересветова. Однако по своей литературной форме «Повесть» отличается от сочинений XVI в., для которых характерно стремление все излагаемые факты приурочивать к конкретным историческим событиям и связывать их с определенными историческими лицами;⁹ это наблюдается и в произведениях с аллегориче-

⁸ М. Д. Каган. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 248.

⁹ Для XVII в. характерен переход от исторически определенного имени героя к вымышленному. См. об этом: Д. С. Лихачев. От исторического имени литературного героя к вымышленному. — ИЮЛЯ, т. XV. М., 1956, в. 3, стр. 201—214.

ческим содержанием, какими являются, например, Послания Пересветова. В «Повести некоего боголюбивого мужа», за исключением названия, всякая конкретизация снята: герои не имеют имен, неизвестно ни время, когда происходят события, ни государство, в котором они совершаются.

Содержание «Повести» как будто бы основано на идеях, общих всему средневековому мировоззрению: в ней показана борьба сил, которые руководят человеком, в том числе и царем. Единство «Повести» определяется строгим подчинением всего изложения одной основной мысли — надо жить по заповедям божьим и никогда не отступать от них ни при каких обстоятельствах. Но проведение этой мысли через всю «Повест» не является самоцелью. «Повесть» — не абстрактно-моральное поучение. Эта мысль является как бы основой для автора, который связывает с ней более конкретную идею — об ответственности царя перед богом за управление страной. Такая особенность идейного содержания «Повести» нашла отражение и в заглавии, составленном явно в поучительном тоне, с обращением как к царю, так и ко всем остальным христианам.

Изложение повести просто и компактно, умело подчинено основной цели. Сначала в «Повести» говорится, что царь был могуч и страшен для врагов, так как бог помогал ему. Потом царь попал под влияние чародея, и в стране установилось полное беззаконие. Дальше описано, как бог наказал царя за это и как, снова уверовав в бога, царь опять приобрел силу. Подробно описан кульминационный момент: царь, осознав свое критическое положение, обратился за помощью к богу: он бросился к ложнице, оставив царицу за дверьми, плакал, обращался к богу и вымолил прощение. «Повесть» кончается кратким описанием победы над врагами и возвращением царя в столицу.

Основная идея «Повести некоего боголюбивого мужа» близка многим произведениям времени «Смуты» или посвященным «Смуте». События того времени в литературе о «Смуте» расценивались как наказание свыше за нарушение заповедей бога и правителями и народом.

Отметим моменты, которые показывают, что «Повесть некоего боголюбивого мужа» созвучна в этом отношении произведениям начала XVII в. Во «Временнике» Тимофеева осуждается Иван Грозный за то, что пригласил врачей и тем самым доверился иностранцам: «И сим земли всей велик раскол сотвори и усомневатися всем в мыслех своих о бываемом; бога самого премилостиваго ярость на себе разже...». ¹⁰ Автор «Плача о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства» причины неурядиц видит в грехах монархов и всего народа. Монархи, уклонившись от православия, отошли к волшебствам и чарованиям. Они окружили себя пагубными советниками, слушали клеветы, стали жестокими. ¹¹ «Иное сказание» рассказывает, как Борис Годунов обращался к звездочетцам, чтобы узнать, будет ли он царем. Автор осуждает безумие Годунова, забывшего, что всем управляет бог. ¹²

По своим стилистическим особенностям и по построению «Повесть» близка к «Повести о видении некоему мужу духовну», ¹³ помещенной

¹⁰ Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. — РИБ, т. XIII, изд. 2-е. СПб., 1909, стлб. 272.

¹¹ РИБ, т. XIII, стлб. 219—234.

¹² РИБ, т. XIII, стлб. 10—11.

¹³ В жанре «видения» были написаны в начале XVII в. «Повесть о видении мнху Варлааму в Великом Новгороде» и «Повесть о чудесных видениях в Нижнем Новгороде и Владимире» (РИБ, т. XIII, стлб. 235—247).

выше в той же рукописи. Особенно чувствуется эта близость в заголовках и вводной части «Повести о видении».

Повесть некоего боголюбивого мужа, списана при Макарии митрополите царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии, да сие ведяще, не впадете во злыя сети и беззакония от злых и прельщенных человек и губительных волков, нещадыще души, ей же весь мир недостои; прочатше же сие, человецы, убоитесь чары и волхования, творящей скверная богу, и грубая и мерская и проклятая дела.

Список с повести о видении некоему мужу духовну. Моление святые богородицы и всех святых за все православное христианство. «Некоторому мужу духовну явися таково видение во сне, и той муж то видение сказал Благовещенскому протопопу Терентью. И по его скаскам Терентей писал у нево, и то письмо написал, да отдал патриарху, да и царю сказывал...»

Благочестивому царьскому сигклиту и христоробивому воинству и всему православному христианству Руского народа. Послушайте божия милости к нам, грешным, повести сия: дивно и zelo полезно к нынешнему роду лукавому и непокоривому и отбегшия божия милости и уклонившемуся от заповедей его святых и впадшему в сети дьяволя многоразличныя.¹⁴

По своему построению вводная часть «Повести о видении» близка обстоятельному заголовку «Повести некоего боголюбивого мужа». В одном случае упоминается «некоторый муж духовный» как автор рассказа, в другом — «боголюбивый муж». В той и другой повести указывается, когда случилось событие. В «Повести о видении» говорится, что она предназначается царю и всем христианам, «Повесть некоего боголюбивого мужа» «списана для царя»; этими указаниями подчеркнут назидательный характер повестей.

Повести близки между собой и по мотивировке событий: отступление от «божьих заповедей» в той и другой повести привело к тяжелому положению царя и государства, навлекших на себя гнев самого бога. Авторы обеих повестей видят спасение в покаянии. В «Повести о видении» с мольбой к богу о прощении обращается богоматерь, в «Повести некоего боголюбивого мужа» — царь.

Автор «Повести о видении некоему мужу духовну», протопоп Терентий, известен еще как автор посланий Лжедмитрию I.¹⁵ В своем втором послании он обращается к царю с требованием поступать соответственно законам, которые установил бог: «Аще ходиши по заповедем моим и твориши волю мою во вся дни живота своего и разсудиши люди моя в правду, дам ти сердце смысленно и мудрость... и дам ти одоление на враги».¹⁶ В этом послании проводится та же мысль, что и в повестях: об ответственности царя перед богом за свои поступки. Именно для литературы начала XVII в. характерно обсуждение поведения царей.

¹⁴ Мы привели во втором столбце текст начала «Повести о видении некоему мужу духовну» по рукописи ГПБ, О.IV.17, лл. 4, 284, 285. Этот сборник составлен из патриарших и царских грамот за время Бориса Годунова и Василия Шуйского, т. е. по составу близок рукописи Погодина 1570. В рукописи же Погодина 1570 «Повесть о видении» открывается словами: «Повесть сия есть дивно и zelo полезно нынешнему роду лукавому и непокоривому и отбегшему от божия милости и уклонившемуся от заповедей его святых и падшему в сети дьяволя многоразличныя», л. 29.

¹⁵ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, стр. 56—59.

¹⁶ ГПБ, О.IV.17, л. 241.

В XVI в. литературные произведения, касаясь проблемы царской власти, или говорили о ее характере, или, самое большее, давали советы, подкашивали решения царю.¹⁷

Можем ли мы на основании приведенных данных отнести «Повесть некоего боголюбивого мужа» к произведению начала XVII в.? Заглавие «Повести» отсылает нас к событиям времени Ивана Грозного и свидетельствует, что текст его составлен позднее того времени, которое в нем же указано. Выше упомянуто было о некотором стилистическом сходстве заглавия нашей «Повести» с заглавиями некоторых повестей начала XVII в. Едва ли при Иване IV, которому предназначалась «Повесть», могли написать в заглавии: «Списана при Макарье митрополите царю и великому князю...»; в заголовке о времени написания «Повести» говорится в прошедшем времени. Если бы «Повесть» имела своим адресатом Ивана IV, то обращение к нему не могло быть составлено в такой форме.

Напомним, что статьи подложной переписки связаны с именем Ивана Грозного, что к началу XVII в. относится и «Повесть о двух посольствах», в которой также рассказано об Иване Грозном,¹⁸ и заметно влияние сочинений Пересветова, автора посланий Грозному.¹⁹ Дошедшие списки его произведений тоже относятся к XVII в.²⁰ Все это говорит о том, что в XVII в. был большой интерес и к идеям, высказанным Пересветовым и к личности Грозного. С рассказа об Иване Грозном начинается ряд произведений XVII в., посвященных истории «Смуты». В Хронографе редакции 1617 г. оригинальные русские статьи начинаются с царствования Ивана Грозного;²¹ первая глава «Временника» Тимофеева описывает царствование Ивана IV, с событий времени Грозного начинается и Повесть Катырева-Ростовского. Очевидно, тема Грозного была популярна в литературной традиции начала XVII в.

Таким образом, по своему содержанию, идеям и особенностям жанра «Повесть некоего боголюбивого мужа» ближе связывается с литературными явлениями первой четверти XVII в., чем времени Ивана Грозного.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 232—233.

¹⁸ М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 218—254.

¹⁹ Там же, стр. 230, 232—234.

²⁰ См.: А. А. Зимин. Археографический обзор. — Сочинения И. Пересветова М.—Л., 1956, стр. 78—120.

²¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, в Л. М., 1869, стр. 117—119

А. А. НАЗАРОВСКИЙ

Несколько замечаний о «Послании дворянина к дворянину»

Так называемое «Послание дворянина к дворянину» было найдено (в единственном пока известном списке XVII в.) и опубликовано Н. К. Никольским еще в 1892 г.,¹ но не обратило на себя внимания и не было включено в научный оборот ни историками, ни литературоведами, оставаясь в забвении свыше пятидесяти лет. Только в 1948 г. в изданной Академией наук СССР «Истории русской литературы» С. К. Шамбинаго поместил небольшую заметку,² в которой остановился преимущественно на литературной стороне этого своеобразного памятника и квалифицировал его как произведение «фольклорного стиля», древнейшее в нашей книжной литературе проявление того «скоморошьего стиля», который в посадской литературе второй половины XVII в. найдет себе широкое применение».³

Как исторический источник исключительной важности, содержащий ценнейший материал для характеристики социальной природы восстания Болотникова, «Послание дворянина к дворянину» проанализировано И. И. Смирновым в одном из приложений к его исследованию «Восстание Болотникова. 1606—1607».⁴ Здесь же убедительно доказано, что предполагаемый автор «Послания» — «Фуников Иванец» — является реальным историческим лицом, тульским дворянином-помещиком среднего достатка.⁵

Во втором издании своей монографии о восстании Болотникова (1951 г.) И. И. Смирнов, учитывая погрешности в публикации Н. К. Никольского и малодоступность издания, в котором она была помещена, заново переиздал весь текст «Послания дворянина к дворянину» по той же единственной рукописи с соблюдением возможной точности.⁶

Ряд ценных замечаний о социальной природе «Послания» и его связей с фольклорным прибауточным стихом и народной речью сделала В. П. Адрианова-Перетц в статье «Исторические повести XVII века и устное народное творчество»,⁷ где она присоединилась к мнению И. И. Смирнова об авторе «Послания». В новой же своей работе «Рус-

¹ Николай Никольский. Рифмованное «Послание дворянина к дворянину» XVII в. — Библиографические записки, 1892, № 4, стр. 279—281. Текст «Послания» издан здесь неточно, с ошибками (см.: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1949. стр. 517, примечание).

² История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, 1948, стр. 41—42.

³ Там же, стр. 42.

⁴ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, 1949, стр. 517—519 (Приложение II. «Послание дворянина к дворянину») То же во 2-м издании книги (Л., 1951) см. на стр. 463, 499—500, 540—541.

⁵ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, 1949, стр. 518—519.

⁶ Там же. 1951, Приложение III (на стр. 541—543 текст по рукописи ГПБ, собр. б. Софийской библиотеки, № 1480, лл. 152—155 об.).

⁷ ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 67—96; о «Послании» — стр. 74—76.

ская демократическая сатира XVII века» В. П. Адрианова-Перетц по-новому ставит вопрос об авторе «Послания», считая, что оно написано не самим Фуниковым, а только от его лица.⁸

Наконец, краткие сведения о «Послании», главным образом о его литературных особенностях, Н. К. Гудзий включил в пятое издание своего вузовского учебника древней русской литературы.⁹

Небольшое по объему «Послание дворянина к дворянину», ярко отразившее крестьянскую войну начала XVII в., делится на две неравные части, резко отличающиеся одна от другой и материалом своего содержания, и особенностями стиля. Меньшая, вторая по порядку, часть в самых общих чертах, обычным для того времени традиционным книжным стилем рисует то положение, в котором оказалась Русская земля в начальные годы XVII в.: раньше она была «блага и населенна», теперь же опустошена и напоена кровью, пролитой обильно, подобно дождю; вместо пшеницы на ней выросли тернии; церковь божия — как поруганная вдова, красота которой уничтожена иноплемениками и «нашими, восставшими на нас»; «грады разорены и пожжены»; население гибнет от голода и подвергается насилиям, и даже сам «царствующий град», т. е. Москва, испытывает бедствия. И все это происходит по воле божьей: «богу тако извольшу». Если в Вифлееме «токмо едины младенцы убиваемы бываху», то теперь здесь «всяк возраст не пощаден бысть»; вот почему «превосходит бо плач наш паче вифлеомскаго плача». Эта заключительная часть «Послания» и по общему тону, и по оценке событий, и по приподнятому книжному стилю совпадает с теми историческими произведениями начала XVII в., которые вышли из консервативных кругов и с их точки зрения освещали изображаемые события (вроде «Иного сказания»).

Совсем другой характер носит первая часть «Послания», где автор — лицо вполне реальное, тульский помещик-дворянин Иванец Фуников¹⁰ — рассказывает своему адресату, что ему пришлось вытерпеть от восставших крестьян, «тульских воров», как он их называет. Таким образом, перед нами едва ли не единственный случай в исторической повествовательной литературе начала XVII в., когда автор рассказывает не о событиях вообще, хотя бы как их участник или очевидец, а именно о себе самом, о том, что ему самому пришлось пережить в это бурное время. Правда, В. П. Адрианова-Перетц в своей книге «Русская демократическая сатира XVII века» оспаривает авторство Фуникова, которое раньше¹¹ не вызывало у нее сомнений. Приведя строки «Послания»: «за старые шашни хотели скинуть с башни» (восставшие крестьяне — его, своего помещика), она говорит: «В „послании дворянина“ нет антифеодальной тенденции, но назвать „старыми шашнями“ поведение помещика мог лишь тот, кто, даже явно не сочувствуя восстанию крестьян, считал заслуженной расправу их с помещиком. Вряд ли сам Фуников допустил бы в письме такое самообвинение; „послание“ сложено

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954 (сер. «Литературные памятники»), стр. 236—239.

⁹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 5. М., 1953, стр. 348—349. То же повторено в 6-м издании (М., 1956, стр. 363—364).

¹⁰ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, 1949, стр. 518—519: в писцово-войсковой книге г. Тулы и Тульского уезда 1587—1589 гг. имеется описание поместья Ивана Фуникова; в момент составления писцовой книги он был еще молод, в период восстания Болотникова уже стар; в «Послании» говорится, что ему «не мало лет» и что он «сед».

¹¹ В указанной выше статье в ТОДРА (т. IX, стр. 74—76).

от его имени кем-то, хорошо знавшим его быт».¹² С этой новой трактовкой, мне кажется, едва ли можно согласиться. Фуников, конечно, не считал себя безгрешным перед своими восставшими крестьянами и понимал, что теперь они сводят с ним старые счеты за его старые «грехи», причем рифма «пашни» напрашивалась сама собой, если его действительно собирались сбросить «с башни». Мера же эта, как известно, нередко применялась крестьянами во время восстания по отношению к их угнетателям — помещикам: «многих воевод и дворян различными муками мучили, и их с башни кидали, иных с мосту в ров»;¹³ «бояр и воевод и всяких людей побивали разными смертями, бросали с башен».¹⁴ Широко используя в «Послании» народный юмористическо-прибауточный стиль, Фуников применил здесь и нередкий в народном творчестве прием иронизирования над самим собой, что В. П. Адрианова-Перетц сама отметила в своей первой статье, приведя несколько соответствующих примеров из народных пословиц.¹⁵ Такие примеры иронизирования над собой встречаются и в других жанрах народного творчества; укажу хотя бы широко известную, вошедшую даже в школьные учебники народную «разбойничью» песню, отразившую тяжелую крестьянскую жизнь при крепостном праве:

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом попобито. . .

Вспомним также в насыщенной элементами народного творчества «Повести о Горе и Злочастии» горькую иронию над собой «молодца», когда, проснувшись в кабаке, он увидел, что «вся собина у его ограблена»: «Житие мне бог дал великое, ясти-кушати стало нечево!».¹⁶

Итак, первая часть «Послания» носит, как видим, чисто личный, автобиографический характер. Описание разгрома своего поместья восставшими крестьянами Фуников адресует какому-то богатому, а может быть, и власть имущему покровителю, не называя его, правда, по имени, а давая лишь общую характеристику в униженно-угоднических выражениях: «благих подателю и премудрому наказателю, нашего убожества милосерде взыскателю и скудного моего жительствова присносущу питателю». С. К. Шамбинаго высказал было предположение, что автор «Послания» «определенного адресата. . . и не имел в виду, а обращался к чита-

¹² В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 239.

¹³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. XII, гл. 1, прим. 47, со ссылкой на Никоновскую летопись.

¹⁴ Там же, со ссылкой на Столяровский хронограф. (Разрядка моя, — А. Н.). Последнюю цитату приводит также И. И. Смирнов со ссылкой на А. Попова: Изборник, стр. 331 (Восстание Болотникова, 1951, стр. 462, прим. 3). Он же сообщает аналогичные документальные данные о некоем Ишее Барашеве, попавшем в руки восставших во время осады Тулы правительственными войсками: «и его взяли в полон, и приведчи на Тулу, били кнутом, и медведем травили, и на башню ввозили, и в тюрьму сажали, и голод и нужду терпел» (там же, стр. 462). Добавлю еще одну цитату из челобитной братьев Сухотиных: «В прошлом. . . во 115-м году, как зачалась в Украинских городех смута, и в те поры отца нашего Денисья воры убили з башни, а животы. . . все разграбили. . . А поместьецо, огда нашего высуду, розграбили без остатка (ЧОИДР, 1915, кн. 4, стр. 112. Подчеркнуто мной, — А. Н.).

¹⁵ ТОДРА, т. IX, стр. 76.

¹⁶ П. К. Симони. Повесть о Горе и Злочастии. . . — СОРЯС, т. 83, № 1. СПб., 1907, стр. 33.

телю, взывая к его сочувствию».¹⁷ К такому мнению склоняется и В. П. Адрианова-Перетц в своей последней работе о русской сатире XVII в., где она высказывает предположение, «что ... реального адресата и не было, что рассказ о разорении поместья Фуникова лишь облечен в форму послания».¹⁸ Едва ли это так. Хотя в «Послании» подлинное имя адресата и заменено ничего не говорящим «имя рек», но на всем его протяжении чувствуется, что автор обращается к реальному лицу: он упоминает о каком-то «рукописании» адресата к себе, говорит ему — «и милосердия твоего у князя Ивана рыбою насладихся», сообщает, что постоянно молится за него; во второй части он говорит адресату: «не единех бо нас постигоша злая, но и всю страну нашу», говорит «о скорбех, постигших нас», объясняет, что описал «не все беды и разорения», чтобы «не наложить» ему (адресату) «скорбь на скорбь», и заканчивает свое «Послание» горестным итогом: «Твоя ж и моя вся взята быша без останка». Очевидно, реальным адресатом Фуникова был кто-нибудь из соседей, какой-то крупный феодал-землевладелец на Тульской же земле. Но, обращаясь к нему, автор «Послания», конечно, мог рассчитывать и на более широкий круг читателей и, может быть, надеялся вызвать их сочувствие к себе. При чтении «Послания», особенно только что цитированных последних его строк, невольно вспоминаются современные «Посланию» челобитные царю Василию Шуйскому от помещиков, имена которых были разорены во время восстания Болотникова. Так, например, тульский же, как и Фуников, помещик — «туленин» Степан Ушаков — жаловался царю на свое разорение: «... и я, холоп твой, на твою царскую службу готов головою своею, а поднятца мне, холопу твоему, не чим, разорен без остатку: твое царское жалованье поместейце у меня было на Туле и то пусто, а животишка, государь, мое разграбили твои государевы изменники... без остатку».¹⁹

Мне кажется, что в «Послании» можно было бы видеть своеобразную, единственную в своем роде литературную параллель к помещичьим челобитным царю о разорении их поместий восставшими: и в этих челобитных, и в нашем «Послании» одинаково ярко, хотя и совершенно по-разному (в смысле особенностей стиля, формы) отразилась социальная, классовая природа восстания Болотникова.

Однако значение и ценность первой части «Послания» не только в том, что она дает необычайно яркую и реалистическую картину расправы восставших крестьян с крепостником-помещиком, причем эту картину нарисовал сам «потерпевший». Она в то же время является старейшим зафиксированным в рукописи образцом «скоморошьего стиля», той рифмованной народно-прибаутной речи, которая получила широкое распространение в посадской сатирической литературе второй половины XVII столетия и перешла в лубочную литературу XVIII в.

Стремление к ритмической организации речи, к рифмующимся окончаниям отдельных строк или фраз вполне отчетливо определилось уже во второй половине XVI и самого начала XVII в., например, в произведениях Ивана Пересветова, Ивана Грозного, Андрея Курбского. В таких же произведениях, как «Новая повесть о преславном Российском царстве»,

¹⁷ История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 41—42.

¹⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 237. (Разрядка моя, — А. Н.).

¹⁹ Акты времени правления царя Василия Шуйского. — ЧОИДР, 1915, кн. II, стр. 257; там же (стр. 255—256) челобитная двух других «обиженных» восставшими о том, что их «поместейца» «от твоих государевых изменников разорены без остатка». См. также у И. И. Смирнова: Восстание Болотникова, 1951, стр. 500.

«Сказание» Авраамия Палицына и некоторые другие,²⁰ это сознательное стремление к стихотворной организации речи получило уже вполне законченное выражение. Однако в них мы видим организацию стихотворной речи на книжном материале, в значительной мере еще в рамках старой литературной традиции. Совершенно иное явление представляет народно-прибауточный стих «Послания» Фуникова: он строится в основном на фольклорном материале, на живой народной речи, на ее поговорках, прибаутках и шутках; он легче и гибче, подвижнее и доходчивее, чем тяжеловесные еще в большинстве случаев стихотворные строки названных исторических произведений.

Приведу несколько иллюстраций.

Поднявшиеся на своих угнетателей крестьяне захватили не только имущество тульского дворянина, его усадьбу и различные угодья, но взяли в плен самого помещика-крепостника. Свое послание к другому дворянину он — после необходимых трафаретных приветствий — и начинает с рассказа о том, что приключилось с ним самим, каких «бед» он натерпелся, причем этот рассказ выдерживает в шутливом, прибауточном тоне:

А мне, государь, тульские воры выломали на пытках руки
и нарядили, что крюки,
да вкинули в тюрьму; и лавка, государь, была уска,
и взяла меня великая тоска.
А послана рогожа,
и спать не погоже,
Седел 19 недель,
а вон из тюрьмы глядел.
А мужики, что ляхи,
дважды приводили к плахе.
За старые шашни
хотели скинуть з башни...

Дальше автор жалуется:

И учинили надо мною путем,
мазали кожу двжды кнутом.

После разгрома имения он оказался —

разорен до конца...
.....
Не оставили ни волосца животца
и деревню сожгли до кола
.....
А ныне воистинну живем в погребнице
и кладем огневище,
а на ногах воистинну остались одне голенища.²¹

Как справедливо указала В. П. Адрианова-Перетц, этот «народно-юмористический», «фольклорный стих», эта «шутливая форма народных сатирических и юмористических песен и сказок», наконец, эта усвоенная под воздействием народного юмора «манера иронизировать над своей собственной судьбой» не соответствуют социальному лицу автора-крепостника и крепостническому содержанию его «Послания»: здесь он «воспользовался фольклорной формой для цели, прямо противоположной

²⁰ См.: Н. К. Гудзий. Заметки о Повести кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского. — Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского, стр. 306—309 (= СОРЯС, т. 101, № 3, Л., 1928).

²¹ Цитаты из Послания приведены по изданию И. И. Смирнова (Восстание Болотникова, 1951, стр. 541—543) с разбивкой сплошного текста на рифмованные строки.

той, какой эта форма служила в народном творчестве». ²² Он мог сделать это под воздействием фольклора. «В связи с общей демократизацией и авторской и читательской среды» фольклор широко вошел в литературный обиход. Возможно, кроме того, облекая свой рассказ в живую и широко доступную читателям новую форму изложения, он рассчитывал «вызвать к себе сочувствие и за пределами своего класса». ²³

Вполне соглашаясь с этими высказываниями В. П. Адриановой-Перетц, замечу кстати, что в работе «Русская демократическая сатира XVII века» (1954 г.), где В. П. Адрианова-Перетц отрицает авторство Фуникова, она совершенно не касается вопроса о соответствии или несоответствии народно-юмористического, фольклорного стиха социальному положению неизвестного автора.

Вообще первоначальная интерпретация «Послания дворянина к дворянину», данная В. П. Адриановой-Перетц в статье «Исторические повести XVII века и устное народное творчество» (1953 г.), мне представляется более вытекающей из самого произведения, его содержания и формы, и высказанными здесь несколькими замечаниями мне хотелось бы поддержать именно такое истолкование этого своеобразнейшего памятника начальных лет «Смуты».

²² ТОДРЛ, т. IX, стр. 75—76.

²³ ТОДРЛ, т. IX, стр. 76.

Н. К. ГУДЗИЙ

**К вопросу о составе «Летописной книги», приписываемой князю
И. М. Катыреву-Ростовскому**

Повесть о событиях «Смутного времени», именуемая на основании заключающих ее виршей «Летописной книгой», до сих пор вызывает еще ряд вопросов. Как известно, основным таким вопросом является проблема авторства памятника. В новейшей работе о нем О. А. Державиной «К истории создания „Летописной книги“, приписываемой кн. Катыреву-Ростовскому»,¹ помимо попытки определить роль И. М. Катырева-Ростовского в составлении повести, анализируется самый состав ее, в глазах автора статьи содержащий косвенные данные для суждения о том, какая доля участия в оформлении памятника может принадлежать Катыреву-Ростовскому.

Предметом исследования О. А. Державиной является первая редакция повести, во втором издании XIII тома РИБ занимающая столбцы 559—624 и дающая О. А. Державиной основание полагать, что в ее обработке принимал участие Катырев-Ростовский.

Так как высказанные О. А. Державиной соображения по поводу того, что в тексте повести может быть приписано Катыреву-Ростовскому (а приписано ему тут очень немногое), слишком гипотетичны и гадательны, мы их касаться не будем, а остановимся на том, как в статье трактуется состав повести и история ее создания.

О. А. Державина обращает внимание на то, что стиль повести не однороден на всем ее протяжении, подкрепляя это свое наблюдение и наблюдением А. С. Орлова, отметившего, что начало повести отличается почти полным отсутствием «украшений», вводимых в нее лишь с той поры, когда рассказывается о переходе первым самозванцем русской границы. «Украшения» эти выступают в картинах природы и в частых описаниях боев. Отсюда, как представляется О. А. Державиной, сам А. С. Орлов склонен разделять повесть как бы на две части, но, по ее мнению, повесть следует делить не на две, а даже на три части: 1) вступление — рассказ об исторических событиях до появления первого самозванца, 2) история первого самозванца, 3) история прочих самозванцев и освобождения Москвы, после чего следуют портреты и характеристики московских царей с предшествующими и заключительными виршами.

В тексте, напечатанном в XIII томе РИБ, эти части занимают столбцы соответственно 559—568, 568—584, 584—624. «Украшения» (картины природы и описания сражений) содержатся, собственно, в третьей части. Описаний сражений в этой части О. А. Державина

¹ Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Петкина, т. XLVIII. Кафедра русской литературы, в. 5. М., 1955, стр. 29—45.

насчитывает восемнадцать, а в двух первых частях, по ее подсчету, их всего четыре, картины же природы в обеих первых частях вовсе отсутствуют. Следует сказать, однако, что в первой части, во вступлении, вопреки утверждению автора, описаний сражений нет, а есть только рассказ о них, что же касается второй части, то тут такие описания сделаны в стиле боевых картин третьей части, написанных под влиянием русского перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна. Судя по всему, О. А. Державина считает, что описания сражений во второй части являются результатом позднейших исправлений, сделанных рукой основного автора повести о первом самозванце.

Эта именно повесть, как полагает О. А. Державина, является изначальным ядром всего памятника, заканчиваясь виршами, в которые внесены были позднейшие вставки. Потом она была кем-то отредактирована. Далее на основе повести о первом самозванце и «Троянской истории» Гвидо де Колумна другим уже автором написана третья часть «Летописной книги», повествующая о дальнейших событиях «Смуты» с участием прочих самозванцев. Затем, по догадке О. А. Державиной, в 1626 г. в обработке Катырева-Ростовского создается первая редакция «Летописной книги», рассказывающая об исторических событиях до выступления первого самозванца, но, очевидно, О. А. Державина приписывает ее новому, третьему автору. Логически рассуждая, нужно думать в таком случае, что она включена была в редакцию «Летописной книги» 1626 г. Катыревым-Ростовским.

Главным аргументом в пользу того, что «Летописная книга» создана при участии не одного автора, по мнению О. А. Державиной, кроме разнородности ее стиля, является также неоднородность идейной направленности в отдельных ее частях.

Остановимся сперва на первой из указанных О. А. Державиной особенностей «Летописной книги». Заметим при этом, что три части, на которые ею поделен текст повести, не одинаковы по своему объему: вторая часть больше чем в полтора раза обширнее первой, а третья обширнее первых двух, вместе взятых, что небезразлично при их сопоставлении; однако во всех трех частях мы встречаем одинаковые словарные и стилистические образования, одинаковые словесные формулы. Приведем их, руководствуясь выделением частей, сделанным О. А. Державиной (цифры в скобках означают столбцы печатного текста).

Во всех трех частях читается:

толико многоразсуден (560), многоразсудно попечение (566), много-разсудный разум (567), божественных писаний многоразсудных (583), мужа духовна и многоразсудна (602);

имя ему Иван (560), Стефан имя ему (562), ему же имя Борис Федоровичь Годунов (563), Гаврило Пушкин имя ему (577), Варсунофьевской имя ему (578), Александр Гасевский имя ему (605), имя ему Петр (605);

суших раб (561), суших младенец (561), Борисова сына суща (575), девицу сущу (578), сына царева суща (580), нага суща (581), Пленные же сущии московстии (615), дщерь... сущи (621);

со множеством воин (562, 566 — дважды, 567, 580, 600), со множеством вой (585);

несытное грабление (562), ненасытным... хотением (575), насытное желание (621);

Началницы же Московскаго государства, князи и бояре и воеводы (563), началников всего Росийскаго государства и воевод (563), началницы же и воеводы всего московского воинства (573), Бояре же и на-

чалницы Московского царства (574), Воеводы и начальницы Московского воинства (585, 609, 617), Начальницы же и воеводы Московского воинства (617);

в разсужение ума его (563), во многом разсужении доволен (563), муж... многово разсужения (583, 616), в разсужении ума (622);

многое дивное о собе творяше (563, 572, 583, 620);

всех людей московского народу (563), народи же московстии (564), московстии же народи (573, 602, 604);

Народи же московстии наипаче ужасошася (564), начальницы и воеводы... никакo сего ужасошася (573), людие же... никакo сего ужасошася (573), он же никакo сего ужасеся (587), Дмитрий Иванович Шуйской никакo сего ужасеся (589), названный царь Дмитрий никакo сего ужасеся (590), они же сего никакo ужасахуся (616);

семо и овамо (565, 572, 575, 590, 591, 616);

И народи... воздвигоша гласы свои (565), народи же воздвигоша гласы своя (582), множество народу... воздвигоша гласы своя (602), Поляцы же... воздвигоша гласы своя (617);

утвердися обозами (566, 587), утверждаетца обозами (572), и повеле обозами утвердити (591), утвердишася обозом (592), мирное поставление... утверди (562), утвердися рука Борисова на всем народе Российскаго царства (565), утверди перемирия (566), утвердися рука его на всем Московском царстве (567), и тамо утвердися с тамо жительствующими народы (573), и тамо утвердися с тамо жителствующими людьми (599), и тако утвердиша быти (574), и вси людие утвердишася (575), папешскую веру утвердити (581), утвердиша слово (582, 602, 617), и на утвержение воде (587), достойно быти на утвержение людем (591), совет утверждают (602), во граде утверждаютца (611), врата утверждают высокими запоры (615), за приставы утвердиша (618);

в завещательном союзе дружбы (567), в завещательном союзе законнаго брака (607), завещание полагает (570, 618), завещанием общаго совета (575);

вниде слух во уши его (567), Вниде же сия во уши Юрью (570), Вниде же во уши королю полскому (600);

мужески ополчакхуся (568), мужески защищаше (572, 598), мужескы побораша (585), мужескы вытекоша (585), мужески... нападают (596), мужески нападоша (596), мужески защищахуся (598), мужески сих восприемлют (601);

царствующий град Москву, царствующий град (во всех трех частях очень часто);

горкою смертию (во всех трех частях очень часто);

и по мале времени, в мале времени (в первых двух частях очень часто, однажды и в третьей части — 618).

В первой и второй частях:

владетелно держати скифетр Российскаго государства (561), нача владетелно держати Российское царство (578);

первоначалствующих царей и князей (561), первоначалствующими цари и князи (574);

на царский престол безстыдно вскочити (563—564), на царский престол вскочи (580);

и колебашеся людие семо и овамо (565), и начаша воинстии людие умы своими колебаться семо и овамо (575), Слышавше то вси людие, и поколебашася умы своими (577);

скифетродержавнаго владычества (564), скифетродержавство отдати (565), поведано... скифетродержателю (570);

и бысть тако (566), и... тако бысть (570);
смерти горкия сподобляет (567), горкия смерти сподоби (580).

В первой и третьей частях:

в превеликой именной Москве (561), Преславная, но и паче превеликая Москва (607), превеликая Москва (608);

наполнися гнева и ярости (561), наполнишася людие гнева и ярости (611);

уклони мысль (562), благоговейне уклоняютца (603), на милость уклоняютца (617);

Бысть же той Борис образом своим и дела множество людей превзошед, ниhto бе ему от царских снклит подобен во благолепие лица его и в разсужение ума его... паче во многом разсужении доволен и велеречив зело... и многое дивное о собе творяше... Но токмо единое неисправление имяше пред богом... и похоте властолюбец быти (563), Царь же Борис благолепием цветуще и образом своим множество людей превзошед... в разсужении ума доволен и сладкоречив велми... и многое дивное о собе творяше. Едино же имея неисправление и от бога отлучение... и ко властолюбию несытное желание (620—621);

во уши его ложное приношаху (563), во уши ему ложное на люди шептаху (622);

радно тово послушати желаше (563), в сладость их послушати желаше (622);

Оле страшнаго падения и убивственнаго помысла!.. Оле братоненавидения! (564), Оле, великое падение бысть и убивство! (607);

ни о чем попечение имея (564), о своих напастех попечение имели (565), о своей державе... попечение имея (566, 620), о своем деле попечение имея (595, 599), не имеяху попечения о своем спасении (596), о стаде своем непрестанно попечение имея (603), о своем деле попечение непрестанно имея (609), о душевней вещи попечение имея (620), о мирских ни о чем попечения имея (620);

ужасни быша людие (567), ужасни быша царевы воеводы (586), Людие... ужасни быша о сем (587), людие ужасни быша велми (595), и ужасни быша зело (599), и тако ужасни быша поляцы (616);

настоящаго дела (568), настоящаго сего собрания (593), настоящаго собрания (611), настоящую беду (606), настоящую сию беду (616);

в сонм един (568, 593, 597), в сонм едину (618).

Во второй и третьей частях:

злохщный чернец (569), злохщный прелестник (589);

Предреченный же князь Вешневецкий (569), Той же предреченный воевода Сендомирской (570), Предреченные же бояре и воеводы (572), предреченный князь Михайло Петрович (576), предреченный ложный царевич (585), прежереченный хищный волк (589), Предреченный же боярин и воевода... князь Михайла Васильевич Шуйской (595), Предреченный же князь Михайло Шуйской (599), прежереченный названный царь Дмитрей (601);

но кратким словом рещи: яко есть достойно царскому величеству (570), но кратким словом рещи: яко есть достойно на утверждение воде (587);

и составиша брань велию зело (572, 589), и ту составиша брань жесточайшую (573), и ту составиша брань (586, 595), и нача составлять брань (598);

И брань плит жесточайшая (572), И тако плит брань жесточайшая (572, 591), и тако брань плит велия (586), И тако брань плит жестокая

(596), И тако плит брань велия (601), и тако брань плит жесточайшая (614);

падают трупие мертвых семо и овамо (572, 573, 586, 591, 614);

давшеся бегству (572, 614), вдашеся бегству (573, 589, 591—592), вдавшеся бегству (599);

Поляцы же усты меча гонят (572), Московстии же народи поля обретают и усты меча гонят (573), царевы же воеводы силу обретают и усты меча гонят (586), Поляцы же поля обретают и усты меча гонят (589), поляцы силу восхищают, и шеломы отсекают, и усты меча гонят (601), поляцы силу восхищают и усты меча гонят (614);

и тако преста брань (573, 592, 611), и тако брань преста (590), и тако преста бранное ополчение (598), и посем тово дни преста бранное ополчение (610);

блистают сабелныя лучи (573), блистаютца сабелныя лучи (591);

и тако бысть брань велия (573), и тако бысть брань (589);

овых низлагают (573), велие низлагание (601, 607, 614);

мало времени минувшу (574), Малу же времени минувшу (611);

и, пад, издше (574 — о Борисе Годунове, 605 — о самозванце Лжепетре);

излия словеса многия (575), словеса своя изливая (583), излия словеса своя (593), зловещателныя словеса на него излияша (606);

в прежебывшем месте (576), прежебывшаго великаго патриарха Иева (578), в прежебывшем собрании (594), в прежебывшая его жилища (602), прежебывшему великому государю (619), и на прежебывших царей (621);

Царевну же Ксению, дщерь царя Борисову, девицу сушу (578), Царевна же Ксения, дщерь царя Бориса суши (621);

О волче хищенный (579), хищный волк (589);

яко цвет дивный, сияя (579), яко цвет дивный на селе (621);

юноша зело чуден (579), муж чуден зело (583), муж зело чуден (620);

препоясашеся оружием (584), препоясатися бранным своим оружием (596).

Во всех трех частях повести находятся рифмующие друг с другом строки, во всех трех частях употребляется дательный самостоятельный, вместо прошедшего времени — настоящее; в частности, в первой части, кроме двух указанных О. А. Державиной случаев (стр. 39), оно фигурирует еще дважды: и мучителем предает, и в заточение посылает, и смерти горькия сподобляет (567); Царь же Борис о сем немало втайне болезнует и в скором часе мысль свою пременяет, исправления своего настоящего дела отрешает и грамоты посылает (567—568). Таких примеров, кстати сказать, с рифмующими строками, во второй и третьей частях — в соответствии с их размерами — естественно еще значительно больше.

Как видно уже из приведенных только что примеров, сочетание предложений с однородными членами — именно сказуемыми, замыкающими предложения, характерно не только для третьей части, как указывает О. А. Державина (стр. 35), но и для первых двух (ср. еще 570, 572, 573, 578—579, 580, 580—581). То же нужно сказать и о ритмизации речи при помощи повторяющегося союза «и», что встречается не только в третьей части повести (по указанию О. А. Державиной, стр. 35), но и в первой и второй ее частях (ср. 562—563, 567, 569, 570, 575, 579, 584).

Приведенные здесь выписки из «Летописной книги» и ссылки на текст повести убеждают в том, что нет оснований говорить о разнородности

стиля во всех трех частях повести, а потому нет оснований и для того, чтобы предполагать участие в написании ее более чем одного автора. Если в третьей ее части гораздо больше описаний сражений, чем в первых двух, то это обуславливается самим содержанием описываемых в этих частях событий и фактов. Что касается картин природы, то в любом произведении необязательно присутствие их во всех его частях. Если те и другие считать «украшениями», то они естественно вытекают из самого материала повествования, а не из преднамеренного стремления к украшательству самому по себе в какой-либо из частей повести. Если влияние стиля «Троянской истории» Гвидо де Колумна сказалось в большей степени в третьей части, чем в двух первых, то это потому, что влияние это обнаруживается преимущественно в описании сражений, которые тут значительно преобладают по сравнению с первой и второй частями; что же касается однообразия художественных приемов в третьей части, то, судя по приведенным выпискам, то же однообразие, устойчивость словесных формул мы найдем и в первых двух частях, и нет оснований считать, что здесь это носит «случайный характер», как полагает О. А. Державина.

По словам О. А. Державиной, в третьей части повести, в отличие от того, что мы находим во «Временнике» Ивана Тимофеева или в «Сказании» Авраамия Палицына, исторические факты объясняются не внутренними причинами, их породившими, а пресловутым вмешательством дьявола, что якобы лишний раз свидетельствует о бедности языка автора этой части, об отсутствии в ней конкретных, живых деталей, о преобладании тут традиционного шаблона. Но ведь и в первой части о Борисе Годунове говорится, что он «прелщен бысть от самого богоненавидимаго дьявола» (564), а поведение Грозного и нашествие на Русь польского короля объясняются карой божьей за грехи русского народа и самого Грозного. Во второй части сказано, что первый самозванец тоже «прелщен бысть от дьявола» (568), царевич Дмитрий умерщвлен был Борисом Годуновым «богу попушающу за многиа грехи наша, а дьяволу действующу» (568). О первом самозванце здесь еще сказано: «и вниде же в того священного мниха сатана и обеща ему царствующий град поручити» (569), «Той же чернец, по научению дьяволу, отщетив свою душу...» (569), «по научению дьяволу» он рассказывает воеводе Сандомирскому, как он спасся от смерти, на которую обрек его Годунов (570), «Лукавый же бес вложи мысль сию в сердца всем человеком, да мнят вси людие существенно быти царевича Дмитрея оного Ростригу» (575).

Существенное различие между третьей частью повести и двумя предыдущими О. А. Державина видит и в их идейной направленности. В первой и второй частях, по взгляду автора, «нет той идейной бесхребетности, которая свойственна последней части». Уже с самого начала, как указывает О. А. Державина, излагаются исторические события, а не описываются одни лишь сражения, дается суровая характеристика Грозного, Годунова и первого самозванца, чего мы не встретим в последней части, где найдем только лирическое обращение к московским гражданам по поводу избиения москвичей поляками, да и то построенное при помощи шаблонных выражений и стилистических приемов.

Но совершенно понятно, почему рассказ об исторических событиях, приведших к «Смуте», и обличение исторических лиц, виновных в ее происхождении, присутствуют в первых двух частях повести и отсутствуют в последней: вначале естественно было дать историческое введение, объясняющее последующие горестные факты «Смутного времени»,

оценить поведение их виновников, и в дальнейшем не было никакой нужды повторять однажды уже сказанное. Не приходится уж говорить о том, что в любом произведении любой эпохи мы можем при желании усмотреть такие приемы распоряжений материалом, которые, с нашей точки зрения — правильной или неправильной, — не отличаются надлежащим единством или строгой последовательностью.

Трудно также согласиться с О. А. Державиной в том, что третья часть «Летописной книги» отличается «идеиной бесхребетностью», как трудно согласиться и с мнением С. Ф. Платонова, утверждающего в своей статье «Старые сомнения», на которую О. А. Державина ссылается, что «Летописная книга» целиком повествует о событиях «Смуты», «спокойно зря на правых и виновных, не ведая ни жалости, ни гнева», что поэтическое увлечение ее автора граничит с политическим индифферентизмом и даже с сочувствием врагам-полякам.

Сама О. А. Державина в первых двух частях повести не усматривает ни политического индифферентизма, ни тем более сочувственного отношения к полякам-завоевателям. Напротив, в этих частях она отмечает патриотическую их настроенность, и тот индифферентизм, который Платонов склонен видеть во всей повести, она видит лишь в последней ее части.

Однако ни о каком индифферентизме, еще менее о сочувствии врагам-полякам применительно к последней части «Летописной книги» говорить никак не приходится. Здесь явно выступает враждебное отношение к полякам, вторгнувшимся в Русскую землю, и к изменникам-русским, им потворствовавшим. Поляки неоднократно именуется врагами, с негодованием говорится о насилиях польских войск над русскими людьми, о чинившихся ими грабежах, о плаче и рыдании москвичей, потрясенных жестокостью поляков, о заточении польским королем Сигизмундом членов русского посольства, отправившегося под Смоленск для приглашения королевского сына Владислава на русский престол. Лирическое обращение к москвичам, терпящим всякие беды от поляков, и скорбь по поводу разрушения Москвы выражены с большой экспрессией и отнюдь не шаблонными фразами, как об этом говорит О. А. Державина. С патриотическим подъемом говорится вслед за этим о воинских подвигах Прокопия Ляпунова, о деятельности Минина и Пожарского, вставших на защиту родины. С таким же подъемом сказано и о конечной победе русских войск и об освобождении Москвы, за которым последовало избрание на царство Михаила Федоровича Романова.

Из приведенных О. А. Державиной примеров на стр. 33 ее статьи только один как-то может подойти под понятие индифферентизма, якобы наблюдаемого в третьей части повести, — это наименование «крепкий и разсмотрительный воевода», по шаблону приданное польскому полководцу князю Роману Ржевусскому, как придается оно и русским полководцам. Но этого одного примера, особенно принимая во внимание только что приведенные доказательства общей патриотической настроенности, наблюдаемой в третьей части, слишком недостаточно, чтобы усматривать тут хотя бы подобие какого-либо индифферентизма. От себя добавим, что другой польский полководец Струс в третьей части повести фигурирует как «муж великие храбрости и многово разсужения» (616), но такая оценка дана ему потому, что он откровенно признает поражение польских войск и просит совета у собравшихся польских воинов, как избавиться полякам от заслуженного возмездия. Если такое признание делает человек большой храбрости и большого разума, то тем более очевидным становится крах польского нашествия и торжество русского оружия.

И поляки, вняв голосу Струса, единодушно решают просить московских воевод о милосердии и о избавлении их от горькой смерти.

Не касаясь здесь высказанных О. А. Державиной в конце ее статьи соображений о позднейших якобы вставках в текст третьей части повести и в текст заключительных виршей, соображений, сугубо вкусовых и потому лишенных убедительности, на основании всего сказанного необходимо прийти к заключению, что как в стилистическом, так и в идейном отношении «Летописная книга» представляет собой единое целое, на всем своем протяжении принадлежащее одному автору.

О. А. ДЕРЖАВИНА

К проблеме поэтического стиля исторической повести начала XVII в.

Жизнь русского народа за долгие века его истории развивалась и протекала в непосредственной близости к природе. Бескрайние степи («поля широкие»), дремучие леса, синее море, небо, то ласковое, щедро посылающее солнечные лучи, то грозное, покрытое тучами, прочно вошли в сознание русского человека и питают его поэтические представления. Животный и растительный мир родной страны также давал богатую пищу для наблюдений и сопоставлений с жизнью и характерами людей. Этим объясняется постоянное использование образов из мира природы как в произведениях народной поэзии, так и в творчестве русских писателей, начиная с автора «Слова о полку Игореве» и кончая литературой наших дней.

В литературе древней Руси образы из мира природы облекались нередко в форму, навеянную влиянием книжных источников. В богослужебных книгах, в библейских легендах и в евангельских притчах, а также в переводной литературе писатели и читатели русского средневековья встречали знакомые им в жизни образы змеи, волка, ягненка, пса, свиньи, из растительного мира — цветка, колосьев, различных деревьев. Эти образы, закрепленные многовековой традицией, стали неотъемлемой частью художественно-образительных приемов древнерусской литературы.¹ Но эти книжные образы постоянно дополнялись и проверялись непосредственными впечатлениями и наблюдениями над живой природой; об этом свидетельствуют многие произведения древней Руси: вспомним соловья, с которым сравнивает вещего Бояна автор «Слова о полку Игореве»; «жаворонка-птицу», «в красные дни утеху», которого призывает автор «Задонщины»; «векшицу», которую напоминают автору «Казанской истории» русские воины, берущие приступом стены Казани...

Большое место образы природы, и в частности животный мир, занимают в русском Хронографе, где они образуют стройную систему и чаще всего символизируют собой свойства человеческого характера. Это, как указывают исследователи, придает всему изложению Хронографа необычайную экспрессивность и динамичность.

Следуя за Хронографом и повествовательной литературой предшествующих эпох, к образам природы обращаются и писатели начала XVII в. Они привлекают в свои повести о событиях «Смутного времени» небо и небесные светила, землю и море, образы растений и животных. Мир животных представлен в их произведениях исключительно богато: здесь рыбы и птицы, насекомые и пресмыкающиеся, дикие и домашние животные. Образы диких и домашних животных особенно разнообразны: мы находим

¹ См. об этом в книге В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля древней Руси» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1947).

здесь волков, вепря, дикого козла, оленя, медведя, инорога; из домашних животных упоминаются овцы, свинья, пес, жеребец, вол, бык-юнец.

Все эти образы используются для характеристики людей — участников совершающихся в стране событий, их поведения в сложившейся исторической обстановке и имеют острый политический смысл. Так, с бессловесными рыбами дьяк Иван Тимофеев сравнивает людей, не смеющих поднять голос против преступлений, совершаемых лицами, стоящими у власти: они «быша и самех рыб безгласнее», замечает писатель.²

Тщетные стремления Бориса Годунова удержаться на престоле напоминают тому же Тимофееву «паучинно ткание»;³ «прелестные письма» Самозванца он сравнивает с «ядом скорпиона»,⁴ враги расползаются по Русской земле, «яко пружи» (саранча);⁵ вельможи-льстецы окружают Годунова, «пчелам подобно, егда со своей им бывает матери»;⁶ самозванец поражает Бориса, «яко комар льва»⁷

В том же плане использованы и образы птиц. Необычное возвышение Годунова напоминает писателям полет орла: он «выспрь, яко орел, превзятся мерою»;⁸ в то же время в «Ином сказании» незадачливый царь Василий Шуйский сравнивается с «орлом бесперым, не имеющим клюва и когтей».⁹ Столица государства, Москва, — это «гнездо орле»;¹⁰ царь Шуйский, окруженный врагами в Москве, напоминает Тимофееву «пернатую в клетке»;¹¹ в «Ином сказании» с птицей в клетке сравнивается заключенный в темницу патриарх Гермоген.¹² Горлица — символ верной супруги; царица Ирина, жена царя Федора, после смерти мужа ушла в монастырь, где и вела «во мнишестве шестолетне. жития исправление, горлицы чистотою подобное».¹³

Образ овец, стада писатели XVII в. чаще всего используют, говоря о народной массе, которая должна управляться «пастырем» — правителем государства. Реже с помощью того же образа характеризуются монахи. Тимофеев называет монастырь «оградю словесных овец»,¹⁴ в «Ином сказании» иноки — это «Христово словесное стадо».¹⁵

Эпитет, чаще всего сопутствующий слову «овцы», — «бессловесные», «кроткие». По мысли Тимофеева, сила их в единении: «И овцы при ограде собираемы купно, пожирающими и зверми растакаемы неудоб, егда во своем снятии неразлучно усердием будут состадуемы тепле».¹⁶ Автор стремится доказать образом необходимость единения русских людей перед лицом врага. К тому же образу обращается Тимофеев, говоря о восставшем народе, боровшемся под знаменами Ивана Болотникова. Он замечает, что восставшие ведут себя «яко овцы бессловесные, не имуще пастырь в страх поставлена им жезла, но сами собою водитися умыслиша».¹⁷

² «Временник» Ивана Тимофеева Изд. АН СССР, М—Л, 1951 (сер. «Литературные памятники»), стр. 134

³ Там же, стр. 72

⁴ Там же, стр. 121

⁵ Там же, стр. 126

⁶ Там же, стр. 39

⁷ Там же, стр. 83

⁸ Там же, стр. 54

⁹ «Иное сказание» — РИБ, т. XIII СПб., 1909, стлб. 118

¹⁰ «Временник», стр. 95

¹¹ Там же, стр. 114

¹² «Иное сказание», стлб. 125

¹³ «Временник», стр. 164

¹⁴ Там же, стр. 24

¹⁵ «Иное сказание», стлб. 100

¹⁶ «Временник», стр. 162

¹⁷ Там же, стр. 127

Автор «Иного сказания», изображая подвиг молодого воеводы Скопина-Шуйского, называет его «пастырем», отогнавшим от «стада» «овце-хищных волков»;¹⁸ у Тимофеева это «юнец» (молодой бык), который врагов «рогама своима сломи и на землю пасти... сотвори и от стада божия отогна».¹⁹

В первой редакции начальных глав «Сказания» Авраамия Палицына русские люди сравниваются с волами, упрямо нежелающими идти по указанному пути: «Мы же россияне паче волов упрямы обычаем: тии господина своего разумеют и питающему повинуются, мы же промышляющего нами небрежем»,²⁰ т. е. не желаем следовать указаниям «божества», по мысли писателя-монаха, направляющего человека к добру. Тимофеев использует образ вола, рисуя условия, в которых ему приходилось работать в Новгороде, захваченном врагами. Он пишет: «Но яко же и в бессловесных вол затворен и утаився всех, от затвора ишед, пажить малую обрет, во глде срывае не избирая траву, токмо еже бы ему утробу наполнити, обзираеся обоямо всюду во ужасе, да не узрится, ниже увесто будет стяжавшим и — тако ми о тайнописании в туждих сущу невольное разумей».²¹

Человека, занявшего неподобающее ему место, Тимофеев уподобляет свинье с дорогой серьгой в ноздрях: «Яко же у свиньи в ноздрех усерязь драгая видима, сице у недостойных в руку начальствия власть зрима».²²

Рисуя врагов и самозванцев, писатели обращаются к образу пса: Лжедмитрий I и Марина Мнишек — это «пес со всесквернавою сукою» («Временник»), Тушинский вор — это «злобыи пес» («Иное сказание»). С псами Тимофеев сравнивает и шведов, захвативших Новгород: враг, «подобно псу тех (новгородцев, — О. Д.) ссет мозги убо: пес, идеже кость суху обрет, гложет ю».²³

Но чаще, рисуя врагов — поляков-интервентов и шведов, — писатели используют образы диких зверей. Враги-иноверцы «плотоядных зверей лютейше»,²⁴ «Яко же волцы гладнии, агнцы зряще, алчут, сице они (враги, — О. Д.) разорити желают землю нашу».²⁵ Говоря от лица Новгорода о шведах, захвативших город, Тимофеев пишет: «Лукавне, яко верпрь, тайно нощию от луга пришед... ныне же и кости ми оглода».²⁶ В другом месте, рассказывая о пребывании шведов в Новгороде, Тимофеев использует образ медведя, который, забравшись в берлогу, сосет лапу.²⁷

Враги убивают русских людей, «яко лев во ограде»;²⁸ льву уподобляются Лжедмитрий I («скимен лют»),²⁹ Тушинский вор, рыкающий, «аки лев»,³⁰ гетманы Лисовский и Сапега.³¹

Те же образы используются иногда для характеристики отрицательных персонажей из среды русского общества. Так, с медведем в берлоге

¹⁸ «Иное сказание», стлб. 118.

¹⁹ «Временник», стр. 126.

²⁰ «Сказание» Авраамия Палицына. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 265.

²¹ «Временник», стр. 118—119. Автор первой редакции начальных глав «Сказания» Авраамия Палицына использует подобный образ, характеризуя положение царя Василия Шуйского: «Яко же зверь гонимый хапля обуюду, не ведая что, тако же и царю Василию случися» («Сказание» Авраамия Палицына, стр. 270).

²² «Временник», стр. 111.

²³ Там же, стр. 78.

²⁴ Там же, стр. 125.

²⁵ Там же, стр. 162.

²⁶ Там же, стр. 78.

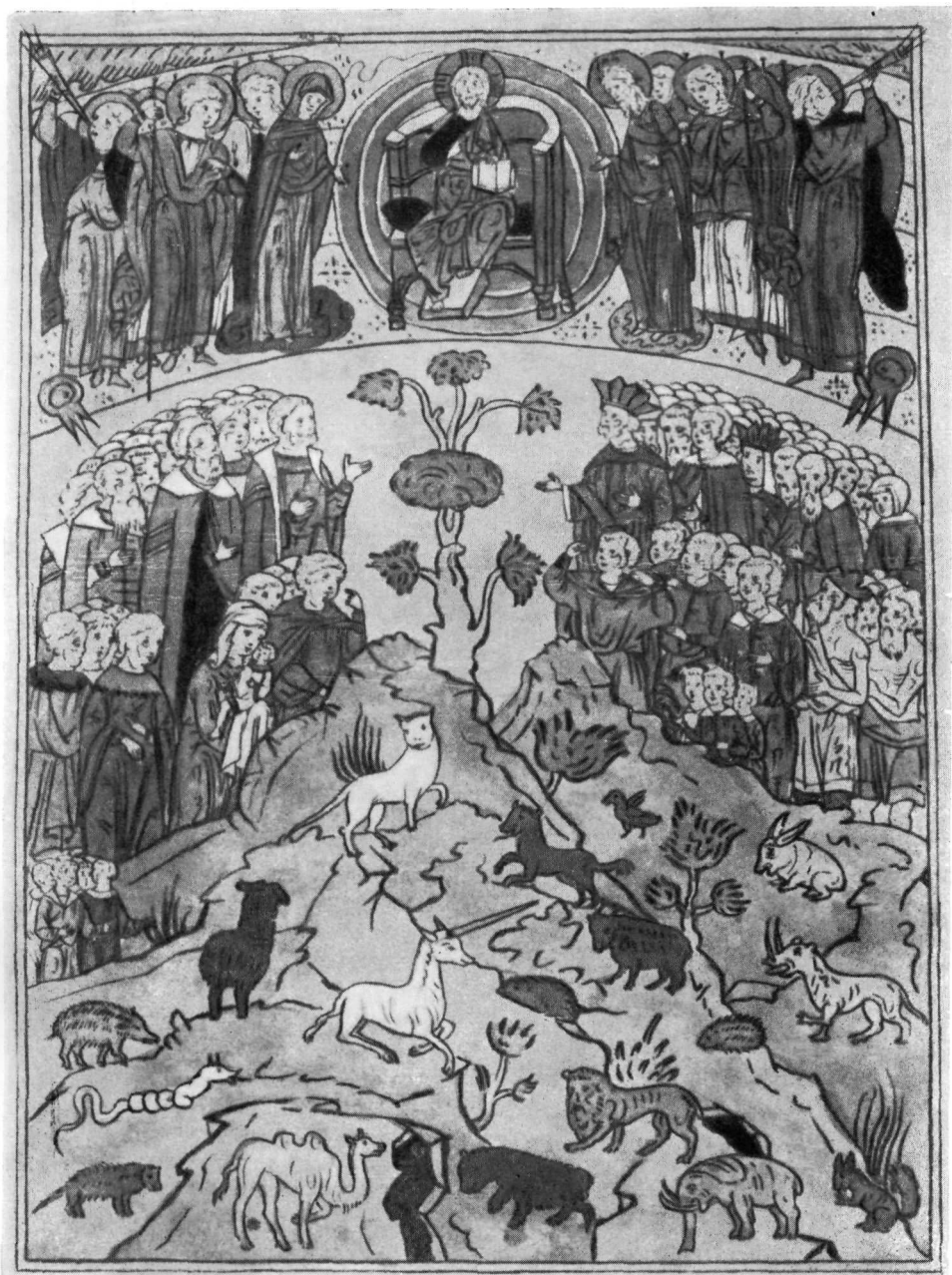
²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 119.

²⁹ Там же, стр. 83.

³⁰ «Иное сказание», стлб. 116.

³¹ «Сказание» Авраамия Палицына, стр. 158; «Повесть», приписываемая Катыреву-Ростовскому. — РИБ, т. XIII, стлб. 614.

Изображение животных в Годуновской Псалтыри, конца XVI в.

Иван Тимофеев сравнивает и Бориса Годунова, укрывшегося перед изгнанием на царство в монастырь.³² Не сочувствуя борьбе Грозного с боярством, он упрекает царя за то, что тот казнил своего родственника — князя Старицкого, главу боярского заговора: Грозный, по словам писателя, «яко лев... порази брата си напоением смертным».³³

Жестокость — основное свойство волков — дает право Тимофееву сравнить с ними и опричников, в которых он, идеолог боярства, видит темную и злую силу.³⁴

Таковую же роль в памятниках начала XVII в. играют образы ядовитых змей: ехидны, аспиды, василиска (иногда яйца василиска). Они характеризуют лиц, которым авторы особенно не сочувствуют. Так, Тимофеев ехидной называет Марину Мнишек, с аспидом и василиском не раз сравниваются у него враги: шведы, захватившие Новгород, а также и изменники, предавшие город врагам, именно Михаил Татищев и Михаил Телпнев. «Не нареку Михаила, василиска же обаче, неже Михаила», — пишет Тимофеев. И в другом месте: «Предпомянутые гады два — василиска и аспид», «дела же оба яко с василиском аспиды».³⁵ С аспидом и василиском очень часто сравнивается Лжедмитрий I, именуемый писателями «растригой»: «Разжен яко от грома, пад скимен, аспиды же обаче и яйце василисково — Гришка рострига».³⁶

Значительно реже используются образы диких животных при характеристике положительных героев. Здесь на первом месте следует поставить образ инорога, с которым сравниваются обычно воины-полководцы. «Инорогом во бранех» называет Тимофеев царя Ивана Грозного, инорогу уподобляется и старший сын Грозного — Иван Иванович.³⁷ В «Сказании» Авраамия Палицына герой-крестьянин Суета, мужественно поражающий врагов, сравнивается с рысью.³⁸

Как легко убедиться из текста памятников, одни из образов животных привлекаются писателями только для характеристики положительных героев, другие — только отрицательных, третьи являются как бы нейтральными и могут быть использованы как в том, так и в другом случае; из приведенных выше образов агнец, инорог, горлица могут быть отнесены к первой группе, волк, вепрь, пес, ядовитые змеи — ко второй, вол — к третьей. Такими же нейтральными являются и образы оленя и жеребца, которые мы находим у Тимофеева. Так, с жеребцом он сравнивает и царевича Ивана Ивановича, и Бориса Годунова. В первом случае образом подчеркивается сила и самостоятельность Ивана, который, «яко некий невседаден жеребец и неприступен обуздватися, не повиную никому же, свободне ѿекая, пасяще верных толико стадо»;³⁹ во втором случае, в приращении к Борису Годунову, Тимофеев хочет показать образом, что Борис ушел с обычного пути, начал поступать по-своему, что это и привело к гибели: «узде его богом поущено бывши... отыгра бо ся, яко жеребец от стада».⁴⁰

Многие из указанных выше образов не принадлежат именно писателям XVII в. и известны из других памятников древнерусской литературы. Большая часть их восходит к библейской традиции и хронографу, некото-

³² «Временник», стр. 53.

³³ Там же, стр. 23.

³⁴ Там же, стр. 12.

³⁵ Там же, стр. 141.

³⁶ Там же, стр. 120.

³⁷ Там же, стр. 10, 19.

³⁸ «Сказание» Авраамия Палицына, стр. 159.

³⁹ «Временник», стр. 19.

⁴⁰ Там же, стр. 64.

рые — к народному творчеству. К книжным источникам ведут образы орла и голубицы, агнца, свиньи, пса, вепря, инорога, льва и волка. Образ свиньи, вслед за притчами Соломона, использовал еще Даниил Заточник;⁴¹ образ пса как чего-то нечистого, злобного встречаем и в былине («собака Калин-царь»), и в хронографе (Фока злой царь — «бесный пес»), и в исторической повести древней Руси (в «Задонщине» «поганым псом» назван Мамай); образы орла, голубки, агнца и волков очень часто встречаются в Библии. Но, как правило, под пером писателей начала XVII в. эти традиционные метафоры и сравнения обновляются и приобретают новый, более острый политический смысл.

Сравнение с паутиной мы находим в творениях митрополита Даниила,⁴² яд скорпиона и саранча, несомненно, были известны Тимофееву из Библии, но, как мы видели, он умело использует эти образы в новом смысле, характеризует с их помощью современные ему политические события.

Писатели стремятся обновить образ, заставить по-новому звучать старую, стершуюся метафору. Это достигается чаще всего тем, что образ животного дается в действии, в движении; иногда писатель, используя сравнение, развертывает его в целую картину. Как мы указывали выше, так делает Тимофеев, описывая условия своей работы в Новгороде: он не просто сравнивает себя с волом, а рисует живую картину, дающую возможность читателю представить себе животное. То же мы видим у писателя и тогда, когда он сравнивает Самозванца и его приближенных с псами. Рисуя, как Лжедмитрий I, «недостойный», «недостойно» раздавал «недостойным» царские милости, Тимофеев пишет: «... подобно егда по случаю некако пес восхитит негде не по естеству, но снесь царску, бежит в место тайно тоя снести; прочии же пси, таково узревше восхищенное, у единого отъемяют и наслаждаются вси купно чрезъестественнаго, несвойственнаго, пожирают же растерзательно и небрежно обаче и растрашают много, прерывающе: у другаго ов отъем, ов много и ин же мало, яко ведяще бяше не свое всем; бывает бо им за се, им же от прочих в тех оби-демым, изгрызатися».⁴³

Динамичны и следующие оригинальные образы, использованные Тимофеевым: Самозванец, свергнув Годунова, «яко дивий козел овна рогама сбод. . . на главе того, свержением посмиявся, ногами ста»;⁴⁴ Борис Годунов «о похвалех устрелен завистью, яко олень в ребра». Используя редкий образ медведя в берлоге,⁴⁵ Тимофеев строит его по-своему, оригинально: он не называет животное, а лишь намекает на него читателю, прибегая, как и в ряде иных случаев, к перифразу. Он пишет о Борисе: «... идеже превосходный славою, яко в берлозе дивия некако, лестию крыяся»,⁴⁶ но каждому ясно, о каком «дивием» звере идет здесь речь.

Не только Иван Тимофеев, но и другие писатели XVII в. стремятся в своих описаниях к конкретности, к реалистической детали. Об этом свидетельствует, например, следующая красочная картинка, созданная ав-

⁴¹ «Не лепо у свиньи в ноздрех рясы златы, тако на холопе порты дороги» (Моление Даниила Заточника. Изд. Н. Н. Зарубина. Изд. АН СССР, Л., 1932).

⁴² «Что есть течение мира сего? Вся басня, вся паутина, вся дым и трава, и цвет травный, и сень, и сон. . .» (Творения митр. Даниила. Рукописный отдел ГБЛ, собр. Московской синодальной библиотеки, № 985/237, л. 332).

⁴³ «Временник», стр. 89.

⁴⁴ Там же, стр. 72 (ср. стр. 48).

⁴⁵ Как указывает В. П. Адрианова-Перетц, единственный пример метафорического употребления образа медведя встречается в «Казанском летописце», где герой (Шига-лей) «ят бывает (казанцами, — О. Д.) аки медведь мрежами звериными, лестию и словесы лукавыми» (Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 95).

⁴⁶ «Временник», стр. 53.

тором «Иного сказания»: воины Бориса Годунова «яко ясни соколы на серые утятя или белые кречеты носы чистят ко клеванию и вострые ногти к вонзению плотем, и крылие свое правят, и плеща протязают ко убийству птичному».⁴⁷ Именно в создании таких конкретных, реалистических описаний и помогает авторам их личное впечатление, непосредственное наблюдение над миром природы.

Это стремление к жизненности и конкретности в картинах, взятых из мира природы, отражает в памятниках начала XVII в. общий процесс, характеризующий не только литературу, но и изобразительное искусство этого периода, — процесс сближения искусства с реальной действительностью. В частности, интерес к миру природы мы можем наблюдать в миниатюре конца XVI и начала XVII в. Лицевые списки Псалтыри, выполненные в этот период, содержат целый ряд рисунков с изображениями животных. Эти изображения могут служить прекрасными иллюстрациями к образам, о которых говорилось выше: они так же разнообразны, выразительны и динамичны, как и созданные авторами исторической повести начала XVII в.⁴⁸

⁴⁷ «Иное сказание», столб. 32—33.

⁴⁸ См. Псалтырь эпохи Ивана Грозного из собрания купца И. В. Стрелкова, описанную К. Тромониным (Достопамятности Москвы. Изд. К. Тромонина, М., 1845, стр. 9, «Лицевые изображения конца XVI столетия с замечаниями на них»; особенно интересна табл. 22), а также так называемую Годуновскую Псалтырь, написанную в годы царствования Федора Ивановича и принадлежавшую Семenu Годунову (Отдел рукописей ГБЛ, ОР-78)

Л. С. ШЕПТАЕВ

Заметки о песнях, записанных для Ричарда Джемса

Небольшое собрание песен, записанных в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса, представляет исключительный научный интерес.¹

Об этом собрании писали много, высказывая о нем самые противоположные мнения.

Крупнейшие исследователи и собиратели русского фольклора не сомневались в устно-поэтической природе песен, записанных для Р. Джемса. Ф. И. Буслаев называет их «драгоценными памятниками древнерусской народной поэзии».² Н. С. Тихонравов считает их «самыми ранними записями русских народных песен».³

Академик Л. Н. Майков характеризует эти песни как «замечательный взрыв народного творчества в смутное время».⁴ Однако в более поздних работах прежние выводы подверглись критическому пересмотру. Делались попытки трактовать песни в записи 1619—1620 гг. как «стихи» и «сочинения» отдельных авторов, как продукт политической агитации эпохи.⁵

Очевидно, вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Материал, содержащийся в этом собрании, не однороден по своему характеру, и к нему следует подойти дифференцированно. Учитывая это обстоятельство, мы намерены остановиться в настоящих заметках лишь на трех песнях.

1. «Бережочек выблется»

В. В. Данилов говорит, что эта песня появилась в служилой среде «воинников», «людей среднего круга», которые в «мирное время кормились службою в приказах».⁶

Характер и детали зимнего пейзажа в этой песне указывают, что содана она не в Москве, а на южной территории Московского государства. Это предположение как будто подкрепляется историками, которые назы-

¹ «Записи для Ричарда Джемса 1619—20 гг.», рукопись Фодлесской библиотеки в Оксфорде, опубликована академиком Гамелем в ИОРЯС (т. I, СПб., 1852). Научное издание сделано П. Симоном в ИОРЯС за 1907 г. в серии «Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий».

² Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия. М., 1861, стлб. 1037.

³ Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. III, ч. 1, М., 1898, стр. 216.

⁴ Л. Н. Майков. О старинных рукописных сборниках народных песен и былин — ЖМНП, 1880, ч. 212, стр. 280. В наше время см., например, статью В. П. Адриановой-Перетц «Народное творчество начала XVII в.» в книге «Русское народное поэтическое творчество» (т. I, Изд. АН СССР, 1953, стр. 368, 371—372, 377).

⁵ В. В. Данилов. Сборники песен XVII столетия. — ТОДРА, т. II. Л., 1935, стр. 168—169.

⁶ Там же, стр. 175.

вают ее песней о «вестовой службе» (т. е. о службе по «вестям» о татарском набеge).⁷

В окраинной вестовой службе состояли стрельцы. На Волге, например, это были те же казаки. Казачий состав в поволжских городах исследователи четко отмежевывают от детей боярских и от приказных. Дети боярские в волжских гарнизонах находились в меньшинстве и состояли лишь на командных должностях. Различие же между служилыми казаками и местным трудовым населением в XVII в. установить почти невозможно.⁸

Одним из аргументов для тех исследователей, которые относили песни в записи 1619—1620 гг. к личному творчеству, было то обстоятельство, что эти песни в народе якобы больше не встречаются. По отношению к рассматриваемой песне требуются в этом плане поправки.

В 1914 г. эта песня, с определенной ее близостью к записи для Джемса, зафиксирована на реке Ветлуге как песня сплавщиков.⁹

Ниже привожу текст записи 1619—1620 гг. с разночтениями по записи 1914 года.¹⁰

Бережочек выблется,
 Да песочек сыплется,
 Ледочек ломится (ломается),
 Добры кони тонут,
 Молодцы томятся (намучились),
 Ино боже, боже.
 Сотворил ты, боже,
 Да и небо землю;
 Сотвори же (нам), боже,
 Весновую службу.
 Не давай ты, боже,
 Зимовые службы.
 Зимовая служба
 Молодцам кручинно (а)
 Да сердцу надсадно (а),
 Ино, дай же, боже,
 Весновую службу.
 Весновое служба —
 Молодцам веселье,
 Сердцу утеха.
 (Весновое служба —
 Вольная доля).
 И емлите, братцы,
 Яровы весельца;
 А садимся, братцы,
 В ветляны стружочки;
 Да грянемте, братцы,
 В яровы весельца
 Ино вниз по Волге.
 Сотворил нам боже
 Весновую службу.

Эта народная песня еще до записи ее для Джемса, видимо, уже бытовала в казацких кругах. Варианты подобной походной казачьей песни с жа-

⁷ История СССР, т. I. Под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М., 1939, стр. 537. Во втором издании этого учебника (М., 1947, стр. 480) данная песня называется песней о «весновое» службе, которая также разъясняется как служба «против крымских татар».

⁸ А. А. Герасимов. История Саратовского края в XVI—XVII вв. Изд. «Друкарь», Саратов, 1923, стр. 230—231.

⁹ Записана в с. Воскресенском б. Ветлужского уезда на постройке беляны от крестьянина И. В. Беляева. Опубликована в книге Н. А. Усова «Русские песни» (Горький, 1940). Песни бурлацкие, № 9, стр. 58.

¹⁰ Текст приводится по изданию П. Симони. Места, отсутствующие в записи 1914 г., даются курсивом; в скобках приводятся разночтения в тексте 1914 г.

лобами на зимовую службу встречаются, в частности, у селенгинских казаков См., например, запись Г Н Потанина 1860 г с более расширенными и не менее яркими упреками по адресу зимовой службы

Не давай нам, боже, часты зимни походы,
Часты зимни походы они нам не способны —
Коню то уморны казаку не покойны
Ко ружью ручки щиплет, к стремени ножки зябнут
Из газны выдавали нам худые товары,
Худые товары, гнилые, они нам не милые ¹¹

Имеется и вторая песня у Потанина с теми же мотивами ¹²

В пользу длительного бытования в народе песни «Бережочек зыблется» говорят и отдельные выражения в ней, которые встречаются в цикле разинских песен, связанных с темой боевых походов

А садимся, братцы,
В ветляны стружочки,
Да грянемте, братцы,
В яровы весельца

2. «А сплachtetся на Москве царевна» ¹³

О причетах Ксении Годуновой в названной статье В В. Данилова говорится «...сделаны по заданию из дворца Василия Шуйского в 1606 году» Этим самым причеты Ксении неправомерно отрываются от своей широкой устно-поэтической основы Ксения была, по-видимому, популярной в народе в эпоху Смуты В песне она выступает как жертва интервентов и Лжедмитрия Трагедия ее передается в песне через образы причетов невесты на свадьбе, которая не осуществилась в жизни Ксении Система образов, лирические ситуации и художественные средства причетов Ксении стоят в прямой зависимости от обрядовой свадебной песни. ¹⁴

Центральное место в свадебных обрядах занимает прощание невесты с «красотой» ¹⁵ Драматические сцены и причеты с «красотой» — это прощание невесты с девичеством, с домом и родными перед уходом в чужую семью Чтобы продлить свою девичью жизнь, невеста прячет от жениха эту «красоту» и ищет ей «вековечное» место на яблоне, на березе, на реке у лебедей (1351) ¹⁶ Однако «красота» возвращается, либо люди всюду находят «красоту» На яблоне ее подстреливает жених (1667), березу люди подрубают, на цветах «красоту» подкашивают (1389, 1409, 1469, 1435, 1543) В некоторых причетах «красоту» вывешивают на дерево, чтобы люди полюбовались (1786)

«Красота» в причетах часто принимает магически-символическое значение «Красота» тускнеет и линяет после «сговорок» «Красоте» место в лесу, на сухом дереве как дереву не зазеленеть, как молодости не вер-

¹¹ Г Н Потанин Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении — Этнографический сборник ред Н В Калачева и В В Стасова, изд Русского географического общества, кн 6, 1864, стр 112

¹² Там же, стр 112 «Еще боег судья, Волга быстрая»

¹³ По заголовкам П К Симоны — второй причет Ксении Годуновой по рукописи 1619—1620 гг — текст № 5

¹⁴ Общее указание на эту связь сделано еще А Потебней в статье «Объяснение малорусских и сродных песен» (Русский филологический вестник, 1882, № 3, т 8)

¹⁵ «Красота» — девичий головной убор из бархата, шелка и бисера (преимущественно в Архангельской, Вологодской, Рязанской и Тульской губерниях), воля (1670, преимущественно в Новгородской и Олонецкой губерниях) коськи золотой венки, краса (Псковская губерния), иногда это просто — алая лента (1410), золотая перевязка (1435), связочка (2272, 2304 2356)

¹⁶ За исключением особо оговоренных мест, ссылки даются на сборник П В Шейна Великорус» (Изд Акад наук 1898—1900)

нуться (2342). «Красота» вырывается из бани и навсегда улетает от невесты (1641, 1666).

Временами «красота» выступает как средство гадания. По оставленной дома «красоте» мать узнает о судьбе дочери (1693). Различные ситуации, в которых оказывается «красота», предсказывают невесте ее будущее в новой семье (1670, 1697). Разную судьбу предсказывает «красота» невесте, смотря по тому, вокруг какого дерева она обовьется: вокруг осины (горе горькое житье), вокруг березы («средняя» благополучная жизнь) или вокруг яблони (жизнь богатая).¹⁷ В причете Ксении убрूस не случайно обвивается именно вокруг березы. Это — загадывание на пожизненное благополучное замужество

А светы браные убрусы,
Береза ли вами крутити

Магически-обрядовое значение имеет в свадебной песне кольцо, ширинка. Сирота-невеста посылает по дороге кольцо на могилу матери. Кольцо будит покойницу, и та прибывает на свадьбу (1381). На девичнике невесте поют, чтобы она, встречая жениха, промела дорожку, устлала ее полотнами, шитыми ручниками (1894). В наиболее собранном виде образы и мотивы из причетов Ксении представлены в сборнике А. В. Овсянникова:

Соболя душа — Глашенька —
Все леса изошла, леса темные
Крыла леса алым бархатом,
Мелкие кусты жемчугом низала,
В путь катилась золотым кольцом бриллиантовым.¹⁸

А. Потебня указал в свое время на сербский свадебный причет, в котором имеются формулировки и образы, близкие ко второму причету Ксении

Сербская свадебная

Да сукенкі має дарагія!¹
Чи пневьа вамі вбраці?²
Палащенці мое белыя,
Чи горы вамі всцлаці?³
Ручнічкі має шавковыє.
Чи старву вамі дариці?⁴¹⁹

Причет Ксении

А светы браныи убрусы
Береза ли вами крутити?²
А светы золоты ширинки,
Лесы ли вами дарити?³
А светы яхонты-сережки,
На сучье ли вас задевати?⁴

Синтаксически-интонационные обороты, характерные для причетов Ксении, попадают как в обрядовой, так и в бытовой девичьей песне:

Светы мои мягкие перины
Светы мои пуховые!²⁰

Свет-то мой, свет-то мои сени новые,
Свет-то мой, свет-то мой с переходами!¹
Свет-то моя свет-то моя чара золота,
Свет-то мой, свет-то мой соловей в саду.²¹
Уж и свет мой высокие хоромы,
Что на улице красным крыльцом стояли.²²

¹⁷ Материалы по изучению Пермского края, в V Пермь, 1915, стр. 60 и 67.

¹⁸ А. В. Овсянников. Русские народные песни, записанные в г. Казани. Казань, 1886, стр. 31. Вариант см. у Шейна (587). Ср. Русский филологический вестник, 1879, кн. 1, статья Колоцова, песня № 3, стр. 95.

¹⁹ См. вышеуказанную статью А. Потебни в «Русском филологическом вестнике» (1882, кн. 3, т. 8).

²⁰ М. Чулков. Собрание разных песен, ч. III СПб., 1913, № 115.

²¹ Кохановская. Остатки боярских песен — Русская беседа 1860 кн. 2 стр. 86.

²² Там же стр. 135.

Характерно, что эти строки идут в песнях от лица «вековуши», что опять же сближает назначение песни с лирической темой и судьбой Ксении.

3. «Сплачется мала птичка белая перепелка»²³

Полностью к устно-поэтической традиции восходит и этот причет Ксении. Перепелка — художественный образ, типичный также для свадебной песни. Перепелка выступает здесь в различных ситуациях.²⁴ Соколы (баяре, свадебные сваты) ловят перепелку, отдают ее молодцу с наказом не давать в обиду (1589, 2491; то же у Чулкова, кн. 2, № 155). В редких случаях в песнях ястреб уживается с перепелушкой, потом охладевает к ней и пускает о ней дурную славу.²⁵

Отвергая народную природу этой песни, говорили о том, что образ перепелки неудачен: перепелка свила себе гнездо «на сыром дубе» (вместо пшеничного поля); она печется о своих детях, что не подходит к судьбе Ксении.

В свадебных песнях попадают случаи, где перепелка олицетворяет сваху, т. е. замужнюю женщину. В некоторых вариантах эта перепелка живет не на пшеничном поле, а в саду:

Да на том саду перепелушка летала,
Да на том саду рябая порхала.²⁶

О жизни перепелки в саду поется в ряде свадебных песен.²⁷

С другой стороны, в причете Ксении с образом перепелки возможна и ошибка. Но это не значит, что автор песни — горожанин и тем более — лицо придворное. Логических несообразностей, ошибочно попавших по разным причинам в текст песен, мы встречаем немало и в заведомо народных записях. Вот тому примеры: «Заросла моя деревня горами и долами, горами и долами, темными лесами»,²⁸ «Сосенка-сосенушка, зеленая, кудрявая» (Кохановская. Русская беседа, 1860, кн. 1, стр. 126); «Ветры мои ветерочки, полуденные северочки» (Соболевский, т. III, СПб., 1898, 163); «Березничек кустоватый, осинничек листоватый» (Кохановская, Русская беседа, 1860, кн. 1, стр. 51); «Перепелка пташечка примахала крылышки плавальные перышки» (Соболевский, т. I, СПб., 1895, 154), «Стоит куст березы» (Соболевский, т. I, 420).

Подобные ошибки, маловозможные в обдуманном сочинении, но типичные для устного творчества, лишь подкрепляют тезис о народном характере рассмотренных здесь песен из записей, сделанных для Ричарда Джемса.

²³ По заголовкам П. К. Симони — первая песня Ксении Годуновой, по рукописи 1619—1620 гг. — текст № 3.

²⁴ См. о невесте-перепелке: Кохановская. Несколько русских песен. — Русская беседа, 1860, кн. 1, стр. 53, 79; А. В. Овсянников. Русские народные песни, записанные в г. Казани, ч. V, 1886, № 19; В. Шишонко. Отрывки из народного творчества Пермской губ. Пермь, 1882, стр. 174.

²⁵ П. И. Якушкин, Сочинения, СПб., 1884, отд. 6, Свадебные, стр. 43—44.

²⁶ Машкин. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда. — Этнографический сборник Русского географического общества, в. V. СПб., 1862, стр. 67—68.

²⁷ Например: М. А. Колосов. Архивные материалы по народному русскому языку и народной словесности. — Русский филологический вестник, т. 1, 1879, стр. 101; М. Халанский. Русские народные песни, записанные в Щигровском уезде Курской губернии. — Русский филологический вестник, кн. 2, 1879, песня № 12, стр. 73.

²⁸ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни (в дальнейшем: Соболевский), т. V. СПб., 1900, стр. 126.

М. Д. КАГАН

Русская версия 70-х годов XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном

Переписка запорожцев с турецким султаном и близкая к ней по тексту переписка чигиринских казаков с турецким султаном до недавнего времени не были рассмотрены в научной литературе. Единственной попыткой дать объяснение происхождению и взаимоотношению этих произведений является статья Ильи Борщака.¹ И. Борщак считает переписку чигиринских казаков грубой подделкой XVII в., породившей в XVIII в. другую подделку — письмо запорожцев на украинском языке. По мнению И. Борщака, подделка XVII в. не могла быть создана ни среди самих казаков, ни в Москве, так как в этих кругах не могли решиться на дерзкое обращение к турецкому султану, в войне с которым пришлось уступить туркам Чигирин. Ссылаясь на известия XVII—XVIII вв. о подобных дипломатических препирательствах между польским правительством и турками, И. Борщак полагает, что и переписка с султаном от лица казаков также написана в Польше.

Однако следует указать, что подобная традиция существовала и в русской дипломатической практике. В начале XVII в. эта традиция получила отражение в чисто литературных произведениях, написанных в Посольском приказе.² Переписка чигиринских казаков полностью соответствует характеру и духу этих произведений, написана на русском языке, и польского ее оригинала мы не знаем.

Подобное произведение вполне могло быть написано русскими, так как результаты чигиринской войны отнюдь не расценивались в русских политических кругах как поражение. Так, в 1679 г. боярин Иван Бутурлин писал из Польши: «Ведомости нам учинились в Гродне подлинные, что турецкие войска, которые были под Чигирином, возвратились в великом упадке и войны де государь нынешний год от салтана турецкого под Киев не чаять».³

Думается, что современники не воспринимали переписку казаков с султаном как подлинный дипломатический документ, а считали политическим пародийным произведением, написанным в форме документа.

¹ La lettre des zaporogues au sultan par Élie Borschak. — Revue des études slaves, t. 26, fasc. 1—4. Paris, 1950, стр. 99—105.

² См.: М. Д. Каган. 1) «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII в. — ТОДРА, т. XI. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 222—226; 2) Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — ТОДРА, т. XIII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 266.

³ Е. Е. Замысловский. Сношения России с Польшей в царствование Феодора Алексеевича. СПб., 1888, стр. 43.

Жанр произведений, написанных в форме деловых документов, характерен для XVII в. А. Н. Робинсон, анализируя жанр Поэтической повести об Азове, закономерно ставит вопрос о возникновении в XVII в. нового литературного направления, к которому относятся и Азовские повести.⁴ Это литературное направление имеет свои жанровые, стилистические и языковые особенности, указывающие на то, что оно родилось в среде приказных служащих и использовало формы и материал деловых документов. Большое место в группе произведений, написанных в виде деловых документов, принадлежит произведениям, использовавшим форму дипломатических документов и темы, взятые из дипломатической жизни и внешней политики Русского государства. Произведения эти носили неофициальный характер и создавались в среде Посольского приказа.

То, что Посольский приказ стал в XVII в. своеобразным литературным центром, а его служащие — писателями, не случайность. Здесь сыграли роль и богатые впечатления русских, бывавших за границей,⁵ и то, что Посольский приказ был официально втянут в литературную деятельность. В Посольском приказе силами его служащих в 70-х годах XVII в. были созданы книги: официальное родословие русских царей — «Титулярник», или «Корень великих государей российских», «Книга об избрании на царство Михаила Федоровича», «Хрисмологон», «Книга о сивиллах», «Книга о девяти мусах и о семи свободных художествах». Переводчики Посольского приказа переводили пьесы для Преображенского театра царя Алексея Михайловича.⁶

Авторы из Посольского приказа использовали для своих неофициальных произведений различные виды дипломатических документов. Так, нам известна «Повесть о двух посольствах», написанная в виде статейных списков на тему о посольствах Андрея Ищеина к турецкому султану и Захарии Сугорского к цесарю Римскому Максимилиану.⁷ Еще большее распространение получила форма дипломатических грамот и дипломатической переписки. В первой четверти XVII в. была создана легендарная Переписка Ивана IV с турецким султаном,⁸ а во второй половине XVII в. — целая группа подобных грамот и переписок.⁹ А. Попов, исследовавший этот цикл «подложных», как их называли, грамот в составе Хронографа 1696 г., считал, что все они были сочинены одновременно, примерно после (или во время) войны с турками 70—80-х годов XVII в. Грамоты написаны от имени воюющих сторон: Турции, с одной стороны, и Австрии, Польши, России и Чигиринских казаков — с другой, причем сделан экскурс в XVI в. и вначале помещена Переписка Ивана IV с турецким султаном.¹⁰

Вопрос об одновременном возникновении всех грамот цикла является спорным. Известно, что Переписка Ивана IV с турецким султаном появилась почти на полвека раньше и представляет собой самостоятельное произ-

⁴ А. Н. Робинсон. Жанр Поэтической повести об Азове. — ТОДРА, т. VII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 109. А. Н. Робинсон считал, что Поэтическая повесть об Азове стоит в «начале... нового литературного направления», однако сейчас известны произведения этого же жанра, возникшие ранее, нежели повести об Азове, в первой четверти XVII в.

⁵ Д. С. Лихачев. Повести русских послов как памятники литературы. — В кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.—Л., 1954, стр. 330—337.

⁶ И. М. Кудрявцев. «Артаксерксово действо». Первая пьеса русского театра XVII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 9, 90—99.

⁷ М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах»..., стр. 222.

⁸ М. Д. Каган. Легендарная переписка..., стр. 248.

⁹ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 448—458.

¹⁰ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, в. 2. М., 1869, стр. 227—229.

ведение.¹¹ В рукописных сборниках грамоты цикла не встречаются все вместе, в лучшем случае они помещены в различных тетрадках сборника (например, ГПБ, Археологическое собр., № 43). Ясно, что они близки друг другу по содержанию и по времени, читатели подбирали их и соединяли вместе, но единым произведением (таким, как «Повесть о двух посольствах») их все же считать нельзя, так как они не имеют единой рукописной традиции. Поэтому, прежде чем исследовать все грамоты цикла, следует рассмотреть списки, содержание, источники и литературную историю каждой его части.

Здесь мы остановимся на Переписке турецкого султана с чигиринскими казаками. Нам известно девять списков этой Переписки: два из них (ГИМ, собр. Уварова, № 1926 и ИРЛИ, собр. Перетца, № 160) не полные; ¹² два списка (ГПБ, собр. Археологическое, № 43; ГИМ, собр. Уварова, № 1926 (?)) относятся ко второй половине—концу XVII в. и пять (ГПБ, собр. Толстого, Ф. XVII. 19; БАН, 33.15. 144; ЛОИИ, № 308, ф. 239; ГБЛ, собр. Пискарева, № 185; Калинин. Рукоп. собр. Гос. архива Калининской обл., № 662)¹³ — к XVIII в., и список ГИМ, собр. Уварова, № 1495 — XIX в. Тексты списков ленинградских хранилищ¹⁴ очень близки друг к другу, отличаются только разночтениями и заглавиями. Переписка во всех списках датируется 7 июля 1678 г., за исключением списка БАН, 33.15.144, где она датирована 1665 г. От ленинградских списков отличается список Государственного архива Калининской обл., № 662, текст в котором сильно изменен.

Текст Переписки турецкого султана с чигиринскими казаками дается по списку ГПБ (собр. Археол., № 43, лл. 35 об.—36 об.), который является старейшим из обследованных нами ленинградских списков.

«Перевод с полского писма, список с листа салтана турского, писанного в Чигирин к казаком июля в 7 день 1678-го.

«Салтан сын салтана турского, цесарь турецкой и греческой, македонской, вавилонской, иерусалимьской, паша ассирийской, Великого и Малого Египта король александрийской, арменской и всех на свете обитающих князь над князи, внук божий, храбрый воин, наветник христианский, хранитель распятого бога, господарь великий, дедич на земли, надежда и утешение бусурманское, а христианом скорбь и падение.

«Повелеваю вам, чтоб есте добровольно поддались нам со всеми людьми.

«Салтану ответ из Чигирина от казаков на писме отдан.

«Салтан сын проклятого салтана турского, таварышь сатанин,^a бездны адовы салтан турецкой,^b подножие греческое, повор вавилонской, бронник иерусалимьской, колесник асирийской, винокур Великого и Малого Египта, свинопас александрийской, арчак арменской, пес татарской, живущей на свете проклятой аспид, похититель Каменца Подолского и всех земных обитателей подданой шпынь и скаред, всего света привидение, турецкого уезду бусурман, равен жмоту, клеврет сатанин, всего сонмища адова внук, проклятого сатаны гонец, распятого бога враг и гонитель рабов его, надежда и утешение бусурманское, падение и скорбь их же. Не поддадимся тебе, но биться с тобою будем».

¹¹ М. Д. Каган. Легендарная переписка... стр. 264.

¹² Благодарю А. А. Зимина за сообщение об этом списке.

¹³ Приношу свою благодарность И. Ф. Голубеву, сообщившему мне об этом списке и приславшему копию текста.

¹⁴ Тексты списков московских хранилищ мною не обследованы.

^aб, В списке Арх. 43 пропуск, восстанавливается по другим спискам.

Появление этой переписки-пародии следует, нам кажется, связать с русско-турецкой войной 1677—1678 гг., главные события которой развернулись вокруг Чигирина. Попытка турок завоевать Украину окончилась неудачей. Турки, захватив в 1672 г. польскую крепость Каменец-Подольский и Подолию, а затем, после длительной осады и тяжелых боев добившись падения Чигирина, были не в состоянии продолжать войну. В 1681 г. в Бахчисарае был заключен мирный договор, условия которого означали «крушение захватнических планов турок в отношении России и части Украины».¹⁵

Чигиринская война привлекла живейшее общественное внимание как в Москве, так и в Киеве. Она нашла свое отражение и в литературе. До нас дошли вирши, посвященные борьбе с турками под Чигирином, в которых выражается уверенность, что русские победят:

Врагу оскудеша оружия в конец на главу его
 болезнь возвратится,
 каменско щасте воспать превратится.¹⁶

Рассказ о чигиринских событиях включен во второе издание Синописа, вышедшего в Киеве в 1678 г., однако в нем описывается только первый поход турок под Чигирин, удачно отбитый в 1677 г. Торжественная концовка рассказа перешла и в последующие издания, хотя уже в издании 1680 г. вслед за ней идет изложение дальнейших событий — второго похода турок 1678 г. и взятия Чигирина. В письме чигиринских казаков турецкому султану последний назван похитителем Каменец-Подольского; следовательно, переписка была создана после 1672 г. Думается, что письмо приписано чигиринским казакам не случайно; автор имел в виду события чигиринской войны, в которой казаки играли большую роль. Но была ли переписка написана в самый разгар войны (как первая часть рассказа, помещенного в Синописе 1678 г.) или уже после ее окончания — сказать трудно.

Обращает на себя внимание сходство текста Переписки чигиринских казаков с текстом письма запорожцев турецкому султану, послужившего Репину сюжетом для его знаменитой картины. Запорожские казаки так называют султана: «... шайтан турецкий, проклятого чорта брат и товарищ и самого люциперя секретарь... вавилонский... кухарь, македонский колесник, иерусалимский броварник, александрийский козолуп, Великого и Малого Египта свинарь, армянська свиня, татарский сагайдак, каменецкий кат, подольский злодюка, самого гаспида внук и всего свита и подсвита блазень».¹⁷ Несомненно, оба произведения находятся в тесной связи друг с другом, но вопрос о характере этой связи осложнен тем, что неизвестно, к какому времени относится письмо запорожцев турецкому султану и не является ли оно вообще позднейшей, XVIII в., реминисценцией мотивов пародийных титулов, хотя его обычно связывают с именем кошевого атамана Ивана Серка, а в самом письме, как и в письме чигиринских казаков, упоминается Каменец-Подольский.

¹⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 530.

¹⁶ ГПБ, Погодинское собр., № 1604, л. 719.

¹⁷ Русская старина, т. VI. СПб., 1872, стр. 450—451. Текст письма султана дан по двум спискам: один — XVIII в. — сообщен А. А. Шичковым, второй списан Н. И. Бахтиным из бумаг московского архива (?) и сообщен Н. Н. Селифонтовым. Ответ запорожцев дан по списку Н. И. Костомарова, который считает, что если «это измышление, но во всяком случае старое, запорожское». Текст этой же переписки, но с некоторыми изменениями см.: Д. И. Эварницкий. 1) Иван Дмитриевич Сирко — славный кошевой атаман войска запорожских низовых козаков. СПб., 1894, стр. 97—98; 2) История запорожских козаков, т. II. СПб., 1895, стр. 517—518.

Списков письма запорожцев турецкому султану, относящихся к XVII в., не найдено. По каким спискам опубликован текст в т. VI «Русской старины», издателями не указано, хотя они и ссылаются на какие-то «рукописи», в которых текст датирован 1680 г. В БАН имеется список XVIII в. (26.2.359), текст которого сходен и с письмом запорожцев и с письмом чигиринцев и датирован 1769 г.¹⁸ Н. Н. Оглоблин опубликовал в ЧОИДР список из архива Киево-Печерской лавры, текст в котором датирован 1733 г.¹⁹ и представляет собой вариант письма запорожцев, однако датируется ли сам список XVIII в. — неизвестно. Таким образом, судя только по отголоскам текста письма запорожцев в XVIII в. и по его широкой популярности, особенно на Украине, можно предположить существование в XVII в. его протографа.

Но если даже не считать письмо запорожцев султану произведением XVII в., следует, как нам кажется, признать, что оно составлено в духе некоторых дипломатических посланий казаков, применявших резкий тон и издевательские титулы в своей дипломатической практике. Вероятно, именно эти титулы стали своего рода традицией, перешедшей в XVIII в.

К дневнику поляка Матфея Титловского приложена «гневливая и досадливая листовная корреспонденция короля Польского Жикмунта з Османом, царем Турецким бывшая, з кронечки казацкой в Переяслове Малороссийском року 1636 написанной, взятая».²⁰ В корреспонденции польского короля имеется следующее обращение к султану: «Тобе, Алхерове великому, заслепленному противникове божию, кобилникове негодному, поганину потопленному, сину чортовскому, дедичеве пекелному, потомкове люципера, велзабула, антихриста, от века проклятому сину, сину комову...».²¹ В казацкой хронике корреспонденция отнесена к 1620 г. Письмом, содержащим титулы такого же рода, собирались ответить туркам в 1697 г. казаки, осажденные в Тавани: «Ты султан турецкий, из проклятых проклятой, бусурман, брат и товарищ чорта, Луцыферов сын, Антыхристов друг, монгольский кухарь, вавилонский снюсарь, иерусалимский броварь, Малого и Велького Египта свынарь, каменецкий мара, подольский злодий, а усего свита и подсвита блазень, хвастун и брехун, плюгавче, погане собаче мясо».²² В казацкой среде в XVIII в. пародийные титулы были обычными. Видимо, неслучайно автор XVIII в. Самуил Величко в жалобе, написанной якобы от лица Богдана Хмельницкого на Чаплинского, называет последнего: «Чаплинский, бенкарт (гуляка) Литовский, опяка (пьяница) Польский, злодей и здицца (вымогатель) Украинский, старостка Чигиринский...».²³ Это тот же самый прием пародийных титулов, что и в письмах казаков к султану. В 1774 г. пугачевцы послали в осажденный Оренбург Рейнсдорфу письмо, начинавшееся таким обращением: «Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дявольскому сыну. Пре-

¹⁸ ЧОИДР, кн. 3. М., 1913, Смесь, стр. 10. Этот же текст с небольшими различиями находится в архиве «Русской старины» (ИРЛИ, ф. 265, № 9, стр. 271—272). Список 1792 г. Текст датирован 1733 г.

¹⁹ См.: Русская старина, т. VI. СПб., 1872, стр. 701. Сообщение Я. А. Симоновского и текст ответа запорожцев, опубликованный им. О популярности текста письма запорожцев на Украине неоднократно указывал в своих работах Д. И. Эварницкий.

²⁰ Эта казацкая хроника утеряна, однако В. С. Иконников считал ее достоверной, так как подобные казацкие хроники, реестры, диариуши известны (см.: В. С. Иконников о в. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1603).

²¹ С. Величко. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке, т. I. Киев, 1848, Приложения, стр. 3.

²² Русская старина, т. VIII. СПб., 1873, стр. 92—93. Сообщил А. А. Туган-Мирза-Барановский.

²³ С. Величко. Летопись событий..., т. I, стр. 38.

скверное ваше увещание здесь получено, за что вас, яко всескверного обещу покою ненавистника, благодарим».²⁴

Насмешливые письма противнику были в XVII в. в обычае у казаков.²⁵ Дипломатическая деятельность казачьей войсковой канцелярии дала материал для создания в казачьей среде XVII в. насмешливых «посланий» и «переписок» с врагами. Как уже было сказано, представляется возможным существование в XVII в. протографа текста Переписки запорожцев, который не является позднейшей фальсификацией, а скорее всего представляет собой пародийное произведение на украинском языке, возникшее в казачьей среде и основанное на казачьей дипломатической практике. Древность произведения подтверждается и его языком.²⁶

Благодаря частым дипломатическим сношениям казаков с Московским правительством текст протографа мог стать известным в Посольском приказе, где по его образцу было создано письмо чигиринских казаков уже на русском языке, являющееся русским вариантом того же текста. Сопоставление Переписки чигиринских казаков с дошедшим до нас вариантом Переписки запорожцев указывает на возможность такой взаимосвязи.

Письмо турецкого султана
запорожцам²⁷

Я султан, сын Магомета, брат солнца и луны, внук и наместник божий, владетель всех царств: Македонского, Вавилонского и Иерусалимского, Великого и Малаго Египта, царь над царями, властитель над всеми существующими, необыкновенный рыцарь, никем непобедимый, хранитель неотступный гроба Иисуса Христа, попечитель бога самого, надежда и утешение мусульман, смущение и великий защитник христиан. Повелеваю вам, запорожские казаки сдаться мне добровольно и без всякого сопротивления и меня вашими нападениями не заставляйте беспокоить.

Ответ запорожцев турецкому
султану

Ти шайтан турецкий, проклятого чорта брат и товарищ и самого люципера секретарь! Який ти в чорта лидарь, чорт с... е а ти и твое войско поживае. Не будешь ти годе синив християнских пид собою мати; твого войска ми не боимся, землю и водою будем

Письмо турецкого султана
в Чигирин²⁸

Салтан сын салтана турецкого, царь турецкой, и греческой македонской, вавилонской, иерусалимской, паша ассирийской, Великого и Малаго Египта, король александрийской, армянской и всех на свете обитающих князь над князя, внук божий, храбрый воин, наветник христианский, хранитель распятого бога, господарь великий, дедич на земли, надежда и утешение бусурманское, а христианом скорбь и падение. Повелеваю вам чтоб есте добровольно поддались нам со всеми людьми.

Ответ султану из Чигирина

Салтан сын проклятого салтана турецкого, товарищ сатанин, бездны адвы салтан турецкой, подножие греческое, повар вавилонской, бронник иерусалимской, колесник ассирийской, винокур Великого и Малаго Египта, свинопас александрийской, арчак ар-

²⁴ А. С. Пушкин. История Пугачева. — Собр. соч., т. VIII, Изд. АН СССР. М.—Л., 1949, стр. 300 (примечания к главе 4).

²⁵ См. письмо Богдана Хмельницкого осажденному в Збараже Вишневецкому (М. Грушевский. История України—Русі, т. VIII, ч. 3. М., 1917, стр. 684).

²⁶ В издании «Русской старины» (т. VI, СПб., 1872) письмо турецкого султана написано на модернизованном русском языке, зато ответ запорожцев сохранил несомненное украинское произношение и украинизмы. Разницу в языках посланий в издании «Русской старины» можно объяснить тем, что послание султана издавалось по одним спискам, ответ запорожцев — по другому. Однако сам факт этой разницы интересен. Не говорит ли он о том, что в основе послания султана лежит какой-то перевод, в то время как ответ запорожцев написан самими казаками на украинском языке?

²⁷ Русская старина, т. VI, СПб., 1872, стр. 450—451.

²⁸ ГПБ, собр. Археол., № 43, лл. 35 об.—36 об.

биться ми з тобою. Вавилонський ти кухарь, македонський колесник, иерусалимський броварник, александрійський козолуп. Великого и Малого Египта свинарь, армянська свиня, татарський сагайдак, каминецький кат, подольський злодюка, самого гаспида вни у всего свита и пидсвита блазень, а нашего бога дурень, свиняча морда кобиляча с...ка, ризницька собака, некрещений лоб, ... бы твою чорт парив! Оттак тоби козаки видказали, плюгавче, не вгоден еси мати вирних христян. Числа не знаєм, бо календаря не маєм, мисяць у неби, а год у книжици, а день такий и у нас, як у вас, поцилуй за се в... нас! ..

менской, пес татарской, живущей на свете проклятой аспид, похититель Каменца-Подольского и всех земных обитателей поданой шпынь и скаред, всего света привидение, турского уезду бусурман, равен жмоту, клевет сатанин, всего сомища адова внук, проклятого сатаны гонцу, распятого бога враг, и гонитель рабов его, надежда и утешение бусурманское, падение и скорбь их же. Не поддадимся тебе, но биться с тобою будем.

Сопоставление текстов обоих ответов позволяет предположить, что текст письма запорожцев турецкому султану мог служить источником для письма чигиринцев. Письмо запорожцев оригинально по своей композиции, в то время как письмо чигиринских казаков больше похоже на сокращенную переделку, лишенную яркости и остроумия оригинала. Значительная часть обращений казаков к султану («Який ти в чорта лядарь», «оттак тоби козаки видказали, плюгавче»), замечательная концовка («Числа не знаєм») и все непристойные выражения из ответа запорожцев в ответ чигиринцев не попали.

Все это позволяет предположить, что письмо чигиринцев было написано не казаками, а только по образцу казачьего письма в среде, которой был понятен стиль произведений, выходивших из войсковых канцелярий. Вероятнее всего, что такой средой был Посольский приказ. Произведения Посольского приказа близки казачьим повестям об Азове.²⁹ А. Н. Робинсон указывает, что подобная вымышленная переписка казаков с их противниками напоминает «стилистическую манеру „речей“ Поэтической повести об Азове».³⁰ С другой стороны, переписка чигиринских казаков с султаном типична как произведение, родившееся в недрах Посольского приказа. Оно написано на популярную в XVII в. «турецкую» тему, в основе его композиции — излюбленный прием пародирования титулов, его жанр — дипломатическая переписка — обычен для Посольского приказа. Так, вопрос о титулах играет немалую роль в сюжете «Повести о двух посольствах», там же употребляет эти пародийные титулы Иван IV, называя себя царем и великим князем «дикого и глубокого поля».³¹ Легендарная дипломатическая переписка Ивана IV с турецким султаном также начинается с пародирования титулов: «избранному моему ратаю и тележному поганатаю, белому Ивану, великому боярину, ясельничему моему, русской области воздержателю, рускому князю...».³² В письме чигиринцев это пародирование титулов нашло свое полное развитие.

Таким образом, Переписку чигиринских казаков с турецким султаном можно считать еще одним произведением, принадлежащим перу служащего Посольского приказа и возникшим под влиянием аналогичного и, вероятно, еще более яркого произведения запорожских казаков.

²⁹ М. Д. Каган. 1) «Повесть о двух посольствах»..., стр. 234—236; 2) Легендарная переписка..., стр. 259—260.

³⁰ А. Н. Робинсон. Жанр Поэтической повести об Азове, стр. 109.

³¹ М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах»..., стр. 254.

³² М. Д. Каган. Легендарная переписка..., стр. 266.

Н. А. ДВОРЕЦКАЯ

Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в.

Среди исторических повестей, описывающих поход Ермака (так называемых Сибирских летописей), находится повесть, составленная в 1636 г. в г. Тобольске Саввой Есиповым.

Повесть Есипова содержит такое же прославление казаков, что и синодик казакам,¹ помещенный в конце повести. О составлении синодика мы имеем больше сведений, чем о составлении повести Есипова. Общность оценки похода Ермака в обоих произведениях позволяет, выяснив социальную среду, в которой создавался синодик казакам, представить и ту обстановку, в какой была сложена повесть Есипова.

Из повести Есипова известно, что синодик казакам составлен был в 1622 г. в Тобольске по распоряжению первого сибирского архиепископа Киприяна. В основу его положено было «написание» оставшихся к этому времени в живых казаков Ермака, написанное ими также по распоряжению сибирского архиепископа. Казаки в своем «написании» должны были в основном ответить на вопросы: «како они приишоша в Сибирь и где с погаными были бои и ково где убили погании на драке».²

Обычно восхваление казаков в синодике и само составление синодика исследователи связывают со стремлением тобольской архиепископии утвердить свой престиж среди других архиепископских кафедр прославлением своих же, местных святых. Например, С. В. Бахрушиным деятельность Киприяна по укреплению и усилению архиепископии рассматривается главным образом как честолюбивое стремление Киприяна создать в Сибири архиепископию по образцу новгородской.³ С. В. Бахрушин, а затем Д. С. Лихачев⁴ характеризуют Киприяна как деятеля, предвосхитившего взгляды Никона на значение и роль церкви в жизни государства.

Сибирский архиепископ Киприян, действительно, был личностью незаурядной. Известно, что во время шведской интервенции в Новгороде Киприян, будучи тогда архимандритом Хутынского монастыря, вел переговоры со шведами и одновременно с этим добивался воссоединения Новгорода с Москвой.⁵ С 1620 по 1624 г. Киприян — архиепископ сибирский. После возвращения из Сибири в Москву Киприян был назначен митрополитом на Крутицы (в течение своего пребывания крутицким митрополитом Киприян принимал участие в литературной работе патриаршего двора).

¹ Сибирские летописи, изд. Археографической комиссии, 1907, стр. 122—125 и 164—166.

² Там же, стр. 163.

³ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 19.

⁴ Д. С. Лихачев, Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 393—394.

⁵ Н. Абрамов, Киприан — первый архиепископ сибирский. — Странник, 1864, июль, стр. 27—36.

От времени пребывания Киприяна на новгородской митрополии (1626—1635 гг.) сохранился интересный документ — донесение в Москву «о неправдах и непригожих речах митрополита Киприяна»,⁶ который рисует Киприяна как человека властного, честолюбивого и подчас не считающегося с распоряжениями самого патриарха. Все эти черты характера не могли не сыграть известной роли во время пребывания Киприяна на сибирской архиепископии, однако укрепление ее при Киприяне не объясняется лишь одними личными качествами архиепископа.

Основание тобольской архиепископии в 1621 г., в первые же годы после урегулирования внешнеполитического положения Русского государства, позволяет говорить о том, что создание в Сибири центра церковного управления этой обширной территории было связано с важнейшей задачей внутренней политики правительства Романовых — централизацией государственного аппарата. Укрепление архиепископии в Сибири, придание ей пышности и блеска являлось осуществлением прежде всего замыслов и планов правительства, а затем уж здесь играла роль энергичная деятельность Киприяна. Это видно из всех распоряжений и наказов центральной власти.

Торжественно был обставлен путь Киприяна в Тобольск. Во всех городах архиепископа встречали колокольным звоном, с крестами и хоругвями; жителям сибирских городов, воеводам и духовенству приказывалось выходить для встречи архиепископа за город и встречать его «с великою честию». Воеводе Тобольска было послано предписание отвести место в городе для постройки соборной церкви и архиепископского двора, выделены были деньги на постройку.⁷ Из наказа архиепископу и грамот, посланных в Сибирь царем и патриархом, видно, что Киприяну поручалось укреплять церковную организацию в Сибири, следить за выполнением всех церковных правил и обрядов населением (в Сибири, где на огромной, вновь осваиваемой территории были крайне редки монастыри и церкви, задача охвата всего населения идеологическим влиянием церкви была очень нелегка, хотя в то же время чрезвычайно важна для правительства). Правительство обеспокоено было бесконтрольным действием сибирской администрации, ее хищениями и присваиванием части государственных доходов. Ввиду этого Киприяну со стороны светской власти поручается контроль над деятельностью тобольского воеводы и других административных лиц: ему приказывалось следить за их действиями, ограждать «мелких людей» от насилий воевод, участвовать в обсуждении «государевых великих дел», подчас выполнять даже отдельные важные поручения правительства, связанные с его фискальной политикой.⁸ Перед архиепископом поставлена была также задача укрепления русского влияния среди местного населения; не случайно патриарх Филарет приводил в качестве образца для деятельности Киприяна миссионерскую деятельность Стефана Пермского в Пермском крае.⁹

Все это заставляет несколько по-иному оценить установление Киприяном прославления казаков наряду с «прочими пострадавшими за православие». Установление в новой, выстроенной при Киприяне соборной церкви Софии поминания казаков отражало не только события местного значе-

⁶ А. Н. Зердалов. О неправдах и непригожих речах новгородского митрополита Киприяна. — ЧОИДР, 1896, т. I, стр. 1—28.

⁷ П. Будинский. Открытие тобольской епархии и первый архиепископ Киприян. — Вера и разум, 1890, в. 21, стр. 565.

⁸ См. наказ и грамоту архиепископу Киприяну в книге П. Будинского: Открытие тобольской епархии. . . — Вера и разум, 1890, в. 23, стр. 639—641.

⁹ СГГД, т. III, № 60, стр. 245—253.

ния — прославление своих местных героев с целью усиления новой архиепископии среди других архиепископских кафедр, — это прославление казаков отражало также оценку похода Ермака официальной властью в период усиления централизации Русского государства.

В 1636 г. прославление казаков в неделю православия было утверждено «советом освященного собора, святейшим патриархом Филаретом и государем царем Михаилом Федоровичем всеа Руси».¹⁰ Очевидно, что составление повести Есипова в 1636 г. связано именно с этим событием. Привлечение Есиповым синодика, включение в повесть истории его составления дают возможность утверждать, что повесть создавалась также при тобольской архиепископии.

У нас нет сведений о том, почему утверждение поминания казаков и повесть Есипова появились именно в 1636 г.¹¹ Повесть Есипова (анализ характера повести не входит в задачу настоящей статьи) — памятник, свидетельствующий об отражении в общественной мысли XVII в. новых явлений в русской жизни: включения в состав Русского государства Сибири, превращения Русского государства в государство многонациональное. Однако в оценке похода Ермака повесть очень близка синодику, что и дает нам возможность говорить об официальной оценке похода Ермака и в повести Есипова.

Во вступительной части синодика и в главе седьмой повести Есипова («О пришествии Ермакове в Сибирь») ¹² казаки прославляются за подвиг — приведение «бесурманской» Сибири к христианству. Это событие предопределено было свыше: «бог послал очистити место и победити бесурманского царя Кучума». Казаки — избранники бога, исполнители его воли, верные слуги царя.

Синодик и повесть Есипова отмечают, что выбор бога пал не на «славных мужей» и не на «царских воевод» — «от простых людей» избрал бог и послал атамана Ермака с казаками. На это противопоставление «славным мужам» и «царским воеводам» казаков обратил внимание Д. С. Лихачев.¹³ Основываясь на том, что в основу синодика было положено «написание» казаков, Д. С. Лихачев считает, что синодик сохранил основную идею казачьего «написания», которая выражалась в изображении завоевания Сибири как дела Ермака, предпринявшего этот поход на свой страх и риск без участия Строгановых. «Эта тенденция, — пишет Д. С. Лихачев, — особенно резко сказалась в той части синодика, где было записано, что „ни от славных муж, ни царска повеления воевод... но от простых людей избра бог и вооружи славою и ратоборством и волностию атамана Ермака Тимофеева сына Поволского и со единомысленной и предоброй дружиной храбравшего“».¹⁴

В таком объяснении есть одна уязвимая сторона: нам трудно судить об идейном содержании «написания» по синодику или повести Есипова, составленных при тобольской архиепископии, где «написание» казаков не могло не подвергнуться значительной обработке. Может быть, противо-

¹⁰ Сибирские летописи, стр. 353.

¹¹ В качестве более общей причины следует назвать дальнейшее усиление централизации государства, в частности включение в этот процесс обширной территории Сибири. Это сказывалось в проведении административных мероприятий (в 1637 г. был создан специальный Сибирский приказ) и в идеологическом «освоении» Сибири (включение статьи «о взятии Сибири» в «Новый летописец» — официальное произведение о событиях польско-шведской интервенции и крестьянской войны, составленное в 1630 г.).

¹² Сибирские летописи, стр. 123 и 164.

¹³ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 395.

¹⁴ Там же.

поставление казаков воеводам и знатым мужам следует отнести за счет тех литературных приемов, к которым прибегал автор синодика, прославляя доблесть и храбрость Ермака? Причина резкости такого противопоставления, возможно, заключалась не в заимствовании из «написания», а в тех враждебных отношениях, которые сложились между архиепископом Киприяном и тобольским воеводой Матвеем Годуновым.¹⁵

Мы не настаиваем на своих предположениях, но для нас важно отметить, что несмотря на упоминание простого происхождения Ермака, на отсутствие сведений о Строгановых, прославление казаков по повести Есипова и синодику значительно отличается от оценки похода Ермака крестьянством и казачеством, т. е. той социальной средой, откуда вышли участники похода, положившего начало присоединению Сибири к Русскому государству.¹⁶

Это ясно видно при сопоставлении синодика и повести Есипова с фольклорными источниками. Исследователи отмечали различие в оценке похода Ермака между повестями, составленными по местной, но официальной инициативе, и фольклором о Ермаке, но в чем проявляется это отличие, с достаточной ясностью вскрыто не было.¹⁷

Настоящая статья не ставит задачей изучение всего фольклорного материала о Ермаке, для нас важно отметить характерную черту этого фольклора. Ермак в песнях, сказаниях и легендах выступает как выходец из эксплуатируемой части населения и часто действует вразрез с требованиями существующего порядка. Ермак — славный атаман казаков, нападающих на государева посла.¹⁸ Ермак — сын посадского человека, от «скудости» сошедшего в вотчины Строгановых. Сам Ермак ходил у Строгановых «в работи» на Каме и Волге.¹⁹ Собираясь в поход, он брал запасы

¹⁵ Воевода был недоволен большими полномочиями, которые были даны архиепископу дарем и патриархом, опасался вмешательства Киприяна в дела управления Тобольским уездом, где воевода распоряжался как в своей вотчине и поэтому чинил всяческие обиды и утеснения архиепископу (см.: П. Будинский. Открытие тобольской епархии. . . — Вера и разум, 1890, в. 26, кн. 1, стр. 572—576, 659).

¹⁶ Казаки Ермака даже после присоединения Сибири к Русскому государству не пользовались никакими особыми правами или привилегиями. Они служили в пеших казаках, и единственно, что им было разрешено, это составлять отдельную «старую» сотню (см.: П. Будинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 108—109).

¹⁷ М. О. Скрипиль, Б. Н. Путилов. Русское народно-поэтическое творчество, т. I. М.—Л., 1953, стр. 334—335.

¹⁸ Песня «Ермак взял Сибирь». — Сборник Кириши Данилова, под ред. Шеффера. СПб., 1901, стр. 47—51. Об этом же говорят все предания и рассказы о Ермаке, вошедшие в состав поздних списков повести Есипова и других повестей о Ермаке. Интересна вставка в текст списка из собрания Лихачева, № 28 (Отдел древних рукописей и актов ЛОИИ, список скорописью XVIII в., в 4-ку, 28 л.): «В лета 7089 года летом царь государь и великий князь Иоанн Васильевич всяя России самодержец послал в Астрахань на судах казну свою денежную и свинец и порох. И как будут казною против реки Самары и выгребли из Самары реки в стругах ясаульных многие яидкие казаки и волские со огненным боем. И государеву казну всю погромили и воеводу князя Григория Засекина и всех людей побили и всю казну царскую взяли и пошли по Волге вверх в Каму реку». Важно отметить, что Григорий Засекин действительно был воеводой в Переволоке (Царицын) и посылал погоню из вновь отстроенного города Саратова за «воровскими» казаками и атаманами; правда, с Ермаком здесь не могло быть связи, так как действия Засекина относились к 1589—1590 гг. Очевидно, какие-то рассказы о Григории Засекине переплетены были с преданиями Ермаковых казаков о их приходе в Сибирь. О том, что в списке Лихачева нашли отражения рассказы этих казаков, возможно, значительно измененные поздней их передачей, свидетельствует такая фраза вставки списка Лихачева: «... приидоша же и в слободы Никиты Строганова, и оттоле поидоша в Чусовую реку, рекою до волоку, и ту к нам присташа многие пермечи. . .»

¹⁹ Эти сведения о Ермаке вошли в состав также одного из поздних списков повести Есипова-Бузуновского (Сибирские летописи, стр. 305—306).

у Максима Строганова «с пристрастием, а не вовсе в честь или займы, но убити хотеша и жита его разграбить, дом его и при нем живущих разорити в конце».²⁰

Сравнивая изображение казаков Ермака в фольклоре с прославлением в повести Есипова и синодике, мы видим, что последние, упоминая о простом происхождении Ермака, тщательно избегали всех других фактов из его биографии. В научной литературе длительный спор вызвало отсутствие в повести Есипова каких-либо упоминаний о Строгановых. Основываясь на том, что источником повести Есипова служило (прямо или косвенно) «написание» казаков, некоторые исследователи делали вывод об отсутствии «сведений о именитых людях» и в «написании». Отсюда возникало утверждение что Строгановы вообще не имели никакого отношения к походу Ермака.²¹ Между тем в повести Есипова нет не только сведений о Строгановых, в ней нет вообще никаких известий о том, как казаки очутились в Сибири. Эти сведения и не могли появиться в повести, поскольку в произведении, прославляющем казаков за выполнение божественной воли, недопустимо было помещать известия о «разбое» казаков на Волге, о том, что в Сибирь они пришли, спасаясь от преследования царских воевод. В фольклоре же о Ермаке социальная природа Ермака выступает очень ярко: Ермак близок эксплуатируемым массам именно противопоставлением его деятельности интересам царской администрации и промышленников Строгановых.

Различие официальной и фольклорной оценки похода Ермака в XVII в. не случайно. В это время расширялась территория Сибири, входящая в состав Русского государства, усиливалось освоение ее русским населением, вместе с этим росло и угнетение русского и туземного населения феодальным государством и, как результат его, обострялась классовая борьба. Все это требовало укрепления существующего строя не только административными мерами, но также и идеологическим воздействием.

В период интенсивного освоения Сибири русским населением со всеми явлениями, которыми характеризуется освоение новых территорий в рамках феодального государства, господствующим классам важно было представить народного героя Ермака, прямого брата тех крестьянских переселенцев, которые в XVII в. часто помимо воли правительства двигались в Сибирь, верным слугой царя и защитником православной веры.

²⁰ Таковы сведения так называемой Кунгурской летописи, записанные выдающимся чертежником, географом и этнографом конца XVII—начала XVIII в. Семеном Ремезовым, вероятно, во время его пребывания в Кунгуре и вошедшие затем в состав Ремезовской летописи о походе Ермака (Сибирские летописи, стр. 315).

²¹ С. А. Андрианов. К вопросу о покорении Сибири Ермаком. — ЖМНП, 1893, июль, стр. 522—550.

М. А. САЛМИНА

Особая редакция «Сказания о начале Москвы»

Среди списков «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы»¹ имеется один, непохожий на остальные. Текст его находится на лл. 277—279 об. в составе летописца (лл. 274—282 об.) из сборника Рукописного отдела ГПБ с шифром Q.XVII. 252, в 4-ку. Повесть, как и летописец, писана одним почерком конца XVII—начала XVIII в. на плотной бумаге (филиграни не ясны).

Летописец представляет собой сплетенные вместе разрозненные листы какой-то другой летописи, вследствие чего отдельные его статьи оказались без начала и конца. Кроме «Сказания», в нем находятся еще рассказы о казнях при Иване Грозном в Новгороде, Вологде, Москве, повесть о взятии Смоленска Грозным. Все эти известия носят полудеянный полусказочный характер.² Непосредственно «Сказанию» предшествует рассказ, сложенный, как думается, на основе «Послания» Спиридона-Саввы (его второй части) и «Родства великих князей литовских». Он следует за сообщением об отделении Литовской и Польской земель от Русской после Батыева нашествия. Его известия, в сильной мере искаженные, чередуются с заметками о количестве лет правления русских князей начиная с Ярослава Владимировича до Александра Невского. За сообщением, что после смерти Александра Невского «прия княжение сын его в Володимире Даниил Александровичь, а брата своего, князя Бориса Александровича, посла в Суздаль-град на княжение 6786 года, а до сего времени Москва была незнаема и неназвана», следует текст «Сказания». Какие известия шли за ним — неизвестно, в этом летописце текст за повестью начинается с отрывка фразы о казнях в Новгороде при Грозном.

Повесть имеет пространное заглавие, отличное от заглавий остальных списков. В него входит в несколько измененном виде и выражение, которое в списках обычно следует за летописным вступлением. Заглавие следующее: «Сказание о зачатии московском, и кто про то знал, что Москвы царством быть и государством слыть. Но о судеб твоих, христе царю! Твоими праведными судьбами сие сотворися!».

Начинается «Сказание» словами: «В моем месте ныне царствующий град Москва, в том месте были красные села Кучка боярина Ивановича». На чем кончался текст повести — неизвестно,³ список обрывается на середине фразы: «и князю Данилу села красные по обе...». В сохранившейся части список повести — исправный.

¹ Так названа та повесть о начале Москвы, которую С. К. Шамбинаго именует «новеллой».

² Эти известия летописца имеются и в летописи сборника ГИМ, собр. Муз., № 3996.

³ Список не окончен: часть листов с текстом «Сказания» в сборнике отсутствует.

Текст «Сказания» в этом списке представляет интерес тем, что он не совпадает с текстом всех других известных нам списков повести (всего известно 49 списков).

Действующие лица в этой рукописи «Сказания» иные. Место князя Андрея Александровича, который в этом варианте «Сказания» вообще отсутствует, занимает князь Даниил Александрович. Даниил, сын Александра Невского, княжит во Владимире, в Суздале же на княжении оказывается некий князь Борис Александрович, названный братом Даниила. Вместо Улиты в повести действует княгиня Марья, «жена Борисова».

Рассказ списка по сравнению с остальными выглядит много короче: нет пространных и бранчливых характеристик княгини, Кучковичей, опущены отдельные места повести (так, ничего не говорится о малолетнем князе Иване, слуге Давыде Тярдемиве, отсутствует встречающееся в списках место, где суздальский князь называется четвертым мучеником и сравнивается с Борисом, Глебом, Святославом, а также место, где говорится о действиях Кучковичей после совершения убийства; не приведены и молитвы, производимые владимирским князем).

Кроме того, и сами эпизоды «Сказания» переданы в сокращении. Так, в сцене, в которой князь скрывается в срубе, сказано только, что князь нашел «струбец» и влез в него «опочинуть от труда и от ран»; или по приходе владимирского князя в Суздаль говорится лишь, что суздальцы «не противишася» ему, речей же их к князю не приводится, и т. д.

Сюжетная линия повествования в этом списке осталась той же, действие развивается в том же порядке, что и в остальных списках, но дословные совпадения встречаются не часто, рассказ как бы передается своими словами. Вот как изложен в нем эпизод, рассказывающий о расправе владимирского князя с Кучковичами (сравниваю изучаемый текст с текстом старшего списка повести: ГИМ, собр. Муз., № 3996, конец первой половины XVII в.).

Текст по списку Q.XVII.252

И взял князь Данило Володимерской к своей силы в подмог силы суздальской три тыщести и пошел войною в красные села на Кучка боярина. И Кучко не мог противитися против князя Данила Володимерского, против войска его великого. И поимаша Кучка боярина и двух сынов его, и предаде их князь Данило злой лютой смерти без всякаго милосердия.

Текст по списку Муз. 3996

И собрався суздальцев три тысящи войска ко князю Андрею пособствовать, и подоша князь Андрей со всею силою на боярина Кучка Стефана Ивановича. И не было у Кучка боярина круг его красных сел ограды каменные, ни острогу деревянного, и немного возмог Кучко боярин боем битися. И не вдолге князь Андрей своей силою войскою емлет приступом селы и слободы красныя Кучка боярина, и самого его Кучка боярина и с его детми в полон емлет. И куют их в железа крепкие и казнят его, и з детми его всякими казнями розноличными лютыми. И ту Кучко боярин и своими детми злою смерть приять в лета 6797, месяца марта в 17 день.

В рассматриваемом списке имеется ряд деталей, отсутствующих в других списках повести. Так, первое нападение на князя происходит не на охоте, а в «хоромах»; не только Кучковичи, но и княгиня Марья пытается спастись бегством от владимирского князя.

В связи с этим представляет интерес следующее: в повести встречается ряд мест, заставляющих вспомнить о другой повести о начале Москвы — «хронографической» (по С. К. Шамбинаго). Так, выражение «по обе стороны Москвы-реки и за Неглинную» этого списка встречается лишь

в тексте «хронографической» повести. В «хронографической» повести князь Юрий, чтобы осмотреть «Кучковы села», «входит» на гору, в нашей же повести Даниил «входит во светлицы и теремы высокия». Новостью изучаемого списка является расправа с Даниилом: убитого князя Кучковичи бросают «во Оку-реку». Тело убитого князя «предается водам» и в «хронографической» повести. Княгиню Марью Даниил повелевает «на вратех градных повесити». И расстреливают ее «из луков стрелами и ис пистолей пулками свинчатыми». В «хронографической» повести: князь «повеле (княгиню) повесити на вратех и разстреляти ю изо многих луков». В остальных списках «Сказания» о казни княгини говорится лишь, что ее «казня всякими муками разноличными, и предаде ея смерти лютое» (правда, о повешении «на воротех» упоминается и здесь, но в другой связи и в других выражениях). Не являются ли «хоромы» в нашем списке и сказанное о Марье, что она «бегству яшася ко отцу своему Кучку Ивановичу», также отголосками повести «хронографической»?

В списке встречаются новые выражения: «тебя пленю» вместо «тебя мечем погублю» в других списках, «борзой пес»; перевозчик «в струшку ездит» по Оке-реке; разъясняется, что «струбец» «сиречь гробница мертваго и утопшаго». Среди этих выражений имеются и такие: «поля чистые», «пуля свинчатая», «светлицы и терема высокие». Эти выражения автор мог взять из разговорной русской речи или устной поэзии. В повести чувствуется ритм устного сказа.

Даты, обычно встречающиеся во всех текстах «Сказания», в этом списке отсутствуют.

Очевидно, список Q.XVII.252 — это новый вариант «Сказания». Все перечисленные особенности этого текста в совокупности позволяют думать о нем следующее: новый вид интересующего нас памятника явился не результатом переделки письменного текста произведения, а писался составителем его на память. В нем мы встречаемся не просто с пропусками отдельных мест, появлением новых выражений и т. п., перед нами полная текстовая переработка памятника, по большей части вызываемая тем, что перерабатывавший нетвердо знал текст произведения, передавал его по содержанию и дополнял «по соображению». Именно тем, что повесть писалась по памяти, можно объяснить пропускновение в нее мотивов из повести «хронографической». По этой же причине могли возникнуть и остальные изменения.

Можно думать, что самое «Сказание» писец знал хорошо или, во всяком случае, читал его недавно: он сумел сохранить не только канву рассказа в создаваемом тексте, но смог воспроизвести в нем и отдельные выражения повести.

Такое же впечатление рассказа, восстановленного по памяти, производит и предшествующий повести текст «о литовских князьях». Он не является копией текстов ни «Послания» Спиридона-Саввы (его второй части), ни «Родства». Это в значительной степени переделанные известия обоих памятников вместе. Некоторые из них выглядят здесь так: великий князь Симеон Иванович называется тверским князем, а события, связанные с именем Ольгерда, приписаны Гедимину.

Выше говорилось, что герои «Сказания» в этом списке носят другие имена. Чем вызвана такая перемена — ни самый текст «Сказания», ни окружающие повесть тексты ответа не дают. Об этом можно судить только предположительно.

Так, думается, что Даниил Александрович попал в рассматриваемом списке на место князя Андрея (теперь он оказывается основателем Москвы и первым ее князем) по той причине, что, судя по официальной литера-

туре, родоначальником династии московских князей считался Даниил, сын Александра Невского.⁴

Сложнее объяснить появление в повести имени Бориса Александровича (он заменяет Даниила Суздальского остальных списков). Борис называется братом Даниила Александровича, но брата с таким именем у Даниила на самом деле не было. Кого имел в виду под этим именем автор — сказать трудно. Возможно, имя просто выдуманно им, а может быть, автор подразумевал под ним историческое лицо.

В повести названо еще одно новое имя — княгини Марьи (вместо Улиты), жены Бориса. В истории известен великий князь тверской Борис Александрович. Рядом с ним в литературе упоминается и имя Марьи, его дочери. Может быть, этого тверского князя и его дочь и имел в виду автор в лице суздальского Бориса и княгини Марьи повести? Видеть в Борисе Александровиче тверского князя допустимо и потому, что в рассказе «о литовских князьях» перед повестью упоминается событие из тверской истории: «великие князья» отдают Гедимину «князя Симеона Тверского дщерь», Ульянию, в жены. Причем подчеркивается: «и оттоле пошло великое княжение литовское». Возможно, сам рассказ попал в летописец благодаря какому-то особому «пристрастию» писца ко всему «тверскому»?⁵

Но чем же в таком случае объяснить желание автора сделать Бориса Тверского и Марью героями рассказа? В повести Борис находится в близких отношениях с основателем Москвы и первым московским князем, он называется его братом. Марья (Улита в остальных списках «Сказания») показана злодейкой, убийцей мужа.

Не могло ли все это произойти таким образом. Автор повести — тверитин или же его интересы связаны с Тверью. Имя Бориса Александровича ему знакомо, даже больше: он знал, что Борис княжил в Твери в период ее могущества, был в дружеских отношениях с московским князем, он знал также, что дочь его, Марья, была замужем за князем, который уничтожил самостоятельность Твери (за Иваном III). Он мог знать об этом из литературы: в «Слове похвальном» инока Фомы⁶ Борис именно и называется «братом» московского князя, говорится в нем и о браке Марьи с Иваном. В его воображении Марья могла представиться уничтожившей то, что было сделано для Твери Борисом. Чтение же «Сказания» натолкнуло его использовать сложившиеся в повести взаимоотношения между героями. Стоило заменить имена — и повесть отражала представляемую им картину: Борис оказывался братом московского князя; Марья, выступавшая здесь в роли княгини, оказывалась убийцей Бориса. Может быть, потому в повести и пропущены известия о малолетнем князе Иване, что в сочетании с именем Бориса он казался бы не на месте.

Все только что сказанное относительно новых имен героев повести, конечно, только предположение. Во всяком случае вряд ли в этой подмене имен можно видеть какие-либо политические мотивы (в конце XVII — начале XVIII в. «областнические» тенденции едва ли были возможны). Если в повести, действительно, следует видеть Бориса Александровича Тверского, то появление его здесь скорее всего можно объяснить личным интересом к его деятельности автора.

⁴ В повести Даниил оказывается князем владимирским. На самом деле владимирским князем он не был.

⁵ Обращает на себя внимание, что в конце летописи, в повести о взятии Грозным Смоленска, тоже действует тверской епископ.

⁶ За совет привлечь «Слово похвальное» благодарю Б. И. Дубенцова.

Итак, список Q.XVII.252 (ГПБ) дает новый вариант «Сказания». Повесть в этом списке интересна тем, что представляет собой образец передачи текста по памяти. Ее текст значительно разнится с текстом остальных списков. Судя по тексту «Сказания» в этом списке, автор его был знаком и с другой повестью о начале Москвы — «хронографической». В подмене же имен героев повести, возможно, следует видеть отражение тверских интересов автора.

Текст «Сказания» по списку Q.XVII.252 издается по общепринятым правилам.

**Сказание о зачатии Московском, и кто про то знал, что Москвы царством быть и государством слыть. Но о судьб твоих, Христе царю!
Твоими праведными судьбами сие сотворися!**

В коем месте ныне царствующий град Москва, в том месте были красные села Кучка боярина Ивановича. У него было два сына, красотою краснее и хорошее их не было во всей Русской земли. И уведал про них князь Борис Александрович Суздальской, и просил их у Кучка боярина к себе во двор, глаголя: «И аще не даш их мне, сынов своих, и яс на тебя войною приду, и тебя пленю, и села твои красные огнем пожгу». И слышав то Кучко боярин и плачет о том вельми, и о сынах своих, и убоясь, не смея противен быти князю Суздальскому Борису. И отдал ему двух сынов своих на послужение. И ему, князю Борису, дети Кучковы полюбилися, и учинил их у себя во дворе — одного в столники, а другаго в чашники. И Борисова жена, княгиня Марья, диавольским наветом на красоту их прельстилася, и снидесе с ними любовию постельною, и умыслила, с ними извести его, князя Бориса Суздальского. И в ночи, в летнее время, в хоробах своих почали его погублять. И он, князь Борис, ушел у них ранен и побежал ко брату своему, князю Данилу Александровичю Володимерскому, в Володимерь. И прибежал ко Оки-реки, и по Оки-реки в струшку ездить перевозчик. И князь Борис просил за Оку-реку перевозу, и перевозщик ему, князю, говорил: «Лихо, вы, суздальцы, обманчивы. Сулите перевозное, а как вас перевезут и перевозного не дадут». И князь Борис снял с руки своей перьстень, и подает его перевозчику на весле за перевозное. И перевозчик перьстень взял на весле и отпехнулься на реку Оку прочь от берегу. И погреб от него, и не перевез. И князь Борис пошел в слезах подле Оки-реки, и нашел струбец, сиречь гробницу мертвого утопшаго. И влез в струбец опочинуть от труда и от ран. И не знает пути ко граду Володимерю. А княгиня его Марья с Кучковыми детьми с своими любовники почали тужить о том и бояться, что князь изранен ушел: «А будет де он с братом своим князем Данилом Володимерским, и нас сказнят смертною казнию». И княгиня Марья говорила своим любовникам: «Есть де у нас во дворе пес выжлец. А сказывал мне князь Борис, когда ходил на войну, заказывал походя мне: „Как либо яс буду убит на побоищи и сыскать моего тела, и познать в мертвом трупу никто не может, и вы, де спустите того моего пса. И тот пес сыщет мое мертвое тело, познает, где ни есть“». И слышавше у нея то Кучковы дети, и вьскоре сядятся на кони, и емлют с собою того борзаго пса, и спущают его дорогою ко граду Володимерю. И пес, бежа дорогою до Оки-реки, и поворотил з дороги в сторону, а они, Кучковы дети, на конех за пьсом гонили. И добежал пес до того струбца, где отдыхает князь Борис, и положил голову свою в струбец, а сам для тесноты весь не вместился. И видя господина своего, князя Бориса, почал радоватися, и от радости почал хвостом ма-

хать. И наехали тут дети Кучковы, и князя Бориса смерти предали, и тело его мертвое во Оку-реку ввергнули.

И в скором времени дойде весть в Володимер-град ко князю Данилу Александровичю. И велми плачет жалостно князь Даниил по брате своем, князе Борисе Суздальском. И собра силы своя десять тысяч и пошел на Суздаль град войною. А суздальцы не противишася князю Данилу Володимерскому. И виде то, княгиня Марья Борисова з детми Кучковыми бегству яшася ко отцу своему, Кучку Ивановичю, в красные села, где ныне царство московское. И князь Даниило Володимерской войском своим поймали княгиню Марью Борисову и повеле ю на вратех градных повесити. И розстреляли из луков стрелами и ис пистолей пулками свинчатыми. И взял князь Данило Володимерской к своей силы в подмог силы суздальской три тысеци и пошел войною в красные села на Кучка боярина. И Кучко не мог противитися против князя Данила Володимерского, против войска его великого. И поимаша Кучка боярина и двух сынов его, и предаде их князь Данило злой лютой смерти без всякаго милосердия.

И почивает князь Данило в красных Кучковых селах до утра, а наутро встает на восходе солнца и входит во светлицы и в теремы высокия, и смотрит на Кучковы села красные по обе стороны Москвы-реки и за Неглинную, и в поля чистые. И князю Данилу села красные по обе...

Л. Н. ПУШКАРЕВ

«Повесть о разуме человеческом»

Среди повестей XVII в. сказочного характера есть одна небольшая повесть, которая должна привлечь к себе внимание литературоведов и фольклористов. Впервые на это произведение было указано в описании Пискаревского собрания, сделанном А. Е. Викторovým.¹ В 1882 г. список этой «Повести» из сборника Погодина (№ 1952) отметил А. Ф. Бычков, не упоминая, однако, о существовании других вариантов «Повести».²

В VI томе ТОДРА М. О. Скрипиль опубликовал «Повесть» по двум известным спискам: ГБЛ, № 228/176 (6. Музейное собр., № 611 (из коллекции Пискарева) и ГПБ, собр. Погодина, № 1952, под заглавием: «Повесть о разуме человеческом».³ Не ставя перед собой задачу проанализировать публикуемые повести, М. О. Скрипиль не остановился ни на вопросах происхождения «Повести», ни на датировке ее.

В своем предисловии к публикации «Пискаревского летописца» О. А. Яковлева, описывая сборник, где этот летописец находится, также упомянула об интересующем нас произведении, сообщив о нем следующее: «Седьмая часть сборника начинается на л. 717 и заканчивается на л. 722 об. Она состоит из татарской сказки о царе татарской орды Слам-Гирее и его ближнем человеке Алтыне Золотом Слове, озаглавленной «От книг бытей татарских о разуме человеческом». Сказка эта делится на две части: первая часть — о спасении от царского гнева Алтыном Золотым Словом своего брата и вторая часть — о птичьем языке («Иная притча о том же царе»)⁴.

«Повесть», следовательно, давно уже была описана, научно издана по двум спискам, но до сих пор не подвергалась даже самому предварительному анализу. А между тем и по идеям и по своему содержанию, и по художественной форме «Повесть» заслуживает более детального рассмотрения.

Оба сюжета этой «Повести» характерны для восточного фольклора и восходят к глубокой древности. Один из сюжетов (переданный в русском варианте неполно) рассказывает о двух братьях — глупом (по другим вариантам — невежде) и умном (в нашей сказке Алтын Золотое Слово, по другим вариантам — лжец, хитрый придворный). Глупый брат, желая по-

¹ А. Е. Виктор ов. Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским публичным и Румянцевским музеями в 1868 г., после Д. В. Пискарева. М., 1871, стр. 46.

² А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882, стр. 331.

³ М. О. Скрипиль. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 324—332 («Повесть» опубликована на стр. 324—327).

⁴ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец. — Материалы по истории СССР, в. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 9.

хвастаться перед царем, произносит заведомую ложь («я слышал в воздухе собачий лай»), за которую царь приказывает его казнить. Однако изворотливый брат спасает его от смерти, объясняя ложь глупого брата тем, что орел схватил щенка, поднял его высоко в воздух, там щенок залаял. Царь пожаловал глупому брату кафтан. Эта часть рассказа о двух братьях в нашей «Повести» отсутствует, действие разворачивается в ней непосредственно с того момента, когда глупый брат объявляет царю, что он убил оленя одной стрелой, ранив его одновременно в правое ухо, в левое ухо и в левую заную ногу; олень упал, сам собой изжарился в кислой подливке, и охотник его съел. Снова царь велит казнить глупца, и снова хитрый придворный объясняет царю, что все это могло быть в жизни: олень чесал левое ухо левой задней ногою, стрелок метнул стрелу в правое ухо, стрела прошла насквозь, поразила левое ухо и ногу, упала, ударилась о камень, искра зажгла находившуюся рядом солому, олень изжарился, а росший рядом куст смородины дал кислую подливку.

Второй сюжет, входящий в нашу «Повесть» и объединяющийся с первым общим именем главного героя — Алтына Золотого Слова, в восточном фольклоре существует отдельно и связывается обычно с именем известного газневидского султана Махмуда Газневиды (967—1030) и его везира Хусана. Султан Махмуд был известен своими жестокостями. Удачные войны, особенно грабежи Индии, принесли сказочные богатства верхушке знати, тяжелым бременем ложились на народ. По словам придворного историка Утби, жители «были обобраны, как бараны». Земельные участки были запущены, села опустошены, искусственное орошение пришло в упадок.⁵ Имя Махмуда, как это обычно и бывает в фольклоре, нередко опускается и заменяется или именем Ширван-шаха (грузинские варианты), Ислам-гирея (русская повесть) или просто безымянным ханом, султаном. В этом сказочном сюжете разрабатывается популярная для восточного фольклора (см., например, «Тысячу и одну ночь») тема укращения свирепого хана мудрым везиром. В анализируемой сказке Алтын Золотое Слово под видом пересказа разговора двух сов дает характеристику правления царя, опустошившего землю; царь, услышавший такой суровый о себе отзыв, становится милостивым.

Давняя популярность обоих сюжетов подтверждается тем, что уже в конце XVII в. они вошли в качестве притчей в состав так называемой «Книги мудрости и лжи» Сулхана-Сабы Орбелиани (1658—1725) — видного грузинского писателя, ученого-лингвиста и политического деятеля, сторонника просвещенного абсолютизма, приживавшегося русской ориентации. 150 различных сказочных и нравоучительных сюжетов, взятых им частично из «Калилы и Димны» и объединенных в одну книгу, пользовались большой популярностью: до нас дошло свыше 30 списков XVIII в. этой книги. Большинство сюжетов почерпнуто Орбелиани из сокровищницы фольклора.⁶

⁵ См. о султани Махмуде. Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв., ч. I. М., 1953, стр. 506—510, 528—530, 650—651, а также: БСЭ, 1-е изд., т. 38, стр. 499—500; 2-е изд., т. 26, стр. 548; Брокгауз и Ефрон, т. XVIIIа, № 36, стр. 823; E. J. W. Gibb. History of the fourty Vezirs, London, 1886, стр. 144—145.

⁶ Эта книга под разными названиями неоднократно переводилась на русский язык: см. Книга мудрости и лжи. Грузинские басни и сказки XVII—XVIII стол. Саввы-Сулхана Орбелиани. Перевод и объяснения Ал. Цагарели. СПб., 1878; Сулхан-Саба Орбелиани. Мудрость лжи. Перевод Ал. Цагарели, ред. С. Иорданишвили Тбилиси, 1939; Сулхан-Саба Орбелиани. О мудрости вымысла. Перевод Е. Гогоберидзе, под ред. Е. Лундберга. ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948; 2-е изд., ГИХЛ, М., 1951. Лучшее издание — Тбилиси, 1939. Перевод на немецкий язык: Die Weisheit den Lüge, gesprochen von Sulchan-Saba Orbeliani. Berlin, 1933 (Georgische Bibliothek, herausgegeben von A. Metreweli. № 1).

Проникновение восточного фольклорного материала в древнерусскую литературу началось еще в период Киевской Руси и продолжалось в течение последующих веков. Начиная с повести об Акире Премудром и кончая повестью о Еруслане Лазаревиче, мы находим в древнерусской литературе много примеров, подтверждающих давние культурные связи русского народа с народами Востока. Особенно популярны в древнерусской письменности были нравоучительные сказки и притчи, столь характерные для восточного фольклора (сюжеты из Акира Премудрого, Стефанита и Ихнилата, Варлаама и Иосафа и т. д.).

Наличие русской обработки восточной сказки о мудром советнике царя может быть объяснено также и тесными связями этого сюжета с русским сказочным сюжетом о птичьем языке. Сказки с этим сюжетом широко известны как в русском,⁷ так и в восточном фольклоре.⁸ Знание языка птиц или животных в качестве сказочного мотива входит в состав многих других сказочных сюжетов и является одним из распространенных способов проявления чудесного знания (или чудесного умения) главного героя. Этот мотив проник и в древнерусскую литературу. Так, в заключительной повести царевича Диоклетиана «О двух слугах царских и о Александре и о Людовике» (бытующей и в качестве отдельного произведения) из «Повести о 7 мудрецах» есть эпизод о египетском короле и 3 воронах, требовавших царского суда. Знание птичьего языка помогает Александру разрешить их спор.⁹ В 16-й притче «Стефанита и Ихнилата» говорится о двух совах, выученных говорить человеческим языком.¹⁰

Оба изданных списка «Повести» относятся к XVII в. — один к первой четверти,¹¹ второй — к середине. Оба списка являются копиями с более ранних вариантов, вернее всего — выпиской из какого-то сочинения, тематически связанного с татарской тематикой, что и дало основание переписчикам озаглавить свою повесть «Из книг бытей татарских» (или «Из книг быттейских собрание о татарских»). Русские варианты этого сюжета называют сказку «притчей», видимо, потому, что в конце ее имеется двойное нравоучение: во-первых, для царя, изменившего систему своего правления, и, во-вторых, для читателя: находчивый человек, умело пользующийся своим разумом, не только себя может спасти, но и дать облегчение многим людям. Интересно, что оба списка находятся в сборниках, включающих летописцы. Других произведений литературного характера в этих сборниках нет.

Время возникновения данной «Повести», как произведения недатированного, можно установить лишь приблизительно, опираясь главным образом на литературные аналогии. Верхняя хронологическая граница «Повести» — первая четверть XVII в. — определяется наличием рукописных списков «Повести». Что касается нижней хронологической границы, то едва ли можно будет ее опустить ниже конца XVI в.: и по своему содержанию, и по литературным образам, и по лексике интересующая нас «По-

⁷ См., например: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. II, изд. 5-е. М., 1938, № 138 и многие другие.

⁸ Сказка о птичьем языке составляет содержание первого рассказа из «1001 ночи» — рассказа о быке с ослом (см.: Книга тысячи и одной ночи, т. 1. Academia, М.—Л., 1932, стр. 15—18).

⁹ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934, стр. 124; И. Н. Жданов. Повесть об Александре и Людовике и былина «Нерассказанный сон». — Русский былевой эпос. Исследования и материалы, I—V. СПб., 1895, стр. 155.

¹⁰ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 164.

¹¹ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец, стр. 9.

весьма теснее связана с литературной традицией XVII, а не XVI в. В частности, обращение «Государь царь, вольный человек», имеющееся в этой «Повести», встречается и в «Повести о Еруслане Лазаревиче».¹² Образ опустошенной земли также больше характерен для литературы начала XVII в., когда в результате политики правительства Грозного и польско-шведской интервенции начала XVII в. громадные пространства центра России были опустошены и разрушены. Образ мудрого советника также находит себе параллели в литературе XVII в., главным образом в рыцарских романах и сказочных повестях. Поэтическая лексика «Повести» — большое количество диалогов, частые приложения типа «холопа своего, брата моего», «тебе, государю», «от тебя, государя» и т. д., неоднократное употребление частицы «де» и многое другое — может быть сопоставлена с лексикой таких произведений, как «Сказание о киевских богатырях», «Повесть о Дмитрии Басарге» и т. д. Наконец, именно для этого времени (20-е годы XVII в.) характерен повышенный интерес к личности Грозного и к его времени (см. «Пискаревский летописец», сочинения начала XVII в. и т. д.). Образ грозного султана в нашей «Повести» мог ассоциироваться у читателей с образом Ивана Грозного.

Эта небольшая «Повесть» интересна не только своей близостью к фольклору. Под оболочкой сказочного повествования скрывается мысль о необходимости справедливого правления, полного милостей и льгот. Смысл «повести» — в конечных фразах, выражающих вековую мечту народных масс: «И от тех мест стал царь милостив, и льготу стал давать, и дани поубавил, и опять стало все жило». Образ сказочного «укротевшего» царя — это широко популярный сказочный образ, близкий и понятный посадским и крестьянским массам, не освободившимся еще в это время от царистских иллюзий.

«Повесть о разуме человеческого» — свидетельство растущих связей русской литературы XVII в. с литературами и фольклором Востока.

¹² См., например, список Погодина, № 1773: Г. Кушелев-Безбородко. Памятники старинной русской литературы, в. II. СПб., 1860, стр. 334.

А. Н. ЛОЗАНОВА

Фольклорные и книжные отклики на войну 1632—1634 гг.

Война за Смоленск 1632—1634 гг. нашла широкий отклик в современной ей литературе и в устной народной поэзии.

И содержание произведений, и разнообразие их форм свидетельствуют о тех впечатлениях, которые оставила эта неудачная война в различных общественных слоях Московского государства. Она отразилась в разных видах произведений: и в народной исторической песне, созданной под стенами Смоленска, и в покаянном стихе, который явился откликом на казнь главного полководца смоленской армии, и, наконец, в художественно-прозаическом рассказе, составившем часть «Повести о Савве Грудцыне». Не касаясь «Повести»,¹ мы остановимся лишь на произведениях, возникших непосредственно вслед за событиями.

До последнего времени считалось, что историческое народно-песенное творчество о борьбе за Смоленск в XVII в. представлено лишь песней о присоединении Смоленска в 1654 г. («Земский Собор») — песней, известной в ряде олонецких вариантов. Однако в недавнее время были обнаружены новые материалы.

В 1946 г. руководителем фольклорно-лингвистической группы научной экспедиции Якутского филиала АН СССР, Т. А. Шубом, была записана песня о войне за Смоленск 1632—1634 гг. Эта находка подтвердила живое бытование второго сюжета о борьбе за Смоленск и, кроме того, в значительной мере объяснила содержание песенного отрывка о сражении под Смоленском, записанного И. А. Худяковым во время верхожанской съезды.

Запись И. А. Худякова, сделанная, вероятно, в конце 1860-х годов, была найдена посмертно в его бумагах и напечатана в Верхожанском сборнике.² Опубликованный текст фрагментарен и разрушен. Что касается записи Т. А. Шуба, то она представляет собой вариант песни, найденной И. А. Худяковым. Текст Т. А. Шуба, хотя и не завершен, но отличается лучшей сохранностью, более целен по композиции и содержанию. В пределах Европейской части СССР песня о бое за Смоленск не отмечена. Обе записи ее (И. А. Худякова и Т. А. Шуба) сделаны на северной окраине Сибири от уроженцев с. Русское Устье на р. Индигирке.

Ввиду того что каждый из вариантов представляет собой как бы дополнение другого, приводим их полностью.

¹ Разбор «Повести о Савве Грудцыне» в связи с исторической действительностью эпохи сделан М. О. Скрипилом в книге «Русская повесть XVII века» (Л., 1954, стр. 385—399).

² Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по отделению этнографии, т. I, в. 3. Иркутск, 1890, стр. 310.

Запись И. А. Худякова

М и л о с л а в с к и й ³

Да пошла-то наша сила 2
 Да по горé-горе Покровской, 2
 Ко городу ко Смоленской. 2
 Как Илья сын Милославский
 Наперед он выбегаёт,
 Пушку-порох зарежает,
 Стал по городу стреляти.
 ...Положи[л]а сорок т...
 Приезжает-то Илья,
 Приезжает-то сару своему,
 Приезжает-то сару затю своему, 3
 И тот-то сар спроговорит:
 «Оставались малы детушки на покаяние,
 Остались малы детушки на скитание,
 И остались у них да жены плачут-сидят,
 Малы детушки, детушки да скитаются;
 Малы детушки да они исть хотят!»

Запись Т. А. Шуба ⁴

М и р о с л а в с к и й

Не злаченная труба в поле трубилаша,
 Не скаченная жемчужника прокатилаша,
 Пригласил-то нас надёжа православный сар:
 «Ох ви, дети мои, дети мои, мои детушки,
 Развоенные мои да ви солдатушки,
 Послужичь ви, робята, веро-правдою,
 Верой правдою, робята, неизменною.
 Вы достаньче, допустиче взять Смолин-город».
 Еще во ту пору робята запечались:
 «Как тепериче нам на шветь живым не бучь,
 Не видачь-то нам, робята, молодых жён,
 Молоды жё, робята, малых детушэк».
 «Еще дам я вам воеводу неизменную,
 Швет любимого мово шурина,—
 Швета Якова дам вас Лююпостовича».
 Тут пошла-то наша сила
 Да по горе, горе Покровской,
 Под славной город Смолинской.
 Шел Илья сын Мирославской.
 На прыступ ставал не крепко,
 Раздражал полки не ланно,
 Велел схоняя он подрубичи
 По схоням скоро бегиче.
 Один маленький панёнок,
 Ниоткуль он выбегаёт,
 В пушке порох заражаца,
 Люто зелье разрывацаца.

Центральным эпизодом обоих вариантов является бой за Смоленск. Обе песни говорят о войске, о нашей силе, которая двинулась к Смоленску по горе Покровской. Начало боя за Смоленск изображено одинаково в том и другом варианте. Именно картиной боя на подступах к Смоленску начинается текст И. А. Худякова. Но в сравнении с этим текстом текст Т. А. Шуба более развернут. Он содержит зачин и ряд последова-

³ Никаких дополнительных примечаний к тексту нет, кроме общего указания к разделу «Песни, записанные от уроженца Русского Устья».

⁴ Записи покойного Т. А. Шуба опубликованы в трудах Сектора народного творчества ИРЛИ «Русский фольклор» (см. в. I, 1956, стр. 207—236).

тельно развивающихся эпизодов (обращение царя к солдатам с просьбой взять «Смолин-город», раздумье солдат, их печаль о том, что им «живым не быть», не видать молодых жен и малых детушек; обещание царя дать войску надежного воеводу).⁵

Оба варианта сходятся на том, что руководит боем «Илья сын Милославский». Но далее содержание разворачивается по-разному. В записи И. А. Худякова после упоминания о Милославском стерта часть стихов. Они возобновляются эпизодом возвращения Милославского к царю; вероятно полководец докладывал государю о ходе боя, о жертвах, так как после стершихся стихов сохранились отрывки слов «полож[и]ла сорок т[ысяч]». Царь высказывает сочувствие и жалость к семьям погибших, к их женам и малым детям, которые остались «на скитание».

В варианте Т. А. Шуба действия полководца (по песне Ильи Милославского) изображаются как неудачные и даже предательские («На приступ ставал не крепко, Раздражал полки не ланно...»). Далее вариант обрывается изображением самого приступа и встречи русских войск с неприятелем.

В этих песнях о битве за Смоленск запечатлелись упорные бои на подступах к крепости со стороны горы Покровской на правом берегу Днепра. По историческим данным известно, что только с июня по конец августа 1633 г. у горы Покровской произошло четырнадцать сражений. В сентябре отесненные русские войска вынуждены были отойти на левый, восточный берег, и это решило исход войны. Она была проиграна.

Песня, сложенная, вероятно, во время самой войны, передает чувства и переживания участников сражений: здесь и движение наступающих, и отдельные боевые мероприятия, и приказы командования. Выделяется в обоих вариантах коллективный образ русского войска — «нашей силы», которая смело идет на приступ. В том и другом варианте отчетливо показан также образ царя. Близкий народу царь советуется с солдатами и просит их помощи в войне за Смоленск. Этот образ напоминает здесь (вариант Т. А. Шуба) образ царя в песне о Земском Соборе. В варианте И. А. Худякова царь изображен печальщимся о народе, о семьях погибших воинов. Отрицательными чертами обрисован в песне руководитель боев — Илья Милославский (в действительности не участвовавший в этой войне). В этом образе песней выражена народная оценка неумелых, а иногда и предательских распоряжений отдельных военачальников под стенами Смоленска.

Образ И. Д. Милославского в обоих вариантах песни дан отрицательно. По историческим свидетельствам, И. Д. Милославский — зять царя — приобрел известность в народе с неприглядной стороны. Характерно, что не М. Б. Шеина, руководителя осады Смоленска в 1632—1634 гг., осудила народная память.

Из литературных произведений, возникших по следам неудачной войны, показателен один из «покаянных стихов», явившийся откликом на несправедливое обвинение и казнь воеводы М. Б. Шеина.

Михаил Борисович Шейн, проявивший свою верность родине за двадцать месяцев тяжелой обороны Смоленска в 1609—1611 гг., патриот, испытывавший унижения польского плена,⁶ был назначен главным полководцем в войне 30-х годов за Смоленск. Успешное вначале наступление русских войск в дальнейшем не принесло победы. Осада Смоленска велась в труд-

⁵ Имя этого воеводы по песне — «Яков Люпопостович», — возможно, является измененным именем шведского полковника Якова Деллагарди, сына Понтуса.

⁶ С 1611 по 1619 г.

ных условиях. Снаряжение, боеприпасы, продовольствие и подкрепления людьми доходили до армии с громадным запозданием. Несмотря на героические усилия, Шеин ввиду истощения армии и вследствие измены некоторых военачальников должен был прекратить осаду крепости. С остатками измученного войска, бросив обоз и боевые орудия, полководец бесславно возвратился в Москву. Там, по проискам бояр, он был обвинен в измене и обезглавлен, как и его ближайший соратник Артемий Измаилов; многие другие участники похода и их родственники также подверглись жестоким наказаниям и ссылкам.

В. И. Малышев, разыскавший и опубликовавший этот «покаянный стих», считает временем его создания вторую половину 1630-х годов. Но нам кажется более вероятным, что произведение могло быть сочинено сейчас же после событий. Действительно, только по горячим следам того, что случилось, мог возникнуть стих, так страстно осуждающий «злое дело». За гневными и скорбными восклицаниями автора встают и факты недавней войны, и ее финал, получивший широкую огласку не только в стране, но и за ее пределами:

Слышат бо языцы нашу неправду
И многия видят своима очима,
Еже творим со своим христианом
Немилость и безчеловечество лютейша зверя,
Яко и храбрых своих воинов,
Против врагов твердо стоящих
И тех ненавидящих оружием убиваху,
Смерти предающе.⁷

В конце стиха автор, выступая против клеветников и обвинителей Шеина, скорбит, что патриотам-воинам «не восхотеша... дати чести земные»; но за страдания венчали их «кровным венцом»; тем и увековечилась их память.

Содержание этого скорбного стиха глубоко патриотично и исполнено высокой морали. И вместе с тем в нем выражается гневный протест против официальных постановлений, приведших на плаху честных воинов. Своим патриотическим пафосом и гневными обличениями стих перекликается с публицистическими произведениями первых десятилетий XVII в. В стихе слышатся даже отдельные выражения, как бы сознательно взятые из патриотических произведений (грамот, «Новой повести о преславном Российском царстве»), с большим чувством прославлявшие «крепкое стояние» защитников Смоленска против «сопостат».

Так, литературный стих XVII в. и историческая песня оценили современные им события, выразили «свое» мнение о войне 1632—1634 гг. и об ее участниках.

⁷ В. И. Малышев. Стихотворная параллель к «Повести о горе и злочастии». — ТОДРА, т. V. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 147—148.

ПШЕМЫСЛАВ ЗВОЛИНСКИЙ

Неизвестное первое издание «Думы казацкой» 1651 г.

Текст «Думы казацкой» о битве под Берестечком в 1651 г. известен до сих пор в двух вариантах, восходящих к двум разным спискам.

Первый из них был опубликован лет семьдесят назад А. Петровым и П. Житецким.¹ Разделение работы между двумя издателями заключалось в том, что первый опубликовал полностью текст неизвестной ранее рукописи, другой на этой же основе приготовил гражданскую транскрипцию, сопровождаемую кратким комментарием. Незначительные поправки, введенные П. Житецким в текст, были им выделены курсивом, более серьезные обоснованы в примечаниях, взятых в скобки в самом тексте.

Рукопись была обнаружена на чистых страницах книги in folio без начала, но с разрешением цензора в конце. Эта книга, по мнению А. Петрова, имела название «De Militia Equestri, antiqua et noua à P. Hermanno Nugone» и была издана в 1627—1630 гг. в Бельгии, предположительно в Брюсселе. Предшествующий владелец этой книги Г. Польчиньский из Насельска, подаривший ее издателю, предполагал, что она находилась в библиотеке Бенедиктинского монастыря в Пултуске. Так как нынешняя судьба этого экземпляра неизвестна, вопрос об его происхождении остается неразрешенным.

Текст «Думы» написан в одну строчку, без строфического расположения на латинском алфавите с польской орфографией. А. Петров датирует рукопись XVII в. и, отмечая ее ценность для украинского языка, перепечатал текст точно так, как он был записан, сохраняя случайную пунктуацию, ограниченную лишь запятыми.

Приведем для иллюстрации начало: «Duma Kozackaia o wojni skoza-kamy nad rikoiu styru nate nute ou rostylbym ia sim ponediłkow osmiiu nediłenku W roku 1651 Ou riko styru sczo Hmil o wiru, iakya wsemu miru chde w dnigr wpadaiesz opowidaiesz, radost z wojny czy miru».

П. Житецкий в своей транскрипции придал тексту графическую форму стиха, упорядочил и осовременил пунктуацию, а также употребление больших и малых букв.

Начало «Думы» в транскрипции выглядит следующим образом:

Ой ріко Стыру, що Хміль о віру,
Як і я всіму миру
Где в Дніпр впадаєш, оповідаєш
Радость з війны, чи миру.

В таком построении П. Житецкий опубликовал полностью 172 стиха, из которых непарные имеют по 10, а парные по 7 слогов.

¹ A. Petrów und P. Ziteckij. Die Niederlage Bogdan Chmelnicki's bei Beresteczko am Flusse Stur 1651, in gleichzeitiger poetischer Bearbeitung. — Archiv für slavische Philologie, II, 1877, стр. 297—307.

Текст А. Петрова, вернее лишь 160 стихов, издал вторично А. Крымский на свободных страницах своей изданной в очень трудных издательских условиях «Украинской грамматики».² В связи с этим 40 начальных стихов нужно искать во II томе на стр. 63—64, а последующие — в I томе на стр. 258, а также на стр. 269—272.

А. Крымский придал новую форму своей перепечатке. Он сохранил латинский алфавит и орфографию рукописи в такой мере, насколько она была связана с произношением, но усовершенствовал по сравнению с П. Житецким пунктуацию, употребление больших букв, а также раздельное и слитное написание слов. Благодаря этому текст, не теряя своей ценности для истории языка, стал более читаемым и понятным. Несколько поправок были выделены в квадратные скобки и лишь в одном случае изменение в произношении текста было выяснено в сноске. Это место (стр. 85—89) следует привести для иллюстрации:

Ja procz odhozu, da rak wyhozul
Za zdradu maju tobi,
Szczo my sie stało! Kolko propało
Murz moich tul! Raze sobi!³

В отличие от П. Житецкого А. Крымский ввел еще одно чисто внешнее изменение: он разделил все произведение на четырехстрочные строфы, подчеркивая тем самым его стихотворную схему 2 (5 + 5 + 7).

На эту схему обратил внимание А. Потебня в своей рецензии на собрание украинских народных песен Я. Головацкого,⁴ где привел для сравнения песню, на мотив которой можно было петь «Думу». Одновременно рецензент предложил другое оригинальное чтение начала произведения:

Ой ріко Стиру, що хвілє-віру! Якую всему міру,
Де в Дніпр впадаєш, оповідаєш радість? Э войни, чи
міру?

В своей гипотезе А. Потебня измененные слова рассматривает как эпитеты Стыр, а «радість» интерпретирует как «известие», «новость».

Свое новое чтение А. Потебня уже за два года до опубликования рецензии переслал в письме к Ягичу, тогдашнему редактору «Archiv für slavische Philologie», и тот привел ее содержание в редакционной заметке.⁵

А. Крымский обошел молчанием эту пробу чтения, но ее полностью отверг В. Перетц, обнаруживший и опубликовавший другую версию «Думы казацкой».⁶

В. Перетц нашел стихотворение под названием «Дума казацкая о Берестецкой победе 1651 21 июля» на лл. 21—22 рукописи XVII в., заключающей различные польские и латинские тексты и хранящейся в ГПБ. По сравнению с уже известным текстом эта версия была более краткой. В. Перетц опубликовал ее, сохраняя орфографию оригинала,

² А. Крымский. Украинская грамматика для учеников высших классов гимназий и семинарий Приднепровья. М., 1907.

³ К этим стихам А. Крымский сделал следующее примечание: «В этом стихе я решил сделать две поправки сравнительно с текстом, изданным в „Arch. f. slav. Phil.“. Именно вместо „za zdradu moi“ я читаю „za zdradu maiu“, а вместо бессмысленного „tiaraze“ читаю „... tul! Ra[d]ze“, как, наверное, и стоит в рукописи».

⁴ Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Головацким. Москва, 1878. Рецензия А. Потебни. — Отчет о 22-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1880, стр. 64—152.

⁵ Archiv für slavische Philologie, III, 1878, стр. 219.

⁶ В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 2. СПб., 1900, стр. 94—102.

но ввел такое же разделение на стихотворные строки, какое употребил П. Житецкий в своей транскрипции. Сравнение показывает, что текст, изданный в 1900 г., включает немногим более третьей части уже известного — лишь 68 строк от 172, а также две строки (23 и 24), которые отсутствуют в более полном тексте.

Текст В. Перетца не только сокращен, но отличается и в подробностях от старой редакции. Это заметно и на уже цитированных начальных стихах:

O Ryko Styru, szco Chmil za wiru,
Skazy tu wsiemu miru.
Gdy w Dniepr wpadaiesz, opowidaiesz
Radost z Wuyny, czy z miru.

По мнению издателя, открытый им вариант в ряде мест является более правильным, с чем нужно согласиться, и даже возникающая благодаря пропускам краткость становится достоинством, так как произведение стало более стройным и выразительным.

Этих взглядов придерживается, вероятно, и А. Белецкий, который в изданной им «Хрестоматии»⁷ опирался на текст В. Перетца и привел его в собственной транскрипции, не указывая на более полную версию А. Петрова и П. Житецкого.

Различия между двумя редакциями позволяют сделать вывод, что ни одна из этих версий не восходит непосредственно к другой и что они являются лишь переработками какого-то общего источника. Этот неизвестный до сих пор в литературе источник существует и находится в Библиотеке Польской Академии наук в Гданьске под сигнатурами Дм 3089,8°. Это, однако, не рукопись, как можно было бы предполагать, а случайное, состоящее из двух листов издание 1651 г., в котором находится полный текст «Думы». Он состоит из 120 стихотворных строк по 17 слогов в каждой, что в стихотворной форме, использованной П. Житецким и В. Перетцом, составило бы 240 строк, т. е. на 68 строк больше, чем в самой большой версии «Думы», изданной в 1877 г.

О существовании этого уникального издания я сообщил в коллективной «Истории украинского языка»,⁸ где опубликовал десять начальных строк, сопоставляя их с текстом, изданным А. Петровым. Их сравнение убедительно показало, что версия А. Петрова, несмотря на отдельные неточности, является достаточно верным списком с опубликованного текста, в то же время вариант В. Перетца представляет собой свободную переработку.

В обнаруженном нами издании находится полный текст «Думы», представляющий в идейно-художественном отношении законченное целое, более верный в совпадающих фрагментах по сравнению с опубликованными до сих пор изданиями и заслуживающий, следовательно, опубликования *in extenso*, что будет способствовать исправлению ошибок, допущенных переписчиками.

Перепечатку привожу в размере, совпадающем построчно с оригиналом, сохраняя его написание в транслитерации с готика на антикву, т. е. сохраняя подчеркнутое «á» (ясное), версалики, пунктуацию и т. п. Единственным отступлением является замена долгого «s» кратким.

⁷ О. Я. Білецький. Хрестоматія давньої української літератури. Вид. 2. Київ 1952, стр. 201—202.

⁸ Т. Lehr-Spławiński, P. Zwoliński, S. Hrabec. Dzieje język. ukraińskiego w zarysie. Warszawa, 1956, стр. 42—43.

Dvma Kozácka

O Woynie z Kozákami

Pod Beresteczkiem nád Styrem Rzeka. Roku Teraznieyszego 1651. Dniá 28. y 29. y 30
Czerwcá y potym Dźwieńtatego y dźieśiátatego Lipcá.

- Ná tę Notę. Oy postiłbym iá sem Ponedielkow ośmuiu Nedieleńku.
OY Ryko Styru | szczo Chmiel o Wiru? iákiie wsemu Myru |
Hdy w Dniepr wpadáiesz | opowidáiesz radoszczy | zwoyny | czy miru?
Han nástupuiet | sám pomahaiet | Kozákom; Láchow biti:
Pod Beresteczkom máłym Misteczkom | miel' onych Krow proliti:
5 Ná perewoží | czypak w dorożi; Korolá po hromiti:
Woyskom | Hetmanom | Korolem Pánom; Tátarom zapłátití:
HAN. zходу radit. Dá ne poradit. Kozáki woynu lubiet.
Oy KAZYMIRV | w że tobi miru; z Kozákami ne budet.
Do šíul ne znáiet | chot posyłáiet; od kul HAN nástupáiet;
10 Znim z hodneśęko CHMIL Raneśęko | k Korolu siá zblizáiet.
Byłá pohoda: da WOIEWODA. Ruskiy znát woysku dáiet:
Tot że o HANIE | y o Hetmáne | KOROLV oznaimláiet.
Sereda pryszłá | wśiá ordá wyszłá: CHAM y CHMIL z Kozákami |
Zraná szturmuiut y nástupuiut. Ticho meży Láchami.
15 Aż Konecpolski Chorużyi Polski náyperszyi wybihaiet |
Znim Lubomirskii znat muž Ricirskii | meży woiska wpadaiet.
O Lubomire tobi pry mire pered Korolem iti:
Nie skozákami y Tátarami náyperszemu siá biti.
Idut ditiny | iák muž odiny. brat brátu pomáhaiet |
20 A Wiszniewiecki choc neweliczki swoich ne odstupáiet.
Skoczyli chutki. O wżež ne szutki: Kozáki vtikáiuť:
Zá nimi Láchi | (byliż tam strachy) do Táboru wpadáiuť.
Ordá ne radit: chot: Hán prowadit: chot ich nápomináiet:
Pered Láchami: oy Iunákami: szczo żywo vtikáiet.
25 Dá to niczoho | pało nemnoho | bolsz woyská iest CHmelowi;
Czetwer poprawit; iák pole stáwit: Hán | y CHmiel | Korolowi
[1v].
Czetwer náchodit: Woysko wychodit: Hán | y CHmiel | z kozákami:
Oy ne Zborowa | woyná to nowa | ne iák pod Piláwcami.
Ne vtikáiuť: Krow proliwaiuť: y ná Tátar ne dbáiuť:
30 W krowii Tátarskoi | y Bisurmanskoi | ostryi mecz swoi kupáiuť.
Tut Kazánowski | Bohátyr Polskii | sercá wśim dowaiet.
Dá oborony | Polskõi | Korony | hołowu pokłádaiet.
Biet sie szczo żywo: dá welmi diwo mni | ná Ossolinskoho;
Szczó nás woiiuť: ne náśliduiet Kánclerá Diádká swoho.
35 Tot był pokoyny; ne iskáv woyny; on ná nás nátiráiet:
Iáko Lách dawny | y iunák słáwny | dlá polski vmiráiet.
Báczył Rycyra: Hán Podkánclera. Sápihu; szczo zblizáiet
A Wysznewecki | y Lubomirski | ieho ne wydawáiet.
Szczó nebož Háne. iák znáiesz stáne Lách? po Piláweckomu?
40 Ne vtikáiet: ot nástupáiet: k Bunczuku; y Hánskomu.
Oy ne hlediti: treba siá biti: Hán Murz nápomináiet:
A Lách nedbáiet: Murz zábiiáiet: w ich krowii micz kupáiet.
Páw strach ná Hána: szlet do Hetmaná: iáko nocz nástupiłá;
Szczob twoiá radá: istinná zradá nikoli siá ne sniłá,
45 Iá procz odchožu; dá pák wyhožu | zá stratu moiui tobi:
Sszzomi siá stało: kolko propało Murz moich: tiámže sobi.

W nohi pádaiet: Tyseczy daiet CHmelnicki tut HAnowi:
 Szczob nástupiti; y Láchow biti | závtra weliw woyskowi.
 Iá Senátory | Polskoy Korony; y KOROLA dám tobi:
 50 Wse to nestátki | vsi dostátki | závtra ich wozmesz sobi.
 WPIATVNVK Rano | vszykowano woysko do boiu býlo:
 Tumán | nehodá; Láchom wyhodá: Nebo Sonce zákryło.
 Bo síá prybrali: y wszyku stáli: nim Sonce zászwiťilo |
 Láchi | Kozákóm | sláwnym Iunákóm | y hledit straszno býlo.
 55 I dowho stáli: począt boiáli: z Láchami síá nebili |
 Až baczat Láchi: szczo ná nich strachy: dá y donás skoczyli.
 Sprawoi Ruki: HAN z swoimi DVKI: z Krakowskim síá stiraet |
 A Wysznewecki | Oboz Witezski | y CHMELA odpiraiet.
 Po sered szyku | pámetnyi wiku | sam KOROL nástupáiet.
 60 Ná kryk | ná huki | nizdił ná puki | niczohénko nedbaiet |
 Kryk trub powstánet: Huk zátym wstánet. Dimy deń iásnyi tmili:
 Strely | Iánczary | y zdił požary | ne prestanno swetili.
 [2r]
 Wtym od Hetmaná: z Dił Láchi HANA zázazom odłuczylí:
 Zátym síá stálo | hdy MVRZ nemało y Tátarow nábili;
 65 HAN Vtikáiet; y Kosz miáiet: Námetow odbiháiet.
 Láchi honili: Tátarow bili; HAN síá ne ohledaiet
 Tut zász Kozáki | chotže iunáki | oy risiko vtikáli:
 A Láchi hnáli | y ich stinali | až Tábor rozrywáli.
 Y Hdyby noczy tmá nápomoczy Kozákowi nebylá;
 70 Ne odnáb máti | hdyb čto dál znáti | Kozáckaiá; záwyłá.
 Y ták Boh znáiet | szczo bolsz byt máiet | Tátáre odstupili:
 Zátym bolsz Láchu sył; á nám strachu; bo nás tám otoczyli.
 Treczy klániáli | y vpadáli KOROLA smo prošili;
 Po Zborowomu | lub po staromu szczo bysmy znouwu zyli.
 75 Mowit ne dáiet: z Oczu z hániáiet: wydayte mi Hetmáná:
 Pánow słucháyte: stárszynu zdáyte: á idyt biite HANA.
 CHmelá ne máiem; Pánóm klániáiem; Tátarow budem biti:
 Ale stárszyny | nászei družyny | nit wisti iák od stupiti.
 Páv strách nemały Hetmán Dzedzály | vmá ne pribiraiet;
 80 CHmelá Hetmaná | od złoho HANA | woysko ne doczekáiet.
 Zo wsiul zlá sprawá: lichá preprawá: stáv trebá prebywáti:
 To Pák y mostu (nit y chworostu) ni szczo ho zbudowáti.
 Hołod ne tuczyt: strach zdił nám kuczyt: nihde y vtikáti:
 Wozy postelem: Kozuchi stelem: w wodi toho ni znáti.
 85 WNEDILV wnoczy | Boh nápomoczy | budem síá probiráti:
 Chot že to strachy | tolko szczo Láchi; chotili wtoy czas spáli.
 Láchi poználi: wsiu nocz nespáli: nánas pilno czekáli:
 Wsi wpole wyszli: my tež nepriszli; áž ponedilku zdali.
 A WPONEDILOK | odbihszy DILOK | y boroszná všioho:
 90 Perebywaiem: dá pohibaiem. Szczęśliw szczo vszow złoho.
 Tych postináno: Druhych poymano: zá druhimi pohnáno:
 A druhich w Netry | w Lisách; iák wepy dikiie zábiiáno.
 Tyi pływaiut: do tych stryláut; w stáwy síá záliwaiut:
 Budet že tuzá; ne odná mužá: žená ne ohledáiet.
 95 Zlá nánas poszłá: TVRSKOHO posłá do CHmelá; poimano |
 Szkátułá CHmela: á tam do CHmelá pišm mnohich wnioy dostáno.
 Propalá sławá; od WLADYSLAWA Choruhwy; tám že wzaiaty:
 Y KAZIMIRA: ne mit premirá ne nahorodym straty.
 [2v]

- Oy ne mit sławy: tám y Buławy Hetmany odiskáli |
 Swoie: á nászy ná wiczne czasy Choruhwi tám propáli.
 100 Weś swit spużaiet koli poznáiet METROPOLIT zábity |
 W toize pory tu á był z KORYNTHV ôy stárec známenity.
 O Didszyi Kose; stot Didkow w Nose: twoiá to sprawá byłá:
 Z twoimi Czerncámi Monástyrcami bohđáy se y ne sniłá
 105 Wy podbiáli: wy rozmieszáli: Choruhwy nám swetili:
 Swinec dáwali: y primuszali; szczob iesmo Láchow bili.
 Krow násza biłá: nás boroniłá v Zołtych wod: Boh známi |
 Wy zápalili | y Swit zhubili | wászymi pychotami.
 Mowite WIRA: dáđ w polszcze mira wsiá IAREZ záżywaiet:
 110 Zyd | y pohanin | y Aryanin | pokoy o wiru máiet.
 My durny byli: o Wiru bili: bo wy nás ták vczyli:
 Szczob ieste wiru: zo wśioho miru Ruskocho wyhubili.
 Wy buntowáli: byste propáli: A Kozákóm VNITY:
 Szczó prowiniłi: wczóm prohreszyli Kozákóm IEZVWITY.
 115 O CHmelu | Chmelu | szczo ty powelu žemłách siá rostiłáiesz:
 Chutko nowinu | szczo ná Tyczynu podnesut tiá mit máiesz.
 Iák płynet wodá: ták WOYny WODA zstoboiu: wsiák propała:
 Chutney z premira | prawáiá wira | niž z twoiey woynyb w stała.
 Spewayże Styru pieśń dá o Miru: Woyná bodáy vstała.
 120 Idiž w Dniepr wodá: radže szczob zhodá chutniey tut nástupała.

Приведенный текст сохраняет типографские ошибки оригинала. Не буду останавливаться на первом двустииши с трудной для выяснения ошибкой, которую повторили переписчики двух известных текстов «Думы», хотя автор варианта, обнаруженного В. Перетцом, и пытался исправить неясность текста. В то же время совершенно легко исправить следующие ошибки: строка 30 — dowaiet вместо dodawaiet, стр. 31 — Dá oborony вместо Dlá oborony, стр. 51 — Wpíatnkv вместо wpiatnycv, стр. 86 — spáli вместо spáti.

Из многих неясных мест, особенно в издании А. Петрова, которые можно исправить на основе первоиздания, приведу для примера одно, которое представляется нам наиболее серьезным. Им является бессмысленное «tiaraze sobi», реконструированное, впрочем, мало убедительно А. Крымским как «tu! Pa[d']ze sobi», которое оказалось понятным «tiamże sobi» (стр. 46).

Учитывая расхождения между тремя текстами, было бы целесообразно привести их в синоптическом сопоставлении, что дало бы возможность быстро выявить их различия и совпадения, но узкие рамки данной статьи не позволяют этого сделать. Следует, однако, привести хотя бы те места, которые сохранились исключительно в первом издании. Это — стихи 19—20 (с тем, что в тексте В. Перетца стих 20 выступает как 47-й и 48-й вместо 38-го в первом издании), 79—80, 86, 91, а также стихи от 94 до 120, т. е. до конца. Помимо того, стихи 81 и 83 с некоторыми сокращениями объединены в один.

Мы также не приводим в данной статье транскрипции опубликованного текста и анализа диалектизмов этого, исключительно интересного с точки зрения истории языка, документа.

И. М. БАДАЛИЧ

Юрий Крижанич — поэт Иллирии

Мало кому известно, что хорватский писатель XVIII столетия, «один из родоначальников идеи общеславянского сближения», Юрий Крижанич (1618—1683), еще до своего отъезда в Россию засвидетельствовал свой югославянский патриотизм в четырех лирических стихотворениях, опубликованных в 1652 г. в парадном трехтомном сборнике, который был подготовлен и издан немецким ученым, иезуитом Афанасием Кирхером (1601—1680).¹

В первом объемистом томе этого сборника (в шестом квартанте) напечатана своего рода вводная часть к этому изданию, а именно 27 панегириков («elogium») в честь императора Фердинанда III (1608—1657), сочиненных на различных языках того времени (латинском, греческом, итальянском, французском, португальском, английском, немецком, венгерском, чешском, иллирийском, халдейском, сирийском, арабском, древнееврейском, армянском, персидском, самаритянском, коптском, эфиопском, индийском, китайском, египетском). В двенадцатом панегирике опубликованы четыре стихотворения Юрия Крижанича, имеющие следующие заглавия:² 1) Duma. Narvacki.³ (В латинском переводе озаглавлено:

¹ Athanasii Kircheri e Soc. Jesu Oedipus Aegyptiacus hoc est Universalis Hieroglyphicae veterum Doctrinae temporum iniuria abolitae instauratio. Opus ex omni Orientalium doctrina et sapientia conditum, nec non viginti diversarum linguarum autoritate stabilitum. Felicibus Auspiciis Ferdinandi III. Austriaci Sapientissimi et Invictissimi Romanorum Imperatoris semper Augusti e tenebris erutum Atque Bono Republicae Literariae consecratum. Tomus I. Romae, Ex Typographia Vitalis Mascardi MDCLII. (Tomus: I (1652); II Partes 1—2, 1653); III (1654). 4°. Интересно, что сочинения А. Кирхера были известны в древней Руси и переводились (см.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 94, 182).

² И. В. Ягич в своей работе о Ю. Крижаниче, написанной к трехсотлетию со дня рождения (Jagić. Život i rad Jurja Križanića o tristogodišnjici njegova rodjenja. — Djela Jugosl. akademije, knj. XXVIII. Zagreb, 1917, стр. 91—94), первый исследовал (стр. 91, 94) язык панегириков Крижанича в указанном сочинении А. Кирхера. Однако Ягич говорит здесь, что он не мог отыскать «Zbožnik» ни в одной из венских библиотек и поэтому при разборе этих стихотворений Крижанича воспользовался текстами, опубликованными Е. Ферменджином в 1886 г. в «Starine Jugosl. akademije» (XVIII, стр. 226—229). Неудачу, постигшую Ягича в поисках сочинения Кирхера, которое, по всей вероятности, имеется в венских библиотеках в большом количестве экземпляров (Университетская библиотека в Загребе имеет два экземпляра: первый из библиотеки Зринских, второй — из библиотеки Ивана Драшковича в издании 1667 г.), надо объяснить тем, что Е. Ферменджин процитировал его весьма неточно; неправильно приведены Е. Ферменджином заглавия сочинения Кирхера; собственно говоря, основное заглавие сочинения отсутствует и, кроме того, не указан автор; год издания также неправильно указан. Поэтому Ягичу и не удалось обнаружить его в библиотеках Вены. Однако нас все же удивляет то, что Ягич не догадался о фамилии Кирхера, которому Крижанич в своих панегирических стихотворениях несколько раз возносит хвалу («Pisan. Starosloviniski, v. 3, 6—7; Davorije. Latinski, v. 7—8), называя его «Oedipus Aegyptiacus», т. е. Афанасий Кирхер.

³ Дума. По-хорватски.

Sarmen Pindaricum. Illyrice moderne); 2) Pisan. Staroslovinski.⁴ (В латинском переводе: Jambicum Bettinianum. Sclavonice antique); 3) Davogija Sarbski.⁵ (По латыни: Epos Heroicum. Modi et Stuli Sarbiaci); 4) Davorija Latinski.⁶ (По-латыни: Epos Heroicum. Modi Latini). Все эти стихотворения подписаны полным именем автора: Georgius Crisanius accipuit.

Указанные четыре стихотворения написаны Крижаничем с целью дать место в «хороводе» языков избранных народов того времени, выступивших с панегириками на собственных языках в честь «римско-немецкого» императора Фердинанда III, и иллирийскому народу в особом «Хвалебном приветствии Великому, всеильному, всеславному царю Хвердинанду Третьему...» («Napis pohvalni Golemomu, Presilnomu, Preslavnomu caru Hverdinandu Tretomu...» (Elogium XII)). Этот панегирик, писанный по-сербо-хорватски (кириллицей, латинским шрифтом), а также и по-латыни, своим общим заглавием «Illygia» в такой же мере, как и характерной эпиграммой в том же заглавии, явно указывает, что автор выступает здесь как представитель литературы иллирийского народа.

Из кого же состоит этот иллирийский народ Крижанича?

Об этом дают нам данные сами стихотворения Крижанича, написанные «по-старословенски», «по-хорватски» и «по-сербски». Между тем каждый из этих языков, как это установлено и В. Ягичем,⁷ является своего рода смесью различных славянских языков, что в особенности проявилось позже, во время создания Крижаничем единого славянского языка в «Грамматике».⁸

Все же и по содержанию и с точки зрения данных языка каждое из упомянутых стихотворений говорит от лица отдельного народа — «старословенского», хорватского и сербского — как составных народных единиц будущего этнического целого. Чаще всего и больше всего говорят земляки Крижанича, хорваты, в хорватской «Думе», на языке древней хорватской литературы (в икавизме чакавского диалекта):

Vile, gorske kneginje,
Ke u kolo sastavše
Spivate divne pisni,
Nad studenci bistrimi
Ičinu mi kazujte...

Второе стихотворение «Davogija. Sarbski», в котором православная часть иллирийской семьи славит защитника Иллирии — Фердинанда III, написано дикцией сербской народной песни, чтобы и этим внешним признаком отличать народную индивидуальность сербов от остальных «иллирийских» народов.

Kliknite mi silna cara, mila braćo i družino:
Naćni, More, Davoriju il ćuja zape(va)ti...

Третье стихотворение «Davorija Latinski», славящее императора Фердинанда от имени иллирийцев-католиков, написано александрийским стихом (икавско-чакавским диалектом) и отражает в своей языковой и поэтической фактуре поэтический способ выражения древней хорватской литературы (дубровницко-далматинской):

⁴ Песнь. По-старославянски.

⁵ Песнь боевая. По-сербски.

⁶ Песнь. По-сербски.

⁷ V. Jagić. Život i rad Jurja Križanića..., стр. 94.

⁸ См.: Ю. Крижанич, Собр. соч., в. 1, М., 1891.

Augustali munificentia .
 planè digno .
 Cui simile Orbis non vidit .
 Vnde & Musa Illyrica
 Prorumpit in versus inauditos ;
 Carmineque Illyrico, modis
 Latinis colligato,
 Maiestatem Sacram .
 deuota veneratur .

D V M A

Harvački.

Vile, gorske knežyne,
 Ke u kólo saštávaje
 Spívate divne písní,
 Nad studenči bištrini,
 Kimno vicnde ime
 Orpey Odrízkih dao ye Knez pevâça.
 Gdi mutna, rika Mariça,
 I virovita Strúmiça,
 Šušedski izuir prijamže
 Idu protivne čiste .
 Vile, ke iz visôçih
 Drivate Ríle varhóva,
 žirôka Sridçà grâda,
 I zitorodna pólya,
 Razmirate ocima .
 Ištinu mi kazuite :
 Kadí su one gúšle;
 Kími iz íám martvačkih
 On svoiu, na svit bíli,
 Euridíku vedíže ?
 Kími denlyive vuke,
 Divye medvide, i ríse,
 Pokórne si tvoráže .
 Kod vaší se hráne ; il zaffo
 Bózi rázkóžno nyími
 Svoie gudu popívke ?
 Onih, onih ie meni
 Gólemo nínye triba :
 Da slavim silna çara;
 Da spómnim mudra muža ;
 Da pravim divno dílo .

CARMEN PINDARICVM

Illyricè modernè .

Nymphæ, montana principes,
 Quæ in chorum sistentes
 Concinnit gentiles hymnos :
 Lympidos supra fontes,
 Quis nomen dedit æternum .
 Odrysiarum Orpheus princeps valum,
 Hebræus ubi amnis turbidus,
 Stramonisque vorticofus,
 Ortæ vicine sumpto,
 Adversas abeunt vitas .
 Nymphæ, qua ab excessis
 Frondosæ Rhodopes iugis .
 Spaciosos Sardica urbis
 Et frugum feraces campos
 Dumelunim oculis .
 Vera mihi narrote :
 Vbinam Lyra illa:
 Quæ ex cavernis inferum,
 Ille suam, ad lucem candidam,
 Eurydicen ducebat ?
 Qua leniacus lupos
 Ferosque vrsos, lyncesque,
 Obsequiosos tenebat .
 Vobisne illa conditur ; an reuera .
 Dî iuvante ad illam
 Sua personam carmina ?
 Illa nunc illa mihi
 Est vehementer opus ;
 Vt celebrem sortem Cosarem ;
 Vt memorem sapientem varum ;
 Ut narrem mirum opus .

Ni, čestiti caru, tvim dikam bilo dovoljno
 Ča se neizbrojnih glasom proslavljaše ljudi
 Tva kripost...⁹

Четвертое стихотворение «Pisan. Staroslovinski» написано смесью славянских языковых элементов (лексических и морфологических) и ближе всего примыкают к будущему «всеславянскому» языку Крижанича:

Silni nebesnim car opomenjen gibom
 Divna tvoriti jest povelil čudesa.¹⁰

Заявляет ли в этом стихотворении о себе древняя общность славянских народов или Крижанич этим стихотворением хотел и болгар втянуть в общий круг «иллирийских» народов? Последнее предположение кажется мне более вероятным, потому что языковый термин «staroslovinski» («serkovno-slovinski») (древнецерковнославянский язык) часто отождествлялся с «древнеболгарским» как колыбелью древнего славянства. О том, что Крижанича занимали мысли о болгарском народе, свидетельствует и хорватская «Дума», действие которой большей частью происходит в болгарской стране:

Gdi mutna rika Marica
 I virovita Strumica
 Susedski izvir prijamše
 Idu protivne ciste.
 Vile, ke iz visocih
 Drivate Rile varhova,
 Široka Sridca grada
 I žitorodna polja
 Razmirate očima...

Полагаю поэтому, что в общности «иллирийских» народов Крижанича на равноправных началах обрел себе место и болгарский народ.

Куда же исчезли словинцы?

Известно, что Крижанич и «краинцев» считал «иллирийским» народом. Между тем в данном случае он не посвятил им отдельного стихотворения, вероятно, по той простой причине, что не был искусен в словенском поэтическом мастерстве.

Следовательно, Иллирия Крижанича распространялась от Черного до Адриатического моря, охватывая всех балканских славян, от болгар и сербов до хорватов и словенцев.

Такой именно Иллирией и воодушевлялся Крижанич, умышленно подчеркивая ее этническое единство, в частности, в своем стихотворении («Musa Illyrica»), в своей песне («Carmen Illyricum») и в примечательной эпиграмме, поставленной Крижаничем как своеобразное заглавие к его четверем панегирикам. Вот текст ее:

Epigramma Pros phoneticum
 Augustissimo Teroptimoque Caesari:

Illyria

Vitam precatur,
 Pacem gratulatur,
 Victoria ominatur:
 Hoc in Opere
 Augustali munificentia plane digno,
 Cui simile Orbis non vidit.

⁹ Не довольно, царь светлейший, было тебе похвал,
 Что восславилась голосами множества людей
 Добродетель твоя...

¹⁰ Мощный небесным царь увещан знаменьем,
 Дивные сотворять повелел чудеса.

DAVORIJA

Latinski.

Ni cestü çaru, tvim dikam bilo do-
völyno,
Cà se neizbrojnih glasom proslavlyaz
lyudj
Tva kripost: iur i tvaro zvonj tva ime
na skalye,
I studene stine daiu müdrosti slovefa.
Kih, pokoli litnih dvj tifuqa Sunçe okru-
gov
Obtece, viklasti müdraç nemogaže ic-
dinij;
Sam Atanas ova cuda tvorj: sam
pameti silon
Iskre návukov iz kamena kreze bogato.

Na perutih, hvälé çarovo pako sme vi-
sóko
Prij gör, i priko möra letj, i nebefa do-
sixe.
Iur moa kobza mucj: ali hót nevftane
xeliti.
Cestito mnoga lita çvati, slovi, ime go-
lemo,
Vikuy, premagay, vladay, bud strazo
protivnim.

EPOS HEROICVM

Modi Latini.

Non erat, o felix Casar, tuis glorijs satis,
*Quod innumerorum vocibus predicabatur po-
pulorum*
*Tua virtus: iam & dura sonant tua nomina
saxa,*
Et gelida cautes edunt sapientia verba.
*Quo, ex quo duo millia annuorum Sol circui-
tuum*
Percurrit, sapientum nullus valuit explanare;

*Solus Athanasius hæc miranda facit: solus in-
genij ut*
Scintillas doctrinarum ex lapide excutit copiose.

*At Casareum, super alas laudis, nomen subli-
ma*
*Trans montes, trans maria volat, & sidera tan-
git.*
*lamque mea cithara fitebit: animus vero vo-
uerenon desinet:*
*Perfudit multos annos stare, claræq; nomina
ingens,*
*Perenna, triumphæ, regna, inimicis esto tre-
mendum.*

Georgius Crisamus accinuit.

EIVSDEM

AD TURCOS

Allocutio Turcica pro huius libri lectione.

Bu dunjadé dogurlikten ey maldarlük jöktür,
Allah tala adamlarâ jalnæz oni uerür.
Brë siz järer Otmantiler acinæz gjozleri:
Ve bakænæz bu kitâbde akıldar sozleri.
Bundâ vardur hak Tangriden hep tamam bilmeklik:
Her kim bunî okûrila, onün dur dogurlik.

IN hoc Mundo præ veritate melior thesaurus non est,
Deus bonus hominibus illum solus largitur.
Heus vos martiales Ottomanida aperite oculos:
Et dispicite in hoc libro sapientia verba.
Hic adest de vero Deo sincera notitia:
Quisquis hunc librum perlegerit, is veritatem tenebit.

ELO.

Unde et Musa Jlyrica
 Prorumpit in versus inauditos;
 Carmineque Jlyrico, modis
 Latinis colligato,
 Maiestatem Sacram devota veneratur ¹¹

Эта Иллирия, видение Крижанича, занимает те славянские пространства Балкан, которые возбуждали мечты великого времени Симеона Болгарского, Душана Сербского и Томислава Хорватского, а потом и первых предшественников идеи общеславянского сближения — Винка Прибоевича (в сочинении: *De origine successibusque Slavorum. Venetiis 1532*) и Мавра Орбини (в сочинении: *Il regno degli Slavi, hoggi corrotamente detti Schiavoni. . . E in particolare veggonsi i successi de Rè che anticamente dominarono in Dalmatia, Croatia, Bosna, Servia, Rassia & Bulgaria. In Pesaro, 1601*).

В связи с этими мечтами возникла, по всей вероятности, и концепция Иллирии Крижанича; при этом следует добавить, что во время Крижанича в паруса его фантастического корабля попутный ветер подул и из папского Рима. Нужно было во что бы то ни стало дать отпор захватническому натиску Османской империи на христианские просторы Балкан. Этот натиск со времени Косовской катастрофы становился все более опасным на северных и западных рубежах югославянских народов (хорватов и словенцев) — западноевропейской культурной периферии тех веков. Стало быть, по весьма понятной причине в Риме смотрели с явным доброжелательством на мысль о создании некоей определенной государственной формации буферного характера между Римом и Стамбулом, хотя бы и в виде южнославянской Иллирии. А что идея этой государственной формации, созданная на Балканах, имела именно такой антиосманский характер, достаточно ясно, по-моему, и из того особого, до сих пор не замеченного кратко замечания Крижанича, которое он добавил, по-турецки и по-латыни, сразу после своей подписи (под его стихотворениями) в панегирике XII. Тут он увещевает турок открыть глаза («aperite oculos»), познать истинного бога и прочесть в этой книге правду и мудрость. Вот текст этой аллюзии:

Eiusdem
 ad Turcos
 Allocutio Turcica pro huius libri lectione.¹²
 Bu dunjade dogurlikten ey maldarluk joktur.
 Allah tala adamlara jalnaez oni uerur.
 Bre siz jarer Otmantiler acimaez gjozleri.
 Ve bakaenaez bu kitabde akildar sozleri.
 Bunda vardur hak Tangriden hep tamam bilmeklik:
 Her kim buni okurisa, onun dur dogorlik.

¹¹ Эпиграмма созвучная
 августейшему Предобрейшему кесарю:
 Иллирия

молит о жизни,
 поздравляет с миром,
 предвещает победу:
 в этом труде,
 явно достойном августейшей щедрости,
 коему подобного вселенная не видала,
 откуда и иллирийская муза
 устремляется неслыханными стихами;
 и иллирийской песнью,
 составленной на латинский лад,
 преданно почитает Священное Величество.

¹² Его же
 к туркам
 обращение по-турецки в пользу чтения этой книги.

Внизу этой аллокуции на турецком языке (латинским шрифтом!) Крижанич добавил и латинский ее перевод:

In hoc Mundo prae veritate melior thesaurus non est,
Deus bonus hominibus illum solus largitur.
Neus vos martiales Otmanidae aperite oculos:
Et dispicite in hoc libro sapientiae verba.
Nunc adest de vero Deo sincera notitia:
Quisquis hunc librum perlegerit, is veritatem tenebit.¹³

Поэтому вполне понятно, что в числе двадцати языков, на которых написаны панегирики Кирхера, нет панегирика на турецком языке. Кирхер и Крижанич определенно шли в ногу с Римом, которому на Балканах объявился мощный соперник в виде агрессивного ислама.

Явилось ли это отражением сотрудничества Кирхера с Крижаничем, их полного единомыслия на почве римско-католической идеологии? Я полагаю, что нет.

Во время работы над своей книгой Кирхер еще не ощущал тягостей турецкого владычества на немецкой земле. Антиосманство его могло являться лишь отражением генеральной стратегии папского Рима, собственно говоря, той атмосферы в Римской коллегии (*Collegium Romanum*) в период 30—40-х годов XVII столетия, когда он был профессором. В то время в той же коллегии находился и воспитанник Конгрегации — будущий католический миссионер Юрий Крижанич. Когда же Кирхеру понадобился балканский сотрудник для своего предприятия, глаз его легко подметил выдающегося Крижанича. Таким образом, вероятно, и образовалось сотрудничество Крижанича и Кирхера в сочинении «*Oedipus Aegyptiacus*».

Иное основание имела, по всей вероятности, антитурецкая настроенность Крижанича, отразившаяся в его идее Иллирии. Крижанич хорошо видел следы турецкого ига на всем пространстве своей Иллирии. Известны ему были, между прочим, и столетние поэтические сетования знаменитого хорватского поэта Марка Марулича (1450—1524), который с целью обороны от нашествия турок (даже на берега Адриатического моря) уже в конце XV и в начале XVI столетия просил помощи против турок у римского папы Адриана VI.¹⁴ Сам же Марулич был мирянином, но «*commune periculum communibus armis propulsandum erat*».

На таком психологическом фоне, который в то время рано или поздно должен был принять и национально-политическую окраску, зародилась, вероятно, у Крижанича идея создания христианской Иллирии, которая либо самостоятельно, либо при помощи Рима могла бы оказать сопротивление сильному турецкому напору на Балканы в XVII столетии. Вот почему, кажется нам, что на идеи Крижанича в большей мере повлияли национально-политические интересы югославянских народов, нежели религиозно-политические указания Рима и его Конгрегации пропаганды (*Congregatio de propaganda fide*).

¹³ На этом свете нет сокровища лучше правды, один только всеблагий бог уделяет это людям.

Горе вам, воинственные турки, откройте глаза и заметьте в этой книге слова мудрости.

Здесь имеется искреннее познание истинного бога всякий, кто эту книгу прочтет, будет держаться истины. •

¹⁴ *Epistola Domini Marci Maruli Spalatensis ad Adrianum VI. Pont. Max. de calamitatibus occurrentibus et exhortatio ad communem omnium Christianorum unionem et pacem. Romae, 1522.* Таким же боевым духом против турок пропитаны и его стихи, написанные по-хорватски: «Молитва против турок» («*Molitva suprotiva Turkom*»), «Плач града Иерусалима» («*Tuzenje grada Hjeruzolima*»), «Юдифь» («*Judita*»), а также и латинское сочинение «*De ultimo Christi iudicio*».

В пользу такого понимания можно было бы привести и упреки Ю. Крижаничу со стороны Конгрегации, а также со стороны загребского епископа Бенедикта Винковича. Эти упреки направлялись по адресу миссионера Юрия Крижанича потому, что он-де посланник Пропаганды, слишком много уделяет интереса вопросам национально-политическим и чрезмерно слабо заботится об интересах религиозно-миссионерских, в частности среди балканских «схизматических» народов, к которым был послан Крижанич для борьбы против «схизмы». Этой роли Крижанич не выполнял так, как этого желало его церковное начальство,¹⁵ вот почему в нем так же нам следует видеть скорее национального деятеля и патриота, нежели миссионера и агента римской Пропаганды. И с этой точки зрения можно согласиться с оценкой личности Крижанича, данной Ягичем. «Для Рима был он слишком ярко выраженным славянским националистом, в нем признавали огромные дарованья и увлечение миссионерской службой, но побаивались, как мне кажется, его чрезмерно пламенной любви к славянским делам вообще и к русским в частности».¹⁶

Как бы то ни было остается фактом, что Крижаничева концепция общности южнославянских народов в виде его Иллирии, зарисованной в четырех стихотворениях (панегирики 1652 г.), не зависимо от того, возникла ли она в результате сходных стремлений Рима или нет, является своего рода идейно-политической предтечей того достопримечательного южнославянского культурного и политического движения, которое двести лет спустя в «иллирийских» идеях Гая, в равной мере как и в позднейших югославянских замыслах Штроссмаера, будет воодушевлять более передовые хорватские и югославянские умы XIX столетия.

¹⁵ Jagić. Život i rad Jurja Križanića..., стр. 214.

¹⁶ Там же, стр. 214.

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

Работа Юрия Крижанича над русской летописью

Сочинения Ю. Крижанича, написанные в 1663—1680 гг., свидетельствуют о том, что он был хорошо знаком с историческим прошлым Русского государства. В «Политике» и в книге «О промысле божьем», в «Толковании исторических пророчеств» и в «Истории о Сибири» он свободно оперирует фактами, относящимися к различным периодам русской истории, привлекая исторические данные для обоснования своих взглядов на состояние России и на перспективы ее развития.

Эрудиция Крижанича в вопросах истории России вполне объяснима: сохранились материалы, отражающие работу ученого хорвата над русскими историческими источниками, и прежде всего над русской летописью.

1

В литературе, посвященной Крижаничу, не раз упоминалось о его рукописи, содержащей выписки из различных исторических источников. Впервые разыскал эту рукопись неутомимый П. А. Безсонов, назвавший ее «Историей» и поместивший краткое описание найденного им текста в одной из своих статей о Крижаниче.¹ Еще более краткое описание рукописи дано в статье Н. Е. Северного.² И наконец, В. Ягич посвятил «Истории» Крижанича целый раздел своей монографии.³

Судя по этим описаниям, рукопись Крижанича содержала 610 страниц (причем 1—22-я страницы не сохранились) и состояла из нескольких сшитых вместе тетрадей, в которых находились выписки из русской летописи, из книг П. Петрея, М. Кромера, Ц. Барония, Ф. Комина и из Библии. Поскольку в сочинениях Крижанича широко используются все эти источники, то изучение его рукописи представляло бы значительный интерес для исследователей творчества Крижанича.

Но рукопись эта, хранившаяся в Московской синодальной библиотеке, к сожалению, утеряна. И все же о наиболее интересной ее части — о выписках Крижанича из русской летописи — мы можем получить точное представление.

Дело в том, что П. А. Безсонов в 1848—1849 гг. с присущей ему тщательностью переписал первую часть «Истории», сохранив все особен-

¹ П. А. Безсонов. Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке. — Православное обозрение, 1870, январь, стр. 348—352.

² Н. Е. Северный. Отчет о занятиях при столичных библиотеках и архивах в вакационное время. — ЧОИДР, 1867, кн. 2, стр. 134.

³ V. Jagić. Život i rad Jurja Krizanića. Zagreb, 1917, стр. 247—255. В. Ягич не видел ни одной из рукописей сибирских сочинений Крижанича и писал о них лишь на основе печатных источников. Об «Истории» же он судил по неопубликованной статье П. А. Безсонова, написанной в 1860 г. и оказавшейся у В. Ягича.

ности языка, орфографии и пунктуации Крижанича. Рукопись П. А. Безсонова находится сейчас в Библиотеке Академии наук УССР во Львове.⁴

Изучение этой безсоновской копии «Истории» приводит к выводу, что рукопись Крижанича представляла собой свод выписок из русской летописи, расположенных в хронологическом порядке и охватывающих множество важнейших событий русской истории. Русский текст Крижанич, как и в ряде других случаев, переписывал латинскими буквами, иногда заменяя русские слова хорватскими. На полях рукописи имелись пометки Крижанича, служившие заголовками соответствующих разделов текста. Некоторые из этих заголовков выражают оценку Крижаничем описываемых событий: «Борис (Годунов, — А. Г.) дарливостью людей ловит», «Борис царь верло промыслив и добер з початка», «тервога в болярех», «описание чужевладства».⁵

Свыше половины текста посвящено периоду XVI—XVII вв., причем особенно подробно описано правление Бориса Годунова (лл. 63—73) и события 1608—1612 гг. (лл. 81—98). Заканчивается рукопись заметкой о смерти патриарха Иосифа и возведении на патриаршество Никона (1652 г.).

В конце текста Крижанич, по своей привычке, указал дату окончания работы над летописью: 8 января 1662 г.⁶

2

Внимание исследователей уже давно занимал вопрос об источнике Крижаничевой «Истории». В самой рукописи содержится лишь упоминание о том, что переписчик летописи был, по мнению Крижанича, украинцем и что летопись эту Крижанич привез с собой в Тобольск из Москвы. Ввиду явной недостаточности этих данных вопрос об источнике «Истории» мог быть решен лишь путем сопоставления ее с памятниками русского летописания XVII в.

Уже П. А. Безсонов обратил внимание на совпадение сведений об одной из рукописей Погодинского древнехранилища, описанной И. Д. Беляевым,⁷ с содержанием «Истории» Крижанича, причем совпадала не только структура обоих памятников: приведенным Беляевым цитатам из летописного текста полностью соответствовали аналогичные фрагменты рукописи Крижанича.

В недавнее время Л. В. Черепнин указал на то, что упомянутая Беляевым погодинская рукопись⁸ не является уникальной, а представляет собой один из списков летописного сборника, составленного, по мнению Л. В. Черепнина, в конце 1660—начале 1661 г. и дошедшего до нас во множестве списков.⁹ Сравнивая «Историю» Крижанича с погодинской рукописью и с другими списками этого сборника, озаглавленного «Книга, глаголемая Летописец великия земли Российския славянского языка...»,¹⁰

⁴ БАН УССР, Рукописный отдел, Manuscripta instituti Ossoliniani, № 2163, лл. 1—106. (В дальнейшем: Копия «Истории»).

⁵ Там же, лл. 44, 64, 65 об., 81 об.

⁶ Там же, л. 102 об.

⁷ Архив историко-юридических сведений, 1850, кн. I, отд. 6, стр. 30—32.

⁸ Ныне: ГПБ, Рукописный отдел, собр. Погодина, № 1406.

⁹ Л. В. Черепнин. «Смута» и русская историография XVII в. — ИЗ, т. 14. [М.], 1945, стр. 111—113.

¹⁰ Например, список Рукописного отделения ГПБ F.IV, 297. (В дальнейшем: «Летопись»).

можно убедиться, что структура «Истории» и всех списков указанной летописи совершенно аналогична и большинство фрагментов «Истории» текстуально совпадает с летописью. Таким образом, можно с достоверностью утверждать, что источником «Истории» Крижанича был один из списков самого свежего из тогдашних летописных трудов.

Сопоставление текста «Истории» Крижанича и летописного сборника 1660—1661 гг. дает возможность выяснить характер работы Крижанича при составлении выписок из летописи и определить место «Истории» в ряду других трудов хорватского ученого.

Сохранившаяся часть «Истории» начинается с рассказа об убийстве Бориса и Глеба, но, судя по составленному Крижаничем указателю («Казалу»), на первых страницах рукописи были помещены заметки, относящиеся к самому раннему периоду русской истории. Выписки Крижанича последовательно воспроизводят летописные известия, отличаясь от них лишь краткостью изложения событий. Современный читатель назвал бы рукопись Крижанича конспектом, в котором фрагменты, извлеченные из источника, связаны между собой фразами и заголовками, принадлежащими самому автору конспекта. Эти связующие предложения очень кратки и выполняют чисто служебную роль.

В отборе фрагментов летописи переписанных Крижаничем, можно проследить известную тенденцию:

а) Крижанич дословно переписывает сообщения летописца о славных подвигах русского народа и других славян и о их былом могуществе (об успехах в борьбе с татарами, о совете Магнуса Шведского остерегаться войн с русскими и т. д.);

б) выписаны летописные известия, которые, по мнению Крижанича, унижали достоинство русского народа и поэтому нуждались в критике или в переосмыслении (о дарах императора Константина Владимиру Мономаху, о браках с иностранными монархами);

в) со страниц летописи, посвященных Ивану IV, Крижанич выписывает главным образом те рассказы, которые совпадают с его представлением об Иване Грозном как о «тиране и людодержце»;

г) в разделе «Описание чужевладства» Крижанич сохраняет эмоциональную окраску текста своего источника и все известия о хозяйничаньи чужеземцев на Руси приводит без сокращений;

д) почти дословно приводятся известия о народных волнениях и мятежах; так, например, под рубрикой «Побука на Москве» приведена заметка летописца о восстании 1648 г., многократно упоминаемом в последующих сочинениях Крижанича.

Выписки Крижанича в большинстве случаев точно воспроизводят текст летописи и лишь иногда содержат разночтения. Например:

Летопись

«История» Крижанича

... глаголют бо яко и преставление царя Федора Иоанновича от того же Бориса бысть, не оружием бо, но отравным зельем умори.

... глаголют бо и представление царя Федора от несправедного убийства того же Бориса, не оружием бо, не отравным зельем вкуси (I)¹¹

Сравнение «Истории» Крижанича с текстом использованной им летописи показывает, таким образом, что «Историю» нельзя относить к числу сочинений Крижанича, а надо рассматривать лишь в качестве вспомогательных записей, рабочего конспекта, черновых материалов для дальнейшей работы.

¹¹ «Летопись», л. 107; Копия «Истории», л. 65.

Однако подобная оценка не исключает того, что «История» имеет большое значение для исследователей сочинений Крижанича. Ведь благодаря изучению «Истории», отражающей работу Крижанича над одним из важнейших источников его сочинений, можно найти корни эрудиции Крижанича в вопросах русской истории, определить степень самостоятельности его в оценке исторических событий и с позиций Крижанича взглянуть на те летописные известия, которые были подвергнуты Крижаничем резкой критике в «Политике» и в «Толковании исторических пророчеств».

3

В своих сочинениях Крижанич не только заострял и политически переосмысливал летописный материал (оценка деятельности Ивана IV, русской внешней политики и т. д.), но и прямо выступал против русской летописной традиции по ряду важных вопросов.

Во всех книгах Крижанича настойчиво проводится мысль о том, что Русское государство не следует считать преемником ранее существовавших держав (Рима и Византии), якобы передавших России частицу своего могущества, ибо слава и величие России возникли в ходе ее собственного развития, поскольку «всемогущий створитель Московско царство послидне на земли устроил и прославил; тако е хочет цело и непоколебно и до скончания века милостиво сохранить».¹²

Эта позиция Крижанича определялась его желанием обосновать историческую роль России как могучей державы, способной возглавить дело объединения славян, а также была вызвана церковно-религиозными планами католика Крижанича, стремившегося доказать отсутствие какой-либо преемственности между Византией и современной Русью и тем самым ослабить связи русской церкви с греческой церковью.

С этой позиции Крижанич выступает против распространенной в то время «теории четырех монархий» и ее русского варианта — теории «Москва—третий Рим»; с этой же позиции он подвергает критике ряд летописных известий.

Так, рассматривая историю о Гостомысле и о «призвании варягов», Крижанич упрекал русских летописцев в том, что они «сами об себе мало-похвальные басни пишут, будь беху негда были варягов упрашали на господство».¹³ Он раскрывает исторические и логические ошибки и неточности этого летописного известия: явная искусственность имени Гостомысла («Гостомысл наречен: будто умыслил гости привесть»), отсутствие сведений «об Рурику и об Варягах» в «немецких» источниках («нимцы се мучет гадаючь, а немогут се догадать, каковы то Нимцы бяху Варяги: и како бы их в Немецком языке звать»), антиисторичность летописного рассказа об отправке новгородских послов в «Варяжскую Прусскую землю» к «тамошним курфистрам» — ведь в то время не существовало еще курфюрстов, не говоря о том, что «немцы» не жили еще тогда в Прусской земле. Наконец, Крижанич справедливо отмечает отсутствие логики в том, что новгородцы «промышляючи, како беху могли учинитсе просты от межусобного незгодия... послали сут да упрашать не едного, но трех кнезов инородных».¹⁴

¹² Ю. Крижанич, Собр. соч., в. 2, М., 1892, стр. 11. Ср. рукопись «Политики» (ЦГАДА, ф. 381, № 1799, стр. 638): «Русское царство — наилучшее на земле и ему предназначена богом и наивысшая слава».

¹³ [Ю. Крижанич.] Русское государство в половине XVII века, т. 1, М., 1859, стр. 196.

¹⁴ Рукопись «Политики», стр. 679—680.

Крижанич так рьяно выступал против «варяжской легенды», потому что она отрицала автохтонность русской государственности, возводила род русских князей к варягам — «немцам» и доказывала, «яко дабы... без Немецкого племени, немегом племенит и славен быть Руский народ».¹⁵

Крижанич считал ошибочным и вредным мнение о том, что московские князья — «Рюриковичи» — ведут свой род от Пруса, брата римского императора Августа. Путем несложных генеалогических построений Крижанич доказывает несостоятельность этой версии и утверждает, что из-за нее «не мала народу срамота чинит: яко да бы не было в Руском народу человека годна владательству: и будто да быху древни Руски господари не домашни, но приискательны люди были».¹⁶

Если в приведенных выше случаях Крижанич отрицал достоверность летописных известий, то в других случаях, не высказывая сомнения в подлинности описанных событий, Крижанич давал им толкование, совершенно отличающееся от принятого в русском летописании. Так, например, в рассказе о дарах императора Константина Мономаха киевскому князю Владимиру русские авторы видели доказательство могущества русских князей, возвративших силой оружия, принадлежащие им по праву царские регалии.¹⁷ В освещении Крижанича все это выглядит совершенно иначе: «Мономах прислал предшественнику нашему Владимиру знаки царского достоинства и с помощью этой хитрости обесчестил наш народ. Как будто бы тот, кто хотел оставаться царем, должен был искать почести не от единого бога, а от какого-либо более высокого человека».¹⁸ Подобное мнение приводит Крижанича к выводу о том, что русский царь должен «вторично короноваться нашей русской короной, и тогда все дары и регалии Мономаха потеряют свое значение и будет совершенно разрушено суетное и еретическое мнение о том, что мы получили истинную власть и достоинство не от бога, а от кого-либо иного».¹⁹

Крижанич особенно упорно стремился покончить с «мономаховой легендой», ибо она более всего выражала идею преемственной связи между русскими царями и византийскими императорами и тем самым мешала ему в достижении его цели: доказать извечную самостоятельность русского самодержавия и одновременно устранить преграды, отделявшие Россию от католического мира.

Приведенные примеры показывают, что Крижанич, так же как и русские летописцы, стремился поднять международный авторитет Московского государства и укрепить престиж царской власти с помощью аргументов, заимствованных из отечественной истории. Но русские авторы шли к этой цели путем доказательства происхождения русских правителей (Август—Рюрик—Владимир...) и Русского государства (Рим—Византия—Москва) от каких-либо других «великих» государей и государств, а Крижанича подобный путь уже не удовлетворял.

Крижанич видел в русских историко-политических теориях не возвышение, а унижение достоинства абсолютного монарха и поэтому настойчиво полемизировал с московской литературной традицией. По его мнению, для исторического оправдания московского абсолютизма необходимо было устранить какую бы то ни было возможность оспаривать

¹⁵ Там же, стр. 680.

¹⁶ [Ю. Крижанич.] Русское государство в половине XVII века, т. 2. М., 1860, стр. 291.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 104.

¹⁸ [Ю. Крижанич.] Русское государство в половине XVII века, т. 1, стр. 349.

¹⁹ Там же, стр. 351.

богоустановленность и изначальную самостоятельность власти русских государей. А так как русские теории этой задачи не выполняли, то их следовало опровергнуть, чтобы затем, избавившись от этих «збаяных басен», написать новую «годную» историю Руси.

Крижанич сам стремился осуществить этот труд, предлагая свои услуги царю в качестве историографа.²⁰ Книга его выписок из различных исторических источников свидетельствует о том, что Крижанич в Тобольске принялся за эту работу. Но в дальнейшем его планы изменились, и вместо специального труда по русской истории Крижанич пишет другие книги, в которых использует исторический материал, накопленный им в процессе работы над русской летописью.

²⁰ «Яз адда негодный есмь желел видеть списану обо всем народу такову историю» и поэтому пришел к царю «бить челом, и просить жалования потребного к извершению такова дела: кое бых рад хотел выконать» ([Ю. Крижанич.] Русское государство в половине XVII века, т. 2, стр. 2).

А. А. МАЗОН

«Артаксерксово действо» и репертуар пастора Грегори

Открытие рукописного текста драмы «Артаксерксово действо» в Лионе, а вслед за тем в Вологде не только дало возможность историкам литературы познакомиться с первой русской трагедией, которая считалась потерянной, но еще проливает новый свет на эпоху начала русского театра и, мало того, поднимает ряд вопросов, на которые нужно искать ответы.

Вологодская рукопись, опубликованная И. М. Кудрявцевым,¹ дает нам славяно-русский текст пьесы, старательно подготовленный автором, каллиграфически написанный писарями Посольского приказа и переплетенный в сафьян с золотым узором. Это, по всей вероятности, тот самый экземпляр, который был предназначен для царя Алексея Михайловича, и можно предполагать, что опальный боярин Артамон Матвеев увез его с собой в ссылку и там же оставил. Преимущество текста вологодской рукописи состоит в том, что он, видимо, представляет собой окончательную форму сочинения, в которой отсутствуют лишь некоторые части в последнем действии. Таким образом, этот текст является официальным, достоверным, о котором исследователи до сих пор знали только понаслышке.

Лионская рукопись отличается более интимным характером; она не так роскошна и лишилась одного действия (второго); но зато она заключает в себе части, не вошедшие в официальный текст. Сверх того, она освещает обстоятельства, при которых сочинение было написано, приспособлено для русских зрителей и представлено на сцене. Прежде чем поступить в Лионскую городскую библиотеку, она принадлежала известному ученому-иезуиту XVII столетия R. P. Menestrier, который получил ее в подарок или же приобрел от Лаврентия Рингубера (Rinhuber). Последний был другом пастора Грегори: это был ловкий авантюрист, саксонец по происхождению, учившийся медицине в Лейпциге, сперва лютеранин, затем католик и одновременно заигрывавший с православием. Он даже состоял членом Римской коллегии католической пропаганды в 1679 и 1680 гг., и в 1678 и 1681 гг. находился в Париже, где надеялся получить командировку в Московскую Русь от короля Людовика XIV.²

В лионской рукописи немецкий оригинал текста и его русский перевод искусно переплетены в один том таким способом, чтобы листы с немецким текстом вставлялись и сменялись листами со славяно-русским текстом. Таким образом, немецкий текст всегда приходится против рус-

¹ «Артаксерксово действо». Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957.

² Ср.: Saxe et Moscou: un médecin diplomate, Laurent Rinhuber de Reinufer, par le P. Pierling. Paris, 1893.

ского и наоборот, но он не переписан целиком, а с пробелами в некоторых местах и без обозначения действующих лиц. Русский текст, напротив, дает список действующих лиц и указания к сценической постановке.

Лионская рукопись начинается латинским вступительным аргументом о драме и интермедии на одной странице (стр. 1) и списком действующих лиц и актеров, также латинским шрифтом, на противопоставленной странице (стр. 1 bis). Обе эти страницы написаны, кажется, рукой Рингубера. Затем следует слегка сокращенный немецкий текст Пролога напротив славянорусского перевода (1 verso—5 recto), а потом, отдельно, немецкий текст того же Пролога, на этот раз написанный целиком и, к тому же, рукой самого пастора Грегори (6 recto и 6 verso). Двухязычный текст пьесы, немецкий—с одной стороны, славяно-русский—с другой, занимает листы от 5-го (verso) до 177-го (verso). Немецкий текст написан одной и той же рукой, равномерным, уверенным почерком; правописание вполне последовательно. Напротив, русский текст написан несколькими писарями, о чем свидетельствуют разные почерки, разные навыки писания, неодинаковое употребление церковно-славянских элементов, непоследовательное, иногда ошибочное и часто отсутствующее обозначение ударения (для немецких актеров), причем очевидные германизмы, неправильно написанные и даже совсем непонятные места говорят о неопытности и недостаточном знании языка у переводчика и писарей. Одним словом, лионская рукопись производит впечатление текста еще не проверенного, не окончательного. Она будто переносит нас в Немецкую слободу, в то время как текст переписывался там как документ, предназначенный, по всей вероятности, лишь самому автору и его сотрудникам и актерам. Вологодская же рукопись, за отсутствием немецкого текста, и с ее чистописанием и изящной отделкой переносит нас на царский двор. Она кажется совсем готовой быть преподнесенной царю. Лионская рукопись, конечно, менее совершенна, но более поучительна. Зато вологодская имеет то преимущество, что содержание ее более полное, так как она содержит второй акт драмы, исчезнувший из лионской рукописи еще до ее поступления в Лионскую городскую библиотеку. Корешки вырванных листов свидетельствуют об их изъятии, которое, быть может, объясняется щекотливой темой этого акта: выбором королевы между красавицами всей империи, представленными царю Артаксерксу.³

Благодаря лионской рукописи мы теперь имеем перед собой оригинал славяно-русской переделки «Артаксерксова действия» и можем судить о работе переводчиков. Подтверждается давнишняя традиция, согласно которой оригинал был написан на немецком языке; подтверждается также преобладающая роль немцев в исполнении спектакля: имена почти всех актеров (за исключением, может быть, одного) звучат на немецкий лад. Дополнительные указания, сообщенные Е. Амбургером, разрешают нам с точностью определить, что, за исключением Блюментроста и обоих Госенсов (Георга и Яна), почти все молодые актеры были детьми немецких офицеров и учениками слободской школы.⁴ Однако остается нам узнать, является ли оригинал сочинением самого пастора Грегори, как уверяет традиция, или же он заимствован

³ Ср.: La Comédie d'Artaxerxès présentée en 1672 au Tsar Alexis par Gregorii le Pasteur, texte allemand et texte russe publiés par André Mazon et Frédéric Cocron, Paris, 1954 (Bibliothèque Russe de l'Institut d'Études slaves, t. XXVIII).

⁴ Zeitschrift für slavische Philologie, XXV, 2, 1956, стр. 304—309, article de E. Amsburger: «Die Mitwirkenden bei der Aufführung des „Artaxerxès“, am 17. Oktober 1672».

Грегори у неизвестного автора. Нельзя, конечно, не удивляться необыкновенной скорости, с которой работа в назначенный срок была выполнена: ведь царь заказал ее 4 июня 1672 г., и пьеса была написана в течение четырех месяцев и представлена уже 17 октября того же года. А все же свидетельство Рингубера не допускает сомнений: «*Scriptis ergo Gregori me socium sibi adjungens Tragico-Comaediam Ahasveri et Esthrae, quam et Slavonice trium mensium spatio pueros edocui agentes*». Выражение «*me socium sibi adjungens*», по всей вероятности, относится только к обучению актеров и к подготовке сценической постановки. Конечно, из переписки Рингубера видно, что он владел красивым слогом, но не было слышно, чтобы он когда-либо писал стихи или вообще что-либо другое, кроме своих воспоминаний и некоторых докладов вроде проекта торгового трактата, который сохранился в Архиве французского Министерства иностранных дел. В лучшем случае можно предположить, что он был способен играть при Грегори роль квалифицированного слушателя и советчика. Сам же Грегори едва ли нуждался в таком сотруднике: он ведь был «магистром» Иенского университета и скорее гуманистом, чем историком; он знал латинский и греческий языки и учился без сомнения и еврейскому языку, так как в «Артаксерксовом действе» приводит еврейски отрывки псалмов. Он приехал в Слободу в качестве учителя, но стал пастором и блестящим проповедником, причем оказался искусным стихотворцем при разных обстоятельствах, как автор настоящей оды в честь генерала Бауманна в 1662 г. (*Reussischer Lorbeerkrantz*) и поэтического «Прощания» со штуртгартскими друзьями в 1667 г. («*Der tapf're Reusse wird ein Barbar zwar genennet, Und ist kein Barbar doch...*»),⁵ может быть и Хвалы в стихах (*Lobpreis*), продекламированной государю по случаю карнавала 1673 г. («*Ist nun der gewünschte Tag...*»).⁶ Возможно, что он присутствовал на театральных представлениях в Дрездене в Collegium Carolinum или в школе святого Николая.⁷ Он, может быть, знал по опыту школьные спектакли, если сам не участвовал в них. Ему было известно, как всем пасторам, что Лютер был ярким приверженцем религиозных драм, и для ознакомления народа со Святым писанием надеялся больше на театральные представления и духовные песни, чем на чтение Библии, и на проповеди. Он также знал, как часто писатели эпохи Реформации главным образом драматурги, сопоставляли судьбу лютеран, преследуемых католическими властями, с судьбой еврейского народа, которому угрожала гибель, но который был спасен богом, избравшим его своим народом. И он знал в достаточной мере еврейский язык, чтобы обращаться к Богу на языке псалмов. В легенде об Эсфире этот пастор, проповедник и в то же время поэт, нашел достойный сюжет проповеди, обращенной в действие.

Одно приходится признать, хотя и это одно только отрицательно и не равняется доказательству, а именно: судя по библиографии James de Rotschild, по трудам Hugo Holstein и Rudolf Schwarz в Германии и по трудам

⁵ Это «Прощание», написанное рукой Грегори в Stammbuch хозяина штуртгартской гостиницы Johann Allgeuer, бывшего главного повара Олеария в 1634 г. в Москве, было опубликовано и переведено на русский язык Н. П. Лихачевым (Исторический вестник, 1898, июль, стр. 139—152) по оригинальному сборнику из собрания П. Я. Дашкова. Упомянутый в третьем стихе Herr Wirt — не кто иной, как сам Freund Allgaur, а не обер-секретарь Johann Christoph Keller (как ошибочно предположил Эрнст Кох).

⁶ Reutenfels. De rebus moschoviticis. Patavii, 1680.

⁷ Ср.: Ernst Koch. Die Sachsenkirche in Moskau. — Neues Archiv für Sächsische Geschichte und Altertumskunde, XXXII, 1911, стр. 301; П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII века. СПб., 1889, стр. 249.

Raymond Lebègue во Франции, из многочисленных драм об Эсфире XVI и XVII столетий (до 1672 г.) ни одна, насколько я знаю, не может считаться оригиналом, ни даже прототипом «Артаксеркса действия». Насколько мы можем судить, текст, приписанный пастору Грегори, среди всех этих произведений является оригинальным и своеобразным произведением. Это мнение поддерживается и таким авторитетным знатоком немецкого театра XVII столетия, как профессор Сорбонны Maurice Gravier.⁸ Дело в том, что главным действующим лицом драмы не являются ни Эсфирь, ни Мардохей и, конечно, еще менее Аман, а царь Артаксеркс, тот великий властелин, которого Пролог драмы сравнивает с царем Алексеем. Он же подает блестящий пример справедливости и терпимости, спасая от гибели еврейский народ, точно так же как теперь царь Алексей дает в Москве приют протестантам. Без сомнения и библейская легенда представляет Артаксеркса (Агасвера) в благоприятном свете, но пастор заходит дальше. Он подчеркивает черты, которые поднимают престиж короля в глазах зрителей, и вместе с тем смягчает тени, которые Библия бросает на его облик. Так, например, Артаксеркс, представленный пастором Грегори, не похож на библейского пьяницу, который на седьмой день пира цинично приглашает королеву Вasti открыть свою красоту перед всеми гостями; этот деспот неожиданно сентиментально и нежно влюблен:

Ich sehne mich mit Hertz und Sinne,
Das sie bey mir mag kommen ein.
Ich kan ohn sie nicht lustig seyn.

С Эсфирью он не обращается как вспыльчивый самодержец, а как галантный дворянин XVII столетия, целует ноги королевы: («Noch letzt die Gnaden-Füsse küssen»). Он называет ее: «Du meines Lebens Lust» («Ты моя утеха жизни»), «Meine Lust und Krone der Frauen» (в переводе: «О утеха моя и краснейшая из всех жен»), «Meines Herzens Herzgen» («Душа моего сердца»), «Mein schönstes Lieb, mein einziges Leben» («Возлюбленная моя, единая надежда»). И этот царь, обладающий чувствительным сердцем, старается быть мудрым и справедливым монархом, который всегда посоветуется со своими советниками прежде, чем действовать. Не он как царь, а Аман один, как своего рода изменник, несет ответственность за указ против евреев, ибо он сумел вкратце в доверие своего государя и тайком приготовил уничтожение еврейского народа. Государь посылает Амана на гибель в тот самый момент, когда тот собирался послать на казнь Мардохея. Одновременно он награждает Мардохея за его отвагу и его преданность тем, что вполне вверяется ему:

Sey fort mein nächster Rath und meines Reichs Geselle!

и в то же время дает

смирненному роду жидовскому вольность,
на недруги своя всем совокупатися,
на урочной день от них боронитися.

Артаксеркс — благородный и правдолюбивый царь: он гостеприимен по отношению к чужестранцам и защищает их веру. Моральное заключение драмы пастора Грегори явно видно в красивых стихах последней песни воинов, к которой, без сомнения, присоединяется хор молодых евреек:

Пошлите в небо
ваше веселье,

⁸ Ср.: Revue des Etudes germaniques, 1956, стр. 133—148; «Une tragédie allemande à Moscou, la Comédie d'Artaxerxès du Pasteur Gregorii».

бог же всех богов,
спаситель бедных,
живет, воинствует и воздаст.

Относясь справедливо к слабым и защищая их веру, царь Артаксеркс исполняет волю «бога богов», и трагедия, посвященная ему пастором Грегори, могла бы называться «Артаксеркс, или благоденствия терпимости», если б ее заглавие надо было пополнить моральным изречением, как это делалось по литературной моде XVII и XVIII столетий.

Но заслуга пастора Грегори не ограничивается тем, что он дал новое значение и тем самым новую жизнь старой библейской легенде. Он как драматург и поэт обладает исключительным писательским даром. Правда, композиция его драмы не очень искусна: он уделяет слишком много внимания интригам изгнанной Вавилонии и заговору евнухов, и ход действия местами медлителен. Но зато у него быстрый и живой диалог, поражающий нас вполне простым, выразительным и ясным слогом, без фальшивых прикрас, которые были в моде в то время. «Надо предполагать, — замечает Maurice Gravier, — что автор стоял в стороне от больших литературных течений своей эпохи. В далеком изгнании, приютившись в Московской Руси, этот начитанный пастор написал без затруднения и с энергией свое искреннее и убедительное сочинение, в котором он сумел говорить, соответственно действующим лицам и обстоятельствам, то возвышенным, то галантным (мы слышали, как царь объясняется в любви к Эсфири), то разговорным, то умышленно грубым языком. Его рассказ притчи о человеке, спрятавшем у себя за пазухой двух змей, — настоящий образец классической простоты». Стихи же, в которых он показывает глаз божий всевидящий и осуждающий Амана, напоминают красноречие проповедника, воспитанного на поэзии библейских псалмов:

Und wenn du armer Mensch heünt schläfst in deine Sünden,
und 1000 Arten Tods sich umb dein Bett' herfinden,
so ist ein grosses Aug, das über uns noch wacht
und mit der Sonnen-Blikken
und Freud und Frost und Leben kan zuschikken.

Проповедник этот умеет говорить, когда нужно, и простым народным языком. Так, например, на вопрос стража, имеет ли он оружие: «So habt ihn kein Gewehr? — Nicht einen Schusterpfriem», отвечает один из заговорщиков. Тот же самый страж грубо обращается к своим пленным: «bä, bä! Ihr möght nun pissen oder weinen!»

Русский переводчик или писарь, которому мы обязаны лионским текстом, счел нужным представить этот пассаж в приличной форме: «Oго! Хотя ныне и молитесь (мочитесь) или плачете».

«Артаксерксово действие» стоит гораздо выше сочинений английских комедиантов, с которыми столь многие историки русского театра неосторожно сопоставляли первую драму Грегори, хотя и не имели до сих пор возможности познакомиться с ней. Своими размерами, большим количеством действующих лиц, вложенными в текст духовными песнями и глубоко нравоучительной тенденцией эта «комедия» скорее напоминает школьные драмы. Автор не владеет ни искусством композиции и слога, ни утонченностью, доходящей до педантизма, присущими Gryphius'у. Он более прост, непосредствен и искренен и этим самым более захватывает зрителей. Четырехчастная интермедия (план которой указан автором несколькими словами, представляющая, кажется, собой семейную ссору Мопса с его женой Еленой при вмешательстве третьего лица — кота Мышелова, которого убивают) приближается, по всей вероятности, к манере

английских комедиантов. Но текст интермедии не дошел до нас потому, что он не был написан, а был импровизирован актерами. Пастор Грегори едва ли придавал значение такого рода фарсу, будучи всецело поглощенным трагедией, в которой высказывались его вера и дар проповедника. Его желанием было написать на своем родном языке пьесу, достойную царя Алексея, которому она была посвящена и которая должна была быть ему поднесена. Он с любовью и с безупречным вниманием исполнил эту задачу, хотя и не мог сомневаться в том, что его сочинение будет переведено на русский язык для русских зрителей, если и не для первого представления, то непременно для следующих.

* *
*

Надо предполагать, что «Артаксерксово действие» уже при первом представлении игралось на русском, а не на немецком; так, по крайней мере, выходит из указания Rinhuber'a («...et germanice, et slavonice... rueros edocui agentes») и из двух последних стихов Пролога, где автор заранее извиняется в Kinderspiel и просит у царя Алексея снисхождения к немецким ученикам, усыновленным Московским государством, которым предстоит играть трагедию на языке их государя.

Каков был славяно-русский перевод этой трагедии? Лионская рукопись показывает нам его первоначальную стадию до того, как он был роскошно оправлен и переписан и преподнесен царю Алексею: этот перевод довольно свободен, местами похож на переделку, часто неточен, содержит ошибки и немало германизмов. Это особенно сказывается в начале: текст перевода тяжел и неловок и даже был бы местами почти непонятен, не будь при нем немецкого оригинала; но в дальнейшем он заметно улучшается: переводчик (или переводчики) сделал несомненные успехи во время своей работы. Пробыв в России около 15 лет (если не принимать во внимание две продолжительные поездки в Германию), пастор Грегори успел научиться русскому языку и даже славяно-русскому стилю и, по всей вероятности, был в состоянии перевести сам свое произведение или по крайней мере набросать первую редакцию перевода и по мере надобности исправлять его, следуя советам более умелых сотрудников. Пролог, во всяком случае, написан его рукой. Сотрудники или советчики были из московских немцев: в особенности Юрий Михайлов или Гифнер (настоящим именем Georg Hübner) и Яган Пальцер (Johann Palzer). Первый из них в то время еще плохо владел русским языком и лишь семь лет спустя, в 1679 г., был принят переводчиком в Посольский приказ. Второй же хвалился, что написал по-немецки «Артаксерксово действие», «Юдифь» и «Товия». Несмотря на мнение В. Всеволодского-Гернгросса, мне кажется, что в этом утверждении слово «написал» надо понимать в смысле «переписал», но тем не менее необходимо навести всевозможные справки как о личности Пальцера, так и о его сомнительном участии в литературной деятельности Грегори.⁹

Мы, по правде сказать, не знаем точно до сих пор, кому следует приписывать славяно-русский текст драмы «Артаксерксово действие»: одному ли пастору Грегори, или пастору совместно с его сотрудниками,

⁹ С. К. Богоявленский осведомляет нас по документам, что Пальцер «занимался перепиской ролей» и «те комедии немецким письмом писал он один» (С. К. Богоявленский. Московский театр при царях Алексее и Петре — ЧОИДР, кн. 2. М., 1914, стр. 59).

главным образом Юрию Михайлову (и это самое правдоподобное предположение), или же, наконец, одному неизвестному нам переводчику Посольского приказа. На каком основании утверждал В. Всеволодский-Гернгросс, что «в оригинале пьеса была написана на немецком языке, и на русский ее переводил, очевидно (?), переводчик Иван Енак»,¹⁰ — мне до сих пор неизвестно: кто был Енак и какую роль он играл при Грегори? Предположение о возможном привлечении Симеона Полоцкого к сотрудничеству с пастором Грегори или даже о взаимном влиянии одного на другого — как бы оно ни казалось соблазнительным акад. А. И. Соболевскому и проф. Б. В. Варнеке — не поддерживается, насколько мне известно, никакими доказательствами и остается чистой гипотезой.¹¹ Что касается Рингубера, его участие в переводе драмы на славяно-русский язык мало правдоподобно: молодой саксонец не успел еще усвоить в достаточной мере русский язык. Одним словом, вопрос об авторе перевода до сих пор не разрешен. Надо надеяться, что исследователи станут основательно изучать язык и приемы этого перевода, включая и стихосложение, на необходимость чего указал проф. Б. О. Унбегаун,¹² и постараются отыскать документы о Грегори и его сотрудниках, которые должны еще находиться в русских архивах, главным образом в делах Немецкой слободы и Посольского приказа. Следовало бы прежде всего выяснить, в какой степени Юрий Михайлов и Яган Пальцер могли на самом деле принять участие в сочинениях Грегори. Возможно, что и в саксонских архивах находятся еще документы, относящиеся к самому Грегори или к Рингуберу, которые не дошли до сведения Эрнста Коха, новейшего биографа пастора Грегори.

* *
*

Лионская рукопись поднимает и другой, более широкий вопрос, а именно: какие сочинения следует приписывать Грегори? Благодаря немецкому тексту теперь почти доказано, что автором немецкой трагедии «Артаксерово действие» является Грегори. Но можно ли считать его автором и остальных пьес, ему приписанных, хотя они заметно отличаются одна от другой, и в особенности от первой? До сих пор ничто фактически не опровергает этого предположения. Надо сказать, что ни одна из рукописей, которыми воспользовался Н. С. Тихонравов для опубликования своего известного сборника «Русские драматические произведения», не содержит немецкого оригинала, подобного оригиналу, чудесно сохранившемуся в лионской рукописи. Я сам убедился в этом, просмотрев рукописи, которые Н. С. Тихонравов не обозначил точно, но которые мне удалось идентифицировать благодаря любезной помощи В. И. Малышева, а именно: «Юдифь» (БАН, 31.6.27, старый номер 53), «О Баязете и Тамерлане» (ЦГАДА, ф. 139, д. 29), «Иосиф» и «Жалостная комедия об Адаме и Еве» (ГПБ, Ф. XIV. 6, лл. 14—26 и 27—38). К перечисленным рукописям следует прибавить новую рукопись ГБЛ, которая дает целиком «Темир-Аксаково действие» (т. е. «О Баязете и Тамерлане»), в то время как начало Пролога этой драмы отсутствует в рукописи, использованной Н. С. Тихонравовым. Я имел возможность

¹⁰ История русского театра, I. Под ред. В. В. Каллаша и А. М. Эфроса. М., 1914, стр. 60; В. Всеволодский-Гернгросс. История русского театра, I. Л.—М., 1929, стр. 328: «переводил Иван Енак».

¹¹ Б. В. Варнеке. История русского театра, 2-е изд. СПб., 1914, стр. 37—38.

¹² Les débuts de la versification russe et la Comédie d'Artaxerxès. — Revue des Études slaves, XXXII, 1955, стр. 32—41.

ознакомиться с этой рукописью благодаря любезности И. М. Кудрявцева, которому надо представить возможность опубликования ее. За отсутствием немецких оригиналов и даже признаков того, что такие оригиналы когда-либо существовали, нам трудно судить о первоначальном виде рукописей. Но каждая из этих рукописей содержит пролог, являющийся как бы ее отличительным признаком. Такой пролог восхваляет величие царя и уведомляет о религиозном или нравственном поучении пьесы, которая следует за ним. Подпись везде отсутствует, но автора можно узнать немедленно и без всякого сомнения: это никто другой, как пастор Грегори. Конечно, недостаточно признать в нем автора этих прологов и в связи с этим приписать ему и сами драмы, которым они предшествуют, но из всего этого можно извлечь если не доказательство, то предположение его авторства. Но для полной ясности необходимы еще новые исследования и, по возможности, новые документы.

Прежде всего следует постараться отыскать остальные рукописи (на немецком или на славяно-русском языке) произведений, приписанных пастору Грегори. Трудно поверить, что они дошли до нас в столь незначительном количестве, что драма «Товий» окончательно потеряна и что в других пьесах так и будут отсутствовать более или менее значительные части (главным образом конец драмы «Иосиф»). Возможно, что у драм, написанных после «Артаксерксова действия», отсутствовал немецкий оригинал. Автор, видимо, счел излишним трудиться над сочинением на немецком языке драмы, предназначенной исключительно для русских зрителей, которая все равно должна быть переведена на русский язык. Можно себе представить, что он стал сочинять свои произведения сразу на русском языке и писал их сам, прибегая, быть может, к помощи такого сотрудника, как Georg Hübner. Или же он предоставлял одному сотруднику, или даже нескольким сотрудникам разработку одного плана, обрисованного им в общих чертах: в таком случае его драмы, по крайней мере частично, были бы сочинены не одним лицом. Но как бы то ни было присутствие Грегори явно чувствуется во всех пьесах приписываемого ему репертуара. В «Юдифи» мы встречаем молодого саксонца — искателя приключений, бывшего шведского кавалериста и польского рейтара с его воспоминаниями о передовых постах, об осадах, о шпионах и пленных; в войсках Голоферна П. П. Пекарский и А. Н. Веселовский узнали польские черты и польский колорит. По-военному звучат застольные песни солдат и типичные рассказы старого служак о попойках и грабежах в драмах «Юдифь» и «Темир-Аксаково действие»; но тут же одновременно мы опять узнаем пастора, учащего зрителей смирению перед Провидением, которое карает сильных за их надменность, защищает и вознаграждает смиренных, испытав их предварительно, низвергает завоевателей и освобождает народы. В драме «Темир-Аксаково действие» мы встречаем и гуманиста, которому знакома драма «Tamburlaine the Great» Marlow'a, а в «Жалостной комедии об Адаме и Еве» тот же самый гуманист вспоминает немецкие «Paradeisspiele», апокрифические библейские легенды и средневековые духовные песни. Личность автора сказывается в этом репертуаре, где перемешаны разнообразные влияния.

Однако перед нами возникают не разрешенные еще вопросы. Так, например, в какой степени чувствуется влияние традиции английских комедиантов, например в «Юдифи»; или какая связь у «Баязета и Тамерлана» с пьесой Marlow'a (этот вопрос затронут А. Булгаковым,¹³

¹³ А. Булгаков. Комедия о Тамерлане и Баязете. — В сб. «Старинный спектакль в России». «Academia», Л., 1928, стр. 317—357.

но не совсем разрешен и требует новых разысканий, вроде тех, которые I'. Замятин так успешно предпринял о связи русского театра начала XVIII в. с немецким);¹⁴ или обосновано ли предположение, что единственная комедия Грегори на светский сюжет (т. е. «Баязет и Тамерлан») могла бы не принадлежать перу мастера,¹⁵ хотя и Пролог несомненно имеет характерные особенности его творчества; или же какое-то было влияние христианских легенд и духовных песен в «Жалостной комедии об Адаме и Еве»?

Сквозь все эти различные произведения проглядывает пастор, ищущий свой путь. Начав с библейской драмы с более или менее значительной примесью комедии и даже фарса («Юдифь»), он переходит к исторической драме, в которой представлена борьба завоевателей («Баязет и Тамерлан»), и, наконец, доходит или, лучше сказать, возвышается до христианской мистерии, как будто за три последние года его жизни религиозное чувство все больше и больше отодвигало на задний план мирские заботы. Драматические произведения Грегори достойны обширного и углубленного изучения. А это изучение нельзя себе представить без дальнейших поисков документов в России и в Германии.

¹⁴ Известия АН СССР, 1933, № 10, стр. 769—804.

¹⁵ История русского театра, I, стр. 65 (статья В. Всеволодского-Гернгросса); В. Всеволодский-Гернгросс История русского театра, I, стр. 329, 338, 346; автор склонен считать Гибнер автором «Баязета и Тамерлана».

А. В. ПОЗДНЕЕВ

Песни-акростихи Германа

Имя Германа как автора песен-акростихов до сих пор в литературе не упоминалось. Вместе с тем этим автором написано свыше 1600 стихов. Деятельность его связана с Ново-Иерусалимским монастырем. В стихотворной летописи монастыря автор ее, Никанор, называет Германа «келейником» патриарха,¹ а затем «строителем»² (ведующим монастырскими вотчинами) и причисляет его к монастырским «начальникам и уставщикам» (регентам хоров, или по-гречески типикариям). В архиве монастыря сохранились документы, из которых видно, что Герман был 1) «строителем» в 1673—1675 и 1678—1681 гг. с перерывом в 1675—1678 гг., когда он был разжалован за участие в «срыве казенной печати», и «на соборе при всей братии» был бит «шелепами за... бесчинство»;³ 2) архимандритом — с 1681 г. Но в 1680 г. Герман вновь ставит свою подпись — «строитель-старец» — под челобитной на царское имя, содержащей просьбу о возвращении Никона,⁴ а 25 августа 1681 г. «ученик святейшаго Никона», как пишет о Германе дяк И. Шушерин, погребает патриарха, став к тому времени уже архимандритом. Еще иподьяконом Герман был близок патриарху Никону. На картине в Новом Иерусалиме, написанной западноевропейским живописцем Вухтерсом, он изображен в числе семи учеников Никона.⁵

Герман быстро проходит путь от келейника до архимандрита и умирает 11 декабря 1682 г. в возрасте едва ли старше 40 лет, будучи хорошо известен царю Федору Алексеевичу. Дошедшее до нас завещание Германа⁶ рисует нам его как человека ученого, знавшего не менее трех иностранных языков, интересующегося вопросами стихотворства, любителя пения и музыки. Среди завещанных им книг были духовные и светские: Часослов греческий, Алвар латинский, представляющий собой грамматику с пособием, как писать стихи,⁷ польская «Библия Иеронимова перевода», польские псалмы, жития святых на польском языке, «Книга

¹ Арх. Леонид. Историческое описание... Воскресенского монастыря. — ЧОИДР, 1874, кн. 3, стр. 34 (отдельная пагинация).

² Там же, стр. 34.

³ Там же, стр. 58, 60, 549—554.

⁴ И. Шушерин. Жизнеописание патриарха Никона. М., 1830, стр. 186; Арх. Леонид. Историческое описание... кн. 3, стр. 42 и сл.

⁵ И. Грабарь. История русского искусства, в. V. М., 1909, стр. 99—100; История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 167. Портрет, очевидно, был создан до 1665 г., судя по тому, что на нем был запечатлен архимандрит Герасим, умерший в 1665 г.

⁶ Вахр 451.

⁷ В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 2. СПб., 1900, стр. 27—34. У Симеона Полоцкого и Епифания Славинецкого тоже хранился Алвар.

печать польская» Александра Гваньини, книги киевского простого пения и лечебники. Любопытно, что Герману, занимавшемуся стихотворством, принадлежала лютня, светский западный музыкальный инструмент. Показательно также, что наследниками библиотеки Германа оказываются иеродьякон Дамаскин, составитель дошедшего до нас рукописного песенника начала 1680-х годов (ГИМ 1743), и Иван Шушерин, автор жизнеописания Никона.

Перу Германа принадлежат три эпитафии. Таковы его силлабические вирши с акrostихом, помещенные на могильном камне патриарха Никона,⁸ и, по преданию, сочиненная им самим эпитафия на собственное надгробие.⁹ Однако более совершенны и представляют значительно больший интерес его песни-акrostихи. В настоящее время нам известны 14 рукописных песенников второй половины XVII—начала XVIII в.,¹⁰ среди которых находится 14 песен-акrostихов с именем Германа. Одни из сборников дошли до нас полностью, другие утратили из своего состава целые куски (ГПБ Q. XIV. 25, ГИМ 1938 и др.), от третьих остались лишь несколько листов (БАН 45.8.195). Сохранность песен в сборниках также различна. В одних, как например в сборнике ГИМ 2469, отсутствует ряд стихов в конце песен; иногда песни помещаются в дефектном виде или приписаны позднее и не относятся к основному составу сборника (см., например, конец сборника ГБЛ 9498). Общими чертами всех этих сборников являются: единый состав духовных и светских песен — они почти все написаны силлабическим стихом с трехголосным напевом с нотами к каждой песне.

С именем Германа связаны 12 песен-акrostихов из 5 старейших песенников (ГБЛ 10.944, Погод. 1974, ГИМ 1743, ГИМ 1938, БАН 45.8.195), 13-я («Федор славный воевода») в песеннике 1680—1690-х годов и 14-я уникальная («Радуйся, благодатная») в сборнике начала XVIII в. Естественно, что песни Германа посвящены духовным темам, но это не умаляет их литературного значения. Большая часть из них гимнологические, с восхвалением бога, богородицы, с рассказами о житии воспеваемых святых или о событиях, связанных с церковными праздниками, две из них (№№ 1 и 10) — покаянные. Вот их перечень:

№ 1. «Господи, воззвах тебе, услыши мя» (10 вар.) с простейшим акrostихом «Герман монах, моляся, писах»;¹¹

№ 2. «Радуйся, дево, сына бога смеле» (7 вар.) с 2 акrostихами: а) «Радуйся» и б) «Благодатная, господь с тобою, Герман вопию»;¹²

№ 3. «Ангельскую днесь вси радость» (9 вар.) с 2 акrostихами: а) не разобран, б) «Герман сне написа»;¹³

⁸ Собр. Барсова, №№ 895 и 896.

⁹ Арх. Леонид. Историческое описание... кн. 3, стр. 100; кн. 4, стр. 127—129.

¹⁰ ГБЛ 10 944, Погод. 1974, ГИМ 1743, ГИМ 1938, БАН 45.8. 195, Погод. 426, Хлуд. 126; ГПБ Q. XIV. 25, ГИМ 2469, Щук. 61, Тит. 1972, Син. 927, Унд. 927 и ГБЛ 9498. Кроме того, в сборниках находятся песни, сочиненные Аникием, Василием, Никанором, Дамаскиным, Герасимом и другими, жившими, как и Герман, в Ново-Иерусалимском воскресенском монастыре; отдельные из них, возможно, принадлежали Епифанию Славинцкому (см.: В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 2, стр. 40), перевод 5 глав «Песни песней», месяцеслов (отличный от составленного Симеоном Полоцким) и песенный перевод 23 псалмов Давида (отличный от переводов «Рифмотворной псалтири»), книжные песни, написанные русскими буквами на польском языке (сюда вошел ряд псалмов Давида в переводе Яна Кохановского, выдающегося польского поэта-гуманиста эпохи Возрождения), и песни, переведенные с польского языка.

¹¹ ГИМ 1743 № 58 и др.

¹² ГИМ 1743 № 206 и др.

¹³ Погод. 1974 № 147, ГИМ 1743 № 304 и др., «Калики переходные». № 404.

№ 4. «Веселия день и спасения днесь» (11 вар.) с 2 акростихами: а) «Воскресением и обновлением писа, веселяся, Герман, моляся, монах у креста, тем и не преста» и б) «типикарь»;¹⁴

№ 5. «Христос рождается, славите» (9 вар.) с 2 акростихами: а) «Христу пение и восхваление, Герман писах, поя и скончах» и б) «у став щ и к»;¹⁵

№ 6. «Блаженству тезоименитого» (6 вар.) с 2 акростихами: а) «Блаженному Макарию Герман, моляся, вопию» и б) «Моли бога о мне»;¹⁶

№ 7. «Да воспримут ныне горы радость» (5 вар.) с 2 акростихами: а) «День празднества велия торжества, празднуя, пишаше, Герман ликоваше» и б) «Воскресенский»;¹⁷

№ 8. «Все земнороднии внушите» (5 вар.) с 2 акростихами: а) «Во печали воспою Николая восхваляю, ему Герман монах, упоая восписах» и б) «строитель»;¹⁸

№ 9. «Небо радуется согласно» (5 вар.) с 2 акростихами: а) «Николаю воспеваю, радуясь в скорби» и б) «Писал Герман строитель, печали обдержажши велико вид...» (конец не расшифрован);¹⁹

№ 10. «Память предложити смерти» (5 вар.) с 2 акростихами: а) «Плавающая водою, омиваема тою, зря ту умерша писаша вирши, Герман ридая, поя и вздыхая» и б) «Маия месяца болезнен»;²⁰

№ 11. «Радуйся, благодатная, ангел царю дарованная» (1 вар.) с 2 акростихами: а) «Радуйся, благодатная» и б) «Господь с тобою, Герман пою»;²¹

№ 12. «Радуйся, ходатаице ангел и человек» (8 вар.) с 2 акростихами: а) «Радуйся, благодатная, господь с тобою» (этот акростих двойной: читается сверху вниз и одновременно слева направо) и б) «письмо се Германе»;²²

№ 13. «Феодор, славный воевода» (5 вар.) с 3 акростихами: а) «Феодора восхваляю, да защитит умоляю царя тезоименного Феодора усердного», б) «убоги чернец Герман» и в) «лета семь тысяч сто осмдесят шестаго во осмы день иуния»;²³

№ 14. «Радуйся зело, дщи Сионя» (8 вар.) с 2 акростихами: а) «Радуйся, пастирю великий, о Никоне, торжеством днешним, отче наш» и б) «рекли вси: иеромонах Герман»;²⁴

Содержание песен-акростихов Германа не исчерпывается религиозной сущностью. Перелагаемые в них псалмы подвергаются авторской переработке, как это происходит с первой песней-акростихом, написанной по мотивам 140-го псалма.

Гимнологические песни-акростихи Германа связаны с современностью и прежде всего с именем и деятельностью патриарха Никона. Песня «Радуйся зело, дщи Сионя», очевидно, является отзвуком событий 1681 г., когда царь Федор разрешил бывшему патриарху Никону вернуться в Ново-Иерусалимский монастырь. С его памятью связана и 6-я

¹⁴ ГИМ 1743 № 34 и др., «Калики перехожие» № 416.

¹⁵ ГИМ 1743 № 262 и др., «Калики перехожие» № 278.

¹⁶ ГИМ 1743 № 316 и др.

¹⁷ ГИМ 1743 № 65 и др., «Калики перехожие» № 346.

¹⁸ ГИМ 1743 № 337 и др.

¹⁹ ГИМ 1743 № 140 и др., «Калики перехожие» № 187.

²⁰ ГИМ 1743 № 187 и др.

²¹ ГБЛ 9498 № 124.

²² ГИМ 1743 № 214 и др.

²³ Погод. 426 № 161 и др.

²⁴ ГИМ 1938 № 186 и др.

песня «Блаженству тезоименитого», обращенная к Макарию Унженскому, в монастыре которого начал свою монашескую жизнь Никон. Три песни-акrostиха (№№ 3, 4 и 14) сложены в похвалу празднику живоносного воскресения Христова, которому посвящена церковь Ново-Иерусалимского монастыря.

В некоторых песнях отчетливо выступает личный момент. Такова 10-я покаянная песня-акrostих «Память предложити смерти» (акrostих — «Маия месяца болезнен»):

Гроза же, яко днесь, приде мне многая,
Предложена память о смерти горкая.

В песне передается личное осознание автором своей греховности и его скорбь: «Аз же, таковая зряй, како не рыдаю?»; «Аз же помышляю грехов моих пучину» и т. д.

Особый интерес представляет 13-я песня «Феодор славный воевода», в которой намечается переход от песен духовных к песням светским, панегирическим. Как на иконах раннего Возрождения рядом со святым рисовался в уменьшенном виде заказчик иконы, так и в этой песне первые 16 строк обращены к патрону царя Федора, святому Феодору Стратилату, а последние четыре посвящены самому царю Федору.

Песни-акrostихи Германа дают возможность видеть в их авторе достаточно умелого стихотворца — мастера акrostиха. Чаще всего они написаны силлабическим стихом.

Исключительный интерес представляет наличие в отдельных его песнях правильных силлабо-тонических стихов — лет за 60 до реформы Тредьяковского—Ломоносова; например (№ 3):

Ангельскую днесь вси радость,
Человеческую сладость...
Пиво новое пиюще,
Песнь веселую поюще,
Светится, светися, новый
Иерусалиме добрый.

Правильный четырехстопный хорей этих песен — характерный песенный размер. Другие части этой песни сложены силлабическими стихами. Следовательно, для Германа силлабо-тонические стихи являлись частным случаем силлабики и принципиальное отличие одних от других он еще едва ли понимал, факт, свидетельствующий о поэтической интуиции автора-песнетворца.

Небезынтересно и строфико-ритмическое строение песен Германа: первые его 4 песни сложены простыми 11-, 7- и 6-сложными стихами. В более поздних песнях простые (9- и 13-сложные) размеры заменяются сложными (в песне «Ангельскую днесь вси радость» — 5-стишная строфа типа 8 + 8 + 8 + 8 + 4, «Веселия... день и спасения днесь» — 6-стишная строфа типа 11 + 11 + 11 + 11 + 11 + 13, «Феодор славный воевода» — 5-стишная строфа типа 9 + 9 + 10 + 9 + 9 и т. д.). Особенностью ряда песен оказывается помещение рефрена в середине стиха, с большим числом слогов, чем в остальных стихах. О поэтическом мастерстве Германа свидетельствует почти полное отсутствие в его стихах «вольностей» (*licentia poetica*). Он допускает, пожалуй, единственное нарушение подобного рода, когда употребляет вместо русской формы «человеков» — польскую «чловеков». Однако Герман употреблял в песнях бедные или неточные рифмы. Хотя у Германа встречаются каламбурные (всех — жития бер) и тройные рифмы (явленна—любезна—многолеппа), но в общей

массе это еще «рифмиды» типа: можеши—хощеши, купно—смутно, мертвых—тленных.

В начале творчества Германа песенные образы в его произведениях попадают редко; образы взяты чаще всего из церковных песнопений (лестница небесная, манна с небес и т. д.). В это время в его песнях встречается «нанизывание» образов:

Архиерея всемирного
Святителя преевеликаго,
Ко богу тепла заступника...
Достойно соблюдшего звание.
Ко всем любовное тшание
Отца святителя Николая,
Единого днесь ходатая.

(«Небо радуется
согласно»).

Затем в песнях Германа начинают встречаться характерные для фольклора повторения в виде сочетания этимологически родственных слов («любовное любити», «изнурити нас, изнурившя» и т. д.) и построения словесных формул по контрасту («оставляет мир со родители, течет по Христе со учителя»). В последних его песнях-акrostихах появляются слова, привлекающие внимание звукописью («светозарна», «златоперая»), а также, очевидно, образованные искусственно им самим («тайноводительница», «враждоносец», «любословесный», «яснозарный», «светлообещанный»). Образы его песен делаются более отвлеченными и изощренными, приобретая метафорический характер («света невечернего причастица вечная», «облак света богоданная», «невещественное всех алчущих брашно» и т. п.). Художественные образы песен Германа подчас создаются им не без воздействия произведений древнерусской литературы. Так возникает образ смерти: «уязвляеши всех... стрелою, егда приходиши с... ко сою... земли предаеши всех» (из песни «Память предложити смерти»); смерть властна равно надо всеми людьми, повергая во гроб «работных» (трудящихся) рядом с «владущими» царями, воинствующими князьями, рядом с архиереями и «иереями». Эволюция художественных приемов Германа показывает, что в последние годы творчества он, очевидно, испытал воздействие крупного поэта, каким, по нашему предположению, мог быть автор песен эпического характера Епифаний Славинецкий.

Наиболее значительный интерес представляет наличие в песнях Германа акrostихов, которые он мастерски вводит в ткань своих песен.

В перечисленных выше рукописных сборниках все песни записаны с напевами на три голоса, положены на ноты (по 5-линейной системе), с разделением на строфы с припевами. Напев каждой песни охватывает строфу, состоящую из нескольких стихов, которые подписываются под нотами на 2—4 страницах. Первая строфа помещается на первой строчке этих страниц. Она разделена на стихи, каждый из которых начинается с большой буквы. Затем пишется вторая строфа так, чтобы 1-й стих 2-й строфы помещался под 1-м стихом 1-й строфы, 2-й стих 2-й строфы — под 2-м стихом 1-й строфы и т. д. В результате песня располагается в виде ряда столбцов (колонок), где число строк определяется количеством строф, а число столбцов — числом стихов в строфе. Акrostих, таким образом, образуется из начальных букв каждого столбца путем чтения их или сверху вниз или слева направо. В одних случаях читаются первые буквы всех столбцов, в других — только некоторых. В одной песне может быть один, два, изредка три акrostиха.

Раскрыть акrostихи в песнях Германа посчастливилось лишь потому, что в отдельных вариантах акrostихи были намечены красными буквами.²⁵

В XVII в. акrostихи писали Симеон Полоцкий, Карион Истомина, Евфимий Чудовский, Иларион, Феоктист и др.²⁶ Их акrostихи составлялись по первым буквам в всех стихов виршей. Текст вирш подгонялся под форму акrostиха, превращаясь в словесную игру. Песни Германа можно читать, не подозревая о наличии в них акrostихов: они представляют собой самостоятельные содержательные произведения с определенной композицией: в начале дается основное положение, далее следует его развитие, а в последних 2—3 строфах — заключение.

Акrostих в песнях XVII в. представляет собой или имя автора, или имя адресата, или, наконец, какое-нибудь высказывание, пожелание. Таковы акrostихи Германа, в которые он непременно включает свое имя. По существу, в акrostихе зашифровывается то, что автор желает сделать понятным лишь для немногих посвященных. В этом случае акrostих выполняет роль своего рода тайнописи. Пользуясь формой акrostиха, автор начинает искать способ закрепить за данным произведением свое имя. Включение авторского имени в акrostихи в какой-то степени свидетельствует, очевидно, о пробуждении авторского самосознания в то время, когда в литературе, согласно установившейся традиции, творческий акт еще продолжает восприниматься как результат коллективного творчества.

Смысл акrostихов Германа, как правило, связан с содержанием песен. Часто акrostих его представляет собой авторские высказывания или пожелания, в свою очередь оформленные в стихах:

Христу пение
и похваление
Герман писах,
Поя и скончах.
(«Христос
рождается»).

Герман постепенно усложняет свое мастерство, сочиняя сначала песни с одним акrostихом, читающимся или сверху вниз, или слева направо, затем — с двумя, из которых один читается сверху вниз, а второй — слева направо, и еще более сложными — с двумя, читающимися одновременно и сверху вниз и слева направо акrostихами, с тремя и т. д. При двух акrostихах один (охватывающий вступление и изложение) читается по столбцам сверху вниз, а другой (из заключительных стихов) получается при чтении начальных букв стихов слева направо. Таким образом, акrostих Германа органически связывается с песней. (Выше мы пронумеровали песни Германа по степени усложнения формы акrostиха).

Песни-акrostихи Германа с упоминанием авторского имени и этапа его монашеского пути свидетельствуют о том, что он отступал от неписанных монашеских законов скромности, считая создание песен своим личным делом. В области акrostиха он достаточно потрудился. Его песни представляют собой известное движение вперед по пути к овладению поэтическим мастерством акrostиха.

Об определенном успехе песен-акrostихов Германа свидетельствует то, что в 14 рукописных песенниках второй половины XVII в. его песни встречаются в нескольких вариантах (пять — в 8—11, а восемь — в 5—

²⁵ Имена в акrostихах раскрыты совместно с П. В. Аравиным.

²⁶ М. Н. Сперанский. Тайнопись южнославянских и русских памятников. Л., 1929, стр. 2—3.

7 вариантах). Песни его привлекали внимание и в XVIII в., когда акростихи были уже забыты, но в рукописных песенниках XVIII в. мы нашли 6 его песен-акростихов (причем песня «Радуйся зело, дщи Сиона» встрети́лась нам в 17 вариантах, «Блаженство тезименитого» — в 5, еще две песни — в 3 вариантах и две — по 1 разу).

Роль Германа в развитии русского стихотворства состоит в том, что он вместе с другими поэтами-песнопевцами подготавливал почву для создания панегирической песни Петровского времени: в последней мы встретим многие поэтические приемы Германа (конечно, с изменениями, вызванными исторической обстановкой). Другие его поэтические приемы использовались в светской лирической (любовной) песне Петровского времени.

В. В. ВИНОГРАДОВ

**К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его
словоупотребления**

1

Протопоп Аввакум — один из величайших русских писателей эпохи, предшествовавшей развитию национальной русской литературы. Словесным мастерством Аввакума, блеском и колоритностью его художественной речи восхищались наши классики XIX в. — Тургенев, Л. Толстой, Лесков и др.

Трудно сомневаться в том, что в литературном творчестве Аввакума в силу необыкновенной мощи и широты его стиля нашли острое, хотя и индивидуальное, выражение общие процессы истории русского литературного языка в XVII в. Смешение, чередование, взаимопроникновение и соотношение книжно-славянской и народно-русской речевых стихий, так разнообразно и выразительно представлены в различных жанрах сочинений Аввакума, — процесс, важный и типичный для развития русского литературного языка в целом в его движении к национальной норме словесного выражения. В «Житии» протопопа Аввакума разговорно-бытовой сказ переплетается с книжной церковно-славянской риторикой проповеди, самозащиты и обвинения. «Житие» то облекается в форму агиографической повести о «тесном и скорбном пути истинного христианина», то превращается в страстную защитительно-обвинительную речь по делу никониан и правоверных, дьявола и Христа, то переходит в народно-драматический сказ о приключениях несчастного горемыки. «Красные слова» (красноречие), церковно-книжная речь и просторечие, чередуясь и сочетаясь, в стиле Аввакума вступают в тесное взаимодействие и новый синтез.

Так, в сочинениях протопопа Аввакума народно-разговорные фразовые сочетания развиваются, слова сцепляются в группы как бы с оглядкой, с ориентацией на некоторые центральные церковно-библейские выражения и образы. Эти образы, живые и подвижные, то являются открыто, то образуют лишь смысловой фон, иногда совсем ускользающий, иногда же выступающий явственно и неожиданно в далекой от них словесной сфере. Возникает иллюзия постоянной семантической двупланности (иногда потенциальной). Образуется «приводная речь» (выражение Аввакума). Например: «Я бы и Никона отступника простил, как бы он покаялся о блудни своей ко Христу; ино лиха не та птица» (стр. 118; Житие, редакция Б.).¹ Образ птицы, примененный к Никону,

¹ Здесь и далее цитаты всюду даются по изданию: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, в. 1. — РИБ, т. 39. Изд. АН СССР, Л., 1927 (Сочинения юрьевского протопопа Аввакума Петрова).

в своем метафорическом раскрытии вновь соединяется с лексическим значением — блудни, и птица оказывается блудным сыном: «Залетела в пустыя дѣбри непроходимыя, возвратитися не хошет; питается червьми и змиями и на селах рожьцы ядше со свиниями, а ко отцу возвратитися не хошет и не уйдет от руки господни» (стр. 118).

Так смыкаются два далеких словесных ряда — разговорно-бытовой и церковно-книжный. Образ дикой птицы сочетается с евангельским образом блудного сына.

Проблема метафорических приравнений, иносказаний, «приводной речи» существенна для понимания тех скрытых, «непрямых» значений, которые в церковно-славянском контексте нередко были связаны со словами и выражениями, имевшими своих лексических «двойников», омонимов, в просторечии, с совсем иным семантическим содержанием. Позднее, в XVIII в., особенно во второй его половине и в начале XIX в., многие из этих книжно-славянских выражений, вырванные из своего контекста, при переходе в бытовое «просторечие» резко изменили свой семантический облик. «Приводные» смыслы чаще приходится восстанавливать из контекста. Реже они даны непосредственно в параллелизме сопоставления:

В «Книге бесед», толкуя «апостольское слово» Павла (I Кор. V, 7—8): «...яко мал квас все смешение квасит», Аввакум так поясняет значение «приводной речи»: «Павел... глаголет приводную речь, указуя не в квас, якоже в квас: от мала великая прокиснет, тако и в вас от злб и лукавства добродетели будут непотребни» (стр. 522). Ср.: «Поспешим и потщимся, дондеже солнце не зайде, сиречь смерть не постигла» (стр. 379)

В «Книге обличений»: «И приводишь в приводе душу чело-вечю, толкуя суматоху, глаголя: Якож-де душа трисоставна-ум, слово, дух — имать един образ, також-де и бог: сын и дух святыи во отце соединенно и совокупно, а не слито и не раздельно» и т. п. (стр. 578—579).²

Так и в кругу церковно-книжной лексики обнаруживается оригинальное творчество Аввакума, которое направлено в основном на перегруппировку образов и на столкновение их с народно-разговорными выражениями, на образование единых разговорно-книжных семантических систем слов и фразеологических оборотов. Яркое своеобразие стиля Аввакума заключается именно в устранении резкой семантической границы между группами слов — торжественно-книжных и просторечно-разговорных, в острых приемах их лексических и фразеологических взаимодействий и контаминаций.

Так, у протоппа Аввакума при изображении чувств «людей божиих» чаще всего выступают глаголы «плакати», «плакаться»; они гармонируют с образом «прискорбного пути» «в царствие небесное»:³ «Пред образом плакався довольно о душе своей» (стр. 8); «Плакався пред образом господним, яко и очи опухли» (стр. 9); «Поплакав, глаголи» (стр. 30); «Моляся и плача, говорю» (стр. 55); «много плачючи говорил» (стр. 55); «побьюсь головою о землю, а иное и заплачется» (стр. 47); «я по нем пред Владыкою плакал всегда» (стр. 75); «Аз же без сна ночь ту проводих плачючи» (стр. 935).

С другой стороны, глагол «плакать» постоянно употребляется при описании чувств «детей духовных» к Аввакуму, в быту повседневно-

² Ср. принципы истолкования «привода» в «Книге обличений» (стр. 603—604, 901).

³ Об этой сфере слов мне уже приходилось упоминать в статье «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протоппа Аввакума (сб. «Русская речь», в. I. Пгр., 1923, стр. 195—293). Но там мои наблюдения не были доведены до конца.

житейском, усиливая картины их бедствий и беззащитности, выступая как одно из главных обозначений жизненных страданий.

«Без меня жена моя и дети, сидя на земле у огня, дочь с матерью — обе плачут» (стр. 47); «Пестуны, ко мне приходя, плачут» (стр. 33); «Кормлю их (казаков); и оне бедные и едят и дрожат, а иные глядя плачут на меня» (стр. 22); «И все плачут и кланяются» (стр. 33); «Сидя, жене плачущей и детям, говорю» (стр. 37); «Плачючи кинулся мне в карбас» (стр. 39); «С рыданием плачуще и сокружающе мое сердце, далече нас провожали» (ред. В., стр. 164); «Плачють, миленькие, глядя на нас, а мы на них» (стр. 41); «Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя» (стр. 60); «Всех домашних человек с тритцеть... рыдают и плачут» (стр. 68, ср. стр. 69); «И она... плачючи говорит» (стр. 78); «Села да плачет; есть ей дают: не ест» (стр. 77); «Воевода от них мятежников боялся, лишо плачет на меня глядя» (стр. 173), ср. о себе самом: «Я лишо в окошко глядя поплакал на него».

Всем истинным «духовным детям» Аввакумом дан был дар слез. Федор «стоя часа с три плачет: ...егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит» (стр. 56). Но особенно «Афонасьюшко миленькой» «плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем мольт — и у него слово тихо и гладко, яко плачет» (стр. 57).

Любопытно, что из «врагов божьих», из противников Аввакума глагольная форма «заплакал» применяется лишь однажды к Пашкову, и то перед тем, как произнести ему речь Иуды.

В этом обилии слез, характеризующем мир «святых», в этих указаниях на их «слезы» и «плач» в стиле Аввакума был заложен глубокий религиозно-символический смысл. Это один из приемов словесного оформления мира в аспекте церковно-славянской фразеологии и символики. Характеристический внутренний смысл выражений «слезы», «плакаться», «плакать» удобнее раскрыть, обратившись к «Книге толкований и нравучений». Здесь Аввакум в таком виде развивает образ Псалтыри (XII, 3—4) «быша слезы моя хлеб день и ночь»: «...с каковым тцданием пророк являшеса пред бога и приходяше со жаждоу, яко елень ко источнику, питаяся слезами день и ночь. Сице и нам подобает молитися и также слезами питатися, понеже и Христос плакався Иеросалима, также и на Лазарем, научая нас слезными струями измыватися и питатися» (стр. 448).

Способность «плакать», «питатися слезами», «слезными струями измыватися» органически входит в образ истинного христианина. Об этом Аввакум говорит, рисуя маску сатаны: «Исперва будет казатися людем кроток и смирен, и милостив, и человеколюбив: слово в слово, как Никон, ближней предтеча его, плакате гораздо. Я ево высмотрил дияволова сына до мору-тово еще, — великой обманщик, блядин сын! Как-то при духовнике-том, Стефане, вздыхает, как-то плачет, овчеобразный волк... А мир-от слепой хвалит: государь такой-сякой, миленкой, не бывал такой от веку!..» (стр. 460—461).

Развитие церковно-книжного смысла слов «плач», «плакать», «слезы» воплощается в образе «плачевного жития»: «Аще кто не вкусит горести здесь, не имать получить сладости тамо. Всяк бо родитися на плач, яко же младенец, родышеса от матери утробы, свидетельствуют, заплачет, из утробы изшед, являя плачевное житие... аще и кратко се житие, но исполнено мятежа и всяких хлопот; будущий же век — веселие и радость без конца, ея же получат терпяшии здесь» (стр. 483—484). Ср. в письме боярыне Морозовой тот же словесный ряд с дополнениями: «Дни наши не радости, но плача суть...» (стр. 318).

Плач «святого» передается устойчивой формулой: «правовернии... о грешных же тужат и втай пред богом плачют, да же отрадит ему бог в век века. Яко же и Андрей юродивый виде богатаго ко гробу несома и водою смрадною отъ бесови кропяща, плакав о нем святой ношь всю неутешно, яко и очи ему от слез опухли...» (стр. 507).

Ср. в письме к «отцам» Поморским: «Молитесь толко вы о нас крепко и неослабно, господа ради, отцы святии. Мне веть неколи плакать: всегда играю со человеки, таже со страстми и похотьми व्यюся окаянный...» (стр. 949).

Экспрессия святых слез, связанная с их словесным выражением, — фразеология иная, чем того житейского плача, который бывает и у «грешных». Аввакум характеризует это различие противопоставлением двух фразовых групп: «У грешных же бабы по мертвых кричат, да вопят, яко невернии иноземцы: кленут з горя, плачучи, и небо, и землю, и тварь всю, и самому творцу досаждают. Горе тако творящим... Благодарумнии же о мертвых во умилении изливают слезы, без крику и без вопля прося им у Владыки милости, — и се бо есть добро и благоприятно, — богу любезно, а мертвым полезно, а плачущим мздовоздаятелно» (стр. 507—508).

В виде иллюстрации далее дается стилистическое толкование евангельских описаний плача Марии Магдалины («слезы проливала, а не кричала, ни вопила») и Христа над Лазарем («прослезился») и на основании их устанавливается антитеза «смирненного плаkania» с «безчинным воплем и плачем по-язычески» (стр. 508).

2

Из церковно-библейского круга Аввакум, как нередко и другие древнерусские книжники, черпает выражения своеобразного строения, обычно составленные из групповых сращений слов. Но характер употребления таких фразеологических единств, часто сохраненных в нераздельной слитности, у Аввакума оригинален. Они преобразуются путем размещения по новым контекстам, путем смысловых «заражений» от необычного словесного соседства, путем стилистического «подновления» самой смысловой структуры фразы, ее сближения с разговорной лексикой, а также путем народно-разговорной реализации церковно-книжного образа.

Прежде всего здесь выступает принцип актуализации, оживления библейских метафор то посредством их лексического развития, то посредством настойчивых сцеплений их с разговорными словами, однородными по значению, а иногда контрастными по смыслу или экспрессивной окраске. Сцепляясь по контрасту и по сходству, библейские образы своеобразно окрашивают сказ, в котором поэтому роями кружатся слова, связанные с одним и тем же рядом предметных смыслов.

Например, повествуя о своем первом падении в духе проложного рассказа (под 27 декабря) Аввакум рисует свой грех символами церковно-книжными: «Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным».⁴ И за этой церковно-книжной фразеологией двигаются толпою слова, связанные с сферой огня, горения: «И горко мне бысть... Зажег три свечи... возложил руку... на

⁴ Ср. в «Книге толкований и нравоучений»: «Егда в нощи стоишь на молитве и воспалитися пахотения пламень, остави дело молитвы и угаси палящее, шед к жене своей на ложе» (стр. 543).

пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение» (стр. 9). При таком словоупотреблении происходит как бы столкновение двух рядов значений — реального и метафорического (ср. в «Отразительном писании»: «згорехом и горячее горе получихом; се гори, о горе и увы нам...»)⁵.

У Аввакума также наблюдается иногда тенденция к звуковой игре тавтологическими сцеплениями: «Оттоле в Риме и повсюду нача болезнь болети болезненно» («Книга бесед», стр. 276).

В следующем же эпизоде открывающая сказ о нем библейская цитата «...объяша мя болезни смертныя...» ведет за собой цепь словесных образов, гиперболически освещающих реальный в основе своей факт: «...до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и болши». И будто бы произвольное течение таких словосочетаний контрастно размыкает новая стилистическая формула библейских текстов: «...и паки оживе божим мановением» (стр. 10).

Любопытно, что это чудо, обостренное последовательным развитием словесного библейского образа, в другой редакции «Жития» (В) Аввакум, может быть, сам смягчает, заменив выражением «лежал в забытии» первоначальную фразу «лежа мертв».⁶

Если в этом стремительном движении слов из одного семантического гнезда, в этих острых столкновениях разных значений слов из одной и той же лексической сферы обнаруживается подвижность, живая действенность литературно-смысловых систем слов в художественном стиле Аввакума, то в неожиданных сопоставлениях выражений с ослабленной смысловой связью, слов и фраз из разных лексических гнезд проявляется острота его этимологического чутья, его живое поэтическое отношение к слову. Здесь для стиля Аввакума характерно сближение разошедшихся семантических рядов или слияние омонимических сфер, когда одно слово вызывает другое, фонетически близкое, иногда же и этимологически родственное, но уже успевшее дифференцировать свое значение и обособиться. От их сопоставления получается неожиданно новая смысловая окраска — рождается каламбур. Такая игра слов в «Житии» Аввакума ощутима, например, в этих сцеплениях: «Я и к обедне не пошел и обедать ко князю пришел» (стр. 46); «Книгу Кормчую дал прикащику и он мне мужика кормщика дал» (стр. 38); «Как поруга дело божие и пошел странною, так и бог к нему странным гневом!» (стр. 48—49); ср. в письме к Мелании: «...мене страннаго, устранишагося бога и человек, не отриньте от своего достояния» (стр. 401).

В таких случаях каламбур, основанный на этимологизации, как бы возвращает слову его «этимон», оживляет его забытое «коренное» значение, сливая два разделившихся лексических ряда. Фактически же получается семантическое «взаимоосвещение» двух омонимов, которое создает новые смысловые оттенки в значениях лексем.

Этимологизация с лингвистической точки зрения может быть ложной. Каламбур тем острее, чем менее он вытекает из привычных норм смысловых соотношений, чем он индивидуальнее. Поэтому неожиданное сопоставление неполных омонимов, которое вполне понятно только в данной ситуации, особенно поразительно. Например: «Два у меня сына в тех умерли нуждах, не велики были, да однако детки, пускай их, не где ся денут» (стр. 182); «Златоуст его (Антиоха) антихристом же зовет,

⁵ Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. — ПДП, в. 108. СПб., 1895, стр. 76.

⁶ См. мою статью «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума» (стр. 221—223).

понеже-де и имя противное содержит: а нти, еже есть противник, а ох — обладатель. Охнул от него Израиле-т бедной» (стр. 463).

Неполная омонимия может быть не лексикологической, а морфологической. Никакой этимологизации не происходит, но игра созвучиями подчеркнута синтаксически. Созвучия отдельных частей слова создают необычное их смысловое истолкование. Получается каламбурно-морфологическое переосмысление слова, которое непривычно, индивидуально переразлагается на образующие его морфемы. Стилистически это новое понимание слова выражается в сопоставлении его с такой лексемой, которая имеет общие с ним звуковые части: «В то же время родился сын мой Прокопей, который сидит с матерью в земли закопан» (ред. В, стр. 92).

В других случаях упор на подобозвучие, на омонимию может создаваться почти полным звуковым единообразием сближенных слов, далеких по значению, и без явного тяготения к морфологическому переразложению: «Невозможно оком единым глядети на землю, а другим на небо, также сластем и страстем работати» (стр. 828); «Как я, мазав маслом святым да потом шелепом свитым; Твори молитву Иисову, бешенный страдник!» (стр. 591).

В сущности, всякое употребление слова в новом, индивидуально окрашенном смысле, всякое применение его к иному, не подводимому под него в системе языка кругу значений и явлений может быть обозначено и осознано как игра слов. Она начинается тогда, когда подчеркивается возникновение нового значения слова посредством сопоставления его с традиционным употреблением того же слова. Индивидуальная метафора по отношению к социальной системе языка ведь всегда представляется художественно-стилистическим омонимом созвучной лексемы и на ее фоне понимается и усваивается. Этот прием в «Житии» Аввакума и других его сочинениях одинаково встречается в лексике и церковно-книжного и разговорно-просторечного слоев стиля. Например: «Вот вам и без смерти смерти! Кайтесь, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть: недивно!» (стр. 62).

Близкие к каламбуру формы игры слов возникают при столкновении двух слов с противоположными рядами значений и с контрастной экспрессивной окраской. Когда эти слова иронически приравниваются одно к другому, как бы взаимно поясняя свой «вещественный» смысл, то семантическая характеристика каждого из них оказывается опрокинутой, вывернутой наизнанку. Следовательно, в этом случае звуковое подобие или совпадение совершенно отсутствует. Каламбурность покоится на предметно-смысловом сближении энантиосемических (т. е. противоположных по значению) словесных рядов. Естественно, что и в этом случае границы между книжными формами и просторечием стираются: «Мы за одно воровали, — от смерти человека ухоронили, ища ево покаяния к богу» (стр. 40). Другой пример осложнен каламбурно-метафорической антитезой: «...от меня и от братьи дьяконово снискание послано в Москву правоверным гостинца, книга „Ответ православных“... И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человек, детей моих духовных» (стр. 61);⁷ ср. в «Книге бесед»: «...гостинцы неладны привез: по правую руку крыж латынской вез, а по левую крест Христов» (о патриархе Иосифе, стр. 276).

⁷ Ср. иронию в употреблении близких по значению к «гостинцу» метафор: «...зело там употшивали палками по бокам и кнутом по спине 72 удара» («Книга бесед», стр. 248); «Пряно вино: хорошо умели никонияне употшивать...» (стр. 250).

Меняют смысловой облик слова не только приемы сопоставления, но и формы противопоставления.

Контраст может быть стилистически экспрессивным. Пренебрежительной формуле просторечия с той иной целью противопоставит торжественно-книжное выражение: «Он меня лаает; а я ему рекл: „благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет“» (стр. 11). Так Аввакум показывает пропасть между собой и псом-начальником, который ему «у руки огрыз персты, яко пес, зубами» (стр. 10).

Антитеза бывает предметно-смысловой. Иногда она основывается на функциональном несоответствии противопоставляемых слов: «Аз же, взяв клюку, а мать — некрещенова младенца, пошли з братьею и з домочадцы, амо же бог наставит» (стр. 164). Иногда же эта антитеза построена на метафорическом, каламбурном переосмыслении одного из членов противопоставления: «молод леты — годов в полтретьятцеть, да ум столетен» (стр. 205);⁸ «Они ж не имут что отвещати ми, вяжут да куют Меня. Но слово божие не вяжется» (Письмо «чаду о господе», стр. 954);⁹ «Вы постигосте верси горам, а мы получихом верси бедам» (стр. 949).

Контраст бывает основан и на игре приставок: «И о сем твоим изумлени и безумни и играют, а разумни и рыдают» (стр. 618). Особенно эффектны контрасты с рифменными соответствиями: «Людем казался благ, а внутрь враг»; «Перед человеки являются свят, а по внутреннему человеку клят» («Послание братии на всем лице земном», стр. 777).

Смысловая антитеза иногда заостряется синтаксически: «Также в Никитин день ход со кресты, а меня паки на телеге везли против крестов» (стр. 18).

В других случаях на основе контрастного сцепления слов происходит нейтрализация соединенной с каждым из них экспрессивной окраски, и возникает новый символ (оксиморон): «Остриг ево овчеобразный волк» (в редакции Б, стр. 171); ср. в «Книге бесед»: «Грех ради моих суров и безчеловечен человек» (стр. 175; ср.: «человеколюбив человек бысть», стр. 333).

Неожиданное сравнение по своей функции занимает середину между антитезой и каламбуром. Семантическое прикрепление к последовательно развивающейся фразовой цепи «бокового» звена иного стилистического колорита в форме сравнения не только передвигает значения всего словесного ряда, меняет его экспрессию, но и «обманывает», нарушает возможные смысловые разрешения, включая их в новое многозначное стилистическое единство: «...волоча впредь и взад 12 лет, паки к Москве вытощили, яко непогребеново мертвецца» (стр. 247—248); «В еретиках жестоки нравы и неизвратны на благое; зудит так его слово-то правое, яко мозоль» (стр. 494).

Форма сравнения является также одним из приемов выхода за пределы церковно-книжной лексики.

У Аввакума сближение словесных рядов в сравнении чаще всего осуществляется при посредстве глагола, который становится семантическим центром двух синтагм, двух фраз и как бы внутри себя реализует борьбу, перелом двух значений: «Так-то у еретиков тех у всех вымысл: верхи у Писания — тово хватают, что мыши углы у кних — тех угры-

⁸ Ср.: «Словом духовнии, а делом беси» (стр. 779).

⁹ Ср.: «Слово божие не вяжется» — цитата из 2 посл. ап. Павла Тимоф., II, 9 (стр. 820).

зают, а внутрь лежащего праведне не мало...». Каламбурная природа этого сравнения подчеркивается далее подбором рифм:

А иные и знают,
да ухищрениям занимают,
и всем хотящим спастися запинают...
(стр. 373).

«Разумеешь ли кончину арапа онаго, иже по вселенной и всеа Русския державы летал, яко жюк мотылный из говна прилетел и паки в кал залетел, Паисей Александрийский епископ?» («Книга толкований и нравоучений», стр. 568); ср.: «Не мочно твоего плетения расковырять. Яко лапоть сковырял ты, да и цены потерял...» (стр. 605).

3

Острому сочетанию разных «родов глаголанья», разных видов литературной речи в стиле Аввакума содействовал диалог.

Диалогом вводятся в повествование новые формы экспрессии, разговорно-фамильярные слова и выражения, необычные для рассказа синтаксические приемы. Эмоциональное значение слов здесь получает объяснение в описании сопровождающих реплику движений. Например: «...выбежала жена его Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: „поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец“» (стр. 12). Угодливость жеста связывается с обилием почтительно-ласкательных обращений: «государь наш батюшко, свет наш кормилец» и просительным значением частицы «-тко» при императиве.¹⁰ Но в своем ответе Аввакум разоблачает смысловую функцию этой экспрессии, открывая ее скрытые причины: «И я супротив того: „Чюдно! давеча был блядин сын, а топерва: батюшко! Болшо¹¹ у Христа-тово остра шелепуга-та: скоро повинился муж твой!“» (стр. 13).

Диалог соотношениями реплик и формами своего отношения к повествованию создает иногда своеобразную игру слов и смыслов: «...вывели меня ночью к спальному крылцу... чаял в реку посадят, ано от тайных дел шиш антихристов стоит, Дементей Башмаков, дожидается меня, учал мне говорить: „протопоп, велел тебе государь сказать — не бойся ты никоно, надейся на меня!“ И я ему поклоняюсь, а сам говорю: „челом, реку, бью на ево жалованье; какая он надежа мне? надежа моя Христос!“ Да и повели меня по мосту за реку; я идучи говорю: „не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения“...» (стр. 199). Так, Аввакум, путем подведения царских и своих слов под библейский текст, по-новому освещает тему своего диалога с «шишом антихристовым».

Но вообще реплики персонажей — лаконические, необычайно скорого темпа, ограничены не только повествовательным контекстом, но и определенными «характерологическими ситуациями».

Персонажи «Жития» обычно узнаются по репликам, как авторы по отрывкам их сочинений. Их отношение к вещам и событиям как бы запечатлено прочно в определенных формулах. И Аввакуму приходится лишь напоминать эти характеристические знаки образа. Например, вожди никоиан, «наши» (по иронической терминологии Аввакума) так «блюют» на отцов своих: «Глупы-де были и несмыслили наши русские святыя, неучо-

¹⁰ Аввакум в «Книге толкований и нравоучений» сам поясняет экспрессивный смысл этих обращений: «Дондеже ядят, и оне ево блажат: миленькой, кормилец наш...» (стр. 482).

¹¹ Северновеликорусское вводное слово означает «должно быть», «по-видимому».

ные-де люди были, — чему им верить? Оне-де грамоте не умели» (стр. 59). Ср. ту же реплику в устах Илариона и Павла — с иной экспрессией: «Аввакум милой, не упрямясь, что ты на русских святых указываешь, глупы наши святые были и грамоте не умели, чему им верить» («Книга бесед», стр. 292). В «Книге толкований и нравоучений», при рассказе о Манасии: «И Авраам отец стал. А до того глупым звал, как и в Московском сонме: глупы-де были русские наши святые, грамоте не умели!» (стр. 469).

Только Аввакум — один из всех персонажей «Жития» — в бытовом диалоге достигает высоты церковного ораторства: в беседах со своими детьми духовными и врагами он величественно пользуется библейско-церковными символами: «И я рек: восстани! бог простит тя!» (редакция В; ср. стр. 22, 25, 28 и многие другие). Однако формы диалогической драматизации в тех частях «Жития», когда обмен репликами развертывается в драматическую сцену, носят яркую печать вытовой народно-сказовой экспрессии (ср. разговор Еремея с Пашковым — стр. 36; сцену с мужиком и протопопией — стр. 31—32; разговор с царем — стр. 44—45 и многие другие).

4

Таким образом, стиль «Жития» протопопа Аввакума, как и многих, едва ли не большинства других его сочинений, представляет сложную систему закономерно чередующихся словесных форм: простодушно-деловой сказ то разнообразится раскатами патетических тирад или торжественным чтением библейских текстов, которое временами переходит в ораторскую речь, проповедь; то уснащается каламбурами, шутивными народными приговьями («и мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро», стр. 44; «А ты душе, много ли имеешь при них? Разве мешок, да горшок, а третье лапти на ногах», «Книга бесед», стр. 252—253; «Люблю брата, яко фусточку, себя же вмению пред ним, яко онучку», стр. 952; «Отольются медведю коровьи слезы», стр. 784; «Отольются медведю ослины слезы», стр. 808), двустийными; то превращается в ритмически размеренное, торжественное богослужение. Анализ стиля сочинений протопопа Аввакума открывает сложные формы семантического сплетения и слияния церковно-книжной фразеологии и мифологии с устно-поэтической речью, с народно-мифологическими образами и выражениями, с приемами бытового разговора и сказового повествования.

На остром сочетании в структуре одного и того же литературного произведения тех форм словесного творчества, которые были разобщены в речевой практике XVII в. по жанрам и частично даже выходили за пределы «литературы» в понимании той эпохи, в «Житии» протопопа Аввакума был воздвигнут сказовый жанр агитационной автобиографии «изящного страдальца», символически раскрывающей жизненный путь «истинного христианина».

«Житие» протопопа Аввакума — произведение не только художественно-повествовательное, поэтическое, но и риторическое. Как риторическая проповедь, направленная к экспрессивному воздействию на слушателя, оно создавалось по законам слушателя своей эпохи, по законам его речи и понимания. Этими проповедническо-агитационными функциями своими оно тесно связано с культурно-исторической обстановкой социальной борьбы XVII в. и с присущими ей литературными формами выражения.

В. Е. ГУСЕВ

«Житие» протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII в.

(Постановка вопроса)

В классическом труде Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» содержится глубокий анализ сущности и формы классовой борьбы в феодальном обществе. Этот анализ приводит Ф. Энгельса к выводу: «Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания».¹

«Условия времени» в Московской Руси XVII в. определили своеобразную форму антифеодальной оппозиции демократических слоев русского общества той эпохи. После подавления первой крестьянской войны положение народных масс на Руси еще больше ухудшилось. Земским собором 1649 г. было принято специальное Уложение, которое окончательно завершило закрепощение крестьян. Это послужило причиной новых волнений: в 1654 г. происходит «чумный бунт», в 1662 г. — «медный бунт» и восстания поволжских крестьян, в 1666 г. действуют казацко-крестьянские дружины под руководством Василия Уса, в 1667—1671 гг. разгорается вторая крестьянская война под руководством Степана Разина. Вооруженная борьба крестьян против феодалов нуждалась в идеологическом обосновании, которое в условиях XVII в. могло быть только религиозным. Естественно, церковь с ее феодальными формами эксплуатации, стоявшая на страже феодальных порядков, проповедывавшая смирение и покорность, не могла дать санкции на борьбу. Зато возникшая внутри самой церкви в начале 50-х годов оппозиция официальной церковной власти, с позиций «истинной веры» отрицавшая всякие нововведения и произвол «начальников», оказалась подходящей идеологической оболочкой, придававшей движению народных масс «благочестивый» характер. Раскол как бы освящал и делал законной в сознании религиозно настроенных масс Руси XVII в. их борьбу против господствующего класса. Этим и следует объяснить столь широкое распространение в народе старообрядчества и заметную роль, которую играли раскольники во всех вооруженных восстаниях последней трети XVII в. Раскол был массовым и пестрым в социальном отношении движением, объединившим все недовольные дворянским господством слои русского общества — крестьянство, посадских людей, стрельцов, боярство, духовенство, причем каждая из этих групп

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128—129. (Разрядка наша, — В. Г.).

преследовала свои цели, но в своей основе он был демократическим движением.²

Плеханов, справедливо критикуя в «Истории русской общественной мысли» идеализаторов раскола, в то же время подчеркивает, что «движение это несомненно опиралось на недовольство народа своим постоянно ухудшавшимся положением».³ Он же, характеризуя консервативную форму выражения «существенных интересов разных классов народа» в Московской Руси XVII в., говорит о том, что «оппозиционная мысль Московского государства...» «стала смотреть назад в лице трудящейся массы», и объясняет, что это «постоянное обращение оппозиционной мысли назад, а не вперед обуславливалось неразвитостью общественных отношений, отнимавшей у представителей оппозиции всякую возможность наметить для своей страны путь поступательного, а не попятного движения».⁴

Значит, и сам противоречивый факт консервативной формы выражения оппозиционных антифеодальных настроений трудящихся масс Московской Руси XVII в. находит объяснение в специфических объективных условиях русской общественной жизни той эпохи.

Только учитывая конкретные условия русской феодальной действительности XVII в. и принимая во внимание приведенный выше вывод Ф. Энгельса, можно правильно поставить вопрос о сущности и формах демократической литературы XVII в.

Нарастание возмущения в народных массах явилось источником не только свободолюбивых, бунтарских произведений в народной поэзии, но и прогрессивного направления в русской литературе XVII в., известного под названием демократической сатиры и глубоко исследованного в трудах В. П. Адриановой-Перетц. Закономерным было в советском литературоведении выделение именно этой линии демократической литературы XVII в., поскольку в ней своеобразно выразились сильные стороны сознания народных масс Руси той эпохи. Однако пришло время более всестороннего рассмотрения демократической литературы древней Руси.

Сознанию народных масс феодального общества присущи и слабости, и иллюзии, и заблуждения, и религиозные настроения, и всевозможные предрассудки, и консерватизм. Закрывать глаза на это значило бы идеализировать народ той поры. Но еще более существенным является то, что как в жизни, так и в искусстве народных масс феодальной эпохи были тесно переплетены, а зачастую и слиты в единое целое бунтарские настроения и религиозность, здравый смысл и предрассудки, порывы к правде и заблуждения.

С этой точки зрения нам представляется правоммерным поставить вопрос о принадлежности к демократической литературе и такого сложного по своему идейному содержанию памятника как «Житие» протопопа Аввакума, по традиции относимое в рубрику «старообрядческая литература», что, на наш взгляд, сужает литературно-общественное значение этого выдающегося памятника.

Противоречивая сущность раскола как одной из форм демократического движения второй половины XVII в. определила и противоречивый смысл деятельности Аввакума. Будучи служителем культа, он вместе

² См.: Л. Е. Анкудинова. Социальный состав первых раскольников. — Вестник ЛГУ, № 14, сер. истории, языка и литературы, в. 3. Л., 1956.

³ Г. В. Плеханов, Собр. соч., т. XX, 1925, стр. 335.

⁴ Там же.

с тем объективно стал и выразителем определенных народных настроений своей эпохи. Не только одной фанатичностью поэтому следует объяснять его огромную популярность среди масс.⁵ Точно так же и его «Житие», в отличие от многих произведений собственно старообрядческой литературы, в том числе и в отличие от некоторых других писаний самого Аввакума, стало значительным фактом русской и мировой литературы прежде всего в силу того, что оно с огромной силой выразило определенный момент народной жизни, страстные искания и заблуждения самих народных масс. В связи с этим трудно согласиться с Н. К. Гудзием, который, тонко чувствуя и по достоинству оценивая художественное значение «Жития», в то же время пишет, что сочинения Аввакума стали «выдающимися явлениями старой русской литературы совершенно независимо от того идейного наполнения, которое им присуще».⁶

Только связью «Жития» Аввакума со стихийным народным движением можно объяснить исключительную по драматизму подвижническую жизнь его центрального героя и его самоотверженную борьбу за осуществление своих целей. В отличие от многих идеальных героев древнерусских житий, стоявших неизмеримо выше современного им общества, как бы действовавших вне социальной среды, Аввакум как герой художественного произведения лишен, в сущности, исключительности. Мы все время ощущаем связь героя с определенной средой, его «нормальное» в известном смысле положение: в постигшем его несчастье он не оказывается одиноким. Еще прежде оно обрушивается на протопопа Неронова и двух Данилов. Впоследствии он делит заключение с Елифаном, дьяконом Федором, священником Лазарем, юродивым Федором и «Афанасюшкой миленьким», причем с ними обращаются куда строже, чем с самим Аввакумом. С самого начала его «волокиты» он находит поддержку и сочувствие главным образом простых людей.⁷ Когда его изгоняют после столкновения с «начальниками», то за ним следуют «с рыданием плачущие» «препровожающие жители того места, мужи и жены, и отрочата, множество народа». Архиепископ тобольский явно ему покровительствует и спасает от последствий расправы над Струной. В Даурской земле, под началом Пашкова, он сыскивает себе доброжелателей в лице жены и снохи самого Пашкова и некоего «прикащика», а сын Пашкова,

⁵ Свидетельством этой популярности служат не только собственные признания Аввакума («Меня жалуют люди-те, знают гораздо везде»), не только исторические документы, но и дошедшие до наших дней устные предания об Аввакуме (см.: В. И. Малышев, Усть-Цилемское предание о протопопе Аввакуме. — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 372, 375). Новые материалы позволяют предположить, что Аввакум не ограничивался одной религиозной проповедью, но и выражал критическое отношение к царившей социальной несправедливости и произволу, открыто заявляя «буттось... везде в начальных людех, во всех чинех нет никакой правды», и даже пытался «учинить смуту» казаков против воеводы Пашкова (см.: В. И. Малышев, Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 396). Вряд ли следует сомневаться в достоверности фактов, изложенных в этих документах, как это делает В. И. Малышев. Если бы Пашков хотел только оправдать избитие Аввакума на Долгом пороге, ему было бы достаточно сослаться на религиозную агитацию ссыльного протопопа. Между тем характерно, что об этом ни слова нет в отписке Пашкова. Во всяком случае знаменательно то, что в представлении Пашкова Аввакум был таким же «вором», как и восставшие казаки на Байкале и в Верхотенске (ТОДРА, т. IX, стр. 398).

⁶ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6-е. Учпедгиз, М., 1956, стр. 463.

⁷ Этому не противоречит участие в некоторых случаях «мужиков и баб» в преследованиях Аввакума — здесь проявлялась «народная ненависть к попам» вообще, которая «лишь в редких случаях» обращалась на людей типа Аввакума (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 121).

Еремей, оказывается даже «другом тайным» и страдает за него, едва не погибнув от руки отца-самодура. Казаки Пашкова плачут и жалеют Аввакума. На Байкале «русских людей станица соболиная» устраивает ему самый восторженный прием: «Терентьюшко с товарищи» — на руках, с карбасом, «с моря хватая», несут его «далеко в горы» и отпускают, снабдив его рыбой, «лодку починя и парус скрепав». В Москве Аввакума, заключенного в Пафнутьев монастырь, «подкрепляет» ярославский дьякон Козьма. За выражение сочувствия к опальному протопопу «избивают батожем» князя Хованского. Дочери его духовные, боярыни Морозова и Урусова, разделяют его участь.

Таков широкий социальный фон, на котором воспринимается нами жизнь Аввакума — литературного героя. Так в самом «Житии» образно отражена связь Аввакума-деятеля с оппозиционными элементами Московской Руси.

Однако, отмечая отсутствие исключительности героя «Жития», его демократизм, совпадение его многострадальной судьбы с судьбой многих и многих лиц, либо лишь названных в «Житии», либо бегло очерченных, либо выхваченных из фона и ярко освещенных (как образ его спутницы и соратницы Настасии Марковны), в то же время следует указать на социальную активность героя, его, так сказать, ведущую роль не только в повествовании, но и в системе художественных образов «Жития». Аввакум — это художественный тип «бойца» (А. М. Горький), «бунтаря» (А. Н. Толстой), непреклонного и страстного борца за идею, не отрешенного от жизни и ее практических интересов и даже ее суеты, а повседневного и активно связанного с самыми различными слоями современного ему общества — горожанами, крестьянами, казаками, духовенством, боярством. Это агитатор, обращающийся к самым различным аудиториям с огненным словом «правды», постоянно рискующий не только своим спокойствием и благополучием своей семьи, но и свободой, постоянно вступающий в острые и открытые конфликты с представителями церковной и феодальной правящих партий, с главой русской церкви, с самим царем. Но одновременно, конечно, это нетерпимый фанатик, проповедник «божьего дела», гонитель просвещения и народных увеселений, ригорист и начекич, готовый умереть «за единый аз»...

Своеобразием идеи или, употребляя точный термин В. Г. Белинского, пафоса «Жития» является идея служения «правде» как «божьему делу»; при этом пафос «Жития» Аввакума проявляется не в виде отвлеченной и пассивной критики несовершенств земной жизни во имя вечного блаженства христианского рая, а объективно представляет собой страстную проповедь борьбы против реального, социально обусловленного (хотя, разумеется, и не сознаваемого автором таковым) зла и против конкретных носителей этого зла — патриарха Никона, царя Алексея Михайловича и разных духовных и светских «начальников», проповедь борьбы за торжество справедливости (как ее понимал Аввакум и вместе с ним те, кто примыкал к расколу) на земле. Критика и гнев Аввакума были направлены в тот же социальный адрес, что и ненависть народа, против тех же лиц, в которых персонифицировалось зло и в сознании самого народа.

Характерной чертой Аввакума как типического образа «Жития» является его демократизм, его близость к простым людям, его постоянное и активное заступничество по отношению к жертвам произвола «начальников». В конфликтах между сильными и слабыми он неизменно становился на сторону последних. Даже А. К. Бороздин, которому было совершенно непонятно социальное содержание «Жития», заметил в свое время это обстоятельство: «Он (Аввакум, — В. Г.) повсюду является помощни-

ком угнетенных и слабых, защитником их против сильных притеснителей».⁸

В основе пафоса «Жития», строго говоря, отсутствует идея смирения, составляющая сущность христианской идеологии: чтобы это ощутить, достаточно лишь взглянуть на «Житие» как на художественное произведение, чем оно в первую очередь и является, в котором имеет смысл и значение не дидактические рассуждения и комментарии, а живая плоть сам образ.

Итак, в образе Аввакума и в «Житии» в целом отразилось основное противоречие социальной практики и психологии демократических слоев той эпохи — религиозное выражение социального протеста, когда форма часто скрывала содержание и, казалось, выступала на первый план, заслоня существо самого явления. Но объективно в пафосе борьбы, выраженном в «Житии» с предельной страстью, угадывается действительное содержание движения, в сущности своей враждебное религии с ее проповедью покорности и непротivления злу.⁹

В этом, на наш взгляд, ключ к пониманию истинного смысла и значения как идейного содержания «Жития», так и особенностей его демократической формы, ключ к определению важного места этого замечательного и по-настоящему еще не оцененного памятника в истории русской демократической культуры.

И если в демократической литературе XVII в. «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» с огромной силой выразила героико-патриотические настроения русского народа, а сатира обнажила нелепости и уродства феодальной жизни, то «Житие» протопопа Аввакума своеобразно отразило трагедию народных масс Руси середины XVII в., что обусловило высокий драматизм его содержания и формы.¹⁰ Вместе с тем, занимая особое место в демократической литературе XVII в., «Житие» протопопа Аввакума перекликается с современной ему сатирой (не случайно так часто Аввакум восклицает: «И смех и горе», сдabривая свое повествование то юмором, то горькой иронией, то сарказмом), а также с другим произведением демократической литературы XVII в. — с «Повестью о Горе-злочастии» (своим интересом к человеку, к превратностям его судьбы, к быту, своей приверженностью к старому, домо-строевскому укладу жизни и в то же время невольным свидетельством шаткости старых устоев, своими грустными интонациями, наконец принципиальным обращением к просторечию и к народно-поэтической стихии: в одном случае — к эпическому стиху, в другом — к сказу). Но это уже новая тема, и ей мы надеемся посвятить специальное исследование.

Здесь же мы вынуждены ограничиться самым общим, но, на наш взгляд, очень важным тезисом о принадлежности «Жития» Аввакума к демократической литературе.

⁸ А. К. Бороzdин. Протопоп Аввакум Очерк из истории умственной жизни русского общества XVII в. СПб., 1898, стр. 332.

⁹ Именно этот объективный смысл «Жития», а также некоторых других произведений старообрядческой литературы и делал выраженный в них «религиозный протест опасным... для всего государства феодалов» (См.: Л. Е. Анкудинова. Социально-политическая сущность религиозно-общественного движения в Русском государстве третьей четверти XVII в. Автореф. канд. дисс., Л., 1951, стр. 10—11).

¹⁰ См. об этом нашу статью: Заметки о стиле «Жития» протопопа Аввакума — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957.

Н. С. САРАФАНОВА

Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума

В системе общественно-религиозных взглядов протопопа Аввакума, одного из крупных представителей русской демократической литературы второй половины XVII в., значительное место занимает идея равенства всех людей.

В научной литературе последнего времени, посвященной Аввакуму, убеждения его характеризуются как крайне консервативные, считается, что «Аввакум всецело был выразителем отжившей традиции».¹ В ряде же исторических исследований о движении старообрядчества XVII в. идеология этого движения (в том числе и взгляды Аввакума) признается реакционной, «потому что она не обостряла классового сознания трудящихся масс, а, наоборот, затемняла его и уводила в область религии».²

Изучение только одного момента миропонимания Аввакума — его учения о равенстве — убеждает в сложности и противоречивости его взглядов, позволяет установить демократические моменты в мировоззрении этого яркого и самобытного писателя, «бунтаря-протопопа», по выражению А. М. Горького.³

Обратимся к высказываниям Аввакума о равенстве и прежде всего к вопросу о том, какова была его аргументация.

Все люди — «рабы божии», считал он. «Не разсуждай о величестве сана своего, яко болярошна, — отрицайся мысли сея и оплюй ея... мы вси есмь раби небеснаго царя», — строго выговаривал Аввакум одной из своих верных учениц боярского происхождения — Анисье.⁴ С такими словами Аввакум обращался не только к своим последователям, но и к царским воеводам и даже к самому царю. «Господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть божий», — дерзко, но «истинно» утверждал Аввакум в челобитной к Алексею Михайловичу.⁵

Все люди одинаково грешны, «шелудивы все».⁶ «Я оглашенной, ты оглашенная, — друг на друга не дивим, оба мы равны», — заключает Аввакум свои наставления старице Елене.⁷

Для Аввакума все православные — братья «по духу».⁸ Он велел пом-

¹ Н. К. Гудзий. Протопоп Аввакум и его сочинения. — В кн.: История древней русской литературы, изд. 6-е. Учпедгиз, М., 1956, стр. 476.

² Н. С. Чаев. Церковный раскол и Соловецкое восстание 1668—1676 гг. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII век. М., 1955, стр. 320.

³ М. Горький, Соч., т. 29, М., 1955, стр. 246.

⁴ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, в. 1. Изд. АН СССР, Л., 1927 (РИБ, т. 39), стлб. 402. (В дальнейшем: Памятники).

⁵ Там же, стлб. 757.

⁶ Там же, стлб. 860.

⁷ Там же, стлб. 859.

⁸ Там же, стлб. 757.

нить своей пастве, что «един-де дух святыи действующий во всех, и в первых и в последних», он «назnamenует милосердие свое ко всем равно». ⁹ Все — «богати и убозии, мали и величи, смиренныи и нищия, сирья и вдовицы» — для Аввакума «братия и чада моя о гсподе». ¹⁰

Эти рассуждения Аввакума находятся в рамках чисто христианской аргументации равенства «перед богом всех людей как грешников и... детей божиих». ¹¹ Но Аввакум не ограничился лишь признанием равенства всех людей перед богом. Мысль его шла дальше: люди равны по самой своей природе.

Эта мысль отчетливо высказана в письме протопопа «некоему Афанасию», одному из поборников «старой веры»: «А Борис Афанасьевич еще ли троицу-ту страха ради не принял? Жури ему: боярин-де-су, одинова умереть, хотя бы, го-де, тебя... плетми теми и побили, ино бы не какая диковина, — не Христова бы кровь пролилас, человечь». ¹² Утверждая право каждого человека одинаково пользоваться благами природы, Аввакум писал: «Небо одно, земля одна, хлеб общ, вода такожде». ¹³

В сознании Аввакума, мыслящего религию в тесном единстве с жизнью, объединялись оба аргумента: и одинаковое подчинение всех богу, и одинаковое право на блага природы. Воеводу Пашкова, например, Аввакум называет «братом по благодати», так как считает, что «едина купел всех нас породила, едина мати всем нам церковь, един покров — небо, едино светило — солнце». ¹⁴ Особенно ярко эти мысли были выражены Аввакумом в послании к Ф. П. Морозовой. «Али ты нас тем лутчи, что боярыня? — иронически спрашивает он у своей «духовной дочери», богатой и родовитой боярыни. — Да одинако нам бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая по повелению владычню служат тебе не болши и мне не менши». ¹⁵

При исследовании этих высказываний Аввакума необходимо учитывать следующие моменты. Во-первых, в условиях строго иерархического общества, каким является общество феодальное, уже сама постановка вопроса о равенстве несла заряд огромной разрушительной силы, была опасной для феодализма, подрывала его устои. Во-вторых, оказывается, что требование равенства людей с апелляцией к тем же самым евангельским текстам, к которым обращался Аввакум, было характерно для всех оппозиционных демократических учений средневековья, искавших в заветах раннего христианства ответ на вопрос об устройстве справедливого общества на земле. Так, Матвей Башкин, вольнодумец XVI в., главный укор крепостникам, держащим у себя холопов, «христовых рабов», видит в словах апостола о любви к ближнему, в том, что «Христос всех братнею нарицает». ¹⁶ Из этой же евангельской заповеди выводит необходимость равенства всех людей и идеолог крестьянства Феодосий Косой. ¹⁷ «Все лю-

⁹ Памятники, стлб. 558.

¹⁰ Там же, стлб. 539.

¹¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1950, стр. 323

¹² Памятники, стлб. 928—929.

¹³ Там же, стлб. 482.

¹⁴ Там же, стлб. 730.

¹⁵ Там же, стлб. 917.

¹⁶ Московские соборы на еретиков XVI века. Жалобница благовещенского попа Симеона. — ЧОИДР, 1847, кн. 3, стр. 22.

¹⁷ Р. Г. Лапшина. Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI в. — ТОДРА т. IX. М.—Л., 1953, стр. 247.

дие едино суть у бога», — считает он;¹⁸ «...аще кто наш разум имеет, то брат духовный и чадо есть».¹⁹

Нетрудно видеть, что доказательства Аввакумом равенства людей выходят за рамки обычных для средневековых ересей аргументов. Высказывая мысль о равенстве одного человека другому по самой природе людей, а не только потому, что все люди — «рабы божии», Аввакум выступал как человек нового времени. Однако для того, чтобы подойти к решению вопроса о значении в истории русской демократической мысли учения Аввакума о равенстве всех людей, необходимо учитывать различное содержание понятия равенства у Аввакума и вольнодумцев XVI в., те различные выводы, которые из него делались.

Матвей Башкин под влиянием мысли о братстве всех людей пришел к отрицанию института крепостничества, «изодрал» все кабальные записи на своих холопов. Феодосий Косой ратовал за отмену всех земских властей и «даней». Его проповедь равенства была отражением крестьянских требований равного распределения земли между теми, кто ее обрабатывает.²⁰ Таким образом, идея равенства всех людей перед богом приводела Башкина и Косого к радикальным выводам социального характера, Аввакум же из этой идеи делал демократические выводы морально-религиозного порядка.

Дореволюционные исследователи рассматривали высказывания Аввакума о равенстве (в частности, его обращение к боярыне Морозовой) лишь как выражение аскетического настроения Аввакума, упрекающего боярыню за малое усердие в молитвах,²¹ видели в них лишь укор Морозовой за привычку «медок попить».²²

Действительно, в глубоко религиозном сознании Аввакума требование равенства, демократическое по своему существу, тесно переплеталось с требованиями христианского послушания, аскетического самоотречения. Очень часто поэтому в сочинениях Аввакума эти две, казалось бы, внутренне противоречивые идеи объединяются и звучат одновременно. Высказывания Аввакума о равенстве нередко встречаются именно там, где он обращается к «сильным мира сего» — к царю, к Пашкову, к родовитым боярыням, призывая их к смирению. Аввакум утверждал следующие принципы человеческих отношений: «Еже есть хощеши помилован быти — сам такожде милуй; хощеши почтень быти — почитай; хощеши ясти — иных корми; хощеши взяти — иному давай. Се бо есть равенство».²³ Но это только одна сторона его понимания равенства.

Признание духовного братства людей и равенства их по природе означало для Аввакума требование равного, справедливого суда, одинакового отношения к боярину и простолюдину. В одном из писем к Ф. П. Морозовой Аввакум утверждает свое право быть беспристрастным, судить и боярыню, и юродивого Федора, ссорящихся между собой, исходя из правды, а не из положения людей в феодальной иерархии. «Никак не по человеку стану судить. Хотя мне тысячу литр злата давай, не обольстишь», — заявляет он, намекая на постоянную денежную помощь, оказы-

¹⁸ Зиновий Отенский. Многословное послание. — ЧОИДР, 1880, кн. II, стр. XV.

¹⁹ Там же, стр. XVII.

²⁰ Р. Г. Лапшина. Феодосий Косой..., стр. 248. См. также: Б. Н. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. 2. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 222.

²¹ Н. С. Тихонравов, Соч., т. 2, М., 1898, стр. 18.

²² А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. СПб., 1900, стр. 153.

²³ Памятники, табл. 535.

ваемую ему Морозовой.²⁴ Требование обязательности для всех одних и тех же нравственных норм Аввакум распространял и на самого царя. Безбоязненное уравнивание перед богом Алексея Михайловича со всеми его подданными («господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть божий») давало Аввакуму моральное право судить царя и осуждать его поведение.

Другим значительным моментом в аввакумовском понятии равенства является его мысль о моральной ценности человека. «Доброродие, и слава века сего, и богатство — все ничтоже»,²⁵ — считает Аввакум, «надобе попасть в небесное боярство»;²⁶ оно же достигается не знатным рождением, а личным поведением, «праведной» жизнью, которая может поставить любого смертного выше царя. Так, в одном из своих видений сам Аввакум был награжден богом большими богатствами, чем те, которыми владел Алексей Михайлович: «Ты владеешь... одною Русскою землею, а мне сын божий покорил... и небо, и землю».²⁷

Дальнейшее развитие Аввакумом учения о равенстве привело его к выводу, что в «божьем царстве», которое мыслилось им как царство справедливости, будет отнюдь не формальное равенство. Аввакум считал, что «в помиловании божи все равни, и мали и велицы святии, а в почести даров разность и неравенство, кийждо противу труда своего и мзду примет».²⁸

Религиозная форма не может помешать увидеть во всех этих мыслях Аввакума выступления в защиту личных достоинств человека. Эти высказывания обнаруживают в нем никак не консерватора, а такого мыслителя, в миропонимании которого отразились новые веяния его эпохи, эпохи, когда началось выдвижение незнатных людей в противовес старым боярским родам, терявшим свое значение.

В свете этих мыслей видно, что обращение Аввакума к боярыне Морозовой имело более глубокий смысл, чем полагали А. К. Бороздин и Н. С. Тихонравов: Аввакум вложил в него свое демократическое понимание равенства людей, выразил требование равного отношения к простому человеку и боярину.

Провозглашая идею равенства, Аввакум был последователен: он выступил с проповедью отмены церковной иерархии. Энгельс указывал, что в древней христианской общине, знавшей только одно равенство для всех — «равенство первородного греха»,²⁹ — «установление различия между священником и мирянином положило конец и этому зачатку христианского равенства».³⁰ Аввакум же отрицал и это различие между священником и мирянином,³¹ признавая за мирянином право совершать церковные службы.

Интересно отметить, что в самом понимании равенства и в системе доказательств Аввакум стоит на тех же позициях, что и крупнейший украинский писатель демократического лагеря конца XVI—начала XVII в. Иван Вишенский.³² «А што ж ты болшей над других человек о себе ро-

²⁴ Памятники, стлб. 914.

²⁵ Там же, стлб. 933—934.

²⁶ Там же, стлб. 928.

²⁷ Там же, стлб. 764.

²⁸ Там же, стлб. 559.

²⁹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 97.

³⁰ Там же, стр. 98.

³¹ Памятники, стлб. 421; см. также стлб. 831, 939—940.

³² В научной литературе уже указывалось на сходство многих высказываний Аввакума и Вишенского по разным вопросам, в том числе и по вопросу о равенстве людей

зумеши или что ты больше от других в себе вместити мнимаеши? — обращался Вишенский к дворянину-гордецу. — ... Не голова ли в тебе на том же местию стоит, што и убогой? .. Не судом ли испытан будеши за житие века сего так же, яко и убогий?». ³³ Для Вишенского и простой «хлоп», «седельник» или «кожемяка», и епископ — братья, «ровные» во всем, «во единой купели крещения — верою и от единое матере-благодати» родившиеся. ³⁴ Истинным шляхтичем «веры нашее», утверждает он, является лишь тот, «который з неволе мирское к богу вырнет и совышше ся от духа святого породит», ³⁵ «подвигом и верою делною» ³⁶ служит богу.

Совпадение многих мыслей Аввакума и Вишенского, сходная аргументация равенства людей у Аввакума и вольнодумцев Башкина и Косого объясняются их демократическим мировосприятием, характерным для всех них протестом против существующих отношений между людьми.

Мысль о равенстве людей возникла у Аввакума не случайно. Она явилась результатом неприятия Аввакумом многих несправедливостей русской жизни второй половины XVII в., его тесной связи с жизнью народа.

Судьба Аввакума была такова, что он все время оказывался в гуще народной жизни — среди крестьян села Григорова, жителей Лопатиц и Юрьевца-Повольского, среди казаков в экспедиции Пашкова, москвичей, жадно слушающих его проповеди в соборе Казанской богоматери. Аввакум общается даже со своими стражниками — стрельцами-«горюнами».

Страстность и фанатичность Аввакума в борьбе с «никонианством» не мешали ему понимать тяжелое положение народа. Его чрезвычайно конкретный и практический ум связывал воедино «отступление» от веры отцов и ухудшение жизни широких народных масс, наступившее после принятия Уложения 1649 г. «Темнозрачный век», «люто время» — так называет Аввакум современную ему эпоху. Всюду он слышит «слезы и рыдание». Горше всего приходится защитникам старой веры, у них «сугубая» печаль, но и все другие «равны» с ними по страданиям, стоны и плач слышны «во всех концах земли». ³⁷ В своих сочинениях Аввакум рассказывает о непосильных тяготах, которые ложатся на плечи трудового народа. «И без битья насилиу человек дышит, — пишет он в «Житии», вспоминая даурскую экспедицию; а чуть что — палкой по лбу: не ходи, мужик, умри на работе!». ³⁸ Он рассказывает о произволе «начальных людей» и воевод, о неправедном суде: «земские ярышки друг друга не осужают», они «что им велят, то и творят». ³⁹

Все это вызывало горячее сочувствие Аввакума к «бедным горемыкам», возмущение несправедливостью. Глубоким убеждением Аввакума была мысль о том, что человеку «не токмо за изменение святых книг, но и за мирскую правду подобает... душа своя положить». ⁴⁰ Поиски «мирской правды» принесли много жизненных осложнений неутомному протопопу, но именно они прочно объединили в его сознании понятие «христианства» с народом, а «никонианства» — с представителями государственной власти.

(см.: И. П. Еремин. К истории русско-украинских связей в XVII в. — ТОДРА, т. IX, стр. 293—295).

³³ Иван Вишенский, Сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 42—43.

³⁴ Там же стр. 68.

³⁵ Там же, стр. 43.

³⁶ Там же, стр. 68.

³⁷ Памятники, стлб. 810.

³⁸ Там же, стлб. 182; ср. также стлб. 26, 29, 682, 702, 726.

³⁹ Там же, стлб. 859, 467.

⁴⁰ Там же, стлб. 285.

В тесной, органической связи Аввакума с жизнью народа — истоки демократизма его мировоззрения, его мыслей о равенстве.

Объявляя всех людей равными перед богом и по самой их природе, Аввакум высказывал одну из центральных антифеодальных идей своего времени, снимал «покров святости» с господствующих классов. Плебейское презрение к знатному происхождению, столь откровенно высказанное в письмах к Федосье Морозовой, «сестре» Анисье, вполне отвечало стихийным требованиям широких народных масс, ставших под знамена «старой веры», требовавших уравнивания в правах с привилегированными классами общества.

О бунтарском значении идеи равенства в ту эпоху — эпоху городских восстаний и крестьянских волнений — свидетельствует и провозглашение ее в качестве одного из лозунгов восставшего народа в крестьянской войне под предводительством Степана Разина: «... той Стенько Разен поиде с тем намерением, чтоб ему прити во град в Москву... и учинить то, чтоб всяк всякому был равен», — сообщает один из хронографов начала XVIII в.⁴¹

Конечно, в выборе способа достижения равенства людей Аввакум и Разин расходились коренным образом. Для того чтобы «всяк всякому был равен», Разин хочет «всех князей и бояр и знатных людей... побить, искоренить всякое чиновачалие и власть»;⁴² все надежды Аввакума — на «праведный божий суд», на «райскую благодать». Так демократ и бунтарь вступает в резкое противоречие с проповедником кротости и аскетизма, призывающим побеждать «благим злом».

Однако морально-религиозные выводы Аввакума не снимали демократического характера его высказываний о равенстве. Его взгляды давали возможность народу делать самые широкие выводы. Этим и объясняется исключительная популярность Аввакума среди народных масс, для которых требование равенства было, по определению Энгельса, «стихийной реакцией против вопиющих социальных неравенств, против контраста между богатыми и бедными, между господами и крепостными, обжорами и голодающими».⁴³

⁴¹ Москвитянин, 1847, № 7, стр. 169. (Ср. показание иностранного современника о речах С. Т. Разина: «... я пришел дать всем вам свободу и избавление, вы будете мои братьями и детьми»: Я. Стрейс. Три путешествия. ОГИЗ, 1935, стр. 204).

⁴² Там же.

⁴³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 100.

А. Н. РОБИНСОН

Аввакум и Епифаний

(К истории общения двух писателей)

I

Аввакум очень заботился о мотивировке своего автобиографического труда.¹ Его смелый опыт литературного изображения собственной жизни как жизни нового «пророка», борца за «дело божие», обрамлялся привычными для читателя и необходимыми для автора формами жития святого. Возникновение автобиографии Аввакума как нового типа литературного произведения, порожденного острой общественно-религиозной борьбой второй половины XVII в., сопровождалось в области идей и художественных форм резким столкновением новаторства и традиции. С одной стороны, это были новые черты мировоззрения, выразившиеся в осознании социального значения человеческой личности (в данном случае своей собственной), и новые, близкие народу формы литературной речи, а с другой — средневековые церковные представления о человеке и традиционные формы агиографии. В этом своеобразном процессе литературного формирования новой «житийной» темы на базе агиографической традиции новые элементы зарождающегося автобиографического жанра должны были еще пользоваться для собственного обоснования силой признанных авторитетов и литературных канонов.

Сама старая биографическая тема, имевшая своей целью описание жизни святого, требовала от автора известного оправдания. Составитель жития нередко считал нужным сослаться на внешний повод, принудивший его взяться за перо. Искушенный в книжности Максим Грек, составляя предисловие к житию Зосимы и Савватия Соловецких, посчитал необходимым снабдить свой труд такой мотивировкой: «Аз окаянный и грубый, понужения ради твоего, честный отчет, надежу возложих на всемилостиваго бога... яко да споспешествуют ми» в начатом труде.² Автор жития Филиппа, митрополита московского, старательно оговаривается: «Не бо безстудством неким самодержзостно на сие приидох, но вами принужден должная сотворих».³ Говоря о жизни Варлаама Важеского, составитель не забывает пояснить: «о нем же нудите мя, о отцы,

¹ См.: В. Л. Комарович. Протопоп Аввакум (§ 1). — История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 312—313. В настоящей статье мы рассматриваем лишь одну из тех мотивировок, которыми пользовался Аввакум для оправдания автобиографической темы своего труда.

² Житие Зосимы и Савватия Соловецких. — Православный собеседник. Казань, 1859, июнь, стр. 217.

³ Ив. Яхонтов. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, стр. 139.

и повелеваете ми написати».⁴ Составитель жития Александра Ошевенского указывал на основную цель своего труда: «сие мало нечто писанию предахом, да не в забвении будет по бозе... житие святого».⁵

На этом литературном фоне создание автобиографического жития нуждалось, естественно, в еще более ясной мотивировке. Такая мотивировка и была подсказана Аввакуму той же агиографической традицией. Читатели-современники должны были воспринять как нечто привычное и должное выраженную в обычной форме и очень конкретную мотивировку его «Жития»: «Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием, — понеж отец ему духовный инок, — да не забвению предано будет дело божие».⁶

Но для того чтобы произошла такая качественная трансформация литературного жанра, как превращение традиционных биографий подвижников, посмертно канонизированных, в полемически заостренную автобиографию человека, хорошо известного современникам, наличие только такого внешнего «понуждения» (для преодоления скромности автора) оказалось недостаточным. Для такого труда нужен был и реальный повод — наличие духовного отца-исповедника, каким и был Епифаний. Отсюда житие-автобиография смогло получить новую мотивировку, как житие-исповедь, рассказ Аввакума о своей жизни Епифанию, который и «понудил» к этому автора.

В. В. Виноградов определил форму «Жития» Аввакума как «просто-душно-деловой сказ», интимную дружескую «беседу», «вяканье».⁷ Первоначально эта манера изложения Аввакума причислялась, хотя и без достаточных оснований, к более поздним и сознательно создаваемым писателями явлениям «иллюзии сказа».⁸ Р. Ягодич рассматривал форму изложения Аввакума несколько отвлеченно, как обращение к «читателю» или к «слушателю».⁹ С большим основанием Н. К. Гудзий говорил о «простодушной исповеди»¹⁰ Аввакума, а В. П. Адрианова-Перетц отметила, что он «сохранял в своих писаниях манеру живой беседы»¹¹ или «подлинной беседы», как писал Д. С. Лихачев.¹² Исследователи отмечали, что эта манера изложения «Жития» возникает в виде «бесхитростной

⁴ Житие преподобного Варлаама Важеского с предисловием А. Григоровича. М., 1887, стр. 11.

⁵ Ив. Яхонтов. Жития... стр. 90; см.: Иван Некрасов. Древнерусский литератор. — Беседы в Обществе любителей российской словесности, в. 1. М., 1867, стр. 43.

⁶ Памятники истории старообрядчества, XVII в., кн. 1, в. 1. — РИБ, т. 39, Л., 1927, стр. 1. (В дальнейшем при цитировании «Жития» Аввакума страницы приводятся в скобках, при цитировании же других памятников в подстрочных примечаниях обозначается: РИБ, т. 39, с указанием страницы).

⁷ В. В. Виноградов. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. — Русская речь. Сборник статей под ред. Л. В. Щебры, 1. Пгр., 1923, стр. 208, 209, 267, 285.

⁸ Б. М. Эйхенбаум. Иллюзия сказа. — Сквозь литературу. Сборник статей. «Academia», Л., 1924, стр. 156.

⁹ Rudolf Jagoditsch. Das Leben des Protropen Awwakum von ihm selbst niedergeschrieben. Berlin, 1930, стр. 69.

¹⁰ См.: Н. К. Гудзий. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. «Academia», [М.], [1934], стр. 32, 49.

¹¹ В. П. Адрианова-Перетц. Старообрядческая литература. — История русской литературы. Учебник для вузов, т. I, ч. 1. Под ред. проф. В. А. Десницкого (главный редактор), Б. С. Мейлаха, Л. А. Плоткина. М., 1941, стр. 299.

¹² Д. С. Лихачев. Протопоп Аввакум (§ 2). — История русской литературы, т. II, ч. 2. М., 1948, стр. 316.

импровизации», не превращаясь в осозанный автором «литературный прием».¹³

К созданию такой автобиографической беседы-исповеди Аввакум был хорошо подготовлен своей предшествующей деятельностью. Он был «замечательный народный проповедник»,¹⁴ и сила его проповеди «была обаятельна». ¹⁵ Проповедь в народной среде так увлекала Аввакума, что из-за этого у него и «радение худо было» о предававшемся ему месте придворного священника. Он, однако, не жалел об этом месте: «Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило» (15). Навыки живой беседы со слушателями, простой и доступный им образный язык, подкрепляемый авторитетом привычных цитат «от писания»,¹⁶ послужили впоследствии основой для создания до сих пор не утратившей своей свежести и живого звучания литературной речи многих его эпистолярных и полемических сочинений, а в особенности его «Жития». Сочинения Аввакума, как пишет В. П. Адрианова-Перетц, «продолжали устную проповедь»,¹⁷ что применительно к «Житию», как нам кажется, было облегчено его тесным общением с Епифанием в процессе их автобиографического труда.

Литературное творчество Епифания привлекало внимание лишь немногих исследователей.¹⁸ Еще Н. И. Субботин отметил, что «автобиографическая записка» Епифания, включенная в 1668 г. Авраамием (учеником Аввакума) в его «Христианоопасный щит веры», была составлена автором до его ссылки и, следовательно, «ранее Аввакумовой автобиографии». ¹⁹ Тем не менее в науке распространилось мнение, что Аввакум был первым автобиографом и его труд послужил примером для Епифания. Оспаривая это мнение и развивая указанные наблюдения Н. И. Субботина, С. А. Зеньковский пришел к заключению, что Епифаний еще в Виданской пустыне занимался литературным трудом. Он написал там обличительную книгу против царя и никониан, а также первую редакцию (А) своего «Жития» (между 1665 и 1666 гг.). Этот первый опыт автобиографии Епифания значительно отличался от его «Жития» (Б), написанного в Пустозерске. Таким образом, ко времени встречи Аввакума и Епифания в 1667 г. в московской тюрьме старец был уже опытным писателем, ему принадлежал автобиографический труд, который и послужил затем примером для создания Аввакумом его «Жития». После казни Авраамия в Москве в 1671 г. Аввакум и Епифаний, находившиеся в Пустозерске, видимо, считали, что оставшееся у него «Житие» Епифания (А) погибло. Когда Аввакум в конце своего «Жития» просил Епифания описать свою жизнь, он, по-видимому, высказывал лишь желание реконструировать этот утраченный труд (А), о котором он кое-что знал, и на основе этих сведений перечислил события из жизни старца.

¹³ См.: В. В. Виноградов. О задачах стилистики..., стр. 208; Pierre Pascal. Avvakum et les début du raskol. La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie. Paris, 1938 стр. 485—486 (в дальнейшем: P. Pascal); Д. С. Лихачев. Протопоп Аввакум (§ 2), стр. 316.

¹⁴ Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. Субботина (в дальнейшем: Материалы). Т. V. М., 1879, стр. VII.

¹⁵ Д. И. Сапожников. Самоожжение в русском расколе (со второй половины XVII века до конца XVIII). М., 1891, стр. 7—8.

¹⁶ См.: Д. Святополк-Мирский. О московской литературе и протопопе Аввакуме. — Евразийский временник, т. IV. Берлин, 1925, стр. 343—344.

¹⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Старообрядческая литература, стр. 298.

¹⁸ И. П. Еремин. Житие Епифания. — История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 322—326; Serge A. Zenkovsky. Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie. — Die Welt der Slaven, Jahrgang 1, Heft 3, Wiesbaden, 1956 (в дальнейшем: S. A. Zenkovsky), стр. 276—292.

¹⁹ Материалы, т. VII. М., 1885, стр. XVI—XVII.

Все затронутые здесь вопросы о мотивировке «Жития» Аввакума, о манере его «сказа», о соотношении его «Жития» с «Житием» Епифания вызывают необходимость выяснения вопроса об общем характере взаимоотношений этих двух писателей-автобиографов, о тех конкретных условиях и формах, в которых развивалось их творчество и многолетнее общение, продолжавшееся с 1667 г. до смерти обоих на костре в 1682 г.

II

Аввакум был особенно внимателен к Епифанию уже в начале их знакомства. После первой казни Лазаря и Епифания, по приезде узников в Братошино под Москвой, Аввакум навестил старца, который «запечатлев уста, седел весь слезен».²⁰ Но вскоре, пишет Аввакум, старец прислал к нему стрельца «с радостию: не кручинься бо обо мне; и мне-де дала язык... богородица». Отправившись к другу, Аввакум первый засвидетельствовал и описал это «чудо». Оба они «порадовався, поговорили кое о чем». Епифаний рассказал Аввакуму, как он «проглаголал и как его казнили». Передавая далее рассказ Епифания о его видении, Аввакум переходит на изложение от лица самого старца: «Она же мне отверзла уста, и аз-де и стал говорить ясно».²¹ В этой первой «завязке» отношений двух писателей сказались основные черты их последующего общения: дружеское участие и единомыслие, беседы о своей жизни и о видениях, литературное отражение этих бесед.

Непосредственное общение писателей продолжалось и в течение трехмесячного пути в Пустозерск, и еще долгое время по прибытии туда (12 декабря 1667 г.). Воеводе пришлось расселить четырех узников²² («порознь, очистиа пустоозерских крестьян избы»), так как он не мог выполнить царский указ о том, чтобы сделать для них окруженную тыном тюрьму, состоящую из четырех отдельных «изб», отгороженных друг от друга «тыном же». Только в августе 1669 г. пустозерцы начали строить тюрьму. В октябре 1670 г. разгневанный царь приказал тюрьму «сделать тот час», а «мужиков», задержавших постройку, «бить кнутом».²³

Этот первый и сравнительно легкий период пустозерской жизни соузников (до 1669 г.) не был особенно плодотворным в литературном отношении. Но зато это было время их устного общения, углубления знакомства друг с другом и формирования взаимоотношений. К этому периоду мы отнесем мысль П. К. Паскаля о том, что Аввакум в своих долгих беседах с Епифанием неоднократно сообщал ему различные эпизоды из своей богатой приключениями жизни.²⁴ Такие автобиографические беседы, украшенные фантазией, вообще вполне естественные в условиях суровой ссылки, были особенно уместны в среде первоучителей старообрядчества, которые осознали себя мучениками за «истинную» веру. Епифаний вполедствии потому и «понудил» Аввакума написать его «Житие», что уже ясно представлял себе важность этого труда для их общего дела.

В темницах общение писателей продолжалось: «к старцу пойду посидеть в ево темницу», «у старца сижу», — писал Аввакум (72). Но затем

²⁰ РИБ, т. 39, стлб. 708, 712.

²¹ РИБ, т. 39, стлб. 707, 711.

²² Первоначально в Пустозерск были сосланы Аввакум, Никифор, Лазарь и Епифаний. В 1668 г. туда был привезен Федор. Никифор вскоре умер.

²³ С. Б. Веселовский. Документы о постройке Пустозерской тюрьмы. — Памятники первых лет русского старообрядчества, в. II. СПб., 1914, стр. 7, 10, 13.

²⁴ См.: P. Pascal, стр. 484.

условия жизни узников изменились к худшему. После второй казни (14 апреля 1670 г.), как пишет Епифаний, отвели их «в старья темницы, когождо во свою».²⁵ Теперь тюремщики «обрубиша около темниц наших срубы и осыпаша в темницах землю... и оставиша нам по единому окошку, куды нужная пища принимати и дровишек принять» (256). А «тюрьмы нам сделали, — пишет Федор, — по сажени, а от полу до потолка головой достать».²⁶ Иронизируя по поводу такого способа заключения, Аввакум не забывает о Епифании: «покой большой и у меня, и у старца... где пьем и едим, тут... и лайно испражняем, да складше на лопату, и в окошко!.. Мне видится и у царя — того, Алексея Михайловича, нет такого покоя».²⁷

Теперь лишь по ночам, рискуя быть жестоко наказанным, узникам удавалось встречаться друг с другом, вылезая из темниц через окна.²⁸ Заключенные сносились и путем передачи поручений через сочувствующих им стражников. Епифаний рассказывает о том, как к нему обратился сотник с просьбой сделать несколько крестов, которые он собирался отвезти в Москву «боголюбцам», но старец сказал ему: «и ты сходи... ко Аввакуму и принеси мне от него благословение» (258). Только после того как сотник выполнил это требование, Епифаний принялся за работу. «Рукоделие» старца очень пригодилось. Сообщая в одном из писем семье о посылке девяти крестов («старец трудился»), Аввакум добавляет: «Еще таинства в крестах, а грамоток в мир не читите».²⁹ Он не разрешает родственникам читать спрятанные в крестах и адресованные «в мир» послания. Был и другой способ тайной отправки своих сочинений единоверцам, который также связывал Аввакума и Епифания: «И стрельцу у бердыша и топорыше велел ящичек зделать, — пишет Аввакум боярыне Морозовой, — и заклеил своима бедныма рукама то посланейце в бердыш... а ящичек стрельцу делал старец Епифаний».³⁰

Однако Епифаний не был только техническим помощником Аввакума. Кроткий и скромный, склонный к созерцательности и внутренним переживаниям, Епифаний столь резко отличался по характеру от «огнепального» Аввакума, не терпевшего критики даже со стороны своих ближайших соратников, что всецело подчинился влиянию протопопа и сделался в Пустозерске самым близким его другом и единомышленником.³¹ Епифаний так сердечно сочувствовал Аввакуму в его яростной богословской полемике с соседом по темнице Федором, что его даже посетило видение, которое он сообщил Аввакуму, а тот поспешил им воспользоваться как аргументом в своем «Слове на безобразника и отступника неосвященнаго»: «и тебя старец видел, — пишет Аввакум Федору, — развязана дьяволи волокут в бездну».³² В борьбе с Федором Аввакум вообще выступал не только от своего имени, но и от имени старца: «Аз же, грешный и гру-

²⁵ Я. Л. Барсков. Житие инок Епифания. — Памятники первых лет русского старообрядчества, в. I. СПб., 1912, стр. 248. (В дальнейшем при цитировании «Жития» Епифания страницы указываются в тексте в скобках, при цитировании других памятников в подстрочных примечаниях обозначается: Я. Л. Барсков, Памятники, с указанием страниц).

²⁶ Я. Л. Барсков, Памятники, стр. 68.

²⁷ РИБ, т. 39, стлб. 929.

²⁸ См.: Я. Л. Барсков, Памятники, стр. 68; Материалы, т. VI, М., 1881, стр. 131.

²⁹ РИБ, т. 39, стлб. 913—914; Я. Л. Барсков, Памятники, стр. 41, 303.

³⁰ РИБ, т. 39, стлб. 913.

³¹ См.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898, стр. 055.

³² РИБ, т. 39, стлб. 639; см. также стр. XXXIX.

бый... Аввакум и со страцем Епифанием, перепоясався содействием свя-
таго духа, тако исповедаем и глаголем».³³

Еще более существенен тот факт, что Аввакум использовал мораль-
ный авторитет Епифания во многих своих назидательных и пропагандист-
ских посланиях старообрядцам. Епифаний, в отличие от других узников,
почти не вел самостоятельной пропаганды, но он постоянно идейно под-
держивал в ней Аввакума, который давал ему свои послания для чтения
и одобрения. Это одобрение выражалось старцем в его приписках. На-
пример, к письму Аввакума, адресованному Морозовой и Урусовой:
«Многогрешный инок Епифаний... в темнице, яко во гробе, седя... благо-
словение приписал».³⁴ Аввакум подкреплял свои наставления старообряд-
цам именем Епифания: «Се и мы с Епифанием старцем хотим быт[б]
причастницы части вашей».³⁵ Наложив на старицу Елену суровую семи-
летнюю епитимию и сам же затем утешая ее, Аввакум не забывает доба-
вить: «И отец Епифаний молитвами помогает ти».³⁶ Разбранив Морозову,
Аввакум указывает ей на моральную стойкость свою и своего едино-
мышленника: «Хотя мне тысячу литр злата давай, не обольстишь, не
блюдись, яко и Епифания».³⁷ Аввакум обращается к друзьям и кланяется
им от имени своего и старца: «У отца Досифея благословения прошу и
старец Епифаний также,— по премногу челом бьем».³⁸ Из всех трех
соузников Аввакума только один Епифаний решился укрепить своим
благословением страшное по дальнейшим последствиям послание прото-
попа с одобрением самосожжения старообрядцев. В «Послании Сибирской
братии» Аввакум пишет: «Добро те сделали, кое в огоне-т забежали. Мы
же разсуждали между собою: кажется, не худо оне сделали», а в конце
послания добавлено: «И старец Епифаний молит бога о всех, также
благословение послав, челом бьет всем верным».³⁹

Письмо Аввакума, адресованное в Москву Морозовой, Урусовой и
Даниловой, сопровождающее его «Книгу бесед» и содержащее приписку
Епифания, относится к первой половине 1672 г.,⁴⁰ т. е. к тому именно
времени, когда узники уже сидели в одиночных темницах и когда Авва-
кум работал над своим «Житием», которое датируется 1672—1673 гг.⁴¹
Аввакум и Епифаний могли обмениваться советами и рукописями либо
по ночам — лично, вылезая из темниц через окна, либо днем — при по-
мощи расположенных к ним стрельцов и сотника.

Установив наличие таких тесных идейных и личных связей Аввакума
и Епифания, осуществлявшихся в период строгого заключения не только
в устной, но и в письменной форме, мы получаем возможность перейти
к рассмотрению литературных связей двух писателей, относящихся
к этому же времени.

III

После варварских казней — резанья языков и сечения рук (чего избе-
жал один Аввакум), после заключения в осыпанные землей темницы
надежды узников на избавление были утрачены, общение их друг с дру-

³³ РИБ, т. 39, стлб. 624.

³⁴ РИБ, т. 39, стлб. 928; см. также стлб. 400, 406, 835, 878, 950.

³⁵ РИБ, т. 39, стлб. 862.

³⁶ РИБ, т. 39, стлб. 859.

³⁷ РИБ, т. 39, стлб. 914.

³⁸ РИБ, т. 39, стлб. 834, 954.

³⁹ РИБ, т. 39, стлб. 872, 878; см. также стлб. 568, 846; ср.: П. С. Смирнов.
Внутренние вопросы..., стр. 77, прим. 76.

⁴⁰ См. РИБ, т. 39, стлб. 400, стр. XXX.

⁴¹ См. РИБ, т. 39, стр. X.

гом затруднено. Оставалась только фанатическая вера в правоту своего дела и неукротимое стремление для успеха этого дела завершить и увековечить легенду о собственной жизни. Нечеловеческие моральные и физические страдания всех четырех соизников сопровождались в этот второй период их сьсылной жизни блестящим расцветом их литературного и полемического творчества. Сидя в темницах, Аввакум и Епифаний приступают к заранее совместно обдуманному ими автобиографическому труду. И теперь их прежние беседы о временах вольной жизни отнюдь не забылись.

Следы такого предварительного устного общения двух писателей обнаруживаются при сопоставлении двух редакций (А и Б) «Жития» Епифания между собой и одновременно с тем изложением событий из жизни старца, которое сделал Аввакумом. Завершая свое «Житие», Аввакум настойчиво предлагает Епифанию («не станешь писать, я петь осержусь» — 82) описать, «как богородица беса того в руках тех мяла и тебе отдала» («и как бес-от мужика задавил», — добавлено в редакции Б) и «как муравьи-те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова те сожег и как келья-та обгорела, а в ней все цело, и как ты кричал на небо-то, да иное, что вспомнишь» (81—82). В редакции А «Жития» Епифания есть рассказы о том, как богородица беса в руках мяла, как бес мужика задавил, как при пожаре внутреннее убранство кельи старца осталось целым. Но там совершенно отсутствует эпизод о нападении муравьев, о том, как бес сжег дрова и как Епифаний «кричал на небо». Однако в редакции Б, написанной по требованию Аввакума, появляется и эпизод с муравьями, и картина второго пожара кельи, во время которого по воле беса огонь, как говорит Епифаний, «съел у мене дров шесть сажен» (237). Сам же Епифаний, подчиняясь стилю Аввакума, начинает обращаться к небесным силам гораздо настойчивее. Если в редакции А он еще скромно молился, «сице глаголющи» или «начен глаголати» и только однажды «вопия»,⁴² то в редакции Б он уже «вопиюще сице к высоте небесной» (234), «воздох руки мои на высоту небесную и завопел великим голосом» (237), «начаш вопити... зря на небо» (233). Во всех этих случаях появляется тот недостающий в первой редакции элемент («небо»), который отмечен Аввакумом.

Следовательно, Аввакум еще раньше, чем сам Епифаний, занес на бумагу те эпизоды из жизни старца, которых не было у него в первой редакции «Жития». Откуда же Аввакум узнал о них? Несомненно, из устных рассказов самого Епифания. Именно из этих рассказов, а не из первой редакции «Жития» (А) Епифания, как полагает С. А. Зеньковский,⁴³ он почерпнул все свои сведения о жизни старца, как те, которые уже содержались в редакции А, так и новые. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что эпизоды из жизни Епифания передаются Аввакумом в случайной последовательности, не совпадающей с изложением «Жития» старца. Обе редакции этого «Жития» в общей последовательности своего рассказа значительно ближе друг к другу, чем к рассказу о жизни Епифания у Аввакума. Работая над своим «Житием» в условиях одиночного заключения, Аввакум припомнил отдельные, наиболее яркие рассказы старца, но расположил их произвольно.

В процессе работы Аввакума над «Житием» его личное общение с Епифанием сменилось письменной беседой-исповедью. Постоянные обращения к Епифанию служили дополнительной мотивировкой рассказа

⁴² Материалы, т. VII, стр. 55, 57, 58.

⁴³ С. А. Zenkovsky, стр. 284.

Аввакума о своей жизни и тем естественным условием, которое позволяло автору вести повествование в форме излюбленной им «беседы» с читателем. В данном случае «беседа» с Епифанием была для Аввакума как бы посредствующей ступенью между устным рассказом и литературным творчеством. Реальность «беседы» засвидетельствована автографами обоих писателей.

Аввакум рассказывает Епифанию, как он, его жена и дочь, возвращаясь из Сибири, спрятали и спасли некоего «замотая», обманув преследовавших его казаков. Аввакум просит старца и их общего адресата, некоего «раба Христова», рассудить, велико ли его согрешение. Он специально оставляет место и говорит: «Припиши же что-нибудь, старец». Затем следует известная вставка рукой Епифания: «Бог да простит тя... Добро сотворили есте и праведно. Аминь» (40). Аввакум благодарит друга и продолжает свой рассказ. Как возникла эта письменная «беседа» в тексте «Жития»? Нам представляется, что непосредственная искренность автобиографа столкнулась в этом эпизоде с тем общим заданием его труда, которое должно было представить читателям его автора в ореоле пророка, почти святого. Возникший моральный конфликт и должен был быть решен судом духовного отца прежде, чем он поступит на суд читателей, истово веривших своему учителю-автору. Оставив место для фиксации решения Епифания и заранее согласившись с любым его заключением, Аввакум тут же продолжал писать дальше. Он закончил тетрадь и передал ее в темницу Епифанию, который и вернул ее со своей вставкой. В том, что приписка старца была именно вставкой в готовый текст Аввакума, убеждает следующее: Аввакум сам говорит, что он «и место оставил», т. е. сделал пропуск, а не просто отложил свое дальнейшее изложение до получения ответа старца. Епифанию же не хватило этого места для приписки, и последние две строки ему пришлось написать мельче и втиснуть их между своим предшествующим текстом и уже написанным далее текстом Аввакума.⁴⁴

При переработках «Жития» Аввакум не только сохраняет свои постоянные обращения к Епифанию на прежних местах, но вновь и вновь обращается к нему, вводя в свою биографию новые повести. Так, создавая для второй редакции «Жития» повесть об Евдокии Цехановицкой, Аввакум начинает ее с обращения к другу («А как я была на Мезени, отче Епифаний...» — 144—145), которое повторяется в изложении повести и далее («Да и много, старец, она говорила...», «Я, старец, посмотрю...», «Видишь ли, как оне...» — 146—147). Таким же обращением снабжаются новые повести о ловле рыбы и о чудесном излечении Аввакума, введенные им только в третью редакцию «Жития»: «Еще тебе скажу, старец, повесть» (230), «Слушай-ко, старец: еще ходил я на Шакшу озеро...» (232), «Чюдно гораздо сие, старец!» (234). Добавляя к третьей редакции «Жития» новое введение, Аввакум снова подчеркивает роль Епифания: «По благословиению отца моего, старца Епифания, писано моею рукою грешного протопопы Аввакума» (151). И далее, адресуясь к некоему своему «чаду возлюбленному», он сообщает новую деталь: «поминай мя в молитвах своих и старца на забывай Епифания. Я писал, а он мне молитвами помогал» (154). Из этого видно, что творческое общение Аввакума с Епифанием продолжалось на протяжении всей его автобиографической работы. Сам Аввакум в образной форме отразил свою близость к Епифанию, развивая в третьей редакции «Жития» излюбленную им тему «плавания» на корабле по житейскому морю. Теперь он «плавает» не один, а вместе со

⁴⁴ См. фотоснимок вставки Епифания: РИБ, т. 39, табл. II.

стаєє брамоли. наши
штѣ абаи дѣавѣ тамъ
уха амаи и. дообин дв
номъ амаи

Послушанія ра^н х^нца, ітшоетора
пожеланія, ітшто радн тшоетого
блженія бже стый, ітпрошенія ра
раба тшо х^нца, небрекуса сказа
ти па о хр^нтѣ ісѣ. но непозазу
рнѣтъ (суд оумію моему, ітпро
стопѣ моеи; понеже грамотн
ки, іфилософій небучилса, іне
желаю сего, інеищу; но сего
ищу, како бы ми хр^нтѣ млтца
сопшорити себѣ ілюде, ібцу
істы его; а что скажу па про
сто, ішѣ бга ра^н собою іскраш
тѣ сохр^нтѣ, а мене ірѣшнато
протитѣ, іблшнѣ іпомолите
са омиѣ сохр^нтѣ ібце істымъ
его, аминь; #
радилса іа пдерецнѣ, інекхисго
італнса оцз мой, імѣти мой;

Автографы конца «Жития» Аввакума и начала «Жития» Епифания
Рукопись XVII в. БАН.

старцем: «... как то еще мы до пристанища доедем? Во глубине еще плоем, берегу не видеть, грести надобе прилежно... Старец, не станем много спать: дьявол около темниц наших бодро zelo ходит» (204).

Аввакум перерабатывал и совершенствовал свое «Житие» от редакции к редакции.⁴⁵ В ходе этой работы он испытал и некоторое влияние творчества Епифания. При описании пустозерской казни Епифания в первой редакции «Жития» Аввакум только упомянул о том, что после молитвы старца к богородице «показаны ему оба языка, московской и здешней; он же един взяв, положил в рот свой, и с тех мест стал говорить чисто и ясно» (63—64). Во второй редакции добавлено, что это язык «третьей уже от рода ево вырос. На Москве у него резали с Лазарем... вместе» (131). В третьей редакции дается уже развернутая картина казни, осложненная новыми элементами: старец молил «Пилата» (Ивана Елагина) отсечь ему голову, но тот отказался и велел «язык вырезать». Старец «рече, на небо взирая: „Господи, не остави ми грешнаго, помози ми!“ И в то время божиим промыслом прииде на него некое забвение, яко сон, и не почув резания языка своего, только в мале некак ощутил, яко во сне, резание языка своего» (212—213). Изображение этого внутреннего состояния Епифания, отсутствующее в описаниях пустозерских казней,⁴⁶ находим только во второй части его «Жития», причем в очень сходных выражениях: «Аз же грешный... зря на небо, рекох сице: „Господи помози!“... Наиде бо на мя тогда, яко сон, и не слышал, как палачь язык мой вырезал, толко в мале, в мале ощутил, яко во сне, что палачь ми отрезал язык» (251).

Это сопоставление показывает, что первоначально Аввакум использовал при описании казни Епифания только общую схему «чуда» о языках. Но, работая над третьей редакцией «Жития», он воспользовался уже развитой самим Епифанием легендой о его казни. К этому времени Епифаний либо устно сообщил Аввакуму об особой благодати, облегчившей его страдания во время казни, либо уже сам записал эту картину (составляя вторую часть своей биографии) и ознакомил с нею своего друга.

Если «Житие» Аввакума мотивировалось «понужением» Епифания, то и «Житие» старца мотивируется «повелением» протопопа. Сам Аввакум пишет: «повелеваю ти, напиши и ты» (81). И в соответствии с этим Епифаний начинает свое «Житие» так: «Послушания ради Христова и твоего ради повеления и святаго твоего благословения, отче святыи... не отрекуся сказать вам...» (229). «Житие» Епифания (редакция Б, первая часть) было написано сразу вслед за тем, как Аввакум закончил первую редакцию своего «Жития».⁴⁷ Однако и во второй и в третьей его редакциях Аввакум сохраняет теперь уже исполненное и, казалось бы, больше не нужное «повеление» старцу, чтобы и он описал свою жизнь. Это говорит о том, что оба жития осознавались их авторами как произведения, обуславливающие друг друга, внутренне связанные и внешне обрамленные как бы живой переключкой двух писателей. В таком духовном и дружеском единении хотели предстать оба писателя в созданной ими яркой легенде перед лицом «верных» и после своей смерти, теперь уже, как им казалось, недалекой. «Пускай раб-от Христов веселится, чтучи!», — писал Аввакум, имея в виду свое «Житие» и «Житие» Епифания. — Как умрем, так он почтет, да и помянет пред богом нас» (82).

⁴⁵ См. P. Pascal, стр. 486—488.

⁴⁶ См.: РИБ, т. 39, стлб. 716 и 718

⁴⁷ См.: РИБ, т. 39, стр. XI.

IV

Автографы житий Аввакума и Епифания находятся в известном «Пустозерском сборнике», найденном в 1912 г.⁴⁸ Основываясь на описании сборника, сделанном В. Г. Дружининым,⁴⁹ и на ознакомлении с самой рукописью, позволим себе сделать некоторые предположения, пополняющие наши представления о деятельности Епифания и о характере его отношений с Аввакумом. Состав сборника отнюдь не случаен. В нем собраны именно те важнейшие сочинения соузников, которые Аввакум перечислил в своем «Житии»: это их коллективный «Ответ православных», составленный Федором, «сказки» Лазаря царю и патриарху, пятая челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу, в которой, как указано в «Житии», были изложены «богознамения некая, показанная мне в темницах» (л. 61). Об отправке всех этих сочинений на Мезень для их тщательной переписки («добрым письмом») и дальнейшей посылки в Москву и в Соловки «верным» писал 1 сентября 1669 г. Федор старшему сыну Аввакума — Ивану.⁵⁰ Поэтому, видимо, все эти уже отправленные ранее сочинения и представлены в сборнике не автографами, а хорошо сделанными списками одного почерка. К этим сочинениям примыкают в таких же списках более мелкие статьи: критика Никона («О волке и хищнике...»), критика книги «Жезл правления», описание «второй казни» узников, описание их аскетического поста. Затем следуют автографы житий Аввакума и Епифания и автографы трех богословско-полюемических статей Аввакума.

Тематика сборника, как мы видим, широка и разнообразна. Объединенные в нем материалы подобраны таким образом, чтобы создать полное и яркое представление об идейной борьбе, литературных трудах и мученической жизни в Пустозерске всех четырех первоучителей старообрядчества.

Каким же образом сформировался этот сборник? Когда Епифаний получил уже известный ему и содержащий его собственноручную вставку автограф «Жития» Аввакума, он начал писать свою биографию здесь же, на том же самом листе, на котором завершила свой труд рука его друга (см. фотоснимок). Епифаний писал на оставшихся чистыми тетрадах (той же плотной бумаги), которыми перед этим пользовался Аввакум. Написав первую часть своего «Жития» (Б), он приложил к нему полученные от Аввакума и писанные на той же плотной бумаге автографы трех других его статей. Так составилось ядро сборника, содержащее сочинения двух писателей, наиболее для них самих важные. Епифаний прибавил в начало книги списки уже ранее отосланных на Мезень сочинений Федора, Аввакума и Лазаря, украсив последние двумя своими рисунками крестов (лл. 116, 164 об.). Во время этой работы Епифаний испытывал недостаток в бумаге.⁵¹ Составляя сборник, он использовал чистые листы от записей дьякона Федора, о чем говорит сохранившаяся на одном из листов вдоль правого обреза наполовину срезанная часть записи рукой Федора: «... моим, а мне, дьякону, до тех псов дела нет» (л. 112). Быть может, это был остаток чистой бумаги от тех обширных записок Федора, которые

⁴⁸ См.: В. И. Малышев, журнал «Нева», № 3, 1957, стр. 220—221. Пользуясь случаем сердечно поблагодарить В. И. Малышева за ценные библиографические указания и советы.

⁴⁹ В. Г. Дружинин. Пустозерский сборник (Памятники первых лет русского старообрядчества, в. III). — ЛЗАК, в. 26. СПб., 1914. (Рукопись в БАН: собр. Дружинина, № 790).

⁵⁰ См.: Я. Л. Барсков, Памятники, стр. 68—69, 321—325.

⁵¹ Федор жаловался на недостаток бумаги (см.: Материалы, т. VI, стр. 136).

он изложил в виде полемической «книжицы» против Аввакума, Епифания и Лазаря и которые были отняты у стражей и отданы Аввакуму, а он «сия вся писания изгубил».⁵²

Объединив все рукописи, Епифаний снабдил сборник двумя заглавиями на чистых листах. Каждое из них было помещено им в три правильные концентрические окружности. Первое заглавие («Книга сия, глаголемая Ответ православных») открывало сборник. Во втором Епифаний указал на свою роль в создании Аввакумом его «Жития»: оно сделано на оборотной стороне последнего листа (л. 188 об.) тетради (более тонкой бумаги), приложенной к первому листу другой тетради, на которой начал Аввакум писать свое «Житие».

Остальное внешнее оформление сборника было сделано также, скорее всего, самим Епифанием. Кроме литературных навыков, свойственных всем соузникам, он обладал еще навыками всевозможного «рукоделия», которым усердно продолжал заниматься и после отсечения четырех пальцев правой руки. Епифаний был и столяром, и иллюстратором (любил рисовать замысловатые кресты),⁵³ и мастером книжного дела. Недаром ведь, когда Епифаний, по его словам, начал показывать явившемуся ему во сне соловецкому архимандриту Илье «ведерцы рукоделия своего», Илья велел убрать их и сказал, «указуя перстом на киноварницу: се есть... твое дело».⁵⁴ В условиях отшельнической жизни в «пустыне» Епифаний должен был, очевидно, самостоятельно заниматься и внешним оформлением своей полемической книги, которую по приезде в Москву он подал царю. В пустозерской темнице, как и в «пустыне», у Епифания были необходимые столярные инструменты для «рукоделия».⁵⁵ Он выстрогал дощечки для переплета, обтянул их характерным для этой северной местности материалом — оленьей замшей, сделал три таких же замшевых ремешка для закладок, очень примитивно (не имея нужных слесарных инструментов) изготовил петли для застежек и заклепки из неодинаковых и, очевидно, с трудом раздобытых кусочков красной меди и латуни, окрасил, наконец, киноварью обрез книги.

Но Епифаний не ограничился составлением и оформлением сборника. Сознывая значение автографов Аввакума, он принял на себя обязанности их правщика. Епифаний очень внимательно прочел текст Аввакума, восполнил отдельные случайные пропуски и осторожно исправил то, что казалось ему описками автора. Например:⁵⁶ «прииде на мя духа [святаго] благодать» (лл. 338 об.—339), «была у меня в доме [моем] вдова молодая» (л. 278), «встань [же] миленькой» (л. 253 об.), «В правило [конечное «о» изменяет на «ѣ»] стоящу ей» (л. 279 об.), «взяли меня паки в [«в» заменяет — «на»] Москву» (л. 247), «Пускай их миленких мучася» [конечное «ся» изменяет на «ть»] (л. 249 об.), «со отступниками не соедин[я]юся» (л. 259 об.). Епифаний изменил порядок слов в некоторых словосочетаниях, а это говорит уже о попытке бережной стилистической правки текста: «В углу в ызбе прикован был...» [переставил так: «в ызбе в углу»] (л. 274), «горяча была вера» [«вера была»] (л. 254 об.), «Чево крестная сила... не творит благодатию божию» [«божию благодатию»] (л. 284).

⁵² Материалы, т. VII, стр. 131—132.

⁵³ См.: В. Г. Дружинин. Пустозерский сборник, стр. 14, прим. 1.

⁵⁴ Материалы, т. VII, стр. 63.

⁵⁵ См.: Я. Л. Барсков. Памятники, стр. 257.

⁵⁶ Цит. по ркп. «Пустозерский сборник» (см.: РИБ, т. 39, стр. VIII); вставки Епифания даны в скобках.

«Пустозерский сборник» послужил, видимо, исходным материалом и для дальнейшей работы двух писателей. Епифаний с согласия Аввакума переписал одну из его статей, автограф которой был включен в этот сборник. Об этом свидетельствует следующее добавление к заглавию статьи: «Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека. Труды грешнаго протопопа Аввакума из святого Евангелия написал инок грешный Епифаний по благословению протопопа Аввакума... Аминь».⁵⁷ Работая над третьей редакцией «Жития», Аввакум включил в его состав две другие свои статьи («О жертве никонианской» и «О сложении перст»), автографы которых тоже вошли в сборник. Кроме того, Аввакум ввел в текст второй и третьей редакций «Жития», как его мотивировку, тот заголовок («Аввакум протопоп понужен бысть...»), который сделан в сборнике рукой Епифания.

Мы проследили, насколько это было возможным, историю общения Аввакума и Епифания, отношения которых представляют собой один из ранних в русской литературе и редких примеров идейных, творческих и дружеских связей двух талантливых писателей, работавших рука об руку, хотя во многом и по-разному, над созданием нового жанра — жанра литературной автобиографии.

⁵⁷ РИБ, т. 39, стлб. 651, прим. 1; см. также стр. XLII.

И. З. СЕРМАН

Протопоп Аввакум в творчестве Н. С. Лескова

Николай Семенович Лесков в 1866—1867 гг. начал работать над обширным романом-хроникой «Чающие движения воды». Центральной фигурой задуманного романа, позднее переработанного и переименованного в роман «Соборяне», должен был стать протопоп Савелий Туберозов, в личности и характере которого Лесков хотел дать художественное воплощение идеального героя-борца, готового и на подвиг и на жертву собой во имя общественного долга перед своим народом. Прообразом такого борца за обновление русской церкви, за превращение ее из бюрократическо-реакционной силы в живое и связанное с народными интересами общественное учреждение в представлении Лескова стал протопоп Аввакум.

В общеизвестном печатном тексте романа «Соборяне» нет ни одного упоминания об Аввакуме, хотя психологическая общность между старгородским протопопом — правдоискателем Савелием Туберозовым и Аввакумом не нуждается в пространных доказательствах. На это уже указывали писавшие о Лескове.¹ Отмечалось (В. Гебель) и то, что в первоначальной редакции 2-й и 3-й частей романа «Божедомы» Лесков поместил пересказ «Жития» Аввакума и ввел троекратное появление его перед Туберозовым в «видении».

Аввакум привлек внимание писателя силой и упорством своего героизма: «Двадцати трех лет Аввакум вооружился против лжи, откуда бы она ни шла, и заслужил за это порицание и гонение властей, долг которых отстаивать истину»,² — пишет Лесков в первоначальной редакции романа. Аввакум должен был вдохновить Савелия на подвиг, на борьбу. Поэтому сцена грозы («Соборяне», ч. III, глава восемнадцатая) в рукописной редакции была совершенно иной.

Застигнутый грозой Туберозов слышит, как «по лесу вправду кто-то несется и скачет, и визжит, и кричит, и гагайчет, и свищет. Мгновение — и вот он: над вершиной деревьев стоит голова с красноватым лицом, отставшими ушами, непреклонными серыми глазами. Всей фигуры не видно, но над лесом видна голова и у корня дерев две стопы в старых котях. [Здравствуй]. Что говорит Савелию стоящая [вровень с] над лесом [фигура] голова. [Что] Не узнал? [а я] Я [брат] поп Аввакум... Непригляден? — трещит он, словно только что сильно посухнутое веретено [Бит брат]. Я, брат, длинно не думал, я бит и увечен и за старую Русь, как гусь сжарен... [замучен]. [А ты жене прилепленник]. [И равная с лесом фигура

¹ Л. Гроссман. Н. С. Лесков. М., 1945, стр. 90; Валентина Гебель Н. С. Лесков. М., 1945, стр. 98, 134—135.

² Валентина Гебель. Н. С. Лесков, стр. 134. Слова, взятые в квадратные скобки, в рукописи зачеркнуты.

вдруг исчезает]. Видение исчезло, но Савелий чувствует [как], что его схватывают за локти незримые руки и трясут, и рвут, и бросают, а в [самые] уши ему нестерпимо громко и вовсе нескладно Аввакум орет: „Ах, ты поп, поп, поп, тараканный лоб, поп, поп...“».

Идет описание грозы, а затем: «Савелий опять слышит, что над ним стал Аввакум, он теперь кроток и тих... Он видит, что Аввакум осеняет его и [читает] шепчет: „Иже любит отца или мать паче [меня] его, несть [меня] его достоин. Иже лукави суть и иже единому [человеку] умерети за люди. Не пещыся об утреннем—утренняя бо сама собой печется. [В] а в ночь сию могут истезать [из тебя] душу твою [и что приобретаешь]? Имей веру с зерно горчичное и... Встань и смотри! Встань и смотри...“ — слышит настойчиво Туберозов. „Послушаю и встану“, — подумал он и [Туберозов тихо] восклонился [главой от земли в то же мгновение]. Перед ним стоял темный ствол дуба и среди его искра. [Эта странная искра блестящая] белым ослепляющим светом [блеснула звездчатая искра; свернулась] выросла в ком и исчезла. В воздухе грянуло страшное бббах — это за неимением лучшего сравнения удар гигантским пестом по дну опрокинутого гигантского таза, оглушительно брэнчащий удар без раската: Савелий упал, и ему почудилось, что с ним падает все. [Но вот]. Так прошло с четверть часа, и вот вдаль покатило тяжело и неспешно... тра-та-тату-у-хо... и [вверху пронеслось: «Порадейте, друзья, порадейте, за матушку Русь порадейте»]. [Все] все стихло».³

Характерно, что в приведенных В. Гебель отрывках Лесков тщательно воспроизводит стилистику «Жития» Аввакума, воссоздавая, следовательно, не только образ мятежного протопопа, но и самый склад его речи.

Однако в окончательном тексте «Соборян» («Русский вестник», 1872, апрель—июль) уже не осталось никаких прямых упоминаний об Аввакуме или цитат из его произведений.

Сцена грозы в «Соборянах» имеет символическое значение. После нее Туберозов принимает окончательное решение выступить на борьбу. Почему же Лесков убрал Аввакума из этого эпизода своей хроники и вообще из текста «Соборян»? Никаких указаний на цензурное вмешательство у нас нет, и, более того, нет оснований думать, что именно образ Аввакума мог встретить цензурные препятствия.

Решение этого вопроса может указать путь к решению общей проблемы отношения Лескова к Аввакуму.

Серьезный интерес к расколу возник у Лескова в начале 1860-х годов. В книге «С людьми древнего благочестия» (СПб., 1863) он пишет уже о спорах между сторонниками взглядов на раскол П. И. Мельникова и А. Шапова как человек, хорошо в этих спорах разбирающийся.

Несомненно, что к этому времени он был знаком и с «Житием» Аввакума, изданным Н. С. Тихонравовым в 1862 г. Сам Лесков не разделял взглядов А. Шапова на раскол как на народное движение, в котором только форма была религиозной, а реальное историческое содержание представляло собой протест масс против усиливающегося самодержавного гнета.

Из собственного изучения раскола,⁴ предпринятого по поручению министра народного просвещения А. В. Головнина в 1863 г., Лесков вынес убеждение в том, что раскол пережил себя и что дело времени и просвещения свести на нет религиозную распрю в России. Поэтому в его романе-хронике «Чающие движения воды» с таким сочувствием изобра-

³ Валентина Гебель. Н. Л. Лесков, стр. 135—136.

⁴ См. в кн.: Андрей Лесков. Жизнь Николая Лескова. М., 1954, стр. 171—175.

жен Мина Силыч Кочетов, глава старообрядческой общины, отказавшийся от своей вражды к «никонианству» и соединившийся «с общей матерью нашею церковью русскою» (глава II. Патриарх, прошедший с мечом и с миром).

Имея в виду это в общем отрицательное отношение Лескова к расколу, можно предположить, что его интерес к Аввакуму носит особый характер. Не религиозного или, еще более того, политического деятеля видел в нем Лесков. Он увидел в «Житии» Аввакума человеческий документ огромной силы и большого художественного своеобразия.

Создавая своего мятежного протопопа Савелия, Лесков воспользовался для этого образа психологическим обликом Аввакума и в некоторой мере стилем его «Жития», а не его фанатизмом и средневеково-схоластическими взглядами.

Пафос Савелия Туберозова — в борьбе за обмирщение церкви, за выход ее из рамок начальственных предписаний, за живое участие к народным нуждам и чаяниям. Савелий обращен к будущему, тогда как Аввакум, в представлении Лескова, смотрел назад.

Дальнейшее развитие взглядов Лескова на Аввакума подтверждает наше предположение об отрицательной оценке им общественного значения деятельности расколуучителя. В 1882 г. он печатает статью «Церковные интриганы»,⁵ посвященную книге Макария, митрополита Московского, «Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов» (М., 1881). В этой статье Лесков очень сурово отзываясь о деятелях раскола. Аввакум для него «узкий, но неугомонный фанатик, с которым современные нам исторические романисты носятся как с „тихою лампадою“». ⁶ Не называя ни автора, ни самого романа, Лесков в своей статье высмеивает Д. П. Мордовцева как автора романа об Аввакуме («Великий раскол», М., 1881).

Д. П. Мордовцев в своих взглядах на раскол и Аввакума примыкал к А. Щапову, а Лесков к этому времени даже и в характере Аввакума уже не видел ничего достойного художественной разработки. Теперь Аввакум для него главным образом «интриган», а роман о нем лишь коллекция курьезов. К этому времени Лесков убедился в том, что «ошибочность больших симпатий к расколу несомненна, и она станет очевидна для всякого, кто захочет знать истину без предвзятых мнений».⁷

Если отношение к Аввакуму — общественному деятелю и даже к Аввакуму-человеку у Лескова менялось, становясь все более и более отрицательным, то в одном Лесков всегда остается верен. Язык Аввакума — живой, оригинальный, полный смелых образов и колоритных выражений — всегда, на всем протяжении творческого пути Лескова оставался для него источником слов и оборотов. Аввакумовское словечко «простец» Лесков рекомендовал своим литературным друзьям как замечательный образец народной речи. В произведениях, изображающих жизнь и нравы раскольников, например в повести «Запечатленный ангел» — одном из шедевров лесковского творчества, живо ощущается связь со стилистикой «Посланий» Аввакума.

Как замечательный художник русской народной речи Аввакум присутствует в сознании Лескова-художника всякий раз, когда он хочет изобразить человека из народа, затронутого книжной культурой и говоря-

⁵ Исторический вестник, 1882, май, стр. 364—390.

⁶ Там же, стр. 367.

⁷ Там же, стр. 390.

щего языком пестрым, поражающим неожиданными словечками и оборотами. В Аввакуме Лесков всегда видел одного из наиболее ярких представителей русской народной жизни и одного из наиболее близких по языку к народу русских писателей. Лесков сумел отделить в Аввакуме мертвое и архаическое от вечно живого, художника-языкотворца от религиозного фанатика. И в этом отношении Лесков безусловно опередил современную ему науку. Да и сейчас еще Аввакум-художник, Аввакум — мастер слова ждет своего исследователя.

А. И. МАЗУНИН

Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума

Автобиография протопопа Аввакума, опубликованная впервые почти сто лет назад,¹ до сих пор вызывает интерес не только специалистов — исследователей древнерусской литературы и языка, но также писателей, художников, поэтов.²

Известно несколько стихотворных переложений и переработок «Жития» протопопа Аввакума, из которых мы остановимся только на трех, наиболее полных. Это поэмы Д. С. Мережковского «Протопоп Аввакум» и Максимилиана Волошина «Протопоп Аввакум», а также «Протопопица» Арсения Несмелова. Поэмы Мережковского и Волошина известны давно; поэма Несмелова почти неизвестна советским читателям: она была напечатана за рубежом в небольшом количестве экземпляров.³

Поэма Д. С. Мережковского «Протопоп Аввакум» написана в 1887 г.; впервые опубликована в его сборнике «Стихотворения»⁴ не полностью: цензура не разрешила печатать те места поэмы, которые содержали резкие, по мнению цензора, отзывы Аввакума о боге и вере, духовенстве, судившем протопопа, и жестокостях никониан. Целиком поэма была напечатана только в 1904 г.,⁵ причем для нового издания автор переработал и значительно сократил 5-ю главу, убрав из нее строки, в которых Аввакум вспоминает о своей жажде любви и счастья в молодые годы, как не соответствовавшие представлению Мережковского об Аввакуме.

Мережковский ставит целью показать Аввакума жертвой и мучеником никониан, прославить готовность протопопа «страдать за убеждения»,⁶ вызвать сочувствие к нему. Из богатого событиями и фактами «Жития» Мережковский отбирает лишь сцены, показывающие страдание и смирение протопопа. Аввакум-борец, человек громадной энергии и воли не интересует Мережковского и чужд ему, воспевавшему не борьбу, а безволие, увядание, смерть.⁷

¹ Н. С. Тихонравовым в «Летописи русской литературы и древностей» (1859—1860, кн. 6, М., 1861, стр. 117—173).

² В. И. Малышев. 1) Русские писатели о «Житии» протопопа Аввакума. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 388—391; т. IX, 1952, стр. 404; 2) Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов. — ТОДРА, т. X, 1954, стр. 443—446.

³ Указана мне В. И. Малышевым, рукописной картотекой которого по Аввакуму я пользовался при работе над статьей.

⁴ Д. С. Мережковский. Протопоп Аввакум. — Сб. «Стихотворения» (1883—1887). СПб., 1888, стр. 157—176.

⁵ Д. С. Мережковский. Протопоп Аввакум. — Собрание стихов, изд. Скорпион. М., 1904. (В дальнейшем ссылки по этому изданию).

⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона, т. XIX. СПб., 1896, стр. 114.

⁷ Аввакум-писатель также не получил никакого отражения в поэме, хотя Д. С. Мережковский широко пользовался языком сочинений Аввакума, помещая часто отрывки из его посланий (см., например, «Петр и Алексей»: Полн. собр. соч., изд.

Некоторые сцены «Жития» в передаче Мережковского претерпевают существенные изменения. Вспоминая случай спасения от неминуемой смерти двух «замотаев», Аввакум, все «Житие» которого носило характер назидания «слышателю», на конкретном примере показывает применение заповеди: «прощайте ненавидящим вас» (при Пашкове один из «замотаев» «крови проливал и моея головы искал»; Аввакум «и другога такова же увез замотая»).⁸ Протопоп сохранил жизнь «замотаям», в прошлом своим смертельным врагам, спрятав одного из них в лодке под постель, на которую легла протопопица с дочерью; искавшие «замотая» казаки не потревожили женщин.

У Мережковского вместо конкретного, в прошлом личного недруга протопопа появляется клейменный бродяга, со следами оков на руках, очевидно, каторжник, скрывающийся от погони, — явная модернизация аввакумовского «замотая». Решающая роль в его спасении, вопреки «Житию», отдана протопопице, которая спешит спрятать беглого, в то время как протопоп хотел лишь «обнять» его и «как брату, кто б он ни был, слово доброе сказать».⁹ Очень скромным выглядит в поэме предсмертное желание Аввакума: он униженно просит у бога «хоть последний уголок в святом раю», где он мог бы видеть «милых деток, видеть Марковну мою».¹⁰ Слишком незначительная награда для Аввакума, которому, по его же словам, еще при жизни «сын божий покорил за темничное сидение и небо, и землю».¹¹

Противоречит мировоззрению Аввакума и его последний завет: проповедь любви и прощения злейшим врагам протопопа — никонианам: «Так возлюбим же друг друга — вот последний мой завет... Все в любви — закон и вера... Выше заповеди нет».¹²

Но, как известно, протопоп мечтал расправиться с никонианами, «перепластать»¹³ при удобном случае их всех во главе с Никоном. Непримируемую ненависть к злейшим своим врагам — никонианам, а не любовь и прощение завещал Аввакум и старообрядцам.

Поэма Д. С. Мережковского, в которой Аввакум показан только смиренным страдальцем и мучеником, примирившимся со своей судьбой и врагами, слишком обедняет и принижает образ протопопа.¹⁴

Совершенно прав был Н. Михайловский, оценивший поэму Мережковского как «чрезвычайно слабое» произведение, в котором поэт ушел «со всем в сторону от Аввакума».¹⁵

В поэме Максимилиана Волошина «Протопоп Аввакум»¹⁶ «Житие» изложено более полно, чем у Д. С. Мережковского: охвачено больше со-

Сытина, М., 1914, ч. I, стр. 153, 160, 167 и др.; ч. II, стр. 150—151, 166, 167—170, 248 и др.).

⁸ РИБ, т. 39, Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, в. 1. Л., 1927, стлб. 32.

⁹ Д. С. Мережковский. Протопоп Аввакум, стр. 145.

¹⁰ Там же, стр. 148.

¹¹ Челобитная (V) царю Алексею Михайловичу. — РИБ, т. 39, стлб. 764.

¹² Д. С. Мережковский. Протопоп Аввакум, стр. 148.

¹³ Челобитная царю Федору Алексеевичу. — РИБ, т. 39, стлб. 768.

¹⁴ Любопытно, что отдельные отрывки поэмы Мережковского перешли в народные песенники XX в. (см.: ИОРЯС, 1914, кн. 1, стр. 13) и в сборники старообрядческих духовных стихов (см. сборники, изданные московскими, уральскими и рижскими старообрядцами в 1907—1916 гг.).

¹⁵ Н. Михайловский. Литература и жизнь. — Русская мысль, 1892, кн. 5, стр. 139—140.

¹⁶ Поэма М. Волошина впервые опубликована в журнале «Земля родная» (Киев, 1918, № 1, стр. 13—31). Отзыв: газ. «Полтавский день», 11 декабря 1918 г., № 169. Перепечатки: Демоны глухонемые. Харьков, 1919; Берлин, 1927. В работе мы пользуемся харьковским изданием 1919 г.

бытий и фактов. В представлении поэта Аввакум — «огонь, одетый пеплом плоти», посланный на землю из «небесного Иерусалима». Он явился в мир, чтобы показать людям пример «неослабного страдания» ради Христа. Между рождением «по подобию небесного огня» и огненным, через пламя костра, возвращением на небо протекает земная жизнь Аввакума, полная страданий. Для повествования о земной жизни протопопа Волошин использует не только автобиографию Аввакума, но и его «Книгу бесед», послания и челобитные (I, II и V) царю Алексею Михайловичу. Жизнь Аввакума в поэме полна символики, причем автор не только использует символику «Жития» (например, видение Аввакумом трех кораблей), но и придает отдельным вполне реальным фактам символическую трактовку: заключение Аввакума в тюрьму — это способ скрыть от народа «огненного» проповедника: «думали погасну, а я молитвами да бдениями свѣчу на весь крещеный мир»;¹⁷ костер, на котором сжигают Аввакума, становится символом огненного корабля, увозящего протопопа на небо. Вся жизнь Аввакума трактуется Волошиным как сплошная цепь испытаний, которые по воле бога переносит протопоп с одной целью: показать людям пример «неослабного страдания» за Христа и веру. Аввакуму, почти лишенному активности, остается умолять бога избавить его от непосильной миссии, «понеже бремя тяжко», но единственным выходом из положения остается смерть, которую протопоп с радостью принимает и сам спешит поджечь костер — «корабль мой огненный», который увезет его «на родину», «в Иерусалим небесный».

Таким образом, реально-историческая фигура Аввакума подменяется в поэме образом мистика, действующего по велению неба и лишенного своей воли.

В 1939 г. в Харбине вышла поэма Арсения Несмелова «Протопопица»,¹⁸ написанная по мотивам «Жития» протопопа Аввакума. Несмелов не стремится к передаче многогранного образа Аввакума; поэма посвящена изображению взаимоотношений Аввакума и его жены Анастасии Марковны.

Автор — русский эмигрант (умер в 1945 г.), оторванный от родной земли. Ему чужда и враждебна современная Россия, от которой он бежит в прошлое и скорбит об «утраченной» вере предков, о целостности их характера, которые «не завещаны» потомкам. Противопоставляя современникам, «людям из жести», прадедов, «отлитых из другого металла», автор обращается к «старому тому Житию Аввакумова», со страниц которого встают перед ним цельные и сильные человеческие характеры людей давно минувшей эпохи. В Аввакуме Несмелов видит человека несгибаемого характера и сильной воли, талантливого писателя и умную, смелую личность:

Был он смел и умен. И писателем был
Беспощадным для гнили и нечисти, —
Огневое перо он себе раздобыл
Без указок риторики греческой,¹⁹

а жизнь и особенно мученическую смерть протопопа на костре рассматривает как события общерусского значения:

И сгорит протопоп в купине огневой
И Россию костер опалит его.²⁰

¹⁷ М. Волошин. Протопоп Аввакум, стр. 15.

¹⁸ Арсений Несмелов. Протопопица (поэма). Харбин, изд. Гоммера, 1939,

16 стр.

¹⁹ Там же, стр. 5.

²⁰ Там же.

Большое внимание уделяет Несмелов верной подруге Аввакума — Анастасии Марковне, «замечательной русской женщине, стойкой и сильной духом».²¹ Анастасия Марковна принадлежала к числу тех скромных, но самоотверженных русских женщин, о которых столько прочувствованных слов сказано в нашей литературе. «Сирота из сельца из Григорова», опора и поддержка Аввакума в его нелегкой судьбе, «помощница ко спасению», она делила с протопопом многочисленные горести и редкие радости их совместной супружеской жизни. Вместе с мужем и детьми Анастасия Марковна переносила ужасы сибирской ссылки и даже, по мнению Несмелова, предварила судьбу жен декабристов:

Через двести годов этим самым путем
Полетят Грубейкая с Волконскою.²²

Несмелов не только излагает известные по «Житию» факты отношения Аввакума к жене, но старается воссоздать образ Анастасии Марковны, «ясноглазой» супруги протопопы, со всеми ее переживаниями. Он стремится показать трагедию женщины, насильно оторванной от мужа и сознающей постепенное отчуждение и охлаждение человека, с которым прожита долгая и трудная жизнь.

Заключенная в Мезени, Анастасия Марковна разлучена со своим «Петровичем»; вести от мужа не приносят ей облегчения: в «исступлении древлепророческом» Аввакум шлет жене послания, в которых не хватает простых и теплых слов утешения, «Петровича нет меж священных цитат», послания его звучат «как Апостола чтение». Это не письма прежнего любящего и заботливого мужа, а поучения сурового подвижника, который чувствует, что «при жизни становится свят».²³ Целиком захваченный борьбой за старую веру, обличая никониан, утешая и ободряя «верных», Аввакум и «подружью», и детей своих не выделяет из числа остальных «горемык миленьких», страдающих за двуперстие. Горькое чувство одиночества, тоска и отчаяние становятся уделом супруги «священномученного» протопопы: «...одиночество жжет. Опускает тюрьма навсегда свою крышу над старицей».²⁴ Знал или не знал Несмелов о том, что «крыша тюрьмы» не навсегда опустилась в Мезени над Марковной (она умерла в Москве в 1710 г., на 28 лет пережив своего «Петровича»),²⁵ здесь не имеет значения — автор подчеркивает, что с утратой «Петровича» жизнь Марковны кончилась раньше ее физической смерти.

Выделив из «Жития» протопопы Аввакума лишь один частный вопрос — семейные отношения протопопы, Несмелов основное внимание уделяет образу Анастасии Марковны; личность самого Аввакума, обрисованная кратко, нужна автору только как пример сильного человеческого характера, который можно противопоставить «измельчавшим» потомкам. Эта мысль, ясно выраженная в поэме и определяемая политической позицией и взглядами автора-эмигранта, снижает ценность интересно задуманной и живо написанной поэмы.

Приведенные нами интересные во многих отношениях попытки отражения в поэзии личности протопопы Аввакума не создают еще всесторон-

²¹ «Образ Марковны... не раз привлекал к себе внимание писателей и ученых, например И. С. Тургенева, Г. В. Плеханова, А. М. Горького, А. Н. Толстого и др.» (В. И. Малышев. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРА, т. IX, стр. 387).

²² Арсений Несмелов, Протопопица, стр. 7.

²³ Там же, стр. 16.

²⁴ Там же.

²⁵ Г. Есипов. Раскольничье дело в XVIII веке. М., 1861; В. И. Малышев. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме, стр. 387.

него художественно-совершенного произведения, в котором нашел бы воплощение во всем своем историческом значении и поэтической выразительности образ протопопа Аввакума, каким он предстает перед нами со страниц его «Жития», других его сочинений и свидетельств современников.

Образ Аввакума, яркой и колоритной фигуры русской жизни XVII в., «Петра Великого, только в обратную сторону» (Н. С. Тихонравов), стойкого борца и талантливого писателя, еще ждет своего художественного воплощения и своего поэта.

В. И. МАЛЫШЕВ

Два неизвестных письма протопopa Аввакума

В литературном наследии Аввакума его эпистолярное творчество занимает особое место. В письмах и посланиях наиболее полно раскрывается характер мятежного протопopa, его взгляды и настроения. Посланий и писем Аввакума дошло до нас немало. Его руководящая роль в среде старообрядчества вынуждала к большой и постоянной переписке. Приходилось отвечать на вопросы, вести полемику с врагами, отстаивая идейные основы староверства, подбадривать упавших духом, обличать отступников. Значительная доля эпистолярного наследия Аввакума уже давно стала достоянием науки.

Однако не все еще исследователями выявлено и приведено в известность. В многочисленных старообрядческих сборниках наших центральных и периферийных архивохранилищ, описанных очень кратко или совсем не описанных, найдется, по-видимому, еще немало подобного рода произведений Аввакума. В 1951 г. в одном таком сборнике были обнаружены два неизвестных в печати письма Аввакума к семье и к иноку Авраамиию.¹ Публикуемые здесь два других письма Аввакума — к царевне Ирине Михайловне Романовой и к Ксении Артемьевне Болотовой — также еще нигде не печатались и даже не упоминались в научной литературе.

Письма находятся в рукописном сборнике Ярославского областного музея, № 862 (1205). Этот сборник, или, точнее, сборная рукопись, размером в 8-ю долю листа, состоит из пяти разных рукописей XVII в., полууставного и скорописного письма, и одной, небольшой по объему рукописи, написанной скорописью середины XVIII в. Всех листов в сборнике 140. Переплет его XIX в., картонный, оклеенный бумагой темно-зеленого цвета, с кожаным корешком, украшенным мелким растительным орнаментом. Водяной знак бумаги четырех рукописей XVII в. — шут в зубчатом воротнике с пятью бубенцами, в одном случае — с семью бубенцами. Пятая рукопись XVII в. имеет филигрань — гербовый щит с охотничьим рожком на перевязи. Бумага рукописи XVIII в. производства Ярославской мануфактуры (с гербом г. Ярославля). Сборник керженского происхождения.

Кроме этих писем Аввакума, в сборник включен ряд других его сочинений, целиком и в отрывках, уже известных в печати, два старообрядческих произведения XVII в., авторство которых установить не удалось,²

¹ В. И. Малышев. Три неизвестных сочинения протопopa Аввакума и новые документы о нем. — Доклады и сообщения Филологического института (ЛГУ), в. 3 Л., 1951, стр. 255—266.

² Одно из них в книге В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев» (СПб., 1912, стр. 345, № 296) отнесено в раздел «безымянных», другое («Поучение») вообще не встречается в указателях старообрядческой литературы.

и коротенькое «Увещение», призывающее во всем повиноваться «страдальцев рассуждению» (отрывок из письма инока Авраамия к «дщери духовной»). Помещенные здесь послание протопопа к «отцу» Ионе, «Слово протопопа Аввакума о рогатом клобуке» и отрывок из его сочинения о кресте имеют небольшие, но ценные отличия от напечатанных текстов. «Слово протопопа Аввакума о рогатом клобуке», как наиболее интересное из остальных отрывков его сочинений, публикуется в приложении в конце статьи.

Письмо Аввакума к царевне Ирине Михайловне содержит просьбу «взыскать старая вера». Опальный протопоп предлагает наказать «никониян» за отступление от преданий отцов и грозит страшными последствиями стране за потворство им, приводя в качестве примеров печальные судьбы Израиля и Византии. Он хочет, чтобы дали с «никонияны» суд «праведный», без притеснений и насилий, такой, где каждая сторона могла бы свободно и полно изложить свою веру, не стесняемая ничем. Осуждает Никона и его последователей за применение силы к непринявшим «новшества», выступая сторонником веротерпимости. Это последнее положение письма стоит в прямой связи с известными строками его «Жития»: «чюдо, как то в познание не хотят прийти: огнем да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые то апостолы научили так? — Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем да кнутом, да виселицею в веру приводить».³ Письмо, написанное значительно раньше «Жития», как бы предвосхищает эти мысли Аввакумовой автобиографии.

В конце письма Аввакум рисует перед царевной символическую картину боя Христова воинства с темными силами дьявола, изображая ее как борьбу с «турским» «Салтан-царем», возможно под влиянием постоянных в XVII в. стычек русских с турками. Весь этот эпизод имеет целью показать непобедимость сил сторонников Аввакума, слабость, беспочвенность, временность «никониян»: они все погибнут со своими «крыжами и с партесным пением». Все в письме изложено так, чтобы устроить царевну, заставить ее энергичнее вступить за сторонников «древнего благочестия». Отсюда постоянные обращения к апостольским текстам, библейским именам и событиям, одна мрачная картина рисуется за другой, и письмо завершается грозным предупреждением: «...будет так, яко рекох». Письмо, как можно предполагать, написано вскоре после собора 1666—1667 гг. и является протестом против его решений.

Основная цель обращения протопопа к царевне — добиться «праведного суда» над сторонниками Никоновых реформ, чтобы ниспровергнуть возведенную на старообрядцев клевету, закрепленную решением собора. Такого же «праведного суда с никонияны» требовали после этого собора в челобитных царю инок Авраамий, поп Лазарь, дьякон Федор и другие главари старой веры. Письмо Аввакума затрагивает поэтому общий и важный для старообрядчества вопрос.

Протопоп Аввакум неслучайно обратился с письмом именно к царевне Ирине Михайловне (1627—1679), старшей из дочерей царя Михаила Федоровича. Она была действительно «игумсней» во дворце, как называет он ее в письме. Аввакум несомненно знал лично царевну, встречался с ней, когда он при старом духовнике царя, Стефане Вонифатьеве, «в тех же палатах шатался, яко в бездне мнозе».⁴ Ему, надо думать, была хорошо

³ РИБ, т. 39. Л., 1927, стлб. 65.

⁴ РИБ, т. 39, стлб. 246.

известна не только роль этой женщины в царской семье, но, вероятно, и ее отношение к церковной реформе. Это определило характер и содержание письма. Это была попытка еще раз воздействовать на слабохарактерного Алексея Михайловича, каким он представлялся Аввакуму, склонить царя к примирению со сторонниками старой веры. На этот раз посредником была избрана Ирина Михайловна, наиболее влиятельная представительница женской половины дворца, той половины, где протопоп неоднократно встречал сочувствие и помощь в трудные моменты своей жизни.

О переписке Аввакума с царевной Ириной Михайловной до сих пор не было известно: это пока первое его письмо к женской части царской семьи, ставшее достоянием науки. В своих многочисленных произведениях протопоп ни разу не упоминает имени царевны. Таким образом, это письмо расширяет наши представления о его личных связях; оно интересно также и для характеристики деятельности Аввакума и его литературной манеры.

Письмо к Ксении Артемьевне Болотовой посвящено целиком богословской теме. В нем разъясняются догматы о святой троице, вочеловечении и воплощении бога-сына, о сошествии его на землю и схождении в ад. Задача письма — доказать неразделимость, связь человеческого и божественного во Христе. Конкретное, образное мышление, стремление к наглядности приводит Аввакума к тем еретическим, с точки зрения ортодоксального богословия, высказываниям, которые потом им были еще более развиты в полемике с дьяконом Федором в Пустозерске, а позднее вызвали оживленные споры на Керженце и осуждение некоторых писаний протопопа «за ложное их мудрование». Здесь мы имеем первое по времени свидетельство о «еретичестве» Аввакума.

Любопытно отметить, что рассказ о сотворении человека в письме почти дословно совпадает с рассказом на эту тему в предисловии к «Житию» (ср.: РИБ, т. 39, стлб. 7). Весьма вероятно, что при написании обоих произведений Аввакум пользовался каким-то одним общим источником (ср.: Маргарит, М., 1698, лл. 381—399 — Слово Иоанна Златоуста о вочеловечении).

Новостью является указание, что инок Иона — земляк Аввакума, нижегородец, что он навещал протопопа в темнице и был схвачен стражей. Оба эти факта до сих пор не были известны.

Дату написания этого письма установить нетрудно. Аввакум говорит про «никониян»: «Сказано им и самим в прошлом году, и того им доведет». Несомненно речь идет о соборе 1666—1667 гг., где протопоп «побранил их, колко мог».⁵ Письмо написано в 1668 г.

Кто были такие в «Нижнем» Ксения Артемьевна и Артемий Болотовы — выяснить в точности не удалось. В сочинениях Аввакума мимоходом упоминается несколько лиц с именем Ксении, но, кто они, откуда родом, не указывается.

В Нижнем-Новгороде в XVII в. известна фамилия Болотовых. В Оброчной книге по Нижнему-Новгороду 1668 г. имеется следующая запись: «У нижегородца посацкого человека у Ивашка Иванова сына Болотова на Верхнем посаде подле Иванова огорода Болотова с порозжего места оброку 5 алтын. И те деньги на нынешней на 176 год в Нижнем взяты сполна».⁶ Далее из той же Оброчной книги и из других документов XVII в., ранних и поздних (1645—1678 гг.), мы узнаем, что Иван Болотов числился в «гостиной сотне», имел «место амбарное», а «на нем стоят шалашиска

⁵ РИБ, т. 39, стлб. 127.

⁶ Нижегородская оброчная книга, 1668 г. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник. Т. XV, в. VI. Нижний-Новгород, 1913, стр. 97. (В дальнейшем: Действия).

и лавченка», вел торговлю вином.⁷ В 1658 г. «гостиной сотни Ивану Болотово» выдано из казны для продажи «тритцать ведр вина».⁸

Не принадлежала ли к семье этого нижегородского торгового человека Ксения Болотова? Отец ее, Артемий Болотов, мог быть младшим братом Ивана, за которым значилось хозяйство, а потому и не попал в платежные документы и в нижегородскую переписную книгу 1678 г., учитывавшую лишь налогоплательщиков.⁹ Из письма же отчетливо видно, что Ксения была не только «дщерью духовной» Аввакума, но и одним из его состоятельных «доброхотов», помогавших ему материально. Посланные ею протопопу десять рублей для XVII в. были немалой суммой. И это, надо полагать, была не первая посылка с ее стороны.

Письмо Аввакума к Ксении Артемьевне Болотовых отличается по форме и по настроению от письма его к царевне Ирине Михайловне Романовой. Если в письме к царевне протопоп выступает смиренным просителем, то здесь он заботливый учитель, наставник, разъясняющий своей духовной дочери догматы веры. Там он просит благословения, Ксении же сам посылает его. Письмо к ней построено в форме деловой, простой беседы, в которой учитель заботится о том, чтобы собеседник усвоил сказанное, письмо же к Ирине Михайловне, хотя тоже содержит элементы беседы, но носит более официальный характер, уснащено цитатами, библейскими и историческими именами как учено-богословский труд. Письма изложены сочным, ярким, выразительным народным языком, который сразу выделяет его сочинения на фоне писаний того времени. Оба письма написаны в Пустозерске в одно время, вероятнее всего и посланы с одним лицом, которое сняло с них копии. Возможно, поэтому они и оказались вместе.

Письмо Аввакума царевне Ирине Михайловне Романовой *

Свет государыня, всегосподованная дево, Ирина Михайловна! Что аз грубый хошу пред тобою рещи, вем, яко мудра еси, дево-сосуд божий, избранный. Благослови поговорить ты у нас по царе над царством со игуменом Христом, игумения, яко же он, надежа наша (л. 63), изсек римскою властью любоплотный род еврейский. Подобаает, государыня, и здесь любоплотным по тому же уставу быть. Не страша же глаголю, но предлагаю законопреступникам збывшееся издревле во Израили. Егда в законе поблядят, тогда и разорение, егда же обратятся ко господу богу, тогда им милость и ужитие мирно и безмолвно. Но видь, предобрая, что над собою и греки учинили, ко псу (л. 63 об.) езда, на Флоренском соборе, истиннее рещи на сонмище жидовское, руки приписали, Мануилович с товарищи, что наведе греческой державе? Помнишь ли, свет, реченное или запаматовала? Ну ино я препомню.

Тому лет з двести семдесят с лишком, варвар, Бахмет турской, взял Царьград и брата Мануиловича Константин не коснел, Христос, скоро указ учини. Блюдусь и трепещу. Та же собака (л. 64) заглядывает и в нашу бедную Росию. Мнит ми ся по греческому же уставу ступает, малу

⁷ Действия, т. XV, в. VI, стр. 61; см. также: в. IV. Нижний-Новгород, 1913, стр. 35; РИБ, т. 17. СПб., 1898, стлб. 385—886 (Нижегородская переписная книга 1678 г.).

⁸ Действия, т. XVI, в. II. Нижний-Новгород, 1913, стр. 154.

⁹ В книгах Печатного приказа (ЦГАДА, ф. 233) — № 67 (1653 г., л. 373), № 113 (1663 г., л. 393 об.) — упоминается гроховедкий помещик служилый человек капитан Артемий Болотов, но имеет ли он отношение к данной семье Болотовых — сказать трудно.

* *Заглавия писем принадлежат публикатору.*

по-малу на высоту восходит и со дьяволом предугаивает. Егда помышляю, ужас меня объемлет^а отвсюду ми тесно ныне, душа, плавание,^б а тогда телесем гробы.

Преудобренная невесто Христова, не лучши ли со Христом помиритца и взыскать старая вера, еже дед и отец твои держали, а новую блядь в (л. 64 об.) гной^в спрятать. Пускай Никонов устав мотыльноской^г до общаго воскресения тут предпочиет. А будет так и не учинитца, тако глаголет дух святыи, пострадать будет и нам, яко же и греком. А потом варвар попустит и на самую первую блудницу, еже есть костел римской, потом же и последний дьявол, глаголю антихрист, потом пророцы Илия и Енох з Богословом, потом изменение твари. Потом се (л. 65) жених грядет исходите во стретение его, по глаголющему пророку: «Зрех доньдеже престолы поставтса и ветхий дньми седе, и книги разверзошася, и тьмы тьмами предстояху ему, и тысяща тысящами служаху ему».^д Тогда праведницы просветятса, а грешницы омрачатса, тогда христиане возвеселятса, а никонияня восплачутса и возрыдают, яко прииде отмщение коварству их.^е

Воистинну, государыня, никония(л. 65 об.)нская вера и устав не по бозе, но по человеку. Умыслил Никон оружием и пищальми и со дрекольми на противныя, не разумех пророка вопиюща: «Не на лук бо мой уповаю и оружие мое не спасет мене».* По тому же рекл прилично апостол Павел: «Несть наша брань х крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобе под небесным».^ж И еще он же: «Сего ради примете вся ору(л. 66)жия божия, да возможете противитса в день лют, и вся содеявше стати».^з Паки он же: «Станете убо препоясани чресла ваша истинною и оболкшеся во броня правды и обувше нозе^к во благовествования миру. Надо всеми же сими восприимше^л щит веры, в нем же возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити».^м

Царевна, государыня, Ирина Михайловна! Умоли государя царя, чтобы мне дал с никонияны суд (л. 66 об.) праведный, да известна будет вера наша христианская и их никониянская. Иду, раб ваш, братиса с турским во святей божии церкви, взявши братию мою страждущих повсюду. Не надобе нам ни пищали, ни сабли, ни ино что от таких, но токмо облецемся в ризы священныя; попы и дьяконы со кресты и с фимияном, а черныцы в черныя ризы и схимы. И всяк возраст мужеска полу и женска^н (л. 67) плачуще и восклицающе горце: «Владыко, не остави нас сиры, но прииди и стани с нами, да воспоем песнь раба божия Моисея: „Кня и всадники фараоновы вверже^о в море, избранныя всадники потопа в Чер-

^а В ркп. объемлет.

^б В ркп. в переправлена на к (плакание) другим почерком.

^в В ркп. это слово написано поверх какого-то соскобленного слова.

^г В ркп. в слове мотыльной заметны следы каких-то исправлений, старое окончание -ской зачеркнуто.

^д Книга пророка Даниила, гл. VII, ст. 9—11.

^е В ркп. их написано поверх какого-то соскобленного слова.

^ж Псалтырь, пс. 43, ст. 7.

^з Послание апостола Павла к Ефессем, гл. 6, ст. 12.

^к Там же, ст. 13.

^л В ркп. после этого слова над строкой написаны слова во уготование другим и. возможно, более поздним почерком.

^м В ркп. это слово первоначально было написано как восприимите, исправлено более поздним почерком, как неточно передававшее источник.

^н Послание к Ефессем, гл. 6, ст. 14—16

^о В ркп. после этого слова стоят зачеркнутые слова и отроки и отрочицы.

^п В ркп. это слово зачеркнуто, хотя оно и есть в источнике.

мною мори „»,“ и прочая. Надеюся на господа, яко и Яков никейский прогнав перскаго царя комарами.

А никонияня, патриархи и митрополиты и архиепископы со архимандриты и игумены, пускай против варвара своим (л. 67 об.) сонмом пойдут. Как знают так и молят по своему бога. В молитвах их напечатано: «Молимся тебе дух лукавый». Пускай оне с лукавым духом, а мы, християне, со Христом Исусом. Нам оне, поганцы, в товарищы не надобны. Мы пойдём на турская полки от десных, в руках победное оружие, крест, держа, а никонияня пускай де^р идут о левую, с крыжами и с партесным пением. Оне пускай (л. 68) против воевод идут турскаго, а мы на самого^с диявола и Салтана-царя. Я хошу о Христе бозе моем, яко Давыд на Голияда. Тако и Салтана-царя патрахилю обязав, в Москву приташу ти и пред царя моего поставлю, яко пса, и благословение царю государю подам.

Пойду в пустыню, куды очи несут, направляем Христом и пречистою богородицею, а избранное Христово воинство, куды кто хочет, туды и поди, бог благословит (л. 68 об.). А никонияня назад не возвратятся, тако глаголет дух святой, истреблени будут, яко Мадиям и Сисара и Авим в потоце Кисове, со иноплеменики брашася, погибнут вси, потребятся, яко древле во Аендоре, будут яко гной земный.^т Да больше того полно говорить, будет так, яко же рекох.

По сих всех прости мя, святая душа, и благослови, елико согреших словом и делом и помышлением и осуждением и всеми (л. 69) моими чувствы. Аминь.

Письмо протопопа Аввакума Ксении Артемьевне Болотовой

В Нижном. Ксенья Артемьевне Болотовых и со всеми домашними мир и благословение. Тако же и приятелем ея, и всем христоролюбцам, пишущим словеса наша на скрыжалех сердечных, милость и мир от Христа Исуса и от мене грешнаго благословение.

Господи Исусе Христе, сыне божии, помилуй нас!

Раб неключимый, протопоп Аввакум, тебе, госпоже моей, Ксенья Артемьевне (л. 97 об.), радоватися и здравствовати душевне и телесне, соблюдающе непоколебимо и неблаженно цело и непорочно старые нашей православной^а веры в век века в веселии. О сем солнцеобразная доброта едина наша святая християнская вера.

Зри, Артемьевна, и слагай персты сиде неизменно. То бо есть церковная вечная правда. Указательный и великосредний, два перста, яже есть во Христа Исуса, сиречь смо (л. 98) трение его божества и человечества являют. А великий же перст и два последних, трипостасное являют. Смотри же крепче и разумей, яже глаголю, любезная моя, о Христе Исусе. Прежде даже не создатися Адаму, прежде даже не вообразитися ему,^о бысть совет превечный. Отец к сыну рече бо: «Сотворим человека по образу нашему и по подобию?»^а И другой отвеща: «Сотворим, отче». И преступит бо. И паки отец глагола (л. 98 об.): «О, едиnorodный мой! О, сияние славы моея! О, свете мой! О, сыне и слове. Аще промышляеши созданием своим, подобает ти облещися в тлимаго человека, подобает ти по земли ходити и апостолы восприяти, проповедати и пострадати и

^н Книга вторая Моисеева Исход, гл. 15, ст. 19—22.

^р В ркп. да.

^с В ркп. перед этим словом имеется зачеркнутое Салтана.

^т Ср. Псалтырь, пс. 82, ст. 10—11.

^а В р.п. это слово первоначально было написано с окончанием -ья, но потом исправлено.

^б В ркп. слово ему выскоблено.

^в Книга первая Моисеева Бытие, гл. 1, ст. 26.

воскреснути из мертвых и вознести падшаго к свету дивну». Емлещи ли веру сему, церковное чадо?

Слушай же, аще не дремлещи. Идеже живот наш, о нем же и Павел свидетельствует (л. 99), глаголя, «яко же бо о Адаме вси умирают, тако и о Христе вси оживут».¹ Тружаемся со гласом и мысленно к разуму приступим. Рек бо и паки глаголю дебело, по женски, с тобою говорить стану. Смотри умом на небо, а очима на десную руку свою. Виждь тайну сокровенную в самом бозе. Не смесно смотрение, во двою естеству седит, одесную отца, на своем царstem престоле троица, бо троицею. А ипостасныя премудрости сила и со во(л. 99 об.)спрятием, сиречь бог и человек, з душею в божестве едином.

Знаеши ли, голубица, или еще просто поговорим с тобою? Схожение бо божественно во двою несмесно бысть; прехождение и рождество от девы богоприятно. Соступил с небесе силою благодати сын божий и вочеловечився, а самое существо отнюдь с небесе недвижимо и непоступно, но бог сый воплотися силою своею неизреченною: во двою естеству на земли бысть, во двою естеству на кресте (л. 100) вися и во гроб положен бысть, воскрес и во ад сниде, пленив плен. Такожде же во двою естеству и на небо възиде и седит бог и человек з душею на своем царstem престоле несмесно во двою естеству познаваем. Тем же образом придет судити миру, его же созда и престол огнезrachный той же под него будет в день судный, на нем же ныне почивает. Последний глаголет: троица троицею, а бог и человек промы (л. 100 об.) шлением нераздельно бог сый.

Ужьли узнала троеческое единство? Держи жо сложение то перстов против сего, да так и веруй. А у никониян во трех перстах Христа несть и смотрения не исповедуют. Потеряли Христа за бабами ходя, да ухватилися за нагую троицу, а не ведомо за кую. Мнит ми ся, яко в три диявола знаменаются, сиречь в змия и в зверя и во лживаго пророка. Сиречь змий — древний завистник, диявол (л. 101), а зверь — человек греха, или сам антихрист, или предотеча ево, царь лукавой, доброхот его и угодник. А лживый пророк — папа римской, вор начальная, а по нем патриарх русской, да и много их от Христа оттекоша, подпупия ради бабья.

Сказал бы я тебе их промысл, чего ради оне творят тако, да жаль мне тебя, не твоя женская повесть. Сказано им и самим в прошлом году, и того им довлеет. Как бы мне с тобою поговорить (л. 101 об.), сидя лицом к лицу год, или бы два сряду, некли открылося тебе всяко, а то в краткой беседе невозможно вся изъяснити. Всячески сына божия не любят, ни имени его славнаго и страшнаго не могут слышати, ко чреву ничат и ко внешним зияют, вси в пагубу грядут, друг друга поревая, а ад, яко всеядец, с радостию похищает их.

Ну прости же кричат церковный, голубица нескверная и ластовица сладкопеснивая (л. 102). Моли о мне бога. Аще обретох благодать пред тобою, упокой и чада моего и отца Иону инока. Потребен ми есть — и зело дух мой упокоил испострада узам моим отчасти. Восхитиша его стражи на карауле и за поруками держаша и так и сяк. Свободил бог, потече, яко пернат, в ваша пределы и рука господня да есть с ним и с нами, нашае он породы, нижегородец, да летал много по чetyрем ветрам небесным; обыдоша (л. 102 об.) землю и проходилаше поднебесную, коснулся и моеи темнице, и созрех вне уду и внутрь уду, и по молитве лобзание ми даст устом моим. Да воздаст ему господь в день века.

По сих всех целование моею рукою тебе, моему свету, и пад, подстилаю главу мою пред тобою. Спаси бог за прежную десять рублев. А гра-

¹ Павлово первое послание к коринфянам, гл. 15, ст. 22.

мотки от тебе не бывало. А о той недостойнство мое возбраняет или бесове проклинаят. Добро, чадо Сионе^а (л. 103), не разлучил бы нас бог во грядущем, а ныне как мочно, так и ладно, о Христе Иисусе, господе нашем. Ему же слава со отцем и со святым духом, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Слово святаго священномученика и исповедника
новаго Аввакума о рогатом клобуке**

Разумей же о рогатом клобуке, его же носят и наши отступники ныне на подклейках, якоже женские шапки, понеже знаменуют подклейки женскую слабость на блуд и на всякую похоть. Яко же ругаемых баб обычай от мужа таятся, а мир (л. 104) весь знает. Яко блудница, тако и римляне и греки с никонияны, Василия Великаго предание — клобук с себя скинув и здели рогатой: лице все свободно стало, расчесав власы не мешает за бляднями ходить, целоватцо.

Являютца иноцы образ имый мнишеский, носят подобно, яко вышереченная блудница. Как то възглянет, как поступит: слово смирено, очи долу, въздыхая, яко горою брю(л. 104 об.)хом колеблет, износя глаголы о пользе душевней, а от похоти блудныя хвост весь мокр. Ей тако, не солгал носящих одеяния странна.

Что в Библии пророка глаголы глаголаше со духовным их действием? Поразили вы затийками своими Рускую землю! Али яз затиял? Да посмотрите-тко на себя, чернцы веть вы? Возделали странно, по немецки, рясы — рукава широки. А мантия где? Увы (л. 105), стащил демон, гузно^а потер ею? Веси ли, коему житию мантия научает? Василий Великий пишет, и прочии святии, чего ради мантия без рукав носим. Яко не имамы от плоти детельных рук, но делаем дело сердца и устнами, яко угодити богу, прижав руки с въздыханием и стонанием. Рукава же знаменуют детельное, яже суть плоти на потребу.

Иное чево еще хошь большаго слушать? (л. 105 об.) А те рукава вы поделали, широкие жупаны, того для^б блуднии похити, ти руками собрания разоряти и с пияницами и с блудниками и с прелюбодеями и баб униятюк дровичь. Экинув крыло то манатейное не мешает за униицу ту униятюк хватить. Так ли чернечествовали древнии святии? Черное одеяние знаменует плачевное житие и рыдание с въздыханием, яко земля еси и в землю паки возвратимся (л. 106).

Я еще даст бог прежде суда тово Христова взявше Никона разобью ему рыло. Блядин сын, собака, смутил нашу^а землю. Да и глаза те ему выколупаю, да и толкну ево взашей: ну во тьму^б пойди, не подобает тебе явитися Христу моему свету.

А царя Алексея велью Христу на суде поставить. Того мне надобне шелепами медянными попарить. Да что ты, христианин, смешиши, будет так! (лл. 94 об. — 95).

^а Не следует ли читать Симеоне.

^б Испр.; в ркп. но.

^в В ркп. после этого слова стоит знак, заменяющий крыж, а на правом поле листа, около такого же знака, написано почерком XVIII в. бити и похищати монастырская собрания.

^г В ркп. наверху над строкой добавлено почерком XVIII в. Рускую.

^д В ркп. переделано из черту.

В. С. БАХТИН и Д. М. МОЛДАВСКИЙ

Старообрядческие народные легенды о начале раскола, о табаке и брадобритии

В августе 1947 г. мы были командированы Кафедрой русского фольклора Ленинградского университета (руководимой тогда выдающимся советским исследователем М. К. Азадовским) для записи устно-поэтического творчества в Новгородскую область. В нашу задачу входило найти небольшую деревню с характерной для послевоенных лет судьбой и произвести запись по возможности всех бытующих там произведений фольклора от представителей разных поколений.

Такой деревней было выбрано Заозерье Белебелковского района, расположенное в 60 километрах от железной дороги (Старая Русса). Село это серьезно пострадало в годы оккупации: население было угнано в Германию. Часть жителей к концу войны оказалась в Эльзасе, откуда они все-таки сумели пробраться на родину.

Особенность этой деревни состоит в том, что коренные насельники ее были старообрядцами, вернее потомками старообрядцев, обосновавшихся здесь еще в XVII в. На устно-поэтическое творчество (а мы записали в Заозерье около тысячи текстов частушек и песен и до ста сказок и легенд) это обстоятельство не оказало существенного влияния. Но в числе прочих материалов, представляющих варианты наиболее популярных сказок, нам удалось записать и несколько легенд, своеобразно комментирующих нерушимые еще в недалеком прошлом взгляды и обычаи старообрядческого быта. Характерно, что публикуемые тексты были записаны нами от людей пожилых — более молодые их односельчане, в том числе и члены их семей, этих легенд не знали.

От местного уроженца Ивана Трусова, пастуха, 56 лет, сообщившего 14 сказок, была записана легенда «Откуда раскол пошел». По всей вероятности, в этой легенде использованы мотивы сатирической сказки о ловком обманщике — мнимом знахаре.¹

Никон патриарх это раскол веру — я так слышал. Он написал, составил книги и зарыл на горе. А потом собрал народ и сказал: «что, якобы, мне приснился ангел господен и велел найти эти книги. (Давно это я слышал, плохо помню). Он собрал народ и повел его, где зарыты были эти книги. Говорили, что он поймал два голубя и сказал: «Где святой дух вылетит, там и книги эти лежат». А сам за пазухой голубей держит. Пришли на гору, голубей выпустил и стали они книги искать — так говорили. Достали книги, прочитали, что там было написано.

¹ Ср.: Н. П. Андреев Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне Л., 1929, № 1641.

И с тех пор раскололась вера.

Легенду «Почему крестимся двумя перстами» нам рассказал Федор Парамонов 77 лет (из-за болезни сказителя от него записано только семь текстов, но он знал значительно больше).

Конец легенды явно забыт — в записанном тексте нет окончания, объясняющего появление трехперстного креста. Видимо, должно быть еще объяснение, что третий перст — в честь «патриарха Митьки»:

Устанавливали господь — Христос и Сатана порядок. А патриарх Митька был, помогал. Вот, когда ему пришло время, он на Рим и накинулся, на римскую службу. Сбил и кресты, сбил и крещение. Он и много тут дел начумил. И к табаку подписался и на другое всякое. И тремя перстами креститься велел.

«Почему мы бороду носим» — легенда, также рассказанная Ф. Парамоновым, — своеобразная попытка объяснить один из характерных старообрядческих этиологических мотивов.

Римский папа имеет два чина: чин духовный и чин государственный — державец. И вот приспособился он к одной вдове. И она все отказывала, не шла. Да. Вот на том расположилась:

«Выбрей сначала свою бороду — я за тебя пойду».

Вот он возьми и сбрей. Вернулся к ней со сбритой бородой. Она и держит ему ответ такой:

«Уйди ты с моих глаз — ради моей подпушной сбрил господний лик. Нам борода — господний лик дан».

Худо ли, добро, приходится уйти. А когда сделал он в воскресенье службу (что он духовный чин имел) и вошел к христианам с бритой осанкой, стало ему бесчестно, что один он в царстве без бороды. Отдал приказание всему миру, чтобы не было мужчин с бородой.

Вот по случаю этого, ради одной дыры, полетели наши бородки. Теперь мы на этом положении живем — бреем бородки.

И, наконец, легенда «Почему курить грех» (Федор Парамонов), при-
мыкающая к многочисленным легендам о картофеле, табаке, чае.²

В нашем варианте она звучит так:

А вот табак...

Было два брата: Сатана и Христос. Вот когда они укладывали жизнь, устраивали небо, устраивали землю. Как у нас война, и у их был мятеж между собой. Как один свое подставлял, другой свое... Вот был у Христа ладун³ — назывался. Его он по временам зажигал, просвещал что и по земле пушал, проходил. А Сатана ему так отъявился:

«А я пушу табак, и мой возлюбят лучше».

Вот пустил табак. И вот он пошедши по свету, и мы его лучше возлюбили. Ладун нам хоть будь, хоть нету, а без табаку плохо. А это дело ведется до сих пор.

Таковы скудные современные остатки некогда богатой и развитой старообрядческой литературы, родившейся два века назад в трагической борьбе с официальной церковной идеологией.

² Упоминание об аналогичных сюжетах см. в книге А. И. Никифорова «Русские повести, легенды и поверья о картофеле» (Казань, 1922, стр. 48—49; отдельный оттиск статьи, опубликованной в «Известиях общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете», т. XXXII, в. 1).

³ Т. е. ладан.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

«Стих о жизни патриарших певчих»

(Демократическая сатира конца XVII в.)

Впервые публикуемый ниже «Стих о жизни патриарших певчих» находится в сборнике ГПБ из собр. ОЛДП Q. СССРХС на лл. 124 об.—126. Сборник разных почерков конца XVII—начала XVIII в. Тем же почерком, что и наш «Стих», писаны в сборнике на бумаге конца XVII в. следующие произведения: л. 122 — стих «Плач богородицы при кресте» (начало: «Уже ты лишаяся, уже ты лишаясь сладкое чадо»), л. 123 — стих «О страшном суде» (начало: «Страшный день помышляю, окаянный! Трепещу страхом грехми, окаянный»), л. 126 — «Стих покаянный усердно внимающим» (начало: «Есть прелесть в свете, что в полном цвети, ты, ту остани»), л. 129 — стих «Обаче всеу мятется всяк человек, понеже краткий его на свете век», л. 130 — стихи «Како подобает чтить образ пречистой богоматери Одигитрии», л. 132 — «Повесть зело страшна ко брадобритеlem» (начало: «Срамно бо есть блуднице о целомудрии беседовати». Конца нет), л. 134 — окончание статьи о значении восковой свечи, л. 134 — стих «О девстве и чистоте» (начало: «Неизглаголанного девства чистота, смиренным мудрости истина!»), л. 134 — стих о пустыне: «О прекрасная пустыня, прими мя в свои частвины».

Название «Стих о жизни патриарших певчих» принадлежит неизвестному составителю оглавления сборника; оглавление это писано почерком XIX столетия на особо приплетенных листах в конце сборника.

Судя по тому, что в стихе упоминается монастырское подворье, он не мог быть составлен ранее 1684 г., когда часть патриарших певчих была поселена в Москве на земле, прирезанной от соседнего подворья Троице-Сергиева монастыря.¹ Поселенные здесь младшие певчие испытывали значительные неудобства, что и отразилось в названии его, в словах: «монастыря подворье, о чем непокорье». Рукопись не представляет собой авторского текста — это копия с оригинала, написанного ранее (ср. описки переписчика: «непоморье» вместо «непокорье», «аа некуды глядети» вместо «а некуды глядети», «не не судки», «да под плъ (?) ложися» и др.). Самый список вместе с переписанными в нем произведениями принадлежит началу XVIII в. Этим определяется крайняя дата написания произведения (название «патриаршие» певчие не может служить основанием для датировки, так как хор патриарших певчих существовал и после уничтожения патриаршества в России).

Патриаршие певчие разделялись на дяков и поддяков. Все певчие дяки и поддяки разделялись на больших, или возрастных, и малых, или

¹ Д В Разумовский Патриаршие певчие дяки и поддяки и государевы певчие дяки Изд Н Ф Финдейзена. М., 1895, стр 27.

недоростков, и получали различное содержание. Автор стиха, по-видимому, принадлежал к малым недоростковым певчим, которые получали меньшее содержание сравнительно с возрастными и не имели добавок на семью. Особенно тяжело было положение малых недоростковых певчих в шестой и седьмой станицах (все диаки и поддиаки разделялись на семь станиц), куда помещали новоприбылых.²

В «Стихе о жизни патриарших певчих» с особенной резкостью заявлен протест («непокорье») против социальной несправедливости. Тяжелая жизнь певчих — лишь пример общей социальной несправедливости. В заключительной части стиха автор говорит вообще о несправедливости разделения людей на бедных и богатых. Обращает на себя внимание особенно следующее утверждение автора: «овии трудишася, овии в труд их внидоша». Автор, очевидно, сознает, что источник богатства — труд и отмечает присвоение результатов труда богатыми, «входящими в труд» бедных.

Автор стиха — человек начитанный. Могут быть отмечены отдельные книжные выражения («забвение на всех хвалится», «и некие в настоящее время гонят носящих бремя»). Украинизмы очень редки («воспеваки»). В целом это произведение народное, писанное обычным для сатирической литературы рашным стихом (ср. «Сказание о попе Савве», «Сказание о куре и лисице» и др.).

В стихе рассыпано множество бытовых реалий: хлебня, в которой работали «спеваки», «чепь», на которую сажали провинившихся,³ ворота, которые забирали на ночь, и т. д. Свидетельство стиха, что в церкви патриарших певчих одевали как «маковые цветы», зарегистрировано документами. Д. В. Разумовский пишет: «При отправлении своей прямой обязанности в храме, при служении патриаршем, певчие диаки и поддиаки патриарха постоянно облачались в стихари то золотые, то серебряные белые, то черные, смотря по степени и значению духовного торжества. При поставлении царя Феодора Алексеевича на царство (1676) патриаршие певчие диаки и поддиаки были в золотых стихарях. Стихари надевали даже и малые поддиаки, как это обыкновенно бывало в неделю цветоносия, когда малые певчие стояли в снях при украшенной вербе и пели стихиры. Церковное облачение патриарших певчих диаков и поддиаков было столь обыкновенным явлением, что сохранившиеся современные записи упоминают о пении без облачения как о явлении необычном. Так, например, было в 1686 и 1695 г. В обыкновенное же, неслужбное, время одежда патриарших певчих диаков и поддиаков несколько не отличалась от одежды современных диаконов. Она состояла из ряссы и подрясника, перетянутого поясом. Все это было суконное».⁴ Красные («маковые») стихари специально упоминаются в записной книге Патриарших выходов под 1656 г.⁵

Неясно, о каких поляках идет речь в сентенции: «Горе вам, бедныя воспеваки, тако вам говорят поляки». Неясно также, почему следствием опоздания в пении было поспевание к стулу («будет к началу не спел, ино к стулу поспел»).

² Там же, стр. 20—21.

³ «Хлебня» и «чепь» в тех же ролях фигурируют также в «Сказании о попе Савве» (см.: В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII в. М.—Л., 1954, стр. 70—72).

⁴ Д. В. Разумовский. Патриаршие певчие диаки и поддиаки и государевы певчие диаки, стр. 24—25.

⁵ Н. Дубровский. Патриаршие выходы. М., 1869, стр. 12.

Забвение на всех хвалится, а скупой умрет — звалится.
Лег бы поспати, да не умел встать.
Скупой денги бережет, а по смерти всяк его кленет.
Живучи много собирал, а умерши конечно пропал.
Скупыя спят не не судки, ано дух вон, что из дудки.
Аще кто милует убога, тот любит бога.
Есть ли не милует убога, воистинну сей не любит бога.
Чюжые кровлю кроют, а свои голосом воют.
На что драгие вещи любить, когда не умеем их хранить.
И некие в настрящее время гонят носящих бремя.
Овому честь бог дарует, овии искупают,
овии трудишася, овии в труд их внидоша.
Овии скачют, овии же плачют.
Инии веселяшеся, инии ж всегда слезяшеся.
Почто писать много, что от бедных не любят никого.
Лучше того любить, кого денги лупят.
Что с убогова взяти — прикажи его сковати.

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА и Л. С. ШЕПЕЛЕВА

Вирши о взятии Азова в 1696 г.¹

От «Петровской поры» сохранилось большое количество анонимных стихотворных панегириков, сочиненных по случаю торжественного празднования побед, одержанных под Полтавой, Азовом, в Персии (1722), по случаю заключения Ништадского мира (1721).

К их числу принадлежит группа вирш, появившихся в связи с одной из первых значительных побед России под Азовом в 1696 г.

Некоторые из этих стихотворных панегириков уже опубликованы В. Рубаном,² И. И. Голиковым,³ в примечаниях к «Запискам» И. А. Желябужского,⁴ В. И. Срезневским,⁵ А. С. Орловым,⁶ М. М. Богословским⁷ и А. В. Позднеевым.⁸

В рукописном сборнике Всесоюзного географического общества (разр. 114, оп. 1, № 17-1) на л. 36—36 об. находятся еще вирши на ту же тему. Сборник датируется первой четвертью XVIII в. написан на 51 листе скорописью разных почерков на разной бумаге в 4-ку, в бумажном позднем переплете.

Победа под Азовом в 1696 г. явилась первой победой русского флота и армии над турками и в этом ее международное значение как первой бреши во многовековом турецком господстве.⁹ Как крупное историческое событие своего времени, отмеченное «небывальми»¹⁰ до той поры торже-

¹ Благодарим П. Н. Беркова, И. П. Еремина и А. В. Позднеева за помощь, оказанную в процессе работы над статьей.

² Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову... Изд. Василия Рубана. СПб., 1773, стр. 187—188, 190—191. (В дальнейшем: Поход боярина Шеина).

³ И. И. Голиков. Дополнения к деяниям Петра Великого, т. IV. М., 1790, стр. 199—202.

⁴ Записки И. А. Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., тип. Российск. Акад. Наук, 1840, стр. 287.

⁵ В. И. Срезневский. Отчет Отделению русского языка и словесности Акад. Наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернию (июнь 1902). — ИОРЯС, т. VIII, 1903, кн. 2, стр. 222—245.

⁶ А. С. Орлов. Песня и повесть об Азове. — Старина и новизна, 1905, кн. 10, стр. 274—282.

⁷ М. М. Богословский. Петр I, т. 1. Материалы для биографии. Под ред. В. И. Лебедева. Гос. соц.-экон. изд., М., 1940, стр. 347—348.

⁸ А. В. Позднеев. Песнь о взятии Азова в 1696 году. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 353—357.

⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия первой четверти XVIII в. Преобразование Петра I. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 435, 444; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен..., кн. III, т. XIV. СПб., гл. 3, стлб. 1153. О значении этой победы России под Азовом для стран, находящихся под турецким владычеством, пишет Петру I Парфений Небоза в своих «Стихах на победу злочестивого Мустафы, султана турецкаго»: «Греки, сербы и болгары приняли не малы дары» (ГПБ, собр. Погод., № 1745, л. 3 об.).

¹⁰ М. М. Богословский. Петр I, т. 1, стр. 344

ствами (устройство триумфальной арки со статуями по античным образцам), она нашла отклик в литературе и живописи в России и за границей.¹¹

Праздество готовилось по указанию самого Петра I, писавшего А. Виниусу по случаю победы: «Достоин есть делатель мзды своей!».¹² Далее предписывалось «триумфальными портами почтиту» победителей.¹³ 31 июля 1696 г. весть о победе над турецкой армией под Азовом донеслась до Москвы, и в Успенском соборе при многочисленном стечении людей всех сословий был отслужен благодарственный молебен.¹⁴ Само многолюдное торжество состоялось 30 сентября 1696 г., после основательной предварительной подготовки. Тщательно продуманные архитектурные сооружения представляли собой триумфальную арку, над фронтоном которой возвышался герб — двуглавый орел и статуя крылатой Славы. Колоссального размера статуи античных богов поддерживали арку справа и слева: с одной стороны — фигура Геркулеса, с другой — статуя Марса, перед каждой из них — склоненные к их ногам фигуры скованных побежденных врагов, турок и татар. От статуй Геркулеса и Марса к Каменному мосту тянулись картины на полотне, написанные «в похвалу прехрабрых воев морских», а на стороне Марса — «в похвалу прехрабрых воев полевых».¹⁵ Картины были снабжены виршевыми двустихиями: «Москва агарян побеждает, на многие версты прехрабро прогоняет» и «На море турки поражены, оставя Москве добычу, корабли их сожжены».¹⁶

Под скульптурными изображениями врагов также имелись виршевые подписи: под скульптурной группой турок — «Ах, Азов мы потеряли и тем бедство себе достали!», а под группой татар — «Прежде на степях мы ратовались, ныне же от Москвы бегством спасались».¹⁷

В самый день торжеств, 30 сентября, А. Виниус «гласил из трубы длиною в полторы сажени» с триумфальных ворот известные вирши («речь в стихах») ¹⁸ в честь шествовавших мимо победителей. Торжественная процессия двигалась по всему городу в течение целого дня.¹⁹ Официальный характер торжеств, проводившихся по указанию Петра I, обусловил появление многочисленных панегириков, ораторских «слов», молитвословий и вирш.²⁰ В похвальном «слове» братьев Лихудов, сохранившемся среди петровских книг, авторы пишут, что многие из «философов и ритори-

¹¹ М. М. Богословский. Петр I, т. 1, стр. 398—399. (В комментарии к иллюстрациям М. М. Богословский упоминает ряд памятников изобразительного искусства, посвященных этому событию).

¹² Цит. по кн.: М. М. Богословский. Петр I, т. 1, стр. 340—341.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 334.

¹⁵ Там же, стр. 344—346.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Поход боярина Шеина... стр. 187, 190; Записки И. А. Желябужского... стр. 287 (замечания и объяснения к заметкам). Имеется несколько изданий текста этих вирш (см. сноски 1, 2, 3 и 6 настоящей работы).

¹⁹ М. М. Богословский. Петр I, т. 1, стр. 350.

²⁰ См.: Gloria triumphorum et tropaeorum. Слава торжеств и знамен побед пресветлейшего и августейшего державнейшего и непобедимейшего великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... Вкратце списана стихами поэтисскими. Писал Елиас Копиевский в Амстердаме, лето 1700, 12 октября; Похвальное слово братьев Иоаникия и Софонрия Лихудов, посвященное Петру Алексеевичу по случаю взятия Азова и возвращения Петра I в Москву в 1697 г. (БАН, Петр. гал., № 66); «Умило-стивительная мольба... о богоизбранном... православном государе, царе и великом князе Петре Алексеевиче... и о победе над христоненавистными враги турки и татары» (БАН, Петр. гал., № 23). Любопытен в этом отношении «акафист» Петру I, сочиненный А. Виниусом (см. о нем: М. М. Богословский. Петр I т. 1, стр. 335)

ров» будут восхвалять Петра, «друг с другом противопоставляющиеся превзыти древняя хитрецы потшатся и велия изобретения, еже похвалити тя, покусатся; творцы, трости и хартии уготовляюще, новыя образы творений и стихов изобряжут» (лл. 23 и 26).²¹

Активное участие в литературном оформлении победных празднеств обычно принадлежало Московской славяно-греко-латинской академии, в которой особенно культивировалась торжественная лирика.²² Примером могут служить две анонимные песни, изданные в 1721 и 1722 гг. в честь последующих побед Петра I.²³ Не обошлось без участия академической школы «риторов» и «философов» и в это первое небывалое торжество, о чем свидетельствуют сочинения братьев Лихудов. В своей риторике они разрабатывают специальные правила, которым надлежит следовать при сочинении гимнов в честь побед.²⁴

Опубликованные В. И. Срезневским виршевые приписки, сохранившиеся на иконах Спасово-Преображенского монастыря (на р. Онеге близ Каргополя), напротив, далеко не совершенны по стиху и занимают особое место. Первоначально, очевидно, они были сочинены либо по случаю освящения азовских церквей Иоанна Предтечи и Похвалы богородицы вскоре же после освобождения города от врагов-иноверцев (см. запись на иконе Иоанна Предтечи: «В Азове ж в Предтечеве монастыре у образа ево в подножии написано»),²⁵ либо в связи с подготовкой в 1700—1703 гг. к утверждению в Азове митрополичьей кафедры.²⁶ Отличительной особенностью приписок является то, что в них много внимания уделяется реалиям, связанным с восстановлением разрушенного («...разоренны в браны...») азовского храма Иоанна Предтечи и с «претворением» мечети в церковь Похвалы богородицы.²⁷

Вирши, опубликованные А. С. Орловым и А. В. Позднеевым, а также и читанные А. Винусом, были лишены подобного утилитарного назначения. Первые представляли собой канты в честь взятия Азова в 1696 г. и предназначались «к пению» (каждый второй стих в строфе повторялся).²⁸ Две вирши, читанные А. Винусом, были написаны специально ко дню торжеств и предназначались для громогласного провозглашения с арки: одна — во славу морских побед под Азовом, когда мимо должна

²¹ Одним из таких риторических «изобретений» являются «Стихи на победу злочестиваго Мустафы, султана турскаго, преподнесенные Петру I 12 апреля 1698 г. лаодикийским митрополитом Парфением Небозой. Как отмечает В. Н. Перетц, вирши эти, написанные 8-сложным размером, составлены под воздействием польских религиозных стихов XVI—XVII вв. (В. Н. Перетц. Записка митрополита лаодикийского Парфения о невольниках. — ЦИОНА, кн. 15 Киев, 1901, в. 1, отд. III, стр. 26) Текст их опубликован в отрывках в указанной выше работе В. Н. Перетца (стр. 25), в книге И. А. Шляпкина «Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.)» (Записки Историко-Филологического факультета СПб. университета, ч. XXIV, СПб., 1891, примечание к стр. 361) и в журнале «Отечественные записки» (ч. 33, СПб., 1828, № 94, стр. 219).

²² История русской литературы, т. III, Литература XVIII века, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 143.

²³ Там же.

²⁴ А. Смеловский. Братья Лихуды. — ЖМНП, 1845, март, стр. 90—94.

²⁵ В. И. Срезневский. Отчет... стр. 241. О том, что виршевые приписки на иконах сочинялись по следам живых событий в Азове, говорит обилие фактов, имен и дат.

²⁶ Н. [Н.] Дурново. Иерархия всероссийской церкви, т. 1. М., 1892, стр. 142. Митрополитом Азовской епархии, просуществовавшей с 1700 по 1703 г., предполагалось поставить Парфения Небозу.

²⁷ В. И. Срезневский. Отчет... стр. 240—241.

²⁸ А. С. Орлов. Песня и повесть об Азове, стр. 278. Кант, опубликованный А. В. Позднеевым, помещен в сборнике на линейных нотах (см.: А. В. Позднеев. Песнь о взятии Азова в 1696 году, стр. 353).

была проходить первая часть торжественного шествия во главе с адмиралом Лефортом, другая — во славу «воев полевых» — была произнесена А. Виниусом, когда под арку стала проходить вторая часть шествия во главе с воеводой Шеиним.

Канты и вирши, читанные А. Виниусом, отличаются друг от друга по манере изложения событий. Первые детально и полно воссоздают картины сухопутных и морских боев за Азовскую крепость, прославляя полководцев Шеина, Лизогуба, Лефорта и в особенности подвига Петра I. В отличие от кантов и стихотворных приписок на иконах, вирши, читанные А. Виниусом, излагают события в риторической манере, без упоминания конкретных имен, дат и названий. Сам церемониал торжеств и официальный их характер обусловили заведомую краткость вирш (14—16 строк) и их риторичность. «Двалетные труды» русской армии за овладение Азовом передаются общими фразами типа: «Преславное же воинство победы одержали, с такими ж радостями в свояси возвращали».²⁹

Вирши, находящиеся в рукописном собрании Всесоюзного географического общества, обнаруживают определенное сходство по своей манере изложения в первую очередь с виршами, читанными А. Виниусом.

Однако предназначение их, думается, несколько различно. Согласно официальному предписанию,³⁰ в первой из вирш, провозглашенных А. Виниусом, Петр I прославлялся только как командор, управлявший во время морского сражения за Азов отрядом галер;³¹ первую же славу обе вирши должны были воспеть адмиралу и воеводе в порядке торжественного шествия.

В центре внимания автора вирш, хранящихся в Географическом обществе, вопреки официальному церемониалу, оказывается «царь Петр Алексеевич, славны победитель», царствующий «отческими храбръственными следы», а также «мужественное воинство», которое принесло победу Петру I и подвигами которого прославлено «царствие Росийское». Ни о Лефорте, ни о Шеине в вирше нет и намека.

Некоторое расхождение между сравниваемыми виршами обнаруживается и в том, что вирши, читанные А. Виниусом, как уже отмечалось выше, лишь мимоходом упоминают о русских войнах,³² вирши же, принадлежащие рукописному собранию Географического общества, придают сравнительно большее значение роли «мужественного воинства», «сынов» могучего Русского государства, в победе, одержанной над Турцией. Прежде всего «мужеством сынов» этих «похвалятся славно... царствие Росийское великодержавно». Автор прекрасно понимает международное значение победы, определившей отношения России не только с самой Турцией, но также с Австрией и Польшей.³³ В словах автора звучит гордость за торжество политики России. Основная цель произведения — дать общую оценку значения победы русской армии и флота под Азовом в 1696 г.

Излагая события, автор прибегает к символам и библейским образам. Петр I, отторгший от владений турецкого султана Азов, сравнивается

²⁹ Поход боярина Шеина, стр. 187—188.

³⁰ Краткое описание всех случаев, касающихся города Азова, изд. 3. СПб., 1782, стр. 182 и 186.

³¹ М. М. Богословский. Петр I, т. 1, стр. 351.

³² Во славу «воиннов» и «чиновников» (I), по мнению И. И. Голикова, якобы «пелась» особая третья «песнь» (И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. I, изд. 1. М., 1788, стр. 276). Однако выяснение содержания этой так называемой песни приводит к заключению, что это не что иное, как пересказ конца вирш в честь воеводы Шеина (ср.: Краткое описание... города Азова, стр. 184).

³³ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I, стр. 436.

с апостолом Петром, отсекишим своему рабу Малху «ухо десное»; при этом сопоставлении султан низводится до раба. Победа России над Турцией изображается символически: «гордые луны бусорманской роги» (эмблема Турции), «тяжце пораженны» «от российского орла» (герб России), пали к ногам Петра I.

Патриотические настроения автора по поводу победы русских над врагами-иноверцами выливаются в традиционное противопоставление христиан и магометан: «Где мяхOMETЯнскiя чтяху алкораны, тамо Христа бога чтят ныне христианы». Победа изображается как торжество христианской веры: над бесславно повергнутыми долу рогами луны вознесся «рог христианск — знамение крестно». Царь Петр Алексеевич, победитель бусурман, выступает в виршах как «христианския веры добр ревнитель», он «... в славе бежей на церкви претворил мечети».

Несмотря на кажущееся отсутствие исторической конкретности в изложении, можно с уверенностью сказать, что вирши эти сложены по случаю победы над Азовом в 1696 г. В них не раз упоминается имя царя Петра Алексеевича и «турского салтана», а также говорится о сухопутных и морских боях («... не токмо же в Азове, токмо и на море...») за овладение турецкой крепостью, благодаря чему становится ясно, что речь идет о втором походе под Азов, в котором русскому флоту принадлежала решающая роль. Совершенно конкретные факты скрываются и за следующими строками: «Егда грады турския, страхом убежденны, поддавахуся царю без меча племенны...» и «... на церкви претворил мечети». В первом случае имеется в виду турецкий форт Лютик, сдавшийся без боя,³⁴ во втором — перестройка азовской разрушенной мечети в церковь Похвалы богородицы, торжественное открытие которой состоялось 8 августа 1696 г. (вторая мечеть должна была быть перестроена в церковь Петра и Павла).³⁵

Автор вирш неизвестен, но, судя по всему, он искусный книжник.³⁶ Вирши строго выдерживают 13-сложный стих (только одна строка в них состоит из 11 слогов), чего нельзя сказать о кантах и виршах, читанных А. Виниусом, где постоянно перемежаются 12—13—14—15-сложные строки. В виршах, принадлежащих собранию Географического общества, строго соблюдается цезура и женская рифма, нет той «народной стихии», черт «народной версификации»,³⁷ которые присущи кантам, опубликованным А. С. Орловым и А. В. Позднеевым, и которые придают им некое сходство с историческими песнями. Художественные приемы изображения (библейские параллели и символы) и в основном книжная лексика также отличают данные вирши от известных кантов, в языке которых, как отмечает А. С. Орлов, «слиты книжная и народная стихии»³⁸ (ср. в кантах эпитеты типа «черны враны», «чистые степи»). Определенный торжественный тон вирш поддерживается посредством некоторой архаизации, введения слов «се бо», «егда», «аки» и др. Довольно высокопарный слог нарушается лишь единичным выражением, идущим от разговорной народной

³⁴ Записки И. А. Желябужского..., стр. 87, 90; М. М. Богословский. Петр I, т. 1, стр. 335.

³⁵ Записки И. А. Желябужского..., стр. 89; М. М. Богословский. Петр I, т. 1, стр. 339.

³⁶ Вирши находятся в сборнике в окружении стихов и псалм духовного содержания, вирш (таковы «Двоестрочия на рождество Христово», «Стих, увещанный к детям» и др.), прозаической духовной литературы; тут же помещен титул императора Петра I, повесть о приобретении царского венца Владимиром Мономахом, выписки из библейских преданий, Физиолога, исторической литературы, троестроичная азбука.

³⁷ А. С. Орлов. Песня и повесть об Азове, стр. 278.

³⁸ Там же.

речи, искусно введенным автором и придающим колоритность его языку: «Царь Петр дал по уху турецкому салтану».

Таким образом, от известных стихов о взятии Азова в 1696 г. вирши, находящиеся в сборнике Географического общества, отличаются бóльшим совершенством стиха³⁹ и налетом книжности, позволяющим предполагать в их авторе воспитанника академической школы. Примечательно в этом отношении то, что вирши и бóльшая часть сборника (лл. 7—38 об.) переписаны южнорусской скорописью.

Царствие Російское великодержавно
 Мужеством сынов твоих похвалятся славно.
 Се бо гордяя луны бусорманской роги
 Христианскому царю падоша под ноги
 Падоша мужественным воинством сотранны
 От російскаго орла тяжце пораженны.
 Егда христианска веры добр ревнитель
 Царь Петр Алексеевич, славны победитель,
 Царствуя отческими храбръственными следы,
 На весь свет ныне достигил победы.
 Як верховны Петр мечем Малху задал рану,
 Так царь Петр дал по уху турецкому салтану,
 Аки ухо десное от главы егова^a
 Усече, когда добыл города Азова.
 Где мяхOMETЯнскія чтяху алкораны,
 Тамо Христа бога чтят ныне христианы.
 Роги лунныя долу повергше безчестно,
 Вознесе рог^b христианск — знамение крестно.
 Не токмо же в Азове, токмо и на море
 Храбрость російска царя показася вскоре,
 Егда грады турецкия, страхом убежденны,
 Поддавахуся царю, без меча плененны.
 От него же отвергши турков, як уметы,
 В славе божьей на церкви претворил мечеты.

³⁹ См.: История русской литературы, т. III, ч. 1, стр. 143

^a Так в ркп.

^b Так в ркп.

В. П. ЗУБОВ

Литературный памятник итальянского Возрождения в русском переводе конца XVII в.

В собрании Ф. А. Толстого, находящемся в настоящее время в ГПБ, имеется рукопись, озаглавленная: «Улиссеса Алдрованда философа и медика Бононийского о четвероножных перстных книга первая». ¹ Как уже было указано акад. А. И. Соболевским, ² это перевод книги итальянского естествоиспытателя и медика Улисса Альдрованди (1522—1607), носящей в оригинале заглавие «Ulyssis Aldrovandi De quadrupedibus digitatis viviparis libri tres et de quadrupedibus digitatis oviparis libri duo» (Bononiae, 1637). ³

А. И. Соболевский отнес рукопись к началу XVIII в. Она была приобретена Ф. А. Толстым после 1812 г., ранее принадлежала Д. М. Голицыну (1665—1737) и находилась в его библиотеке в с. Архангельском. ⁴ После смерти Голицына в Шлиссельбургской крепости ⁵ его конфискованная библиотека частично поступила в Академию наук (рукописи и книги, признанные наиболее ценными); другая часть была передана в Синод. ⁶ Некоторые книги хранились у сына владельца, А. Д. Голицына, — они-то и вошли позднее в собрание Толстого. ⁷

¹ Шифр: F. V. 4. Рукопись на 69 листах имеет ex libris «Из библиотеки графа Ф. А. Толстова. Отдел 1, № 338». Ср.: К. Калайдович и П. Строев. обстоятельное описание славянорусских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке. . . гр. Ф. А. Толстова. М., 1825, стр. 710.

² А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903 (СОЛЯС, т. 74), стр. 48.

³ Указанный посмертный труд Альдрованди был подготовлен к печати медиком Бартоломео Амброзини (Bartholomaeus Ambrosinus, ум. 1657), профессором ботаники в Болонском университете.

⁴ По лл. 1, 9, 24, 33 идет надпись: «Князя — Дмитрия — Михайловича — Голицына», которая повторяется на лл. 41, 49, 55 и 61, а на л. 68 значится: «К. Д. М. Голицына».

⁵ Биографические сведения о Д. М. Голицыне см. в книге: Н. Н. Голицына. Род князей Голицыных, т. I. СПб., 1892, стр. XIII—XIV и 125. В 1686 г. он был комнатным стольником царевича Петра, в 1694 г. — капитаном Преображенского полка; в 1697 г. Петр отправил его учиться в Венецию, в 1700—1702 гг. он состоял русским посланником в Константинополе.

⁶ См.: Материалы для истории Академии наук, т. IV. СПб., 1887. Здесь, на стр. 178—190, приведен «Реестр книгам, взятым из дому б. князя Д. Голицына» (1739). Под №№ 154 и 156 (стр. 184) значится: «Улесса Алдрованда описание о лве» и «Другая такая ж набело переписано». Из последующей переписки видно, что книги решено было передать в Академию, а «буде оныя в тое академию не потребны будут. . . учинить от той академии, для продажи в народ, оценку» (стр. 309). Еще позднее (4 марта 1740 г.) упоминается о решении отослать книги в Синод, за исключением книг, передаваемых в Академию и включенных в особый реестр (стр. 340). В этом реестре (стр. 402—404) рукописи перевода Альдрованди уже не значатся.

⁷ Ср.: В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 2. Киев, 1892, стр. 1081. Надо полагать, что перевод Альдрованди, позднее проданный Тол-

Латинский оригинал снабжен многочисленными гравюрами, изображающими животных. Русский текст не имеет рисунков, для которых, однако, в рукописи оставлено место⁸

Язык рукописи охарактеризован А. И. Соболевским так «сначала церковно-славянский, плохой и темный (благодаря буквальности перевода), потом, русский, с церковно-славянизмами, более ясный». Действительно, перевод был выполнен еще в соответствии с древнерусскими традициями, которые несколько позднее вызвали резкую реакцию со стороны Петра I. В 1709 г. он писал «Не надлежит речь от речи хрानить в переводе, но точию сенс выразумев, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть»⁹. Что перевод Альдрованди хранил «речь от речи», видно уже из сопоставления начальных строк текста. Такое же следование слово за словом можно наблюдать и на последних страницах, текст которых А. И. Соболевский признал более ясным¹⁰.

Некоторые слова вызвали затруднение у переводчика, и он делал пропуски, кое-где заполнявшиеся несколько позднее. Так, на л. 7 перевод довольно вычурного грецизма «in theriotrophio» вписан другими чернилами «в зверопитательнице». На л. 7 об. такое же затруднение представило термин «anatomia» («художество анатомическое»). Подчас после подобных колебаний переводчик приходил к неверной передаче термина. Например, «musculi temporales» (височные мышцы) он передал «мышцы временные» (л. 7 об.). Кое-где встречаются и отдельные зачеркнутые слова «oculi charori» сначала было переведено как «приятные», а потом как «миловидные глаза» (л. 7) и т. п. Все это показывает, что перед нами не вполне окончательный беловой текст (но и не исходный черновой)¹¹.

Остался незаконченным и перевод в целом. Из всего произведения Альдрованди была переведена только глава 1 книги 1 «О льве». Нет сомнения, что задуман был перевод всего произведения. Это видно хотя бы из того, что наряду с указанной главой переведено и небольшое введение, излагающее план всей книги. Да и заинтересовать могла голько вся книга, в особенности своими иллюстрациями, изображающими самых различных животных, не только таких экзотических, как тигр, гиппопотам, африканская ласка, бразильский броненосец, крокодил, хамелеон и т. п., но и животных, представляющих непосредственный интерес в хозяйственном отношении. Описания различных пород собак, пушных зверей и т. п. могли иметь и практическую ценность — по крайней мере заказчик мог надеяться на это, поручая сделать перевод.

Что касается переведенной части, то, разумеется, она такого значения иметь не могла и, может быть, принесла заказчику некоторое разочарование, если он ждал от книги лишь узкопрактической пользы. Дело в том, что Альдрованди трактовал о животных не только (и даже не столько) как зоолог, сколько как типичный энциклопедист эпохи Возрождения, сочетая сведения зоологические с филологическими и культурно-историческими. Достаточно было взглянуть на разделы первой переведенной главы. Она

стому был возвращен А. Д. Голицыну из состава конфискованной библиотеки если только не допустить что существовал еще третий список этого перевода.

⁸ Так на л. 7 имеется лишь подпись «Львиды начертание». В оригинале в соответствующем месте помещена гравюра с подписью «Leaenae Icon ex zographia Musaei olim auctoris nunc illustrissimi senatus Bononiensis». Коллекции Альдрованди, переданные после его смерти в собственность города Болоньи, в настоящее время хранятся в Болонском геологическом музее им. Джованни Капеллини.

⁹ Письма и бумаги имп. Петра Великого т. IX. М.—Л. 1950, стр. 106.

¹⁰ Ср. ниже цитату приводимую на стр. 434.

¹¹ По-видимому, это экземпляр, переписанный набело о котором упоминалось в реестре 1739 г. (см. выше, стр. 431).

начинается с обзора омонимов (aequivosa — «равногласная»), где, например, указывается, что «лев» — название не только животного, но и знака зодиака, растения, особого вида пушки¹² и т. д. и т. д. В частности, отмечено, что «лев зеленой во училищи алхимистов [in schola alchimarum] некогда [aliquando] знаменует стекло, яко пишет Мерколин...».¹³

После такого рода филологических справок идет описание внешнего вида льва, его анатомии («рассечения»), его нрава, «голоса», «пищи», способов охоты на него (capiendi ratio — «умение ловли»), далее — перечисление эпитетов («прилагательных»), встречающихся у античных поэтов, в частности у Гомера и Гесиода, перечень символических и аллегорических значений льва,¹⁴ обзор изображений льва на монетах («деньгах»), в геральдике («знаки родословные и воинские»), описание скульптурных произведений (simulacra, statuae — «идолы и болваны»), изложение мифов (fabulosa — «баснословная»), выяснение вопросов, «которым богом лвы священы быша», далее «апологи», «притчи» (proverbia), «краткословия» (apophthegmata), «предлоги» (problemata), «подобия» (aenigmata), «уроды» (monstra) и, наконец, целый ряд разделов, посвященных употреблению (usus) в пищу, в «лѣкарстве» (in medicina), «на потехах» (in deliciis), «на играх и победительствах» (in ludis et triumphis), в «казнях» (in suppliciis), в «суетных поганских жертвах и присягах» (in vanis ethnicoغو sacrifiicii et iuramentis), в «ловли и в войне» (in venatione et in bello), «употреблению кожи» (usus pellis) и — последний раздел — «употреблению в различных» (usus in variis).¹⁵

Таким образом, в «мехи ветхие» дословного перевода, сделанного в соответствии с вековыми традициями, предстояло влить «вино новое» гуманистической культуры Ренессанса. Посмотрим, как зазвучали на русском языке описания некоторых памятников Рима (л. 56):

«Неисчетны суть различны в Риме, перво ж у дверей святого Иоанна¹⁶ два изрядны истуканы мраморовы, на торгу у костела, иже от круга имя иметь,¹⁷ яко повествует Алоисия,¹⁸ поставлены суть велики два лва от камени мрамора цвету серолазорева.¹⁹ Та же во многих римских полатах²⁰ и домом разоренным²¹ лвовы истуканы остана. Видели в палате Савеллов²² дску мраморну, на ней же лев, с трема вооруженными мужами биясь, изваян бе.²³ В вертограде Кесиев²⁴ зрится лсв мраморный, его же корень²⁵ сие имать написание: «Безвредна крепость»; идеже и еще два

¹² «Лев пушки имя, яко имеем к тому о войне Камбойской [de bello Cambaico] вегда изобретатель [auctor] пишет сия словеса; две пушки привлек: се есть василиска и льва» (л. 4).

¹³ В тексте оригинала на полях: «In libro de lapide philosophorum».

¹⁴ «Таинственна и иноразумительна» (mystica et allegorica), «вежественная» (moralia), «святоначертания» (hieroglyphica), «изложения, символы, надгробная» (emblemata, symbola, epitaphia) и т. д.

¹⁵ В приведенном обзоре не дано полного перечня заголовков, выделены лишь наиболее существенные и типические.

¹⁶ В оригинале: «ad valvas D. Ioannis Laterani».

¹⁷ «In foro ante templum quod a rotunditate nomen sortitur».

¹⁸ В оригинале: «Aloysius Contarenus», т. е. «Алоизио (Луиджи) Контарини», автор описания римских древностей (L'antiquità, sito, chiese, corpi santi, reliquie e statue di Roma. . . , Неаполь, 1569 и 1678; под заглавием «L'antiquità di Roma» — Венеция, 1575).

¹⁹ В оригинале: «coloris inter leucophaeum et rubrum medii» — «цвета среднего между белым и красным (т. е. розового)».

²⁰ «... in multis Romanorum palatiis».

²¹ Неправильно поняты слова оригинала: «et domibus etiam privatis».

²² «in palatio Sabellorum».

²³ Пропущено «ex Lydio lapide», т. е. «кремнистого сланца».

²⁴ «in viridario Caesiorum», т. е. «в садах Чези».

²⁵ «basis» — «пьедестал».

два подставлены стоят Кесиев знамения родословная храняще. В винице древле кардиналов от различна мрамора лев поставлен.²⁶ В доме Бернардина Алберта на дороге Юлиацкой видеком великого льва, который отверстыми усты зияет на коня, яко хотя снести».²⁷

Или вот как описаны (л. 68 об.) со ссылкой на «Киакона»²⁸ рельефы на колонне Траяна: «... все знаменщики, хотя и пешие, имели шлемы лвовыми кожами одяны и в вящее неприятеля устрашение гривы на шеях и на плечах просторно висящы».²⁹

Из многочисленных ссылок на античных авторов достаточно привести лишь некоторые. «Поведает Гомер, повторяет Вергилий, подтверждает Овидий, Протеа бывша человека, иже тысящы животных и прочих вещей образы одеваша, ибо овогда древо, овогда вебрь, овогда гривастый лев являшеся по оному: „Овогда бо змий, овогда свинна, овогда бывает дивиа львица“».³⁰

В книге цитируются Лукреций,³¹ Вергилий,³² Овидий,³³ Марциал.³⁴ Некоторые цитаты, имеющиеся в оригинале, в переводе опущены. Из при-

²⁶ Дальше пропуск по сравнению с оригиналом: опущены некоторые другие памятники.

²⁷ «Domi Bernardini Albertii in via Julia observavimus statuam magni leonis, qui aperto ore hiat in equum quasi illum devoraturus».

²⁸ Т. е. многократно переиздававшуюся книгу испанского ученого Альфонса Чакона (Chacon или Ciaconius, 1540—1599), жившего в Италии: *Historia utriusque belli Dacici a Trajano Caesare gesti, ex simulacris quae in columna ejusdem Romae visuntur collecta. Romae, 1556.*

²⁹ «... omnes signiferos, quamvis pedites, habuisse galeas leoninis pellibus tectas et ad maiorem hostium terrorem iubas supra collum et humeros profuse pendentes». Таким образом, и на последних страницах — такое же строгое хранение «речи от речи», как и в начале.

³⁰ Л. 57; ср.: Одиссея, IV, 456—457.

³¹ Например, на л. 11:

Но теплого болши есть в жестокосердечных.
Коиm родом в первых есть сила наслуема львов.

Ср.: Лукреций, III, 294 и 296:

Sed calidi plus in illis, quibus acria corda...
Quo genere in primis vis est violenta Leonum.

В переводе Ф. А. Петровского:

Больше горячности в тех, у кого необуздано сердце...
Прежде всего, это свойственно львам, на насиле падким.

Или на л. 63 об. о Химере: «Перва часть льва, задня змиева, средняя сама Химера». Ср. Лукреций, V, 905: «Prima Leo, postrema Draco, media ipsa Chimaera».

³² На л. 15 об.: «Бесстрашен лбит нануски, рычет устыи кровавыми». Ср. Вергилий, Энеида, XII, 8: «Impravidus frangit telum, fremit ore cruento».

³³ На л. 13: «Довольно есть льву великодушному, что тело прострел». Ср. Овидий, Метаморфозы: «Coproga magnanimo satis est prostrasse leoni». Или на л. 9 об.: «Не инако, яко на него от рода ливийска львы находят». Ср. Овидий, Фасты, II, 209: «Non aliter quam cum Lybica de gente leones» (в новейших изданиях вместо «de gente» читается «de iure»).

³⁴ На л. 8: «О колика честь шеи, когда золатая грива». Ср. Марциал. VIII, 55, 9—10 (по современному чтению):

O quantum per colla decus, quem sparsit honorem,
Aurea lunatae, cum stetit, umbra iubae.

(варианты у Альдрованди: spargit, lanatae, unda). Приведем еще параллельные тексты с л. 24 перевода и стр. 19 оригинала:

Уязвил неблагодарными усты лев наставника,
Держав толь знатныи руки оскернити,
Но достойно за такову вину прият наказание,
Который не терпел бисния, язвы терпел.
Laeserat ingrato leo perfidus magistrum
Ausus tam notas contemperate manus,
Sed dignas tanto persolvit crimine poenas,
Et qui non tulerat verbera, tela tulit
(Mart., Epigr. I, 10. 1—4).

меров, приведенных в сносках, можно видеть, что в стихотворных цитатах переводчик не всегда придерживался дословной передачи оригинала, отступив, следовательно, от общих принципов своего перевода.

Цитируются и новые авторы: Джованни Боккачо («Иоанн Воккас») и его книга о славных женщинах (л. 4 об.), в целом ряде мест — поэма Барджео (Пьеро дельи Анджели, 1517—1596) под заглавием «*Synegeticon*», эпиграмма Томаса Мора (л. 24) и т. д. Упоминается столь характерная для XVI в. «Натуральная магия» Джамбаттисты Порты (1538—1615), представлявшая странное и причудливое смешение фантастических рецептов и естественно-научных сведений.³⁵

Все эти «цветы Ренессанса» были сравнительно новы для русской почвы.³⁶ Но наряду с тем в обширной цитируемой Альдрованди литературе были и произведения, более созвучные тематике древнерусской книжности. Так, в разделе «Предлоги» («*Problemata*») читатель мог найти курьезные естественно-научные вопросы (л. 61 об.—62), сходные с теми, которые встречаются в псевдоаристотелевских «*Проблемата*», столь широко распространенных на Руси в XVII в.³⁷ Точно так же изречения, в разделе «*Arorhthegmata*» («Краткословие», л. 61), напоминали более ранние сборники изречений — хотя бы «Пчелу» и «Апофегмата». Например: «Диоген философ вопрошен: кои суть всего мира пуши звери? Отвеще-ваше: львы в лесех, медведи на горах, вепры во юдолах и лихоимцы во градах».

Вопросы эмблематики и символики, затрагиваемые в книге Альдрованди, явно перекликались с гораздо более ранней литературой, основанной на «*Физиологе*». Но, в отличие от церковно-назидательной струи древнерусских bestiaries, здесь гораздо сильнее чувствовались новые светские веяния гуманистической культуры Ренессанса. Заметим кстати: если первые строки книги были посвящены классификации земных животных согласно «святым писаниям», что могло вполне успокоить ревнителя старинного благочестия, то вслед за тем тотчас же приводились другие классификации, начиная с Платона и Аристотеля и кончая собственной автора.³⁸

Наконец, как не вспомнить — наряду с литературной — о древнерусской живописной традиции в изображении льва и других животных. К сожалению, эта тема «иконографии животных» еще мало привлекала внимание искусствоведов и литературоведов. А между тем интересно было бы проследить длинный путь эволюции подобных изображений, начиная с иконописи (лев евангелиста Марка, борьба Самсона со львом) и сказочных повествований «*Физиолога*» через миниатюры лицевых рукописей и «Азбуковники» до позднейшей эмблематики и аллегорике Петровского

³⁵ «Паче ко отгнанию боязни никакого лекарства у Порты совершеннейшего несть, яко кожа львова, который в „Волховании естественном“ писа радети, да удоб страшинся кожу или глаз львов с собою носить и тем великодушество получают» (л. 69 об.). Словом «великодушество» передан термин «*animositas*».

³⁶ Напомним, что к концу XVII—началу XVIII в. относится список прозаического перевода «*Метаморфоз*» Овидия, сделанный с польского (А. И. Соболевский). Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 183).

³⁷ Ср.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 155—157. В XVII в. было сделано (с польского) два перевода этого произведения.

³⁸ Альдрованди (ср. л. 1—1 об. перевода) делил четвероногих на живородящих («живородных» — *vivipagi*) и яйцекладущих («родящих яйца» — *ovipagi*), а первых в свою очередь на три больших класса: «единокопытных» (*solipedes*), «двоекотопных» (*bisulci*) и «многоперстных» (*digitati*). Последние составляют предмет интересующей нас книги (наряду с *ovipagi*) и подразделены у Альдрованди на животных «свирепых» (*fera*), «полусвирепых» (*semifera*) и «домашних» (*domestica*).

времени, нашедшей свое выражение и в памятниках искусства, и в памятниках литературы (триумфальные арки, щиты с символическими картинами, уподобления в речах проповедников и т. п.). Перевод книги Альдрованди стоит на рубеже двух эпох и в этом отношении особенно интересен.

Напомним также, что уже в XVI в. москвичи могли видеть живых львов,³⁹ а во второй половине XVII в. львы жили в Измайловском зверинце.⁴⁰

Пожалуй, еще более интересно, что в 1673 г. часовой мастер Петр Высотцкий устроил в Коломенском дворце трон со львами, которые приводились в движение особым механизмом и рычали как живые.⁴¹ «Живоподобие» этих львов красочно описал Симеон Полоцкий в следующих стихах:

Дом Соломонов тым славен без меры,
яко ваанны име в себе зверы.
И zde суть мнози, к тому и рыкают,
яко живии лви, глас испушают.
Очеса движут, зияют устами,
видится хошут ходити ногами.
Страх приступити, тако устроени,
аки живии лви суть посаженни.⁴²

Д. В. Айналов вслед за И. Е. Забелиным поставил этих коломенских львов в параллель с византийскими: «Невольно и сразу вспоминаешь Соломонов трон, сделанный для царя Феофила механиком Львом, стоявший в великокняжеской палате Магнавре в Царьграде и называвшийся Соломоновым, так как был сделан наподобие описанного в библии трона иудейского царя... Этот золотой трон был украшен изображениями зверей и львов, которые в надлежащих случаях могли подниматься на своих местах, а львы могли рычать (*βρυάσθαι*)».⁴³

Но нас в данном случае интересует не столько предыстория подобных автоматов, сколько тот факт, что от перевода сочинения Альдрованди о льве

³⁹ «Английский король Филипп и королева Мария в 1556 г. прислали в дар льва с львицей и львенком. Место, где содержались как эти львы, так и присланные после из Персии, называлось львиным двором, который пригорожен был к стенам Китай-города — во рву, отчего и смежные с этим местом городские ворота назывались Львиными, теперь Воскресенскими» (А. П. Богданов. Очерк истории зоологических садов. — Журнал Министерства государственных имуществ, 1863, май, стр. 48).

⁴⁰ «В селе Измайлове на западной стороне от дворца, при царях Алексии и Феодоре II, существовал зверинец самый известный и наиболее долго существовавший. Там содержали волков, медведей, лисиц, дикобразов, лошаков, львов, тигров, барсов, рысей, соболей и т. д.» (А. П. Богданов, Очерк истории зоологических садов..., стр. 49).

⁴¹ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей, т. I, изд. 3-е. М., стр. 200—201. В 1681 г. в связи с починкой этих львов упоминается находившийся в особом чулане «стан, где стоять мехом для львова рыканья» (там же, стр. 451). В начале XVIII в. львы, уже поломанные, хранились в подклетной кладовой дворца (стр. 201), а в документе 1742 г. (стр. 475) упоминаются «четыре туловища львовых медные, ломаные, весу в них 4 пуда 5 фунтов».

⁴² См.: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953, стр. 104 («Приветство великому государю Алексею Михайловичу о вселении его в дом в селе Коломенском»). Попутно укажем, что в «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого имеется стихотворение «Лев» — пересказ античной легенды об Андрокле, приводимой у Авла Геллия и Элиана.

⁴³ Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. V. Коломенский дворец. — ИОРЯС, т. XVIII (1913), кн. 3, стр. 117. О византийских автоматах см. специальную статью: G. Brett. The automata in the byzantine «trone of Solomon». — Speculum, v. 29 (1954), № 3, стр. 477—487. О тронах, украшенных львами и грифами, в России в XVI—XVII вв. ср. у Д. В. Айналова в только что указанной статье (стр. 112—113); о сведениях в наших хронографах, относящихся к византийскому трону Феофила: И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей, т. I, стр. 195.

протягиваются нити и к трону Коломенского дворца, и к Измайловскому зверинцу.

Т. И. Райнов⁴⁴ правильно поставил перевод Альдрованди в один ряд с переводами других произведений «возрожденческой» литературы, выполненными на Руси в середине и второй половине XVII в., — с такими, как «Анатомия» Везалия и «Селенография» Гевелия. Списков «Анатомии» до нас, как известно, не дошло. Что же касается «Селенографии», то ее перевод может быть отнесен к 1672—1682 гг.⁴⁵ Из предисловия переводчика явствует, что он был выполнен по «велению пресветлому монаршескому»;⁴⁶ остается неясным — Алексея Михайловича или Федора Алексеевича. Во всяком случае известно, что после смерти последнего в 1682 г. «Селенография» в числе других книг была взята окольным чиним Т. Н. Стрешневым в «хоромы» юного Петра. Интересно, что экземпляр «Селенографии» значится наряду с переводом книги Альдрованди в описи библиотеки Д. М. Голицына, составленной в 1739 г.⁴⁷ Невозможно решить, был ли это латинский оригинал или русский перевод, и не тот ли это самый экземпляр, который ранее находился в «хоромах» Петра. Одно несомненно: экземпляры перевода книги Альдрованди (и черновой, и белой) принадлежали лицу, близкому к Петру, так же как «Селенография», перевод которой тоже вышел из кругов, близких к царю.⁴⁸

Итак, многое (и язык, и только что приведенные факты) говорит о том, что перевод книги Альдрованди был сделан в последние десятилетия XVII в.

⁴⁴ Т. И. Райнов. Наука в России XI—XVII веков. М.—Л., 1940, стр. 352—353.

⁴⁵ Указание М. В. Щепкиной, приводимое в статье С. Л. Соболя «Оптические инструменты и сведения о них в допетровской Руси» (Труды Института истории естествознания АН СССР, т. III. М.—Л., 1949, стр. 160).

⁴⁶ С. Л. Соболев. Оптические инструменты. . . , стр. 160.

⁴⁷ Под № 87: «Ивана Гевелия лунное описание и о прочих вещах астрономических» (Материалы для истории Академии Наук, т. IV. СПб., 1887, стр. 181). Только что приведенная строчка не совпадает в точности ни с латинским заголовком, ни с заглавием русского перевода.

⁴⁸ Имеются данные (см.: В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 2, стр. 1078), что во время своего губернаторства в Киеве (1708—1721) Д. М. Голицын заказывал переводы новых книг — «исторических, экономических, литературных, философских». Однако мало вероятно, чтобы перевод Альдрованди относился к этому времени, — иначе в нем было бы больше украинизмов и самый стиль не был бы столь архаичным. Вероятнее, что перевод был сделан раньше, ибо, как отмечает В. С. Иконников, Голицын «собирал существовавшие прежде переводы как по этим наукам, так и по другим отраслям знания».

П. Н. ПОПОВ

Повесть о «крестьянском сыне» — «напрасном тате» по Киевскому списку XVIII столетия

Кроме литературы, создаваемой представителями господствовавших классов, в России XVII—XVIII столетий существовала литература социальных низов: крестьян, ремесленников, мелких служащих, солдат и т. п. Представители низших слоев общества выступали в литературе XVII—XVIII вв. не только как объекты изображения и сочувствия, но и как создатели новой демократической литературы. Эта литература все более развивалась наряду с близким ей устным народно-поэтическим творчеством.

Памятники такой литературы немногочисленны, редки. Это отчасти объясняется пренебрежением, в котором находилась эта литература у представителей буржуазного литературоведения. Лишь в советское время, благодаря трудам В. П. Адриановой-Перетц, В. Ф. Ржиги и др., крестьянской и иной демократической по характеру и происхождению литературе уделяется надлежащее внимание.

Среди произведений, созданных в России представителями непривилегированных классов, находится небольшая, яркая Повесть о «крестьянском сыне». Герой повести — «крестьянский сын», недоучившийся в школе, пользуется своим знанием церковных текстов для того, чтобы обокрасть клеть богатого, но недалекого крестьянина, принявшего «благочестивого» вора за ангела.

Впервые текст этой Повести стал известен в 1903 г. по списку конца XVIII столетия (1792 г.). Он был опубликован В. И. Срезневским в извлечении из сборника, переданного А. Автономовым в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук.¹

В 1914 г. Повесть была издана А. В. Марковым как «неизвестная в других рукописях» по более раннему списку — второй четверти XVIII в. в извлечении из рукописного сборника собрания Н. Тихонравова № 361. Происхождение Повести А. В. Марков относит к XVII столетию без аргументации этого утверждения.²

В 1948 г. В. И. Малышев издал третий список Повести по рукописи 1728 г. из собрания В. Ф. Груздева.³

¹ В. И. Срезневский. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп. Академии Наук в 1902 году. СПб., 1903, стр. 42—43 (описание сборника), 106—107 (текст Повести)

² Памятники старой русской литературы, издаваемые под редакцией и с примечаниями А. В. Маркова. — Известия Тифлиссских высших женских курсов, кн. I, в. 1. Тифлис, 1914, стр. 153—156.

³ В. И. Малышев. Коллекция славяно-русских рукописей В. Ф. Груздева. — Ученые записки Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 67. Кафедра русской литературы, Л., 1948, стр. 265—269.

В своем труде «Русская демократическая сатира XVII века» (в серии «Литературные памятники») В. П. Адрианова-Перетц переиздала текст Повести по двум ее разновидностям, уже опубликованным ранее А. В. Марковым и В. И. Срезневским.⁴

В этой работе В. П. Адриановой-Перетц дано краткое исследование памятника: подтверждено его происхождение в XVII столетии, отмечено отражение в Повести социального расслоения крестьянства, подчеркнута ее сатирическая направленность против зажиточного крестьянства и пародийное в антиклерикальном духе применение церковных изречений.

Этот комментарий В. П. Адриановой-Перетц до сих пор является, по существу, единственным опытом исследования памятника, если не считать замечаний (тоже кратких) об идейном содержании и литературной форме Повести в главе II «Сатирическая литература» того же автора в «Истории русской литературы» АН СССР.⁵

Изданными тремя текстами известные в настоящее время списки Повести о «крестьянском сыне» не исчерпываются.

В мае 1931 г. автору настоящего сообщения удалось впервые обнаружить в Житомирском музее весьма ценный рукописный сборник первых десятилетий XVIII в.,⁶ содержащий ряд памятников демократической литературы XVII—XVIII вв., в том числе «Слово о напрасном тате», т. е. Повесть о «крестьянском сыне», список «Сказания о куре и лисице», позднее использованный В. П. Адриановой-Перетц в ее исследовании об этом памятнике,⁷ а также неизвестную до того времени и позднее изданную нами драму Петровской эпохи «Иудифь».

Житомирский сборник, содержащий один из списков «Повести о крестьянском сыне», позднее был передан в Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки УССР (она же Библиотека Академии наук УССР) и ныне там хранится под шифром I. 4011. Этот список доселе оставался неизданным.

В упомянутой выше статье В. И. Малышева и в «Библиографии древнерусской повести» А. А. Назаревского⁸ сообщено еще о трех неизвестных списках интересующей нас Повести: из собрания Забелина № 536 в ГИМе, из собрания Музея истории религии и из собрания В. Н. Перетца в ИРЛИ.

Все эти три списка относятся к сравнительно позднему времени — к концу XVIII в.

Произведенные нами наблюдения над составом и характером разных списков Повести о «крестьянском сыне» показывают, что ни один из них точно не повторяет другого, что все они содержат разное — то большее, то меньшее — количество эпизодов. Текст Повести, восходящей в основном к одному первоисточнику, пересказывается во всех списках более или менее по-разному, творчески, со свободой, почти равной фольклорным пересказам.

⁴ Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии чл.-корр. АН СССР В. А. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 110—113 (Тексты), 213—214 (Текстологический комментарий), 277—279 (Историко-литературный и реальный комментарий).

⁵ История русской литературы, т. II, ч. 2. Литература 1590—1690-х годов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 200—201.

⁶ Подробное описание этой замечательной рукописи см. в нашей работе: «Неизвестная драма Петровской эпохи „Иудифь“» (ТОДРА, т. III. М.—Л., 1936, стр. 195—200).

⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 165 и др. (Глава V. «Повесть о куре и лисице»).

⁸ Библиография древнерусской повести. Составил А. А. Назаревский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 152.

Это обстоятельство делает необходимым для исследования Повести предварительно издать ее полностью по всем шести известным спискам. В первую очередь это относится к Киево-Житомирскому списку, который имеет преимущество перед другими и своей относительной полнотой, и своим более ранним происхождением — во втором или третьем десятилетии XVIII в. В отношении древности с этим списком может спорить лишь только изданный В. И. Малышевым Груздевский список 1728 г.

В настоящей статье мы ограничимся лишь изданием текста Повести о «крестьянском сыне» по Киево-Житомирскому списку с оригинальным заглавием: «Слово о напрасном тате».

При издании сохраняем все языковые особенности текста. Для удобства публикации Повести и чтения ее современным читателем не передаем всех особенностей орфографии подлинника, заменяя ее современной. Вводим от себя насколько добавочных членений текста на абзацы с целью облегчить читателям ориентировку в содержании и композиции Повести по издаваемому списку.

Слово о напрасном тате

Бысть некогда крестьянский сын, учал учиться грамоте, и учитель его учал бити болечно, поднимая на козел. И он себе почал размышлять: стать мне учиться — ино мне дати могорец, а взять негде, а се бьють болечно, стану себе красти, ввечеру украду, а поутру продам — ино мне денешка скорее будет.

И узнал богата человека, и пришел в нощи к воротам ево, и ударил посохом в ворота, и учал говорити: «Отверзетеса хлеби (так!) небесныя, а мне врата христианския». И стали на него псы лаяти, а он учал говорити: «Отступите от мене вси творящи беззаконие». И стал приниматися за угол крестьянския клети и учал говорити: «Принялся Фома за ребро Христово, а я за угол крестьянскоя клети». И зашел на клеть и учал говорити: «Взыде (л. 84 об.) Моисей на гору Фаворскую, а я на клеть крестьянскую». И стал кровлю ломати и учал говорити: «Пропный небо яко кожу, а я клеть, крестьянскую кровлю». И стал спущатися в клеть по веревке, а сам говорит: «Сниде Иона во чрево китово, а я вшел в клеть крестьянскую».

И услышала жена в клетке той и учала говорити мужу своему: «Восстани с постели своя, тать у нас ходит в клетке». И муж ей противу отвещает: «Архангел господень пришел к нам, посетити нас хочет божественною благодатию и все божественное глаголет».

И тать усмотрил кнутик на спице виситися, и учал говорити: «Господи, страха твоего боюся, а зло творя не престаю». И сволок со крестьянина шубу да на себя стал оболокати и учал говорити: «Одеяся светом яко ризою, а я шубою крестьянскою».

И паки жена глаголет мужу своему: «Тать у нас ходит в клетке. Толко бы не тать ходил, и он бы с нас шубы (л. 85) не снял». И крестьянин воста с ложа своего и взял дрот во обе руки и окрестил татя по лбу. Тать же прогласи, глаголя: «Окропишися (так!) исопом и очищуся, омыеши мя, и паче снега убелюся».

И крестьянин учал говорить жене своей: «О злая жена и злое оружие, подобна сети и неверной еретице еси, греха мя доставила, архангела господня убил. Но паки возляжем на одр свой и уснем».

Тать же походи тихо по клетке той и обрете ядь в клетке той и учал вкушати, а сам стал говорити: «Тело христово примите, источника безсмертнаго вкусите». И узрев близ того ж места оловянный спитой и улил

пива в чашу да испил, а сам учал говорити: «Чашу спасения приму и имя господне призову». После сего узрел сапоги крестьянина красные и обул их на ноги свои и учал говорити: «Обуваецца раб божий в сандалия, а я в сапоги крестьянския». И по сем узрел рукомыльник и умыл (л. 85 об.) руки и в ту пору прогласи глаголя: «Умыю в неповинных руде мои и обыду всю клятву твою, и обыду до чиста».

И усмотрел под кровать ларец да и поволок к себе. Крестьянин возбуну от сна своего и послушал на одре своем, пошевелился. И в ту пору тать ларец покинул да учал говорити: «Твоя от твоих к тебе приносяще и от всех и во вся».

И тать отворил дверь и пригласил товарищев своих, глаголя: «Приступите ко мне, просветитесь и лица ваша не постыдятца». И в ту пору приступиша к нему товарищи его, а тать взял ларец и отдал товарищем своим, и потом все имение крестьянское очистил начисто.

И хотел из двора изыти и обрете под клетью корову буру, он же взял ея за рога и глаголя ей: «Радуйся, обрадованная, господь с тобою, а ты, бура корова, со мною». И учал говорити: «Сегодни тебя Власей великий звал хлеба ясти».

Пришед с нею к воротам, и у ворот лежат два барана рогаты (л. 86) и тех баранов сцепил рогами вместо и перекинул через корову и сам говорит стоячи: «От тебе, корова, петровский крест», да и повел корову из двора з баранами. И в ту пору бычек промычал, жалеючи об матери своей, и тать бычку стал говорити: «Тебя Власей великий звал хлеба ж ясти сего ж дни». И тово взял из двора. Пошли чисты и непорочны.

Крестьянин поутру встав от ложа своего да поусмотрел в клетке своей и почал говорить жене своей: «Жена моя, доброго к нам послал господь архангела, приходил и до нага очистил нас. И то от тебя есть, злая жена, погибель нам, велела — послушал и окрестил по лбу, а он на нас прогневался, на мих нас окрестил и очистил до чиста» — от мудрые жены безумному мужу, понсже безумные ни орют, ни сиют, ни куют, но сами ся родят от глупых отцов да от безумных матерей.

С. Ф. ЕЛЕОНСКИЙ

Повесть о царе Соломоне в фольклорной переработке XVIII в.

Среди наиболее распространенных произведений русской старинной письменности, близких к устному народному творчеству, особое место занимают повести о царе Соломоне, мотивы которых отразились в самых различных жанрах фольклора: в былинах, побывальщинах, духовных стихах, сказках, легендах, заговорах, загадках, а также в сценах народного театра.

Исследованию сказаний о Соломоне были посвящены работы многих дореволюционных ученых, в том числе виднейших, но основной задачей изучения было выяснение международной судьбы «Соломоновского предания» и определение его первоисточника. Поэтому из русских повестей и легенд привлекались к исследованию в первую очередь древние по своему типу, традиционные версии, а позднейшие, книжно-фольклорные пересказы рассматривались как искаженные и затемнявшие первоначальное содержание этих версий. Вопрос же об истории повести о Соломоне на русской почве в русской рукописной литературе и устной словесности разрабатывался недостаточно.

Путь, пройденный повестью от ее первоначальных редакций до позднейших, народных вариантов, представляется не вполне ясным. Многочисленные рукописные тексты XVII—XVIII вв., не исключая давно уже приведенных в известность, до сих пор остаются большей частью неизданными и неисследованными. Сравнительное изучение их показало бы, как постепенно «опрощалось» книжное сказание, приспособляясь к русской бытовой обстановке, усваивая фольклорные мотивы или само переходя в устное бытование.

А. И. Яцимирский в «Мелких текстах и заметках по старинной славянской и русской литературам» издал один список такого «обнародованного» характера. Это — «Повесть о царе Соломоне и о царе Контоврасе» по рукописи XVIII в. из собрания П. И. Щукина (№ 252). Она, по словам издателя, «не имеет значения для истории текста; она может быть характерна только для истории перехода одной из наиболее популярных в старой письменности „басен и кощун“... в русскую лубочную литературу и народную сказку».¹

В этом отношении еще больший интерес представляет другой текст повести о царе Соломоне, помещенный в так называемом «Красном сборнике» ГИМа (из собрания М. И. Соколова, № 15, скоропись XVIII в.) и пока не опубликованный.

Указанный сборник старинных повестей, легенд и других статей уже не раз привлекал внимание исследователей литературы. На заседании

¹ ИОРЯС 1906, т. XI, кн. 2, стр. 304—308.

Славянской комиссии (26 марта 1898 г.) владеец рукописи проф. М. И. Соколов сделал доклад, посвященный описанию и характеристике памятника.²

Остановившись, в частности, на анализе повести о Соломоне, М. И. Соколов заметил, что она интересна «по своей полноте и народному стилю, представляя вместе с тем немало ценных вариантов как в мелких частностях, так и в целых эпизодах».

Выписками из этого же текста пользовался В. Ф. Миллер в статье «К былине о Соломоне и Василии Окуловиче».³

Текст повести о царе Соломоне в редакции «Красного сборника» можно считать «переходной ступенью» к устным пересказам, так же как опубликованный А. И. Яцимирским список из собрания Щукина, если согласиться с М. И. Соколовым, что открытый им текст явился своего рода связующим звеном между рукописной и фольклорной традицией не только сказочной, но и песенной.

Замечателен стиль повести о царе Соломоне в «Красном сборнике», обильно использующий изобразительные средства народной эпической речи (медлительность изложения, повторения, постоянные эпитеты, сравнения и пр.). Характерно в этом тексте самое построение фразы, с постоянными повторениями одного подлежащего в соседних предложениях: «Царь Давид взял на руки свои, царь Давид не узнал кузнецова сына. Речет царь Давид со слезами» (л. 116); «Царь Давид услышал от боярина Викчулы сущую правду, царь Давид боярина Викчулу послал изкати царевича Соломона, царь Давид сказал боярину Викчуле» (л. 123 об.).⁴ Встречается и многократное повторение одного сказуемого: «Велела мне тебя, царевича Соломона, вести х теплому морю, велела тебе предати и сердце ис тебя велела вынути и велела испечи сердце и принести к себе, а тело твое велела бросить в теплое море» (л. 113—113 об.).

Такая конструкция предложений, с нагромождением повторяющихся подлежащих или сказуемых, создает тот замедленный темп повествования, когда рассказчик не спешит со своим рассказом, а задерживает его, растягивает изложение, останавливая внимание на всех попутных моментах действия. Медлительный тон речи выражается и в той эпической обстоятельности, с которой излагаются совершающиеся события. Так, если герой пишет грамоту, то указывается в самых подробных выражениях, кто пишет, кому и откуда: «Царевич Соломон Давыдевич написал грамоту из Цепецкай⁵ земли ко отцу своему царю Давыду Ессеевичу» (л. 132). Если кто-нибудь обращается с речью, то точно отмечается, кто говорит и кому: «Речет царь Давид царевичу Соломону»; «Речет царица Вирсавия боярину Викчуле»; «Сказал боярин Викчула царевичу Соломону»; «Речет царевич Соломон боярину Викчуле».

² Труды Славянской комиссии Археологического общества, т. III. М., 1902, Протоколы, стр. 4—5.

³ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. III. М., 1924, стр. 174—202.

⁴ Свообразна орфография «Красного сборника»: в нем совершенно не употребляется буква «ять»; буквы «ъ» и «ь» не различаются в написании, причем они ставятся повсюду между двумя согласными, за исключением предлогов-приставок «про», «при» и приставки «пре», а также тех случаев, когда согласная буква выносится на верх строки. Эти написания фиктивных глухих, применяемые в тексте рукописи с полной последовательностью, не сохранены в приводимых цитатах.

⁵ «Цепецкая» — это, конечно искаженное написание Египетской (иначе Египецкой) земли, упоминаемой в других списках повести о Соломоне. См., например, в издании Н. С. Тихонравова «Летописи русской литературы и древности» (т. IV, М., 1862, стр. 131).

В следующих за этим обращениях снова обстоятельно обозначается имя героя в такой формуле: «Благороднай мой и любезнай царевич Соломон!» «Благородная и благоверная царица Вирсавия!».

Стиль повести «Красного сборника» отличается обилием повторений. Так, например, наказ царицы Вирсавии боярину Викчуле, признание Викчулы царевичу Соломону, доклад Викчулы царице Вирсавии о выполненном им поручении, рассказ Викчулы, когда он открывает царю Давиду злой умысел Вирсавии, наконец, рассказ самого Соломона, проникшего к своей матери под видом Разумника, — все эти пять эпизодов изложены почти в одинаковых выражениях и с одинаковыми подробностями. То же текстуальное сходство наблюдаем мы в трижды повторенном эпизоде о «торге без запрещения», а также в финале повести (сцена под виселицей), где Соломон вызывает дружину троекратно повторенным сигналом. Эта финальная сцена выделяется особой эпической законченностью.

Как и в былинах и сказках, встречаются повторения отдельных слов («лик в лик»), повторения предлогов («ко матушке моей царице ко Вирсавии», «за морем за теплым», «по смерть по свою горькую», «на царе сижу, на злодее моем, на царе Соломоне»), сочетания слов, родственных по происхождению («клич кликати»), сочетания слов, родственных по значению («пакость делаешь скверную», «реки-источники текут»). Особый вид повторений — повторения подлежащего и сказуемого — мы уже отмечали.

Излюбленным, как в песнях и сказках, является число «три»: три камня самоцветные, три года, трои суток, три кольца и многие другие примеры. Нередки также постоянные эпитеты: «пшеница белоярая», «каменья самоцветные», «зверь лютый», «дары честные», «кушанье сахарное», «златой терем», «злат стол», «товар парчевой», «зелье забудущее» и многие другие. Есть и сравнения, например такие эпические образы уподобления: «Гой еси гостинай сын! не по себе виноград счиплешь и царскую сливу крадешь!» (л. 108), — кричит царевич Соломон любовнику царицы Вирсавии. Корабль, снаряженный «княженецким» слугой, украшенный «золотом и серебром и каменьями самоцветными», чудодейственные гусли, которые то отыгрывают ум, то рассеивают печаль, конь, «что ни лучший», богатырский сбик царя, обнажившего свой царский меч, поднявшего его выше себя, — все это обрисовано в народно-поэтическом вкусе.

Чисто сказочное распространение дается в эпизоде сватовства царевны Соломаниды Володомовны: «Царь Давид срядил три посла во Царьград, дал войска 12 полков, отпустил с великою честью в Царьград ко царю Володому Володомовичу по царевну Соломаниду Володомовну; три посла с войскем остоновилися не доехавши Царяграда за трицетъ верст, из Царяграда царь Володом Володомович выслал встретить трех пашей... с великою честью, встретили с пушечною палбою и со всякими веселыми играми» (л. 143 об.). Заметим, что имя цареградского царя Володома Володомовича напоминает Володотомна стиха о Голубиной книге и возникшей на его основе повести о граде Иерусалиме.

Всеми этими особенностями повесть «Красного сборника» заметно выделяется среди других текстов сказаний о царе Соломоне. Между ними старшие тексты написаны традиционно-книжным языком; младшие, напротив, испытали уже довольно значительное влияние фольклора. На пути к сближению с ним большой шаг вперед делает пересказ «Красного сборника»: не свободный еще от церковно-славянизмов, встречающихся в виде отдельных речений и форм (отче, рек, ночь, зело, братие, умре, млада суца, сицевое послание, аз и пр.), он, освобождаясь от них, местами сби-

вается на чисто народный склад рассказа, местами же переходит в народный песенный стих.

Намечается иногда и глагольная рифма: «Во цепечкой земле у крестьянина живет, кони и всякая скот пасет» (л. 122). Непроизвольно возникают в речи внутренние созвучия; например: «стала рушить и кушати» (л. 115 об.). Не раз вводятся в рассказ народные пословицы: «Не рожден не сын, не окуплен не холоп» (л. 112 об.).

Приближаясь по складу речи к народной эпической песне, заимствуя от нее медлительный и мерный ритм, принимаемая порой стихотворный лад, усваивая при этом песенные же формы слов (протяжные окончания прилагательных: златоперых, теплым, чесных, царским, крабчих и пр.), текст этого памятника является как бы пограничным между книгой и былинной (о Соломоне и Василии Окуловиче).

Наряду с этим рассказ нередко приобретает отрывистость и живость народной разговорной речи с ее просторечием («ужастился», «что не дела баеши», «не устоял на ногах», «к деревенскому мужику в пустую избу» и пр.), напоминая запись устной сказки. Если некоторые эпизоды повести «Красного сборника» стоят на границе с былинной, то другие страницы ее непосредственно граничат со сказками, с фольклорными пересказами легенды о царе Соломоне.

Особенностями стиля этот текст настолько отличается от обычной формы старорусской книжности, что, нужно думать, он вышел из-под пера не обыкновенного переписчика, копировавшего готовый оригинал, а писца-импровизатора, излагавшего хотя бы отчасти по памяти, наизусть. При таком предположении становятся понятными и все отклонения этого текста в сторону былины и сказки: писец «Красного сборника», перелагая известный ему сюжет «своими словами», невольно впадал в традиционный тон сказителей и сказочников. Отрываясь от своего рукописного оригинала, писец вносил много изменений, вставок и эпических распрощаний.

Этим объясняется и наличие в повести «Красного сборника» различных бытовых добавлений, характеризующих своеобразно-реалистическую тенденцию пересказа. Таковы упоминания об «окрестных помещиках», удивляющихся мудрости мальчика Соломона, о дворянах, о «гостиной сотне», «гостином сотнике», «гостиной жене», попадье, боярыне, вострыне (вместо «боярина», фигурирующей в других списках), о «флаках», которыми украсили свои корабли заморские купцы, — деталь, отсылающаяся бытовой обстановкой XVIII в.

Сравнительный анализ собранных вариантов былины о Соломоне и Василии Окуловиче показал, что она жила и передавалась в народе в течение нескольких веков, начиная, по крайней мере, с XVI столетия. Из рукописных же текстов сказаний о царе Соломоне большее сходство с устно-народными версиями обнаруживают «младшие» списки, явившиеся во всяком случае позже XVI в. Они, очевидно, сами испытали фольклорное воздействие, особенно сильное в редакции «Красного сборника». Говорить об обратном влиянии этих позднейших, уже фольклоризированных редакций и списков повести о Соломоне на издавна уже сложившуюся былинку, утверждать, что они «перешли в былинку», нет достаточных оснований.

Романический сюжет о приключениях царя Соломона и его неверной жены, разработавшийся параллельно с рукописной повестью и былинной, в равной (если не большей) мере был облюбован также и сказками. При этом старина о Василии Окуловиче не могла быть родоначальницей сказок о Соломоне уже по той причине, что в некоторых из них рассказ о бег-

стве (или увозе) жены-изменницы является продолжением рассказа о детстве мудрого царевича и его «судах», как в рукописной повести. Нельзя же предположить, что одна половина этой цельной сказочной истории ведет свое начало от былины, а другая почерпнута в каком-то другом источнике.

Сказки о детстве Соломона, а также о его «судах» гораздо чаще встречаются отдельно, без продолжения о его женитьбе и измене жены. Равным образом и этот второй, «романический» сюжет иногда излагается в виде самостоятельной сказки. Нельзя не заметить, что многообразие мотивов тех и других фольклорных сказок далеко не покрывается старорусскими рукописными сказаниями об этом библейском царе и мудреце. Лишь немногие устные пересказы более или менее близко следуют за рукописными редакциями повести. Такова, например, сказка о Соломоне в записи И. А. Худякова,⁶ таков еще в особенности прозаический текст П. Н. Рыбникова «Царь Саламан».⁷ В них действительно чувствуется влияние народной книги, которое, однако, могло быть «вторичным» и «обратным», потому что сами-то поздние книжно-народные обработки легенды о Соломоне в значительной мере создавались под воздействием фольклорного предания. В этом отношении, как мы могли убедиться, особенно показателен пример фольклоризированной редакции повести, пересказанной в «Красном сборнике».

⁶ И. А. Худяков. Великорусские сказки, в. 2. М., 1861, № 80.

⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. 1. М., 1909, № 49.

В. Д. КУЗЬМИНА

Источник повести о царице Персике

Повесть о царице Персике — одно из малоизученных произведений русской прозы первой половины XVIII в. Между тем в рукописных сборниках этой поры в настоящее время можно указать шесть ее списков.¹

Судя по записям и содержанию сборников, включающих повесть о царице Персике, большая часть их (три из пяти: сборник ГПБ, О.ХVII. 42; сборник в Усть-Цильме, виденный Н. Е. Ончуковым; сборник б. Киевской духовной академии) принадлежали севернорусским крестьянам. Рядом с повестью о Персике мы находим в них старинные апокрифы, «Александрию», древнерусские хождения в Иерусалим (игумена Даниила и Трифона Коробейникова), разнообразные легенды о чудесах. Первым отзвуком новых веяний в этих сборниках наряду с повестью о Персике являются отдельные новеллы из «Звезды пресветлой» и «Римских деяний» или повесть о Савве Грудцыне.

Как видно из содержания этих сборников, повесть о Персике в восприятии читателей XVIII в. сливалась с литературным наследием допетровской Руси. Там действительно и следует искать ее ближайший прототип.

Вопрос о непосредственном источнике повести о царице Персике до сих пор не разрешен окончательно.

Одни исследователи (А. Н. Веселовский, Е. Н. Елеонская) отмечали неизученность вопроса и указывали разнообразные параллели к этой повести.² Другие, основываясь на топографии произведения, искали прототип ее в Болгарии (Н. И. Петров, С. П. Розанов, первоначально А. И. Яцимирский).³

Позднее (1911 г.) А. И. Яцимирский отметил близость повести о Персике к аналогичной легенде из переводного сборника богородичных чудес «Грешных спасение», составленного в XVII в. Агапием Критяни-

¹ В дополнение к четырем ранее известным спискам (сборник Библиотеки Академии наук УССР в Киеве, о. л. 48/534; сборник ГПБ, О.ХVII.42; сборник из собрания А. Д. Григорьева № 1, старообрядческий сборник в Усть-Цильме XVIII в.) следует отметить еще отрывок повести по сборнику ГИМ, № 1559 (лл. 72—73 об.) и старообрядческий сборник XIX в. из собрания ИРЛИ.

² А. Н. Веселовский. Памятники литературы повествовательной. — В кн.: А. Г а л а х о в. История русской словесности, т. 1, изд. 2-е. СПб., 1880, стр. 448—449; Е. Н. Е л е о н с к а я. Некоторые замечания о русских народных сказках. — Этнографическое обозрение, 1905, № 4, стр. 95—105.

³ Н. И. П е т р о в. О влиянии западноевропейской литературы на русскую. — Труды Киевской духовной академии. Киев, 1872, кн. 8, стр. 758; С. П. Р о з а н о в. (Рецензия). В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. — ИОРЯС. СПб., 1904, т. IX, кн. 4, стр. 377; А. И. Я ц и м и р с к и й. (Рецензия). В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. — Исторический вестник. СПб., 1905, т. 99, № 1, стр. 312—315.

ном.⁴ Это мнение в такой же общей форме было повторено затем (1929 г.) И. Фетисовым.⁵

Запись из старообрядческого сборника XVIII в. с указанием на латинский источник произведения⁶ совсем не привлекла внимания исследователей: никто не пытался сопоставить повесть о Персике с европейской средневековой беллетристикой.

Между тем исследователь средневекового письменного эпоса Г. Зухир еще в 1884 г., вслед за появлением изложения содержания повести Н. И. Петровым (1872) и А. Н. Веселовским (1880), ввел ее в круг аналогичных сюжетов европейской средневековой литературы,⁷ а комментаторы сказок бр. Grimm, И. Больте и Ю. Поливка (1913), классифицируя устные и литературные варианты сюжета «Безручка» («Manekine»), включили в их число русскую повесть о Персике.⁸

Эти указания, до сих пор выпадавшие из поля зрения русских исследователей, позволяют проверить глухое упоминание переписчика XVIII в. о возможном латинском источнике нашей повести, выяснив отношение произведения к ближайшим по содержанию обработкам того же сюжета (как чуда богоматери) в европейских литературах (сборники «Звезда пресветлая», «Грешных спасение», «Miracoli de la gloriosa verzene Maria», драма «Stella»).

Из пяти средневековых латинских обработок сюжета о невинно гонимой безрукой красавице лишь одна (exemplum «Salvatica», 1490) близка по содержанию к повести о Персике — преследовательницей героини в обоих случаях является мачеха. В четырех остальных произведениях (жизне короля Оффы около 1200 г.; История о короле франков и о его любви к дочери 1370 г.; Бартомео Фацио — ум. 1457 — История о происхождении войны между Галлами и Бриттами; Иоханнес Младший «Небесная лестница» 1480 г.) завязкой злоклучений невинно гонимой героини оказывается кровосмесительная любовь овдовевшего отца. Но до сих пор нет сведений о переводе exemplum «Salvatica» или хотя бы упоминания о нем в русской письменности XVII—XVIII вв. Равным образом документы не дают материалов для установления личности монаха Ерофия, который будто бы перевел повесть о Персике с латинского языка в московских школах в 1720 г. Окончательное суждение может дать параллельное изучение текста.

Вопрос о взаимосвязи итальянской легенды (сборник «Miracoli de la gloriosa verzene Maria», 1475) с ее драматической обработкой на итальянской сцене XVII в. (драма «Стелла») и чудом богоматери в сборнике Агапия Критянина «Грешных спасение» был выяснен югославским ученым П. Поповичем в 1907 г. Сопоставив эти три произведения, П. Попович показал, что драма «Стелла» и легенда Агапия имеют немало общих мотивов и деталей, отличающих их от изложения того же сюжета в сборнике «Miracoli...» (имя героини — Мария, беседа мачехи со слугой перед совершением преступления, обман мачехой Марии перед отъездом и т. д.). На основе этих наблюдений П. Попович пришел к выводу, что Агапий

⁴ А. И. Яцимирский. (Рецензия). П. Попович. Приповетка о девојци без руку. — ИОРЯС. СПб., 1911, т. XVI, кн. 3, стр. 328—360.

⁵ И. Фетисов. Збірник легенд Агапія Критянина «Ἀμαρτωλῶν Σωτηρία» в українському та московському письменствах та народні словесности. — ВУАН. Записки історично-філологічного відділу. Киев, 1928—1929, кн. XXIII, стр. 76.

⁶ Н. Е. Ончуков. Печорская старина. — ИОРЯС. 1905, т. X, кн. 3, стр. 219.

⁷ Oeuvres poétiques de Philippe de Rémi sire de Beaumanoir, publiées par Hermann Suchier, t. I. Paris, 1884; introduction.

⁸ J. Bolte und J. Polivka. Anmerkungen zu den Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm. Leipzig, 1913, Bd. I, № 31, Mädchen ohne Hände, стр. 309.

Критянин видел представление драмы «Стелла» во время своего пребывания в Италии в 1639—1641 гг. и положил поэтому ее (а не легенду из «*Migacoli...*») в основу своего рассказа об исцелении богородицы красавицы-безручки.⁹ Как известно, русский перевод сборника Агапия «Грешных спасение» был выполнен в Чудовом монастыре в Москве около 1693—1705 гг. иеродиаконном Иоанном Дамаскином и монахом Евфимием и распространялся в течение всего XVIII столетия.¹⁰

Параллельное сопоставление трех произведений (повесть о царевне Персике, легенда Агапия Критянина, exemplum «*Salvatica*»¹¹) позволяет прийти к следующим выводам об их взаимоотношении.

1. Все основные звенья фабулы близки в повести о Персике и в двух сопоставляемых легендах. Последовательность нарушена лишь один раз — в эпизоде исцеления. В обеих благочестивых легендах исцеление — награда за долготерпение. Именно поэтому сцена исцеления отнесена к концу (после возвращения мужа героини) и помещена перед самой встречей супругов. В связи с этим в обеих легендах сохранен образ отшельника, который приютил безрукую мать с двумя младенцами и питал их. Перенесение исцеления в повести о Персике к началу вторичного изгнания героини сделало ненужным образ отшельника.

2. Легенда об исцелении рук царицы фряжской из сборника Агапия Критянина обнаруживает более полное совпадение с повестью о Персике, чем exemplum «*Salvatica*». В последнем отсутствуют, например, некоторые эпизоды, равно имеющиеся у Агапия и в повести о Персике (молитва девушки к богородице после увечья; объяснение возникновения любви знатного юноши к спасенной им девушке: он пленен ее красотой и душевными качествами; психологическая мотивировка подмены писем; рассказ героини о своем происхождении и преследовании злой мачехой).

Другие эпизоды разработаны в легенде о Сальватике иначе, чем у Агапия и в повести о Персике, либо совсем не имеют там параллелей. Так, например, слуга, отрубивший Сальватике руки, берет с нее клятву никогда не возвращаться ко двору отца; муж Сальватики, уезжая по призыву короля, требует, чтобы родители обращались с его женой «*omni honore, favore e reverencia*». По возвращении муж Сальватики не сам отправляется на поиски жены с детьми, а посылает слугу, сопровождавшего Сальватику во второе изгнание, и грозит ему смертью, если тот не найдет госпожи; введен поэтому длинный диалог слуги с отшельником, который колеблется, отправлять ли Сальватику к мужу или нет; наконец, мотив подметного письма удвоен, подобно тому как это встречается в сказках.

⁹ P. Porović. La Manekine grecque et sa source italienne. — *Byzantinische Zeitschrift*. Leipzig, 1907, Bd. 16, стр. 150—155.

¹⁰ Подробнее см.: А. И. Соболевский. 1) Библиографические заметки. — *Чтения в Обществе Нестора-летописца*. Киев, 1900, кн. 14, в. 2, стр. 14—16, 2) Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 337—338; И. Фетисов. Збірник легенд Агапія Критянина «*Ἀγρίππῶν Σωτηρία*» в українському та московському письменствах та народні словесности. — ВУАН. Записки історично-філологічного відділу. Киев, 1928—1929, кн. XIX, стр. 35. И. Фетисов указывает шесть списков русского перевода сборника «Грешных спасение» по рукописям XVIII—XIX вв.

¹¹ Сравнение произведено: для повести о царевне Персике по рукописи Библиотеки Академии наук УССР о. л. 48/534 (изд. В. В. Сиповским) с исправлениями по спискам ГПБ, О. XVII.42 и ГИМ, № 1559; для легенды Агапия Критянина по списку ГПБ. Q. I. 786, лл. 45—53 («Чудо первое на десять о царице фряжской, ея же отсечении руке исцели всесияльная владычица»), для exemplum «*Salvatica*» по рукописи 1490 г. Q. I. 350 б. Королевской университетской библиотеки в Бреславле (издано: J. Klapper. *Exempla aus Handschriften des Mittelalters*. Heidelberg, 1911, стр. 1—6). В данной статье текстологическая часть исследования опущена.

3. Сопоставление текстов подтверждает мнение о тесной связи повести с чудом Агапия. Указание переписчика XVIII в. о переводе повести с латинского языка монахом Ерофием должно быть признано неправильным, потому что единственный латинский текст легенды о Сальватике, близкий к повести о Персике, оказывается гораздо более далеким от нее, чем легенда Агапия.

4. Надо также отбросить гипотезу о сборнике «Звезда пресветлая» как возможном источнике повести о Персике. Там нет рассказа об исцелении отсеченных рук невинно гонимой девушки и отдельные легенды сближаются с повестью о Персике то общей схемой богородичного чуда, то отдельными его мотивами.

5. Все это путем исключения дает достаточное основание полагать, что повесть о Персике была создана в начале XVIII в. в России как творческая переделка легенды Агапия вскоре после перевода его сборника «Грешных спасение» на русский язык в московском Чудовом монастыре.

Сличение повести о Персике с легендой Агапия Критянина показывает, что русский автор начала XVIII в. во многом оказался самостоятельным.

Подобно другим повестям первой половины XVIII в., в повести о Персике события развертываются в разных странах (Болгария, «некое» государство от африкийских стран», Пеллагония, Рим), вопросам воспитания и просвещения придано существенное значение. Совсем иначе, чем в легенде Агапия, разработана любовная тема.

Автор повести о Персике в полном соответствии с русской повестью, лирикой и драмой первой половины XVIII в. стремится подчеркнуть напряженность любовных переживаний персонажей, увеличивает количество чувствительных сцен, нагнетает элементы чувствительности (слезы, отчаяние, попытки самоубийства; отчаяние, «изумление» — временное сумасшествие; обморок, падение к ногам), охотно вводит в язык произведения слова из новой деловой речи («министры», «резолуция», «обычай гражданские и политические», «триумф» и т. п.) и модной галантной лексики («уязвится сердечной любовью», «болезнь сердечная сдает сердце» и др.).

Сохраняя благочестивый колорит, навеянный греческим источником XVII в., автор повести о Персике создает произведение, которое под его пером из легенды о богородичном чуде превращается в любовно-авантюрное повествование и оказывается ближе к произведениям типа Повести о российском матросе Василии Кириацком, чем к жанру средневековой легенды о чуде богоматери.

А. И. БЕЛЕЦКИЙ

Малоизвестная повесть конца XVII—начала XVIII в.
о наказании ангела

«Повесть зело полезная о царе Африкийском Асириане и о сыне его Клавдиниосе, како ангел Божий на земли во плоти быле простым чернцем мечь от Бога восприя» зарегистрирована еще в 1882 г. А. Ф. Бычковым в описании сборников Имп. публичной библиотеки.¹ Она не привлекла внимания исследователей старинной русской повести, хотя в 1894 г. И. А. Бычков дал о ней более подробные сведения, отметив ее тематическую связь с одним из «народных рассказов» Л. Н. Толстого.² Не вошла она и в известную библиографию древнерусской повести В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской,³ может быть потому, что повести, близкие к религиозной легенде, должны были найти себе место в 3-м, еще не опубликованном выпуске этого издания. Обошел ее молчанием и А. А. Назаревский в своих дополнениях к названной библиографии.⁴

Между тем Повесть представляет интерес не только потому, что она пополняет запас наших сведений о повествовательном репертуаре XVII—XVIII вв. По своей теме она примыкает к обширному циклу устных и письменных легенд и сказок о вторжении некоего сверхъестественного существа в человеческую жизнь и о временном соучастии в ней. Известные апокрифы о Соломоне и Китоврасе, которому в древнееврейской «Агаде» соответствует демон Ашмедай-Асмодей, относятся к древнейшим сказаниям этого цикла. Китоврас, как известно, стихийное существо, к которому неприложима этическая оценка. В дальнейшей истории данной темы образ его раздваивается: в одних легендах сверхъестественное существо оказывается дьяволом, в других — ангелом. В облике дьявола (черта) он часто является в фольклоре разных народов; в художественной литературе он предстает перед нами в произведениях испанских драматургов XVI—XVII вв.,⁵ в немецкой народной книге о брате Рауше⁶ и др. Во-

¹ Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Имп. публичной библиотеки. Составлен А. Ф. Бычковым. Часть первая. СПб., 1882, стр. 274 (№ 57).

² Отчет Имп. публичной библиотеки за 1894 год. СПб., 1897, и отдельно: «Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих Имп. публичной библиотеке». Составил И. А. Бычков. СПб., 1897.

³ В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть, выпуск первый. М.—Л., 1940 (ИРЛИ).

⁴ А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. Изд. АН СССР, 1955 (ИРЛИ).

⁵ В числе их Лопе де Вега («Fray Diablo», 1630) и анонимный автор (по-видимому, Луис де Бельмонте) пьесы «El diablo predicador» (1623). Анализ этой драмы дал Leo Rouanet во введении к своему переводу: Le diable prédicateur, comédie espagnole du XVII-e siècle. Bibliothèque espagnole. Paris—Toulouse, 1901.

⁶ Народная книга о брате Рауше (Bruder Rausch) издана Зимроком (K. Simrogk. Ausserlesene deutsche Volksbücher... 1867—1871, Bd. VI). Любопытную вариацию того же сюжета находим у украинского полемиста XVII в. Михаила Андреллы

лей-неволей дьявол здесь вынужден появиться в монастыре и либо, вопреки своей природе, призвать грешных монахов к покаянию, либо, наоборот, внести в их среду еще большую греховную смуту.

В другом ответвлении цикла место дьявола занимает ангел. В большинстве рассказов, ведущих свое начало от «Римских Деяний» и нашего «Пролога», ангел, совершив, подобно Китоврасу, ряд странных поступков, открывает впоследствии их тайную целесообразность.⁷ Тема «путей господних неисповедимых» от «Римских Деяний» (и подобных им сборников) идет вплоть до Вольтера (эпизод в «Задиге»). В другой, меньшей по количеству, группе легенд сам ангел не понимает «неисповедимых путей божьих» и за свои колебания ссылается богом на землю. Тема в данном варианте вошла в фольклор, а из фольклора была впоследствии взята и Л. Н. Толстым для рассказа «Чем люди живы?».

Рядом с этим тема об «ангеле на земле» в иных планах варьируется во многих произведениях западноевропейских литератур — от поэмы Ламартина («La chute d'un ange») до романов Г. Уэллса («The Wonderfue Visit»), Анатоля Франса («La Révolte des anges») и др.

Народная легенда, давшая тему Л. Н. Толстому,⁸ некоторыми своими чертами напоминает Повесть о царе Асириане, имеющую черты переводной и в то же время в известной степени откликающейся, как увидим, на актуальные вопросы русской действительности XVII—начала XVIII в.

Тексты Повести сохранились в рукописях ГПБ: в сборниках из коллекций Титова (№ 1530 от л. 54 об. до л. 68 об.; № 1560 — от л. 84 об. до л. 103), Погодина № 1663 от л. 302 (304) об. до л. 324), Буслаева (F. 1. 1161, от л. 382 об. до л. 398 об.). Между ними есть разночтения. Кроме них, мне известен еще один, неисправный и, видимо, поздний список в одном из сборников б. Церковно-Археологического музея в Киеве (№ 307), находящийся ныне в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки Академии наук УССР. За исключением Погодинского списка, Повесть не имеет заглавия; в сборниках Титова вместо него подзаголовки: «Выписано из книги Палеи толкования из приточника» (№ 1530) и «Выписано ис приточника Палеи толковыя». Подзаголовки не помогают установить происхождение.

Не облегчают этой задачи и имена действующих лиц: царь Асириан (участвующий только в начале рассказа), его сын Клавдиниос (Claudianus?), царский воевода или боярин, в рукописях именуемый Авсихим, Есфихим, Ефихим (Εδδχῆμων?), сарацинский воевода Цеганус (Αθιγγανος), так же как и названия мест: страна Агалямская (Агарянская?), Атралимская, град Ивилия (Ἰβηρία?) и т. п. Можно предположить греческий прототип, чрезвычайно искаженный в области ономастики и топонимики.

в книге «Перя Михаила Оброна верному человеку», где имется «История, како сатана, имя его бысть Найда, впровадил костелом быти во церкви, аки орудю на враги» (А. Петров. Материалы для истории Угорской Руси. Памятники церковно-религиозной жизни угро-русов XVI—XVII вв. Тексты. СПб., 1914).

⁷ О рассказе «Римских Деяний» см. статью С. А. Варшера «История одного литературного сюжета» в книге «Под знаменем науки» (Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженко. М., 1902, стр. 99—118).

⁸ Непосредственным источником для Л. Н. Толстого был записанный им рассказ В. П. Щеголенка (Юбилейное издание сочинений Л. Н. Толстого, т. 25, на стр. 544—569 — черновые варианты. См. также: Н. Ф. Сумцов. Литературная родня рассказа Л. Н. Толстого «Чем люди живы». — Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. IX, 1897, стр. 132—139). Интересно отметить, что тот же сюжет на основе западноукраинской народной легенды заинтересовал И. Я. Франко (Иван Франко, Твори, т. XIII, 3 поэтичної спадщини, Киев, 1954, стр. 32—40, начало неоконченной поэмы «Наймит»). И. Франко знал рассказ Л. Н. Толстого, но начинал свою поэму, исходя из имевшегося у него в записи народного рассказа, текст которого приводится в указанном издании на стр. 426—429).

Напомним в общих чертах содержание Повести.⁹ Царь Ассириан отправляет своего боярина (Давида) в некий великий град для управления. Нападающие по пути сарацины убивают боярина и его спутников. Спасается только убежавшая в лес Фекла, жена боярина. В лесу она рождает двух девочек-близнецов и начинает их кормить грудью. Тем временем господь посылает ангела вынуть из нее душу. Ангел впадает в сомнение: хорошо ли он поступит, исполнив божье повеление и оставив младенцев гибнуть от голода или диких зверей. Прилетает другой ангел, вынимает душу у матери, а у послушника отнимается благодать и ангельский чин. В облике инока согрешивший ангел приходит в монастырь Успения Божьей матери, служит там в пекарне, затем становится монахом и живет там тридцать лет, не вкушая ни хлеба, ни воды, не облачаясь в светлые ризы.

Узнав о гибели своего боярина, опечалился царь Ассириан, послал другого воеводу догнать сарацин, вернуть пленных, похоронить убитых. Воевода пришел, разыскал убитых, а среди них своего друга Давида, оплакал его и похоронил с честью, а при помощи монастырского повара, собиравшего дрова в лесу, нашел и тело жены Давида, а при ней двух еще живых младенцев. Предал и мать погребению, а девочек взял и поручил искусным кормилицам. Вернувшись, поведал обо всем царю, а тот повелел ему взять сирот на воспитание. Обе они, названные Мариями, подросли, вышли замуж. Впоследствии, узнав о своем чудесном спасении, порешили вместе с мужьями, с согласия нового царя Клавдиниоса, отправиться в монастырь Успения, поклониться праху родителей.

В монастырской церкви во время панихидного пения с клироса сходит молодой монах, «светлостью украшен не яко человек, но яко ангел», и обращается с речью к братии и ко всем молящимся. Он повторяет уже известную читателю историю об ангеле, не выполнившем наказа господня, и о чудесно спасшихся младенцах. Рассказ заканчивается неожиданным и гневным обращением к монахам: «Слушайте вси безумнии человецы, смертнии тлении, доколе согрешаете, доколе прогневаете господя, словом обидите, сирья насилуете, на беспомощныя клеветаете. Пришелцы и вдовицы не милуете, крадете и убиваете, блудите и прелюбодействуете, неправды и всякое зло творите по вся часы прогневаете сотворшаго вас».¹⁰ От страшного нечеловеческого голоса колеблется церковь; все падают ниц: Я, ангел господень, тридцать лет из-за вас страдал, из-за любви к вам и из-за неповиновения богу. Теперь отхожу от вас, но вы «будете готовы всегда, в день и в ночь, и по всяк час яко тать прииду и уже к тому не пощажу и неготовых застану, и како лют буду к вам без милости душу вашу от телеси вашего разлучю яко хищник немилостивый».¹¹

И затем ангел исчезает, обратясь молнией и оставив монахов в мучительном сознании собственных преступлений.

Архимандрит Иоасаф налагает на них строгий пост: если не покаемся, предаст господь обитель неверным («цыганам»).

И сарацины действительно осадили монастырь. В великой скорби братия взывает к богу, Иоанну Крестителю, святым угодникам и к ангелу, своему бывшему сожителю. Горько рыдают и жалуется обе Марии: хоть бы птица какая поведала царю нашему Клавдиниосу о нашей печали и конечной гибели, чтобы поспешил к нам на помощь! Они припадают к могилам родителей: увы нам, увы, родители наши! Почто на такую великую скорбь нас отдаете? Примите к себе живыми, не можем терпеть поругания от поганых!

⁹ Изложение дается по Погодинскому списку, наиболее пространному.

¹⁰ Погодинский список, № 1663, л. 313.

¹¹ Там же, № 1163, л. 313 об.

И вдруг является столп огненный, а в нем юноша с огненными крыльями и мечом. Он ободряет плачущих женщин и снова клеймит монахов за их грехи: и старших, и младших, также впадших «во пьянство и в блуд, и в славу и похвалу и в празднословие и в тонцы велики грехи их же мирстии человецы прости не творят и невелигии безумнии человецы и ненаказании, и скоты того не творят».¹² Едва удалось ему умолить пресвятую богородицу, уже хотевшую оставить обитель и предать ее в руки поганых. Но умилилась пресвятая дева. Пусть же принесут ее икону, начнут молебное пение; воин небесного царя поведет ополчившихся на брань, и сарацины будут побеждены.

Начинается осада. В обороне принимают участие и женщины. Молитвенные возгласы мешаются с криками осажденных и осаждающих. Вновь простерся огненный столп от земли до неба. Обе Марии, их мужья — бояре Федор и Василиск, и другие благочестивцы видят, как ангел ходит среди сарацинских полчищ и сражает врагов. «Поганые» бегут в страхе, оставив много убитых, раненых и пленных. Спасенные хоронят своих, лечат раненых, а убитых врагов закапывают в яме за пять поприщ от монастыря. Возблагодарив бога, мать пресвятую и ангела-заступника, обе Марии вместе с мужьями и спутниками возвращаются в свой град.

В рукописи из собрания Буслаева конец иной. Спасаются только избранные и поименованные ангелом, а монастырь сожжен вместе с нечестивыми монахами, которые во время пожара стали грабить соборную церковь. «И бысть в велицей каменной соборней и пречудней церкви между собою у всех пря, презвитери и дякони соборнии, и параклисиархи и клирики на служебных и простейших, и бысть котора и пря велия между има».¹³ Но огонь истребил нечестивцев. А царь, узнав обо всем, построил новый монастырь и вместе с боярами сделал в него великий вклад.

Исследователям предстает нелегкая задача определить источник Повести, очевидно, не являющейся точным переводом с чужеземного подлинника. В ней, как видим, несколько механически спаяны разные сюжеты: и о наказании ангела за ослушание, и о чудесно спасенных детях, и об осаде монастыря сарацинами. Повторения в тексте (уже известную читателям историю вторично пересказывает ангел), немотивированность и неподготовленность его обличительной речи — все это признаки либо распада данного легендарного жанра, либо каких-то сокращений, внесенных в изложение теми, кто переводил или перерабатывал неизвестный нам прототип.

Действующие лица все время взывают в бога, молебствуют. Но бог не очень внимает их молитвам, и без заступничества ангела погибли бы и грешные, и невинные. «Неисповедимые суды божи» в истории двух Марий остаются неразъясненными. Намечающийся образ господина — образ сурового, не допускающего никаких колебаний в исполнении своей воли божества, хотя веления его непонятны не только с точки зрения смертных, но и с точки зрения ангелов.

Примечательна резкость обличения монашеской жизни, в известной мере сближающая данную Повесть с антиклерикальными сатирическими произведениями конца XVII в., возникшими в обстановке религиозного кризиса в Московской Руси данного времени.¹⁴

¹² Рукопись из собрания Буслаева, F.I.1161, лл. 319 об.—320.

¹³ Там же, л. 319 об.

¹⁴ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, стр. 256—262.

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

«Описание трех путей» Афанасия Холмогорского

«Описание трех путей из России в Швецию» Афанасия Холмогорского — интересный и до сих пор не оцененный по достоинству памятник, появившийся на рубеже XVII—XVIII столетий.¹ Это сочинение было найдено около 130 лет тому назад в библиотеке известного собирателя рукописей Ф. А. Толстого² академиком П. Г. Бутковым и опубликовано им с комментариями в 1838 г.³ Второй раз памятник был опубликован в начале нашего века В. Верюжским в приложении к его книге об Афанасии Холмогорском;⁴ там же дается единственный существующий до сих пор в нашей литературе очень краткий разбор этого сочинения.⁵

Автор сочинения, Афанасий, архиепископ Холмогорский, один из просвещеннейших русских людей своего времени, был, как известно, ревностным сторонником Петровских реформ. «Описание трех путей», по справедливому предположению В. Верюжского, Афанасий создавал с прямой целью помочь Петру I в войне со шведами. Но, будучи воспитан и прожив почти всю жизнь в условиях старой Московской Руси, он писал свои сочинения еще в старой манере XVII в. Хотя «Описание трех путей» было создано в 1701 г., но в нем и язык, и терминология еще относятся к XVII столетию. Таково, в частности, большинство содержащихся в сочинении зарубежных географических названий в старой русской транскрипции XVI—XVII вв.: Стекольна (Стокгольм), Выбор (Выборг), Кариберь (Каянеборг), Онульск (Оулу-Улеборг), Торнова (Торнео), Канец (Ниеншанц) и др.; в некоторых случаях, для точности, даются сразу два названия — традиционное русское и местное: Ругодев и Нарва, Колывань и Ревель. И только один термин явно относится к Петровскому времени — «Шведская земля» («шведы», «шведский город» и др.), вытеснивший здесь традиционное русское «Свейская земля», «свеи» и т. д.⁶

¹ Точное заглавие сочинения (в рукописи): «Описание трех путей из державы царского величества, из поморских стран, в Швецкую землю и до столицы их».

² В настоящее время вместе с собранием Ф. А. Толстого находится в Рукописном отделении ГПБ, шифр: F.XVII.10.

³ Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701-м году. Подготовлено к печати П. Г. Бутковым. — Журнал Министерства внутренних дел, ч. 29. СПб., 1838, стр. 260—295. С этого издания первая часть памятника была перепечатана в «Архангельских губернских ведомостях» (1854, №№ 6 и 8).

⁴ В. Верюжский. Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908, стр. 656—665.

⁵ Там же, стр. 630—633.

⁶ «Шведская земля», «швед» здесь — явное новшество в языке, возникшее при Петре под влиянием немецкого языка; наряду с ним продолжало еще долго бытовать в русском языке в первые десятилетия XVIII в. старое русское «свен» (которое, кстати, гораздо ближе к самоназванию этого народа «svear», чем позднейшее «шведы»).

Наибольший интерес в этом сочинении представляют составленные по рассказам очевидцев, русских торговых людей, краткие, но весьма содержательные описания городов, селений, местностей в порубежных и зарубежных землях. Эти описания были, по всей вероятности, нужны в чисто практических целях — русским нужно было знать места, в которых придется воевать, поэтому большое внимание уделялось укреплениям, гарнизонам и т. п.; но почти везде дается и общее описание города, местности, населения. В описаниях бросается в глаза меткая наблюдательность простых русских людей, умевших в каждом чужом зарубежном городе увидеть главное, наиболее характерное и в краткой, лапидарной форме рассказать об этом у себя на родине.

Лучше всего описана шведская столица «Стекольна», стоящая «по самому берегу морские проливы». Здесь русским людям, привыкшим к своим деревянным городам и селениям, бросилось в глаза обилие «полат, домов каменных»; «ряды и в них лавки все каменные, в рядех и по проезжих улицах мосты⁷ везде каменные». Специально описываются наиболее важные здания и пункты города — королевский замок, кафедральный собор («каролевская керка каменная, предивного строения, великая»), поразившая рассказчика своей высотой соборная колокольня, морская пристань, принимающая ежегодно «по 300 и вящши» торговых кораблей. И, конечно, упоминается существующий «ради приезду купецких русских людей... гостин двор каменной великой» — центр русской торговли со шведами в Стокгольме. Рассказав о достопримечательностях «Стекольны», автор в заключение подчеркивает превосходство над ней по величине русской столицы; по его словам, «Стекольна» наполовину или более чем наполовину меньше Москвы.

Почти столь же подробно описывается Нарва; здесь отмечается окруженный стеной и рвом «город» с каменными домами и лавками, стоящий «вне града» большой деревянный «посад», в нем «купецкие анбары» и на реке — пристань для морских кораблей. Против Нарвы на высокой горе — занятая шведами старая русская крепость Ивангород; как метко замечает рассказчик, «со стен того Ивана града чрез реку во граде Ругодеве все видеть». Как известно, Ивангород был специально построен при Иване III на русском берегу Нарвы на таком возвышенном месте, чтобы с его стен можно было наблюдать за всем, что делается в ливонской Нарве, и иметь всегда возможность предупредить вражеское нападение.

Любопытны своей меткостью также описания городов Кольваня (Ревеля—Таллина), Выбора (Выборга), Або, Канца (Ниеншанца), Корельска и др.

Произведение это, создававшееся в сложной обстановке начала Северной войны, через несколько месяцев после поражения русских войск под Нарвой,⁸ полно тем не менее чувства глубокого патриотизма, веры в грядущую победу своей страны. И это чувство спокойной уверенности особенно заметно в описаниях Ижорской земли и Корельского уезда, с начала XVII в. находившихся под властью шведов. Бросается в глаза ясное убеждение автора и рассказывавших ему русских торговых людей о том, что шведы здесь — временные и недолговечные пришельцы. Так, начиная описывать Орешек, автор прежде всего подчеркивает, что эта крепость — «строение великих московских государей». При описании Ивангорода трижды упоминается, что он «древний государский град»; Яма и Копорье — «города царского величества старинные», Корельск (Корела,

⁷ Т. е. мостовые.

⁸ Произведение датировано в самом тексте мартом 1701 г.

Кексгольм) — «град древний государский». Говоря о крепости Канец (Ниеншанц), построенной на Неве шведами, автор особо подчеркивает, что этот град «стоит на государственной земле». И даже, когда рассказывается о коренном населении Ижорской земли и Корельского уезда, обязательно отмечается, что они хотя и не русские по крови, но люди «нашего благочестия христианские веры... прежде были за великим государем московским». Одним словом, при чтении текста о захваченных шведами бывших русских владениях невольно создается впечатление, что русские люди, несмотря на наличие шведских гарнизонов, по-прежнему чувствовали себя в этих землях законными хозяевами.

Целью сочинения было не только описание городов и местностей, но прежде всего (как это явствует из заглавия) описание путей, ведущих в шведские владения. Исходным пунктом для этих путей берутся берега Белого моря.⁹ Исследователи, касавшиеся этого сочинения до сих пор, собственно описанием путей, в сущности, совсем не занимались, хотя оно является одной из наиболее ценных сторон данного памятника.

Первый описываемый здесь путь шел от Белого моря, от Сумского городка, по р. Выг до Выгозера, оттуда до волости Маселга и к Онежскому озеру у Повенца (по этой линии в наши дни проложен Беломорско-Балтийский канал). От Повенца прямая водная дорога вела по Онежскому озеру, Свири и Ладожскому озеру до «великие реки Невы», по Неве «в морскую проливу»¹⁰ — Финский залив и далее в «море Варяжское»¹¹ к шведской столице «Стекольне». Фактически в данном случае автором соединены вместе два пути — древний путь из Новгорода и Приладожья к Белому морю, являвшийся (по крайней мере, с X—XI вв.) основной линией связи между Новгородом и русским Севером, и важнейший русский водный путь через Неву в Балтийское море, когда-то являвшийся началом знаменитого «пути из Варяг в Греки». Из Беломорья в XVI—XVII вв. русские товары в гораздо большем объеме продавались прямо на запад по морю, через Архангельск. Но русские торговые люди в XVII в. стали использовать и путь в Швецию, описанный Афанасием Холмогорским, для продажи севернорусских товаров на берегах Балтийского моря, в Нарве, Ревеле, Стокгольме. В наибольшей мере использовался по-прежнему южный отрезок этого пути — из Новгородской земли через Неву в Балтийское море.

Меньшее значение имели описываемые Афанасием Холмогорским второй и третий пути, мало известные нашим историкам. Эти пути использовались главным образом для торговли между северными владениями России и Швеции.

Второй путь вел «из Сумского городка на Шилню» (соврем. Шижня в низовьях Выга) «чрез многия села и деревни» северной Карелии «на Тулово» (оз. Тулос и с. Туливары у «немецкого шведского рубежа») и «до первыя волости жителей швецких Пангозера» (соврем. оз. Пан-

⁹ Не только потому, что сочинение создавалось в Холмогорах, но и (по весьма вероятному предположению В. Верюжского; Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды, стр. 630) потому, что оно должно было дать сведения для намечавшихся Петром I операций против шведов из района Белого моря, практически осуществившихся летом 1702 г. в виде известного перехода Петра с войсками и 2 кораблями от Белого моря через Онежское и Ладожское озера (почти точно по линии первого пути, описываемого Афанасием) к истоку Невы, к стоявшей там шведской крепости Нотебург.

¹⁰ Слова «залив» в русском языке тогда еще не было; в данном сочинении понятие «залив» выражается двумя разными способами: «морская пролива» (для Финского залива) и «Ботнинский рукав» (для Ботнического залива).

¹¹ Тем самым документально подтверждается, что древний русский термин «море Варяжское» от времен Начальной летописи дожил до первых лет XVIII в.

киярви). Оттуда путь шел к Корельску—Кексгольму, древней русской Кореле, а от Корельска к Выборгу и по берегу Финского залива к главному городу Финляндии—Або. Эта дорога, проходившая от Карельского перешейка по многим рекам и через озера Пюхьярви, Оривеси, Пиэлисьярви к Белому морю, тоже является очень древней и восходит по крайней мере к XI—XII вв.; по этому пути древние карелы, жившие на Карельском перешейке, продвигались к Белому морю и освоили и заселили Беломорскую Карелию. Как важная линия торговых сношений между Корельским уездом и Белым морем этот путь хорошо прослеживается с XVI в., когда он был впервые описан «со слов одного русского» финном Якобом Тейттом.¹²

Третий путь «от Кемского городка» шел по р. Кеми на «погост Пудожения» (соврем. с. Подужемье) и на «Панзерский погост» (с. Панозеро), оттуда по р. Кеми и другим рекам к границе. «На границе порубежной стоят великия 2 сосны», на одной из них вырезан герб России, на другой—герб Швеции. Оттуда путь шел по рекам и озерам «до града Кариберя» (Каянеборга) и «до града Онульского» (Улеборга) у берега Ботнического залива. Этот путь, тоже очень древний, тоже хорошо известный в XVI в.,¹³ получил наибольшее развитие с XVII в.; северные области Финляндии получали по этому пути многие необходимые товары из русских владений.¹⁴

Таковы наиболее важные стороны этого любопытного и незаслуженно забытого памятника нашей письменности, появившегося на рубеже XVII—XVIII вв. В этой краткой заметке, разумеется, нельзя было исчерпать все содержание произведения. Изучение его, безусловно, должно быть продолжено.¹⁵

¹² J. Jaakkola. Finlands vägar och samfärdsleder under medeltiden. — Nordisk kultur, Bd. XVI. Stockholm, 1933, стр. 264.

¹³ Там же.

¹⁴ A. Cederberg. Pohjoisen Karjalan kauppaolot. Helsinki, 1911, стр. 8—14, 145; История Карелии до середины XVIII в. (издание на правах рукописи). Петрозаводск, 1952, стр. 306—307, 367. Путь этот продолжал широко использоваться для мелкой крестьянской торговли («коробейники») до начала XX в.

¹⁵ Когда настоящая работа уже была закончена, Л. А. Дмитриев любезно сообщил автору, что им найден в собрании И. А. Шляпкина в библиотеке Саратовского государственного университета второй список сочинения Афанасия Холмогорского в составе рукописного сборника географического содержания, написанного скорописью первой половины XVIII в. (шифр 329.530). При сличении нового списка с текстом единственного известного до сих пор списка, публиковавшегося П. Г. Бутковым и В. Верюжским, становится очевидным, что новый список полнее и более точно передает первоначальный текст Афанасия Холмогорского; в новом списке содержатся гораздо более пространные и подробные описания некоторых городов, путей и т. д., и, что особенно важно, новый список содержит больше мест, направленных против врагов России—шведов, здесь чувствуется, так сказать, «дыхание» ведущейся войны со Швецией. Видимо, известный нам ранее список представлял собой позднейшую переработку сочинения Афанасия Холмогорского, произведенную через несколько десятилетий после окончания Северной войны, когда многие подробности, содержащиеся в сочинении, представлялись уже неинтересными и были опущены. Новый список настолько сильно расширяет и дополняет наше представление об этом памятнике, что необходимо всячески рекомендовать его скорейшее опубликование.

Н. М. ДЫЛЕВСКИЙ

Грамматика Мелетия Смотрицкого у болгар в эпоху их возрождения

Грамматика Мелетия Смотрицкого — «Грамматики Славенския правилное Синтагма», — вышедшая в 1619 г., составляет эпоху в истории русской и украинской культуры. Она оказала огромное влияние на развитие теории языка и книгопечатание в России и явилась тем основанием, на котором возникли в дальнейшем первые русские грамматики,¹ в том числе и знаменитая «Российская грамматика» М. В. Ломоносова (1755 г.). Влияние ее, однако, не ограничилось отечественными работами: в силу сложившейся конкретной исторической обстановки руководством по грамматике Смотрицкого было суждено сыграть важную роль в развитии просвещения двух других славянских народов — сербов и болгар в период их национального и культурного возрождения. Это обстоятельство придает Грамматике Смотрицкого особую цену в наших глазах и делает ее предметом специального рассмотрения и внимания исследователей и знатоков старинной русской и украинской книги.

Грамматическое сочинение Смотрицкого стало известно болгарам довольно рано, причем начатки его известности следует отнести на основании новейших данных ко времени, непосредственно предшествующему болгарскому возрождению, начало которого обычно относят к середине 50-х годов XVIII столетия и связывают с появлением знаменитой «Истории Славяноболгарской» хилендарского монаха Паисия (1762 г.).

В сущности, «под болгарским возрождением нужно понимать процесс социально-экономического преобразования, который наступил в стране в конце XVIII и первой половине XIX в., процесс, охватывавший по своему содержанию освобождение страны от оков турецкого феодализма, а по форме — борьбу за национальное и культурное освобождение болгарского народа».²

Принято считать, что русское влияние на болгарское просвещение более позднего времени возникает примерно в первой четверти XVIII столетия. Такого взгляда, например, придерживался историк болгарского возрождения проф. Ив. Д. Шишманов.³ Приходится, однако, признать, что взгляд этот не вполне соответствует действительному положению вещей и что начатки русского книжного влияния на болгарскую образованность следует отнести к более раннему времени. Для подобного утверждения у нас существуют данные, оставшиеся незамеченными или забытыми, ко-

¹ Например, «Руководение в грамматику» И. Копиевича (1706 г.) и «Грамматика Славенская, вкратце собранная» Ф. Максимова (1723 г.).

² Жак Натан. Болгарское возрождение. Сокращенный перевод с болгарского. М., 1949, стр. 25.

³ Наченки от руско влияние в българската книжнина [отд. оттиск из журнала]. — Български преглед, г. 5, кн. 9—10, 1899, стр. 8—11.

торые позволяют внести некоторые поправки в установившийся взгляд. Говоря это, мы имеем в виду прежде всего Грамматику Смотрицкого, судьбам которой в Болгарии посвящена настоящая наша статья.

Наиболее ранние известия о знакомстве отдельных представителей болгарской книжности с грамматическим трудом Мелетия Смотрицкого относятся (в настоящее время) к началу второй половины XVII в. О таком раннем знакомстве болгарского книжника со славянской Грамматикой Смотрицкого свидетельствует список с нее, сделанный иеромонахом Стефаном из города Ловеча в 50-х годах XVII столетия в румынском городе Торговище (в Валахии). Судя по приписке на последнем листе рукописи (стр. 479 по нашей пагинации), список был сделан в 1655 г., дата эта указана совершенно точно и не подлежит сомнению. В Болгарию рукопись попала, как можно предполагать на основании второй приписки на том же листе, в 60-х годах XVII в. На это косвенно указывает дата — 1666 г., более подробно о которой скажем ниже. Впервые о рукописи сообщил в заметке на двух страницах Спас Ганев в журнале «Българска сбирка» в 1905 г.⁴ Рукопись попала в библиотеку б. Педагогического училища в г. Ломе (на Дунае), где она хранится и в настоящее время, по-видимому, из библиотеки известного в истории болгарского просвещения учителя Николы Пырванова (Никола Първанов), автора «Извода из българската граматика» (1870 г.), преподававшего и в Ломе. К сожалению, заметка Сп. Ганева до недавнего времени оставалась забытой. В 50-х годах прошлого столетия рукописный список иеромонаха Стефана попал в руки известного болгарского просветителя и революционера, собирателя болгарских древностей, Георгия Раковского. По свидетельству самого Раковского, рукопись была найдена им в селе Тича, недалеко от г. Котела (Котел), его родного города.⁵ Какими путями и когда попала рукопись к Н. Пырванову, а от него (после смерти Пырванова) в библиотеку Ломского педагогического училища, нам неизвестно.⁶

Список Грамматики Смотрицкого, сделанный с издания 1619 г., дошел до нас в очень хорошей сохранности (за исключением вырванных трех первых листов). Рукопись формата 218—220×145 мм и толщиной в 40 мм содержит 480 непагинированных страниц. Пагинация рукописи, как обычно, сделана по тетрадкам, с маркой на правом нижнем поле первой страницы, каждой тетрадки. Таким образом, рукопись содержит всего 30 пагинированных тетрадок. Список сделан на плотной бумаге, слегка лощеной по середине, и оправлен в доски в кожаном переплете с орнаментом. Плоскость, занятая письмом, около 165×100 мм. На странице (с единичными исключениями) по 22 строки. Почерк рукописи — устав — очень четкий и красивый, несомненно принадлежащий опытному переписчику, скопировавшему с большим умением почерк печатного оригинала. Чернила — черные, очень хорошо сохранившие свой цвет; киноварных букв почти нет. Листы 11—24 написаны другим почерком.

К сожалению, в списке не хватает нескольких начальных листов (вероятно, трех), которые, как можно заключить по внешнему виду рукописи, были кем-то вырезаны. Вследствие этого рукопись лишена вводных стра-

⁴ Сп. Ганев в. Един бълг. препис на граматиката на Мил. Смотрицки. — Българска сбирка, г. 12, 1905, кн. 6, стр. 376—377.

⁵ Архив на Г. С. Раковски, т. 1. Писма и ръкописи на Раковски. Изд. на Българската Академи на науките, София, 1952, стр. 159. О находке рукописи Г. С. Раковский сообщает в письме С. Н. Палаузову в Москву (из Одессы) от 5 мая 1858 г. Об этой заметке мне любезно сообщил научный сотрудник Института болгарской литературы Боню Ангелов.

⁶ Некоторые сведения о судьбе рукописи дает нам и Сп. Ганев в цитированной выше заметке.

УТО ЕСТЬ ГРАММАТИКА;

Есть извѣстное искусство вѣдѣть и
слагать и писать оубо.

Колѣсцо есть часть грамматик;

тетъри • { Орфографія:
Этимологія:
Сѣмплагіс:
Просодія:

Колѣсцо оубо слагать тетъри часть;

Орфографія оубо право писать и.

Слаго вретеніи право оубо слагати.

Этимологія оубо реченіа вволн и ча-
сти поимѣ возмостни.

Сѣмплагіс оубо слагати сло-
жице сочинати.

Просодія оубо мѣтро, или мѣ-
роу колѣчества спѣху и слагати.

Орфографія:

Что есть орфографія;

Есть часть грамматик первая, есть

ниц, особенно интересных в русских и украинских старопечатных изданиях XVII—XVIII вв. Титульный лист печатного издания Смотрицкого также отсутствует, и первая страница рукописи, таким образом, начинается дефиницией «Что есть грамматика» (см. рисунок на стр. 461). На обороте предпоследнего листа (стр. 478 об. по нашей пагинации) дана заключительная формула культового характера, заканчивающаяся фразой из шести слов на греческом языке: *Μία ζωής μου ε'πίς 'Ιησούς ο' Χριστός* («Единая жизни моей надежда Иисус Христос» в церковно-славянском переводе). Вторая половина страницы занята заглавием Грамматики на славянском языке (в шести строках): Грамматики Славенския правилное Синтаγμα, потщанием многогрешнаго мниа Мелетия Смотрицкого в Вилни. Лета от воплощения Бога Слова 1619 (см. рисунок на стр. 463).

На предпоследнем листе (стр. 479 по нашей пагинации; последний лист рукописи чистый) даны одна под другой две записи, скорописный почерк которых существенно отличается от почерка текста Грамматики, но очень приближается к почерку на лл. 11—24. Обе записи, по нашему мнению, сделаны одной рукой. Первая запись состоит из девяти строк, а вторая — из восьми. Записи представляют большой интерес, так как вскрывают историю возникновения рукописного списка Грамматики.

Текст первой записи гласит: «Преписажеся многогрешнаго Стефана иеромонаха Ловечкаго лето от воплощения Христова 1655, почася писати иулиа 23, а совершися месяца септемвриа 9. В дни благочестиваго государя и от Константин воевода и преосвященнаго Митрополита кир Игнатия во митрополий Тръговицкой присвященнаго Даскала Даниила. И тогда начавшуми учитися грамматики от того выше реченнаго Даскала».

Текст второй записи гласит: «Преписажеся паки многогрешнаго Михайла в село Вречез. Лета от создания миру 7174, а от Рождество Христово лета 1666. Почася писати месяца иулиа 15, а совершися месяца септемвриа 15. Слава Богу начати и совершити давшему во веки аминь. Круг луны 11, а солнцу 6, епахта 7».⁷

На обороте предпоследнего листа почерком обеих записей силлабическими стихами (21 стих) написана похвала, последние шесть стихов которой посвящены «даскалу Даниилу»: «Даниил убо нам Христа судию сказует: Даниил же нас стихи слагати наказует» и т. д.

Общий смысл первой записи вполне ясен. Из нее следует, что рукопись была написана в 1655 г. в Румынии, в столице Валахии — Торговище, в митрополии, в которой болгарин иеромонах Стефан Ловечский обучался славянской грамматике у «священного даскала» Даниила (автор записи, вероятно, хотел сказать «преосвященного», т. е. епископа). Указан и точный срок переписки рукописи: 23 июля—9 сентября, т. е. 49 дней, что в итоге дает примерно 5 листов (около 10 страниц) в день.⁸ Приведенные в записи имена господаря Ио Константина Воеводы (Константина Бассараба, сына Щербана, 1654—1658 гг.) и угро-валашского митрополита кира Игнатия хронологически вполне соответствуют исторической действительности.

Вызывает интерес имя учителя — даскала (греч. *διδάσκαλος*) Даниила, названного «священным», владевшего, видимо, в высокой степени славян-

⁷ «Епахта», точнее «епакта», — так по пасхалии называются те дни в году, которыми начинается солнечный год. Епактой, собственно, называется разница в 11 дней между солнечным и лунным годом (Г. Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь М., 1899, стр. 175).

⁸ О времени, затрачивавшемся на переписку рукописей в старину, см. интересные соображения Б. В. Сапунова в статье «О древнерусской книжности XI—XIII веков» (ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 331, 332).

ским грамматическим искусством. Есть основания допустить, что это был охридский архиепископ Даниил, который, по словам известного русского архимандрита-путешественника Арсения Суханова, жил в то время в качестве гостя (может быть, уже после лишения его охридской архиепископской кафедры) при дворе угро-валашского митрополита. Арсений Суханов видел его в Торговище в 1650 г. во время своей поездки на Восток, о чем сообщает в написанном им «Проскинитарии».⁹ Вне всякого сомнения, обучение славянской грамматике велось по руководству Смотрицкого, которое столь старательно было списано иеромонахом Стефаном, желавшим иметь его и у себя на родине.

Менее ясен текст второй записи, трудности при прочтении которой возникают еще в самом ее начале. Во-первых, что обозначают слова «Преписа же ся паки»? О какой переписке идет речь — всей рукописи или какой-либо ее части, как думает автор заметки в журнале «Българска сбирка» Сп. Ганев. Сп. Ганев склонен считать, что «многогрешный Михаил» из села Вречж (Врачеш?), в руки которого попала рукопись иеромонаха Стефана, в 1666 г. переписал заново только 28 страниц (стр. 21—48 по нашей пагинации), почерк которых, действительно, отличается от почерка остальной части рукописи и очень близок к почерку приписки, сделанной «многогрешным Михаилом». Отсюда и его вывод: «Думите преписажеся паки се отнасят, до всяка вероятност, до допълнително преписаните 28 страници от многогрешния Михаила... в ръцете на когото, възможно е, да е попаднала книгата през 1666 г. със загубени листа, а той грижливо я е допълнил и обвезал (переплел, — Н. Д.)».¹⁰

По нашему мнению, вопрос с перепиской рукописи обстоит несколько по-иному. Действительно, почерк стр. 21—48 не похож на почерк остальной рукописи и очень близок к почерку приписок (мы бы сказали даже одинаков с приписками). Однако Сп. Ганев не обратил внимания на то, что слова, написанные буквами, совпадающими с буквами на стр. 21—48 и в приписке, встречаются и в других местах списка (на П. 8, стр. 16 и 2а, 115 и 116 по нашей пагинации и т. д.). А эти страницы ни в коем случае не могли быть переписаны дополнительно какой-то второй рукой.

Кроме того, необходимо принять во внимание и следующие доводы.

1. Почерк обеих приписок на предпоследней странице совершенно одинаков с почерком на стр. 21—48 и 129—130 (и нескольких других), а этот факт свидетельствует о том, что приписки и указанные выше страницы написаны одним писцом. Бесспорное сходство почерка обеих приписок является также важным обстоятельством и в вопросе об определении времени написания рукописи и ее переписчика.

2. Ни из каких других техник и черт их, так сказать, признаков не вытекает, что стр. 21—48 были переписаны впоследствии. В пользу этого нашего заключения говорит как их бумага, которая вряд ли могла быть совершенно одинаковой, при их предполагаемой вторичной переписке (в 1666 г., т. е. спустя целых 11 лет и притом в совсем другом месте), с бумагой остальной рукописи, так и объем предположительно вновь переписанного текста, с абсолютной точностью вставленного между страницами

⁹ Сведения об охридском архиепископе Данииле, названном в одной более новой рукописи епископом, находим у Е. Голубинского в его «Кратком очерке православных церквей — болгарской, сербской и румынской» (М., 1871, стр. 138, № 36), а также у Гельцера (H. Gelzer. Der Patriarchat von Achrida. — Abhandlungen der Philologisch-histor. Classe der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, 20 Band V, 1903, 27, 55) и Ив. Снегарова (История на Охридската архиепископия-патриаршия. София, 1931, стр. 197).

¹⁰ Сп. Ганев. Един бълг. препис на граматиката на Мил. Смотрицки, стр. 377.

20 и 49 (с полным совпадением слов предыдущей и последующей страниц). К сказанному надо добавить, что листы со вторым почерком находятся не в начале новой тетрадки, а начинаются на стр. 7 этой тетрадки и что почерк предыдущих ее 6 страниц такой же, как и во всей книге.

3. Сам собой напрашивается также вопрос и о том, откуда мог списать «многогрешный Михаил» из с. Вречез «потерянные» в рукописи 1655 г. 28 страниц и восстановить их в современном виде?

Указанные соображения приводят нас к заключению, что рукопись — дело одного переписчика и что она, вероятно, список со списка, сделанного в Торговище в 1655 г.

Сделан список с чрезвычайной тщательностью и с соблюдением особенностей графики печатного оригинала — обстоятельство, говорящее о высоком каллиграфическом искусстве переписчика и его уважении к печатному слову. Считаю нужным добавить, что в списке мы не обнаружили ни одного болгаризма (за исключением нескольких ошибок в падежах в записи).¹¹

Какими путями попала рукопись, списанная в Торговище иеромонахом Стефаном, в руки «многогрешного Михаила» из с. Вречез (Вречеш?) и какова была ее дальнейшая судьба — об этом мы не можем сказать ничего положительного. Во всяком случае в судьбе ее есть нечто невыясненное до конца. Однако это обстоятельство в конце концов не имеет решающего значения. Гораздо более существенным в данном случае представляется самый факт появления рукописного списка с Грамматики Мелетия Смотрицкого, сделанного болгариним в середине XVII в. и попавшего затем в Болгарию. Не менее значительным является и засвидетельствованный этим фактом интерес, проявленный со стороны отдельных болгарских книжников к изучению грамматики по русско-украинскому грамматическому руководству, сыгравшему важную роль в развитии грамматической культуры у славян вообще. С другой стороны, многозначительным представляется нам и факт очень раннего проникновения грамматического труда Смотрицкого и знакомства с ним в Румынии (во всяком случае в Валахии), перебросившей, таким образом, мост в процессе культурного общения между Россией—Украиной и Болгарией за сто лет до официального начала ее культурно-политического возрождения.¹²

Вторым по времени возникновению и притом частичным списком с Грамматики Смотрицкого в Болгарии является список, принадлежащий библиотеке Синода Болгарской церкви (инв. № 120/1953 г.). Список этот принадлежал бывшему владельцу одной из софийских типографий и коллекционеру старопечатных изданий Тодору Плочеву и поступил в синодальную библиотеку в 1953 г.

¹¹ Краткие сведения об иеромонахе Стефане Ловечском можно найти у болгарского историка Ю. Трифонова (Ловчанский грамматици през 15—17 в. — В сб. «Ловеч и Ловчанско», кн. 3, 1931, стр. 138 и сл.).

¹² В 1697 г. в Румынии иеромонахом Анфимом Типографом (вероятно, в Сягове, так как типография в Рымнике была открыта в 1706 г.) было перепечатано московское издание Грамматики Смотрицкого 1648 г. (246 стр. 8°). Более подробно об этом издании см. у Л. Милетича и Д. Агура в статье «Бележки от едно научно пътуване в Ромъния» (Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, т. 9, 1893, стр. 206—208). В заглавии румынской перепечатки имя Смотрицкого не упоминается. Л. Милетич говорит, что в известных ему библиографических указателях славянских старопечатных книг, например у В. М. Ундольского, это издание не упомянуто.

Заглавный лист рукописи отсутствует, от него сохранился лишь небольшой лоскут, наклеенный при ее переплете на лист плотной белой бумаги. Наверху на заглавном листе (точнее, на его обрывке), увенчанном грубо исполненной черной и красной тушью заставкой с растительным орнаментом, можно прочесть слова «густа день трети» и дату — 1721, наведенную чернилами или тушью.

Рукопись сохранилась, вероятно, в неполном виде, хотя пагинация начинается с заглавного листа (листы рукописи пагинированы арабскими цифрами, поставленными в правом верхнем углу страницы). Всего рукопись содержит 62 пагинированных листа. Сделана она на плотной лощеной бумаге с водяными знаками. Формат листа: 285, 290 × 200 мм. На странице по 23 строки, число которых не везде строго соблюдено. В тексте даны семь заставок, грубо сделанных черной и красной тушью (киноварью). Почерк имеет характер полуустава, довольно крупного, переходящего в скоропись. Лист 8 об. написан другим почерком, более небрежным, почти скорописным. Страницы очерчены линейной рамкой с неправильными линиями. Заглавия, подзаглавия и заглавные буквы написаны красной тушью. Площадь, занятая письмом, равна примерно 280 × 160 мм. Техника выполнения письма очень посредственная, в особенности по сравнению со списком 1655 г. Имя переписчика нигде не указано.

Лист 2, следующий за заглавным, является продолжением и начинается словами: «Седят и в духа святаго господа».

Первые 36 листов рукописи заняты текстом, списанным с какого-то руководства по славянской грамматике, не покрывающегося по своему содержанию Грамматикой Смотрицкого при его сличении со списком с издания 1619 г. (а также с более поздним изданием 1755 г., напечатанным в Римнике). Несмотря на несовпадение обоих текстов, в рукописи 1721 г., однако, обнаруживается явное влияние Грамматики Смотрицкого. Что касается последнего раздела рукописи (лл. 37—62), то по своей редакции и расположению частей он вполне одинаков (за исключением некоторых сокращений в тексте) с «Чинном технологии» в римникском издании Грамматики Смотрицкого 1755 г. («Чин технологии» отсутствует в болгарском списке 1655—1666 гг.). В качестве иллюстрации даем снимок одной из страниц «Чина технологии» (л. 41 об.) в рукописи 1721 г. (см. рисунок на стр. 467), а также несколько предложений на той же странице рукописи рядом с изданием 1755 г. (перепечатанным с московского издания Грамматики Смотрицкого 1721 г. под редакцией Ф. Поликарпова).

Рукопись 1721 г.

Издание 1755 г.

О имени

О имени

Что есть имя.

Что есть имя.

Имя есть часть слова, склоняемая и пр: лист! На колико разделяется имя? Надвое, на собственное и нарицательное. И что есть имя собственное? Имя собственное есть, еже особныя и известныя вещи знаменует яко: Петр, Анна, Москва, Фавор, Иерусалим и проч. (л. 41 об.).

Имя есть часть слова, склоняемая и проч. зри лист 17 на об. На колико разделяется имя. Надвое: на собственное и нарицательное. Что есть имя собственное? Имя собственное есть еже особныя и известныя вещи знаменует яко Петр, Анна, Москва, Фавор и проч. (л. 262 об.).

С каких точно образцов списывал переписчик списка 1721 г., сказать затрудняемся за неимением более широких данных — и рукописных материалов, и изданий старинных славянских грамматик. Возможно, что он имел на руках и печатное московское издание Поликарпова 1721 г. На эту мысль наводит нас дата — 1721 г. — на заглавном листе рукописи, совпадающая с годом выхода московского издания Грамматики Смотрицкого.

Первая части слова **и**же глется **и**ма.

О ИМЕНИ

Что есть **и**ма ;
Има есть часть слова склоняемая и пр. ли?

Накоlikо раздѣляется **и**ма ;

На двое, собственное и нарицательное. и

Что есть **и**ма собственное.

Има собственное есть, еже особина и известна,
бѣши знаменитъ, **и**ма: **пѣтръ, Анна, Москва,**

Иерусалимъ и прѣдъ **Что** есть **и**ма на-

рицательное: **Нарицательное** есть, еже община и не-

известна бѣши знаменитъ, **и**ма: **царь, дѣ-**

во, градь, древо и прѣдъ: **Сіе** **и**ма **О**тѣ какое есть;

Аще во обществѣ зокѣ и нарицательнаго но-

зѣи собственное есть поестествѣ и по собствѣ

ане по приращію: **понимъ** **оубъ** **нашъ** **нбный**
срѣнъ **есть** **гдѣ** **всесоудитель.**

Има нарицательное накоlikо раздѣляется;
На **трое**, **на** **существительное**, **со** **братительное**;
и **прилагательное**....

Что есть **и**ма существительное;
Существительное **и**ма **есть** **с**мѣже **приложію**
бѣти **не** **молитъ**, **мѣжъ** **женѣ** **дрѣво** **или** **что**
и **сице**

Это же подтверждает и тождество последнего раздела рукописи с изданием 1755 г., копией издания 1721 г. Известно, что издание Ф. Поликарпова было привезено в Сербию Максимом Суворовым в 1726 г. в количестве около 100 экземпляров и оттуда могло попасть и к болгарам.¹³ 1721 год можно принять и за дату переписки рукописи. Второе предположение кажется нам более оправданным, так как в его пользу говорит конкретное упоминание на заглавном листе «Чина технологии» (л. 34): «Записася месяца октоврий день 8». Но в таком случае почти целиком придется исключить первое предположение, так как, приняв его, нам нужно будет согласиться с допущением, что издание 1721 г. попало в Болгарию в год его выхода в Москве, а последнее очень мало вероятно. Фактических данных для этого у нас нет.

Несмотря на почти полное, буквальное совпадение «Чина технологии» с соответствующей главой у Смотрицкого в написании его есть некоторые технические особенности, отличающие его от графических и орфографических особенностей издания 1755 г. (а может быть, и 1721 г.). Отклонения эти следующие: 1) во многих словах «ъ» заменен паерчиком, чего нет в издании 1755 г.; 2) многие слова даны под титлом, чего нет в тех же словах в издании 1755 г., в котором они даются целиком; 3) в «Заключении увещательном» в списке 1721 г. отсутствует часть заключительной формулы с греческими словами, которую мы видим в издании 1755 г.

Нам известен и третий болгарский список славянской грамматики, оставивший несомненные черты воздействия Грамматики Смотрицкого. Рукопись поздняя (1834 г.), но тем не менее представляющая интерес по своим связям с грамматической системой Смотрицкого. Принадлежит она рукописному собранию Болгарской Академии наук и сохраняется в Рукописном отделе Архивного института (№ 16 по машинописному библиотечному списку). В свое время на нее обратил внимание болгарский языковед Б. Цонев, который отметил ее в своем «Описе» славянских рукописей библиотеки Болгарской Академии наук, опубликованном в 1916 г.¹⁴ Список грамматики был сделан с неизвестного нам оригинала, принесенного в Болгарию с Афона, из славянского монастыря «Хилендар», уроженцем г. Елена учителем Николой Михайловским в 1834 г. и был подарен им библиотеке Болгарского «Книжного дружества». На обороте 1-го белого листа Николой Михайловским была сделана следующая дарственная надпись:

«Настоящата Славенска Грамматика е преписана на 1834 година в Елена отъ мене отъ друга ръкописна донесена отъ Монастиръ Хилендарь. Тъз грамматика посветявам на библиотеката на Българското Книжно дружество в София. Н. Михайловский. София. 3, 8/вря 1884 г.»

Грамматика представляет собой рукопись малого формата — 8⁰ (117 × 115 мм), с площадью рукописного поля 140 × 90 мм, и имеет по

¹³ О Грамматике М. Смотрицкого у сербов в XVIII в. см.: Пл. А. Кулаковский. Начало русской школы у сербов в XVIII веке. СПб., 1903, стр. 108 и сл.

¹⁴ Б. Цонев. Славянски ръкописи в Българската Академия. — Сборник на Българската Академия на науките, кн. 6. Клон историко-филологичен и пр., София, 1916, стр. 78, № 16. Б. Цонев делает ссылку на три экземпляра подобной грамматики рукописного отдела Народной библиотеки в Софии, дать описание которых здесь мы не имеем возможности (см. его «Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София» (София, 1910, №№ 378—380)).

О ГРАММАТИЦѢ

Что есть грамматика ;
Грамматика есть известное искусство,
доброе таковати, правду,
писати, и что оно и сего и без-
потребно развирати и разсудати
научающе

и частехъ (грамматикни)

Части	}	а	Орѳографія
и		б	Етимологія
и		в	Синтаксисъ
и		г	Проудіа

Суть же части сѣ сѣмъ.
Орѳографія, праву писати, и
такоже въ реченіяхъ праву судити.
Етимологія, всама реченія
свои илзъ оумоуствѣ поимъ возносити.
Синтаксисъ

Грамматика Смотрицкого. Рукопись XVIII в.

23 строки на странице. Толщина книги 30 мм. Всего в рукописи 211 пагинированных листов и 2 непагинированных. Написана она на бумаге, вероятно, растительными чернилами, в тексте есть киноварные буквы и примитивно сделанные чернилами и киноварью заставки. Оправлена рукопись в переплет — деревянные доски, обтянутые кожей, с медными застежками. Письмо мелкое, четкое и хорошо сохранившееся. Список был сделан, как уже сказано, известным болгарским учителем эпохи возрождения Н. Михайловским, воспитанником Историко-филологического факультета Московского университета, преподававшим в небольшом балканском городке Елена, славившемся в ту пору своим училищем и учителями.¹⁵

При знакомстве со списком Н. Михайловского нетрудно установить, что он был списан с оригинала, составленного под непосредственным воздействием Грамматики Смотрицкого. На это указывает как его общая система и содержание отдельных частей, так и отдельные страницы, почти буквально, с маленькими редакционными поправками, списанные с Грамматики Смотрицкого. Но о полном совпадении обеих грамматик или их тождестве говорить не приходится. Более подробное сличение списка Михайловского с оригиналом Смотрицкого (мы имеем в виду рукопись 1655 г. и печатное рымникское издание, которыми мы пользовались) указывает и на ряд расхождений, разночтений и несовпадений.

Как и у Смотрицкого, в рукописи Михайловского частей грамматики четыре: орфография, этимология, синтаксис и просодия. Склонений — пять. В примерах и парадигмах встречаются часто одни и те же слова и образцы (например: Иона, святыня, отроча, иерей и др.). В тексте даны хорошо выполненные от руки таблицы (в виде обобщения на отдельных вклеенных листах). Грамматика начинается «Предисловием к любомуудрому читателю» на 7 листах (последние два не пагинированы) и оканчивается воронкообразной концовкой. Ниже даем две первые строфы «Предисловия» (по 4 строки каждая, л. 1): «Аще не бы кий либо художник имел потребных к своему художеству орудий: не бы могл своего совершенства добре соделати. И аще кому либо в путном шествий не бы был наставник, не бы кроме труда и болезни пут свой восприимал».

В качестве образца даем снимок с начальной страницы грамматики — «О Грамматике» (см. рисунок на стр. 470).

О близости и расхождении текста рукописи с текстом Грамматики Смотрицкого нетрудно судить по сопоставляемым ниже страницам рукописи и списка грамматики 1655 г., сделанного в Торговище (оговариваем, что редакция страницы списка 1655 г. почти тождественна с редакцией печатного издания 1755 г., вышедшего в Рымнике):

Рукопись 1834 г.

О Грамматике

Что есть грамматика?

Грамматика ест известное художество добре глаголати и право писати и чтомоє искусно и безпогрешне разбирати и разсуждати научающее (л. 1).

О четветой (так!) слова части причастии. Причастие есть слова част четветая

Список 1655 г.

Что есть грамматика?

Есть известное художество благо и глаголати и писати учащее (л. 1).

О причастии.

Причастие есть часть слова скланяемая, свойством имене и глагола причащающаяся. Наридается причастие от прича-

¹⁵ О г. Елена как культурно-просветительном центре в первой половине прошлого столетия и ее училище и учителях см.: Еленски сборник, София, 1931, стр. 74—123. В Елене было подворье (метох) Хилендарского афонского монастыря, при котором существовало «келийное» училище. Отсюда становится ясным, каким путем могла попасть к Михайловскому с Афона, из Хилендара, славянская грамматика, с которой им был сделан список.

скланяемая, свойством имени и глагола причасвующая (л. 64). Последующая бо причастию вземаются частию от самага имени яко: род, падеж и склонение, частию от самага глагола яко: залог и время, частию же от обою (л. 64 и 64 об.).

щения: последующая бо причастию вземаются частию от самага имени яко: род, падеж, склонение; частию от самага глагола: яко: залог и время, частию от обою: яко число и начертание.

Известна была в Болгарии и перепечатка Грамматики Смотрицкого, сделанная по распоряжению сербского карловацкого митрополита Павла Ненадовича в Рымнике в 1755 г. Один экземпляр этого издания попал в руки известного болгарского просветителя — иеромонаха Неофита Рыльского и сохранился в книгохранилище Рыльского монастыря (№ 491-160-4865). В рымникском издании, перепечатанном с московского издания Ф. Поликарпова 1721 г., имя М. Смотрицкого, как и в издании 1721 г., не упоминается. Однако любознательный Неофит при посредстве русского перевода грамматики знаменитого Иосифа Добровского (Грамматика языка Славянского..., ч. II, 1838), бывшей в его библиотеке, установил, что автором этой грамматики был именно М. Смотрицкий. Об этой идентификации свидетельствует собственноручная приписка Неофита на форзаце книги. Грамматику Смотрицкого наряду с другими старыми славянскими грамматиками имел в виду Неофит и в «Филологическом предуведомлении» к своей «Болгарской грамматике», увидевшей свет в 1835 г.: «В прочемъ аз имах неизбѣжна должниче... да изложим настоящи те граматически правила, собрав от различни новы и ветхи Славенски грамматики...» Проф. Л. Милетич, специально интересовавшийся грамматическими источниками «Болгарской грамматики» Неофита, приходит к вполне определенному выводу об использовании автором и Грамматики Смотрицкого.¹⁶

Более широкую известность получила славянская Грамматика Смотрицкого в переработке серба Авраама Мразовича, автора очень популярного среди южных славян «Руководства к Славенстей грамматиче», вышедшего в Будине (Будапеште) в 1834 г. Под влиянием грамматической системы Смотрицкого—Мразовича были составлены отчасти и славянские и славяно-болгарские грамматики Неофита Бозвели (1835 г.), Христаки Павловича (1836 г.) и др. В 1900-х годах о Грамматике Смотрицкого упоминают в «Уводе» к «Грамматика на церковнославянския език» (София, 1901) К. Караюлев и И. Бакалов.

Таковы общие сведения об известности и распространении Грамматики Мелетия Смотрицкого и его грамматической системы церковно-славянского языка в Болгарии в эпоху ее возрождения, подробный и обстоятельный разбор которых может быть предметом специальной работы.

¹⁶ Л. Милетич. От. Неофит Рилски като филолог. — Училищен преглед, г. 11, кн. 1, стр. 23 и сл. (отд. оттиск). Об интересе Неофита Рыльского к Грамматике Смотрицкого говорят и заметки, сделанные его рукой на полях некоторых страниц экземпляра 1755 г.

М. В. НИКОЛАЕВА

Устные сказания «о покинутом сыне» и рукописные повести
первой половины XVIII в.

(История о Ефродите и Максине)

Среди повестей и романов, бытовавших на Руси в первой половине XVIII в., заметное место принадлежало «Истории о славном саксонском короле Ефродите и о сыне его... Максине и о прекрасной принцессе Раксане». А. Н. Пыпин указал на три списка этой повести,¹ мной обнаружены еще три списка.²

Действие повести о Ефродите и Максине приурочено к «Европии», «Саксонскому» и «Полскому» королевствам, городам «Дрездину» и Риге.

Сюжет ее сводится к следующему. Молодой саксонский король Ефродит, резиденция которого находится в «Дрездине», не успел жениться до смерти своего отца. Однажды он явился в «присутствующий сенат» и объявил о своем намерении отправиться в другие государства «для всякого любопытства». Вместо себя в качестве верховного правителя король оставляет «генераллисимуса» принца Георгия Альберта. Путешествуя, король останавливается в Польском королевстве, «в некотором местерке», где «обитала вдовствующая принцесса Марианна». Он «смертельно в нее влюбился», так что вскоре «возымел намерение жениться» и жил с Марианною «в подобие супруги». Не дождавшись рождения своего ребенка, ко-

¹ Для любителей книжной старины М., 1888, стр. 23

а ГПБ, Q XV.87, в 4-ку, лл. 61—103, не хватает одного листа в начале повести. Сборник написан одним почерком. О датировке его можно судить по приписке к повести об Аполлоне Тирском: «Списана в сентябре до 12 числа 1744 году» (л. 20 об.)

б ВБЛ, в сборнике ОИДР, отд. 1, № 324, в 4-ку, лл. 135—179 разными почерками; водяной знак бумаги 50—60-х годов XVIII в. После заглавия идет запись латинскими буквами «Sia istoria Nicity Sacharowa», и далее русскими буквами «писал своею рукою». На внутренней стороне переплета многочисленные записи владельцев и читателей сборника, стершиеся и не поддающиеся прочтению, кроме нескольких дат (1775, 1777, 1778).

в Собр. Мордвинова, в 4-ку, на 72 л. тремя почерками половины XVIII в. Эта рукопись мной не найдена.

² г ГПБ, арх. Тиханова, № 374, в 4-ку, лл. 2—33, не хватает одного листа в начале повести, а также лл. 16—24. На нижней крышке переплета с внутренней стороны запись: «Сия Гистория лейбгвардии Семеновского полку 9 роты солдата Алексея Трубицына. Писана марта 23 дня 1748 году». Ниже почерком конца XVIII в. «Сия история лейбгвардии Семеновского полку 6 роты солдата Алексея Григорьева сына Берескина А. подписал я, Берескин, своею рукою». Имеются и другие разновременные записи.

д ГИМ, инв. 39476, муз. 1573, в 4-ку, на 81 л., почерком второй половины XVIII в., не хватает одного листа в начале рукописи, крышки переплета сорваны.

е ГИМ, инв. 38010, муз. 1043, в лист, лл. 1—34, в сборнике второй половины XVIII в. Внизу по лл. 1—34 идет запись «сия история Ярославского экономического правления канцеляриста Андрея Палетаева. Списана в 1777 году в городе Ярославле».

роль отправился далее, оставив в подарок будущему наследнику золотую «вещь чудной работы, в подобие короны». Объездив многие государства, Ефродит возвратился «во отечество свое».

Между тем у принцессы Марианны родился сын Максион, «Славные философы и мудрые Аристотели» «по планетам» определили, что Максион будет наследником Саксонского королевства.

Через пятнадцать лет, почувствовав в себе «великую силу», Максион просит мать отпустить его «в европейския государства» для «обучения кавалерских поединков» («для обучения разных языков и доброго обхождения»). Приехав «в дальние приморские острова, лежащие в Европе», Максион в короткое время прославился как сильнейший в поединках («в науках»). За свое «кавалерство» он получает «патент», а также великое богатство и под видом «галанского» купца приезжает в столицу Саксонии. Король Ефродит с радостью принял Максиона и разрешил ему торговать в своем городе «беспешлинно». Молодой купец изъясняется в Дрездене то на «галанском», то на «французском» языках, чем, как и «учтивством и красотою», немало удивил короля и «тамошнее министерство и протчих кавалеров». В это время король Ефродит задумал жениться на дочери принца Альберта — Роксане, но браку не суждено было совершиться. Явившись однажды в дом купца Максиона за покупками для свадьбы, Роксана, почувствовав на себе его влюбленный взгляд, сама горячо влюбилась в него. Таким образом, неузнанный сын становится соперником отца.

Чтобы скрыть от царя и окружающих свою любовь к Роксане, Максион, не без участия возлюбленной, устраивает подземный ход от своего дома до ее спальни, так что «по вся дни и ночи... подземельным ходом к Роксане ходил».

В поединке с сильнейшими кавалерами Максион выходит победителем. За мужество и храбрость король награждает его «кавалерией» и приглашает «на веселье» во дворец. Роксана же, восхищенная силой и кавалерскими доблестями возлюбленного, признается ему в своей готовности стать его супругой и отказаться от обязательств, данных ею прежде королю Ефродиту.

Давая клятву верности в любви друг другу, Максион и Роксана решают до вступления в брак хранить чистоту и непорочность. Но радость взаимной любви неожиданно сменяется печалью: тайна подземного хода и их любви становится известной королю. Под видом «галанца», монаха «католицкой веры», он приходит к Максиону на ночлег и становится свидетелем любовного свидания. На следующую ночь король повторил свое путешествие, но уже не один, а вместе с отцом невесты. Теперь он намерен жестоко покарать соперника: арестовать и «уморить в темнице». Роксану же отец посадил в «особливую полату под караул».

Начинаются злоключения Максиона: расправившись один с целым отрядом королевских войск, пытавшихся арестовать его, он покидает Дрезден и странствует по неведомым землям, по лесам и болотам, «непроходимым вертепам, в великой печали и безпамятстве». Не раз он вступает в поединки с преследующими его врагами, с отчаяния пытается пронзить себя мечом и, наконец, оказывается случайным свидетелем поединка «российского кавалера Руслана», защищающего его, Максиона, честь перед лицом коварного «малтского» кавалера. Руслан называет свое имя и рекомендует себя как представителя «российских кавалеров». Максион посылает Руслана с поручением к Роксане в Дрезден, а вскоре и сам направляется туда, будучи не в силах далее терпеть разлуку с возлюбленной. В Дрездене воины короля во главе с «командующим» окружили дом

Максиона и пленили кавалера сонным. Принц Альберт с «прочими сенаторы» приговорили Максиона к смертной казни. На месте казни герой заявляет королю о своем высоком происхождении и в качестве доказательства того предъявляет «патрет», по которому король и узнает в нем сына. Обрадованный отец принимает сына «с пребогатой церемонией». Роксана же, не зная об этом, проливает слезы, неоднократно приходит в «беспамятство» от страха за жизнь возлюбленного, но вскоре и ее печаль рассеивается: король выражает согласие на брак Максиона с ней.

Максион отправляется за матерью, а она в то же самое время сама поехала разыскивать его «по многим государствам». Некий граф, «в реформатской земле», рассказал ей о ее сыне и о том, что «российские квалеры» намерены сразиться за него с Саксонией. Граф направил Марианну «в град Ригу, где находитца множество квалеров», друзей Максиона, «как российских, так и прочих государств, понеже Рига была в то время в великой славе». В Риге Марианну преследует злейший враг Максиона — Рудольф, который готов искать «сатисфакцы[и]» даже «над дамскими персонами». Но как прежде у сына, так теперь у нее нашелся надежный защитник в лице российского кавалера Льва. Вскоре явился и сам Максион. Расправившись с Рудольфом, он возвращается с матерью в Дрезден. Повесть заканчивается благополучным соединением в браке короля с Марианной, а Максиона с Роксаной. По смерти отца Максион стал королем саксонским и «присовокупил к своему королевству немало провинций».

* *
*

Популярная в XVIII в. «История» о Ефродите и Максине написана на сюжет «о покинутом сыне», широко известный в русских сказках и былинах, а также в литературе народов Востока.³ Не позднее середины XVIII в. им воспользовался и неизвестный автор русской повести о Ярополе царевиче. Повесть о Ефродите и Максине, распространявшаяся в русской читательской среде в то же самое время, что и «Гистория» о Ярополе, является вторым примером воплощения данного сюжета в жанре авантюрной повести. В самом деле, все основные мотивы названного сюжета в повестях о Ефродите и Максине и о Ярополе царевиче совпадают. Подобно Ефродиту, молодой царь Моаф отправляется в другое государство и там вступает в супружество с королевской дочерью, которая рождает ему сына Яропола. Вскоре Моаф покидает жену и сына, оставив последнему царские приметы (по которым позднее он его узнает), и возвращается в свою страну. Как и Ефродит, Моаф, забыв о покинутой жене, обручается с дочерью своего министра. Но в это время под видом купца приезжает его сын Яропол, в которого влюбляется царская «обручница». И здесь, как в повести о Ефродите и Максине, влюбленные соединяют подземным ходом свои жилища, но их тайна становится известной королю. Король вместе с отцом своей невесты, переодевшись в рубище странника, лично убеждаются в любовной связи своей избранницы с приезжим гостем. Моаф решает жестоко покарать соперника, но мудрец Агарь по приметам открывает в Ярополе сына царя. Затем следует соединение в брачном союзе Моафа с матерью Яропола и Яропола с Параклитой.

Таким образом, в обеих повестях сюжетная канва одна и та же. Но лишь канва, схема. Конкретное же наполнение ее различно. Достаточно

³ С. Ф. Елеонский. Сказки и повести XVIII в. Докт. дисс. (Машинопись). ГБЛ, Дд. $\frac{48}{88}$, ч. II.

сказать, что повесть о Ярополе в целом выполнена в духе русских воинских повестей и история «о покинутом сыне» составляет лишь одну из ее частей, тогда как повесть о Ефродите и Максине целиком сочинена на данный сюжет и обильно расцвечена рыцарскими эпизодами, которым нет какого-либо соответствия в повести о Ярополе. Никакой непосредственной связи между данными повестями нет. Они возникли независимо одна от другой на основе каких-то односюжетных сказок или повестей (последние в свою очередь также могли возникнуть на основе сказок).

Свидетельством того, что сюжет «о покинутом сыне» в сравниваемые повести привнесен извне и лишь обработан авторами, может служить логическая несогласованность отдельных сюжетных мотивов, имеющая место не только в повести о Ярополе,⁴ но также и в повести о Ефродите и Максине. Так, в самом начале сказано, что король Ефродит, уезжая от принцессы Марианны, оставил в дар будущему ребенку золотую «вещь в подобие короны» на «золотой цепочке», в конце же Максин в доказательство своего высокого происхождения «от коронованной персоны» предъявляет королю «патрет». Или еще: в тексте сказано, что подземный ход был сделан тремя мастерами, которые поклялись Максину скрыть ото всех дело своих рук, но вдруг тайну влюбленных, неожиданно для читателя, открывает в доносе королю некий кавалер Фурней. Каким образом секрет стал известен Фурнею, узнать невозможно. В лучших же сказках с однозначным сюжетом подобных несоответствий не имеется: донос королю совершается либо одним из устроителей подземелья, либо ночлежником купца, ставшим случайным свидетелем встречи влюбленных; предмет, завещанный королем сыну, остается одним и тем же, хотя и различным в разных сказках. Наконец, обращает на себя внимание и то, что в повести о Ефродите и Максине, в отличие от родственных сказок, неудачно введен в повествование главный, стержневой эпизод, вокруг которого строится все произведение — поездка героя в страну отца и встреча с ним. В сказках, когда королевич вырастает, он едет, чтобы найти неизвестного ему отца; в повести же Максин отправляется в «Европию» за наукой. Вследствие такой мотивировки поступка героя автор наделяет его качествами, не известными сказочным персонажам, и в то же время он делает явный художественный просчет, которого нет в сказках: поездка Максина в Дрезден и встреча с отцом является результатом случайностей, непреднамеренных поступков, что делает его пассивным; кроме того, и все повествование теряет ту четкость и целеустремленность действия, которые свойственны соответствующим устным сказаниям.

Все сказанное (а примеры, аналогичные приведенным, можно было бы умножить) позволяет сделать вывод о первичности сказок и вторичности повести о Ефродите и Максине, разрабатывающих один и тот же сюжет («о покинутом сыне»).

* *
*

Многочисленные записи на списках повести о Ефродите и Максине свидетельствуют о большой распространенности ее в XVIII в. Чем же заинтересовала она русского читателя? Здесь читателя увлекал мир страстной и верной любви, преодолевающей всевозможные препятствия; драматическая борьба не узнающих друг друга отца и сына, наконец, образ

⁴ М. В. Николаева. «История о Ярополе-царевиче» и сказочно-былинная традиция. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 64—65.

умного, ловкого купца, известный ему (читателю) по самым различным сказкам⁵ и повестям, при этом и вне связи с сюжетом «о покинутом сыне».⁶ Исключительная популярность этого героя в сказках и повестях не случайна. В период развития буржуазных отношений, когда купечество выходило на роль ведущего класса в обществе, обеспеченная жизнь его представлялась крестьянину, ремесленнику, мелкому служащему заманчивой и в то же время вполне достижимой.

Интерес к повестям о Ярополе царевиче и о Ефродите и Максине поддерживался весьма давней устной литературной традицией. Дело в том, что сюжет «о покинутом сыне» перекликается с другим международным сюжетом — о «бое отца с сыном». В них много общих элементов: герой (богатырь, царь) на чужбине приживает сына с особой знатного происхождения; покидает ее и оставляет своему ребенку драгоценный предмет (кольцо, камень); сын отправляется на поиски отца; неузнанные отец и сын вступают в соперничество; узнание по приметам. По указанию А. Н. Веселовского, сюжет «бой отца с сыном» лишь с небольшими отклонениями распространен с древнейших времен у разных народов.⁷ В русском эпосе известно 28 пересказов былины о «бое отца с сыном».⁸ Однако между эпическими песнями о бое отца с сыном, уходящими своими корнями в глубь веков, повестями и сказками «о покинутом сыне», получившими широкую известность в русской литературе, по-видимому, лишь с XVIII в., имеется и существенное различие. Подвиги, деяния героев в эпических песнях подчинены высокой общественной цели — защите отечества от врагов. Отсюда понятно, что главный герой-богатырь наделен одним определяющим качеством — огромной физической силой, составлявшей непрменный признак героя. Ум, честь, внешняя красота — эти качества лишь сопутствуют главному: сильнейший в то же время и умнейший, честнейший, доблестнейший. Не то в сказках и в особенности в повестях «о покинутом сыне». Определяющее место в их сюжете занимают события и приключения романического характера, описание любовных переживаний. Кульминацией является, как и в соответствующих былинах, столкновение не узнающих друг друга отца и сына, но не в единоборстве на поле брани в качестве представителей враждующих сторон, а на почве любовного соперничества. При этом торжествует победу тот, на чьей стороне моральное и естественное право, — сын. Отец не только побежден в любовном состязании с сыном, но посрамлен, так как он претендует на руку юной девушки, в то время как где-то в чужом краю томится неизвестностью о нем жена. В отличие от былин (бой отца с сыном), в повестях воинственность королевича, отправившегося на поиски отца, не является ни единственным, ни даже главным его качеством. Она оценивается либо в одном ряду с другими, либо отходит на второй план, либо герой вовсе ею не наделен. Здесь внимание читателя сосредотачивается на уме героя, на знании языков, «философии» и других наук, на сообразительности и находчивости, наконец, на умении сильно, нежно и красиво любить. Именно этими своими сторонами рассматриваемые повести соответствовали вкусу и идеалам читателей XVIII в., вызывая у них живые и волнующие ассоциации с действительностью. Не случайным и характерным является и то, что главный герой повестей (Максион, Яропол), как уже говорилось

⁵ См. сказки «о покинутом сыне», «об оклеветанной девушке», о разборчивой невесте и др. (С. Ф. Елеонский. Сказки и повести XVIII в., стр. 641).

⁶ См., например, повесть о Франце Имензолиусе в сборнике ГПБ, Q.XV.26.

⁷ А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Под ред. В. М. Жирмунского. Л., 1940, стр. 546—564.

⁸ Там же, стр. 564.

выше, действует в роли купца. В этом необычном для королевича положении он благодаря своему уму и внешней привлекательности пользуется славой, признанием и симпатиями среди окружающих. Здесь имеет место своеобразное слияние в одном художественном образе двух — царевича и купца, каждый из которых характерен для разных, но смежных этапов литературного развития — древнего и нового. Сочинители рукописных повестей XVIII в. не порывают с привычными образами и идеями, воплощенными в старинных устных и письменных сказаниях. Но в то же время они находятся во власти новых общественных представлений и идеалов. Это и объясняет в данном случае своеобразную контаминацию образов царевича и купца.

Другой главный персонаж, Роксана, также вполне отвечал духу новой морали, новых представлений о женщине и женской любви, нашедших отражение в различных русских повестях в образах Аннушки (повесть о Фроле Скобееве), Ираклии (о Василии Кориотском), Елеоноры, Тирры Гедвиг-Доротей (об Александре, российском дворянине) и в образе Параклиты (повесть о Ярополе царевиче). Роксана обладает горячим сердцем и нежностью, но в то же время она решительна и смела, когда дело касается ее личной судьбы. Юная, «красотой сияющая», она понравилась королю Ефродиту, и он «назначил» ее себе в жены. Однако, встретив молодого учтивого купца, Роксана целиком отдается во власть всепоглощающего чувства, хотя и знает, что ей грозит кара за нарушение воли родителей и короля, которому она «обязалась» уже быть супругой. Она решительно отстаивает право самой выбирать себе жениха, по любви. Подобно Аннушке (повесть о Фроле Скобееве), Роксана в конце концов выходит победительницей.

К числу наиболее любопытных особенностей повести о Ефродите и Максоне относится введение в нее двух представителей «российских ковалеров» — Руслана и Льва,⁹ выступающих в качестве сторонников и защитников Максона. Их роль в повести весьма примечательна. Именно им, в отличие от других кавалеров («малтских», «саксонских»), свойственны чувство высокого, «ковалерского» долга, справедливости, гуманное и учтивое отношение к женщине. Руслан, услышав о славе Максона, «взяв позволение от всех российских ковалеров, чтоб... ехать за того славного ковалера».¹⁰ Он один против трех вступает в бой, защищая честь Максона, и скорее готов умереть, нежели слышать «поношение» герою; он становится поверенным Максона в его интимных отношениях к Роксане; наконец, он посрамляет и приводит в страх и трепет короля Ефродита, заявив, что «российские ковалеры» намерены мстить Саксонии за бесчестие героя. Перепуганный король, как бы прося о пощаде, объясняет Руслану причину своего гнева против Максона и просит поведать о ней «всем господам российским ковалерам».

Другой российский кавалер, оказавшись в Риге, вступился за честь матери Максона, которую «поносил» «малтский кавалер» Рудолф из мести к ее сыну. Рудолф же пытается порицать российских кавалеров, хвастливо заявляя: «между нами издревле неравенство, и малтские от росиских отстоят далече». Однако же в конце концов честь и слава оказываются на стороне российских кавалеров.

Известно, что в последней трети XVIII в. было создано целое направление русского волшебного-рыцарского романа («Русские сказки» Лев-

⁹ В списке ГИМ, муз. 1753, инв. 39476 никакого упоминания о «российских ковалерах» нет.

¹⁰ ВБЛ, сборник ОИДР, отд. 1, № 324, л. 107.

шина, «Пересмешник» Чулкова, «Славянские древности» Попова и др.). В романах этого типа герои русских былин и богатырских сказок были представлены в виде рыцарей, странствующих в поисках чести и славы, преодолевающих самые сложные препятствия на своем пути, участвующих в турнирах и поединках. Созданию романов этого типа предшествовал период приобщения русских читателей к иноземным переводным авантюрно-рыцарским историям и творческого усвоения их. Это началось еще в XVII в., но особенно интенсивным было в XVIII в. Повесть об Александре, российском дворянине, и повесть о Ефродите и Максоне, в которой действуют и российские кавалеры, являют собой ранние примеры создания русских героев-рыцарей.

Н. Н. РОЗОВ

Об одном пародийно-сатирическом сборнике XVIII в.

В одной из своих последних работ, посвященных проблеме становления и развития в древнерусской литературе сатирического жанра, В. П. Адрианова-Перетц писала: «Порожденная самой жизнью, назначенная воздействовать на нее в определенном направлении... демократическая посадская сатира представляется качественно новым явлением, подготовленным и традициями сатирического изображения, складывавшимися в русской литературе всего предшествующего периода, и бурным расцветом сатирической поэзии в тех слоях трудового народа, которые активно участвовали в антифеодалных движениях XVII в.»¹

Это положение применимо и к русской демократической сатире XVIII в., когда бытовали и развивались старые, а также «порождались самой жизнью» новые произведения и жанры сатирической литературы, воздействовавшие на жизнь преимущественно в тех же направлениях — антифеодалном и антиклерикальном. Кроме того, объектом сатиры XVIII в. становятся иногда и новые «герои своего времени» — представители нарождающегося русского капитализма — со всеми их уже в то время определившимися свойствами и качествами. Наконец, в сатире XVIII в. нашла свое применение и дальнейшее развитие не только тематика сатиры предшествующего столетия, но и некоторые стилистические приемы и формы последней; особенно четко это прослеживается на примере сатирической пародии XVIII в., отразившей много черт, свойственных демократической сатире XVII в., заимствованных непосредственно из народного творчества.

В этом отношении интересен один сборник второй половины XVIII в., в котором отразилась тесная связь между двумя периодами развития русской литературы.

Сборник в 1863 г. поступил в составе собрания И. П. Сахарова в ГПБ. При записи в инвентарный каталог Рукописного отделения он был отнесен к XVII тематическому разделу (так называемая «полиграфия»), заняв в нем среди рукописей «in octavo» также 17-е место. Так сложился хорошо известный литературоведам шифр сборника О.XVII.17, под которым он был впервые кратко описан,² вошел в литературу и хранится и сейчас в ГПБ.

За исключением двух последних листов,³ сборник написан одним почерком — четкой писарской скорописью второй половины XVIII в.;

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, «У истоков русской сатиры», стр. 161.

² Отчет Имп. публичной библиотеки за 1863 г. СПб., 1864, стр. 59—60.

³ На этих двух листах другим, более поздним почерком приписано: «Из хронографа о браках царя Иоанна Васильевича», причем говорится не о семи, как обычно,

заглавия написаны теми же чернилами, но крупными буквами, подражающими печатным — то старым (кириллическим), то новым (гражданским) шрифтам своего времени. В конце (лл. 155—156 об.) помещено оглавление, написанное тем же, что и весь сборник, почерком, которое приведем целиком (опуская лишь указания на листы), чтобы познакомиться с содержанием сборника.

«Оглавление басням книги сея и о бороде гимн и протчая. То значит ниже сего:

- ершеве суде,
- шемякине суде,
- птичиим совете,
- челобитне Колязина монастыря,
- куре и о лисице,
- птичиим чине на мори,
- История о купце,
- авизиах,
- Гимн бороде,
- передетой бороде,
- употреблении саксонских кресьян Отче наш,
- На имн (гимн, — Н. Р.) и передетую бороду письмо,
- Дефирамб Бакхусу,
- Хула на бороду духовных лиц».

Перечисленные здесь произведения, за исключением «Истории о купце», опубликованы и достаточно хорошо известны ученым: материалы сборника не раз были использованы исследователями, и в частности В. П. Адриановой-Перетц⁴ и М. И. Сухомлиновым при издании собрания сочинений М. В. Ломоносова.⁵ Однако состав этого интересного сборника в целом, имеющиеся на нем приписки владельцев и читателей, до сих пор еще специально не исследовались.

Между тем содержание сборника, носящего отчетливые следы сознательного подбора материала, убедительно доказывает, что для его составителя не существовало разницы между произведениями XVII в. и современной ему русской литературы XVIII в. Он лишь объединяет (в оглавлении) термином «басни» первые из них (вероятно, потому что в каждом из них действуют животные), а «Гимн бороде» и все остальное в этом сборнике (произведения, связанные с литературной полемикой вокруг сатир Ломоносова), названное им «протчая», выносит в другую рубрику, не обобщая их, а лишь перечисляя по отдельности.

Между этими двумя рубриками составитель сборника поместил «Историю о купце», по своему жанру и содержанию занимающую действительно промежуточное положение между произведениями русской демократической сатиры XVII в. и сатирами русских писателей XVIII в.

а о восьми его женах. М. Н. Сперанский установил, что эта приписка сделана рукой известного фальсификатора рукописей А. И. Сулакадзева (Сперанский, М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX в. Проблемы источниковедения, т. 5, М., 1956, стр. 100).

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. 1) Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. — ТОДРА, т. II. М.—Л., 1934; 2) Образцы общественно-политической пародии XVII—начала XIX в. — ТОДРА, т. III. М.—Л., 1936; 3) Русская демократическая сатира XVII века. 4) Библиография древнерусской повести (в соавторстве с В. Ф. Покровской), в. I. М.—Л., 1940.

⁵ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1893, примечания и комментарии. «Птичий совет» и «Чины на море» были опубликованы по этой рукописи Х. М. Лопаревым (ПДП, № 96, 1896), а Калязинская челобитная — в сборнике «Русская повесть XVII в.» (Л., 1955).

От традиций русской сатиры XVII в. «История о купце» унаследовала и яркую сатирическую форму, и социальную направленность. Объектом сатиры в ней является некий мещанин, выбившийся в купечество, да еще в «президенты гостиной сотни» и поэтому зазнавшийся. В «Истории» осмеиваются главные, типические свойства характера этого «мещанина в купечестве» — заносчивость, хвастовство, чванство, рабское тяготение к «знатым домам», влечение к иностранцам. В изложении похждений героя черты реальной жизни, быта и даже топографии Петербурга второй половины XVIII в., в котором происходит действие, перемежаются и переплетаются с эпизодами сказочно-басенными, скоморошьими.

Из наблюдений над реальной жизнью в «Истории о купце» взято меткое замечание о «превеликих того града (Петербурга, — Н. Р.) разстояниях, имущаго в себе во всех улицах и вертоградех каменные мосты» (речь идет, очевидно, о каменных мостовых, появившихся в Петербурге еще в 1714 г.; первые каменные мосты через реки и каналы были построены лишь в 1762 г.), упоминание о «трактирах», в которых герой, уверявший, что его постоянно приглашают «в знатнейшия дома иногда для кушания, овогдаж для увеселения», «имел кушать за свои деньги», о поездке его «в предзнатнейшее место, где учинилось видеть збывшуюся тамо комедию», и многое другое (например, упоминание «обмывальницы» при доме, где он остановился). Знание быта столичного портового города отразилось также в употреблении морской терминологии.

И все это перемежку с балагурством, скоморошеством, шутовством. «Нарочная и zelo убранныя колесница» оказывается сделанной «ис плодов древесных ветвий и огородных листов», запрягаются в нее не лошади, а голуби; для перевоза через реки употребляется «изрядное судно, зделанное ис песка, машты его бяху построены из воздуха, вымпал — из земли, а фок и грот, то есть парус, — ис облак».

Элементы безудержного балагурства и скоморошества усиливаются и становятся совершенно неумеренными в следующих за «Историей о купце» и тесно связанных с нею «Авизиях». Хотя эти «Авизии» оформлены как составная и заключительная часть «Истории о купце»,⁶ их следует рассматривать как самостоятельное произведение, относящееся к мало известной разновидности сатиры XVIII в. — пародии на газетные известия.

От «Истории о купце» «Авизии» отличаются не только по форме, но и по содержанию. Если в «Истории» отчетливо чувствуется какой-то подтекст и вполне возможно, что специальное исследование обнаружит, против кого именно направлено это произведение (признаки адресата этой сатиры обозначены достаточно определенно: гостинный староста города Тобольска 1735 г.), уточнить его датировку, место и обстоятельства сочинения, то в «Авизиях» вряд ли удастся уловить что-либо конкретно-историческое: это пародия на газетные известия вообще, в целом. Трудно заподозрить какую-нибудь аллгорию в такой, например, «Авизии ис Мандрита»: «Город Кадикс выконопатили и вывели в море. Стоят на якирях и дожидаются способных ветров итти в Галандию».

⁶ Переход от «Истории о купце» к «Авизиям» оформлен следующей фразой: «...имел оной старшина друзей таковых же подобных себе иноземцов и чрез их получал себе разные авизии... с которых при сем прилагается список от слова до слова». Соединение этих двух произведений в одно свидетельствует о творческой инициативе составителя сборника, о его чуткости к литературным жанрам: оба эти произведения носят черты редкого и отжившего уже в XVIII в. жанра скоморошьих, шутовских пародий.

Ценность «Авизий» заключается прежде всего в том, что несмотря на свою шутовскую форму они написаны человеком, если не образованным вообще, то начитанным по части газет и географической литературы, а может быть, и человеком, много путешествовавшим. Он, например, знает, что в Париже есть «Трунфальные» (триумфальные) ворота, а в Каспийском море, у берегов Персии, водятся тюлени. Однако балагурское, скоморошье обличье «Авизий», близкое к распространенным в то время в самых «низших» слоях общества жанрам народного творчества, дает основание предположить в их авторе представителя этих слоев общества, отнести их к демократической, посадской сатире XVIII в., развивавшейся в новых исторических условиях тематику и характерные черты того жанра, к которому относится «Лечебник на иноземцев» и некоторые другие произведения демократической сатиры предшествующего столетия.⁷

Непосредственно за «Авизиями» следует знаменитый «Гимн бороде» М. В. Ломоносова, а далее приписываемая ему же пародия на молитву «Отче наш»⁸ и три других стихотворных сатирических произведения, вызванных к жизни полемикой по поводу сатир Ломоносова,⁹ а также два прозаических произведения противников Ломоносова — так называемые письма Христофора Зубницкого.¹⁰ Такая циклизация в одном сборнике всего круга произведений, возникших в пылу полемики вокруг сатир Ломоносова, в сборнике, составленном не позднее как в первое десятилетие после появления «Гимна бороде» в местах, весьма отдаленных от Петербурга (судя по припискам, о которых речь будет ниже), свидетельствует о том, что и сатиры Ломоносова, и отклики на них очень скоро получили всероссийское распространение. Сатиры Ломоносова оказались в этом сборнике помещенными рядом с произведениями русской демократической сатиры XVII в., направленными против тех же представителей «социальных верхов», и в частности против духовенства (Калаянская челобитная, Повесть о куре и лисице), что является убедительнейшим свидетельством популярности их среди широких демократических кругов русской провинции второй половины XVIII в.

Последнее подтверждается также сведениями о владельцах и читателях этого сборника, имеющимися в приписках на нем (все они сделаны почерками конца XVIII и начала XIX в.). Первая из них гласит: «Сия книга города Якуцка купца Федора Васильева Макарова Подписал своеручно марта 2 дня 1768 году» (л. 1 об.). Далее (по лл. 2—21) четыре раза повторена скрепа: «Ис книг Александра Шапошникова купца воло-

⁷ Текст «Авизий» по этому и еще одному (Мазуринскому) списку был опубликован В. П. Адриановой-Перетц в статье «Юмористические куранты» (Ученые записки Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 67, л., 1948, стр. 48—56), причем они рассматриваются также как самостоятельное произведение. Автор приводит многочисленные примеры сообщений допетровских «курантов» и петровских «Ведомостей», которые могли дать повод для паоодирования.

⁸ Об этом см.: В. П. Адрианова-Перетц. Образцы общественно-политической пародии XVIII—начала XIX в., стр. 338—340.

⁹ Это «Переодетая борода, или Гимн пьяной голове», «Дифирамб Бахусу, обретающемуся в ученом пните» и стихотворение «О страх! О ужас! Гром, ты дернул за штаны» — ответ Ломоносова на нападки его противников.

¹⁰ Долгое время автором этих писем считался В. К. Тредиаковский (об этом, например, безапелляционно пишет М. И. Сухомлинов, опубликовавший их в комментариях ко 2-му тому сочинений Ломоносова вместе с перечисленными выше стихотворениями по этой рукописи). Новейшие исследователи отвергают предположение об авторстве Тредиаковского и приписывают эти письма архиепископу Сильвестру Кулябке (В. Н. Перетц К биографии Ломоносова — Ломоносовский сборник СПб, 1911, стр. 85—103) или митрополиту Дмитрию Сеченову (П. Н. Берков Ломоносов и литературная полемика его времени. М.—Л., 1936, стр. 225).

годского». Это два, очевидно, следовавших друг за другом владельца сборника; а вот несколько его читателей, оставивших свои записи на последнем, 158-м, листе: «Читал сию историю казак Василей Чирков», «Читал и списывал ершев сут екуцкой посаской Иван Лебеткин»; «Читал иркутский купец Иван Булдаков».

Итак, сборник сатирических произведений, в котором в тесном соседстве или, лучше сказать, в содружестве уживаются сатиры Ломоносова с произведениями русской демократической сатиры XVII в., из Сибири, где он побывал в Якутске и Иркутске, попал в Вологду, а затем в Петербург, найдя своих читателей и распространителей-переписчиков среди провинциального посадского люда и купечества.

Есть на этом сборнике еще одна приписка (на том же последнем листе) — приписка анонимная, сердитая: «Книгу должно бросить в воду с камнем, да не научатся врать!»;¹¹ ее мог сделать, вероятно, только кто-нибудь из тех, в кого била сатира XVII в., кого гневно обличал в своих сатирах М. В. Ломоносов. Эта приписка — хорошая иллюстрация приведенной в начале настоящей заметки цитаты: «порожденная самой жизнью», посадская демократическая сатира XVII в., наряду с развивавшей ее традиции демократической сатирой XVIII в., наряду с сатирическими произведениями великого Ломоносова, «воздействовала на жизнь в определенном направлении» и через сто лет после своего возникновения.

¹¹ После этой следует приписка, сделанная рукой И. П. Сахарова: «Она (эта книга, — Н. Р.) и была кинута в воду, но вскоре вытащена была и попала на толкучей рынок в Санктпетербурге 1817 в генваре и куплена за 5 рублей, ибо и из вранья можно чему-нибудь да научиться». Однако в достоверности этой приписки приходится усомниться, так как книга не имеет никаких признаков пребывания в воде (она вообще отлично сохранилась). Кроме того, слишком хорошо известно, что И. П. Сахаров имел обыкновение мистифицировать читателей. Рукой Сахарова сделано еще несколько приписок библиографического характера в начале «Шемякина суда» (л. 56 об.), в которых приводятся сведения об изданиях этого произведения (по Сопикову), об упоминании Шемяки у Н. М. Карамзина («1446. С сего года сей суд стал славен в России. Зри Ист. Рос. Карамз. ч. V, 311, 543 стран.»), а также в начале Калязинской челобитной (ссылки на «Российскую иерархию» по поводу упоминаемых в этом произведении архiereя и архимандрита).

Л. В. КРЕСТОВА

**Традиции русской демократической сатиры в журнальной прозе
Н. И. Новикова («Трутень», «Живописец»)**

Журнальную деятельность Н. И. Новикова изучали до сих пор по преимуществу в плане использования зарубежного опыта журналов Стиля и Адиссона, в противоположность которым он создал русские сатирические издания. Указывалось также, что «в боевых сатирических журналах Новикова, подымавших самые острые и основные вопросы современности, писатель использовал национальную русскую литературную традицию — традицию Феофана Прокоповича, Кантемира, „Тилемахиды“ Тредиаковского, Сумарокова».¹

В своей книге «Русская демократическая сатира XVII века» В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание на отражение в сатирических журналах XVIII в. также некоторых жанров русской рукописной демократической литературы. «В частности, — указывает исследовательница, — Н. И. Новиков употреблял в „Трутне“ как прием общественной сатиры сатирические рецепты, широко распространенные в пародийных лечебниках начиная с XVII века».²

Это замечание В. П. Адриановой-Перетц, кажущееся на первый взгляд частным, имеет в действительности принципиальное значение, так как дает возможность установить новые русские литературные источники, которыми пользовался Новиков-журналист. Недаром признавался издатель «Трутня» и «Живописца», что не для читателей-дворян созданы его журналы, а на вкус мещан, «ибо у нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся».³

Поставив перед собой задачу просвещения «третьего российского сословия» и крестьянства, Новиков, естественно, должен был обратиться к рукописным сборникам XVII и XVIII вв., а также к лубочным изданиям, составлявшим основное чтение данной среды.

Недаром первые журналы Новикова и по содержанию, и по форме носят своеобразный отпечаток, особенно в разработке двух основных тем (антидворянской и крестьянской), в которых, как мы покажем, чувствуется наиболее отчетливо близость писателя к русской демократической сатире.

¹ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в., изд. 3-е. М., 1955, стр. 232.

² В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, стр. 280—283. Перечисление художественных средств сатиры Н. И. Новикова дано в работе Е. А. Боголюбова (Ученые записки Молотовского педагогического института, в. 10, 1946).

³ Живописец, изд. 3-е, СПб., 1775, стр. XIII—XVIII, «К читателю».

Приступив к широкой журнальной деятельности, молодой Новиков сразу в «Трутне» нашел своеобразный способ подхода к демократическому читателю. Он изобразил издателя разговорчивым, умным, простым, подчас лукавым и до мозга костей русским человеком. Утверждая в своем предисловии, как было и в действительности, что издатель журнала — не чиновник, он выдал его за неисправимого ленивца, неспособного ни к какой службе, так как ни одна не сходна с его склонностями. Военная кажется «беспокойною и угнетающею человечество». Приказная «хлопотлива», «требует пронырства». В придворной «надлежит знать науку притворства». Единственное подходящее занятие — быть человеком свободной профессии, издавать сочинения, «к исправлению нравов служащие».

Коснувшись серьезного вопроса о положении свободомыслящего человека в крепостнической стране, Новиков придал своим размышлениям доходчивую форму, напоминающую «Стихотворную автобиографию неизвестного подьячего XVIII века» (ср. особенно буквы «ц» и «ч»).

Царедворцем мне быти, чаю, не гожуся;
 А в церковниках жить от людей стыжуся;
 Записатися в посад — торговать не умею;
 Подрядчиком быть — отнюд того не разумею
 Нимало.
 Черт мне дал и к ремеслу велику леность,
 А дьявол напустил в глупости моей смелссть;
 И оттого, в какой чин ни мышлю, добра не чаю,
 Разве как начал жить и вовсе кончаю
 До смерти.⁴

Подчеркнув «великую леность» к работе не по душе, неумение «найти добра в каком бы то ни было чине», Новиков тем самым сблизил образ издателя журнала и неудачника-подьячего и сделал первого из них также понятным широким читательским массам.

Начав свой журнал в стиле демократической рукописной литературы, Новиков так же и завершил его.

Тяжелая рука императрицы, прекратившая в 1769 г. целый ряд сатирических изданий, нависла и над «Трутнем». Издатель его, испытывая глубокую скорбь, одновременно насмехался над теми, кто радовался уничтожению демократической журналистики. В предпоследнем (16-м) листе «Трутня» за 1770 г. Новиков напечатал письмо дворянина Вертопраха, яркого противника передовых идей. Автор изобразил его раешником, говорящим рифмованной прозой, что становится ясным при разбивке текста на строки:

Всякая всячина просталась,
 И То и Се в ничто превратилось,
 Адская Почта остановилась,
 а Трутню
 также пора лететь на огонек в кухню.

⁴ В. Ф. Покровская. Стихотворная автобиография подьячего XVIII в. — ТОДРА, т. II, М.—Л., 1935, стр. 297. Анализируя строфу «ц», В. Ф. Покровская сравнивала последнюю с обычным для народной песни перечнем, вроде: «Богатую взять — будут попрекать, Хорошую взять — много будут люди знать, Умную взять — не даст слова сказать, Церковного чина взять — кутейником станут звать, Из посадских взять — много вина содержать»; или: «Офицера полюбить — Надо щегольно ходить, Холостого полюбить — Самопряхой надо быть» (стр. 289). Ср. в л. 1 «Трутня» такие же стилистические обороты: «В приказной подлежит знать», «надобно поминть» и т. д.

Или:

Сколько денежек ни выдавай,
А другого не ожидай...
Что нужды до содержания,
Когда не разное именование.

Облегчив демократическому читателю восприятие материала, напечатанного в «Трутне», часто напоминающего по форме произведения рукописной литературы, Новиков придал своей сатире острое политическое звучание. Издатель «Трутня» и «Живописца» выступил против крепостничества: бесчеловечных дворян, притесняющих крестьян, продажных судей, бессовестных подьячих. Борясь с общественными пороками, Новиков осмеивает дворянские моды, бичует «развращение» нравов высшего сословия, обличает их презрительное отношение к родному языку, отсутствие национального воспитания.

Так, в «Трутне» и «Живописце» осмеяны щеголи и щеголихи, те самые «новоманирные» дворяне, над которыми насмеялись безымянные авторы в юмористических курантах, «забавных жартах» и лубочных «забавных листах».⁵ Набрасывая многочисленные портреты вертопрахов и вертопрашек, Новиков подчас даже утрирует, как и в лубочных картинках, их пристрастие ко всему внешнему, особенно иноземному.

Резко выраженный антидворянский характер носит также нападка Новикова на распущенность нравов тех мужчин и женщин, которые «не почитают преступлением одного любить, шестерых обманывать» («Трутень», 1770, л. 1). Читателям «Трутня» и «Живописца», посещавшим городские демократические театры и знакомым с их репертуаром, было нетрудно провести параллели между образами развратных дворян (шляхты), виденными ими на сцене, и представителями того же класса на страницах журналов Новикова.⁶ Особый интерес представляет в этом репертуаре сатирический образ вдовы-дворянки, лицемерно оплакивающей утрату мужа и заводящей любовников. Ту же тему в нескольких вариантах разработал и Новиков. Или это молодая вдовушка лет двадцати, возлюбленная старика, отягченного «подагрою, хирагрою, коликою, удушьем», скрывающая от его взоров двух молодых любовников, которых содержит на его иждивении («Трутень», 1770, л. 12). Или же это пожилая особа лет пятидесяти, имевшая двух мужей («Трутень», 1769, л. 6). Последний вариант мог иметь, между прочим, и острое политическое звучание, намекая на саму императрицу-вдову, постоянно сменявшую любовников.

Обличая отсутствие в дворянской среде национального воспитания, Новиков прибегает к форме объявления, которая была свойственна не только газете, но и комическим монологам, построенным на небылицах. Такие монологи нередко произносились на сцене городского демократического театра XVIII в. вроде пародийного подряда на ловлю мышей или объявления о розыгрыше в лотерею кота и т. д.⁷ Подобное объявление, исполненное глубокой сатиры, имеется и в журнале Новикова. Это хорошо известное оповещение «о приезде из чужих земель молодого российского поросенка... возвратившегося уже совершенно свиньей» («Трутень», 1769, л. 6).

⁵ В. П. Андрианова-Перетц. Юмористические куранты. — Ученые записки Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 67. Л., 1948, стр. 55—56.

⁶ Ср.: В. Д. Кузьмина. Драматургия и сценическое искусство в русских городских демократических театрах XVIII века. Исследование и тексты. Ч. II. Дисс. на соиск. степени докт. филолог. наук. (Машинопись), М., 1956, стр. 216—226.

⁷ Там же, ч. II, стр. 104—106; ч. I, стр. 140—141.

Сторонник воспитания, основанного на знании родных обычаев, Новиков является также защитником русского языка. Отсюда его многочисленные нападки на «щегольское наречие», на модное «новоманерное», «картавое произношение русских слов, с пришепетыванием» («Живописец», ч. II, л. 12).

Создавая «Опыт модного словаря» на буквы «А» и «Б», помещенного на л. 10 части I «Живописца», Новиков несомненно использовал опыт рукописных азбуковников, широко известных в демократической среде.

Значительное и особое место занимает в журналах Новикова осуждение жестоких дворян, считающих только себя людьми и презирающих крепостных рабов. В целях их разоблачения Новиков использует демократическую рукописную традицию, прибегает, как указала В. П. Адрианова-Перетц, к жанру так называемых лечебников. Форма пародийного лечебника существовала издавна. В многочисленных списках с XVI в. бытовало «Слово от старчества», дававшее рецепт «лекарства душевного», прописывавая «корень духовных нищеты, листки терпения и смирения цвет», которые предлагалось «всыпать в горнец совести, влить воду слезную, а затем возжечь пламень божественных любве».

В XVII в., возможно еще в пору польско-шведской интервенции, возник пародийный «Лечебник... как лечить иноземцев и их земель людей». Его рецепты, предлагавшие принимать «мостовой стук», «вешний топ», «свиной визг», явно напоминают «скоморошьи небылицы с их нагромождением невероятных предметов, описанием невозможных действий».⁸

Лечебники обоих указанных типов были широко распространены и в XVIII столетии. В лубочных листках «Слово от старчества» переиздавалось под заглавием «Аптеки духовной». С другой стороны, в «Завещание Елистрата Иванова, сына Шибаева» был вставлен, например, юмористический рецепт тетушке на ее болезнь. В нем пародийное лечение, снова близкое к «скоморошьям небылицам», происходит с помощью смеси «по десять золотников небесного цвету... 6 золотников громового стуку, 5 граней ласточкина летания» и т. д.⁹

Широкое распространение пародийных рецептов в XVIII в. подтверждает и рукописная демократическая драматургия. Так, в сцене «Гаер, доктор-француз, молодича» лекарь, диктуя рецепт, предлагает смешать «медвежьего рыку 2 золотника, утиного кричанья и гусяного гоготанья 1/4 золотника, мышечьяго пищанья 4 золотника» и т. д.¹⁰

Обличая существующую вокруг него социальную несправедливость, Н. И. Новиков не пренебрег пародийным лечебником и обоими видами существующих в нем рецептов, хорошо известных демократическому читателю. Он прописывает их продажным чиновникам, бесчеловечным судьям и считает особенно «большими» жестоких помещиков, таких, как Недоум, Скудоум, Безрассуд, Злорад, Незрел.

Выступая как лечитель не телесных или духовных, а «гражданственных» пороков, Новиков пользуется пародийными рецептами не в виде шутки или небылицы, а как формой социальной сатиры. Одному он прописывает «взять по целому фунту любви к отечеству... снисхождения к подчиненным» («Трутень», 1769, л. 23), другому, для уразумения естественного равенства людей, — «всякий день по два раза рассматри-

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Юмористические куранты, стр. 280—284.

⁹ В. Д. Кузьмина. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII в. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, в. 17. М., 1955, стр. 155.

¹⁰ В. Д. Кузьмина. Драматургия и сценическое искусство в русских городских демократических театрах XVIII века, ч. II, стр. 175.

вать кости господские и крестьянские» («Трутень», 1769, л. 24), третьему Новиков предлагает «в виду недостатка разума» «принимать всякий день по 10 золотников здравого рассуждения, по 8 унций охоты к чтению хороших авторов и беспрестанно нюхать порошок, прочищающий толстые перепонки, нарощие на его мозгу» («Трутень», 1769, л. 26).

Несомненно, что осмеянию общественных пороков с помощью пародийных рецептов Новиков придавал большое значение. Недаром писатель не механически включил указанный материал из «Трутня» в третье издание «Живописца» (1775 г.), но объединил его под заголовком «Лечебник», чем еще сильнее подчеркнул связь с рукописной демократической литературой. Одновременно издатель «Живописца», являющийся также автором помещенных в журнале статей, счел нужным несколько изменить композицию листов «Трутня». Он поместил тотчас же за описанием «болезни» прописываемые рецепты, чем придавал им еще большую социальную направленность.

Веря, как просветитель, в силу человеческого слова, Новиков методом убеждения пытался повлиять, с одной стороны, на представителей господствующего класса, с другой, ставил своей целью с помощью распространенных в демократической среде жанров пробудить сознание широких слоев читателей, лишенных гражданских прав.

Сочувствие Новикова мещанам и крестьянам явно сказывается и в его журналах. Всякий раз, когда писателю приходится сопоставлять между собой представителей высших и низших классов, он неизменно стоит на стороне последних. Положительными героями Новикова являются мещанин Правдолюбов, честный купец, справедливый подрядчик, трудолюбивый крепостной крестьянин. Природная одаренность простых людей отчетливо выявляется в их разговорах со знатными и чиновниками.

Так же как в сатирических диалогах рукописной литературы, мужик неизменно торжествует в произведениях Новикова над барином или барыней. Крестьянин-разносчик насмехается, например, над молодой развратной дворянкой Прелестой, над ее семейной жизнью («Трутень», 1769, л. 9). Мещанин Чистосердов оказывается куда более просвещенным, чем молодой дворянин, обучавшийся «в некотором славном немецком университете разным наукам» (там же). Идя рука об руку с неизвестными создателями рукописной демократической литературы, обличавшими крепостнический строй, Новиков уделил особенное внимание положению крепостных. В период с 1769 по 1772 г., накануне пугачевщины, когда крестьянский вопрос приобрел особую остроту, Новиков выступил с целым рядом замечательных статей, в которых отразил положение и настроение крепостной массы.

Установлена несомненная близость между напечатанными Новиковым в «Трутне» копиями с отписок крестьян и помещичьего указа (лл. 28 и 30) и подлинными документами. Образ многодетного крестьянина Филатки, разоренного непрерывными несчастьями (смерть жены, падеж скота, непомерные подати), начертан писателем с большой реалистической силой. Недаром Н. А. Добролюбов указывал: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается, не подлинные ли это?»¹¹ В наше время А. В. Кокорев напечатал «Письмо крестьянина к своему помещику» и приказ последнего, которые и по содержанию и по форме близки к документам, помещенным в «Трутне».¹²

¹¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, 1935, стр. 167.

¹² А. В. Кокорев, Хрестоматия по русской литературе XVIII века. М., 1952, стр. 256.

Тщательно изучив содержание, стиль и слог документов подобного рода, Новиков, конечно, являлся не переписчиком, а писателем-творцом. Он самостоятельно создавал типический образ русского крестьянина, близкий к тем, которые имелись в рукописной демократической литературе. Так, образ нищего крепостного Филатки напоминает бедняка из «Азбуки о голом и небогатом человеке». Правда, Филатка — трезвенник, он никогда не пьянствовал, но его положение сходно с положением «голового и небогатого человека».

«Ни пить, ни есть нечево и взять негде», — жалуется «голый и небогатый человек». ¹³ «Мне взять негде . . . ни их (детей), ни себя кормить нечем», — как бы вторит ему Филатка («Трутень», 1769, л. 90). «Нынешним летом, — пишет Новиков, — Филатка хлеба не сеял, да и на будущей земли не пахал. . . лошади померли» («Трутень», 1769, л. 90). «. . . Посеять нечего, — жалуется голый и небогатый человек, — пахать стало не на чем, клячи нет». ¹⁴ Эти горестные жалобы, одинаковые у различных представителей многомиллионной крестьянской массы и в XVII в. и в XVIII в., звучат как подлинный «плач» и в «Азбуке о голом и небогатом человеке», и в отписке Филатки.

Новиков, «чувствительный к состоянию крестьян», сумел, таким образом, не только услышать, «как плачутся» «голые» Филатки, но и передать их скорбь в форме, близкой к народной рукописной литературе.

Сближаясь в разработке крестьянской темы с рукописной демократической сатирой, зародившейся еще в XVII в., Новиков выражал в своих журналах настроения крепостной массы, отразившиеся в современном ему «Плаче холопов». Знаменательно, что Новиков в порыве негодования на «жестокосердые» помещиков впервые в русской литературе назвал их «тиранами», т. е. так же, как их называет автор «Плача холопов». Бросается в глаза, что образ помещика-мучителя зарисован в журнале Новикова в тех же красках, как и в народном произведении. В «Плаче холопов» злые помещики «едят холоп глазами», и Безрассуд убежден, что «крестьяне должны трепетать его взора». И там и тут подчеркивается суровое отношение, «несносные» или «жестокие» побои, а также презрительное отношение дворян к крепостным, на которых Злорад, например, смотрит как на скот. «И нами, как скотом, привыкли обладать», — жалуется автор «Плача холопов». ¹⁵

И у безымянного автора «Плача холопов», и у Новикова отмечено также различие в правовом положении барина и крестьянина. «Барин украдет хоть тысяч десять, никто не присудит, что подобно повесить», — указывает первый. Резко разоблачены на страницах журналов Новикова воры-дворяне, остающиеся безнаказанными. Читателя потрясла страшная «истинная быль» о пропавших у судьи часах. Их украл «благородный» племянник судьи, молодой «господчик», вышедший сухим из воды, в то время как пыткам и наказанию подвергся подозреваемый безвинный подрядчик. В полном созвучии с «Плачем холопов» Новиков пишет: «Худой тот судья. . . который всякие преступления низкой только породе по пред-

¹³ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 30.

¹⁴ Там же, стр. 34.

¹⁵ Встречающееся в журнале Новикова утверждение, что помещики лучше относятся «к лошадям и собакам», чем к своим крепостным («Трутень», 1769, л. 36), также находит отражение в рукописной литературе. Так, в «Притче о житии человеческом и о состарении» читаем: «Зри каковы времена жизни сея. . . Кони и псы в великой чести пребывают, а человеки во хлеве и нагоде рыдают. . . Должно нам сию (неправду) оставяти, а человекаво со скоты не равняти» (С. Ф. Елеонский. Из истории массовой литературы XVIII в. — ИЮЛЯ, т. XIV. М., 1955, в. 5, стр. 454).

убеждению приписует, как будто между благородными не было ни воров, ни разбойников, ни душегубов» («Трутень», 1769, л. 13).

Итак, определяя источники ранних сатирических изданий Новикова, нельзя обойти произведения демократической рукописной литературы. Статьи Новикова близки к ним и по своей антикрепостнической направленности, и по своей форме. Подчас писатель опережал народную сатиру, придавая ее содержанию более углубленное социальное звучание. Но иногда Новиков был более умерен по сравнению с требованием народных масс, призывавших «злых господ корень переводить» («Плач холопов»).

В общем же накануне крестьянской войны сатира Новикова усиливала критическое отношение демократического читателя к господствующему дворянскому классу и крепостничеству.

Кроме того, основывая свои произведения на рукописном материале, Новиков-писатель соединял народную и литературную сатиру, содействовал становлению русского реализма.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Из сатирической литературы XVIII в. Новые списки сатиры на Феодосия Яновского

11 мая 1725 г. императрицей Екатериной I был вынесен судебный приговор по делу новгородского архиепископа, архимандрита Александро-Невской лавры Феодосия Яновского, виднейшего сотрудника Петра I по церковным делам, первого вице-президента вновь учрежденного Синода. По поводу этого события неизвестным автором были составлены сатирические вирши. В стихотворении высмеивалось корыстолюбие «гордого и малородного человека», осуждалась «льстивость», благодаря которой он «во власть себя привлек», перечислялись его «вины»: он «имел веселие снятием колоколами», «оклады и висящее прочь отдирал», «образы... пилоу ростирал», «древнюю ризницу, амфоры и закосы золотые», «серебро и камение драгие все продажею весьма расточал». В сатире сообщалось также, что «архиепископ, именем Феодос», за «злой умысел» понес «тяжкое наказание» — «от монастыря и епархи отрешен» и «отослан в далной монастырь Корельский, что на устье Двины».

Произведение это, как указано В. П. Адриановой-Перетц, было написано между 11 мая 1725 г., когда был опубликован указ Екатерины I по делу Феодосия Яновского, и 17 октября того же года, когда приехавший из Петербурга в Никольский Корельский монастырь И. П. Мусин-Пушкин снял с него архиерейский и иерейский сан и «чернец Феодос» был заключен в темницу.¹ Ясно и то, что сатира эта была написана до февраля 1726 г. — года смерти Феодосия, ибо об этом автор не знает.

По вопросу об источниках сатиры в науке существует определенная точка зрения. На связь ее со следственным делом о Феодосии Яновском указывали Н. С. Тихонравов,² И. Я. Морошкин.³ В. П. Адрианова-Перетц приводит целый ряд совпадений между виршами и доносом на Феодосия казанского архиепископа Сильвестра Холмского.⁴

Действительно ли Феодосий Яновский понес наказание за те «вины», которые перечислены автором сатирических виршей?

Обратимся к рассмотрению обвинений Феодосия Яновского, перечисленных в «Кратком экстракте о непристойных словах архиерея Феодосия, которые от него происходили про императорское величество и про ея

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Из сатирической литературы XVIII в. Сатира на Феодосия Яновского. — ТОДРА, т. IV. М.—Л., 1934, стр. 200.

² Н. С. Тихонравов. Московские вольнодумцы начала XVIII в. — Русский вестник. М., 1870, т. 89, стр. 54—55.

³ И. Я. Морошкин. Феодосий Яновский, архиепископ новгородский. — Русская старина. СПб., 1887, т. 55, стр. 8—9.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Из сатирической литературы XVIII в. ... стр. 204—205.

величество государыню императрицу».⁵ Уже из самого заглавия видно, что Феодосию Яновскому было поставлено в вину оскорбление Екатерины I. К такому же выводу мы придем, если ознакомимся со всеми пунктами: Феодосия обвиняли за то, что он сравнивал себя с митрополитом Филиппом, пострадавшим «за церковь», ругал «синодальное правительство» и «Духовный регламент», выступал против вмешательства государства в дела церкви, дерзко относился к Екатерине I. Ни один из этих пунктов не упомянут в сатирических виршах. Только в показании протопопа Петропавловского собора, отвергнувшего обвинение Феодосия в «поношении имени императорского величества и государыни императрицы»,⁶ промелькнула жалоба на то, что новгородский архиепископ называл «идолопоклонниками российский народ»⁷ (ср.: «Христиан российских идолопоклонниками называл»). В виршах указывается, что Феодосий «себя негодным и винным признал и под всяким пунктом вину подписал». Из «подлинного дела» мы узнаем, что он согласился только с обвинением, переданным в доносе троицкого архимандрита, о том, что он, Феодосий, вспоминал о судьбе митрополита Филиппа и указывал, что за его «кровь» пострадала «фамилия царская» и было «всего государства разорение».⁸ В ответ на этот пункт Феодосий сказал: «Говорил истинно не от злобы, но от ревности ко благочестию, и чтоб впред, сохрани боже, таких последований не было».⁹ В «Объявлении о винах бывшего новгородского архиерея Феодосия» отмечено, что он «приносил вину свою точно в некоторых малых своих предрезостях, а в самых важных делах и непристойных словах запирался».¹⁰ Далее в «Объявлении» от 11 мая 1725 г. перечислены «вины» Феодосия. «В епархии своей, как из соборной, так и из прочих церквей и монастырей многия святыя иконы забрав, велел оклады ободрать и в слитки слить»¹¹ (ср.: «обаче образы в забвение не покидал, оклады и висящее прочь отдира. Вся бо завистию яро к себе забирал»). «Колокола из многих же монастырей и церквей отобрав, распродал»¹² (ср.: «имел веселие снятием колоколами»). «Також и прочее церковное имение со старинных архиерейских шапок и омофоров, жемчуг, каменье и другие вещи отбирал, а из сакосов древних и риз золотых и серебряных материй серебро выжигал»¹³ (ср.: «Древнюю ризницу, амфоры и сакосы золотые, серебро и каменье драгие все продажею весма расточал»). «Отобрав все вышеписанные и другие церковныя имения многое из них распродал, а вместо того, выписав из-за моря купил сервиз серебряной»¹⁴ (ср.: «На собранные вещи выписав из-за моря сервиз»).

Имеет соответствие и сообщение о том, что Феодосий, «как ехал из Москвы в Санктпетербург, тогда в Никольском монастыре, что на Столпе, распиливал образ Николая чудотворца»¹⁵ (ср.: «образы иные пилою ростира»).

Встает вопрос: почему в официально обнародованном решении суда от 11 мая 1725 г. не были перечислены те «вины», которые вменялись

⁵ Подлинное дело новгородского архиепископа Феодосия — Русский архив М., 1864, стр. 121.

⁶ Там же, стр. 150

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 122

⁹ Там же

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи, т VII, № 4717, стр 472

¹¹ Там же, стр 473.

¹² Там же

¹³ Там же

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же

Феодосию во время следствия, и наоборот, почему во время следствия не упоминались перечисленные выше обвинения?

Ответ, как нам кажется, следует искать в том, что на основании постановлений Вселенских соборов и «Слова 165-ти отец о недвижимых вещех, вданнх богови в наследие благ вечных» обвинение церковного деятеля в присвоении «церковных имений» в то время было наиболее сильным обвинением, от которого трудно было оправдаться. Неслучайно поэтому в краже монастырских и церковных богатств обвинялся Феодосий своим врагом казанским архиепископом Сильвестром Холмским.¹⁶ По его словам, Феодосий ножом резал образ «Алексея чудотворца» для того, чтобы оторвать золотую цату на окладе.¹⁷ По словам Сильвестра, Феодосий распечатал патриаршую ризницу, откуда забрал все ценные предметы.¹⁸ На «московском подворье велел послушнику своему Тарасу с колокольни старинные колокола продать, чтоб не мешали ему во всю ночь в шахматы играть, потом довольно спать».¹⁹

Присвоение церковных богатств Сильвестр Холмский приписывал и архимандриту Спасо-Казанского монастыря Ионе Салникееву, также находившемуся с ним во враждебных отношениях.²⁰ Сильвестр писал, что Иона отобрал и обратил в свою пользу церковные вещи и украшения из Спасо-Казанского монастыря и что по монастырским описям в них не оказалось жемчужных ожерелий, панагий, серебряных цат, серег, дробниц, драгоценных камней, риз на иконах, венцов и других предметов.²¹

Феодан Прокопович обвинялся в присвоении церковных имуществ Маркеллом Родышевским и Носовым. В «Житии еретика Феофана Прокоповича» Маркелл писал, что Феофан не признает «богоматерь и святых угодников божиих»,²² не верит в мощи святых,²³ «весь российский народ икон боготворительми и богоборцами зовет»,²⁴ «с епитрахили и с пелены камение и жемчуг сам обдирает и продавать велел».²⁵ Донос Маркелла Родышевского послужил, как известно, началом следствия, которое велось по делу Феофана Прокоповича в течение многих лет его жизни.²⁶

Важно отметить, что в доносе на Феофана Прокоповича Маркелл Родышевский рядом с Феофаном упоминает Феодосия Яновского. Приехав в Санкт-Петербург, Феофан, по словам Маркелла, «начал еретические книги составлять и писать, содружаясь с Феодосом».²⁷ Вместе с Феодосием Феофан «чернил» Пролог.²⁸ Обращаясь к Феофану, Маркелл писал: «...сего ради бог разрушит тя до конца, яко же и товарищей твоих, Федоса и Овсянникова».²⁹

Случайно ли то, что вскоре после смерти Петра I были подвергнуты суду его ближайшие сподвижники по реорганизации церковного управления: Феодосий Яновский и Феофан Прокопович? Полагаем, что нет.

¹⁶ Весьма вероятно, что «объявление» С. Холмского было использовано при составлении решения суда.

¹⁷ П. Чистович. Феофан Прокопович и его время. — Сборник статей, читанных в ОРЯС, т. IV. СПб., 1868, Приложение II, стр. 705.

¹⁸ Там же, стр. 706.

¹⁹ Там же.

²⁰ И. Ч. . . Дело Салникеева. — ЧОИДР. М., 1868, кн. 3, стр. 7.

²¹ Там же, стр. 7—8.

²² Дело о Феофане Прокоповиче. — ЧОИДР. М., 1862, кн. 1, стр. 5.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 6.

²⁵ Там же, стр. 8.

²⁶ П. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 205—365.

²⁷ Дело о Феофане Прокоповиче, стр. 3.

²⁸ Там же, стр. 7.

²⁹ Там же, стр. 9.

«Премена делам», которая была отмечена современниками,³⁰ позволила реакционным представителям церкви вновь поднять голову. И Феодосий Яновский, и Феофан Прокопович, так много сделавшие для усиления абсолютизма в России и подчинения церкви государству, оказавшие серьезную поддержку Петру I во всех его делах, прямо содействовавшие вступлению на престол Екатерины I,³¹ были наиболее опасны ревнителям старины. Первой жертвой этой борьбы оказался Феодосий Яновский, вспыльчивый, прямолинейный и резкий на словах, каким вырисовывается он в ответных показаниях на судебном процессе. Неосторожные выражения Феодосия³² были умело использованы его врагами, и Феодосий Яновский — «первое духовное лицо в государстве и старший вице-президент так называемого святейшего Синода»³³ — лишился не только положения, но и жизни. Феофан Прокопович избежал участи Феодосия. Он выдержал многолетнюю, трудную борьбу.³⁴

Таким образом, появление сатиры на Феодосия Яновского связано с теми кругами, которые были заинтересованы в искоренении петровских нововведений в первую очередь в церковных вопросах. Закономерно и то, что в сатирических виршах о Феодосии упоминается о его «низком» происхождении («сей бо гордый был малородный человек»). Автора сатиры следует искать, с нашей точки зрения, в окружении Георгия Дашкова, ростовского архиепископа, со вступлением на престол Екатерины I назначенного третьим архиереем в Синоде. Известно, что при непосредственном участии Дашкова было начато «дело» Феофана Прокоповича.³⁵

Сатира на Феодосия Яновского была известна в единственном списке ОИДР № 213. В настоящее время в составе сборников второй половины XVIII в. обнаружены еще два неизвестных ранее списка:³⁶ список ГИМа, собр. А. С. Уварова, № 984а, в 4-ку, в сборнике, кроме сатиры на Феодосия Яновского, имеется «Гистория об Александре российском дворянине»; список Псковского областного краеведческого музея, № 54, в 4-ку, находится в сборнике рядом с духовными виршами, печатными календарями за 1727, 1730 и 1731 гг., стихами, посвященными Петру I, Елизавете и Екатерине II, псалмами, поговорками и пословицами, расположенными в алфавитном порядке.

Новые списки вносят некоторые изменения в наше представление о сатире на Феодосия Яновского и позволяют яснее увидеть связь ее с «Объявлением о винах бывшего новгородского архиерея Феодосия».

ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 984а

Псковский областной краеведческий музей, № 54

ОИДР, № 213

Некий архиепископ, именов Феодос, при-

Некий архиепископ, именов Феодос, при-

Некий архиепископ, именов Феодос, при-

³⁰ Рефлексия или разсуждение о приключившейся перемене. — Российские ведомости, 1726, 19 февраля, стр. 2.

³¹ На манифесте об избрании Екатерины I на царство стоят подписи Феодосия Яновского и Феофана Прокоповича (ЦГАДА, ф. 375, д. 56).

³² «От многого и неоднократно на многих местах караульных солдат озлобление в малодушии своем пред ея величеством согрешил своими поступками и словами» (Подлинное дело новгородского архиепископа Феодосия, стр. 162).

³³ Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год, ч. 4. М., 1863, стр. 142.

³⁴ П. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 646.

³⁵ Там же, стр. 180—252.

³⁶ Выражаю сердечную благодарность М. В. Щепкиной, В. И. Малышеву, Л. А. Творогову и И. Н. Ларионову, оказавшим мне помощь при ознакомлении со списками.

влек на себя в 725-ом году тяжкой донос, о чем уже публикацией приведено в винность.³⁷

влек себя в 725 году тяжкой донос, о чем же себя публикацией привел в винность.³⁸

вел себя в 725-м году в тяжкой донос, о чем же себя публикацией привел в винность.³⁹

Из сравнения списков видно, что список ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 984а ближе всего передает авторский текст. В самом деле, трудно допустить, чтобы автор виршей написал о том, что «Феодос» сам себя «привел... в тяжкой донос» и сам же об этом «публикацией привел в винность».

Также ближе связано с содержанием «Объявления» чтение следующего места в сатире:

А гордость же паче меры богу противна, которая всем народом есть видна.⁴⁰

А гордость же паче меры богу есть противна, которая всем народе есть дивна.⁴¹

А гордость же паче меры богу есть противна, которая в сем народе есть дивна.⁴²

В списке ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 984а более точно передан указ Екатерины I: «Феодосия за учиненные в церкви божией противности и непристойные слова вместо заслуженной смертной казни, от синодского правления, новгородской епархии и архимандрии монастыря Александро-Невского отрешить и сослать в дальний монастырь, а именно в Корельский, который на устье реки Двины, и содержать его там неисходно».⁴³

За то от монастыря и епархи отрешен и для поминовения несмертно вершен, но отослан в далной монастырь в Корелской, что на устье Двины.⁴⁴

За что от монастыря и епархии отрешен и для поминовения несмертно вершен, но отослан в далной монастырь в Корелской, что на Двины.⁴⁵

За что от монастыря и епархии отрешен и для поминовения несмертно вершен, но отослан в далной монастырь в Корелск, что на Двины.⁴⁶

Из сравнения отчетливо видна близость списков Псковского областного музея, № 54 и ОИДР, № 213. Она подтверждается и одинаковым окончанием — добавлением двух строк, ясно указывающих, что вирши эти написаны до смерти Феодосия:

Ныне он потом весели в велице пребывать,
А себе конца всечасно ожидает.

Несмотря на очевидные преимущества списка ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 984а по сравнению со списками ОИДР, № 213 и Псковского областного музея, № 54, мы не можем считать его прямо восходящим к протографу. В списке имеются несомненные ошибки, явившиеся,

³⁷ ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 984а, л. 35.

³⁸ Псковский областной музей, № 54, л. 156.

³⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Из сатирической литературы XVIII в..., стр. 201—202.

⁴⁰ ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 984а, л. 35.

⁴¹ Псковский областной музей, № 54, л. 156 об.

⁴² В. П. Адрианова-Перетц. Из сатирической литературы XVIII в..., стр. 202.

⁴³ Полное собрание законов Российской империи, т. VII, № 4717, стр. 472.

⁴⁴ ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 984а, л. 36.

⁴⁵ Псковский областной музей, № 54, л. 158.

⁴⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Из сатирической литературы XVIII в..., стр. 203.

вероятно, следствием неоднократной переписки. Так, во фразе «на собранные вещи выписав из-за моря сервис» пропуск слова «купил», имеющегося в списках ОИДР, № 213 и Псковского областного музея, № 54: «На собранные вещи, выписав из-за моря, купил сервис», можно объяснить механическим пропуском, ибо в «Объявлении», явившемся прямым источником сатиры, этот текст читается так: «церковные имена... распродал, а вместо того, выписав из-за моря, купил сервис серебряной». ⁴⁷ В списке ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 984а искажено написание слова «сакосы» — «еакосы», правильно переданное в двух других списках. Имеется и ряд других ошибок. В основу настоящего издания сатиры на Феодосия Яновского мы берем список ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 984а, подводя к нему варианты из списка Псковского областного краеведческого музея, № 54 (сокращенно: обозначен П).

а. 35

¹ Манифест рифмоложный ²

Некий архиепископ, именем Феодос,
Привлек на ³ себя в 725-ом году тяжкой донос,
О чем уже ⁴ публикациею приведено ⁵ в винность,
Которая пришла во всенародную дивность.
О непорядочных ево житейских бедах,⁶
О недостаточных безумных своих делах.⁷
Таковой ⁸ имел у себя удобы:
Наполнен был всякой пакости и злобы.
О чем ниже сего в сей истории объявляю,
А по делам же его любезных читателей удивляю.
Имел оный ⁹ гордость, лесть, зависть, лихоимство,
Сребролюбие отчасти и лукавство.
А гордость же паче меры богу ¹⁰ противна,
Которая всем народом ¹¹ есть видна.¹²
Сей бо гордый был ¹³ малородный человек,
Льстивостию непомерен ¹⁴ во власть себя привлек,
Однако же ¹⁵ поспешество ¹⁶ ево лстивое познали ¹⁷||
Такой ¹⁸ бо лестью в чести держался,¹⁹
А в сотворении злобе ²⁰ весьма не ужася.²¹
Не токмо протчими делами,
Но имел веселие снятием колоколами.
Обаче образы в забвение не покидал,
Оклады и висящее прочь отдираал.
Вся бо завистию яро к себе забирал,
Образы иные ²² пилой ²³ ростираал,
Древнюю ризницу, амфоры ²⁴ и еакосы ²⁵ золотые,
Серебро и камень драгие:
Все продажею весьма ²⁶ расточал,
А ²⁷ за оное денгами ²⁸ себе получал.
На собранные вещи выписав из-за моря ²⁹ сервис,
За которой в России немного и сам не повис.

а. 35 об.

⁴⁷ Полное собрание законов Российской империи, т. VII, № 4717, стр. 473.
¹⁻² Гистория П. ³ Нет П. ⁴ же П. ⁵ привел П. ⁶ делах П. ⁷ бе-
дах П. ⁸ Таковы П. ⁹ он П. ¹⁰ Доб. есть П. ¹¹ народе П. ¹² дивна П.
¹³ Нет. П. ¹⁴ намерен П. ¹⁵ ж П. ¹⁶ помешательство П. ¹⁷ Доб. И вместо
смерти ссылкою честь воздали П. ¹⁸ Таковой П. ¹⁹ содержался П. ²⁰ злобы П.
²¹ ужася П. ²² И иконы П. ²³ Пилою П. ²⁴ и амфоры П. ²⁵ сакосы П.
²⁶ Нет П. ²⁷⁻²⁸ зато денги П. ²⁹ Доб. купил П.

Драгих³⁰ многих вещей у себя утаиша,
 От которых ныне и прочь ево отдалиша.
 Никому сей³¹ мог задружити,
 Ибо тшился³² все разрушити.
 Но имел в своем сердце внятность,
 Которую признал³³ себе в приятность. ||
 Христиан российских идолопоклонниками называл,
 Мню бо весма яко он сам себя не зна.
 Дерзновенная совесть в поспешество³⁴ отдала,
 Заключенною³⁵ скорбию³⁶ в тягость привела.
 Принудила ево жизнь от добра отводити,
 Злую имел мысль более сребра уловити.
 Таковий бо злый умысел имел,
 На сие поползновение пустить себя смел.
 Ныне оный³⁷ возымел покаяние,
 Егда получил себе тяжкое истязание.
 Сам себя негодным и винным признал,
 И под всяким пунктом вину³⁸ подписал.
 За то³⁹ от монастыря и епархи отрешен
 И для поминовения несмертно вершен,
 Но отослан в далной монастырь Корелской, что на устье
 Двинны⁴⁰

За непотребные ево⁴¹ тяжкие вины.
 Тамо такое не может иметь веселие
 За свое безделное рукоделие. ||
 Когда было ему щасливое время,
 Тогда ему сребро дало тяжкое бремя.
 Ныне никаких тягостей не имеет,
 Но бес позволения⁴² никуда итти не смеет.
 За которую бывшую свою⁴³ сладость
 Ныне привлек себе⁴⁴ печалость,
 Чего ради сам себя винным⁴⁵ признал
 И в жестокую печаль себя вдал.
 Когда было⁴⁶ ему началство,⁴⁷
 Тогда не имел ни о чем печалство.⁴⁸
 От самого начала
 Власть ево скончала.
 Любезный читателю,
 Драгих благ снискателю,
 Прочетши вирши мое,
 Отдаю в волю в разсуждение твое.
 Хотя по мнению своему и найдеш, что неисправно,
 Покорно прошу принять за изрядно.⁴⁹

³⁰ Доб. же П. ³¹ же П. ³² тшился П. ³³ признавал П. ³⁴ помещателство П.
³⁵ Заключением П. ³⁶ скоро П. ³⁷ он П. ³⁸ Доб. свою П. ³⁹ что П. ⁴⁰ Нет П.
⁴¹ Нет П. ⁴² повеления П. ⁴³ Нет П. ⁴⁴ себя в П. ⁴⁵ В винных П. ⁴⁶ Нет П.
⁴⁷ началства П. ⁴⁸ печалства П. ⁴⁹ потребно П. Далее в списке П помещен текст:

Ныне он потом веселии в релиде и печали пребывать
 А себе конца всечасно ожидает

С. А. ЩЕГЛОВА

Драма и роман о Калеандре и Неонилде

Зависимости «Акта о Калеандре и Неонилде» от романа о тех же героях посвящена статья В. И. Резанова «Из истории русской драмы. Акт о Калеандре и Неонилде».¹ Резанов отмечает, что прозаические места драмы находятся в текстуальной зависимости от романа, что текст романа передается стихами, местами сокращается или дополняется; в общем он скомпанован удачно, но имеются в нем и некоторые несообразности, отдельные сцены построены схематично. Исследователь утверждает, что «Акт о Калеандре и Неонилде» — школьная драма, подвергшаяся влиянию пьес романического характера и поздней польской драмы.

Статья В. И. Резанова носит слишком общий характер и не показывает, что взято автором драмы из огромного романа, какими приемами заимствованное переделывается, что пропущено при переделке, что добавлено. Цель моей статьи — показать приемы переработки романа в драму.

Мною просмотрено шесть списков русского текста романа и один польский. Эти списки можно разделить на две группы: к первой принадлежат четыре списка² и польский текст, ко второй — два.³

Текст романа довольно устойчив, и разница между двумя его версиями сравнительно невелика. Прежде всего различно в них начало. В первой группе рассказ начинается с описания того, что происходило в Арменском государстве, когда король Арфелион хотел выдать замуж сестру Армелину. На устроенный по этому случаю турнир приезжает и Калеандр. Во второй же группе роман начинается с повествования о том, что Калеандр с братом находились еще в Греции; отец отправил их путешествовать, и они приехали в Арменское государство (об отправлении же юношей в первой группе текстов рассказывает их дядя, приехавший с ними). В остальной последовательности изложения событий в обеих группах одна и та же, но во второй имеется небольшое количество пропусков мелких эпизодов. Кроме того, в списках второй группы мы имеем большую руссификацию текста. Например, в них рассказывается о том, что в одном из поединков принимает участие русский князь Василий; на одного из героев надевают «ковалерию со Андреевым крестом по греческой вере».

Что касается польского текста, то все события описаны в нем более подробно, чем в русских списках, некоторые же освещены иначе. Первая

¹ ИОРЯС, 1905, т. X, СПб., кн. 1, стр. 335—398.

² ГПБ, Q.XV.83; Q.XV.40; БАН, 26.3.70; ГИМ, № 1601, собрания Общества древней письменности.

³ ГПБ, Q.XV.40; ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 2368.

группа текстов ближе к польскому тексту, чем вторая, но все же и в них много отличий от оригинала.

Сравнение драмы с текстами романа показывает, что составитель ее имел в руках один из текстов первой группы, так как в тех местах, которые отличают эту версию от польского текста и от списков второй группы, он следует за текстами первой группы.

Составитель драмы близко придерживался текста романа и, где возможно, сохранял даже отдельные выражения, несмотря на то что драма написана стихотворным размером.

Роман

Драма

Атигрин был «ковалер славны, которой имел у себя дщерь едину Терегрину, которая в то время цвела красотой и разумом и о красоте ея во всем свете произошла слава и молва (л. 5).⁴

Славен аз есмь, честию
блистаю...
Имею ж и дщерь себе
прекрасну, едину
Названную именем царевну
Тигрину;
Преславно красотой по-
всюду сияет (стр. 3).

Особенно же близость драмы к тексту романа видна в тех местах, которые в ней передаются прозой; это относится к грамотам; ср., например, грамоту Атигринна к Полиартесу:

Роман

Драма

Цесарь Атигрин Трапезонски и других многих цесарств и королевств монарх и повелитель Полиартесу цесаревичу греческому. Лист твой получил, на которой ответственю: посмеялся ты цесарству моему и дочери моей учинил укоризну и на правде своей не устоял, которую дал перед богом, за что я ныне пред богом клянуся и доколе жив буду и по мне детям моим и внучатом и кто по мне на трепизонском цесарстве иметь монаршество будет и тот смех твой будет тебе и детям твоим милость и покою не давать, цесарство ваше, подлое державство не получил.

Мы, Атигрин, цесарь трапезонски и многих королевств монарх и повелитель цесарю греческому Полиартесу объявляю, Лист твой получил, по которому ответственю, посмеялся ты нашему цесарству и монаршеству нашему и дщери нашей великой цесаревне Тигрине учинил укоризну, и на правде своей, которую паролем заключил пяти ея себе в супругу не устоял и женился на иной и прислал к дщери моей на смех ея обратно обрученны перстень с полами своими, за что я пред богами клянусь: доколе я жив буду и по мне детям моим и наследником тот смех и неустойку твою отомстити, и подшимся Грецию вашу всю до основания разорити и грады ваши опустошити (стр. 106—107).

В драме текст грамоты по сравнению с текстом ее в романе несколько расширен для большей ясности.

Произведенное сравнение текста драмы с текстами романа доказывает, что составитель драмы использовал роман именно в той разновидности, которая характеризует первую группу текстов.

Сохраняя местами текстуальную близость к роману, драма воспроизводит целиком основное содержание романа. Добиться такой полноты инсценировки было нелегко, так как роман отличается сложностью и запутанностью сюжета, в нем много действующих лиц, причем некоторые из них выступают под разными именами; описано много приключений, частью через рассказы действующих лиц о прошлом. И надо сказать, что

⁴ Рукопись ГПБ, Q. XV. 40.

это сложное содержание драмы удалось инсценировать ясно и последовательно.

Сохранив содержание романа, составитель драмы изменил последовательность эпизодов, расположив их в хронологическом порядке. В романе о завязке действия, т. е. о начале вражды между Грецией и Трапезоном, рассказывается позже устами дяди Калеандра — Полемондра и щитоносца Руиллы. Составитель же драмы логично, последовательно изображает события, начиная с разъяснения причины вражды, возникшей между двумя государствами, именно с изображения измены греческого королевича Полиартеса трапезонской царице Тигрине: он женился не на ней, как обещал, а на венгерской королевно Диалде. Кончается же вражда между Грецией и Трапезоном соединением детей Полиартеса и Тигрины — Калеандра и Неонилды, и их самих после смерти первой жены Полиартеса и первого мужа Тигрины.

Таким образом, содержание первого действия взято из середины романа. В отдельных сценах драмы по сравнению с романом становится более логичным поведение действующих лиц, последовательность их поступков понятнее для зрителей. Например, в романе рассказывается о том, что Неонилда узнает об измене Калеандра в его присутствии и пишет ему письмо, в котором выражает свое негодование; в драме же она сразу прогоняет Калеандра. Полиартес в романе случайно во время грозы сблизается с Тигриной, а потом уже женится на ней. В драме же он приходит к Тигрине в роли посла, затем открывает свое имя и женится на ней.

Составитель драмы изменяет иногда последовательность в изображении событий, чтобы не давать дважды сцены, происходящие в одном месте, и таким образом избежать лишней раз перемены декораций. Возьмем хотя бы сцены, происходящие в темнице. В романе рассказывается о том, что в темнице Понтийского государства был убит вместо Калеандра другой рыцарь, а Калеандр спасся; затем повествуется о приезде Неонилды в это королевство и ее разговоре с королем, а далее опять говорится о приходе Неонилды в темницу. Автор драмы соединил в одно оба события, происходящие в темнице, а сцену с приходом Неонилды он дал раньше.

В драме пропускаются те эпизоды, которые не двигают действие вперед, как например подробные рассказы о любовных историях второстепенных действующих лиц.

В драме несколько изменены характеры отдельных героев. Так, например, Калеандр представлен более мужественным, чем в романе: он никогда не просит помощи или прощения. Атигрин обрисован в драме по сравнению с романом более отрицательными чертами: он огорчен не тем, что змей поедает людей, а тем, что змей может съесть и его самого; он по собственному желанию приказывает отдать замуж дочь насильно, а не потому, что был вынужден сделать это, как рассказывается в романе. Более инициативна в драме Тигрина: она первая говорит о своей любви к Полиартесу, роль же Полиартеса несколько уменьшена, как и роль Дуриллы.

Характеры героев, противоречивые в романе, остаются таковыми же и в драме. Даже Калеандр то показывает чудеса храбрости, то трусит, плачет, то защищает обижаемых, то просит о помощи. Лишь в одном случае такая противоречивость характеристики в драме снята: Кризанта, которая в романе обрисована и положительными и отрицательными чертами, в драме дана как отрицательный тип. В этом изменении характера Кризанты составитель драмы отразил средневековый взгляд на женщину

как на причину всех зол, как на «сосуд дьяволов» — взгляд, столь характерный для многих памятников древнерусской литературы.

Большинство добавочных сцен, введенных в драму, появилось в ней согласно правилам теории школьной драмы, с одной стороны, и для сближения ее с типом широко распространенных в начале XVIII в. драм — обработок романов — с другой. Согласно с теорией школьной драмы, в пьесу введены были антипрологи, прологи и эпилоги, среди действующих лиц выступили языческие боги и аллегорические фигуры — олицетворения пороков и добродетелей с соответствующими речами. Отдает дань составитель драмы о Калеандре и Неонилде и сценической традиции, которая характеризует пьесы Петровской и послепетровской эпох. Так, в драму введено много советов королей с сенаторами, самовосхвалений королей.

Пьеса о Калеандре и Неонилде несомненно предназначалась для постановки на сцене, о чем свидетельствуют довольно многочисленные ремарки, в которых поясняется, какова должна быть обстановка для данной сцены, какой необходим реквизит, бутафория, какими театральными эффектами (полеты по воздуху, стрельба и пр.) сопровождается действие.

Составитель пьесы обнаружил незаурядные литературные способности, придав стройность и последовательность развитию сложного и запутанного действия романа, и хорошее знакомство с разными типами драматических произведений, ставившихся на сценах начала XVIII в.

А. М. АСТАХОВА

К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказания о Еруслане

Вопрос о взаимодействии повести о Еруслане Лазаревиче и русского богатырского эпоса не раз поднимался в научной литературе. Указывались явные отражения былинных образов, эпической фразеологии, устойчивых былинных формул, самого духа русского эпоса в списках повести.¹ С другой стороны, отмечались проявления обратного процесса — воздействия повести на эпос.

Так, еще Ор. Миллер высказал предположение, что эпизод испытания силы коня путем удара его по спине в одной из сказок об Илье Муромце,² повторяющий эпизод иранской поэмы Шах-наме, мог «перейти к нам через сказку об Уруслане Залазаровиче».³ Несколько позднее вопрос об отражениях «Еруслана» в эпосе об Илье Муромце был затронут Вс. Миллером в связи с рассмотрением финских сказок об Илье.⁴ Вс. Миллер отметил в этих сказках отголоски эпизода встречи Еруслана (Уруслана) с русским богатырем Иваном и смешение спящего Святогора (в финской сказке — Раслана) с исполином Росланеем, чью гигантскую голову встречает в поле Еруслан. Вс. Миллеру принадлежит и специальная заметка «Илья Муромец и Еруслан Лазаревич».⁵ В ней сообщаются еще два случая перенесения мотивов «Еруслана» в былинно-сказочный эпос об Илье Муромце. Сказитель В. Щеголенок вводит в сводную былинную эпизод встречи Еруслана с царевнами, которых он расспрашивает, есть ли кто на свете их краше, а его, Еруслана, сильнее. Ответ одной из них, что краше — дочь индейского царя, служит завязкой следующего похождения героя: Еруслан едет в Индейское царство, освобождает дочь царя от Змея и женится на ней. В былине В. Щеголенка этот эпизод включен в рассказ о дочерях Соловья-разбойника, из которых меньшая говорит Илье о красоте дочери короля «подсолнечного града». Но перенесен эпизод механически, с дальнейшим повествованием не связан, что характерно для данного сказителя, не раз допускавшего вставки в традиционную компози-

¹ См., например: Ор. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869 (в дальнейшем: Ор. Миллер), стр. 47—49; Д. Ровинский. Русские народные картинки (в дальнейшем: Ровинский), V, СПб., 1881, стр. 114, примечание; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6-е. М., 1956, стр. 384—385 и др.

² А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, в. III. М., 1858, № 11. (Перепечатано с сокращениями: Песни, собранные П. В. Киреевским, в. I. М., 1860, Приложения, стр. II).

³ Ор. Миллер, стр. 183.

⁴ Вс. Миллер. Экскурсы в область русского эпоса. М., 1892, стр. 167—170.

⁵ Этнографическое обозрение, кн. XII, 1892. (Перепечатано: Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности. М., 1897, стр. 404—409).

цию, не оправданные развитием сюжета.⁶ В другой записи от Щеголенка той же былины⁷ указанной вставки нет.

Аналогичный эпизод отмечен Вс. Миллером в одной украинской сказке об Илье Мурине. В эту сказку перенесены и некоторые другие похождения Еруслана (избавление девушки от Змея, исцеление слепых родителей богатыря-чародея, встреча с исполинской головой и др.).⁸ По справедливому заключению Вс. Миллера, эта сказка подтверждает, «как свободно в народе на популярное имя Ильи Муромца переносились похождения Еруслана Лазаревича».⁹

Взаимодействие сказания о Еруслане и русского богатырского эпоса вполне закономерно. Пересказы былин в виде «повестей», «сказаний», «историй» еще с XVI—XVII вв. заносились в рукописные сборники, так же как «истории», «сказания», «сказки» о Еруслане. И те и другие принадлежали к единой линии литературы, обслуживавшей преимущественно демократические круги читателей; они повествовали о героических подвигах, направленных против насилия, на защиту слабых и попавших в беду. Исследования повести о Еруслане показали, что с самого начала ее появления в рукописной традиции она подверглась сильному влиянию русской эпической поэзии, сказавшемуся прежде всего в усилении гуманистического характера изображаемых подвигов и походов. Это еще более сблизило повесть и эпос.

Естественно предположить, что взаимодействие могло иметь место уже при включении произведений в сборники. Еще сильнее оно должно было сказаться в устной традиции при совместном бытовании повести, перешедшей в сказку, и былин (а также сказок на былинные сюжеты).

Характерно отношение сказителей эпоса к сказкам о Еруслане. Те из них, кто пренебрежительно относился к сказкам вообще,¹⁰ делали исключение для сказок о Еруслане и выделяли их вместе со сказками о Бове в особую группу близких к былинам. Заонежский сказитель М. Е. Самылин, например, во время записи от него в 1926 г. говорил: «Сказки неинтересны, другое дело старины». Исключение он делал только для сказки о Еруслане Лазаревиче, которую воспринимал как родственную былинам. В сознании пинежского исполнителя Г. С. Обросова прочитанная им побывавщина о Добрыне и неудачной женитьбе Алеши Поповича объединялась с лубочными повестями о Бове и Еруслане: «Добрыня Никитич, Бова-королевич да Еруслан Лазаревич — сказки такие есть долгие, их не сказать, по книжке читывал».¹¹ Это отношение к «Бове» и «Еруслану» часто приводило к тому, что в фольклорный репертуар многих исполнителей былин, даже при малом знании ими сказок вообще, входили сказки о Еруслане и Бове.¹²

В настоящее время мы располагаем, помимо уже отмеченных в литературе, еще целым рядом фактов, показывающих отражение в эпосе сказаний о Еруслане.

⁶ Е. В. Барсов. Памятники народного творчества в Олонецкой губернии. — Записки Русского географического общества по Отд. этнографии, III. СПб., 1873, стр. 22—29.

⁷ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, изд. 4-е, т. II. М.—Л., 1950, № 120.

⁸ Вс. Миллер. Очерки..., стр. 407—409.

⁹ Там же, стр. 409.

¹⁰ См., например: Былины Севера, т. II. М.—Л., 1951, стр. 10.

¹¹ Там же, стр. 610.

¹² См. упоминания об этом: Былины Севера, т. I. М.—Л., 1938, стр. 162, 514; т. II, М.—Л., 1951, стр. 471, 595; А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни (в дальнейшем: Григорьев), I. М., 1904, стр. 164, 268 и др.

В позднейших записях сказок об Илье Муромце не раз встречается тот эпизод выбора коня путем наложения на него руки, который был отмечен Ор. Миллером в одной из сказок как перенесенный из «Ерусалана». В записанной в 1933 г. в Кандалакше от И. К. Лопинцева сказке¹³ эпизод этот рассказан таким образом. Илья Муромец после получения силы приходит пешком к князю Владимиру и заявляет о своем желании защищать родину. Князь Владимир предлагает ему выбрать у него в конюшне «самолучшего коня». Но Илье не удается найти подходящего: «какого коня ни ударит, не могла лошадь выдержать, падала на колени». Узнав об этом, князь советует Илье идти в леса, к пастуху, и там в табуне сыскать себе коня. Далее рассказывается: «Долго по лесу ходил. Наконец нашел эту дорожку, сел к дубу и посиживает. Слышит: ржут лошади. Идут, бежат к реки пить. Проходит весь табун мимо Ильи Муромича. Одную лошадь заметил хорошую, которую хотел поймать. Дождался пастухов, выпросил у пастухов. Пастухи сказали: „Имай, какая лошадь тебе нужна. Но мы в жизни не могли никогда ее поймать. И лошадь эта идет мимо этого дуба с пойла первая — бегаёт всегда“. Тогда Илья сел за дуб и сказал: „Будет моя!“

«Бежит лошадь мимо дуба. Илья прикрывся дубом и на лошадь ударил рукой. Лошадь упала на колени, и он сказал ей: „Ты, чертовка, должна служить мне. Стань передо мной, как лист перед травой!“ Илья Муромец схватил за гриву, и все стадо прошло. Он удержал лошадь до пастухов. Когда пришедши пастухи, он сказал: „Давайте уздечку, седло! Я сяду на ней и поеду“. В это время дали уздечку, седло. Он сел, распростился и поехал».¹⁴

Напомним соответствующие места эпизода выбора коня Ерусланом Лазаревичем в обработке лубочной сказки. Изгнанный из царства Картауса, Еруслан не может в конюшнях отца выбрать себе «доброе коня». Он отправляется к морю, к пастуху своего отца — Ивашке. Тот говорит, что у него в стаде есть подходящий конь, которого Еруслан может увидеть, когда он, Ивашко, погонит коней на водопой: «И ты его увидишь, и ежели его тут не поймаешь, то вовеки его не поймать тебе».¹⁵

«... и поутру встал рано, пошел в поле, взял с собою уздицу тесмянную да седельцо черкасское и плетку шелковую и стал в скрытом месте под дубом, чтоб его никто не видал». Он замечает среди коней особо могучего жеребца. «И как поравнялся жеребец против его, то выскочил он из-под дуба и ударил коня наотмашь рукою. И конь пал на колени. Он ухватил его за гриву сизую, а сам взговорит таково слово: „О, несытая кляча, доброй конь, кому будет на тебе ездить, что не нам, богатырям“. И надел на него уздицу тесмянную и седельцо черкасское и поехал к палате белокаменной».¹⁶

В двух записях, произведенных И. Этиной в 1935 г. в деревне Гридино на западном берегу Белого моря и в Петрозаводске, эпизод выбора коня передан кратко, но генетическая связь его с отмеченным эпизодом «Еруслана» в виде смутных припоминаний совершенно очевидна.

В варианте из Петрозаводска говорится: «Тогда пошел Илья в стадо, стал выбирать себе лошадь. Набросил руку на лошадь, она пала. Одним словом как сказать: ходил жеребец трех лет, положил Илюша руку на спину его, он даже не почувствовал. Тогда сел Илья на коня и поехал».

¹³ Былины Севера, т. II, стр. 671—675.

¹⁴ Там же, стр. 672.

¹⁵ Ровинский, I, стр. 45.

¹⁶ Ровинский, I, стр. 45—46.

Гридинский вариант передает эпизод несколько иначе: «Вот Илья Муровец поехал в чистополье искать себе коня. Идет пастух, гонит лошадей. Илья Муромец говорит пастуху: „Давай-ка мне лошадку, ту, которая у тебя лучше в стаде“. Пастух отвечает: „Выбирай сам, которая тебе нравится“. Илья Муровец выбрал себе лошадь, ту, которая ему нравится».

В указанной выше сказке И. К. Лопинцева припоминания из «Еруслана» и прямое смешение Ильи Муромца с Ерусланом Лазаревичем наблюдаются и в дальнейшем ходе повествования: встреча Ильи в шатре на поле с богатырем, с которым он после поединка братается и едет вместе против Соловья-разбойника (эпизод встречи Еруслана с Иваном, русским богатырем); драка коней Ильи и этого богатыря у яслей с кормом; наименование неузнанного сына Ильи Ерусланом; возвращение с ним Ильи к матери Еруслана — Вахрамеевне.

К отголоскам «Еруслана», мне думается, следует отнести в кулойско-мезенской традиции некоторые детали местной разработки сюжета об Илье Муромце и Сокольнике, в былинах других районов не встречающиеся: предысторию о детстве Сокольника, о том, что другие дети бранят его «заугольником» (это и побуждает его ехать отыскивать отца), и эпизод узнавания сына по перстню,¹⁷ а также благополучный исход встречи Ильи Муромца с сыном в двух мезенских вариантах.¹⁸

По-видимому, из «Еруслана» перенесен в один из рукописных пересказов XVIII в. былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике эпизод богатырских «шуточек» (кого возьмет за руку — руку оторвет и т. д.) в применении к Илье.¹⁹ Эпизод этот, передающий огромную мощь молодого богатыря, не умеющего или не желающего соизмерять свои силы, является общим эпическим местом и встречается в ряде былин; органически вошел он, например, в былинку о Василии Буслаевиче, где он соответствует общей характеристике героя. Но это изображение настолько противоречит всему облику Ильи Муромца, что вряд ли могло попасть в запись непосредственно из устной традиции. Кстати, в изустных записях этот мотив применительно к Илье нигде не встречается. Поэтому скорее всего можно предположить, что здесь произошло смешение Ильи Муромца с Ерусланом Лазаревичем: такие «шутки шутит» молодой Еруслан, и это является причиной изгнания его из царства Картауса (Киркоуса).

Кроме отдельных деталей и эпизодов, перенесенных из «Еруслана» в былинный эпос и в сказки об Илье Муромце, встречаем попытки ввести всю повесть о Еруслане или отдельные ее части в круг былинных сюжетов.

О том, что «Еруслан» как будто распевался в виде былины, имеются указания еще у А. Д. Григорьева, который слышал об этом от разных сказителей Пинеги и Кулойско-Мезенского края.²⁰ Подводя итоги особенностям кулойско-мезенской традиции, он писал: «...здесь хорошие певцы настолько хорошо владеют эпическим стихом, что готовы переложить в стихи переводную сказку о Еруслане».²¹

¹⁷ См.: Григорьев, II, №№ 76 и 87; III, №№ 42, 64, 85, 88; Былины Севера, т. II, № 40.

¹⁸ Григорьев, III, №№ 85, 88. Не останавливаясь на обосновании этих предположений ввиду невозможности сделать это в настоящей краткой заметке.

¹⁹ Гистория о славном и о храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловье Разбойнике. — ТОДРА, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 242—246. Тождественные тексты: Этнография, 1927, № 1, стр. 109—113 и неопубликованный из собрания Титова, № 3315 (ГПБ).

²⁰ См.: Григорьев, I, стр. 148, 309; III, стр. 130—131.

²¹ Григорьев, II, стр. 27.

Записи советского времени свидетельствуют, что такие факты действительно имели место в эпической традиции.

В 1928 г. в Пудожском районе экспедицией братьев Б. и Ю. Соколовых были записаны былина «Еруслан Лазаревич» от Г. А. Якушова и «Былина про Индею богатую» от Ф. А. Конашкова.²²

Былина Якушова представляет обширный текст, в 618 стихов, в котором очень стройно, в хорошем эпическом стиле изложен ряд подвигов Еруслана Лазаревича. Из основных эпизодов сказки исключены встреча Еруслана в поле с Иваном русским богатырем и, соответственно с этим, подвиги Еруслана, связанные с этой встречей, а также весь эпизод освобождения царства Картауса от Данилы Белого и исцеления ослепленных Картауса, Лазаря и богатырей. Все же начальные эпизоды — «ребячьи забавы» Еруслана, выбор коня в стаде пастуха, добывание доспехов и отъезд — не только сохранены, но и переданы подробно и по-былинному, с использованием традиционных эпических формул (см., например, укор коню, снаряжение богатыря, седлание коня, выезд Еруслана и др.). Эпически переданы и сцены единоборства и битв. Из всех известных нам, переложённых в былины сказителями XIX—XX вв. сказок былина Г. А. Якушова — одна из самых удачных, чему, конечно, способствовала, кроме мастерства сказителя, близость «Еруслана» к героическому эпосу. Как правильно отметил В. И. Чичеров, «Еруслан оказывается как бы отражением Ильи». Сказитель сумел придать былинне о Еруслане «черты, свойственные всем его другим былинам, оказавшись не только воссоздателем произведений, уже бытовавших ранее, но и создателем нового, своего текста».²³

Иной характер носит былина Ф. А. Конашкова. В ней используется эпизод столкновения Еруслана с Ивашкой Белой Епанчой. Кроме Ивашки, включен Данила Белый, однако он связан с «Ерусланом» только по имени, роль же его в былинне совсем другая. Здесь он основной герой. Чтобы выполнить просьбу своей дочери — привезти ей из Индеи дорогие платья и перстни, русский богатырь Данила Белый вступает в единоборство с могучим богатырем Ивашкой Сорочинским, охраняющим царство Индейское, не пропускающим «без доклада» «ни прохожего, ни проезжего». Бой богатыри кончают полюбовно, Ивашка дает пропуск в Индею, и Данила привозит дочери подарки. В 1937 г. былина была записана от Ф. А. Конашкова вторично, причем сказитель несколько сократил текст с 95 стихов до 72 (выпущена начальная сцена пира, на котором князь Владимир назначает Ивашку сторожем — охранителем Индеи).²⁴

Является ли былина запомнившимся Конашкову фрагментом более содержательного повествования или это попытка самого сказителя сложить былинну на основе некоторых элементов сказки о Еруслане — неизвестно. Вероятнее — первое. Заслуживает внимания заявление самого Конашкова, что былинну он перенял от «Утки», т. е. Никифора Прохорова. «Это единственный случай, — пишет А. М. Линевский, — когда Конашков отметил связь своего репертуара с иным сказителем» (т. е. с кем-то, помимо своего дяди, на которого он постоянно ссылался).²⁵ Ссылка на Н. Прохорова ин-

²² Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948, №№ 31 и 92.

²³ Там же, стр. 59.

²⁴ Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948, № 20. (В дальнейшем: Конашков).

²⁵ Конашков, стр. 201.

интересна тем, что в репертуаре этого сказителя оказалась распетая в былинную сказку «Ванька удовкин сын».²⁶ Вероятно, Прохорсов мог распеть и сказку о Еруслане или какие-либо из ее частей.

Сказки о Еруслане, распетые в виде былин, записаны также в Беломорье, в деревне Зимняя Золотица. Это два варианта М. С. Крюковой (один — полный, другой — незаконченный) и вариант А. В. Стрелковой. Все три записаны в 1938—1939 гг. Э. Г. Бородиной, любезно предоставившей мне эти записи для ознакомления и использования в настоящей заметке.

Оба варианта М. С. Крюковой отличаются чертами, характерными для всех ее былин: они очень растянуты (незаконченный вариант, обрывающийся на эпизоде освобождения царства Картаусского от Данилы Белого, включает 1169 стихов; полный, передающий все эпизоды сказки, — около 1500 стихов), чрезмерно детализируют отдельные эпизоды, изобилуют повторениями, описаниями, вставными, придуманными самой М. С. Крюковой эпизодами. По словам сказительницы, у них в доме была сказка о Еруслане «в лицах», т. е. лубочные картинки с текстом сказки, который и послужил для М. С. Крюковой источником.

Запись от М. С. Крюковой сказки о Еруслане, распетой в былинную, конечно, еще не давала бы права говорить о наличии в Беломорье определенной традиции: общеизвестна страсть Крюковой «пропеть» в виде былин и сказки, и повести, и исторические песни и предания. Поэтому особенно большой интерес представляет третья запись Э. Г. Бородиной, свидетельствующая, что распевание «Еруслана» в Зимней Золотице не являлось только индивидуальной чертой творчества М. С. Крюковой.

Былина А. В. Стрелковой «Про Еруслана Лазаревича» центром повествования делает историю отношений Еруслана и Вахрамеевны. Герой после встречи с царем Вахрамеем в поле, единоборства и братания едет в его царство и женится на его любимой дочери Василиске. Но нападение врагов заставляет его покинуть надолго жену, которой он оставляет для ожидаемого ребенка драгоценный перстень. После битв с врагами Еруслан попадает в незнакомую страну, здесь прельщается молодой королевой и забывает жену. Встреча и бой с молодым богатырем, в котором он по перстню признает сына, возвращает его к Вахрамеевне. В эту новеллистическую сюжетную канву включен ряд героических эпизодов. Ни по содержанию, ни по стилю былина ничего общего с текстом М. С. Крюковой не имеет. Она кратка (всего 150 стихов) и динамична. Возможно, что оформление фрагментов «Еруслана» в былинную с целостным сюжетом принадлежит самой А. В. Стрелковой, от которой записан еще ряд былин, или кому-либо в ее семье: по словам сказительницы, отец ее, В. Е. Суботин, и братья читали про Еруслана «по книжке».

Приведенные факты говорят о том, что отражения в былинах и сказках на былинные сюжеты сказания о Еруслане, заметные уже в XVIII в., усиливаются к концу XIX и началу XX в., когда все более и более нарушаются жанровые границы былины и сказки.

²⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II, изд. 2-е. М., 1910, № 126.

К. В. ЧИСТОВ

Новая запись песни о Щелкане Дудентьевиче

В июле 1956 г. вместе с Кемским отрядом фольклорной экспедиции Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР я побывал в селах средней части Карельского берега Белого моря — Калгалакше и Гридине (Кемский р-н КАСССР). Среди сказителей, которых удалось встретить во время этой поездки, выделяется Анастасия Васильевна Иванова, сообщившая девять текстов былин и исторических песен: «Илья и разбойники», «Илья и его брат (= сын)», «Потык», «Хотен», «Дунай и Настасья», «Князь Михайла и его жена», «Дмитрий и Домна», «Князь, княгиня и старицы» и «Щелкан Дудентьевич».

Особенный интерес в репертуаре А. В. Ивановой представляет историческая песня о Щелкане Дудентьевиче, возникновение которой связывается исследователями с антитатарским восстанием 1327 г. в Твери.¹

А. В. Ивановой 68 лет. Песню о Щелкане, по ее словам, она восприняла в деревне Гридино «от старых людей» лет 20—30 тому назад и с тех пор неоднократно ее исполняла. В настоящее время она поет только первые строки (не хватает дыхания), остальное — говорит. Так же как и былины, песню о Щелкане А. В. Иванова называет «стихом» или, в отличие от духовных стихов, «стихом нецерковным».

Вариант песни о Щелкане, записанный от А. В. Ивановой, представляет значительный историко-фольклорный интерес.

Как известно, «Щелкан» принадлежит к числу чрезвычайно редких исторических песен. До сих пор опубликовано пять записей: одна в сборнике Кириши Данилова, три — в III томе сборника А. Ф. Гильфердинга (№ 235, стр. 273—275 и 629—631; № 269, стр. 404—405 и № 283, стр. 451—453)² и одна в сборнике Ю. М. Соколова — В. И. Чичерова

¹ См.: А. Д. Седелъников. Песня о Щелкане и близкие к ней по происхождению. — Художественный фольклор, тт. IV, V. М., 1929; Н. Н. Воронин. Песня о Щелкане и Тверское восстание 1327 г. — Исторический журнал, 1944, № 9; Я. С. Лурье. Роль Твери в создании русского национального государства. — Ученые записки ЛГУ, № 36, сер. истор. наук, в. 3. Л., 1939; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1943, стр. 325—327; В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 123—127. В недавнее время песня о Щелкане изучалась Б. Н. Путиловым, прочитавшим в 1956 г. доклад на эту тему в ИРЛИ.

² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. III, изд. 4-е. Под ред. проф. А. М. Астаховой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951. (В дальнейшем: Г с указанием номера песни). Мы не включаем в это число не вполне ясный текст, озаглавленный «Вольга и Щелкан» (Г 254), записанный от кенозерского сказителя И. М. Лядкова (Кропачева), склонного к причудливым контаминациям (ср. его же былинку «Микула Селянинович и Иван Годиневич»: Г 255).

(№ 253, стр. 831—832).³ Из них четыре записаны были на Кенозере и настолько близки друг к другу, что кажутся повторными записями одного и того же варианта.

В кенозерских записях песня заканчивается пожеланием Щелкану не вернуться из Твери, которое вкладывается в уста его сестры, Марьи Дудентьевны. Картина жестоких мер Щелкана по сбору «даней-выходов» отступает здесь на задний план. Щелкан должен погибнуть, потому что, стремясь получить Тверь, он по требованию Возвяга (Азвяка) выпивает чашу крови зарезанного им сына.

В варианте Кирши Данилова, эпизод с «чашей крови» не затемняет основного содержания песни. Щелкин гибнет, потому что он безжалостно притесняет тверичан.

Записанный нами вариант принадлежит, по-видимому, к особой редакции, которая до сих пор не была известна. Эта запись показывает, что развитие песни о Щелкане шло разнообразными путями, и кенозерская редакция не просто, как это принято считать, более поздняя по сравнению с редакцией, известной нам по сборнику Кирши Данилова. Это, очевидно, лишь одна из редакций, имевших более или менее местный характер. В Поморье судьба песни о Щелкане была иной. Поэтическая отработанность записанного нами варианта ясно показывает, что за ним стоит многолетняя и своеобразная традиция.

Отметим наиболее существенные черты варианта А. В. Ивановой.

1. В варианте не упоминаются ни татары, ни Тверь, ни Азвяк (Возвяг), и песня воспринимается как поэтически обобщенное изображение жестокого сборщика «даней-пошлин» и его заслуженной гибели. Песня о национальном (татарском) гнете на Руси в поморском варианте А. В. Ивановой окончательно превращается в песню о гнете социальном. Это подтверждает правильность истолкования «Щелкана» как песни не о тверском восстании 1327 г., а о татарском иге вообще (предложено Б. Н. Путиловым). Именно это и обусловило возможность эволюции ее в песню о гнете вообще, в песню о жестокостях сборщиков «даней-пошлин, прежних невыплаток, досельных невыкладок».

2. Троекратное повторение формулы сбора дани (занимает двадцать девять строк из семидесяти четырех) подчеркивает что было основным для исполнителей в облике Щелкана.

3. Щелкан гибнет там же, где берет «дани-пошлины» (в других вариантах дань собирается в Литве и др.).

4. Совершенно отсутствует эпизод с «чашей крови». Он, по-видимому, не просто забыт, а закономерно исключен в процессе сложения поморской редакции. В публикуемом варианте нет и всех тех мотивов, которые в других редакциях его подготавливают и окружают (отсутствие Щелкана в момент раздачи городов, просьба дать ему Тверь, требование Азвяка (Возвяга) зарезать сына и выпить его кровь, проклятие сестры и т. д.) С другой стороны, нет оснований считать, что этот эпизод в других редакциях включен позднее, так как он неизменно присутствует во всех вариантах за исключением нашего.

5. Проклятие вложено в уста не сестры Щелкана, как в кенозерских вариантах (у Кирши Данилова «проклятия» нет), а «старой старушки седатой» — жительницы тех мест, куда является Щелкан за данью.

³ Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. И. Чичерова. Изд. Гос. лит. музея, М., 1948 (В дальнейшем: С—Ч).

6. Оригинален конец песни, не встречающийся в других вариантах: у «озера большиньского» собираются какие-то люди, которых боится Щелкан. Он выпивает «цетверть зелена вина». Вино оказывается «зельем лютым», и Щелкан умирает. Смутность развязки не дает права говорить о ее прямой связи с тверским восстанием 1327 г., однако какая-то связь с ним, по крайней мере значительно бóльшая, чем в кенозерских вариантах, несомненна.

Вместе с тем следует говорить о генетической связи варианта А. В. Ивановой с опубликованными ранее вариантами. Все они восходят, по-видимому, к одной древней песне о Щелкане, причем вариант Кирши Данилова в ней особенно близок. Ниже мы приводим некоторые фразеологические параллели, которые показывают связь публикуемого варианта с другими.

Запись песни о Щелкане Дудентьевиче от А. В. Ивановой хранится в архиве Карельского филиала АН СССР (Фольклорный отдел, ^{39/}№177).

- Против зеркала хрустального,
 Против чистого заморьского
 Царь сидит — суды судит,
 Он суды судит да ряды рядит:
- 5 Мишку — на Костóмку,
 Ваську — на Малые ряды,
 А ведь шурина любимого
 Щелкана Задудентьевича —
 Службой бóльшею,
- 10 Дорожкой дальнею
 За тридевять земель
 Да за тридевять горей
 Сбирать дани-пошлины,
 Прежни невыплаты
- 15 Да досельни невыкладки —
 Со всякой улици по курици,
 С кажного дому по пяти рублей.
 У кого, бúde, нету с улици по курици,
 У кого, бúde, нету с дому пяти рублей —
- 20 У того брать по доцери любимой
 Да по сыну одинакому.
 Вот пошел Щелкан да Задудентьевич,
 Идет да доброумится,
 Доброумится да ухмыляется,
- 25 Небывальма словама похваляется,
 Что вот пошел дорожкой дальнею,
 А службой бóльшею
 За тридевять земель,
 За тридевять горей
- 30 Сбирать дани-пошлины,
 Прежни невыплаты,
 Досельни невыкладки —
 Со всякой улици по курици,
 Со всякого дому по пяти рублей.
- 35 У кого нету с улици по курици,
 У кого нету с дому по пяти рублей —
 Брать до доцери любимой,
 А по сыночку одинакому.

- Ну, встречается ему, стрéту попадается
 40 Старая старушка седатая,
 Говорит ему да таковы слова:
 «Ты куда, Щелкан, пошел, да Задудентьевич?»
 («А он отвечает»):
 «Я пошел службой большою,
 45 Дорожкой дальнею
 За тридевять земель,
 За тридевять горей
 Сбирать дани-пошлины,
 Прежни невыплатки,
 50 Досельни невыкладки —
 Со всякой улици по курици,
 Со всякого дому по пяти рублей.
 У кого нету с улици по курици,
 У кого нету с дому пяти рублей —
 55 Брать по дощери любимоей,
 А по сыночку одинакому».
 Ему старая старушка отвечает:
 «Дай те бог туда не дойти
 И назад не придти».
 60 Вот приходит он ко озеру большиньскому,
 Ко тому ли деревину деревиньскому,
 Смотрит на дру́гу сторону,
 Видит люди ходят на другой стороне.
 («Он и говорит»):
 65 «Что это люди за люди,
 Черти как дьяволи,
 Попы или дьякони?»
 Оглянулся назад себе —
 Стоит перед ним четвертиночка,
 70 Четверть зеленá вина,
 Зелена вина да зелья лютого.
 Обрадел он с зеленá вина,
 Берет стакан да во белы руки,
 Наливат в стакан да зеленá вина,
 75 Зеленá вина да зелья лютого.
 Тут и душа вышла.
 («Оказалось, не зелено вино, а яд»).

Примечания

Строки 3—4.

К: Суды рассуживает,
и ряды разряживает.¹

Г 235 Да он суды рассуживал,
Да дела приговаривал.

Г 254 Он сидел суды ведь рассуживаё,
Да слова он выговариваё.

Г 269 Он суды-ти рассуживал,
Дела приговаривал.

¹ Цит. по изд.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938, № 4, стр. 21—24. (В дальнейшем: К).

Г 283 Ен суды рассуживал,
Все дела приговаривал.

Строки 5—6. В кенозерских вариантах устойчиво называются Тотьма и Новгород, в варианте К — Плёс, Вологда и Кострома. «Костомка» — возможно искажено от «Кострома».

Строки 9—21 (см. также строки 26—38 и 43—55). Ср.:

К Брал он, млад Щелкан,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты:
С князей брал по сту рублёв,
С бояр по пятидесять,
С крестьян по пяти рублёв;
У которого денег нет,
У того дитя возмет;
У кого дитя нет,
У того жену возмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возмет.

Г 235 Ради дани и выходу,
Ради чортова правежу.
Он де с поля брал по колосу,
С огорода по курици,
С мужика по пяти рублей,
У кого тут пяти рублей нету,
У того он жену берет,
У кого как жены-то нет,
Так того самого берет.

Г 254 Да Щелкан-от Дудентьев сын
Да он с улицы брал по курици,
Со двора он брал по коню,
У кого коня-то ведь нет,
У того он жену возьмё,
У кого-де жены-то ведь нет,
А тово-де самого возьмё.

Г 269 Не для дани да выхода,
Ради чертова правежу.
Чорт-от с улицы
Брал по курицы,
Со избы брал он петуху,
Со бела двора он по добру коню.
У кого коня нет, дак и жену возьмет,
У кого жены нет, самово в полон возьмет.

Г 283 Ен для чертова правежу,
Ради дани и выходу.
Ен де с поля по колосу брал,
С улицы по курици,
С мужика по пяти рублей.
У кого-де пяти рублей нет,
У того он жену берёт.
У кого как жены-то нет,
И того самого берёт.

С—4 Ради дани да выходу,
Ради цертова правежа.
Он с поля брал по колосу,
С огорода по курице,
С мужика по пяти рублей.
У кого как пяти рублей нет, —
У того он жену берет.
У кого как жены нет, —
У того так самого берет.

Строки 57—58. Ср.:

Г 235 Да чтобы тебе, брателку,
Да туда-то уехати,

Да назад не приехати,
 Да остыть бы те, брателко,
 Да на востром копье,
 На булатном на ножичке.

Г 283 И кабы ти уехати
 И назад не приехати.
 Кабы ти самому на ножі остыть
 И на сабли на вострые.

С—4 Как бы тебе, брателко,
 Туда уехати,
 Назад не приехати.
 Остыть бы тебе, брателко,
 На востром копье,
 На булатном на ножицьке,
 Как заколол ты сына милого,
 Только цяда любимого
 Ради Твери города,
 Ради Твери-то славные,
 Только ради Твери богатые.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

«Земля бородатых»

На маленьком острове Фаддея вблизи мыса Челюскина, в заливе Симса на Таймыре, в 1940 г. гидрологи неожиданно нашли следы трагических событий, происходивших в этих диких, пустынных и теперь местах, на «краю света», более трехсот лет тому назад, около 1619—1620 гг. Гидрологи обнаружили остатки бедственной зимовки и последнего лагеря безвестных русских мореплавателей. Среди оставшегося от них имущества на голых камнях у самого берега моря лежал металлический диск, бронзовое зеркало с изображением кентавра.

Кентавр был отлит с большим искусством и подлинным художественным чувством. На голове его царский венец, в одной руке щит, в другой скипетр, оканчивающийся фигурным навершием. Лицо кентавра молодое, безбородое, отчетливо моделированное в полупрофиль (в три четверти). Ясно виден длинный широкий нос, круглые, глубоко посаженные глаза и маленький рот. Подбородок округлый, нежно очерченный. Из-под венца сзади выбиваются вьющиеся волосы, образующие тяжелую сплошную массу кудрей. По бокам кентавра простерты два широких крыла.

Кентавр показан на фоне ночного неба, усыпанного сияющими звездами, изображенными в виде розеток. Это несомненно герой древнерусской повести о Соломоне и Китоврасе, могучее демоническое существо тройственной природы — человек, лошадь и птица, а вместе с тем властитель сказочного царства и мудрец — соперник царя Соломона.

Впоследствии такие бронзовые зеркала с изображением Китовраса распространились по всей Сибири, почти у всех народов: на Оби и Енисее, на Ангаре и Лене, даже на Колыме и Чукотском полуострове. Их необыкновенная популярность у народов Сибири конечно зависела прежде всего от того, что дисковидная форма металлического зеркала ассоциировалась с наиболее распространенным и всеобщим культовым символом в виде диска, изображающего солнце. Юкагиры так и называли эти зеркала «грудным солнцем». Бурятские шаманы почитали их наравне со своими священными зеркалами-толи, которые, по их верованию, чудесно спускались с неба как дар светлых небесных божеств.

Изображения кентавра на зеркалах точно так же соответствовали местным верованиям. Их повсюду осмысливали в соответствии с местной мифологией. У бурят это были изображения небожителей — тэнгеринов, у племен Приуралья, вероятно, их собственного конного божества солнца Мир-сусне-хума.¹

¹ А. П. Окладников. 1) Бронзовое зеркало — В сб: Исторический памятник арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. М.—Л, 1951, стр 20, 2) Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея — Советская археология, XII, 1950. стр. 139—172

Замечательная находка на о. Фаддея и ее многочисленные двойники-варианты вновь напоминают о том, что продвижение русских землепроходцев за Каменный пояс, в Сибирь, сначала на Обь и Енисей, а затем и дальше на северо-восток Азии, вплоть до моря Лаптевых и Берингова пролива, сопровождалось сближением русских с коренным населением Севера.

Вполне естественно, что вступая в контакт с аборигенами Сибири, сближаясь с ними, русские неизбежно вносили в их среду многое из своего духовного мира, из своего идейного запаса и мировоззрения.

Русские несли с собой в тундру и лесотундру Крайнего Севера не только свои былины и песни, но и литературные произведения. Так, например, известно, что многие промышленные люди, не говоря уже о священниках или воеводах вроде известного С. Кокорева, везли с собой печатные книги и рукописи, а «иногда целые библиотеки».²

Многое из этого культурного богатства теми или иными путями, в том или ином виде попадало к племенам тайги и тундры, отражаясь при этом в очень своеобразных и неожиданных формах. Примером могут служить былины о русских богатырях или образ кентавра, который, как мы видели, прошел всю Сибирь — от Урала до Тихого океана и с такой же быстротой, с какой двигались землепроходцы, — на протяжении одного столетия.

Но было бы неправильно думать, что контакт был только односторонним, что русские ничего не получали взамен. Напротив, хорошо известно, что и русские с необыкновенной легкостью воспринимали многое из аборигенной культуры, в том числе из устного творчества северных племен, черпали сведения из их преданий и даже мифологии.

Ярким примером этому, среди многих других, являются легенды и рассказы о мифических жителях Крайнего Севера, в частности о сказочном народе на островах Ледовитого океана и о «земле бородастых». Сказания эти замечательны тем, что имеют ближайшее и весьма существенное отношение к истории географических открытий на Крайнем Севере Азии, в глубине арктических морей.

Они возбуждали надежды на открытие новых неведомых земель, заселенных людьми, богатых зверями и покрытых лесом полусказочных островов или даже настоящей «Большой Земли», лежащих к северу от берегов Восточной Сибири. Они заставляли предприимчивых смелых людей идти в ледяные просторы Северного океана и давали им силу преодолевать бесчисленные препятствия, ожидавшие их на пути к желанной цели. Эти надежды вызвали в начале XVIII в. целую серию путешествий к северу от устьев рек Колымы и Лены, целью которых были поиски огромного острова к северу от Колымы, «о котором разглашено, якоб (это) земля великая».

В результате этих путешествий были открыты Медвежьи острова, на которых действительно оказались следы населения, но не современного, а древнего — остатки развалившихся полуподземных жилищ.

Но этого было слишком мало по сравнению с тем, чего ждали от открытий на Севере, и поиски новой земли продолжались с удвоенной энергией. Они делаются в XVIII в., по словам В. Ю. Визе, «главной географической проблемой Восточно-Сибирского моря, для разрешения

² С. В. Бахрушин. снаряжение русских промышленных людей в XVII в. — В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века... стр. 90.

которой отправляются специальные экспедиции».³ В 1760 г. по приказу сибирского губернатора Ф. И. Соймонова были направлены две экспедиции — Николая Дауркина на Чукотский полуостров и Степана Андреева на Медвежьих острова.

И обе эти экспедиции доставили наряду с некоторыми фактическими данными любопытные сообщения, несомненно фольклорного происхождения.

Николай Дауркин привез рассказ о легендарной земле Тикиген, обитаемой племенем Храхай, которая при сильных ветрах уходит в море на одну версту, а при тихой погоде возвращается обратно. Степан Андреев во время второй своей поездки увидел, по его словам, за Медвежьими островами еще один остров, но в 20 верстах от него «наехал неизвестных людей свежие следы на восьми санках оленьими, только перед нами проехали; и в то время пришли в немалый страх»,⁴ почему и повернули обратно.

С тех пор неоднократно предпринимались настойчивые, но безрезультатные поиски «Земли Андреева». В литературе же, посвященной истории арктических путешествий, до сих пор не утихают споры о том, почему шестого острова вблизи Медвежьих островов не было обнаружено. Существуют предположения, что Андреев просто солгал, на самом же деле никакого острова не видел, как не видел и следов «неизвестных людей» на восьми оленьих санках. Так говорили и сотник Татаринов, и юкагир Ефим Коновалов, сообщавшие, что «в бытность-де нашу в море ничего более не видели, а что-де подпоручиком Андреевым объявлено, яко бы видели вновь найденной шестой остров, разстоянием не мал, и яко бы ехали к тому острову и наехали неизвестных людей свежие следы на восьми санках оленьими, только лишь де перед нами проехали с острова на землю, то точию де все оное ложно, как-де мы вышеупомянутого шестаго острова так и неизвестных людей в санках, но и пеших никаких не видали, а возвратились-де обратно от непроезду чрез вышеописанную шель».⁵

Академик К. М. Бэр прямо называл поэтою Андреева обманщиком. Другие думают, что С. Андреев видел не землю, а мираж, «приподнятое рефракцией причудливое скопление льдин». Думают также, что «Земля Андреева» могла существовать на самом деле, но была впоследствии размыта и растаяла в океане.⁶ Есть, наконец, и такое мнение, что Андреев видел реальную землю на севере, но не какой-то шестой остров у Медвежьих островов, а остров Новая Сибирь.

Что же касается человеческих и оленьих следов, то, по мнению М. И. Белова, Андреев внес эту запись в свой журнал, «подлаживаясь, по-видимому, к ходившим в те годы слухам о союзниках, приходивших на помощь к чукчам с „Большой Земли“. Этот домысел нужен был ему для того, чтобы подкрепить факт „открытия“ острова, в существовании которого он был глубоко убежден».⁷

Но есть и еще одна возможность, позволяющая глубже понять и объяснить происхождение загадки «Земли Андреева», а вместе с ней и рассказа о таинственных следах, которые навели такой страх на Андреева

³ В. Ю. Визе. Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования. М.—Л., 1948, стр. 947.

⁴ Там же, стр. 248.

⁵ Л. Гельмерсен. К вопросу об открытии Врангелевой Земли. — Известия Русского географического общества, XII, в. 6, 1876, стр. 472.

⁶ В. Ю. Визе. Моря Советской Арктики, стр. 248.

⁷ М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. Т. I, М., 1956, стр. 412.

и его спутников, что заставили повернуть назад от маячившей впереди, на расстоянии каких-нибудь 20 верст, желанной земли.⁸

Для этого нужно принять во внимание психологию людей того времени, как самого Андреева, так и сопровождавших его людей. С самого начала ознакомления европейцев с Крайним Севером он рисовался им сказочной, полной тайн, фантастической страной. И чем дальше были эти северные страны, чем недоступнее, тем таинственнее был их облик, тем больше тайного и чудесного скрывалось за льдами арктических морей.

Там живут, думали средневековые люди, люди-гиганты, люди-великаны. Это страна чудовищных существ, одноногих и одноруких, имеющих рты на темени.⁹

Точно так же представляли себе пространства Крайнего Севера и внутри Ледовитого океана коренные племена Севера, от которых эти фантастические представления, вероятно, и переходили нередко к легковерным европейцам. Об этом свидетельствует, например, известная русская повесть о «человецех, незнаемых в восточной стране», насыщенная фольклорными сюжетами, заимствованными от уральских племен.¹⁰

Народы Севера издавна были глубоко убеждены в том, что к северу от береговой линии Ледовитого океана находятся обитаемые людьми обширные острова и даже настоящая зеленая земля с высоким лесом, богатая зверями, в том числе пушными.

Люди, обитающие на этой заморской земле, — бородатые великаны. Охотник и оленевод Н. К. Курилов, член колхоза «Оленевод» в Олёрском (прежде Хангайском) наслеге в низовьях Лены, рассказывал мне в 1943 г., что некий человек, охотившийся зимой на песцов, обнаружил на берегу моря следы человека. Сступив на след, он увидел, что след равняется нескольким харысам (четвертям). Следы шли в море. Решив преследовать этого неведомого человека, охотник встал рано утром и поехал по следу. После двух суток езды он увидел ночью перед собой гору, возвышавшуюся, как остров, сквозь морозный туман. Перед горой следов стало много; снег был притоптан как улица. Навстречу ему вышла женщина. Она была высотой в несколько сажень и, взяв его за руку, повела в дом. В доме находился также и мужчина. Оба говорили с ним по-человечески. Мужчина сказал охотнику: «Я сам виноват, что показал свои следы, иначе бы ты не пришел сюда, иначе я бы тебя убил. Теперь отправляйся назад в свою землю, только никому не рассказывай. А я тебе помогу вернуться. Сейчас же не выходи, пока я не приготовлю нарту. Выйдешь потом сразу». Через некоторое время тот человек зашел снова в дом и сказал: «Все кончено, теперь выходи». Выйдя, увидел, что кругом сплошной туман, ничего не видно. Хотел видеть их дом, но ничего не увидел. Великан посадил его на нарту и завязал ему глаза, сказав: «Когда доедешь до своей земли, собак отпусти». Те места, где он раньше дважды ночевал, теперь прошел без ночевки, в один день. В пути охотник развязал глаза и увидел, что его везут не собаки, а два волка. Его же собаки не могли тех догнать и влочились по земле. Дойдя до дома, отпустил волков-собак, и они сразу исчезли. Его собственная собачья нарта была

⁸ Там же, стр. 312.

⁹ К. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. — Записки Историко-Филологического факультета СПб. университета, ч. LXXIX, 1906.

¹⁰ Д. Н. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «о человецех незнаемых в восточной стране». Археолого-этнографический этюд. — Древности, т. XIV. М., 1890. Ср. показание со слов чукчей, данное толмачом Н. Дауркиным об удивительных народах на неведомых землях (Л. Гельмерсен. К вопросу об открытии Врангелевой Земли, стр. 462).

нагружена доверху. Когда он раскрыл груз, то увидел множество лисиц-песцов. Когда он был в той заморской юрте, хозяин спросил его: «Почему ты бродишь один по берегу моря». Охотник ответил, что этим мы и живем. Пожалев его, великан дал ему так много пушнины. Дом же великана был обыкновенного, человеческого вида. До старости тот охотник никому об этом случае не говорил, а рассказал только при смерти.

В других вариантах этих легенд рассказывается, что охотник, попав на следы гигантского человека, едет за ним в открытое море и попадает в селение таинственных людей — великанов. В некоторых случаях рассказывается, что люди эти не имеют огня и уносят из человеческих костров горящие головешки. Они отличаются от обычных людей, обитателей материка, не только своим гигантским ростом, но и тем, что имеют длинные густые бороды или даже сплошь покрыты шерстью; это — «бородатые» люди.

В описании их жилищ много реальных этнографических черт, много такого, что поразительно напоминает жизнь оседлых морских охотников-зверобоев Арктики.

Дома «бородатых» расположены не по одному, а целыми поселками. Форма домов, в некоторых легендах, круглая, т. е. куполовидная, как у полуподземных жилищ эскимосов и сидячих чукчей. Дома делятся на две части, на сени и внутреннее пространство. Так строились эскимосские зимние жилища, внутрь которых попадали через сени в виде коридора. Внутри дома располагались спальные пологи. Жилище освещалось не печами, а «светящимся камнем». В этом источнике света нетрудно увидеть жировую лампу, которая обогревает и освещает внутренность эскимосских жилищ, а также служит для приготовления пищи. Ездят «бородатые» на собаках, хотя и похожих на огромных волков.¹¹

В легендах о «бородатых» имеются такие детали, которые могут свидетельствовать и о враждебных отношениях между жителями островов, с одной стороны, и континента, с другой.

Демонический народ Севера изображается как враг обычных людей. Встреча с ним грозит гибелью, и вообще они могут принести только зло.

Василий Сивцов, старый оленевод, родом с Оленека, рассказывал мне на привале в Булунской тайге, что в древности, когда на р. Оленек «не было ни одного челнока», настали тревожные голодные годы. В это время одна 17-летняя девушка-шаманка, знаменитая своими предсказаниями, камлая, сказала, что скоро наступит страшное бедствие из-за неулова рыбы и зверя. На Севере есть, говорила она, «волосатый» народ. Среди него есть чародейка, которая вздумала помешать счастью здешнего народа. Она загородила устье р. Оленек Рыбой Смерти. Из моря не идет ни одна рыба. И действительно, говорит легенда, так и случилось: на Оленеке настал голод. Тогда народ стал умолять девушку, чтобы она просила чародейку «волосатых» сжалиться над ними. Шаманка камлала несколько суток, но чародейка не хотела открыть путь рыбе из моря в реку. Тогда шаманка созвала всех своих духов и стала с ними рубить Рыбу Смерти топором и прорубила в ней дыру, через которую и до сих пор идет рыба в Оленек.

Таким образом, в легенде о «бородатых» людях обнаруживаются определенные элементы этнографической действительности, свидетельствующие о древних связях континентальных охотничьих племен с обитателями морских островов.

¹¹ Г. В. Ксенюков. Ураангхай-Сахалар. Очерки по древней истории якутов, т. I. Иркутск, 1937, стр. 550—556.

Вместе с тем в рассказах этих, особенно тех, которые записаны от говорящего по-якутски населения долины Оленека и Нижней Лены, имеются безусловно мифологические черты южного происхождения. Сюда относится прежде всего представление о том, что великаны далекого севера сплошь покрыты волосами. Эта черта больше всего напоминает мифических лесных духов-баянаев якутской мифологии. С представлениями о лесных духах — хозяевах зверей и покровителях охотников — теснейшим образом связана и такая характерная деталь, как рассказ о брачной ночи охотника с хозяйкой жилища на заморском острове и о том, как она награждает его за любовь богатыми дарами в виде тюка драгоценной пушнины. Это обязательная деталь древней охотничьей мифологии сибирской тайги, в центре которой стоит образ лесной женщины — владычицы зверей, иногда женщины-зверя, вступающей в половое общение с охотником и дающей ему охотничью удачу — счастье.

За счет отражения южной мифологии следует отнести и такой элемент этих сказаний, как заменяющий реальную жировую лампу «излучающий свет чудесный камень». О таком камне, освещающем местность ночью, рассказывает, например, арабский писатель Абу-Долеф, по словам которого этот камень водится будто бы в стране Хирхизов.

Есть, разумеется, и еще более далекие параллели, возможно, указывающие на источник легенд, откуда они появились у енисейских киргизов, находившихся в общении с странами Средней Азии и Ираном. В старой иранской легенде говорится, например, что сасанидский царь Ануширван сидит в могиле, а на тыльной части его руки перстень с драгоценным камнем, от которого исходит свет, освещающий тьму гробницы.¹²

Представления о «бородатых», поросших шерстью, диких людях Севера известны на юге тоже давно. Еще Шильбергер в начале XV в. (около 1410 г.) слышал, что в Сибири есть гора, за которой находится пустыня, доходящая «до края света». На горе живут дикие лошади и дикие люди, не имеющие постоянных жилищ и сплошь покрытые волосами, за исключением лица и рук. Они питаются листьями и травой и чем придется. Владетель Сибири будто бы даже подарил одному из властителей «Великой Татарии» Едигею двух диких людей, мужчину и женщину, пойманных на этой горе.¹³

Эти черты вплелись в древнюю ткань арктических рассказов несомненно тогда, когда на север проникли тюркоязычные якуты, принесшие с собой отголоски степной мифологии и мифов, существовавших когда-то у хыргызов на Енисее и у их соседей в Прибайкалье курыканов, а также у забайкальских тюрков-уйгуров.¹⁴

Но на этом история легенды о стране «бородатых» не кончалась.

Со временем, когда на севере Азии появились русские, они не только легко восприняли рассказы и представления аборигенов об островах в Ледовитом море, но развили их дальше, придали им новую окраску соответственно своим представлениям и мировоззрению. В легендах о «земле бородатых» отразилась наивная крестьянская мечта о вольной земле без властей и податей, а также легенда старообрядцев о своего рода граде Китеже. Так, в Якутске И. Д. Сельскому рассказывали о существовании «свиздавна каких-то жителей, прежде сосланных, потом бежавших и поселившихся на неизвестных островах Ледовитого моря.

¹² А. Ф. Розенберг. Хосрой I Ануширван и Карл Великий в легенде. — Живая старина, 1912, I.

¹³ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. 52—53.

¹⁴ См.: А. П. Окладников. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. — В кн.: История ЯАССР, т. I. М.—Л., 1955.

В давние годы какой-то промышленник около Колымского устья осматривал на островах звероловные снасти. Так застигла его пурга, и он заблудился. Долго блуждал он по окрестным пустыням, и наконец собаки привезли его в незнакомое селение, состоящее из нескольких домов, которые все были срублены на угол. Заблудившегося приняла женщина, но она с ним ничего не говорила. Поздно вечером пришли с промысла мужики и стали расспрашивать прибывшего к ним: кто он, откуда, по какому случаю и зачем заехал к ним, не слышал ли он об них чего прежде и, наконец, не подослан ли кем? Промышленника этого они держали под присмотром шесть недель, поместили его в отдельном доме и не дозволяли отлучаться ни на шаг, ни с кем не разговаривать. Заключенный во время пребывания своего там часто слышал звон колокола, и обитатели этого заповедного селения собирались в молельню, из чего он и заключил, что это был раскольнический скит. Наконец жители этого дикого селения согласились отпустить этого промышленника, но взяли с него при этом клятву молчать обо всем им виденном и слышанном. Затем они ему завязали глаза, вывели из селения и проводили очень далеко. При расставании подарили ему большое количество белых песцов, красных лисиц и сиводушек».¹⁵

В свою очередь верхоянский исправник писал иркутскому епископу Вениамину, что на Ледовитом океане есть «неизвестный географии остров. Он в хорошую и ясную погоду с острова Новой Сибири к северо-востоку представляется точкой. На этом острове есть жители. Их называют бородачами, потому что, говорят, народ совершенно оброс волосами. С ними весьма редко и под опасением смерти имеют сношения дикие чукчи, которые передают о сем под секретом чукчам, платящим ясак. Они, тоже под секретом, русским.

«Народное предание говорит, что бородачи на том острове проживают лет четыреста; что какой-то епископ со свитою был занесен на него и выброшен, судно разбилось и спасения не было, будто бы слышат на том острове звуки колоколов, но как в жилья свои бородачи не допускают, а ведут торговлю только на берегу, то дикие чукчи сами наверно сего не удостоверяют».

Протоиерей Прокопий Громов допускал, что чукотский рассказ о неведомом городе «бородатых» людей, имеющих христианские церкви с колоколами, может иметь связь со сказанием о гибели миссионера Флавиана со свитою. «Не в стенах ли таинственного города со церквями хранятся церковные сосуды и богослужebные книги, везенные Флавианом? И не пополнил ли сам Флавиан с спутниками неволею население кроющихся брадатых людей?», — писал П. Громов,¹⁶ хотя предполагаемые обитатели таинственного города рисовались в чукотских рассказах скорее как проказливые демонические существа, способные на всякие озорные проделки.

Чукчи, а вслед за ними русские священники, причетники и купцы рассказывали, что «к ним в селение являются по ночам какие-то неуловимые человеческие существа и уносят запасы продовольствия, а случалось, что и днем в лесу захватывали собирающих ягоды беззащитных женщин невидимки и уводили их неведомо куда. Никто не знает, откуда приходят и куда уходят эти загадочные пришельцы; никто близко не встречался с ними. Никто потому не может определить ни их наружного вида, ни одеяния, но все единогласно удивляются быстроте их движения,

¹⁵ И. Сельский. Описание дороги от Якутска до Средне-Колымска. — Записки Сибирского отделения Русского географического общества, 1856, кн. 1, стр. 84—108.

¹⁶ П. Громов. Историко-статистическое описание камчатских церквей. — Труды Киевской духовной академии, т. 1, 1861.

находов и исчезновения. Русские, привезенные мною из Иркутска, священники в северные Дранкинское и Лесное селение, где при мне выстроены церкви, уверяли, что ночью вдруг, ни с того ни с сего, начинается снаружи в церковные углы стук колотушками; все выйдут жители селения посмотреть, и все исчезает. Явления эти случаются только в летнюю пору.¹⁷

То же самое слышал в 90-х годах на Колыме Дионео. Услышав об экспедиции на Северный полюс, один старик сказал ему: «Ну, значит, беспременно к людям, что в домах с золотыми крышами, заедут, намекая на таинственных островитян, о которых согласно говорят легенды русского и инородческого населения побережья Ледовитого океана».¹⁸

Основанием для чукотского предания об острове с «бородатыми» людьми и об имеющихся у них церквях с колоколами, может быть, являться доходившие до них, а через них и до русских казаков еще в XVII в. смутные рассказы о Японии и айнах, о буддийских и синтоистских храмах с колоколами. Так, известно, что еще в 1710 г. Г. Стадухин взял в полон у Пенжинского устья одну женщину, которая рассказала, что «против-де Пенжинского устья значится остров и земля видеть. И у той-де бабы он, Тарас, с товарищи про тот остров спрашивали, и та-де баба им сказала, что на том острове есть люди бородатые, платье носят долгое, а русских-де людей называют братьями. А они-де, Тарас с товарищи, на том острове не были и пошли назад».¹⁹

Но первоисточником этой легенды все же был, по-видимому, древний миф о стране «бородатых» великанов на островах Ледовитого океана.

Миф о «бородатых» жил, таким образом, на Севере веками. Насколько глубоко были уверены в XIX в. в существовании этих великанов жители Севера, в том числе не только коренные, но и пришлые русские, можно судить не только по сообщениям Громова и Сельского, но и по рассказу участника Чукотской экспедиции 1868—1870 гг. Неймана. По его словам, «предание о бородатых великанах, живущих где-то в море, на севере от берега, или на неисследованных доселе островах, распространено по всему берегу Ледовитого моря от устьев Лены до Колымы. Одни только чукчи в этом случае составляют отрадное исключение, и мне никогда не приходилось слышать от них ничего подобного. Все же остальные прибрежные жители, как русские, так и инородцы, как крещеные, так и язычники, все твердо веруют в существование бородатых людей».

Экспедиции, рассказывает Нейман, было трудно найти людей и собак для поездки на Медвежьих острова, так как «колымские жители о Медвежьих островах имеют самые суеверные понятия, считая их заколдованными, обиталищем злых духов, ехать куда они считают большим трудом. Всевозможные сказки рассказывают они по этому случаю: о без вести пропавших промышленниках, о дикости и злости тамошних медведей, у которых будто бы более зубов, чем у обыкновенных; а самое главное об обитающих там бородатых людях. Этим последним, по их же рассказам, дадено уже никто не видал, но что они там уже перевелись, об этом никто доказать не может».

Нейман встретился на Колыме с двумя местными старожилками, которые уверяли его, что им самим пришлось столкнуться с великанами

¹⁷ Иркутские епархиальные ведомости, 1867, № 51. Цит. по: С. Явловский. Летопись Якутской епархии. Краткий обзор церковно-исторических событий Якутского края от начала христианства до настоящего времени (1620—1905). Центральный государственный архив ЯАССР, ф. 491, оп. 1, № 6, стр. 187—189.

¹⁸ Дионео. На крайнем северо-востоке Сибири. М., 1895, стр. 136.

¹⁹ «Памятник сибирской истории» XVIII в., кн. 2, № 118, стр. 501.

Севера, а один из них будто бы даже убил выстрелом из ружья такого выходца из таинственной страны.²⁰

Нейман справедливо полагал, что рассказ С. Андреева о следах неведомых людей был навеян легендами о «бородатых». Андреев, надо думать, так же искренно верил в их существование, как и все местные жители, поэтому ему вполне могли почудиться на снегу в открытом море следы этих людей. Страх перед «бородатыми», должно быть, и заставил его повернуть назад.

Последний штрих в легенде о «бородатом» народе Арктики внес XX век. И. Н. Окоемов, юкагир по матери, эвен по отцу, активный общественный работник, сообщил мне в 1944 г. новый вариант старого предания:

«Народ рассказывает, что на морских островах живут бородатые люди. Но это сущая фантазия, что доказывается недавними событиями. Лет пятьдесят тому назад один ученый человек, по фамилии Саханников, сделал преступление против русского царя и бежал на север. По пути где-то он украл драгоценный камень и с ним попал в Устьянский район. Оттуда он ездил на Ляховские острова, на Фадеевский остров и на Новую Землю. Через несколько лет вернулся и доложил царю, что около Ляховских островов есть в море незамерзающая вода, а дальше в светлые дни видны силуэты островов с зеленою растительностью. Ранее украденный камень он выдал за найденный на тех островах и сказал при этом, что на посещенных им островах бывают такие камни, а на предполагаемой Зеленой земле должны быть камни еще лучше. Царь за это сообщение простил ему преступление, а лет сорок тому назад послал на те острова экспедицию искать неизвестную землю. Острова те искали люди с именами Толь и Молосович. Острова не были найдены, и тем доказано, что рассказ о существовании этих островов — фантазия.

Говорят, того острова, где погиб Толь, местные люди не достигали. Сам Толь говорил, что едет на тот Зеленый остров, и не вернулся. Из местных наших жителей с ним тоже уехало трое, и все погибли».

В этом рассказе есть и таинственная «Зеленая» земля, и драгоценный камень, но камень этот уже не сказочный, а настоящий самоцвет. А на далекую землю идет уже не охотник — хосун, чтобы вступить в связь с владычицей зверей, но политический ссыльный. Человек этот оказывается не кем иным, как спутником М. М. Геденштрома, известным Я. Санниковым. Вслед же за ним на поиски «Зеленого» острова идут тоже вполне реальные люди, исследователи Арктики Толль и Воллосович.

На этом заканчивается эволюция древней легенды о стране тайн в Ледовитом море.

²⁰ К. К. Нейман. Исторический обзор действий Чукотской экспедиции. — Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, т. II, № 3, 1871.

В. И. ЧИЧЕРОВ

Из истории народных поверий и обрядов

(«Нечистая сила и Касьян»)

Вопрос о так называемом «двоеверии» — соединении элементов язычества и христианства в народных суевериях, обрядах и связанной с ними народной поэзии — за последние годы мало привлекал к себе внимание исследователей. Между тем важность изучения этого вопроса для воссоздания сложного и противоречивого пути народного сознания от искаженных представлений о мире к подлинному знанию не подлежит сомнению. Изучая «двоеверие» в народных представлениях, мы, кроме того, получаем материал, подтверждающий многообразие форм взаимодействия литературы и фольклора.

На примере своеобразного скрещения представлений о христианском святом Касьяне Римлянине, идущих от его литературно-житийного образа, и народных представлений о враждебных человеку силах мы покажем изменение смысла литературного типа под влиянием народных поверий.

Касьян Римлянин праздновался раз в четыре года — в високосный год 29 февраля. День, посвященный ему, в старой деревне воспринимался как лишний день в году. По существу же, Касьянов день был органически связан с важнейшими датами предвесеннего аграрного календаря. Накануне весны он завершал цикл обрядов, порожденных представлениями о «нечистой силе», способной вредить людям и особенно страшной, по поверьям, в первые месяцы года, когда начинался счет времени, и воздействие на весь год должна была оказать магия первого дня. Посредством обрядов и поверий января—февраля крестьянин стремился противостоять «нечистой силе». В этом заключался их основной смысл. Обрядов, включающих магию плодородия, народный календарь января—февраля не знает (эти обряды включаются в масленичный цикл и получают развитие в весенне-летней обрядности).

Крестьяне верили, что «нечистая сила», беспрепятственно «вредившая людям» в «страшные вечера» рождественских святок, не исчезает и после «водокрешей» (Крещения). Вера в «нечисть» вызывала к жизни обряды, посредством которых человек пытался противостоять враждебным силам: ведьмам, колдунам, «кумахе», «коровьей смерти» — всему, что жило в воображении человека, еще бессильного перед лицом природы. Крестьяне старой русской деревни традиционными приемами оберегов старались охранить от действий «нечисти» и себя и свое хозяйство. Формы оберегов бывали различны, сущность же их оставалась единой.

Уже в середине января на Афанасия Ломоноса (18 января)¹ «изго-

¹ Числа показываются по старому стилю, как они значатся в дореволюционном церковном и аграрном календаре.

няли ведьм», которые вкупе с чертями, по представлению крестьян, через незаговоренную печную трубу появляются в избе и творят несчастья.²

Также в связи с ожиданием лучшего будущего находится обряд заклипания мышей, приносящих вред хлебу, сложенному в скирды, и стогам сена; по данным бывших Калужской и Московской губерний, обряд совершается в Трифионов день — 1 февраля.³

Тот же характер имели обряды, проводившиеся в дни Агафьи Коровницы (5 февраля) и Власия (11 февраля), которых считали покровителями домашнего скота и пособниками в уходе за ним. Путем обрядов, справляемых в Власьев день, крестьяне рассчитывали обеспечить скоту здоровье и получить хороший приплод от него. В феврале дни становятся длиннее, солнце начинает слегка пригревать и длинные сосульки капелью нависают у крыш — это первое, раннее предвозвестие весны, и недаром народная молва февраль назвала «бокогрей». В Власьев день, 11 февраля, в ряде мест (в бывших Владимирской, Тамбовской и других губерниях) скот выпускали из хлевов на деревенскую улицу. «Ввиду того что на дворе еще очень холодно, (скотина, — В. Ч.) старается встать так, чтобы солнышко ударяло на нее. Те же тамбовцы на Власьев день стараются вообще не работать в расчете предохранить свой скот от падежа».⁴ В б. Кадниковском уезде Вологодской губернии, с целью спасти домашний скот от болезней и сообщить ему плодовитость, в Власьев день крестьяне привозили к церкви караваи ржаного хлеба, которые священник кропил крещенской водой, и затем этот хлеб скармливали скоту.⁵

На Власия в б. Орловской губернии пекли «трубницы» (пышки с молочной кашей) и давали их есть коровам — для здоровья, хорошего удоя и приплода.⁶ Пекли обрядовый хлеб и скармливали его скоту и в других местностях. Особо следует указать на обряд опахивания, являющийся формой «борьбы» крестьян с эпидемией или стихийным бедствием (обряд иногда приурочивался к Агафье Коровнице и Власию как предохранение или прекращение «коровьей смерти».⁷ Применительно к культу Власия он был описан еще И. Сахаровым в «Народном дневнике». На основании материалов конца XIX в. описание было дано С. В. Максимовым: «С иконою св. Власия обходят без священника больных: овцу, барана, лошадь и корову, связанных хвостами и выведенных на деревенскую площадку. По обходе зараженных гонят их за село, в овраг и там... побивают животных камнями и припевают: „Мы камнями побьем и земель загребем, землей загребем — коровью смерть вобьем, вобьем глубоко, не вернешься на село“. Затем на трупы набрасывают усердно столько щепы и содомы, чтобы сделать костер, способный опалить всех четырех животных без остатка».⁸

² И. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1885, стр. 15. Ср. также обряд закрывания труб, замазывания их глиной, обкуривания чертополохом загнеток в день Агафьи Коровницы (5 февраля), когда, по поверьям, нечисть, пробуждающаяся весной, может через трубы забраться в дом.

³ И. Сахаров. Сказания русского народа, стр. 19.

⁴ С. В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила. СПб., 1903, стр. 344. Указание на б. Владимирскую губернию дано по моим личным воспоминаниям.

⁵ С. В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила, стр. 345—346.

⁶ См.: А. Н. Трунов. Понятия крестьян Орловской губ. о природе физической и духовной. — Записки Русского географического общества по Отд. этнографии, т. 2. СПб., 1869, стр. 43. Народный дневник и праздники.

⁷ Например, в бывших Вязниковском и Гороховецком уездах Владимирской губернии (по личным воспоминаниям). (См.: В. В. Селиванов. Год русского земледельца. — Сочинения, т. II, Владимир, 1902, стр. 92, и другие работы).

⁸ С. В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила, стр. 345.

В январе—феврале, сочетаясь с культом Власия, совершались обряды умилоствления домового, которого «почесть надо». Почитание домового может быть сопоставлено с почитанием Власия— «скотьего бога». Недаром и тот и другой, по зафиксированным выражениям, «наблюдают скот», предохраняют его от несчастий. Следует указать на поверье о том, что причиной падежа скота может быть домовый;⁹ на Власия же иногда совершался упомянутый обряд опахивания как средство предохранения скота от «валёжки», «падушки» — от гибели.

Упоминание поверий о домовом и дворовом (также рижнике, свиннике и др.) в одном ряду с верованиями в «коровью смерть» и другие вредоносные силы, защиты от которых искали у Власия— «скотьего бога», может быть обосновано осмыслением их образов в крестьянском быту.

Обряды почитанья домового приурочивались к дням Ефрема Сирина (28 января), Анны Пророчицы (3 февраля). С верой в домового-покровителя связывается и день Тараса-кумашника: «Кумаха» (лихорадка) с этого дня нападает на людей, но в Тарасов день кумаху стережет домовый и не пускает ее в свой дом.¹⁰

Логическим завершением обрядов, направленных на борьбу «с нечистью» в предвесенние месяцы, явились поверья Касьянова дня— 29 февраля. Они всецело связаны с комплексом представлений о «нечистой силе», борьба с которой считалась необходимой, и ни в какой мере не соотносятся с житийной канонической литературой. В фольклоре образ Касьяна был так тесно связан с народными демонологическими верованиями, что это вызывало даже протест со стороны церковников. Так, в популярном изложении житий всех святых для чтения дома, после краткого изложения жития преподобного Кассиана Римлянина значится: «Св. Кассиан считается во мнении народа строгим и недобрим. Это ложное мнение произошло оттого, что память его совершается 29 февраля, в высокосный год. А высокосные годы почему-то, конечно, без основательной причины, у нас на Руси исстари считаются несчастливими».¹¹

Образу христианского святого, канонизированного церковью, действительно противостоят народные представления, утверждающие взгляд на Касьяна как на источник вредоносной силы.

«Месяцеслов», включенный в «Пословицы» и частично в «Толковый словарь» В. И. Даля, под 29 февраля показывает: Касьяна завистливого, Касьяна злопамятного, недоброежелателя, завистника, скупого, немилостивого.¹² Прозвища Касьяна вполне согласуются с поговорками о нем: «Зинул Касьян на крестьян»; «Касьян на что ни взглянет — вянет»; «Касьян на народ — народу тяжело, Касьян на траву — трава сохнет, Касьян на скот — скотдохнет»; «Касьян на скот взглянет — скот валится, Касьян на дерево — дерево сохнет».¹³ День, на который приходится Касьян, считается несчастным. «В какой день пришелся Касьянов день,

⁹ М. И. Смирнов. Сказки и песни Переяславль-Залесского уезда. М., 1922, стр. 60.

¹⁰ См.: И. Сахаров. Сказания русского народа, стр. 32; А. Ермолов. Всенародный месяцеслов. СПб., 1901, стр. 95.

¹¹ Жития всех святых, празднуемых православною греко-российскою церковью (поименованных в месяцеслове св. синода и других месяцесловах)... настольная книга для христианина, особенно для пастыря и законоучителя, и подарков в день ангела. Составил протоиерей и законоучитель И. Бухарев. 6-е изд. Изд. А. Д. Ступина, М., стр. 113—114.

¹² В. И. Даль. Толковый словарь, стр. 973—974, «Пословицы» («Месяцеслов»).

¹³ Там же; А. Ермолов. Всенародный месяцеслов, стр. 97, и другие работы

в тот день все три года никаких работ не начинают — считают несчастным днем».¹⁴

По поверью, в ведении Касьяна находятся ветры и он спускает их на землю и насылает мор на людей и скот.¹⁵ Потому — по варианту из б. Вятской губернии — икону Касьяна ставят в церкви «не на видном месте» — над входной дверью.

Посвященная народным представлениям о Касьяне специальная работа Н. М. Мендельсона отчетливо показывает его демонологическую сущность и, следовательно, позволяет связать облик этого святого с образами той «нечисти», против которой направлялись обряды января—февраля.¹⁶ Систематизированные Н. М. Мендельсоном поверья, устные легенды и книжные повести, возникшие на фольклорной основе, дают две темы: связь с адом и дьяволами и объяснение причин, по которым Касьян празднуется один раз в 4 года. Вторая из названных тем непосредственно включается в календарь. Русская легенда, повествующая об отказе Касьяна помочь мужику вытащить из грязи воз (мужику помогает Никола, за что получает награду: его стали праздновать каждый год два раза),¹⁷ прямо дает истолкование образа святого, исходя из полезности его в бытовом обиходе.¹⁸ Но за этим аграрно-бытовым истолкованием, несомненно, скрывается представление о сверхъестественном существе, отказывающем людям в помощи и более того приносящем вред. Поверья и легенды объясняют истоки вредоносной силы Касьяна его связью с дьяволом.

По легенде, записанной в б. Вологодской губернии и изложенной С. В. Максимовым, Касьян некогда был ангелом, но предал бога, рассказав дьяволу о том, что бог хочет «нечистую силу» свергнуть в преисподнюю. Предательство так мучило Касьяна, что бог помиловал его: бог приказал Касьяна заковать в цепи, приставил к Касьяну ангела, который в течение трех лет должен бить Касьяна по лбу тяжелым молотом, а на четвертый отпускать на волю.¹⁹

Известны поверья, прямо указывающие, что Касьян живет в аду. По одному из них, он сторож ада, стережет бесов; один раз в четыре года — 29 февраля — бог дает отпуск Касьяну; на время ухода Касьяна на землю стражами ада становятся 12 апостолов. Видимо, четырехлетнее, без перерыва, пребывание Касьяна в аду и сообщает его взгляду ту

¹⁴ Н. Л. Скалозубов. Народный календарь. — Ежегодник Тобольского губернского музея, 1901, в. XII, стр. 119 (см. 29 февраля).

¹⁵ С. В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила, стр. 350—351.

¹⁶ Н. М. Мендельсон. К поверьям о св. Касьяне. — Этнографическое обозрение, 1897, № 1, стр. 1—21.

¹⁷ См. в I томе «Летописей» Н. С. Тихонравова, в «Народных русских легендах» А. Н. Афанасьева и других изданиях материалов. Интересен вариант этой общеизвестной легенды, записанный 25 VIII 1946 в деревне Назарьевой Загорского района Московской области от Татьяны Степановны Мальгиной, 48 лет (запись В. И. Чичерова): «Касьяна ведь раз в 4 года праздновали. Говорили, что это раз Касьян с Миколой шли по полю, а вдова пахала беременная. Микола говорит: «Поможем», а Касьян — «Нет, не надо, некогда»; они куда-то торопились, шли. Никола все-таки помог вдове, а Касьян не стал помогать, вперед ушел. Вот так и рассудили, за такое отношение Касьяна его раз в четыре года праздновать».

¹⁸ Об этом отличается белорусская легенда о Касьяне, опубликованная в «Белорусском сборнике» К. Романова (в. IV, Витебск, 1891, стр. 15—17), по которой Касьян наказывается празднованием один раз в четыре года за то, что во время обедни подпал Ивану Крестителю усы. Легенда из б. Новгородской губернии также иначе объясняет причины празднования Касьяна раз в четыре года. По этой легенде, Касьян три года подряд в день своих именин пьянствовал и только на четвертый год был трезв. Поэтому ему и положено праздновать один раз в четыре года — в день, когда Касьян был трезв (см.: С. В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила).

¹⁹ С. В. Максимов. Неведомая, нечистая и крестная сила, стр. 348.

губительную силу, о которой говорят пословицы.²⁰ Касьян связывается с адом и в другой легенде, рассказывающей, что Касьян каждые четыре года терпит жестокие муки: черти бьют его молотом и только 29 февраля дают ему смотреть на свет божий.²¹ Параллельные этим легендам украинские и белорусские предания еще более отчетливо связывают Касьяна с «нечистой силой» или уподобляют Вию (лубенское предание, сообщенное Н. М. Мендельсоном Г. Н. Потаниным), или, наоборот, изображают его бьющим того дьявола, «который рыщет по свету и напускает на людей, болезни и разные невзгоды. 29 февраля Касьян именинник, ничего не работает, поэтому сатана и успевает напустить на людей невзгоды; отпраздновав именины, Касьян снова принимается колотить дьявола по голове».²² К этим сведениям могут быть присоединены указанные Н. М. Мендельсоном данные письменной литературы, по которым Касьян оказывается ребенком, украденным демонами, обращенным в христианство Василием Великим, и ряд других, подобных им.

Облик Касьяна в свете всех этих данных выступает очень отчетливо. В основе его лежат все те же народные представления о нечистой и тайной силе, наносящей вред. Это подчеркивается указанным еще В. И. Далем закреплением за Касьяном трех дополнительных дней — трех четвергов: на масляной, святой и семицкой неделях. Эти дни, при всем их различии, имеют одну общую деталь. Четверг на масляной известен под названием «четверга» и «широкой масляной». В этот день в большинстве мест начинали печь блины. «В старину, — сообщал И. Сахаров, — первый блин отдавался нищей-братии на помин усопших. В степных селениях первый блин кладут на слуховое окошко для душ родительских. Старахи, кладя блин на это окно, приговаривают: „Честные наши родители! вот для вашей души блинок“».²³ О том же свидетельствовал И. Снегирев, сообщая: «По обычаю народному блинами поминуют усопших; в Тамбовской и других губерниях первый блин, испеченный на сырной неделе, кладут на слуховое окошко для душ родительских».²⁴ На поминанье покойников на сырной неделе указывают также другие работы, рассказывающие о русской маслянице.²⁵

Пасхальная неделя (так же как и страстная) церковным ритуалом выключалась из поминования усопших (вплоть до понедельника на Фоминой). Но народный календарь идет в разрез с церковными службами. По народному поверью, четверг на пасху — навский и навий велик день (укр.) — пасха мертвецов. «Бог три раза выпускает мертвецов с того света на землю: в первый раз в пасхальный четверг, во второй раз, когда цветет жито, и в третий — на Спас».²⁶ Поверья о праздновании мертвецами

²⁰ См. у И. П. Калининского в «Церковно-народном месяцеслове на Руси» (Записки Русского географического общества по Отд. этнографии, т. VII, 1877, стр. 368).

²¹ См. статью Н. Л. Скалозубова в в. V «Сборника материалов для ознакомления с Пермской губернией» (Приложение к адрес-календарю и памятной книжке Пермской губернии на 1894 г. Пермь, 1893).

²² Н. М. Мендельсон. К поверьям о св. Касьяне, стр. 1—2 (цитата со стр. 2).

²³ И. Сахаров. Сказания русского народа. Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885, стр. 106. В крестьянской среде, как правило, блины начинали печь с «широкой масляной», т. е. с четверга; в городах печенье блинов почти всегда начиналось с понедельника, но четверг также отмечался особо, как важнейший (наряду с субботой) масляничный день.

²⁴ И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, в II М., 1838, стр. 120.

²⁵ См., например: А. Ермолов. Всенародный месяцеслов, стр. 61: «Масляница и блины — у нас понятия не разлучные: Без блинов — не масляна; но, принимаясь за блины перед широким масляничным разгулом, начинают с того, что вспоминают про своих дорогих покойников: На масляной первый блин за упокой».

²⁶ А. Ермолов. Всенародный месяцеслов, стр. 198.

пасхи общеизвестны; здесь имеет значение указание на четверг пасхальной недели.

Четверг на семицкой (русальной) неделе, называемый семиком, связывается с масляницей²⁷ и характеризуется поминовением покойников, обрядами, проводимыми на кладбищах, видимо исконными для этого дня в русском народном календаре.²⁸

Факт прикрепления трех разных дней к какому-либо одному образу может быть объяснен только наличием в них общих черт, видимо, отвечавших народным представлениям о смысле и значении того лица, которому дни посвящаются.

Указанные три четверга общей чертой имеют только связь с поминовением покойников и верой в их силу. Нельзя ли предположить, что тема покойников — мертвенности (и шире — смерти) связала эти дни с образом Касьяна, праздновавшегося в лишнем февральском дне в году? Легенды и поговорки о Касьяне дают основания для такого предположения

Касьян — источник гибели всего живущего; его место — ад — обитель «нечистой силы» и мертвых; «на что Касьян взглянет — все вянет». Если высказанное предположение верно, то Касьян народных верований должен быть понят как одно из выявлений представления о губительном начале — о море, смерти, чуме и тому подобных явлениях, всегда изображаемых зооморфными или антропоморфными образами, с подчеркиванием каких-либо внешних, вызывающих ужас деталей (ср. черный лик Касьяна, неподнимающиеся веки его глаз и т. д.).

Страшный — и внешне, и по значению — образ Касьяна завершает собой зимний период. Касьянову дню предшествовали другие, отмечавшиеся как дни борьбы с «нечистью». Это одна линия в датах января — февраля, линия обрядов, посредством которых крестьяне стремились предохранить свое хозяйство от несчастий, скот от падежа, себя от болезни и смерти. Касьян немилостивый (29 февраля), с его мертвящим взглядом, завершал зиму; ему на смену шла Авдотья — подмочи порог (1 марта), вслед за которой птицы «несли весну».

²⁷ Ср., например, лубочные картинки, а также: «Масляница — семикова племянница», «Масляной честь и хвала, что Семик в гости звала» и т. д.

²⁸ См запреты семицких обрядов в документах XVI—XVII вв

В. Я. ПРОПП

Мотивы лубочных повестей в стихотворении А. С. Пушкина
«Сон» 1816 г.

Некоторые места стихотворения Пушкина «Сон» до сих пор представляются не вполне ясными. Речь идет о личности «мамушки», рассказывающей ребенку Пушкину сказки.

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало, —
Всё в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал — и тихо наконец
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум.

В комментариях к последнему десяти tomному академическому изданию сочинений А. С. Пушкина Б. В. Томашевский по поводу этого стихотворения пишет: «Здесь Пушкин описывает или свою бабушку М. А. Ганнибал, или няню Арину Родионовну».

В этой альтернативе как бы выражен итог разысканий по данному вопросу на сегодняшний день.

Между тем «мамушка» стихотворения «Сон» никак не может быть отождествляема с Ариной Родионовной.

Сказочный репертуар Арины Родионовны нам хорошо известен.¹ Сказки эти следующие: 1) Царь Салтан (Андр. 707),² 2) Сказка о Марье царевне (Андр. 313), 3) Сказка о попе и батраке (Андр. 650, 1000, 1045,

¹ М. К. Азадовский. Сказки Арины Родионовны. — В кн.: Литература и фольклор. Л., 1938, стр. 273—293.

² Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

1082, 1072, 1063, 1130, 1132, 1162; в указателе не предусмотрен целостный сюжет, он разбит на отдельные эпизоды или мотивы), 4) Сказка о смерти Кошеля (Андр. 302), 5) Сочетание сказок «Сын царя и сын кузнеца» (Андр. 920 и «Царь Соломон и его неверная жена» (Андр. 905), 6а) Сказка «Проклятая дочь» (Андр. 813а), 6бб) Сказка «Проклятый сын или внук» (Андр. 813В), 7) Сказка о мертвой царевне (Андр. 709). Принадлежность последней сказки Арине Родионовне считается сомнительной.

А. С. Пушкин вряд ли исчерпал репертуар Арины Родионовны. Советским фольклористам стали известные случаи, когда сказочники помнили и рассказывали 100 и более сюжетов. Тем не менее характер репертуара Арины Родионовны совершенно ясен. Это исконно фольклорная русская волшебная, легендарная и сатирическая сказка.

Записи от Арины Родионовны обладают также единством стиля. Изложение отличается добродушным юмором, характерной чертой подлинно народных русских сказок.

Репертуар рассказчицы в стихотворении «Сон» носит совершенно иной характер. В самом стихотворении содержатся лишь намеки на него, но намеки эти достаточно ясны.

1. «О мертвецах». Рассказы о мертвецах, собственно, не представляют собой сказок. Это страшные рассказы о покойниках, кладбищах и т. д., в действительность которых непоколебимо верили. Для примитивных натур щекотание страха заменяет эстетическое наслаждение. Образцы такого рода рассказов можно найти в сборнике Афанасьева.³ Такого рода фольклор не принадлежит к лучшим созданиям народного искусства. В данном случае цель рассказыванья состояла в том, чтобы запугать мальчика, и эта цель достигалась:

От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.

Правда, есть и собственно сказки о мертвецах, которые стоят на более высоком художественном уровне (вроде сказки, использованной в гоголевском «Вие»), но в данном случае речь идет не об этом, а о множестве рассказов о «мертвецах».

2. «О подвигах Бовы». Народная книга о Бове Королевиче в XVIII в. пользовалась огромной популярностью и распространялась как в списках, так и в лубочных изданиях.⁴ Созданный на основе фольклора, этот роман легко проникал обратно в фольклорную традицию. Однако в XVIII в. «Бова» еще не стал общенародной русской сказкой. Первая запись из уст народа была сделана И. А. Худяковым в селе Жолчине Рязанской губернии в конце 50-х годов.⁵ «Бова» был излюбленным чтением полуграмотного и малообразованного городского населения, не исключая дворян.

3. «Встречал лихих Полканов и Добрыней». «Полкан» приводит нас к той же традиции, что и «Бова». О любителях такого чтения говорит Державин, сатирически изображая екатерининского вельможу:

Полкана и Бову читаю,
За Библией, зевая, сплю.

³ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. III. М., 1940, №№ 351—362 и комментарии к ним.

⁴ Данные о распространенности «Бовы» и о литературе вопроса содержатся в книге С. В. Савченко «Русская народная сказка» (Киев, 1914, стр. 64 и сл.).

⁵ И. А. Худяков. Великорусские сказки, в. I. М., 1860, № 36.

Упоминание именно «Полкана» и «Бовы» в «Фелице» Державина и в стихотворении «Сон» Пушкина не случайно. Оно указывает на наиболее распространенные из лубочных изданий того времени.

Правда, Пушкин не говорит прямо, что «Полкан» был рассказан ему «мамушкой». Но Добрыню и Полкана он видит во сне непосредственно после ее рассказов, и отсюда вытекает, что сны эти навеяны ее рассказами.

Остается еще объяснить имя Добрыни. Образ «лихого» Добрыни данного стихотворения, обобщенный применением множественного числа и названный в одной линии с Полканом («встречал лихих Полканов и Добрыней»), не может быть отождествляем с выдержанным образом былинного Добрыни. Русское имя Добрыня в иноземном сюжете лубочного характера свидетельствует о том, что сюжет приобретал национальный колорит. Об этом же говорят и «муромские пустыни». Имя Добрыни применялось также в различных литературных произведениях «в русском вкусе».⁶

Все это приводит нас к совершенно определенному выводу: репертуар «мамушки» не совпадает с репертуаром Арины Родионовны. Этот репертуар приводит нас не к русскому устному крестьянскому фольклору, а к обращавшимся в среде городского населения лубочным изданиям. К этому присоединяется фольклор низшего разряда, как страшные рассказы о мертвецах.

Здесь может возникнуть вопрос, не могла ли няня из дворовых объединить эти два вида репертуара? Прямо отрицать такую возможность, конечно, нельзя, но предположение, что Арина Родионовна сообщала мальчику Пушкину исключительно рассказы о мертвецах и лубочную литературу, а взрослому Пушкину исключительно крестьянские сказки превосходного качества, представляется маловероятным. К этому присоединяется другое: образ рассказчицы в стихотворении «Сон» не вяжется с тем образом, который воплощен у Пушкина в лице Арины Родионовны. «Мамушка» из стихотворения «Сон», несомненно, проявляет любовь к мальчику, отклоняя от него злых духов молитвой, но образ ее все же дан сатирически. Это страшная старуха; у нее «длинный рот, где зуба два стучало». Грамматически слова «драгой антик» могут быть отнесены как к облику ее в целом, так и к надетому на нее прабабушкиному чепцу — поэтическое впечатление от этого не меняется. Но слова «драгой антик» ни с какой стороны не были бы применимы к образу Арины Родионовны, «голубки», воспетой им с такой нежностью и любовью.

Остается вопрос, действительно ли в образе мамушки изображена бабушка Пушкина, Марья Алексеевна Ганнибал? Д. Д. Благой, приводя некоторые биографические данные и полемизируя с М. А. Цявловским, склонен отрицать это, предполагая, что в образе мамушки слиты в первую очередь образ няни (хотя Арина Родионовна прямо не называется) и во вторую — бабушки.⁷

Слова Д. Д. Благого, что в данном стихотворении «в лице няни над детской кроваткой Пушкина словно бы склонялась народная крестьянская Россия», не находят себе подтверждения в тексте стихотворения. Однако утверждение, что в лице мамушки изображена бабушка, также не может еще считаться доказанным и требует дополнительной аргументации. Образ мамушки в такой же степени может оказаться литературной условностью, как ложе роз, на котором будто бы засыпает мальчик.

⁶ О нем упоминается в посланиях, которыми обменялись А. Воейков и В. А. Жуковский в 1813—1814 гг. (см.: Б. В. Томашевский. Пушкин, книга первая. М.—Л., 1956, стр. 299—302).

⁷ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. М., 1950, стр. 42—43 и 546—547.

В. Ф. РЖИГА

Из истории одного литературного сюжета

(«Повесть о начале Тверского Отроча монастыря» в обработке В. Глинки)

Научно-исследовательские работы в нашем советском литературоведении большей частью проводятся по изучению творческого пути отдельных писателей, и только очень редко появляются работы, задуманные в ином плане, например, по истории литературных жанров, по истории поэтического стиля или по истории литературных сюжетов.

Однако целесообразность постановки такого рода научных исследований в интересах всестороннего развития марксистско-ленинской науки о литературе едва ли подлежит сомнению. Благодаря обилию и разнообразию привлекаемых материалов, очень часто неизвестных или мало известных, исследования по истории жанра, стиля и сюжета могут приводить к новым выводам, важным для понимания историко-литературного процесса как процесса, непрерывно развивающегося, социально обусловленного и диалектически противоречивого.

Цель настоящей заметки заключается, с одной стороны, в том, чтобы привлечь внимание будущих исследователей к таким повествовательным сюжетам, которые как бы соединяют древнюю русскую литературу с литературой новой. К их числу относятся не только сюжеты таких произведений, как Повесть о Фроле Скобееве и Повесть о Савве Грудцыне, но и сюжет «Повести о начале Тверского Отроча монастыря». С другой стороны, мне хотелось бы сообщить некоторые конкретные сведения, относящиеся к истории последнего сюжета, так как тот материал, каким я располагал раньше в этом отношении, теперь нуждается в дополнении.

Когда мне пришлось работать над статьей «Из истории повести», мне известны были следующие переработки «Повести о начале Тверского Отроча монастыря», появившиеся в течение XIX и в начале XX в.: 1) пересказ «Повести о начале Тверского Отроча монастыря», помещенный в «Ручном дорожнике» И. Глушкова, изданном Академией наук в 1801 г.; текст этого пересказа вошел полностью в «Словарь географический Российского государства», собранный А. Ш[екатовым] (М., 1804, ч. II, стлб. 341—344, под словом «Едимоново»); 2) повесть В. Т. Нарезного «Георгий и Елена», напечатанная в 1810 г. в № 2 журнала «Цветник»; 3) пьеса А. А. Шаховского «Сокол князя Ярослава Тверского или суженый на белом коне; русская быль, в четырех действиях, с хорами, воинскими потехами, танцами, играми, борьбой и большим спектаклем, музыка соч. г. Кавоса» (СПб., 1823); пьеса была впервые поставлена в Петербурге в Большом театре 18 октября 1823 г. и не раз ставилась позднее; 4) повесть П. Н. Полевого «Ненароком» (из тверских преданий), помещенная в сборнике «Исторические рассказы и повести» П. Н. Полевого (Рисунки К. В. Лебедева, СПб., 1892, стр. 5—22),

5) повесть Т. Северцова (Полилова) «Княжий отрок» (Историческая повесть из преданий XIII в.), печатавшаяся в журнале «Детское чтение» за 1904 г. в №№ 1—11.¹

В настоящее время приведенный перечень следует дополнить указанием еще на одно произведение, вышедшее в свет в 1837 г. Имею в виду недавно встретившуюся мне книжку под заглавием: «Отрочь монастырь». Быль XIII столетия. Сочинение Владимира Глинки. Пб., 1837.

Произведению В. Глинки предпослано небольшое предисловие исторического содержания, посвященное деятельности князя Ярослава Ярославича Тверского, в котором упоминается между прочим, что Ярослав Ярославич по приглашению новгородского веча два раза княжил в Новгороде. В конце предисловия имеется помета с датой: «Местечко Любчи, 1835 года, 14 февраля».

Обработка сюжета у В. Глинки облечена в драматическую форму, и хотя жанровая драматургическая разновидность произведения не обозначена автором, который предпочел ограничиться в подзаголовке такими общими выражениями, как «быль», «сочинение», однако драматический характер обработки очевиден, так как все произведение состоит из 10 сцен, которые по месту действия имеют следующие названия: I. Терем князя Ярослава Ярославича Тверского; II. Приемная палата; III. Пролесок; IV. Лес; V. Жилье причетника; VI. Село Единоново; VII. Опочивальня князя; VIII. Образная; IX. Берег; X. Княжеские палаты

Все произведение написано разностопными белыми стихами. С первого взгляда может показаться, что сюжет старинной «Повести» изменен тут мало. В самом деле, основные действующие лица те же: тверской князь Ярослав Ярославич, любимый его отрок Григорий, дочь единоновского причетника красавица Ксения, отец Ксении — Афанасий. Но в обработке В. Глинки к основным действующим лицам, восходящим к старинной «Повести», добавлен целый ряд второстепенных персонажей, как бояре, боярыни, отроки, гонец, ключник, конюший, воевода, казначей Бельский, тысяцкий Ейковичь, чернец и др., а также в окружении Ксении — бабушка, девушки Агаша, Маша, Параша, подруги, сваха и пр.

Развитие сюжета у В. Глинки сначала идет так же, как в «Повести». Здесь и просьба отрока Григория, обращенная ко князю, разрешить ему жениться на любимой девушке, дочери причетника Афанасия — Ксении. Здесь и соколиная охота князя Ярослава Ярославича, которая привела его в Единоново. Здесь, наконец, и появление Ярослава Ярославича в церкви в самом начале венчания и обращение его к отроку: «Не по тебе она — ищи себе другую», и к священнику: «Святой отец, я сам венчаюсь с ней». Однако, дочитав «сочинение» В. Глинки до конца, мы видим, что знакомый сюжет подвергся у него глубокой переработке, которая связана была с совершенно новым переосмыслением центрального образа произведения, образа отрока Григория. Если в старинной «Повести» отрок Григорий, потерпев неудачу в личной жизни, применяет свою энергию на поприще духовных подвигов и, благодаря этому, становится основателем Тверского Отроча монастыря, то облик отрока Григория у В. Глинки совсем иной. Наиболее полно раскрывается он перед читателем в предпоследней, IX сцене «Берег».

После венчания Ксении с Ярославом Ярославичем отрок Григорий, уединившись на берег реки, глубоко переживает волнующие его чувства отчаяния, ревности и негодования. Сюда же на берег приходит чернец,

¹ Из истории повести — Известия Тверского педагогического института, в. IV, 1928, стр. 111—116

посланный князем, чтобы утешить и успокоить отрока. Он приветствует Григория, но Григорий отвергает его приветствие.

«Не мне привет,
Отверженному нет привета».²—

говорит он. Чернец заявляет тогда, что он послан «от Ярослава князя»:

Он много милостей тебе воздаст,
Воздаст наград и благоденствий.³

Но Григорий с горечью отвечает: «Благодарю» и, закрыв лицо руками, добавляет:

И здесь покоя нет.

Чернец с укором замечает ему:

Грех, Григорий.
Кто взял тебя из нищеты,
Поставил на ноги и в люди вывел?⁴

На это Григорий, как бы продолжая слова чернеца, саркастически добавляет:

И после насмеялся тем, что
Смехом задушил во мне дыханье.⁵

Чернец снова зовет Григория вернуться в княжий терем и примириться «с собой и миром», но Григорий резко отвергает предложения чернеца и заявляет, что у него нет сил угождать князю и видеть его с Ксенией.

Но потешать великого
Забавой. И видеть с ней его — пусть
Судит бог — я не могу.⁶

Переживая чувства ревности и негодования по отношению к своей возлюбленной Ксении, он говорит:

Она оставила меня,
И ласковая речь ее уж не ко мне,
К нему — и жадно он ее лобзает.
Пускай морочит сердце владетельного князя;
Но не могу свладеть с собой:
Когда она передо мной, с чарующим
Приветным, светлым взглядом
И величавою тщеславной красотой
Предстанет с усмешкой на устах.
Усмешка та змеиным жалом
Пронзит грудь ядом смертоносным,
И кровью сердце закипит!⁷

Чернец снова пытается уговорить Григория, чтобы он переломил себя, «смиреньем заменя строптивость», и напоминает ему о той щедрости, какой он пользовался со стороны князя, но Григорий с негодованием возражает на это:

Нет,
Лжешь, отец святой. Мнишь
Ум молодой неправдой обойти,
И дух, встревоженный и злобой и тоской,

² «Отрочь монастырь». Сочинение В. Глинки. СПб., 1837, стр. 94.

³ Там же, стр. 95.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 97.

⁷ Там же, стр. 98.

Ты не смутишь и не смиришь неправдой
 Князь дал мне волость — но и ту
 Я кровью выслужил моей!
 И пусть возьмет На божьем свете
 Много места для разгула И много
 Мест, где власть его бессильна⁸

В противоположность чернецу, Григорий убежден, что не он многим обязан князю, а наоборот, князь в долгу перед ним, так как в свое время отрок Григорий спас ему жизнь:

Пусть вспомнит, что говорил мой князь,
 Когда его от страшного, расвирепелого
 Медведя неосторожного я охранил
 Тогда он целовал лобзанием живым
 Он мне поведал: ты мне друг⁹

А теперь все это забыто

Теперь же другу сердце раздробил
 И, жизни не отняв, в обломках
 Самого меня — меня похоронил!¹⁰

Продолжая негодовать на свою возлюбленную, Григорий так взволнован бурными переживаниями, что досадует на самого себя.

Зачем

Не растоптал я брачного венца?¹¹
 И в их крови их¹¹

воскликает он, явно недоговаривая, но, несомненно, имея в виду свой порыв совершить кровавую расправу с Ксенией и с князем. На новый призыв чернеца «Смири себя», Григорий насмешливо и злобно отвечает:

Смири! Когда вытягивают жилы,
 Невольно корча корчит!
 Когда неправдой раздирают слух,
 Невольно кипятится ретивое
 И рвется из груди¹²

Наконец, измученный обуревающими его чувствами, не желая принимать ни пищи, ни воды, отрок Григорий слабеет и на глазах чернеца умирает

Другой образ произведения, тоже находящийся в центре внимания автора, а именно образ тверского князя Ярослава Ярославича, также раскрывается им как внутренне противоречивый. Еще в предисловии автор заметил, что Ярослав Тверской «являлся всегда то обидчиком, то кающимся в посягательстве преступления на честь народа и человека!»¹³

Полон внутренних противоречий он и в самом произведении. Отправляясь на охоту, он видит вещей сон. Ему чудится, что

По воздуху разнесся мрак и жар
 И превратился мир в кипящий океан!¹⁴

⁸ Там же, стр. 102

⁹ Там же

¹⁰ Там же

¹¹ Там же, стр. 103

¹² Там же, стр. 104

¹³ Там же, стр. 111

¹⁴ Там же, стр. 57

Но потом он оказался в чудесной долине, где ему явилось видение:

... по персям бились кудри,
И месяца ясней сияли светлы очи!¹⁵

Женщина удивительной красоты держала в руках «серебряные гусли».

И лишь коснулась до струн золотых —
То звуки издались... каких доселе
Не слышал и все бы слушал.¹⁶

Но затем светлое видение сменилось страшным: послышался рев зверя

... и вместо девы — горят,
Как уголья зажженные, три ока
И черный, смоленный, на двух ногах
С хвостом, стоит тигр шестокрылый!
И пышет пламя из гортани.¹⁷

Князь Ярослав искренне любит своего верного слугу отрока Григория, но не задумывается отнять у него любимую невесту. Самое увлечение его Ксенией изображается как своего рода прихоть. Хотя он и признает, что среди красавиц, которых он видел на своем веку, не было пригожей и милей его теперешней жены, но тут же сознается, что «и она уже постыла».

... О, боже мой!
Как суетны желанья наши.¹⁸

Узнав, что отрок Григорий скрылся неизвестно куда, Ярослав обещает осыпать золотом того, кто найдет его верного друга. Видя слезы Ксении, он и сам готов плакать. Мучимый совестью за совершенное и терзаемый беспокойством за судьбу отрока, он говорит:

То видно было божие виденье!
Мне снился сон — припоминаю...
Но мог бы побороть желанье
И молодость Григорья пощадить!...
И княжеским венцом не отымать
Желанного венца четы достойной!
Что если в безумии своем
Наложит руку на себя? аль
Изуродуется весь? а может быть, давно
Бессчастный горемыка запропастил
В лесу дремучем душу!¹⁹

И, наконец, осмысля привидевшийся во сне образ страшного тигра как угрызения совести, он добавляет, обращаясь к самому себе:

... Что,
Ярослав! Так по заслугам верность
Наградил? ... И мучит без мучений
Злодейский, шестокрылый тигр!²⁰

Третий важный образ произведения — образ Ксении — по сравнению с образами отрока и Ярослава Ярославича не дает повода для новых существенных наблюдений: в основном он соответствует образу Ксении в «Повести», хотя психологические очертания его стали тоньше.

¹⁵ «Отрочь монастырь». Сочинение В. Глинки, стр. 57.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 58.

¹⁸ Там же, стр. 73.

¹⁹ Там же, стр. 81.

²⁰ Там же.

Характер отрока Григория, как мы видим, определил его трагическую судьбу. А соотношение образов Ярослава Ярославича и отрока обусловило новую развязку сюжета, какую находим в последней сцене «Княжеские палаты». Здесь изображается, как Ярослав Ярославич, потрясенный гибелью отрока, в приливе покаянного настроения велит служить панихиды по Григорию и открыть «погребя и житницы»,

Чтоб только голос бедных и сирот
Молились о душе его спасенья
На месте ж том, где умер он,
Поставить там обитель, и будь то —
Отрочь монастырь²¹

Итак, монастырь основал, по В. Глинке, не отрок, а князь в память отрока.

Образ же отрока Григория стал чисто светским и далеким от религиозного благочестия.

Ознакомившись с драматической обработкой старинного сюжета у В. Глинки, мы не можем не признать, что обработка эта представляет, несомненно, историко-литературный интерес.

Если для романтизма, как он сложился в искусстве XIX в., «характерно расхождение между мечтой и действительностью, между идеалом и реальностью»,²² то необходимо признать, что этот характерный признак налицо в том образе отрока Григория, какой создан В. Глинкой. В самом деле, идеальные представления отрока Григория о любви и дружбе оказались в резком противоречии с действительностью: любимая им невеста по воле судьбы изменила данному ею слову, а князь, назвавший его своим другом, не поколебался отнять ее у него. Отсюда трагизм Григория и его гибель. Итак, образ Григория является образом романтическим. В соответствии с образом Григория образ князя Ярослава Ярославича полон внутренних противоречий, о чем мы уже говорили. А так как эти центральные образы определяют собой развитие сюжета и смысл развязки, то следует полагать, что и все произведение В. Глинки является романтическим, возникшим на той стадии русского романтизма, какой он достиг в первую половину 30-х годов XIX в. Важно вместе с тем уяснить, с какой именно разновидностью романтизма следует соотносить это произведение: с романтизмом ли реакционным или романтизмом прогрессивным. Романтизм реакционный, как известно, характеризовался безнадежностью, бесперспективностью. Идеалы же романтизма прогрессивного в какой-то мере отвечали «объективным тенденциям развития действительности»,²³ хотя пути и средства разрешения противоречий между идеалом и действительностью оставались для романтиков в значительной степени неясными. Если с этой точки зрения взглянуть на образ отрока Григория, как он создан В. Глинкой, то нельзя не заметить, что трагическая гибель Григория, хотя и является психологически мотивированной, но все же с точки зрения самого автора не представляется безусловно неизбежной. Сам В. Глинка влагает в уста своего героя такие высказывания, которые прямо намекают на возможность какого-то реального выхода из создавшейся трагической коллизии.

²¹ Там же, стр. 118

²² А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. Изд. МГУ, 1955, стр. 489.

²³ Там же

Вспомним, с одной стороны, как отрок Григорий сожалеет, что он сдержал свой порыв отомстить Ксении и князю кровавой расправой с ними. Вспомним также слова, сказанные им чернецу:

Князь дал мне волюсть, но и ту
Я кровью выслужил моей.
И пусть возьмет — на божьем свете
Много места для разгула... И много
Мест, где власть его бессильна.

В том и другом случае мы не можем не видеть намеков самого автора на возможность дальнейшего развития созданного им образа. Мы догадываемся, что его отрок Григорий, если бы остался в живых, мог бы уйти в лагерь врагов тогдашнего уклада, т. е. сделаться мстителем или разбойником.

Как бы то ни было «Отрочье монастырь» Владимира Глинки заслуживает внимания как оригинальное драматическое произведение, переработавшее старинный повествовательный сюжет в духе прогрессивного романтизма первой половины 30-х годов XIX в.

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ

Черты летописного стиля в литературе XIX в.

В науке важны не только решения вопросов — важна и их постановка. Решения далеко не всегда бывают окончательными и безошибочными (даже в математике), между тем как иная постановка вопроса приводит к новым и нужным наблюдениям.

Исторические истины добываются с наименьшим напряжением сил, чем истины природы.

В работе И. П. Еремина о «Повести временных лет» (1947 г.) был заново поставлен вопрос о принципах и методах изучения древней летописи. Книга кончалась утверждением, что летописное повествование представляет собой систему исторического и художественного мышления и что «рецидивы» летописного стиля можно проследить в литературе нового времени.

Попробуем проверить вторую часть этого интересного и принципиально важного утверждения.

Война 1812 г., как известно, вызвала широкий интерес к русской истории. Ответом на него была «История государства Российского» Н. М. Карамзина, построенная на летописном материале. Пушкин увидел в этом труде отражение самого духа летописи и назвал Н. М. Карамзина «последним летописцем»: «Нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи».¹ Однако здесь же сказано, что Карамзин употреблял эти размышления лишь как краски, не полагая в них «никакой существенной важности». В этих словах скрыта полемика с Карамзиным: Пушкин придавал летописным «апофегмам» более важное значение. Это и отразилось в «Борисе Годунове».

В работе над трагедией Пушкин, по его собственным словам, шел путем изучения Шекспира, Карамзина и «старых наших летописей». При этом в летописях он увидел не только хронику происшествий и стилистические «краски», но и особый «образ мыслей» или «характер». Воплощением этого «характера» и явился в трагедии Пимен: «Характер Пимена не есть мое изобретение, — писал Пушкин издателю „Московского вестника“. — В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях».² Среди этих черт главные: отсутствие всякой «суетности», всякого мелкого «пристрастия», совершенное «простодушие» — «нечто младенческое и вместе мудрое». К этому Пушкин прибавил весьма многозначительные слова: «Мне казалось, что сей характер все вместе нов и знаком для русского сердца».

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 136—137.

² Там же, стр. 74.

Речь идет здесь, конечно, не о личном характере летописца, не о его индивидуальной психологии (так называемого «психологизма» в литературе тогда еще и не было), а об исторически сложившемся русском национальном характере. На протяжении веков характер этот, разумеется, менялся, но основные, исконные его черты сохранились. Именно поэтому Пушкин считал образ Пимена вместе и новым (потому что в таком нетронутом виде он был возможен только в далеком прошлом) и знакомым (поскольку многое в нем, и притом самое важное, осталось неизменным). На языке историка это значит, что образ или «характер» пушкинского Пимена представляет собою «рецидив» летописного образа мыслей.

Отметим, что в споре с Н. Полевым (как автором «Истории русского народа») Пушкин решительно восстал против философско-исторической системы Гизо — против формулы «иначе нельзя было быть», при которой историк отклоняет «все отдаленное, все постороннее, случайное», чтобы превратить картину исторического развития в сплошную закономерность. «Коли было бы это правда, — возражает Пушкин, — то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия провидения».³ Эта установка на роль «случая» (и тем самым на «провидение») является возражением против новой исторической науки с ее поисками причинно-следственных связей и закономерностей. Но если это так, то надо сказать, что, рисуя Пимена, Пушкин не только «угадал» летописный образ мыслей (как он говорит в наброске предисловия к «Борису Годунову»), но отчасти и проникся им. Историк имел бы право снова сказать, что в полемике Пушкина с Гизо виден «рецидив» летописного мышления.

Замечательно, что одновременно с работой Пушкина над «Борисом Годуновым» Грибоедов задумал поэму о 1812 г. с явным намерением придать ей характер народно-героической эпопеи. Одна из начальных сцен этой поэмы должна была происходить в Архангельском соборе и носить характер исторической мистерии: в ответ на трубный глас архангела появляются тени Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра — «из разных стихий сложенные и с познанием всего, от начала века до днесь, как будто во всех делах после их смерти были участниками».⁴ Грибоедов в это время был не только занят чтением летописи (см. его заметки в разделе «Desiderata»), но весь проникнут ее духом, ее образами. Вот он пишет В. Ф. Одоевскому (10 июня 1825 г.): «Сам я в древнем Киеве; надыхался здешним воздухом и скоро еду далее. Здесь я пожил с умершими: Владимир и Изяславы совершенно овладели моим воображением; за ними едва едва скользь заметил я настоящее поколение».⁵ Вот он записывает под Севастополем: «NB. Воспоминание о великом князе Владимире». Замечательно: не мысль, не думы, а — воспоминание! И дальше — запись под Херсоном: «Не здесь ли Владимир

³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. VII, стр. 147.

⁴ Традиционное отнесение этого замысла к драматическому жанру очень сомнительно. Такое понимание держится, в сущности, только на словах: «М* с первого стиха до последнего на сцене»; однако слово «сцена» не так уж обязательно связано с драмой — оно может относиться и к поэме. С другой стороны, как могут быть представлены в драматической форме такие элементы грибоедовского плана, как «История начала войны», «Очертание его характера», «Картина взятия Москвы»? Как могли быть показаны в театре «сцены зверского распушества, святотатства и всех пороков»?

⁵ А. С. Грибоедов, Сочинения, М., 1953, стр. 533.

построил церковь? («Корсуняне подкопавше стену градскую крадяху сыплемую персть и ношаху себе в град, сыплеще посреде града и войны Владимировы присыпаху более». Нестор). — Может, великий князь стоял на том самом месте, где я теперь, между Песочной и Стрелецкой бухты».⁶

Эти рецидивы летописного образа мыслей и стиля были неслучайны: они возникли в трудные, грозные для страны и народа годы, когда роль «случая» казалась всесильной, а попытки понять или хотя бы «угадать» ход истории терпели неудачу. Понятно, что в такие моменты литература — и именно передовая, не потерявшая связи с народной жизнью и историей, — тянется к эпосу и находит его в фольклоре и в летописи.⁷ Пушкин задумал трагедию о «Смутном» времени накануне новых смут, когда народ, недавно добившийся победы над страшным врагом, был опять унижен и придавлен царским самовластьем. И силою вещей получилось так, что трагедия, по своей структуре и «образу мыслей», оказалась ближе к эпосу, чем к драме, — чем-то вроде драматизированной эпопеи с Пименом в роли летописца-повествователя: действие трагедии оказывается прямым продолжением записанного Пименом «последнего сказанья» (или по черновому тексту — «ужасного преданья») об убиении царевича Дмитрия.

Тридцатые и сороковые годы не внесли ничего значительного или нового в русскую историографию и историческую «словесность»: это были годы развития не столько исторического, сколько философского мышления. Русская историческая наука как бы замерла на Карамзине. Картина стала меняться к концу сороковых годов: из полемики западников со славянофилами, отражавшей назревшие социальные и политические потребности эпохи, возникла новая научная историография, которую возглавил С. М. Соловьев: в 1851 г. вышел первый том его «Истории России с древнейших времен». Это была грандиозная по объему (29 томов) попытка понять и истолковать весь процесс образования и развития русского государства как процесс последовательный и закономерный — как разумное развитие государственного начала.

Между тем к середине пятидесятих годов, после тридцатилетнего трагического затишья, Россия вступила в новую полосу бурь и потрясений. Крымская война сразу обнаружила крайнюю степень морального разложения правящих классов и материальную отсталость, до которой дошла страна за время николаевского царствования. У солдат не было ни достаточного вооружения, ни достаточной одежды и питания, ни уверенности в победе. «Дух войска в настоящую минуту, — смело писал главнокомандующему молодой подпоручик артиллерии Лев Толстой, — есть грустное сомнение в возможности отстоять Севастополь, преданности воле провидения, но не энтузиазм героев, который один может спасти нас».⁸ Проехав на позиции и увидев собственными глазами весь ужас положения, Толстой записал в дневнике (23 ноября 1854 г.): «В поездке этой я больше, чем прежде, убедился, что Россия или должна пасть или совершенно преобразоваться». После смерти Николая I, в день присяги новому царю (1 марта 1855 г.), Толстой записал: «Великие перемены ожидают Россию. Нужно трудиться и мужаться, чтобы участвовать в этих важных минутах в жизни России».

⁶ Там же, стр. 438

⁷ А. С. Пушкин писал о Петровском времени: «В общем презрении ко всему старому, народному, была включена и народная поэзия, столь живо проявившаяся в грустных песнях, в сказках и в летописях» (Полное собрание сочинений в 10 томах т. VII, стр. 649)

⁸ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч. т. 4, М., 1932, стр. 295

Эти слова не остались словами. Россию, действительно, ожидали годы подъема и перемен, и Толстой, действительно, трудился и мужался, плодом чего и явилась «Война и мир». Построенное на огромном количестве исторических книг и материалов, «сочинение» это (как определил его сам Толстой) оказалось в основе своей (и идейной и художественной) решительным и бурным восстанием против исторической науки и даже против «исторического воззрения» вообще. Подготовка этой полемики шла уже в период школьной работы (1861—1862), когда Толстой стал доказывать, что дети усваивают историю и начинают интересоваться ею только в той мере, в какой она представляет собою поучительную и художественную «сказку». Толстой демонстративно заявляет: «Я рассказывал историю Крымской кампании, рассказывал царствование императора Николая и историю 12-го года. Все это в почти сказочном тоне, большею частью исторически неверно и группируя события вокруг одного лица. . . мой рассказ — не была история, а сказка, возбуждающая народное чувство».⁹ Оказалось, что исторические лица и события интересны «не по мере их значения в истории, а по мере художественности склада их деятельности, по мере художественности обработки ее историком, и большею частью не историком, а народным преданием. . . Маколея и Тьери точно так же мало можно дать в руки, как Тацит или Ксенофонта. Для того чтобы сделать историю популярною, нужно не внешность художественную, а нужно олицетворять исторические явления, как это делает иногда предание, иногда сама жизнь, иногда великие мыслители и художники».¹⁰ Итак, в своей школьной практике Толстой превратился из историка в летописца — заменил объяснение событий (анализ причинно-следственных связей) художественно-сказочным их изложением, имеющим поучительный и возбуждающий народное чувство характер.

Было бы наивно и ошибочно думать, что сказанное в школьных статьях Толстого относится только к области педагогики — к вопросу о преподавании истории детям. Лучшим и явным опровержением такого взгляда служит само существование «Войны и мира» — книги, которая в значительной степени выросла на основе этого «педагогического» опыта. Статья «Прогресс и определение образования» была написана против гегельянского направления исторической науки — совершенно независимо от педагогики. Толстой называет здесь само историческое воззрение «странным умственным фокусом»: «К какому хотите понятию стоит только приложить слово: историческое, — и понятие это теряет свое жизненное, действительное значение и получает только искусственное и неплодотворное значение в каком-то искусственно составленном историческом мирозерцании».¹¹

Так же ошибочно было бы отнести ко всему этому как к простому «чуждачеству» гения — и по той же самой причине: если «чуждачество» могло стать почвой, из которой выросла «Война и мир», значит в этой почве были какие-то здоровые и сильные жизненные соки. Это была та самая тяга к народному, эпическому взгляду на жизнь и историю, о которой писал Пушкин, выступая против Полевого и Гизо. Пушкин говорил о «неизъяснимой прелести древней летописи»; Толстой восторгается Илиадой и Библией: «каждый из этой книги узнает всю прелесть эпоса в неподражаемой простоте и силе».¹²

⁹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 8, М., 1936, стр. 100 и 103

¹⁰ Там же, стр. 106

¹¹ Там же, стр. 327.

¹² Там же, стр. 89.

Не буду собирать много доказательств, поскольку статья эта пишется не для решения вопроса, а для его постановки. Напомню только, что по окончании «Войны и мира» Толстой стал увлекаться древнерусской литературой. «Читает четьи-минеи, житие святых и говорит, что это наша русская настоящая поэзия», — записала С. А. Толстая 27 марта 1871 г.¹³ а в записной книжке Толстого 2 февраля 1870 г. появляется короткая, но многозначительная запись: «Взятие Корсуни Владимира эпопея».¹⁴ Это те самые страницы Несторовой летописи, о которых вспомнил Грибоедов, стоя на холме под Херсоном.

В записной книжке 1871 г. Толстой записал рядом (чтоб не забыть купить): «Геродот французский. Летописи». И тут же — «Соловьёва продолжение».¹⁵ Это не случайное соседство: Толстой читает «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьёва и страстно спорит с ним. Правительство, по словам С. М. Соловьёва, было безобразно: «Но как же так ряд безобразий произвели великое, единое государство? Уж это одно доказывает, что не правительство производило историю».¹⁶ И далее следуют замечательные, грозные, обращенные к исторической науке вопросы: «Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто делал тарчи, сукна, платья, камки, в которых шеголяли цари и бояре? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня?» Вывод всей этой длинной записи заключается в том, что нужна не история-наука, а история-искусство: «История-искусство, как и всякое искусство, идет не вишь, а вглубь, и предмет ее может быть описание жизни всей Европы и описание месяца жизни одного мужа в XVI веке».

На этом фоне становится ясной принципиальная основа «Войны и мира» как эпопеи и тем самым ее глубочайшее родство с народным эпосом и с древнерусской литературой, в частности с летописью Нестора.¹⁷ Вступление к третьему тому («С конца 1811-го года началось усиленное вооружение и сосредоточение сил западной Европы» и т. д.) представляет собою поразительное сочетание стиля научного историко-философского трактата со стилем древнего сказания или летописи, вплоть до таких изречений, как: «Сердце царево в руде божьей», или таких вопросов, как: «Когда созрело яблоко и падает — отчего оно падает?»

В итоге оказывается, что «Войне и миру» (особенно второй ее половине, в центре которой — Бородинское сражение) присущи те самые черты мышления, стиля и композиции, которые обнаружены в «Повести временных лет»: построение вещи не на обычной для романа сюжетной основе, а на временном («погодном») движении событий, общая фрагментарность повествования с частыми отступлениями философского характера, изображение войны как «страшной необходимости», отрицание причинно-следственных связей («событие должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться», как сказано в начале третьего тома) и рядом с этим утверждение нравственной свободы и ответственности человека (ср. в книге И. П. Еремина, стр. 45). Таковы самые общие черты

¹³ Дневники С. А. Толстой. М., 1928, стр. 34.

¹⁴ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 48, М., 1952, стр. 344.

¹⁵ Там же, стр. 166.

¹⁶ Там же, стр. 124.

¹⁷ Стоит вспомнить, что для Даниила ловчего в «Войне и мире» Толстой взял бычину о богатыре Киевского цикла Даниле Ловчанине, а в «Азбуке» напечатал 16 отрывков из Несторовой летописи.

сходства, но есть и другие, более конкретные, имеющие чисто художественный смысл. Свойственный Толстому «психологизм» сталкивается в «Войне и мире» с историческим планом, с «законами», действующими помимо воли людей, — и характеры теряют свое единство, свою замкнутость и цельность, становятся «текучими». Нечто подобное (и по той же причине) у летописца (см. у И. П. Еремина, стр. 4).

В «Повести временных лет» соединились две традиции: народно-эпическая и агиографическая. «Обе эти традиции, — говорит И. П. Еремин, — в несколько ослабленной в сравнении с первоисточниками форме и определили собою у летописца стилистический строй его повествования» (стр. 58). Подобные черты есть и в «Войне и мире», и они, как и в летописи, часто играют решающую, принципиальную роль. Народно-эпическая, сказочно-былинная тенденция, ясно определившаяся к концу романа, привела к появлению фигуры Платона Каратаева. Это было важно и необходимо для повышения жанра — для выведения его из исторического романа в народно-героическую эпопею. Рядом с этим естественно определился план лубочный, — и Наполеон приобрел черты, как бы выхваченные из народных картинок. С другой стороны, рассказ о Кутузове доведен к концу книги до агиографического стиля, что тоже было необходимо при определившемся повороте от романа к эпосу.

Исследование И. П. Еремина кончалось словами: «Не подлежит сомнению, что рецидивы этого (т. е. летописного, — Б. Э.) стиля — в виде модификаций или рудиментов — можно проследить и в литературе нового времени, ибо в искусстве ничто не исчезает бесследно». Факты подтверждают это наблюдение. «Война и мир» — одна из таких «модификаций», созданная эпохой «великих перемен». Совсем иная, но не менее характерная для этой эпохи «модификация» летописного стиля — «История одного города» Салтыкова-Щедрина; но об этом надо говорить особо, поскольку в этой вещи летописный стиль послужил основой для сатиры и на тогдашнюю историческую науку, и на тогдашний политический строй

Ю. Н. ДМИТРИЕВ

О творчестве древнерусского художника

Различные высказывания об искусстве, встречающиеся в древнерусской письменности, приводят к выводу, что в представлении человека древней Руси искусство должно давать достоверное изображение тех явлений жизни, которые оно воспроизводит; в этом состоит задача искусства. Художник создает жизненные образы, он изображает прославленных людей с тем, чтобы зритель видел их как бы живыми. Автор одного из сочинений конца XV (?) в. так и пишет, что изображенных художником святых, «яко живых и стоящих с нами. . . помышляем».¹

Труднее выяснить, как такое понимание изобразительного искусства проявлялось в художественной деятельности. Труднее — в том отношении, что очень редки и скудны свидетельства современников о творчестве художника. Между тем в освещении некоторых сторон его творчества только пояснения самого мастера или тех, кто видел его за работой, могут вывести исследователя на твердую почву фактов с зыбкого и неверного пути различных домыслов об особенностях древнерусского искусства.

В настоящей заметке будут приведены три рассказа о том, как создавалось портретное изображение — изображение святого, икона. Рассказы эти касаются одной из сторон творчества художника древней Руси, и именно той стороны, которая менее всего известна исследователю искусства и относительно которой вместе с тем высказывались мнения, столь же произвольные, сколь и ошибочные.

Первый рассказ входит в состав жития Александра Ошевенского под заглавием: «О явлении преподобного старцу Тимофею и о написании образа святого Александра». Житие принадлежит перу иеромонаха Феодосия, оно написано в 1567 г., спустя 88 лет после смерти Александра, в монастыре, основанном последним и носившем его имя.² По отзыву В. О. Ключевского, труд Феодосия представляет собой «обширное и превосходное по содержанию» сочинение.³ Житие, как и большинство древнерусских житий, не издано,⁴ но упомянутый рассказ был известен Ф. И. Буслаеву и использован им в одной из статей. Об этой статье речь будет позднее.

Вкратце история создания изображения Александра, рассказанная Феодосием, такова. После сооружения в монастыре новой деревянной

¹ Ю. Н. Дмитриев Теория искусства и взгляды на искусство в письменности древней Руси — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953. Приведенная цитата взята из Слова о почитании икон (см.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси. М.—Л., 1955, стр. 341).

² В. О. Ключевский и др. Древнерусские жития святых как исторический источник М., 1871, стр. 298—299

³ Там же, стр. 298.

⁴ Автор настоящей заметки пользовался рукописями ГПБ: Q I 112, Q I 114, Q I 116 и др.

церкви, большей, чем прежняя, явилась необходимость написать для нее иконы. Из города (Каргополя) был призван иконописец Симеон, прозванием Сокол, который взялся за работу вдвоем с сыном Иоанном. В монастыре трудился тогда ради спасения души некий Тимофей. Ночью в видении ему явился старец, который повелел Тимофею пойти к игумену Александру, начальника, т. е. основателя «обители сей». «Аз есмь Александр яко же мя видиши», — сказал старец. Утром Тимофей сообщил о чудесном видении игумену с братией, и те, пораженные рассказом, поручили Симеону написать «образ начальника Александра». Новый заказ поставил художника в большое затруднение. Он не знал, как изобразить основателя монастыря, давно умершего. Стали разыскивать людей, которые помнили бы Александра, старательно расспрашивая как старейших иноков, так и людей, живущих в окрестности монастыря. Однако не нашлось никого, кто знал бы святого, а свидетельство Тимофея, видевшего Александра в ночном видении, вероятно, не удовлетворяло (хотя известны случаи, когда древнерусский художник писал изображение на основании видения). В это время в монастырь пришел Никифор Филиппов. Будучи жителем села Пиала на реке Онеге, где находился соляной источник и стояла монастырская варница, он часто навещал монастырь. Хорошо знал Александра — «известный самовидец быше Александра» — и смог описать его внешность. По словам Никифора, Александр был человек среднего роста, лицом сух, «образом умилен», глаза имел «влучены», бороду небольшую и не очень густую, волосы русые, наполовину седые. То, что сообщил Никифор, обрадовало игумена с братией и иконописца: в этом рассказе они «искومه обретох и желаемое получих». Художник приступил к работе и «с радостию и со тщанием» написал изображение.

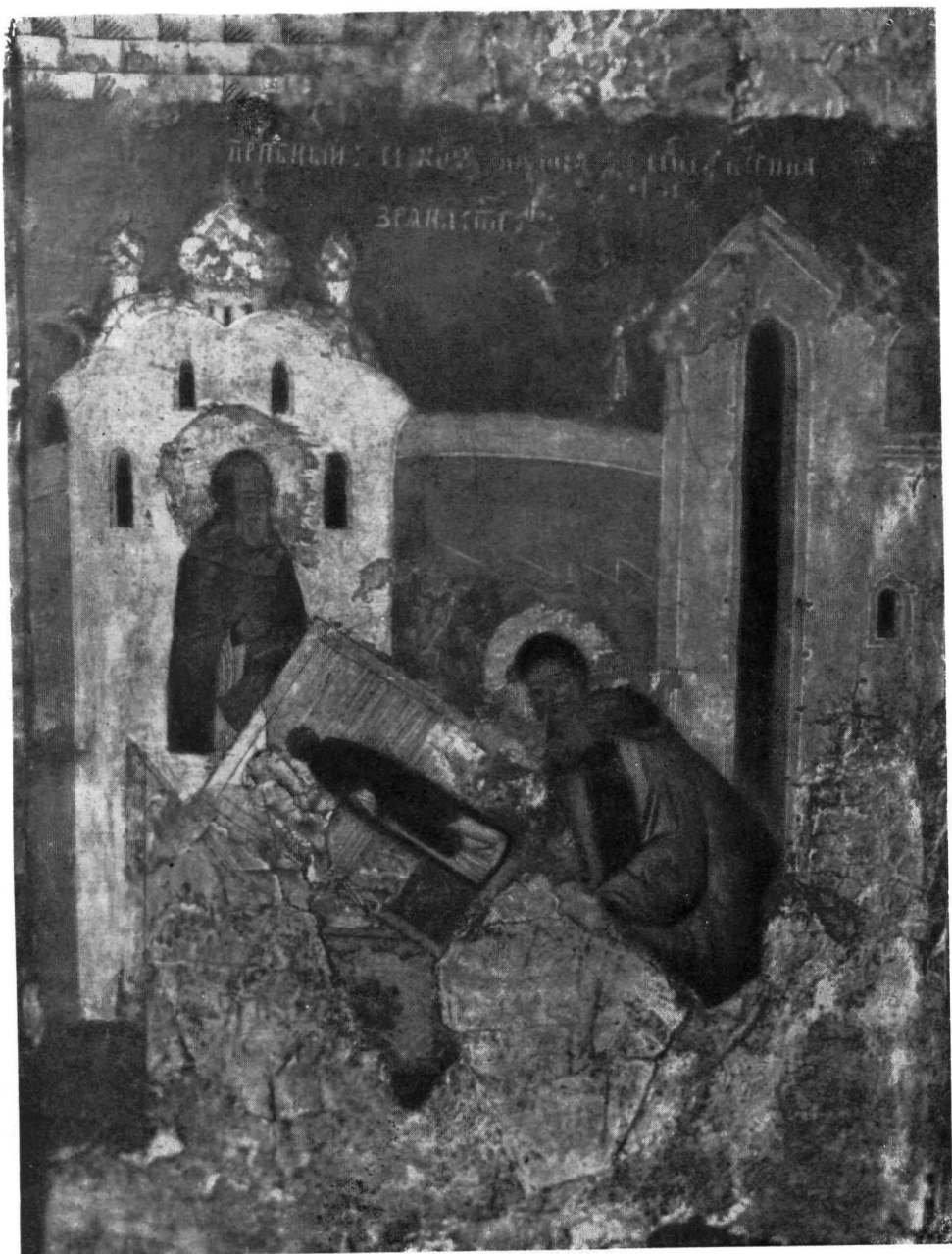
Ф. И. Буслаев привел историю написания образа в статье, посвященной русским иконописным подлинникам, с целью показать, что в древнерусском искусстве «подобия» «большею частью составлялись по преданию, которое сообщало художнику только общий иконописный тип. Это был не портрет, а идеальное воссоздание личности по характеристическим ее приметам, удержанным в памяти».⁵ Поясним. По убеждению Ф. И. Буслаева, которое разделяли и другие ученые его времени, древнерусский художник «боялся действительности», «отвращался» от нее. Он «не чуждался» портрета, но «действительность... должна была утратить все индивидуальные подробности портрета», «чтобы стать предметом его, так сказать, портретного изображения».⁶ Убеждение, что древнерусский художник в творчестве своем никогда не обращался к действительности, но исходил из отвлеченных, «идеальных» представлений о ней и опосредствованных впечатлений, — такое убеждение распространено и в искусствознании наших дней. В нем можно найти подтверждение приведенного мнения Ф. И. Буслаева, ссылку на использованную им историю написания «подобия» Александра Ошевенского и заключение, что древнерусский художник писал портретные изображения — «подобия» — «повидимому, чаще всего на основании устного предания» «иногда по памяти», но он «никогда не работал с натуры».⁷

Однако рассказ Феодосия свидетельствует совсем о другом. Из этого рассказа следует, что иконописец Симеон Сокол, взявшись исполнить

⁵ Ф. И. Буслаев. Литература русских иконописных подлинников — Сочинения. т II, СПб., 1910, стр. 374. (Разрядка наша, — Ю. Д.).

⁶ Ф. И. Буслаев. Общие понятия о русской иконописи. — Сочинения, т I, СПб., 1908, стр. 24, 23 и др.

⁷ История русского искусства, т II, М., 1954, стр. 266.

Дионисий пишет изображение Кирилла.

заказанное ему изображение, видел свою задачу в том, чтобы дать правдивый образ основателя монастыря. Художник, иначе говоря, стремился быть верным действительности. Для создания такого изображения, верного действительности, ему нужен был надежный материал: вместе с заказчиком он стал разыскивать сведения о личности Александра и приступил к работе, получив описание его внешности от «известного самовидца» — Никифора Филиппова. Нельзя не отметить при этом, что описание Никифора, при всей своей краткости, было вполне конкретным. В рассказанном Феодосием случае древнерусский художник поступил, в сущности, так же, как поступил бы художник, например, XIX в., если бы ему пришлось писать человека, которого он не знал, но сведения о котором он мог узнать от других.

Историю второго изображения сообщил неизвестный автор жития Евфросина Псковского, так называемой, первоначальной редакции. Житие написано до 1510 г. в монастыре, основанном Евфросином.⁹ Автор передал историю образа Евфросина, рассказывая о своей работе над житием,¹⁰ о том, как, дойдя до изложения «немеримой глубины пресвятой аллилуйи», он оказался неспособным передать ее «тайну». «И бех егда в глубине уныния и великое недоумение постиже мя, — пишет автор о своем состоянии, — и умное ми парение души моя не действует и слово мое не вяжется. . .» В одну из ночей, утомленный бесплодными стараниями «поставить в ряду слово о вещи», он заснул. Во сне ему явился Евфросин с Серапионом (первым сподвижником Евфросина) и, ободрив автора, обещал помочь ему в работе. Однако автор усомнился в видении: был ли то действительно Евфросин или его смущали «нечистые духи». Чтобы разрешить сомнения, он решил пойти посмотреть находившийся в монастыре образ Евфросина. (В древнерусской письменности можно найти не один рассказ, как то или иное лицо узнавалось по изображению). Образ убедил автора в том, что ему являлся сам Евфросин.¹¹ С целью показать достоверность изображения, к которому он обратился, чтобы убедиться в истинности видения, автор рассказал, как это изображение было написано. При жизни Евфросина в монастыре находился искусный живописец — иконник Игнатий Выдающаяся личность основателя монастыря побудила художника запечатлеть его облик и «того ради наваял есть на хартью з жива суща образ его, ту же имя подписал преподобного». Сделав изображение и подписав его для памяти, Игнатий присоединил его к своим образцам иконных композиций и хранил вместе с ними: «к изразцы своя иконныя положи и сохрани е». По смерти Игнатия другой монастырский иконописец нашел среди его рисунков — «изразцов» — изображение Евфросина и показал игумену Панфилу. Игумен велел написать по изображению икону. И таким, каким видел автор Евфросина во сне, таким он увидел его на этой иконе.¹²

Изображение Евфросина, исполненное Игнатием, представляло собой, следовательно, рисунок («наваял» значит нарисовал), сделанный с натуры или во всяком случае под непосредственным впечатлением от натуры

⁸ Н И Серебрянский Житие преподобного Евфросина Псковского (первоначальная редакция) — ПДПИ, СЛХХІІІ, 1909.

⁹ Об этом житии см. также: В О. Ключевский Древнерусские жития. стр. 252—257; Н И Серебрянский Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле М., 1908, стр. 78 и сл.

¹⁰ Этот рассказ вошел во второе житие Евфросина, написанное в 1547 г. пресвитером Василием Житие издано в «Памятниках старинной русской литературы» (в IV СПб., 1862) См. о нем сочинения, указанные в предыдущем примечании

¹¹ Н И Серебрянский Житие преподобного Евфросина стр. 65—67

¹² Там же, стр. 67

(«с жива суца»). Рисунок был, вероятно, небольшого размера (художник исполнил его на листе пергамента) и, по-видимому, не имел самостоятельного значения, а должен был служить подготовительным материалом для возможного живописного произведения, как и те «изразцы иконныя», к которым он был присоединен, т. е. был в какой-то мере подобен этюду. Этот портретный рисунок с натуры дал основание к написанию, уже другим художником, образа Евфросина.

Рассказ неизвестного автора начала XVI в. о древнерусском иконочнике, который делает портретный рисунок с натуры, не является единственным в старой русской письменности. Симон Азарьин, например, в биографии Дионисия, архимандрита Троице-Сергиевой лавры, пишет, что, когда этот выдающийся деятель начала XVII в. скончался и положен был во гроб, «некоторые иконописцы подобие лица его на бумаге начертаху».¹³ «Подобия», «начертанные» иконописцами с Дионисия, представляли собой, несомненно, такие же подготовительные рисунки, как и рисунок, сделанный Игнатием.

История третьего изображения известна по преданию. Это изображение — небольшая икона Кирилла Белозерского, сохранившаяся до наших дней и находящаяся в Третьяковской галерее, куда передана из бывшего Кирилло-Белозерского монастыря. Художнику этой иконы-портрета, пишет В. Н. Лазарев, «удалось создать поразительно живой образ. Перед нами кряжистый старичок с окладистой бородой, с добрым, приветливым, умным лицом. Его коренастая фигура как бы выросла в землю. Такие люди колонизовали Север, прокладывая дороги, вырубая леса, расчищая землю для пашен, основывая монастыри. Здесь воплощен идеал не только нравственно сильного, но и деятельного человека».¹⁴ По преданию, икона написана прославленным в свое время художником Дионисием Глушицким (1362—1437).¹⁵ Верно или неверно свидетельство предания — в данном случае не существенно. То, что рассказывалось в нем об образе Кирилла, интересно само по себе. Предание нашло свое отражение в древних монастырских документах, начиная с записи 1565 г. во вкладной книге В описи монастыря 1601 г. отмечено, что образ Кирилла «писал преподобный Дионисий Глушицкий при чудотворце Кирилле». Запись в приходо-расходной книге 1614 г., помеченная 24 сентября, говорит об образе: «его же писал чудотворец Дионисий Глушицкий при животе чудотворца Кирилла».¹⁶ Подобные записи делаются и в более поздних монастырских описях. Эти постоянные указания на то, что образ Кирилла был написан при его жизни, имели, надо думать, большее значение, чем простая памятка о времени исполнения изображения.

В 1614 г. для иконы, которая стояла в соборе Кирилло-Белозерского монастыря, был изготовлен деревянный резной, позолоченный киот, хранящийся в настоящее время в Кирилловском музее. По верху и низу киота расположена также резная надпись; в ней сказано, кто и когда написал икону и когда был устроен киот: «Образ чудотворца Кирила списан преподобным Дионисием Глушицким еще живу суцу чудотворцу Кирилу в лето 6932 [1424] году]. Зделан сии киот в домъ пречистыя чудотворца

¹³ Арсений Исторические сведения об иконописании в Троице-Сергиевой лавре. Сборник на 1873 г., изд. Обществом древнерусского искусства, М., 1873, стр. 120

¹⁴ В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода. — В кн.: История русского искусства, т. II. М., 1954, стр. 266.

¹⁵ Варлаам. Описание историко-археологических древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре. М., 1859, стр. 9—11; В Лебедев Иконописные труды преп. Дионисия. Вологда, 1900, стр. 7 и 8.

¹⁶ Варлаам. Описание историко-археологических древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре.

Кирила в лето 7122 [1614] г[оду] по благословиению игумена Матфея в славу богу а[минь]». Однако киот интересен не только этой записью, которая дает более полные сведения об иконе и тем показывает, что предание рассказывало ее историю подробнее, чем краткие деловые записи в хозяйственных документах. На дверцах киота, с внутренней их стороны, изображены в красках четыре события из жизни Кирилла. По стилю эти изображения можно было бы отнести к более раннему времени, чем время изготовления киота, примерно к середине XVI в. Здесь представлено рождение Кирилла (вверху левой дверцы), явление Кирилу богородицы (вверху правой дверцы), водружение Кириллом креста при основании обители (внизу левой створки) и Дионисий, пишущий образ Кирилла (внизу правой створки). Это последнее изображение и представляет особый интерес. Зритель видит Дионисия, сидящего возле стола, на котором лежит икона: древнерусский живописец писал на доске, положенной горизонтально. Позади стола стоит Кирилл, как бы позируя художнику. Дело происходит в монастыре, на что указывают архитектурные сооружения: справа — светло-желтое здание, слева — белый трех- или пятиглавый храм, соединенный со зданием розовой стеной. Икона, лежащая на столе, закончена, и в правом верхнем углу ее обозначено имя святого. Написанное на ней изображение точно воспроизводит стоящего перед художником Кирилла — черты лица, одежду, позу. Таким образом, иллюстрируя предание, автор росписи створок представил Дионисия пишущим портрет Кирилла с него самого, с натуры. Надпись вверху композиции, поясняющая эту сцену, не оставляет сомнения, что именно таково ее содержание. В надписи значится: «преподобный: Деонис[ий] напис[аша?] святого кирила зря на святого» (титла раскрыты).

Был ли автором образа, находившегося в киоте, Дионисий Глушицкий, писал ли Дионисий этот образ с самого Кирилла, говорило ли предание о том, что художник исполнил образ, «зря на святого», или так представлял себе работу Дионисия автор росписи створок — как бы то ни было, изображение на дверце киота свидетельствует о том, что древнерусскому живописцу была знакома работа «с натуры» и те или иные портретные изображения он писал, «смотря» на того, кого изображал.

Итак, в приведенных рассказах художник, создавая или предполагая создать произведение, обращается за помощью к жизни. В одном случае он разыскивает надежного свидетеля, чтобы получить достоверные сведения о человеке, которого должен изобразить. Во втором — делает рисунок с натуры, подготовляя материал для живописного произведения, и по этому рисунку уже другой мастер пишет портретный образ. В третьем случае живописец пишет портрет с самой модели непосредственно. Об этих случаях рассказано так, как говорится о том, что является обычным в жизни: они встречались, вероятно, в практике многих мастеров.

Творческий метод художника-живописца в основе своей не мог быть совершенно иным, чем творческий метод современного ему писателя, искусство которого также было подчинено стойкой традиции, установившимся канонам, также повторяло сложившиеся образы, сюжетные ситуации, композиционные приемы и вместе с тем также считало своей задачей правдивое изображение действительности. Устойчивость традиции, быть может, сильнее всего проявилась в жанре биографических произведений — светских и церковных житиях, в какой-то мере сопоставимых с иконными портретами в живописи. Но постоянное использование готовых элементов содержания и формы и здесь не вступало в противоречие со стремлением к жизненной правде (как она понималась), с разысканиями достоверных фактов. В произведениях агиографической литературы можно встретить

указания писателя, что, собирая материал для своего труда, он разыскивал и расспрашивал надежных очевидцев, справлялся в летописях, грамотах и иных документах или описывал то, чему лично был свидетелем. Автор повести о «мужестве и житии» Александра Невского объяснял причину, побудившую его взяться за перо, тем, что сам был очевидцем жизни князя и слышал о нем от людей старших летами: «И начинаю писати. . . понеже слышах от отец своих и самовидец есть возрасту его». Рассказывая о Невской битве и подвиге шести «мужей храбрых», автор удостоверяет истинность рассказа ссылкой: «сия же вся слышав от господина своего князя Александра и от иных же в то время обретошася в той же сече». Описывая Ледовое побоище, он снова подкрепляет рассказ указанием: «се же слышав от самовидца». Елифаний, прозванный Премудрым, в нескольких сделанных им замечаниях рассказал, как работал он над житием Сергия Радонежского, которого знал лично и с которым прожил в монастыре много лет. Вскоре после смерти Сергия Елифаний начал записывать для себя события его жизни «запаса ради и памяти ради». Он вел заметки «не по ряду, но передняя позади, а задняя напереди», вспоминая то, что видел сам, расспрашивая брата Сергия, келейника Сергия и других, знавших жизнь святого. Много лет спустя писатель решил обработать эти записи живых воспоминаний и использовал их для обширной биографии Сергия. Ссылки на «свидетелей известных», «достоверных муж», «самовидцев», у которых автор «изысках» «достовернейшее», встречаются у древнерусских агиографов постоянно. «Самовидцы» деятельности выдающегося лица нередко сами испытывали потребность записать виденное и слышанное, чтобы сохранить от забвения проходившую перед ними жизнь или поразившее их событие. Такие записи, сделанные иногда под свежим впечатлением, как бы с натуры, не раз служили древнерусскому писателю в качестве одного из важных источников, и он использовал «памяти» современников подчас так, как они были написаны, мало меняя их безыскусный слог.

Когда древнерусский живописец, подобно Симеону Соколу, расспрашивал «самовидца», чтобы получить материал для работы, когда, подобно Игнатию, делал рисунок с натуры, подготавливая материал для живописного произведения, и, подобно другому мастеру, исполнял по такому рисунку портретное изображение или когда, подобно Дионисию Глушицкому, писал портретное изображение, смотря на модель, — он, живописец, работал так же, как работал современный ему писатель.

Творчество художника древней Руси не «боялось» и не «чуждалось» действительности и не «отвращалось» от нее. Неверно, что живопись «не знала человека и не догадывалась о необходимости изучать его внешние формы с натуры».¹⁷ Несомненно, однако, что непосредственное наблюдение действительности и изучение ее играли в творчестве древнерусского художника несравнимо меньшую роль, чем в творчестве художника нового времени, и много большее значение имела художественная традиция, хотя бесспорным представляется и то, что отдельные элементы традиции основывались на наблюдениях природы и исправлялись ими. Творчество художника древней Руси отражало еще очень малый круг жизненных явлений: знание действительности было в его время крайне ограниченным, примитивным. Однако это — уже особая тема.

¹⁷ Ф. И. Буслаев, Сочинения, т. I, стр. 23

М. В. АЛПАТОВ

Икона «Сретения» из иконостаса Троицкого собора
Троице-Сергиевой лавры

(К изучению художественного образа в древнерусской живописи)

Историки культуры привлекают в древнерусской живописи преимущественно изображения исторических событий, портреты исторических деятелей и бытовые мотивы. Между тем древнерусская живопись периода ее расцвета такими изображениями весьма небогата. Большинство древнерусских икон и фресок XIV—XV вв. написано на религиозно-церковные темы. Поскольку эти традиционные темы непосредственно не связаны с жизнью того времени, историки культуры уделяют им мало внимания. При этом забывается тот общеизвестный факт, что в средневековой культуре представления людей о мире и о жизни, нередко даже и освободительные идеи эпохи облекались обычно в религиозно-церковную форму. Впрочем, для того чтобы уяснить себе и оценить по достоинству философские, нравственные и эстетические понятия, заключенные в древнерусских памятниках живописи, недостаточно рассмотрения их иконографических признаков или формальных приемов выполнения. Для этого необходимо вникнуть во внутренний строй художественного мышления древней Руси. Икона «Сретение» из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, произведение Московской школы начала XV в., созданное в ближайшем окружении Андрея Рублева, дает очень много для понимания природы живописного творчества древней Руси.¹

Пятьдесят лет тому назад, говоря об изображении Сретения во фресках Нередицы, представитель иконографической школы Н. В. Покровский утверждал: «... ни в иконографическом типе, ни в стиле нет признаков русской оригинальности, ее мы знаем вообще в этом сюжете только в XVI веке».² Правда, Н. В. Покровскому в то время были неизвестны лучшие шедевры древнерусской живописи, открытые лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Но если бы даже они были ему известны, он в качестве представителя иконографической школы, к которой примыкали и Н. П. Кондаков, и Габриэль Миллэ, вряд ли заметил бы в них «признаки оригинальности», так как в русской иконописи этого времени в изображениях евангельских праздников, в частности Сретения, не встречается существенных отступлений от изобразительных, иконографических типов, выработанных в Византии и с тех пор ставших каноническими образцами. Действительно Н. В. Покровский признавал

¹ Вопросу об иконах иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры посвящена кандидатская диссертация Ю. А. Лебедевой «Андрей Рублев» (1945 г.).

² Н. В. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских — Труды VIII археологического съезда, СПб., 1892

оригинальность только в русских изображениях Сретения XVI в., в которых к традиционным фигурам добавлены взывающие к спасителю из ада праведники, падающие идола, намекающие на предсказанное Симеоном падение Израиля, и т. д.

Недавно американский искусствовед Дороти Шорр посвятила теме Сретения обстоятельное иконографическое исследование.³ Она обнаружила в нем большую осведомленность в искусстве и литературе Византии и средневекового Запада (непростительно только полное игнорирование памятников древнерусских). Различие между Сретениями в раннесредневековом искусстве Востока и Запада автор возводит к различию между характером православных и католических празднеств, приуроченных к этому дню. Для объяснения характера изображений Сретения в искусстве им широко привлекаются апокрифы и другие тексты. Что же касается самого творчества средневековых мастеров, то раскрытие его подменяется классификацией обширного материала по чисто внешним признакам. Все многочисленные, известные автору изображения Сретения разбиты им на группы соответственно различному положению младенца: в одних он находится на руках у Марии, в других — у Симеона, в третьих — на алтаре, в четвертых — старец передает его обратно матери и т. п. При этом вне поля зрения автора остается тот человеческий смысл, который вкладывали в свои изображения средневековые мастера, те художественные достижения, которые заключены в ряде их лучших произведений. Работа американского искусствоведа может служить наглядным примером того, как беспомощна и бесплодна эрудиция историка и его способность коллекционировать факты, если он не в состоянии скрепить добытые сведения общим, уясняющим смысл изучаемых явлений выводом.

Большинство изображений Сретения в средневековой живописи представляет собой довольно точные иллюстрации канонического текста Евангелия от Луки (II, 22—39). Мария с младенцем на руках в сопровождении Иосифа, держащего в руках двух жертвенных птиц, приходит в храм для свершения обряда. Здесь ее встречает старец Симеон, который узнает в младенце спасителя Израиля и предрекает его будущее. Тут же присутствует и восьмидесятилетняя пророчица Анна, которая также прославляет младенца.

Эта сюжетная канва, лежащая в основе большинства изображений Сретения, была обогащена рядом дополнительных мотивов. Так, например, в апокрифическом евангелии псевдо-Матфея отмечается, что Иосиф привел младенца к храму («duxit infantem ad templum»), что Симеон взял младенца в свой плащ («in pallum suum»).⁴ В 7-м кондаке Акафиста боготери говорится о том, что Симеон «был изумлен» «неизреченной премудростью» Христа и «воскликнул Аллилуя». ⁵ Отражения этих мотивов встречаются в средневековой иконографии. Но это вовсе не значит, что каждую новую черту, которую можно обнаружить в изображениях Сретения, необходимо «возводить» к тому или иному литературному источнику, которому следовал художник.⁶

В начале XV в., когда в русской живописи стали появляться замечательные изображения Сретения, этой теме посвятил одну из своих про-

³ Dorothy C. Shorr. The Iconographic Development of the Presentation in the Temple. — The Art Bulletin, 1946, Marsh, стр. 17.

⁴ Evangelia Apocryphica, ed. C. Tischendorf. Leipzig, 1853, стр. 77.

⁵ Прибавления к творениям св. отец, 1855, IX, стр. 147.

⁶ Этот принцип объяснения памятников искусства последовательно проводится в исследовании Г. Милла (G. Millet. Recherches sur l'icônographie de l'évangile au XIV-e, XV-e, et XVI-e siècles d'après les monuments de Mistra, de la Macédoine et du Mont Athos. Paris, 1916).

поведей митрополит Фотий.⁷ «Слово на Сретение» написано им тем напыщенно-патетическим слогом, которым широко пользовались византийские писатели того времени. Оно изобилует цитатами, риторическими вопрошаниями, возгласами и назиданиями. Но к каноническому евангельскому повествованию о Сретении проповедник не прибавляет ни одной живой черты.⁸ Весь смысл его «Слова» — прославление праздника, похвала младенцу Иисусу и Симеону, призыв к священникам быть подобными мудрому старцу.

Сопоставляя этот возникший на русской почве памятник византийского красноречия с современными ему произведениями русских живописцев на ту же тему, начинаешь видеть, какой самостоятельностью в истолковании традиционного сюжета отличались наши иконописцы. Именно им удалось проникновенно «прочитать» канонический текст и раскрыть глубоко человеческий смысл легенды.

Само собой разумеется, что и у нас на протяжении XIV—XV вв. создано было немало изображений Сретения, которые ни в чем существенно не отступают от традиционного византийского типа, укоренившегося в иконографии христианского Востока, начиная с Ватиканского Менология XI в.⁹ Так, например, в иконе «Сретение» XV—XVI вв. (из иконостаса церкви Спаса Нередицы, ныне в Новгородском музее) можно видеть четыре традиционных фигуры в обычном расположении: Иосифа с двумя голубками, Марию с протянутыми руками, Симеона с младенцем на руках и пророчицу Анну с поднятой десницей. Группу увенчивает киворий над алтарем, означающий, что действие происходит в храме.

Нечто совсем иное можно заметить в «Сретении» иконостаса Благовещенского собора московского Кремля, созданного Феофаном Греком, Пророком с Городца и Андреем Рублевым. Правда, и здесь присутствуют те же действующие лица. Но пророчица Анна поставлена в одном ряду между Иосифом и Марией. Симеон, перегнувшись, протягивает руки к младенцу в руках у Марии.¹⁰ Нарушив традиционную симметрию, мастер Благовещенского собора изменил смысл представленной сцены. Сретение у него — это не встреча направляющихся с разных сторон к центру фигур, а торжественное шествие, движущееся по направлению к храму.¹¹ Для того чтобы подчеркнуть этот характер шествия, мастер следует принципу античного равноголовия. Чтобы не нарушить равноголовия, он сильно наклонил фигуру Симеона. Движение фигур подчеркивается тем, что край хитона Анны, как шлейф, волочится за ней по земле.

Сопоставление обоих примеров говорит о том, что, придерживаясь выработанной веками сюжетной канвы, древнерусские иконописцы

⁷ Православный собеседник, 1860, август, стр. 457 и сл.

⁸ Антоний. Из истории христианской проповеди. СПб., 1895, стр. 345: «Такими же общими местами, к предмету непосредственно не относящимися и притом почти ничего не говорящими ни сердцу, ни уму слушателей, наполнена большая часть слова». Единственная черта, подчеркнутая Фотием, характерная и для византийской живописи этого времени, — это то, что Симеон «своими руками своего создателя понес» «и таа Симеон осязати возможе».

⁹ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, II. М., 1947, табл. 72а. Ср. также Сретение евангелия Ивируна № 1 на Афоне (Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin. Paris, 1916, стр. 224).

¹⁰ Подобный тип композиции в русской живописи больше не встречается. Но он представлен еще во фресках Пантанассы в Мистре (G. Millet. Monuments byzantins de Mistra, II, 1910, табл. 140; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, II, табл. 339). Это делает вероятным предположение, что в замысле Сретения Благовещенского собора непосредственное участие принимал Феофан Грек.

¹¹ С этим мотивом важно связывать слова из «Слова» Фотия: «и всегда праздничными шествует путями».

в истолковании традиционных иконографических типов пользовались значительной творческой свободой.

Икона «Сретение» (из бывшего собр. Остроухова, ныне в Третьяковской галерее) в основном примыкает к широко распространенному иконографическому типу.¹² Но в этой иконе сильнее, чем обычно, подчеркнуто, что старец Симеон благоговейно нагнулся, и соответственно этому сильнее склонилась Мария. В результате возникает почти зеркальное тождество силуэтов главных фигур. Благодаря этому Сретение выглядит как поклонение святыне двух фигур. Евангельский сюжет переработан в духе традиционного поклонения ангелов кресту или не менее традиционного в XV в. деисуса.¹³ Нет нужды усматривать в этом парафраза древнеславянского поклонения священному дереву. Однако нельзя забывать, что еще в XIX в. поклонение дереву постоянно встречается в геральдических композициях шитых полотенец Северного края, откуда, видимо, происходит и остроуховское «Сретение».¹⁴

Если сравнить остроуховскую икону со «Сретением» из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, можно подумать, что оба мастера следовали одному подлиннику. (Не исключена возможность, что и на самом деле они пользовались сходными, почти идентичными «переводами». Утверждать это трудно лишь потому, что творческие приемы древнерусских иконописцев до сих пор мало изучены¹⁵). Во всяком случае, если наложить прорись одного Сретения на другое, они совпадут во многих точках. Главные расхождения касаются фигуры Марии. С первого взгляда эти расхождения незначительны. Литературоведы сказали бы, что это «разночтения» одного текста. Художник всего лишь срезал слева край спины Марии. Впрочем, этого оказалось достаточно для того, чтобы решительно изменился ее характер и вместе с тем изменился и смысл всей сцены. Перед нашим глазами шедевр, на котором лежит отблеск гения Рублева¹⁶

Мария слегка наклоняет голову и протягивает руки, выражая этим свою покорность. Но стройная фигура ее, как колонна, вытянута, в ней чувствуется и негибкая твердость и торжественность. Этим вносится в обрядовую сцену нотка человеческого переживания. Хотя язык средневекового иконописца сжатый, как в народной поэзии, он сумел сделать образ женщины более многогранным и глубоким.

Отступления от канона изменили и соотношение между участниками сцены. В остроуховском «Сретении» и Мария и Симеон равнозначны, как равнозначны «предстоящие», стоящие по бокам от Христа в деисусе. В «Сретении» Благовещенского собора равнозначны все три фигуры, составляющие процессию, которая движется по направлению к алтарю.

¹² Цветное воспроизведение: Русская икона, II, СПб., 1914, стр. 115.

¹³ Воспроизведение иконы «Поклонение кресту»: O. Wulff—M. Alpatoff *Denkmaler der Ikonenmalerei* Dresden, 1926, рис 30; История русского искусства, т. II, М., 1954, стр. 113.

¹⁴ Л. Динцес. Древние черты в русском народном искусстве. — В кн.: История культуры древней Руси, II. М.—Л., 1951, стр. 465 и сл.

¹⁵ В. Н. Лазарев о методе работы в Рублевской мастерской. — Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ, I. М., 1946, стр. 60. Автор предлагает сравнительное изучение праздничных икон Благовещенского, Успенского и Троицкого соборов. Однако приведенные им два варианта «Крещения» не дают оснований для каких-либо выводов. В. Н. Лазарев отмечает в них лишь «новый эмоциональный оттенок» и «новое художественное обличье».

¹⁶ «Сретение» из иконостаса Успенского собора во Владимире в Русском музее по композиции очень близко к «Сретению» Троицкого собора (См.: Ю. Н. Дмитриев. Государственный Русский музей. Путеводитель Древнерусское искусство Л, 1940, стр. 45)

Теперь изящная, чуть хрупкая фигура Марии приобрела исключительное значение: она стала едва ли не главным действующим лицом. Троицкое «Сретение» — это поэма о женщине, которая совершает обряд и вместе с тем живет той богатой внутренней жизнью, которую так лаконично сумел передать Рублев в ангелах своей «Троицы». В связи с этим небольшое по размеру произведение, составляющее всего лишь одно из звеньев обширного иконостаса, приобретает значение драгоценного свидетельства того, что мастера Московской школы последовательно перетолковывали традиционные иконографические типы соответственно философско-моральным и эстетическим нормам, выработанным Рублевым.

Западные художники того времени также стремились выразить в фигуре Марии, вступающей в храм, ее материнские чувства. Согласно их пониманию, Сретение — это не только торжественное принесение младенца в храм, но и вместе с тем очищение Марии после родов, на что намекает пламя, чудесно вспыхнувшее на алтаре, да белые голуби в руках Иосифа. Одни мастера, чтобы усилить момент чувствительности, заставляли Марию падать на колени перед алтарем. Другие в своем стремлении раскрыть в словах Симеона намек на грядущие голгофские страсти аллегорически передавали переживания Марии при помощи меча, направленного к ее сердцу.¹⁷ Троицкий мастер избежал повествовательного многословия и аллегорического глубокомыслия. В самом образе задумчивой и сосредоточенной Марии он дал почувствовать то, что в ней вызвали слова Симеона: «И тебе самой... душу пройдет оружие». Это состояние Марии не исключает того, что в ее фигуре сквозит сознание собственного достоинства, в наклоне ее головы все же чувствуется покорность.

С изменением характера фигуры Марии изменилось и соотношение между участниками сцены. По контрасту к Марии сильнее подчеркнут и бросается в глаза наклон Симеона, как выражение его почтительности. Он высится над Марией и Иосифом, но, наперекор этому своему положению наверху, полон ласки по отношению к миниатюрному, как игрушка, младенцу, готовности признать над собой его нравственный авторитет.

Различен в обеих иконах и характер архитектуры. В остроуховской иконе здания, как и фигуры, расположены строго симметрично. Раздробленные, довольно плоскостные, они всего лишь заполняют фон. Напротив, в троицкой иконе архитектура благодаря своей трехмерности в большей степени выявляет место действия и делает более ощутимым происходящее действие. Здание за Иосифом, наиболее тяжелое и весомое из всех построек, соответствует его облику. Пролет обрамляет и сковывает его и без того мало подвижную фигуру. Арка кивория, опирающегося колонками на нимбы Марии и Симеона, связывает обе фигуры, подчеркивает наклон их голов. Наконец, упирающееся в верхний край иконы ступенчатое сооружение, вместе со ступенями под ногами Симеона, дает ощущение того восхождения, которое людям приходится совершать при вступлении во святая святых храма. Это сооружение раздвигает рамки изображения и вносит в него элемент беспредельности. Вместе с тем по контрасту к этому взлету сильнее чувствуется наклон в фигуре Симеона.

В соответствии с настроением праздничности вся поверхность остроуховской иконы оживлена яркими, звонкими красками. Киноварь, желтая, охра, прусская синяя, зеленая — все эти краски пестро перебивают друг друга, дробят форму. Недаром и части одного и того же здания раскрашены в разные цвета, и из-за этого как бы распадаются. В соответствии с общим замыслом троицкой иконы и красочные соотношения ее более

¹⁷ Dorothy S. Shorr. The Iconographic Development..., рис. 25.

целостны и упорядочены. В отличие от остроуховского «Сретения», в котором мафорий Марии насыщенностью тона не сильно превосходит плащ Симеона, в троицкой иконе Мария в темно-вишневом мафории резко выделяется своим силуэтом. Ради выделения Марии все остальные краски троицкого «Сретения» более светлы и подчиняются световой градации. В отличие от симметрического распределения световых пятен в остроуховской иконе, в троицкой ее левая и правая части и в цветовом отношении неоднородны. «Земные фигуры» входящих в храм Марии и Иосифа более плотны по цвету и более тяжеловесны, тогда как находящиеся в храме и стоящие на верху ступенчатого подножия Симеон и Анна более легки и воздушны. Общее красочное впечатление троицкой иконы более мягко и гармонично. Самое сочетание серебристо-сиреневых и серебристо-зеленых тонов более нежно, чем сопоставление звонкой киновари и холодно-синей в остроуховской иконе. Если в остроуховском «Сретении» подчеркнуты резкие, угловатые контуры, то в троицком, соответственно общему гармоническому колориту, контуры более мягкие, закругленные и плавные.

В остроуховском «Сретении» Мария — это полная, важная матрона, самая грузная из всех четырех фигур. Напротив, в троицком она стройная, хрупкая дева, и это придает «Сретению» известное сходство с иконами «Введения во храм», в которых Мария изображается девочкой, вступающей в храм и робеющей при виде того, как первосвященник оказывает ей высокий почет и ведет ее прямо в святая святых. Близость этих двух праздников нельзя считать беспочвенным домyslom. В доказательство правомочности подобного сближения можно привести икону «Введение во храм» XIV в. (из села Кривого, ныне в Русском музее в Ленинграде), в которой помимо Иоакима и Анны бесхитростный мастер изобразил и Иосифа.¹⁸ Можно с другой стороны привести и новгородскую икону начала XV в., так называемую «Четырехчастную» (там же), в которой пророчица Анна превращена в Анну, мать Марии, и соответственно этому рядом с ней поставлен и отец Марии Иоаким.¹⁹ Новгородский мастер внешними мотивами выдал то, что при изображении «Сретения» он вспоминал о «Введении». Московский мастер более тонко, поэтически дал почувствовать эту же мысль в самой композиции, в характере фигуры Марии.

Для того чтобы оценить художественное значение такого шедевра, как троицкое «Сретение», необходимо остановиться на том, как решалась та же тема в средневековом искусстве других стран.

Близость древнерусских памятников к византийским не подлежит сомнению и бросается в глаза с первого взгляда. Однако в мозаической иконе флорентинского собора XIV в. в качестве главного действующего лица выступает не Мария, а Симеон. Это может напомнить основной замысел проповеди Фотия.²⁰ Симеон стремительно идет навстречу Марии, его фигура с развевающимся плащом пугает младенца своей патетикой. Он подавляет все остальные фигуры. В эрмитажной византийской иконе «Сретение» больше драматизма, чем в русских иконах на эту тему. Но в ней нет сдержанной внутренней силы и глубины чувства, которой отличаются русские

¹⁸ O. Wulff—M. Alpatoff. *Denkmäler der Ikonenmalerei*, рис. 35; А. И. Невский. Древнерусское изобразительное искусство. М.—Л., 1937, рис. 107; История русского искусства, II, стр. 120.

¹⁹ O. Wulff—M. Alpatoff. *Denkmäler der Ikonenmalerei*, рис. 69; В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, табл. 94; История русского искусства, II, стр. 223.

²⁰ Д. В. Айналов. Византийская живопись XIV в. Пгр., 1917, табл. VIII—IX; O. Wulff—M. Alpatoff. *Denkmäler der Ikonenmalerei*, рис. 41—42; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, II, табл. 301—302.

работы.²¹ В одной позднегреческой иконе «Сретения» Мария вовсе отвернулась от младенца.²²

Еще более глубокие расхождения в толковании этой темы между средневековым искусством Запада и искусством древней Руси выступают, если сравнить троицкую икону с алтарным образом кельнского мастера Стефана Лохнера 1447 г. (Дармштадт, Музей). Разница не в одном том, что в работе немецкого художника тема встречи подменена темой поклонения младенцу, подобной поклонению агнцу на знаменитом гентском алтаре братьев ван Эйков. Сам младенец водружен немецким мастером на алтарь, Мария падает перед ним на колени, люди собрались вокруг алтаря и воздают ему хвалу. Вместе с тем традиционный образ осложнен множеством бытовых подробностей: Симеон стал безбородым католическим священником, рядом с Марией стоит с дарами в руках рыцарь ордена св. Екатерины, впереди собрался хор малышей со свечами в руках (Н. В. Покровский справедливо замечает по поводу одной французской миниатюры этого времени: «Симеон и Иосиф более похожи на французских буржуа, чем на ветхозаветных праведников»)²³. Вместе с тем для того, чтобы ослабить снижающее воздействие бытовых подробностей, Лохнер позаботился о том, чтобы всю сцену осеняла фигура Саваофа, чтобы множество ангелов стремительно неслось с неба на землю. Столкновение двух различных миров лишило образ немецкого мастера цельности и простоты и, в сущности, помешало ему сосредоточить внимание на человеке как на главной действующей силе.

Ближе к древнерусскому пониманию Сретения итальянская живопись Возрождения, в частности картина Мантенья с ее величавыми и торжественными фигурами на фоне античной архитектуры (хотя называется эта картина «Обозрение», а не «Сретение»). Классическое величие, как результат воздействия Италии, дает о себе знать и в картине нидерландского мастера Рогира ван дер Вейдена (Мюнхен, Старая Пинакотека), хотя действие происходит у него под сводами средневекового собора. Спокойная фигура Марии в сопровождении служанки отличается важной осанкой. Священник бережно принимает из рук Марии голенькое тельце младенца. В момент передачи Христа первосвященнику Мария приобретает почти героическое величие.

В стремлении мастеров XV в. «поднять» образ Марии следует видеть проявление побеждавшего тогда в Западной Европе гуманизма, который спирался на традиции античности. Особенно это заметно в Италии. Впрочем античность — это понятие очень широкое: есть античность римская, и есть античность эллинская. Именно к римской античности были направлены главные стремления западноевропейских мастеров того времени. Нужно вспомнить рельефы римского Алтаря мира, изображающие церемонию на Капитолии, чтобы составить себе представление о том, на какие традиции опирались Мантенья и его современники. Прозаическая четкость передачи форм и сдержанная представительность — вот что отличает эту римскую процессию от обобщенной мягкости форм и музыкальности ритма, характерной для греческой классики.²⁴

²¹ Н. П. Лихачев. Материалы по истории русского иконописания, I СПб, 1906, рис. 37.

²² Н. Петров. Альбом музея Духовной академии, в. I. Киев, 1912, стр. 15.

²³ Н. В. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии СПб, 1892.

²⁴ Об эллинской традиции в средневековом искусстве см.: W. Worringer. Griechentum und Gotik. Munchen, 1928. О различии между эллинским и римским наследием см. L. Curtius. Der Geist der romischen Kunst. Antike, 1928, стр. 187—213.

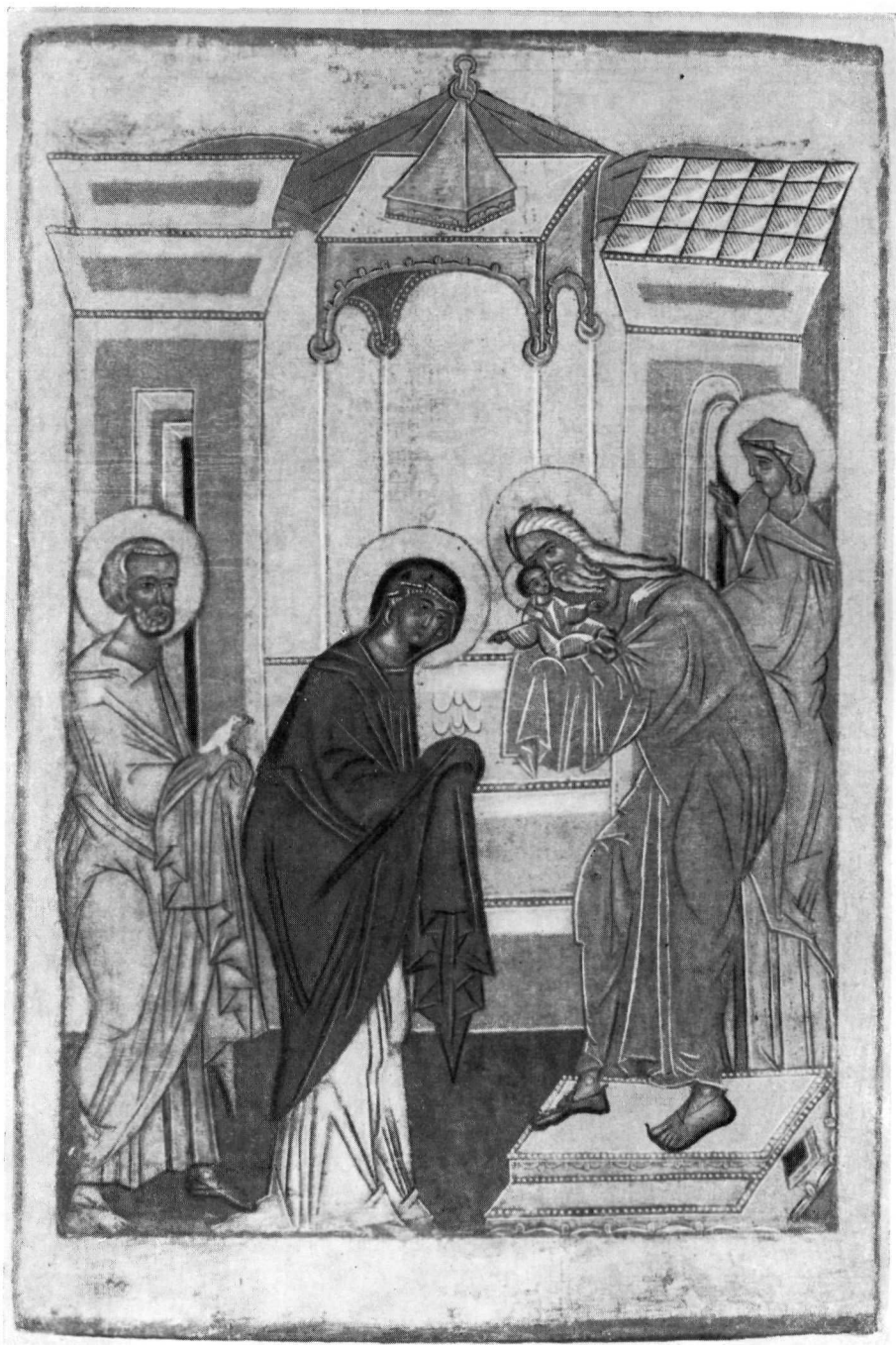
Чтобы оценить расхождение между традициями древнего Рима и Эллады, нужно вспомнить произведение вроде знаменитого рельефа с Орфеем, Гермесом и Эвридикой, который историки греческого искусства связывают с именем великого греческого живописца V в. Полигнота. В нем представлено не столько определенное мгновение, сколько длительное состояние, в нем меньше, чем в римском рельефе, подробностей, но больше понимания целого, меньше прозаической зоркости, но больше музыкального чутья, и потому взаимоотношения между людьми выявлены во всем их многообразии. Словно подчиняясь разлучнику Гермесу, Эвридика склоняет голову, но вместе с тем ее фигура вместе с фигурой ее супруга Орфея образует замкнутую группу, их руки сплелись узлом, и в этом выражена их внутренняя близость. В фигуре Эвридики чувствуется и задумчивость, и порыв, и твердость, и колебания. Эти оттенки переживаний придают ее образу многогранность.²⁵

При всем различии сюжета и характера форм греческого рельефа и древнерусской иконы, в троицком «Сретении» ясно выражены основные принципы античной композиции. В сущности, и здесь все внимание сосредоточено не на внешних обстоятельствах происшествия, а на внутренних состояниях участников сцены. Мария, как и Эвридика, является центральной фигурой и отделена от других, но по своей осанке и по цвету одежды близка к Иосифу. Можно догадаться, что она пришла вместе с ним. Но, в отличие от Иосифа, она склоняет голову, как и Симеон, и составляет с ним одно целое. Образу Марии соответствует женственный образ выглядывающей из-за Симеона Анны, которая вместе с Иосифом обрамляет группу. Для того чтобы эти соответствия прозвучали как своеобразный диалог, необходимо было отказаться от частных: в этом оправдание силуэтности русской иконописи, напоминающей силуэтность греческой живописи эпохи классицизма. Правда, в русских иконах XV в., в частности в троицком «Сретении», фигуры менее пластичны и осязательны, человек еще не вышел в то время из-под власти трансцендентного. И все же примечательно, что наши мастера пользовались сходными композиционными формами, как и современники Полигнота. Недаром рельеф Орфей и Эвридика имеет много общего и с «Троицей» Рублева, в которой тоже мало внешнего действия и повествовательности, зато выпукло обрисовано состояние трех юношей, объединенных дружеской беседой.

²⁵ О рельефе Орфей, Гермес и Эвридика см.: L. Curtius. Interpretation von sechs griechischen Bildwerken. Berlin, 1947, стр. 84 и сл.

Икона «Сретенье» Троице-Сергиева монастыря, XIV в.

Икона «Сретенье» XV в. ГТГ.

М. К. КАРГЕР

К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде

Значение Новгородской третьей летописи для изучения истории новгородского зодчества и монументальной живописи общеизвестно. В ней подробнее, чем в других более древних новгородских летописях, освещено интенсивное строительство каменных и деревянных храмов в Новгороде на протяжении семи столетий — с XI по XVII в. Особый интерес НЗЛ заключается, однако, в том, что составитель ее, работавший в конце XVII в., несомненно, пользовался какими-то источниками, которыми не располагали составители более древних новгородских летописей. Именно к этим источникам восходят интереснейшие сообщения НЗЛ о деятельности двух выдающихся мастеров новгородского искусства — зодчего Петра, выстроившего в начале XII в. Георгиевский собор Юрьева монастыря, и византийского художника Феофана Грека, расписавшего в 1378 г. церковь Спаса на Ильине улице. Известия о деятельности обоих названных мастеров читаются только в НЗЛ и в других новгородских летописях не встречаются.

Несмотря на то что обе летописные записи с давних пор используются исследователями новгородского искусства в качестве источника для характеристики творческой биографии названных выдающихся мастеров, сами записи никогда не подвергались сколько-нибудь серьезному источниковедческому анализу.

Приведем полный текст первой записи: «В лето 6627. Великий князь Всеволод Мстиславич заложил церковь каменную в Великом Новгороде, и игумен Кириак, от града за три поприща во имя всятаго великомученика Георгия, и сотвориша монастырь велий и братию собраша; и соверши великий князь Всеволод Мстиславич, и освятиша в лето 6648 иуния в 29 день, на память святых апостол Петра и Павла; а мастер трудился Петр».¹

Необходимо подчеркнуть, что в столь развернутом виде известие о закладке, окончании и освящении Георгиевского собора сохранилось только в составе НЗЛ. Во всех прочих новгородских летописях — Н1Л, Н2Л, Н4Л, Н5Л, а также в Летописи Аврамки, в Тверской и Никоновской летописях под 1119 г. имеется лишь весьма краткое известие о закладке князем Всеволодом и игуменом Кириаком каменной церкви в новгородском монастыре Георгия. Ни известия об окончании и освящении храма, ни упоминания имени мастера в этих летописях нет.

Присматриваясь к тексту записи, нельзя не обратить внимания на явный анахронизм в ее содержании. После сведения о закладке собора

¹ НЗЛ под 6627 (1119) г. — Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 188—189. (Все дальнейшие ссылки по этому изданию).

в 1119 г., подтверждаемого и всеми другими летописями, в НЗЛ следует рассказ об окончании постройки и освящении собора 29 июня 1140 г. По тексту летописи — «и соверши великий князь Всеволод Мстиславичь и освятиша в лето 6648 иуниа в 29 день» — надо заключить, что собор был окончен князем Всеволодом Мстиславичем и освящен в 1140 г. Соединение известий об окончании и освящении следует, очевидно, понимать так, что одно произошло вслед за другим или во всяком случае без какого-либо более или менее длительного перерыва. Однако нельзя не вспомнить, что князь Всеволод, взятый под стражу во время известного восстания 1136 г. и вскоре после этого изгнанный из Новгорода, в 1137 г. умер во Пскове и, следовательно, никак не мог ни заканчивать постройку собора, ни интересоваться освящением его в 1140 г., т. е. спустя три года после своей смерти.

Неменьший интерес представляет летописная запись под 6886 (1378) г. о росписи Феофаном Греком церкви Спаса на Ильине: «Того же лета подписаша церковь господа нашего Исуса Христа, на Ильине улицы, повелением благороднаго и боголюбиваго боярина Василиа Даниловича и со уличаны Ильины улицы, а подписывал мастер Греченин Феофан, при великомъ князе Дмитрие Ивановиче и при архиепископе Алексии Великаго Новагорода и Пскова».²

Ни в одной из более древних новгородских летописей записи об исполнении росписи церкви Спаса нет.

Встает естественный вопрос: где автор НЗЛ, работавший в XVII в., черпал известия о мастерах, строивших и расписывавших новгородские храмы в XII—XIV вв. Своеобразный характер обеих упомянутых записей НЗЛ позволяет высказать некоторые догадки по этому весьма существенному вопросу.

Обеим записям присущи некоторые черты, которые отличают их от многочисленных других летописных известий о постройках или украшении новгородских храмов. Особенно выразительна в этом отношении запись 1378 г. Она состоит из подробного перечисления лиц, «повелением» которых украшен храм, причем главный ктитор назван не просто Василием Даниловичем, как это обычно для многочисленных записей в новгородских летописях, а «благородным, боголюбивым боярином Василием Даниловичем»; запись упоминает «великого князя Дмитрия Ивановича» и «архиепископа Алексея Великаго Новагорода и Пскова», при которых произошло «подписание» церкви; сама церковь названа не в обычной для новгородских летописей крайне лапидарной манере, «святого Спаса», или «святую Богородицу», или «святого Георгия», а весьма распространено: «подписаха церковь господа нашего Исуса Христа на Ильины улицы»; и, наконец, вслед за перечислением ктиторов в записи добавлено: «а подписывал мастер Греченин Феофан».

Своеобразная формула записи 1378 г. и архаизм ее языка приводит нас к выводу, что составитель НЗЛ, работавший во второй половине XVII в., перенес в свой труд ктиторскую надпись, существовавшую в то время на стене церкви Спаса. Что такого рода ктиторские надписи с упоминанием имени мастера действительно существовали в новгородских храмах этой поры доказывают две надписи в церкви Спаса на Ковалева, сохранившиеся до разрушения памятника в 1941 г. Первая из них, находившаяся на западной стене церкви, над порталом гласила: «В лето 6888 потъписанъ бысть храмъ господа бога спаса нашего Исуса Христа, а при князи великомъ Дмитрии Ивановиче и при въсоесвященномъ архиепискупе ново-

² НЗЛ под 6886 (1378) г.

градьскомъ Алексеи, а повелениемъ раба божья Офанасия Степановича и подружи его Марии, а съвръшисо месяца августа» (текст дан с упрощением написания).

Неменьший интерес представляла, несмотря на крайнюю фрагментарность, вторая надпись в этом же храме, находившаяся над дверью в западном притворе храма.³ Сохранились лишь последние буквы трех первых строк надписи:

..... нашему г[оспод]у
..... нъ
..... писа.

Не может быть сомнений в том, что эта вторая, более краткая надпись сообщала о расписавшем храм мастере, от имени, а вероятнее от прозвища которого история сохранила лишь буквы «нъ». Обе надписи в церкви Спаса на Ковалеве, представляя по содержанию одно целое, почти дословно (по своей формуле) повторяют запись о «подписании» церкви Спаса на Ильине.

Вернемся к записи о мастере Петре. Запись о постройке церкви Георгия не имеет столь ярко выраженных черт, присущих ктиторским надписям, как запись 1378 г., однако несмотря на то, что она, по-видимому, менее точно передает содержание и особенно форму старой надписи, существовавшей в XVII в. на стене Георгиевского собора, несомненно именно отсюда происходит интересующая нас концовка записи — «а мастер трудился Петр».

Приведенные выше соображения по поводу летописной записи о работе Феофана Грека в 1378 г., представляющей, на наш взгляд, полное и совершенно точное повторение ктиторской надписи, существовавшей в XVII в. на стене церкви Спаса на Ильине, подтвердились сопоставлением с сохранившейся до наших дней аналогичной надписью в церкви Спаса на Ковалеве. Догадку о том, что летописная запись о мастере Петре также восходит к не дошедшей до нас надписи, удалось подтвердить не только аналогиями. Еще Н. М. Карамзин не только знал о существовании в Георгиевском соборе надписи о работе мастера Петра, но и опубликовал, по-видимому с достаточной степенью точности, ее текст. Надпись гласила: «Лета 6627 заложил церковь каменну Князь Великий Мстислав святаго Георгия в монастыре Юрьеве, а совершил его Великий князь Всеволод, сын Мстиславичъ Гавриил; а освятил его в лето 6648 месяца Июня на память св. Апостол Петра и Павла при Игумене Исаии, а зачата бысть при игумене Кирьяке; а мастер делал Петр церковь о трех верхах».⁴

Составитель НЗЛ далеко не в полном объеме использовал в записи под 1119 г. о постройке Георгиевского собора текст надписи, опубликованный Карамзиным, но едва ли могут быть сомнения в том, что летописная запись восходит к этой надписи. В надписи упомянут отсутствующий игумен Исая, при котором происходило освящение храма, в надписи под-

³ Первая надпись издавалась неоднократно, хотя и не вполне точно (см.: Макарий. 1) Из письма к редактору Известий. — ИпоРЯС, т. VI, 1858, стр. 381; 2) Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. I. М., 1860, стр. 578—579; И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1863, стр. 112; изд. 2-е — СПб., 1882, стр. 249; А. И. Успенский. Очерки по истории русского искусства, т. I. М., 1910, стр. 136—137; А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. Л., 1936, стр. 80—81, № СXXXI. Вторая надпись, расчищенная в 1920 г., осталась неопубликованной. Обе надписи погибли в 1941 г. при варварском артиллерийском обстреле храма Спаса фашистскими захватчиками.

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II, прим. 225.

черкнута необычная, но столь характерная для творчества мастера композиция храма «о трех верхах». В надписи закладка храма связывается не с Всеволодом, а с его отцом Мстиславом и лишь окончание приписывается Всеволоду. К надписи восходит и отмеченный выше анахронизм в летописной записи. По-видимому, третий знак даты освящения храма читался неясно и вместо буквы л (30) при публикации надписи была поставлена м (40). В результате дата освящения храма, происходившего, как отмечено в надписи, при князе Всеволоде и при игумене Исайе, ошибочно передвинулась с 1130 на 1140 г., когда Всеволода уже не было в живых, а игуменом монастыря вместо Исайи стал с 1138 г. (?) Иона.⁵

Использование составителем НЗЛ эпиграфических источников не ограничивается двумя выше приведенными случаями. Под 6802 г. там же читается пространная запись о написании в Николо-Липенский монастырь «повелением и стяжанием раба божия Николы Васильевича» иконы Николая Чудотворца. Летописная запись воспроизводит в несколько сокращенном виде текст надписи на древней иконе Николы, сделанный при реставрации иконы в 1556 г.⁶

⁵ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 44.

⁶ Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. II. М., 1860, стр. 77—79.

В. И. АНТОНОВА

**Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек
по письменным источникам**

Среди отрывочных, кратких известий о греческих мастерах и произведениях в великом княжестве Московском конца XIV в.¹ сведения, сохранные в рукописи № 4523 семинарской библиотеки в Симферополе, останапливают внимание своею связностью и живыми подробностями. К сожалению, обнаруживший их Д. В. Айналов никак не охарактеризовал манускрипт, заключающий интересные для истории московской живописи данные. Текст, по словам Д. В. Айналова, воспроизводит надпись, сделанную художником на иконе богоматери Тихвинской: «В лето от сотворения мира 6891 (1383) в княжение благоверного великого князя Дмитрия Ивановича и всесвятейшего патриарха московского и всея Руси Пимена была, согласно обещанию, данному великим князем Юрием Дмитриевичем, написана эта икона, и написал ее я, многогрешный иеромонах Игнатий Грек из монастыря Михаила Архангела. Во время великого поста писал я эту икону и в Вербное воскресенье передал ее великому князю».²

Источники сохранили нам сведения о некоем чернеце Игнатии, находившемся в свите Пимена в 1389 г., во время третьего путешествия в Константинополь, где предприимчивый митрополит кончил свою бурную жизнь.³ Чернец Игнатий был подчинен епископу Смоленскому Михаилу, сопровождавшему Пимена. По желанию митрополита, его спутники вели дневник, список которого под названием «Хождение Пименово в Царьград» вошел в Никоновскую летопись. Здесь, повествуя о мятеже в «Турской державе», заставившем митрополита послать вперед в Константинополь троих людей из его свиты, чернец Игнатий и называет себя.⁴ У его владыки Михаила, епископа Смоленского, был в престольном городе монастырь Михаила Архангела.⁵ Быть может, чернец этого монастыря Игнатий, именующий себя в приводимой выше симферопольской записи иеромонахом и греком, написал шестью годами ранее икону Тихвинской, снабдив

¹ Беглую сводку их см.: История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 82—84.

² Demetrius Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst zur Zeit des Großfürstentums Moskau. Berlin—Leipzig, 1933, стр. 91—92.

³ О Пимене и его судьбе см.: Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина. М., 1900, «Двенадцатилетние замешательства», стр. 244—260.

⁴ ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 99. Чернец Игнатий пробыв в Константинополе до 1391 г. и видел коронавание императора Мануила. С. В. Арсеньев в статье, предпосланной «Хождению» (Православный палестинский сборник, в. 12. СПб., 1887), считает, что в приписываемых Игнатию сочинениях лишь описание путешествия в Царьград и пребывания там бесспорно принадлежит этому автору. Таким образом, сведения об Игнатии в Солуни и на Святой горе, по всей вероятности, относятся к другому лицу. Между тем в рассказе о коронации Мануила можно усмотреть особенности восприятия художника: «...аки написаны зряхутся...».

⁵ В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях, III. СПб., 1897, стр. 160, № 2029.

ее сохранившимся в этой записи текстом. Именно к 1383 г. — году написания иконы — летопись приурочивает «Явление пречистыа богородицы, еже на Тихвине».⁶

На отождествление Игнатия Грека записи и автора «Хожения» наталкивает пышный титул, которым мог наделить Пимена, недавнего архимандрита Горицкого Переславского монастыря, всего тремя годами ранее посредством подлога получившего в Константинополе высший сан московской церкви, именно грек, его сторонник, будущий участник очередного путешествия в Константинополь. Пимен вернулся на Русь в 1381 г. и находился в заточении в Чухломе до конца 1382 г., когда великий князь Дмитрий Иванович Донской вынужден был признать обманное поставление в митрополиты законным. Как раз в 1383 г. Пимен в роли главы русской церкви, титулованный в нашей записи на греческий лад Игнатием, находится в Москве, при дворе великого князя.

Юрию Дмитриевичу, второму сыну Дмитрия Донского, которого льстец Игнатий пророчески именует великим князем,⁷ было в то время всего десять лет. Пятьдесят лет спустя, уже стариком, составляя завещание, князь галицкий и звенигородский Юрий Дмитриевич в духовной 1433 г. благословляет своего первенца Василия, родившегося в 1400 г., иконой «Пречистая богородица, окована золотом, смоленская».⁸

Василий Косой в 1429 г. был обручен с дочерью князя Андрея Владимировича Радонежского — Феодосией.⁹ Через 19 лет он умер в Москве, ослепленный еще в 1436 г.¹⁰ дядей своим, противником рода Юрьевичей, великим князем Василием II, которому позже Юрьевичи в свою очередь выкололи глаза.¹¹ От Василия Косого и Феодосии не осталось потомства.¹² Тесть Василия Косого, князь Андрей Радонежский, давно уже покоился под сводами Троицкого собора Сергиева монастыря, поставленного отцом Василия, князем Юрием Дмитриевичем, на удельной земле радонежских князей. Родовая святыня выморочного рода, мощевик с отлитыми из меди, позолоченными изображениями святых — покровителей членов породнившихся семей, естественно, переходит в этот монастырь.¹³ Искусно вычеканенная надпись на серебряной пластинке, увенчивающая ряды святых, с ее печальными, передающими разговорную речь словами как бы служила эпитафией угасшему роду, истребленному феодальной войной: «Боже отец наших, творяи присно с нами по твоему» (см. рисунок).

Вместе со скромной реликвией небогатой отрасли князей захиревшего удела в Троице-Сергиев монастырь должна была попасть и великолепная, окованная золотом «Смоленская» ктитор этого монастыря князя Юрия Дмитриевича. Он завещал изображение Одигитрии — по представлениям того времени покровительницы государственной власти — старшему сыну, быть может, как залог предназначавшегося Василию Косому великого княжения московского, которым тот и владел всего один месяц.¹⁴

⁶ ПСРЛ, т. XI, стр. 83.

⁷ Он с перерывом сидел на московском великокняжеском столе дважды — в 1433 и 1434 гг.

⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI веков. М.—Л., 1950, стр. 74.

⁹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 97.

¹⁰ Необычайно живой рассказ об обстоятельствах его ослепления сохранил Устюжский летописный свод (М.—Л., 1950, стр. 76—78).

¹¹ Очерки истории СССР. XIV—XV вв. М., 1953, стр. 258—260 и 263.

¹² О судьбе Василия Косого после ослепления см.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, часть первая. М.—Л., 1948, стр. 122—124.

¹³ Ю. А. Олсуфьев. Описание церковного серебра б. Троице-Сергиевской лавры до XVIII века. Сергиев, 1926, стр. 230—235.

¹⁴ Устюжский летописный свод, М.—Л., 1950, стр. 76, под 1434 г.

В 1920 г. в одной из кладовых ризницы Троице-Сергиевой лавры была обнаружена икона XIV в. с изображением богоматери типа Смоленской (см. рисунок 2) в золотом уборе.¹⁵ Дополнительное обследование, предпринятое в 1922 г., обнаружило греческие надписи этой иконы, названной в описи монастыря 1642 г. «Одигитрией письма Цареградского».¹⁶ Подобно князю Юрию Дмитриевичу в духовной 1433 г. и дьяку описи 1642 г., Ю. А. Олсуфьев определил сначала эту икону как изображение типа Смоленской. Позднее он же указал на близость ее иконографии к Тихвинской, уловив более чем через пятисотлетие мысль чернеца Игнатия Грека, создавшего, как мы предполагаем, в 1383 г. это вдохновенное произведение для князя Юрия Дмитриевича. Совершенство редкого по тем временам золотого убора русской работы, греческая надпись *Ἡ περιβλεπτος*¹⁷ и место нахождения иконы не противоречат отождествлению ее с произведением художника, о котором говорит запись в симферопольской рукописи. Быть может, и теперь тыльная сторона иконы хранит под плотной двойной сорочкой следы ее более чем пятисотлетней жизни на Руси. Впрочем монастырские власти могли еще в XV в. уничтожить все следы истории иконы, так как в 1446 г. летопись отметила участие троицких монахов, сторонников рода Юрьевичей, в заговоре Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского против Василия II.¹⁸

* *

*

Но на этом не обрываются сведения об Игнатии Греке. Благодаря источникам можно воссоздать последующую его деятельность в одном из крупнейших московских монастырей — Симоновом. Успенский собор этого монастыря, заложенный Дмитрием Донским в 1379 г., был памятным сооружением в честь победы князя над татарами на реке Воже, одержанной годом ранее.¹⁹ Собор этот — самое большое здание в Москве в то время — строился 26 лет и был закончен в 1404 г.²⁰

Вероятно, в конце 90-х годов XIV в. Игнатий Грек появляется в этом монастыре. Переезд Игнатия в Москву произошел не раньше 1391 г., так как в это время Игнатий присутствовал на коронации императора Мануила в Константинополе,²¹ а скорее всего около 1395 г., после взятия Смоленска Витовтом.²²

В одном подлиннике XVIII в. говорится: «Стый отец Игнатий Златый, иконописец Симонова монастыря, сопостник преподобного Кирилла Белозерского, писаше многие святые иконы чудные. Чти в житии святого Ионы митрополита, собеседника его быша».²³

¹⁵ Ю. А. Олсуфьев. Опись икон Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1920. стр. 260—263.

¹⁶ Дополнение 1-е к «Описи икон Троице-Сергиевой лавры» Ю. А. Олсуфьева, (Сергиев, 1922, стр. 3).

¹⁷ По-русски «чтимая» — один из эпитетов широко распространенного в Византии изображения Одигитрии, вариантом которого была русская Тихвинская.

¹⁸ С1А. — ПСРЛ, т. V, 268. В пользу нашей гипотезы говорит и то, что икона, принадлежавшая князю Ивану Андреевичу Можайскому, участнику последней попытки Юрьевичей захватить власть, также уцелела до нашего времени в Троице-Сергиевом монастыре (см.: Ю. А. Олсуфьев. Опись икон Троице-Сергиевой лавры, стр. 109—110). Теперь икона эта хранится в Государственной Третьяковской галерее (№ 17295).

¹⁹ П. Н. Максимов. Собор Симонова монастыря в Москве. — Материалы по археологии СССР, № 12. М., 1949, стр. 236.

²⁰ ПСРЛ, т. XXV, Московский летописный свод конца XV века. М.—Л., 1949, стр. 233.

²¹ Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. XI, стр. 101.

²² ПСРЛ, т. XXV, стр. 225.

²³ ГПБ, собр. Титова, охр. 4765, л. 327.

Д. А. Ровинский в своем «Обозрении иконописания в России до конца XVII века»,²⁴ в «исчислении русских иконописцев всех школ, с краткими известиями о них, заимствованными из летописей, актов, житий русских святых, надписей и старых описей церковных имущества» (разрядка моя, — В. А.), на стр. 140, отмечает: «Игнатий Грек расписывал стены соборной церкви Симонова монастыря».²⁵

Запуганные, полустертые следы жизни Игнатия приобретают очевидный характер благодаря достоверным литературным произведениям XVI и, наконец, XV в.

В житии Ионы, митрополита московского, действительно упоминаются Иван Златой и Игнатий иконник,²⁶ превращенные в приведенном выше подлиннике XVIII в. в одно собирательное лицо.

Благодаря изобразительному дару литературных трудов Иосифа Волоцкого неясная тень Игнатия в Москве приобретает осязаемую реальность человека, жившего в точно определяемое время среди хорошо известных деятелей московской иерархии. В «Духовной грамоте», составленной в последней четверти XV в., в слове 10, озаглавленном «Отвещание любозаборным и сказание вкратце о святых отцах, бывших в монастырех, иже в Рустей земли сущих»,²⁷ Иосиф рассказывает о замечательных людях Симонова монастыря: «... слышахом от великого старца Спиридона, бывшего игумена Сергиева монастыря (в Симоновом с 1474 г., — В. А.), о святем оном старце Варфоломеи, иже бысть строитель Симонову монастырю: по отшествии бо Феодорове... на Ростовское владычество... (архиепископ Феодор Ростовский уехал в Ростов в 1390 г., — В. А.)²⁸ блаженный же Варфоломей с старци, иже тогда сущими, от них же един монастыря того бяше Иоанн, нарицаемый Златый, и Игнатий иконник, и Иона, иже тогда бяше млад, последи же бысть митрополит...»²⁹ Из этого достоверного рассказа очевидно, что иконник Игнатий находился среди иноков Симонова монастыря в конце 90-х годов XIV—начале XV в. и стал там видным лицом, вероятно, около 1404 г., во время работ по украшению монастырского собора. Если предположить, судя по мастерству исполнения Периблепта Троице-Сергиевой лавры, что Игнатию в 1383 г. было около 20 лет, то в Симоновом он работает в возрасте около 40 лет.

Наличие имени Игнатия иконника в источниках XV в. («Духовной грамоте» Иосифа Волоцкого), XVI в. (Степенная книга) и XVIII в. (подлинник) заставляет поверить тому, что живописец, начало художественной деятельности которого мы восстанавливаем выше, трудился впоследствии в стенах Симонова монастыря и участвовал в художественной жизни Москвы начала XV в.

²⁴ Издано А. С. Суворовым в 1903 г. по первому изданию 1856 г., помещенному в VIII томе «Записок Имп. археологического общества».

²⁵ Далее спутано с Исаией грецином, упомянутым на стр. 3 и 141. Ссылки даны именно о нем, а не об Игнатии Греке. Однако известие об этом последнем заимствовано, вероятно, из не дошедших до нас источников.

²⁶ Степенная книга. — ПСРА, т. XXI, стр. 505.

²⁷ ВМЧ, собранные митрополитом Макарием, сентябрь, дни 1—15. СПб., 1868, стр. 551.

²⁸ Даты, связанные со Спиридonom и Феодором, указываются по книге П. Строева «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви» (СПб., 1887).

²⁹ «Младому старцу» Ионе могло быть тогда около двадцати лет; значит, Иосиф говорит о первом десятилетии XV в. Эта дата исчисляется таким образом: Иона поставлен в епископы рязанские около 1430 г., что не могло быть ранее его сорокалетия; около двадцати ему в первом десятилетии XV в. Скучные данные биографии Ионы см. у Е. Е. Голубинского: История русской церкви, т. II, первая половина, стр. 488—490.

Мошевик Троице-Сергиева монастыря. (Рис. 1).

Икона Одигитрии Троице-Сергиева монастыря XIV в. (Рис. 2).

Н. Н. ВОРОНИН

Лицевое житие Сергия как источник для оценки строительной деятельности Ермолиных

В истории культуры древней Руси и древнерусского зодчества видное место занимает имя московского строителя-подрядчика XV в. Василия Димитриевича Ермолина.¹ Представитель старого московского купеческого рода, ведшего свою генеалогию от гостя-сурожанина Василия Капицы,² заказчик знаменитого Ермолинского списка летописи (1472), где в цепь больших событий включены и его, Ермолина, строительные работы по восстановлению древних и сооружению новых зданий во Владимире, Юрьеве, Троице-Сергиевом монастыре, Москве,³ понимавший толк в книгах⁴ и скульптуре,⁵ В. Д. Ермолин был крупной фигурой, оставившей заметный след в истории московского строительства времени Ивана III.

Как можно думать, интерес к строительному делу не был личной чертой Василия Димитриевича Ермолина, им отличался и его дед. Интересный материал для освещения этого вопроса дает хранящееся в Отделе рукописей ГБЛ известное лицевое житие Сергия Радонежского.⁶

Как известно, лишь текст названного жития позволяет установить относительную дату не упомянутого летописью замечательного памятника московской архитектуры — собора Спасо-Андроникова монастыря в Москве.⁷ В житии сообщается, что собор был построен игуменом Александром при участии Андрея Рублева, «иконописца преизрядна всех превосходяща в мудрости зелье».⁸ Игумен Александр сменил умершего между 1410—1420 гг. своего учителя игумена Савву и сам скончался в 1427 г.⁹ Следовательно, монастырский собор Спаса был построен между 1420—1427 гг.

Миниатюры лицевого жития Сергия позволяют ближе осветить обстоятельства постройки. Миниатюры, иллюстрирующие текст об уча-

¹ Н. Н. Соболев Русский зодчий XV в. Василий Димитриевич Ермолин. — В кн.: Старая Москва, в. 2. М., 1914, стр. 16—23; Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, стр. 17—18.

² М. Н. Тихомиров. Древняя Москва М., 1947, стр. 109—111.

³ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 157—159.

⁴ А. Д. Седельников. Послание от друга к другу и западно-русская книжность. — Известия АН, ОГН, 1930, № 4.

⁵ Н. Н. Соболев. Русский зодчий XV в. Василий Димитриевич Ермолин, стр. 17—18.

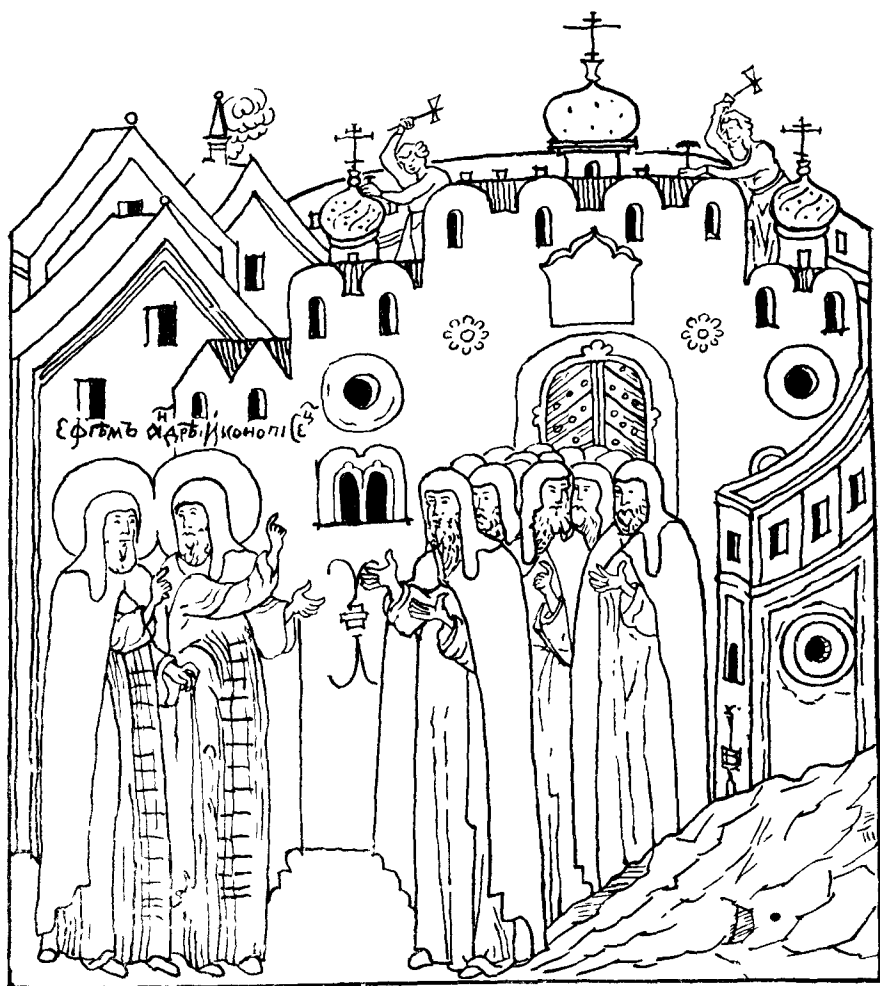
⁶ ГБЛ, Музейное собр., № 8663.

⁷ П. Н. Максимов. Собор Спасо-Андроникова монастыря в Москве. — В кн.: Архитектурные памятники Москвы XV—XVII вв. М., 1947, стр. 9.

⁸ Н. Тихонравов. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892, отд. II, стр. 65.

⁹ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, табл. 169.

сти в постройке игумена Александра и Андрея Рублева (см. рисунок 18), действительно изображают двух монахов в нимбах; однако надписи называют лишь одного Андрея Рублева, второй же монах — явно игумен (с посохом в руке) — сопровождается неожиданной надписью «Ефѣм», т. е. Ефрем, заменяющей имя игумена Александра; та же замена

Пропись миниатюры лицевого Жития Сергия (рис. 18).

имени имеется в миниатюрах, изображающих Андрея Рублева за росписью храма и смерть Андрея Рублева.¹⁰ Почему произошла эта замена?

На нее обратил внимание И. Э. Грабарь, предположивший, что в «Ефрема» превратился сотоварищ Андрея Рублева — Даниил Черный: «В порядке многократного переписывания и срисовывания Даниил, видимо, превратился в Ефрема, а затем в игумена Александра и таким образом остался один Рублев. . . Ясно, что уже в XVI в. знали только о Рублеве, имя же Даниила было почти забыто».¹¹ Действительно, из жития

¹⁰ ГБЛ, Музейное собр., № 8663, л. 230 об. и сл.

¹¹ И. Э. Грабарь. Андрей Рублев. — В кн.: Вопросы реставрации, в. I. М., 1926, стр. 15.

троицкого игумена Никона известно, что после росписи Троицкого собора лавры Андрей Рублев вместе с Даниилом Черным перешел в Андроников монастырь, где «также подписанием украсиша» новый собор «последнее рукописание на память себе оставиша». ¹² Однако все же с гипотезой И. Э. Грабаря трудно согласиться. В самом тексте жития Сергия речь идет лишь о двух лицах — андрониковском игумене Александре и об Андрее Рублеве. Почему же в миниатюре появилось имя Ефрема?

Андроников монастырь, второй по значению после Троице-Сергиева, был почитаем «от великодержавных князей»; при игумене Савве «умножися стадо его добродетельных мужей и великих честных, от них же мнози и произведени быша в честная места на игуменьства ови ж на епископства». ¹³ Далее в житии мы находим описание посмертного «чуда» от гроба игумена Саввы, когда один из монахов Ефрем получил исцеление «от блудного беса». Это был не обычный монах, но «един от ученик его, его же мнози сведят в наша лета», т. е. какое-то значительное лицо, скрывшееся под монашеским именем Ефрема. Кто же был этот Ефрем? Ответ дает текст о посмертных «чудесах» Сергия, рассказывающий о постриге между 1445—1448 гг. «некоего от московских великих купец» Дмитрия Ермолина, отца знаменитого московского строителя второй половины XV в. Василия Дмитриевича Ермолина. Дмитрий решает постричься по примеру своего отца Ермолы, «нареченного во ангельском чину Ефрем», который ушел в монастырь, презрев свое «толикое богатство» и интересы многочисленных сыновей. ¹⁴ Ермола постригся в Троицком монастыре при игумене Никоне (т. е. до 1426 г.), вероятно, еще в начале XV в. и, видимо, потом перешел в Андроников монастырь. Очень возможно, что на средства и при участии этого богатейшего представителя купеческой «династии» Ермолиных, ¹⁵ Ермолы-Ефрема, и был построен Андроников собор, о чем помнили еще в XVI в., что и нашло отражение в упоминании его имени в исполненных в это время миниатюрах. Возможно, что само лицевое житие было переписано и иллюстрировано в Андрониковом монастыре. Судя по тому, что сын Ермолы Дмитрий был весьма образованным человеком — умел «глаголати русски, гречески, половецки (т. е. по-татарски)», ¹⁶ — Ермола-Ефрем был также просвещенным человеком и мог оказать влияние и на самый замысел храма, построенного на его средства. Как Ермола-Ефрем, страдавший от «блудного беса», так и его сын Дмитрий, препивавшийся с троицким игуменом Мартемьяном по поводу скудной монашеской еды, так как он «возрастох во своих домах, не таковыми снедами питающися», ¹⁷ были явно далеки от идеалов монашеского аскетизма, подобно тому как знаменитый художник конца XV в. Дионисий был вполне мирским человеком. ¹⁸ Возможно, что это в какой-то мере определило образ храма, поражающего своеобразием и смелостью своей бурной динамической композиции.

¹² Историческое описание московского Спасо-Андроникова монастыря. М., 1865, стр. 9—11; Ф. И. Буслаев. Исторические очерки... т. II, стр. 379; М. В. Толстой. Книга, глаголемая о российских святых... М., 1888, стр. 71

¹³ ГБЛ, Музейное собр., № 8663, л. 227 об.

¹⁴ Н. Тихонравов. Древние жития Сергия Радонежского, отд. II, стр. 159.

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, стр. 110.

¹⁶ Н. Тихонравов. Древние жития Сергия Радонежского, отд. II, стр. 163.

¹⁷ Там же, стр. 161.

¹⁸ В. Н. Лазарев. Дионисий и его школа. — В кн.: История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 494—495.

И. БЕРКОВИЧ

Иллюстрации Михаила Зичи к «Слову о полку Игореве»

В 1854 г. в Петербурге вышло из печати новое иллюстрированное издание «Слова о полку Игореве».¹ Иллюстрации для этого издания были выполнены венгерским художником Михаилом Зичи.

На всех четырех гравюрах, опубликованных в издании 1854 г., читается сигнатура «Zichy 1853», написанная латинскими буквами. В более поздних изданиях, например в пятом, вышедшем в 1876 г., эта сигнатура уже пропущена и имя иллюстратора написано кириллицей.

Неизвестно, что случилось с оригинальными рисунками, выполненными Зичи для иллюстраций, гравюры которых были изготовлены типографией Imp. Lith. de Münster. Фон иллюстраций имеет охристо-желтую или бледную желтовато-серую окраску. В то время гравюры по дереву печатались на желтоватом фоне, отличающемся от цвета бумаги. Но в данном случае это неважно, важно лишь то, что фон не везде и не в полной мере одинаков, а окраска же фона органически входит в композицию. При помощи темных тонов фона Зичи изобразил на верхней части иллюстраций тучи без контуров, применяя их и для изображения затемненного солнца. Гравюры, выполненные до некоторой степени грубоватой и примитивной техникой, имеют несколько тяжеловатый характер.

Хотя и штриховка на них сделана более толстыми линиями, все же видно, что Зичи талантливый мастер рисунка.

Необычайно красивая поэзия «Слова о полку Игореве» побудили Зичи к созданию иллюстраций. Благодаря знакомству с русской стариной в нем ожили воспоминания о завоевателях Венгрии, прибывших с Востока, и вместе с тем вспомнилась и жизнь венгерских королей из династии Арпада, поддерживавших сношения с Киевской Русью. Во время создания «Слова о полку Игореве», в эпоху князя Игоря, связи русских с венграми были еще весьма тесные. Сношения Киевской Руси с венгерскими королями были, по-видимому, известны и Зичи. В «Слове» имеются указания на венгров, которые безусловно интересовали и нашего художника. Разногласие русских князей напоминало ему распри и братоубийственные войны, которые имели место и в венгерской истории XII столетия. Наверно, с большим интересом читал он и место, где о помощи взывают к отцу жены Игоря, Ярославу, против Кончака и половцев, ибо Ярослав, затворив Дунаю ворота, загородил путь венгерскому королю. В других

¹ См.: «Слово о полку Игореве». Под редакцией чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 16. В венгерской литературе уже с 1858 г. известна русская поэма, которой венгерские исследователи неоднократно уделяли внимание «A jokulátor Kévdés az Igorének más orvoz páshuzamok mezejátárában» («Вопрос о скорморохах в освещении „Слова о полку Игореве“ и других русских памятников»): Filologia Közönlony, 1955, стр. 309—332; 1956, стр. 61—77.

местах он мог читать о знаменитых венгерских лошадях именно там, где Святополк издал распоряжение о привозе убитого в битве отца: «между угорьскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву».² Не подлежит сомнению, что не венгерские иноходцы, конечно, вызвали у Зичи чувство национальной гордости и пробудили в нем интерес к «Слову». Упомянутый город Киев вместе с Софийским собором воскресил в его душе события древневенгерской истории, ибо в Киеве при дворе Ярослава Мудрого воспитывался более десяти лет венгерский король Андрей I, который впоследствии женился на дочери Ярослава Мудрого. Подобно г. Киеву, и Софийский собор пленил венгерского художника своей необычайной художественной красотой. Прекрасная архитектура русского средневековья захватила его тем более, так как под сводами ее не раз проходили Андрей I и его брат, отец св. Владислава, Бела I. Фрески, украшающие стены старинных лестниц Софийского собора, и теперь бесподобны в своем роде. Их создатель в XI столетии увековечил не только интерьер дворца и присутствующих княжеских гостей, но и скоморохов, которые изображены с удивительно свежим реализмом. Подобно тому как выдающийся живописец XI в. посвятил свое искусство изображению не только святых и бояр, но и бедных комедиантов княжеских дворцов, Зичи при иллюстрации «Слова» в первую очередь упомянул о певце великой поэмы. В первой иллюстрации (Боян) он не ставит себе задачей изображения какой-то части текста, а стремится воплотить в жизнь неизвестного бессмертного поэта. Таким образом, первая иллюстрация, собственно говоря, не является иллюстрацией в строгом смысле слова, а скорее служит заглавной страницей без надписи. На это указывает и тот факт, что она помещена не среди текста, а перед введением, написанным Н. В. Гербелем.

Обрамленный ветками, певец сидит на голой скамье и, играя на своем инструменте, повествует о минувших событиях и участниках похода Игоря. Фигура певца, изображенная очень выразительно, означает тут действительность, а герои, появляющиеся в его воображении и выполненные только контурами, переносят зрителя в поэтический мир эпопеи.

Зичи создал образ Бояна, придерживаясь характеристики его, изложенной в поэме. Поэт, глядя в глубь веков, переживает драматические картины великих битв во время похода против половцев и, подобно Бояну, заставляет звучать струны своего инструмента. При изображении безымянного певца Зичи помогло хорошее знание быта русского народа. Прототипом этой иллюстрации послужил его рисунок гармониста, выполненный в то же время и хранящийся в Государственной Третьяковской галерее.

В остальных иллюстрациях художник изобразил только славные деяния и успехи Игоря, обходя молчанием неудачи и междоусобные распри князей. В первой иллюстрации он показал все, что не мог выразить на последующих, несмотря на то, что они представляли собой самые характерные мотивы и даже наиболее интересные рассказы поэмы. Здесь появляется герой эпопеи, князь Игорь, который, обнажив меч, решительно указывает вперед. Но возле него стоит тревожащаяся за мужа Ярославна, убежавшая от половцев в крепость Путивль. Плач Ярославны является одной из лучших частей поэмы. Эти строки, заключающие мольбу, обращенную к солнцу, за мужа, хотя вполне и заслужили быть иллюстрированными, но это, к сожалению, не было осуществлено.³ От-

² «Слово о полку Игореве», стр. 16.

³ В одном более позднем издании А. I. Charlemagne выполнил особую иллюстрацию для изображения Ярославны, плачущей на башне.

чаявшаяся женщина изображена как мимолетное видение фантазии поэта: «враждебный» ветер надувает ее одежду, когда, сложив молитвенно руки, она обращается с мольбой к небу. Позади ее стоит воин с резко очерченным профилем, по-видимому, брат Игоря, Всеволод, который представлен тут не как испытанный герой сражений, а как угрюмый человек с задумчивым лицом, недовольный происходящими распрями между братьями, влекущими за собой поражение и бедствие. Кроме них, видны еще две фигуры, но мы не в состоянии идентифицировать их с действующими лицами эпоса. Их изображением Зичи как бы предрекает трагический исход событий, показывая плененного воина с завязанными сзади руками, ведающего торжествующим победителем.

Хотя и намеками, но все же довольно прозрачно художник указывает на трагический исход похода при помощи символов, расположенных в декоративном обрамлении, охватывающем нижнюю часть рисунка. По середине лежит вдавленный щит Игоря с трещиной, покрытый цепью как символом поражения. Вправо от него виден разбитый меч, а влево — бердыш, над которым летает зловеющая птица, предположительно заместительница Дива.

Плетям обрамления не следует приписывать никакого символического значения. В них отражается влияние К. П. Брюллова, который при создании портрета Крылова нарисовал подобное же обрамление, разместив в нем характерные сцены его басен.

Вторая иллюстрация, расположенная после введения Гебеля перед началом первой песни, уже органически связана с текстом поэмы. В ней соединены два момента эпоса. Один из них указывает на князя Игоря, возглавляющего русские войска, а другой — на появление знамений, предвещающих несчастье: затемнение солнца и группу встревоженных птиц. При отходе в поход «Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою, вся своя воя прикрыты. И рече Игорьъ къ дружинѣ своей: „Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полочену быти, а всядем, братие, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону“». ⁴ Сказав это, он занял место во главе своей дружины, затем же «въступи... въ златъ стремя, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонуши ему грозою, птичь убуди...». ⁵

На второй иллюстрации Зичи изобразил Игоря, едущего по чистому полю, но вместе с тем стремился разрешить и более трудно выразимую проблему: показать дружину со спустившейся на нее мглой от затемнения солнца. Разрешение проблемы то же самое, как и в первой иллюстрации: фон рисунка темный. На заднем плане едут воины Игоря, изображенные расплывчатыми очертаниями. Над ними фон образует разорванные облака, среди которых виден диск потемневшего солнца. На первом плане испуганный конный дружинник подскакивает к Игорю и, показывая на затмившееся солнце и на каркающих воронов, обращает его внимание на эти дурные предзнаменования. Но Игорь непоколебимо сидит в своем седле, с пренебрежением относясь к его словам. На предупреждение он молча, решительно указывает рукой вперед. Он сидит на своем вороном коне с благородной осанкой, одетый в панцирь с наброшенной поверх мантией, обшитой горностаем, держа в левой руке щит. При изображении панциря, шлема, щита и вооружения художник стремился по возможности подражать тогдашним военным доспехам и только при разработке рисунка мантии позволил разыгаться своей фантазии. Портрет Игоря во

⁴ «Слово о полку Игореве», стр. 10.

⁵ Там же, стр. 12.

всех иллюстрациях соответствует характеристике, данной поэмой. Его лицо обаятельно строго и благообразно. В нем нет никакой сентиментальности и преувеличенной романтики. Игорь не представляет собой слишком идеализированного героя. Он является скорее фигурой, которой не чужды естественные и реалистические эмоции человека.

Обращает на себя внимание и изображение коней. Подобно тому как разница характеров главных фигур переднего плана выражается различием мимики и жестов, так и в конях отражается различие душевного состояния их всадников. Вороной конь Игоря с удилами, украшенными кистями, как будто чувствуя невозмутимое расположение духа своего хозяина, спокойно и чинно шагает вперед. А конь дружинника с испуганными глазами, раздувающимися ноздрями, открытым ртом и напряженной мускулатурой внезапно осаживается рукой всадника.

В третьей иллюстрации приведена сцена ожесточенной борьбы русских с половцами, предвещающей приближающееся поражение. Но беда не в поражении, а в усобице между братьями. В этой иллюстрации увековечено только начало сражения, оказание помощи Всеволоду со стороны Игоря в то время, когда они еще в полном согласии воюют с врагом. Здесь в полной мере отражаются виртуозная техника художника, равно как и его даровитость в характеристике и композиции. Сцена сражения переполнена движением. Мышцы воинов напряжены, и эта напряженность пронизывает всю картину. В центре сцены стоит «ярый тур» Всеволод с поднятой секирой в руке, как раз собираясь ударить половца, который, заменив своего падающего раненого товарища, обхватывает князя, чтобы повергнуть его на землю. За спиной Всеволода дыбится конь Игоря. На нем сидит князь, который, поднимая свой меч, старается воспрепятствовать намерению врага. Голова Всеволода покрыта — в соответствии с описанием поэта — золотым шлемом. Игорь устремляет суровый взор на противника своего брата. Латы обоих братьев прикрыты обшитыми горностаем мантиями с короткими рукавами. Несмотря на одинаковую одежду, индивидуальное различие братьев подчеркнуто и художником. Из-под шлема Всеволода видны лишь его сверкающие от гнева глаза, а лицо Игоря, решительное, обрамленное белокурыми волосами и короткой бородой, более спокойно.

Четвертая иллюстрация расположена после плача Ярославны, перед рассказом об освобождении Игоря из плена. За волнующей сценой борьбы следуют более спокойные мотивы. Вызываются князя соединить свои усилия для защиты страны. Описывается побег Игоря из плена, но поскольку поэт ничего не говорит о том, как же попал князь в руки врага, Зичи тоже обходит молчанием этот эпизод и запечатлевает только радость, выразившуюся в словах реки: «Книже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!».⁶ Донец, значит, одобряет побег Игоря, который, как и в предыдущей сцене сражения, без шлема сидит на своем коне, почтительно сняв его перед мускулистым старцем-великаном, с длинной бородой и волосами на голове, охваченными венком из листьев. Этот великан олицетворяет собой реку. Конь, остановившись, нагибает голову, а соратник Игоря, Овлур, припав к земле, утоляет жажду, зачерпнув шлемом благотворящую воду Донца. Его смелое движение представляет собой тоже контраст с фигурой Игоря, который, сидя прямо на коне, почтительно прислушивается к словам реки. Дух реки изображен непластическим способом, а, подобно воображаемой группе героев первой иллюстрации, бледными контурами, указывающими на его сверхъестественность.

⁶ Там же, стр. 29.

При создании этого рисунка Зичи, возможно, воспользовался изображением реки Нила на монументальной скульптуре эллинистического искусства, представляющей Великую реку в виде огромного старца с шестнадцатью младенцами.

Иллюстрации Зичи к «Слову о полку Игореве» разработаны с полным знанием поэмы.

Знакомство Зичи со «Словом о полку Игореве» оказало большое влияние на творчество художника. Он, например, собирался — под впечатлением сцен эпоей «Слова» — написать большую батальную картину, эскиз которой сохранился и находится в Третьяковской галерее (битва русских с врагами).

В. И. БОРКОВСКИЙ

**Препозитивные придаточные с неизменяемым «что»
в древнерусских грамотах**

В древнерусских грамотах самыми распространенными из придаточных определительных являются придаточные определительные с относительным словом «что».

Следует отметить, что еще в деловой письменности XVIII в., по подсчетам Г. М. Макарова,¹ относительное слово «что» хотя и оттеснено господствующим относительным словом «который», все же по своей употребительности стоит на втором месте.

Многочисленные конструкции с препозитивным придаточным определительным с «что», о которых мы говорим ниже, тесно связаны со следующими конструкциями без «что»: «а холопы. и должники. и поручники. кому не будет суда. тех выдаваю безъ суда» (Нов. гр. между 1294—1301 гг.); «А церкви Божие Руские в Местерове дръжаве, и в Арцъбискупле, и в Бискуплах дръжавах, где нибуди; и те церкви очистити совсем, и дръжати по старине, а ихъ необидети» (Нов. гр. 1521 г.); «а в зальвьи. два перевесища. а то тоии же земле» (Двин. гр. XV в.); «А числьнии люди, а те ведають сынове мои собча, а блюдутъ вси съ одного» (Моск. гр. 1328 г.); «А блюдо великое серебряное о 4 коцья, а то есмь дал святей Богородици Володимерьской» (Моск. гр. 1328 г.); «а Ординци и делюи, а темь знати своя служба, како то было при нашемъ Отци при Великомъ Князи; а земля ихъ не купити» (Моск. гр. 1389 г.); «А церкви Божии Руские и конци Руские в Местерове державе, и въ Арцбискупли, и в Бискуплах державях где нибуди, и те церкви Божьи Руские, и конци Руские Магистру, и Арцбискупу и Бискупом очистити и держати по старине, а их необидити, а взятое церковное отдати по крестному целованью» (Моск. гр. 1531 г.).

А. А. Потебня относит примеры без «что» к случаям с именительным самостоятельным.²

По справедливому замечанию А. А. Потебни, в построении с именительным самостоятельным на первом именительном сосредоточено внимание, он выдвинут из ряда других членов предложения.³

Примеры, которые мы привели выше, неоднородны. В одних из них (из

¹ Г. М. Макаров. Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными в деловой речи начала XVIII столетия. (Определительные придаточные с относительными местоимениями «Писем и бумаг Петра Великого»). Автореф. канд. дисс. Сызрань, 1956, стр. 6.

² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, чч. I и II. Харьков, 1888, стр. 281; ч. III, Харьков, 1899, стр. 348. В примерах, которые мы приводим в статье, допущены некоторые упрощения написаний и замены букв.

³ Там же, чч. I и II, стр. 200.

Нов. гр. 1521 г.; Моск. гр. 1531 г.) во второй части предложения повторяется существительное, поставленное в начале первой части предложения, причем при нем имеется указательное местоимение: «и те церкви». В каждом из примеров это существительное является прямым дополнением.

В других примерах во второй части существительное не повторяется, употреблено только одно указательное местоимение (оно или согласовано в роде и в числе, но не в падеже с именем существительным, являющимся именительным самостоятельным, или употреблено без согласования — в примере из Двин. гр. XV в. — как субстантивированное местоимение, имеющее обобщающее значение).

Неоднородны примеры и в отношении средств связи между частями предложения. Как правило, употребляется союз «а» или «и», но имеется пример и с бессоюзной связью (Нов. гр. между 1294—1301 гг.); в последнем случае имя существительное определяется при помощи придаточного предложения с «кто» («кому не будет суда»).

Ф. Е. Коршем было высказано мнение, что «древнейшими способами следует признать присоединение к логически главному предложению другого, логически подчиненного, но грамматически вполне самостоятельного с соединительным союзом или безо всякой внешней связи».⁴ Ф. Е. Корш исходил из положения, что в истории синтаксического развития речи сочинение предшествует подчинению.⁵

А. А. Потехня, совершенно справедливо указав, что стройность есть и в паратаксичности,⁶ отметил, что процесс замены паратаксических глагольных предложений происходил равномерно, по мере усиления гипотаксичности и стремления к объединению предложения, по мере развития относительных местоимений.⁷

Мы присоединяемся к указанным положениям Ф. Е. Корша и А. А. Потехни и в отношении приведенных нами выше примеров полагаем, что они древнее случаев, где первая часть начинается относительным словом «что». Связь последующего с предыдущим благодаря употреблению «что» представляется более отчетливой, первая часть теряет известную степень своей самостоятельности.

В тех предложениях без «что», во второй части которых не только употреблено указательное местоимение, но и повторяется имя существительное, связь последующего с предыдущим является менее тесной, чем в предложениях, вторая часть которых не содержит повторяющегося существительного (стоит только указывающее на него местоимение).⁸

Переходим к конструкциям с «что» в начале первой части предложения.

Как отмечает Н. А. Широкова, эти конструкции часто представлены в исследованных ею памятниках XVII в. (преимущественно делового

⁴ Ф. Корш. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1877, стр. 16.

⁵ Там же.

⁶ А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 321.

⁷ Там же, стр. 322—323.

⁸ Ср. замечание А. А. Потехни о «паратаксических придаточных предложениях» с указательным местоимением во второй части: «Хотя такие обороты в славянском и других языках восходят в глубокую древность, но, так как в них местоимение вполне заменяет существительное предыдущего предложения (что предполагает память о предшествующем акте мысли при совершении акта последующего, причем оба акта относительно тесно связаны), то эти обороты по характеру новее предыдущих, в коих в силу повторения существительного при местоимении связь последующего с предыдущим слабее, иначе — последующее более самостоятельно» (А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 321—322).

языка).⁹ Исследователь приводит примеры исключительно из памятников делового языка.

А. И. Сумкина, рассмотрев конструкции с «что» в памятниках XIII—XVII вв., приходит к выводу, что предложения с относительным местоимением «что» встречаются преимущественно в языке грамот и представляют собой определенную форму делового языка.¹⁰ Для такого вывода имелись основания не только в материале, привлеченном А. И. Сумкиной (изучены памятники различных жанров), но и в примерах, приведенных А. А. Потебней (даны примеры только из памятников делового языка), а также и в том, что исследователи языка неделовых памятников не отмечают этой конструкции. Следует, однако, указать, что Е. С. Истрина, говоря об употребительности подчиненных предложений с «что» во втором и третьем почерках Синодального списка Н1Л как о факте живой русской речи, приводит примеры с «а что» в начале первой части предложения. По-видимому, эти примеры отражают влияние делового языка: «а что на дъщьях, а то князю оставиша (148, 18)»; «...а что есмы изымали мужии ваших, а теми ся розмним (259, 3)».¹¹

Из конструкций с «что» реже всего встречаем конструкции, в которых этому «что» не предшествует союз «а» или «и», причем наиболее ограниченными являются случаи с именительным существительного при «что»: «что земля святого Юрья на Волоце, кто сядет на земли святого Юрья, дал есмь им волю, ненадобе им потягнуги к городу ни в которую дань, ни в подводы, ни в кормы, ни в стан, ни в который протор» (Моск. гр. между 1338—1340 гг.); «что у него пустоши монастырские на Лыскове и на Курмыше, Савины Сюзева пустоши, да Митроховскаа пустошь, да пустынка на Стобищах, и кого на те пустоши перезоветь людей и тутошних старожилцев, и тем людем на три года ненадобе никотораа моа дань, ни писчаа белка, ни ям, ни подвода, ни инаа никоторая пошлина» (Моск. гр. 1423 г.); «что люди монастырские пошлые в городе и в селех, коли придет моа дань и игумен за них заплатит по силе» (Ниж. гр. между 1410—1417 гг.); «что их село монастырское Мигино, да пустоши на Лыскове и на Курмыши Савины Сюзева, да Митроховская пустош, да пустынка на Стобищах; и кого к себе в то село и на те пустоши перезовут людей и тутошних старожилцев, и тем людем ненадобе моа дань, ни ям, ни подвода, ни писчаа белка, ни инаа никоторая пошлина на три годы» (Ниж. (другая) гр. между 1410—1417 гг.).

В первых двух примерах и в последнем примере предложение с «что» относится к члену придаточного предложения, а не главного предложения («на земли святого Юрья»; «на те пустоши»; «в то село и на те пустоши») и только через это придаточное связано с главным (в первых двух примерах и в последнем примере в главном предложении идет речь о людях, а не о земле, не о пустошах, не о селе и пустошах):

⁹ Н. А. Широкова. Относительное подчинение в русском литературном языке XVII века. — Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 112, кн. 6, Сборник работ Кафедры русского языка, Казань, 1952, стр. 75.

¹⁰ А. И. Сумкина. К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. — Труды Института языкознания АН СССР, т. V. М., 1954, стр. 178—179.

¹¹ В этом примере «что» тяготеет к имени, а не к глаголу. Ср. замечание А. А. Потебни о примерах с глаголом: по его мнению, в них «что» — «союз, частица, тяготеющая уже не к имени, хотя бы имя в именительном или винительном и было налицо, а ко глаголу» (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 349). Однако случай, где родительный падеж количественный зависит от «что», а не от глагола, приведен А. А. Потебней в числе примеров, в которых «что» — местоимение (там же, стр. 349).

В предпоследнем примере часть предложения с «что» относится непосредственно к члену главного предложения, выраженному местоимением («за них»), несмотря на наличие придаточного с союзом «коли».

В ряде примеров при «что» стоит родительный количественный имени существительного и «что» выступает со значением «сколько»: ¹² «что волости всех новгородских, того ти кнже не держати, своими мужи. и държати, мужи новгородскими, а дар имати тебе от техъ волостии» (Нов. гр. 1265 или 1264 г.); «что свободъ дмитриевых и андреевых. и что сельць тягнуло к тым свободам. того всего тебе съступитися» (Нов. гр. между 1266—1272 гг.; см. также Нов. гр. 1270 или 1269 г.; Нов. гр. между 1305—1308 гг.); «что волостии всех Новгородских. тех волостии кнже, не держати ти своими мужи, и держати мужи новгородскими. а дар кнже тебе имати. от тех волостии» (Нов. гр. 1270 или 1269 г.; см. также Нов. гр. 1304—1305 гг.); «что людей Святаго Спаса в городе и в селах урелк есмь им на год два рубля давати» (Яросл. гр. до 1345 г.).

В третьем примере предложение с «что» относится к члену главного предложения «тех волостии» (имя существительное с указательным местоимением), в первом примере — к члену главного предложения «того» (указательное местоимение с обобщающим значением), во втором примере — к члену главного предложения «того всего» (указательное местоимение с обобщающим значением и согласованное с ним определение — определительное местоимение); в последнем примере — к местоимению-существительному «им», указывающему на имя существительное, на месте которого оно стоит. Наименьшей степенью самостоятельности обладает предложение с «что» в третьем примере, поскольку в главном повторяется имя существительное.

Мы не можем согласиться с А. А. Потемней (его высказывание приведено выше, в прим. 11), считающим «что» в предложениях, где имеется управляющий именем глагол, союзом, частицей, тяготеющей не к имени, а к глаголу.¹³ По нашему мнению, включение глагола в предложение с «что» не устранило окончательно связи с именем. Мы полагаем, что в следующем примере эта связь еще сохранилась: «а яз княз великий олег иванович што есмь дал арестовское село. стои бци дому и што прадеди наши подавали которая места и люди. и что бояре подавали дому стои бци, того хочю боронити а не обидети ничимь дому стои бци» (Ряз. гр. после 1356 г.). Грамота, из которой приведен пример, сравнительно поздняя — относится ко времени после 1356 г.

Следует отметить, что в этом примере связь «што» с именем неодинаковая. Наиболее тесной она является у первого «што» со словами «арестовское село», менее тесной, благодаря употреблению местоимения «которая», у второго «што» со словами «которая места и люди», и, наконец, почти отсутствует связь с именем (имя не названо в предложении и только может быть восстановлено по смыслу) у третьего «что».

В грамотах исключительно широко представлены конструкции с «что», которому предшествует союз «а», отграничивающий данное предложение от предыдущего.

¹² См.: А. А. Потемня. Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 349.

¹³ Предложение, где имеется глагол, не управляющий именем, А. А. Потемня не включил в число случаев со «что», являющимся, по его мнению, союзом, частицей (А. А. Потемня. Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 349): «что ся учинило тяже. межи новгороди. и межу немци. и гты. и со всемь латинскимъ языккъмь. то все отложихомь. а миръ докончакъмь на сеи правде» (Нов. гр. между 1257—1263 гг.).

Отметим случаи, где в главном предложении повторяется имя существительное (с указательным местоимением), стоящее при «что» в именительном падеже или в родительном количественном: «а что кнже грамоты посудил еси. оца своего. и брата своего. а свое грамоты. подаял еси на ты грамоты. ты грамоты отимати. а старые оправливати» (Нов. гр. 1265 или 1264 г.);¹⁴ «а что сел княже на новгородской земли. твоих. или княгыньных или боярь твоих. тех сел тебе съступитися. а куны емати на них у истьцев своих. у кого будеть кто купил» (Нов. гр. 1304—1305 гг.); «а что волосты новгородских. тех волосты тебе не държати княже. своими мужи. държати мужи. новгородскими» (Нов. гр. между 1305—1308 гг.); «а что есть. на бору. колодязь. солоной а тыи. колодязь. федору. и лаврентею. и обросиму. истьцистити да и церен. наставит(и) да пытати варить. по досугу» (Двин. гр. XV в.); «а что против подмошочья под лесом. яренский озора от тех озор. прямо до лавкоты реки по мху. и в верх по лавкоты реки. и с верх лавкоты реки. на верхнее озоро на яренское» (Двин. гр. XV в.); «А что ис тех волостей за Княгыню за Марьею, а те волости до ее живота» (Моск. гр. 1356 г.); «А что ся мне достали места Рязаньская на сей стороне Оки, исъ тех мест даль есмь Князю Володимеру в Лопастны места, новый городок на усть Поротли, а иная места Рязаньская отъменьная сыну моему Князю Дмитрию и Князю Ивану, поделятся на полы без обиды» (Моск. гр. 1356 г.); «А что волости за Княгыню за Ульяною, ис тех волостей по ее животе дети мои дадутъ дчери ее Сурожикъ, село Лучиньское» (Моск. гр. 1356 г.); «а что Ивановы села Васильевича и Некоматовы, а в те села тебе ся не вступати, а им не надобе: те села мне» (Моск. гр. 1368 г.); «А что еси привел Ноугородцев и Новоторжцев к целованью, а то целованье долов» (Моск. гр. 1368 г.); «А что есм дал своей Княгине из удела сына своего Княжа Васильева, и изо Княжа из Юрьева, изо Княжа Оньдреева, изо Княжа ис Петрова волости и села; а что Бог розмыслит о моей Княгине, и те волости и села во чьем уделе, то тому и есть» (Моск. гр. 1389 г.); «А что есм подавал своей Княгине волости и села из уделов детей своих, и свой примысл и слободы и села, и Холхол и Заячков, а с тех волостей, и с слобод и съ сел что возмет Княгини моя, то ей и есть; а дети мои в то не вступаютъся» (Моск. гр. 1389 г.); «А что места Талица, Выпользов, Такасов, та места Князю Великому Дмитрию, Князь Великий Олегъ ступился тех мест Князю Великому Дмитрию Ивановичю» (Ряз. гр. 1381 г.); «А что Татарская места отоимал Князь Великий Дмитрий Ивановичъ за себя от Татар до сего до нашего доконьчанья, та места Князю Великому Дмитрию; а что Князь Великий Олег отоимал Татарская от Татаръ дотоле же, а то Князю Великому Олегу та места» (Ряз. гр. 1381 г.).

В приведенном выше первом примере из Моск. гр. 1389 г. конструкция осложнена включением придаточного, имеющего значение придаточного времени: «а что Бог розмыслит о моей Княгине».

Особый интерес представляет второй пример из Ряз. гр. 1381 г., где два сложноподчиненных предложения с «А что». В главном предложении второго сложного предложения не только употреблено существительное (в придаточном оно не названо, но подразумевается) с указательным

¹⁴ Этот пример приведен А. А. Потемной (Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 349) в числе примеров, где «што» является союзом, частицей, тяготеющей не к имени, а к глаголу. Если согласиться с высказыванием А. Потемной, то к этим примерам следует отнести и приведенные нами ниже примеры из московских грамот 1368 г. (второй пример), 1389 г. (оба примера) и рязанской грамоты 1381 г. (второй пример).

местоимением («та места»), но и поставлено указательное местоимение «то» с обобщающим значением. Слова «та места» как бы конкретизируют это местоимение.¹⁵

В грамотах встретились примеры, когда во второй части предложения имя существительное первой части не просто повторяется, а получает более полную характеристику. К числу таких примеров относится следующий из Двин. гр. XV в.: «а что у Ондreja вытягалная грамота и рядная с шуриною своею, ино дас Ондрею по вытягалной по рядной грамоте, что рядная с шуриною с его съ игуменом съ Игнатем и с братом его с Манюлою».

К этим примерам примыкают и те, в которых имя существительное не повторяется, а на его месте стоят слова, обозначающие частное понятие («купецъ», «смерд») по отношению к общему, выраженному именем существительным в первой части предложения («а что закладников»): «а что закладников. за гюргемь на торожку. или за тобою. или за кн[я]гынею. или за мужи твоими. кто купецъ. тот в сто. а кто смерд. а тот потягнеть в свои погост» (Нов. гр. 1270 или 1269 г.; см. также Нов. гр. 1304—1305 гг.; Нов. гр. 1305—1308 гг.).

Во второй части предложения имя существительное может быть заменено другим сходным по значению (на месте слова «гнев» слово «нелюбье»): «а что кнже тебе было гнева на посадника. и на весь новгород. то ти кнже все нелюбье отложить. и от мала. и от велика. не мщати ти ни судомь. ни чимже» (Нов. гр. 1270 или 1269 г.).

В ряде случаев в главном предложении имя существительное опущено, но оно подразумевается при указательном местоимении, поскольку это местоимение согласовано с опущенным именем существительным: «а что мои люди куплени в великом шертце, а тыми ся поделять сынове мои» (Моск. гр. 1328 г.); «А что наши Ординци и Делюи, а тем знати своя служба, како было при наших отцех» (Моск. гр. 1362 г.); «А что еси изымал Бояр или слуг и людей Кашиньских, а подавал на поруку, съ тех ти порука свести, а их отпустить» (Моск. гр. 1368 г.); «А что моих людей куплених, а тым дал есмь свободу; а сын мой Князь Василий и моя Княгини и мои дети не принимаютъ их» (Моск. гр. 1371 г.); «А что в твоей очине седели мои Волостели, тым ны исправа учинити как и своим» (Моск. гр. 1371 г.).

Преобладает над другими конструкциями с «что» конструкция, в которой с именем существительным в первой части предложения соотносится указательное местоимение, имеющее обобщающее значение: «а што будеть. моих сел. в новгородской волости. или моих слуг. тому буди суд безъ перевода» (Нов. гр. между 1294—1301 гг.); «а што пошлины городь[с]к[ыи]. во тфери. и в новгороде. и в торъжку. и в волюце. а то по давной пошлине» (Нов. (другая) гр. между 1294—1301 гг.); «и что сел и свобод дмитриевых. то дали есме быле андрею. до живота андреева. в хръстное целование. а потомъ новугороду то все. а тебе княже в то не вступатися» (Нов. гр. 1304—1305 гг.); «а что пошлин князю. в новгородской волости. того вы мене не тaitи. в всех волостяхъ» (Нов. гр. между 1305—1308 гг.); «А что грамота опасная за посадницею печатью Василья Ивановича и тысяцького Григория Ивановича, а то есме отдале Новугороду» (Нов. гр. 1392 г.); «а до было живота твоего и моего то все взяли а самого смертью казнили» (Нов. бер. гр. XV в.); «а что перевесеца. у фоминих перевесець. два очны мои. а то з братом. моим

¹⁵ См еще сходный пример: «А что золото Княгини моее Оленино, а то есмь дал дчери своей Фетиньи 14 обручи и ожерелье, матери ее монисто новое, что есмь сковал; а чело и гривну, то есмь дал при себе» (Моск. гр. 1328 г.).

с Федором неделно» (Двин. гр. XV в.); «А что моих бортников и оброчников, которые в которой росписи, то того» (Моск. гр. 1328 г.); «А что есмь придобыл золота, что ми дал Бог, и коробочку золотую, а то есмь дал Княгини своей с меншими детьми» (Моск. гр. 1328);¹⁶ «А что ся останеть моих порт, а то роздаять по всем поповьям и на Москве» (Моск. гр. 1328 г.); «А что мое 100 рубли у Ески, а то роздаять по церквам» (Моск. гр. 1328 г.); «и что мед оброчный Васильцева стану, и что Отца моего бортници купленные под вечные варях, и кони ставити по станом и по варям, и конюший путь, то им все на трое» (Моск. гр. 1356 г.);¹⁷ «А что Княгини моее купля Лохно, то ее и есть» (Моск. гр. 1389 г.); «А что ся останет стад моих, тем моя Княгини поделитъся с моими детьми по частем» (Моск. гр. 1389 г.); «А что Ординская тягость и Коломенский Посол, коли есми был в своей отчине, а то нам по розочту» (Моск. другая) гр. 1389 г.); «а шьто промежи нас был гнев, устал и шькуды и з обою сторон, ино нам коньчно того не въпоминати, Полочаномъ и Риженомъ» (Полоцк. гр. 1476 г.).

В следующем примере, возможно, опущено имя существительное и «то» не имеет обобщающего значения: «А что ее село Репеньское и прикуп, то ее и есть» (Моск. гр. 1389 г.).

Рассмотренные нами случаи позволяют сделать вывод, что конструкции с «что» («а что», «и что») отличались многообразием как в отношении формальных связей между частями предложения, так и в отношении употребления соотносительных слов. Во второй части могло повторяться имя существительное первой части (с указательным местоимением при нем), могло стоять другое существительное со сходным значением, наконец, вместо существительного, составитель употреблял указательное местоимение (с подразумеваемым именем существительным или с обобщающим значением).

Грамоты дают материал и для суждения о том, как изменялась конструкция с «что». Один из путей указан выше — замена во второй части предложения имени существительного указательным местоимением, что способствовало потере самостоятельности первой части предложения.

Изменения в конструкции могли быть вызваны и тем, что во второй части предложения употреблялось другое существительное, чем в первой, хотя и сходное по значению (примеры приведены выше).

Иногда существительные во второй и первой частях не являются сходными по значению, но связаны друг с другом как следствие и основание, причина: «а что кнже мыт. по суждальскои земли. и в твои волюти, от воза имати по 2. векши. и от лодье. и от хмелна короба. и от льяна» (Нов. гр. 1270 или 1269 г.; см. также Нов. гр. 1304—1305 гг.; Нов. гр. между 1305—1308 гг.); «А что ся учинитъ просторожа от мене, или от вас, или от моего Тысяцкого и от наших Наместников, исправа ны учинити, а нелюбья не держати» (Моск. гр. 1341 г.).

Следует заметить, что во второй части может и не быть имени существительного, а называется действие, связанное с именем существительным, которое употреблено в первой части: «а что озера в Каковской очине, ино старцем волно ловити неводом и сетми по Юриеве грамотам и его детех грамотам, по Захариеве, и по Еуфимиеве, и по Ивановым грамотам» (Двин. гр. XV в.). Этот пример сходен с предыдущими, поскольку

¹⁶ Поскольку «что» употреблено с родительным количественным и, следовательно, родительный не зависит непосредственно от глагола, данный пример рассматривается А. А. Потемной как случай, где «что» — местоимение, а не союз, частица (Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 349).

¹⁷ Случай с «и» перед «что» (встречается редко).

основное и здесь и там — действие (в частности, «исправа» входит в устойчивое словосочетание, обозначающее определенное действие).

В следующем примере (из грамоты 1392 г.), поскольку при помощи существительного обозначено «место», вторая часть соотносится с первой при помощи наречия места «туды»: «А что под пискуплим городом колода церес реку за замьком, а туды Новгородьскому купцю путь чист» (Нов. гр. 1392 г.).

Во всех примерах, где существительное не повторяется и где нет и указательного местоимения, части сложного предложения оказываются тесно связанными без помощи лексических средств.

Второй путь изменения конструкции с «что» — включение в первую часть предложения глагола, управляющего именем существительным, благодаря чему нарушается взаимосвязь местоимения «что» с этим именем существительным.

Мы полагаем, что нарушение связи особенно заметно в тех случаях, когда глагол с именем существительным является устойчивым словосочетанием и во второй части предложения это имя существительное не повторяется, а вместо него (вернее — вместо устойчивого словосочетания) стоит указательное местоимение с обобщающим значением: «а что, кнже брат твои александр деял насилие на новегороде. а того ся кнже отступи» (Нов. гр. 1265 или 1264 г.); «а что кнже брат твои александр. деял насилие на новегороде. того ти ся отступити» (Нов. гр. 1270 или 1269 г.).

Материал, использованный нами, позволяет с тем большим правом говорить о путях изменения рассматриваемой конструкции, что она характерна именно для языка деловых документов.

Список принятых сокращений¹

- Нов. гр. — Новгородские грамоты, опубликованные в изданиях: К. Е. Напьерский. 1) Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригю и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. СПб., 1857. Литографированные снимки-таблицы: Ia (Договор великого князя Александра Ярославича Невского и новгородцев с немецкими послами. Писан между 1257—1263 гг.), V (Грамота великого князя Андрея Александровича к людям датского короля в Колывань. Написана между 1294—1304 гг.), 2) Русско-ливонские акты. СПб., 1868, грамоты: XXVI (между 1266—1272 гг.), CXV (1392 г.), CCCLXIX (1521 г.); А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. Исследования по русскому языку, т. I. Изд. ОРЯС, СПб., 1885—1895,² грамоты (договорные): № 1 (1265 или 1264 г.), № 2 (1265 или 1264 г.), № 3 (1270 или 1269 г.), № 4 (между 1294—1301 гг.), № 5 (между 1294—1301 гг.), № 6 (между 1305—1308 гг.), № 7 (1305—1308 гг.), № 8 (1371 г.), № 9 (1304—1305 гг.), № 10 (1304—1305 гг.), № 11 (1304—1305 гг.).
- Нов. берест. гр. — Новгородские берестяные грамоты; А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954;³ снимки и прориси грамот из раскопок 1953 и 1954 гг.
- Двин. гр. — 115 грамот XV в. (духовных, вкладных, данных, дарственных, купчих, рядных, судных, выкупных, закладных, меновных, раздельных), напечатанных под №№ 1—115 во второй части труда

¹ После сокращенного наименования в статье, при цитате из грамоты, указывается дата написания.

² Принимаем датировку новгородских грамот, предложенную А. А. Шахматовым.

³ Принимаем датировку берестяных грамот на основании палеографического и лингвистического анализа, предложенную в коллективном труде «Палеографический и лингвистический анализ новгородских грамот на бересте» (М. 1955).

А. А. Шахматова Исследование о двинских грамотах XV века. Исследования по русскому языку (Изд. ОРЯС; т. II, в. 3, СПб., 1903).

- Моск. гр. — Московские грамоты, опубликованные в трудах: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, часть первая. М., 1813. Грамоты: № 21 (Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты (первая) 1328 г.); № 23 (Договорная грамота великого князя Симеона Иоанновича с братьями его родными князем Иваном и князем Андреем 1341 г.), № 26 (Духовная грамота великого князя Иоанна Иоанновича (вторая) 1356 г.), № 27 (Договорная грамота великого князя Дмитрия Иоанновича с двоюродным его братом князем Володимером Андреевичем (первая) 1362 г.), № 28 (Договорная грамота великого князя Дмитрия Иоанновича и брата его князя Володимера Андреевича с великим князем Тверским Михаилом Александровичем 1368 г.), № 30 (Духовная грамота великого князя Дмитрия Иоанновича (первая) 1371 г.), № 34 (Духовная грамота великого князя Дмитрия Иоанновича (вторая) 1389 г.); Акты Археографической экспедиции, том первый. Грамоты: № 4 (Жалованная грамота великого князя Иоанна Даниловича о привилегиях людям новгородского Юрьева монастыря, живущим на Волоке. Написана между 1338—1340 гг.), № 21 (Жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича Спасско-Благовещенскому монастырю 1423 г.); К. Е. Напьерский. Русско-ливонские акты. Грамота CCCLXXVII (1531 г.).
- Яросл. гр. — Ярославские грамоты, помещенные в изданиях: Архимандрит Амвросий. История российской иерархии. Часть VI. М., 1815 (Жалованная грамота ярославского князя Василия Давидовича Спасскому ярославскому монастырю. До 1345 г.).⁴
- Ниж. гр. — Нижегородские грамоты, опубликованные в издании: Акты Археографической экспедиции, том первый. Грамоты: № 17 (Жалованная грамота нижегородского князя Александра Ивановича Благовещенскому монастырю. Написана между 1410—1417 гг.), № 18 (Жалованная грамота нижегородского великого князя Даниила Борисовича Спасско-Благовещенскому монастырю. Написана между 1410—1417 гг.).
- Ряз. гр. — Рязанские грамоты. Рукопись Жалованной грамоты великого князя рязанского Олега Ивановича Ольгову Богородицкому монастырю после 1356 г.; СГГД, часть первая. Грамота № 32 (Договорная грамота великого князя Рязанского Олега Ивановича с великим князем Дмитрием Ивановичем и братом его князем Володимером Андреевичем 1381 г.).
- Полоцк. гр. — К. Е. Напьерский. Русско-ливонские акты. Грамота ССХIV (1476 г.).

⁴ Текст проверен нами на основе следующих трудов: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1817; И. А. Вахромеев. Исторические акты ярославского Спасского монастыря, том первый. Княжьи и царские грамоты. М., 1896.

Ф. П. ФИЛИН

О древнерусском слове «волмина»

В грамоте Варлаама Хутынского монастырю после 1192 г. употреблено слово «волмина» в тексте: «Се вьдале Варламе святому Спасу землю и огородъ и ловища рыбьная и гоголиная и пожни. а. рьль противу села за волховомъ. в. на волхевьци коле г. корь. д. лозь. е. волмина, s. на острове и с нивами». Слово «волмина» неизвестно в других памятниках древнерусской письменности, стоит одиночно, значение и происхождение его загадочно. Попытки объяснить это слово пока что нельзя назвать успешными.

В. Р. Кипарский в рецензии на этимологический словарь русского языка Фасмера пишет: «Название реки „Волма“ Фасмер совершенно правильно сопоставляет с древнепольским *węłm* „морская пучина; волнение“. Сюда же относится, конечно, и др.-русск. „волмина“, встречающееся в так называемой Хутынской грамоте 1192 г. и обозначающее, по-видимому, какое-то угодье на острове на р. Волхов. В Хрестоматии С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова это слово оставлено без объяснения. Весьма возможно, что оно обозначало какой-нибудь затон или омут, где ловилась рыба».¹ «Категорическое конечно» В. Р. Кипарского по крайней мере неосторожно, поскольку им вовсе не принимаются в расчет данные, которые можно обнаружить на почве русского языка. Да и вообще в таких деликатных вопросах, как этимологии неясных слов, не следует спешить с окончательными выводами. Перечисление угодий, обозначенных цифрами, не позволяет считать, что «волмина» находилась на острове: «е волмина» отдельный самостоятельный пункт грамоты, наряду с «корь», «лозь» и др.; «s. на острове» — все, что имеется на острове. Из текста самой грамоты нельзя узнать, где находилась «волмина», обозначала ли она затон или что-нибудь другое.

Как увидим ниже, более вероятным является предположение о происхождении интересующего нас слова, выдвинутое еще Ф. Миклошичем и поддержанное Б. М. Ляпуновым. «Сопоставляю это слово с лат. *ulmus*, как и Миклошич, причем, однако, не вполне отождествляю оба слова: латинскому *ulmus* у нас бы соответствовало „*вълм“, которое действительно можно видеть в названии „волмина“ в грамоте Варлаама 1192 г. . . . Нашему же „*ильмъ“ в латинском должно бы соответствовать *julmus* (сравни *iugum* — „йго“).² Что касается слова «ильмъ», то оно широко представлено в славянских языках: чешск. *jilm* (старочешск. *jilem*, из которого *jímel*, *ímal*), польск. *ilm* и *ilma* (старопольск. *ilem*), укр. «илем» и «льом», нижнелужицк. *ljom*, болг. «илмъ», «илмак» (роща из вязов), словенск. *ilem*.

¹ Вопросы языкознания, № 5, 1956, стр. 133.

² Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. СПб., 1899, стр. 78.

limoves, ilmovina, также lim, líma, русск. «ильм» и «ильма» — вяз, дерево из семейства вязовых.

«Славянские формы, — продолжает Б. М. Ляпунов, — хорошо объясняются из форм древненемецких: др.-в.-нем. *ēlm*, ср. в.-нем. *ilme* при н.-в.-нем. *ulme*, которое может быть новым заимствованием из латинского. Не заимствованием ли объясняется и ненормальность замены «ь» в словенском через «i» вместо обычного «a» (*líma* вместо **láma*)? Или это отступление обуславливается влиянием отпавшего впереди «i»? Если «волмина» в Хутынской грамоте действительно означает нечто, относящееся к вязу, то, может быть, «*вьлм» не взято ли с латинской формы *ulm-*, а «ильм» — с нем. *ilm-* или *elm-*?³ Когда и при каких условиях могло быть произведено это двойное заимствование, Б. М. Ляпунов, конечно, не мог определить из-за недостаточности данных.

Мы здесь лишь отметим, что Фр. Миклошич и Б. М. Ляпунов, сопоставляя «волмина» с лат. *ulmus*, предполагают в древнерусском слове значение какого-то дерева, относящегося к вязу; семантически к «волмина» примыкает «ильм». Однако остается необъясненным начальный вокализм этих слов. С фонетической точки зрения необъяснимо и сопоставление Г. А. Ильинского слова **ълѣмъ* со словом «*жьлха», «ольха». В. Махек относит слово **ълм* к «праевропейской» лексике.⁴ Под «праевропейской» лексикой В. Махек понимает слова, которые были заимствованы древними индоевропейцами на территории Европы у неиндоевропейского населения. «Праевропейское» слово, заимствованное различными индоевропейскими племенами независимо друг от друга, хотя и может в известной мере сохранять свой «туземный» фонетический облик, но в каждом индоевропейском языке изменяется по-своему. В отличие от исконных индоевропейских слов, «праевропейские» слова не имеют обычных фонетических соответствий, позволяющих установить исходную праиндоевропейскую форму. В качестве примера «праевропейского» слова В. Махек приводит слав. *jedla*, литовск. *egle*, греч. *ἐλάτη* — «ель». Балтослав. *edla* и греч. *elata* генетически одно и то же «праевропейское» слово, но в греческом отразились замена «d» через «t», перестановка *d(t)-l*, замена «e» на «a».⁵

Предположение о «праевропейских» словах, совпадающих или близких по значению, сохраняющих общее в своем фонетическом облике, но не сводимых в одну исходную праформу, заслуживает внимания. Если бы нам удалось доказать, что «волмина» означало какое-то дерево, относящееся к вязу или близкое к нему, то сопоставление этого слова с лат. *ulmus*, слав. «ильм» и подобными словами могло бы быть оправданным с точки зрения гипотезы «праевропейских» слов.

Переходим к рассмотрению имеющегося в нашем распоряжении материала, который и сам по себе представляет некоторый интерес.

В современных новгородских и некоторых других северновеликорусских говорах, на наш взгляд, сохраняются следы загадочного древнерусского слова. На территории Новгородчины я насчитал около десятка топонимических названий: Вólмино (несколько деревень), Вólминка (две деревни и речка). Эти названия сами по себе «безгласны», так как их «внутренняя форма» утеряна, но они устраняют всякие сомнения насчет реальности употребления в древнерусском языке единственный раз встретившегося слова «волмина». Небезынтересно отметить, что некоторые деревни Вólмино и Вólминки расположены вдали от каких-либо заметных водоемов.

³ Там же, стр. 79.

⁴ V. Machek. *Česká a slavenská jména rostlin*. Praha, 1954, стр. 90.

⁵ Там же, стр. 9.

Особенно важным является наблюдение, произведенное мною в дер. Горное Марино Новгородского района в 1946 г. Местная жительница-старушка рассказывала о разрушенных фашистскими захватчиками улицах Новгорода, в иных местах тогда сплошь заросших высоким бурьяном: «ходить страшно: того и гляди волк выскочит из волмягá». В этом случае слово «волмяг» было употреблено распространительно, в значении «заросли бурьяна». Удалось выяснить, что «волмяг» в обычном значении — заросли ивового кустарника. Образовано это слово по типу «березняг», «сосняг», «малиннйг» и т. п., хорошо известному в русских говорах. Там же «волмяжник» (мн. ч. «волмяжники») — съедобный гриб, близкий к рыжику.

В северновеликорусских говорах довольно широко распространено название ивы, преимущественно мелкой, с побегами, из которых изготовляются корзины и некоторые другие предметы, — «вóлжанка»,⁶ «вóлжанный» и «волжáнный» — сделанный из ивы. Ср. у В. Майкова (Елисей, I): «Был смур на нем кафтан, и шапка на бекрене, В ол ж а н ы й кнут его болтался на колене». Ср. также в фольклоре: «Да у этого пахаря у пахарюшка Сошка-то была у его вó л ж а н а я» (Онежские былины Гильфердинга, I), «Кидайте-ка вы три сходенки... Первую кидайте волжаную, Другу сходенку серебряну, третью сходню позолоченую» (Рыбников, Песни, I) и т. д. В. И. Даль ошибочно полагал, что «волжáнка» или «вóлженка» — род мелкой ивы, тала, растущей по Волге, «это слово употребляется вместо „таволга“, „таволжанка“, которая идет из Заволжья особенно на кнутовища» (Словарь, I, 232). Название «волжанка» можно связывать с названием Волги лишь по принципу «народной этимологии». Волжанка (род мелкой ивы) растет и в районах, весьма далеких от Волги. Неверно объяснять «волжáнка» и как сокращение слова «таволжáнка», как предполагает В. И. Даль, с которым соглашается В. Махек (указ. соч., стр. 100).

В связи с этим позволительно сделать одно замечание общего характера.

Описывая историю тех или иных слов, особенно терминологического значения, нужно учитывать не только их родственные связи, которые во многих случаях, кстати говоря, оказываются неизвестными, но и устанавливающиеся связи с неродственными словами. В ряде случаев неродственные по происхождению слова, случайно близкие по звучанию и значению, сливаются даже в единое слово. Ср., например, «жолнёр» — польский ратник, солдат-пехотинец, солдат, поставленный для указания линии, по которой должна строиться воинская часть. Источником этого слова являются польск. żołnierz — «солдат» и франц. jalonneur — «расстановщик вех», т. е. слова, генетически совершенно различные.⁷ Русское диалектное «вóлжáнка» и «таволга», «та́воложник», «та́воложка», «та́волжáнка» и пр. — «луговое многолетнее растение из семейства розовых с крепким стеблем и соцветиями белых душистых цветов», — конечно, ничего общего по своему происхождению не имеют друг с другом. «Та́волга́» из татарск. tabulga — «степное растение» и заимствовано в русский язык в относительно недавнее время, тогда как «вóлжáнка» — древнее слово (вероятно, из «*вълг» — «влажный», «сырой»). И все же слова благодаря созвучию и некоторому семантическому сходству вошли в соприкосновение друг с другом. Фонетическое сокращение «та́волжáнка» в «вóлжáнка» вероятно, но «вóлжáнка» в зна-

⁶ См.: В. И. Даль. Словарь великорусского языка; Словарь современного русского языка. Изд. Акад. наук, СПб., 1895 и другие источники.

⁷ См.: Словарь современного русского литературного языка, т. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 181.

чении «таволга» — продукт воздействия древнего русского слова на позднее заимствованное.

Мы не собираемся утверждать, что «волмина», «волмяг», «волжанка» и другие «сходные» слова восходят к одному исходному слову. Однако некоторое созвучие и совпадение значений (не только в названии ивы, но и гриба, как увидим ниже) свидетельствует о контакте, установившемся между этими словами. Контакт вряд ли был бы возможен, если бы слова означали совершенно различные предметы. Наличие такого контакта также является косвенным свидетельством в пользу того, что слово «волмина» означало не омут, а растение.

Теперь перейдем к названиям гриба *Agaricus torminosus*. Литературное его название «волнушка», в просторечии «волнуха». Этот гриб широко распространен в наших северных лесах. Его во многих местностях солят и заготавливают впрок на зиму, так что он имеет известное хозяйственное значение. Ср. производные от этого названия слова в диалектах: «волнушник» (оятск., кемск.) — пирог с волнушками, «волнушница» (оятск.) — кушанье из волнушек, изрезанных на мелкие части, и квасу, «волнушник» — шутовое прозвище жителя г. Боровичей, и др. Диалектные названия этого гриба: «во́лжа́нка», «во́лже́нка» (академический словарь 1847 г., словарь Бурнашова, вологодск., псковск. и др.), «во́лжа́ник» (корсунск.), «во́лже́ница» (В. И. Даль), «во́лгонка» (касим.), «во́лгонек» (кирилл.), «во́лдя́нка», «во́лде́ница» (вологодск., яросл., шенкурск., тотемск. и др.), «во́лня́нка», «во́лне́ца» (чердынск.), «во́лне́йка» (псковск.), «во́лве́нка» (псковск.), «во́лве́ница» (шенкурск.), «во́лбе́нки» (яранск., тюменск.), «во́лы́нки» (оханск., шадринск.) и т. д.⁸ Ср., так же как и в слове «во́лжа́нка» (ива, гриб), «во́лня́нка» (борович.), «во́лвя́нка» (беломорск.), «во́лде́нка» (воховск.) — мелкая ива! «Во́лвя́нка», «во́лве́нка» (с другим ударением) означает также гриб из семейства луговиков, род поганок (известен и в центральных и южных районах). Для нас особый интерес представляет вышеупомянутое название *Agaricus torminosus* — «во́лмя́жник», а также «во́лмя́к», «во́лмя́ки» (борович.), «во́лме́нка», «во́лме́нки» (вятск., арханг., соликамск., кемск., пермск. и др.), «во́лмя́нка», «во́лмя́нки» (каинск., тобольск.), «во́лме́нец», «во́лме́нцы» (каргоп.), «во́лме́йка» (тюменск.), «во́лмо́вик» (беломорск.) и т. д. Можно, конечно, подозревать, что в «во́лме́нка» и прочих произошло изменение «н» в «м», но это маловероятно хотя бы потому, что в суффиксальном отношении слова не во всем совпадают (не зафиксированы «во́лно́вик», «во́лня́к» и пр.).

Можно полагать, что в «во́лме́нка» и прочих тот же корень, что и в «волмина». Совмещение в одном слове двух значений (ивы и гриба) легко объяснимо. Многие названия грибов являются производными от названий деревьев: «подберезовик», «подберезник», «березник», «подосиновик», «осиновик», «осиновка», «дубовик» и т. п.

Волнушки растут и по сырым местам, в которых нередко заросли ивового кустарника. Ср. каргоп. «во́лганцы» — волнушки, в отличие от борových рыжиков, любящих сухие места, то же олонецк. «во́лданцы». Названия «во́лмя́к», «во́лме́нка» и прочие образовались от слова «*во́лма», «*во́лма» — мелкая ива, ивовый кустарник. От одной из этих исходных форм («*во́лма») образовалась и «волмина». Нужно заметить, что образования с суффиксом «-ин-а» с разными значениями, присущими этому суффиксу, истари были особо продуктивны в северозападных

⁸ Примеры здесь и ниже взяты главным образом из картотеки академического словаря русского языка.

диалектах (ср. «осенина», «меженина» и пр.). Эта особенность сохраняется и в современных северозападных говорах.⁹

Итак, можно предполагать, что «волмина» Хутынской грамоты означает ивовый кустарник, *gesp.*, место, занятое этим кустарником. Надо полагать, что этот участок земли имел известное хозяйственное значение, поэтому и вошел в перечень земельных угодий, пожертвованных Хутынскому монастырю. В некоторых местах (например, в Тульской губернии) еще недавно (лет 30—40 тому назад) участки с ивовым лозняком «заказывали», т. е. запрещали до определенного срока (обычно до половины августа) срезать в них молодые побеги, пока эти побеги не приобретали нужной прочности и гибкости.

Между словами «лозь» и «волмина», несомненно, было какое-то различие, установить которое мы пока отказываемся. Что касается названий речек «Волма», «Волминка», то их происхождение легко объяснить, если наша догадка о значении слова «волмина» справедлива: многие названия рек и речек связаны с особенностями имевшейся на их берегах растительности; ср.: Ольховка, Оляха, Березовая и т. п.

Впрочем, *feci quod potui, faciant meliora potentes!*

⁹ См. об этом мою статью «Об одной особенности диалектного словообразования» (Ученые записки Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. XV, 1956, стр. 184—185).

А. И. СЕМЕНОВ

**О новгородском происхождении современного значения слова
«шваль»**

Слово «шваль» имеет в русском языке двойное значение. В XV—XIX вв. оно обозначало мужчину, знакомого с портняжным ремеслом (письменные источники дают указание на существование этого слова еще в XV в.: при описании Великопожского погоста Деревской пятины в писцовой книге, составленной около 1495 г., встречается производное от «шваль» прозвище — «Швалев»). «Шваль», «швальня» встречаются не только в русском, но и в других славянских языках. Одного корня и смысла со «шваль» слова «швец» (XVIII—XX вв.) и «швей» (до XVII в. включительно). «Шваль» мужского рода вышел из разговорной речи в XIX в. В. Даль в «Толковом словаре» называет районы его распространения — Владимирская, Тамбовская, Ярославская, Вятская, Пермская, Новгородская и Олонецкая губернии. В значительной степени эти районы относятся к древней новгородской территории.

Другое значение этого слова (сохраняющееся и в настоящее время) В. Даль поясняет так: «Шваль — шушаль, шушера, сволочь или сброд, дрянной людишка». В этом значении слово «шваль» — женского рода. Вряд ли следует искать происхождение «шваль» женского рода в германских или романских языках. Близкие по огласовке слова немецкого (Schwall — «поток», «наплыв») и французского (cheval — «лошадь») языков не имеют бранного смысла. Насмешливый смысл в русском языке приобрело французское слово chevalier — «рыцарь». Но это слово появилось в России поздно, с XVIII в. Бранное же значение «шваль» более раннего происхождения.

Новгородское устное предание, дошедшее до XIX в. и хорошо знакомое новгородскому археологу В. С. Передельскому (умер в 1907 г.), связывает происхождение бранного смысла «шваль» с событиями 1611 г., отразившимися в известной повести XVII в. «О взятии Великого Новгорода от немец и о разорении его», которая включена в состав Новгородской третьей летописи. В повести рассказывается, как шведское войско под командованием Якова Делагарди подступило к Новгороду. 8 июля 1611 г. шведы пошли на первый приступ, но были отбиты. В плену у них оказался дворовый человек боярина Ивана Лутохина — Ивашко Шваль. Ивашко пообещал шведам ввести их в город. «Во граде же в то время по стенам стража бысть плоха». И вот 17 июля «той же Ивашко приведе их ношию в город в Чудинцовские врата, и в город внидоша, никто их не видал» (Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 355—356).

В Повести об осаде Тихвинского монастыря шведами объяснены причины измены Ивашки Шваля: «Некий, убо, злый раб отбегает из града к сему злодейному немецкому воеводе Якову Пунтосову в полки, и обе-

щавается ему без кровопролития брани отворити градныя врата, сам же от него просит еже свободитися ему от господина своего и от его работнаго ига: и тако нощию привед их к Чюдинцовским вратом, и подполз под врата и отвори их» (Новгородские летописи, стр. 407—408).

Измена Шваля надолго осталась в памяти новгородцев. Местное предание соединяет с нею появление бранного смысла слова «шваль».

А. А. ОБРЕМБСКАЯ-ЯБЛОНЬСКАЯ

Об источниках польско-русского словаря Кирияка Кондратовича

Изданный Императорской Академией наук Польско-русский словарь (СПб., 1775) связан в истории русской лексикографии с именем Кирияка Кондратовича. Его огромный вклад в работу над академическим словарем русского языка по-настоящему не оценен. Присущая ему неутомимая страсть к словарной работе нашла также отражение в ряде произведений, принадлежащих исключительно его перу и являющихся самостоятельными трудами Кондратовича. В их числе «Польский общий словарь», содержащий пространное дополнение: «и библейный с польскою, латинскою и российскою новоисправленную библиями смечиван: и по порядку книг, глав и стихов, тройственным штилем, высоким, средним и простонародным на российский язык переведен коллежским ассессором Кирияком Кондратовичом».¹

Автор предназначает свой труд для переводчиков с польского языка на русский (ср. вступление «К читателям»). Этим и объясняется то обстоятельство, что некоторое количество экземпляров Словаря Кондратовича попало в Польшу.

К. Эстрейхер (см. «Польская библиография») отмечает этот труд в Ягеллонской библиотеке в книжных фондах Пржездзецких и в Библиотеке Варшавского университета. При тщательном изучении состояния упомянутых библиотек выявляются новые подробности о Словаре Кондратовича. Так, известно, что экземпляр, находящийся в Ягеллонской библиотеке, поступил в книжный фонд библиотеки около 1880 г. О дальнейшей судьбе экземпляра из фондов Пржездзецких (в значительной части сожженных во время Второй мировой войны) ничего не известно.

Зато вне учета К. Эстрейхера оказался экземпляр Словаря, находящийся в фондах Неборовской библиотеки (бывшей резиденции князей Радзивиллов под Ловичем), обозначенный № 1221.

Богаче всех представлены фонды Библиотеки Варшавского университета, так как каталог отмечает наличие в ней 4 экземпляров Словаря, а сама нумерация указывает на то, что наряду с засвидетельствованными экземплярами, обозначенными номерами 142251, 4. 28. 1. 16а, 4. 28. 1. 16б и 4. 8. 28б, некогда существовал еще один экземпляр с предполагаемым обозначением 4. 8. 28а.

В «Польской библиографии» К. Эстрейхера мы находим в XX томе на 16 стр. более подробную заметку об источниках нашего словаря. Дана латинская транскрипция титульного листа, формат и нумерация (в 8-ку, 292 стр.), после чего К. Эстрейхер уточняет содержание книги, сообщенное в заглавии: «До стр. 253, — пишет он, — словарь польско-русский.

¹ Цитаты русского текста печатаются по нормативному правописанию. В древнепольских примерах долгое «S» передается как «S».

Затем следует: „Польский библейный словарь самых странных имен великороссийским, [вместо „великороссиянам“] неудобноразумеваемый“ [в латинской транскрипции], составленный по книгам Библии и псалмам Давида и с латинскими терминами. Словарь этот является переработкой Thesaurus'a Кнапского, 1613 [опечатка, вероятно вместо 1643 г.], с пропусками. Встречается тут много опечаток».

Вот все у К. Эстрейхера. Это мало и вместе с тем много. Мало потому, что он не раскрывает нам лексикографической лаборатории Кондратовича. А ведь его первый печатный польско-русский словарь является определенным этапом, если не в непосредственных польско-русских отношениях, то в широком потоке польско-латино-церковно-русских языковых связей, принсенных волной политических и культурных сношений территорий Украины, Белоруссии, Польши и России.

С другой стороны, можно смело сказать, что справка К. Эстрейхера дает максимум возможного хотя бы потому, что при современном состоянии исторической лексикографии не много можно добавить уточнений и разъяснений.

А разъяснения ожидают, по крайней мере, 3 составные части Словаря Кондратовича: а) информационное вступление и приложенные в конце названия польских месяцев с русским переводом, б) польско-русский словарь — основной стержень книги, в) библейный польско-славяно-латинский словарь.

Все упомянутые составные части, как видно, собраны из разных, не зависящих друг от друга источников. Здесь я останавлиюсь на самой существенной части книги, т. е. на польско-русском словаре. Из формулировки К. Эстрейхера можно было бы сделать вывод о том, что русский лексикограф якобы занимался переработкой и сокращением «Тезауруса» Кнапского с целью использования его для русской кальки своего словаря. Этот момент требует уточнения, так как не очень пространный «Тезаурус» Кнапского после произведенных пропусков стал основой состава польских слов в книге Кондратовича. Эту цель осуществил несомненно один из многочисленных польско-латинских словарей, переделанных из «Тезауруса» Кнапского для школьного употребления и печатавшихся в течение XVII и XVIII вв. в различных видоизмененных версиях в частных краковских типографиях или в типографиях иезуитских школьных коллегий.

Достаточно привести несколько изданий этих словариков, озаглавленных чаще всего «Synonyma seu Dictionarium Polono-Latinum in usum studiosae juventutis Polonae ex Thesaurο Gregorij Snařii Soc. Iesu collectum», чтобы предстала картина их большой распространенности: Краков, 1643, 1649, 1664, 1669, 1693, 1703, 1722, 1744; Калиш, 1681, 1682, 1683, 1688, 1696, 1701, 1719, 1729, 1733, 1744, 1756, 1760, 1764, 1786; Львов, 1722, 1736, 1745, 1764; Познань, 1691, 1703, 1715, 1722; Гданьск. 1705; Сандомеж, 1734, 1756, 1783; Варшава, 1790, 1793.

«Синонима» насчитывали всего 36 изданий.² Сюда входят также словари, основывающиеся на словаре Кнапского и носящие фамилии авторов этих переработок, как например К. Ширвида «Dictionarium polono-latinum», изданный в Варшаве в 1641 г., «Польско-латино-литовский словарь», напечатанный в Вильне в 1713 г., «Польско-латинский словарь» (тт. I—II) Б. Вороновского, изданный в Калише в 1769 г.

Сравнение 11 экземпляров польско-латинских словарей со Словарем Кондратовича в отношении объема польских слов (подчеркнутый в приведенном выше перечне год издания обозначает доступные мне экземпляры

² К. Эстрейхер. Польская библиография, т. 30, стр. 167; т. 19, стр. 332—333.

для сличения их выборочным методом со Словарем Кондратовича) позволяет выделить экземпляры с разным количеством общих черт. Таким образом, результаты исследования только приблизительны, причем оказывается, что состав польских заголовков в Словаре Кондратовича нельзя рассматривать в неразрывной связи с его языковой и графической стороной. Причина кроется в ограниченном количестве источников, дающих возможность найти прототип польской части Словаря Кондратовича. Возможно, что этим прототипом были польско-латинские «Синонима», сокращенные по «Тезаурусу» Кнапского и изданные в формате 8-ки в Кракове в 1643 г., но мне не удалось напасть на след этого экземпляра, не считая заметки К. Эстрейхера, ссылающегося на Пржеленцкого. А самый близкий ему по времени и месту издания экземпляр 1649 г. не позволяет отождествлять словарный состав польских слов обоих словарей. Экземпляр 1649 г. представляет собой сокращенную переработку по сравнению с позднейшими изданиями и со Словарем Кондратовича.

Состав заголовков Словаря Кондратовича содержит черты, общие тем или иным экземплярам польско-латинских «Синонимов», но есть и такие черты, исторически отличающиеся от «Синонимов», где можно бы предположить или новшества самого Кондратовича, или же черты ненайденного прототипа словаря. Покажу это на примерах в пределах одной буквы алфавита.

Самым значительным новшеством является введение Кондратовичем прилагательных, из коих только некоторые встречаются в «Тезаурусе» Кнапского, но они полностью или почти отсутствуют в различных изданиях.

Словарь Кондратовича 1775 г.	«Тезаурус» 1643 г.	«Синонима»	1649 г.
		1703, 1705, 1713, 1734, 1736, 1744, 1756, 1761, 1783, 1793, 1641 гг.	
Adamaszkowy — «тафтяный»	Adámászkowy	Adamaszkowy	—
Aksamitowy — «бархатный»	—	—	—
Ałabástrowy — «алебастровый»	Alábástrowy	—	—
Ambrowy — «янтарный»	—	—	—
Anatómićky — «анатомический»	—	—	—
Atlásowy — «атласный»	—	—	—

Надо заметить, что большинство прилагательных, введенных Кондратовичем: «бархатный», «анатомический», «атласный», отличается по словообразованию от польских заголовков. Может быть, именно этим и руководствовался Кондратович при отборе прилагательных для своего словаря.

Словарь Кондратовича пропускает некоторые заголовки, которые имеются в «Синонимах», как например: Ale iednak — «но однако», Aptekarska nauka — «аптекарская наука», Arcyksiąże — «великий князь», Arendarz — «арендатор», Aspektu upatrować — «следить за видом», Aspekt dobry — «хороший вид», Aslekt zły — «плохой вид», Aż do szyje — «до самой шеи».

Часто Словарь Кондратовича отбрасывает синонимическое расширение заголовков: Ambra — «Амбра», а не Ambra bursztyn — «Амбра янтарь», Amirál — «Адмирал», а не Amirał, Hetman wodny — «Адмирал, водный гетман», Arkabúzer — «Мушкетер», а не Arkabuzer strzelec — «Мушкетер».

стрелок», Architekt — «Архитектор», а не Architekt, Budowniczy nauwyższy — «Архитектор, самый высший строитель» и т. д.

В отборе экземпляров «Синонимов», более близких к Словарю Кондратовича по составу заголовков, помогли следующие моменты: 1) пропуск непрерывных рядов слов, 2) опечатки, 3) варианты слов и особенности языка.

1. В сводке заголовков под буквами Zm мы отмечаем в Словаре Кондратовича ряд слов, начинающийся словом Zmácniam — «укрепляю», прерывающийся на слове Zmiększam — «смягчаю», содержащий 22 заголовка. Продолжение слов от Zmiennik до Zmysłony — «вымышленный» завершает все заголовки на Zm; около 44 следующих друг за другом заголовков мы находим в ряде других изданий «Синонимов». Исходя из этого критерия распределения, для изданий 1649, 1703, 1705, 1744, 1783, 1793 гг. характерен полный ряд заголовков на Zm, а прерванный на Zmiększam — «смягчаю» ряд мы находим в экземплярах 1734 г. (Сандожеж), 1736 г. (Львов), 1756 г. (Сандожеж), 1764 г. (Кашиш).

Таким образом, отождествление со Словарем Кондратовича ограничивается кругом упомянутых четырех экземпляров «Синонимов» с прерывающимся рядом заголовков на Zm. На их рукописные или печатные прототипы, видимо, опирался Кондратович.

2. Упомянутые четыре экземпляра обладают еще одной общей чертой: прилагательное от Kosaciec — «ирис цветов и корень», ошибочно передается в форме Kosacowego (1734, 1736, 1756, 1764 гг.), точно так же как в Словаре Кондратовича, а не как в остальных экземплярах: Kosaćcowy (1649, 1703 гг.), Kosaccowy (1705, 1783, 1793 гг.), Kosacowy (1744 г.).

3. Разбор 22 заголовков на Zm в наших четырех экземплярах покажет, что «Синонимы» 1734 и 1756 г. содержат после заголовка Zmarły — «умерший» слово Zmarsz — «морщины», в то время как в экземплярах от 1736 и 1764 гг., а также в Словаре Кондратовича в этом месте фигурирует Zmarsk. Таким образом, словообразовательный облик приведенного слова ограничивает наш круг сравнений между словарем Кондратовича и «Синонимами» — изданиями 1736 и 1764 гг.

В решении вопроса, какие из этих двух изданий более близки к Словарю Кондратовича, опять нам поможет случайность: ошибка, которая закрепилась в львовском издании 1736 г., как Sirnka, повторяется в Словаре Кондратовича: Sirnka — Пристенюк, чему в издании 1764 г. соответствует правильное Sionka atriolum. Противоречия между экземпляром «Синонимов» 1736 г., с одной стороны, и Словарем Кондратовича и изданием «Синонимов» 1736 г. — с другой, подтверждают еще примеры, которых немало найдется при сличении двух упомянутых «Синонимов» без привлечения параллелей из остальных изданий польско-латинских словарей.

Вот примерная таблица.

Словарь Кондратовича 1775 г.	«Синонимы» 1736 г.	1764 г.
Aktykuieł — «подтверждаю грамотами»	Aktykuie	aktoruię
Ałambik — «кубик»	Alambik	alembik
Babinięc — «паперть»	babinec	babieniec
Bękart — «незаконный сын»	bękart	bękart
Dalibog, zdarzy bog — «истинно»	Dalibog, zdarzy bog	dalibog zdradzi bog Deo favente
Siestrzęnek — «племянник»	Siestrzęnek	Siestrzętek itd.

Однако при более подробном сравнении Словаря Кондратовича с экземпляром «Синонимов» 1736 г. можно обнаружить ряд черт, отличающих

эти два состава слов и позволяющих охарактеризовать их в Словаре Кондратовича как архаичные флективные формы языка, графики и правописания. Из фонетических явлений мы встречаем, например, в Словаре Кондратовича наряду с *Oucies* параллельную древнюю форму *osciес*, в то время как уже в большей части «Синонимов» XVIII в. фигурирует современное *oucies* (*osciес* найдем еще в издании 1705 г.). Так же обстоит дело с засвидетельствованными в Словаре Кондратовича древними формами наречия *Bárzciey* — «больше», *Bárzo* — «очень», *Barzo dobrze* — «очень хорошо», которые во всех изданиях «Синонимов», начиная с 1736 г., представлены с вторичным развитием нового звука: *bardzciey*, *bardzo*, *bardzo*, *dobrze*, между тем как экземпляры изданий 1649, 1703, 1705, 1734 гг. имеют такие же формы, как и Словарь Кондратовича.

Флективные формы образуются также неодинаково: более древняя в Словаре Кондратовича: *Siewniczki*, *siéyki ptácy*, а также *ptacy* в изданиях 1703, 1705, 1734, 1744, 1756 гг., но современная форма *ptaki* в изданиях 1736 и 1764 гг.

Двойственное окончание творительного падежа *-oma* в функции множественного числа сохраняется в Словаре Кондратовича и в некоторых изданиях «Синонимов» как остатки исчезающей системы двойственного числа: *Kłóram zębóma* — «щелкаю зубами»; то же самое в изданиях 1641, 1649, 1703, 1705, 1713, 1734, 1744 гг., но *kłóram zębami* в издании 1756 и 1764 гг., смешанная форма *Kłóram zębomi* в издании 1736 г.

Более древняя орфография заимствований из классических языков, отражающая оригинальное латинское правописание, выступает в Словаре Кондратовича в таких словах, как *Apellácia*, *Apopléxia*, *Assisténcia*, *Banícia* — «изгнание», *Konstellácia* — «созвездие» и т. п., в то время как во всех почти изданиях «Синонимов» устанавливается правописание этих слов на *-ksya*, *-sya*; к исключениям надо отнести отмеченные *Assistencia* в «Синонимах» 1641 г., *Apoplexia* — 1649 г., *apoplexya* — 1705 г., что характерно для изданий с более древними языковыми чертами. Другие графические особенности Словаря Кондратовича, как очень частое употребление знака *ż* в сочетаниях *sż*, *cż*, *rż*: *Arkusz* — «лист бумаги», *Bączę* — «гляжу», *Ogogżały* — «загорелый», написание группы *-eń-* через *ę* перед согласной и назаимствование гласной перед *n*: *Bezpieczeństwo* — «безопасность», *Więcowy* — «веночный», *Wielozęstwo* — «многоженство», *Siostrzának*, *Kamięny* — «каменный», указывают на неадекватность польской части печатных польско-латинских словарей по сравнению с состоянием графики, орфографии и языка в Словаре Кондратовича. Только в польско-латинском словаре 1764 г. имеется несколько примеров с *cż*, *sż*, *rż*, о чем речь будет ниже.

На основании рассмотренных здесь нескольких лексических, графических, орфографических и фонетических черт польского раздела в Словаре Кондратовича мы предполагаем, что Кондратович мог использовать для своего труда такой текст польско-латинского словаря, в котором состав польских заголовков совпадает с львовским изданием «Синонимов» 1736 г. или же с калишским 1764 г. Это был, вероятно, рукописный экземпляр, содержащий ошибки и искажения текста, повторяющиеся потом или местами исправленные типографиями в львовском и калишском изданиях при одновременной модернизации графического, фонетического и флективного облика слов. Одной из графических черт этого текста было, вероятно, *ż* в сочетаниях *cż*, *sż*, *rż*, что в виде немногочисленных примеров попало в издание 1764 г., носящее следы модернизации в отдельных написаниях (*ánysz* — «анис», *aż do szyie* — «до самой шеи», *dobrze* — «хорошо», *zasiewacz* — «сеятель»), зато оно более последовательно было применено в Словаре Кондратовича. Исходную дату рукописной версии польско-

латинского словаря можно отнести к XVII или, в крайнем случае, к началу XVIII в., предполагая, что переписчик (а может быть, писец, записывающий под диктовку) был, возможно, человеком пожилым и сохранил в своем письме орфографические навыки XVII в. (rż, sz. cz: siostrząnek, kamieniu, męczenie).

При решении этого вопроса нужно учитывать также особенности говора восточных областей Речи Посполитой, который сформировался под большим влиянием чуждой ему этнографической основы. Это могло найти отражение в непалатальном произношении и таком же правописании -oŃ- как -on-: Konczysty — «остроконечный», Kóncze — «кончаю», Kónski — «лошадиный», и в смешении носовой -ę- с группами -eń-, -en-: Więcowy, Męczeństwo — «мученичество», Nieposłuszeństwo — «непослушание», Kontęlujęsie — «довольствуюсь».

Вполне приемлемо предположение, что Кондратович пользовался подобным рукописным экземпляром; рукописные прототипы или копии словарей Кнапского не были редкостью в XVII и XVIII вв. Особенно часто пользовались ими при составлении иноязычной кальки. Таким образом был создан Максимовичем «Латино-русский словарь» (рукопись закончена в 1724 г.), в основу которого легла польско-латинская версия «Тезауруса» Кнапского.³

Из польско-латинских школьных словарей Кнапского был взят состав заголовков для польско-славянского словаря Сильвестра Медведева (рукопись закончена в Москве в 1670 г.) и для польско-русского словаря конца XVII в.

Последние две рукописи содержат сводку польских заголовков в более пространной версии, чем та, к которой мы относим польские заголовки Словаря Кондратовича. В них не повторяется ни одна из особых примет, которые позволили связать Словарь Кондратовича с изданиями 1736, 1764 гг. и частично с изданиями 1734, 1756 гг.

Зато в обоих рукописных словарях встречаются те же, более древние формы написания как Osiec, Varzo, Aporlexia, Arpellacia. Это является еще одним аргументом в пользу того взгляда, что источником состава польских заголовков в Словаре Кондратовича является рукопись и что ее дату надо отнести к XVII в.

Беглый обзор славянской или же русской кальки обсуждаемых рукописных словарей указывает на то, что русский перевод польских слов формируется у Кондратовича совершенно независимо. Для этих переводов наш лексикограф использовал свой собственный богатый материал, предназначенный для большого русского академического словаря.

При работе над Словарем Кондратовичу помогла его переводческая деятельность и работа над латинско-русским словарем, которым он занимался по окончании Академии в Киеве.

Приведенные ниже сравнения заголовков в рукописных словарях XVII в. со Словарем Кондратовича выясняют косвенно, как формировались церковно-славянские и русские словари в лабораториях русских лексикографов того периода (ср. стр. 601).

Попутно следовало бы коснуться в нескольких словах той печатно-орфографической стороны Словаря Кондратовича, для которой были решающими: а) место печатания, б) новшества автора Словаря. Текст Словаря, который набирали в Петербурге люди, не знающие польского языка, сохранил, естественно, много опечаток, искажений или же адаптаций чужой

³ Ср.: С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 199—200.

Hasło polskie	a — Лексикон Полонославенский, 1670 b — Лексикон польский с толкованием русском	Польский общий словарь К. Кондратовича, 1775
Adwent	a—b: Приходъ. Пришествіе. Прихожденіе. Приближеніе.	рождество Христово
Agrest	a—b: Югода горкаа, нездрѣлаа. агрестъ (a), агроссть (b).	Барбарисъ
Akwawita	a—b: Вино жженое. Удвоеное.	водка
Badacz	a—b: Истазатель. Искатель. Взыскатель. Изслѣдатель. Испытатель.	сыщикъ, изслѣдователь
Barzo dobrze	a—b: цѣло благо. Велии добрѣ. Прямѣ добрѣ.	весьма изрядно
Bestia	a: Безсловесное. Скоть. Звѣрь. Несмысленное.	скотина
Bez mała	a: Негли. Мало не. Въ малѣ.	чуть, едва
Hultaĵ	b: Блудящій, блудитель скитатель, лестецъ	бродяга, шатунъ
Mdlę kogo	b: Ослабляю, немощна творю	обезсиляю, в безсиліе привожу
Nocny kruk	b: Нощный вранъ	филинъ птица, нощный вранъ (sl.)
Рѣowy	a: Желтавий. Пелевий.	жолтъ, желтый
Wyposażyć córkę	a: Оувѣннати дщер. Выпосажити,	за дочьрю приданое даю

системы графики и произношения. Поэтому он читается с трудом. То обстоятельство, что состав слов опирается на устарелого Кнапского, в то время как в первой половине XIX в. появляются пространные польско-русские словари Мюллера (1829 г.), Бартошевича (1841 г.), черпающие более современный состав польских заголовков из «Словаря польского языка» Б. С. Линде или из других двуязычных словарей (как например, «Польско-немецкий словарь» И. К. Троянского) было причиной, как я полагаю, того, что он был скоро позабыт, хотя мы знаем, что в свое время им пользовался А. Востоков в своих этимологических исследованиях.⁴

Кондратович ввел обозначение места ударения в польских словах. Зато он не применяет обозначения *á*, точно так же как его нет в рукописных текстах XVII в. Трудно оценить, было ли это акцентирование внесено из практики акцентов славянско-русских текстов или же это было проявление заботы о правильном ударении в польских словах со стороны русских, ориентирующихся на подвижное ударение в своей родной речи.

Вопрос этот не разрешен до конца. Наряду с пропуском ударения мы наблюдаем многочисленные случаи перенесения его на последний или третий от конца слог. Картина ударяемости в польских словах неясна, и не представляется возможным сделать выводы в каком-либо направлении. Зато другие детали, как кажется, отражают черты русской орфографии и произношения.

⁴ И. В. Ягич. История славянской филологии. — Энциклопедия славянской филологии, I. СПб., 1910, стр. 218; С. К. Булгач. Очерк истории языкознания в России, стр. 658.

Возвратное местоимение *się* пишется всегда слитно с глаголами, с причастиями и даже с отглагольными существительными. *Lsknęsię* — «сверкаю», *Lsknącysię* — «сверкающий», *Łaszeniesię* — «ласкательство».⁵ В некоторых случаях происходит смешение правописания *ł* и *l*: *Ałabaster*, *Ałambik*, *Sierpięłiwy* — «терпящий». Наряду с этим *Słó płacę* — «плачú пошину», *Kolyszę* — «качаю». Тут отражается наличие в русском алфавите только одного знака для обозначения *l—ł* при различном произношении, обусловленном последующей гласной. Ассимиляцию польского слова с русским соответствием найдем в слове *Kłór* вместо *Корг*, несомненно под влиянием русского «укроп», данного в Словаре как параллельный перевод польского *korz* в том же значении.

⁵ Правда, в польских рукописных текстах встречается написание *się* слитно с предшествующим словом, но Кондратович проводит это последовательно, несомненно под влиянием принципов русской орфографии.

М. В. БРАЖНИКОВ

Неизвестные произведения певца и роспевщика XVI в. Федора Христианина

Несмотря на скудость сведений, относящихся к вопросам истории и существа древнерусского искусства «знаменного» пения, его высокий художественный и технический уровень известен. Певческие крюковые рукописи сохранили до наших дней великое богатство русских музыкальных напевов. Они памятники нашего старинного музыкального творчества.

Среди древнерусских певцов и роспевщиков в XVI в. очень известным было имя московского попа Федора по прозвищу Христианин. Современники про него говорили, что он «славен и пети горазд знаменному пению и мнози от него научишася и знамя его и доднесь славно».¹ Однако произведения Федора Христианина до сих пор известно не было.

Этот пробел восполняют две крюковые рукописи XVII в., которые недавно нам удалось подробно исследовать. Одна из них хранится в Отделе рукописей ГПБ, в собрании историка М. Н. Погодина, под № 1925. Другая рукопись принадлежит Пушкинскому Дому Академии наук СССР. Она была найдена В. И. Малышевым в Усть-Цильме в 1955 г. и числится в Печорском собрании 1955 г. под № 70.

Первая рукопись относится к середине XVII в., имеет формат в 4-ку. Нотация ее знаменная, беспометная, текст написан полууставом, раздельноречный. По содержанию это сборник. Интересующая нас часть занимает листы 183—194 об. Она имеет такой заголовок, написанный вязью и киноварью: «Фиты розводные. Перевод Крестьянинов. Из Охтая. Глас 1».

Вторая, печорская рукопись относится также к середине XVII в. Формат в 8-ку, нотация знаменная (о пометах ее будет сказано особо). Текст — полуустав, раздельноречный. Это тоже сборник. Сочинения Федора Христианина находятся на листах 236—260 об. и имеют следующий заголовок: «Стихиры Евангельские. Больше знамя. Творение деспот[а] Лва царя премудрого. Перевод Крестьянинов». Весь заголовок написан вязью и киноварью.

Погодинская рукопись содержит так называемый «фитник», т. е. собрание развитых музыкальных оборотов, зашифрованных посредством кратких, но довольно сложных графических обозначений — «фит». Назначение фитника — служить «справочником» при исполнении продолжительных фитных напевов, а также пособием при обучении знаменному пению.

В погодинской рукописи отсутствуют киноварные пометы, вошедшие во всеобщее употребление в последней четверти XVII в. В силу этого «беспометные» певческие рукописи поддаются прочтению с недостаточной

¹ В. Ундольский. Замечания для истории церковного пения в России. М., 1846, стр. 22.

степенью точности. Однако фитник Христианина дает возможность судить о многом посредством общего внешнего сравнения розводов его фит с розводами фитников пометного периода.

Но как ни ценен фитник Христианина, он все же касается узкого и специального участка знаменного пения. Поэтому он уступает в своем значении стихирам Евангельским из сборника Института русской литературы.

Евангельские стихиры по традиции излагаются вместе с предшествующими им светильнями в следующем порядке: светильен 1 — стихира 1, светильен 2 — стихира 2 и т. д. (всего стихир 11). В рукописи № 70 светильны изложены подряд, но отдельно от стихир. Непонятно, почему Христианин счел нужным распеть только стихиры, оторвав их от светильнов, органически с ними связанных. В силу этого для приписывания светильнов тоже Христианину пока что достаточных оснований нет.

Стихиры Евангельские — одна из вершин знаменного распева. Они имеют высокохудожественные тексты и напевы, поражающие развитостью и красотой. Если за них взялся такой крупный мастер, как Христианин, то это заставляет думать, что и в его творчестве они должны были занимать выдающееся место.

Постараемся теперь ответить на вопрос, могут ли быть рассматриваемые рукописи автографом Федора Христианина? Достаточно сопоставить хронологические и графические данные, чтобы дать отрицательный ответ. Деятельность Христианина, как известно, протекала в царствование Ивана Грозного. Даже при возможном долголетии певца вряд ли она перешагнула границы XVI в. По почерку же знамен обе рукописи типичны для середины XVII в. Таким образом, обе они есть списки более позднего времени, но тех годов, когда система киноварных помет еще не была известна знаменной семейнографии.

Стихиры Евангельские писаны пометным знаменем, а это не согласуется ни с возрастом рукописи, ни с выраженным раздельноречием текста. Пометы в стихирах позднейшие, т. е. проставлены после того времени, когда появилась самая рукопись, и не тем лицом, которое ее писало.

Пометы оказываются и далеко не единообразными. Можно заметить, что некоторые из них выскоблены, иные написаны поверх других. В нескольких местах пометы вместо киновари писаны чернилом. При ряде знамен имеется по две равнозначные, но различно написанные пометы. Кроме того, поля рукописи испещрены, как и промежутки между знаменами, киноварными примечаниями, вставками и розводами. Все это свидетельствует о том, что с установлением системы помет рукопись была кем-то опомечена, после чего пометы были просмотрены и изменены другим лицом. Самым последним работал кто-то, сделавший правки в знаменах и примечания на полях. Возможно, что в работе над рукописью участвовало и четвертое лицо, вписавшее отдельные пометы черным цветом, а заодно изменившее значение собственно знамен посредством приписки к ним добавочных обозначений вроде оттяжек, облачков, сорочьих ножек и др. Могут ли при таких условиях киноварные пометы иметь серьезное значение? Безусловно, могут.

Мы не будем касаться тех способов, которые позволяют произвести работу по «расчистке» первоначальной и старейшей редакции знамен и помет, — их несколько, но тем или иным путем может быть получена достаточно достоверная пометная редакция стихир. Все же, как ни точна будет такая редакция, хронологически она не будет совпадать со временем написания («роспевания») стихир самим их автором — Федором Христианином: она окажется опаздывающей примерно на три четверти столетия. И все же пометная редакция является наиболее близкой к первоначаль-

ному напеву, ибо для роспевщиков XVII в. беспометное знамя было вопросом «вчерашнего дня», а не трудной загадкой, как для нас. Следовательно, мы теперь, пытаясь перевести беспометное знамя, допустили бы несравненно большие неточности, нежели приняв имеющуюся пометную, хотя бы и позднейшую редакцию стихир как пока что наиболее точное их истолкование.

Таким образом, рукопись Пушкинского Дома приобретает первостепенное значение для установления особенностей певческой практики Федора Христианина.

Стихиры Евангельские были распеты тогда также неким «во Твери дьяконом».² Это придает рассматриваемым нами стихирам еще больший интерес, вызывая на путь дальнейших поисков стихир, распетых упомянутым дьяконом, и сравнения их со стихирами Федора Христианина.

Исследование стихир Евангельских как таковых в их «классической» редакции может быть произведено на основании большого числа рукописей, в том числе восходящих еще к XII в. Стихиры тверского дьякона, а в особенности ныне обнаруженные стихиры Федора Христианина, явились бы заключительной главой такого исследования, что, однако, нисколько не умаляет их самостоятельной ценности.

В архивохранилищах Советского Союза имеется еще много собраний певческих рукописей, совершенно не обследованных учеными. Обследование их может дать русской музыкальной медиэвистике новые материалы, существенно обогащающие запас наших знаний, как это делают две рассмотренные рукописи, впервые в истории изучения древнерусского певческого искусства, дающие возможность ознакомиться с личным творчеством роспевщиков XVI века.

² В. Ундольский. Замечания для истории церковного пения в России, стр. 22.

Г. И. ЛЕБЕДЕВ

**Краткие сведения о рукописных и старопечатных книгах
Чухломского районного музея Костромской области**

С первого дня своего существования (музей был создан в 1919 г.) Чухломский районный краеведческий музей имени А. Ф. Писемского начал собирание рукописных и старопечатных книг и отдельных документов по истории местного края. Чухломский край богат историческим прошлым, сам город имеет многовековую историю. Поэтому в музее очень скоро был создан интересный рукописный фонд, располагающий материалами, восходящими к XVI—XVII столетиям. В начале собирательской деятельности приобретались документы и исторические сочинения, касающиеся истории других районов области, но потом музей передал все эти материалы по прямой их принадлежности. Так, в Солигаличский районный музей была передана очень ценная «Летопись Солигаличского Воскресенского монастыря», излагающая события с 1332 г. Одновременно была совершена передача в Центральный государственный литературный музей писем и разных личных бумаг А. И. Герцена, С. В. Максимова, М. А. Протопопова и др. Эти лица были связаны с Чухломским краем.

Теперешнее собрание музея составилось из книг и документов монастырей, церквей и помещичьих усадеб, находившихся на территории Чухломского района. Поступали рукописи от отдельных местных учреждений и лиц.

Основную и наиболее ценную часть собрания музея составляют документальные материалы исторического характера. Сюда входят документы XVI—XVII вв. из архива Авраамиевского или Покровского Городецкого монастыря, характеризующие монастырь главным образом как владельца Чухломского озера. Сюда же входят жалованные грамоты на поместья, уставные грамоты, раздельные, выписи из межевых книг, сговорные записи, межевые книги, данные книги, документы по истории некоторых церквей Чухломского района (приходо-расходные книги, ревизские сказки, летописи и т. д.). Материалы датируются XVII—XX вв. Синодик Авраамиевского монастыря содержит записи XVII—XIX вв.

Ценность представляет часть архива Никольского стекольного завода помещиков Катениных и их же Занинской ткацкой фабрики. Кроме приходо-расходных книг, в этом фонде есть памятная книжка Занинской ткацкой мастерской 1840 г., документы о крестьянах, условиях работы на заводе и др. Интересна домовая печатная Псалтырь (М., 1786) помещиков Катениных. На ее полях и чистых листах сделано 143 записи, относящиеся к роду Катениных. Иные записи очень подробны и повествуют о службе и боевой деятельности Катениных. Сведения важны для биографов Катениных. Есть записи о декабристе Павле Александровиче Катенине.

Для историков может пригодиться «Обывательская книга» г. Чухломы (1843 г.) и «Памятная книжка» (родовая) чухломского купца И. В. Июдина (охватывает события 1800—1880 гг.). В книжках содержатся интересные материалы по истории города, о быте и нравах местных купцов, объеме и характере торговли и т. п. Есть прошение А. Ф. Писемского в Чухломскую уездную земскую управу (от 2 ноября 1866 г.) о неправомерном исчислении его земли. Прошение написано писарской рукой, А. Ф. Писемский лишь подставил свою подпись и указал свой московский адрес.

Материалов, связанных с древнерусской культурой, в собрании не очень много, но кое-что все же имеется. Отмечу наиболее интересные.

1. Сборник, первых годов XVIII в. Содержит Статейный список (отчет) посла в Турцию Емельяна Игнатьевича Украинцева (1699—1700 гг.), письмо подьячего Каргопольской приказной избы к отцу своему, Кондрату Борисовичу, в Москву, «Гусли доброгласную» Симеона Полоцкого и «Слово о уме» (собрание кратких изречений) и др. Письмо подьячего интересно по стилю и содержанию; это какой-то человек, попавший в ссылку в Каргополь, «сосланный» в «дальние края», просит отца, чтобы он позаботился о его семье, и сообщает при этом сведения о своем положении. Сборник составлен и принадлежал Григорию Нефедовичу (Воину) Черевину, помещику усадьбы Нероново Солигаличского уезда.

2. Азбука учебная скорописная, 1732 г., на столбце длиной 886 см. Подробнее см. в моей заметке «Интересная рукопись»: Колхозная правда (Чухлома), от 6 мая 1940 г., № 62.

3. «Краткое описание истории российской о народе словено-российском и московском. Выписано из древних и новых летописцев о бывших великих государях российских и что при котором государе учинено явствует вкратце», XVIII в.

4. «Объявление о бывшей войне между Российской империею и шведскою короною в самодержавие российского императора первого Петра Алексеевича и шведского короля Карлуса 12, в которых годах и месяцах и числах браны шведские города, тако же когда были знатные баталии на море и на сухом пути» (начинается взятием Шлиссельбурга, а заканчивается записью 27 июня 1720 г. морской галерной баталии), XVIII в.

5. Лечебник (травник), XVIII в.

6. Сборник чудес Дмитрия Ростовского, 1753 г.

7. Сборник, середины XIX в., содержит Страсти Христовы и «Епистолию в Рим ко царю Тиверию из Иерусалима града от епарха именем Пилата» и др.

8. Новейшая русская азбука, или новейший дегский учебник, 1860 г.

9. Азбука учебная, 1888 г.

Среди старопечатных книг нет старше XVII в. и нет особо интересных. Все это напрестольные евангелия, некоторые из Авраамиева монастыря. Полная и подробная опись на все рукописные материалы Чухломского музея передана мной в Сектор древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома).

В. В. ЛУКЬЯНОВ

Рукописные материалы Переславль-Залесского районного краеведческого музея

В фондах Переславль-Залесского районного музея хранится 140 рукописных книг XV—XIX вв. Начало этой рукописной коллекции было положено в 1918 г., когда в помещении бывшего Горичского монастыря был организован местный музей. Основное ядро коллекции составили поступления из местных монастырей и церквей и дворянских усадеб. Дальнейшее пополнение шло за счет получения рукописей в дар от населения и приобретения их покупкой. В настоящее время на все рукописи имеется краткая инвентарная опись, но она настолько сжата, суммарна, что составить по ней хотя бы приблизительное представление о некоторых рукописях собрания нельзя.¹

Главный интерес собрания — историко-краеведческий. Здесь имеется большое количество документальных материалов по истории г. Переславль-Залесского и его района начиная с XVII в.: писцовые, межевые и другие книги переславских вотчин (№№ 12, 13, 22—26, 56, 105, 128),² жалованные грамоты на вотчины (1540 г., № 79; 1600 г., № 80; 1635 г., № 81; 1677 г., № 84; 1691 г., № 85; 1699 г., № 86), описи Переславского Троицкого Данилова монастыря (1732 г., № 107; 1746 г., № 108; 1753 г., № 109; 1830 г., № 110), описание этого же монастыря, составленное архимандритом Павлом в 1821 г. (№ 83), и др.

Заслуживают внимания Дозорная книга губного старосты Осипа Дахина, 1610 г., в которой описаны разрушения и ущерб, нанесенный вотчинам Переславского Данилова монастыря во время польской интервенции,³ Список с переславских переписных книг 1646 г., Выпись с переславских переписных книг, письма и меры дьяка Загряжского (№ 12) и Список с выписи, данной боярину князю Ивану Петровичу Барятинскому на его вотчины (№ 13). Интересен также сборник документов XVII—XVIII вв. (№ 14) с подлинным указом Петра I от 7 февраля 1722 г., предписавшим переславским воеводам бережно сохранять остатки его потешной флотилии.⁴

Ценные материалы по истории Переславского края можно найти в синодиках XVII—XIX вв. местных монастырей и церквей (это №№ 1—8, 11,

¹ Всего по музейной описи числится 208 единиц хранения, из них 50 номеров представляют собой документы 1941—1946 гг., они не включены в наши сведения.

² Здесь и в дальнейшем указываются в скобках номера рукописей по музейной описи рукописного фонда.

³ А. С в и р е л и н. О разорении переславского Данилова монастыря и вотчин его поляками и литовцами. — ЧОИДР, кн. 2. М., 1859, стр. 9—13.

⁴ К. И. И в а н о в. Переславль-Залесский. Ярославск. обл. изд., 1940, стр. 53—54.

29, 36, 41, 44, 45, 60, 127).⁵ В этих рукописях записаны роды многих князей, бояр, служилых и торговых людей, посадков и крестьян Переславского края. Некоторые синодики украшены цветными миниатюрами и заставками работы лучших местных мастеров XVII в. (№№ 1, 3, 4, 5, 6). Выделяется синодик XVII в. Переславского Никитского монастыря (№ 4), имеющий 160 миниатюр, в том числе и на тему повести о новгородском посаднике Щиле. Многие синодики XVIII в. иллюстрированы раскрашенными гравюрами. Здесь же отметим вкладную книгу Федоровского девичьего монастыря (XVII в., № 37) с важными для местной истории записями.

Из русской церковно-исторической литературы назовем: жития Андрея Смоленского и Переславского (XVII в., № 30), Даниила Переславского (несколько списков: XVII в., № 10; XIX в., №№ 17, 20, 27), Никиты Переславского (два списка: XVII в., № 30; XVIII в., № 43), Корнилия Переславского (XVIII в., № 65).⁶

Из непереславских житий выделим жития Сергия Радонежского (XVII в., № 82), Дмитрия Прилуцкого (XVII в., № 76) и Гурия и Варсонофия Казанских (XVII в., № 30). В собрании имеется отдельный список Повести о княгине Иулиании Вяземской-Новоторжской (первая половина XIX в., № 116), Сказания о богородичных иконах и чудесах от них: Тихвинской (XVII в., № 34), Толгской, Казанской, Смоленской (XVII в., № 30).

В музее есть также Синописис Иннокентия Гизеля, в списке конца XVII в. (№ 113), записки Манштейна о России, список с печатного издания (XIX в., № 115), Повесть о значении и рождении Петра первого Петра Крекшина (XVIII в., № 117) и Летописец Дмитрия Ростовского (XVIII в., № 46).

Укажем: Александрию (XVII в., № 114, начала нет), Повесть о семи мудрецах (XIX в., № 118), Пчелу, Космографию, Сказание о 12 сивиллах — все три в сборнике (XVII в., № 123), Зрелище жития человеческого (собрание 133 причт и басен, переведенных А. А. Виниусом, в списке XVIII в., № 124).

Несомненный интерес для историков быта XVIII и XIX вв. могут представить следующие автобиографические записки: «Продолжение жизни вице-адмирала Иллариона Афанасьевича Поваляшина» (XVIII—XIX вв., №№ 101—102),⁷ «Отрывки из кавказской моей жизни» Е. П. Самсонова (XIX в., № 96),⁸ «Воспоминание путешествия по Волге-Каме в Верхнеуральск в 1880 г.» Н. Ф. Самсоновой (Львовой) (№ 90) и ее же «Моя школа» (1864—1865 гг., № 89).

Кроме перечисленных выше рукописей, в коллекции музея находится еще несколько сборников слов и поучений, житий и сказаний, с которыми

⁵ О переславских синодиках см.: А. Артлебен. О рукописном синодике 1672 г. в Переславском Даниловском монастыре. — Древности. Труды Московского археологического общества, т. 4. М., 1874, стр. 65—67; А. А. Титов. 1) Синодики XVII века Переславского Никитского монастыря. М., 1903; 2) Синодики XVII века Переславского Горницкого монастыря. М., 1902; К. Н. Тихонравов. Синодики Переславского упраздненного Горницкого монастыря. — Владимирские губернские ведомости, 1853, № 44.

⁶ Последнее житие считается очень редким. Н. Барсуков в книге «Источники русской агиографии» (СПб., 1882, табл. 317) указывает единственный список этого жития — из собрания В. М. Ундольского.

⁷ И. А. Поваляшин (1739—1799) — екатерининский вице-адмирал, герой сражений под Красной Горкой и Выборгом; имел свои поместья в Переславском уезде.

⁸ Евгений Петрович Самсонов — офицер, переславский помещик, автор «Воспоминаний», напечатанных в «Русском архиве» (1884, №№ 2—3).

из-за недостатка времени нам не удалось познакомиться.⁹ В этих сборниках могут также оказаться ценные материалы.

Среди церковно-служебных рукописей есть несколько с крюковыми и линейными нотами (XVII—XVIII вв., №№ 192—208), с цветными заставками, концовками и инициалами хорошей работы: Евангелие (XV в., без номера), Апостол (XVI в., № 39), Минейя (XVI в., № 19) и др., с записями писцов, владельцев, вкладчиков (Слова Симеона Нового Божьего, например, принадлежали царевне Наталье Алексеевне).

В музее хранится около 100 старопечатных книг XVII—XVIII вв., в том числе два экземпляра первого издания Уложения царя Алексея Михайловича, М., 1649 (№№ 1810, 1816).

Собрание Переславского музея нуждается в улучшении хранения: в настоящее время оно размещено в неотопливаемом помещении, отчего часть рукописей начинает портиться. Кроме того, назрела необходимость составить подробное описание всех рукописных материалов, ведь собрание это известно далеко за пределами города.

⁹ В Переславле я был всего два дня и ездил туда по просьбе Сектора древнерусской литературы ИРЛИ узнать о содержании музейного собрания рукописей.

Я. Н. ЩАПОВ

Археографическая экспедиция в Горьковскую область

В июле 1956 г. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина направила археографическую экспедицию в Горьковскую область для поисков и собирания рукописного материала у местного населения. В состав экспедиции входили сотрудники Отдела рукописей Б. А. Шлихтер и Я. Н. Шапов. Местом работы была избрана заволжская часть Горьковской области с богатым старообрядческим прошлым.¹

Экспедиция начала свою работу с выявления владельцев рукописных книг в г. Горьком и сбора сведений о таких владельцах в других местах, которые намечалось обследовать. Предварительно была проведена подготовительная работа по разъяснению задач экспедиции. В областной газете «Горьковская правда» и в районных газетах «Городецкая правда» и «Семеновская правда» были помещены небольшие статьи о целях экспедиции и значении древнерусских рукописных памятников. В Городце и Семенове на ту же тему были проведены беседы по местной радиосети. Все это обратило внимание местных работников культуры и отдельных граждан на памятники письменности и значительно облегчило нашу работу.

После Горького экспедиция работала в Городце. Здесь удалось выявить большую часть собирателей и приобрести наиболее ценные рукописи. Затем мы посетили деревню Кудашиху (близ Городца). В этой деревне жил известный книгописец и миниатюрист рукописной книги Иван Гаврилович Блинов, умерший в 1944 г. В Кудашихе и в соседнем селе Мотренине живут родные И. Г. Блинова.

В Городецком районе были обследованы деревни Короваево, Саввино, Никольское, Коньково, Нечунаево, Тюпино, Осоково, Бриляки, Островино, Попово, Телицыно, Воротилово.

Кроме Городецкого района, работа производилась в районных центрах: селе Ковернино и городе Семенове. В этих местах были собраны сведения о многих владельцах рукописей, приобретено несколько рукописей.

В Семеновском районе мы побывали в селениях Взвоз, Медведево, Колосково, Келья (Б. Оленево), Хахалы и др.

Ввиду того что наша экспедиция была первой в заволжскую часть Горьковской области, мы старались посетить возможно больше селений, чтобы выявить наличие у местного населения рукописных книг и тем самым подготовить почву для более тщательного обследования этих мест.

¹ Большую помощь экспедиции еще во время ее подготовки оказал поделившийся своим богатым опытом археографической работы В. И. Малышев. В Горьком мы пользовались советами Н. И. Кочина, В. М. Пахомова, Н. И. Приваловой, Н. В. Сквордова и др., в Городце — директора музея П. Н. Созоновой, Н. А. Сухоплова, П. И. Рязанова и др.

Наша работа в 1956 г. в какой-то мере носила разведывательный характер. Но зато у нас теперь сложилось определенное впечатление об этом крае, и мы уже не боясь сможем приступить к детальному, кропотливому археографическому обследованию Заволжья и надеемся, что наши следующие поездки будут также не безрезультатными.

В итоге работы экспедиции 1956 г., продолжавшейся около трех недель, было приобретено и доставлено в ГБЛ 55 рукописных книг XV—XX вв. Хронологически они распределяются следующим образом: последней четверти XV в. — 1, конца XV—начала XVI в. — 1, XVI в. — 6, конца XVI—начала XVII в. — 3, XVII в. — 5, конца XVII—начала XVIII в. — 2, XVIII в. — 15, XIX в. — 21, XX в. — 1.

По содержанию рукописи представляют значительный интерес. Так, среди них есть Казанский летописец, «Гистория» об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, Повесть о снах Шахаиши (несколько списков), Житие патриарха Никона, Китежский летописец, повести о владимирском попе Тимофее, о бесноватой Соломонии, о хмеле, о табаке, Хождение Трифона Коробейникова, жития Сергия Радонежского, Федора Смоленского, Михаила Черниговского, стихи на убийство Бориса и Глеба. Имеются древнерусские загадки и присказки, полемические старообрядческие сочинения, в том числе произведения Спиридона Потемкина, инока Савватия, дьякона Федора, Керженские ответы, вопросы городецких старообрядцев к местному миссионеру Ломакину и др.

Среди естественно-научных сочинений отметим астрономические таблицы, Луциариус, сказание о строении человеческого, переводную Физиологию И. И. Пленка и др.

Найдены две Кормчие (XVIII в.), несколько нотно-крюковых рукописей, азбука крюкового пения и др.

Художественное оформление некоторых нотных рукописей имеет несомненное сходство с орнаментами росписей известных городецких и холможских деревянных изделий.

Обращает на себя внимание плохая сохранность большей части собранных рукописных книг. Это объясняется тем, что большинство современных владельцев не понимают значения, ценности сохранившегося у них рукописного материала. Члены экспедиции слышали немало рассказов о гибели в последние годы ценных рукописных и старопечатных книг, находившихся в частных руках. Бывали случаи, когда рукописи погибали от сырости, пожаров, употреблялись на макулатуру и на завертку. Все это говорит о необходимости скорейшего собирания памятников письменной культуры прошлого на территории Горьковской области. Откладывать собирание памятников рукописной старины больше нельзя. В то же время наша поездка наглядно свидетельствует о том, что на территории Горьковской области сохранилось еще немало ценных рукописных книг, и тщательное археографическое обследование области целесообразно.

Немалая доля вины за недооценку рукописных книг со стороны местных жителей лежит на интеллигенции районов, учителях, музейных работниках и т. д., которые, зная, что в их области у жителей еще хранятся старинные рукописные книги, не проявляют заботы об их сохранности. Виноваты и некоторые центральные научные учреждения, до сих пор не снабдившие периферийные музеи и библиотеки пособиями по определению старинных рукописных книг.

Пользуясь сведениями, добытыми на местах в 1956 г., ГБЛ будет продолжать археографическое обследование Горьковской области.

Ниже дается краткое описание рукописного материала, собранного в 1956 г. Рукописи располагаются в хронологическом порядке.

Краткое описание рукописных книг, приобретенных археографической экспедицией Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина летом 1956 г.

1. Триодь постная, посл. четв. XV в. Полуустав. 241 лл. 21.3×15.1. Запись 1564 г.
2. Златоуст, кон. XV—нач. XVI в., с чудесами (в том числе русскими) Николая Чудотворца и похвальным словом ему. Полуустав. 75 лл. 19.3×14.0.
3. Минея-четья, на сентябрь, 2-й пол. XVI в. Отрывок, содержащий две редакции Жития Федора Смоленского: редакция Антония (по благословению Ионы митрополита) и «Слово о проявлении мощей», жития Михаила Черниговского и Сергия Радонежского (Пахомия Логофета) и др. Полуустав. 149 лл. 18.8×14.0.
4. Минея служебная, на январь, 2-й пол. XVI в., содержащая среди других служб службу Савве Сербскому, Полуустав. 408 лл. 23. 3×17.5.
5. Апостол, втор. пол. XVI в., с приписанными загадками. Полуустав. 268 лл. 18.0×12.8.
6. Октоих, на 1—4 гласы, 2-й пол. XVI в. Полуустав. 365 лл. 30.6×19.5. Вкладная никольского попа Савы.
7. Златоуст и житие Марии Египетской, посл. четв. XVI в. Златоуст содержит, между прочим, поучения Серапиона, епископа Владимирского («Да престанем от грех наших...») и Кирилла Туровского («Какое житие крестьяном» и другое с началом «Понеже убо тайна си не всими откровена бысть...»). Полуустав. 277 лл. 30.0×19.0. Запись [писца?] кузмодамянского дьяка Григория Зеновьева сына Рыбникова.
8. Святцы, кон. XVI в., содержащие пасхальные таблицы и грамматические статьи; среди них колесо часовое, числа дневные прибыльным часом, сказание о зиме и весне, «азбука Ладийского послания», Надписание об азбуке. В конце синодик с особым вниманием к новгородским иерархам и сказания о Псалтыри. Полуустав. 130 лл. 14.8×10.0.
9. Евангелие-тетр, кон. XVI—нач. XVII в. Полуустав. 252 лл. 28.3×18.3.
10. Октоих, на 5—8 гласы, кон. XVI—нач. XVII в. Полуустав. 445 лл. 20.0×14.7.
11. Сборник слов, поучений и статей из Пролога, 1627—1628 гг., содержащий среди других статей слова на освящение церкви Георгия в Киеве, на память Бориса и Глеба, притчу «о богатых» из повести о Варлааме и Иоасафе. Полуустав, переходящий в скоропись. 301 лл. 18.0×14.0.
12. Диоптра Филиппа Философа, сер. XVII в. В конце выпись из Степенной книги и слова. Скоропись. 161 лл. 20.5×15.7.
13. Праздники, на крюковых нотах, втор. пол. XVII в. Полуустав. 252 лл. 14.5×9.5.
14. Сборник, посл. четв. XVII в., содержащий Шестоднев Василия Великого, Беседу трех святителей, «Аристотелевы врата» (1—19) из «Тайная тайных» псевдо-Аристотеля. Скоропись. 100 лл. 20.1×16.0.
15. Ирмологий и Октоих, на крюковых нотах, посл. четв. XVII в. Полуустав. 207 лл. 14.7×10.0.
16. Сборник бесед и поучений, составной, посл. четв. XVII—кон. XVIII в. В конце Повесть о бесноватой жене Соломонии с указанием имени записавшего эту повесть — попа Иякова. Полуустав и скоропись. 139 лл. 16.5×10.8.
17. Страсти Христовы и поучения разные, кон. XVII в. Полуустав. 15.5 лл. 19.3×15.0. Записи лысковца Ивана Мелентьева сына Мясникова.

1701 г., поступившегося сею книгою троицкому попу Димитрию Тимофееву за долг свой. Миниатюра на отдельном листе.

18. Сборник сочинений протопопа Аввакума, старца Авраамия и др., кон. XVII—нач. XVIII в., содержащий послания Аввакума к отцу Ионе, к Сергию (отрывок), к сибирской братии (отрывки), к попу Исидору (отрывок), толкование Аввакума на псалом «Помяну имя твое во всяком роде и роде...», поучения Аввакума, послание старца Авраамия к некоей «дщери Христовой» с изложением допроса Авраамия думным Иларионом Ивановым. Скоропись. 75 лл. 16.0×9.8.

19. Ирмологий и Октоих, кон. XVII—нач. XVIII в. Полуустав. 237 лл. 15.3×10. Запись дьячка церкви Рождества богородицы Серешки Михеева сына Попова.

20. Апокалипсис «трехтолковый», с толкованиями Андрея Кесарийского, нач. XVIII в., с миниатюрой и гравюрой. Полуустав. 181 лл. 14.9×9.9.

21. Керженские ответы на 130 вопросов Питирима, 1720-е годы. Полуустав. 268 лл. 20.5×16.3. Запись жителя Городца Василия Петрова Бахарева.

22. Казанская история (II группы II редакции), сер. XVIII в. Скоропись. 175 лл. 19.1×15.5. Записи устюжского крестьянина Петра Яковлева сына Коробицына и посадского Александра Васильева сына Шубина, сделанные в Якутске в 1761 г., писчика Сольвычегодской воеводской канцелярии Ивана Тимофеева сына Гаева 1764 г., подканцеляриста Усольской канцелярии Сергея Степанова сына Филиппева 1774 г.

23. Житие патриарха Никона (Иоанна Шушерина), 1759 г. Скоропись. 75 лл. 33.7×20.8. Переписано отставным капитаном Федором Васильевым в Москве.

24. Кормчая, 3-ей четв. XVIII в., список с издания 1653 г. Полуустав. 782 лл. 34.5×21.0. Запись владельца Сергея Соковнина от 1770 г.

25. Октоих, на крюковых нотах, 3-ей четв. XVIII. Приписаны правила держания пера при письме. Полуустав. 128 лл. 19.5×16.0.

26. Кормчая, 1774—1775 гг., список с издания 1650 г. Скоропись. 764 лл. 33.4×21.0. Владельческая запись крестьянина дер. Савина И. Ф. Сереногова и другая запись с упоминанием предводителя Николая Уварова.

27. Физиология, или наука о действиях тела человеческого, Иосифа Иякова Пленка, 1780-х годов. Перевод с латинского, отличающийся от перевода Ф. Ершова, изданного в Москве в 1789 г. («Естественная наука...»). Скоропись. 75 лл. 19.3×14.0.

28. Сборник, посл. четв. XVIII в., содержащий «Историю о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике», текст которой сходен с Историей в рукописи собрания Е. В. Барсова (отд. XIV, № 8), опубликованной Б. М. Соколовым (Этнография, 1927, № 1, стр. 119—122), духовные стихи и аллегории, отрывок родословия великих князей и царей русских, послание «Прелюбезному зятю моему имярек и отчество да дочере превозлюбленной моей имярек и отчество...», слова Иоанна Злотоуста и др. Скоропись. 114 лл. 17.3×10.8. Владельческие записи крестьян.

29. Ирмологий, на линейных (квадратных) нотах с добавочными песнями, 2-й пол. XVIII в. Рамка старопечатного орнамента. Полуустав. 127 лл. 21.2×16.3.

30. Цветник старообрядческий (сборник выписей о семи тайнах церковных, среди них послание с Ветки 1714 г., послание нижегородских старообрядцев 1703 г.), 2-й пол. XVIII в. Полуустав. 464 лл. 16.9×10.5. Запись

удельного крестьянина дер. Кузнецовой Балахнинской округи Михаила Иванова Смирнова 1843 г.

31. «Лусидариус сиречь Златый бисер» с добавочными статьями (похвалой Стефану Пермскому, чудом Сергия Радонежского, вопросами и ответами), 2-й пол. XVIII в. Скоропись и полуустав. 50 лл. 20.5×16.8. Запись жителя Городца Д. С. Виноградова.

32. Повести о явлении икон Тихвинской, Одигитрии и Римлянины, 2-й пол. XVIII в. Полуустав. 57 лл. 21.5×17.0.

33. Стихирарь, на крюковых нотах, 2-й пол. XVIII в. Полуустав. 52 лл. 20.5×16.2.

34. Цветник, 2-й пол. XVIII в., содержащий житие Феодоры, повесть о явлении Тихвинской иконы, выпись из Просветителя Иосифа Волоцкого, из Звезды пресветлой, плач Адама, духовный стих Иоасафа царевича и др. Полуустав и скоропись. 271 лл. 16.6×10.8. Один из писцов рукописи — крестьянин дер. Тарханова Городецкой волости Макар Алексеев сын Куликов.

35. Ирмологий, на крюковых нотах, кон. XVIII в., с миниатюрой, заставками, заглавными буквами, «цветками» в красках. Полуустав. 204 лл. 24.7×19.2.

36. Песнопения, на крюковых нотах (антифон демественной нотации, подoben, тропарь и светилен, знаменной нотации), 1-й четв. XIX в. Полуустав. 20 лл. 21.6×17.5.

37. Цветник (старообрядческий), 1-й четв. XIX в., содержащий повесть о царице и львице, повесть о Тимофее пресвитере, повесть о табаке, житие Макария Желтоводского, слова Василия о пьянстве, духовные стихи о пустыне, Иоасафа царевича, на убийство Бориса и Глеба), старообрядческие обработки поучений Ефрема Сирина, аввы Дорофея и др. Полуустав 163 лл. 20.2×15.6.

38. Ирмологий, на крюковых нотах, 1-й четв. XIX в. Полуустав. 214 лл. 21.1×17.4.

39. Сборник, 2-й четв. XIX в., содержащий повесть о 12 снах Шахаиши (Мамера), поздней редакции, повести из Скитского патерика. Полуустав. 28 лл. 22.0×17.3.

40. Праздники, со славниками, стихирами и другими песнопениями, на крюковых нотах, 1-й пол. XIX в., с рамкой, заставкой и заглавными буквами в красках. Полуустав. 309 лл. 32.2×20.

41. Слово (старообрядческое) об Антихристе Наполеоне, который похитит южную столицу и будет изгнан казаками и стрельцами, и о царе Константине, который овладеет Царьградом и сделает его своей столицей. 1-й пол. XIX в. Полуустав. 13 лл. 22.0×17.3.

42. Сборник, 1-й пол. XIX в., содержащий повесть о 12 снах Шахаиши (Мамера), Страсти Христовы, вопросы и ответы о звездах, громе и молнии, росе, граде и ветрах под заглавием «Книга беседы апостольские», Житие Николы Чудотворца, Хождение Трифона Коробейникова, слово о хмельном питии, слово Кирилла Александрийского в переводе Максима Грека и др. Полуустав. 352 лл. 20.6×16.7.

43. Китежский летописец («Сказание о богосокровенном граде Китеже. Летописец... о убийнии благоверного князя Георгия Всеволодовича»). Текст близок к тексту списка Меледина. Полуустав. 17 лл. 22.0×17.0.

44. Октоих (отрывок), сер. XIX в., с рамкой, заглавными буквами и заставками поморского стиля, в красках. Полуустав. 17 лл. 34.0×21.0.

45. Окружное послание прилежащим к соборной старообрядческой церкви с признанием лживости некоторых книг (Апокалипсис «седмитолко-

вый», тетради о картофеле и др.), от 1867 г. февраля 24. Список 2-й пол. XIX в. Полуустан. 40 лл. 16.7×10.8.

46. Каноник, 3-й четв. XIX в., содержащий каноны Иоасафу царевичу, Стефану Сурожскому, муромским князьям, Боголюбской иконе, Федору Смоленскому, Михаилу Черниговскому, Варсонофию Тверскому и др. Полуустан. 175 лл. 21.1×17.4.

47. Азбука крюкового пения, 3-й четв. XIX в., с разводами лиц и фит. Полуустан. 46 лл. 24.1×17.0.

48. Ирмологий, на крюковых нотах (гласы 4 и 5), 1880-х годов. Полуустан. 36 лл. 35.4×22.0.

49. «Деяния освященного собора» (старообрядческого), бывшего в Москве в июне—июле 1860 г., — договорная грамота архиепископа Антония и епископа Пафнутия о прекращении вражды, переписка старообрядческих иерархов и Устав Белокриницкого староверского монастыря. 2-й пол. XIX в. Полуустан. 150 лл. 20.8×13.3.

50. Материалы того же собора, 2-й пол. XIX в. Скоропись. 14 лл. 22.4×17.7.

51. Послание Кирилла, архиепископа Белокриницкого, к Антонию, старообрядческому архиепископу Московскому, 1865 марта 16 с призывом прекратить междоусобную борьбу. Список 2-й пол. XIX в. Полуустан. 8 лл. 17.8×11.

52. Сборник старообрядческий, 2-й пол. XIX в., содержащий беседы Спиридона Потемкина о нечувственных христианах и о Саваофе, выписи о Спиридоне Потемкине из посланий Феодора дьякона к сыну Максиму и в Москву из Пустозерска, челобитная Савватия (Терентия Васильевича), сосланного в Кириллов в 1660 г., выписи «о земленом яблоке, еже есть о картофеле». Полуустан. 331 лл. 17.0×10.8.

53. Беседа трех святителей, 2-й пол. XIX в. Полуустан. 17 лл. 15.8×11.0.

54. Сын церковный, 1895 г. Полуустан. 67 лл. 20.9×17.0. Списан в дер. Наумове Семеновского уезда Максимом Григорьевым.

55. Вопросы (50) к городецкому миссионеру Ивану Петровичу Ломакину от старообрядцев 20 февраля 1909 г., подписанные «В. К.». Экземпляр, поданный Ломакину. Полуустан. 60 лл. 22.0×17.5.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

Отрывки славяно-русских пергаменных рукописей в собрании Матенадарана в Ереване

Среди рукописных хранилищ Советского Союза Государственное хранилище рукописей при Совете Министров Армянской ССР (Матенадаран) в Ереване¹ занимает одно из важнейших мест. В Матенадаране хранится не только богатейшая коллекция памятников армянской письменности (9400 цельных рукописей, более 3600 фрагментов из рукописей и около 200 тысяч архивных документов), но также и значительное число рукописей на других языках (555 цельных рукописей и около 300 фрагментов): арабском, персидском, азербайджанском, грузинском, греческом, латинском и др. Ниже дается описание шести отрывков славяно-русских пергаменных рукописей XII—XV вв., хранящихся в Матенадаране. Все эти отрывки — защитные (как их принято называть в Матенадаране) листы, вpletенные в армянские рукописи для предохранения текста от непосредственного прикосновения переплета. В Матенадаране для защитных фрагментов употребляется пагинация армянскими буквами, в описании замененная латинскими буквами.

При описании отрывков автор пользовался помощью научного сотрудника Матенадарана К. Н. Юзбашяна, которому приносит искреннюю благодарность.

I

Кирилла Скифопольского Житие Савы Освященного. XII в. Извод русский. Устав. Рисунки пером добавлены позднее, вероятно уже в Армении. Два обрезка одного листа, верхнюю половину которого составляет фрагмент а—b, а нижнюю половину — фрагмент с—d. Размер обрезков 19,5×15,0 см. Рукопись была написана в два столбца, по-видимому по 20 строк, из которых сохранилось 18 строк. Эти отрывки представляют самый древний список Жития Савы Освященного. Вpletены в начале и в конце армянской рукописи XVII в., содержащей «Толкования Гр. Татеваци». Матенадаран, № 1351. Печатаемый ниже текст восстановлен по изданию И. В. Помяловского «Житие св. Савы Освященного» (СПб., 1890, стр. 217—221; см. рисунок на стр. 619).

1351a

<p>[1] (чис)тѣ съ [2] (бъравъ.) сыпа [3] (наго боб)а въ</p>	<p>мл, брагѣ. ѿко не вѣдѣ оустро ити ѿди добрѣ.</p>
---	---

¹ См.: Л. Х а ч и к я н Сокровища Матенадарана. — Вопросы истории, 1951, № 12, стр. 195—199.

[4]	(за. и сего) простъ	да ѳеда не оуго.
[5]	(рѣ и со)уши.	дѣхъ ти оно
[6]	(врѣмен)и же	моу же рекъ
[7]	(миноу)вѣшу.	шю. ꙗко зѣло
[8]	(призва)ѳе	ми оугоди, чѣ
[9]	(ного Иѳ)кова	стѣнныи о(т)че и
	(на ꙗдѣ. сконъ-	(издавѣна та
	чавѣшю слоу	ко брашѣна не)

1351d

[1]	жѣбоу) того	бѣхъ ꙗдѣ о
[2]	(же соух)ааго	тѣвѣща ѳемоу
[3]	(боба ва)ривъ.	стѣрьць г(лаго)ла.
[4]	(и добрѣ) оустрой	ими ми, чѣдо,
[5]	(въ пос)тѣви	вѣроу ꙗко тѣ
[6]	(пред)имъ.	ѳестъ просѣпа
[7]	(ѳдоущѣ)ма же	ныи тобою съ
[8]	(има рѣ)че ста	потока бобъ
[9]	(рѣчь. пр)ости	вѣдыи же се

1351b

[1]	ꙗко иже не мо	въ сво(ю келию).
[2]	гѣи грѣнѣа	ма Сице т(ѣи Иѳко)
[3]	боба оустрой	въ въ (своѣи ке)
[4]	ти и ничѣсо	лии м(олча па)
[5]	же о(т)ъ нихъ	костъ (ѳемоу бы)
[6]	не погоубити	о(т)ъ б(ѣса блоу)
[7]	како дружи	дѣна (и оу долго)
[8]	ноу може оу	врѣм(а подѣи)
[9]	стройги ка	зѣтс(а и надѣ
	(ко же глаголетъ	зѣ облѣнѣвъ
	апостолъ иже до)	са наипаче ѳе)

1351c

[1]	моу своѳемоу	же о(т) бѣса ра)
[2]	прѣлѣти не	жѣж(ѣниѣ въ)
[3]	вѣстѣ како цѣ	зѣмъ (ножъ ѳ)
[4]	рѣвию б(о)жи	тѣрѣ(за не щѣ)
[5]	ѳю попечетъ	да сво(ѳего лона)
[6]	са и се слыша	и не ст(ерпѣ)
[7]	въ Иѳковъ и	въ бо(лѣзни и)
[8]	зело пользѣнъ	крѣв(и течени)
[9]	бывъ отѣиде	ꙗ нач(а зѣати)

II

Евангелѣские чтенѣя — отрывки, содержащѣе Евангелѣе от Матѳея, гл. IV, 18—23; гл. VII, 1—7; гл. X, 33—39; гл. XIX, 27—30; Послѣние к Римлянам, гл. II, 10—16; гл. III, 19—26, 28; Послѣние к Евреям, гл. XI, 40—гл. XII, 2. XIV в. Извод русскѣй. Заголовки и ини-

ГОГО	БЪКЪАЛЪО
ЛАГО	ТЪВЪЩАМОУ
НИКЪ	СТАРЬЦЪГЛА
ОУСТРО	НМНМНАДО
ГАН	ВЪРОУ. ЯКОТЪ
НМЪ	КСТЪПРОСЪПА
МАЖЕ	НЪНТОБОУСЪ
КСТА	ПОТЪАБОВЪ
ОТН	ВЪДЪНЖЕСЕ.

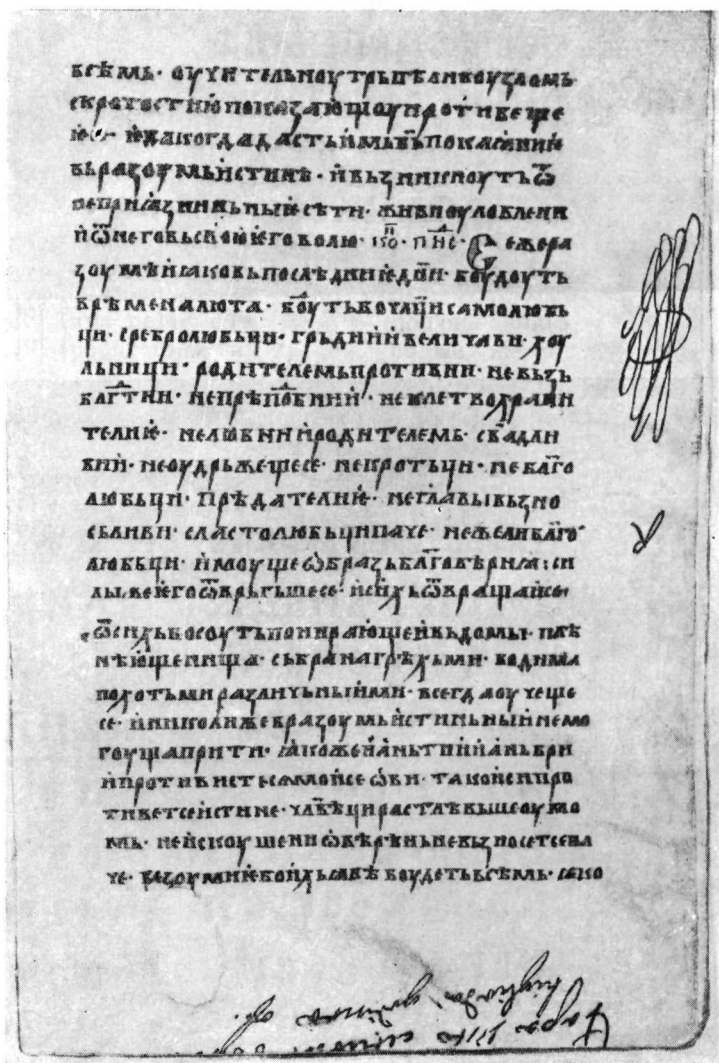
			
	ЯКОНЖЕНЕМО	ВЪСВО	
	ГЪНГРЪНЦА	^{МА} ГИЦЕ	
	ВОБДОУСТРО	ВЪВЪ	
	ТНННУБСО	ЛННМ	
	ЖЕОТЪННЪ	КОСТИ	
	НЕПОГОУБНТН	ОТЪБ	
	КАКОДРОУЖИ	ДНА:	
	НОУМОЖЕОУ	ВРЕМ	
	СТАДННННННН	КАДАС	

Лист из Жития Савы Освященного XII в. Матенадаран.
 Вверху — нижняя половина; внизу — верхняя половина.

циалы киноварные. 4 лл. 19.0 × 12.6 см. Два столбца. 25—26 строк. 2 листа вплетены в начале и 2 листа в конце армянского Евангелия 1681 г. Матенадаран, № 6743.

III

Апостол — отрывок, содержащий Второе послание к Тимофею I, 18—IV, 3. XIV в. Извод сербский. Полуустав. Заголовки киноварные.

Лист из сербского Апостола XIV в. Матенадаран.

2 лл. 19.3 × 12.5 см. 26 строк. Имеются следующие пометы XVI в.: стр. «а»: «Signor Vizenzo»; стр. «b»: 1) «San Domenico Suriano»; 2) «Salve, regina, mater miser(icordiae)»; стр. «с»: «gospod...»; стр. «d»: «Papa Sisto...».

² Монастырь S. Domenico Soriano находился в Калабрии.

Два листа этой рукописи вплетены в начале и в конце армянской рукописи XVIII в., содержащей «Грамматический сборник Фомы Италийца». Матенадаран, № 2275.

IV

Октоих, или Ирмологий, — отрывок XIV в. Извод определить не удалось. Устав. 1 л. 24.0 × 17.0 см. 22 строки. Текст читается с трудом, так как пергамен потемнел и чернила стерлись. Фрагмент вплетен в начале армянского Евангелия 1352 г., переписанного в Крыму, в Кафе. Матенадаран, № 7337.

V

Евангелие от Луки — отрывок, содержащий гл. XIX, 1—6 и гл. XX, 45—гл. XXI, 4. XV в. Извод русский. Полуустав. Армянская приписка XV—XVI вв., гласящая: «Я есмь грешный, беспомощный и немощный...». Обрезок листа. 19.5 × 14.0 см. Сохранилось 16 строк. Лист этот вплетен в начале армянского Евангелия 1751 г. Матенадаран, № 8231.

VI

Юридический акт — отрывок. XV в. Западная Русь. Полуустав, переходящий в скоропись. Обрезок листа. 11.4 × 8.0 см. Сохранилось 10 неполных строк. Текст сохранился плохо, читается с трудом. Этот отрывок, текст которого написан лишь на одной стороне листа, вплетен в конце армянской рукописи «Сборник церковных песен (Манрусмунк)», 1352 г., переписанной в Крыму, в Судак. Матенадаран, № 591.

- [1] гиши — дѣтемъ . и нашимъ намѣст
- [2] трѣлци коли намъ того будетъ потр
- [3] е(п)а-нъ (Оу)гринъ самъ своимъ живот
- [4] панъ Оугрин(ъ) самъ своимъ живото(м)
- [5] ани. и ты роботъ — — то были переѣ —
- [6] будетъ нам т-го. потреби зна — — ак
- [7] дом-ри вторѣ е недѣли вели — — го
- [8] —омъ были свѣд (всѣд?) дни, панъ иднѣ
- [9] ъ маршалокъ. збѣ гнѣвъ. панъ м — —
- [10] мь с — ъ — гра — — — ѣ — д — — — —

С. Я. НАЖИВИНА

**Рукописи Иргизского монастыря и Саровской пустыни
в собрании Куйбышевской областной библиотеки**

В отделе редкой книги Куйбышевской областной библиотеки имеется коллекция рукописей, состоящая из собраний рукописей бывш. Публичной библиотеки и частью из бывш. Областного музея.

Эти собрания были описаны в 1918—1919 гг. академиком В. Н. Перетцем, а затем труд его был опубликован в 1934 г.¹ В предисловии к самарским собраниям В. Н. Перетц писал: «Рукописи старообрядческих, позже — единоверческих монастырей на Иргиза были отчасти сохранены от распыления музеем г. Пугачевска, а затем, по частным сведениям, были переданы отчасти в Областной музей в Самаре. Но часть рукописей XVII и XVIII вв. осталась в Пугачевском отделении Саратовского архива».²

В последующее время, по всей вероятности в 1925—1928 гг., коллекция рукописей Куйбышевской областной библиотеки пополнилась. В нее поступило 66 рукописей, из них 38, как видно из инвентарных пометок и надписей на корешках, в прошлом принадлежали иргизским монастырям, 4 — библиотеке Саровской пустыни и 24 поступили из разных источников.

В настоящее время в отделе редкой книги насчитывается 258 рукописей XIV—XIX вв., все они занесены в инвентарь, имеют отдельную карточку и вполне доступны для научно-исследовательской работы.

Список 66 рукописей, не вошедших в каталог В. Н. Перетца, сообщается ниже. Рукописи расположены в хронологическом порядке, в круглых скобках указан их инвентарный номер.

1. (306228). Постнические слова Василия Великого и слово о нем и о чудесах его, конца XIV в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 32.

2. (306216). Евангелие, XV в. Искусные красочные заставки, заглавные буквы, заголовки выполнены киноварью. Приобретено Куйбышевской областной библиотекой.

3. (306206). Ефрем Сирийский, XV в. С л. 109 и до конца следуют «Слова» Григория Богослова и Василия Великого. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 28.

4. (306110). Миняя (февраль), XV в. На обороте верхней доски надпись: «Отобранные у инока Силуана». Из библиотеки Иргизского монастыря, № 76.

5. (306212). Патерик Скитский, XV в. На л. 2 скорописью написано: «1828 года в Саратове был губернатор князь Голицын, который монастыри теснил...» Из библиотеки Иргизского монастыря, № 19.

¹ В. Н. Перетц. Рукописи библиотеки Московского университета, Самарских библиотеки и музея и Минских собраний. Изд. АН СССР, М.—Л., 1934, 193 стр.

² Там же, стр. 9.

6. (306213). Книга Феодора Студийского, XV в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 25.
7. (306214). Апостол, конца XV—начала XVI в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 2.
8. (306120). Лествица Иоанна Синайского, конца XV—начала XVI в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 72.
9. (306221). Апостол, XVI в. На л. 1 надпись: «Пожертвовано иноком Силуаном 1841 г.» Из библиотеки Иргизского монастыря, № 3.
10. (306125). Евангелие, начала XVI в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 56.
11. (306199). Евангелие, XVI в. В рукописи искусные красочные заставки, вязь и заглавные буквы.
12. (306141). Житие Саввы Сербского, XVI в. На л. 259 «Житие отца Паисия». Из библиотеки Иргизского монастыря, № 61.
13. (306211). Миней-Четви (январь), конца XVI в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 10.
14. (306208), Миней-Четви (март, август), XVI в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 34.
15. (306226). Миней-Четви (сентябрь), конца XVI в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 8.
16. (306210). Миней-Четви (ноябрь), конца XVI в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 9.
17. (306143). Миней (февраль), XVI в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 75.
18. (306136). Служебник, XVI в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 116.
19. (306124). Триодь, XVI в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 124.
20. (306224). Триодь цветная, XVI в.
21. (306207). Миней-Четви (март), конца XVI—начала XVII в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 11.
22. (306225). Апостол, XVII в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 4.
23. (306119). Диоптра, XVII в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 53.
24. (306215). Евангелие, первой половины XVII в. Заставки и заглавные буквы искусно выполнены красками. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 4.
25. (306145). Житие Зосимы и Саватия Соловецких, конца XVII в. Искусная заставка-рамка.
26. (306223). Поучения Иоанна Златоуста, первой половины XVII в. На л. 299 «Повесть о житиях святых новых чудотворцев муромских» и др. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 19.
27. (306140). Катехизис великий, XVII в. На л. 4 надпись: «Из книг инока Силуана». На л. 1: «Отобранные у инока Силуана». Из библиотеки Иргизского монастыря, № 69.
28. (306126). Лествица Иоанна Синайского, вторая половина XVII в. На лл. 2—19—«Послание от Иоанна...» На лл. 20—21—рисунок лестницы. Искусно выполненная пером заставка. На л. 2 надпись: «Из книг инока Силуана». Из библиотеки Иргизского монастыря, № 74.
29. (306209). Миней-Четви (май, июнь, август), конца XVII в. На обложке написано: «Сия книга Семена Борисова сына Селиванова». Из библиотеки Иргизского монастыря, № 9.

30. (306198). Повесть о князе Федоре Смоленском и Ярославском, второй половины XVII в.

31. (306111). Устав церковного пения, XVII в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 94.

32. (306113). Стоглав, конца XVII в. Из библиотеки Саровской пустыни, № 12.

33. (306142). О соборах вселенских (выписки из разных книг), конца XVII—начала XVIII в. Из библиотеки Воскресенского монастыря на реке Иргиз, № 20.

34. (306421). Апостол, XVIII в. Из библиотеки Куйбышевского областного музея, № 80.

35. (306123). Военный устав с артикулом военным, конца XVIII в. Переписано со второго издания Военного устава (СПб., 1748). Запись: «Сей артикул куплен у прапорщика Петра Татаринова Симбирского батальона... марта 6 дня 1786 года».

36. (306337). Поучения Ильи Минятия... Степаном Писаревым в 1741 г. переведенные. Том 1, копия конца XVIII в. с издания 1759 г. Из библиотеки Куйбышевского областного музея, № 3.

37. (306116). Каноны, тропари, конца XVIII в.

38. (306203). Синодик Нижнего Воскресенского монастыря, конца XVIII в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 70.

39. (306222). Летописец Новгородский, второй половины XVIII в. На лл. 15—140 Летописец. Начинается летописец с лета 6496 (988) г., оканчивается 1674 г.: «При сем Иакиме митрополите поставлены бысть часы на Митропольи дворе над воротами на каменной церкви». На полях лл. 15—71 написано: «Сей летописец... сподписал своеручно Кудряшов будучи в Новгороде на Сифийской стороне на своем подворье 1758 году». На лл. 141—175 отдельные статьи о построении церкви св. Софии и о новгородских святых. На лл. 176—181 Легенда о рождении Петра Великого. На лл. 183—192. Азбука скорописная. Летописец Новгородский по содержанию имеет сходство с рукописью того же названия, описанной А. Востоковым, № ССЛ.³ Из библиотеки Иргизского монастыря, № 35.

40. (306118). Октоих, крюковой, конца XVIII в. Рукопись украшена 12 клеенными печатными рисунками и неискусными виньетками в красках.

41. (306419). Полидора Виргилия Урбинского, копия конца XVIII в. с печатного издания 1720 г.

42. (306200). Сборник, XVIII в. На л. 179 искусно выполненная заставка в красках. Содержит: «Повесть о царице и о львице», выписки из Стоглава, скитского Патерика, Летописца, Старчества, Пролога и других книг. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 134.

43. (306144). Сборник (лицевой), конца XVIII в. Содержание: Житие Василия Нового и Видение его ученика Григория, Слово в неделю мясопустную, выписки из Минеи, Старчества и др. В рукописи 100 лицевых красочных рисунка на отдельных листах.

44. (306137). Страсти Христовы, конца XVIII в.

45. (306121). Сказание о латыжах, XVIII в. На нижней корке переплета надпись: «Дело. По сообщению господина и ковалера Суворова оспу нет необходимой надобности в великолущкий пехотный полк лекаря Иоганна бла... декабрь 1774 г.» Из библиотеки Иргизского монастыря, № 108.

³ А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума СПб., 1842, стр. 353—354.

46. (305114). Старчество, XVIII в. На лл. 18—25. Записи: 1) «Сия книга, глаголемая Старчество старца Варлаама Солчина, а благословил его сею книгоу Троецкого Сергиева монастыря бывший келарь старец Симон Азарьин»; 2) «Сия святая книжица, именуемая Старчество Воскресенского старообрядческого монастыря, во свидетельство подписал того монастыря настоятель убогий инок... Прохор. апреля 1-го дня 1817 года». Из библиотеки Иргизского монастыря, № 119.

47. (306112). Опекун, комедия Александра Сумарокова, 1772 г.

48. (306205). Торжественник, конца XVIII в. Листы 3—4 украшены поморскими красочными заставками. Заглавные буквы исполнены кинорварью с большим художественным мастерством. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 35.

49. (306197). Трезвонь, крюковые, XVIII в. На л. 1 обложки написано: «Пречеснейшему другу моему и ученику Максиму...» Из библиотеки Иргизского монастыря, № 67.

50. (306127). Хрисмологийон, начала XVIII в. Из библиотеки Саровской пустыни, № 66.

51. (306323). Коран, конца XVIII—начала XIX в., язык арабский.

52. (306139). Иконописный подлинник, конца XVIII—начала XIX в. В конце рукописи запись: «Сия книга нарицаемая Подлинник стоит два руб. пятьдесят коп.» Из библиотеки Иргизского монастыря, № 63.

53. (306135). Сборник, конца XVIII—начала XIX в. Содержит: Луцидариус, «Собрание трудов» — басни на русском и латинском языках (на лл. 82—140), книгу различных упражнений по грамматике латинского языка студента Петра Лебедева и др. Из библиотеки Саровской пустыни, № 3.

54. (306117). Страсти Христовы, конца XVIII—начала XIX в.

55. (306204). Апокалипсис, конца XIX в. Рукопись имеет 70 миниатюр. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 1.

56. (306335). Книга о приеме еретиков, конца XIX в. На обложке надпись Ивана Петрова Мокеева из села Пойма от 1883 г. Из Куйбышевского антирелигиозного музея.

57. (306319). Молитвы, чтимые в день св. пятидесятницы, XIX в. Запись: «Молитвы сии написаны в 1844 году, а написал их Александроневской лавры иеромонах Серафим». Штамп Александроневской лавры.

58. (306133). О иночестве и о славе его, XIX в. Из библиотеки Самарской семинарии, № 4639.

59. (306134). История Саровского монастыря, начала XIX в. Из библиотеки Саровской пустыни, № 282.

60. (306132). Сборник богослужебный (молитвы и каноны), XIX в.

61. (306138). «Священная герменевтика... есть наука... как объяснить св. писание», XIX в.

62. (306227). Синодик, начала XIX в. Из библиотеки Иргизского монастыря, № 71.

63. (306122). Стоглав, начала XIX в. Запись: «Принадлежит Средне-Никольскому монастырю». Из библиотеки Иргизского монастыря, № 120.

64. (306232). Крейцера соната Л. Н. Толстого. Гектографическое издание конца XIX в.

65. (306128). Чин пения двенадцати псалмов и тропари. XIX в.

66. (306115). Нетовщина. (Возражение Пичугина на книгу Шарова, 1902 г.), XX в.

Фонетические особенности: 1) прежде всего обращает на себя внимание последовательное употребление цоканья: «отце» вм. «отче», «цто» вм. «что», «в педали» вм. «печали», «луца» вм. «луча» и т. д. Всего на 36 первых листах 18 случаев цоканья. Реже встречается чоканье («в человекѣхъ благоволенье», «лицѣ твоего»); всего только три раза на 36 листах. Правильное употребление «ч» встретилось только в одном выражении: «потопи в Черемнем море» (влияние терминологии); 2) имеется один случай замены «а» через «о» (возможно, что здесь ложная этимология под влиянием окающего говора): «словословимъ тя» (л. 37); 3) в двух примерах наблюдается полногласие: «молонья» (л. 27) и «Черемнем морѣ» (л. 14); 4) употребление «и» вместо «ѣ» и «е» и наоборот: «души» вм. «доуше» (л. 36), «удалель», «ручи мой» (л. 6), «двихъсА» (л. 10), «невидѣнью» (л. 26), «пред» (л. 4); такое употребление «и» вместо «ѣ» имеет место в очень многих случаях; 5) очень часты случаи употребления русского «ж» вместо старославянского «жд»: «хожах» (л. 2), «нужахуся» (л. 6), «зижющии» (л. 6), «утверженье» (л. 18), «чюжини» (л. 29), «сожежи» вм. «сѣзиди» (л. 7), «преже», а также «зд» вместо «жд»: «враздуошаю» (л. 2) и др.; 6) редуцированный «и» в слабой позиции систематически, во всех случаях, заменяется через «ь»: «благоволенье» (л. 1), «моленья» (л. 19), «яростю» (л. 21), «беззаконья» (л. 21), «нощью», и во многих других случаях.

Все наблюдения указывают на особенности севернорусского, именно новгородского, произношения. Случаи смягчения заднеязычных «к», исчезновение редуцированного «и» и слоговых плавных дают основание предполагать, что рукописи эти написаны примерно в конце XIII или в начале XIV в. в Новгородской земле.

II. Трѣодъ постная, XVI в.

Размер книги в четверть листа. В деревянном переплете, обтянутом кожей. Листы все целы. На первом (титульном) листе имеется чернильная надпись скорописью XVII в., многократно повторяющаяся: «Сия книга, глаголемая Трѣодъ постная Вытегорского погоста вдового диакона Григория Иванова Заветного... а подписал по дьяконову велению Антошка Авдеев сын Заветной». Написана полууставом, местами с пропусками букв, слов и выражений. Некоторые ошибки переписчика, писавшего согласно произношению, делают книгу ценной для истории русского языка. Рукопись до 1927 г. принадлежала Выговскому Даниловскому скиту.

Лексика церковно-славянская; есть небольшие отступления от более древнего текста; так, употребляется слово «в начале» вместо древнего «искони», «первѣй днь» вместо «днь единъ» (л. 84).

III. Новый Завет, конца XV—XVI вв.

Книга в деревянном, обшитом кожей переплете с застежками, написана полууставом, весьма мелким, вязью в заголовках. Содержание: Евангелие, апостольские послания и Апокалипсис с толкованием.

В конце книги имеется запись скорописью конца XVII в.: «В 1675-м году месяца января. Сию книгу, рекомую Псалтирь и Евангелие и Апокалипсис купил мещанин... (неразборчиво)... с женою своею...» На листах при переплете отрывок какого-то письма и более поздняя выписка: «Заповедь по преданию святых правил избранная о казнях по повелению святых отец и по уставу святых царей». Выписка, вероятно, из Кормчей.

В лексике и фразеологии не заметно отступлений от канонического церковно-славянского текста, если не считать таких отдельных слов, как «Марко» (вм. «Марк») — л. 8, «Неразликують» (в смысле «различают») — л. 9. Наблюдается систематическое употребление знака краткости над кратким «и». Беспорядочное употребление юса большого: иногда он заменяется через ук, юс малый, и др.

IV. Триодъ постная, конца XVI—начала XVII в.

Книга написана четким полууставом, приближающимся к уставу, на бумаге. С л. 111 написана другой рукой. Всего в рукописи 172 лл. В деревянном переплете, обтянутом кожей. Размер — в пол-листа. В конце книги запись: «... инок Иона зачал писать мѣа мая в 31 день» (год не указан).

Лексика церковно-славянская, особых отступлений в сторону русского языка не наблюдается. Есть фонетические особенности, объясняемые влиянием русского языка, например севернорусское цоканье: «оцѣсти» вм. «очисти» (единичный случай).

Рукопись до 1927 г. находилась в Выговском Даниловском ските.

В. К. ПЕТУХОВ

Сербская рукопись XVI в.

(Из собрания В. Н. Перетца)

В течение многовековой истории культурных отношений между Сербией и Россией в рукописные хранилища наших библиотек попало немало сербских рукописей. Приходили они различными путями: их приносили с собой сербы, бежавшие из турецкой неволи; привозили русские паломники и путешественники по святым местам. В XIX и начале XX в. русские ученые О. Бодянский, В. И. Григорович, А. Ф. Гильфердинг, В. И. Ламанский, А. И. Яцимирский, П. А. Сырку и другие приобрели большое количество памятников сербской письменности во время своих путешествий по славянским землям и монастырям Афона.

Описание одной сербской рукописи, находящейся в собрании ИРЛИ (коллекция В. Н. Перетца), дается ниже.

Четвероевангелие, XVI в., в лист, писано четким прямым полууставом, на бумаге. Водяной знак — якорь в кругу, над кругом — звезда с пятью лучами и с контрамаркой «А».¹ Рукопись имеет 295 листов, лл. 1 и 296 чистые. Перед каждым текстом — заставки южнославянского плетеного типа; господствующие цвета — зеленый, красный и желтый. Инициалы киноварные. Четыре миниатюры евангелистов являются подделкой конца XIX—начала XX в. под стиль XVI в. К этому же времени относится и переплет из лилового бархата и золотой обрез. Серебряные медальоны, изображающие евангелистов, перенесены с прежнего переплета.

На внутренней стороне лицевой крышки переплета — наклейка розового цвета с надписью черными чернилами «F. 190». Ниже карандашом подпись В. Н. Перетца и дата приобретения рукописи: 1926.XI.4. На л. 3, внизу, — несколько перевернутая, стершаяся надпись славянскими буквами, прочесть которую не удалось; на том же листе, сверху над текстом, — печать Института мировой литературы им. М. Горького, где рукопись находилась до 1951 г. На л. 4 об., сверху над текстом, — полузатертая запись на новогреческом языке. Приводим русский перевод ее: «.....это святое евангелие положено в местности.... храма святого великомученика Георгия. 1679». (Всю надпись прочесть не удалось).

С л. 9 по л. 32 включительно по нижнему полю листа имеется следующая запись: «сия кънига глаголемая святоя еаунгелие А...ю (буквы имени в середине стерты) Матвееву Танинскому города Коломны села Черкизова деревни Подлужья куплена в лето от мира создания 7343 (1835) года месица марта в 18 день. На память иже во святыхъ отца нашего Кирила архиепископа Иерусалимского и святыхъ мученицъ

¹ Подобный знак датируется у Брике 1508 г. (№ 498), 1527 г. (№ 505).

Александры, Клавдии, Евфрасии, Матроны, Улияны, Евфимии и Феодосии».

Содержание рукописи: л. 3 — указание на порядок и время чтения евангелистов; л. 4 — оглавление к Евангелию от Матфея, начинающееся с 20-й главы; указатель предыдущих глав находится на л. 294 об. (листы перепутаны при переплете); лл. 5—7 об. — предисловие Феофилакта Болгарского к Евангелию от Матфея; лл. 81 об. — 85 — оглавление к Евангелию от Марка и предисловие Феофилакта Болгарского; лл. 85 об. — 132 об. — текст Евангелия от Марка; лл. 133—136 об. — оглавление к Евангелию от Луки и предисловие Феофилакта Болгарского; лл. 138—214 об. — текст Евангелия от Луки; лл. 214—216 об. — оглавление к Евангелию от Иоанна и предисловие Феофилакта Болгарского; лл. 218—274 об. — текст Евангелия от Иоанна.

В конце Евангелия — месяцеслов, указатель евангельских чтений в неделю о Мытаре и Фарисее, в субботы и недели святого поста и другие дни года.

Рассматриваемый памятник представляет собой перевод Евангелия, возникший на юге славянства в конце XIV в. Подобный текст появился в России в конце XIV — начале XV в. и закрепился через печатное Острожское издание 1581 г.²

Появление в России этой югославянской редакции Евангелия находится, несомненно, в связи с усилившимся в конце XIV в. притоком памятников южнославянской письменности и появлением в России выходцев с юга славянства (Киприан, Григорий Цамблак, Пахомий Серб и др.).

Южнославянские тексты Евангелия, возникшие в конце XIV в., образуют довольно определенную группу даже по внешнему составу. М. Н. Сперанский следующим образом определяет характерные черты этой редакции: а) отсутствие в месяцеслове славянских святых, б) присутствие введения Феофилакта Болгарского, в) наличие перечня глав, встречаемого в древнейшей редакции, затем исчезающего и появляющегося вновь в XIV—XV вв.³

Несомненно, что более тщательное изучение этой редакции вместе с другими литературными памятниками Тырновской и Ресавской эпох позволило бы выяснить причины появления нового перевода евангелия на юге славянства.

Фонетические и орфографические особенности рукописи подтверждают ее сербское происхождение и в то же время свидетельствуют о влиянии на писца приемов среднеболгарской орфографии: 1) последовательно старославянский юс малый передается через «е»: езыкь (л. 27), семе (л. 31 об.), потресесе, распадесе (л. 78 об.), чеда (л. 139), начетоць (л. 240) и т. д.; 2) в конце слов обычно «ь» вместо «ъ», которое употребляется преимущественно в предлогах; 3) смешение «и» — «ы»: ридание (л. 11 об.), Выфлееме (л. 10 об.), митаремь (л. 30 об.), сылы (л. 30 об.), бившее (л. 30 об.); 4) после «с», «р» — «а», «у» вместо «я», «ю»: всакь (л. 15), боура (л. 163), вьсоу (л. 11 об.), сьтвору (л. 14 об.), къ олтароу (л. 18); 5) среднеболгарское отсутствие йотации в сочетании двух гласных: добраа (л. 15 об.), твоа (л. 18), многаа (л. 15 об.), прелюбодеанного (л. 17 об.); 6) в начале слов наряду с «ѿ» встречается

² Г. А. Воскресенский. Характерные черты редакции славянского перевода евангелия от Марка. М., 1896.

³ М. Н. Сперанский. Критический разбор сочинения Воскресенского Г. А. «Характерные черты редакции славянского перевода евангелия от Марка». — Отчет о 39-м присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899, стр. 128.

очное «о»; 7) «оу» и «у» употребляются безразлично, но в начале слов всегда стоит «оу»; 8) «е» встречается как замена «ѣ», но «ѣ» часто заменяется и простым «е». «Е», как правило, в начале слова; очень редко «ѣ».

Характерная особенность рукописи — обилие надстрочных знаков в виде ударений и придыханий. Ударения часто отражают фонетику живого языка.

Таким образом, путь рукописи может быть представлен в следующем виде. Написанная где-то в Сербии или сербом в каком-то афонском монастыре в XVI в., она в XVII в. попадает в греческий храм святого Георгия, как об этом свидетельствует греческая запись 1679 г., затем переходит в Россию и в 1835 г. становится собственностью А. . . Матвеевича Танинского. В конце XIX—начале XX в. владелец рукописи, чтобы придать ей еще большую ценность, снабжает Евангелие четырьмя поддельными миниатюрами евангелистов, используя для этого бумагу XVII в., покрывает книгу новым переплетом и делает бронзированный обрез. Наконец в 1926 г. рукопись приобретает академиком В. Н. Перетцем, а после смерти его поступает в 1937 г. в ИМЛИ и в 1951 г. — в архив ИРЛИ, в котором она теперь и хранится.

В. Ф. ПОКРОВСКАЯ

Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева

(К вопросу о поправках в рукописных текстах)

К недавно опубликованному перечню рукописного наследия А. И. Сулакадзева, известного своими многочисленными фальсификациями древнерусских рукописных текстов,¹ должна быть добавлена еще одна рукопись. Благодаря доверчивости некоторых исследователей эта рукопись длительное время считалась надежным источником по истории воздухоплавания в России. Мы имеем в виду очень небольшую по объему рукопись, хранящуюся с 1951 г. в Рукописном отделе БАН (шифр: Собрание текущих поступлений, № 637). Она составлена из двух отдельных тетрадочек для записей. Эти тетрадочки — по 6 листов каждая, размером в $\frac{1}{8}$ листа (11 × 17 см) — сшиты вместе таким образом, что соприкасаются их последние листы. В зависимости от того, как повернута рукопись, наверх попадет та или иная тетрадочка, а другая будет лежать внизу, и при этом текст ее окажется перевернутым.

Рукопись является автографом А. И. Сулакадзева. В одну из этих тетрадочек он заносил сведения «О воздушном летании в России с 906 лета по Р. Х.» (заголовок написан на отогнутом последнем листе второй тетради); в другую — примеры «Хождений или путешествий россиян в разные страны света». Сведения эти Сулакадзев черпал по преимуществу из изданий 1770-х—1810-х годов, а иногда сопровождал их ссылками и на ненапечатанные источники.

Так как первая тетрадочка показалась исследователям более интересной, то вся рукопись была названа рукописью «О воздушном летании». Под этим названием она вошла в научный оборот свыше пятидесяти пяти лет тому назад, в 1910 г. была фототипически издана редакцией журнала «Летун», и в этом же году фотокопии с отдельных ее страниц экспонировались на выставке в Мюнхенском музее по истории науки и техники.

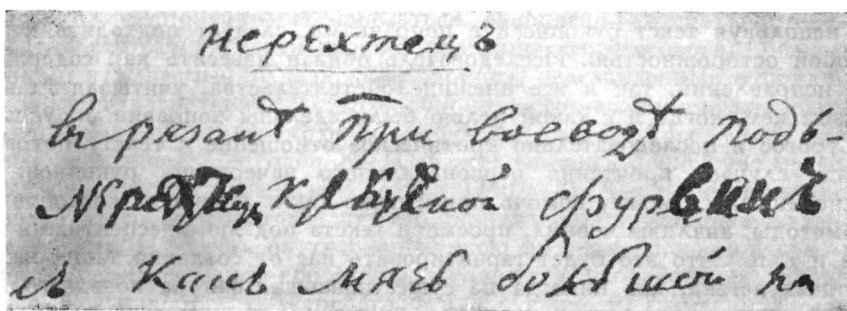
До последнего времени текст рукописи не вызывал критического отношения к себе. В частности считалось, что благодаря Сулакадзеву сохранились вполне достоверные сведения о фактах, устанавливающих приоритет нашей страны в различных отраслях воздухоплавания, — выписки из не обнаруженной до сих пор рукописи «Записки Боголепова».² Между тем в рукописи Сулакадзева как раз на страницах с выписками из «Записок Боголепова» есть поправки в тексте, к которым необходимо внимательно присмотреться.

¹ М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX в. — Проблемы источниковедения, V. М., 1956, стр. 44—101.

² Б. Н. Воробьев. Рукопись А. И. Сулакадзева «О воздушном летании...» как источник историографии по воздухоплаванию. — Труды по истории техники, в. I. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 122—127.

На л. 6 тетрадошки «О воздушном летании» строки 1—4 обычно читаются так: «1731 года в Рязане при воеводе подъячий нерехтец Крякутной фурвин сделал как мяч большой, надул дымом поганым и вонючим...» Комментируется этот текст как сообщение о первой попытке устройства воздушного шара в России (с несколько загадочной этимологией слова «фурвин»). Интерес к довольно подробно описанному здесь событию понятен, так как опыты братьев Монгольфье были произведены, как известно, лишь в 1783 г. Тем более досадно, что именно этот текст грубо исправлен рукой самого Сулакадзева.

Под поправкой, сделанной другим пером и более растекающимися маслянистыми чернилами, нам удалось разглядеть первоначально написанные в этом месте слова, имеющие совсем другое значение. Оказывается, что слово «нерехтец» надписано поверх слова «немец», а фамилия «Кря-

Правка А. И. Сулакадзева. Фотоснимок в инфракрасных лучах, с увеличением в 1½ раза.

кутной» покрывает собой слово «кршеной» (т. е. крещеный). Загадочное «фурвин» первоначально было, очевидно, фамилией этого «крещеного немца», но невооруженным глазом прочесть ее было трудно.

Для окончательной расшифровки и для объективного доказательства правильности нашего чтения мы прибегли к способу фотоанализа. Сотрудник Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР Д. П. Эрастов сфотографировал для нас исправленные места текста и сделал несколько отпечатков с большим увеличением. При этом ясно вырисовались буквы, надписанные позднее с нажимом на фоне значительно более бледных штрихов первоначального начертания слов. Стало возможным прочесть под словом «фурвин» фамилию «Фурцель» (возможно, испорченное «Вурцель»). Снимки хранятся вместе с рукописью Сулакадзева в Рукописном отделе БАН.

С какую же целью сделаны в рукописи эти поправки и как расценивать теперь, после их раскрытия, значение рукописи Сулакадзева для истории русского воздухоплавания?

Ответить на этот вопрос довольно легко, стоит только вспомнить всю деятельность Сулакадзева, собиравшего рукописи не столько для себя, сколько для того, чтобы удивить своих современников сенсационным открытием. Действовал он в этом направлении далеко не бескорыстно, а предлагал доверчивым людям купить его подделку.

Наша уверенность в том, что поправки в рукописи «О воздушном летании» сделаны с намеренным искажением фактов, подкрепляется тем, что и в следующей выписке из «Записок Боголепова» о попытке полета на

воздушном змее, которую предпринял в 1745 г. «какой-то карачевец», мы опять видим таким же способом исправленное слово. Под позднейшей поправкой здесь можно прочесть «кавказец». После внесения поправок Сулакадзев сделал на этом листе два заголовка, написав сверху «нерехтец», а в середине листа между строк «карачевец».

Таким образом, Сулакадзев (скорее всего со спекулятивными целями) фальсифицировал свою рукопись, сделав из нее очередную научную сенсацию. Считать поэтому ее сколько-нибудь достоверным источником, конечно, будет невозможно до тех пор, пока не обнаружатся подлинные «Записки Боголепова». Розыски, которые в этом направлении ведутся уже довольно давно, положительных результатов еще не дали.

На примере изложенного нами факта нам хочется поставить вопрос об отношении к поправкам в рукописных текстах, особенно в связи с тем, что в последние годы были случаи некритического отношения к явно фальсифицированным источникам по истории научных открытий.³ Нам кажется, что, используя текст рукописей с поправками, следует подходить к нему с особой осторожностью. Исследователь обязан взвесить как содержание этих исправлений, так и все внешние обстоятельства, учитывая главным образом кем, когда и с какой целью были сделаны поправки в рукописи.

Строгое и последовательно критическое отношение к тексту потребует в ряде случаев прочтения первоначального начертания рукописи. Это трудно, но здесь может помочь применение таких новейших способов, как фотометоды, анализы чернил, просмотр текста под люминесцентными лампами и т. п. Зато это будет гарантировать нас от создания таких необоснованных легенд, как никогда не существовавшая фигура подъячего Крякутного, имя которого попало не только на страницы Большой Советской Энциклопедии (2-е изд., т. 23, стр. 567), но и в школьные учебники.

Рукопись Сулакадзева (ее фототипия) включена в сборник документов и материалов по истории воздухоплавания в России, изданный Центральным государственным военно-историческим архивом СССР совместно с Институтом истории естествознания и техники Академии наук СССР.⁴ Составители сборника — хотя им известно наше чтение и данные фотоанализа, подтверждающие его, — ограничились в этом издании весьма неопределенным примечанием о том, что в «записи за 1731 г., рассказывающей о подъеме рязанского воздухоплателя, имеются некоторые исправления, затрудняющие прочтение части текста, относящейся к лицу, совершившему подъем».

Такая общая, ничего не уточняющая отговорка не избавит специалистов от переосценки документа в связи с новым его прочтением, поскольку перед ними стоит задача большого значения — восстановить первые моменты истории русской авиации.

³ См.: Литературная газета, № 149, 15 декабря 1956 г., «Недобросовестный труд». Письмо в редакцию, подписанное чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц и др.

⁴ Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г. Сборник документов и материалов. Под ред. В. А. Попова. — Материалы по истории воздухоплавания и авиации в СССР. Гос. изд. оборонной промышл., М., 1956, стр. 13—15.

П. Н. БЕРКОВ

**П. Я. Актов, забытый собиратель древнерусских рукописей
и старопечатных книг**

Всякий, кому приходилось заниматься рукописной литературой XVIII в., в особенности сатирической поэзией середины этого столетия, безусловно, знает так называемый «Казанский сборник», озаглавленный в подлиннике «Разные стиходействии».¹ В этом сборнике, составленном, возможно, из устной традиции малограмотным любителем литературы (или переписчиком) не позднее 80-х годов XVIII в., сохранились ценнейшие материалы по истории русской рукописной поэзии 1740-х—1770-х годов. «Казанским» назван этот сборник потому, что он принадлежит библиотеке Казанского университета. Поступил он туда «покупкою от г-жи надворной советницы Актовой».² Вместе со сборником «Разные стиходействии» Казанский университет приобрел у Актовой еще ряд рукописей, а именно: Псалтырь, XVI в.;³ Троишь цветную, XV в.;⁴ Око церковное, XV в.;⁵ Историю о патриархе Никоне, XVIII в.;⁶ Географию, XVII в.;⁷ Сказание о брани с Мамаем, XVIII в.⁸

В процессе работы над своей книгой «Ломоносов и литературная полемика его времени» я заинтересовался «г-жей надворной советницей Актовой», у которой были приобретены такие ценные рукописи, но никаких сведений о ней найти не мог. Только в «Жизни и трудах М. П. Погодина» Н. П. Барсукова, этой bestолковейшей из всех существующих биографий и в то же время сокровищнице всяких неожиданных материалов различного научного достоинства, я обнаружил указания, что Актова не была собирательницей книг, а только распродавала библиотеку своего мужа, но и о нем мне не удалось тогда найти ничего более или менее конкретного. Поэтому в своей книге я вынужден был написать: «О библиофиле Актове нет никаких сведений ни у У. Г. Иваска (Частные библиотеки в России), ни в „Историографии“ В. С. Иконникова. Беглые замечания

¹ Подробнее об этом сборнике см. в моей книге «Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765» (Л., 1936, стр. 114—146 и 305—308).

² А. Н. Афанасьев. Образцы литературной полемики прошлого века. — Библиографические известия, 1859, № 15, стр. 449; А. И. Армеев. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке императорского Казанского университета. СПб., 1882 (далее: Армеев), стр. 194; прим. V А. И. Армеева — опечатка: «Антова» вместо «Актова».

³ Армеев, стр. 158—160 (LXXXVI. № 19947).

⁴ Армеев, стр. 161—161 (LXXXVII. № 19948).

⁵ Армеев, стр. 161—169 (LXXXVIII. № 19949).

⁶ Армеев, стр. 170—171 (LXXXIX. № 19950).

⁷ Армеев, стр. 171—177 (XC. № 19951).

⁸ Армеев, стр. 177 (XCI. № 19952).

о библиотеке Актова см. у Н. П. Барсукова — „Жизнь и труды М. Н. Погодина“, т. VI, стр. 364 и т. VII стр. 175, 246, 247».⁹

Но этот таинственный Актон не переставал интересовать меня; время от времени я все же наткнулся на сведения о нем, и постепенно у меня накопились данные об этом забытом русском библиофиле первой половины XIX в., представляющие, на мой взгляд, интерес и для историков древнерусской литературы, и для историков русской библиографии.

I

Платон Яковлевич Актон, сын священника Воскресенской церкви г. Нерехты бывш. Костромской губернии Иакова Нерехотского, родился 13 ноября 1797 г. Образование он получил в Костромской семинарии, которую окончил в 1816 г. с отличием и аттестатом 1-го разряда. Фамилию Актон он, по-видимому, по тогдашнему семинарскому обычаю получил при поступлении в учебное заведение вместо фамилии — клички своего отца. В том же 1816 г. он был назначен в Макарьевское духовное уездное училище учителем и инспектором.¹⁰ Через 8 лет Актон покинул духовное ведомство и служил некоторое время в Туле, а в 1838 г. переехал в Петербург, где до скоростижной смерти своей, в июне или июле 1842 г., служил столоначальником в департаменте уделов.

П. Я. Актон вынес из семинарии хорошее знание латинского языка и в годы службы в Макарьеве перевел «Краткую римскую историю» Евтропия. Перевод этот, оставшийся в рукописи, находился еще в конце XIX в. в Костромской семинарии, считался «отлично хорошим» и был известен под названием Актонского.

Возможно, что еще в Макарьеве, где бывало в год три ярмарки, а затем уже, точно, в Туле Актон стал собирать библиотеку, состоявшую более чем из 5000 книг, среди которых были и рукописные и старопечатные книги, в том числе и «Островская (Острожская?) славянская библиотека», купленная им в Туле.¹¹

По-видимому, в Петербурге П. Я. Актон был мало известен в кругах тогдашних библиофилов, возможно, что он болел, так как еще при жизни, как мы увидим ниже, предполагал ликвидировать свое собрание.

Первые сведения о библиотеке Актова в печати появились при следующих обстоятельствах.

В №№ 22 и 23 «Литературной газеты» за 1842 г. известный в то время библиограф И. П. Сахаров поместил большую рецензию на незадолго до того появившееся «Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описанию библиотеки графа Ф. А. Толстого и купца И. Н. Царского» П. М. Строева (М., 1841). В этой рецензии, представлявшей первый, относительно полный и связный очерк истории русской (точнее, славяно-русской, т. е. старопечатных книг) библиографии, Сахаров называл и фамилии тогдашних библиофилов.

⁹ П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика. . . , стр. 305.

¹⁰ Это был не Макарьев Нижегородской губернии, а Макарьев на Унже Костромской губернии.

¹¹ Биографические сведения о П. Я. Актове см.: А. А. Титов. Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. По рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева. — Ученые делатели Костромского Вертограда. М., изд. журн. «Библиографические записки», 1892 (далее: Титов, Материалы), стр. 5—6. Биография П. Я. Актова была составлена М. Я. Диевым, родным братом Актова (см.: Русский архив, 1891, ч. II, № 5, стр. 67).

В следующем затем номере «Литературной газеты» в отделе «Смесь» была помещена заметка, по-видимому тоже написанная Сахаровым.

Известие для библиофилов

В разборе нашем книги Павла Михайловича Строева, мы, исчисляя известнейших наших собирателей книг, пропустили почтенное имя г. Актова, который ныне владеет у нас в Петербурге весьма значительным и редким собранием старопечатных и древних книг. Между ними есть такие, которых, как известно, существуют только два или три экземпляра. Не имея возможности в газете нашей напечатать подробный каталог библиотеки г. Актова, мы, однако ж, с удовольствием готовы удовлетворить любопытствующих довольно полным реестром этого замечательного собрания книг, который хранится в редакции. Г. Аков желал бы даже продать всю свою библиотеку или часть ее, и потому желающих приобрести ее просит адресоваться в редакцию Литературной газеты, где они могут получить ближайшие о том сведения.¹²

Менее чем через месяц в той же «Литературной газете» и, по всей вероятности, тот же И. П. Сахаров поместил следующее пространное

Известие для библиоманов

Мы недавно еще писали в нашей Газете о собрании древних, редких 1105 книг, составляющих библиотеку надворного советника Актова. Теперь, к прискорбию нашему, мы должны известить о внезапной кончине этого деятельного и почтенного библиомана русского. Библиотека его теперь продается вся его наследниками. Это настоящая находка для собирателей редких книг. Чтоб ознакомить их несколько с библиотекою г. Актова, мы поместим здесь краткий перечень главнейших сочинений, в ней заключающихся.

I. Рукописи.

а) На пергамене 27, в числе коих на славянском: Евангелие XIV века, Святцы XIV-го в., Слово о полку Игореве, имеющее свойства и вид старинного почерка; на латинском языке молитвенник, присланный папою Львом Карлу Великому, служебник католический XI в., История Юстина XIII в., булла Папская XV в., помянник 1427 г., постановление Базилейского (так! вм. Базельского) собора с надписью 1455 г. и Сенека 1560 г., на армянском толкование апостольских посланий 1189 г. и на французском языке подлинные парижские и орлеанские акты 14: судебные процессы, контракты и другие записи нотариальные 1618—1701 г.; также в подлиннике протокол 1-го лицея в Гамбурге 2-го мая 1797 г. о премиях за сочинение оды на кончину императрицы Екатерины II.

б) На пергамене и бомбидине Евангелие славянское XIV в. с молдавскими надписями.

в) На бумаге 324; в них XV-го века 52 и XVI-го 51, из коих в особенности на славянском языке: аа) 14 экз. Евангелия и других священно-церковных рукописей были иноземные, и б служебных миней Молдавии содержат в себе жизнеописания многих таких греческих святых, кои не упоминаются в России; 66) устав церковный 1401 г., писанный в Цареграде Афанасием, учеником св. Сергия Радонежского, для его монастыря; вв) в подлинниках 16 царских грамот 1656—1701 г., 39 квитанций на платеж в казну денег, 4 отпускные, 2 венецные памяти, 6 других записей XVII века и 34 грамоты 1459—1699 г. в списках, из коих духовная Окинфова 1459 г. и другие многие неизвестны; гг) 17 книг разных неизданных сочинений и переводов в подлинниках.

II. Старопечатные книги 511, а именно:

A. Славянские:

а) Неизвестные библиографам 64, из коих Евангелие XV и Апостол XVI в., принадлежавший молдавскому господарю, и умилятельные молитвы на всяк день Кирилла Мниха Туровского, печат 1631 г.

б) Редкие 170, из коих псалтырь 1575 г., Библия 1581 г., Евангелие 1600 г., Требник Петра Могилы 1646 г. и Апостол издания в Гаге 1717 г., которое велено было уничтожить.

Б. Иностранные древние 277, из коих 1444 г. одна, XV-го в. 46, XVI-го в. 90 и XVII-го века 140. В числе их на пергамене 1506 г. статуты Польши, Пруссии и право Магдебургское.

¹² Известия для библиофилов. — Литературная газета, 1842, 21 июня, № 24, Смесь, стр. 503.

III. Редкие, отличные иностранные 242 издания, собенно in folio maiori путешествия Humboldt (I), Choris, Cassas Labillardiere, Belzoni, собрания рисунков Рубенса, Габбани, де-Винчи (I), живописные виды по предметам натуральной истории, искусств, древностей этрусских (I), греческих, римских и отборные творения классиков. По этому есть много изданий Aldi, Minutii, Stephani, in usum Delphini, Elzevir, Vatican, Bodoni, Barbou, Didot. Более редкие отмечены точными о достоинстве их отзывами иностранных библиографий, с означением при том знаменитых мест и лиц, коим какая книга принадлежала.¹³

Приведя в биографии П. Я. Актова статейку Сахарова, А. А. Титов в примечании прибавил: «Кому перешла библиотека и в каком виде, т. е. частями или полностью, сведений не имеется».¹⁴ Он был прав: в то время в печатных источниках не было данных о судьбе библиотеки Актова, кроме приведенных выше и оставшихся ему неизвестными указаний из книги Артемьева о приобретении части рукописей библиотекой Казанского университета. Но в том же 1892 г., когда вышла в свет книга Титова, и в следующем появились очередные томы «Жизни и трудов М. П. Погодина» Н. П. Барсукова, VI и VII, в которых оказались некоторые сведения о собрании Актова.

Значительную часть этой библиотеки купил граф Строганов, как сообщил об этом Погодину А. И. Кастерин.¹⁵ Библиотекой Актова — возможно по статейкам Сахарова в «Литературной газете» — заинтересовался Погодин. В одном из своих писем к Сахарову он упрекал своего корреспондента: «Когда же я дождусь каталога Актовой. Я кончил бы дело разом. Пришлите», а через несколько строк он снова возвратился к этому предмету: «Да где же каталог Актовой? Пришлите».¹⁶

Сахаров исполнил просьбу Погодина и в сопроводительном письме сообщал: «О цене вдова Актова сказала: менее семи тысяч рублей ассигнациями она не может взять. Книги же смотрел П. М. Строев, и он сказал ей, что такая цена недорого. Правда ли она говорила о П. М. Строеве — не знаю. Теперь у ней торгуют всю библиотеку с латынскими и русскими книгами из Александро-Невской Академии. Вы спрашиваете, что она стоит, и по совести сказать ответ: дорогая цена пять тысяч. Вольному воля. В каталоге означены все книги, какие ей остались после мужа; но она продавала их разным. Что же было продано, то она сказала, что теперь не помнит, а справится и тогда скажет. Вы помните, что из этого каталога купил ваш Строганов».¹⁷

Вопрос о том, видел ли П. М. Строев библиотеку Актовой, заинтересовал Погодина, и он 13 мая 1843 г., как записано в его дневнике, «пригласил Строева обедать в клуб для передачи известий о библиотеке Актова».¹⁸

На этом обрываются доступные мне печатные сведения об актовской библиотеке.¹⁹

II

Помимо печатных, сохранились и рукописные материалы, относящиеся к библиотеке П. Я. Актова. Это хранящееся в Архиве Дирекции ГПБ

¹³ Известие для библиоманов. — Литературная газета, 1842, 19 июля, № 28, Смесь, стр. 587. Перепечатано с пропусками и неточностями у Титова (Титов, Материалы, стр. 6—7).

¹⁴ Титов, Материалы, стр. 7.

¹⁵ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина (далее: Барсуков), т. VI. СПб., 1892, стр. 364.

¹⁶ Барсуков, т. VII, СПб., 1893, стр. 175, примечание.

¹⁷ Барсуков, т. VII, стр. 246.

¹⁸ Барсуков, т. VII, стр. 246—247.

¹⁹ Нет сведений об Актове и в картотеке Б. Л. Модзалевского (ИРЛИ).

дело о покупке в 1838 г. у титулярного советника Актова редких русских книг.²⁰

Из этого дела выясняется следующее. В конце сентября 1838 г. П. Я. Актов предложил Директору императорской Публичной библиотеки (ИПБ) А. Н. Оленину купить у него редкие русские книги. В деле находится список 48 старопечатных книг на 3 листах, разделенный на 3 отдела: I. Книги, не известные библиографам (9); II. Книги, коих нет в библиотеке гр. Толстого (17), и III. Книги старопечатные (22). Описание было сделано на листах с печатным текстом, по-видимому приготовленных для инвентарных книг Публичной библиотеки. Возможно, что Актов устно предложил купить у него книги и этим объясняется отсутствие в деле его письменного предложения. По-видимому, ему даны были из Управления ИПБ готовые листы для заполнения их нужными сведениями по форме.

В соответствии с принятым порядком А. Н. Оленин направил 28 сентября 1838 г. за № 177 библиотекарю статскому советнику [И. А.] Крылову отношение с просьбой дать свое заключение по предложению Актова.

В ответ на это И. А. Крылов почти через месяц, 20 октября 1838 г., представил Оленину донесение, в котором рекомендовал приобрести недостающие в ИПБ книги. На полях этого донесения А. Н. Оленин сделал пометку о своем согласии приобрести перечисленные Крыловым книги.²¹

Очевидно, переговоры с Актовым затянулись, так как только через месяц, 19 ноября 1838 г., А. Н. Оленин предписал казначею Библиотеки С. В. Васильевскому выплатить Актову за купленные у него 23 редкие книги тысячу пятьсот десять рублей в два приема: 800 руб. еще в 1838 г., а остальные 710 — в январе 1839 г.

В ноябре же 1838 г. за № 229 было предписано библиотекарю и кавалеру Крылову принять купленные у Актова 23 книги, «редкие по их изданиям», и «поместить их в отделение старинных книг».

Купленные Библиотекой 23 книги Актова составились из перечисленных им в двух первых отделах. Были приобретены «все неизвестные библиографам книги, числом 9, а именно: 1. Акафисты пречестных, Уневского монастыря, 1683, 8°, пергамен, 30 р.; 2. Апостол, Москва, 1639, лист, сафьян, 95 р.; 3. Апостол, Москва, 1699, лист, сафьян, 70 р.; 4. Библия, Москва, 1766, лист, кожан. с золот. обр., 95 р.; 5. Евангелие, Москва, 1722, лист, сафьян, 55 р.; 6. Евангелие учительное, Москва, 1662, лист, сафьян, 90 р.; 7. Псалтирь следованная, Москва, 1686, лист, кожан. 80 р.; 8. Служебник (литургиарион), Львов, 1637, 4°, кожан. 90 р.; 9. Триодь цветоносный, лист, сафьян, 120». В примечаниях против этого названия сказано: «По шрифту относится к первым и древнейшим изданиям».

Из 17 книг, «коих нет в библиотеке гр. Толстова», не были приобретены: «Камень веры» (М., 1728, 90 руб.), «Мечь духовный» (Киев, 1666, 70 р.) и «Приклады на (1) комплименты» (Москва, 1708, 8°, кожан., 10 р.). Против названий этих книг на полях, возможно, рукою Актова написано «исключить». Может быть, причиной отказа от покупки второй из этих книг было то, что в примечаниях Актовым против нее было написано: «без выхода и 3-х лист.». Впрочем в других случаях подобные дефекты экземпляров не помешали покупке. 14 приобретенных ИПБ

²⁰ Архив ГПБ, 1838, № 6, Дело Управления Императорской публичной библиотеки о покупке для библиотеки книг, бюста И. И. Дмитриева и старинного медного образца.

²¹ См.: И. А. Крылов, Полн. собр. соч., т. III, М., 1946, стр. 380 и 593. Ср.: С. М. Бабинцев. И. А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности. М., 1955, стр. 55.

у Актова книг второй группы следующие: «10. Алфавит духовный, Киев, 1713, 8°, кожан., 20 р.; 11. Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие Иоанна Богослова, Москва, 1665, лист, сафьян, 90 р.; 12. Вертоград душевный, Вильно, 1620, 4, сафьян, 30 р.; 13. Известие в недоуменных случаях иерею, Москва, 1705, 8°, сафьян, 15 р.; 14. Камень веры, Москва, 1728, лист, кожан., 90 р.; 15. Минея общая с праздничною, Москва, 1654, лист, сафьян, 75 р., без выхода; 16. Минея общая с праздничною, Москва, 1663, 4°, сафьян, 80 р.; 17. Минея праздничная, Москва, 1651, лист, сафьян, 40 р., неполн. экз.; 18. Мечь духовный, Киев, 1666, лист, сафьян, 70 р.; 19. Маргарит и житие Иоанна Златоуста, Москва, 1698, лист, кожан., 85 р.; 20. Полуустав с псалтирью, часовник, месяцеслов, молитвами (1), Киев, 1672, 8°, кожан., 60 р.; 21. Триодь четырехдесятница, Москва, 1656, лист, сафьян, 85 р., без 2 лист.; 22. Триодь четырехдесятница, Москва, 1699, лист, сафьян, 70 р.; 23. Часовник, Москва, 1650, 8°, кожан., 30 р.; 24. Чин избрания и рукоположения архиерейского, С.-Петербур., 1721, 4°, кожан., 15 р.; 25. Четыи минеи Декабрь Генварь Февраль, Киев, 1695, лист, сафьян, 90 р. Итого: 1510 р.»

Не были куплены: «27. Библия, Острог., 1581, л., саф., 230 р.; 28. Ветхий завет (с Острогской библии), М., 1663, л., саф., 80 р.; 29. Апостол (с изображением), М., 1655, л., саф., 70 р., без выход.; 30. Апостол и Псалтирь (с изъяснениями), Киев, 1692, 4°, кожан., 40 р., без выход.; 31. Аввы Дорофея поучения, Киев, 1628, 4°, саф., без 6 лист.; 32. Анфологион (Страдания св. Екатерины, Федора Стратилата и Алексия Бож. ч.), М., 1660, 8°, саф., 45 р.; 34. Богодухновенные книги: Григория Назианзина, Василия Вел. шестоднев, Афонасия Александр. на Ариан и Иоанна Дамаскина Небеса, М., 1665, л., саф., 95 р.; 35. Богородице дево, рифмами, молитвы, Чернигов, 1707, л., саф., 40 р., без выхода и 2 л.; 36. Евангелие напрестольное юсовое, Вильн., 1600, л., саф., 210 р.; 37. Евангелие напрестольное с картинками, Львов, 1636, л., саф., 180 р.; 38. Евангелие Учительное Транквилиона, Рахманов, 1619, л., кож., 85 р., без выхода и 15 лист.; 39. Знамени пришествия Антихрiстова, М., 1703, в 8°, кож., 10 р., без выхода и 1 лист.; 40. Минея служебная, Сентябрь, М., 1636, л., кожан., 45 р., без выход. и 7 лист.; 41. Новый Завет, Евю, 1611, 4°, саф., 125 руб.; 42. Огородок Марии Богородицы, Киев, 1676, л., кож., 65 р.; 43. Патерик Печерский, Киев, 1702, л., кожан., 40 р.; 44. Правильное исповедание веры, Петра Могилы, М., 1696, 4°, саф., 15 р.; 45. Псалтирь рифмотворная, Симеона Полоцкого, М., 1680, л., кож., 45 р.; 46. Триодь цветоносный, Львов, 1642, л., саф., 105 р.; 47. Триодь цветная, М., 1660, л., кож., 40 р., попорчено 15 лист.; 48. Арифметика Магницкого, М., 1703, л., кож., 20 р. Итого 1845 р. + 1580 = 3425 р.»

Как видно из итоговой суммы первых двух групп купленных книг, 1680 руб. — 170 р. = 1510 руб., Актов никакой уступки библиотеке не сделал.

На л. 3 об. перечня книг есть приписка: «Чиновник Плат. Як. Актов жительствоует 1 Адмир. часть 1 кварт. в доме генеральши Нееловой № 12 у Конюшенного моста».

III

То, что известно нам об этом собрании, представляет много загадочного. Откуда могли попасть в Тулу, где в основном составила библиотека Актова, такие редчайшие издания, как гутенберговская «Сивиллина книга» (по-видимому, о ней может идти речь при указании книги 1444 г.),

как 46 инкунабул, как славянское «Евангелие на престольное» XV в.²² и др.? Откуда могли быть у скромного чиновника из поповичей средства на приобретение книг и рукописей в таком большом количестве: Днев указывает, что у Актова в Туле библиотека насчитывала более 5000 томов, Сахаров отметил в своем «Известии для библиоманов» 1105 ценнейших книг. Среди библиофилов первой половины XIX в., большей частью крупных сановников или по крайней мере богатых купцов, как И. Н. Царский, А. И. Кастерин и др., П. Я. Актов представляется странным исключением.

Загадочна и судьба библиотеки Актова. С полной достоверностью мы знаем только о том, что несколько ее рукописей купила библиотека Казанского университета. Из писем Кастерина и Сахарова известно, что большую часть актовского собрания приобрел граф Строганов. Слова Сахарова «ваш Строганов» означают, что речь идет о графе С. Г. Строганове (1797—1882), в то время попечителе московского учебного округа. Однако о составе библиотеки С. Г. Строганова сведений почти не сохранилось.²³ Неизвестно также, купила ли у Актовой что-либо Александроневская академия. По крайней мере в известном «Описании 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание» А. А. Родосского (СПб., 1894) никаких упоминаний о покупках у Актовой не содержится.

Особенно загадочно осторожно-лукавое указание Сахарова на то, что у Актова был список «Слова о полку Игореве», «имеющий свойства и вид старинного почерка». Куда девался этот, несомненно, поддельный экземпляр «Слова»? Что это был за список? Кем он был сфабрикован? — все это еще предстоит выяснить. Конечно, интереснее всего было бы установить, откуда он попал к Актову, но это, вероятно, вопрос, на который и нам, и нашим продолжателям придется ответить словами Дюбуа-Реймона: «Ignoramus et ignorabimus».²⁴

²² В. М. Ундольский. Очерк славяно-русской библиографии. С дополнениями А. Ф. Бычкова и А. Викторова. М., 1871 (далее: Ундольский), столб. 3 (№ 11).

²³ У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России, ч. I. СПб., 1912, стр. 50.

²⁴ Кроме приведенных выше источников, об Актове беглые упоминания имеются у Ундольского (Ундольский, столб. 46, № 353) и у С. А. Венгерова (Источники словаря русских писателей, т. I. СПб., 1900, стр. 30). В «Предварительном списке имен русских деятелей» (Сборник Императорского Русского исторического общества, тт. 60 и 62 [дополнения]) и в «Петербургском некрополе» фамилии Актова нет.

Н. А. БАКЛАНОВА

О составе библиотек московских купцов во второй четверти XVIII в.

Среди вопросов, возникающих при изучении истории русской культуры, немаловажное значение имеет вопрос о читателе, о том, какие интересы руководили им при составлении его библиотеки и каков был состав последней. Тему о русском читателе, и в частности о читателе XVIII в., нельзя считать достаточно разработанной в нашей научной литературе. Она еще ждет своего исследователя. Те отдельные этюды, которыми мы располагаем в настоящее время (имея в виду первую половину XVIII в.), касаются преимущественно состава библиотек людей придворных кругов, научных деятелей, дворянства и высшего духовенства. Предлагаемая статья содержит материалы для характеристики читателя, принадлежащего к составу крупного московского купечества.

После перенесения столицы в Петербург Москва продолжала оставаться экономическим и культурным центром страны. Укрепление связей между отдельными областями, развитие внутреннего обмена, а также усиление торговых отношений России с Востоком и Западной Европой повели к дальнейшему развитию всероссийского рынка. В этом процессе первенствующее значение принадлежало Москве. В нее притекали товары из разных областей государства. Она служила связующим звеном между окраинами страны. В Москве раньше, чем в других городах, складывались крупные капиталы. Московские купцы распространяли свои торговые операции не только на ряд русских городов, таких, как Петербург, Архангельск, Киев, Новгород, Рига и др., но и на заграничные порты, где у некоторых из них имелись свои отделения или агенты.

Капиталы, нажитые удачными сделками, вкладывались в промышленные предприятия (в это время в Москве быстро растет число мануфактур, главным образом текстильных), а также в питейные откупа, привлекавшие к себе владельцев капиталов возможностью легкой наживы: из получаемого «прибора» денег, превышавшего назначенный откупщику оклад, половина поступала в его пользу. Московские компанейщики охотно занимались винными откупами, приносящими большие барыши и способствовавшими быстрому обогащению. Но при неудачных обстоятельствах легко нажитые капиталы терпели крах и имущество откупщика подлежало конфискации.

Одной такой «неудаче», относящейся к 30-м годам XVIII в., мы обязаны составлением описей, послуживших материалом для данной статьи.

В октябре 1738 г. по определению следственной комиссии о питейных компанейщиках было велено описать находящееся в их домах имущество.¹ В связи с этим были составлены описи имущества 14 винных откупщи-

¹ ЦГАДА, ф. 248, Дела Сената по Камер-коллегии, книги 832—839, 842 (Дела следственной комиссии о московских питейных компанейщиках). Указаны нам Е. Н. Кушевой. Описи имущества помещены в книге 833 на лл. 695—813.

ков — представителей «знатного» московского купечества: владельцев мануфактур, купцов первой гильдии. Однако среди них мы не находим членов старых московских купеческих фамилий, известных в XVII в. Все они люди новые, вышедшие или из крестьянской среды или из средних слоев московского посада и сумевшие с течением времени составить себе значительное состояние. Так, Григорий Трофимов, упоминающийся в документах впервые в 1713 г., был в то время крестьянином подмосковного села Тайнинского. На его зажиточность указывает обстоятельство, что он брал крупные подряды на поставку в армию мундиров. Со временем он перебрался в Москву и стал тяглем слободы Малых Лужников у Крымского моста.² Емельян Москин в 1714 г. был также тяглем слободы Малых Лужников, владел солодовым заводом и торговал на Болоте хлебом.³ Андрей Семенов в 1713 г. был торговцем Седельного ряда. Через 30 лет, в 1743 г., он владел шелковой мануфактурой в Москве и числился купцом первой гильдии.⁴ Артемий Иконников в 1715 г. подряжался на поставку провианта в армию. Значительно позднее, в 60-х годах, у него вместе с Кашинцевым была в Москве ситценабивная мануфактура, годовая продукция которой оценивалась в 4700 руб.⁵ Василий Солоников во время составления описи был владельцем бумажной мануфактуры. О Максиме Демидове известно, что в 1747 г. он входил в состав гостиной сотни, жил в Москве, возглавляя семью, в которой числилось, считая сыновей, братьев, племянников и внуков, 9 человек мужского пола; все они жили вместе. Это была, видимо, старозаветная купеческая семья.⁶ Более подробные сведения сохранились об Иване Коротком. Впервые он упоминается в 1710 г. в числе лиц, взявших подряд на поставку сукна для армии. Через три года он был назначен в комиссию «для совещания о торговых делах», а в 1716 г. прибыльщик А. Курбатов рекомендовал Петру I Короткого вместе с другим московским купцом А. Павловым для назначения их правительственными торговыми агентами в Голландию, считая, что они «люди умные и торговцы знатные и летами не старые и иноземцы их имеют за правдивых купцов». Короткий в это время вел торговлю в Архангельске, Петербурге и Москве.⁷ В 1714 г. он в числе других «знатных» купцов был назначен к переселению в Петербург. Однако он не порывал связей со старой столицей. В 1722 г. он завел здесь бумажную фабрику. За Земляным городом, в Новой Басманной слободе, у него был каменный двухэтажный дом. В верхнем этаже находились жилые помещения из четырех комнат, а внизу — чуланы и кладовые, заставленные сундуками и скрынями с домашними вещами и платьем. На дворе в каменных погребах хранились продовольственные запасы. В конюшне стояли две лошади, а в сарае четыре коляски. Во всех помещениях окна и двери были снабжены железными решетками и затворами.⁸

² Доклады и приговоры правительствующего Сената, т. III, кн. 2. СПб., 1888, стр. 495; Материалы для истории московского купечества, т. I. М., 1893, стр. 161 (Переписная книга Москвы 1747 г.).

³ Доклады и приговоры правительствующего Сената, т. IV, кн. 2. СПб., 1891, стр. 963.

⁴ Там же, т. III, кн. 2, стр. 1021; ф. 372, Дела Сысского приказа, № 987.

⁵ Доклады и приговоры правительствующего Сената, т. V, кн. 2. СПб., 1897, стр. 1255; История Москвы, т. II. Период феодализма. XVIII в. М., 1953, стр. 242.

⁶ Материалы для истории московского купечества, т. I, стр. 3 (Переписная книга Москвы 1747 г.).

⁷ Доклады и приговоры правительствующего Сената, т. II, кн. 2. СПб., 1886, стр. 69; т. III, кн. 1, СПб., 1887, стр. 165; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. IV. Изд. «Общественная польза», стр. 202.

⁸ Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, стр. 28; ЦГАДА, ф. 248, Дела Сената по Камер-коллегии, кн. 836, лл. 308—309.

О двух компанейщиках — Иване Веселовском и Михайле Савине — биографических сведений найти не удалось. Об Иване Рыбникове известно лишь, что он был тяглемом Кадашевской слободы. Наконец, у остальных четырех (из общего числа четырнадцати) книг не оказалось, поэтому мы и не будем останавливаться на этих лицах. Во время составления описи в 1738 г. из перечисленных десяти компанейщиков четырех — А. Иконникова, Г. Трофимова, И. Веселовского и И. Короткого — уже не было в живых.

Материалы описи дают возможность судить об обстановке в домах компанейщиков и о составе их имущества. Характер обстановки заметно изменился по сравнению с XVII в. Главным украшением комнат по-прежнему остается «красный угол», увешанный иконами в дорогих ризах. Но кроме них на стенах появляются западноевропейские новинки, чуждые купеческому дому предшествующего столетия: картины и зеркала. Вместо поставцов и лавок мы видим шкафы и стулья, обитые кожей, вместо простых столов — китайские «кабинеты», т. е. бюро или секретеры. У стен стоят в деревянных футлярах часы «с боем». В шкафах много стеклянной, фарфоровой и иной посуды, среди которой обращают на себя внимание «турецкий кофейник», чайники «с конфором»,⁹ чайные чашки с блюдцами. В столовом обиходе полотенца вытесняются салфетками. В перечне гардероба также характерно смешение старорусской одежды с западноевропейской: наряду со старинными шубами и кафтанами упоминаются новомодные камзолы с кисейными и полотняными «калстуками», вязаные чулки, встречаются даже португеза и шпага. В женском туалете телогреи и душегреи перемешиваются с немецкими бостроками, юбками и шлафорами, непременной принадлежностью костюма становится незнакомый для XVII в. корсет. Все реже встречается кокошник — его вытесняет модный «чепец» с лентами.

Такой же характер сосуществования новизны со стариной имеет и состав библиотек компанейщиков. В описях имущества десяти перечисленных компанейщиков помещены и перечни имевшихся у них книг, причем они непосредственно следуют за описью икон: это указывает на то, что они считались большой ценностью. Всего насчитывается в десяти библиотеках 299 книг. Количество их у отдельных владельцев колеблется от 11 до 70.

Книги были духовные и светские, русские и иностранные, печатные и рукописные. При составлении описи обязательно указывалась цена книги, причем учитывалось ее состояние (в отдельных случаях делалась пометка: «ветха»), большею частью указывался формат («в лист», «в четверку», «в осьмушку»). Гораздо хуже обстоит дело с обозначением автора и заглавия. Первые далеко не всегда называются, а вместо точных заглавий часто даются ходовые, привычные в быту, например: «указные книжки», «Шведское замирение» (манифест о заключении мира со Швецией), «Судопрения книга».¹⁰ Особенно неточно, иногда с большими искажениями, описывались книги переводные. Так, например, сочинение Полидора Вергилия Урбинского «Осмь книг о изобретателе вещей. Преведена с латинского на великороссийский язык в Москве и напечатаны...» (1720) названо: «Конфидор Вергилия». Книга Пуффендорфа «О должности человека и гражданина» дана без обозначения автора, а «Летопись»

⁹ «Конфор» — прибор для кипячения воды, состоявший из спиртовой лампочки с таганчиком, — предшественник самовара, который появился лишь в конце XVIII в.

¹⁰ Вероятно книга: Краткое изображение процессов или судебных тяжб против римскоцесарских и саксонских прав, учрежденное от Эрнста Фридриха Кромпейна... СПб., 1712.

Барония дана просто как «Бароний». В одной из описей встречается «Два Вергилия» и т. п. В некоторых случаях вообще невозможно определить, какую книгу имел в виду составитель описи, например: «книга историческая Златое руно» (может быть, история аргонавтов?) или просто: «книжка историческая». Особенно плохо дело обстоит с иностранными книгами. Составитель описи, не зная иностранных языков, обычно называл эти книги просто «немецкими» и «французскими», не обозначая их авторов и заглавий. Таким образом, мы лишены возможности представить себе содержание иностранных книг в библиотеках компанейщиков.

Большая часть книг почти каждой библиотеки состояла из печатных изданий. Из общего числа 299 на долю печатных приходится 258, на долю рукописных — 22; вероятно, к числу последних надо присоединить еще «14 тетрадей нотных больших и малых», относительно которых не указано, были ли они печатными или рукописными. Две «книги простых в переплете» и «книжка простая белая», очевидно, представляли собой тетради из чистой бумаги, предназначенные для записи торговых счетов, подобные тем, которые сохранились от конца XVIII в. Наконец, две книги обозначены в описи настолько неясно, что их нельзя причислить ни к одному из указанных выше разрядов.

Значительную часть печатных книг составляли книги церковные и духовно-нравственного содержания (174): Евангелие, Апостол, Псалтырь, Служебник, Часослов, молитвенники, жития святых, минеи, прологи, Октоих, сочинения отцов церкви, Маргарит, Ирмологий, Вертоград, Камень веры, Летописец Дмитрия Ростовского, Перло многоценное, Руно орошенное, святцы, Триодь, Шестоднев и др. Довольно много из этих книг названо в описи «ветхими». Возможно, что это были остатки библиотек, унаследованных еще от отцов.

Из числа печатных книг 22 приходится на долю книг светского содержания. Сюда относятся: буквари (среди них назван «букварь в лицах» — очевидно букварь, составленный Карионом Истоминым и напечатанный в 1694 г.), грамматики (одна из них «польская»), словари («букварь на три языка», «вокабула немецкая»), два географических атласа («две книги на александрийской бумаге атласы печатные», оцененные в 10 руб.), отдельные петровские указы, в частности «книжка о бродобритии». Встречаются также различные правительственные издания, выходившие отдельными листами, как например «тетради шведского замирения», описание смерти Петра I и др. Непременную часть почти каждой библиотеки составляли книги общеобразовательного характера: «География краткая» и «География генеральная», Синописис, Летопись Барония, «Книга о должности человека и гражданина» Пуффендорфа, «Юности честное зерцало» и, кроме того, календари. Имелась и художественная литература: «Эзоповы притчи», «История Троянская», «История покорения Иерусалима» Иосифа Флавия, «История Варлаама и Иоасафа», произведения Вергилия и др. Все это, как видим, книги, вышедшие преимущественно еще при Петре I. В одной из библиотек была литературная новинка «Езда в остров».¹¹

Из рукописных книг (22) большая часть (14) также приходится на долю духовных. Из светских отметим: Уложение 1649 г., «Книгу письменную судопрения», грамматику, «Зерцало мирозрительное» (книга по астрономии), «Книгу историческую Ягана Альбрехта индейских народов», «Лечебник», «О приступе к Царьграду», «О ведении и наказании». На-

¹¹ «Езда в остров любви». Роман. Перевод с французского В. К. Тредиаковского. СПб., 1730.

конец, по-видимому, к этому же разряду можно присоединить еще «списки с торговых статей». Как видим, бóльшая часть светских книг, имевшихся в библиотеках компанейщиков в рукописном виде, представляет собой копии печатных изданий, в которых была потребность, но которые, очевидно, было трудно достать, поэтому они и переписывались.

При сравнении состава перечисленных библиотек можно заметить некоторые индивидуальные особенности, отражающие вкусы владельцев. Так, у М. Демидова (14 книг) и А. Иконникова (30 книг) библиотеки составлены исключительно из книг духовного содержания. Близко к ним стоят библиотеки Е. Москина, у которого из 45 книг только три приходится на долю светских, и М. Савина, у которого из 22 книг было только две светские. У всех четырех владельцев книги были только русские. Только русские книги были также у А. Семенова (22) и В. Солоникова (30). Но у первого из них встречаем две светские книги: букварь и «Историю Иерусалимскую». У второго количество светских книг значительно больше: мы встречаем у него «Два Вергилия», «Систему магометанской религии, Иосифа Флавия, «Географию краткую», «Устав морской» и «Пять книжек указных». У И. Веселовского при небольшом количестве книг (11) преобладают книги светского содержания: два календаря, лечебник, Иосиф Флавий, а также две брошюры, выпущенные в связи со смертью Петра I. У И. Короткого, имевшего всего 11 книг (из числа их 7 рукописных), встречаем «вокабулу немецкую» и неизвестную «немецкую книгу». Больше всего книг было у Г. Трофимова (44) и И. Рыбинского (70). У первого, кроме уже называвшихся выше книг общеобразовательного характера и художественной литературы, были «букварь трехязычный» и «грамматика греко-словенская», а также «География» и уставы военный и морской. У И. Рыбинского среди светских книг (20) отметим Уложение 1649 г., «Устав вексельный на немецком и русском языке», «Географию генеральную», два атласа, 11 «книг немецких и французских»; у него же был единственный упоминаемый в описях новый западноевропейский роман в русском переводе «Езда на остров любви». Рыбинский был, вероятно, любителем нотного пения, так как в числе его книг находим «нотных больших и малых 14 книг».

Приведенный обзор 10 библиотек московских компанейщиков дает возможность до некоторой степени представить себе фигуру читателя, принадлежащего к высшему слою московского купечества второй четверти XVIII в. Как в быту, так и в своих интеллектуальных запросах он сохранил еще многое из старого «чина», унаследованного им от предшествующего столетия. Основу его библиотеки составляют книги церковного и духовно-нравственного содержания. Но наряду с ними появляется уже и светская литература. Круг интересов московских купцов XVIII в. значительно шире интересов их отцов, живших в XVII в. Некоторые из компанейщиков по своим торговым делам побывали за границей; другие, ведя торговлю в портах или крупных торговых центрах, были тесно связаны с заграничными коммерсантами. Это вызывало необходимость изучать иностранные языки, обращаться к словарям и справочникам. Потребовались знания из области географии. Постепенно компанейщики втягивались в знакомство с книгами общеобразовательного характера: историческими, юридическими, философскими. Наконец, в купеческих библиотеках встречаются, хотя и в небольшом количестве, книги из области художественной литературы. Это — переводные и изданные еще при Петре I басни Эзопа, произведения Вергилия и, кроме того, изданный в 1730 г. на русском языке французский роман «Езда на остров любви». Так, с одной стороны, московские купцы при составлении своих

библиотек исходят не только из узко утилитарных соображений, их занимают и вопросы общеобразовательного характера, с другой — появление книг из области художественной литературы указывает на усиливающийся процесс обмирщения их интересов.

Рассмотренные описи библиотек десяти московских компанейщиков наглядно показывают происходивший в их среде процесс столкновения новых течений со старыми традициями и постепенное внедрение светских элементов в утвержденный и настойчиво охраняемый церковью уклад.

С. Н. ВАЛК

И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой

Вторая половина XVIII в. была отмечена рядом крупнейших изданий исторических документов, которые в значительной мере, как например «Древняя российская вивлиофика», были обязаны инициативе и энергии любителей просвещения, каким был Н. И. Новиков. В среде тогдашней Российской Академии тоже образовался свой кружок «любителей отечественной истории»; среди них был столь известный своим рукописным собранием, погибшим большей частью в московском пожаре 1812 г., гр. А. И. Мусин-Пушкин. Несомненно, что именно ему, как обер-прокурору Синода, принадлежала инициатива издания известного в нашей археографии указа 11 августа 1791 г., которым предписывалось доставить в Синод летописи и другие исторические материалы из монастырей.¹ Благодаря ему же, конечно, получаемый в Синоде материал становился тотчас доступным кружку академических любителей истории. Уже в 1792 г. появляется новое издание Русской Правды. Хотя вопросы ее издания предварительно обсуждались в кружке, однако вся работа по этому изданию является заслугой крупнейшего из наших историков-мыслителей XVIII в. — И. Н. Болтина. По свидетельству другого любителя, написавшего впоследствии свой «Опыт повествования о России», И. П. Елагина, Болтин «един, по отменному знанию Русской истории, к изданию упрощен был и един трудился».²

Издание Болтина было встречено общим признанием. Такой придирчивый к русским авторам критик, как Шлецер, вынужден был признать его появление в свет «отрадным событием», так как «еще никогда не печаталась старая рукопись, при издании и объяснении которой было бы обнаружено столько критического духа и ученого знания отечественных древностей». Это издание положил в основу сделанного им в 1816 г. перевода Русской Правды на немецкий язык Эверс, заявляя, что оно — «vulgata». Э. Тобин в 1844 г. считал, что оно было «в то время безусловно лучшим изданием Правды», и даже Н. Калачов, после работы которого

¹ Некоторые материалы, дающие возможность установить, какие рукописи были тогда получены в Синоде, имеются в деле о возвращении этих рукописей на места (ЦГИАЛ, ф. Канцелярии Синода, № 601), «О возвращении присланных в св. Синод в 1791 г. из епархий и монастырей летописцев в те места, откуда были взяты». Ряд сборников не был тогда возвращен, так как, по объяснению А. И. Мусина-Пушкина, был им «взнесен» Екатерине II (лл. 1—2). По авторитетному же свидетельству министра С. С. Уварова, сборники эти попали в библиотеку самого А. И. Мусина-Пушкина. (И. Маяковский. Исторический очерк архивного дела в России. Пгр., 6 г. стр. 119).

² И. Елагин. Опыт повествования о России, кн. I. М., 1803, стр. 446—447; К. Калайдович. Библиографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей гр. А. И. Мусина-Пушкина. — Записки и труды ОИДР, ч II. М., 1824, стр. 27.

(1846) текст Болтина не мог иметь никакого значения, писал, что оно «еще и теперь имеет цену».³

Действительно, издание Болтина было громадным шагом вперед в деле изучения Русской Правды. Вслед за предисловием оно содержало текст Русской Правды, снабженный обстоятельными комментариями; заключено оно было указателем «всех, находящихся в сей книге материй, также слов и названий древних, из употребления вышедших или в ином смысле употреблявшихся».

Однако текст Русской Правды, оказавший в свое время столь сильное влияние даже на выдающихся наших историков и исследователей, уже со времен Карамзина стал вызывать все более серьезные нападки. Болтин при всей своей начитанности и уме не имел ни малейшего представления о несложных даже правилах филологической критики. В его распоряжении, кроме напечатанных к тому времени краткого Академического и пространного Крестининского списков, оказались, как он сам указывает, еще шесть рукописных списков, полученных в Синоде после издания указа 11 августа 1791 г.

Болтин совсем не поставил перед собой вопроса о соотносительном значении краткого и пространного текстов Русской Правды, не говоря уже о значении каждого из бывших у него в руках разных пространных списков. Для Болтина тексты всех этих редакций и списков послужили однородным сырьем для того, чтобы дать на их основе свое издание текста, которому «должны будут уступить», по его мнению, все ранее изданные. Болтин полагал, что его издание оказалось «в самом существе своем полнее, исправнее, достаточнее всех прочих». Какой ценой и какими приемами это было достигнуто — на этом мы ниже остановимся, а сейчас попытаемся установить, какой список положен был в основу издания Болтиным.

Хотя сам Болтин указывает, что в основу им был положен полученный из Синода пергаменный список, однако уже первый общий заголовок — «Устав великого князя Ярослава Владимировича о судех. Правда Руская. Суд о душегубстве», — а также заголовок следующей статьи — «Суд Ярославлих детей» — ведет нас отнюдь не к бывшему у Болтина пергаменному Пушкинскому списку, а к спискам так называемой Карамзинской редакции. Н. Калачов, который так ценил болтинское издание, привел в вариантах к своему систематическому изданию Русской Правды также и варианты болтинского издания. Это дает возможность без значительного труда установить постоянное совпадение вариантов Карамзинской группы списков Русской Правды с вариантами болтинского издания. После работы В. П. Любимова понятно, почему Болтину именно список Карамзинской редакции должен был показаться наиболее полным и исправным. На основании наблюдений над вариантами калачовского издания мы можем утверждать, что в основу болтинского издания был

³ Правда Русская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха, с приложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших. Изданы любителями отечественной истории. Печатаны в типографии св. правительствующего Синода 1792 г.; второе издание без перемен — 1799 г. (у В. С. Сопикова ошибочно показан 1798 г.); A. L. Schlözer. Nestor. — Russische Annalen. . ., 1802, I Theil, стр. 112 (в русском переводе Языкова: Нестор. СПб., 1809, ч. I, стр. ров. начало отзыва опущено); перевод Эверса помещен в: Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte, herausg. von G. Ewers und M. v. Engelhardt, Bd. I. Dorpat, 1816, стр. 299—322; E. Tobien. Sammlung kritisch bearbeiteten Quellen des Russischen Rechts. Dorpat, 1844, стр. 9; Н. Калачов. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды, в. I, изд. 2-е. СПб., 1880, стр. 4.

положен Воскресенский список Русской Правды. Он не пергаменный, и здесь Болтин допустил ошибку в своих археографических пояснениях. Пергаменный же список, принадлежавший гр. Мусину-Пушкину, оказался совсем не на первом месте у Болтина, а возможно, и вообще не был им использован. Хронограф Воскресенского монастыря, который содержит Воскресенский список Русской Правды, действительно был послан в Синод в 1791 г. и был, несомненно, в руках у Болтина.⁴

В предисловии Болтин излагает приемы своей работы. Болтин отличает свой основной список, которому он следует, от других дополнительных списков. Свой основной список Болтин печатает «церковными буквами» «без всякия перемены не только в словах ниже в одной букве»; там, где в основном списке оказались «упущения в словах, небрежением писца учиненные», имеющих в исправном виде в других списках, он вносил эти слова в текст «без всякого усумнения» и, добавив, без всяких оговорок, что они взяты из другого источника; «отмены в словах и целых речах», обнаруженные им в дополнительных списках, Болтин обещает указывать в примечаниях, но этого не делает; наконец, слова, речи и статьи, переставленные «с места на другое не по приличию» или поврежденные «от переписок», оставлены им в издании без изменения. Таковы заявления самого Болтина. Посмотрим, во что они вылились на деле, помня, что в основе издания лежит пространный Воскресенский список.

Для примера возьмем первую, известную статью Русской Правды о кровной мести. Здесь в перечне мстителей за убитого мы находим в тексте Болтина не встречающегося ни в одном из списков Пространной Правды «сестрина сына», поставленного Болтиным вместо имеющегося во всех пространных списках «братнего сына». Отожествив, несомненно, рядом поставленных в этих списках в качестве мстителей «брату-чадо» и «братнего сына», Болтин устранил это повторение, заменив «братня сына» без всякой оговорки заимствованным из Краткой редакции «сестриным сыном». Также и в перечне разрядов населения, подлежащих сорокагривенной пене, Болтин добавляет из Краткой же редакции «ябетника». В первой половине этой же статьи, устанавливающей, что если «убьет муж мужа» и «не будет кто его мстя, то положити за голову 80 гривен, аще ли будеть княжь муж или тиун княжь», Болтин опускает конец ее, начиная от «аще». И понятно — для него это тавтология: по Болтину, муж это и есть только «княжь муж», следовательно, излишне совсем повторять еще раз, что дело касается именно «княжа мужа». Итак, мы здесь видели и вставку из Краткой редакции, и пропуск существенной части текста; и все это на основе толкования текста Болтиным, и все это ни где и никак не оговорено. Таков характер работы Болтина над своим изданием и в дальнейшем. После этого удивительно не то, что текстом

⁴ Совпадение вариантов всей Карамзинской группы с изданием И. Н. Болтина см у Н. Калачова; Предварительные сведения..., стр. 135, прим. «е», «h», «г», «и»; стр. 137, прим. «г»; стр. 138, прим. «а»; стр. 139, прим. «d»; стр. 143, прим. «с», стр. 144, прим. «b», и т. д. Специфические варианты одного только Воскресенского списка см. там же, стр. 142, прим. «d»; стр. 145, прим. «d»; стр. 151 и др. В указанном деле Синода (№ 601), в реестре книг, полученных из Московской типографской конторы (л. 47 и сл.), находим три рукописи, принадлежащие Троицкой лавре (хронограф; летопись, писанная полууставом, на пергамене, — знаменитая Троицкая летопись, сгоревшая в 1812 г., и еще один летописец), но нет пергаменного Мерила Праведного, включающего Русскую Правду. В то же время в списке рукописей Воскресенского монастыря, помещенном там же (№ 601, л. 61), находим хронограф, в полноту; так как называемый Воскресенский список Русской Правды извлечен Н. Калачовым и другими позднее именно из хронографа Воскресенского монастыря, то вышеуказанные наблюдения находят в этом совпадении свое подтверждение.

Болтина пользовались в первые десятилетия после его издания; удивительно, конечно, то, что в своем составившем эпоху в изучении Русской Правды труде Н. Калачов приводит варианты из болтинского издания наравне с вариантами древних рукописей и что такой знаток Русской Правды в советское время, как Н. А. Максимейко, объясняет особые чтения в издании Болтина так же, как он объясняет варианты и особенности текстов XIII—XVI вв. Думается, что болтинский текст Русской Правды, ценнейший и еще недостаточно использованный для научной биографии Болтина материал, лишен всякого значения как пособие для установления текста Русской Правды.

В своих полемических сочинениях против «дерзкого клеветника и сущего враля» Леклерка и против «сочинителя российской истории» Щербатова, в своих примечаниях к сочиненному Екатериной II «подражанию Шакеспиру» из жизни Рюрика и, наконец, в предисловии и в примечаниях к изданию Русской Правды Болтин имел возможность не раз коснуться вопросов происхождения Русской Правды, ее развития и, наконец, того общественного строя, который нашел в ней свое отражение.

Леклерк, низведший древнюю Россию на ступень варварской страны, а наряду с ним давняя, со времен Байера, варяжская теория вынуждали Болтина с его «национально-оборонительным мышлением», как сказал о нем В. О. Ключевский, к более детальной характеристике этногенеза и общественно-политического строя древней России.

Никто теперь всерьез не станет считаться как с научным фактом ни с устанавливаемой Болтиным классификацией племен, населявших территорию древней России, ни тем более, например, с восстанавливаемым им составом и даже словарем сарматского языка; все эти рассуждения не теряют, однако, для нас своего значения, как факты общественно-политической тенденции в исторических построениях Болтина.

Все пространство теперешней России, как полагает Болтин, «издревле» было занято разными племенами, объединяемыми «общим названием Сармат»; часть их двинулась к северу, и они «превратились в русских». В частности, в пределах Новгорода, где лежит начальный узел варяжского вопроса, руссы «многие веки» «жили прежде, нежели история наша начинается». Лишь под давлением венетов группа новгородских руссов «уклонилась» в сторону варягов, смешалась с ними и стала «варяго-руссами», что создало и сходство русского и варяжского языков.

В наличии этих «варяго-руссов» Болтин видит корень той ошибки, которую сделал Нестор, отождествив вообще варягов с руссами; так здесь в своей точке зрения на Нестора как основоположника варяжской теории Болтин предвосхищает позднейших исследователей.⁵

Славяне затем покорили сармат и заставили их говорить своим языком. Только Рюрик «от рода русского» привел положение к тому, что опять «русский народ стал бысть господствующим, а пришельцы славяне учинились подданными». Борьба этих двух элементов, когда после славянки Ольги славянский язык «в вящшем сделался употреблению между вельмож и людей почетных» и когда его значение было поддержано языком перевода богослужебных книг, кончилась тем, что, как формулирует это Болтин в своих любопытных примечаниях к исторической драме Екатерины, славяне в отношении природы превратились в руссов, а руссы в отношении языка стали славянами, утратив свой сарматский

⁵ Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, изд. 2-е. СПб., 1793, стр. 70—71, 80—82.

язык. А варяги? Во-первых, Рюрик привел с собой лишь «некоторое число вельмож варяжских, а может быть, и малое число войска для охранения своего». Во-вторых, и еще существеннее, варяги «не просвещеннее были русских, они, живучи в соседстве с ними, общие и одинакие имели с ними познания». Итог этот открывает нам путь к изучению взглядов Болтина на Русскую Правду.⁶

С такой точки зрения нечего искать источников Русской Правды ни на Севере, ни на Западе, подобно тому как «бреднями» является желание вывести Рюрика из Швеции или из Пруссии. Найти их можно только единственным путем — путем изучения общественно-политического строя древнейшего населения России. Болтин, быть может не без влияния Вольтера, не желавшего видеть достоверной истории за пределами наличия письменных памятников, сосредоточивает свои рассуждения на эту тему вокруг договоров с греками, а также древнейших летописных данных и данных византийских авторов.

Вопрос о происхождении состава Русской Правды был для Болтина, по сравнению с Татищевым и Шлецером, усложнен теперь наличием пространных списков Русской Правды. Для Болтина не возникло, как мы видели, вопроса о редакциях Русской Правды. Положив в основу своего издания столь отличный от краткого списка материал, как список Карамзинской редакции, Болтин все же шел, насколько это было возможно, за своими предшественниками. Так, Болтин, изображает первые этапы развития Русской Правды, пользуясь Татищевым и Шлецером. Заимствуя у Шлецера его терминологию, Болтин различает прежде всего Ярославовы и Изяславовы законы (напомним, что Татищев говорил о «древнем законе», лишь приписанном Нестором Ярославу, и о «сущем Ярославовом законе»). Последние имеют по сравнению с первыми «великую разницу в слоге и в наречии»; они были составлены вследствие новых «времен и обстоятельств», дословно так, как это излагает Татищев, старшими сыновьями Ярослава и несколькими «вельможами» по приказанию Ярослава. В дальнейшем Болтин должен был идти по самостоятельному пути, так как ни Татищеву, ни Шлецеру не была известна Пространная Правда. Опорным пунктом для него послужило упоминание имени Владимира Всеволодовича в уставе о резах. Пользуясь им, он разделил свое издание Правды на две части: первую — «Устав Ярослава Владимировича» — и вторую — «Устав великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха». Обе части даже внешне различны в издании: первая разделена на параграфы, вторая — на главы. Вся эта работа была проделана Болтиным самостоятельно и послужила отправным пунктом для последующих работ в области изучения Русской Правды вплоть до наших дней.⁷

По Болтину, в древнейшем слое Русской Правды отразился и древнейший быт русских. Древнее русское общество было для Болтина обществом свободных людей, в котором рабами были главным образом одни лишь пленники-иноземцы (из русских рабом мог стать либо должник, либо добровольно себя закабаливший). Если, следуя за, давней, со времен Готмана, литературной традицией, Монтескье утверждал, что свобода

⁶ Ответ генерал-майора Болтина... стр. 83—84; Подражание Шакеспиру. Историческое представление, без сохранения феатральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика. Вновь изданное с примечаниями генерал-майора И. Болтина. СПб., 1792. стр. XII (о том же: Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том истории князя Щербатова. СПб., 1793, стр. 125—127); Примечания на историю древних и нынешних России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. т. II. СПб., 1788, стр. 110.

⁷ Примечания на... Леклерка, т. I, стр. 227—315; Правда Русская..., стр. III—V.

родилась в лесах Германии, то Болтин, действуя своим излюбленным приемом сравнительно-исторических сопоставлений, доказывал тождество древнерусского общественного строя с древнегерманским и древнеримским. Он утверждал, что, подобно древнейшему периоду римской истории, когда римляне делились лишь на два сословия — патрициев и плебеев, или подобно тому же периоду в истории древних германцев, когда они делились на вельмож и на людей (Leute), подобно тому и «народ русской в самой древности разделялся токмо на два сословия — на бояр и людей». «Муж» Русской Правды это и есть боярин (он выделялся из массы свободных «по роду и по богатству»), а «княж муж» — вельможа, т. е. тот же боярин, но близкий к князю: «людином» обозначен в Правде всякий простой свободный и, по своим дворянско-аристократическим взглядам Болтин переводит термин «людской» также «дворянский», «шляхетский». Вся масса древнерусского общества свободных делилась «на многие степени по различию званий и служений», и критерий этого деления на степени наваян Болтину, несомненно, его крепостническими представлениями о характере всякого свободного древнего общества. «Единственное упражнение и промысел свободных» — это военное дело; все другое «считали они для себя низким». Высший слой свободных — это те, кто был занят «единственно приличным» свободному ремеслу и состоял в дружине — княжеской или боярской. Те, кто не мог перенести трудностей военного дела «по слабости телосложения или по недостатку ратоборного духа», однако кто в то же время «всякою работою гнушался, яко упражнением, рабам свойственным», занимались охотой, проводили время «в праздности и пьянстве»; по терминологии Русской Правды — это «огнищане». Ниже стоят те категории свободных, которые, однако, не гнушаются работой. Это прежде всего тот, кто отправляет «должность некоего чиновника домового» при дворе княжеском или боярском, по терминологии Русской Правды — «гридин». А затем та категория свободных, которая не могла пользоваться, с точки зрения крепостников, всеми правами свободных вследствие того, что занималась «упражнением, рабу свойственным», именно — «земледельцы и всякие, упражняющиеся в черной работе». По терминологии Русской Правды — это «смерды», которые «свободны, но презираемы». Наконец, несвободные скрыты в Русской Правде под рядом терминов в зависимости или от функций, ими выполняемых, или же от источника рабства; термины эти «отрок», «рядович», «челядин» и «закуп» (под этим термином скрыт кабальный холоп, хорошо, как полагает Болтин, затем известный по Судебнику 1550 г. и Уложению). Можно думать, что для Болтина торговля, ни «обтовая или воловая», ни «мелочная», не была явлением древнейшего общественного строя. Но уже в эпоху договоров с греками и тем более в эпоху Русской Правды, когда, как мы видели, вопреки обличаемым Болтиным клеветникам, Русь достигла значительных успехов, Болтин, конечно, видит купцов, представителей мелочной торговли и гостей, ведущих оптовую заморскую торговлю; гости даже пользовались «многими правами и преимуществами и считались в людех почетных». Таковы те основные черты общественного строя эпохи Русской Правды, из которых исходит Болтин в своем комментарии.⁸

Нет смысла специально указывать и останавливаться подробно на том, что ряд институтов Русской Правды не мог быть надлежаще понят Болтиным с его социологическими взглядами. Так, например, дикая вира,

⁸ Правда Русская..., см. все упомянутые термины по предметному указателю в конце издания.

по его мнению, является «дикой» потому, что она есть нечто «странное», «удаленное от общего порядка вещей»; «дикой» она была названа именно потому, что противоречила «правилам правды и совести». Точно так же система штрафов с ее градацией для Болтина — «неправосудный закон»; законодатель здесь следовал не «разуму и правосудию», а «одной токмо политике», что подтверждается и ссылкой на Наказ Екатерины II (§ 34), и т. п.

Болтин дал Русскую Правду с переводом и комментарием, стоявшими на уровне достижений всей тогдашней европейской науки. Неудивительно, что у широкого читателя того времени болтинское издание Русской Правды имело успех: в течение семи лет оно выдержало два издания. О его значении в последующей историографии мы уже упоминали.

Г. Ф. НЕФЕДОВ

Неопубликованная статья Ф. Ф. Фортунатова «Язык Остромирова Евангелия»

Первая работа Ф. Ф. Фортунатова, посвященная Остромирову Евангелию, была написана им еще в студенческие годы, в 1867 г. С тех пор Ф. Ф. Фортунатов уже не расставался с Остромировым Евангелием.

В его лекциях по фонетике старославянского языка, которые он читал в Московском университете, широко использован языковой материал Остромирова Евангелия. В сущности они представляли собой развернутые и разработанные положения его первой статьи о языке этого памятника.

В рецензии на статью А. В. Попова «Синтаксические исследования»¹ Фортунатов пользуется Остромировым Евангелием и ставит очень интересный вопрос о том, что перевод отдельных мест Остромирова Евангелия (от Иоанна) соответствует готскому переводу, а не греческому тексту.

В письме к А. А. Шахматову в 1891 г. он выражал сожаление, что не взял с собой на лето на дачу в Листвяны Остромирова Евангелия.²

В 1901 г. Г. А. Ильинский написал письмо Ф. Ф. Фортунатову, в котором он отмечает, что последнее, Саввинковское издание Остромирова Евангелия имеет много неточностей, а потому не может считаться научным, и что по предложению А. А. Шахматова он, Г. А. Ильинский, подготовил новое издание памятника и просит Ф. Ф. Фортунатова взять на себя редактирование его.³ Фортунатов спрашивает в этом же году А. А. Шахматова: «Могу ли я надеяться на точность воспроизведения текста Ильинским? От этого зависит мой ответ».⁴

Издание не состоялось, и судьба текста, подготовленного Ильинским, неизвестна.

В 1908 г. Ф. Ф. Фортунатов напечатал статью «О составе Остромирова Евангелия».⁵ Эта статья, как указывает ее название, носит широкий филологический характер.

В дальнейшем Ф. Ф. Фортунатов занимался вопросом происхождения глаголицы, редактированием изданий памятников, словарей к ним, и, конечно, здесь дело не обходилось без привлечения Остромирова Евангелия.

¹ Записки Академии наук, т. XLIX, 1884.

² Письма Ф. Ф. Фортунатова к А. А. Шахматову. Архив Академии наук СССР, ф. 134.

³ Письма Г. А. Ильинского к Ф. Ф. Фортунатову. Архив Акад. наук СССР, ф. 90.

⁴ Письма Ф. Ф. Фортунатова к А. А. Шахматову. Архив Акад. наук СССР, ф. 134.

⁵ Ф. Ф. Фортунатов. Состав Остромирова Евангелия (Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому, т. II. СПб., 1908).

К сожалению, Ф. Ф. Фортунатов очень мало печатался, поэтому трудно восстановить весь творческий путь его. Но общие контуры намечались довольно четко, и мы видим, что Остромирово Евангелие всегда было важнейшим материалом в его исследованиях.

Статья Ф. Ф. Фортунатова «Язык Остромирова Евангелия» хранится в Архиве АН СССР. Рукопись представляет собой беловой экземпляр с пометой 1867 г. Написана изящным почерком, имеет некоторые более поздние поправки и дополнения, главным образом карандашом, из сербского языка. Поправки и дополнения не все прочитываются.

Размер статьи — $2\frac{1}{2}$ —3 печатных листа.

Статья обещает дать разбор фонетики, словообразования и морфологии, но дает только анализ звуков и то только гласных.

В начале статьи дается подробная справка о Евангелии, которая в основном соответствует предисловию А. Х. Востокова к его изданию памятника, но несколько расширена за счет сравнения его с другими древними евангелиями. Он определяет Евангелие: «Это замечательный памятник в отношении характеристики древнего строя славянского языка» (17); «Остромирово Евангелие поражает нас своим древним характером» (39).

Кроме того, Ф. Ф. Фортунатов обратил внимание на то, что многие особенности языка этого древнего памятника легко объясняются, если учитывать общение древних славян с Римом, т. е. соприкосновение с латинским языком. Он уже в статье «Язык Остромирова Евангелия» указывал, что многие особенности языка Остромирова Евангелия легко объясняются через латинский язык.

На это обращали внимание еще А. Х. Востоков и И. И. Срезневский.⁶ У Ф. Ф. Фортунатова в данном случае не было слепого следования за предшественниками. Хорошее знание латинского языка, как и ряда других, обусловило самостоятельный подход к этому вопросу и свое решение его уже в ранней работе «Язык Остромирова Евангелия», а затем более углубленно он решал его в своих лекциях по фонетике старославянского языка.⁷ В 1895 г. к нему с обстоятельным письмом по этому вопросу обратился В. И. Ламанский.⁸

Основное содержание статьи Ф. Ф. Фортунатова — фонетика Остромирова Евангелия. Не все здесь приемлемо для нас сейчас. Многие давно устарело, и сам же Ф. Ф. Фортунатов отказался от многих из прежних своих положений. Так, происхождение и развитие звуков в языке он объяснил наличием основных звуков (А, I, Y) и образованием остальных путем подъема. Но в своих лекциях по фонетике старославянского языка, которые являлись продолжением и дальнейшей разработкой статьи «Язык Остромирова Евангелия», он уже не говорит об этом. В молодости он был последователем учения А. Шлейхера, в частности это сказалось в разбираемой статье. Но скоро он стал критически относиться к Шлейхеру и к его глоттогоническим построениям.

У Ф. Ф. Фортунатова каждое звуковое явление иллюстрировано многочисленными примерами, которые никогда не теряют своего значения.

Им разобраны звуки старославянского и древнерусского языков: А—О—Е, I—Ы, У—Ъ—Ь, Ъ, Ѧ, Ѧ. Природа каждого звука определена конкретным материалом достаточно убедительно. Кроме примеров из

⁶ Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук, том пятый, в. II. Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. СПб., 1873.

⁷ Ф. Ф. Фортунатов. Лекции по фонетике старославянского языка. Пгр., 1919.

⁸ Архив АН СССР, ф. 90.

Остромирова Евангелия, приводятся примеры из языков: санскрита, литовского, латинского, греческого, готского, а также примеры из других памятников: Супрасльской рукописи, Минеи 1095, 1096 гг., летописей, и данные из русских говоров.

Неудовлетворительное объяснение дано в отношении русского полногласия. Но скоро в своих лекциях по фонетике старославянского языка Ф. Ф. Fortunatov коренным образом изменил это объяснение и дал другое, основанное на законе открытых слогов, которым мы пользуемся и сейчас.

В статье намечился тот путь исследования, который характеризовал всю дальнейшую деятельность Ф. Ф. Fortunatova и послужил основой для создания продуктивной фортунатовской школы в языкознании.

П. Г. БОГАТЫРЕВ

Новые работы по филигранологии

В «Сборнике Исторического института Югославянской академии наук и искусства» (Zbornik Historijskog instituta Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, v. I. Zagreb, 1954, стр. 25—94) помещена статья Владимира Мошина «Filigranologija kao pomoćna historijska nauka» («Филигранология как вспомогательная историческая наука»). Статья В. Мошина написана на основании как новых, так и старых работ по филигранологии. Ряд сведений автор приводит на основании собственных изысканий в архивах, а также из своей переписки с заграничными специалистами в этой области.

В первой главе даются сведения по истории изучения водяных знаков. Обычно историю изучения водяных знаков начинали со статьи 1777 г. von Murr «Versuch einer Nürnbergischen Handwerks-geschichte» («Опыт изучения истории ремесл Нюрнберга»). Но эта статья не является самой ранней из посвященных филигранологии. Согласно последним библиографическим обзорам, уже в начале XVIII в. в Англии, Германии и Франции появляются печатные работы о водяных знаках. Коллекция водяных знаков на 1000 листов старой бумаги, составленная Humphry Wanley уже в 1699 г., хранится в Британском музее. Далее следовали печатные работы по филигранологии. На большое значение изучения водяных знаков указывалось в работе John Lewis о первом английском печатнике Saxton конца XV в., появившейся в 1737 г., и в книге John. Herring «Unvorgreifliche Gedanken», вышедшей в том же году. Двадцать водяных знаков, которые нашел Lewis, были позднее напечатаны Joseph Ames (1749) г. и W. Herbert (1785 г.). В 1741 г. о филигранях пишет Samuel Engel (Швейцария), в 1763 г. — Murray (в Геттингене), в 1772 г. — Rouget в работе о графе Bar sur Seine, и наконец только в 1777 г. появляется указанная статья von Murr.

Большой интерес к изучению водяных знаков, главным образом на основе исследований печатных книг, возникает с середины 90-х годов XVIII в. В. Мошин дает обзор работ о водяных знаках, появившихся в этот период в различных странах: Германии, Англии, Франции, Бельгии, Голландии и Италии. В это время выходит в России после книги И. Лаптева «Опыт в старинной русской дипломатике» (СПб., 1824) труд К. Тромонина «Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге» (М., 1844). Новый подъем в изучении истории бумаги и водяных знаков начинается в конце первой половины XIX в. В. Мошин дает библиографический обзор напечатанных в это время работ в различных странах Европы. Далее приводится обзор работ, появившихся в два последних десятилетия XIX в. и в первые годы XX в. В. Мошин особо выделяет труды Н. П. Лихачева и Ш. Брике. Труды Брике, во многом до сих пор

непревзойденные, высоко оцениваются и ныне европейскими учеными. Свидетельством признания его научных заслуг является сборник «The Briquet Album. A miscellany of Watermarks, supplementing Dr. Briquet's „Les Filigranes“, by various paper Scholars. General editor E. J. Labarre, Hilversum, 1952 («Альбом Брике. Сборник водяных знаков, дополняющих „Les Filigranes“ Брике различными документами. Главный редактор Э. Лабар, Гильверсум, 1952).

В этом альбоме мы находим статьи Armin Renker «Leben und Schicksal des Wasserzeichenforschers Charles-Moïse Briquet» («Жизнь и судьба исследователя водяных знаков Ш. М. Брике») и A. Schulte «C. M. Briquet's Werk und die Aufgaben seiner Nachfolger» («Труд Брике и задачи его преемников»), в которых дается оценка исследованиям Брике. Здесь же в статье H. Alibaux «Methode de travail de C. M. Briquet» («Метод работы Ш. М. Брике») говорится о методе Брике при собирании и систематизации материала. Брике копировал филигранные на переводную бумагу 9,5 × 12 см и клал ее в конверт с обозначением того архива, где водяной знак был скопирован. Более поздние варианты водяных знаков он переносил на карточку самого старого оттиска филигранны. Изображенные рисунки Брике располагал в хронологическом порядке и отмечал на карточках следующие данные: 1) название филигранны; 2) местонахождение филигранны (архив); 3) обозначения документа, где была найдена филигранны; 4) место написания документа; 5) дата написания документа; 6) формат рукописи; 7) описание понтюсо; 8) сигнатура и серия документа.

Большую ценность представляют помещенные в «The Briquet Album» библиографические обзоры литературы по изучению водяных знаков с 1907 до 1952 г. Библиографические обзоры составлены Alibaux, Blaser, Labarre и A. Schulte.

В обзорах указаны 249 работ, посвященных филигранологии. Кроме того, упоминаемая В. Мошиным картотека в Forschungsstelle Papiergeschichte, находящимся в Майнце, содержит больше 3000 названий работ по филигранологии. Уже само количество печатных работ говорит о непрерывном накоплении материала по филигранологии и его систематическом анализе с различных точек зрения. В. Мошин на основании обзора работ по филигранологии, который был составлен Брике (81 работа), а также на основании новых работ до 1953 г. включительно дает библиографический обзор работ по филигранологии, располагая их по тем вопросам, которые были выдвинуты учеными, изучающими водяные знаки. Ценным в первой главе статьи В. Мошина является перечисление крупнейших институтов, занимающихся историей бумаги и больших собраний филигранных в различных странах: Архив Музея Гутенберга, находящийся в городе Майнце и носящий название «Forschungsstelle Papiergeschichte» («Исследовательский институт истории бумаги»); в нем хранится 200 тысяч водяных знаков; затем Институт и Музей Дарда Гунтера в Кембридже в Америке; далее Stiftung zur Erforschung der Papierindustrie in den Niederlanden (Учреждение для исследования бумажной индустрии в Голландии) в Гаарлеме; для развития филигранологии очень важное значение имеет основание The Paper Publications Society (Общество публикаций материалов о бумаге), местонахождение этого общества — город Гильверсум в Голландии. Общество ставит своей задачей опубликование коллекций филигранных и исследований по истории бумаги. Труды этого общества выходят как отдельные тома серии «Monumenta Chartae rarurageae historiam illustrantia» («Памятники, освещающие историю бумаги») и как отдельные работы вне этой серии.

Вышли пять томов «Monumenta». Первый том (1950) — альбом: Е. Неаууд «Watermarks mainly of the 17-th and 18-th Centuries» («Водяные знаки главным образом XVII и XVIII столетий»). Это собрание водяных знаков является трудом типа альбома Ch. M. Briquet «Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparitions vers 1282 jusqu'en 1600 avec 39 figures dans le texte et 16 112 fac-similés de filigranes» (I—IV, Genève, 1907) и содержит 4078 водяных знаков. Альбом Е. Неаууд «Watermarks...» вышел под редакцией Е. J. Labarre. Отметим, что в ГИМе имеется собрание водяных знаков XVII—XVIII вв., составленное профессором В. Н. Щепкиным. Работа над завершением незаконченного труда профессора В. Н. Щепкина ведется ныне сотрудниками ГИМа.

Вторым томом «Monumenta» вышел «The Briquet Album» (1952). Третьим альбомом в серии «Monumenta» был «Zonghi's Watermarks» (со статьями братьев Aurelio и Augusto Zonghi, а также А. F. Gasparinetti), (1953). В этом томе издается альбом одного из виднейших специалистов конца XIX в. в области филигранологии Aurelio Zonghi — епископа итальянского города Фабриан. Город Фабриан во второй половине XIII в. стал крупнейшим центром производства по новому способу бумаги, поставившим Италию на первое место в этой области промышленности. А. Zonghi посвятил много труда изучению водяных знаков бумаги, изготовленной в этом городе. В 1884 г. Zonghi на итальянской выставке в Турине выставил большую коллекцию — 1887 собранных им водяных знаков. Несмотря на то что эта коллекция вызвала большой интерес ученых, средств издать ее не имелось. Только с помощью The Paper Publications Society эта коллекция была издана в 1953 г. В этот альбом вошли и работы исследователя Augusto Zonghi, опубликованные им в 90-х годах прошлого столетия.

Как особое библиофильское издание The Paper Publications Society в 1952 г. выпустило поэму 1693 г. Имбердиса «Papyrus sive Ars conficiendae Papyri» («Папирус или искусство изготовления бумаги»).

В 1954 г. вышел четвертый том «Monumenta» «Opuscula» Briquet, где переизданы все работы этого исследователя, кроме его главного труда «Les Filigranes», и две неопубликованные статьи из его архива.

В 1956 г. вышел пятый том «Monumenta» «Nostitz Papers», в котором опубликованы филигранные этого собрания, главным образом XVII—XVIII вв.

Среди многочисленных журналов, выходящих в Германии, Австрии, Франции, Англии, Швейцарии и Польше, в которых отводится место статьям по филигранологии (названия этих журналов перечислены в 75-м примечании статьи В. Мошина), отметим новый журнал «Papiergeschichte», начавший выходить с 1951 г. и специально посвященный истории бумаги. Журнал «Papiergeschichte» выходит как постоянное приложение к журналу «Papier» под редакцией директора Forschungsstelle Papiergeschichte — сначала Kazmeier, а в настоящее время вдовы немецкого филигранолога А. Schulte — Т. Schulte.

Многие сведения по истории производства бумаги и изучению водяных знаков, помещенные В. Мошиным в первой главе статьи, я привожу в обзоре второй главы его статьи, посвященной истории бумаги на Востоке и Западе.

Вторую главу своей статьи В. Мошин начинает с истории производства бумаги на Востоке. Интересные сведения даются им об изобретении бумаги во втором столетии нашей эры и о дальнейшем развитии производства бумаги в Китае. Сведения эти Мошин приводит на основании

новых исследований европейских и китайских ученых. Отметим здесь новую работу Chien Hsui-Yui «*Studie zur Geschichte des chinesischen Papiers*» («История китайской бумаги»), помещенную в журнале «*Papiergeschichte*» (I, 1951, стр. 35—38; II, 1952, стр. 5—6). В ней приведена литература по истории китайской бумаги. Тайну производства бумаги от китайцев в VII в. узнали корейцы, а 100 лет позднее японцы. Последние ввели новые методы производства бумаги. Из работ, имеющих важное значение для изучения производства японской бумаги, отметим немецкое издание японского сочинения Jibei Kunihiyashi (1798). Немецкое издание книги вышло в 1950 г. в Базеле. Ряд работ подвергает анализу сохранившиеся образцы древнекитайской, арабской, копской и другой бумаги. Приведены интересные сведения о производстве бумаги в Персии и у арабов (VIII в.), о производстве бумаги в Самарканде, Багдаде, Дамаске и других городах Сирии, в Каире и Марокко. В этой главе даются также сведения о производстве бумаги в Америке у ацтеков. На основании прежних и новых исследований В. Мошин сообщает сведения о распространении и производстве бумаги в Европе. Особо отметим сведения о рукописях на бумаге у южных славян.

Интересно указание В. Мошина, что первый водяной знак, как ему сообщил А. Гаспаринетти, найден на датированной бумаге 1271 г. До сих пор первым водяным знаком считали водяной знак на документе 1282 г.

В статье даются сведения по истории бумаги в Италии, во Франции и в Германии. В тесной связи с производством бумаги в Германии развивается ее производство в Швейцарии. Далее мы находим сведения о развитии бумажного производства в Голландии. Сведения эти для нас представляют особый интерес, так как в XVIII в. Россия потребляла в большом количестве именно голландскую бумагу, которая вытесняла у нас другую иноземную бумагу. Англия и Шотландия долго зависели от иностранного экспорта бумаги. В статье В. Мошина дается история производства бумаги в этих странах. Далее упоминаются работы о развитии производства бумаги в Северной Америке, в Испании и Португалии. В Латинской Америке — в Мексике и Аргентине — употреблялась испанская бумага. Затем мы находим сведения по истории производства бумаги в скандинавских странах, в Чехии и Польше. Первую бумажную мельницу в Венгрии основал в 1546 г. поляк Ян Гонтер. Из Трансильвании (город Эрдели) производство перешло в Молдавию. Интересны сведения о распространении производства бумаги в Словении, Хорватии и Сербии.

Обзор истории распространения бумаги в различных странах и истории ее производства там В. Мошин сопровождает описанием характерных форм водяных знаков, употребляемых в каждой стране.

Исследователями истории бумаги были опубликованы и проанализированы древние материалы по истории бумаги, как-то: трактаты известного венского проповедника Abraham a Santa Clara (1644—1709) «*Etwas für Alle*» («Кое-что для всех»; новое издание: Вена—Берлин, 1926); песня 1588 г. об Иоганне Шпильмане, немце, начавшем производить бумагу в Англии (Th. Churchyard с дополнением А. Renker; Zittau, 1941); поэма 1693 г. Имбердиса о производстве бумаги (была издана в 1952 г. The Paper Publications Society с английским переводом, французский перевод этой поэмы вышел в 1899 г., немецкий — в 1944—1945 гг.); обучение мастером по бумажному делу своего сына 1766 г. (G. Ch. Keserstein с комментарием А. Шульте; Stolberg, 1936); «*Die Gebräuche der Papiermacher*» 1798 г. («Обычаи мастеров по бумажному делу»), van Astem

and C°, с дополнением А. Schulte (Stolberg, 1934). Кроме того, подверглись изучению государственные мероприятия, касающиеся водяных знаков и вообще производства бумаги (об этом подробно см. в статье В. Мошина, стр. 34).

Многие работы по истории бумаги посвящают отдельные главы или разделы специально водяным знакам. Кроме того, вышло много работ, целиком посвященных водяным знакам: филигранология как вспомогательная научная дисциплина; роль водяного знака для датирования бумаги, в частности роль водяных знаков для изучения графики: ср., например, работу Jos. Meder «Dürer-Katalog, Handbuch über Dürer's Stiche, Radierungen, Holzschnitte, deren Zustände, Ausgaben und Wasserzeichen» («Каталог произведений Дюрера. Руководство по гравюре, офорту, гравюре по дереву, их состояние, издания, водяные знаки», Вена, 1932) и А. Schulte «Dürer Forschung und Wasserzeichen» («Исследование о Дюрере и водяные знаки», Der Papierfabrikant, 1938, Н. 13, s. 110).

В работах по филигранологии был поднят вопрос о возможном символическом значении в средние века водяных знаков. Гипотеза об этом была высказана пятьдесят лет тому назад Bayley и Kirsch, но была отвергнута Брикe. Теперь она снова была поставлена в работах Weiss, Nikolai, Bockwitz, Renker, Gachet, Kazmeier. Появился ряд работ, рассматривающих водяные знаки с эстетической стороны. В отдельных работах поднят вопрос о необходимости единой международной терминологии в филигранологии, о классификации и каталогизации водяных знаков.

Изучение водяных знаков развивается ныне в трех направлениях: по региональному принципу, по иконографическому признаку и хронологическому признаку. Каждое из этих направлений имеет свой метод. Работы по филигранологии регионального направления тесно связаны с работами по изучению истории производства бумаги в отдельной стране. За последнее время появилось особенно много работ этого направления. В. Мошин довольно подробно останавливается на работах регионального направления в различных странах, дает краткие характеристики этих работ и отмечает отдельные районы в каждой стране, в которых были изучены водяные знаки. Так, им перечислены главнейшие работы по отдельным районам Италии, Франции, Швейцарии и Германии (в последней особенно много работ такого характера), в Австрии, Голландии, Северной Америке, в Испании, Мексике, Португалии, Бразилии, Швеции, Дании, Финляндии; затем работы в Чехии, Польше и в России после выхода трудов Н. П. Лихачева.

Изучение развития производства бумаги в региональном разрезе неотделимо от иконографического изучения водяного знака, так как каждая бумажная фабрика употребляет свои водяные знаки как фабричные марки.

Много работ в настоящее время посвящается также проблеме иконографического изучения водяных знаков. Из отмеченных В. Мошиным работ о водяных знаках, написанных по иконографическому принципу, укажу только те работы, которые вышли за последние годы (указание на более ранние работы см. в статье В. Мошина, стр. 38).

О цифре «четыре» как водяном знаке вышла работа L. Gruel «Recherches sur les origines, des marques anciennes, qui se remontent dans l'art et dans l'industrie du XV-e et XIX-e siècle par rapport au chiffre „Quatre“» («Исследование происхождения старых марок в искусстве и промышленности XV—XIX вв. в виде цифры „четыре“»; Paris—Bruxelles, 1926); об обозначении водяным знаком года выхода бумаги см. работу Hoessle «Jahreszahlen als Wasserzeichen» («Даты года как водяной знак»;

Papier-Zeitung, 1913, стр. 2736/5, 1914/6, 1952); об арлекине — работу этого же автора «Karneval im Verbogenen oder Harlekin im Papier» («Карнавал в филигранях или арлекин на бумаге»; Der Papierfabrikant, 1914, Festheft, стр. 34/9); о монограмме Христос на бумаге иезуитских фабрик — «Das Christus-Monogramm als Wasserzeichen, Jesuitische Papiermühlen, Universitätspapiermacher» («Монограмма Христос как водяной знак, иезуитские бумажные мельницы, мастера бумажного дела при университете»); символике водяных знаков посвящена работа Nicolai «Le symbolisme chrétien dans les filigranes du papier» («Христианская символика в филигранях на бумаге»; Grenoble, 1936), см. также прим. 112 и 135 к статье В. Мошина; о филигранях, обозначающих отдельные предметы — мешок, забор, колбаса и др., вышла работа А. F. Gasparinetti «Über die „Entstellung“ (Bedeutung und Formwandel) von Wasserzeichen» («Об искажении (изменении значения и формы) бумажных знаков; Papiergeschichte, II, 1952, стр. 33—36; The Briquet—Album, стр. 119—121; Papiergeschichte, III); об изображении руки см. работу R. Meldau «Zur сделан Нихалом Ялаза Талуи. Ему же принадлежит небольшая вводная знака»; Gutenberg—Jahrbuch, 1940, стр. 41—50); о голове вола и двойной башне — L. Sporhan-Krempel «Ochsenkopf und Doppelturm» («Голова вола и двойная башня»; Stuttgart, 1953).

В. Мошин полагает, что в дальнейшем исследовании по иконографическому принципу будут приобретать все большее значение. Принимая во внимание постоянное накопление материала, издание больших руководств типа Брике, в котором водяные знаки представлены на протяжении большого периода времени, будет затруднительным. Исследование же водяных знаков по иконографическому признаку даст возможность точного регионального определения различных типов водяных знаков, а также позволит привести большое число вариантов каждого знака. Как региональное изучение водяных знаков, так и рассмотрение их по иконографическому признаку, разумеется, не может производиться вне хронологического рассмотрения.

Особо отметим исследования по истории производства бумаги и о водяных знаках, принадлежащие славянским ученым.

Помимо известной у нас книги об украинских водяных знаках: J. Каманин, О. Вітвіцька. Водяні знаки на папері українських документів (1566—1651). Київ, 1953, В. Мошин отмечает работу В. Сичинского: V. Sičinskij. Papierfabriken in der Ukraina im XVI—XVIII Jahrhundert («Бумажные фабрики на Украине в XVI—XVIII столетиях» Gutenberg—Jahrbuch, 1941, с 6 табл.).

Очень много сделано в области изучения бумажного производства в Чехии и чешских водяных знаков чешским исследователем Ф. Зуманом. См. его книгу: F. Zuman. Výrobní technika papíru, a její vvoj («Техника производства бумаги и развитие этой техники»). Praha, 1937. В этой книге приведены библиографические данные о других его работах. См. также его более позднюю работу: Podkrkonošské papírny (Подкрконошские бумажные мельницы). Rozpravy České Akademie věd a umění, I, 89, Praha, 1940.

В Югославии в 1951 г. вышла книга Z. Kulundžić, «Knjiga o knjizi» («Книга о книге»; Zagreb), в которой приведена библиография югославских работ по истории бумаги и филигранологии (ср. также З. Кулунджич «Папир». Београд, 1947).

Из работ о производстве бумаги в Польше, вышедших за последние годы, отметим статью J. Ptasnik «Frühe Papiermacherei in Polen» («Ранний период производства бумаги в Польше»); Papiergeschichte, III, 1953,

(стр. 62—69). В этой статье приведена литература по истории бумаги. Библиографию польских работ по производству бумаги и по филигранологии см. также в «The Briquet Album» (стр. 60—68).

Третья глава статьи В. Мошина посвящена определению бумаги: ее качеству, формату, сетке и филиграну.

Для датировки бумаги имеют значение состав массы и качество выработки бумаги, формат ее, оттиск сетки, филигрань. Все эти элементы неразрывно связаны между собой, и изменение одного элемента ведет к изменению других; совокупность их необходимо принимать во внимание при определении и классификации бумаги.

Анализ состава массы и качества обработки этой массы особенно важен для определения древней бумаги, когда еще не употребляли водяного знака. Состав массы является для такого рода бумаги единственно надежным средством для ее датировки.

Н. П. Лихачев предполагал, что в Византии, судя по греческим и славянским рукописям, производилась особая бумага (бомбицина). Для проверки предположения Лихачева большой материал дают старинные греческие рукописи святогорских монастырей (на Афоне). К сожалению, как отмечает В. Мошин, эти рукописи не привлекали внимания западных специалистов. Новые интересные сведения дает В. Мошин о бумаге до XIV в., хранящейся в южнославянских архивах. Сведения об эволюции формата бумаги В. Мошин дает по Брикке, так как позднейшие исследования не внесли ничего значительного нового в этот вопрос.

Большое значение для датировки бумаги имеют оттиски понтюссо и вержер, так как эти элементы с течением времени подвергаются значительным изменениям. В. Мошин приводит интересную таблицу измерения вержер по десятилетиям на бумаге XIII—XIV вв. Таблица эта составлена этим исследователем по материалам Исторического института Югославянской академии наук и искусства. Им произведен анализ бумаги от 1280 по 1400 г.

Особый подраздел в рассматриваемой главе посвящен роли водяного знака в определении времени бумаги. Брикке указывал, что в более позднее время водяные знаки служили для обозначения сорта и формата бумаги. Современный исследователь бумаги Гаспаринетти утверждает, что в средние века в Италии водяные знаки не обозначали формат бумаги.

Глава четвертая работы В. Мошина посвящена датировке бумаги при помощи водяного знака. В. Мошин рассматривает классификацию водяных знаков по следующим принципам: по иконографическому, хронологическому, региональному, по памятникам, по формальному алфавитному принципу. Он отмечает достоинства каждого из этих принципов и указывает на их недостатки. Систему Брикке, по мнению В. Мошина, также нельзя считать идеальной, на что указывал и сам Брикке во вступлении к Альбому. Все же В. Мошин считает наиболее удобной эту классификацию и вносит в нее лишь некоторые изменения.

В. Мошин считает необходимым поставить вопрос о создании единой терминологии в филигранологии. Таковой, по его мнению, могла бы быть или латинская или французская.

В. Мошин останавливается и на новых способах копирования водяных знаков. Уже давно водяные знаки стали фотографировать. Новый способ фотографирования водяных знаков применяется с большим успехом известным чешским филигранологом Ф. Зуман. Он копирует водяной знак непосредственно на фотографической бумаге, которую подкладывает под лист рукописи, освещаемый сверху. Иногда все же и теперь приходится прибегать к старым способам копирования водяных знаков: пере-

вод знака при помощи прозрачной бумаги или просто срисовка водяного знака.

Исторический институт Югославянской академии наук и искусства выпустил в свет большой альбом филиграней XIII—XIV вв., в котором представлены водяные знаки из архивов и собраний рукописей, находящихся на территории Югославии. Этот альбом, составленный В. Мошиным и С. Троличем, вышел в начале 1957 г.: V. Mošin et S. Trolič. Les Filigranes des XIII et XIV ss., I—II. Zagreb.

В коллекции водяных знаков имеются новые типы водяных знаков и много вариантов уже известных водяных знаков. В альбоме института представлены все характерные варианты водяных знаков XIII—XIV вв. Помимо водяных знаков, скопированных в югославских архивах, в альбоме помещены репродукции филиграней, напечатанных в других альбомах. В альбоме института помещены также репродукции из коллекций неопубликованных водяных знаков, хранящихся в архиве Брике в Женеве. Авторы нового альбома стремились избавиться от тех ошибок, которые были допущены в классическом труде Брике и которые были отмечены исследователями водяных знаков.

Весьма ценными в статье В. Мошина «Filigranologija...» являются примечания, в которых даны библиографические справки об упоминаемых в статье работах по водяным знакам и по истории бумаги.

Статья В. Мошина заканчивается кратким резюме на французском языке. Она заслуживает быть целиком переведенной на русский язык.¹

¹ В следующем томе ТОДРА мы дадим обзор раздела «Чешская бумага» в книге: A. V. Florovskij. Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X—XVIII století). Národní technický museum. Státní pedagogické nakladatelství, Praha, 1954 (А. В. Ф л о р о в с к и й. Чешско-русские торговые сношения в прошлом (X—XVIII столетия). Национальный технический музей. Государственное педагогическое издательство, Прага, 1954.

А. Х. РАФИКОВ

Турецкий перевод «Жития» протопопа Аввакума

«Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», переведено целиком и в отрывках на многие западноевропейские и восточные языки и по праву давно занимает почетное место среди выдающихся произведений мировой литературы. Переведено «Житие» Аввакума и на турецкий язык. Хотя этот перевод и напечатан свыше десяти лет назад,¹ но он остается до сих пор почти никому не известным. Вот почему мы считаем возможным кратко на нем остановиться.

Перевод «Жития» Аввакума напечатан в Типографии национального воспитания в Стамбуле в 1946 г. в серии «Классики русской литературы». Основой для книги послужило советское издание сочинений протопопа Аввакума, вышедшее в 1934 г. под редакцией Н. К. Гудзия.² Перевод сделан Нихалом Ялаза Талуи. Ему же принадлежит небольшая вводная статья и комментарии отдельных мест «Жития», написанные на основании указанного издания Н. К. Гудзия. В вводной статье автор сообщает основные факты из жизни Аввакума и дает краткую характеристику его как писателя и деятеля старообрядчества. Перевод сделан лишь с редакции А, известной в автографе, варианты двух других редакций переводчиком оставлены в стороне.

Перевести «Житие» («Hayatim») Аввакума на иностранный язык — дело нелегкое: слишком своеобразны и стиль и язык этого произведения. И неслучайно еще Ф. М. Достоевский выразил сомнение в возможности перевода автобиографии Аввакума на чужой язык.³

К чести Н. Я. Талуи надо отметить, что он в целом вполне справился с задачей перевода на турецкий язык этого сложного текста художественного произведения XVII в. Он сумел передать, насколько это позволяли возможности турецкого языка, своеобразие содержания и писательской манеры Аввакума. К тому же перевод сделан правильно, простым языком, вполне доступным для понимания широких кругов турецких читателей. Если говорить о недостатках перевода, то их очень немного и они ни в коем случае не снижают в целом очень хорошего впечатления от работы Н. Я. Талуи.

Эти недостатки относятся главным образом к неточностям передачи географических названий и некоторых русских имен и фамилий. Вот некоторые из них.

¹ Protopop Avvakum. Hayatim. Nihal Yalaza Taluy tarafindan dilimize çevrilmiştir. Istanbul, Milli Egitim Basimevi, 1946, стр. 140.

² Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарии Н. К. Гудзия. Изд. «Academia», М.—Л., 1934, 500 стр.

³ Ф. М. Достоевский. Дневник писателя за 1876 г. — Собрание сочинений, ГИЗ, М., 1929, т. XI, стр. 362.

Аввакум в своей автобиографии сообщает, что он родился в «Нижегородских пределах, за рекою Кудмою». Н. Я. Талуй передает это место так: «на границе Новгорода, за рекою Кудма» («Novgorod sirasinda, Kudma nehri arkasinda»).⁴ Кстати сказать, эта ошибка повторена и в Турецкой энциклопедии,⁵ где Аввакуму посвящена специальная статья и «Житие» его характеризуется следующим образом: «„Житие“ Аввакума среди его произведений является самой известной и первой автобиографией в русской литературе. Аввакум, который говорит, что он любит свой родной русский язык, писал свои произведения русским разговорным языком, отказавшись от славянского, являвшегося в то время в России литературным языком» (перевод наш, — А. Р.).

Русское имя Филипп переведено как Филик («Filik»),⁶ а имя Прокопий переводится Пропопей («Pgororeu»).⁷ Мать Аввакума названа инокиней Мартай (anam Martay'di),⁸ хотя в подлиннике сказано: «мати Мария, инока Марфа».

Имеются случаи неправильной передачи числовых обозначений. У Аввакума: «и всего тридесять лет, как имею священство», а Н. Я. Талуй дает это место так: «моя служба священником составляет двадцать пять лет».

Можно было бы указать еще несколько более мелких неточностей, но они, повторяю, не умаляют достоинства хорошей работы Н. Я. Талуя, положившего своим переводом «Жития» Аввакума начало ознакомлению турецкого читателя с выдающимся произведением древнерусской литературы.

В заключение, пользуясь случаем, хочу выразить большую благодарность дирекции Турецкой национальной библиотеки в Анкаре, очень быстро и любезно откликнувшейся на просьбу Библиотеки Академии наук СССР прислать турецкий перевод «Жития» Аввакума.

⁴ См.: Protopop Avvakum. Hayatim, стр. 13.

⁵ Türk Ansiklopedisi. Cilt IV. Ankara, 1950, стр. 341.

⁶ Protopop Avvakum. Hayatim, стр. 109.

⁷ Там же, стр. 77.

⁸ Там же, стр. 13.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а. Названия учреждений и организаций

- АН СССР — Академия наук СССР.
БАН — Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве.
ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. Горького Академии наук СССР.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР в Москве

б. Названия периодических и номерных изданий

- ВИ — Вопросы истории.
ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИА — Исторический архив.
ИЗ — Исторические записки.
ИЮЛЯ — Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

в. Названия серийных изданий

- ААЭ — Акты, собранные... Археографической экспедицией.
АИ — Акты исторические.
ВМЧ — Великие Минеи четии, изд. Археографической комиссии.
ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
ПДП — Памятники древней письменности.
ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
ПСРА — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.

г. Названия отдельных работ

- Брикe — С. М. Briquet. Les filligranes. Paris, 1907.
 Лихачев, Бум. мельн. — Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Лихачев, Вод. зн. — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 Срезневский, Материалы — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам.
 Тромонин — К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге... М., 1844.

д. Названия летописей

- ГВЛ — Галицко-Волынская летопись.
 Н1Л, Н2Л, Н3Л, Н4Л, Н5Л — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
 ГВЛ — Повесть временных лет.
 П1Л, П2Л, П3Л — Псковские первая, вторая и третья летописи.
 С1Л, С2Л — Софийские первая и вторая летописи.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Приветствие чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц от участников сборника	5
Список печатных трудов чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц	7
И. П. Еремин (Ленинград). Очерк научной деятельности члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц	21
Л. А. Булаховский. (Киев). К лексике «Слова о полку Игореве»	33
Ю. М. Лотман. (Тарту). О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве»	37
Н. В. Шарлемань. (Киев). Заметка к тексту «Растѣкашется мыслію по древу» в «Слове о полку Игореве»	41
Н. А. Мещерский. (Петрозаводск). К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве»	43
К. В. Кудряшов. (Москва). Еще раз к вопросу с пути Игоря в Половецкую степь	49
В. В. Мавродин. (Ленинград). Одно замечание по поводу «мыси» или «мысли» в «Слове о полку Игореве»	61
Д. Н. Альшиц. (Ленинград). Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве»	64
М. В. Щепкина. (Москва). К вопросу о разночтениях Екатерининской копии и первого издания «Слова о полку Игореве»	71
Л. А. Дмитриев. (Ленинград). Факсимильные издания «Слова о полку Игореве»	77
М. П. Алексеев. (Ленинград). Вальтер Скотт и «Слово о полку Игореве»	83
Ф. Я. Прийма. (Ленинград). Р. Ф. Тимковский как исследователь «Слова о полку Игореве»	89
А. П. Могиланский. (Ленинград). Неизвестная заметка Н. Г. Устрялова о «Слове о полку Игореве»	96
Р. О. Якобсон. (Кембридж, Масс.). Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки	102
Е. И. Боброва. (Ленинград). Первые итальянские переводы «Слова о полку Игореве»	122
С. С. Советов. (Ленинград). Образ древнерусского Бояна в интерпретации польских поэтов-романтиков	125
Б. Ст. Ангелов. (София). К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей	132
Н. Я. Половой. (Таганрог). Две ошибки древнейшего русского хрониста	139
Ю. К. Бегунов. (Ленинград). Возможный источник одного из мотивов «Слова о погибели Русской земли»	143
С. Н. Азбелев. (Ленинград). Светская обработка Жития Александра Невского	147
Г. Н. Караев. (Ленинград). Новые данные, разъясняющие указания летописи о месте Ледового побоища	154
В. А. Колобанов. (Владимир). О Серапионе Владимирском как возможном авторе «Поучения к попом»	159
Б. Н. Путилов. (Ленинград). Песня об Авдотье Рязаночке (к истории Рязанского песенного цикла)	163
И. У. Будовниц. (Москва). Идейная основа ранних народных сказаний о татарском иге	169
Б. И. Дубенцов. (Ленинград). «Повесть о Плаве» и «Летописец княжения Тверского»	176
А. В. Соловьев. (Женева). Автор «Задонщины» и его политические идеи	183
В. Л. Виноградова. (Москва). Некоторые замечания о лексике «Задонщины»	198

	Стр.
О. Ф. Коновалова. (Ленинград). К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в.	205
Н. В. Водозов. (Москва). Былина Кириши Данилова о Волхе и древние русско-индийские отношения	212
А. И. Попов. (Ленинград). Новгородская 1-я летопись и немецкая грамота 1331 г.	217
Я. С. Лурье. (Ленинград). Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70-х—первой половине 80-х годов XV в.	219
А. А. Зими́н. (Москва). Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии	229
М. И. Белов. (Ленинград). Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания	234
Н. А. Казакова. (Ленинград). Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в.	241
М. Н. Тихомиров. (Москва). Новый материал об Иване Грозном	247
С. О. Шмидт. (Москва). Заметки о языке посланий Ивана Грозного	256
В. Б. Кобрин. (Москва). Новая царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой	266
Б. В. Сапунов. (Ленинград). Первопечатник Иван Федоров как писатель	268
Е. В. Колосова. (Москва). Новый список Повести о Федоре Ивановиче	272
В. Г. Гейман. (Ленинград). Письмо подьячего В. И. Торокана из осажденного Смоленска в Москву в 1609 г.	275
Р. П. Дмитриева. (Ленинград). К вопросу о месте «Повести некоего боголюбивого мужа» в литературном развитии XVI—XVII вв.	278
А. А. Назаревский. (Киев). Несколько замечаний о «Послании дворянина к дворянину»	284
Н. К. Гудзий. (Москва). К вопросу о составе «Летописной книги», приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому	290
О. А. Державина. (Москва). К проблеме поэтического стиля исторической повести начала XVII в.	298
Л. С. Шептаев. (Ленинград). Заметки о песнях, записанных для Ричарда Джемса	304
М. Д. Каган. (Ленинград). Русская версия 70-х годов XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном	309
М. А. Салмина. (Ленинград). Особая редакция «Сказания о начале Москвы»	316
Л. Н. Пушкарев. (Москва). «Повесть о разуме человеческом»	322
А. Н. Лозанова. (Ленинград). Фольклорные и книжные отклики на войну 1632—1634 гг.	326
Н. А. Дворецкая. (Ленинград). Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в.	330
Пшемислав Зволинский. (Варшава). Неизвестное первое издание «Думы казакой» 1651 г.	335
И. М. Бадалич. (Загреб). Юрий Крижанич — поэт Иллирии	341
А. Л. Гольдберг. (Ленинград). Работа Юрия Крижанича над русской летописью	349
А. А. Мазон. (Париж). «Артаксерово действо» и репертуар пастора Грегори.	355
А. В. Позднеев. (Москва). Песни-акrostихи Германа	364
В. В. Виноградов. (Москва). К изучению стиля протопопа Аввакума, принцип его словоупотребления	371
В. Е. Гусев. (Ленинград). «Житие» протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII в. (Постановка вопроса)	380
Н. С. Сарафанова. (Ленинград). Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума	385
А. Н. Робинсон. (Москва). Аввакум и Епифаний. (К истории общения двух писателей)	391
И. З. Серман. (Ленинград). Протопоп Аввакум в творчестве Н. С. Лескова	404
А. И. Мазунин. (Ленинабад). Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума	408
В. И. Малышев. (Ленинград). Два неизвестных письма протопопа Аввакума.	413
В. С. Бахтин и Д. М. Молдавский. (Ленинград). Старообрядческие народные легенды о начале раскола, о табаке и брадобритии	421
Д. С. Лихачев. (Ленинград). «Стих о жизни патриарших певчих». (Демократическая сатира конца XVII в.)	423
Н. Ф. Дробленкова и Л. С. Шепелева. (Ленинград). Вирши о взятии Азова в 1696 г.	427
В. П. Зубов. (Москва). Литературный памятник итальянского Возрождения в русском переводе конца XVII в.	433
П. Н. Попов. (Киев). Повесть о «крестьянском сыне» — «напрасном тате» по Киевскому списку XVIII столетия	440

	Стр.
С. Ф. Елеонский. (Москва). Повесть о царе Соломоне в фольклорной переработке XVIII в.	444
В. Д. Кузьмина. (Москва). Источник повести о царевне Персике	449
А. И. Белецкий. (Киев). Малоизвестная повесть конца XVII—начала XVIII в. о наказании ангела	453
И. П. Шаскольский. (Ленинград). «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского	457
Н. М. Дылевский. (София). Грамматика Мелетия Смотрицкого у болгар в эпоху их возрождения	461
М. В. Николаева. (Ленинград). Устные сказания «о покинутом сыне» и рукописные повести первой половины XVIII в. (История о Ефродите и Максоне)	474
Н. Н. Розов. (Ленинград). Об одном пародийно-сатирическом сборнике XVIII в.	481
Л. В. Крестова. (Москва). Традиции русской демократической сатиры в журнальной прозе Н. И. Новикова («Трутень», «Живописец»)	486
Г. Н. Моисеева. (Ленинград). Из сатирической литературы XVIII в. Новые списки сатиры на Феодосия Яновского	493
С. А. Щеглова. (Киев). Драма и роман о Калеандре и Неонилде	500
А. М. Астахова. (Ленинград). К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказания о Ерусалне	504
К. В. Чистов. (Петрозаводск). Новая запись песни о Щелкане Дудентьевиче.	510
А. П. Окладников. (Ленинград). «Земля бородатых»	516
В. В. Данилов. (Ленинград). Записи украинских обрядовых песен о туре в Пушкинском фонде ИРЛИ	525
<u>В. И. Чичеров</u> . (Москва). Из истории народных поверий и обрядов («Нечистая сила и Касьян»)	529
В. Я. Проп. (Ленинград). Мотивы любовных повестей в стихотворении А. С. Пушкина «Сон» 1816 г.	535
В. Ф. Ржига. (Москва). Из истории одного литературного сюжета («Повесть о начале Тверского Отроча монастыря» в обработке В. Глинки)	538
Б. М. Эйхенбаум. (Ленинград). Черты летописного стиля в литературе XIX в.	545
Ю. Н. Дмитриев. (Ленинград). О творчестве древнерусского художника	551
М. В. Алпатов. (Москва). Икона «Сретения» из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. (К изучению художественного образа в древнерусской живописи)	557
М. К. Каргер. (Ленинград). К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде	565
В. И. Антонова. (Москва). Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам	569
Н. Н. Воронин. (Москва). Лицевое житие Сергия как источник для оценки строительной деятельности Ермолиных	573
И. Беркович. (Будапешт). Иллюстрации Михаила Зичи к «Слову о полку Игореве»	576
В. И. Борковский. (Москва). Препозитивные придаточные с неизменяемым «что» в древнерусских грамотах	581
Ф. П. Филин. (Ленинград). О древнерусском слове «волмина»	509
А. И. Семенов. (Новгород). О новгородском происхождении современного значения слова «шваль»	595
А. А. Обрембская-Яблоньская. (Варшава). Об источниках польско-русского словаря Кирияка Кондратовича	597
М. В. Бражников. (Ленинград). Неизвестные произведения певца и распевщика XVI в. Федора Христианина	605
Г. И. Лебедев. (Чухлома). Краткие сведения о рукописных и старопечатных книгах Чухломского районного музея Костромской области	608
В. В. Лукьянов. (Ярославль). Рукописные материалы Переславль-Залесского районного краеведческого музея	610
Я. Н. Шапов. (Москва). Археографическая экспедиция в Горьковскую область	613
Е. Э. Гранстрем. (Ленинград). Отрывки славяно-русских пергаменных рукописей в собрании Матенадарана в Ереване	619
С. Я. Наживина. (Куйбышев). Рукописи Иргизского монастыря и Саровской пустыни в собрании Куйбышевской областной библиотеки	624
А. П. Капусткин. (Петрозаводск). Четыре рукописные книги из библиотеки Карельского педагогического института	628
В. К. Петухов. (Ленинград). Сербская рукопись XVI в. (из собрания В. Н. Перетца)	631

	Стр.
В. Ф. Покровская. (Ленинград). Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева. (К вопросу о поправках в рукописных текстах)	634
П. Н. Берков. (Ленинград). П. Я. Актов, забытый собиратель древнерусских рукописей и старопечатных книг	637
Н. А. Бакланова. (Москва). О составе библиотек московских купцов во второй четверти XVIII в.	644
С. Н. Валк. (Ленинград). И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой. . .	650
Г. Ф. Нефедов. Неопубликованная статья Ф. Ф. Fortunatova «Язык Остромирова Евангелия»	657
П. Г. Богатырев. (Москва). Новые работы по филигранологии	660
А. Х. Рафиков. (Ленинград). Турецкий перевод «Жития» протопопа Аввакума	668
Список сокращений	670
